

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

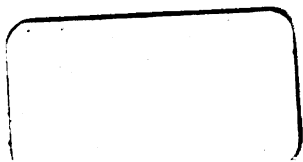
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Cellar

15 B1

19CA

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

ДВАДЦАТЬ-ОСЬМОЙ ГОДЪ.

МАРТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

Digitized by Google
1861.

СОДЕРЖАНІЕ МАРТОВСКОЙ КНИЖКИ:

ВСЕМИЛОСТИВЫЙШИЙ МАНИФЕСТЪ.

- ✓ **ЖИЗНЬ.** *Часть первая.* Заключающая въ себѣ внутреннюю-
семейную жизнь мѣщанъ. **И. Зарубина.** —
- ✓ **БѢДНЫЕ ДВОРЯНЕ.** Романъ въ четырехъ частяхъ. *Часть пер-
вая.* **А. Потьхина.** —
- ЕРМАКЪ.**
- ✓ **ЯДЪ.**
- ОБОРОТНИ.**
- } Сказанія Уральскихъ казаковъ. **И. Же-
лѣзова.** —
- ✓ **О НѢКОТОРЫХЪ СРЕДНЕВѢКОВЫХЪ ОБВИНЕНІЯХЪ ПРО-
ТИВЪ ЕВРЕЕВЪ.** **П. Д. Хвольсона.** —
- ✓ **ЛЮБОВЬ ИЛИ ЭГОИЗМЪ?** (*Продолженіе.*) **Дж. Р.**
- ✓ **СВОИ СОБАКИ ГРЫЗУТСЯ, ЧУЖАЯ НЕ ПРИСТАВАЙ.** (Картина
московской жизни.) **А. Островскаго.** —

ПОЛИТИКА:

- Положеніе Италіи въ послѣднее время.
Брошюра г. де-Лагерроньера.
Греческія дѣла.
Конституція Австрійской имперіи.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

- ✓ **Истинно-счастливый и практической человекъ нашего времени.**
(Историческій разсказъ.) **И. Горскаго.** —
- Опытъ поэмы на призѣдъ начальника губерніи.** **М. Стопа-
новскаго.**
- Мысли, чувства и воззрѣнія статскаго совѣтника Салатупки.**

ПРИЛОЖЕНІЕ:

- ПОХОЖДЕНІЯ ГЕМФРИ КЛИНКЕРА.** Романъ **Споллето**
Переводъ съ англійскаго. (*Окончаніе.*)

БИБЛІОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ПОЛИТИКИ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. О. НИСЕМСКАГО.

ДВАДЦАТЬ-ОСЬМОЙ ГОДЪ.

МАРТЪ.

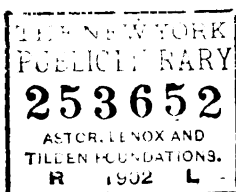
ТОМЪ СТО-ШЕСТДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛЬНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ ценсурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ 1861 года марта 15 дня.

Цензоры: *Ф. Веселого и Ф. Рахманиновъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТО-ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

Всемилюбивѣйшій Манифестъ.

Жизнь. Часть первая. Заключающая въ себѣ внутреннюю семейную жизнь мѣщанъ. II. *Зарубина.*

Вѣдлые дворяне. Романъ въ четырехъ частяхъ. Часть первая. А. *Потльмина.*

Ермакъ.

Ядъ. } Сказанія Уральскихъ козаковъ. I. *Жельзнова.*

Оборотни. }

О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ. II. Д. *Хеольсона.*

Любовь или эгоизмъ? (Окончаніе.) *Дж. Р.*

Свои собаки грызутся, чужая не приставай. (Картина московской жизни.) А. *Островскаго.*

Вѣдлые дворяне. Романъ въ четырехъ частяхъ. Часть вторая. А. *Потльмина.*

Проклятые. Сказанія Уральскихъ козаковъ. I. *Жельзнова.*

Надъ кроватью моею тѣнь грозная. Стих. Е. *Зарина.*

О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ. III. Д. *Хеольсона.*

Китайскіе пираты.

Исторія цивилизаціи въ Англии. Соч. Генриха Томаса Бѣкля. Томъ I. (Статья первая.)

Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Сочиненіе Ѳ. Буслаева.

Лихой человѣкъ.

Исторія Англии. Томъ V. (Сочиненія Маколея, изданіе сестры историка.)

ПОЛИТИКА:

Положеніе Италіи въ послѣднее время.

Врошора г. де-Лагерроньера.

Греческія дѣла.

Конституція Австрійской имперіи.

Данія и нѣмецкія герцогства.

Положеніе Турціи.

Что дѣлается въ Испаніи?

Загѣтки о Германіи.

ФЕЛЬВТОНЪ:

Истинно - счастливый и практической человѣкъ нашего времени. (Историческій разсказъ.) II. *Горскаго.*

Опытъ поэмы на прѣводъ начальника губерніи. *М. Стопановскаго.*
Мысли, чувства и воззрѣнія статскаго совѣтника Салатушки.
С. Петербургскій Великій Постъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Прохожденія Гемфри Клинкера. *Романъ Смоллета.* Переводъ съ англійскаго. (Окончаніе.)

Маркизъ де-Вильмеръ. Романъ въ пяти частяхъ. *Жоржа Занда.*

ЖИЗНЬ.

ЧАСТЬ I.

ЗАКЛЮЧАЮЩАЯ ВЪ СЕБѢ ВНУТРЕНнюю-СЕМЕЙную ЖИЗНЬ МѢЩАНЪ.

X.

СЛУХИ О ДѢЙСТВІАХЪ ПРИБЫВШАГО СТРАННИКА

Въ маленькихъ мѣстечкахъ, и даже городахъ, такъ называемые странники или блаженные, носящіе наименованіе святыхъ, встрѣчаются весьма часто. Особенное усердіе къ этимъ людямъ изъявляютъ молодыя женщины и дѣвицы. Эти странники не возбранно посѣщаютъ всѣ дома, но преимущественно обитаютъ они въ домахъ, гдѣ находятся дѣвицы. Цѣлыя иногда ночи, на пролетѣ, проводятъ они съ ними наединѣ, въ духовныхъ бесѣдахъ. Подобнымъ свиданіямъ, конечно изъ спасительныхъ видовъ, тайно и явно содѣйствуютъ и богобоязливые родители.

Иванъ Порфиръчъ, по какому-то внутреннему предубѣжденію, вообще не любилъ этихъ шарлатановъ; — «какіе это святые!» говорилъ онъ насчетъ неизвѣстныхъ странниковъ и блаженныхъ, «святость доказывается не словами, а дѣлами. Богъ за вѣщаль всѣмъ трудиться, дѣлать добро ближнему, а не шататься, праздно, отъ одного селенія къ другому, да жить на счетъ своего ближняго. Теперь не старое время; проповѣдывать — то нечего: Евангельское-то ученіе проповѣдуется въ храмахъ Божіихъ ежедневно, законными проповѣдниками; ходи только-не лѣнься, да слушай чтó намъ поютъ да читаютъ»...

Наталья Петровна хоть также не слишком ихъ привѣчала, но внутренно не отвергала иногда дѣйствительности ихъ предсказаній. Впрочемъ, въ Гавриловой слободѣ до этой поры водились только одни неизвѣстные странники да блаженные, которые святость свою доказывали особаго рода юродствомъ, или предсказаніями, выражаемыми въ видѣ ужасной чепухи и безмыслицы, которую ловкій коментарій могъ растолковать въ какую угодно сторону; но чудотворцевъ въ этой слободѣ еще не бывало. Носились только вѣрные слухи, что будто бы въ прочихъ мѣстахъ попадаются святыя другого сорта, которые, за какойнибудь двугривенный, произведутъ любое чудо, лишь бы не было по близости грѣшныхъ людей, а то пожалуй и чуда не совершится; о предсказаніяхъ же нечего и толковать: предскажутъ, что только душѣ твоей угодно — точно на лубкѣ обрѣжутъ. Одного только неможно, какъ будто-бы, не доставало, что грѣшному человѣку нельзя было понять изъ этихъ предсказаній ни одного слова: хоть лобъ тресни, ничего не поймешь; ну, а предсказывали-то вѣрно, просто всѣмъ на удивленіе! Для примѣра приведемъ здѣсь одинъ истинный случай.

Однажды эта же самая Матрена Семеновна шла, съ богомолья, пѣшкомъ, да на дорогѣ и повстрѣчалась съ какимъ-то извѣстнымъ ей блаженнымъ. Изъ усердія, разумѣется, остановила его, и завела съ нимъ разговоръ. Слово за слово, наконецъ, склонила она рѣчь къ предсказаніямъ.

— А что, Обрамужко, долго ли я проживу? спросила Матрена Семеновна блаженного.

— Долго, долго, долго, отвѣтилъ Обрамужко, кидая по сторонамъ набранныя щепки и грязь.

— Ну, а мой-то большакъ скоро-ли умретъ? присвожу-нула Матрена Семеновна.

— Скоро, скоро, скоро, отвѣтилъ Обрамужко.

Надобно замѣтить, что Матрена Семеновна съ большакомъ своимъ жила не въ большомъ ладу: онъ былъ у ней горькій пьяница и озорникъ, такъ что зачастую подставлялъ ей подъ оба глаза порядочные фонарики. По этому случаю оба предсказанія Обрамужки ужасно какъ ей понравились. Утѣшенная такими предсказаніями, Матрена Семеновна пожелала узнать: и будущую свою судьбу.

— А что, Обрамужка, скажи-ко мнѣ, счастлива-ли я буду, какъ одна-то оставусь.

— Дуракамъ-ту всегда счастье, такъ и ты будешь счастлива, стѣбуй Обрамужку, не церемонясь.

Матрена Семеновна новеселѣла: въ предсказаніи этомъ она видѣла какіе-то особенные признаки справедливости.

— Да! произнесъ Обрамужко лаконически, протягивая Матрени Семеновнѣ руку, а самъ въ это время сдѣлалъ преотвратительную гримасу.

Матрена Семеновна сколько была ни скупа, однако подала Обрамужкѣ пятакъ.

— А ты не жалѣй! давай больше! закричалъ Обрамужко сердито, и довольно порядочно ударилъ Матрену Семеновну палкой, по боку.

Матрена Семеновна струсилла. Что бы не испортить съ своей стороны сдѣланныхъ ей лестныхъ предсказаній, она трижды перекрестилась, и, въ торопяхъ, предложила Обрамужкѣ цѣлый гривенникъ.

Обрамужко взялъ гривенникъ, поцѣловалъ его со всѣхъ сторонъ, и, въ знакъ благодарности, высунулъ свой языкъ.

— А что, Обрамужко, дома-та у меня благополучно-ли? спросила въ заключеніе всего Матрена Семеновна.

Тутъ Обрамужко запоролъ дичь:

— Вѣтеръ подуетъ, да Волгу вздуетъ; а травка-то присохнетъ да землю покроетъ... Фукъ! фукъ! а на деревцѣ-то сукъ, сукъ... Прутиковъ-ту не ломай, да и коровку-ту не замай... Поди по ветерку, да по огоньку, да по водицѣ...

Матрена Семеновна больше не разслушала ни одного слова, потому что Обрамужко побѣжалъ отъ нея прочь.

Во всю дорогу Матрена Семеновна растолковывала Обрамужкины слова, все добивалась въ нихъ смысла; вытвердила ихъ выкузь изъ слова въ слово, а смыслу все таки не добила. «Вотъ, вѣдь, грѣшница, ничего не поняла, что ни говорилъ», думала про себя Матрена Семеновна, а вѣдь ужь что нибудь онъ предсказалъ...

По приходѣ домой, Матрена Семеновна услышала неприятную повѣсть, что у ней пропала на острову пестренькая телушечка.

— Ну вотъ, оно, такъ и есть! произнесла Матрена Семеновна, всплеснувши отъ удивленія руками;—ужь не даромъ Обра-

Мужь.

мушко-то палкой-ту меня ударилъ: вотъ онъ ударомъ и вышелъ... А предсказалъ-то такъ ужъ вѣрнехонько, просто—въ ротъ положилъ да и только; а я, грѣшница, не поняла.—«Коровку-ту, говорить, не замай»—такъ вотъ оно и аришлось: вотъ тебѣ и коровка! Вѣдь къ веснѣ-то, *вось*, * настоящая бы была коровка. Этакія дѣла какія, батюшки мои! — «вѣтеръ, говорить, подуетъ, да Волгу вздуетъ»—такъ-таки оно вышло: вѣдь островъ—отъ на Волгѣ стоитъ... «Поди, говорить, по вѣтерку, да по огоньку да по водицѣ.» Вотъ оно такъ и есть: какъ вѣтромъ ее унесло, или какъ огнемъ подняло, или, какъ водою замыло, ужъ это все равно... Ну просто въ ротъ положилъ, въ ротъ положилъ, да и только!»

Это чудное предсказаніе Обрамужки, Матрена Семеновна не преминула сообщить всѣмъ своимъ родственникамъ и знакомымъ; для ясности же кой что прибавила и изъ своей головы.

Вновь прибывшій въ Гаврилову слободу странникъ принадлежалъ къ высшему разряду; это ужъ былъ не Обрамужкѣ чета: онъ не ограничивался одними предсказаніями, а творилъ, во очію всѣхъ, ясныя чудеса. Онъ именовалъ себя отцомъ Пафнутіемъ, но кто онъ былъ такой и откуда явился — неизвѣстно. Въ Гавриловой Слободѣ никто не смѣлъ и подумать, чтобы потребовать отъ отца Пафнутія письменнаго вида: такіе странники отъ подобныхъ преслѣдованій вовсе избавляются.

Различные слухи носились насчетъ отца Пафнутія: иные полагали, что онъ прибылъ съ Афонской горы, другіе—съ Синайской, иные—изъ Иерусалима, иные—изъ Кіевскихъ пещеръ; но Паруша и Ориша откуда-то узнали на вѣрняка, что отецъ Пафнутій спустился будто бы съ горы Арарата, изъ подъ самаго Ноева ковчега.

Какъ бы то ни было, но въ святости отца Пафнутія никто не сомнѣвался. Слобожане наперерывъ одинъ передъ другимъ приглашали его къ себѣ, чтобы только получить отъ него благословеніе. Паруша и Ориша просто на мѣстѣ не сидѣли: то суетились около странника, то бѣгали по слободѣ, да проповѣдывали о его святости:—«Ужъ лучше нищему не подавайте» провозглашали всѣмъ Паруша и Ориша; — «а его угодника снабдите; сторицею примете! помяните наше слово... Ужъ лучше въ церковь Божію не ходите, а его угодника примите: вѣдь эта живая святыня ходитъ—бисеръ драгій!... Вонъ онъ,

* *вось* значитъ будущее неопредѣленное время.

угодникъ Божій, молитвы-то какія всѣмъ раздасть, такъ сколько бы на тебѣ ни было грѣховъ, хоть бы ихъ было, яко песокъ иже при мори, и тѣ простятся. Вѣдь ужъ и дѣль-ту, дѣлушка, никакихъ не нужно дѣлать; а только и есть, что возьми да навязи эту молитву себѣ на крестъ,—такъ всѣ грѣхи съ тебя и снимутся; съ мѣста бы не сойти!.. * Слова эти, конечно, не прошли туне, а принесли достойный плодъ. Нѣкоторые изъ слобожанъ, удостоившихся принять къ себѣ отца Пафнутія и получить отъ него благословеніе, гоняли уже отъ своихъ домовъ всѣхъ нищихъ и увѣчныхъ, чуть не по шеѣ. Кто же сподобился добиться отъ святаго отца всеразрѣшающей молитвы, къ тому уже и близко не подходитъ просто рыло разобьетъ. Усордые ревнители благочестія ничего не жалѣли, чтобы только выморщить у отца Пафнутія эту молитву. У другихъ же списывать ее было нельзя:—сила, вишь-ты, пропадетъ. Однако, отецъ Пафнутій, на раздачу этихъ молитвъ былъ какъ-то скупъ, давалъ ихъ не всякому, а по выбору, т. е., тому кто побогачее, и то по усиленной просьбѣ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ отецъ Пафнутій былъ необыкновенно снисходителенъ и послушивъ. Онъ побывалъ напимѣръ, по приглашенію, въ каждомъ домѣ, всѣхъ опривѣтствовалъ, всѣхъ благословилъ; а главное—не гиушался никакимъ приношеніемъ.

— «Всякое даяніе благо» говорилъ онъ обыкновенно, когда принималъ приношенія доброхотныхъ дателей.

Отецъ Пафнутій посѣщалъ и всѣ окрестныя селенія; уходилъ иногда изъ Гавриловой слободы на цѣлый мѣсяцъ, а потомъ опять возвращался. Въ слободу приходили вѣсть за вѣстью о необыкновенныхъ чудесахъ, которыя творилъ отецъ Пафнутій на сторонѣ, т. е. внѣ Гавриловой слободы. То, будто бы, видѣли его молящагося на воздусяхъ, то ходящаго по водамъ, то подъ водою. Говорили, что будтобы, однажды, отецъ Пафнутій въ одну прорубь взошелъ, а въ другую вышелъ, цѣлъ и невредимъ. Чудеса эти творились не тайно, а явно: ихъ видѣли весьма многіе своими глазами, только ни какъ не могли добиться—кто именно видѣлъ? Впрочемъ на одно чудо нашелся таки свидѣтель—отшельнецъ.

Какой—то весьма добродушный и необыкновенно простенькій старичекъ, изъ-за Волги, когда зашла при немъ рѣчь объ отцѣ

* Подобныя молитвы многіе имѣютъ у себя и въ настоящее время, полагая, что при такой молитвѣ можно грѣшить какъ угодно.

Пафнутій, тоже, къ слову, разсказалъ объ одномъ его чудотвореніи, которое старичекъ — разскащикъ сподобился видѣть самъ, своими глазами. Старичекъ этотъ увѣрялъ всѣхъ, что будто бы отецъ Пафнутій, когда былъ въ нѣхъ деревнѣ и гостилъ у дяди Христофора, съ одного присѣста выпилъ вина (водки) чуть не цѣлый штофъ — и «хоть бы въ одномъ глазѣ!»

Добродушный и безхитростный старичекъ, по крайнему своему простосердечію, причислялъ и этотъ подвигъ отца Пафнутія къ необыкновенному чуду. — «Простой человекъ, ребятушки, не выстоялъ бы съ такой пропасти», говорилъ съ умиленіемъ старичекъ; — «съ ногъ бы свалился, родимые; а онъ, кормилецъ, — дай Богъ здоровья, — только покраснѣлся»....

Этотъ простодушный разсказъ старика, смутилъ своею неожиданностію нѣкоторыхъ слушателей, а нѣкоторыхъ привелъ въ соблазнъ: многіе, конечно, услышавъ такое чудо, засмѣялись, — не всѣ же были такъ просты, — а старичекъ, смотря съ довѣрчивостію въ глаза улыбающихся слушателей, подумалъ, что ему не вѣрять.

— «При мнѣ, пріятеля, было, началъ увѣрять старичекъ тутъ не съ слезами; — на свои очи свидѣтеля не потребую. У дяди Христофора, *болѣзные* * мои, и дѣло-то было, хоть его спросите, онъ солгать не дастъ»....

Разсказъ этотъ старичка-самовидца Паруша и Ориша причислили къ явному кощунству, къ демонскому изобрѣтенію; согласно съ этимъ заключеніемъ было и большинство общественнаго мнѣнія. Дошли-ли эти слухи до Бобровыхъ — неизвѣстно; но только слухи о первыхъ чудесахъ сильно расположили Пелагею Петровну въ пользу святаго чудотворца, тѣмъ болѣе, когда она, бывши въ одномъ домѣ вмѣстѣ съ отцомъ Пафнутіемъ, увидѣла на немъ желѣзныя вериги, которыя онъ, съ приличнымъ смиреніемъ, всѣмъ тогда показывалъ. По этому случаю Пелагея Петровна возжелала въ сердцѣ своемъ непременно пригласить къ себѣ святаго отца и послушать его назидательныхъ совѣтовъ; да все не соглашался на это Иванъ Порфирычъ: онъ стоялъ только на одномъ, что «отецъ Пафнутій, по его замѣчанію, человекъ — дрянъ, даже въ нѣкоторомъ отношеніи человекъ вредный; все что про него ни проповѣдуютъ — вздоръ; онъ самъ можетъ быть, это про себя и разглашаетъ»...

* Болѣзный обозначаетъ: сочувствующій, сострадательный, соблаговѣствующій человекъ.

— Ну, смотри, Иванъ Порфирычъ, замѣтила довольно знаменательно Пелагея Петровна: — чтобы не согрѣшить, чтобы Богъ не наказалъ насъ за него; вѣдь ужь что ни говори, а онъ видно-что не простой человѣкъ: смотри-ко чудеса, говорятъ, какія дѣлаетъ.....

— То-то и есть, что все «говорять да говорять», перебилъ Иванъ Порфирычъ; — а видѣть-то никто и не видалъ..... Малоли что говорятъ, — всему и вѣрить? вѣдь и въ Священномъ — ту писаніи сказано, что «не всякому слуху вѣрь».

— Оно такъ, возразила Пелагея Петровна; — вѣдь и я ужь не всему же вѣрю: не простопиля же какаянибудь; да какое дѣло ужь нельзя же и не повѣрить... Поглядѣлъ бы ты, вонъ какія онъ вериги на себѣ носить! Это ужь я своими глазами видѣла — это непересказы. Что ты тутъ ни говори, а простой человѣкъ веригъ носить не станетъ.

— Да вѣдь и я говорю, что онъ не простой человѣкъ, а шутъ, сказалъ шутливо Иванъ Порфирычъ... Вериги!... произность онъ особеннымъ тономъ; — вериги-то видно тебя и смущали.... великое дѣло вериги! пользу, что ли, онъ веригамъ — ту своимъ кому приносить? Для чего онъ ихъ надѣлъ? подумай-ко ты, глупая этакая!...

— Известно дѣло, для изнуренія своей плоти, отвѣтила Пелагея Петровна.

— Такъ изнурялъ бы плоть-ту свою на настоящемъ трудѣ: служилъ бы всѣмъ да работалъ; а вѣдь онъ только слоняется изъ дому въ домъ — шанберки бьетъ. Что если бы мы всё навздѣвали на себя вериги да и пошли бы шманяться какъ и онъ же? — кто бы хлѣба-то намъ припасъ? кто бѣднаго-то да увѣчнаго человѣка обогрѣлъ бы да приголубилъ?..

— Да вѣдь Богъ-отъ о пищѣ-то заботиться не велѣлъ, замѣтила Пелагея Петровна; — «взирайте, говорить, на птицы небесныя».....

— Чего не понимаешь, такъ объ томъ и не толкуй, перебилъ ее Иванъ Порфирычъ; — это сказано было Апостоламъ, что бы они, въ случаѣ нужды, не малодушествовали, что бы заботу о хлѣбѣ не предпочли своему великому назначенію. Малоли что Апостоламъ-ту было сказано — всего намъ нельзя понимать на свой счетъ. Имъ, вонъ, предсказано было и гоненіе, и темницы, и насильственная смерть, — что съ ними и-сбылось; — а намъ сказано: — «въ потѣ лица твоего снеси хлѣбъ твой» «да

если кто не хочет трудиться, тотъ и не вѣшь»: * это вотъ сказано для всѣхъ насъ; а вѣдь онъ—шатунъ, только чужіе труды поядаетъ, да еще обираетъ со всѣхъ деньги... а у него видно къ работѣ-то губа-та не свиститъ — вериги, вишь, надѣль!... Экое дѣло, подумаешь!.. Нѣтъ, вонъ, какъ я третьяго дня перетаскалъ съ Волги на дворъ, на своихъ плечахъ, восемь якорей — одинъ былъ безъ малаго пудовъ десять — а сегодня, вонъ, перекололъ сажени четыре березовыхъ дровъ, да такія, песь ихъ возьми, свилеватые попались, руки всѣ отколотишь — это вотъ, такъ стоитъ веригъ! Да что еще!... какъ посмотришь, вонъ, бурлачинько-святой, надѣнетъ иногда лямку на плечи въ Хвалынѣ, а сниметъ въ Рыбинскомъ. Бьется иногда всю путину въ кровавой пѣнѣ, а выработаетъ только на соль; да онъ же, посмотришь, копѣечку еще подаетъ бѣдному чело-вѣку. Это вотъ такъ настоящіе вериги... А то: — «вериги носить! — вериги носить!»!.....

— Ну да ты, извѣстное дѣло, женѣ-то выговорить не дашь ни одного слова, произнесла, оскорбившись, Пелагея Петровна; — бачажниковъ да пьяницъ какихъ нибудь такъ приглашаешь, а страннаго человѣка и въ домъ принять не хочешь. — «Плутъ, прямъ... У тебя видно всѣ плуты да вѣрно одинъ только ты хорошъ. — Еще не узнаю, родимой, кто передъ Богомъ — ту лучше: ты ли, онъ ли? Вѣдь къ спасенію — ту души путей — ту много положено; всякій идетъ своимъ путемъ. Ты, вотъ, съ большаго — то ума, я думаю, ужъ сколько разъ его обругалъ, ни за что ни про что! а онъ, я думаю, тебя — ниоднажды. Чіо онъ тебѣ сдѣлалъ, что ты его плутомъ — ту ругаешь? съ тобой онъ не знакомъ, дѣлъ у тебя съ нимъ никакихъ не бывало, зла онъ тебѣ никакого не дѣлывалъ, за что же ты его ругаешь?.. Филимоновымъ-ту вѣрнѣе его знать: живетъ у нихъ все время; а вѣдь вмѣстѣ-то жить-всяко случается... да и то вонъ плутомъ-ту не называютъ, а говорятъ, что этакого честнаго, скромнаго да богобоязливаго человѣка едвали гдѣ и встрѣтишь. Не такъ чай, понимаютъ? — не по твоему? дураки, вить, всѣ, одинъ только ты уменъ...

Выслушавшая отъ своей жены подобныя упреки, Иванъ Порфиръчъ немножко сознался и самъ, что онъ дѣйствительно противъ отца Пафнутія не правъ: обругалъ его, какъ говорится, ни за что ни про что; а потому сдѣлалъ Пелагею Петровну малонь-

* Къ Солуняномъ 2-е посл. гл. III ст. 10.

кую уступочку. Замѣтивъ это, Пелагея Петровна стала еще настойчивѣе. Но что бы не наскучить постоянно одинаковыми упреками и не испортить этимъ все дѣло, она выбрала еще другую слабую сторону. Зная, напримѣръ, радушный и пріятливый характеръ своего мужа, Пелагея Петровна принялась упрекать его въ противномъ: что будто бы онъ не приглашаетъ отца Пафнутія единственно изъ одной скупости: — «жаль, видно, куса-та хлѣба, да горячей-ту воды, говорила между прочимъ Пелагея Петровна: — «заплачу, родимый, свои деньги, въ изъять тебя не введу».... Этимъ упрекомъ Иванъ Порфирычъ терпѣть не могъ: онъ страшно не любилъ находиться въ числѣ скупцовъ. Между тѣмъ Пелагея Петровна, упрекая его попеременно то тѣмъ, то другимъ, — хотя и мало соответствующимъ его характеру, но, по наружнымъ обстоятельствамъ, какъ-будто бы нѣсколько подходящимъ къ дѣлу, — успѣла, наконецъ, сбить его съ толку; такъ что онъ, не найдя для себя основательныхъ оправданій, рѣшился пригласить къ себѣ отца Пафнутія, въ слѣдующее же воскресенье вечеромъ.

Впрочемъ Иванъ Порфирычъ, изъ любопытства, можетъ быть и давно бы пригласилъ къ себѣ отца Пафнутія, да опасался, чтобы со стороны не подумали, что и онъ, какъ другіе, почитаютъ его за святаго. Избѣгая подобныхъ подозрѣній, онъ предварительно обошелъ почти всѣхъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, съ каждымъ, будто къ слову, заводилъ рѣчь объ отцѣ Пафнутіи, каждому старался доказать, что въ предсказанія его вѣрить не слѣдуетъ, точно такъ же не слѣдуетъ почитать его за святаго. «Примѣты, ребятунки не тѣ», увѣрялъ всѣхъ Иванъ Порфирычъ; и тутъ же ясно и положительно высказывалъ всѣ примѣты, по которымъ отца Пафнутія нельзя было считать за святаго. Въ заключеніе всего Иванъ Порфирычъ говорилъ, что онъ все таки, изъ любопытства, намѣревается, на дняхъ, пригласить его къ себѣ и поразунать, что это за человѣкъ такой.

ХІ.

Странникъ въ настоящемъ своемъ видѣ.

Въ воскресенье вечеромъ Иванъ Порфирычъ послалъ за отцомъ Пафнутіемъ, который явился по первому же приглашенію. Дѣло было зимой, но отецъ Пафнутій пришелъ босикомъ, и въ тоненькой холодной раскѣ.

Это былъ мужчина лѣтъ въ 35, среднего роста, съ длинными русыми волосами, которые, какъ видно, не безъ тщательности были расчесаны, приглажены и разложены по шлечамъ. Борода красная и густая, лице бѣлое и вовсе не изнуренное; брови густыя—сросшіяся надъ носомъ и нѣсколько нависшіе, изъ подъ которыхъ такъ и блестяли черные, пронзительные глаза. Подобно сказать правду, что въ общемъ выраженіи лица отца Пафнутія, и во всей его манерѣ, было много привлекательнаго. Изъ подъ тоненькой ряски по временамъ выглядывали желѣзные вериги, которые, сверхъ того, немножко еще поукрашивали. Матрена Семеновна не напрасно говорила, что отъ отца Пафнутія несетъ благоуханіемъ; онъ, дѣйствительно, такъ и заразилъ всю атмосферу розовымъ масломъ.

Войдя въ горницу, отецъ Пафнутій съ усердіемъ помолился иконамъ, и, положивъ обѣ руки на сердце, низко поклонился присутствующимъ. При каждомъ поклонѣ, да и въ другое время, онъ не разгибался во всю прамизну, а, изъ скромности, держалъ свой станъ въ наклонномъ положеніи. Пелагея Петровна подошла было, съ нѣкоторою робостію, подъ благословеніе отца Пафнутія, которой и руку было занесъ благословлять, но Иванъ Порфирычъ предупредилъ его своимъ неожиданнымъ вопросомъ.

— Священствуешь отецъ?

— Черноризецъ, по милости Божіей, отвѣтилъ уклончиво отецъ Пафнутій.

— Иеромонахъ? присовокупилъ Иванъ Порфирычъ отрывисто, смотря пристально отцу Пафнутію въ глаза.

Отецъ Пафнутій немножко смѣшался. — «Странствующій» — произнесъ онъ тихимъ голосомъ, потупивъ взоры свои въ землю.

— Я говорю, иеромонахъ, что ли? прибавилъ Иванъ Порфирычъ нѣсколько суровымъ тономъ, такъ что отца Пафнутія видимо взяла оторопь.

— Богъ не сподобилъ, отвѣтилъ, въ торопяхъ, отецъ Пафнутій, совершенно не понимая себя, почему именно онъ будто, бы, подчинился вліанію Ивана Порфирыча, и такъ скоро, безъ боя и безъ драки, высказалъ свою завѣтную тайну.

— Коли не сподобилъ, такъ, братъ, и не суйся, замѣтилъ довольно нецеремонно Иванъ Порфирычъ: — не данною властію не дерзай! Этимъ, братъ, шутить нельзя; такъ-то, пріятель дорогой.....

Отецъ Пафнутій совершенно растерялся. Онъ въ первомъ толъ-

ю демѣ встрѣтилъ себя такой суровой приѣмъ. Не бывъ къ этому предуготовленъ, онъ почувствовалъ себя въ какомъ-то неужкомъ положеніи, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ навѣрняка, что всѣ его дѣйствія и самый разговоръ, можетъ быть, подсматриваютъ и подслушиваютъ его приближенные. Замѣтилъ это смущеніе отца Пафнутія и Иванъ Порфирычъ; однако показалъ видъ, что онъ этого вовсе не замѣчаетъ.

— Садись, отецъ, предложилъ Иванъ Порфирычъ довольно ласково, не давая, повидимому, никакого значенія прежнему разговору.

Отецъ Пафнутій съ величайшею кротостію присѣлъ на стулъ. Целая Петровна сѣла немножко поодаль отъ отца Пафнутія и во всё время почти не пускала съ него глазъ; но въ разговоръ съ нимъ не вступала. Дѣтей въ горницѣ не было: передъ приходомъ отца Пафнутія, Иванъ Порфирычъ выславъ ихъ вонъ, и не велѣлъ никому входить.

— Откуда ты, отецъ? спросилъ Иванъ Порфирычъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Странникъ... отвѣтилъ скромно отецъ Пафнутій:—мы здѣсь всѣ странники, присовокупилъ онъ со вздохомъ.

— Лясы-то, братъ, отецъ, ты мнѣ не строй, перебилъ его Иванъ Порфирычъ:—лясами-то отъ меня не отдѣлаешься; вѣдь я не баба какая ни будь: тебя спрашиваютъ родомъ-ту ты откуда?

Отецъ Пафнутій опять немножко смѣшался и въ торопяхъ наименовалъ какую-то премудрѣйшую страну, въ существованіи коей Иванъ Порфирычъ какъ будто бы усумнился, но явно своего сомнѣнія не выразилъ, потому что мало зналъ географію.

— Что это, губернія что ли? спросилъ Иванъ Порфирычъ.

— Область, отвѣтилъ отецъ Пафнутій.

— «Область»... повторилъ про себя Иванъ Порфирычъ—Да гдѣ же эта область?

— Далече отсюда, отвѣтилъ отецъ Пафнутій.

— Да что ты, братъ, обвиняками-то со мной все говоришь, я вѣдь не о разстояніи тебя спрашиваю, а гдѣ, молъ, область-то эта находится? Около которыхъ, значить, мѣсть?

— Да тамъ-за Питеромъ, отвѣтилъ отецъ Пафнутій, которому, какъ было замѣтно, подобныя подробности не слишкомъ нравились.

— Такъ бы вотъ и говорилъ, а то городить Богъ знаетъ что.... «тамъ» да «далече»... По нашему за Питеромъ, такъ за Питеромъ и говори. За Питеромъ-ту, братъ вѣдь то дѣло, что все чухна живетъ: ты чухонецъ что ли?

Пелагея Петровна въ это время значительно поглядывала на Ивана Порфирыча и въ знакъ своего неудовольствія покачала головой. Названіе «чухонецъ» она считала браннымъ словомъ.

— Нѣтъ, я изъ русскихъ, православныхъ христіанъ, отвѣтилъ отецъ Пафнутій, но положительнаго о себѣ все-таки ничего не сказалъ.

Разсуждая такимъ образомъ, Иванъ Порфирычъ, склонилъ разговоръ на другой предметъ. Онъ спросилъ отца Пафнутія, что бывалъ ли онъ въ Питерѣ.

— Много разъ, отвѣтилъ отецъ Пафнутій, и тутъ же, будто къ слову, рассказалъ, что бывъ третьяго года во Питерѣ въ самое Крещенье, онъ во все время водо-священія стоялъ, будто-бы, по-поясъ въ рѣкѣ Невѣ, босикомъ и въ одной каленкоровой рубашкѣ, которая отъ сильнаго мороза до того затвердѣла, что ломалась; а онъ все-таки остался живъ и невредимъ, и даже не чувствовалъ никакого холода...

— Заврался немножко, отецъ святой,—заврался! перебилъ его Иванъ Профирычъ, слегка потрепавши по плечу;—тамъ, братъ, этакихъ-ту вещей не дѣлаютъ; это здѣсь ты могъ дѣлать, либо въ селѣ какомъ нибудь, а ужъ не въ Питерѣ. Я самъ, братъ, жила въ Питерѣ-то, такъ знаю ужъ тамъ всѣ порядки. А ты въ острогѣ, или въ крѣпости тамъ сиживалъ, отецъ?

— Богъ хранить—не сиживалъ, отвѣтилъ отецъ Пафнутій:—мнѣ эти мѣста незнакомы, прибавилъ онъ съ иронической улыбкой.

— А коли не сиживалъ, такъ, значить, и въ Невѣ въ крещенскій морозъ по-поясъ не станвалъ,—заклучилъ Иванъ Порфирычъ самымъ положительнымъ тономъ, и больше объ этомъ предметѣ не сталъ и разсуждать.

Отецъ Пафнутій видимо уклонялся отъ всякаго подобнаго спора, а потому на это послѣднее замѣчаніе Ивана Порфирыча не сдѣлалъ никакого возраженія, а просто промолчалъ.

Видя, что подобныя замѣчанія отцу Пафнутію крайне не нравятся и ставятъ его въ какое-то затруднительное положеніе, Иванъ Порфирычъ опять склонилъ разговоръ на другой предметъ. Онъ не хотѣлъ сбивать отца Пафнутія на одномъ какомъ нибудь пунк-

тѣ, а старался—было поговорить съ нимъ, хорошенько, обо всѣхъ его дѣйствіяхъ, творимыхъ имъ во имя религіи; да какъ-то у него все круто выходило.

— Отецъ, ты кажется вериги понашиваешь? спросилъ между прочимъ Иванъ Порфирычъ отца Пафнутія, ощупывая у него вериги.

— При помощи Божіей ношу, грѣшный человекъ, отвѣтилъ смиренно отецъ Пафнутій, радуясь внутренно, что Иванъ Порфирычъ замѣтилъ у него вериги.

— Для чего же, отецъ, ты ихъ носишь?

— Для изнуренія грѣшной плоти, отвѣтилъ со вздохомъ и нѣсколько уклончиво отецъ Пафнутій.

— Такъ!... для изнуренія плоти...а плоть-та, братъ, какъ видно, не больно изнуряется, сказалъ шутливо Иванъ Порфирычъ; глѣбъ съ солью, отецъ святой! присовокупилъ онъ, слегка потрепавши отца Пафнутія по плечамъ.

Отецъ Пафнутій и самъ, замѣтно, ослабился, но отвѣта никакого не сдѣлалъ.

Пелагея Петровна тоже усмѣхнулась, и опять значительно покачала на Ивана Порфирыча головой:—«грѣховодникъ ты этакой!» прошептала она про себя.

— Давно ли же, отецъ, ты вериги-то на себя надѣлъ? спросилъ его Иванъ Порфирычъ.

— Да ужъ десять лѣтъ, грѣшный человекъ, ношу, не снималъ.

— Давненько же, отецъ... это дѣло хорошее... Покажи-ко мнѣ, я ихъ посмотрю немножко.

Отецъ Пафнутій съ видимымъ удовольствіемъ дозволилъ посмотрѣть свои вериги.

Вериги, дѣйствительно, оказались всѣ желѣзныя. Онѣ сдѣланы были въ видѣ плоской цѣпи, которая была повѣшена на плеча, и прикрѣплена, сзади и спереди, къ такому же цѣпному поясу.

— О, братъ—отецъ!—произнесъ Иванъ Порфирычъ, осматривая вериги: ты, знать, немножко, тово... поприхвастнуть—то вездѣ любишь. Хоть бы для близиру-ту ты ихъ кирпичикомъ маленько потеръ, либо песочкомъ; а то онѣ, вишь, у тебя больно тусклы, какъ будто бы вчерась только сдѣланы... нѣко ты, и нагаротъ еще весь не отсталъ... Тутъ Иванъ Порфирычъ, для удостовѣренія, дѣйствительно отколупнулъ отъ веригъ кое-гдѣ нагарцу.—Въ десять-ту лѣтъ, отецъ, я полагаю, онѣ бы немножко посвѣтлѣли, маленько-бы, знаешь, пообтерлись,—а? какъ ты думаешь?

— Я ничего не думаю, отвѣтил смиренно отецъ Пафнутій, видимо сконфуженный такимъ нескромнымъ, и-вовсе неожиданнымъ замѣчаніемъ Ивана Порфирыча:—всякому вольно думать, какъ онъ хочетъ, присовокупилъ онъ, тщательно закрывая свои вериги ряскою. Потомъ, посидѣвъ немножко, какъ на иголкахъ, отецъ Пафнутій всталъ, и хотѣлъ было отправиться восвояси; но Иванъ Порфирычъ остановилъ его.

— Куда ты, отецъ? посиди, братъ, немножко; изъ жилига дома безъ хлѣба-соли гости не уходятъ, произнесъ Иванъ Порфирычъ съ радушіемъ;—Вотъ чайку попьемъ, а передъ чайкомъ-ту водочки попьемъ, да закусимъ. . Водочку-ту, чай, попиваешь отецъ?

— Не пью нисколько, отвѣтил скромно отецъ Пафнутій.

— Ну, по красоулкѣ-то по одной, я думаю, можно, отецъ?—предложилъ, шутливо, Иванъ Порфирычъ:—стомаха—ради частыхъ недуговъ; его же иноцы вкушаютъ...

Уступая усиленной просьбѣ Ивана Порфирыча, отецъ Пафнутій согласился выпить одну красоулку, и то единственно ради стомаха и частыхъ недуговъ; а по другимъ причинамъ пожалуй бы и не согласился.

Къ предлагаемой красоулкѣ отецъ Пафнутій приступилъ съ величайшимъ смиреніемъ, медленно поднесъ ее къ своимъ устамъ; ну а выпилъ-то, нечего сказать, безъ задержки: точно на каменку плеснулъ; и видно, что въ этомъ дѣлѣ былъ не первоучинка.

Между тѣмъ подали самоваръ. Пелагея Петровна занялась разливаньемъ чая, а Иванъ Порфирычъ, выпивши съ отцемъ Пафнутіемъ, для компаніи, тоже красоулку, сдѣлался еще развязнѣе и, какъ бы сказать, вдохновительнѣе. По этому случаю онъ опять подсѣлъ къ отцу Пафнутію, и продолжалъ вести съ нимъ разговоръ.

— Скажи ко, отецъ, для чего ты босикомъ-ту ходишь? началъ Иванъ Порфирычъ.

— Богъ подкрѣпляетъ меня грѣшнаго, такъ и хожу, отвѣтилъ отецъ Пафнутій.

— Положимъ, что Богъ подкрѣпляетъ, да можно бы я думаю, избѣгая тщеславія, и въ обуви ходить.

— Для меня это все равно, я, по милости Божіей, не ощущаю никакого холода.

— Коли все равно, такъ почему же ты въ сапогахъ-ту не ходишь? или хоть бы въ лаптяхъ, что ли?..

— Зачѣмъ излишнее носить, если благодать Божія сохраняет мое грѣшное тѣло отъ зноя и отъ мраза, отвѣтилъ нѣсколько подумавши, отецъ Пафнутій.

— Полно—благодать ли, отецъ? возразилъ угрюмо Иванъ Порфирычъ;—смотри братъ, этимъ не шути! Богъ поруганъ не бываетъ.

Отецъ Пафнутій не отвѣтилъ на это замѣчаніе ни одного слова, а молча подошелъ къ столу и безъ всякаго ужь приглашенія выпилъ еще рюмку водки, а потомъ началъ ворчать: «Ты, братъ, не бурлакъ, говорилъ онъ;—да и бурлакъ-то этакъ не сдѣлаешь... на-ко-ты, пригласилъ къ себѣ въ гости, да началъ выпытывать, да вывѣдывать, кто, да чей, да откуда? Чтò тебѣ за дѣло, босикомъ ли я хожу, въ сапогахъ ли? тебѣ до этого дѣла нѣтъ!...

Послѣ третьей красоульки отецъ Пафнутій сдѣлался еще развязнѣе: до того расходился, что на-поди, и узнать нельзя, что это смиренный отецъ Пафнутій.

— Ты братъ больно-то не хорохорься, замѣтилъ ему, наконецъ, Иванъ Порфирычъ:—здѣсь братъ не дома; коли хочешь по добру да по здорову убраться, такъ сиди, не бурли. Хочешь пить,—такъ пей, ѣсть,—такъ ѣшь! а не то, братъ, я поверну тебя по своему; какъ бы ты не гость отъ былъ, такъ ужь я давно бы тебя связалъ, да отправилъ куда надо...

— А за что бы ты меня связалъ? спросилъ придирчиво отецъ Пафнутій.

— За то, что ты шарлатанъ — бѣглякъ.

Педагога Петровна вступилась было немножко за отца Пафнутія, но Иванъ Порфирычъ взялъ ее за плеча, повернулъ къ двери и выпихнулъ вонъ, а дверь заперъ на крючекъ.—«Коли ничего, болванъ, не понимаешь, такъ ступай вонъ», проворчалъ онъ про себя. Побороздила было немножко, за дверью, Педагога Петровна, да Иванъ Порфирычъ не обратилъ на это никакого вниманія.

— Кто же тебѣ сказалъ, что я бѣглякъ? спросилъ отецъ Пафнутій нѣсколько смягченнымъ тономъ, когда остался съ Иваномъ Порфирычемъ одинъ на одинъ.

— Коли говорю, такъ, значитъ, знаю, отвѣтилъ на удачу Иванъ Порфирычъ.

— А коли знаешь, такъ, значитъ, молчи, возразилъ, необинуясь, отецъ Пафнутій:—знайка-та бѣжить, а незнайка-та — ле-

жить; по нашему не мѣшай мѣшать, мѣшай дѣло дѣлать. при-
совокупилъ онъ въ видѣ мѣщанской остроты.

— Оно бы такъ, произнесъ подумавши Иванъ Порфирычъ;—
а хорошенько-то посмотришь, анъ и не такъ...

Ты вѣдь здѣсь всѣхъ съ толку сбилъ, во многіе семейства
поселилъ страстные раздоры... Смотри сколько, за тобой шма-
няется дѣвчонокъ, да бабеноекъ... Изъ хорошихъ, вонъ, домровъ
убѣгаютъ къ тебѣ, ночью, тихонько отъ родителей, честныя
дѣвицы! Это развѣ для нихъ не гибель? Вѣдь женщинъ-ту,
братъ, одно только и поддерживаетъ — робость да стыдли-
вость: въ этомъ только и состоитъ все ихъ украшеніе. По-
куда дѣвица робка и стыдлива, тѣхъ по порѣ и хороша, а
какъ потеряетъ это, такъ не будетъ стоять мѣднаго гроша, пра-
во такъ!... Теперь вотъ онѣ, съ горяча та, бѣгаютъ за тобой,
какъ за апостоломъ, а какъ обдумаются послѣ,—такъ и не то
запоютъ: просто пропадутъ—себѣ ни за денежку! Это, братъ,
народъ слабый, настоящій скудельный сосудъ. Для нихъ только
первый приступъ дорогъ, имъ стоитъ только одинъ разъ съ
тропы-то сбиться; тамъ ужъ и пойдутъ валать—и нашимъ, и ва-
шпимъ... А родителямъ-ту каково? когда любимое-то ихъ дѣ-
тище, сокровище-то ненаглядное, будетъ гибнуть на ихъ гла-
захъ!... Я, братъ, самъ родитель — знаю какъ эти вещи отзы-
ваются въ родительскомъ-ту сердцѣ!...

Тутъ Иванъ Порфирычъ, будучи подъ вліяніемъ лпшней кра-
соудьки, прослезился. Онъ въ подобныхъ случаяхъ былъ край-
не чувствителенъ.

— Что же? вѣдь я ничего такого особеннаго не дѣлаю, ска-
залъ въ свое оправданіе отецъ Пафнутій:—ложныхъ ученій не
распространяю, кромѣ евангельскаго да апостольскаго. За
тоже никому не дѣлаю: въ этомъ, братъ, на меня никто не по-
жалуется.

— Кто станетъ на тебя жаловаться! ты, братъ, какъ видно,
стелешь-то мягко, только спать-то каково будетъ... «Евангель-
ское, прямъ, ученіе распространяю... гимъ!... только, братъ бѣ-
гаютъ-то не за евангельскимъ, а за тобой... Для чего ты ба-
беноекъ-ту да дѣвчонокъ къ себѣ сманиваешь? для назиданія,
небось?... молитвы-то для чего продаешь?... Слышишь ли, что я
говорю?

— Какъ не слышать... слышу... отвѣтилъ задумавшись отецъ
Пафнутій:—кто же ихъ сманиваетъ?—сами лѣзутъ... А молит-

и—что же такое?... молитва—ничего... Въ молитвѣ ничего худаго не написано; аже ее не самъ сочинилъ, а у своей барыни списалъ, только никакъ словца два и прибавилъ...

— У какой барыни?—перебилъ его Иванъ Порфирычъ, видимо заинтересованный этимъ новымъ открытіемъ.

— Знаю у какой барыни, какія барыни-то бываютъ! отвѣтилъ отецъ Пафнутій, какъ будто нѣсколько спохватившись.

— Ужъ коли братъ началъ, такъ говори мнѣ все, сказалъ Иванъ Порфирычъ: — меня не опасайся, говори со мной откровенно, зла я тебѣ не пожелаю, только развѣ добрый совѣтъ дамъ... Вижу, братъ, что ты не разбойникъ, а такъ что ни будь... тово...

— Именно такъ, ей-Богу!—подхватилъ энергически отецъ Пафнутій;—позволь мнѣ, братъ, еще рюмочку выпить.

Тутъ отецъ Пафнутій вынулъ еще красоулку, а для компаніи спросилъ выпить и Ивана Порфирыча; тотъ разумѣется, не отказался. Послѣ чего отецъ Пафнутій пришелъ въ необыкновенное умиленіе, и разъ пять принимался цѣловать Ивана Порфирыча, выражая ему всѣ признаки дружбы.

— Я, братъ Иванъ Порфирычъ, не Обращка: тотъ, мошенникъ, изъ Сибири бѣжалъ, да дурь-ту на себя и накиннулъ... ну, а я что?—ничего—такъ... бѣжалъ не изъ Сибири, а отъ барыни... И затѣмъ отецъ Пафнутій,—хоть на вонъ—тараты, съ оставками да съ вводными предложеніями, — рассказалъ всю свою исторію. Дѣло въ томъ, что онъ, былъ изъ дворовыхъ людей одной *презлющей*, по его словамъ, барыни,—страшной ханжи. Онъ находился у нея въ числѣ домашнихъ пѣвчихъ. Потомъ сдѣлалъ какой-то грѣховный проступокъ, за который барыня прежде отпорода его на конюшнѣ, а потомъ отдала въ монастырь, на покаяніе: Пробылъ онъ тамъ около полугода, да что-то не поправилось, потому что барыня сама постоянно ѣздила въ монастырь и наблюдала, чтобы его держали какъ можно строго. За проступки же наказывала сама, у себя на конюшнѣ. Монастырь былъ отъ усадьбы въ 4-хъ верстахъ. Будучи ханжой, она принимала къ себѣ всю странствующую сволочь, отъ которой отецъ Пафнутій въ своихъ интимныхъ бесѣдахъ узналъ, что нѣтъ ничего легче, какъ бродить по бѣлому свѣсу подъ именемъ странника. Отецъ Пафнутій или вѣрнѣе—Нестеръ Ивановъ (это его было настоящее имя) долго держалъ это въ головѣ. Бывши въ монастырь, онъ приучалъ себя, на случай, къ кое-какимъ странническимъ

манерамъ, узнавъ кое-что изъ Священнаго писанія, и, въ одну темную ночь, рѣшился убѣжать изъ монастыря. Сначала, когда по горячимъ слѣдамъ, дѣлались розыски по всѣмъ ближайшимъ трактамъ и проселочнымъ дорогамъ, онъ водился у своихъ знакомыхъ въ подпольѣ да въ овинѣ; а потомъ, когда немножко поутихло, онъ взялъ въ руки аршинъ, заткнулъ за кушакъ ножницы и пошелъ гулять на всѣ на четыре стороны подъ именемъ портнаго. Знакомыя деревни онъ или обходилъ лѣсомъ, или проходилъ ночью. Пройдя такимъ образомъ верстъ 200 отъ своей родины, онъ бросилъ въ лѣсу и аршинъ и ножницы, вынулъ изъ мѣшка подрясникъ, который удалось ему стапуть въ монастырѣ у одного служки, сдѣлалъ три поклона въ землю, перекрестился и переодѣлся въ подрясникъ, съ намѣреніемъ пуститься бродить по бѣлому свѣту подъ именемъ странника и богомольца. Рѣшившись на это святотатственное поприще, Нестеръ Ивановъ, рассчиталъ на худой конецъ, что если его гдѣ нибудь поймають, то не повѣсятъ же, а или отдадутъ въ солдаты, или сошлютъ на поселенье; и то и другое считалъ онъ лучше, нежели жить у своей злѣющей барыни. Счастіе послужило ему. Цѣлыя десять лѣтъ бродилъ онъ подъ именемъ странника и святаго, и въ продолженіе этого времени, только одинъ разъ нечаянно попался въ острогъ; но и тутъ нашлись усердствующіе, которые его выкупили.

— Худую, братъ, дорогу ты для себя выбралъ, замѣтилъ ему Иванъ Порфирычъ:—ты, какъ я вижу, человекъ хорошій и честный, не пропалъ бы нигдѣ; а смотри-ко въ какія дѣла ты пустился:—народъ Божій соблазнять!—съ тропы сбивать! Подумай-ко, куда ты угодишь? Вѣдь ты за каждую душу, которую соблазнилъ, отдашь отвѣтъ Богу! Въ Священномъ-ту, вонъ, писаніи прямо сказано, что «горе человекъу тому, имъ-же соблазнъ творится....»

— Правду братъ, ты говоришь, все правду! произнесъ ему въ отвѣтъ Несторъ Ивановъ, съ особеннымъ чувствомъ — что правда, такъ—правда!..

Послѣ всего Иванъ Порфирычъ поинтересовался узнать: какимъ способомъ онъ сохраняетъ свои ноги отъ морозу?

— Это, братецъ, просто за просто—привычка, отвѣтилъ откровенно Нестеръ Ивановъ:—за это ужъ спасибо нашей барыни—псовкѣ, что бы ей ни дна ни покрывки! она насъ къ этому приучила. Я до 15 лѣтъ не зналъ, что за обувь; у ней вся

дверня ходитъ босикомъ, да въ оборванныхъ рубашенкахъ. Только когда при гостяхъ и прикажетъ обуться и одѣться, а потомъ опять все и отбереть. Такая была вѣдьма! Ну, а при людяхъ, когда позабудешься, да и взойдешь въ комнату босикомъ, такъ тутъ же по щекамъ отдуеть:—«неряха» говоритъ, «зачѣмъ босикомъ ходишь,» да жалобы такія начнетъ произносить на нашего брата, что ей, будто, отъ насъ житья нѣтъ... а безъ людей одѣнешься—тоже отдуеть... Просто змѣя была, а не барыня!

— Ну а по водамъ-ту какъ ты ходишь, да по воздуху-ту летаешь? спросилъ его шутливо Иванъ Порфирычъ

Нестеръ Ивановъ захохоталъ.—Это ужь, братъ, все здѣшнія бабы придумали; и на умъ-отъ иногда не придетъ, что они придумаютъ. Здѣсь какъ-то зимой, шелъ я изъ одной деревни; въ головѣ-то, знаешь, было заложено порядочно. Вотъ и привелось тутъ идти мнѣ черезъ рѣку; я, знаешь, и иду; а старушка какая-то со мной и встрѣтилась, да и спрашиваетъ: «откуда, говоритъ, батюшка, тебя Богъ несетъ?—Изъ проруби, молъ, батюшка иду — такъ-таки больше ничего и не сказалъ. Прихожу сюда,—батюшки мои! Здѣсь ужь и Богъ знаетъ чего не наговорили.—«Ты, говоритъ, батюшка, отецъ Пафнутій, мы слышали, водъ водами ходилъ?»

— Грѣшной, молъ человекъ, ходилъ. Коли сами говорятъ, думаю себѣ, такъ чего, молъ, отказываться-та.

— А «по водамъ-ту, говоритъ, ходишь-ли, батюшка?»

— Хожу молъ и по водамъ, гдѣ Богъ приведетъ.

— «Неужели, говоритъ, и по воздухамъ ходишь?—и по воздухамъ, молъ, хожу... Ну и нагородишь, знаешь, имъ турусь на колесахъ; а онѣ, дуры, только руками разводятъ да крестятся... Чего! вѣдь иногда, бывало, напьешься въ очію всѣхъ, какъ говорится въ лѣтъ не вяжешь, а онѣ только умиленно глядятъ, да вздыхаютъ:—«это, говорятъ, онъ, угодникъ Божій, для искушенія насъ грѣшныхъ дѣлаетъ, чтобы, говорятъ, надъ нимъ смѣялись.» Такимъ образомъ новые друзья бесѣдовали далеко за-полночь, а между тѣмъ красоульки производили свое дѣйствіе, такъ что около трехъ часовъ ночи Иванъ Порфирычъ счелъ за полезное, на мѣсто бесѣды, пропѣть: «вдоль я пьянъ, поперегъ»; но отецъ Пафнутій предложилъ, въ свою очередь, спѣть партесно, «Помощникъ и покровитель» Иванъ Порфирычъ съ удовольствіемъ согласился. Только лишь они задали другъ другу надлежащія

тоны и затанули первую ноту, какъ Пелагея Петровна благимъ матомъ застучалась въ дверь и закричала: — что бачажники! пьяницы! али сосѣдой-ту удивить хотите, пьяницы... что шельгана-та простоволосова не гонишь домой-ту!... Экова дружка еще завелъ!—Чорта омутнова! на земску бы свести, притку эгакова безпачпортнова!..-

— Пелагея! — молчи! не твое дѣло!... не мѣшай! вскричалъ сквозь двери Иванъ Порфирьчъ.

Отецъ Пафнутій немножко смѣшался; хоть и пропѣлъ: «Помощникъ и покровитель», но нельзя сказать, чтобы слишкомъ стройно—такъ себѣ.

Оказалось, что Пелагея Петровна выслушала за дверью почти весь разговоръ, потому-то и ожесточилась на отца Пафнутія.

Отправляясь домой, отецъ Пафнутій далъ слово Ивану Порфирьчу: на другой же день отправиться изъ Гавриловой слободы и явиться къ начальству съ повинной головой.—«Пила моя головушка, пила-погуляла, въ красѣ походила! произнесъ онъ въ заключеніе.

ХІІ.

ОТБЫТІЕ СТРАННИКА.

На другой день отецъ Пафнутій, отрезвившись какъ слѣдуетъ, и приведя себѣ на память весь вчерашній разговоръ, пришелъ въ страшное раздумье. Онъ сто разъ раскаивался въ своей откровенности съ Иваномъ Порфирьчемъ, тѣмъ болѣе, что возвратившись домой, онъ опять увидѣлъ себя окруженнымъ молодыми женщинами и дѣвками, которыя безусловно ввѣрили ему и себя, и судьбу свою. Движимыя пелѣпымъ фанатизмомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и собственными страстями, они наперерывъ одна передъ другой старались заключить его въ свои объятія и опривѣтствовать вовсе уже не духовными поцѣлуями.

— «Ты нашъ, а мы твои!» восклицали дѣвцы въ страстномъ восторгѣ, и отецъ Пафнутій, въ сдобныхъ и соблазнительныхъ объятіяхъ купчихъ и мѣщанокъ, позабылъ и свое обѣщаніе Ивану Порфирьчу, и всѣ его наставленія. Какъ бы то ни было, но уже высказавшись одинъ разъ откровенно, отецъ Пафнутій сдѣлался несравненно робчѣе прежняго и началъ, какъ будто бы, бояться почти cadaго челоуѣка, подозрѣвая, что объ его об-

накъ всё уже узнали. Замѣтили эту перемену въ отцѣ Пафнугіи и присные его поклонники и поклонницы.

— Что ты, батюшка, отецъ Пафнугій, не предузрѣлъ ли какое нибудь бѣдствіе? спрашивали его между прочимъ богомольными старушки;—не напасть ли какая на насъ идетъ? али не о грѣсѣхъ ли нашихъ, батюшка, соболзнуешь, что ты равно *вомятой* * ходишь?

Отецъ Пафнугій радъ радешенекъ былъ, что его старушки-богомолки настроили на изворотливую мысль. «Истинно такъ! отвѣтилъ смиренно отецъ Пафнугій;—мнѣ открыто въ сонномъ видѣніи, что на меня демонъ возстаетъ, онъ вооружитъ противъ меня недобрыхъ людей, которые распустятъ про меня ложные слухи, и я долженъ терпѣть гоненіе, Христа ради!...

Опасенія отца Пафнугія были не напрасны: вскорѣ разнеслось во всей слободѣ слухи, что отецъ Пафнугій вовсе не отецъ Пафнугій, а чистый разбойникъ: убилъ свою барыню, и даже не предалъ ее землѣ, а бросилъ въ подполье, и что эта барыня являетъ къ нему каждую ночь, и не даетъ ему покоя; все жалобно напоминаетъ ему, чтобы онъ ее предалъ землѣ. Даже нашлись такіе, которые видѣли эту барыню своими глазами, какъ она пробиралась къ отцу Пафнугію въ глухую ночь, перелѣзала черезъ заборы, влѣзала къ нему въ окошко, и проч. и проч. Другіе полагали, что отецъ Пафнугій просто запросто оборотень, и что онъ можетъ превращаться во всякаго звѣря и птицу. На третій день отецъ Пафнугій произведенъ былъ въ антихристы.

Съ тѣхъ поръ многіе почитатели отца Пафнугія сдѣлались злѣйшими его врагами. Только тѣ, которые удостоились, предварительно, слышать его пророческое о себѣ предсказаніе—и остались ему вѣрными поклонниками, въ числѣ которыхъ, по преимуществу, были женщины.

Отецъ Пафнугій частъ отъ часу сталъ рѣже показываться на улицахъ Гавриловой слободы, потому что многіе изъ слобожанъ стали уже видимо обнаруживать къ нему непріязненное чувство. Иной броситъ въ него изъ за-угла грязной, иной — чурочкой, а иной, пожалуй, и камешекъ влѣпить въ спину.

Немного, однакоже, домовъ остались вѣрными его почитателями; за то едва ли не сдѣлались къ нему усерднѣе прежняго. Вонервыхъ потому, что отецъ Пафнугій началъ дѣйстви-

* Потятой значитъ: робкой, неразвязной и проникнутой тайною грустью.

вать на слабыя умы несравненно съ большимъ искусствомъ и тонкостію; а во вторыхъ, гоненіе его приписывали они дѣйствию злаго духа, о чемъ самъ отецъ Пафнутій предсказалъ такъ ясно.

Строгія и богобоязливья маменьки и нарадоваться не могли, что дочки ихъ, за ихъ ангельскую простоту, удостоились сохранить у себя такую святыню. Имѣя, такъ сказать, у себя подъ рукой святаго отца-прорицателя, они уже обращались къ нему за всякими совѣтами. — «Что, батюшка, отецъ Пафнутій благословишь ли дочку-ту мою выйти замужъ за такого-то?» спрашиваетъ его заботливая маменька. — «Нѣтъ ей на это благословенія», отвѣчаетъ смиренно отецъ Пафнутій; — «пусть останется чистою голубицею...» И, по благословенію его, дѣвица остается въ голубицахъ.

Наконецъ отцу Пафнутію надоѣло вѣчно находиться назаперти, какъ онъ выражался—подъ спудомъ. Открыто ходить по улицамъ онъ уже не могъ, потому что его подстерегали и хотѣли поймать. По этому случаю онъ рѣшился вовсе оставить Гаврилову слободу, и переселиться куда нибудь подальше.

Избѣгая величайшихъ воплей и рыданій своихъ присныхъ, которые также начали ему надоѣдать, отецъ Пафнутій никому не объявилъ о своемъ намѣреніи оставить Гаврилову слободу, а сказалъ только, что ему нужно посѣтить св. пустынножителей, скитающихся въ Катунскихъ горахъ, куда нерѣдко онъ хаживалъ и прежде. Подъ этимъ предлогомъ онъ, въ одну темную ночь, отправился изъ Гавриловой слободы, безъ особенныхъ тревогъ и рыданій, увѣривши своихъ друзей и другинь, что онъ возвратится чрезъ нѣсколько дней.

Но вотъ проходитъ недѣля, двѣ, даже мѣсяцъ,—отецъ Пафнутій не возвращался. Куда онъ дѣйствительно ушелъ—не извѣстно; но только съ тѣхъ поръ не стало объ немъ ни слуху ни духу.

Усердныя его почитательницы просто пришли въ отчаяніе. Онѣ не знали куда и дѣваться съ обуявшей ихъ горькой тоски, которая начала томить ихъ сердце денно и нощно. — «Куда ты, нашъ батюшка, дѣвался?... куда ты, ясенъ соколъ, отъ насъ скрылся?...» произносили шепотомъ—про себя—осиротѣвшія дѣвицы, мучимыя смертельною тоскою. — «Видно, потерялъ ты свою буйную головушку...» «видно, не видать намъ твоихъ очей ясныхъ!... не слышать, видно, рѣчей твоихъ сладкихъ...» и дѣ-

лицы, при такой грусти и рыданіяхъ, не могли уже продолжать своихъ домашнихъ занятій; бродятъ только, какъ тѣни, изъ угла въ уголъ, безъ всякаго сознанія, а дѣлать—ничего не дѣлаютъ.

Между тѣмъ, съ каждымъ днемъ начали повторяться различныя семейныя сцены, одна другой непріятнѣе. То, послушишь, строгій мужъ, узнавши кой-что, касательно отца Пафнутія, отъ своей услужливой работницы, приколотилъ свою дражайшую половину не наживоть, а на смерть.

— «У тебя, видно, только одинъ Пафнутко-разбойникъ въ голубѣ-то сидитъ! я тебѣ дамъ Пафнутка!...» слышалось попеременно на томъ, да на другомъ дворѣ. То благочестивый родитель или родительница, замѣтивъ въ своей дочкѣ кой какія неисправности, торжественно предали еѣ проклятію, и тѣмъ успокоили свою совѣсть. То хваленая невѣста, на которую *зарились** хорошіе и отборные женихи, какъ будто ни съ того ни съ сего, сама пожелала заключить себя въ монастырь, или, по благословенію св. отца, остаться чистою голубицею; и пр. и пр. Такъ, въ свою очередь, двѣ чистыя голубицы, особенно усердствовавшія къ отцу Пафнутію, совершенно неожиданно спились съ круга. Невдолгъ у обѣихъ голубицъ завелось по маленькому птенчику. Мать одной голубицы, малосильная и маломощная старушка, не выдержала такого позора и черезъ двѣ педѣли слегла въ могилу. Другую голубицу благочестивые родители сочли полезнымъ оттаскать за волосы, и, изъ видовъ душевнаго спасенія, предать еѣ проклятію. Несчастныя жертвы, обдумавъ свое ужасное и безвыходное положеніе, впади въ страшное отчаяніе. Одна изъ нихъ, какъ видно, захотѣла немножко поправить свое дѣло: захватила съ собой родительскій капиталъ, оставила въ домѣ малолѣтнихъ наследниковъ, а сама, съ пьяныхъ глазъ, вышла за какого-то извозчика—отъявленнаго плута, который, чтобы выморщить у нея всё, что принесла она изъ родительскаго дома, заколотилъ еѣ чуть не до гробой доски, а потомъ прогналъ отъ себя прочь, скитаться по бѣлому свѣту. Другая же, съ отчаянія, что она проклята, что вѣтъ ей спасенія ни въ семъ свѣтѣ, ни въ будущемъ,—пустилась во вся тяжкая, отправилась въ Москву, да такъ тамъ и исчезла. Этимъ дѣло и окончилось.

* *Зарились*, значить страстно желали, увлекались—разжигались и т. п.

XIII.

Пиръ.

Долго наши Гавриловцы помнили о Пафнутіѣ, да стали по-маленьку и позабывать, а наконецъ и совсѣмъ позабыли. Всѣ опять пошло по старому, всѣ встало въ прежнюю колею. Начался большой мясоѣдъ, передъ масляницей, а вмѣстѣ съ нимъ начались свадьбы. Годъ былъ урожайный на всѣ: въ народѣ было общее довольство, поэтому, весьма много было свадебъ. У кого же не случилось въ домѣ ни жениховъ, ни невѣстъ,—тѣ, изъ сочувствія къ общему веселью, старались устраивать званные пиры. По причинѣ большаго обилія и дешевизны на всѣ предметы, многіе допировались до того, что послѣ имъ и ѣсть было нечего.

Чтобы имѣть понятіе о подобныхъ мѣщанскихъ пирахъ, мы посмотримъ на одинъ изъ нихъ, который устроила знакомая намъ Пелагея Петровна Бѣброва.

Незадолго передъ масляницей, во едину отъ субботы, Пелагея Петровна была въ необыкновенномъ расположеніи духа: съ самаго еще утра она назвала своего большачка *зирономъ* *, что уже ясно доказывало хорошее ея расположеніе. Иванъ Порфирычъ также былъ веселъ: то и дѣло называлъ Пелагею Петровну «развильемъ андревнымъ». Послѣ обычнаго хлѣба-соли, который кончился къ 10 часамъ утра, Пелагея Петровна расположилась лежать на *голубчикѣ* **; а Иванъ Порфирычъ съ этою же цѣлію отправился на печку. Такъ какъ вождѣлѣнный сонъ не коснулся еще ихъ вѣждей, то Пелагея Петровна заблагоразсудила перекинуть словца два три съ своимъ супругомъ.

— Надобно бы, большачокъ, пиръ намъ сдѣлать для бабенокъ, начала Петровна:—и то ужъ мы давнымъ-давно не дѣлывали.

— Ну такъ что, зачѣмъ дѣло-то встало? отвѣтилъ ласково Иванъ Порфирычъ; — пиръ, такъ пиръ. Чѣмъ откладывать въ дальній ящикъ, такъ завтра бы вотъ и сдѣлать.

Иванъ Порфирычъ и самъ любилъ устраивать пиры, потому что любилъ, кстати, повеселиться.

— А я было хотѣла въ среду, возразила Пелагея Петровна,

* Зиронъ—все равно, что ротозѣй.

** Голбцомъ называется особенная къ русской почвѣ деревянная пристройка, въ родѣ лежанки.

не зная, впрочемъ, почему именно она хотѣла въ среду, а не въ четвергъ или въ воскресенье.

— Для меня пожалуй и въ среду, отвѣтилъ Иванъ Порфирычъ;—да только, по моему бы, кажется, въ воскресенье-то или въ четвергъ было лучше: тогда скоромные дни, опять же — праздники; а среда день посной... Впрочемъ въ среду, такъ въ среду, для меня все равно.

Если бы Иванъ Порфирычъ не объявилъ своего согласія на среду, то немудрено, что пиръ бы не состоялся; а только бы развѣ вышла изъ-за него одна неприятная исторія. Потому что Пелагея Петровна, желая всегда поставить на своемъ, ни подъ какимъ видомъ не согласилась бы, безъ шума, сдѣлать пиръ въ четвергъ или въ воскресенье, хоть и сама видѣла, что въ эти дни пиръ быть гораздо приличнѣе, даже много выгоднѣе, нежели въ среду.

— Али ужъ не сдѣлать ли лучше въ пятницу, прибавила, подумавши, Пелагея Петровна.

— Въ пятницу, такъ въ пятницу, отвѣтилъ хладнокровно Иванъ Порфирычъ.

Видя такое полное согласіе своего супруга на все, Пелагея Петровна тотчасъ обратилась къ работницѣ и самымъ строгимъ и повелительнымъ голосомъ приказала ей сбѣгать за страпухой,

— За какой страпухой? проворчала себѣ подъ носъ работница.

— Извѣстно, за какой! возразила грозно Пелагея Петровна;— за Дунькой Шевырянхой сходи. Да смотри у меня, *по завѣщанью-то* * не шляйся! чтобы тамъ—нога, здѣсь—другая. Слышишь?

Получивъ такое строгое приказаніе хозяйки, работница долго еще сидѣла на лавкѣ. Она раза два потянулась, раза два принималась чесать свои бока, потомъ едва-едва начала вставать, едва едва вытянула за рукавъ, съ постели, бараній полушубокъ, перекинувъ его прежде съ мѣста на мѣсто нѣсколько разъ; нехотя напаялила его на себя и, поворачиваясь съ ноги на ногу, пошла вонъ, проворчавъ между тѣмъ слѣдующе замѣчаніе: — «Ище дядюшка-та смиренъ; какъ бы у насъ въ Коряковѣ, такъ бы этаку-ту косу повыдергали...»

— Я тебѣ, вѣдьма! вскричала въ слѣдъ ей Пелагея Петровна, приподнявшись съ голбца:—я тебѣ дамъ Коряково!.. Сиѣла бы ты мнѣ сказать: «этаку-ту косу повыдергали, а?!..»

* Но задворкамъ, по околицѣ.

— На мнѣ немного выѣдешь! отвѣтила грубо работница изъ за двери, пріотворивъ ее немножко; — у меня у самой взятки-то гладки!... и съ этими словами работница изо всей силы хлопнула дверью, и все-таки отправилась за стряпухой.

У строгихъ хозяекъ-мѣщанокъ работницы бываютъ почти все такія озорницы. Хорошая и смиренная работница у такихъ строгихъ хозяекъ жить не согласится. Только и уживаются въ подобныхъ домахъ работницы-сорванцы, которыхъ вездѣ гонятъ.

Распорядившись такимъ образомъ, Пелагея Петровна рассчитывала навѣрняка, что Иванъ Порфирычъ вступится въ это распоряженіе, и, хоть немножко, ей въ чемъ ниоудь попротиворѣчить; однако вышло напротивъ. Иванъ Порфирычъ только поморщился, но не промолвилъ ни одного слова, даже ничего не замѣтилъ работницѣ за ея грубость, потому что видѣлъ, что Пелагея Петровна здѣсь сама неправа. Въ подобныхъ случаяхъ онъ за неѣ никогда не заступался.

Пришла стряпуха. Пелагея Петровна объявила ей свои намѣренія насчетъ устройства пира. Стряпуха съ величайшею важноію замѣтила, что это дѣло хорошее, «что, видно, въ людяхъ ведется, то и насъ не минется», присовокупила стряпуха.—«Пословица-то ужъ не даромъ говорится, что «чужую курочку щипли, а свою за крылышко держи». Согласилась съ этимъ замѣчаніемъ и Пелагея Петровна.

Пиръ условились сдѣлать во вторникъ; но приготовленіе къ пиру началось еще съ воскресенья.

Пелагея Петровна, съ помощію сосѣдей и ближайшихъ родственниковъ, какъ это обыкновенно водится, достала все принадлежности, необходимыя для пира. У кого, напр., взяла она дюжину тарелокъ, у кого ложекъ деревянныхъ, у кого форму для битошниковъ;—такъ что не предвидѣлось уже ни въ чемъ никакого недостатка.

Съ понедѣльника началась уже стряпня и окончательное приготовленіе къ пиру. Стряпуха палила, да чистила студень, а Пелагея Петровна жарила въ маслѣ розаны. Въ это время къ Пелагеѣ Петровнѣ нельзя было и близко подходить—рыло росквасить. При такихъ случаяхъ она была настоящая воевода, какъ нерѣдко и называлъ еѣ Иванъ Порфирычъ. Кричала во весь ротъ на праваго и виноватаго, съ дѣломъ и безъ дѣла. Заткнувши за поясъ свой подолъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ самыя бойкія стряпухи, она суетилась и бѣгала изъ угла въ

уголь, какъ угорѣлая; а зачѣмъ? — Богъ её знаетъ. Главное, она старалась выставить на показъ свѣту необыкновенную быстроту своихъ распоряженій и примѣрную способность къ дѣятельности, что и правда. Дѣятельность ея была точно примѣрная; только дѣло какъ-то не спорилось. Бывало, когда она работаетъ, такъ просто пѣна у рта, пыль столбомъ, а толку нѣтъ.

Во вторникъ утромъ стряпуху послали звать гостей на пиръ; дали ей наставленіе, кого именно нужно позвать два раза, кого — три, кого — четыре и т. д. Самыхъ спѣсивыхъ, и притомъ необходимыхъ лицъ, велѣно звать до шести разъ включительно.

Въ описанную нами эпоху, если бы зватая (она же и стряпуха), сзывая гостей на пиръ, обошла бы ихъ съ приглашеніемъ, примѣрно, по три только раза, то, навѣрняка, никто бы на пиръ не явился. — «Чтой-то, матушки моя» сказала бы спѣсивая родственница; — «неужто съ трехъ разъ идти?.. вѣдь я не хуже другихъ прочихъ!.. Я, вонъ, какъ своего Вавилушка женила, такъ за кресенкой — скурѣхой послала одиннадцать разъ».

Зватая обошла въ первый разъ чуть не всю слободу, потомъ пошла во второй обходъ. При второмъ обходѣ три дома ужъ были исключены. Кончивши второй обходъ, зватая пустилась въ третій обходъ. Изъ третьяго она выключила еще восемь домовъ. Всего навсего сдѣлала она шесть обходовъ и при каждомъ обходѣ, по обыкновенію, увѣряла приглашаемыхъ лицъ, что она проситъ въ послѣдній разъ: — «ходить ужъ, матушка моя некогда».

Около 28 особъ лишены были пріятнаго удовольствія услышать отъ зватой шестое приглашеніе, потому что многіе приглашались для одного только *близиру* *.

Кончивши всѣ обходы, зватая, вмѣстѣ съ хозяйкой, занялась надлежащимъ приготовленіемъ къ пріему гостей.

Старшіе дѣти также могли уже кой чѣмъ заняться и помочь общему дѣлу; но, вслѣдствіе полученныхъ ими отъ маминьки порядочныхъ взрывничковъ, пропало у нихъ все желаніе къ дѣятельности. Хоть, по необходимости, и исполняли они кой-какія порученія; да ужъ исполняли также для одного близиру: точно черезъ пень колоду переваливали. Какъ бы то ни было,

* Для приличія, для виду, для счету и т. п. Слово *близирь* въ простонародномъ смыслѣ означаетъ дѣйствіе, несогласное съ внутреннѣмъ убѣжденіемъ и желаніемъ.

но пиръ все таки положево было сдѣлать на славу—съ выходцемъ*.

Около двухъ часовъ по полудни гости начали уже собираться. Первая явилась на пиръ хотя дальняя, но довольно уважаемая родственница Акулина Ивановна Рылкова. Она приходилась Пелагеѣ Петровнѣ съ женскаго колѣна, именно: сестриной золоушки мужа родная свояченица.

Увидѣвши дорогую гостейку въ окошко, Пелагея Петровна пришла въ страшную суету: — матушки! ужъ чортъ несетъ Окульку Иваниху! провзнесла Пелагея Петровна, торопливо сходящаясь передъ зеркаломъ:—А чортъ бы съ ней, хоть бы и вовсе не приходила! экая безстыдная харя, съ конхъ поръ дѣзеть!..

Кончивъ такое замѣчаніе, Пелагея Петровна, какъ ни въ чемъ не бывало, поспѣшила встрѣтить дорогую гостейку въ сѣняхъ.

— Добро пожаловать, сударыня, гостейка дорогая, провнесла Пелагея Петровна, самымъ привѣтливымъ тономъ, встрѣчая Акулину Ивановну на лѣстницѣ;—ужъ мы, сударыня, ждемъ не дождемся; спѣсивы, матушка, больно, не какъ мы...

— Ужъ прошу, сударыня Пелагея Петровна, не осудить на насъ, отвѣтила гостейка: — мы, видъ, матушка, и отговариваться-то не умѣемъ, по насъ посошокъ одинъ пришли—мы ужъ и бѣжимъ, присовокупила она съ видомъ ловкой остроты. Между тѣмъ Акулина Ивановна безъ шестаго присыла не хотѣла и собираться.

— Покорно благодарю, сударыня Акулина Ивановна, что пожаловали, выразила Пелагея Петровна, поцѣловавшись съ гостейкой крестъ на крестъ.

— Ужъ не взыщите, сударыня Пелагея Петровна, прибавила гостейка послѣ поцѣлуя; — мы вѣдь не спѣсивы, матушка, не какъ вы.

— Полно-тко, сударыня, оговариваться-то; какъ не стыдно, матушка,—присовокупила Пелагея Петровна, вводя между тѣмъ гостью въ горницу.

Гостя помолилась Богу, и снова поцѣловалась съ Пелагеей Петровной. Сцена повторилась почти изъ слова въ слово. Наконецъ Пелагея Петровна предложила гостейкѣ раздѣться и сѣсть на стулъ.

* Читатели узнаютъ послѣ, что значить сдѣлать пиръ съ выходцемъ.

— Сяду, матушка, не устала, все сидѣла, выразилась гостейка въ видахъ вѣжливости.

Послѣ этого, Пелагея Петровна заботливо побѣжала къ шкафу и налила гостейкѣ *прихожиньскую* рюмочку.

— Пожалуй-ко, сударыня, Акулина Ивановна, проговорила Пелагея Петровна, поднося гостѣй прихожиньскую рюмочку:— прошу покорно выкушать, сударыня!

— Напрасно беспокоитесь, сударыня Пелагея Петровна, возразила гостья, отодвигая отъ себя рукою поднось съ рюмкой.

— Пожалуй-ко, сударыня Акулина Ивановна, ужъ прихожиньскую-ту нельзя ни обойти, ни объѣхать; изволь-ко, сударыня, принять да выкушать.

— Не беспокойтесь, сударыня, Пелагея Петровна, покорно благодаримъ... и гостья опять оттолкнула отъ себя поднось съ рюмкой. Такъ точно пробились они около четверти часа, все отодвигая отъ себя поднось. Наконецъ гостья рѣшилась таки *подумать* предлагаемую рюмочку.

— Самой-ту, сударыня, не можно-ли попрежде выкушать—дорожку-ту показать?—предложила, въ свою очередь, гостейка Пелагея Петровна.

— Обо мнѣ, сударыня, не хлопочи—будетъ время; сама себя не забуду.

— Безъ тебя, сударыня, Пелагея Петровна, кушать не стану, сказала гостья утвердительно.

Изъ уваженія къ гостѣй, Пелагея Петровна налила и себѣ маленькую рюмочку, и, чтобы подать примѣръ, выпила ее всю.

Слѣдуя этому примѣру, дорогая гостейка взяла свою рюмочку, искусно приложила ее къ своимъ губамъ, съ видимымъ намереніемъ процѣдить сквозь зубовъ капельки три.

— Всю же-всю, сударыня! произнесла торопливо Пелагея Петровна, и въ знакъ особеннаго усердія привялась своей рукою наклонять рюмку, для того, чтобы она вся, безъ капельки, вышла въ ротъ дорогой гостейкѣ, которая всѣми мѣрами старалась этому препятствовать: отъ взаимныхъ, но противодействующихъ усилій, вино изъ рюмки, конечно, начало плескаться частію на полъ, а частію за шиворотокъ дорогой гостейкѣ.

Стигнувъ губы и зубы, очесливая гостейка искусно проглотила винца капелекъ пять и тутъ же сдѣлала такую кислую рожу, что этакого безобразія, кажется, и во снѣ-то никогда не приснится; потомъ зажала себѣ ротъ рукою, изъ вѣжливости

отворотилась въ сторону, и въ такомъ положеніи предложила Пелагеѣ Петровнѣ принять рюмочку обратно.

Такимъ образомъ обязана была морщиться и зажимать ротъ рукою каждая гостья; въ противномъ случаѣ могла, стороной, услышать о себѣ и больно нехорошіе отзывы, «что, дескать, вылопала, матушки, цѣлую рюмку—и не поморщилась».

При сдачѣ на подносъ недопитой рюмки, снова поднялся страшный споръ. Пелагея Петровна недопитой рюмки не принимала, а гостья увѣряла, что она уже болѣе *кушать* не станетъ.

— Ей Богу, Пелагея Петровна, больше не стану! повѣришь-ли ты истинному-ту Богу—не стану! увѣряла энергически гостья.

— Ей Богу, Акулина Ивановна, невыпитой до капельки — не приму! увѣряла хозяйка.

Поспоривши такимъ образомъ достаточное время, наконецъ гостейка согласилась еще хлебнуть глотка два, а больше рѣшительно кушать не хотѣла.

Да ужъ хоть *приубься* * еще-то, сударыня, — предложила было Пелагея Петровна умоляющимъ голосомъ; но гостья не пожелала ужъ пригубиться.

— Было дѣло, сударыня, отвѣтила Акулина Ивановна, да тѣмъ дѣло и закончила.

Принявши отъ гостьи рюмочку, Пелагея Петровна торопливо побѣжала къ шкафу, налила тамъ другую рюмочку и снова явилась предъ гостейкой съ подносомъ.

— Пожалуй-ко, сударыня гостейка дорогая, гостиную-ту рюмочку выкушай, сударыня, произнесла Пелагея Петровна, поднося гостѣ гостиную рюмочку.

Изъ слова въ слово, таже самая церемонія началась и съ гостинной рюмочкой. Послѣ достаточнаго спора и страшной божбы съ обѣихъ сторонъ гостья согласилась, наконецъ, выпить гостинную рюмочку почти всю. Тѣмъ парадный приѣмъ дорогой гостейки и закончился.

Послѣ этого Пелагея Петровна вышла по хозяйству вонъ изъ горницы, замѣтивъ мимоходомъ, что «Акулька, дуло бы ее горой, вылопала чуть не всю рюмку».

Акулина Ивановна, оставшись въ горницѣ одна, тоже непременно сдѣлать одно замѣчаніе, что «Палашка-сидальжица какую странную рюмочку выбрала, точно наперстокъ».

Не болѣе какъ черезъ четверть часа стали появляться и дру-

* Только обмочи губы въ вино.

ня гости. Съ каждой изъ нихъ нужно было употребить точь въ точь такіе же приемы. Впрочемъ, если приводилось встрѣчать вдругъ нѣсколько гостей, то прихожія и гостинныя рюмочки подносились всѣмъ вмѣстѣ, на одномъ подносѣ, чрезъ что, конечно, сокращалось много времени.

Къ тремъ часамъ собрались всѣ уже гости. Кончивши прихожія и гостинныя рюмочки, онѣ размѣстились по скамьямъ и стульямъ, кому гдѣ привелось; и, сложивши на груди свои бѣлыя ручки, молча и не шелухнувшись сидѣли какъ вкопавшыя. Это мертвое безмолвіе продолжалось до тѣхъ поръ, куда приготавлился чай.

Наконецъ работница, вооруженная огромнымъ подносомъ, уставленнымъ чашками съ чаемъ, выступила изъ-за печки. Ковыляясь съ боку на бокъ, она шла, довольно неуклюже, подъ предводительствомъ Пелаген Петровны, которая, въ свою очередь, явилась тоже съ подносомъ въ рукахъ, меньшаго размѣра, уставленнымъ рюмками. Работницѣ было приказано строго настрого, чтобы она обносила чаемъ только тѣхъ гостей, которыхъ хозяйка предварительно поподчуетъ условной и необходимой рюмочкой *передъ чайкомъ*.

Рюмочка передъ чайкомъ вызвала хозяйку и гостей на тотъ же продолжительный бой, какъ и прежнія рюмочки. Долго ли, коротко ли продолжалась эта—борьба, но только рюмочки передъ чайкомъ кончились благополучно.

Чай приняли гости безъ отговорокъ.

Выпивши по одной чашкѣ, дорогія гостейки опрокинули чашки на блюдечки, а оставшіеся кусочки сахару положили на доньшки. Это значитъ, что болѣе одной чашки они пить не хотѣли (на пирахъ вообще чаю пьютъ понемногу).

Получивъ покрытыя чашки, хозяйка вновь налила ихъ чаемъ и поставила на подносъ. Гости выпили по другой чашкѣ и по прежнему покрыли. Хозяйка снова налила всѣмъ чаю,—гости выпили по третей чашкѣ, также покрыли и кусочки сахару положили на доньшки.

Послѣ третей чашки, хозяйка всѣмъ безъ изъятія гостямъ сдѣлала по хорошему пуншу съ кизляркой. Поставивши пуншесныя чашки на подносъ, она вручила его зватой, а сама вышла за ней просить дорогихъ гостеекъ пуншикомъ.

Отъ пуншей каждая гостья обязана была страшнымъ образомъ отговариваться, отодвигать отъ себя подносъ съ чашка-

ми; отвѣдавши немножко пунша — зажимать ротъ рукою и морщиться такъ, какъ только Богъ паразумить. Точно такъ всѣ гостейки и дѣлали.

Какъ бы ни было, но поморщившись и побѣжившись, какъ этого требовала вѣжливость, дорогія гостейки все таки взяли по чашкѣ пунша, и кто поставилъ свою чашку на столъ, а кто держалъ ее передъ собою въ рукахъ до урочнаго часа.

Когда зватая обнесла всѣхъ гостей пуншемъ, то отправилась за печку. Въ это время водворилось совершенная тишина и безмолвіе, такъ что одна изъ самыхъ искусныхъ и чепорныхъ свахонекъ сочла необходимымъ замѣтить, что «пролетѣлъ тихій ангелъ.»

Только что свахонька успѣла сдѣлать свое замѣчаніе, какъ Пелагея Петровна довольно граціозно выступила на средину комнаты и отдала низкій поклонъ всѣмъ гостейкамъ, говоря между тѣмъ:—«кушайте, гостейки дорогія! просимъ, матушки, не взыскать.»

Мгновенно всѣ гости вскочили на ноги, взяли въ руки чашки съ пуншемъ и всѣ въ одно слово проговорили;—«за пріятное угощеніе, сударыня Пелагея Петровна, покорно благодаримъ; просимъ, сударыня, не взыскать...»

— За посѣщеніе, матушки мои благодаримъ покорно, отвѣтила Пелагея Петровна;—кушайте, сударыня:—матушка Сосипатра (попадья), Матрона Порфирьевна, Аграфена Ивановна, Анна Ивановна, Афросинья Федуловна, Фетинья Ильинишна... тутъ Пелагея Петровна, стоя посреди горницы, перебрала поимянно всѣхъ гостей, начиная съ самыхъ почетныхъ и ближнихъ родственницъ и оканчивая самыми дальними.

Кончивши пуншъ, каждая гостя опрокинула чашку на блюдечки и сдала ее на поднось съ приличною благодарностію и крѣпкимъ увѣреніемъ, что болѣе ничего уже кушать не станетъ.

Не обращая на это никакого вниманія, Пелагея Петровна сдѣлала по другому пуншу. Почти съ такими же церемоніями и увѣреніями, но все-таки гости выпили и по другому пуншу. Только одна Афросинья Федуловна отъ пунша отказалась начисто, увѣривши всю честную компанію, что ее, Афросинью Федуловну, съ пуншей «оченно моторитъ.» * Въ замѣвъ чего Афросинья Федуловна вызвалась лучше выкупать рюмочку

* Дѣлается дурно, тошнить.

млемъ, т. е., не разсыропивши. Пелагея Петровна безпрекословно на это согласилась.

По окончаніи вторыхъ пуншей, гости, какъ водится, покрыли чашки и сдали ихъ на поднось съ самымъ крѣпкимъ увѣреніемъ и божбой, что они уже болѣе пунша кушать не будутъ.

Пелагея Петровна какъ будто вовсе не слыхала этого увѣренія, и потому сдѣлала всѣмъ по третьему пуншу, а Афросинья Федюловнѣ нашла рюмочку гольемъ.

Пріемъ третьяго пунша обошелся съ меньшими церемоніями.

Воодушевившись двумя пуншами и передовыми пріемными рюмочками, дорогія гостейки сдѣлались гораздо поразвязнѣе, и потому всѣ единодушно потребовали, чтобы Пелагея Петровна и сама выкушала пуншикъ, да для компаніи пригласила бы и Ивана Порфирича, который до тѣхъ поръ въ горницу еще не являлся.

Нельзя ли, сударыня Пелагея Петровна, парочкой—ту выкупать, предложила одна изъ вожеватыхъ гостеекъ, самымъ искуснымъ манеромъ:—нельзя ли большачка—то къ себѣ пригласить, сударыня; мы еще его не видали. Живъ—ли онъ у васъ? да можетъ—ли?

— Слава Богу, сударыня, отвѣтила Пелагея Петровна, и, уступая настоятельной просьбѣ гостей, сходила за Иваномъ Порфиричемъ.

Оказалось, что Иванъ Порфирычъ, кстати, тоже пригласилъ къ себѣ кое-кого изъ друзей, въ числѣ которыхъ находился одинъ изъ задушевныхъ его пріятелей Григорій Ивановичъ Кругловъ, съ которымъ онъ случайно сошелся въ Самарѣ и прожилъ съ нимъ вмѣстѣ, на одной квартирѣ, цѣлую зиму. Кругловъ былъ не старый человекъ, но родныхъ у него не было; съ Иваномъ Порфирычемъ онъ сошелся до того дружно, что почиталъ и уважалъ его какъ роднаго отца.

Удалившись съ своими пріятелями въ нижнюю горенку, Иванъ Порфирычъ также распивалъ съ ними пуншики. Онъ былъ тогда уже въ томъ расположеніи духа, когда являлось у него желаніе пропѣть: «вдоль я пьянъ, поперегъ я пьянъ»; между тѣмъ какъ шурина его, который тутъ же находился, сильно позывало пропѣть пасху.

Хоть по правдѣ сказать Иванъ Порфирычъ терпѣть не могъ находиться въ бабьихъ компаніяхъ, предоставляя ихъ полному распорядженію Пелагеи Петровны; однако на этотъ разъ не от-

казался поспѣтить и ихъ компанію, только не иначе, какъ съ пѣніемъ желанной своей пѣсенки: «вдоль я пьянъ, поперегъ я пьянъ». Сочувствуя всеобщему веселому настроенію гостей, Пелагея Петровна въ этомъ ему не препятствовала.

Еще гдѣ-то слышали гости довольно басистый голосъ Ивана Порфирыча, и тутъ же между собою перемигнулись.

— «Вотъ вамъ и умная голова! замѣтила одна изъ гостеекъ, ироническомъ тономъ:—дома-то, говорятъ, всегда вотъ такъ буянить. Говорятъ на ниточкѣ ужъ тянутся: все, говорятъ, промоталь... Съ этакимъ-ту вотъ пьяницей и живи, да не тужи!... Говорить-то бы, правда, не надобно, не наше дѣло... Впрочемъ, матушки, не я вамъ говорила, не вы слышали—присо-вокупила гостейка съ особенною ловкостію и ужимками.

— Живой-живое и мыслить, сударыня, выразилась, въ видахъ одобренія, другая, не менѣ ловкая гостейка. Чего ужъ говорить-то, работница-та ужъ лгать не станетъ: «дома-та, говорить, живутъ объ одну душу съ собакой...

Приходъ Ивана Порфирыча прекратилъ интересный разговоръ дорогихъ гостеекъ.

Не прерывая своего пѣнія, Иванъ Порфирычъ дорбогой придумалъ какое-то приличное измѣненіе въ мотивахъ; и, чтобы не сбиться съ такта, немножко притопывалъ ногой и размахивалъ рукою, па манеръ ученаго регента пѣвческой капеллы:—«таки вдоль я пьянъ, да поперегъ я пьянъ!» продолжалъ онъ, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ гостей.

Очелливья гостейки всѣ до одной захватили свои рты и искусно фыркнули въ кулакъ.

Наконецъ, по предложенію и просьбѣ гостей, Бобровы выпили по пуншику. Слѣдуя ихъ примѣру, и гости выкушали свои пунши; но только, какъ увѣряли онѣ, единственно изъ уваженія къ Ивану Порфирычу, а безъ этого, какъ видно бы, и не выкушали.

Послѣ пунша Иванъ Порфирычъ незамѣтно скрылся и опять очутился въ кругу своихъ пріятелей.

Третій пуншъ для гостей былъ послѣднимъ.

По окончаніи пуншей начались приготовленія къ обѣду: начались передвиженія столовъ и стульевъ.

Пользуясь всеобщей суматохой, Матрена Порфирьевна подошла, мимоходомъ, къ Пелагеѣ Петровнѣ, незамѣтно дернула ее за фартукъ и самымъ искуснымъ образомъ кивнула ей своимъ

ямчикомъ, давая этимъ знакъ, чтобы она вышла за ней, до слова, въ сѣни.

Пелагея Петровна вышла.

Матрена Порфирьевна и этимъ не удовольствовалась, а увела Пелагею Петровну въ какой-то глухой чуланъ и подъ самымъ глубокимъ секретомъ сообщила, что ее, Матрену Порфирьевну, ничего не разбираетъ. По этому случаю она желала бы хлебнуть стаканчикъ *свадайчику* *.

— Вѣдь всѣ нянехоньки, говорила между прочимъ Матрена Порфирьевна:—а меня, дѣвушка, ничто не разбираетъ. Поднеси-ю, matka, хоть стаканчикъ что ли; да мнѣ простячка налей — баланды-то вашей не нужно. Да омотри же, Палаша, чтобы никому ни гугу! вѣдь я это только у тебя; а то вѣдь, матушка, нигдѣ не пью...

Пелагея Петровна нисколько не усумнилась въ увѣреніяхъ Матрены Порфирьевны и, конечно, съ удовольствіемъ удовлетворила ея сердечное желаніе.

Пропустивши стаканчикъ сваддаю, Матрена Порфирьевна возвратилась въ горницу, какъ лебедь, бѣлая.

Неизвѣстно, какъ и почему, но на эту же самую мысль напала свахонька Аграфена Ивановна; только та, для сообщенія своей желанной тайны Пелагеѣ Петровнѣ, увела ее въ подызбицу, куда какими-то недовѣдомыми судьбами проникли еще кое-кто изъ самыхъ ближайшихъ родственницъ, которыя, кстати, тоже изъявили желаніе выкушать по стаканчику простячку, только не иначе, какъ подъ глубокимъ секретомъ. Пелагея Петровна въ подызбицѣ расподчивала цѣлый штофъ.

Такимъ образомъ дорогія гостейки, перебивавшись, по секрету, по глухимъ чуланамъ, да по подызбицамъ, значительно повесѣли. Разказы, одинъ другаго занимательнѣе, непрерывно сообщались другъ другу. Одна гостейка порадовала возхъ нечаяннымъ извѣстіемъ, что у ней курочка-хохлушка оказалась уже съ яичкомъ.—«Этакое, матушки, счастье какое», замѣтили въ одинъ голосъ всѣ другія гостыи, — «на-ко, ты, какую рань востись зачинаетъ!» Другая гостейка, наоборотъ, сообщила довольно неприятное извѣстіе, что у ней «вотъ по третій день, какъ не всходитъ опара».

— Мѣлъ (дрожди), дѣвушка, больно плохъ, пояснила гостейка:—только добро-то переводить съ этакимъ мѣломъ. Оно бы

* Юмористическое названіе простой кабацкой водки.

послать надо къ калашникамъ, у нихъ мѣлъ-отъ хорошей; либо самой бы собраться сдѣлать; да вотъ, вѣдь, сборы-то наши: за тѣмъ, да за другимъ... А ужъ сколько, дѣвушка, добра перепортила!...

— Тебѣ бы, Анна Ивановна, послать ужъ бы, право, надобно; долго ли сбѣгать? выразилась одна гостейка съ живѣйшимъ участіемъ.

— Тó-то бы, матушка, послать надо, присоветовала съ грустію Анна Ивановна:—али самой бы забѣгать когда, вѣдь отъ насъ недалеко.

— Да, инѣ-бы самой ужъ забѣгать, подтвердила заботливо первая гостейка. Тоже самое съ участіемъ подтвердили и всѣ другія гостейки.

Такимъ образомъ дѣло на счетъ Анны Ивановны порѣшилось окончательно тѣмъ, что чѣмъ портить добро, такъ лучше послать за хорошимъ мѣломъ къ калашникамъ, или самой ужъ сбѣгать. Согласилась съ этимъ и Анна Ивановна.

Тутъ, кстати, одна гостейка кой-что поразказала о своихъ грѣхахъ, что какъ она однажды въ мясное заговѣнье, передъ масляницей, не нашла никого изъ мужчинокъ заколоть курочку и что поэтому принуждена была заколоть её сама.

— Грѣховодница ты этакая! перебили её въ нѣсколько головъ, благочестивыя слушательницы.

Такъ бесѣдовали гостейки между собою, проводя нескудно свободное время.

Между тѣмъ приготовили столы: они установлены были покоемъ (п). Къ столамъ приставили скамьи, а гдѣ не достало—стулья. Столы покрыли браными скатертями, и, по числу гостей, поставили по мелкой тарелкѣ. На тарелки растянули полотенцы и рушники. Послѣ всего приготовленія Пелагея Петровна пригласила дорогихъ гостей откусать хлѣба-соли.

Гости помолились Богу, и встали осереды полу, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій хозяйки.

Тутъ для хозяйки предстояла самая трудная обязанность: нужно было рассадить гостей по мѣстамъ такъ, чтобы соблюдены были въ точности всѣ родственныя связи и отношенія каждой гостьи къ хозяйкѣ.

На первое мѣсто (въ передній уголъ) должна была помѣститься попадья: она уже и не спорила, а, благословясь, вошла по

скамьямъ, да по стульямъ, къ переднему углу, и сѣла на свое мѣсто.

Послѣ чего Пелагея Петровна обратилась къ золовущкѣ, Матрѣи Порфирьевнѣ: — «пожалуй-ко, сударыня, Матрена Порфирьевна, изволь-ко, сударыня, садиться».

— Полно-тко, сударыня, Пелагея Петровна, отвѣтила Матрена Порфирьевна:—ужь, matka, сяду ли тамъ; есть, сударыня моя, кому садиться-то и кромѣ насъ—и получше есть, можетъ быть, и породитѣ.

Хоть Матрена Порфирьевна была крѣпко увѣрена, что родитѣ ей никого тутъ не было; да ужь выразилась такъ ради вѣжливости.

— Полно-тко, сударыня, гостейка дорогая, возразила Пелагея Петровна; — всѣмъ, сударыня, мѣсто найдемъ... Поди-ко, поди! пролѣзай, сударыня, прибавила Пелагея Петровна, пропихивая гостейку на предназначенное ей мѣсто.

— Вонъ, Аграфену-то Ивановну, сударыня, сажай, присовокупила Матрена Порфирьевна, упираясь руками и ногами:—она, сударыня, получше насъ будетъ, да и побогатѣ... Матрена Порфирьевна сдѣлала особенное удареніе на словѣ: «побогатѣ».

— Въ чужомъ-то карманѣ, сударыня, Матрена Порфирьевна, ты деньги-то не считала, отвѣтила, не безъ дерзости, Аграфена Ивановна.

— Слухомъ земля полнится, сударыня Аграфена Ивановна, возразила, съ нѣкоторою ядовитостію, Матрена Порфирьевна, — дай Богъ всякому, матушка, мы вѣдь не завидуемъ... У тебя, вонъ, добрая-то головушка, слава Богу, не дома сидитъ, сложивши ручки, а отъ нашихъ-ту богачей при сумѣ, матушка, ѣздитъ хлѣбецъ покупать; такъ можно, матушка моя, нажать, да накопить: есть около чего ошурочковъ-то пообратъ... «По капелькѣ-де море, по зернышку—ворохъ...»

— Что ты, сударыня моя, мужемъ-то меня попрекаешь? перебила, разгорячившись, Аграфена Ивановна:—твой-отъ, вонъ, и у богомолицы кружку отбилъ, да я, сударыня, ничего не говорю...

— Прошу покорно выслушать! вскричала съ гнѣвомъ Матрена Порфирьевна, обращаясь ко всѣмъ гостямъ: — говорятъ, мой мужъ воръ... прошу засвидѣтельствовать!... Улыбаться, сударыня, Пелагея Петровна, нечего! присовокупила она съ азартомъ, обращаясь къ Пелагеѣ Петровнѣ, которая, какъ видно, на чтѣ

нибудь въ это время улыбнулась; — прошу, сударыня, засвидѣтельствовать!... это въ вашемъ домѣ было...

Целагея Петровна, какъ благоразумная хозяйка, принялась было уговаривать Матрену Порфирьевну; но та просто отъ нея отвернулась и опять съ гнѣвомъ обратилась къ Аграфенѣ Ивановнѣ:

— Мой мужъ, сударыня моя, Аграфена Ивановна, не воръ; а твой-отъ, вотъ, такъ ужъ настоящій воръ, воромъ я глядять. Въдь ужъ всей слободѣ извѣстно, какъ онъ пшеницу-то таскалъ изъ чужова-то судна. Что? закусила язычекъ-отъ? не на ту видно попала?..

— Прошу покорно, добрые люди! прошу прислушать! произнесла Аграфена Ивановна, едва собравшись съ духомъ; — на всю честную компанію ссылаюсь, прибавила она, ловко повернувшись осередѣ пола и окинувъ бойкимъ взглядомъ всю компанію:—развѣ я обозвала ея мужа воромъ, а?... За что же она-то, паскуда, моего мужа обзываетъ воромъ, развѣ онъ воръ, а? — Погоди, сударыня, Матрена Порфирьевна, присовокупила Аграфена Ивановна, искусно грозя своимъ пальчикомъ передъ самымъ носомъ Матрены Порфирьевны; — за этакія-то словеса полежишь еще вверхъ спинкой, да понюхаешь половичекъ, чѣмъ отъ нихъ пахнетъ...

Сказавши это, Аграфена Ивановна посмотрѣла на всѣхъ съ самодовольнымъ видомъ: «что, дескать, каково мы поговариваемъ?»

Тутъ началась было нескончаемая исторія, такъ что Целагея Петровна, при помощи другихъ миролюбивыхъ гостей, едва, едва только могла примирить немножко ссорющіяся стороны. По крайней мѣрѣ согласили ихъ на томъ, что онѣ во всякое другое время могутъ возобновить свои непріязненные другъ къ другу отношенія; а что теперь мѣшаютъ и хозяйкѣ и всей честной компаніи.

Успокоенныя этими мыслями, строптивыя гостейки немножко приутихли. Матрена Порфирьевна довольно торопливо вскочила на стулья и пропутешествовала по нимъ до предназначеннаго ей мѣста, на которое и помѣстилась съ торжествующимъ лицомъ. Ей, по правдѣ сказать, и прежде еще хотѣлось сѣсть выше Аграфены Ивановны, а уже тѣмъ болѣе теперь — послѣ ссоры.

Аграфену Ивановну, по необходимости помѣстили рядомъ съ

Матронею Порфирьевной. Та и другая, конечно, отвернулись другъ отъ дружки въ сторону.

Тутъ, по соображеніямъ Пелагеи Петровны, дошла очередь сажать головиху да Афросинью Федуловну. Пелагея Петровна взялась было сначала за Афросинью Федуловну, да какъ взглянула на головиху, такъ и спохватилась, что она сдѣлала большой промахъ. Оставя Афросинью Федуловну, Пелагея Петровна подошла къ головихѣ и предложила ей садиться возлѣ Аграфены Ивановны.

Головиха страшнымъ образомъ заломалась:

— Не сяду, сударыня Пелагея Петровна, сказала на отръзъ головиха:—есть, сударыня, породнѣ меня... Афросинью—ту Федуловну что, сударыня, не сажаешь?

Пелагея Петровна и сама видѣла, что Афросинья Федуловна роднѣ головихи, да не могла не сдѣлать головихѣ предпочтенія за то, что она головиха.

Поспоривши съ головихой минутъ десятокъ, Пелагея Петровна не стала уже слишкомъ ее беспокоить, а какъ будто уступая ея отговоркамъ, рѣшилась посадить на предлагаемое мѣсто свахоньку Афросинью Федуловну.

Только-что обратилась она къ ней съ этимъ предложеніемъ, какъ головиха неистово покосилась на Пелагею Петровну, злобно кивнула головой, хныкнула и въ тужь минуту начала собираться домой.

— Чтой-то это Анна Ивановна?! воскликнула съ изумленіемъ Пелагея Петровна: — куда это, сударыня, изволите собираться?

— Чтобы я сѣла ниже Афросиньи Федулихи!.. Господи помилуй!—жива не хочу быть!! вскричала головиха самымъ разярленнымъ тономъ, молясь между тѣмъ Богу.—Я сама головиха! никому не уступлю!! Съ этими словами головиха сильно ударила кулакомъ по столу и тутъ-же разбила двѣ тарелки. — Никому не уступимъ! продолжала она, размахивая кулаками.— Афросыѣ Федулихѣ ужъ выше меня не сидѣть!... не сидѣть-таки и не сидѣть! Съ такимъ гикомъ и крикомъ головиха убѣжала домой, не простившись: принимались было поугovarивать ее и Пелагея Петровна, и еще кой-кто изъ гостей,—да куда! и *назрѣться* * не далась.

* Это значитъ не только никого не послушала; но даже, какъ будто, не позволила остановиться на себѣ и постороннему взору.

По уходѣ головихи многія гостейки замѣтили, что «Анна Ивановна очунно *мравна*».

— Ужь *мравна* таки и есть, подхватила Аграфена Ивановна:—вездѣ все въ гору лѣзеть, сударыня; вѣдь вотъ хоть мы маленько перемолвились съ Матреной Порфирьевной, да вѣдь ужъ не обидѣли же другъ дружку: слово сказали, другимъ покрыли и ни *лѣтъ*, ни *примѣтъ*.

Матрена Порфирьевна немножко попытѣла: она не такъ—то привыклѣ къ такимъ быстрымъ переходамъ изъ ссоры къ дружбѣ; однако, желая встать на лучшую степень головихи, безпрекословно согласилась съ мнѣніемъ Аграфены Ивановны. Такимъ образомъ по поводу бунта, произведеннаго головихой, нечаянно примирились между собою два враждующія лица.

Не болѣе какъ черезъ часъ послѣ головихина ухода, благополучно усадили всѣхъ гостей на свои мѣста; всего навсего понадобилось только пересадить двухъ гостеекъ, которыя, по ошибкѣ, посажены были не на свои мѣста: одна была посажена слишкомъ высоко, а другая—низко. Пелагея Петровна совсѣмъ позабыла, что у той гостейки, которая сидѣла низенько, Иванъ Порфирычъ, прошлый годъ, воспринималъ ребенка. По этому случаю одну гостейку спустили пониже, а другую—подняли повыше. Пересадка обошлась безъ всякаго шума, потому что обѣ гостейки были самаго мирнаго свойства. Вскорѣ послѣ этого стряпуха начала подавать кушанье.

Первое кушанье было холодное — заливная говяжья студень. Передъ студенью Пелагея Петровна обнесла всѣхъ гостей ерофейчикомъ, конечно, начиная съ попадѣюшки и оканчивая самой послѣдней родственницей, сидѣвшей въ концѣ стола.

— Передъ холодненькимъ—ту матушка Сосипатра, пожалуй—ко сударыня, просила Пелагею Петровну попадѣюшку. Переговоры съ обѣихъ сторонъ были тѣже, какъ прежде; но все-таки каждая гостя выпила рюмочку передъ холодненькимъ.

Потомъ подали другое холодненькое — поросенка. Съ боемъ, да съ дракой гостейки дорогія выкушали по рюмкѣ и передъ другимъ холодненькимъ. Подали третье холодное — гуся; гости выпили и передъ гуськомъ. Впрочемъ гости не позабывали просить рюмочкой и Пелагею Петровну; но Пелагея Петровна, вообще, пила мало.

Послѣ холодныхъ начали подавать горячее. Горячаго тоже было три блюда: щи, похлебка и лапша со свиной. Гости,

нхъ вводится, выкушали по рюмочкѣ и передъ горяченькими. Однимъ словомъ рюмочки шли передъ каждымъ блюдомъ, а блюдо было тѣмъ тѣмущая.

«Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается»: прошло отъ начала обѣда $4\frac{1}{2}$ часа, а обѣдъ не вошелъ еще и въ половину. Тутъ свахонькѣ Афросиньѣ Федуловнѣ явилось желаніе выйти вонъ, освѣжиться чистымъ воздухомъ. Чтобы не безнокотъ дорогихъ гостеекъ, свахонька нырнула подъ столъ, и чопорно выплыла съ другой стороны стола какъ лебедь бѣ-ми. Помолвившись Богу, она вышла вонъ освѣжиться. Ея при-кѣру послѣдовала и матушка Сосипатра; а тамъ поднялись и другія гостейки: кто по стульямъ, кто подъ столъ.

Матушка Сосипатра освѣжилась первая. Возвратившись въ комнату, она, какъ водится, помолилась Богу и прежнимъ путемъ отправилась на свое мѣсто. Точно также освѣжились и всѣ. Это самое и значитъ, что пиръ слѣланъ былъ *съ выходомъ*.

Освѣжившись чистымъ воздухомъ, дорогія гостейки возвратились на прежнія свои мѣста. Только почему — то позамедлила одна свахонька Афросинья Федуловна. Ждутъ-пождутъ нашу Афросинью Федуловну—нейдетъ сударыня, да и только.

— Чтой-то, матушки, Афросинья-то Федуловна не возвращается? спросилъ кто-то изъ заботливыхъ гостеекъ.

Тутъ Пелагея Петровна дотянулась черезъ столъ до Матрени Порфирьевны, и шепнула ей что-то на ухо по секрету. Та, съ усѣшкой покачала только головой и передала, также на ухо, Аграфенѣ Ивановнѣ. Аграфена Ивановна тоже покачала головой, и передала секретъ своей сосѣдкѣ; та, улыбнувшись, шептала на ухо своей сосѣдкѣ и т. д., завѣтная тайна, во-очію всѣхъ, обошла весь столъ. Оказалось, что Афросиньѣ Федуловнѣ Богъ далъ сына.

Между тѣмъ подали жаркое—поросенка. Поросенокъ лежалъ на плоскѣ цѣликомъ, т. е., не разрѣзанъ. Тутъ Пелагея Петровна подошла къ столу и попросила свою золовушку—Матрени Порфирьевну потрудиться разрѣзать поросенка. Золовушка отговорила подъ предлогомъ неумѣнья. По этому случаю Пелагея Петровна обратилась съ просьбою къ Аграфенѣ Ивановнѣ, и Аграфена Ивановна отказалась.

Поросенка могла *рушать* (разрѣзывать) всякая гостья безъ обиды другой; но только не хозяйка.

Матрена Семеновна Тальникова, сидѣвшая почти въ самомъ

конецъ стола, давно покачивавшаяся на поросенка. Видя, что всё отговариваются его рушить, она потребовала его къ себѣ и въ одну минуту располосовала на мелкія части въ рушную, т. е., безъ пособія ножа и вилки; голову же оставила цѣлу и невредану, которую и передала Пелагеѣ Петровнѣ.

Пелагея Петровна, взявши порослячью голову за морду, опичала съ нее, гдѣ было нужно, лишнее мясо, доковырялась до мозгу, воткула въ мозгъ вилку и въ такомъ положеніи предложила порослячью голову матушкѣ Соснатрѣ.

Матушка Соснатра откушавъ отъ порослячьяго мозжечку самую малую толику, передала всю голову Матренѣ Порфирьевнѣ.

Матрена Порфирьевна, получивъ порослячью голову, тоже откушала изъ нее мозжечку почти невидимую крупиночку, такъ что Пелагея Петровна вынуждена была замѣтить Матренѣ Порфирьевнѣ, «что она откушала очунно ужъ мало.»

— Накушалась сударыня, Пелагея Петровна, отвѣтила чопорно Матрена Порфирьевна и съ словомъ передала порослячью голову своей сосѣдкѣ. Такимъ образомъ порослячья голова обошла весь столъ и очутилась на прежнемъ мѣстѣ уже безмозглая.*
Самого же поросенка скушали послѣ порослячьяго мозгу.

Кончивъ поросенка, нѣкоторыя гостейки опять пожелали освѣжиться;—освѣжились и въ другой разъ.

Наконецъ дѣло дошло до пирожнаго. Семь отличныхъ круглыхъ коровайцевъ съ малиной, составляющихъ пирожное, были поставлены на столъ передъ гостями. Дорогія гостейки не могли и налюбоваться на красоту коровайцевыхъ узоровъ; не могли также не обратить вниманія и на необыкновенную ихъ величину. Всѣ въ одно слово замѣтили, что коровайцы точно колѣса добрыя, а разубраны да разукрашены на диво.

Убѣдившись въ достоинствѣ коровайцевъ, всѣ гости какъ въмохъ пали—затихли совершенно.

Тутъ Пелагея Петровна выступила осереді комнаты съ сияющимъ лицомъ и торжественно провозгласила:—Кушайте дорогія гостейки! да не взыщите, матушки, на нашу хлѣбъ-соль.

— Чего еще, сударыня Пелагея Петровна, отвѣтили нѣкоторыя болѣе вѣжливыя гостейки:—сытѣхоньки—полнѣхоньки... и съ этимъ словомъ всѣ вдругъ встали изъ-за стола, и стали мо-

* Обыкновеніе это дѣйствительно существовало до тридцатыхъ годовъ; но что оно обозначаетъ и существуетъ ли ужъ нибудь въ настоящее время—неизвѣстно.

литися Богу за обѣдъ и благодарить хозяина съ хозяйшккой за хлѣбъ за соль; а до моровайцевъ никто такъ и не дотронулся, потому что они ставятся для одного приличія и вообще считаются *розюлей*.

Обѣдъ кончился въ 4 часа утра, т. е., продолжался ровно 8 часовъ. Нѣкоторыя гостейки оказались, что онѣ уже, какъ говорятъ, и въ лыкъ не везуть; у другихъ же, наоборотъ, слышномъ много прибавилась бодрости и краснорѣчія. Вообще, говорящихъ было много, а слушающихъ не было ни одной.

Послѣ обѣда опять принялись пить чай, а послѣ чаю вышли на пуншику. Которая отказывалась отъ пунша, ту заставляли пить рюмку гольемъ. Недопитые остатки вина, или пунша, выплескивали на ту гостейку, которая не допила. Да и вообще вина уже не столько попадалось въ ротъ, сколько лилось его на платье. Полъ тоже былъ облитъ виномъ.

У дорогихъ гостеекъ развязались уже и языки, и руки. Посыпались различные прибаутки и мѣщанскія остроты, отъ которыхъ малю-мальски порядочный человѣкъ отвернется и заткнетъ уши. Чтобы не безнокотить много хозяйку и помочь ей въ такомъ случаивомъ дѣлѣ, гостейки принялись угощаться сами.

— На, оканная, пей! кричала Матрена Семеновна Тальникова своей двоюродной сестрицѣ Акулинѣ Ивановнѣ, поднося ей стаканъ какой-то презлѣющей водки. Та немножко было заартачилась: что-то принялась было рассуждать; но на нее тутъ же выплеснули три рюмки. Горница преобразилась въ самый отвратительный шинокъ. Пьяныя и безобразныя бабы, пропитанныя виномъ, какъ говорится, внутрь-уду и внѣ-уду, съ извращенными физіономіями, готовыми, кажется, на каждое начальное слово, бродили какъ мокрохвостыя курицы.

Одна поджарая гостья, совершенно внезапно и что есть силы, завизжала «во дузяхъ» такъ что напугала своею внезапностію всю честную компанію. Воодушевившись этимъ, тотчасъ подхватила другая голосистая гостейка, только затянула не «волузяхъ» а «возлѣ рѣчки возлѣ мосту, по канавѣ» Это согласное пѣніе нѣкоторыхъ расположило къ пляскѣ. Одна, повидимому, довольно солидная женщина, лѣтъ въ 50, съ постоянно-серьезнымъ выраженіемъ лица, подперлась въ бока руками и вытаращивъ свои огромныя впалые, и какъ будто ослобенѣвшіе глаза, начала безобразно плясать; но въ пляскѣ ея не было никакого живаго выраженія. Она это дѣлала какъ будто въ припадкѣ бѣшенства.

Сочувствуя всеобщему веселью, и попадѣюшка разрѣшилась было кой что пропѣть. Опустивъ внизъ свои глазки, она затанула было тоненькимъ голоскомъ какую-то пѣсню... да никакъ не могла сладить съ своимъ языкомъ: не ворочается да и только!

На свахоньку Анну Петровну нашелъ какой-то стообнякъ. Прислонившись къ стѣнѣ, она стояла какъ истуканъ — глядѣла во все глаза и не мигала. Только по одному иканью, да легонькой отрыжечкѣ (отъ которой, вѣроятно, очумѣла бы любая курица, если бы Анна Петровна стояла подѣ насѣстью) и можно было замѣтить въ ней жизненные признаки.

Неизвѣстно долго ли бы простояла такимъ образомъ Анна Петровна, если бы одинъ случай не вывелъ ее изъ этого положенія. Одна изъ гостеекъ, видимо убитая какимъ-то домашнимъ горемъ, неосторожно бросилась на Анну Петровну, съ намѣреніемъ выплакать у нея на груди свою завѣтную печаль—Анна Петровна не выдержала напора горемычной гостейки, и всею тяжестью грохнулась на полъ, да такъ тутъ и заснула. Другія гостейки, въ видахъ шутки, поплескали было на нее ерофейчикомъ, но все-таки въ чувство не привели. Анна Петровна громко храпѣла.

Фетинья Ильинишна, будучи отъ природы весьма чистоюпотною, потребовала себѣ бани и возбудила этимъ въ нѣкоторыхъ гостяхъ желаніе вылить на нее полведра холодной воды.

Пиръ кончился. Чопорныхъ и церемонныхъ сударынь увелъ подѣ руки по домамъ няня, впрочемъ, кое какъ укувыляла сама, а няня такъ и осталась на мѣстѣ преступленія.

Пелагея Петровна, усталая и измученная, сбѣжала въ кухню чтобы уманать, на скорую руку, насчетъ остатковъ послѣ пиру

— Что, Дуняша, много ли похлебки-то куричьей осталось? спросила Пелагея Петровна страпуху.

— Какое, матушка — осталось, отвѣтила Дуняша: — едва — едва натянула.

— Дуло бы ихъ горой! произнесла съ негодованіемъ Пелагея Петровна: — Хоть поросеночка-то холоденькова осталось-ли что нибудь?

— Да вотъ, только, — отвѣтила страпуха, показывая Пелагею Петровнѣ самую ничтожную частицу опципаннаго поросенка.

— Разстрѣляю бы ихъ по макову-ту зерну! заключила Пелагея Петровна, и въ сильномъ негодованіи вышла вонъ, чтобы успокоиться отъ тяжкихъ дневныхъ трудовъ.

Иванъ Порфирычъ, довольно зарумяненный, спалъ уже на постели крѣпкимъ сномъ.

—Что бездомокъ—бачажникъ, или ужъ налился — не поминишь? произнесла разстроенная Пелагея Петровна;—погоди вотъ, какъ жену—ту отправишь на тотъ свѣтъ, такъ все промотаешь; не надолго безъ жены—то стаетъ... и Пелагея Петровна, какъ огорченная нехорошимъ поведѣніемъ мужа, не пожелала лечь съ нимъ на одну постелю, а улеглась на полу.

XIV.

Самоучка.

Мы оставили Николю ребенкомъ, которъй, по неспособности своей, отбился отъ ученья. Такъ онъ дѣйствительно и остался. Пелагея Петровна видѣла въ немъ всѣ признаки неспособнаго и бесполезнаго человѣка, и въ слѣдствіе этого страшно его не любила. Напротивъ того Иванъ Порфирычъ замѣчалъ въ Николѣ какіе то особенные признаки смѣтливости, такъ что нерѣдко называлъ его, въ шутку, секретаремъ. Какъ бы то ни было, но секретарю нашему минуло уже 10 лѣтъ, а онъ все-таки не зналъ грамотъ. Надобно замѣтить, что Никола страстно любилъ рисовать и чертить различные кружки да треугольнички. Этими предметами онъ готовъ былъ заниматься день и ночь; а къ грамотѣ сердце не лежало. Не потому, что онъ не желалъ этого знать, а потому, что ему слишкомъ опротивѣлъ самый процессъ безтолковаго ученія, которое ни какъ не прививалось къ его слабымъ понятіямъ. Изъ всего, что онъ ни выучилъ, не понималъ онъ ни крошки; да къ тому же въ головѣ его укоренилось сильное убѣжденіе, что и понять этого съ его умомъ не возможно. Какъ бы то ни было, но, при постепенномъ развитіи собственнаго сознанія, Николѣ по временамъ начала закрадываться мысль о необходимости учиться грамотѣ, тѣмъ болѣе, когда онъ увидѣлъ, что всѣ его лучшіе товарищи умѣютъ читать, а нѣкоторые—даже писать. Прошло еще нѣсколько времени—и Николю сильно начало тревожить чувство дѣтскаго самолюбія и досады. Онъ, какъ будто, злился на самого себя, за свою непонятливость и неспособность къ ученью. Никола былъ слишкомъ самолюбивъ, а можегъ быть и гордъ не по лѣтамъ; но здѣсь онъ видѣлъ необходимость уступать своимъ товарищамъ въ знаніяхъ, не смотря на то, что они казались ему довольно

безтолковыми, и что въ изобрѣтеніяхъ дѣтскихъ игръ, онъ всегда былъ въ числѣ первыхъ. Тревожимый подобными мыслями, Никола измѣнился немножко и въ характеръ. Уничтоженное самолюбіе и нѣкотораго рода зависть, смѣшанная съ досадою, довольно иногда порывисто выражались въ его пріемахъ.

Однажды Никола показалъ своему отцу цѣлую кипу картинъ собственнаго своего произведенія, рисованныхъ на бумагѣ углемъ съ чернилами и частію раскрашенныхъ сурикомъ. Хотя, по правдѣ сказать, въ картинахъ этихъ не было ни складу ни ладу, однако Иванъ Порфирычъ художественною ихъ отдѣлкою остался весьма доволенъ; только замѣтилъ одинъ весьма важный недостатокъ, что нѣтъ на картинахъ надписей, и потому нельзя видѣть, что онѣ обозначаютъ.

— Нужно, братъ, подписывать всѣ картины, замѣтилъ Иванъ Порфирычъ Николай:—безъ подписи, что за картина? гдѣ ты безъ подписи—то картины—то видалъ?..

— Да вѣдь я писать—то не умѣю, отвѣтилъ съ робостію Никола.

— Неумѣнемъ—ту, братъ, отъ меня не отдуешься, возразилъ Иванъ Порфирычъ довольно сердито:—не умѣешь, такъ учишься. Прежде, братъ, и я не умѣлъ, а какъ сталъ учиться, такъ и выучился. На-ко ты, какую отговорку нашель—не умѣю; я тебѣ дамъ не умѣю! продолжалъ Иванъ Порфирычъ самымъ сердитымъ тономъ.—Что ты въ самомъ дѣлѣ, пентюхомъ что ли хочешь остаться?.. дуракомъ что ли хочешь быть?.. У меня, чтобы къ веснѣ выучиться и читать и писать! слышишь?.. А не то, братъ, смотри!—въ солдаты отдамъ каналью этакова! слышишь ли, что я говорю?

—Слышу, отвѣтилъ оробѣвшій Никола.

—Станешь учиться, или нѣтъ?

—Стану, отвѣтилъ тихо Никола.

—То то—стану, у меня, чтобы стать; я, братъ, раскалякивать—то не люблю.

Иванъ Порфирычъ въ подобныхъ случаяхъ дѣйствительно не любилъ раскалякивать; Неумѣнье да незнанье онъ въ расчетъ почти никогда не принималъ, потому что твердо былъ увѣренъ, что съ желаніемъ и прилежаніемъ можно выучиться чему угодно.—«Было бы только желаніе да прилежаніе, а то выучиться можно» рассуждалъ Иванъ Порфирычъ.

— Ты, братъ, на учителей—ту не надѣйся, продолжалъ Иванъ Порфирычъ;—коли не умѣлъ прежде у матери учиться, такъ

учись самъ; если хорошенько примешься, такъ выучишься. Ну, а чего не поймешь, такъ молись больше Богу: Онъ выучитъ все-ну. Вонъ въ евангеліи-то, чтó написано: «ищите, говорить, и обрящете, толцые и отверзетъ вамъ.» Тутъ Иванъ Порфирычъ немножко порастолковалъ, что значить «ищите и обрящете».—Такъ вотъ, братъ, продолжалъ Иванъ Порфирычъ:—какъ станешь стараться да прилежать, такъ и ты выучишься. Когда выучишься грамотѣ, тогда отдамъ къ иконописцу образа учиться писать; безграмотнаго, братъ, никто и учить не ставитъ; такъ-то, пріятель дорогой.

Удоставрившись отъ отца въ возможности выучиться грамотѣ, и убѣдившись въ томъ, что безграмотный человѣкъ не можетъ быть настоящимъ иконописцемъ, Никола, во что бы то ни стало, рѣшился учиться грамотѣ, и, какъ совѣтывалъ тятенька, учиться одинъ—самъ собой, безъ постороннихъ указаній. Впрочемъ ему не на кого было и надѣяться. Вася хоть и зналъ грамотѣ, но, во первыхъ, зналъ плохо, а во вторыхъ и не слишкомъ былъ доброжелателенъ въ отношеніи къ Николѣ; притомъ же онъ не могъ съ нимъ и заниматься, потому что занимался уже по хозяйству. Маша знала грамоту весьма плохо, а къ преподаванію не имѣла никакой способности. Одна надежда была на Пелагею Петровну; но въ настоящее время и на нее нельзя было рассчитывать. Выразившись одинъ разъ, что Никола безтолковъ и къ ученюю вовсе неспособенъ, она къ тому уже и вела дѣло, чтобы Никола остался неучемъ. Ей чрезвычайно какъ хотѣлось похвастаться передъ людьми своею прозорливостію.—«Дуракъ, такъ ужъ дуракомъ и будетъ» отзывалась обыкновенно Пелагея Петровна на счетъ Николи: «—мать-та ужъ видно напрасно-то ни одного слова не скажетъ»...

Иванъ Порфирычъ, между тѣмъ, по комисіи какого-то купца, уѣхалъ въ Москву на цѣлую зиму, а потому Пелагея Петровна осталась въ домѣ полной хозяйкой. Въ это-то самое время Никола и принялся учиться грамотѣ.

Не малаго труда стоило ему припомнить правильное названіе буквъ; однако все-таки онъ ихъ припомнилъ безъ посторонняго пособія. Но первоначальныя склады онъ едва-едва могъ припомнить съ помощію самаго усиленнаго соображенія. Какъ бы то ни было, но онъ припомнилъ и склады, а дальше не могъ сдѣлать шагу; мало этого: онъ не понималъ значенія и самыхъ складовъ. И Богъ знаетъ, что у него была за тупость такая въ

этомъ отношеніи! Денно и ночью бился онъ со складами, все смиллялся уяснить себѣ настоящее ихъ значеніе; но никакъ не находилъ въ нихъ смысла. Принимаясь вновь за ученіе, Николая рассчитывалъ выучиться скоро, потому что надѣялся побѣдить все своимъ прилежаніемъ и стараніемъ; рассчитывалъ также похвастаться этимъ предъ своими товарищами, а можетъ быть и посмѣяться надъ ихъ тупоуміемъ; однако нѣтъ, не выходило. Тутъ Николая вспомнилъ отцовское наставленіе: «чего не поймаешь, такъ помолись Богу», и Николая началъ молиться Богу, чтобы Богъ открылъ ему способности и разумъ понять грамоту. Не разъ вставалъ онъ тихонько ночью, и съ дѣтскою вѣрою и надеждою молился до пота лица. Такое напряженное состояніе мысли и духа истощило Николаю до того, что онъ сдѣлался какъ испитой. Тошная и унылая его физиономія навела Пелагею Петровну на счастливую мысль прозвать его *домусомъ* и *сосулей*. Это прозвище разстроило Николаю окончательно, потому что подобныя нечестивыя прозвища оскорбляли его до глубины души. А въ тоже время отъ постоянного мысленнаго и чрезмѣрнаго вниманія къ одному и тому же предмету, Николая до того настроилъ свое воображеніе, что склады эти окончательно стали нарушать его покой и начали, какъ будто бы, предъ нимъ олицетворяться. Заснетъ ли Николая тревожнымъ сномъ въ самую глухую полночь — огромныя черныя буквы, какъ древніе исполины, медленно движутся передъ его глазами, и Николая видятъ; какъ прошли мимо его первые склады: «буки азба», а потомъ — «буки рцы азра» и пр. Тамъ, на самомъ заднемъ планѣ, колеблются страшныя склады; съ какими-то радужными уже оттѣнками: Николая узналъ въ нихъ: — «Азъ ангелъ, ангельскій, архангелъ, архангельскій и пр.»

Однажды утромъ, когда Николая не всталъ еще съ постели, и, валяясь по обыкновенію на полу, находился въ какомъ-то полупросонѣ, — вдругъ въ головѣ его начало уясняться, что «буки азба» въ сущности не буки-азба, а просто — *ба*; точно также и «буки-рцы азра» не буки рцы азра, а только — *бра* и проч. Тутъ Николая какъ будто вдохновился и въ одну минуту сознательно понялъ, что, набирая такимъ образомъ то — *ба*, то — *ва*, то — *бра*, можно составить какое угодно слово. Для примѣра онъ тотчасъ представилъ себѣ простыя двусложныя имена: *тятя* и *мама*, и эти имена, составленные изъ гигантскихъ буквъ, живо нарисовались въ его воображеніи. Николая прочиталъ ихъ

съ полнымъ сознаниемъ. Воображеніе еще нарисовало ему кой-какія слова — Никола прочиталъ безъ особеннаго затрудненія и эти слова. Можетъ быть Никола, находясь въ такомъ созерцательномъ состояніи, выучился бы и еще кое-чему; но помѣшала этому Пелагея Петровна.

— Нако-ты, донгусъ этакой! — сосуля! тянется до кой поры, а? закричала Пелагея Петровна на Николю, снабдивъ его порадочнымъ пинкомъ въ бокъ.

Никола вскочилъ какъ полоумный, и въ головѣ у него мгновенно исчезло все, чему онъ научился въ своемъ обаятельномъ полуснѣ. Цѣлый день старался онъ припомнить утреннюю свою мечту; но тревожная мысль дробилась у него въ головѣ безъ всякаго строя. Какъ будто что-то знакомое и понятное мелькало иногда въ головѣ его; но промелькнетъ, да тутъ же и исчезнетъ, а въ сознаниіи не останется никакого слѣда. Такъ прошло нѣсколько дней.

Въ одну ночь, когда Никола, думая о складахъ, только что хотѣлъ было заснуть, вдругъ прежнія мечты начали опять олицетворяться въ его воображеніи. Въ глазахъ его появились буквы, и нестройныя и бродящія мысли, мало по малу, начали сосредоточиваться на одномъ предметѣ и слагаться въ сознание. Здѣсь Никола разбиралъ уже не одни только простые слоги, а читалъ, не торопясь, какую-то книгу, изъ которой даже могъ въ послѣдствіи запомнить нѣкоторыя фразы. Хотя Никола находился тогда въ полусонномъ состояніи, но сознание не оставило его.

Не пролѣли еще первые пѣтухи, какъ онъ, движимый радостнымъ чувствомъ, совершенно проснулся. Книга, конечно исчезла; но пониманіе чтенія, хотя неслишкомъ ясное, удержалось въ его памяти. Тутъ Николю начало мучить непреодолимое желаніе удостовѣриться въ этомъ практически.

Съ трепетомъ и радостію онъ тихонько приподнялся съ постели, прислушался — всѣ домашніе спали крѣпкимъ сномъ. Дрожа какъ въ лихорадкѣ, Никола всталъ на ноги, постоялъ постоялъ немножко и тихонько пошелъ шагать по направленію къ печи. Тамъ отыскалъ онъ, ощупью, огниво и трутъ, нашелъ нѣсколько сѣрыхъ спичекъ и, едва переводя дыханіе, тихими и дрожащими шагами вышелъ вонъ.

Удовольствившись, что никто не проснулся, Никола ушелъ потихоньку въ заднюю пустую горницу, вздулъ тамъ огня и за-

свѣтилъ восковую свѣчку. Потомъ поставилъ, на скорую руку, посреди комнаты, четыре стула, покрылъ ихъ какимъ-то старымъ одяломъ и сдѣлалъ изъ этого нѣчто въ родѣ цыганской палатки. Далѣе: — досталъ изъ горнушки азбуку, гдѣ она постоянно у него хранилась, и залѣзъ съ нею въ приготовленную палатку. Само собою разумѣется, что палатка сдѣлана для огражденія свѣта.

Открывши азбуку, Никола съ величайшимъ вниманіемъ принялся разбирать слова. Сначала, отъ внутренняго волненія, у него зарябило въ глазахъ и онъ не разобралъ ни одной буквы; но потомъ, когда мысли его нѣсколько успокоились и сосредоточились на одномъ предметѣ, онъ хотя медленно и съ остановками, но все таки прочиталъ: «Буди благочестивъ, уповай на Бога и люби его всѣмъ сердцемъ».

Слѣдующій день для Николи былъ свѣтлымъ праздникомъ. На сердцѣ у него было легко и отрадно. Чтеніе, о которомъ онъ прежде не могъ вспоминать безъ содроганія и досады, теперь сдѣлалось любимымъ его предметомъ. Радость Николи нерѣдко доходила до восторга, потому что никакое враждебное чувство не туманило его свѣтлыхъ мечтаній. Онъ готовъ былъ перецѣловать всѣхъ и передать каждому свою сердечную радость. Враги по дѣтству сдѣлались его лучшими друзьями. Само собою разумѣется, что Никола совершенно измѣнился, тѣмъ болѣе, что онъ не могъ сладить съ чувствомъ глубокой радости, которая иногда выражалась у него и не къ мѣсту. Съ самаго еще утра онъ началъ увиваться около Пелагеи Петровны, съ твердымъ намѣреніемъ: выбрать удобный случай и передать ей свою радость.

Какъ на грѣхъ Пелагея Петровна въ это утро была чрезвычайно какъ мрачна.

— Что больно веселъ?! вскричала неожиданно Пелагея Петровна на Николю, когда тотъ собрался было передать ей о своихъ знаніяхъ: — что вертишься, какъ бѣсъ на берестѣ? али ухвата захотѣлъ?

Необращая на это лестное предложеніе маменьки никакого вниманія, Никола, все таки, хотѣлъ было хоть наскоро сообщить ей, что онъ умѣетъ уже читать. Но не успѣлъ онъ разинуть своего рта, какъ Пелагея Петровна щелкнула его въ лобъ ухватомъ такъ, что только искры изъ глазъ посыпались.

— Вотъ тебѣ нѣ, бѣсово скально! вскричала разгнѣванная

Пелагея Петровна:—коли мать-та говорить, такъ не смѣй, окаянной, рта разинуть.... Этакимъ сынкомъ—псомъ Богъ награди! матери-то ужъ выговорить не дастъ ни одного слова. Вотъ оно, послабленье-то наше, до чего доводитъ! Какъ-бы, во рогу, взялъ, да голову-ту до мозговъ пробилъ,—такъ и сталъ бы поминать...

Ошеломленный сильнымъ щелчкомъ въ голову, Никола едва-едва опаматовался и тотчасъ поспѣшилъ убраться вонъ изъ избы.

Вскорѣ послѣ этого, Никола опять въ чемъ-то провинился передъ маменькой; и она, кромѣ заданной ему потасовки, прогнала его съ глазъ долой и не приказала являться. Никола былъ радъ-радешенекъ такому распоряженію своей маменьки. Онъ невозбранно поселился въ задней горницѣ, и проводилъ тамъ время одинъ одинешенекъ. Кушанье ему приносила или работница, или Маша. Тутъ онъ на свободѣ упражнялся въ чтеніи, и просиживалъ иногда невидимкой, въ любимомъ своемъ шатрѣ, чуть не цѣлыя ночи.

XV.

Взрослая дѣти.

Между тѣмъ Васѣ минуло уже 18 лѣтъ; онъ, конечно, умѣлъ кое-какъ читать и писать; а болве не требовалось отъ него никакихъ знаній. Онъ много уже разъ плавалъ съ отцомъ своимъ на судахъ и раза три ходилъ отдѣльно—въ отпавѣ, т. е., былъ на росшивѣ полнымъ распорядителемъ. Судовая промышленность ему чрезвычайно какъ нравилась. Будучи девяти-лѣтнимъ еще мальчикомъ, онъ уже, какъ говорится, *знику* * не давалъ, все просился у тятеньки, чтобы онъ взялъ его съ собой на росшивку, сплавать на низъ. Пелагея Петровна также страстно любила судовую промышленность, потому что судовщики вообще пользовались въ обществѣ лучшимъ почетомъ. Ей хотѣлось даже самой похозяйничать на судахъ, да нельзя было этого сдѣлать при Иванѣ Порфирычѣ. И предлагала было она одинъ разъ Ивану Порфирычу свои услуги, что дескать, «я могу управить росшивой не хуже кого другого»; но тотъ и слушать не сталъ ея предложеній.—«Знай, говорить, сверчокъ свой шестокъ» да больше ничего ей и не отвѣтилъ.

* *знику* не давалъ, все равно, что не давалъ покою.

Такимъ образомъ мнѣніе Васи, въ отношеніи судоваго промысла, совершенно сходилось съ мнѣніемъ Пелагеи Петровны. Тотъ и другой въ этой промышленности, какъ говорится, души не слышали; тотъ и другой съ гордостію и величавымъ видомъ расхаживались, бывало, по палубамъ своей новой росшивы и съ величайшимъ презрѣніемъ посматривали на тѣхъ, у кого подобной росшивы не было. Напротивъ того Николая весьма мало обращалъ вниманія на судовую промышленность: онъ почему-то не любилъ ее. По этому Пелагея Петровна Васю любила больше, нежели Николаю: она видѣла въ Васѣ помылца себѣ и кормилца на старости лѣтъ. Все это, однакоже, не мѣшало Пелагеѣ Петровнѣ задавать подѣ часъ, и любимому сынку Васиныхъ преперядочныя потасовки, такъ что иногда только ключья вверху летятъ. Можетъ быть Пелагея Петровна и не подвергала бы Васю такимъ потасовкамъ; да тотъ ужъ иногда и самъ на это насакаивалъ. Сознывая свое достоинство и ловкость въ промышленномъ дѣлѣ, онъ съ нѣкотораго времени сталъ довольно грубъ и дерзокъ съ своей матерью: онъ частенько, безъ церемоніи, напоминалъ Пелагеѣ Петровнѣ, что бы она «не совалась туда, гдѣ еѣ не спрашиваютъ»; а этого напоминаванія она терпѣть не могла; изъ-за этого большею частію и выходили между ними непріятныя сцены. Другого бы Пелагея Петровна за подобныя выраженія заколотила бы кажется до гробовой доски; но Васю много еще щадила, потому что видѣла въ немъ прочную опору въ старости.

Строгая для воспитанія дѣтей и бойкая во всѣхъ домашнихъ распоряженіяхъ, Пелагея Петровна, конечно, не оставляла безъ вниманія и Машу. Въ послѣднее время она была ее рѣдко, но ужъ и рѣдко да мѣтко; а ругала и срамила почти каждую минуту.

— «Ты ужъ, чертовка омутная, не маленькая! постоянно выражалась Пелагея Петровна, обучая Машу хозяйству: — растапой-ту ходить-то нечего; вонъ ужъ какая дылда выросла, умато только въ башкѣ-то не вынесла. Ровесницы-то твои давно ужъ за мужъ вышли....»

И точно, ровесницы Машины, одна за другой, стали уже выходить за мужъ; а къ ней что-то не сватались. Не потому, что она была некрасива, или приданого было мало — того и другая у нея было достаточно; но стороной говорили, что Маша какъ-то неподходяща въ обращеніи, т. е., выходитъ, ни рыба,

ни мясо, ни , какъ выразилась однажды Паруша—«ни собакѣ мяса, ни свиньѣ поросѣ». Слухи эти отчасти были справедливы. Будучи отъ природы слаба, Маша не выдержала тѣхъ побой, какими прежде зачастую угощала ее маменька. Забитая и изнуренная страхомъ, она сдѣлалась неразвязна и робка до отвращенія. Выслушивая постоянные упреки матери: «какъ въ людяхъ-ту, матушки мои, на дѣвушекъ-ту не насмотришься!» и пр., Маша рѣшилась было перенимать у другихъ дѣвушекъ всѣ ихъ манеры и обхожденіе, но вышло изъ этого еще хуже. Свое природное она это чрезъ потеряла, а чужое, конечно, къ ней не пришло; такъ она и сдѣлалась ни то, ни сѣ: не то что дура, не то что умная, а такъ, Богъ её знаетъ—что такое. Впрочемъ, говоря по справедливости, Машу нельзя было назвать глупой, можетъ быть она даже довольно была умна, но только уму и способностямъ ея не въ чемъ было проявиться. Строгая мать держала её въ крѣпкой уздѣ. Маша, кажется, дышала и двигалась по программѣ, къ которой и привыкнуть было невозможно, потому что Пелагея Петровна разнообразила эту программу по вдохновенію.

Дѣйствуя такимъ образомъ, Пелагея Петровна рассчитывала сдѣлать изъ Маши образецъ совершенства. Она такъ была увѣрена въ правильности воспитанія своихъ дѣтей, что нерѣдко выражалась, что за воспитаніе дѣтей «она уже не отдастъ Богу отвѣта». Нерѣдко также отзывалась она съ презрѣніемъ и о другихъ матеряхъ, которыя, по ея мнѣнію, вовсе не умѣютъ воспитывать своихъ дѣтей.

— «Кто ихъ въ матери-то поставилъ потаковщицъ этакихъ!» говорила она — «моя бы дочь это сдѣлай: — высунься бы въ окошко безъ моего спроса, такъ я бы, псовкѣ этакой, и голу-ту оторвала на рукояйникъ!... Охъ! охъ! охъ!... матери — матери!...» и Пелагея Петровна, бывало, покачаетъ только головой.

Само собою разумѣется, что Маша не могла имѣть сердечной привязанности къ своей матери. Она боялась ея—трепетала; но не любила; мало этого—она презирала её, и въ глубинѣ души своей желала ей всякаго зла. Какъ бы-то ни было, но этого враждебнаго чувства она не смѣла, конечно, выразить ни словомъ, ни дѣломъ; напротивъ того, чтобы сколько нибудь улучшить свое печальное положеніе, Маша рѣшилась мать свою обманывать гдѣ только приведется, а въ особенностяхъ льстить ей

въ глаза. Такъ на первый разъ, въ видѣ опыта, она начала выказывать ей самую рабскую покорность и повиновеніе. Потомъ принялась перевозносить ея распоряженія и удивляться ея уму... То и другое сошло съ рукъ благополучно.

— Гдѣ ты это, маминька, училась, что ты такъ хорошо всё знаешь? спросила однажды Маша, самымъ добродушнымъ и до-вѣрчивымъ тономъ.

— Мать-та видно знала какъ учиться-то, такъ и выучилась, отвѣчала самодовольно Пелагея Петровна;—она видно позавыбѣлю-ту не бѣгала, да шанберки не била, не по вашему...

— Миѣ бы кажется, хоть половинку узнать изъ того, что ты знаешь, такъ я бы и то—была довольна.

— Далеко кулику до Петрова дни, отвѣтила съ гордостію Пелагея Петровна;—выучись хоть тому, чему мать-та учитъ, и того будетъ за глаза.

— Знаю, что и этого будетъ за глаза, заключила скромно Маша.

Въ другой разъ Маша, въ присутствіи Пелагеи Петровны, буд-то шута, обратилась къ Николѣ съ вопросомъ, что кто лучше, тятенька али маменька? Никола когда былъ еще ребенокъ, то на подобные вопросы обыкновенно отвѣчалъ, что «оба лучше»; но въ настоящее время заблагоразсудилъ лучше промолчать; между тѣмъ какъ Маша съ своей стороны разрѣшила этотъ вопросъ тѣмъ, что «хоть тятенька и хорошъ, а маменька еще лучше».

— Ну, а ты почему знаешь? спросила ее съ самодовольной улыбкой Пелагея Петровна.

Маша стыдливо сконфузилась, показывая видъ, что будто она вовсе и не рассчитывала, что маменька это услышитъ.

Пелагея Петровна на свой вопросъ настоятельнаго отвѣта не потребовала, а осталась довольна тѣмъ, что Маша сконфузилась.

Послѣ этого Маша нерѣдко дѣлала Николѣ наставленія, что какъ слѣдуетъ почитать своихъ родителей, а въ особенности мать. Иногда доходило дѣло до того, что Маша высказывала Пелагеѣ Петровнѣ самую наглую лесть. Пелагея Петровна, какъ находившаяся всегда въ чадѣ гордаго самозабвенія, не въ состояніи была различить лести отъ правды, потому что и сама считала себя выше всѣхъ похвалъ.

Съ этого времени Пелагея Петровна въ отношеніи къ Машѣ видимо измѣнилась къ лучшему, такъ что начала уже находить

и ней кой-какія достоинства. Маша повела дѣла свои дальше.

Замѣтивъ въ Пелагеѣ Петровнѣ необыкновенную скупость, Маша тоже притворилась скупой. Въ слѣдствіе чего Пелагея Петровна начала предвидѣть, что Маша будетъ хорошая экономка. Тутъ Маша увидѣла ясно, что дѣла ея начали поправляться.

Однажды Пелагея Петровна изъявила желаніе поставить самоваръ и напиться чаю. Маша въ свою очередь, изъ видовъ экономіи, отъ чаю вовсе отказалась, да тоже посовѣтовала сдѣлать и своимъ братьямъ:—«По нынѣшнимъ годамъ можно, дружки, прожить намъ и безъ чаю», замѣтила Маша, сдѣлавъ между тѣмъ самую хозяйственную физіономію: — «на маменьку-ту глядѣть-то нечего: она насъ постарше...»

— И видно, что Марья-то у насъ будетъ скопи—домоукъ, не преминула замѣтить Пелагея Петровна,—оно, правда, не отъ кого бы и худого-то перенять; мать-та не кое-кто, не мотовка какая, прибавила Пелагея Петровна съ гордостію.

Между тѣмъ когда Пелагея Петровна не было дома, экономка наша обыкновенно отправлялась въ баню, ставила тамъ тигелько отъ всѣхъ самоваръ и пила чай въ накладку. Чай и сахаръ она по немножку воровала, потому что то и другое у нея было на рукахъ.

Сначала Маша кушала такимъ образомъ чай одна одишенька, а потомъ для развлеченія стала приглашать къ себѣ работницу; да и трудно ей было обходиться въ такихъ случаяхъ безъ содѣйствія работницы. Отъ работницы Маша узнала много кое-чего, о чемъ она прежде не имѣла и понятія.

Работница оказывала Машѣ необыкновенную преданность: вѣрна и услужлива ей была какъ собака. Бывало, онѣ напьются чаю чуть только не подъ самымъ носомъ Пелагея Петровна, и та этого не замѣтитъ.

Такимъ образомъ, съ помощію услужливой и преданной работницы, обстоятельства Маши совершенно поправились, а тѣмъ болѣе, когда она еще стала наговаривать на своихъ братьевъ и упрекать ихъ за то, что они не экономны. Не имѣя къ матери своей никакого уваженія и любви, Маша обманывала её на каждомъ шагу, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти; а та, предвидя въ ней экономную и домовитую хозяйку, безусловно ей ввѣрилась. Впрочемъ всѣ сомнительные случаи Маша подтверждала клятвой и представляла въ свидѣтели работницу.

Устроивши свои дѣла, Маша примирилась съ жизнью. Не стало тревожить её и прежнее враждебное чувство ненависти къ своей матери, потому что и съ ней она примирилась и стала уже считать ее за ничто. Но вдругъ одно обстоятельство неожиданно нарушило ея спокойствіе.

Однажды, преданная и услужливая работница, безъ всякой церемоніи предложила Машѣ, чтобы она, за труды ея и услуги, сдѣлала ей, какъ водится подарочекъ.— «Надобно, сударыня, Марья Ивановна, и честь знать», заговорила работница: — «время, сударыня, и заплатить за труды, да за безпокойство; пословица говорится, что сухая ложка ротъ деретъ, сударыня.»

— За какіе труды? спросила въ недоумѣніи Маша:—вѣдь тебѣ платятъ понедѣльно...

— Какъ, сударыня, за какіе труды? перебила работница:—а самоварцы-то, сударыня моя, я за какую утварь тебѣ ставлю?— да караюлю-то тебя?... Ужъ коли, сударыня Марья Ивановна, не за тѣмъ *дѣламъ* пошла, такъ ужъ «люби кататься, люби и саночки возить; такъ-то, сударыня моя.»

Маша призадумалась.

— А не-то, сударыня Марья Ивановна, прошу насъ *извинить*, начала опять работница: — я ужъ доложу Пелагеѣ Петровнѣ: такъ, молъ, и такъ, вся ваша власть; а ужъ за дочкой-ту, молъ, поприглядывайте сами...

Маша такъ и обомлѣла отъ страха.—Степанидушка, матушка, не говори! перебила она умоляющимъ голосомъ:—пожалѣй ты меня; заплачу тебѣ за все труды, Степанидушка... и Маша тутъ же принялась ее цѣловать.

Поздно вечеромъ Маша съ Степанидой опять были дружны. Степанида опять готова была для Маши лѣзть въ огонь и въ воду; даже предлагала ей свои услуги на счетъ какихъ-то «особенныхъ другихъ-прочихъ случаевъ.»

— У насъ ужъ, матушка, все бывало въ рукахъ, ничего отъ рукъ не отобьется, за собой ужъ не постоимъ. Вотъ хоть бы и на счетъ другихъ-ту прочихъ случаевъ, у насъ ужъ все будетъ шито да крыто, — никто не узнаетъ. Да вѣдь безъ этого, матушка моя, и не проживешь; что въ людяхъ ведется, то и насъ не минется; на матченку-ту глядѣть-то нечего: вонъ она у тебя какая ехидная, своего дѣтища не жалѣетъ. А на счетъ отца-то тоже сумлеваться нечего: мы такую механику подведемъ, что у него между глазъ деревня сгоритъ, а онъ не замѣ-

тить... Такъ разсуждала работница съ Машей, и Маша, предавшись ей душой и тѣломъ, начала, какъ видно, подумывать и на счетъ «другихъ прочихъ случаевъ.»

На другой день утромъ у Пелагеи Петровны оказалась маленькая пропажица: у нее куда-то задѣвались изъ шкафа три цѣлковыхъ. Сначала подозрѣніе пало на работницу, но оказалось, что работница давнымъ давно и въ горницу не вхаживала. По истѣмъ справкамъ и соображеніямъ разъяснилось, наконецъ, что три цѣлковыхъ стащили мыши, которыя, какъ извѣстно, до серебра великія охотницы. Спасибо еще Машѣ да Степанидѣ; онѣ только это недоумѣніе и разъяснили; а то грѣха бы не обралось.

Обстоятельства эти совершились въ отсутствіе Ивана Порфирыча: онъ въ это время былъ въ Москвѣ по комисіи. Домой возвратился уже весной, въ самую раздорожицу.

По пріѣздѣ домой, черезъ недѣлю — мѣсто, онъ началъ что-то покашываться и на Машу, и на работницу. Прошла еще недѣля, и въ одно, не слишкомъ прекрасное утро, когда Пелагея Петровна была у ранней обѣдни, Иванъ Порфирычъ, неизвѣстно за что и про что оттаскалъ Машу презрѣднымъ манеромъ; да, какъ видно, и работницѣ досталось на калачи, потому что та едва-едва только ушлепа нога заднимъ дворомъ, отправилась домой, да такъ уже и не возвращалась.

Пелагея Петровна, пріѣдя отъ обѣдни, такъ и взбѣсилась на Ивана Порфирыча, за его распоряженіе.

— Что, али зенки-то здѣсь налилъ, озорникъ бѣлосвѣтной? выразилась она съ гнѣвомъ; — за что ты, озорникъ, дѣвку-ту прибилъ?... а работницу-ту за что согналъ?... гдѣ этакую-ту еще работницу сыщешь, озорникъ ты этакой!... Но Иванъ Порфирычъ, будучи въ ожесточенномъ видѣ, походилъ, какъ видно, съ веревочкой и около Пелагеи Петровны — «Коли матерью называешься, такъ матерью, бестія, и будь», проговорилъ онъ съ гнѣвомъ: — «за дочерью-ту гляди въ оба, а съ работницей-ту не своди. Ты всѣхъ дѣтей, зелье, отбила отъ себя, съ работницами вонъ, начали дружбу сводить, а тебя боятся какъ чорта...» Много кричалъ Иванъ Порфирычъ; но причины, за что именно прибилъ онъ Машу и прогналъ работницу, положительно не объяснилъ. Такъ это и осталось для Пелагеи Петровны тайной.

XVI.

СМЕРТЬ.

Въ 1831 году кара Господня въ другой разъ постигла русскую землю: холера опять начала свирѣпствовать въ низовыхъ губерніяхъ. Весьма многіе города и селенія подверглись Божьему гнѣву. Холера, какъ и за годъ предъ тѣмъ, по преимуществу свирѣпствовала въ приволжскихъ городахъ. Сначала появилась она въ Астрахани, потомъ въ Саратовѣ, въ Казани и т. д. пошла, противъ теченія воды, до самаго верховья Волги. Движеніи, или распространеніе ея какъ будто подчинялось нѣкоторому закону. Опытные люди нерѣдко предугадывали, когда именно холера появится въ такомъ-то, наприм., мѣстѣ; — такъ и случалось.

Въ народной массѣ холеры тогда почти еще не знали; замѣчали только, что какая — то непостижимая и губительная сила медленно движется по извѣстному направленію, истребляя на пути своемъ народъ божій; но что это за сила — неизвѣстно. Грамотные и начитанные старики придерживались на этотъ разъ одного только мнѣнія, что мѣра злодѣяній и неправдъ человѣческихъ исполнилась; и что Богъ послалъ на землю ангела мстителя съ губительнымъ мечемъ, котораго, во время моровой язвы, нѣкогда видѣлъ Давидъ, стоящаго между небомъ и землей на гумнѣ Орны Іевусеянина *.

Страхъ и трепетъ напалъ на всѣхъ жителей приволжскихъ городовъ и селеній, тѣмъ болѣе, что и распоряженія мѣстнаго начальства много способствовали къ грустному и печальному настроенію человѣческаго духа. Города и селенія были оцѣплены: съ мѣстами, зараженными холерою, прервано было непосредственное сношеніе. По выѣзднымъ трактамъ и проселочнымъ дорогамъ, близъ самыхъ селеній, зажглись костры. Желющему войти или выйти изъ селенія вмѣнялось въ обязанность перескочить черезъ огонь. Такъ всѣ и дѣлали. Въ народѣ было ужасное уныніе и упадокъ духа.

Начались крестные ходы, которые, унылыми молитвенными гимнами, также печально настроивали душу. Въ деревняхъ суевѣріе изобрѣло свои способы предохраненія отъ *калары*, какъ нѣкоторые называли тогда холеру. Стали обарывать деревни сохами. Для этого, въ самую глухую полночь, около

* 1 Паралипоменонъ, Гл. 24, Ст. 16.

первыхъ пѣтуховъ, собирались всѣ деревенскія дѣвки на околицу деревни. Распустивши свои волосы, въ однихъ рубашкахъ, онѣ впрягались въ соху, и объѣзжали всю деревню, дѣлая соху, на землѣ, непрерывную борозду. Мужики въ этомъ дѣлѣ не участвовали.

Такимъ образомъ хотя и видно было иногда въ народѣ нѣкоторое движеніе, но—движеніе грустное, тревожное, наводящее тоску. Прекратились и гулянья, и деревенскія пѣсни; даже мало стало слышно и обычнаго народнаго говора; и онъ, какъ будто бы, затихъ. Соберутся ли въ праздничный день два — три мужика посидѣть на заваленкѣ и покалякать кое о чемъ нужномъ — въ разговорѣ ихъ мало было отраднато: только и слышны были одни глубокіе вздохи, да повторенія ужаснаго слова: *морь*. (Холеру смѣшивали тогда съ моровою язвою).

— Что ребятушки про морь слышно? спрашиваетъ одинъ.

— Валить, говорятъ, недаровымъ матомъ, отвѣчаетъ другой, утвердительно махнувши рукою...

О домашнемъ обиходѣ не слышно было и рѣчей: молча, или съ тяжелыми вздохами исполнялъ каждый свое домашнее дѣло.

Трусливые и малодушные бабенки своими заунывными воплями еще болѣе наводили тоски на душу. Не уходилъ голосъ у голоса отъ постоянныхъ бабьихъ переключекъ. Денно и ночью слышались по сараямъ да по переулкамъ ихъ плачевные возгласы.— *Матушка кумушка—согрѣшили! Петровнушка—согрѣшили!... ужь морь—отъ близехонько идетъ!... кричала одна.*

— Не морь, матушка, а *каляра!* возражала другая, опасаясь, чтобы не оскорбить каляру, назвавши ее моромъ. — *Ой тошнехонько!... ой согрѣшили!...*

Въ Гаврилову слободу пришла вѣрная вѣсть, что морь идетъ прямо на нихъ и что онъ уже, какъ говорится, за плечами. Гавриловцы отъ ужаса просто оцѣпенѣли, прекратили свою торговую дѣятельность, и почти безвыходно сидѣли въ домахъ. Только и видно было, въ урочные часы, безмолвное и медленное движеніе народа по направленію къ Божьему храму. Начто ужь былъ крѣпокъ Иванъ Порфирычъ, а и у того пробѣжали по кожѣ мурашки, когда онъ услышалъ, что начало уже валить народъ къ послѣдней къ нимъ деревнѣ Чапырихѣ. — «Фу ты Господи, какое наказаніе!» произнесъ съ благоговѣніемъ Иванъ Порфирычъ, перекрестившись на церковь Божию — «Доходитъ видно, ребятушки, и до насъ череда» присовокупилъ онъ со вздохомъ.

Давно ужъ начался июль, а съ нимъ вѣсть начались сильныя жары; слѣдствіемъ этого стали повсемѣстно распространяться страшныя лѣсныя пожары, отъ которыхъ весь воздухъ заразился удушливымъ знойнымъ запахомъ и землю покрыла мгла.

Быль какой-то праздникъ. У обѣдни были всѣ слобожане отъ стараго до малаго. Служба длилась долгимъ-долго. Иванъ Порфирычъ находился тогда дома: онъ недавно пріѣхалъ изъ Рыбинска и тоже былъ у обѣдни. Передъ самымъ окончаніемъ службы народъ въ церкви отъ чего-то вдругъ взволновался и зашумѣлъ.—«Что такое? что такое?? тревожно спрашивали другъ друга.—«Моръ начался!... моръ!... каляра пришла!»—пронесся общій говоръ по всей церкви.—«Гришку Гнусаря ухватило!...

— И по дѣломъ! прошептала про себя Ориша, которая стояла смиренхонько въ самомъ заднемъ углу церкви—за печкой.

Непомня себя отъ страха, народъ бросился изъ церкви, и Богъ знаетъ зачѣмъ. Кто поспѣшилъ домой, а кто остановился на площади, съ намѣреніемъ узнать, что воспослѣдуетъ съ Гришкой Гнусаремъ. Оказалось, что Гришка Гнусарь не былъ и у обѣдни, и что сдѣлалось ли нѣтъ-ли съ нимъ что нибудь дома.

Излишній страхъ и напряженное состояніе умовъ, при болѣе или менѣе настроенномъ воображеніи, много придумывали и небывалаго.

Иванъ Порфирычъ вышелъ изъ церкви почти послѣдній. Онъ, повидимому, былъ покойнѣе всѣхъ духомъ; даже приглашалъ кое-кого къ себѣ, на дружескую бесѣду и раздѣлить съ нимъ праздничную хлѣбъ-соль; но приглашаемые и слышать этого не хотѣли.—До того ли нынче, Иванъ Порфирычъ, замѣтили значительно приглашаемые: — то ли нынче время! Вонъ что въ міру-ту дѣлается!

— Ну, какъ хотите, друзья; отвѣтилъ на это Иванъ Порфирычъ, и съ грустію отошелъ прочь.

— Этакая духота, ребяташки! продолжали унылые слобожане, утирая лапами и рукавами потъ съ лица, катившійся градомъ;—этакая планида Господня! прибавляли они, окинувши глазами весь горизонтъ:—Смотрите-ко что дѣлается!... и угрюмые слобожане, стянувши брови, приподнимали головы и останавливали свой мрачный взоръ на солнцѣ, которое, пробивая красноватые лучи свои сквозь дымовыя испаренія, казалось какъ облитое кровью.—Прогнѣвали мы Господа Бога!.. дожили видно, ребяташки, до послѣдняго времени!..

И въ самомъ дѣлѣ, не было тогда мѣста, гдѣ бы можно было усюкнуться хоть взоромъ, или даже мыслию. Въ воздухѣ—удушеніе и зной, отъ котораго человекъ млѣлъ; на небѣ—иракъ и кровавое солнце; на землѣ—народная гибель! При этихъ обстоятельствахъ и все окружающее наводило тогда на сердце человека какую-то тоску и грусть. Собаки, утомленные зноемъ, лежали на землѣ съ оскаленными зубами, и, высунувъ свой тонкій и дрожащій языкъ, дышали въ однодышку. По заборамъ и по кровлямъ домовъ сидѣли разслабнувшія галки и вороны, у которыхъ отъ жара разинулись рты и развѣхались крылья. Коровы, вѣроятно, мычали и ревели какъ и всегда,—но во время всеобщаго унынія и страха ревъ ихъ представлялся какимъ-то страшнымъ рычаньемъ, предзнаменующимъ что-то недоброе.— «Видишь какъ корова-то реветъ, ужь что нибудь да недаромъ» — замѣчали иногда слобожане, смущенные внезапнымъ коровьимъ ревомъ. По этому случаю у малодушнаго человека и отъ коровьяго рычанья становился дыбомъ волосъ.

Вдругъ ударили въ набатъ. Народъ снова всполошился.

— Гдѣ горитъ?!.. Гдѣ горитъ?! кричали въ нѣсколько голосовъ.

— На берегу! отвѣтилъ кто-то изъ толпы.

Народъ хлынулъ на берегъ (такъ называлась набережная улица).

— У кого? шумѣли между тѣмъ въ толпѣ.

— У Ивана Порфирыча!! отвѣтили голосовъ въ десять.

Отъ такой внезапной вѣсти у Ивана Порфирыча сердце какъ перерѣзало. Онъ бросился было бѣжать, но ноги его дрожали и не слушались. — «Фу ты, пропасть какая, чего испугался!» произнесъ про себя Иванъ Порфирычъ, когда нѣсколько пришелъ въ себя и обдумался, — «великая бѣда—домишко сгорить... Фу ты, баба какая, право!»... и Иванъ Порфирычъ, какъ бы въ отищеніе самому себѣ за свой малодушный поступокъ, пошелъ, не торопясь, ровнымъ шагомъ.

Не успѣлъ онъ сдѣлать трехъ шаговъ, какъ сзади его набѣжала Паруша и надъ самымъ ухомъ провизжала.

— Иванушко, батюшко, въ умѣ ли ты?! добро твое горитъ! бѣги, батюшка, скорѣе!

Отъ такого внезапнаго визгу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ утвердительнаго повторенія неприятой вѣсти, у Ивана Порфирыча омятъ какъ морозомъ по кожѣ подернуло.

— Фу ты, песь какой! какъ напугала, произнесъ громко Иванъ Порфирычъ, разсердившись на Парушу.

— Гори! песь съ нимъ! своя-то жизнь дороже всего, при-
совокупилъ онъ, совершенно не понимая, почему именно вклю-
чилось у него слово о своей жизни. — Старый сгорить — новый
выстроимъ, продолжалъ Иванъ Порфирычъ довольно равнодуш-
нымъ тономъ. Впрочемъ въ голосъ его замѣтна была какая-то
неровность и одышка, какъ будто бы онъ въ это время шелъ
въ самую крутую гору.

Огорченная Паруша покосилась только на Ивана Порфирыча,
хныкнула и убѣжала въ сторону. — Вотъ оно, какъ по комми-
сіямъ-ту по разнымъ поѣздилъ, такъ ручки-то видно понагрѣлъ,
замѣтила Паруша довольно громко;— и дому не жаль. Ну да вѣкъ-
отъ переходивъ, пріятель дорогой, проельзишь еще пять разъ!
проельзишь! проельзишь!... и Паруша иронически засмѣялась.

Народъ безъ перемежки бѣжалъ на берегъ. Иванъ Порфи-
рычъ шолъ не слишкомъ ровнымъ шагомъ. Однако какъ ни
старался онъ быть равнодушнымъ и покойнымъ, но дѣйствіе
испуга возымѣло свою силу. Черезъ минуту у него сдѣлалась
страшная боль подъ ложкой, и такъ повело руки и ноги, что
онъ едва только устоялъ на мѣстѣ. Чтобы не встревожить окру-
жающихъ, Иванъ Порфирычъ вытерпѣлъ нестерпимую боль
отъ судорогъ и не промолвилъ ни одного слова. Въ это время
онъ почувствовалъ въ себѣ сильную слабость, такъ что едва
уже передвигалъ ноги; однако все-таки старался успокоить
себя и побѣдить силою воли болѣзненное чувство.

Между тѣмъ онъ кое-какъ вышелъ уже на берегъ. Оказа-
лось, что загорѣлось не въ его домѣ, а въ сосѣднемъ, и то
пожаръ былъ не слишкомъ опасный: успѣли захватить и почти
уже потушили. Пожаръ произошелъ отъ загорѣвшейся въ тру-
бѣ сажу. Паруша первая увидѣла какъ сажу выкинуло изъ тру-
бы, потому что она почти первая успѣла выбѣжать изъ церкви;
съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы, скоро наскоро, передать Оришѣ
непріятную новость на счетъ Гришки Гнусаря. Въ торопяхъ,
и притомъ же издали, Паруша хорошенько не разглядѣла, изъ
чьей трубы выкинуло сажу, и потому впала въ ошибку. Бро-
сившись опростелю назадъ, Паруша побѣжала ближайшимъ пу-
темъ къ церковному сторожу и протурила его бить въ набатъ,
увѣривши, что у Ивана Порфирыча домъ подняло прахомъ.

— Хлопочи вотъ да заботься,—а тамъ Богъ знаетъ что съ
тобой и будетъ, замѣтилъ про себя Иванъ Порфирычъ, проходя
мимо сосѣднаго дома, въ которомъ былъ пожаръ.

Пелагея Петровна встрѣтила Ивана Порфирыча на улицѣ. Она тоже сильно испугалась пожара, даже начала ужь на скорую руку укладывать кой какія вещи въ сундуки; но въ суетахъ и въ страхѣ, она не помнила что и укладывала. Такъ, напр., уложила она въ одинъ сундукъ: чайную посуду, бѣлье, самоваръ, старые счеты, утюгъ, деревянный валежъ, что колотятъ шатѣе и въ заключеніе—чугунную пушку, которую Иванъ Порфирычъ недавно снесъ съ росшивы.

Взглянувъ Ивану Порфирычу въ лицо, Пелагея Петровна такъ и измѣнилась. Мгновенно исчезла у нея вся заботливость о домѣ.

— Что ты батюшка? что съ тобой?.. здоровъ-ли ты, родимой? спросила встревоженная Пелагея Петровна.

— Ничего, отвѣтилъ тихо Иванъ Порфирычъ: Парушка, каналья, напугала: закричала надъ самымъ ухомъ, что мой домъ горитъ. Такая, право, неосторожная.

— Ну что ты, родимой, хоть бы и сгорѣлъ—Богъ съ нимъ, замѣтила Пелагея Петровна:—она въ этотъ день необыкновенно какъ была ласкова съ своимъ мужемъ:—домъ—наживное дѣло, продолжала она;—не онъ тебя нажилъ, а ты его. Далъ бы Богъ добраго здоровья, а то проживемъ помаленьку.

— Да что тутъ, какъ не прожить; что мнѣ этотъ домишко?—тфу!... А поди ты вотъ, Палаша, и Богъ знаетъ какъ напугался, право.

Между тѣмъ они вошли къ себѣ въ домъ. Иванъ Порфирычъ, раздѣвшись, сѣлъ на лавку. Тутъ у него сильно ударило въ голову и опять начало вести руки и ноги. Хотя онъ всеми мѣрами старался быть покойнымъ, однако лицѣ его невольнo измѣнилось и выразило внутреннее его страданіе.

У Пелагеи Петровны, и Богъ знаетъ съ чего, сердце забилося какъ голубь. Богъ знаетъ съ чего и почему стало ей жалъ Ивана Порфирыча болѣе своей жизни. Никогда она не чувствовала къ нему такой сердечной и горячей любви, какъ теперь. Впервые въ жизни она оцѣнила вполнѣ его достоинства, впервые въ жизни созналась, сколько она была предъ нимъ ничтожна и сколько виновата.

— Да ты, батюшка, скрываешь отъ меня, произнесла Пелагея Петровна со слезами на глазахъ;— скажи, сердечной ты мой, что ты чувствуешь? Ужъ больно ты, родимой, измѣнился — на себя непохожъ. Не хочется ли тебѣ чего нибудь?...

И въ словахъ, и во взорѣ Пелагеи Петровны выразилось искреннее и непритворное чувство любящей жены.

— Ничего, другъ мой, не хочется, отвѣтилъ Иванъ Порфирычъ, смотря съ принужденной улыбкой на свою жену.—Сядь-ко со мной, да посиди, прибавилъ онъ, взявши ее за руку.

Пелагея Петровна сѣла возлѣ него. Иванъ Порфирычъ опять посмотрѣлъ на нее, крѣпко поцѣловалъ и прислонилъ голову къ ея груди.

— Что это у тебя какъ сердце-то бьется, Палаша? замѣтилъ Иванъ Порфирычъ, не поднимая своей головы.

— Больно ужъ пожаръ-отъ меня напугалъ, родимой, отвѣтила Пелагея Петровна, сдерживая свои слезы:—да ужъ больно сегодня и жарко, такъ и томить.

Побывъ въ такомъ положеніи минуты три, Иванъ Порфирычъ попросилъ себѣ напиться.

Пелагея Петровна сама заботливо сбѣгала въ погребъ и нарочно почала тамъ вновь бочку хорошаго квасу съ мятой.

— На вотъ, батюшка, покушай на здоровье, сказала Пелагея Петровна, поднося ему холоднаго—молодистаго квасу въ желѣзномъ ковшѣ.

Съ большимъ желаніемъ Иванъ Порфирычъ выпилъ съ полковша квасу и по обыкновенію шуточно крикнулъ, проговоривши: «всякой пьетъ, да не всякой крикнетъ» Съ отраднымъ чувствомъ улыбнулась на эту шутку и Пелагея Петровна.

Вдругъ Иванъ Порфирычъ почувствовалъ сильную боль подъ ложкой; чрезъ минуту его вырвало и ужасно начало вести руки и ноги. Иванъ Порфирычъ не выдержалъ и немножко простоналъ. Слабость и безсиліе выразились во всѣхъ его движеніяхъ—глаза углубились.

Пелагея Петровна навзрыдъ заплакала, и въ порывѣ глубокаго чувства бросилась на шею Ивана Порфирыча:

— Другъ ты мой любезной! радость ты моя! произнесла она, рыдая:—ужъ не оставляешь ли ты меня?!... и болѣе Пелагея Петровна ничего не могла выразить отъ рыданій.

У Ивана Порфирыча тоже брызнули было слезы, но онъ имѣлъ еще силу удержать ихъ.

— Ничего, другъ мой,—не плачь; вѣдь это ничего—пройдетъ, проговорилъ Иванъ Порфирычъ, сдерживая свои слезы. Но въ душѣ Ивана Порфирыча происходило совсѣмъ другое. Онъ страдалъ и какъ будто разрушался.

— Вот теперь я, слава Богу, пооблегчился, присовокупилъ оя успокоительно, когда кончился съ нимъ первый пароксизмъ — дай-ка подушечку я полежу маленько.

— Лягъ, батюшка, на постелку, предложила было Пелагея Петровна.

— Нѣтъ, мнѣ здѣсь хочется полежать, отвѣтилъ тихо Иванъ Порфирычъ. Между тѣмъ онъ чувствовалъ, что ноги у него почти не дѣйствуютъ, да только сказать объ этомъ не рѣшился.

Когда Иванъ Порфирычъ легъ на подушку, то Пелагея Петровна положила подъ его голову свою руку, а другой привѣтливо гладила его грудь.

Иванъ Порфирычъ тяжело дышалъ. Лицо его страшно измѣнилось и приняло страшный видъ.

— Не хочется ли тебѣ, батюшка, чего нибудь? спросила его опять Пелагея Петровна, впившись взглядомъ своимъ въ кутныя и томныя его очи.

— Хочу, отвѣтилъ порывисто Иванъ Порфирычъ.

— Чего ты, мой батюшка, хочешь?

— Причаститься, хочу Палаша—причаститься... Я ужъ не жалею, Палаша, на семь свѣтъ... едва выговорилъ Иванъ Порфирычъ, и тутъ же далъ волю своимъ слезамъ, потому что онѣ тиготили его и прибавляли болѣзнь къ болѣзни.

Не каплями, а рѣкой вновь хлынули у Пелагеи Петровны слезы. Пораженная чувствомъ смертельной и до сихъ поръ не испытанной ею сердечной тоски, она какъ безумная поверглась къ ногамъ своего умирающаго друга.

— Батюшка! другъ ты мой сердечной! радость ты моя! простишь ли ты меня? завопила Пелагея Петровна умоляющимъ голосомъ: — я тебѣ, батюшка, всю жизнь досажала, я много предъ тобой виновата!... простишь ли ты меня?...

Пелагея Петровна раскаявалась искренно.

— Полно, матушка, что ты это думаешь, сказалъ, всхлипывая, Иванъ Порфирычъ — вѣдь я на тебя никогда не сердился, а только жалѣлъ, что ты себѣ иногда дѣлала вредъ... Богъ тебя проститъ, родимая! Меня ты прости, Христа-ради, я тебѣ самъ досажалъ; а на тебя, другъ мой, я вправду-ту никогда не сердился.

У Пелагеи Петровны отъ сердца какъ камень отвалился: у ней сдѣлалось легче на душѣ. Она опустилась на колѣни и стала усердно молиться за своего мужа.

Дѣти, стоявшія поодаль, уже давнымъ-давно рыдали во весь голосъ и тоже молились Богу.

Между тѣмъ работница побѣжала за священникомъ.

Въ это время у Ивана Порфирыча открылись уже всѣ признаки развившейся холеры.

Хоть бы одинъ стонъ, хоть бы одно ропотное слово произнесъ онъ во время болѣзни. Только одинъ разъ и проговорилъ, что «какъ должно быть тяжело разлученіе души съ тѣломъ!»

Скоро кончились болѣзненные пароксизмы. Пришелъ священникъ и совершилъ надъ умирающимъ обычное таинство причащенія.

Послѣ причастія св. Тайнъ, Иванъ Порфирычъ успокоился: ему стало легче. Тутъ онъ попросилъ принести къ себѣ сундукъ, въ которомъ хранились нужныя бумаги и деньги, если когда онѣ были въ запасѣ.

Принесли сундукъ. Иванъ Порфирычъ вынулъ изъ него какой-то конвертъ съ надписью: «Трифону Васильевичу Картузову,—попросилъ Пелагею Петровну добавить на конвертъ: «въ Рыбинскъ» (Картузовъ находился тогда въ Рыбинскѣ) и тотчасъ же отправить его на почту, страховымъ.

— Сейчасъ же, матушка, отправь, говорилъ Иванъ Порфирычъ:—ты меня этимъ успокоишь. Тутъ нужныя для Картузова бумаги. Онъ обидится на меня—поминать будетъ лихомъ, если не пришлю ихъ ему. Давно бы правда надобно; да вотъ до котораго времени дотянулъ. Только къ почтмейстеру-то пошли, а онъ ужъ самъ отъ себя отправить, какъ знаетъ. Онъ для меня это сдѣлаетъ.

Убитая горемъ, Пелагея Петровна не поинтересовалась даже и узнать, что это за бумаги. Впрочемъ конвертъ былъ запечатанъ.

Конвертъ послали съ Николаемъ. Онъ возвратился черезъ четверть часа и принесъ отъ почтмейстера росписку.

— Ну, теперь, слава Богу! произнесъ Иванъ Порфирычъ спокойно: — я, кажется, исполнилъ все, что надо. Теперь я готовъ.

— Вотъ, батюшка, тебѣ, кажется, стало по легче, замѣтила съ участіемъ Пелагея Петровна: — можетъ быть, Богъ дастъ и

выздоровѣешь... и Пелагея Петровна съ чувствомъ глубокаго умиленія и съ молитвою въ душѣ, взглянула на св. иконы.

Иванъ Порфирычъ немножко усмѣхнулся. — Нѣтъ, радость моя, нѣтъ... Я ужь не жилецъ на вольномъ свѣтѣ, проговорилъ онъ слабымъ голосомъ; — ты не знаешь, Палаша, что у меня внутри-то дѣлается... Охъ, если-бы ты знала!...

— Что же, батюшка, у тебя дѣлается? что ты чувствуешь? Баньку развѣ не истопить-ли про тебя, родимый мой?

— Конецъ жизни моей приближается, Палаша, неужели ты этого еще не видишь? Пришло ужь, родимая моя, время разлучиться душѣ отъ тѣла и переселиться въ вѣчность. Вотъ этотъ — то страшный переходъ я, матушка, теперь и чувствую.

У Пелагеи Петровны какъ будто что-то порвалось: она опять заплакала навзрыдъ: — Батюшка! не покидай ты насъ! поживи хоть сколько нибудь!... едва проговорила Пелагея Петровна: глубокое рыданіе и невольное всхлипываніе прерывало ея слова, которыя въ это время вырывались уже безъ связи. Она умоляла Ивана Порфирыча, чтобы онъ пожилъ; но отъ него ли зависѣло продлить свою жизнь?... Впрочемъ онъ этого уже и не желалъ.

— Неужели ты, Палаша, думаешь, что мнѣ хочется выздороветь? спросилъ ее Иванъ Порфирычъ, когда она нѣсколько успокоилась.

— Какъ, неужели, батюшка, не хочется?.. неужели, родимой ты мой, не жаль тебѣ насъ, сиротъ горькихъ?

— Жаль, Палаша, крѣпко жаль, что вы еще остаетесь жить въ такихъ пустыхъ суетахъ! Теперь только узналъ я, Палаша, что какими мы въ жизни занимаемся пустяками, Боже мой! — какими пустяками! и Иванъ Порфирычъ горько улыбнулся.

Пелагея Петровна, выплакавъ свои слезы, сдѣлалась какъ будто покойнѣе.

— Господи, что со мной дѣлается! проговорилъ между прочимъ Иванъ Порфирычъ, какъ будто про себя.

— Нельзя-ли, батюшка, сказать тебѣ, что ты теперь чувствуешь? спросила его опять Пелагея Петровна съ нѣкоторымъ любопытствомъ.

— Невозможно, матушка, отвѣтилъ Иванъ Порфирычъ: — уподобленія-то въ жизни нѣтъ никакого этому чувству — сравнить-то его не съ чѣмъ. Теперь вотъ я много вижу и понимаю, Палаша, чего прежде понять не могъ; да передать-о тте-

бѣ это не въ состояніи — словъ не подберешь. Теперь я вижу и сознаю, что человѣкъ родился не для здѣшней только жизни, а что есть для него жизнь другая — вѣчная. Я, грѣшный человѣкъ, немножко и самъ сомнѣвался иногда въ вѣчной-то жизни: одинъ бояринъ меня сбилъ: «не вѣрь, говорить, ничему; все, говорить, пустяки, ничего не будетъ» а теперь я вижу ясно, что онъ-то пустяки-то и говорилъ. Оно, правда, и видно было, что пустяки, да только я хорошенько-то тогда не подумалъ. Онъ только и есть, что говорилъ, а не доказалъ ни одного слова. А вѣдь вѣчная-то жизнь доказана положительно. Объ ней говорили Апостолы; они слышали это отъ самого Спасителя, который съ ними жилъ, умеръ, воскресъ и вознесся на небо. Все это они видѣли своими собственными глазами, и увѣрили въ этомъ другихъ. Во время, вонъ, преображенія Господня былъ гласъ съ небесъ: «Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ которомъ все Мое благоволеніе» такъ апостолъ Петръ на этотъ случай прямо говоритъ: «И сей гласъ, съ небеси спешій, мы слышали, будучи съ Нимъ на святой горѣ *.» Но тѣ, которые имѣли надъ Апостолами власть, били ихъ и мучили, чтобы они только этого не говорили, чтобы отказались отъ своихъ словъ и сознались, что они говорятъ неправду. Но такъ какъ Апостолы говорили только о томъ, что видѣли своими глазами и слышали своими ушами; даже осязали своими руками **, то рѣшились принять лучше насильственную смерть, а ужъ отъ своихъ правдивыхъ словъ не отказались. Если бы они говорили не вѣрно, если бы даже мало-мальски сомнѣвались въ томъ, въ чемъ они увѣряли, то могли ли бы рѣшиться на позорную смерть?.. Вѣдь имъ выгоднѣе бы было жить на свѣтѣ, когда бы они отказались отъ своихъ словъ. Что же побудило ихъ отказаться отъ всѣхъ благъ мірскихъ и принять мучительную смерть, какъ не правда, которую они защищали? Не было такого примѣра на вольномъ свѣтѣ, чтобы кто нибудь рѣшился умереть изъ за ложнаго свидѣтельства; а здѣсь умеръ не одинъ, а цѣлые двѣнадцать человѣкъ, которые защищали одну истину и говорили въ одно слово. Если, можетъ быть, и были примѣры, что нѣкоторые люди жертвовали своего жизнию для счастья другихъ, то къ Апостоламъ этихъ примѣровъ примѣнить нельзя, потому что смерть ихъ никого въ жизни не счастливила?... Правда, баринъ говорилъ мнѣ,

* 2-е посланіе Петра гл. I, ст. 18.

** 1-е Соб. посл. св. Іоанна Богослова гл. I, ст. 1 и 3.

что бывают такіе люди, которые, защищая свою вѣру, доходят иногда до изступленія, т. е., забываютъ и себя, и жизнь, и все на свѣтѣ. Такихъ людей онъ называлъ тогда фанатиками. Я, таки, ему тогда и замѣтилъ на это, что, молъ, эти фанатики бываютъ ли—нѣтъ ли, ужь послѣ, а первые-то, молъ, свидѣтели до этого изступленія никогда дойти не могутъ. Если, говорю ему, они свидѣтельствуютъ вѣрно, то, значить, уже не фанатики, а только правдивые люди, которые за правду умираютъ; а если обманываютъ и выдумываютъ все сами, такъ съ чего же, молъ, они въ изступленіе—то придуть? Какъ же, молъ, изъ-за своей-ту выдумки они жизнь—ту свою позабудутъ? Да и для какой пользы, говорю ему, выдумывать такое дѣло, которое ведетъ къ явной смерти?... Такъ баринъ—отъ ничего мнѣ на это и не отвѣтилъ.

Поговорилъ бы я теперь съ тобой, Палаша, да силы-то ужь нѣтъ... Теперь я говорю почти однимъ духомъ, а тѣло-то ужь дѣйствуетъ мало: только и повинуются немножко руки да языкъ, а остальное замираетъ. Вотъ я теперь лежу на смертномъ одрѣ и во многомъ каюсь передъ Господомъ Богомъ. Не забывай, Палаша, это время: оно придетъ и къ тебѣ; а мысль о смертномъ часѣ воздержитъ тебя отъ многого. Не даромъ одинъ мудрецъ сказалъ: «Во всѣхъ словесѣхъ твоихъ помни послѣдняя твоя и во вѣки не согрѣшиши.» Видно онъ зналъ, что говорилъ. Теперь только я это хорошо понялъ. Ахъ! если бы думалъ я объ этомъ раньше! не такъ бы я, грѣшный человекъ, повелъ себя! Ну, да Богъ—батюшка милостивъ, я, кажется, во всемъ покался; неужели Онъ не проститъ меня?...

Целагея Петровна слушала мужа съ величайшимъ вниманіемъ и наслажденіемъ. Она какъ будто позабыла на время свою сердечную печаль, тѣмъ болѣе, что въ это время Ивану Порфирычу повидимому сдѣлалось легче, по крайней мѣрѣ прекратились у него внутренніе болѣзненные припадки и онъ лежалъ покойно. Только мертвенный видъ лица его и тусклые углубившіеся глаза ясно показывали, что это не жилецъ.

— Не сомнѣвайся, батюшка, въ Божіемъ милосердіи, сказала Целагея Петровна, выслушавъ послѣдніе слова умирающаго; — милосердіе Божіе безгранично. Вѣдь и угодики—то Божіи спаслись, батюшка, не по своимъ только дѣламъ, а по Божію ми-

милосердію. Предъ величествомъ Божиимъ и они были не совершенны, и они были грѣшныя люди, да Богъ помиловалъ ихъ по своему милосердію. Вѣдь ты, батюшка мой, знаешь, что нѣтъ такого грѣха, который бы побѣждалъ милосердіе Божіе...

Много въ свою очередь утѣшительнаго говорила и Пелагея Петровна. Въ эти минуты она была истиннымъ ангеломъ утѣшителемъ для своего мужа. Каждое ея слово какъ чистая струя, вытекающая изъ благодатнаго источника, вливалось въ душу умирающаго и благотворно дѣйствовало на его христіанское сердце.

Иванъ Порфирычъ хоть и не нуждался въ подкрѣпленіи себя въ вѣрѣ, потому что онъ вѣрилъ съ убѣжденіемъ; однако въ послѣднія минуты онъ какъ будто бы началъ сомнѣваться въ милосердіи Божиимъ—думалъ, что грѣхи его не загладились добрыми дѣлами, и потому Богъ не проститъ его. Но тутъ Пелагея Петровна своими разумными и теплыми убѣжденіями, основанными на милосердіи Божиимъ, подкрѣпила его колеблющуюся надежду.

— Спасибо тебѣ, Палаша! произнесъ съ чувствомъ Иванъ Порфирычъ; когда выслушалъ ея слова:—Ты у меня такая умница, право, спасибо тебѣ! Теперь я успокоился.

— Вспомнишь ли ты насъ, батюшка, тамъ? спросила между прочимъ Пелагея Петровна съ дѣтскою довѣрчивостію.

— Не знаю, матушка, какъ Богъ велитъ, отвѣтилъ Иванъ Порфирычъ. Если Богъ проститъ меня и не отниметъ памяти про здѣшнюю жизнь, такъ я буду Ему молиться за васъ: это будетъ мнѣ въ числѣ радостей. Смотри же, Палаша, и ты здѣсь помолись за меня, да, ради моей памяти и ради Бога, не забывай бѣдныхъ людей!...

Послѣ всего Иванъ Порфирычъ пожелалъ благословить своихъ дѣтей образами. Каждый по очереди подходилъ къ его постели, клалъ земной поклонъ св. иконѣ, которую дрожащими руками держалъ Иванъ Порфирычъ при помощи Пелагеи Петровны. Потомъ благословляемый вставалъ на колѣни и наклонялъ немного свою голову, надъ которой, сверху, Иванъ Порфирычъ держалъ св. икону, дѣлая ею крестообразный знакъ. Богъ тебя благословитъ на добрыя дѣла, говорилъ онъ благо-

слезяемому и съ этими слезами вручалъ ему св. икону. Благославляемый цѣловалъ икону и отца.

Мать плакала неутишно: она, кажется, пролила слезъ не меньше Пелагеи Петровны. Никола тоже, какъ видно, страшно скорбѣлъ; но слезъ видѣли у него немного. На лицѣ Васи выразалось что-то неопредѣленное. Онъ хоть тоже по временамъ плакалъ; но въ этихъ слезахъ не видно было ни печали, ни радости.

Пелагея Петровна въ это время уже не плакала: глаза ея были сухи; но душа страдала болѣе, нежели во время самыхъ горькихъ рыданій. «Прости, другъ мой! прости, радость моя!» шептала она про себя, сдерживая всею силою воли свои сердечные порывы, для того чтобы не встревожить духъ умирающаго и не прибавить ему чрезъ это новыхъ страданій.

Едва только успѣлъ Иванъ Порфирычъ благословить своихъ дѣтей какъ почувствовалъ въ себѣ что-то необыкновенное.—Вотъ уже скоро я узнаю и вѣчную жизнь, скоро увижу и Существо Божіе... проговорилъ онъ весьма слабымъ и содрагающимся голосомъ:

— Жизнь гаснетъ, а духъ какъ будто начинаетъ только жить... Господи! какъ Ты премудръ и непостижимъ въ своихъ дѣлахъ! и какъ малъ противъ Тебя человекъ съ своимъ ничтожнымъ разумомъ!...

Выговоривши эти послѣднія слова, Иванъ Порфирычъ взглянулъ съ какимъ-то упованіемъ на св. иконы, два раза перекрестился, а въ третій разъ только занесъ руку, но рука его ослабла и упала на грудь. Пелагея Петровна, слѣдившая за каждымъ его движеніемъ, докончила послѣднее крестное знаменіе на челѣ своего умирающаго друга.

Иванъ Порфирычъ уже не говорилъ. Взглянувъ безмолвно, почти безжизненными глазами, на жену и на дѣтей, онъ какъ будто бы горько улыбнулся и отворотился лицомъ къ стѣнѣ. Что выражала эта горькая улыбка? естественное ли сожалѣніе о близкихъ сердцу, или презрѣніе къ земной, суетной жизни?— Богъ знаетъ! Тайну эту Иванъ Порфирычъ унесъ съ собою въ могилу, потому что черезъ четверть часа его уже не стало.

Такъ кончилъ свое жизненное поприще добрый человекъ, Иванъ

Порырычъ Бобровъ, оставивъ послѣ себя, между честными людьми, добрую память.

Не будемъ описывать погребальныхъ обрядовъ: они были обыкновенны, скажемъ только, что на третій день послѣ описаннаго происшествія, Пелагею Петровну рыдающую, въ смертельной тоскѣ, вели въ трои руки съ могилы ея друга.

И. ЗАРУБИНЪ.

БѢДНЫЕ ДВОРЯНЕ.

(РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ).

ЧАСТЬ I.

VII.

Домъ въ усадьбѣ Рыбинскаго былъ старинный барскій домъ; большая съ хорами зала, просторная, глубокая и довольно темная гостиная съ дверью на террасу, выходящую въ садъ, столовая съ большимъ длиннымъ столомъ, съ тяжелыми дубовыми буфетами, нѣсколько внутреннихъ семейныхъ комнатъ съ изразцовыми лежанками, — все это напоминало отжившую старину. Новый хозяинъ, какъ видно, не заботился ни сохранять, ни измѣнять прежній видъ дома; ни снаружи, ни внутри онъ не подвергался никакимъ существеннымъ переѣлкамъ; впрочемъ при первомъ вступленіи въ этотъ старинный домъ можно было отгадать, что здѣсь живетъ холостякъ, который не привыкъ къ порядку семейной жизни и для котораго не существуетъ общественныхъ условій, налагающихъ извѣстные законы даже на обстановку дома. Въ убранствѣ комнатъ была видна здѣсь или случайность, или капризы, или равнодушіе. Въ огромной грязной прихожей, по всѣмъ стѣнамъ которой тянулись широкіе ларя, стоялъ круглый столъ, и на немъ, какъ видно, имѣли обыкновеніе спать лакеи, потому-что лежала овчинная шуба и затасканныя ситцевыя подушки. Тутъ же, на стѣнахъ, висѣли

холодныя и теплыя лакейскія шинели, сюртуки и даже панталоны. Въ залѣ, рядомъ со старинными стульями, помѣщалось нѣсколько покойныхъ, современной работы, эластическихъ дивановъ, оттоманокъ и мягкихъ креселъ на пружинахъ. Гостиная оставалась со старинною жесткою и неудобной мебелью, но драпировка на окнахъ, большая бронзовая лампа на овальномъ столѣ и двѣ три козетки совершенно нарушали гармонію въ убранствѣ комнаты. Точно также и въ столовой вновь сдѣланный каминъ, передъ которымъ стоялъ легонькій и подвижной диванчикъ, составлялъ рѣзкій контрастъ съ тяжеловѣсными неподвижными буфетами.

Когда Рыбинскій со своими гостями подѣхалъ къ дому, двое лакеевъ и третій мальчишка казачокъ стремительно выбѣжали встрѣчать барина со свѣчами въ рукахъ. Вслѣдъ за ними сбѣжали съ лѣстницы три огромныхъ страшныхъ собаки и, радостно помахивая хвостами, положили переднія лапы на грудь барина.

— Ахъ, Сбогарушка, Бужоръ, Фани, ахъ, Фанька! ну, ну, здравствуйте, здравствуйте! привѣтствовалъ ихъ Рыбинскій. Ну, ну, пустите же! Пойдемте въ комнаты...

Собаки весело запрыгали впереди господина.

Взойдя на лѣстницу, Рыбинскій остановился на широкой площадкѣ передъ дверью въ прихожую и оглянулся назадъ.

— Гдѣ же нашъ гость дорогой? Осташка, гдѣ же ты? спросилъ онъ.

— Здѣсь-съ, иду! отвѣчалъ Никеша, слѣдовавшій сзади всѣхъ другихъ гостей.

— Ну, входи, братецъ, скорѣе!

И, какъ только Никеша вслѣдъ за другими ступилъ на площадку, Рыбинскій указалъ на него одной изъ собакъ.

— Сбогаръ, *chapeau bas!* проговорилъ онъ.

И собака со страшнымъ, грознымъ лаемъ бросилась на Осташка. Никеша испугался, пронзительно вскрикнулъ, хотѣлъ бѣжать, оступился и полетѣлъ внизъ по лѣстницѣ. Послушный Сбогаръ, съ тѣмъ же лаемъ его преслѣдовалъ, но осторожно снялъ съ него шапку и принесъ ее во рту къ ногамъ Рыбинскаго. На верху лѣстницы всѣ зрители забавной сцены хохотали, между тѣмъ какъ испуганный, избитый и оглушенный паденіемъ Никеша лежалъ внизу и жалобно стоналъ.

— Что, Остапа, живъ ли? спросилъ его Рыбинскій. Все ли пью?

Никеша не отвѣчалъ, продолжая стонать.

— Не выломалъ ли ноги или руки? замѣтилъ Коиковъ.

— Нѣтъ, вѣдь лѣстница не крута! возразилъ хозяинъ. Просто, онъ думаетъ что ужь его съѣлъ Сбогаръ и что его на свѣтъ нѣтъ.

— Велите Сбогару втащить его сюда! совѣтовалъ Тархановъ.

— Остапковъ, вставай, а не то собаки бросятся и разорвутъ тебя. Слышишь ли: вставай, говорятъ.

Но Никеша не смѣлъ пошевелиться отъ страха.

— Поднимите его и поставте на ноги! приказалъ Рыбинскій лакеямъ.

Когда Никешу подняли, онъ былъ блѣднѣе и дрожалъ отъ страха.

— Всего бьетъ-съ, какъ въ лихорадкѣ! замѣтилъ одинъ изъ лакеевъ со смѣхомъ.

— Экой трусь!

— А еще знаменитыхъ предковъ потомокъ! говорилъ Неволовъ.

— Арапникомъ бы хорошенько: весь бы страхъ какъ рукой сняло! прибавилъ Тархановъ.

— Ну, перестань же бояться, дуралей: неужели я въ самомъ дѣлѣ затравить тебя хотѣлъ. Смотри-ка: у меня собаки то умнѣе тебя: ну, Сбогаръ, va, prend lui le charreau! Сбогаръ поднялъ шапку и понесъ назадъ къ Остапкову. Тотъ, при видѣ приближающагося врага, опять закричалъ не своимъ голосомъ и сврытался за лакеевъ.

Вверху снова раздался хохотъ.

— А, какова дрессировка, господа? говорилъ Рыбинскій. Ну, Сбогаръ, брось его, дурака, везез — ici... О-охъ, умирикъ, умирикъ! Ну, милости просимъ, господа... Не бойся же ты полно, никто тебя не тронетъ. И онъ вошелъ въ прихожую, въ сопровожденіи гостей. Слуги, оставя Никешу, побѣжали вслѣдъ за господами снимать шубы.

— Батюшки, погодите! зайдяте! упрашивалъ Никеша жалобнымъ голосомъ, торопясь за лакеями и боясь остаться одинъ.

Въ прихожей на столѣ лежали засаленныя истасканныя карты, которыми отъ нечего дѣлать забавлялась безъ барина прислуга Рыбинскаго.

— Вотъ, подлецы, только и дѣла, что въ карты дуется! сазалъ онъ. А что Тальма?

— Все въ одномъ положеніи, отвѣчалъ одинъ изъ лакеевъ.

— Нѣтъ лучше?

— Точно какъ будто лучше, а плохъ!

— То-то плохъ: ты смотри у меня. Въ карты дуешься, а объ немъ, чай, забылъ.

— Какъ можно забыть-съ: каждую минуту около него.

— Сѣрыхъ ваннъ, чай, не дѣлалъ безъ меня?

— Какъ можно не дѣлать! И ванны дѣлали, и мушку поставили. Извольте сами посмотреть...

— Да, разумѣтся, посмотрю... Ахъ, господа, какая жалость: чудный ценнокъ у меня зачумѣлъ. И кажется не перенесетъ... Просто не могу видѣть безъ слезъ... Ну, господа, милости прошу безъ церемоніи: по обыкновенію, какъ дома. Приказывайте кому чего угодно: вина, водки, чаю—распоряжайтесь, пожалуйста, сами. А я схожу на минутку. Ну, Яковъ, пойдемъ къ Тальмѣ.

Рыбинскій въ сопровожденіи Якова вошелъ въ кабинетъ. Эта комната при прежнемъ владѣльцѣ была самою любимую и обитаемую, а послѣдніе три года жизни, онъ почти не выходилъ изъ нея и въ ней умеръ. За то Рыбинскій ненавидѣлъ кабинетъ и со смерти родственника, передавшаго ему свое имѣніе, сдѣлавшаго его изъ нищаго богачомъ, онъ почти никогда не входилъ въ него. Этотъ кабинетъ напоминалъ Рыбинскому самую тяжелую, самую мучительную пору его жизни. Прежній владѣлецъ былъ старій больной холостякъ, брюзга и ко всему этому ханжа и мистикъ. Послѣдніе годы жизни онъ лежалъ разбитый параличемъ въ этомъ самомъ кабинетѣ. Рыбинскій, успѣвшій разжалобить старика вымышленнымъ рассказомъ о разныхъ претерпѣнныхъ имъ въ жизни невгодахъ, надѣявшійся получить отъ него богатое наслѣдство, цѣлыхъ три года долженъ былъ носить на себѣ маску, прикидываться несчастнымъ, нравственнымъ, религіознымъ человѣкомъ. Долгихъ три года въ этомъ самомъ кабинетѣ томился онъ около постели больного, ожидая его смерти, былъ при немъ безсмынной сидѣлкой, дышалъ тяжелымъ воздухомъ душной комнаты больного, читалъ вслухъ мистическія книги, которыми были полны шкапы этого кабинета, выстаивалъ длинныя всенощныя, которыя часто служились по желанію больного, слушавшаго ихъ, сидя въ покойныхъ креслахъ, клалъ на показъ земные поклоны вередъ обра-

зми, которыми были увѣщаны стѣны кабинета и ко всему этому—что всего ужаснѣе—переносилъ муки неизвѣстности, потому что недовѣрчивый, скупой и подозрительный старикъ только за недѣлю до смерти написалъ завѣщаніе въ пользу Рыбинскаго. Роковой часъ пробилъ, старика не стало, трупъ былъ вынесенъ, кабинетъ освобожденъ отъ всего цѣннаго, дорогаго и запертъ съ своими шкапами, книгами, креслами, въ которыхъ дремалъ больной, съ кушеткой, на которой онъ умеръ, съ иконами, предъ которыми молился... Теперь эта комната была помышленіемъ для другаго больного, болѣе дорогаго сердцу Рыбинскаго—для его собаки.

— Отчего же здѣсь огня нѣтъ, говорилъ онъ входя, какая скотина!... больная собака лежитъ, а огня нѣтъ: чутье тупое, зрѣніе слабое, она воды не найдетъ въ потемкахъ, либо упадетъ, наткнется на что нибудь.

Собака лежала на той самой кушеткѣ, на которой умеръ благодѣтель Рыбинскаго. Онъ подошелъ къ ней. Тальма полуоткрылъ загноившіеся глаза и сдѣлалъ слабое движеніе хвоста.

— Милый Тальмушка... Посмотри, Яковъ, вѣдь онъ узналъ меня.

— Узналъ-съ... отвѣчалъ Яковъ жалобнымъ голосомъ.

— Ахъ, ты сокровище мое, дорогой мой!... Нѣтъ, носъ горячъ, глаза гноятся и мутны... А что задомъ слабъ?

— Очень слабъ: стоять не можетъ, такъ изъ стороны въ сторону его и кидаетъ.

— Ну, а эти припадки были: кружится или нѣтъ?

— Были, только много легче и пѣны бьетъ меньше... Этимъ-то лучше.

— Даи Богъ. Да какъ, братецъ, ты здѣсь сѣрой то навонялъ: тяжелой какой воздухъ, точно при покойномъ дядюшкѣ... Хоть бы форточку открылъ.

— Открыть-то бы можно, да какъ бы не простудить хуже...

— И то дѣлю... Тальмушка!... милый.. Неужели онъ издохнетъ.

— А Богъ милостивъ: можетъ и оживетъ.

— А какъ похудѣлъ-то?

— Пищи-то ничего нѣтъ, сударь... Ничего не принимаетъ.

— Эка жалость!... Ну, Яковъ, коли выздоровѣетъ Тальма,—

пятьдесятъ рублей тебѣ дамъ, а издохнешь—ну, смотри, на меня не пеняй... Самъ жизни не радъ будешь.

— Да, кажется, ужь старанія моего, такъ право, ровно за роднымъ сыномъ хожу... Ото-всей души стараюсь.

— Стараются вы, анафемы!... Знаю я васъ: въ карты играетъ, а огня нѣтъ у больной собаки. Зажги лампу, да покрой его теплѣе... Нѣтъ, не перенесетъ кажется...

Послѣднія слова Рыбинскій произнесъ съ искреннимъ огорченіемъ, махнулъ рукой и вышелъ изъ кабинета.

Яковъ злобно и презрительно посмотрѣлъ вслѣдъ ему, потомъ съ досадой бросилъ на собаку теплое одѣяло.

— Хоть бы комнату-то другую выбралъ... комната-то покойникомъ пахнетъ... проговорилъ онъ про себя, и, не договоривши мысли, боязливо оглянулся вокругъ.

Рыбинскій изъ кабинета прошелъ въ одну изъ отдаленныхъ внутреннихъ комнатъ. Въ ней было нѣсколько красивыхъ горничныхъ дѣвушекъ. Всѣ онѣ, при входѣ барина, бросились къ нему съ выраженіемъ радости.

— Ну, ну, пожалуйста, безъ восторговъ! сказалъ онъ, садясь. Я сегодня разстроень... Тальма ужасно плохъ... Параша поди сюда...

Послѣднія слова относились къ черноглазой, бѣленькой, румяной, свѣжей дѣвочкѣ лѣтъ семнадцати, съ лукавымъ и нѣсколько наглымъ взглядомъ. Она подошла.

— Слушай: ты должна сегодня плясать по цыгански и плясать такъ, чтобы я остался доволенъ. Ко мнѣ пріѣхали гости, я нахвасталъ тобой, смотри же не ударь лицомъ въ грязь... Если удивишь всѣхъ, на платье подарю, а то, смотри, разсержусь... Слышишь?

— Слышу-съ!.. отвѣчала Параша, бойко и прямо смотря въ глаза барину.? Ужь коли нахвастали, такъ покажу себя...

— Молодецъ-дѣвка... Поцѣлуй меня...

Параша страстно обвила руками шею барина и прильнула къ его лицу своими розовыми губами, не переставая смотрѣть ему въ глаза.

— Огонь, шельма... проговорилъ Рыбинскій, улыбаясь... Поди же одѣнься... Да послушай: тутъ у меня есть одинъ дворяннинишко: его сейчасъ ты узнаешь, такой изъ-рыжа, харя глухая и одѣтъ скверно... Вскружи ты ему голову, пожалуйста...

— Да, вѣдь, гадкой!... проговорила, Парашу дѣлая гримасу:
 — Ахъ ты, мерзавка, да развѣ я для того... сказалъ Рыбинскій, неволью улыбаясь смѣлой дѣвочкѣ... Поди-ка сюда: я тебѣ уши надеру...

— Извольте-съ, отвѣчала Параша съ гримасой и снова бросилась на колѣни къ барину и снова прильнула къ нему въ страстномъ поцѣлуѣ.

— Плутъ ты будешь, Параша... Я тебя въ заперти буду держать.

— Коли вмѣстѣ съ тобой, такъ ничего, еще тѣмъ лучше.

Рыбинскій весело засмѣялся.

— Нѣтъ, одну, да на хлѣбъ и на водѣ...

— Покорнѣйше васъ благодарю: извините-съ, не согласна, я ужъ къ чаю привыкла, да къ сливочкамъ.

— Ну, поди же, поди: мнѣ некогда, гости ждутся.... Слышишь: мнѣ хочется, чтобы ты этого недоросля раздразила хорошенько, чтобы онъ сталъ за тобой ухаживать, а тутъ дѣлай съ нимъ что хочешь, хоть прибай... Понимаешь?...

— Давно все поняли-съ... Это наше дѣло-съ: для васъ все можно... И вздрагивая плечами по цыгански, выбивая ногами дробь, Параша вылетѣла изъ комнаты.

— Ахъ, ракалія... Погоди, поди сюда! говорилъ Рыбинскій, смотря вслѣдъ ей загорѣвшимися глазами.

— Извините, некогда: гости ждутъ... отвѣчала Параша изъ за двери и убѣжала.

— Я тебѣ дамъ! говорилъ Рыбинскій, съ улыбкой грозя ей.

— Ну, а ты, Палагга, прибавилъ онъ уходя и обращаясь къ самой старшей изъ дѣвушекъ: скажи, чтобы весь таборъ приходилъ въ залу и сами одѣньтесь и выходите... Да пѣть хорошенько! Слышите!...

И онъ вышелъ.

— Эту Парашку, просто, извести надо: проговорила одна изъ дѣвушекъ, высокая, смуглая, съ зелеными глазами и тонкими губами, нѣкогда красавица, теперь увядающая.

— И есть извести бы надо, примолвила другая, полная, круглолицая: Мы смотри-ка всѣ обносились, а ей одной только и дѣло: то платье, то платокъ...

— Погоди же она у меня! сказала первая, и черныя густыя брови ея слились въ одну прямую линію, глаза сверкнули, и тонкія губы крѣпко сжались.

— Извините, господа! говорилъ Рыбинскій, возвращаясь къ гостямъ: ходилъ распорядиться, сейчасъ явится хоръ и мой доморощенный балажъ. Вотъ, что значитъ страсть, господа: нарочно держу на свой счетъ цѣлый табаръ цыганъ, чтобы только учили моихъ дураковъ и дурь пѣть и плясать... Ну, что, Осташковъ, отдохнулъ ли отъ страха?...

— Что, Павелъ Петровичъ, отвѣчалъ Тархановъ, онъ у насъ отъ рукъ отбивается: говорить, что поясницу отшибъ и вина не хочетъ пить...

— Э, Осташа, какъ же это можно, моимъ гостепрѣимствомъ брезгуешь... Нѣтъ братецъ, вышей.

— Ужь я пилъ-съ: больше душа не принимаетъ...

— И, замѣйте, Рыбинскій: какой онъ странной организаціи: душой пьетъ, а не тѣломъ! острился Неводовъ.

— Да мнѣ, братецъ, чѣмъ хочешь пей, а только пей... Вотъ смотри: сначала я выпью, а потомъ изволь ты. а въ противноиъ случаѣ науськаю на тебя всѣхъ трехъ собакъ... Видишь: какіе звѣри лежатъ, съ костями проглотять... Не угодно ли? Рыбинскій подаль Осташкову стаканъ съ виномъ...

— Право-съ, охмѣлѣю, чего бы не сдѣлать, дуности какой...

— Сбогарь!... Видишь... Значить, безъ возраженій!

Осташковъ выпилъ цѣлый стаканъ хереса.

— Ну, спасибо, больше сегодня не заставлю, если самъ не станешь просить...

— Вотъ я тетенькѣ скажу, непременно скажу! говорилъ Неводовъ, грозя Осташкову.

— Не моя воля... И радъ бы не пить, да приказываете, такъ долженъ слушаться...

— Вотъ это умно! замѣтилъ Тархановъ. Всегда такъ говори: и будетъ тебѣ хорошо...

— И не будешь оставленъ! прибавилъ Неводовъ.

— А что Осташковъ, умѣешь ты пѣсни пѣть?

— Да, вѣдь, какія у насъ пѣсни: наши пѣсни мужицкія!... отвѣчалъ хмѣлѣющій Никеша.

— Ну, ничего: что же за бѣда, что мужицкія. Спой, братъ, пока не собрались мои цыгане.

— Извольте, только не забраните.

— Ничего, ничего... Пой!...

— Ужь какъ уиѣю... А я, бывало, въ хороводахъ заводилъ пѣсни.

— Ну, ну!...

Никеша откашлялся, подперъ рукою голову и громко, криливо, раздались подъ потолкомъ залы переливы тоскливой, но любящей просторъ русской пѣсни. Пой эту пѣсню мужикъ и вой онъ ее на открытомъ воздухѣ никто бы изъ этихъ господъ не сталъ смѣяться, или по крайней мѣрѣ никто не обратилъ бы вниманія, но Никеша уже волей-неволей становился шуткомъ—и общій хохотъ привѣтствовалъ его пѣніе.

— А ты громче! кричалъ Тархановъ.

И Никеша, зная по опыту, что господскій смѣхъ приноситъ пользу, нарочно усиливалъ голосъ и уже началъ совсѣмъ кричать къ общему удовольствію.

— Ну, будетъ, будетъ, братъ, спасибо: въ ушахъ звенить! остановилъ его Рыбинскій.

— Какими васъ Богъ талантами наградилъ! сказалъ Неводовъ.

— А плясать умѣешь? спросилъ Тархановъ.

— Ничего, можно и поплясать! отвѣчалъ Никеша. Что за важность?...

— Ну, погоди вотъ цыгане идутъ. Ужо и тебя заставимъ. Да гдѣ же Комковъ?

— Я здѣсь братъ! отвѣчалъ тотъ съ дивана.

— Ужь ты и лежишь?

— Лежу, братъ.

— Ну, просимъ вставать: собираются мои. Посмотри на Парашу. Ну, Осташковъ, что-то теперь твоя жена подѣлываетъ? А она потеряетъ твое вѣрное сердце.

Въ залу вошло нѣсколько человекъ цыганъ и цыганокъ, а вслѣдъ за ними горничныя дѣвушки Рыбинскаго.

— Ну что, черномазые, всѣ ли вы тутъ? спросилъ послѣдній, подходя къ толпѣ.

— А-а всѣ тутъ, барынъ, всѣ здѣсь... отвѣчалъ цыганъ съ торбаномъ въ рукахъ.

— Ну, ты смотри у меня, Петръ, сегодня отличишь... Понимаешь, чтобы кровь ключомъ у всѣхъ забила, чтобы духъ захватывало... Слышишь...

— А знаю, барынъ, знаю... господъ потѣшимъ... Потѣшимъ господъ; вотъ какъ потѣшимъ... отвѣчалъ торбанистъ.

— Дивно пляшетъ, какъ расходится, анафема, замѣтилъ Рыбинскій. А вотъ вы уже, господа, обратите тоже вниманіе на эту старую хрычовку, продолжалъ онъ, подходя къ одной цы-

ганкѣ, почти старухѣ и кладя ей руку на плечо: вѣдь, я думаю, лѣтъ пятьдесятъ вѣдьмѣ, а начнетъ плясать, да войдетъ въ азартъ... такъ право, поцѣловать хочется... готовъ забыть, что на сушеный грибъ похожа...

— Ахъ, шутникъ, баринъ... счастливый, хорошій баринъ.

— Она у меня учитъ Парашу... Что хорошо ли пляшетъ Параша-то, скажи-ка господамъ...

— Ахъ, хорошо, баринъ... какъ хорошо!... А еще поучу... будетъ такъ плясать барину... Будетъ баринъ дѣвкой доволенъ... Слуга будетъ дѣвка...

— Да что же она долго не идетъ?

— Не знаемъ, что она долго проклажается... отвѣчала смуглая, зеленоглазая горничная: мы ужъ давно готовы, а она все парадится...

— А дай, баринъ, дѣвкѣ принарядиться, говорила старая цыганка... Дѣвка любитъ нарядиться... Дѣвка знаетъ какъ себя надо показать, чтобы любо было на дѣвку смотрѣть... А пускай се, баринъ, похорошится... а мы покамѣсь бы господъ позабыли: пѣсенку спѣли...

— Ну и то дѣло... Начинайте... А ты, Алена, попляши съ Петромъ.

— Ге, становись... закричалъ торбанистъ. Какую, баринъ?

— Какую хочешь, только веселую... Живо...

Цыгане вполголоса перекинулись нѣсколькими словами, потомъ Петръ вышелъ впередъ, окинулъ всѣхъ быстрымъ взглядомъ своихъ черныхъ глазъ, приподнялъ въ рукахъ торбанъ, махнулъ имъ и затянулъ какую-то русскую пѣсню, исковерканную, передѣланную на цыганскій ладъ. Голосъ запѣвалы былъ подхваченъ другими: дикіе, оглушительные, визгливые звуки полетѣли стремительнымъ потокомъ, затопали ноги, задергались плечи, фальшивымъ искусственнымъ огнемъ восторга загорѣлись глаза цыганъ. Алена и Петръ вышли на средину залы, встали другъ противъ друга и закружились въ неистовой пляскѣ. Старуха въ самомъ дѣлѣ какъ будто вдругъ помолодѣла: подпершись руками въ бока, или поднимая ихъ вверхъ, она взвизгивала, вздрагивала всѣмъ тѣломъ, трепетала какъ въ лихорадкѣ, выбивала ногами дробь и вихремъ кружилась по залѣ.

— Bravo, bravo... Живо, Алена, живо!... кричалъ воодушевившійся Рыбинскій. Ахъ, анафема... Что если бы была помо-

ложе и получше рожей... Господа, хотите вина?... Эй, вина!... Осташковъ, пей... Пей.. приказываютъ...

Вдругъ въ самомъ разгарѣ пѣсни и пляски въ залу вошла Параша. Она одѣта была въ особенный оригинальный костюмъ, придуманный для нея самимъ Рыбинскимъ и почему-то названный имъ цыганскимъ. Длинные черные волосы ея были заплетены въ нѣсколько косъ и распущены по спинѣ; пунцовый вѣнокъ сдерживалъ волосы на лбу. Яркій красный платокъ, распущенный во всю свою длину былъ надѣтъ на одно плечо и подвязанъ подъ другимъ. Плечи и руки была совершенно обнажены.

— Вотъ она, вотъ она! закричалъ Рыбинскій, увидя Парашу. Bravo, Алена, bravo! Довольно... Пусти: Параша станетъ вмѣсто тебя... Эй вы, веселѣе... Ну, Параша, отличись. А, какова прелесть, господа... Осташковъ, какова эта штучка, а?.. Не уступать же Аленѣ... Слышишь...

Параша медленно, какъ бы нехотя вышла на средину залы, остановилась, обвела своими бойкими глазами всѣхъ присутствующихъ, лѣниво потянулась, какъ бы расправляя уставшіе члены и вдругъ вскрикнула, быстро приподняла руки, откинувши на спину платокъ и задрожала, какъ бы пораженная электрическимъ ударомъ. Потомъ, какъ бы увлекаемая вихремъ, она начала кружиться по комнатѣ, по временамъ сотрясаясь всѣмъ тѣломъ, глаза ея метали искры, вся она казалась одержимую неистовой, бѣшеной страстью, всякое движеніе выражало и возбуждало сладострастіе. Молодость и красота довершала впечатлѣніе. Пьяные гости сошли съума отъ восторга: начали подкрикивать, подпѣвать цыганамъ, топали ногами, даже Комковъ сидѣлъ не покойно, какъ на иголкахъ. Осташковъ пѣлъ во все горло и подплясывалъ, сидя на мѣстѣ.

— Что, Осташковъ? спросилъ его Рыбинскій.

— Что? Будь тысяча рублей—не пожалѣлъ бы—сейчасъ купить... отвѣчалъ пьяный Пикеша.

Въ это время Параша подлетѣла къ Осташкову съ такимъ движеніемъ какъ будто хотѣла обнять его, онъ протянулъ было руки, но она ускользнула и съ самыми сладострастными жестами отступала передъ нимъ, выбивая ногами дробь по цыгански.

— Ну, дѣвка, ужъ купилъ бы я тебя... говорилъ Пикеша, пожирая глазами плясунью...

— А жена-то? сказалъ Рыбинскій.

— А тетенька-то высъчетъ... прибавилъ Неводовъ.

— Вотъ!... отвѣчалъ Никеша съ презрѣніемъ, не сводя глазъ съ Парашы, которая кружилась передъ нимъ, изрѣдка дотрогиваясь до него руками и каждый разъ ускользя отъ его объятій.

Никеша наконецъ былъ взволнованъ и раздраженъ до послѣдней степени: бросился и схватилъ въ охапку Парашу, намѣреваясь поцѣловать ее. Параша быстро взглянула на Рыбинскаго, тотъ далъ знакъ—и громозвучная пощечина раздалась по залѣ, рѣзко прозвучавъ среди веселаго пѣнія, какъ фальшивая нота. Общій хохотъ заглушилъ и остановилъ пѣніе; Осташковъ пошелъ на свое мѣсто, опустья голову и отирая ладонью горячую щеку. Параша спряталась въ толпѣ.

— Что, братъ, Осташковъ? Каково? По дѣломъ.. На чужой каравай ротъ не разѣвай...

— А я еще тетенькѣ скажу, мусье Осташковъ: въ какой вы упадете развратъ... поддразнивалъ Неводовъ.

— Нѣтъ, какова дѣвка-то, господа? а?...

— Чудо!

— Огонь, страсть, югъ!...

— А, вѣдь, русачокъ чистый? спросилъ Тархановъ.

— Чистѣйшій!... скотникова дочь!... отвѣчалъ Рыбинскій. Ну, полно обтираться, Осташковъ: вѣдь, я думаю, не больно: не мужицкая рука... Ничего, заживетъ... Эй, дайте ему вина...

— Да, вѣдь, ему не больно; только, я полагаю, для дворянской его чести обидно... Самя разсудите: потомокъ такихъ знаменитыхъ предковъ!... говорилъ Неводовъ. Обидно Осташковъ?

— Прискорбно!... отвѣчалъ Никеша, тряся головой.

— Э, братецъ, вѣдь, это женская рука: ничего... А тебѣ, кажется очень досадно, что не удалось поцѣловать ее. Ну я тебѣ сейчасъ утѣшу... Эй, Алена, поди сюда, поцѣлуй барина...

— А изволь, баринъ, съ радостью... Поцѣлуемся... отвѣчала цыганка и протянула руки къ Никешѣ...

— Пошла ты, старый чортъ, стану я съ тобой цѣловаться... говорилъ совершенно пьяный уже Осташковъ... Миѣ бы вонъ ту поймать, такъ я бы зналъ что съ ней дѣлать...

— Э, господа, да онъ молодецъ! Надо его наградить за храбрость... Эй вы дѣвки: Палагея, Наталья, Федора, Глафира... Подите, цѣлуйте Осташкова...

Покорныя приказанію своего барина дѣвушки подошли къ Осташкову, смѣясь и поталкивая другъ друга.

— Не надо, не желаю! говорилъ Никеша, махая руками и тряся головой.

— Вотъ еще какой!.. Ломается... Дѣвки возьмите его: цѣлуйте! сказалъ Рыбинскій, могучей рукой приподнявъ его и бросилъ въ толпу дѣвокъ.

Почувствовавъ прикосновеніе женщинъ Никеша, самъ, какъ голодный волкъ на овецъ, бросился на нихъ. Поднялся визгъ, пискъ, хохотъ... Отбиваясь отъ ласкъ Никеша и увлекшись общимъ удовольствіемъ, дѣвки начали толкать, тормошить, бить бѣднаго Осташкова и кончилось дѣло тѣмъ, что новый фракъ его — подарокъ Неводова, остался безъ фалды и лацкановъ. Услыша трескъ раздираемаго платья, Никеша пришелъ въ совершенное неистовство и началъ дѣйствовать кулаками. Рыбинскій приказалъ лакеямъ взять его и положить спать — и Никешу увели, не смотря на сопротивленіе. Пѣсни и пляска возобновились и продолжались почти до самаго разсвѣта. Параша часто являлась на сцену, каждый разъ производя сильный эффектъ. Бѣшенная оргія кончилась тѣмъ, что Комковъ и Топорковъ уснули сидя на мѣстѣ, а хозяинъ и прочіе гости были подъ руки отведены къ своимъ постелямъ. Цыгане и прислуга дѣливали послѣ господъ вино, оставшееся въ бутылкахъ: и пьяные разстлались на полу въ залѣ и прихожей.

VIII.

На другой день Никеша проснулся рано утромъ: голова у него трещала, на сердцѣ было тяжело, точно камень лежалъ на немъ, дрожь пробѣгала по тѣлу. Долго не могъ онъ придти въ себя и понять, что съ нимъ случилось наканунѣ. Тупыми, красными глазами осматривался онъ вокругъ себя и увидѣлъ, что лежитъ на полу-изломанномъ диванѣ въ какой-то пустой, холодной и сырой комнатѣ, куда онъ былъ отведенъ вчера лакеями пьяный. Слуги въ господскихъ домахъ всегда питаютъ какую-то безпричинную, инстинктивную ненависть ко всѣмъ бѣднымъ, малоуважаемымъ гостямъ своего барина; всякій, кто позволяетъ бабину посмѣяться, пошутить на свой счетъ, подвергается злобному гоненію слуги. Подъ вліяніемъ этого чувства лакеи Рыбинскаго отвели вчера бѣднаго и пьянаго Никешу въ

пустую нежилую, и вслѣдствіе этого нетопленную комнату, и нераздѣтаго бросили на диванъ, безъ подушки и одѣяла.

Смутно припоминая вчерашній день, Осташковъ взглянулъ на свой фракъ, въ которомъ спалъ, и кровью облилось его сердце: чуть не плакалъ онъ, смотря на лоскутки, которые висѣли на немъ вмѣсто наряднаго платья. Вдругъ должно быть что нибудь страшное пришло ему въ голову: лицо его изобразило испугъ, онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и торопливо опустилъ руку въ боковой карманъ растерзаннаго фрака: страшное предчувствіе не обмануло бѣдняка: въ карманѣ не было денегъ, которые давали ему господа у Неводова. Искренняя тяжелая тоска изобразилась на лицѣ, въ глазахъ, во всей особѣ Никеша; онъ даже вскрикнулъ отъ отчаянія. Грозный, сердитый лай собакъ глухо раздался по безмолвному спящему дому въ отвѣтъ на этотъ вопль отчаянія. Никеша вспомнилъ о страшномъ Сбогарѣ и притаилъ дыханіе, не смѣлъ пошевелиться, прилежъ на диванъ и стараясь опять заснуть, чтобы забыться отъ тоски и страха, но напрасно: его мучила жажда, било, какъ въ лихорадкѣ, отъ холода, и сердце давило тоскою, точно у него на совѣсти лежало какое нибудь страшное преступленіе. Въ домѣ все безмолствовало, и напрасно Никеша прислушивался: не пройдетъ ли кто мимо дверей его комнаты; всѣ отдыхали сладкимъ сномъ послѣ вчерашняго пиршества, бодрствовалъ и страдалъ только онъ одинъ—герой и жертва минувшаго пира. Два часа провелъ Никеша въ самомъ мучительномъ положеніи. Но вотъ уже совѣтъ разсвѣло, пробило девять часовъ: въ домѣ послышались чьи-то шаги, до ушей страдальца начали долетать отрывочныя фразы сердитыхъ, хриплыхъ голосовъ, кто-то тяжелыми шагами прошелъ мимо самыхъ дверей его темницы и черезъ нѣсколько секундъ гдѣ-то не подалеку съ шумомъ бросилъ на полъ охапку дровъ. Никеша осмѣлился, подошелъ къ дверямъ и пріотворилъ ихъ, ожидая, не пройдетъ ли кто нибудь. Черезъ минуту послышались тѣже тяжелые шаги и Никеша увидѣлъ мужика въ полушубкѣ съ веревкою въ рукахъ.

— Почтенный, нельзя ли бы какъ тулупчишко мой достать? робко спросилъ Никеша.

— Чего?

— Тулупъ бы, молъ, мой нельзя ли принести.

— Тулупъ?

— Да...

— Да гдѣ же онъ у тебя?

— Тамъ, въ лакейской-то прихожей.

— Да ты кто такой? спросилъ мужикъ, съ любопытствомъ осматривая измятый и изорванный нарядъ Никеша.

— Я то кто?.. Я... баринъ...

— Баринъ!.. врешь!..

— Право, ей Богу, баринъ!...

— Нѣтъ, баре-то у насъ не спятъ въ холодныхъ горницахъ, мы здѣсь и печь-то черезъ сутки топимъ...

— Право, баринъ, ей Богу, другъ, баринъ... только что я захмѣлѣлъ вчера, такъ ужь не знаю какъ и попалъ сюда... Смерть иззябъ здѣсь: хоть бы погрѣлся въ тулупѣ-то...

— Баринъ, недовѣрчиво и съ усмѣшкой проговорилъ мужикъ. Такъ коли вы баринъ, такъ кликните: лакейства-то тамъ много—подадутъ... Они къ тому приставлены, а намъ нѣту ходу въ тѣ покои...

И мужикъ пошелъ прочь, повторяя съ усмѣшкой: баринъ!.. хватъ какой!... баринъ!..

— Эй, любезный, послушай! Пожалуйста, послушай! жалобно звалъ его Никеша.

— Ну что еще надо? спросилъ грубо мужикъ, пріостанавливаясь и оглядываясь на Никешу черезъ плечо.

— Я бы и самъ пошелъ туда, да собакъ вашихъ боюсь...

— Ничего, поди, собаки не тронутъ.

— Да гдѣ идти-то я не знаю: хоть укажи...

— Гдѣ идти?.. Баринъ, а въ покои дороги не знаешь... Хм... Проказникъ ты... Баринъ!.. Отстань-ка, мнѣ не коли съ тобой калякать-то: печи топить надо...

И надежда Никеша скрылась вмѣсти съ полушубкомъ, веревкой и тяжелыми сапогами.

— Господи, да неужто ужь мнѣ такъ здѣсь смерть получить? Вѣдь, это смерть, чистая смерть! думалъ Никеша. Вѣдь, не съѣдятъ же меня и самъ-дѣлѣ собаки середь бѣлаго дня. Все равно здѣсь замерзнешь же, отъ холода издохнешь.

Разсудивши такимъ образомъ онъ наконецъ собрался съ духомъ и рѣшился выдти изъ своей засады. Дверь выходила въ лишній темный коридоръ. Робко пройдя его, Никеша вошелъ въ большую комнату, гдѣ стоялъ билліардъ. Въ билліардной было двѣ двери: за одной изъ нихъ слышались голоса. Никеша отворилъ ее и къ великой своей радости увидѣлъ лакея.

скую, гдѣ долженъ былъ находиться его тулупъ. Двое лакеевъ; проснувшись, лежали еще въ растяжку одинъ на полу, другой на столѣ и потягиваясь разговаривали между собою. Третій сидѣлъ на ларѣ, опуствя голову на руки...

— Ахъ, щипаный гусь, ты уже всталъ! сказалъ одинъ изъ лакеевъ, увидя Никешу.

— Смотри-ка какъ дѣвки-то его изполосовали, замѣтилъ другой: изъ фрака-то что сдѣлали... хи! хи!

— Гдѣ, господа, мой тулупъ?

— На что тебѣ его? спросилъ тотъ, который лежалъ на полу.

— Надѣтъ хочу: очень ужъ озябъ...

— А... нѣмецкая горячка прохватила... Да гдѣ онъ? Посмотри: тутъ гдѣ нибудь...

— Вотъ лежитъ... сказалъ сидѣвшій на ларѣ... Я озябъ ночью, такъ бралъ обыгаться... Возьми вотъ его...

Никеша молча взялъ и поспѣшилъ надѣтъ...

— Да узелокъ еще былъ со мной: сертукъ тутъ у меня...

— Ну вотъ погоди... Гдѣ тутъ его найдешь: вишь сколько господской одежды... Кто за тобой станеть прибирать... Возилъ бы коли свою прислугу...

— Да у него, парень, одна своя душа: вся и прислуга тутъ... Мнѣ неводовскій Ванюха сказывалъ... Правда ли, баринъ...

— Что дѣлать-то, господа... бѣдность одолѣла... кабы не бѣдность и у меня бы свое лакейство было...

— Купи меня, баринъ, у господина-то: онъ, можетъ, продасть... А я бы тебѣ вотъ какъ служилъ... каждый бы день вмѣстѣ пьяны напивались... Такой бы у насъ съ тобой былъ совѣтъ да любовь... А? Право, покупай меня, баринъ...

— Нѣтъ, братцы, гдѣ ужъ мнѣ людей покупать... хоть самага-то бы себя съ семьей прокормить и то впору... Вотъ не видалъ ли кто, не въ домекъ ли: я вчера деньги... обронилъ надо быть... али какъ... ужъ не знаю...

— Какія, чай, у тебя деньги: два двугривенныхъ чтоли?

— Нѣтъ синенькая бумажка да два цѣлковыхъ...

— Такъ гдѣ же они у тебя?...

— Да не знаю: какъ нибудь выронилъ что ли, либо какъ...

— Поди, чай, цыгане вчера вытащили, какъ таскали-то его... сказалъ сидѣвшій на ларѣ. Смотри: ты на насъ не всклепли...

— Что мнѣ на васъ... Я не видалъ, не помню... только спрашиваю: не въ домекъ ли кому...

— То-то смотри... а то въ другой разъ, пьяный напешься,—еще не туда посадимъ... Ахъ ты, смерть моя, головушка треснуть хочеть!..

— Да, парень, опохмѣлиться бы надо...

— Раввѣ сходить: попросить у Прокофьевны?..

— Не дастъ...

— Вотъ не дастъ... дастъ!

— Пра, не дастъ...

— Да что не дать-то?.. Что у насъ, считаное что ли?.. Кто ее учтетъ: вышло да и все тутъ...

— А поди, попробуй попроси... Ни за что не выпросишь...

— Баринъ, хошь опохмѣлиться?..

— Нѣту, не желаю...

— А что? Вѣдь, чай, болитъ голова-то?

— Болитъ, да нѣтъ, не желаю...

— Что не желаю: выпьешь, сейчасъ и голова заживетъ и на сердцѣ легче станетъ... Ну, попроси, баринъ, мы тебѣ послужимъ за это...

— Да что вамъ во мнѣ-то, господа: вы, пожалуй, пейте, а мнѣ не требуется.....

— Да ты, пожалуй, не пей, только вина-то попробуй, а мы за твое здоровье выпьемъ... Видишь: у насъ экономка скупая: коли для себя намъ просить, ничего не дастъ... А отъ барина намъ приказъ такой данъ, чтобы чего бы гость не потребовалъ, сейчасъ подавать... Ну, а ты все едино, что гость.. Слышь, баринъ, уважь же насъ: мы на тебя потребуемъ, а ты, пожалуй, не пей... Ты насъ уважишь и мы тебѣ послужимъ, ужь въ холодную-то не положимъ.

— Смотрите, ребята, не остаься бы мнѣ въ какомъ стыду передъ господиномъ-то: я этого не желаю...

— Эхъ, отстань-ка, ничего!.. Что за бѣда что водки спросишь... У насъ гость чего хочеть спрашивай, хоть птичьего молока.. у насъ баринъ еще это любить, какъ гости сами расворяжаются... Я пойду сейчасъ промыслю... Вретъ же Прокофьевна, дастъ водки... Еще закуски ребята, вытребую...

— Ступай, ступай, проворнѣй! понукаль другой лакей, поднимаясь съ полу и подтягивая штаны, въ которыхъ спалъ не раздѣваясь послѣ вечерней попойки. А ты, баринъ, не равно придетъ сама Прокофьевна спрашивать тебя: держи свою фантазію, что, молъ, жалаю водки опохмѣлить себя, да и шабашъ... Это

она должна исполнить, потому у насъ отъ барина такое приказаніе дано. Вѣдь, у насъ баринъ добрый на счетъ этого, самый безхитростный баринъ, да она больно скупа, дьяволь: гнилаго яца не выпросишь... Лучше подъ угорь вывалить, а человѣку не дастъ; такой аспидъ-алкатель!.. Ты поди, баринъ, покудова посиди въ залѣ: ровно гость и будешь, а то здѣсь тебѣ нейдетъ... Гдѣ у меня Гришка?.. Балуетъ, чай, подлець, а сапоги у господѣ не чищены... Битва съ этими ребятишками... Вихоръ надо надрать анафемѣ.

— Вихоръ надрать!.. Ты бы вздулъ его хорошенько, либо зубы выколотилъ: вотъ бы онъ и помнилъ свое дѣло!.. отозвался лакей, сидѣвшій на ларѣ съ опущенной на руки головою, которую онъ не приподнималъ. Экое похмѣлье окаянное: всю голову разломило! Поди же, баринъ, отселѣ!..

— Вотъ бы мнѣ только узелокъ-отъ.. Я бы сюртукъ надѣлъ, а фракъ—отъ больно изорвали..

— Поищи тутъ, Михайло: гдѣ онъ засунулся.

— Погоди, баринъ, сейчасъ найду, а водки намъ предоставишь—и фракъ зачищу твой.. Изволь: удружу.

Скоро узелокъ Никеша былъ найденъ и лохмотья фрака замѣнены сюртукомъ. Никеша чуть не заплакалъ, снимая лоскутки своей одежды и увидя, что фракъ былъ разорванъ сзади почти пополамъ.

— Э, баринъ, да у тебѣ двѣ одежды вышло вмѣсто одной... Что дѣвки-то сработали! говорилъ Михайло, посмѣиваясь и переворачивая фракъ то на ту, то на другую сторону. Ну, да ничего. Говорять, заштопаю, коли выхлопочешь намъ водки!

Никеша грустный вышелъ въ билліардную.

Манервъ лакевъ отлично удался: ключница безъ дальнѣйшей повѣрки исполнила требованіе, и отпустила графинъ водки и закусокъ. Яковъ, собачій староста, какъ его на-смѣхъ прозвала дворя за то, что на него возложена была обязанность ухаживать за господскими собаками, съ торжествующимъ видомъ внесъ въ билліардную подносъ съ графиномъ, икрой и колбасой.

Поставивши все это на столъ онъ, не стѣсняясь присутствіемъ Никеша, проворно выпилъ двѣ рюмки одну за другою и потомъ пошелъ звать товарищей. Тѣ немедленно вошли.

— Надо, чтобы баринъ выпилъ, хоть рюмку! замѣтилъ смышленный Михайло. Выпей баринъ, право, выпей; и голова заживетъ, и согрѣешься, и на сердцѣ сдѣлается веселѣе, а то

смотри-ка какой ходишь: точно тебя всего изломало... Нашъ баринъ этакихъ гостей не любитъ: онъ любитъ, чтобы у него весело смотрѣли... Право, выпей!..

— А что и самъ-дѣлѣ, отчего не выпить? подумалъ Никеша: можетъ и легче будетъ. И онъ выпилъ: ему поправилося, предложили выпить другую—не отказался,—сытно закусилъ и повеселѣлъ совершенно. Онъ не отказался бы, можетъ быть, и отъ третьей, но водки уже не было: попеременно сторожа у дверей, чтобы не вошелъ кто лишній, лакеи, живо опустошили графинъ, поѣли закуски и вышли, какъ ни въ чемъ не бывало. Никеша былъ пьянъ и веселъ, забылъ о потерѣ денегъ, объ изорванномъ фракѣ, оставилъ намѣреніе проситься у Рыбинскаго домой—и смѣло, свободно похаживалъ по билліардной, ухмыляясь лакеямъ, проходившимъ мимо, и весело подмигивавшимъ ему на опустошенный графинъ. Часа черезъ два послѣ этого проснулся Рыбинскій, поднялися прочіе гости, Никеша былъ позванъ къ нимъ, ему подали горячаго чаю съ мягкими булками, съ вкусными сухарями—и Никеша блаженствовалъ, забывши совершенно о домѣ и ожидавшей его работѣ. Рыбинскій упросилъ своихъ гостей остаться еще на день, а Никеша даже и не заикнулся о томъ, что ему пора бы домой. Онъ былъ окончательно успокоенъ и утѣшенъ за будущее, когда Рыбинскій приказалъ дать ему изъ своего гардероба цѣлую пару платья въ замѣнъ изорваннаго фрака. Никешѣ было приказано немедленно нарядиться въ новое платье и въ немъ оставаться. Сюртукъ Рыбинскаго надѣтый на Никешу, былъ такъ длиненъ ему, что полы почти таскались по землѣ; каждое движеніе Никеша въ этомъ новомъ костюмѣ возбуждало общій смѣхъ; но онъ уже не боялся и не стѣснялся отъ этого смѣха, а напротивъ старался даже поддерживать его. Однимъ словомъ учался быть шутомъ.

Послѣ утренняго чаю, тотчасъ же началась карточная игра и продолжалась до вечера. Въ продолженіи ея Никеша былъ забыть, но онъ старался напоминать о себѣ разными услугами, привыкая къ новой роли: служить на посылкахъ, къ чему оказывался очень способнымъ къ удовольствію лакеевъ, которыхъ онъ своимъ присутствіемъ при господахъ, избавлялъ отъ необходимости торчать у притолоки, въ ожиданіи господскихъ приказаній. Никешѣ не скучно было сидѣть около карточного стола, потому что онъ видѣлъ себя въ господской компаніи, а въ дру-

гой комнатѣ стояла сытная закуска, къ которой сначала робко и рѣдко, а потомъ смѣлѣе и чаще онъ навѣдывался, видя, что на это никто не обращаетъ вниманія.

Вечеромъ опять явились на сцену цыгане и Параша. Началось пѣніе и пляска, въ которой по общему требованію и къ общему удовольствію принималъ участіе и Никеша. День заключился такой же оргіею, какъ и наканунѣ. Осташковъ былъ пьянъ вмѣстѣ съ другими, но уже умѣлъ повести себя такъ, что не былъ выведенъ насильно, и находясь уже въ дружественныхъ отношеніяхъ съ лакеями, былъ положенъ на ночь въ теплой комнатѣ и даже снабженъ подушкой и одѣяломъ. Отсюда онъ могъ вывести для себя новое правило, что въ господскихъ домахъ нужно расположеніе не однихъ го подъ, но и лакеевъ, и что, услуживая господамъ, не мѣшаетъ искать пріязни и покровительства у прислуги. Впослѣдствіи онъ убѣдился въ этомъ совершенно и постоянно руководствовался этимъ мудрымъ правиломъ.

IX.

Пропировавши у Рыбинскаго три дня, пріятели согласились ѣхать къ Комкову, вслѣдствіе убѣдительныхъ просьбъ этого лежебока, какъ называли они его въ шутку. Обязавши всѣхъ честнымъ словомъ не измѣнить обѣщанію пріѣхать къ нему, Комковъ откровенно высказалъ необходимость отправиться домой прежде гостей.

— Вѣдь, вы знаете, господа, какой у меня въ домѣ порядокъ. Живу я сиротой, хозяйки у меня нѣтъ, присмотрѣть не кому, самому лѣнь: надо поѣхать распорядиться, чтобы было чѣмъ гостей попотчевать.... Пять дней меня дома не было: я думаю, и народъ-то не скоро соберу. Отпустите-ка, господа, со мной Осташкова: онъ малый услужливый, поможетъ мнѣ въ чемънибудь. Вслѣдствіе этого Осташковъ былъ командированъ съ Комковымъ.

Лежа около дремавшаго Комкова въ просторныхъ саняхъ, на мягкой перинѣ, Никеша весело посматривалъ на дорогу. Хорошо было у него на душѣ; нравилась ему новая открывшаяся для него жизнь въ господскихъ домахъ, жизнь веселая, привольная, сытная, на даровыхъ хлѣбахъ, безъ заботы о завтрашнемъ днѣ. Какая разница съ той однообразной, скучной, трудовой жизнью дома, гдѣ заботливая тетка не даетъ отдохнуть минуты лиш-

ней, вѣчно понукаеть, вѣчно находить новую работу. Здѣсь, въ господскихъ домахъ, только и заботы—какъ бы поѣсть послаще, выпасться покрѣпче, да забаву выдумать повеселѣе, а тамъ, дома, только глаза продралъ, еще и не проспался хорошенько, води на работу, гни спину, ворочайся цѣлый день, какъ лошадь, а обѣдать сядешь, такъ подадутъ тебѣ щей да хлѣба—и за то Бога благодари. Здѣсь и работать не заставляютъ, и навоятъ и накормятъ даромъ, да еще и подарятъ, коли мало-мальски услужишь, али посмѣшишь, а дома-то и въ недѣлю того не выработаешь, что здѣсь однимъ часомъ получишь. Нѣтъ, дай Богъ здоровья матушкѣ—тещѣ: показала она мнѣ свѣтъ, чтоознакомила съ господами! Всю она мнѣ истинную правду говорила. Теперь только старайся господамъ услуживать, будешь и сытъ, и одѣтъ, и деньги заведутся,—и безъ работы. И то сказать: понимаютъ, что своя кровь, что не слѣдъ мнѣ ломаться, какъ мужику простому, вотъ и хотятъ поддержать. А, можетъ, и самъ-дѣлѣ, чувствуютъ, что нашимъ имѣніемъ пользуются, такъ совѣсть зазритъ и хотятъ заслужить передо мной.... Да нѣтъ, вѣдь, если случай такой выйдетъ, что можно будетъ черезъ какого человѣка за дѣло взяться, я, вѣдь, всѣ вотчины свои съ нихъ вытребую.... Конечно, я темный человѣкъ, мнѣ до этого не дойти, а вотъ, Богъ дастъ, сынъ подростетъ, да пойдетъ въ науку.... чего еще не будетъ!... А теперь буду пока служить господамъ, да ума набираться....

Такъ думалъ и мечталъ Никеша, между тѣмъ, какъ мимо его челькали снѣжныя искрящіяся поля, опущенныя серебристымъ вѣнемъ березовыя рощи, зарывшіяся въ снѣжныхъ сугробахъ деревнюшки. Тихой, ровной рысцой бѣжали крупныя кормныя лошади Комкова; мѣрно и не звучно побрякивалъ колокольчикъ; сгорбившись, оиустя голову, какъ будто задумавшись, сидѣлъ на козлахъ кучеръ, изрѣдка, лѣниво и безмолвно подергивая возжами; баринъ спалъ крѣпкимъ сномъ, убаюканный поковной ѣздой. Какъ видно, никто не торопился домой: ни господинъ, ни кучеръ, ни лошади. Но наконецъ вдали показалась и деревня Комкова. На гладкомъ неоглядномъ, теперь бѣломъ отъ снѣга полѣ стояла она вмѣстѣ съ господской усадьбой. Не было кругомъ ни деревца, ни кустика, только за барскихъ доимомъ торчала небольшая рощица. Деревня была расположена безъ всякаго порядка, случайно, какъ попало. Тутъ два три дома столпились въ кучу и только что не лѣзли одинъ на

другимъ, тамъ дрянная избенка выбѣжала впередъ всѣхъ и остановилась середь дороги, точно совѣстно стало, что выскочила, не знаемо зачѣмъ, впередъ другихъ, а здѣсь цѣлый рядъ домовъ повернулся задомъ къ другимъ, оборотаясь лицомъ въ чистое поле и подставивши свои подслѣповатыя окна прямо подъ вѣтеръ и всякую лихую непогоду. Господская усадьба отдѣлялась отъ деревни пустыремъ и тоже, какъ видно, выстроилась не по плану расчетливаго и предусмотрительнаго хозяина, а такъ себѣ, какъ случилось, какъ Богъ привелъ. Рядомъ съ барскимъ домомъ стояла конюшня и баня, а до кухни было добрыхъ четверть версты; за то кладовая и сушилка, изъ которыхъ, въ лѣтніе жаркіе дни, по старинному русскому обычаю, вытаскивалась и развѣшивалась для просушки всякая дрянь, красовались прямо передъ окнами гостиной и залы. Домъ былъ большой, одноэтажный и низеній, какъ видно, давно не видавшій на себѣ заботливой руки хозяина; крыльцо пошатнулось, у иныхъ оконъ ставней совсѣмъ не было, у другихъ оставалось по одному ставню, но и тѣ были не подперты, а стучали по волѣ вѣтра то въ оконную раму, то въ стѣну, жалобно скрипя на заржавленныхъ петляхъ; въ нѣкоторыхъ окнахъ вмѣсто стеколъ виднѣлась даже синяя сахарная бумага. Въ перилахъ на террасѣ половины балаясинъ вовсе не было, да и самыя перилы покачнулись. Все это, бывало, замѣтитъ Комковъ, пріѣзжая изъ гостей и случайно взглянувши на домъ, позоветъ прикащика и скажетъ ему:

— Что это, братецъ, все у насъ развалилось, все покривилось, даже стекла не вставлены.... Совсѣмъ ты не занимаешься дѣломъ.... Исправить все....

— Слушаю-съ! отвѣтитъ прикащикъ, да тѣмъ дѣло и кончится.

А Комкову скучно и говорить объ этомъ въ другой разъ, особливо, если присмотрится, только развѣ подумаетъ: экой мошенникъ, вѣдь, вотъ ничего не исправилъ, а сказалъ: слушаю-съ!

— Пріѣхали!... Извольте выходить... сказалъ кучеръ Комкова, остановившись у крыльца и медленно слѣзая съ козелъ.

— Яковъ Петровичъ!... пріѣхали... Вылѣзайте... повторилъ онъ, стоя около спящаго барина.

— А!... пріѣхали!... Ну, вынимай... отозвался Комковъ, протягивая руку, за которую кучеръ и началъ тянуть его изъ сани.

Никеша постѣвшилъ выскочить и подхватилъ Комкова подъ другую руку.

— А! вотъ спасибо, братъ!... Я и забылъ, что ты со мной! сказалъ Комковъ, увидя Никешу. Ну, что, ты вздремнулъ ли дорогой?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Что же ты дѣлалъ?

— А такъ ничего... Все на дорогу смотрѣлъ.

— А я такъ, братъ, славно всхрапнулъ, говорилъ Комковъ, поднимаясь на крыльцо, даже сонъ приснился... и какъ ты думаешь: Парашу видѣлъ во снѣ... будто бы... Этакая гадость!... Каковы скоты, никто и не встрѣтитъ!... Вѣрно ни одного человѣка нѣтъ въ комнатахъ... Онъ не ошибся. Никеша отворилъ дверь въ прихожую, онъ же долженъ былъ снимать шубу съ Комкова, потому-что прихожая была пуста.

— Эй, есть ли кто тамъ! Люди! кричалъ Комковъ, но отвѣта не было. Каковъ народецъ, Осташковъ! Во всемъ домѣ ни одного человѣка нѣтъ!

— Да ужъ это на что хуже... Какъ можно пустой, домъ покидать: долго ли худому человѣку зайти...

— Канальи народъ! совсѣмъ избаловались... Попрошу Тарханова, чтобы всѣхъ переколотилъ: онъ мастеръ на это. Пойдемъ, братецъ, въ кабинетъ: тамъ потеплѣе.

Когда Комковъ оставался въ домѣ одинъ, онъ почти не выходилъ изъ кабинета: въ немъ лежалъ цѣлый день, обѣдалъ, ужиналъ, читалъ и спалъ ночью. Это была большая комната. Въ ней у двухъ стѣнъ стояли просторные мягкіе диваны: на одномъ изъ нихъ Комковъ проводилъ день; другой диванъ, на которомъ былъ положенъ пуховикъ и нѣсколько подушекъ, служилъ ночнымъ ложемъ Комкова. Передъ диваномъ стоялъ раскрытый ломберный столъ; нѣсколько креселъ, письменный столъ съ чернильницей безъ чернилъ и разбросанными безпорядочно газетами, шкафъ для платья, которое впрочемъ никогда въ него не вѣшалось, а лежало по стульямъ и столамъ, довершали убранство комнаты.

Войдя въ кабинетъ, Комковъ тотчасъ же легъ на диванъ.

— Дай-ка, братъ, подушечку оттудова, съ того дивана! сказалъ онъ Осташкову, да поищи, пожалуйста, не найдешь ли тамъ кого изъ этихъ мерзавцевъ. Вотъ, братецъ, и много прислуги, да никого нѣтъ... Этакія шельмы...

Въ эту минуту въ кабинетъ вбѣжалъ слуга Комкова и вслѣдъ за нимъ другой.

— Гдѣ вы живете, скоты этакіе? Баринъ пріѣхалъ, некому встрѣтить, домъ пустой, во всемъ домѣ никого нѣтъ. Гдѣ вы были?

— Обѣдали-съ!

— Обѣдали... такъ, я думаю, можно бы кому нибудь остаться, не всѣмъ вдругъ уходить?...

— Да позвали обѣдать, такъ мы и пошли...

— А домъ пустой и оставили... Ну, вы выведете меня изъ терпѣнія: ужь я васъ поверну... я васъ всѣхъ въ солдаты отдамъ, всѣхъ передеру, мерзавцы, всѣхъ на поселеніе соплю... Ну, что стали... Подите вонъ... Эй, погодите... Позови ко мнѣ Марфу... А ты подай трубку... Нѣтъ, ужь я васъ распустилъ, надо за васъ приняться... Погодите вы у меня...

Въ кабинетъ вошла женщина лѣтъ 45-ти, въ ситцевомъ платьѣ, затасканномъ и засаленномъ, застегнутомъ только на два крючка, за отсутствіемъ прочихъ, чрезъ что образовалась прорѣха, сквозь которую виднѣлась грязная рубашка. Голова ея была повязана большимъ шерстянымъ платкомъ, концы котораго обмотаны вокругъ шеи и завязаны сзади. На добродушномъ, но блѣдномъ и худомъ лицѣ смотрѣли большіе впалые глаза какъ-то тускло и робко; грязныя, грубыя руки держала она неловко, локти врозь, точно не знала куда ихъ дѣвать, и безпрестанно подергивала пальцы. Это была ключница и домоправительница Комкова, старшая женщина въ домѣ.

— Что это, Марфа, совсѣмъ ты людей избаловала, съ упрекомъ сказалъ Комковъ. Какъ это можно: пріѣхалъ я, ни одного человѣка нѣтъ въ комнатахъ, встрѣтить было не кому... На что это похоже...

— Да обѣдать ходили! отвѣчала Марфа, перебиря пальцы.

— Да что изъ этого, что обѣдать ходили, все-таки не слѣдуетъ дома пустаго оставлять...

— Да я въ комнатахъ оставалася...

— Такъ хоть бы ты насъ встрѣтила...

— Я думала, что тамоди выбѣжалъ кто изъ кухни: вѣдь, видятъ, что баринъ пріѣхалъ...

— Ну, вотъ видишь, а между тѣмъ никто не выбѣжалъ... Да и тебя не было... Я кричалъ, никто не отозвался...

— Нѣтъ, я точно была... да увидѣла, что вы пріѣхали, такъ вобѣжала кикнуть людей-то...

— Ну вотъ видишь: сама побѣжала, точно не кого было по-слать...

— Да и то никого не было... Всѣ разбѣжались...

— Видишь, ты какъ всѣхъ избаловала: сама должна домъ сторожить, сама за людьми по кухнямъ бѣгать... Ничего тебя не боятся... Зачѣмъ ты ихъ балуешь...

— Да ужь воля ваша, Яковъ Петровичъ, я ужь и сама не знаю что мнѣ и дѣлать: совсѣмъ народъ избаловался... Ничего не слушаются... Говорю, говорю, а они не слушаютъ, и вниманія не берутъ...

— Да кто не слушается? ты только мнѣ скажи...

— Да кто? Всѣ не слушаются...

— Какъ это можно, чтобы всѣ не слушались... Оттого и не слушаются, что ты сама не умѣешь распорядиться... коли кто не послушался, ты бы прикащику сказала...

— Да и то ужь говорила... Наговоришься ли каждый разъ... Вотъ пыль въ комнатахъ, такъ и ту всякій день сама сметаю: никто не хочетъ половъ вымести...

— Ну такъ вотъ видишь: не сама ли ты виновата?... Сколько разъ я тебѣ говорила, что ты только заставляй, а сама не дѣлай... Ахъ, дура какая!

— Ужь я не знаю, что мнѣ и дѣлать... кажется, старанія моего довольно: изъ послѣднихъ силъ бьюся...

И Марфа, доставши конецъ платка, которымъ повязана была ее голова, вытерла наворачнувшіяся на глазахъ слезы.

— Ну, вотъ заплакала... да развѣ я тебѣ про то говорю, что ты не стараешься... Эхъ, надоѣла... Ну, отстань плакать... Скажи-ка лучше: есть ли у насъ какіе припасы: ко мнѣ гости сегодня пріѣдутъ...

— Да какіе припасы... Безъ васъ-то я ни зачѣмъ не посы-лала... птица есть... яйца, правда, всѣ вышли... Ну да это съ бабъ сейчасъ можно собрать: еще не со всѣхъ получила...

Комковъ расхохотался.

— Вотъ у меня хозяйство какое: надо обѣдать готовить, а мы яйца по деревнѣ собирать станемъ... Ахъ, Марфа!...

— Солонина есть! спѣшила прибавить Марфа, какъ бы въ свое оправданіе.

Комковъ хохоталъ.

— Да не про то я тебя спрашиваю: есть ли вина, сыръ, икра, колбаса.. вотъ изъ этого.,.

— Да этого всего есть...

— Всего есть!... А послѣ подашь, какъ помнишь въ тотъ разъ, такой колбасы, что топоромъ надо рубить, либо сыра гнилаго... Вѣдь, чай, давно куплено, давно бережешь?...

— Да не такъ, чтобы очень давно... Вотъ какъ допрежь того покупали...

— Да много ли всего?

— Ну, немного...

— Ну, слѣдовательно сейчасъ надобно послать въ городъ... купить всякой провизіи... пошли сейчасъ прикащика...

— Слушаю... да прикащика-то нѣтъ.,.

— Гдѣ же онъ?

— Въ село уѣхалъ.

— Зачѣмъ еще?

— Да дяконъ звалъ: имянинникъ онъ сегодня, а прикащикъ-то ему кумъ, такъ и звалъ...

— Ну, вотъ еще! пьянъ, я думаю... Ахъ ты, Боже мой!..

Ну пошли тамъ кого нибудь...

— Такъ кого же прикажете?

— Ну, кого хочешь... Вотъ, Марфа: вѣдь, это надобно все бы заблаговременно закупать... Вотъ меня не было, что бы съѣздить?...

— Да я подумала такъ, что есть всего, такъ что, молъ, зачѣмъ деньги-то изводить даромъ.

— Да, вѣдь, мало говоришь всего...

— Ну, маленько...

— Слѣдовательно и надо было купить...

— Вѣдь, не знала, Яковъ Петровичъ, что гости-то будутъ...

Ну, и пожалѣлось денегъ-то...

— Да не жалѣй ты, пожалуйста, никогда... только, чтобы было все... Брось ты эту бережливость, ради Христа...

— Кто же станетъ беречь-то, Яковъ Петровичъ, и то всѣ тащатъ... проговорила Марфа даже съ сердцемъ...

— Ну, ступай... Съ тобой не столкнешь...

— По мнѣ какъ угодно: я, пожалуй, не стану беречь, такъ кто-же домъ-то соблюдетъ... На кого понадѣяться-то можно?..

— Ну, ну... Поди, посылай же только поскорѣе...

Марфа вышла, бормоча что-то про себя. На добродушномъ

лицъ ея выражалось оскорбленіе. Комковъ смѣялся, смотря вслѣдъ ей.

— Ахъ, Марфа, смѣшная старуха! проговорилъ онъ добродушно, повертываясь и укладываясь на диванѣ попокойнѣ. А дорого бы, кажется, далъ за хорошую экономку! Не знаешь ли Осташковъ гдѣ хорошей экономки?

— Не знаю, батюшка... Вотъ бы вамъ тещеньку мою, только что не пойдетъ развѣ, а та ужъ двадцать лѣтъ при ключахъ ходила въ барскомъ домѣ. Развѣ прикажите поговорить: можетъ и пойдетъ?...

— Нѣтъ, братецъ, вѣдь это я такъ только сказалъ... Мнѣ съ своей Марфой не разстаться... Она только одна и бережетъ меня, другая на ея мѣстѣ кругомъ бы меня обворовала... Правда, она тиха, безтолкова, нераспорядительна, за то она никогда ни на кого съ жалобами ко мнѣ не ходитъ; ссоръ я никакихъ не слышу, а если бы у меня завелась какая экономка строгая, да взыскательная, да стала бы съ людьми ссориться, да ко мнѣ жаловаться ходить... я бы просто съ ума сошелъ, либо изъ дома совсѣмъ убѣжалъ... Ну, а теперь по крайней мѣрѣ все тихо и меня ни въ чемъ не беспокоятъ, а мнѣ это дороже всего... Эхъ-ма...

— Добродѣтель-то ваша велика! проговорилъ Никеша, стараясь подражать Прасковѣ Федоровнѣ, и робѣя при мысли: такъ ли и кстати ли онъ сказалъ эту новую для него фразу.

— Нѣтъ, братъ, не добродѣтель, а лѣнь велика... Мнѣ бы только спалось да ѣлось—вотъ вся моя добродѣтель... А замяться ничѣмъ не хочется, да и не стоитъ, и не для кого... Дѣтей у меня нѣтъ... Есть, правда, ну да тѣмъ не много нужно... А вотъ что развѣ, Осташковъ, промолвилъ Комковъ съ улыбкою, поварачиваясь на другой бокъ и покряхтывая: посватай-ка ты мнѣ невѣсту...

— Знати-то у меня мало, благодѣтель, а будетъ побольше знати,—не забуду я этого вашего слова... Постараюсь...

— Вотъ, братъ, постарайся: жени меня... Вѣкъ буду благодарить; только чтобы мнѣ самому не ѣздить высматривать невѣсту, а она сама бы пришла ко мнѣ показаться...

— Слушаю! отвѣчалъ Осташковъ серьезно: ему казалось, что всякое желаніе богатыхъ господъ удобоисполнимо... Ну, а какъ которая не пойдетъ? спросилъ онъ, подумавши.

— Ну, на такой и не женюсь! отвѣчалъ Комковъ со смѣ-

хомъ. А вотъ слушай Осташковъ: у меня 300 душъ, даю тебѣ честное слово, что отдамъ тебѣ 50, если ты мнѣ сосватаешь такую невѣсту... Слышишь?...

— Слышу-съ...

— Только смотри, чтобы благородная была, изъ хорошаго семейства...

— Понимаю, благодѣтель...

— Ей-Богу, дамъ 50 душъ... Вотъ помни это...

— И неужели пожалуете?

— Честное тебѣ дворянское слово даю: только жени меня, тотчасъ запишу на тебя 50 душъ...

— Вотъ бы хорошо-то, думалъ Никеша съ замирающимъ сердцемъ. Надо съ маменькой поговорить...

— Буду стараться, благодѣтель! сказалъ онъ вслухъ.

— Вотъ сцена-то будетъ чудесная, когда барышня придетъ ко мнѣ дѣлать предложеніе! говорилъ Комковъ и хохоталъ отъ всей души.

— Или когда онъ будетъ совѣтовать какойнибудь дамѣ съѣздить посвататься ко мнѣ! прибавилъ онъ мысленно—и снова хохоталъ.

— Да ужь только бы мнѣ встрѣтить такую подходную статью. ужь я предоставлю вамъ невѣсту!... говорилъ Никеша, видя, что это предположеніе очень утѣшаетъ его собесѣдника.

— Ну, какъ же: такъ и скажешь: неугодно ли, молъ, ѣхать посвататься, у меня есть женихъ?

— Да что мнѣ? Такъ и скажу!... Она это должна за счастье почитать...

— Ха, ха, ха!... ха, ха, ха!... Ой, уморилъ Осташковъ... ой!...

— Да, что смотрѣть-то на нихъ... Онѣ женщины... что онѣ значатъ противъ нашего брата, мужчины?... Ничего!...

Никеша нарочно прикидывался непонимающимъ причины смѣха Комкова. Онъ учился хитрить.

Въ это время опять вошла Марфа.

— Ну что? спросилъ Комковъ.

— Да къ вамъ скоро ли гости-то приѣдутъ?

— А что?

— Да я бы сама въ городъ съѣздила: закупи-то закупить... Кого посылать-то!...

— Что ты врешь, матушка!... Ты уѣдешь, а тутъ безъ тебя

спрашивать: кто же насъ кормить-то будетъ... Вѣдь, ключей никому не повѣришь?

— Какъ можно повѣрить... А я то, что можетъ быть, успѣю, молъ, съѣздить-то до гостей... А то... кого пошлешь?...

— Это, значить, сомнѣваешься, что посланный на рубль украдетъ... Ну, ничего, только посылай, пожалуйста, поскорѣе...

— Да коли для вѣрности, такъ позвольте я, благодѣтель, съѣзжу: я ужь копѣчкой вашей не попользуюсь... сказалъ Осташковъ.

— Ну вотъ, слышишь, Марфа: баринъ хочетъ съѣздить... Онъ ужь не украдетъ, ты можешь быть покойна...

— Такъ что? На что лучше: съѣздите батюшка...

— Съѣзди, Осташковъ, и въ самомъ дѣлѣ: успокой у меня старуху.

— Съ моимъ полнымъ удовольствіемъ.

— А, можетъ быть, и невѣста мнѣ попадется: поѣзжай-ка, братъ...

— Такъ я инъ съ вамѣ Василья отпущу: онъ выбрать-то умѣетъ, а только деньги-то вы къ себѣ возьмите.

Никеша гордился оказаннымъ ему довѣріемъ и съ важностію сѣлъ въ сани рядомъ съ Васильемъ, чтобы ѣхать въ городъ. Но взглянувши на сосѣда, онъ сконфузился и вся важность его пропала: на лакеѣ была шинель, хоть и поношенная, и затасканная, но суконная, а на немъ, дворянинѣ Осташковѣ, нагольный бараній тулупъ. Эхъ, кабы не этотъ тулупъ, Никеша зналъ бы какъ держать себя, чтобы показать слугѣ, какая разница между нимъ и потомкомъ древняго рода бояръ, а можетъ быть и князей Осташковыхъ! Но бараній тулупъ испортилъ все дѣло. Никеша присмарѣлъ и старался избѣгать дерзкихъ и насмѣшливыхъ взглядовъ Василья, который по особенному чутью, свойственному людямъ его званія, сейчасъ смекнулъ съ кѣмъ имѣлъ дѣло, тѣмъ болѣе, что успѣлъ уже получить о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія отъ кучера, сопровождавшаго Якова Петровича къ Рыбинскому, гдѣ уже Никеша былъ предметомъ разказовъ и остротъ всей дворни. До города отъ усадьбы Комкова было верстъ 15. Сначала спутники ѣхали молча; но на половинѣ дороги стояло село, въ которомъ былъ кабакъ, гдѣ Василій предполагалъ возможность выпивки. Подѣзжая къ этому пристанищу, Василій обратился къ Никешѣ съ вопросомъ:

— А что, баринъ, много ли отпустили съ тобой денегъ-то?

— На семьдесятъ рублей закупей-то велѣно сдѣлать... отвѣчалъ Никеша.

— Ну, баринъ, магарычи пополамъ.

— Какіе магарычи? Мнѣ никакихъ не надо... Я господскихъ денегъ не возьму.

— Ну такъ и того еще лучше: значитъ всѣ магарычи мои. Ты, баринъ, вынь мнѣ теперь двугривенный: я зайду выпью... сказалъ Василій, рѣшительно останавливая лошадь у кабака. А то, коли хочешь пойдѣмъ вмѣстѣ выпьемъ.

— Я въ кабаки не хожу-съ!...

— Ну, такъ дай двугривенный...

— Какъ я могу... Я отъ господина вашего не получалъ на это приказанія.

— Да ужъ этого никогда не бываетъ, чтобы мы не зашли сюда, какъ въ городъ зачѣмъ посылаютъ... ужъ у насъ такое обнаковеніе сдѣлано... И прикащикъ завсегда заходитъ...

— Такъ пейте на свои, коли хотите, а я господскихъ денегъ на это изводить не могу, потому мнѣ они не на то даны.

— Да я у тебя своихъ и требую, не господскихъ... Мнѣ господскихъ денегъ не надо, а подай мой двугривенный...

— Да какой же вашъ, я у васъ никакого двугривеннаго не брагъ...

— Тебѣ толкомъ говорятъ, что магарычи будутъ... Теперь купецъ, въ которой лавкѣ будемъ забирать ужъ долженъ мнѣ два двугривенныхъ выдать за то, что въ его лавкѣ забираю, потому всей покупн на семьдесятъ рублей... Ужъ у насъ такой уговоръ съ купцами сдѣланъ: и прикащикъ когда ѣздитъ, завсегда ужъ магарычи выверстываетъ... и намъ половину выдаетъ... Ну, что ты, баринъ, споришь, когда нашихъ порядковъ не знаешь...

— Какъ же я теперь долженъ объ этихъ деньгахъ вашему господину доложить...

— Такъ вотъ ты, баринъ, какой: одинъ хочешь получать. Только что въ прикащицкую должность поступилъ, да вдругъ много нажить хочешь...

— Я только объ господскихъ деньгахъ радѣю, а мнѣ ничего не надо... я не на то поѣхалъ... Что вы меня обижаете... я долженъ буду господину на васъ жалобу принести...

— Да ну что затвердилъ: жаловаться станешь... Ну, жалуйся.... Что мнѣ баринъ-то сдѣласть... Станетъ нашъ баринъ въ этакіе пустяки входить... у насъ баринъ не такой, чтобы че-

любка обидѣть понапрасну... Что же, дашь ты мнѣ двугривенный, али нѣтъ?...

— Да какъ я могу дать господскихъ денегъ безъ приказа?...

— Ну, такъ ладно же... Смотри, хуже будетъ...

— Я бы вамъ поднесъ на свои, да у меня теперъ денегъ нѣтъ...

— А еще баринъ, а денегъ нѣтъ... Своихъ денегъ нѣтъ, такъ ты на счетъ нашего барина хочешь поживиться...

— Нѣтъ, я не на то было шелъ... Кабы меня вашъ баринъ такъ понималъ, онъ бы мнѣ довѣрія не сдѣлалъ, не послалъ бы закупы покупать...

— Дашь ты мнѣ, баринъ, двугривенный, али нѣтъ? Говорятъ тебѣ, своихъ прошу, не господскихъ. . ужѣ получу отъ купца—отдамъ назадъ.

— Такъ коли ужѣ отъ купца получите и берите себѣ, мнѣ не надо, а теперъ какъ же я могу: можетъ, купецъ и не дастъ, какой же я отвѣтъ барину вашему принесу... Получите ужѣ, такъ и выпьете...

— Да мнѣ теперъ дорого вышить-то, потому привычка сдѣлана... къ зтому мѣсту... Говорятъ, отдамъ ужѣ, безпремѣнно отдамъ... Не ссорься... Яковъ Петровичъ и не узнаетъ: мы такой счетъ подведемъ... А поссорись со мной, жалѣть будешь, баринъ... Слышь: тебѣ говорятъ...

— Что дѣлать-то? думалъ Никеша. Извѣстно, не ловко и съ ихъ братомъ ссориться: я человекъ бѣдный, захотятъ—найдутъ тѣмъ обидѣть... Отступиться и самъ-дѣлѣ: двугривенный-то ужъ куда не шоль... Можетъ, и не замѣтятъ, что далъ, а замѣтятъ, ужъ нечего дѣлать: скажу всю правду.

И Никеша рѣшился удовлетворить требованіе Василя.

— Ну, вотъ спасибо, баринъ: теперъ мы съ тобой подружимся! сказалъ Василій получая деньги. Пойдемъ выпьемъ... Выпей и ты... Что!?

— Нѣтъ, я въ кабакъ не пойду.

— Ну, инъ какъ хочешь... Ломайся... хм... баринъ!

Василій весело пошелъ въ кабакъ и долго тамъ пробылъ, между тѣмъ какъ Никеша, помня наставленіе Паленова, хотѣлъ лучше мерзнуть на морозѣ, нежели унижить свою дворянскую честь. Наконецъ Василій выпелъ изъ кабака, съ трубкой въ рукахъ.

— Ну, вотъ теперъ поѣдемъ веселѣй! сказалъ онъ, садясь въ

сани и собирая возжи. Ну-ка, ты, маслобойня, поворачивайся! прибавилъ онъ, обращаясь къ лошади и отпуская ей нѣсколько ударовъ кнутомъ...

— Вотъ нашъ баринъ какихъ лошадей держитъ... ословъ. На этихъ бы лошадяхъ воду возить, а не то, что на легкѣ ѣздить... Вонъ у Топоркова, вотъ такъ лашадки — радость!... А эта что? вонъ, кажется, ужь на порядкахъ бокъ-отъ прожарилъ, а много ли ходу-то прибавила... Эхма!... Полѣномъ бы тебя надо, а не то, что кнутомъ.. Ну ты, что ли... И Васи́лій снова началъ бичевать несчастное животное.

— Въ городѣ, баринъ, въ трактирчикъ зайдемъ что ли?

— Нѣту, братъ, я не пойду...

— А какъ же? погрѣться-то... Нѣтъ, ужь зайдемъ, безъ этого нельзя... у насъ такое обнаковеніе сдѣлано: какъ въ городѣ, такъ и въ трактиръ... и тебѣ, вѣдь, тамъ не безчестно: вѣдь, не кабакъ... Я тебѣ всѣ покупки разомъ спроворю, хоть самъ и въ лавку не ходи... Только пришелъ... Алексѣй Герасимычъ, того и того нужно—отпустите: сейчасъ завернуть, цѣну скажетъ, и сейчасъ почтенія, значитъ, магарычъ положить... Потому насъ тамъ знаютъ... Отъ насъ, вѣдь, имъ пожива хорошая: не мало въ годъ-то заберемъ... У насъ, вѣдь, всего много выходитъ годомъ-то... Я тебѣ, баринъ, по душѣ скажу: у насъ житье хорошо... Мы завсегда что баринъ, то и мы ѣдимъ, а водки этой, али вина у насъ безъ переводу, потому у насъ Марфа эта, вѣдь, дура... Только что скупа, да провизію бы до изгнюю изъ рукъ не выпустить, коли попалась ей въ руки, а у ней подъ носомъ воруй—не увидитъ и догадка не возьметъ... Поваръ теперь у нея на одного барина забираетъ, что пятерыхъ бы прокормить можно... А не дай: сейчасъ все поваръ перепортитъ такъ, что въ ротъ нельзя взять; баринъ станетъ спрашивать: отчего не хорошо? ключница провизію мало отпускаетъ, да и провизія застоялась—не годится... Ну, вотъ она и въ дуракахъ... А сказать барину боится, либо ужь такъ богобоязлива: никогда ни про кого не скажетъ... Да, пожалуй, и сказывай: у насъ баринъ добрый... Поругается, покричитъ, а никогда не прибьетъ... У насъ жизнь хороша!.. И дворня у насъ хороша: мы всѣ за одно живемъ... Поваръ теперь, Петруха... важный парень... Вина когда отъ кушаньевъ останется, али сахара царашнетъ, да чего ни на есть... всего то есть: пироговъ тамъ напечетъ, али колобковъ — всѣхъ угоститъ... У насъ этимъ хорошо!... А въ

трактиръ, баринъ, зайдемъ погрѣться: безъ этого нельзя... И прикащикъ у насъ, все съ нами за одно: онъ съ мужиками тамъ управляйся, бей его, на то онъ прикащикъ, а двороваго пальцемъ тронуть не смѣй, потому я самъ сдачи дамъ... Я ему не подначаленъ: у меня баринъ есть... Мужiku до барина далеко идти, да и мы не допустимъ, а я всегда при баринѣ... Тронька онъ меня: я самъ знаю, какъ онъ хлѣбъ-отъ барскій воруетъ... И изъ прикащиковъ улетитъ... Ну и живемъ за-одно... У насъ жизнь хороша!... На-ка, баринъ, правъ, а я трубочку закурю... Ты думалъ Василій-то разбойникъ... Нѣтъ, ты Василья-то узнай, ты съ Васильемъ-то подружись: я тебя всему научу... Ты къ нашему барину чаще ходи, онъ добрый... У насъ жить хорошо!... А то давеча вздумалъ въ двугривенномъ упираться... Надобно тебѣ отчетъ отдать!?... Ну, кто станетъ съ тебя отчета требовать?... Баринъ-то этого званія не возьметъ, чтобы усчитывать человѣка, а Марфа-то у насъ безсчитпая: вели смекнуть сколько въ двухъ гривнахъ пятаковъ — не смекнетъ, ни за что не смекнетъ... Вотъ что, другъ любезный... Ты узнай Василья-то... что онъ есть за человѣкъ...

Никеша слушалъ Василья и думалъ самъ про себя: какъ же это? Неужто и самъ-дѣлѣ Яковъ Петровичъ ни отъ кого въ своихъ деньгахъ отчета не требуетъ?... Вѣдь, этакъ иной и не согрѣшилъ бы, да видитъ, что учета на него нѣтъ, такъ захочетъ попользоваться; все равно ктонибудь другой за него возьметъ же... Какъ же это такъ?.. А я то сказать: дѣло большое, богатое, и не бережетъ, не дорожитъ своимъ добромъ, да и одинокій же... что ему?... Хм... такъ живетъ, безъ всякаго учета!... А ты до послѣдней копѣйки приходишь, да всякую въ рукахъ-то поддержишь, да подумашь: изводить, али нѣтъ?... Вотъ оно что значитъ настоящее-то дворянское житье—лежи себѣ, заботушки не имѣй; знаешь, что всего не проживешь, денегъ изводи — не считай... Коли и украдутъ, такъ свои же крѣпостные; значитъ, все своимъ же попало... За то и тебя похвалятъ, и жизнью у тебя не посѣтуютъ... Вотъ бы хорошо какъ пожить... Да изъ-за чего и станетъ себя Яковъ Петровичъ беспокоить?... Все, чего ни пожелаешь, всего у него довольно, недостатка ни въ чемъ не видитъ; лежи знай, да по-леживай... И я, какъ бы мнѣ этакія души... развѣ бы я сталъ себя чѣмъ беспокоить... А хорошо около этакого господина держаться.... хопъ бы и нашему брату, бѣдному человѣку....

Отъ него скорѣе что получишь... онъ скорѣе другаго не оставить... еще и предоставитъ что, пожалуй, подѣ добрый часъ...

Въ городѣ Василій прямо подѣхалъ къ знакомой лавкѣ.

— Вотъ гдѣ, баринъ, будемъ провизію закупать: тутъ самый знатный товаръ и купецъ намъ пріятель большой... значить, Алексій Герасимычъ... У него и погребокъ есть: и вина у него забираемъ... Пойдемъ.

Василій вошелъ въ лавку, какъ въ домъ какого пріятеля. Дружески поздоровался онъ съ купцомъ, хотя чисто русскимъ, но очень похожимъ на жидка. Низкопоклонный, привѣтливый и льстивый Алексій Герасимычъ, умѣлъ услужить всякому покупателю, если не товаромъ, то ласковымъ словомъ, шуточкой, прибауточкой, уваженіемъ и почтеніемъ. Онъ умѣлъ привлекать въ свою лавку покупателей изо-всѣхъ сословій. У него покупалъ и разчетливый чиновникъ, которому онъ уступалъ товаръ за свою цѣну, «только для васъ, и подѣ секретомъ, чтобы цѣны никому не сказывалъ»; и купецъ, для котораго были у него чай лянсины, какіе угодно, съ самымъ душистымъ букетомъ и вина первѣйшихъ сортовъ, прямо изъ Москвы, неподдѣльные, съ золотыми ерлыками, и которому все продавалось съ большою уступкою, потому: «съ кого другаго, а съ своего брата грѣшно большіе барыши брать.» Забѣгала къ нему и мѣщанка за фунтикомъ сахарка и осмушкой чайку и удовлетворялась безъ задержанія, потому «для меня всякій покупатель дорогъ, говорилъ Алексій Герасимычъ, и большой и малый: всѣ покупатели меня оставъ, меня одни мѣщане прокормятъ, даромъ, что забираютъ по малости: курочка по зернушку клюетъ, да сыта бываетъ...» Забѣжалъ къ нему или засылалъ человѣка за покупками и помѣщикъ, которому все отпускалось безъ запроса и, пожалуй, въ долгъ сколько угодно: «запрашивать съ господи нечего, они торговаться съ нашимъ братомъ не стануть, это не кто другой: бери купецъ барыши, разумѣется, по божески, да только отпускай мнѣ товаръ, чтобы былъ хорошъ, потому у господина вкусъ не у кого другаго прочаго: дряни какой употреблять не захочетъ...»

Алексій Герасимычъ былъ монополистъ въ городѣ: онъ торговалъ всѣмъ, и никому изъ своихъ собратьевъ не давалъ хода. Владѣя порядочнымъ капиталомъ, онъ не боялся понести временный убытокъ, лишь бы подорвать низкой цѣной на товаръ начинающаго и малосильнаго соперника.

— Ахъ, наше почтеніе, Василій Ивановичъ, сказалъ купецъ, дружелюбно пожимая руку лакея. Что, за забормомъ, али такъ ли другаго чего?... Все равно, милости просимъ.

— За забормомъ! отвѣчалъ Василій. Вотъ, баринъ, ты только скажи чего тебѣ велѣно купить, ужь Алексѣй Герасимычъ отпуститъ, и отвѣситъ, и завернетъ... А мы покамѣсь пойдѣмъ въ трактиръ: чаю напьемся...

— Нѣтъ, какъ же можно... Я долженъ все при себѣ принять... отвѣчалъ Никеша.

— Да вашей милости чего угодно?

— Да видишь ты, Алексѣй Герасимычъ, отвѣчалъ Василій за Никешу;— намъ отъ Якова Петровича приказано закупить ~~нѣкую~~ различностей... Ну, онъ какъ вновь... напихъ порядкомъ не знаетъ... Ну, вѣдь, я тебѣ, баринъ, толковалъ дорогой обо-всемъ... чего же тебѣ еще сомнѣваться?...

— Да это кто же такой? спросилъ Алексѣй Герасимычъ, отводя Василья въ сторону.

— Да онъ баринъ, то есть, считается... А какой баринъ: такъ, шапша... Къ нашему барину на проживку пріѣхалъ, ну и выпросился въ городъ... Ты на него не смотри: какой онъ баринъ... Ужь самый таковский, бѣдность значить...

— Какъ въ пѣснѣ говорится: баринъ-дворянинъ самъ и пашетъ и оретъ, и съ крестьянъ оброкъ беретъ...

— То самое и есть... Только что оброка-то, кажись, не съ кого брать: бездушной, знаешь... Ты, Алексѣй Герасимычъ, на него не смотри, ты знай меня: дай мнѣ два двугривенничка, да и пиши что тебѣ надо; только провизіи получше отпуская, чтобы безъ обмана... А забормомъ на семьдесятъ рублей...

— Ужъ на этотъ счетъ сумнѣнія нѣтъ никакого... кажется, ввсегда ~~я~~ не обманывалъ... Съ тѣмъ отпускаемъ...

— Мнѣ дай же два двугривенныхъ...

— Можно, ничего... Для друга можно...

— Смотри, отпуская ихной милости что потребуется, да смотри изъ господскихъ сортовъ!— сказалъ Алексѣй Герасимычъ прищипывая, вынимая деньги и отдавая Василью...

— Ну, Алексѣй Герасимычъ, еще ты мнѣ уважь: четверочку табачку снабди...

— Не доражно ли будетъ?..

— Говори тебѣ, ничего... Не сумнѣвайся...

И это требованіе Василья было исполнено.

— Ну, баринъ, коли не хочешь идти со мной — оставайся здѣсь, выбирай, а я пойду: надо чайку напиться, безъ этого нельзя...

— Да какъ же вы пойдете; вѣдь, вамъ велѣно выбрать?...

— Нечего тутъ выбирать: Алексѣй Герасимычъ лучше нашего знаетъ въ товарѣ; намъ съ тобой этакъ не выбрать...

— Да не извольте, сударь господинъ, безпокоиться, виѣшались купецъ: у насъ обмана не бываетъ, мы безъ обмана торгуемъ. Къ намъ господа за сто верстъ присылаютъ, на цѣлый годъ вдругъ провизію забираютъ, и довольны остаются... А эти господа намъ короткіе знакомые, всегда у насъ покупаютъ станемъ ли мы ихъ обманывать?...

Никеша ничего не возражалъ, но не рѣшился идти съ Васильемъ.

— Ну, коли такъ, оставайся здѣсь: мнѣ все равно, а я пойду, мнѣ даромъ время проводить нечего! — сказалъ Василій, и вышелъ изъ лавки.

Никешѣ дана была записка о всемъ, что слѣдовало купить въ городѣ, написанная рукою земскаго, который тоже по обычаю имѣлся при усадьбѣ Комкова, какъ класная должность, установленная по штату барскаго двора; и также велъ книги о посѣвѣ и урожаѣ, приходѣ и расходѣ, хотя этихъ книгъ никто никогда не читалъ и не повтрлялъ. Никеша отдалъ записку купцу. Тотъ тотчасъ же началъ отвѣшивать всего требуемаго, объявляя Никешѣ цѣну; о многомъ, что тутъ было написано, Никеша не имѣлъ никакого понятія и не могъ судить дорого и дешево просить продавецъ; но зная свою обязанность охранять интересы своего довѣрителя, находилъ, что объявляемая цѣна дорога и предлагалъ дешевѣйшую; но на всё получалъ одинъ короткій и непривѣтливый отвѣтъ: мы, господинъ, даруемъ безъ запросу! Никеша не зналъ что возражать, и по неволѣ молчалъ. Когда такимъ образомъ всё, что нужно, было отвѣщено и завязано, Алексѣй Герасимычъ, называя каждую вещь и указывая на нее пальцомъ одной руки, другою проворно перекидывал кости на счетахъ, и подведя итогъ, объявилъ его Никешѣ, который стоялъ совершенно смущенный, и досадовалъ на себя, что взялъ непосильное порученіе: по счету сумма превышала соображенія Марфы.

— Какъ же такъ? Вы много насчитали! проговорилъ Никеша.

— Точно такъ-съ, вѣрно! рѣшительно отвѣчалъ купецъ. Извольте сами прокинуть! прибавилъ онъ, опрокидывая кости и юдвая счеты Осташкову. Никеша началъ самъ выкладывать медленно и осторожно, какъ считаютъ мужики, мало привыкшіе къ счетамъ. Купецъ посматривалъ на него изъ подлобья, съ лукавой улыбкой.

— Да вы очень дорого все полагаете...

— У насъ безъ запроса-съ...

— Вотъ Марфа Ивановна говорила, чтобы икры-то взять по шести гривенъ за фунтъ, а вы просите по 75 копѣекъ.

— Можетъ быть, другой сортъ-съ; а этотъ нельзя. Я бы отпустилъ кому другому и въ 60 копѣекъ икру, а сюда по знакомству не могу-съ, потому господа кушать не будутъ, не поправится... Сами не будете довольны.

Какъ ни бился Никеша, какъ ни пыхтѣлъ, но долженъ былъ заплатить требуемыя деньги.

— Да и то сказать, думалъ онъ: объ чемъ я хлопочу-то: гдѣ, повѣрять не будутъ... Лучше бы давеча въ трактиръ идти, да чаю напиться... Однако бы себѣ удовольствіе получилъ, а всё равно ничего же не выторговалъ.

Но это были только мысли, которыя Никеша не рѣшился бы, пока, привести въ дѣйствіе: онъ еще не былъ увѣренъ точно ли его не стануть повѣрять, и можно ли безъ позволенія тратить на себя чужія деньги, назначенныя для другаго употребленія.

Цѣлый часъ пропадалъ Василій, наконецъ явился, не твердо стоя на ногахъ, съ краснымъ лицомъ и посоловѣвшими глазами.

— Ну готово ли? спросилъ онъ.

— Давно ужъ все готово! отвѣчалъ купецъ. И ты, братъ, видно, тоже готовъ! прибавилъ онъ, съ усмѣшкой, придавая особенный смыслъ послѣднему слову.

— Готовъ, Алексѣй Герасимычъ, совсѣмъ! отвѣчалъ Василій, ухмыляясь и пошатываясь.

— Ну, баринъ, забирай покупки, да поѣдемъ. Прощай, Алексѣй Герасимычъ!... Спасибо, что не дорого отпустилъ... Хи...

— На предки милости просимъ...

— И на предки не оставляю...

Когда поѣхали въ обратный путь, Никеша сказалъ Василью:

— А, кажется, оцъ за все лишняго взялъ...

— А ну вотъ бѣда велика... Изойдетъ... Ничего... Я тебѣ все растолковалъ: чего тебѣ еще надо? Не хотѣлъ со мной въ

трактиръ идти,—ну, какъ хочешь... Слушай, баринъ, ты теперь дорогу домой знаешь: возьми возжи—правъ, а я покажусь сосну... А къ селу подъѣдемъ—ты меня разбуди, безпремѣнно разбуди: потому надо опохмѣлиться... А то, баринъ, пожалуй, замѣтить, что былъ пьянъ,—не хорошо... Что не хорошо, такъ не хорошо!... Нечего тутъ, я люблю правду говорить... А что ничего не могли барину сказать... Слышь: ничего не могли, а то я и на тебя то насажу, что тебя въ домъ пускать не будутъ... Никакъ не могли!... Ну, правъ же, а я усну... Поѣзжай съ Богомъ!...

И Василій чрезъ минуту уже храпѣлъ. Послушный Никеша правилъ лошадыю.

— Эко житье этимъ лакеямъ, думалъ Никеша. Лучше моего! Какъ можно, гораздо лучше!... Я долженъ работать, хлѣбъ себѣ добывать, а у нихъ только и дѣло, что пьютъ да ѣдятъ... И ни о чемъ нѣтъ ни горюшки, ни заботушки: все про все готовое... припасѣнное... Да, вотъ, холопская кровь какъ живетъ; а я и дворянская кость, да долженъ самъ про себя работать!... А, вѣдь, онъ слуга, а я господинъ... У, кабы у меня были свои слуги... Я бы ужъ на нихъ полежалъ... Я бы рукой изъ-за нихъ не переложилъ...

Когда Никеша воротился въ усадьбу Комкова, тамъ были ужъ гости. Онъ принесъ Марфѣ свои покупки, и просилъ, чтобы она приняла ихъ отъ него.

— Ну, положите ихъ тутъ-тка: ужъ, вѣдь, надобно же будетъ всего подавать. Я тогда и посмотрю, а теверечка некогда.

— Ну, Марфа Ивановна, денегъ-то я надержалъ больше, чѣмъ вы велѣли... Торговался, торговался съ кушомъ-то никакъ не уступаетъ...

— Ну, что дѣлать-то... батюшка... Ужъ какъ былъ-то?... Не уступаетъ, такъ нечего дѣлать... Купцы извѣстно народъ-воры.

— Такъ какъ же бы, Марфа Ивановна, сосчитаться-то намъ?

— Да чего тутъ, батюшка, считаться-то: положите тутъ сдачу-то, я уже возьму... Что считаться: себѣ не возьмете, а которыя деньги извели, тѣхъ ужъ не воротить... Положь, батюшка, тутъ: больно ужъ мнѣ не слободно... Народецъ-то нашъ божескій... Гости въ домѣ, а ихъ никого не сыщешь: ворочайся одна... Согрѣшила я, грѣшная!... Ужъ такая воля дама, такая воля... ни на что не похоже!... Совсѣмъ распустили

дворянъ... Только отъ грѣха отходишь, что не жалуешься, ба-
рину... Подъ батюшка, къ гостямъ...

— Ну, знаешь, нечего про Василья и говорить, что дву-
гривенный далъ... подумалъ Никеша,

Приходя въ залу, Осташковъ былъ встрѣченъ общими вос-
лицами хозяйки и ея гостей.

— Ну, что, Осташковъ, всего ли ты намъ накудишь? спра-
шивалъ Комковъ.

— Всё искунить, Яковъ Петровичъ, что приказано.

— Ну, вотъ, братецъ, молодецъ! Спасибо!...

— А много ли укралъ, Осташковъ? спросилъ Тархановъ, При-
знайся...

— Меня не съ тѣмъ послали! отвѣчалъ Осташковъ, обид-
вшись. Вы бы меня заставляли сосчитать, Яковъ Петровичъ...

— Сосчитать!... Ну, братъ Осташковъ, это не по моей
части! отвѣчалъ Комковъ со смѣхомъ. У меня в экономка та-
кая заведена нарочно, чтобы счета не знала...

— Одначе за чѣмъ же обижать, Яковъ Петровичъ: я этого
не желаю...

— А, каковъ господа, Осташковъ, замѣтилъ Рыбинскій: какъ
онъ сталъ поговаривать... Каковъ!

— А вы знаете, мосьё Осташковъ, какъ долженъ поступить
дворянинъ, если его назоветъ въ лицо воромъ другой дворянинъ?..

— Бѣднаго человѣка можно завсегда обидѣть! уклончиво от-
вѣчалъ Никеша.

— Нѣтъ! Бѣдный дворянинъ долженъ еще болѣе дорожить
своею честью и, если ему нанесли обиду, онъ долженъ её
мыть кровью своего обидчика. И такъ вы, какъ дворянинъ,
обязаны вызвать Тарханова на дуэль, то есть: или драться съ
нимъ на сабляхъ, шпагахъ, или стрѣляться; въ противномъ
случаѣ мы имѣемъ право вѣрить Тарханову и считать васъ во-
ромъ... А въ такомъ случаѣ вы не можете быть въ нашемъ об-
ществѣ...

— Божусь истиннымъ Богомъ, я ни копѣечкой не пополь-
зовался, и сдачу Марѣ Ивановнѣ отдалъ: извольте хоть обы-
скать меня... Это точно, что Василій... оправдывался Никеша,
но Тархановъ прервалъ его.

— Господа, сказалъ онъ, я снова и торжественно объявляю,
что Осташковъ укралъ нѣсколько копѣекъ изъ денегъ Комкова

и въ доказательство своихъ словъ готовъ принять вызовъ Осташикова, готовъ драться съ нимъ на смерть и на чемъ угодно...

— Слышите, мосеѣ Осташковъ: вы должны стрѣляться съ Тархановымъ на разстояніи пяти шаговъ: то есть, сначала выстрѣлить въ васъ Тархановъ изъ пистолета... или изъ ружья, все равно: пистолетовъ, я думаю, не отыщешь у Комкова... А потомъ, если Тархановъ промахнется и не убьетъ васъ, тогда вы въ него выстрѣлите и убьете его...

— Я на смертоубивство не согласенъ, а извольте сосчитать меня; и если я виноватъ хоть въ копѣйкѣ, прикажите меня наказать, какъ угодно...

— Какъ вамъ не стыдно, мосеѣ Осташковъ! Потомокъ древняго знаменитаго рода бояръ и, вѣроятно, князей Осташковыхъ, такой трусь. Нѣтъ, вы обязаны стрѣляться съ Тархановымъ, иначе не захочемъ васъ знать; никто изъ насъ не пуститъ васъ въ домъ... Эй, человекъ можно, братецъ, достать здѣсь два ружья?

— Очень можно-съ! отвѣчалъ лакей.

— Ну, поди принеси два ружья, пороху и двѣ пули... Мы здѣсь зарядимъ.

— Какъ угодно, я на это не пойду, чтобы въ человека стрѣлять... Это я сказываю, что Василій, ихній, Якова Петровича человекъ, выпросилъ у меня двугривенный, это я виноватъ—далъ ему, а больше я ни въ одной копѣйкѣ не покаюсь Денежка... какова денежка... и той не покорыствовался...

— Въ этомъ никто не сомнѣвается, но вы оклеветаны, оскорблены... накажите клеветника, убейте его и кровью омойте обиду... Если бы вы въ самомъ дѣлѣ были воръ, я и говорить бы не сталъ съ вами; но такъ какъ васъ обидѣли, оскорбили,—вы должны отмстить за себя... омыть свою честь...

— Я лучше согласенъ на себѣ перенести: я человекъ бѣдный... Бѣднаго человека можно обидѣть...

— Стыдитесь мосеѣ Осташковъ!... вспомните, что ваши предки были стрѣльцы... а вы боитесь стрѣляться!... Фи!... Вы не достойны быть между нами; мы исключимъ, изгонимъ васъ...

Въ это время воротился слуга и принесъ ружья.

— Господа, я объявляю себя секундантомъ Осташикова; кто со стороны Тарханова?

— Я, отвѣчалъ Рыбинскій.

И они стали заряжать ружья.

Никеша думалъ сначала, что надъ нимъ шутятъ, но когда увидѣлъ, что ружья стали заряжать, — онъ испугался и поблѣднѣлъ... Въ страхѣ онъ не замѣтилъ, что пули не были положены въ ружья, а ловко спрятаны секундантами.

— Ну, господа, готово! сказалъ Неводовъ, вставая. Гдѣ вы будете стрѣляться: здѣсь, въ комнатахъ, или на улицѣ?

— Я думаю лучше здѣсь, а то много будетъ постороннихъ зрителей.

— Ну, въ такомъ случаѣ длина этой комнаты пусть будетъ разстояніе между вами... Господинъ Тархановъ, не угодно ли вамъ занимать свое мѣсто...

Тархановъ взялъ ружье и сталъ у стѣны...

— Ну, Осташковъ, становись и стрѣлай, если ты не воръ и не трусъ! сказалъ онъ.

Но Никеша не бралъ въ руки ружья, которое подавалъ ему Неводовъ и не двигался съ мѣста, блѣдный, перепуганный.

— Ну, Осташковъ, что же вы?... Или стрѣляйтесь, или вы трусъ и воръ, и будете съ безчестьемъ изгнаны изъ нашего общества... И я скажу вашей тещѣ, вашей тетенькѣ, разглашу по всему уѣзду, что вы воръ и негодяй, котораго не слѣдуетъ впускать ни въ одинъ порядочный домъ... Становитесь же и стрѣляйте, если не хотите этого сраму...

— Помилуйте... какъ же я могу?... Я не желаю этого... это смертоубиство... За что же-сь?... Я ни въ чемъ не виноватъ... Извольте сосчитать... Чѣмъ я такъ несчастенъ?... лепеталъ разтерившійся Никеша.

— Отойдите, Неводовъ... Все равно—я стрѣляю... Если останется живъ, онъ можетъ въ меня выстрѣлить... сказалъ Тархановъ, и сталъ медленно прицѣливаться въ Никешу.

Смертная блѣдность разлилась по лицу Никеша, когда онъ увидѣлъ наведенное на него ружейное дуло; онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, ноги его подогнулись и онъ упалъ на колѣни.

— Простите, не погубите... Батюшки... Что это... Чѣмъ я провинился... кричалъ онъ жалобно и со слезами...

— Будетъ бы ужъ... Что его мучить!... проговорилъ молчаливый Топорковъ. Долго ли до бѣды... Но Тархановъ спустилъ курокъ, выстрѣлъ грянулъ, Никеша страшно закричалъ и повалился на полъ... Комната наполнилась дымомъ... Взрослые шалуны весело хохотали; но Никеша лежалъ неподвижно и безмолвно.

— Ну, полно, вставай, трусь: вѣдь, еще не совсѣмъ убитъ, живъ... Говорилъ Тархановъ, подходя и толкая Никешу въ бокъ; но тотъ не шевелился.

Ведѣли его поднять: онъ былъ безъ чувствъ.

— Вотъ, я говорилъ, что до бѣды! замѣтилъ Топорковъ.

— Ничего, опомнится, возразилъ Тархановъ: окатите его хорошенько! приказалъ онъ слугамъ.

Никешу вынесли. Нѣсколько ведеръ воды едва могли возвратить его къ сознанію; но бѣднякъ чувствовалъ себя нездоровымъ. Слуги подсмѣивались надъ его страхомъ и объясняли, что господа, вѣдь, только хотѣли пошутить надъ нимъ для забавы, а не для чего другаго.

Нѣсколько оправившись, Никеша вышелъ къ своимъ мучителямъ, съ непремѣннымъ намѣреніемъ проситься домой. Господа играли въ карты, игра шла горячая, а потому на него мало обратили вниманія; только всколзь замѣтили, что онъ трусь, и велѣли выпить водки, всколзь же поострился и Неводовъ, внушая Никешѣ, что трусость есть величайшій порокъ, а что гнѣтъ болѣе въ потомкѣ знаменитыхъ предковъ, и что съ мамъ нарочно была давеча сыграна эта шутка, чтобы вриучить его къ мужеству и показать какъ дворянинъ долженъ держать себя, если его обидятъ... Никеша болѣзненно улыбался и, избравши минутку, намекнулъ Комкову, что ему бы пора домой...

— И-и, братъ, нѣтъ, и не думай; я тебя раньше не дѣлаю отпущу... отвѣчалъ Комковъ.

— Да надо бы домой-то... Яковъ Петровичъ...

— Пустяки, тебѣ нечего дома дѣлать...

— Какъ, батюшка, нечего: тоже иной домъ держится... Я одинъ мужчина-то въ дому; безъ меня, чай, все стало...

— Поано вратъ: и безъ тебя обойдутся...

— Вѣдь, вотъ ужъ я пѣкую недѣлю уѣхалъ изъ дому-то: думаю, сомнѣваются обо мнѣ...

— Да что имъ объ тебѣ сомнѣваться: какъ бы ты былъ боленъ, я бы тебя отправилъ домой; а теперь, слава Богу, ничего... И сомнѣваться нечего... Пустяки, братецъ, пустяки... Хочешь — води, пожалуй, пѣшкомъ...

— Батюшка, я бы и пѣшкомъ пошелъ, да въ дорогъ-то не знаю отсюда: тоже, вѣдь, версты на пятьдесятъ отъ дома-то уѣхалъ...

— Ну, а лошади не дамъ тебѣ... Еще погости...

— Полно, Осташковъ, что тебѣ дома дѣлать, вмѣшался Тархановъ: на-ка вотъ тебѣ синемъкую, на твое счастье сейчасъ большую карту взялъ.

И Тархановъ подавъ Нимешѣ ассигнацію: онъ былъ въ большомъ выигрышѣ, Рыбинскій напротивъ проигрывалъ.

— Ставлю и я на счастье Осташки, сказалъ послѣдній. Какой ты король? бубновый! Ва-банкъ!...

Рыбинскій взялъ карту.

— Bravo, Осташа! На вотъ тебѣ! И двадцати-пяти рублевая ассигнація, брошенная Рыбинскимъ, упала въ руки Никеша. Глаза его загорѣлись и повеселѣли: онъ съ чувствомъ поцѣловалъ Рыбинскаго въ плечики.

Съ этой карты счастье измѣнило Тарханову: онъ началъ проигрывать и спустилъ всѣ деньги.

— Дай-ка, Осташковъ, мою синюгу, сказалъ онъ ему: не отыграюсь ли на ней.. Ворочу проигрышъ, дамъ десять рублей.

Но черезъ минуту и этой синенькой не стало.

— Чортъ тебя дери: лежалъ бы ты лучше тамъ безъ памяти! съ сердцемъ сказалъ Тархановъ. Дай мнѣ займы: что тебѣ далъ Рыбинскій?... Никеша замаялся.

— Ну, что ты?... Не отдамъ что ли? Отыграюсь—вдвое получше.

Никеша не смѣлъ возражать и подалъ деньги дрожащими руками: и бѣленькая бумажка, какъ сонъ, какъ радостное видѣніе мелькнуло въ глазахъ Никеша.

— Ну, нечего дѣлать! Считай за мной! сказалъ Тархановъ. Слѣзы застилали глаза опечаленнаго бѣдняка.

— Что же вы его обобрали?... замѣтилъ Топорковъ.

— Что за обобралъ.. Отдамъ послѣ: не пропадетъ за мной... Обобралъ!... Что за выраженія, Топорковъ... Плюхи тебѣ захоплюсь что ли?...

— Плюхи!?... Я самъ въ долгу не останусь... Я не беру займы безъ отдачи!... отвѣчалъ Топорковъ, насупясь и смотря въ землю.

— Что-о? грозно спросилъ Тархановъ, подступая къ Топоркову.

— Что это, господа, не подружески, вмѣшался Комковъ: ссору что ли затѣвать...

— Ну, ну, господа: что за вздоръ! сказалъ Рыбинскій. На

вотъ тебѣ возьми! прибавилъ онъ, бросая Никешѣ двадцать пять рублей.

— Это что еще? что за благодаренія? я самъ отдамъ... Не бери, Осташковъ... горячился Тархановъ.

— Ну, ну, Тархановъ!... Безъ шума!... Я отъ себя даю!... не за васъ!...

— Да что это такое за повелительный тонъ: ну! ну!... Я самъ такой же дворянинъ, какъ и вы!...

— Можетъ быть!... Только совѣтую со мной не связываться!... спокойно отвѣчалъ Рыбинскій, выразительно смотря на Тарханова, и двумя пальцами согнулъ золотой, который въ это время ставилъ на карту.

— Обидѣть себя я никому не позволю: мнѣ все равно кто бы то ни былъ... Мнѣ никто не смѣй говорить дерзостей... Какъ онъ смѣлъ сказать, что я обираю Осташкова!—говорилъ Тархановъ, отходя отъ карточного стола, но ему уже никто не возражалъ, какъ будто не слышали его послѣднихъ словъ.

Тархановъ видимо боялся Рыбинскаго и говорилъ только для того, чтобы отступить съ меньшимъ стыдомъ. Нѣсколько времени онъ, молча и сердито, походилъ по комнатѣ, потомъ съ мрачнымъ лицомъ подошелъ опять къ играющимъ, а черезъ часъ принималъ участіе въ общемъ разговорѣ, какъ и въ чемъ не бывало. Никеша не отходилъ отъ Рыбинскаго, и безпрестанно, ощупывалъ карманъ, въ которомъ лежали деньги.

Азартность игроковъ постепенно возрастала: вскорѣ уже не двадцати-пяти рублевыхъ ассигнаціи, но цѣлыя сотни и тысячи рублей ставились на карту и переходили изъ рукъ въ руки. Самыми упорными и горячими противниками оставались Рыбинскій и Неводовъ. Послѣдній часто выходилъ изъ себя, не умѣлъ скрывать радости, когда выигрывалъ, и досады при проигрышѣ; Рыбинскій спокойно удвоивалъ, утроивалъ и безъ того уже крупные куши, равнодушно подвигалъ къ себѣ деньги, когда выигрывалъ, оставался совершенно хладнокровенъ и спокоенъ, когда торжествовалъ противникъ. Никеша съ трепетомъ, съ невольнымъ замираніемъ сердца смотрѣлъ на огромныя, невиданныя имъ дотолѣ, кучи денегъ; иногда у него захватывало духъ въ ожиданіи, на чью сторону упадетъ карта; съ крайнимъ удивленіемъ видѣлъ спокойствіе Рыбинскаго, съ полнымъ искреннимъ сочувствіемъ раздѣлялъ тревожныя душевныя движенія Неводова. Впрочемъ, надобно правду сказать, его болѣе всего

привлекала къ карточному столу надежда получить что нибудь отъ играющихъ; но напрасно онъ сидѣлъ два дня и двѣ ночи около игроковъ, слѣдя за каждымъ ихъ движеніемъ: его какъ будто забыли; пробовалъ было онъ и предлагать поставить карточку на его счастье, но и это не удалось: Неводовъ послушался было его, проигралъ и съ сердцемъ прогналъ прочь Никешу.

Гости прожили у Комкова три дня и во всё это время непрерывно продолжалась горячая игра; на четвертый день начали разѣзжаться. Никеша просилъ было, чтобы кто нибудь взялъ его съ собой, чтобы отправить домой, но Комковъ рѣшительно объявилъ, что онъ долженъ погостить у него еще нѣсколько дней. Никеша попробовалъ было возражать на это требованіе, но его не хотѣли слушать—и онъ остался.

Пять дней держалъ его Комковъ у себя. Оставшись съ глаза на глазъ, сначала они бесѣдовали нѣсколько часовъ, но скоро предметы для разговора истощились,—и собесѣдники проводили время молча. Комковъ лежалъ на диванѣ, поворачиваясь съ боку на бокъ, покряхтывая и потягиваясь; а Никеша сидѣлъ около него на стулѣ, смотря во всё глаза на хозяина и ожидая, не можетъ ли чѣмъ нибудь услужить ему.

День проходилъ такимъ образомъ: проснувшись поутру, Комковъ тотчасъ же пилъ чай, лежа въ постели, неумытый. Эта операція продолжалась очень долго, такъ что Никеша успѣвалъ въ продолженіи ея вычистить и снова набить отъ 10 до 15 трубокъ табаку, которыя Яковъ Петровичъ и выкуривалъ одну за другою. Затѣмъ онъ умывался и требовалъ завтрака. Завтракъ обыкновенно состоялъ изъ нѣсколькихъ блюдъ,—жирныхъ, масляныхъ, сытныхъ,—такъ что вполне могъ бы замѣнить обѣдъ. Комковъ ѣлъ много и аппетитно; Никеша, у котораго аппетитъ былъ тоже исправный, сначала церемонился ѣсть много, но когда Комковъ растолковалъ ему, что тотъ, кто мало ѣсть у него въ гостяхъ, оскорбляетъ его, а, напротивъ, тотъ, кто ѣсть много, дѣлаетъ ему особенное удовольствіе и даже отчасти одолженіе, возбуждая его собственный аппетитъ,—тогда Никеша пересталъ стѣсняться и кушалъ вдоволь.

Плотно позавтракавши, закуривши трубку, и снова растянувшись на диванѣ, Комковъ обыкновенно предлагалъ такой вопросъ:

— Ну, что же мы теперь будемъ дѣлать, Осташковъ?

— Что вамъ угодно, батюшка, Яковъ Петровичъ... отвѣчать тотъ.— Да ужь нельзя ли бы меня домой отправить?..

— И, нѣтъ, нѣтъ, братецъ, вздоръ!... не пушу...

— Право, пора бы, благодѣтель: домашніе-то, чай, безпокоятся очень...

— Ну, вріѣдешь, такъ успокоятся...

— Да и дѣло-то, чай, тамъ все стало...

— Ну, какое у тебя тамъ дѣло... Перестань врать... Что, развѣ тебѣ у меня нехорошо, что-ли?

— Какъ это можно, батюшка, Яковъ Петровичъ... Могу ли я только это себѣ въ голову взять... Не то, что нехорошо, а ровно въ царствіи небесномъ...

— Ну, такъ что тебѣ... и погости еще, оставайся...

И Никеша оставался охотно, приговаривая только, приличія ради:— Васъ-то бы какъ не обезпокоить, благодѣтель...

Для сокращенія длинныхъ часовъ между завтракомъ и обѣдомъ, Комковъ взялся было обучить Никешу игрѣ въ бостонъ, но ученикъ оказался рѣшительно неспособнымъ понять её. Банкъ ему скорѣе дался—и Никеша съ удовольствіемъ металъ карты направо и налѣво, между тѣмъ какъ Комковъ ставилъ огромные куши и не лѣнился записывать выигрышъ свой и банкмета. Никеша началъ принимать въ этой игрѣ тѣмъ большее участіе, когда Комковъ обѣщалъ ему уплатить за каждый выигранный имъ рубль одну сотую копѣйки, предоставляя впрочемъ ему самому смекать, сколько придется получить, когда случалось Никешѣ выигрывать. Это бывала для Осташкова самая мучительная, головоломная работа, какой онъ никогда не предавался въ своей жизни. Отъ умственного напряженія онъ краснѣлъ, какъ ракъ, и потъ выступалъ изъ всѣхъ поръ его тѣла; а Комковъ хохоталъ, смотря на мученика любостыжанія.

Послѣ обѣда оба они—и гость и хозяинъ—предавались довольно продолжительному сну, вплоть до самаго вечерняго чая. Вечеромъ часто навѣщалъ Якова Петровича священникъ изъ сѣсѣдняго села, и тогда бесѣда оживлялась.

Посѣщеніе этого священника было единственное обстоятельство, нарушавшее однообразіе тѣхъ пяти дней, которые провелъ Никеша у Комкова послѣ отъѣзда гостей. Эта однообразная, мирная и спокойная жизнь, поглощаемая только ѣдою, чтіемъ, спаньемъ и лѣнивыми разговорами, была совершенно

дуть Остафкова: лучшего онъ ничего бы нежелалъ въ жизни. Природная безпечность, подавленная работничьей теткой, совершенно овладѣла имъ на свободѣ; и онъ послѣдніе два дня пребывшій у Кошкова даже и не вспоминалъ о домѣ. Но самъ хозяинъ, наконецъ, соскучился сидѣть дома и надумалъ опять идти въ гости. Объявивши объ этомъ Никешѣ, онъ велѣлъ и ему собраться домой, если захочетъ. Но собраннымъ справкамъ оказалось, что Никеша гостилъ отъ дома въ 40 верстахъ. Для него была наряжена нарочная подвода. Кошковы подарили ему старый бекешъ свой съ ижмовымъ воротничкомъ, и Никеша, облобызавши ручки благодѣтеля, отправился домой, счастливый и довольный, мечтая о томъ, какое онъ произведетъ дома впечатлѣніе подарками и деньгами, которыя везетъ съ собой, и вынышля съ неудовольствіемъ о трудахъ, которые его ожидали и которые представлялись ему очень тягостными послѣ двухъ недель праздности, бездѣйствія, обжорства и лѣни.

Никеша дѣйствительно былъ встрѣченъ своими домашними съ распростертыми объятіями, чуть не со слезами: объ немъ такъ сильно безпокоились, что уже собирались ѣхать отыскивать его. Привезенные имъ подарки и деньги дѣйствительно возбудили и удивленіе и радость. Но ужъ Никеша былъ не прежній послушный, молчаливый, работающій мальчъ. Онъ началъ посматривать на родныхъ своихъ свысока, потому что и они стали смотрѣть на него съ большимъ уваженіемъ. Въ первый день по приѣздѣ домой онъ и не подумалъ заняться какойнибудь работой; на другой день проспалъ дольше обыкновеннаго; и даже ругнулся, когда тетка хотѣла было разбудить его, — чего съ нимъ прежде никогда не бывало. И всѣ слѣдующіе дни Никеша работалъ уже вовсе не такъ, какъ прежде, и то какъ будто изъ снисхожденія или изъ милости къ прочимъ домашнимъ, точно дѣлалъ не для самаго себя и не свое дѣло, а чужое. Тетка не рѣшалась уже по прежнему приказывать и наставлять: она точно стала бояться или совѣститься Никеша, точно вдругъ почувствовала, что онъ глава дома, полный хозяинъ, а сама она живетъ у него на хлѣбахъ. На привезенныя деньги хотѣли было сдѣлать какое-то улучшеніе по хозяйству; но Никеша рѣшительно сказалъ, что на эти деньги нужно купить самоваръ, что онъ необходимо нуженъ, что ему никакъ нельзя жить безъ самовара, что можетъ когда и господа къ нему наѣдутъ, а у него и самовара нѣтъ; а другая нужда не уйдетъ, только сдѣлать

опять къ господамъ, они опять не оставятъ. Всѣ согласились съ Никешей, и самоваръ былъ купленъ.

Любимымъ занятіемъ Никоши въ теченіе нѣсколькихъ дней сряду было одѣваться то въ одно, то въ другое платье, подаренное господами, и показываться домашнимъ. Самый торжественный день въ его жизни насталъ, когда въ первое же воскресенье по пріѣздѣ онъ пошелъ въ свою приходскую церковь въ божествѣ — подарокъ Комкова. Онъ ногъ не слышалъ подъ собою, стоя въ церкви и безпрестанно оглядывая самага себя съ ногъ до головы. Гордо по-сматривалъ онъ на сѣрые армяки и нагольные полушубки, окружавшіе его и столько ему знакомые; а сѣрые армяки лукаво переглядывались съ полушубками и улыбались, потряхивая головами и переминаясь съ ноги на ногу. Отецъ и братъ недоброжелательно и завистливо смотрѣли на Никешу, что впрочемъ Александру Никитичу не помѣшало черезъ нѣсколько времени попросить у сына денегъ, но денегъ уже не было, Никеша отказалъ отцу и тотъ ушелъ отъ него, окончательно озлобленный противъ него. Братъ Иванъ обѣщался даже при случаѣ поколотить Никешу и высказывалъ это намѣреніе вслухъ, да что отецъ только молча улыбался. Но домашніе, любясь на наряды Никешы, и гордясь его новыми знакомствами, чувствовали, что работы у нихъ прибыло, потому что Никеша, видя возможность и дома полѣниться, предпочиталъ лучше лежать на печи, нежели дѣлать дѣло; а проживши дома недѣлю двѣ, соскучился, и вдругъ, заложивши лошадь въ сани, завязавши въ узелокъ все свое хорошее платье, опять уже безъ приглашенія поѣхалъ искать отдыха и денегъ у своихъ новыхъ знакомыхъ благодѣтелей. Домашніе не возражали ему, надѣясь, что онъ опять воротится не съ пустыми руками, и покорно, великодушно приняли на себя исполненіе всѣхъ мужскихъ обязанностей по домашнему хозяйству... А Прасковья Федоровна даже радовалась, что Никеша самъ рвется къ господамъ, въ свою настоящую компанію, и отвыкастъ отъ мужицкой...

Алексѣй Потѣхинъ.

20 Января 1860 года.

СКАЗАНИЯ УРАЛЬСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

IV.

Ермакъ.

...Всеми свѣту извѣстно, что Ермакъ, сынъ Тимоѣевичъ, былъ предводителемъ, то-есть, по нашему, атаманомъ, донскихъ, гребенскихъ и яицкихъ козаковъ.—Такъ началъ рѣчь свою Анастасій Дмитричъ.

— Спервоначала,—продолжалъ онъ,—спервоначала Ермакъ разбой держалъ по синю-морю Каспическому да по матушкѣ Волгѣ-рѣкѣ. Чай, и у васъ, по вашимъ книгамъ, это значитесь? обратился ко мнѣ рассказчикъ.

Я кивнулъ утвердительно головой. Старикъ продолжалъ:

— Ну-съ, спервоначала Ермакъ разбой держалъ, а потомъ спускался, очувствовался и захотѣлъ заглавить грѣхи и все винуности свои какъ передъ Господомъ-Богомъ, такъ и передъ царемъ державнымъ. Для этого, не спросясь, не доложась, безъ указа, значить, государева, пошелъ и покорилъ Сибирь: выйдить, самовольно покорилъ. Изъ Сибири пришелъ въ Москву къ царю съ повинною. Хорошо. Царь собралъ бояръ на совѣтъ: что дѣлать съ Ермакомъ?—Одинъ бояринъ сказалъ: «надо-де Ермаку голову срубить». А Ермакъ на тѣ его слова сказалъ:—«Не къ тебѣ я пришелъ, а къ царю: царь меня и суди. Я самъ не хуже тебя!»—Съ этимъ словомъ Ермакъ выхватилъ изъ ножонъ саблю острую и смахнулъ тому боярину буйну голову. Объ этомъ и въ пѣснѣ сказано. Все остальные бояре ужасились, прикусили язычки; а иные изъ царскихъ палатъ убѣжали: такъ слово пришлось итъ Ермакъ. Царь и говоритъ:

— Ай-да, Ермакъ! въ бѣдѣ сидитъ, бѣдой кутить!

А Ермакъ молчитъ, стоитъ, не шевелится, смотритъ прямо въ глаза царю, не смигнётъ, будто и не про него рѣчь. — Царь спрашиваетъ его:

— Какъ ты смѣлъ мои корабли разбивать?

Ермакъ отвѣчаетъ:

— Ваше царское величество! Не прикажи казнить, прикажи слово молвить. Разбивалъ я корабли татарскіе, армянскіе и всѣ басурманскіе. Въ томъ числѣ, видно, и твои, подъ руку подвернулись. Почему я зналъ, что твои? Они, вѣдь, не орлёны, не клеймёны!..

— Резонъ! говорилъ царь.—Правда, корабли мои не орлёны, не клеймёны.—А, ну, спрашиваетъ царь: какъ ты смѣлъ въ моихъ глазахъ боярина моего убить?

— А какъ онъ смѣлъ,—отвѣчаетъ Ермакъ,—какъ онъ смѣлъ, въ твоихъ глазахъ, такія дерзкія слова говорить, чтобъ мнѣ голову срубить? Никакое яройское сердце этого не вытерпитъ!—Есть когда я вицень,—суди ты, а не бояринъ: я самъ не хуже его, може, еще получше!

Сказавъ это Ермакъ и ударилъ кулакомъ себя въ грудь, индо стальной латъ на немъ затрепеталъ и лоннулъ по спайкамъ.

— Резонъ! говорилъ царь.—Умѣешь дѣла дѣлать, умѣешь и отвѣтъ держать. За Сибирь всѣ вины тебѣ прощаю. Только, говоритъ, послужи мнѣ еще одну службу, послѣднюю; а тамъ—хошь служи, хошь на сповой иди. Не хватаетъ у меня, силы-мочи Казань и Астрахань взять. Возьми, говоритъ, Казань и Астрахань на мое царское имя, да безъ рати, говоритъ царь.—По-крайности на мою не надѣйся: нѣтъ у меня; всю, говоритъ, растеряли глушые воеводы. И завернешься, чай, какъ нибудь? спрашиваетъ царь.

— Еще бы! говоритъ Ермакъ.—Не учиться стать. Не впервой такія дѣла обрабатывать. Оба града, говоритъ, въ три часа съ половиною возьму; и рати съ тебя не спрошу; свою найду. Затѣмъ, говоритъ, прощенья просимъ; счастливо оставаться, ваше царское величество!

И пошелъ Ермакъ на Казань и Астрахань. И, взявъ, Ермакъ Казань и Астрахань, взялъ безъ силы-рати, одинъ взялъ съ двумя своими вѣстовымицъ — самъ третей, значить, — Ермакъ между нами будь сказано, съ яройской, немного былъ, добавилъ расказчикъ, то-есть, имѣлъ въ послуханьи, у себя махучи

люду шипшговъ (чертей). Гдѣ рати не доставало, тамъ онъ и выставлялъ ихъ.

Взявши Казань и Астрахань, Ермакъ опять уѣхалъ въ Сибирь: сторона та ему очень понравилась. Поѣхалъ Ермакъ въ Сибирь зѣтѣмъ, чтобы жизнь свою тамъ кончить. Царь послалъ ему ту-ла, за Казань и за Астрахань, богатѣющій подарокъ — золотой латъ, въ двѣнадцать пудъ. Ермакъ обрадовался царскому подарку, и задалъ товарищамъ своимъ банкетъ, на лодкахъ, посередѣ Иртышъ-рѣки. Пили, гуляли, изъ пушекъ палили, Расею и царя прославляли. Ермакъ нарядился въ царскій латъ, разгуливалъ по банкету, съ лодки на лодку перепрыгивалъ, но какъ-то неспопашелся, остушился и полетѣлъ въ воду, и почалъ въ сачую то-ись суводистую суводь! она его, голубчика, и втянула. Справиться-то онъ ни коимъ манеромъ уже не могъ, потому самому, что на немъ былъ царскій латъ въ двѣнадцать пудъ: — онъ пуще всего и утопилъ его. Такимъ-то побытомъ и кончилъ жизнь свою вонтель Ермакъ сынъ Тимоѣевичъ! И съ той самой поры, заключилъ расказчикъ, стали орлить и клейнить царскіе корабли и всякія казенныя воши. Значить, Ермакъ научилъ.

— Такъ, что-ли, я разеказалъ? спросилъ меня, немного погодя, Анасій Дмитричь. — Чай, и у васъ, въ исторіяхъ, есть про Ермака. Нельзя же, думаю, обойти такого важнаго яроя.

— Почитай все такъ, сказалъ я. Одно только немного не такъ.

— Что же? спросилъ меня старикъ.

— А вотъ что! сказалъ я. — По нашимъ исторіямъ, Ермакъ утонулъ не во время банкета, а во время сраженія съ басурманами.

— Только въ этомъ разница?

— Въ этомъ только, сказалъ я, не желая входить съ собесѣдникомъ моимъ въ дальнѣйшія разсужденія и подвергать критикѣ его разсказъ. — А все прочее, прибавилъ я, — все прочее, Анасій Дмитричь, чистѣйшая былъ, словно по писанному или по печатованному. Теперь, кстати, спой-ка пѣсню про Ермака.

— Ихъ двѣ: которую тебѣ? спросилъ старикъ.

— Которую? — сказалъ я. — Валѣй объ: много добра не надоѣсть.

— Изволь! сказалъ старикъ. — Только не обезсудь, — оговорилъ онъ, — голосъ у меня не такъ-то хорошъ: старъ становлюсь. Не позвать-ли лучше племянника Ермошу? Значишь, онъ лучше меня поеть.

— Зачѣмъ? сказалъ я.—Для меня не голосъ важенъ, а слова важны.

— Хорошо, сказалъ старикъ, прокашливаясь и расправляя усы и бороду.—Сначала вотъ эту, коротенькую. — И старикъ запѣлъ:

Какъ на Волгѣ-рѣкѣ, да на Камышеннѣ
Козаки живутъ, братцы, люди вольные:
Все донскіе, гребенскіе со яцкнми.
У козаковъ былъ, братцы, атаманушка
Ермакомъ звали Тимоѣвичемъ.
Не злата труба, братцы, вострубила,
Не звонка-ли, не громка-ли рѣчь возговорила —
То возгдворилъ, братцы, Ермакъ Тимоѣевичъ:
«Ужъ вы думайте, козаки-братцы, попридумайте
Какъ проходить у насъ лѣто теплое,
Настаѣтъ, братцы, зима холодная.
Еще гдѣ намъ, братцы, зимовать будетъ?
Намъ на Волгѣ жить—все ворами слыть.
На Яикъ идти—переходъ великъ.
На Казань идти—грозенъ царь стоитъ,
Грозенъ царь стоитъ, братцы, немилостивый.
Онъ послалъ на насъ рать великую,
Рать великую, въ сорокъ тысячей.
Такъ пойдете же, да возьмемъ Сибирь!»

— Эту пѣсню, батенька, вездѣ въ нашей сторонѣ услышишь; почитай каждый мальчишка сѣ знаетъ, . заговорилъ Афанасій Дмитричь, кончивъ пѣніе. — А вотъ эту за рѣдкость , сказалъ онъ, и запѣлъ:

Шатаился, мотался, Ермакъ сынъ Тимоѣевичъ.
Онъ шатаился, мотался по чисту полю,—
По чисту полю, Ермакъ, да по синю морю.
Разбивалъ же, Ермакъ, всѣ бусы—корабли:
Татарскіе, армянскіе, басурманскіе;
А и больше того корабли осударевы!
Осударевы кораблики безъ примѣтушскъ,
Ди безъ царскаго они безъ ерлычка.
Возговоритъ Ермакъ сынъ Тимоѣевичъ:
—«Ой вы гой еси, мои братья-товарищи,
Вы морскіе удалые разбойнички!
Еще гдѣ намъ зиму зимовать будетъ?
Намъ на Волгѣ жить, братцы, все ворами слыть,
На Яикъ идти—переходъ великъ.
Идти-ль намъ, не идти на Иртышъ-рѣку.
Мы съ Иртышъ-рѣки возьмемъ Тоболь-городъ.

Тоболь-городъ возьмемъ бѣлой грудью,
 Бѣлой грудью возьмемъ, безъ свища, безъ пороху,
 Безъ свинца, безъ пороху, съ камчатной съ одной плеткою.
 И поѣдемъ мы къ царю съ повинною,
 Повеземъ ему свои буйны головы,
 Во правой рукѣ повеземъ топоръ—плаху». —
 Ермакъ Тимоѳеевичъ ловилъ себѣ добра коня,
 Добра коня что ни лучшаго,
 Добра коня богатырскаго.
 Надѣвалъ на него уздечку тесмянную,
 Накладывалъ потнички бѣлы-бумажные,
 Накидывалъ сѣделище черкасское,
 Подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ —
 Не для красы—для крѣпости.
 Садился-де Ермакъ на добра коня,
 На добра коня, Ермакъ, на иноходаго.
 Передомъ ѣдетъ Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ.
 Ужъ онъ ѣдетъ, ѣдетъ потихохоньку,
 Ужъ онъ ѣдетъ, ѣдетъ посмирнехоньку.
 Подъѣзжаетъ онъ къ широку дворцу,
 Къ широку дворцу, ко царскому,
 Ко крылечку подъѣхалъ ко крашеному.
 Какъ слезалъ Ермакъ со добра коня,
 И пошелъ Ермакъ въ царскія палатушки;
 Ужъ идетъ-де онъ безъ докладушекъ,
 Идетъ Ермакъ потихохоньку, посмирнехоньку.
 Какъ вошелъ Ермакъ во палатушки,
 Во свѣтлыя царскія залушки.
 Возговоритъ Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ:
 —«Здорово ты, нашъ батюшка, православный царь,
 Православный царь, ты, Пётръ Алексѣевичъ,
 Со своими князьями и боярами!
 Узнаёшь-ли Ермака ты, сына Тимоѳеевича?
 Я пріѣхалъ къ тебѣ съ повинною,
 Привезъ тебѣ свою буйну голову,
 Во правой рукѣ топоръ—плаху.
 Я шатанлся, я мотанлся по чисту полю,
 По чисту полю и по синю морю.
 Разбивалъ я, Ермакъ, бусы-корабли:
 И татарскіе, и армянскіе, и басурманскіе,
 А больше твои осударевы.
 Осударевы кораблики безъ примѣтушекъ,
 Да безъ царскихъ они безъ ербычковъ.»
 Возговоритъ нашъ батюшка, православный царь:
 —«Ужъ вы гой еси, мои князья-бояры,
 И вы думчѣ мои *селаторушки!*

Еще что намъ съ Ермакомъ будетъ дѣлать:
 Иль казнить его, или вѣплати?
 Иль во всѣхъ винахъ его простити?
 Иль велѣтъ ему Казань, Астрахань взять?...»
 Возговорить одинъ-де, бояринъ-то,
 И старшій думчій сенаторунка:
 —«Ой, ты, гой еси, батюшка, православный царь!
 Еще мало намъ Ермака казнить-вѣплати!»
 Тутъ возговорить Ермакъ сынъ Тимоѣевичъ:
 —«Ой, ты, гой еси, ты врешь, собака!
 Безъ суда, безъ допроса хочешь Ермака вѣплати.»
 Богатырская сила въ немъ разгоралася,
 Богатырская кровь въ немъ подымалася,
 Вынималъ онъ изъ *колчана* свою саблю вострую,
 Онъ срубилъ, смахнулъ боярину буйну голову:
 Буйная его головушка отъ плечъ отвалилася,
 Да по царскимъ залушкамъ покатылася.
 А и царская картина пермѣнилася,
 А и думчїе сенаторы испугалися,
 И по царскимъ заламъ разбѣжалися.
 Возговорить нашъ батюшка, православный царь:
 —«Ермакъ въ бѣдѣ сидитъ—бѣдой кутить.
 Еще что намъ надъ Ермакомъ дѣлать?»
 Ни одинъ князь отвѣту не далъ.
 Во всѣхъ винахъ прощаль его.
 Только Казань, Астрахань взять велѣлъ....

— Пѣснѣ концѣ, а Ермаку слава! сказалъ Афанасій Дмитричъ, кончивъ пѣніе.—Еще разъ скажу, прибавилъ онъ, пѣсня эта за рѣдкость въ нашей сторонѣ.

Дѣйствительно, прибавлю и я отъ себя, пѣсня эта весьма мало извѣстна современнымъ уральскимъ козакамъ. Общеупотребительная нынче между ними первая, которая начинается словами:

«Какъ на Волгѣ на рѣкѣ, да на Камышенкѣ»
 и которую каждый казаченокъ споетъ вамъ съ большими или меньшими пропусками. Но ту, о которой Афанасій Дмитричъ отозвался, какъ о рѣдкостной, мнѣ случилось слышать всего только разъ. Я записалъ еѣ, какъ и слѣдуетъ, слово-въ-слово.

V.

Ядъ.

— Бѣгали отъ насъ козаки въ погоню за разбойниками-киргизами, говорилъ собесѣдникъ мой, Афанасій Дмитричъ.—Догна-

ли киргизовъ за Кара-Кулемъ, отбили у нихъ добычу и, какъ водится, самихъ порядкомъ пощипали. Все хорошо, однимъ только нехорошо: киргизы ранили одного изъ нашихъ козаковъ стрѣлой въ икру, такъ самую малость, и небольшо было, не больше того, какъ бы, къ-примѣру, оса ужалить. Кажись, дѣло пустое, анъ, вышло не пустое: разворотило у козака ногу, словно бочку, и кинуло всего въ жаръ, и въ третій день козачёкъ вобившился. Думали, что козакъ съ-глазу умеръ,—анъ не съ-глазу. Которой стрѣлой ранили его, эту стрѣлу онъ вывезъ съ собой изъ похода, и когда пришелъ домой, воткнулъ её въ сѣняхъ подъ-застрѣху. Черезъ сколько-то времени послѣ того, какъ схоронили козака, ребятишки его достали стрѣлу и стали баловаться, и одинъ другаго укололъ. Чтожь сталося? Мальчикъ, котораго укололи, распухъ. Слава Богу, не умеръ. Случился на ту пору въ нашемъ форпостѣ купецъ,—съ торгомъ на низъ халъ,—человѣкъ свѣдущій. Онъ-то и избавилъ мальчика деревяннымъ масломъ, и внутрь давалъ, и снаружи мазалъ. Купецъ этотъ и рассказалъ, что стрѣла, то - ись копынка, ядомъ напитаана. Чтобы увѣриться въ словахъ купца, нарочно, тихонько отъ него, сдѣлали пробу надъ собакой, укололи, и собака черезъ два дня издохла. — Вотъ какія вещи бываютъ! прибавилъ разскащикъ.

— Почемъ же зналъ купецъ, что стрѣла ядомъ была напитаана?—спросилъ я разскащика.—Что онъ, докторъ, что-ли, какой?

— Дохтуръ, не дохтуръ, а эти вещи хорошо, видно, зналъ, сказалъ старикъ.—Рассказалъ онъ намъ послѣ такую ужасную исторію, что и теперь, какъ вспомнишь, и теперь морозъ по кожѣ подираеть. Слушай-ка.

— Жили-были въ одномъ селѣ двое сиротъ, мальчикъ и дѣвочка, началъ разсказъ Афанасій Дмитричъ.—У сиротъ этихъ не было ни отца, ни матери, ни сродниковъ; кормились они милостынею. Мальчику было лѣтъ десять, а дѣвочкѣ лѣтъ восемь. Однажды заѣхалъ въ то село, гдѣ жили сироты, странный мужикъ, торговецъ,—торговалъ разными сластями. Сироты пришли къ нему попросить Христа-ради. Мужикъ спросилъ ихъ: есть-ли у нихъ отецъ и мать, иль-бо сродственники какіе? Тѣ говорить, что они круглые сироты, кормятся именемъ Христовымъ. Тогда мужикъ и сталъ уговаривать ихъ, чтобы пошли къ нему въ дѣтщи.

— У меня, говорить мужикъ сиротамъ, нѣтъ дѣтей, Идите

ко мнѣ жить. Я, говоритъ, буду поить-кормить васъ, обувать и одѣвать. А когда выростете, тебя—говоритъ мальчику—женю, а тебя—говоритъ дѣвочки—замужь выдамъ. А имѣніе мое, говорить, раздѣлю между вами поровну.

Дѣло дѣтское,—сироты ничего не понимали, только плакали. Тутъ узнали и обыватели того села, гдѣ они жили, и говорятъ мужику:

— Чего съ ними толковать: глупы! Коли у тебя есть желаніе, добрый человекъ, воспитать сиротъ, — возьми, говорятъ, ихъ и поѣзжай съ Богомъ, куда путь-дорога лежитъ.

Знамо, обывателямъ на руку, что выискался такой добрый человекъ, что избавляетъ отъ сиротъ: эти, значить, съ хлѣбовъ и съ податей долой. Хорошо. Взялъ мужикъ сиротъ, посадилъ въ повозку и повезъ съ собой. Мѣсяцъ цѣлый ѣхали, напоследокъ пріѣхали къ мужику на хуторъ. Хуторъ былъ въ мѣстѣ уединенномъ, лѣсномъ, глухомъ, вокругъ все болота и ни души живой. Но сиротамъ до этого дѣла нѣтъ. Живутъ они у мужика на хуторѣ, словно у Христа за пазухой. Мужикъ не знаетъ чѣмъ и кормить ихъ, что ни самими, значить, лучшими яствами. Особенно кормилъ и холилъ дѣвочку, такъ и пичкалъ ее пряниками, изюмомъ и разными сладостями. Въ полгода она у него такъ отѣлась, что и узнать нельзя было: дотолѣ была худенькая, черненская, а тутъ сдѣлалась пухленькая, бѣленькая, словно тѣсто пшеничное.

Хорошо. Прошло еще сколько-то времени, — перезимовали. Весной и состряпалъ мужикъ такую штуку, что вчуже, какъ только раздумаешься, морозъ по кожѣ подираетъ. — Взялъ онъ пустую бочку и высадилъ у ней дно,—потомъ взялъ дѣвочку, разнагншалъ и засадилъ въ эту бочку, а дно у бочки опять задѣлалъ. Дѣвочка, знамо, плакала, кричала,—да ничто. Мальчикъ тоже пустился было въ слезы,—да ничто: мужикъ пригрозилъ топоромъ,—и мальчикъ замолчалъ. Задѣлавши бочку, мужикъ взялъ большой буравъ и наvertsъ въ ней много дыръ, почестъ изрѣшетилъ бочку. Сдѣлавши это, мужикъ покатылъ бочку со двора и вкатылъ въ середину болота, неподалеку отъ хутора. Вкатывши бочку въ болото, мужикъ досталъ изъ кармана дудочку и засвисталъ на ней. И въ болотѣ засвистали: это змѣи засвистали. И полѣзли змѣи въ бочку сквозь набуравленные дыры, и стали змѣи дѣвочку грызть, жалить, и стали изъ нея кровь точить. Ужастъ что такое! Сначала дѣвочка, бѣд-

бѣдненька, сильно кричала, а потомъ тише и тише; напоследокъ перестала. Значить, змѣи задушили бѣдненьку! Мальчикъ опять было поднялъ крикъ, но мужикъ съ топоромъ къ нему, и говоритъ:

— Есть—когда не замолчишь, то и тебѣ тоже будетъ! А я, говоритъ, не хочу съ тобой такъ поступить: довольно и сестренки твоей. И черезъ нея, говоритъ, мы получимъ несмѣтное богатство. Тогда, говоритъ, и ты заживешь по-барски. Молчи, глупый мальчишка!

Мальчикъ замолчалъ. Прошло сколько-то времени, мужикъ опять засвисталъ на дудкѣ, и въ болотѣ опять засвистали, но ужъ тише прежняго. Это были тѣ змѣи, кои въ бочку еще не вошли. И эти змѣи полѣзли въ бочку.—Черезъ нѣкоторое время мужикъ опять засвисталъ; но въ болотѣ было тихо. — «Всѣ!» сказалъ самъ про себя мужикъ и выкатилъ изъ болота бочку со змѣями. Тѣ, пока тощи были, слободно лѣзли въ бочку сквозь дыры, а изъ бочки вылѣзть ужъ не могли; напились и нажрались, значить, человѣчей крови и раздулись; только головы ихъ торчатъ изъ дыръ, словно пронизки. Ужась что такое!—Выкативши изъ болота бочку, мужикъ развелъ огонь и повѣсилъ надъ нимъ большой котелъ на половину съ водой. Когда вода стала закипать, мужикъ надѣлъ на руки кожаныя рукавицы, взялъ желѣзные клещи и давай ими таскать змѣй — схватить клещами змѣю за голову, вытащить изъ дыры и въ котелъ, и въ котелъ. Такимъ манеромъ всѣхъ змѣй перетаскалъ въ котелъ и сталъ варить;—самъ варить, а самъ уполовникомъ помѣшивается. Долго ли, коротко ли, мужикъ варилъ эту гадость, напоследокъ прилегъ на полъ отдохнуть, а мальчику прикаазалъ слегка поддерживать подъ котломъ огонь и помѣшивать уполовникомъ въ котлѣ, чтобы ни одна капля этого взвара не ушла черезъ края. И рукавицы съ себя снялъ и отдалъ мальчику.—Ладно.

Мужикъ лежалъ, лежалъ и храпѣлъ; а мальчикъ сидитъ на корточкахъ у котла, подкладываетъ подъ него дрова и помѣшивается въ котлѣ уполовникомъ, какъ мужикъ приказалъ, а самъ, бѣдненька, тихонько плачетъ. Не помнитъ мальчикъ, какъ случилось, что скинулъ съ одной руки рукавицу и дотронулся голымъ пальцемъ до уполовника, то-ись, до самой чашечки, что въ котелъ опускается,—и въ одинъ мигъ палецъ у него вздулся. Мальчикъ не удивился, однако не обробѣлъ, а захотѣлъ испробовать, отчего такая оказія случилась; взялъ и зачерпнулъ уполовникомъ немного этого взвара, далъ остыть и маленькую

капельку капнулъ себѣ на ладонь,—и въ одинъ мигъ капля прошла сквозь ладонь, дыру, значить, прошла. Больно было мальчику, что и толковать, однако не струсилъ онъ, не заплакалъ, не закричалъ, самъ Богъ, значить, подкрѣпилъ его и надумилъ.—«Одна капля, да еще остуженая, что сдѣлала, думаетъ самъ про себя мальчикъ.—Что же можетъ сдѣлать цѣлый уполовникъ этого зелья, да еще горячаго. — Господи, благослови!» сказалъ мальчикъ самъ про себя, и въ ту-жь минуту зачерпнулъ полный уполовникъ этого зелья и бухъ на рожу мужику. Мужикъ только вздрогнулъ и тутъ же околѣлъ; даже и голоса никакого не издалъ. Значить, пашла коса на камень.

Послѣ такого случая, знамо дѣло, мальчикъ пустился бѣжать, куда глаза глядятъ. Утромъ наткнулся въ лѣсу на дровосѣковъ и рассказалъ имъ, что и какъ было. Тѣ выслушали мальчика, посмотрѣли на его руку, а она стала уже запухать. Тогда одинъ изъ дровосѣковъ, человекъ, видно, знающій, не говоря ни слова, прижалъ руку мальчика къ дереву и отхватилъ топоромъ, повыше кисти и пониже локтя. Этимъ самымъ и избавилъ мальчика отъ неминуемой смерти.—По сказкамъ мальчика, дровосѣки отыскивали хуторъ и нашли въ немъ все такъ, какъ мальчикъ рассказывалъ: и котель съ зельемъ, и мертваго мужика;—у того, у подлеса, и рожи не знать было: зелье сожгло и издырала бочку. Бочку разбили и въ ней нашли однѣ бѣлыя косточки дѣвочкины. Собрали эти косточки и, какъ подобаетъ, схоронили тутъ же въ лѣсу, а избушку съ мертвымъ мужикомъ и съ зельемъ и со всѣмъ, что въ ней было, завалили хворостомъ и предали огню.

— Зачѣмъ же мужику нужно было такое зелье? спросилъ я рассказчика, когда онъ кончилъ свой рассказъ.

— Какъ зачѣмъ? Рази недогадываешься? спросилъ старикъ.— Этимъ самымъ зельемъ, продолжалъ онъ, мужикъ торговалъ, спроваживалъ, значить, его за границу, къ непріятелямъ, а тѣ, знамо дѣло, закаляли въ немъ стрѣлы, копыя и всякое оружье на пагубу нашу и всѣхъ добрыхъ людей. Довольно слегка поранить человека стрѣлой или-бо саблей, что зельемъ такимъ напитана или-бо намазана,—и человеку тому неминуемо приключится смерть, если только не успѣютъ во время захватить какимъ ни на есть лекарствомъ.

— Отъ кого-жь купецъ слышалъ эту исторію? снова спросилъ я моего собесѣдника.

— Отъ дѣдушки! отвѣчалъ тотъ. — А дѣдушка его и былъ тотъ самый сирота-мальчикъ, что угомонилъ мужика ядомъ, за-ключилъ старикъ.

VI.

Оборотни.

— ...На юсѣмъ вѣку мнѣ только разъ довелось видѣть оборот-ня въ нашихъ мѣстахъ; и то давнымъ давно, когда я маленькимъ мальчишкой былъ, говорилъ старикъ. — Въ нашихъ мѣстахъ,—чтобы не сглазить,—этакихъ мерзостей нынче ужь со-всѣмъ нѣтъ; да и въ старину, сказывали старики, было мало. Народъ-то, что-ли, былъ совѣстливый, иль-бо потому, что въ достаткѣ жилъ и ни въ чемъ нужды не имѣлъ—не знаю, какъ сказать; а только въ томъ могу завѣрить, что хоша и изъ на-шихъ въ старину бывали такіе доки; что съ нечистой силой знали, однако на такія штуки не пускались, чтобы образъ звѣря какого принять и тѣмъ людей стращать и обирать, иль-бо кого по насѣрдкамъ въ звѣря оборотить. — А вотъ въ Расен, нужду мужиками, продолжалъ рзскащикъ, и въ-старину, го-ворять, бывало и въ нонѣшнее время много бываетъ такихъ па-костей. Тамъ, говорятъ, цѣлые свадебные поѣзды въ волковъ оборачивали и оборачиваютъ, есть коли дружка плохъ, не мо-жетъ, значить, супротивъ заговора свой отговоръ представить.

— Оборотни бываютъ двухъ сортовъ, продолжалъ старикъ: одни вольные, другіе подневольные. Вольный оборотень тотъ, кто самъ собой, своей волей, оборачивается въ какогонибудь звѣря, чтобы невзначай людей пугать и ихъ обирать, когда тѣ испугаются. Подневольный оборотень тотъ, кого ктонибудь по насѣрдкамъ оборотить въ звѣря, чтобы тотъ скитался и нужду свозналъ. Подневольные оборотни безопасны, жалости подоб-ны, они никакихъ худностей никому не дѣлаютъ, ихъ и оби-жать грѣшно. А вотъ тѣхъ, кои сами собой, ради корысти, на эти штуки пускаются, тѣхъ, знамо, и убить не грѣхъ — такая дорога.—Былъ таковой примѣръ и у насъ, на моей памяти, го-ловъ пятьдесятъ тому. Жили мы тогда въ Гурьевъ-Городкѣ. Въ одно время прошла по городу молва, что оборотень ходитъ въ образѣ свиньи. Сначала не всѣ вѣрили, а подъ-конецъ всѣ увѣ-рились. Разъ ночью шла изъ гостей домой женщина. Вдругъ изъ-за угла, словно стрѣла, выскочила преогромнѣющая свинья и прямо женщину подъ ноги. Женщина обмерла и безъ чувствъ

упала на землю; а когда почувствовалась, то ни жемчужной сороки—тогда еще въ модѣ были сороки—ни индѣйской ширинки на головѣ не осталось. Значить оборотень сграбасталъ. А жепщина была изъ хорошаго, богатскаго дома, и хмѣльнаго въ ротъ не брала.—Въ другой разъ, вскорѣ послѣ этого, оборотень напалъ на козака и стащилъ съ него шелковый азымъ, норковую шапку и козловые сапоги. Правда, козакъ былъ выпимши, но не совсѣмъ,—былъ еще въ чувствѣ, во всѣ глаза глядѣлъ, видѣлъ, какъ свинья зубами сорвала съ него и шапку, и азымъ, и сапоги, но оборониться и закричать не могъ: отъ испуга и руки и ноги у него отнялись и голосъ замеръ.

Послѣ этихъ исторій стали обыватели беречься, по ночамъ не стали ходить по одиночкѣ, а стали ходить по двое, по трое, съ фонарями да съ оружіемъ. Съ того-ли, не съ того-ли, перестала свинья разгуливать по городу. Прошло сколько-то времени спокойно, стали свинью забывать. Вдругъ, среди бѣла дня, въ какой-то праздникъ, появилась она въ слободкѣ, около дѣвичьяго хоровада: хотѣла, значить, поживиться чѣмъ нибудь отъ дѣвчатъ. Тѣ, словно отъ дождя, въ разныя стороны, подняли крикъ-плачь и взбундовали весь народъ. Затормошился народъ и кинулся на свинью, кто съ ружьемъ, кто съ дубьемъ. Свинья видитъ, что дѣло плохо, поворотила оглобли назадъ и драла вонь изъ города, и побѣжала къ *шишамъ* *. Народъ—за ней. Кто-то, на бѣгу, выстрѣлилъ по ней изъ ружья, и раздробилъ ей правую переднюю ногу. Еще кто-то выстрѣлилъ и попалъ свинѣ въ морду. Однако совсѣмъ не убили. Успѣла, бестія, забѣжать за одинъ шишъ и пропала; спряталась, значить, въ шишъ. Народъ окружилъ шишъ и давай палить въ него изъ ружей. Палили, палили и перестали. Слышутъ: въ шишѣ что-то шевелится и стонетъ. Принесли багры и стали растаскивать шишъ. Оттащили сколько-то пучковъ и увидали: на доскуткѣ кошмы (войлокъ) стоитъ на колѣняхъ сѣдой, какъ лунь, старикъ, въ голубой китайчонной рубашкѣ. Правая рука у него пересбита пулькой и виситъ словно плеть; зѣвки разбиты; изъ нихъ и изъ руки, какъ теперь помню, струится черная кровь. Старикъ силится что-то сказать, а не можетъ; только мычить, да стонетъ, да головой качаетъ, кланяется, да лѣвой рукой то на себя покажетъ, то на церковь.

* Запасы камыша, приготовленнаго для топлива и складываемаго въ конусообразныя кучки. Эти-то кучки называются *шишамъ*.. *Дет.*

— Кайтса! кайтса! закричалъ кто-то изъ народа. — Попа, видно, просить.

— Дьявола ему, сретяку, а не попа! Недостойнъ онъ этого! Добивай его, ребята! закричалъ еще кто-то.

— По этому слову кто-то выстрѣлилъ и старикъ повалился. Въ тоѣ-жъ минуту завалили его опять камышомъ и подожгли. Шипъ былъ огромнѣющій, воровъ болѣе ста, запылалъ словно адъ: къ вечеру отъ старика и праху не осталось! Съ той поры никто ужъ больше не видалъ свиньи-оборотня.

— Это я самъ, своими глазами, видѣлъ, прибавилъ разскащикъ.—А разъ довелось мнѣ говорить съ однимъ человѣкомъ. Тотъ, ложь-ли, правда-ли, самъ былъ въ оборотняхъ, только не по своей волѣ, а по волѣ тещи своей, колдуньи. Я тебѣ разскажу. Слушай-ка.

— Жилъ онъ, этотъ человѣкъ, говорилъ старикъ, съ женой не въ ладахъ, часто колотилъ её, а все изъ-за того, что взялъ её нечестную, ошибся. Жена жаловалась своей матери. Та часто выговаривала зятю, чтобы унялся, не тиранилъ жену, чтобы забылъ ея дѣвичій проступокъ.—«Грѣхъ да бѣда, говорить теща зятю, съ кѣмъ не бываетъ. Не то, говорить теща, сыграю я съ тобой такую штуку, что не точію дочь мою, а и дома своего не узришь».—Зять однако не унимался, колотилъ жену по прежнему, а того и въ головѣ не держалъ, что теща его колдунья.

Разъ, въ пьяномъ видѣ, поколотилъ онъ жену очень больно; та и убѣжала къ матери, въ другое село. На другой или-бо на третій день, съ похмѣльной головой, зять пошелъ къ тещѣ за женой. Теща притворилась, будто ничего не знаетъ, что тамъ у нихъ съ женой произошло, встрѣтила зятя ласково, усадила за столъ и стала подчивать обѣдомъ. Но зятю не до обѣда: у него голова трещить съ перепоя.

— Нѣтъ-ли чѣмъ опохмѣлиться, любезная тещенька? спрашиваетъ зять.

— Коли нѣтъ, говорить теща ласковымъ голосомъ: есть! По половицѣ, не для зятя, собаки, а для своего дитяти, говорить теща будто шутками.—Вотъ, говорить теща, кушай, да только, смотри, не обожгись.

Сказала это и достала изъ-за печки стаканъ вина и поднесла зятю. Тотъ, не перекрестясь и неблагословясь, духомъ выпилъ стаканъ. Хотѣлъ порожній стаканъ поставить на столъ, а онъ, то-ись стаканъ, самъ собой выпалъ изъ рукъ. Зять взглянулъ

на руки, а онѣ не руки, а волчьи лапы. Онѣ взглянулъ самъ на себя, и весь-то онѣ не человѣкъ, а волкъ, отъ головы до пятокъ волкъ! Зять съ мыслями еще не успѣлъ сообразиться, какъ теща и жена схватили одна ухватъ, другая кочергу и давай гнать его изъ избы. Въ дверь-ли, въ окно-ли, не помнитъ, зять выпрыгнулъ на дворъ. Тамъ собаки принялись рвать его. Онѣ на улицу,—и тамъ собаки. Онѣ въ лѣсъ, а тамъ волки,—и тѣ стали было пощипывать его. Однако вскорѣ заступился за него волчій предводитель, къ примѣру, атаманъ. Подошелъ онѣ къ оборотню, обнюхалъ его и зарычалъ на своихъ. Тѣ замолкли, присмирѣли, подошли къ оборотню, обнюхали его, полизали и хвостами завертѣли; значить, въ компанію къ себѣ приняли. Къ вечеру вся стая поднялась съ мѣста и пошла на промыселъ. Оборотень съ ней же. Дѣло было зимой, снѣгъ былъ глубокій, по брюхо волкамъ. Истовымъ волкамъ, знамо, это ни по чѣмъ, а оборотню куда какъ жутко было. Однако современемъ и онѣ обдержался, сталъ бѣгать, какъ и настоящій волкъ. Въ ту же почъ зарѣзали волки лошадь и стали ѣсть. На нихъ глядя, и оборотень присунулся было къ лошади, но ѣсть не могъ—въ душу не пошло. Замѣтилъ это волчій предводитель, подошелъ къ оборотню и знаками показалъ, какъ слѣдуетъ съ маханиной обращаться. Сперва волкъ положилъ лапу на маханъ—«гляди-де!», потомъ рванулъ зубами и вырвалъ кусокъ маханины; вырвалъ и бросилъ на снѣгъ; потомъ опять взялъ со снѣга въ зубы и три раза встряхнулъ въ воздухъ; напоследокъ сталъ ѣсть. Оборотень дѣлалъ точно также. И показала, послѣ того, оборотню маханина вкусной-превкусной, что твоя жареная гусятина иль-бо поросятина,—и сталъ онѣ уписывать еѣ за обѣщечки. Съ этого самаго раза оборотень и языкъ волчій сталъ понимать, сталъ и разговаривать съ волками, а всѣ человѣческіе помыслы изъ головы совсѣмъ вышли, одно слово, сдѣлался настоящимъ волкомъ, будто и не былъ никогда человѣкомъ.

Такимъ манеромъ цѣлыхъ три года оборотень жилъ съ волками и вошелъ у волковъ въ большую славу, какъ храбрый, не боязливый, ловкій и проворный рѣзакъ. Бывало, никто лучше не подцѣпнеть и не зарѣжетъ овцу, корову иль-бо другую какую скотину. Старого предводителя гдѣ-то убили на промыслѣ. На мѣсто его волки выбрали себѣ атаманомъ оборотня: ужъ больно ловокъ былъ, пострѣлъ! Черезъ три года, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, пришелъ оборотень въ человѣчій разумъ и

вспомнилъ прежнему свою человѣчью жизньъ, вспомнилъ и тещинку свою любезную. И захотѣлось ему отомстить тещѣ, чѣмъ возможно. Чтожь, зачѣмъ дѣло стало? Подъ началомъ цѣлая стада волковъ! Въ одну ночь онъ и скомандовалъ волкамъ, чтобы шли за нимъ. Волки повиновались и пошли. Подошли къ тому селу, гдѣ жила теща оборотисва, зашли задомъ къ тещини двору—знамо, оборотень показывалъ,—вѣзли на базѣ, гдѣ овцы содержались, разломали сверху дыру и спустились въ базъ, чтобы перерѣзать у тещи веѣхъ овецъ, — такой приказъ былъ отъ оборотня. Спустились въ базъ и попали въ западню: овецъ въ базѣ не было. Правда, были двѣ-три ледащія овцы, да шутъ-ли въ нихъ? Волкамъ, а пуще оборотню, не того хотѣлось. Ну, нѣтъ овецъ — это еще не бѣда: «на шѣтъ и суда шѣтъ»; а то бѣда, что волкамъ вылѣзть изъ база нельзя,—вотъ это для волковъ скверно! Прежде они, пострѣлы, такъ дѣлали: залѣзуть, бывало, къ комунибудь въ овчарню, нарѣжутъ овецъ много-много, накладываютъ ихъ полѣнницей и по нимъ вылѣзутъ вонъ. А теперь не то вышло; значитъ, нашла юса на камень. Пробовали волки стѣну грызть,—скоро ли прогрызешь: стѣна толстая, изъ сыраго кирпича. Принялись за дверь и около нея ничего не взяли: дверь была дубовая, обита желѣзомъ. Стали землю рыть, чтобы подъ стѣну подрываться,—и тутъ ничего не взяли: земля мерзлая, нескоро подроешься.—Взвыли волки и въ досадѣ кинулись на оборотня, что завелъ ихъ въ такое мѣсто. Растерзали бѣ волки оборотня, еслибъ не подошли въ эту минуту къ дверямъ люди. Волки осѣлись, притихли, поджали хвосты и забились въ уголъ. Оборотень, не живъ, ни мертвъ, забился въ другой и слышитъ на дворѣ за дверью голосъ тещи. Та смѣхомъ говоритъ сыновьямъ:

— Гость дорогой пришелъ, да не одинъ, а съ цѣлой компаніей. Приготовьтесь, дѣтушки, хорошенько угостить.

Сказано, теща была колдунья. Она знала и день и часъ, когда зять-оборотень вернется; припасла къ тому времени такой крипкій базъ и оставила въ немъ, для приманки волкамъ, двѣ-три паршивыя овцы, а остальныхъ припрятала въ другое мѣсто.

Немного погодя, растворилась дверь и въ базъ вошла теща съ фонаремъ и съ веревкой въ рукахъ. За нею вошли три сына ея, три здоровенные мужика, съ топорами и веревками. Подошла теща къ волкамъ, посмотрѣла на нихъ, пересчитала—ихъ было двѣнадцать—и говоритъ: «Хороши гости, нарядные». А волки,

словно снулые, сидятъ на заднихъ лапахъ, не шевелятся; нечистая сила и ихъ пригвоздила. Потомъ подошла теща къ оборотню, погладила его по головѣ, смѣется и говоритъ:

— Что, мой другъ, соскучился видно объ насъ? Навѣстить пришелъ? Милости просимъ!

Сказала это и накинула оборотню на шею веревку и повела вонъ изъ база.

— А вы, говоритъ она сыновьямъ, угостите пріятелей его, какъ должно. Скиньте съ нихъ тѣлупы-то, чай, жарко имъ въ нихъ.

Привела теща оборотня въ избу, поставила супротивъ печки, достала изъ-за печки стаканъ вина и подала оборотню. — «Выпей!» говоритъ теща. — Оборотень не знаетъ, какъ съ стаканомъ сладить. Теща велѣла ему сѣсть на заднія лапы, а переднія протянуть. Онъ такъ и сдѣлалъ. Теща вставила ему стаканъ между лапъ и помогла выпить. Оборотень выпилъ и въ тотъ же мигъ обратился опять въ человѣка. Тогда теща и говоритъ зятю:

— Не разъ говорила я тебѣ: не бей мою дочь; но ты не слушалъ. Теперь пѣнай самъ на себя. Но, любезный зятюшка, это только одни цвѣточки, а ягодки еще впереди. Берегись! Если отыньгъ слово одно услышу отъ дочери, что ты обижаешь ее, то оборочу тебя въ волка на цѣлую жизнь.

Зять, знамо дѣло, клянется передъ тещей всѣми богами, что не будетъ обижать жену, а у самого на умѣ одно, какъ бы только вырваться живому отъ тещи. Та напоила его, накормила и отпустила домой; дала ему и одежду, а его одесженка, что была на немъ, вся износилась, покуда оборотнемъ ходилъ. — Лишь только вырвался отъ тещи, зять и побѣжалъ, сломя голову, куда глаза глядятъ; и въ село свое не зашелъ, и отъ жены, и отъ дома, и отъ всего сродства своего отступился, — пошелъ, значить, странствовать.

Показывалъ этотъ чловѣкъ мнѣ руки свои. На всѣхъ, сударь мой, пальцахъ первыхъ суставовъ не было: отморозилъ онъ ихъ въ первую зиму, какъ оборотнемъ бѣгалъ! А на ногахъ пальцы уцѣлѣли, по той самой причинѣ, что на ногахъ сапоги были. Послѣ, знамо, и сапоги износились, да ничто: ноги, значить, обдержались.

Мужичка этого я видѣлъ старичкомъ. Бакчи онъ у насъ караулилъ. Послѣ, какъ слышно было, ушелъ онъ на Иргизъ и постригся въ монахи. Это было въ ту пору, когда иргизскіе монастыри не были еще раззорены, заключилъ старикъ.

О НѢКОТОРЫХЪ СРѢДНѢВѢКОВЫХЪ ОБВИНЕНІЯХЪ ПРО- ТИВЪ ЕвРЕЕВЪ.

Если заглянуть въ древнѣйшія, и даже новѣйшія, обыкновенно списанныя съ первыхъ, враждебныя евреямъ сочиненія, то можно подумать, что евреи настоящіе людоеды и враги всего человѣческаго рода. Припомнимъ, что въ числѣ другихъ обвиненій, поднятыхъ образованнымъ языческимъ міромъ противъ первыхъ христіанъ, было тоже самое, — будто они враги человечества; а знаменитый *Тацитъ* говоритъ даже, будто они положительно были уличены въ этомъ порокѣ! Нужно ли защищать христіанъ противъ такого обвиненія? Слава Богу—нѣтъ! Религіозная нетерпимость изобрѣтательна; она клеветаетъ безъ всякой критики. Какой-то знаменитый адвокатъ сказалъ: «дайте мнѣ на бумагѣ два слова о какомъ нибудь безупречномъ человѣкѣ, и я доведу его до висѣлицы». Но раввинская, почти двухтысячелѣтняя, литература заключаетъ въ себѣ до 20 тысячъ томовъ; въ этой громадной литературѣ врагамъ евреевъ удалось отыскать нѣсколько мыслей, не согласныхъ съ нашими современными понятіями и воззрѣніями. Не правда ли, это ужасно! Но мы спрашиваемъ, есть ли въ мірѣ какая либо древняя или новая литература, въ которой всё было бы чисто, свято, безукоризненно? О Талмудѣ и еврейской литературѣ имѣются вообще самыя ложныя понятія. Вообще между христіанами господствуетъ почти всеобщее убѣжденіе, будто въ глазахъ евреевъ всякое положеніе, находящееся въ Талмудѣ, и вообще въ какой бы то ни было книгѣ, писанной еврейскими буквами, непременно почитается святымъ и непреложнымъ. Врагамъ евреевъ, какъ *Эйзенменгеру* съ братіей, стоило по этому лишь привести какое нибудь одиночное выраженіе, безсвязно выхвачен-

ное изъ какойнибудь еврейской книги, чтобы сдѣлать его орудіемъ противъ евреевъ. Никто не спрашивалъ: принято ли это положеніе евреями? въ какомъ отношеніи находится оно къ кореннымъ принципамъ іудаизма? при какихъ обстоятельствахъ это положеніе высказано, и какимъ авторитетомъ пользуется между евреями авторъ или книга, изъ которой это мнѣніе вырвано? Этыхъ и подобныхъ вопросовъ никто не задавалъ свѣтъ; какъ въѣрно какаянибудь нечѣпность могла быть указана, хоть бы даже въ послѣдней лубочной книжонкѣ, писанной поеврейски ее тотчасъ обращали въ обвинительный актъ противъ евреевъ. Обвинителямъ евреевъ никогда и въ голову не приходило, чтобы нечѣпность, встрѣченная въ еврейской книгѣ, могла быть небольшою, какъ нечѣпностью; они перерыли всю еврейскую литературу, съ единственною цѣлію находить въ ней обвиненія противъ евреевъ. Притомъ, почти всѣ эти обвинители были теологи, которымъ чужда была всякая мысль о критическомъ изслѣдованіи источниковъ, исторической оцѣнкѣ фактовъ и о сопоставленіи этихъ послѣднихъ съ всеобщими историческими событіями. Въмѣсто здоровой критики, ихъ единственнымъ руководителемъ была ненависть къ евреямъ. Но если имѣть въ виду слѣдующія здравыя соображенія, то всѣ обвиненія эти обращаются въ ничто.

Талмудъ не есть какаянибудь готовая, завершонная книга, въ которой *всѣ* положенія и изрѣченія считались бы у евреевъ ненарушимыми правилами жизни. Происхожденіе Талмуда таково: въ концѣ 2 вѣка въ Палестинѣ впервые предано письму первое собраніе законовъ, подъ именемъ *Мишны*. Въ началѣ 3 вѣка сдѣланы были другія болѣе краткія собранія, составлявшія какъ бы дополненія къ Мишнѣ, подъ именемъ *Борайта* и *Тосефата*. Въ этихъ собраніяхъ находятся самыя разнорѣчивыя воззрѣнія древнѣйшихъ раввиновъ, болѣею частію безъ опредѣленнаго рѣшенія, которому нужно слѣдовать въ религіозной практикѣ. Около 220 года послѣ Р. Х. въ Вавилоніи основаны двѣ великія раввинскія академія, существовавшія до половины XI вѣка. Въ этихъ и другихъ Вавилонскихъ академіяхъ до конца 5 вѣка исключительно занимались изъясненіемъ и развитіемъ уже имѣвшихся собраній законовъ, трактуя о содержащихся въ нихъ постановленіяхъ и о вновь представлявшихся религіозныхъ вопросахъ. Всѣ эти изъясненія, дополненія, разсужденія и пр., въ теченіи почти 200 лѣтъ, не только неимѣли какогонибудь кодекфикаціоннаго порядна, но даже и не записывались, а по общеупотреб-

тельному на востокъ методу, преподавались устно и сохранялись въ памяти. Только въ концѣ 4-го и въ началѣ 5 вѣка Рабъ Ами началъ приводить въ порядокъ страшно накопившійся талмудическій матеріалъ; но и онъ, по всей вѣроятности, ничего еще не предалъ письму. Преемники его продолжали его трудъ, приводили въ порядокъ и распространяли имѣвшійся матеріалъ, и начали уже постепенно записывать его. Преслѣдованія, воздвигнутыя на евреевъ въ царствованіе *Иесдиуда II* отъ 455—460 г., и сына его *Фируза* отъ 471—488 г., при которыхъ упомянутыя академіи были разрушены, а собранія раввиновъ запрещены,—воспрепятствовали продолжать этотъ трудъ. Послѣдующіе раввины, стоявшіе во главѣ академій до начала 6 вѣка старались какъ нибудь собрать это твореніе, и кое какъ закончить его. *Талмудъ при этомъ все-таки остался неоконченнымъ*: составляя, нѣкоторымъ образомъ, комментарий къ упомянутой нами *Мишнѣ*, онъ заключаетъ изъясненія только около 40 трактатовъ *Мишны*, тогда какъ въ ней заключается 60 трактатовъ, и такимъ образомъ 20 остались вовсе неясненными *Талмудомъ*. Въ самомъ *Талмудѣ* находится множество противорѣчій, противоположныхъ мнѣній и нерѣшенныхъ вопросовъ, такъ что ясно видно, что онъ и внутренно оставался незаконченнымъ. *Талмудъ* въ самомъ дѣлѣ есть нѣкоторымъ образомъ собраніе *протоколовъ* засѣданій палестинскихъ и вавилонскихъ академій, въ теченіе почти 500 лѣтъ, о различныхъ религіозныхъ вопросахъ, гдѣ самыя противоположныя мнѣнія находятъ одно подлѣ другаго, и гдѣ обсуждаемые вопросы очень часто, по причинѣ прекращенія засѣданій, по какимъ нибудь внѣшнимъ обстоятельствамъ, оставались нерѣшенными.

Понятно, что не *все* находящіяся въ этомъ хаосѣ противорѣчающія и исконныя изрѣченія и мнѣнія могутъ быть обязательны для евреевъ. Чтобы вывести изъ этой путаницы, которую нѣкоторые раввины въ шутку назвали вавилонскимъ смѣшеніемъ языковъ, положительныя нормы для религіозной практики,—раввины почти съ 8-го вѣка старались дѣлать изъ *Талмуда* извлеченія и установить такимъ образомъ опредѣленные кодексы законовъ. Но такъ какъ при этихъ работахъ раввины, чтобы, какъ они выражаются, «въ лабиринтѣ талмудическаго лѣса проложить прямыя пути», слѣдовали различнымъ методамъ и принципамъ,—то и результаты, естественно, вышли различные.

Послѣ всего сказаннаго нами очевидно, что нѣтъ ничего

смѣнѣ и мелѣѣ, какъ вырвать какое либо одиночное мнѣніе или изрѣченіе изъ Талмуда, или другой какой либо еврейской книги, и употребить его обвинительнымъ пунктомъ противъ евреевъ, какъ это дѣлали *Эйзенменгеръ* и подобные ему. Приводя какое либо изрѣченіе или мнѣніе, нужно сперва спросить: 1) какому раввину принадлежитъ оно; 2) считается ли это мнѣніе религиознымъ авторитетомъ у евреевъ: ибо въ Талмудѣ есть мнѣнія и такихъ раввиновъ, о которыхъ повѣствуется, что они были изгнаны изъ академіи; 3) есть ли это единичное мнѣніе, или оно согласуется съ основными принципами раввинизма, и наконецъ 4) признаютъ ли позднѣйшіе евреи силу за этимъ изрѣченіемъ, и имѣло ли оно какое либо влияние на религиозную практику евреевъ? Приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ, чтобы уяснить и подтвердить сказанное.

Извѣстно, что вѣрованіе въ прішествіе мессіи и въ наступленіе мессіева времени было совершенно выработано и общезнѣстно между евреями еще задолго до Р. Х. Это вѣрованіе донынѣ принадлежитъ къ основнымъ догматамъ іудаизма; оно вошло въ составленные *Маймонидомъ* и принятые всѣми евреями 13 символовъ вѣры, и находится во всякомъ еврейскомъ молитвенникѣ. Вѣрованіе это также глубоко вкоренено въ религиозную жизнь евреевъ, какъ вѣра въ единство Божіе, откровеніе и т. под. Мольбы о ниспосланиіи мессіева времени составляютъ содержаніе большей части молитвъ еврейскихъ. Не смотря, однакожь, на это, въ Талмудѣ находится изрѣченіе одного знаменитаго раввина, который ясно говоритъ, что *евреи не должны ожидать никакого мессіи*; ибо, говоритъ онъ, пророчества объ этомъ предметѣ исполнились уже въ царствованіе Езекии. Какъ нелѣпо было бы изъ этого одиночнаго мнѣнія заключить, что Евреи не ожидаютъ мессіи! А между тѣмъ большая часть обвиненій со стороны враговъ евреевъ основываются на такихъ одипочныхъ изрѣченіяхъ, которыя на дѣлѣ стоятъ въ рѣшительномъ противорѣчій съ живымъ іудаизмомъ. Равнымъ образомъ въ Талмудѣ находятся нѣкоторые религиозные обряды и постановленія, которые по разнымъ причинамъ или вовсе не нашли себѣ примѣненія, или теченіемъ времени преданы забвенію. Въ Талмудѣ встрѣчаются также религиозно-гражданскія постановленія, которыя были отмѣнены раввинами среднихъ вѣковъ, такъ какъ они оказались несообразными времени. Такъ напр., *полшамія* положительно дозволена Талмудомъ, а у ев-

рость она съ XI вѣка строжайше воспрещена. По предписаніямъ Талмуда, мужъ можетъ развестись свободно съ своею женою, даже почти противъ ея воли; съ XI же столѣтія это положительно воспрещено, и разводъ можетъ совершиться только съ обоюднаго согласія.

Далѣе, Талмудъ заключаетъ въ себѣ два различные элемента, именно *Галаху* и *Агаду*. Первая занимается религиозными постановленіями и обрядами іудаизма, и евреи считаютъ результаты ея обязательными для себя, вторая же имѣетъ экзегетически-легендообразный характеръ и заключающіяся въ ней изрѣченія и иптія считаются большею частью еврейскихъ авторитетовъ не обязательными. Въ этой *Агадѣ* находятся въ самомъ дѣлѣ возвышенныя философскія воззрѣнія подлѣ дѣтскихъ и нелѣпныхъ иптія, и такъ какъ евреи не считаютъ *Агаду* для себя обязательною, то имъ предоставлено на волю выбирать оттуда все хорошее, и отвергать остальное, — что евреи во всѣ времена дѣйствительно и дѣлали. Такъ напр., нѣкоторые раввины понимали возмездіе въ будущей жизни, какъ нѣчто грубое, матеріальное; другіе напротивъ представляли его чисто духовнымъ, и изображаютъ мессіаново время какъ эпоху всеобщаго мира, когда человечество достигнетъ высшаго познанія, и когда истина и добро одержать побѣду надъ зломъ и безбожіемъ. Евреи среднихъ вѣковъ повсемѣстно приняли это послѣднее пониманіе мессіанова времени, и единогласно отвергли первое. Кромѣ того, въ *Агадѣ* очень часто находятся чистыя понятія о Богѣ, подлѣ довольно грубыхъ и антропоморфическихъ воззрѣній на божество; въ средніе же вѣка и позже основнымъ догматомъ іудаизма было вѣрованіе, что Богъ не мыслимъ какъ тѣло, что онъ не имѣетъ ничего тѣлеснаго, и что ему нѣтъ никакого подобія. Этотъ догматъ, не смотря на всѣ антропоморфическія воззрѣнія *Агады*, находится во всякомъ еврейскомъ молитвенникѣ, и каждый благочестивый еврей произноситъ его ежедневно, а также передъ смертію, какъ основной членъ своей вѣры.

Въ средніе вѣка евреи не имѣли ни синодовъ ни соборовъ, — во крайней мѣрѣ съ такою властью, какъ христіанскіе, — ни патріарховъ, ни папъ, которые могли бы окончательно рѣшать ихъ религиозные вопросы и недоумѣнія. Въ религиозной практикѣ существуетъ, конечно, между раввинами единогласіе касательно всѣхъ важнѣйшихъ религиозныхъ вопросовъ, а разногласія касаются только второстепенныхъ предметовъ; напротивъ, касатель-

но общих, отвлеченных религиозных воззрѣній и понятій, мало или вовсе не вліяющихъ на религиозную практику, между евреями донынѣ существуетъ замѣчательная неопредѣленность, такъ что каждый мыслящій еврей понимаетъ это сообразно степени своего образованія, настроенію духа и собственному взгляду. Въ этомъ отношеніи іудаизмъ составляетъ совершенно противоположность христіанству. Въ этомъ послѣднемъ *религіозная практика* не такъ сильно проникаетъ повсюдственную жизнь мірянина; напротивъ, *отвлеченные догматическіе* вопросы точно и опредѣлительно установлены церковью, такъ что вѣрующій христіанинъ ни на волосъ не можетъ уклониться отъ установленнаго. Въ іудаизмѣ, напротивъ, господствуетъ совершенно противоположное. Религіозная практика глубоко проникаетъ малѣйшія подробности повседневной жизни, и раввины всѣхъ временъ постоянно старались съ величайшею, педагогическою точностью опредѣлить всѣ сколько нибудь важные вопросы религиозной практики; что же касается отвлеченныхъ догматическихъ вопросовъ, то основные пункты, какъ напр. ученіе о единствѣ Божіемъ, о провидѣніи, о возмездіи въ будущей жизни, воскресеніи мертвыхъ и т. под., — принадлежатъ въ своихъ *общихъ идеяхъ* принятому всѣми евреями ученію, но въ частномъ, специальномъ разумѣніи этихъ вопросовъ, напр., какъ слѣдуетъ понимать единство Божіе, возмездіе, воскресеніе и многіе другіе, не столь важные абстрактные религиозные вопросы, — тѣмъ здѣсь господствуетъ между евреями замѣчательная неопредѣленность. Поэтому въ чрезвычайно богатой еврейской литературѣ среднихъ и новѣйшихъ вѣковъ встрѣчаются самыя разнообразныя воззрѣнія на эти вопросы, начиная съ возвышенныхъ, истинно философскихъ и истинно гуманныхъ мнѣній, дѣлающихъ честь іудаизму, до нелѣпыхъ, дѣтскихъ, доходящихъ до смѣшного.

Послѣ всего сказаннаго нами очевидно, что не слѣдуетъ дѣлать никакихъ общихъ заключеній по *одиночнымъ* мнѣніямъ изрѣченіямъ, встрѣчаемымъ въ Талмудѣ или въ другой какой-либо еврейской книгѣ, — какъ это дѣлали и еще дѣлаютъ враги евреевъ и разные диллетанты — писатели о іудаизмѣ; но, какъ мы уже сказали, нужно сперва задать себѣ поставленные нами выше вопросы, т. е. когда, какъ, кѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ высказано было то или другое мнѣніе; принято оно іудаизмомъ и пр., — и тогда уже дѣлать заключеніе. Для того же, чтобы быть въ состояніи сдѣлать это, нужно въ с

нужно знать литературу, исторію развитія религіи и релігіозную жизнь евреевъ. Вотъ почему при изслѣдованіи и уясненіи нами, сдѣланномъ выше, отношеній евреевъ къ послѣдователямъ христіанства и другихъ вѣроисповѣданій, мы не ограничились приведеніемъ только нѣкоторыхъ одиночныхъ мнѣній, всесторонне разбираемаго нами предмета, но, рискуя опасностью наскучить читателю, привели рядъ положеній отъ христіанской эпохи до нашихъ дней. И мы полагаемъ, что въ достаточной мѣрѣ показали — какіхъ именно слѣдуетъ держаться мнѣній, чтобы не быть въ заблужденіи касательно коренныхъ началъ іудаизма и дѣйствительной жизни евреевъ.

Разсмотримъ теперь въ частности обвинительные пункты, подіятые врагами евреевъ, противъ іудаизма.

Іудаизмъ, говорятъ они, враждебенъ вообще всему остальному населенію земли. Мы выше доказали противное, и тѣмъ устранили силу доказательствъ тѣхъ одиночныхъ мнѣній, которыя они успѣли отыскать въ 20000 томахъ еврейской литературы. И дѣйствительно, во всемъ раввинскомъ законодательствѣ находится одно только постановленіе, которое стоитъ въ рѣшительномъ противорѣчій съ нашими современными юридическими понятіями. Это—именно слѣдующее: по раввинскому законодательству, какъ мы уже видѣли, пельзя ограбить, обмануть и пр., даже и изычника; но еврей не обязанъ возвращать язычку потерянное, или по какой либо *ошибкѣ* доставшееся еврею языческое имущество, если владѣлецъ этого послѣдняго не требовалъ его; оправданіемъ такого постановленія законъ считаетъ то, что и язычники *держатся* такого образа дѣйствій по отношенію къ евреямъ. Постановленіе это теперь отвергнуто. Но если взять въ соображеніе слѣдующіе факты, то нѣтъ никакого повода осуждать евреевъ даже и за то, что у нихъ *существовало* подобное постановленіе. До VII столѣтія почти во всей Европѣ господствовало такъ называемое береговое право (*ius littoris*), по которому береговымъ владѣльцамъ дозволялось завладѣвать грузомъ судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе у ихъ берега, — каковымъ правомъ они всегда и пользовались. Очень часто даже береговые жители завладѣвали и экипажемъ этихъ судовъ, такъ что несчастные, избывнушіе ярости волнъ, попадали въ рабство. Такимъ вопіющимъ образомъ поступали христіане съ христіанами еще 1500 лѣтъ послѣ того, какъ сдѣлано было это далеко не въ такой степени возмутительное постановленіе

раввиновъ относительно *язычниковъ*. Далѣе: военное право кон трибуціи и конфискаціи имущества мирныхъ христіанскихъ жи телей, по нашему мнѣнію, далеко предосудительнѣе, чѣмъ эт раввинское постановленіе. При томъ раввины, еще въ средні вѣка, многократно уже повторяютъ въ различныхъ кодексахъ законовъ, что это постановленіе относится только къ древнимъ языческимъ народамъ, не жившимъ въ законосоціальныхъ от ношеніяхъ, но никакимъ образомъ не касается современныхъ на родовъ, которые живутъ въ законоустроенныхъ гражданскихъ обществахъ и наказываютъ всякое преступленіе. Кромѣ этого раввины того времени присовокупляютъ, что хотя евреи, согласно помянутому предписанію, не имѣютъ *юридической* обязанност возвращать, безъ востребованія, найденное имущество язычниками, поступая такимъ образомъ, они все-таки оскорбляютъ имя Бо жіе. Еще въ древне-раввинской литературѣ приводятся много численные рассказы о благочестивыхъ раввинахъ, которые вс гда возвращали всякое потерянное, или другимъ незаконнымъ образомъ доставшееся имъ, имущество язычниковъ. Многіе ра вины даже положительно говорятъ, что на такомъ, незакон нымъ образомъ пріобрѣтенномъ, имуществѣ тяготѣтъ прокля тіе, и что, напротивъ, возвращающіе его владѣльцу заслужива ютъ благословенія Божія.

Въ Талмудѣ и въ еврейской литературѣ, говорятъ далѣе об винители евреевъ, господствуетъ ненавистное и враждебное на строеніе въ частности относительно христіанъ и христіанства. Это обвиненіе обязано своимъ происхожденіемъ отчасти нед разумнѣямъ, отчасти нелѣпой и смѣшной привычкѣ обвиняе все еврейство за все, что только находится въ какой-нибудь еврейскими буквами написанной книгѣ.

Выше мы показали, что *Эйзенметеръ* и другіе враги евреевъ относили всѣ мѣста Талмуда и другихъ твореній древней рав винской литературы, въ которыхъ говорится о *минеехъ*, и христіанамъ вообще, и на этомъ основали свои обвиненія пр тивъ евреевъ. Но мы тутъ же доказали, что подъ именемъ *минеевъ* понимаются не всѣ христіане, а только *отпавшіе отъ иудаизма еврейско-христіанскія секты*, которыя были осуж даемы и преслѣдуемы христіанскою церковью еще строже чѣмъ евреями.

Въ Талмудѣ и въ другихъ древнѣйшихъ раввинскихъ сочи неніяхъ находится также странное мнѣніе, что римляне, всецѣ

ю или отчасти, происходятъ отъ *эдомитякъ*. Въ составленной около половины X вѣка въ Испаніи книгѣ : *Josippon*, которая можно приписывается *Иосифу Флавію*, легенда о происхожденіи римлянъ отъ эдомитянъ, переходитъ въ цѣлый романъ, такъ что въ ней подробно расказывается какъ внукъ *Исава, Софаръ*. (Бытія XXXVI, 11 и 15) бѣжалъ въ Италію и сдѣлался тамъ царемъ. Въ этой же книгѣ приводится длинный рядъ царей Лаціума, которые, будто бы, произошли отъ этого эдомитянина. Въ древней раввинской литературѣ, особенно въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя были писаны въ Палестинѣ, очень часто говорится о римлянахъ, которые такъ часто называются *эдомитянами*; въ этихъ же сочиненіяхъ, между прочимъ, находятся въ высшей степени характеристическія и интересныя изображенія жестокаго и безчеловѣчнаго образа дѣйствія римскихъ чиновниковъ въ восточныхъ провинціяхъ, грабительной и хищнической системы римскихъ проконсуловъ, префектовъ, субъ-префектовъ, полководцевъ, доносчиковъ и всего остальнаго римскаго чиновничества, бывшаго, при порочномъ государственномъ управленіи большей части римскихъ императоровъ, истинными вампирами провинцій. Всѣ эти мѣста, гдѣ говорится такъ враждебно о римлянахъ, до такой степени ясны и характеристичны, что *нельзя и на минуту усомниться*, чтобы здѣсь рѣчь шла о комъ нибудь другомъ, кромѣ римлянъ, даже и тогда, когда они называются *эдомитянами*. Далѣе, положительно вѣрно и то, что многіе (хотя не всѣ) изъ жившихъ въ Европѣ средневѣковыхъ еврейскихъ авторовъ употребляли имя *эдомитянинъ*, вмѣсто *христіанинъ*; причиною этому было то, что древніе раввины называли римлянъ, какъ мы уже замѣтили, *эдомитянами*; а такъ какъ *Римъ* почти съ X вѣка былъ центромъ всего западнаго христіанства, то многіе еврейскіе средневѣковые раввины очень естественно перенесли имя *эдомитянкъ* и на *христіанъ*.¹²³ Враги іудаизма, какъ *Эй-*

¹²³ Подобныхъ перенесеній именъ народовъ и сектъ очень много. Такъ напр. слово *Ελληνες*—греки означаетъ у отцевъ церкви *язычниковъ*, откуда происходятъ церковно-славянскія *еллинъ* и *еллинскій* въ смыслѣ *язычникъ* и *языческій*. *Арамей*, т. е. спрянянъ, означалъ въ позднѣйшей сирійской литературѣ *язычника*. *Цендиками* сначала называли магометане нѣкоторыхъ послѣдователей Зароастра, послѣ это названіе было перенесено на *манхеевъ* и наконецъ названіе *цендикъ* сдѣлалось равнозначущимъ съ именами: еретикъ, вольнодумецъ, атеистъ. Такимъ же образомъ *мондаиты* сначала назывались *сабелами*; послѣ это имя перенесено было на *язычниковъ* въ сѣ-

землемѣръ и его подражатели, знали объ этомъ; и этого обстоятельства для нихъ было достаточно, чтобы совершить возмутительную несправедливость противъ евреевъ, примѣнивъ къ христіанамъ всё встрѣчаемая въ *древнѣйшей* раввинской письменности, враждебныя выраженія объ *эдомитянахъ*, т. е. римлянахъ. Вотъ на какомъ основаніи создали они свои ужасныя обвиненія противъ евреевъ! Такихъ преднамѣренныхъ или непреднамеренныхъ недоразумѣній много. Такъ они относили къ христіанамъ и всё встрѣчающіяся въ раввинской литературѣ враждебныя выраженія о *язычникахъ* или *самаритянахъ*, обыкновенно называемыхъ раввинами *хутей*; ¹²⁴ но мы выше доказали изъ основныхъ принциповъ раввинизма, изъ множества еврейскихъ сочиненій всѣхъ временъ и странъ и наконецъ изъ религиозной практики евреевъ, что эти выраженія и предписанія не относятся и не могутъ относиться къ христіанамъ.

Если гуманно и безъ предразсудковъ посмотрѣть на поднятыя противъ евреевъ обвинительныя пункты, то всё эти обвиненія исчезаютъ даже тамъ, гдѣ обвинители говорятъ правду. Евреи, говорятъ они, хулятъ въ своихъ сочиненіяхъ Христа и христіанъ, поносятъ и проклинаятъ этихъ послѣднихъ. Обвинители совершаютъ въ этомъ случаѣ величайшую несправедливость: во первыхъ тѣмъ, что они поступокъ одного человѣка взваливаютъ на всю націю, и во вторыхъ тѣмъ, что они упускаютъ изъ виду обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ какой-то человѣкъ изъ еврейской націи говорилъ что-то враждебное о христіанахъ. Дѣло вотъ въ чемъ.

Поношенія противъ христіанъ находятся собственно въ одной ничтожной книжонкѣ *Толдотъ-Иешу*, т. е. жизнь Христа. Эта книжонка, страницъ въ 30, полна самыхъ смѣшныхъ анахронизмовъ и нелѣпостей; никакой еврей, даже величайшіе знатоки еврейской литературы, не знаютъ кѣмъ, когда и гдѣ сочинена она; и мы можемъ увѣрить, что эта жалкая книжонка не пользуется никакимъ уваженіемъ между евреями. Извѣстный ученый монахъ, *Де Росси*, великій знатокъ еврейской литературы, говоритъ объ этой книжонкѣ слѣдующее: «Вплетенныя въ неё сказки такъ грубы, нелѣпы и безсвязны, что онѣ не могутъ, даже въ северной Мессопотаміи, и наконецъ имя *сабей* сдѣлалось равнозначащимъ съ именемъ *язычникъ* вообще. Срав. сочиненіе мое: *Die Ssabier und der Ssabismus* I, стр. 280 и д.

¹²⁴ Согласно 4 царствъ XVII, 24 и 30.

ной малой вѣрѣ, вредить христіанской религіи. Напротивъ, находящіяся въ ней сказанія о чудесахъ, совершенныхъ *Иисусомъ* будто бы силою *Шемъ-Гамфорамъ*, т. е. имени Божьяго, способствуютъ къ утвержденію ихъ вѣрности, почему и сами христіане не стѣсняются публиковать эту книжонку.» «Ученѣйшіе раввины, говоритъ *Де-Росси* далѣе, такъ убѣждены въ вышнеленности содержанія этой книжонки, что я не нахожу ни одного между ними, который бы въ религіозныхъ диспутахъ съ христіанами рѣшился когда-нибудь сослаться на эту книжонку, какъ на подлинную и достовѣрную. Евреи краснѣютъ даже отъ стыда при мысли, что такое отвратительное исчадіе могло быть произведено евреемъ.» *Де-Росси* сообщаетъ еще извлеченіе изъ письма къ нему итальянскаго раввина, *Израэля Бенъямине Бас-саки*, отъ 1773 г. гдѣ этотъ пишетъ ему слѣдующее: «Я нигдѣ различныя рукописныя экземпляры *Толдотъ Іешу* и одинъ печатный¹²⁵; сочиненіице это ничего не содержитъ кромѣ вымысловъ; ибо у евреевъ не имѣется ничего историческаго объ *Иисусѣ Христѣ*, кромѣ случайно сохранившихся въ трактатѣ *Sanhedrin* немногихъ словъ. Все остальное, выдающее себя за древне-раввинскія произведенія, есть *чистый обманъ* (è assoluta impostura).¹²⁶ *Саломонъ-цэви-Уфгузель* не вѣритъ даже, чтобы эта книжонка принадлежала еврею, а *Моисей Мендельзонъ* говоритъ, что это одна изъ тѣхъ книжонокъ, которыхъ никакой еврей не знаетъ и не читаетъ. И вотъ эта-то самая книжонка, столь рѣшительно отвергаемая евреями, такъ что они не знаютъ ни ея ни автора, ни время ея сочиненія, до сихъ поръ доставляла врагамъ евреевъ большую часть обвиненій противъ нихъ, какъ будто она принята всѣмъ еврействомъ, съ признаніемъ ея достовѣрности и подлинности.

Мы спрашиваемъ: можетъ ли быть что нибудь негѣпѣе и несправедливѣе такихъ поступковъ? Что сказали бы христіане, еслибы какому-нибудь еврею или магометанину вздумалось увѣрить, что христіане, вообще, возмутительно безнравственны, преданы прелюбодѣйству; любовницы играютъ у нихъ величайшую роль и вытѣсняють даже законныхъ супруговъ и пр. и пр., — и

¹²⁵ Евреи никогда не старались о распространеніи этой подложной книжонки, потому что находятъ, что это не стоитъ труда; напротивъ, двое христіанъ Вагензейль и Гульдерихъ напечатали ее съ латинскимъ переводомъ и возраженіями.

¹²⁶ См. De Rossi, Dizionario storico degli autori Ebrei II, p. 152 и слѣд.

еслибы, въ доказательство этому, такой еврей или магометанинъ сталъ приводить мѣста изъ сочиненій *Александра Дюма-фитс!* Наши обвиненія противъ евреевъ, въ этомъ случаѣ, нисколько не основательнѣе сужденій такого предполагаемаго порицателя христіанской нравственности.

Пойдемъ далѣе. Кромѣ знаменитой *Толтоды-Іешу*, во всей еврейской литературѣ, сколько донынѣ извѣстно, находится еще 5—6 сочиненій, направленныхъ противъ христіанства, изъ коихъ 2 написаны не раввинитскими евреями, а *караимами*. Важнѣйшее и обширнѣйшее изъ этихъ сочиненій, подъ заглавіемъ *Хиззукъ - Эмука* (укрѣпленіе вѣры), противъ котораго писали многіе христіане, въ томъ числѣ и принцъ орлеанскій, и которое Вольтеръ употребилъ орудіемъ противъ христіанства, — написано *караимомъ Исаакомъ бенъ-Абраамомъ* изъ *Трокъ* (въ Литвѣ), въ 1593 году. Одно это обстоятельство уже въ нѣкоторой мѣрѣ показываетъ, что духъ оппозиціи противъ христіанства, встрѣчаемый иногда въ еврейской литературѣ, не есть спеціальнѣйшій продуктъ *раввинизма*, ибо извѣстно, что караимы не признаютъ этого послѣдняго.

Теперь, если разсмотрѣть поводы, по которымъ евреи написали эти сочиненія противъ христіанства, то мы потеряемъ всякое право упрекать евреевъ. Евреи почти никогда не интересовались христіанствомъ и держали себя весьма равнодушно къ нему. Но въ средніе вѣка евреи, какъ извѣстно, очень часто силою принуждались къ диспутамъ съ монахами о христіанствѣ. Эти диспуты обыкновенно происходили въ присутствіи папъ, императоровъ, королей или князей, и когда евреи были объявляемы побѣжденными, ихъ очень часто принуждали принять христіанство. Чтобы быть готовыми къ такимъ вынужденнымъ диспутамъ, нѣкоторые раввины написали эти сочиненія, дабы менѣе искусные и не столь ученые имѣли готовые отвѣты и не были бы по крайней мѣрѣ принуждаемы къ христіанству, какъ побѣжденные. Всѣ эти сочиненія имѣютъ, по этому, характеръ теологическихъ диссертаций; они довольно умѣренны и по своему происхожденію скорѣе представляютъ собою защитительныя орудія для іудаизма, чѣмъ наступательныя противъ христіанства.

Кромѣ этихъ спорныхъ сочиненій, вызванныхъ фанатизмомъ самыхъ христіанъ, находятъ еще въ нѣкоторыхъ еврейскихъ сочиненіяхъ нападки на отдѣльные догматы христіанства. Такъ напр. въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, трактующихъ о теоретиче-

своѣ части еврейской религіи, въ главѣ о монотеизмѣ, опровергается ученіе о Св. Троицѣ; въ главѣ о мессіи и о мессіанскомъ времени обнаруживается наклонность доказать, что пророчества ветхаго завѣта о мессіи относятся не къ Спасителю, а къ ожидаемому евреями мессіи. Но мы спрашиваемъ какой свободный отъ предразсудковъ и справедливый человекъ станетъ обвинять евреевъ за то, что они, защищая или доказывая догматы своей религіи, опровергали противоположныя, христіанскія ученія? Мы, христіане, написали цѣлая бібліотеки книгъ противъ евреевъ, а съ 8 столѣтія и противъ магометанъ, и мы называли и называемъ Магомета ложнымъ пророкомъ. Что было бы съ нами, еслибы турки вздумали потребовать отъ насъ отчета за наши мнѣнія и особенно захотѣли подвергать за это гоненію нашихъ единовѣрцевъ? Мы прокричали бы на весь міръ о турецкомъ варварствѣ; наши посланники, наши арміи, флоты и пушки скоро заставили бы турокъ одуматься, но бѣдные евреи не имѣютъ ни посланниковъ, ни армій, ни флотовъ, ни пушекъ, а ихъ осуждаютъ и преслѣдуютъ за то, что нѣкоторые изъ нихъ, за нѣсколько столѣтій тому назадъ, защищая догматы своей религіи, опровергали противоположныя христіанскія ученія! Не въ порядкѣ ли это вещей, что различныя вѣроисповѣданія, защищая свои догматы, всегда нападаютъ на таковыя противной партіи! Протестанты спорятъ съ католиками, католики съ протестантами; тѣ и другіе спорятъ съ православными; эти послѣдніе—съ ними обоими. Такъ было всегда, и такъ будетъ еще долго. Евреи дѣлали такимъ образомъ то, что всѣ другія религіозныя партіи всегда дѣлали еще въ обширнѣйшихъ размѣрахъ и еще съ большею горечью. Не нужно при томъ забывать, что еврейскіе типографщики и издатели еще съ XVI столѣтія стали уже выбрасывать враждебныя христіанству мѣста, почему они почти вовсе незнакомы большинству самихъ евреевъ. Они находятся только въ весьма рѣдкихъ изданіяхъ изъ первой половины XVI столѣтія, и еще въ болѣе рѣдкихъ рукописяхъ. Эти антихристіанскія мѣста болѣею частью изданы только христіанскими учеными, которые, съ этою цѣлію, перерыли всѣ древнія изданія и рѣдкія рукописи.

Враги евреевъ находили и въ еврейскихъ молитвахъ предлоги къ обвиненію евреевъ; они приводятъ изъ нихъ различныя мѣста, которыми хотятъ доказать, что евреи проклинаютъ въ своихъ молитвахъ всѣ народы земли и особенно христіанъ

и призываютъ будто бы на нихъ гнѣвъ Божій. Причиною такихъ несправедливыхъ урсковъ были недоразумѣнія, отсутствіе критики, пристрастіе и несправедливость. Что особенно поражаетъ меня при чтеніи этихъ обвиненій, такъ это то, что большая часть цитатъ изъ еврейскихъ молитвъ, должествующихъ служить доказательствомъ этимъ обвиненіямъ, мнѣ совершенно незнакомы,—тогда какъ я знаю наизусть не только ежедневныя молитвы, но и молитвы для новаго года и для отпущенія грѣховъ. Но обстоятельство это объясняется очень просто: еврейскія молитвы обуславливаются такими же обстоятельствами, какъ и еврейская литература; всѣ эти молитвы принадлежатъ разнымъ временамъ; не всѣ онѣ одинаково распространены и далеко не всѣ пользуются одинаковымъ значеніемъ у евреевъ. Есть молитвы, составленныя еще задолго до Р. Х.; онѣ отличаются чистотою, ясностью и удобопонятливостью языка и уже въ древнѣйшей письменности упоминаются какъ общезвѣстныя. Такія молитвы рѣшительно безупречны; многія изъ нихъ по истинѣ прекрасны, и онѣ приняты всеми раввинитскими евреями. Кромѣ этихъ очень древнихъ молитвъ есть еще другія, позднѣйшія, но принадлежащія все-таки очень отдаленнымъ временамъ; онѣ состоятъ частью изъ псалмовъ, частью изъ гимновъ, составленныхъ изъ разныхъ стиховъ Св. Писанія, и также приняты евреями, хотя и не такъ обязательны, какъ первыя. Кромѣ еще этихъ молитвъ есть и огромное количество другихъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Шутимъ*, *Селихотъ* и пр., и составленныхъ въ періодъ времени отъ 8 — 17 вѣка.

Первымъ поводомъ къ составленію этихъ молитвъ было желаніе наполнить чѣмъ нибудь время, которое евреи остаются въ синагогахъ. У евреевъ искони существуетъ обычай въ праздничные дни не предаваться мірскимъ удовольствіямъ, но проводить большую часть дня въ синагогѣ, въ занятіяхъ молитвою, пѣніемъ духовныхъ гимновъ, чтеніемъ псалмовъ и слушаніемъ проповѣдей. Но такъ какъ древнія молитвы недостаточны для наполненія цѣлаго дня, то были сочинены новыя, различными авторами. По этому молитвы эти составлены обыкновенно не для будничныхъ дней, а для праздниковъ, постовъ и нѣкоторыхъ избранныхъ субботъ; а такъ же для дней покаянія, составляющихъ послѣдніе дни истекающаго года и первые дни наступающаго, когда Богъ, по общему вѣрованію евреевъ, судитъ всѣхъ людей, и наконецъ для дня отпущенія грѣховъ. Изъ числа этихъ

молитвъ одиѣ написаны во время какихъ нибудь великихъ преслѣдованій на евреевъ, по случаю народныхъ бѣдствій и страданій, или счастливаго избавленія какой нибудь общины отъ преслѣдованія, или, наконецъ, въ память какаго либо несчастнаго событія. Кромѣ этого имѣются молитвы на разные случаи жизни, какъ напр. въ болѣзни, при смерти, при родахъ, бракѣ, поминки усопшихъ и пр. Между этими молитвами многія написаны не на еврейскомъ языкѣ, а на разговорномъ еврейско-нѣмецкомъ жаргонѣ и по большей части сочинены женщинами.

Такъ какъ молитвы эти принадлежатъ весьма различнымъ звонамъ и составлены различными лицами, при разныхъ обстоятельствахъ и на различные случаи, — то естественно, что и характеръ, достоинство, значеніе и распространенность ихъ должны быть такъ же очень различны.

Такъ напр. древнѣйшія молитвы этого рода написаны тажомыѣ, витіеватыѣ, малопонятныѣ и часто безграмотныѣ языкомъ; онѣ, по большей части, безъ всякаго поэтическаго достоинства, такъ что фантазія ихъ авторовъ всецѣло относится въ сферѣ талмудическихъ легендъ, талмудическаго образа возрѣнія и талмудической рѣчи. Напротивъ того, молитвы, написанныя въ X, XI, XII и XIII вѣкахъ, евреями, жившими въ Испаніи и вообще между магометанами, отличаются по большей части изящностью и чистотою языка, высокимъ полетомъ мысли, искреннею религіозностью, вдохновеніемъ и глубоко духовною скорбью; особенно гимны Р. *Ісуда Галеви* до такой степени отличаются своею поэтическою красотою, что мысль о немъ вдохновила на смертномъ одрѣ безсмертнаго *Гейне* для его прекрасной поэмы «Р. *Ісуда Галеви*». Молитвы, написанныя французскими, нѣмецкими и польскими евреями, сходятся съ молитвами перваго класса и отличаются только своими сердцераздирающими воплями о тогдашнихъ бѣдствіяхъ евреевъ.

Всѣ эти позднѣйшія молитвы пользуются между евреями далеко не всеобщимъ уваженіемъ и распространенностью. Со времени составленія этихъ молитвъ почти до 14 вѣка было много весьма уважаемыхъ раввиновъ, которые противились введенію ихъ и ничего не хотѣли знать о нихъ; даже и нынѣ есть очень много религіозныхъ евреевъ, которые легко смотрятъ на эти молитвы и обыкновенно углубляются въ какую нибудь религіозную книгу, когда другіе скороговоркою читаютъ эти молитвы; въ нѣкоторыхъ синагогахъ большую часть этихъ молитвъ во-

все опускаютъ, оставляя только нѣкоторыя избранныя; есть между этими молитвами и такія, которыя читаются только въ главной синагогѣ и вовсе не читаются въ другихъ молитвенныхъ мѣстахъ. Наконецъ не всѣми евреями приняты однѣ и тѣже изъ этихъ молитвъ. Такъ польскіе и нѣмецкіе евреи приняли однѣ молитвы, испанскіе—другія, сѣверо-американскіе—еще другія,—даже евреи въ *Кохинь-Хинь* и на Малабарскомъ берегу имѣютъ свои собственныя молитвы, которыя они иногда печатаютъ въ Европѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ молитвъ суть только мѣстныя и читаются только въ одной какой нибудь общинѣ въ Германіи, Марокко, или гдѣ нибудь на Востокѣ; и только въ извѣстный день въ году, и читаются однимъ канторомъ, безъ всякаго участія со стороны общины,—такъ какъ эти мѣстныя молитвы написаны по случаю какого либо счастливаго или несчастнаго событія, касавшагося только этой мѣстности или этого города. Есть молитвы, особенно написанныя на разговорномъ жаргонѣ, которыя предоставлены исключительно женщинамъ, такъ что мужчины даже не знаютъ ихъ. Есть другія, которыя сочинены какимъ нибудь неизвѣстнымъ авторомъ и никогда и ни кѣмъ не читаются; но такъ какъ у евреевъ нѣтъ синода или вообще центральнаго духовнаго мѣста, которое издавало бы молитвословы, то всякій типографщикъ, желая придавать молитвословамъ своего изданія возможно-большую мнимую полноту, обыкновенно вноситъ въ нихъ все, что только можетъ собрать, съ цѣлію доставить лучшей сбытъ своимъ молитвенникамъ.

Враги евреевъ, искавшіе однѣхъ только обвиненій, естественно, не обращали вниманія на всѣ эти обстоятельства; и каждый разъ какъ только находили какую нибудь еврейскими буквами написанную или напечатанную молитву, изъ которой можно было извлечь пару словъ противъ христіанъ, — тотчасъ обращали еѣ въ обвинительный пунктъ противъ евреевъ, не принимая во вниманіе пользуется ли она значеніемъ между евреями или нѣтъ, написана ли она въ Марокко, Германіи или Кохинь-Хинь и пр. При этомъ враги евреевъ поступали здѣсь, какъ и вездѣ, самымъ несправедливымъ образомъ, а именно, всѣ мѣста и намеки, относящіяся къ отпавшимъ отъ Іудейства еретикамъ, или къ *эдомитянамъ*, они относили къ христіанамъ,—не смотря на то, что древнѣйшіе литургическіе авторы этихъ молитвъ, живя, какъ мы замѣтили выше, совершенно въ сферѣ талмудическихъ воззрѣній и талмудической рѣчи, подразумѣвали

подъ этимъ именемъ римлянъ; въ своей ненависти къ евреямъ, доходившей до полнаго ослѣпленія, они приводили обвинительныя пункты противъ нихъ даже стихи изъ псалмовъ. Въ еврейскія молитвы входятъ такіе псалмы, въ которыхъ царственный вѣнецъ молить Бога объ избавленіи его отъ враговъ; для обвинителей евреевъ этого совершенно достаточно, чтобы поднять противъ нихъ тревогу. «Да, говорили они, ваши враги—это мы; когда вы поете эти псалмы, то вы можете имѣть насъ въ мысляхъ». Неужели евреи должны были изуродовать священные псалмы, столь высоко цѣнимые и христіанскою церковью, дабы какойнибудь *Эйзекемеръ*, или подобный ему врагъ евреевъ, не принялъ ихъ на свой счетъ? Находятъ ли у евреевъ молитву, которою они просятъ Бога объ истребленіи *идолопоклонства*, или благодарятъ за то, что они *не идолопоклонники*,—безпощадные обвинители старались извлекать и отсюда какіе-то намеки на христіанъ и христіанство. Евреи говорили, утверждали и доказывали, что эти мѣста не относятся и не могутъ относиться ни къ христіанамъ, ни къ христіанству; что нѣкоторыя изъ этихъ молитвъ принадлежатъ дохристіанской эпохѣ. Все напрасно: христіанскія правительства противъ этихъ мнимо враждебныхъ молитвъ, считали иногда умѣстнымъ издавать строгіе законы! Читая теперь сужденія и акты, исписанные по поводу какойнибудь невинной молитвы, нельзя съ одной стороны удержаться отъ смѣха, а съ другой стороны нельзя преодолѣть ужасъ, охватывающій душу при мысли, что подобнымъ обвиненіямъ могли вѣрять. Невольно восклицаешь: «что за время, что за люди!» Такъ напр. по поводу самой по себѣ невинной и даже прекрасной молитвы «*Алену*» написана почти цѣлая бібліотека, и нѣкоторые германскіе владѣтели угрожали евреямъ даже смертною казнью, если они не оставятъ эту молитву; а между тѣмъ никакой безпристрастный человекъ не найдетъ въ этой молитвѣ, переведенной вѣстѣ съ еврейскимъ молитвословомъ на всѣ европейскіе языки, ничего предосудительнаго.

Есть однакожь нѣкоторыя средневѣковыя молитвы, по большей части мѣстныя, въ которыхъ дѣйствительно содержатся проклятія къ христіанъ; но не нужно забывать, при совокупности какихъ обстоятельствъ молитвы эти составлены. Это именно молитвы покаянія, составленныя во время перваго крестоваго похода, когда крестоносцы въ теченіе какихънибудь трехъ мѣсяцевъ

умертвили на Рейнѣ и въ другихъ мѣстахъ Германіи болѣе 100,000 евреевъ, когда цѣлыя еврейскія общины были истреблены огнемъ и мечемъ, и когда *цѣлыя еврейскія семейства жьвьемъ зарывали въ землю*. Должно ли удивляться, если евреи зывали къ Богу о мщеніи? Но и эти вопли были направлены не противъ *христіанъ, какъ таковыхъ*, а противъ звѣрскихъ преслѣдователей, которые, съ знаменіемъ религіи любви на груди и во имя Бога любви, тысячами умерщвляли беззащитныхъ и невинныхъ людей! Впрочемъ мы и здѣсь должны повторить сдѣланное нами выше примѣчаніе, что евреи сами держатъ строгую цензуру и уже лѣтъ 300 какъ они сами выбросили изъ своихъ молитвенниковъ всѣ подобныя мѣста, такъ уже что они неизвѣстны евреямъ и остались бы совершенно забытыми, еслибъ враги евреевъ сами не отыскивали ихъ въ древнихъ изданіяхъ, или въ рѣдкихъ рукописяхъ.

Что же касается до разныхъ мѣстъ, приводимыхъ обвинителями евреевъ изъ еврейскихъ писателей, гдѣ видно враждебное расположеніе къ христіанамъ, то мы должны замѣтить, что болѣею частію мѣста эти приводятся изъ сочиненій *Дона Исаака Абрабанелля*, которому вполнѣ извинительно, если онъ съ горечью говоритъ о христіанахъ. Онъ жилъ во время изгнанія евреевъ изъ Испаніи и самъ даже принадлежалъ къ изгнанникамъ, не смотря на то, что занималъ видное мѣсто при дворѣ ихъ католическихъ величествъ *Фердинанда и Изабеллы*. Здѣсь не мѣсто подробному изображенію бѣдствій изгнанныхъ изъ Испаніи евреевъ; но мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ, для уразумѣнія настроенія *Абрабанелля* и другихъ современниковъ его, раздѣлявшихъ съ нимъ одну участь.

Болѣе 600,000 людей жили счастливо и мирно въ одной изъ прекраснѣйшихъ и наиболѣе цвѣтущихъ странъ земли. Вдругъ издается указъ, по которому они должны оставить эту страну, — въ которой жили уже болѣе 1500 лѣтъ, которую они искренно любили, и въ арміяхъ которой они часто служили, — если не хотятъ измѣнить вѣрѣ своихъ отцевъ, которой были преданы душою и тѣломъ. Такъ какъ они не хотѣли, конечно, сдѣлать этого, то и были вынуждены продать свои недвижимыя имущества за безцѣпокъ, лишились большей части своего состоянія и пущены нищими по бѣлу свѣту. Болѣе 300,000 человекъ погибли отъ голода, болѣзней, скорби, кораблекрушенія и позорныхъ измѣнъ. Христіанскіе корабельщики брали на свои суда

нихъ изгнанниковъ за огромныя деньги, но вмѣсто того, чтобы доставлять этихъ несчастныхъ въ какую либо мирную гавань, они или продавали ихъ въ рабство на варварійскихъ берегахъ, или ограбляли ихъ имущества, а ихъ самцхъ бросали за бортъ.

Полагаемъ, что можно извинять *Абрабанелл*, бывшего очевидцемъ всего этого, если въ его многочисленныхъ сочиненіяхъ кое-гдѣ проглядываетъ враждебное расположеніе къ христіанамъ.

Между тѣмъ мы должны замѣтить, что озлобленіе *Абрабанелл* относится не къ *христіанамъ*, а къ этимъ чудовищнымъ гонителямъ. Доказательствомъ этому служить дальнѣйшая жизнь *Абрабанелл*.

Послѣ своего изгнанія изъ Испаніи онъ вступилъ на службу къ Фердинанду, королю неаполитанскому, а послѣ его смерти къ сыну его Альфонсу II. Когда же этотъ послѣдній былъ изгнанъ изъ Неаполя Карломъ VIII, *Абрабанелл* принадлежалъ къ немногимъ вѣрнымъ царедворцамъ, сопровождавшимъ короля въ его изгнаніи, и не оставлялъ своего несчастнаго государя до самой его смерти.

Когда *Абрабанелл* переселился потомъ въ Венецію, то жилъ тамъ въ самыхъ тѣсныхъ и дружественныхъ отношеніяхъ со многими мѣстными нобиліями, такъ что когда онъ скончался, множество знатныхъ христіанъ сопровождали его бранные останки. Тоже самое должно сказать и о другихъ изгнанникахъ изъ Испаніи: всѣ они съ величайшею благодарностію говорятъ о государяхъ и народахъ, давшихъ имъ пристанище и обращавшійся съ ними почеловѣчески. Имена этихъ государей и народовъ съ признавательностію и благословеніемъ произносятся каждымъ евреемъ.

Считаемъ нелишнимъ привести здѣсь мнѣніе одного изъ ученѣйшихъ знатоковъ іудаизма и раввинской литературы Д. Михаэлиса о враждебныхъ евреямъ сочиненіяхъ, а именно о сочиненіи *Эйзенменгера*, который можетъ быть названъ представителемъ всего враждебнаго евреямъ и источникомъ всѣхъ превратныхъ понятій о нихъ.

«Кто самъ читалъ творенія лучшихъ раввиновъ, говоритъ Д. Михаэлисъ въ 15-мъ томѣ стр. 117 своей *Orientalische und exegetische Bibliothek*, тотъ знаетъ, что хотя «Раскрытое Іудейство» *Эйзенменгера* есть курьѣзная книга, стоившая, быть можетъ, того, чтобы написать её, дабы знать евреевъ и съ худшей стороны,—но что тотъ совершилъ бы *величайшую несправедливость* относительно еврейской религіи, кто захотѣлъ бы судить

о ней по этому сочиненію. Если бы кто написалъ въ этомъ родѣ «раскрытое христіанство или лютеранство»,—со включеніемъ сюда всего дурнаго, встрѣчающагося у когонибудь изъ нашихъ писателей,—то мы, въ сознаниіи своей невинности, назвали бы это *насквилемъ*. Однакожъ Эйзенменгеръ находитъ себѣ еще довольно вѣры, какъ ни невѣроятно, чтобы это были религіозныя убѣжденія цѣлаго народа, живущаго между нами, изъ котораго мы знаемъ многихъ съ лучшей стороны. Даже со стороны нѣкоторыхъ правительствъ часто доставалось евреямъ вслѣдствіе довѣрія этихъ правительствъ къ Эйзенменгеру и ему подобнымъ. Такъ напр. они съ инквизиціонною строгостью запрещаютъ извѣстныя молитвы вслѣдствіе смысла, который нѣкоторые евреи придаютъ будто бы имъ противъ христіанъ, противъ начальствъ, которыя ихъ защищаютъ, и даже противъ протестантовъ, въ пользу которыхъ евреи дѣлаютъ, какъ извѣстно, значительныя исключенія. Когда подобныя запрещенія бывають направлены противъ такихъ молитвъ, которыя взяты изъ псалмовъ, то это представляется мнѣ чѣмъ-то въ родѣ того, еслибы государственныи прокуроръ предложилъ бы запретить протестантамъ читать 6-й и 7-й стихи LXXIX псалма потому, что однажды, во время спора въ Гамбургѣ о молитвѣ въ день поста, какой-то учитель, при томъ еще очень ученый и ортодоксальный, объяснялъ эти стихи въ духѣ, враждебномъ для католиковъ...

«И такъ желательно было бы узнать религіозныя убѣжденія лучшихъ и ученѣйшихъ евреевъ, особенно относительно ихъ морали, дабы положить конецъ ложному мнѣнію, будто бы у евреевъ есть законъ, по которому они должны обманывать христіанъ,—мнѣніе, столь же несправедливое, какъ и то, которое въ средніе вѣка, и въ иныхъ мѣстахъ еще и недавно столько угрожало евреямъ, будто бы они употребляютъ кровь христіанъ».

Это же мнѣніе объ Эйзенменгерѣ раздѣляетъ и знаменитый католическій писатель Молиторъ въ своей «Philosophie der Geschichte» час. 3. §§ 116 и 119.

Если мы теперь бросимъ размышляющій взглядъ на все сказанное нами, то усмотримъ слѣдующіе важные для предмета нашего изслѣдованія результаты:

Древнѣйшіе раввины никогда не рѣшались отмѣнить никакого постановленія Моисеева, и особенно никакъ *запрета* Библіи; слѣдовательно они не могли отмѣнить и строжайшихъ и многократно повторенныхъ предписаній Моисея: *не вкушать крови,*

изъ уваженія людей; не чародѣйствою; тѣмъ менѣе могли они убіеніе христіанскихъ дѣтей и употребленіе ихъ крови сдѣлать религіознымъ закономъ.

Древніе равнины и древнѣйшая равнинская литература почти ничего не знаютъ о Христѣ и христіанствѣ; происхожденіе, развитіе и изученіе Талмуда имѣли мѣсто въ нехристіанскихъ странахъ, гдѣ евреи мало или вовсе не имѣли сношеній съ христіанами. Во всемъ даже равнинскомъ законодательствѣ, за исключеніемъ упомянутыхъ выше постановленій относительно евреохристіанскихъ *милеевъ*, нѣтъ ни *одного закона*, который произошелъ бы прямо вслѣдствіе появленія христіанства; слѣдовательно равнины не могли предписать, въ смыслъ религіознаго закона, употребленіе христіанской крови, такъ какъ они почти не обращали никакого вниманія ни на христіанство, ни на христіанъ, и поэтому нельзя допустить, чтобы такой ужасный обрядъ имѣлъ мѣсто, вопреки общему духу законодательства.

Встрѣчающіяся въ Талмудѣ и древнѣйшей равнинской литературѣ враждебныя выраженія и постановленія касательно извѣстныхъ *милеевъ*, относимыя врагами евреевъ къ христіанамъ вообще, относятся *исключительно къ евреохристіанскимъ сектамъ*, которыя, состоя изъ *амстатовъ иудаизма*, исповѣдовали нравоученія, такъ же отвергаемыя христіанскою церковью, какъ и равнинами, совершали по единогласному свидѣтельству какъ *свѣдѣль* церкви, такъ и равниновъ, самыя возмутительныя пороки и которыхъ побѣдоносная церковь Христова преслѣдовала гораздо строже, чѣмъ сами евреи.

Такимъ образомъ равнины первыхъ вѣковъ христіанства поступали противъ этихъ вредныхъ *отступниковъ иудейства* даже не такъ строго, чѣмъ какъ поступаемъ, напр., мы противъ *амстатовъ* христіанства и даже *отступниковъ* православной церкви. Напротивъ, *язычники*, сдѣлавшіеся христіанами, по причинѣ сходства большей части своихъ догматовъ и нравоученій съ еврейскими, согласно кореннымъ принципамъ равниновъ всѣхъ вѣговъ и вѣковъ, должны даже быть признаваемы со стороны *своихъ братьевъ*, которые, подобно благочестивымъ евреямъ, могутъ достигнуть царствія небеснаго.

И въ самомъ дѣлѣ, равнины среднихъ и новѣйшихъ вѣковъ почти единогласно раздѣляютъ мнѣніе, что встрѣчающіяся въ древнѣйшей равнинской письменности постановленія относительно *язычниковъ*, частію, чтобы удалить евреевъ отъ нихъ, частію

чтобы не споспѣшествовать язычеству, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть отнесены къ христіанамъ;—дѣлаіе это принято всѣми евреями *нормою въ еврейской религіозно-юридической практикѣ.*

Многіе раввины различныхъ вѣковъ, принадлежащіе къ первостепеннымъ авторитетамъ іуданзма, отзывались, даже, о христіанствѣ и христіанахъ съ величайшимъ уваженіемъ.

Далѣе. Въ Палестинѣ еврей, по закону, не должны были терпѣть идолопоклонства, но видѣ ея предѣловъ іуданзмъ, какъ національная религія, отличается высочайшею терпимостію относительно другихъ религій; согласно принятому всѣми евреями принципу, *всякій благочестивый человекъ*, будь онъ христіанинъ или еврей, язычникъ или магометанинъ,—можетъ участвовать въ будущей жизни. Слѣдовательно еврей, которые раздѣляютъ эти принципы, у которыхъ религіозные руководители отзывались о христіанахъ вышеприведеннымъ образомъ, не могли принять *религіознаго постановленія* красть невинныхъ христіанскихъ дѣтей, умерщвлять ихъ и употреблять ихъ кровь для какихъ бы то ни было цѣлей.

Распространенныя и распространяемыя врагами евреевъ мнѣнія, что будто бы еврей враждебно расположены ко всѣмъ народамъ земли и особенно къ христіанамъ, и что будто они считаютъ позволительнымъ относительно нихъ обманъ, хищеніе и т. под.,—все эти мнѣнія частію основаны на недоразумѣніяхъ, частію суть грубая ложь, или мерзкая клевета. Враги евреевъ самымъ несправедливымъ образомъ отнесли къ *христіанамъ* все встрѣчающіяся въ раввинской письменности враждебныя выраженія, *исключительно* относящіяся или къ *еврею-христіанскимъ мнѣніямъ*, или къ утѣснителямъ *римлянамъ* или къ идолопоклонникамъ вообще; они перерыли всю 2000-лѣтнюю еврейскую письменность съ единственною цѣлью отыскать въ ней обвиненія противъ евреевъ; при этомъ они не обращали вниманія ни на духъ литературы, ни на законодательство евреевъ, а основывали свои обвиненія на *отдѣльныхъ одиночныхъ выраженіяхъ* еврейской письменности, не опирающихся ни на какіе важныя авторитеты, стоящихъ въ противорѣчій съ цѣлымъ законодательствомъ евреевъ и не имѣющихъ по этому никакого вліянія на религіозно-юридическую практику евреевъ. Враги евреевъ хотѣли сдѣлать ихъ ответственными за каждое слово, которое только можно встрѣтить въ какой нибудь еврейскими буквами написанной книгѣ. Равнымъ образомъ они обвиняютъ *всѣхъ* евр

съ, если нѣтъ удастся находить, что у какого нибудь еврейскаго поэта, жившаго во время ужасныхъ преслѣдованій на евреевъ, появилось горькое слово противъ христіанскихъ фанатиковъ, или случается отыскать какую нибудь вымышленную еврейми неизвѣстную духовную пѣснь, сложенную во время крестовыхъ походовъ, или другихъ какихъ либо страшныхъ бѣдствій, въ которой взмѣняется къ Богу о наказаніи жестокихъ преслѣдователей.

И такъ мы почитаемъ доказаннымъ до очевидности, что исторія развитія іудазма, какъ равно духъ и существо еврейскаго законодательства и вся литература евреевъ ясно и рѣзко говорятъ противъ разбираемаго нами обвиненія. Въ слѣдующихъ главахъ мы рассмотримъ въ частности приведенныя нами выше 15 показаній о томъ—для какихъ цѣлей евреи будто бы употребляютъ кровь христіанскихъ дѣтей и покажемъ всю ничтожность и несостоятельность каждаго изъ нихъ.

II.

Мы сказали *, что существуютъ 16 различныхъ показаній для какои цѣли евреи будто бы употребляютъ христіанскую кровь: и что первыя десять изъ этихъ показаній можно подвести подъ общую рубрику: «употребленіе крови христіанъ для *религіозныхъ* цѣлей». Мы хотимъ теперь доказать, что даже мысль о томъ, что евреи будто бы употребляютъ кровь христіанъ для цѣлей *религіозныхъ*, противна всякой логикѣ и здравому смыслу.

1) Всѣ узаконенія евреевъ, относительно ихъ строгости и важности въ глазахъ евреевъ, могутъ быть раздѣлены на *шесть* разрядовъ, а именно: а) *Запреты* Моисеевы, за преступленіе которыхъ постановлена *смертная казнь*, черезъ посредство земнаго правосудія; в) *запреты* Моисеевы, за преступленіе которыхъ полагается смерть, ниспосылаемая *десницею Божьею*, и еще тѣлесное наказаніе; с) *запреты* Моисеевы, преступленіе которыхъ влечетъ за собою тѣлесное наказаніе 39 ударами плетью; за тѣмъ слѣдуютъ: д) *заповѣди* (приказы) Моисеевы, которыя въ глазахъ евреевъ далеко не имѣютъ той важности, какую имѣютъ *запреты*; ибо есть нѣсколько случаевъ, гдѣ *заповѣдь* (приказъ) оставляется безъ исполненія единственно потому, что при выполненіи ея легко *можетъ случиться* нарушеніе какого либо *запрета*. Кромѣ этихъ *запретовъ* и *прика-*

* См. Виб. для Читанія, за Февраль.

зовъ Моисеевыхъ, которые или прямо упоминаются въ Пятикнижии, или, по крайней мѣрѣ, приписываются Моисею, есть еще е) и ф) *запреты* и *приказы* раввинскіе, состоящіе болышею частью въ усиленіи узаконеній Моисеевыхъ.

Естественно, что и здѣсь запреты соблюдаются съ болышею строгостью, чѣмъ приказы. И такъ строжайшими и важнѣйшими узаконеніями въ глазахъ евреевъ служатъ тѣ *запреты Моисеевы*, за преступленіе которыхъ полагается смертная казнь черезъ посредство *земнаго правосудія*; наименѣе же строгими и наименѣе важными считаются *приказы раввинскіе*.

2) Если допустить, что евреи дѣйствительно имѣютъ надобность употреблять христіанскую кровь для *религіозныхъ цѣлей*, то это въ высшей мѣрѣ можетъ быть только *раввинскимъ приказомъ*, ибо Моисей, естественно, не могъ установить такого закона.

3) Здравый смыслъ говорить, что тѣ евреи, которые рискуютъ опасностью подвергнуться величайшимъ и строжайшимъ наказаніямъ, лишь бы исполнять это мнимое раввинское узаконеніе, должны быть въ высшей степени строги въ исполненіи своихъ религіозныхъ обязанностей.

4) Чтобы достать христіанскую кровь, евреи должны, какъ и молва говоритъ, *воровать* христіанскихъ дѣтей и *убивать* ихъ; такимъ образомъ они совершаютъ при этомъ *два* преступленія: *кражу людей* и *человѣкоубійство*. За оба преступленія полагается *смертная казнь* черезъ посредство *земнаго правосудія*, какъ это ясно выражено во многихъ мѣстахъ Пятикнижія, изъ которыхъ укажемъ на слѣдующія: Бытія IX, 6, Исходъ XXI, 12, 17,¹²⁷ Левитъ XXIV, 17, 21; Числа XXXV, 16—21; Второз. XIX, 11—13. Что всѣ эти предписанія относятся не къ однимъ евреямъ, видно уже изъ самаго текста этихъ законоположеній, гдѣ постоянно употребляется слово *человѣкъ*, а не *сынъ Израилевъ* какъ это бываетъ въ другихъ случаяхъ. Но это усматривается еще изъ того, что еврейское законодательство, какъ мы уже неоднократно показали, не дѣлаетъ никакого различія между евреями и иновѣрцами относительно выполненія нравственныхъ законовъ, тѣмъ болѣе это имѣетъ мѣсто при упомянутыхъ нами уголовныхъ преступленіяхъ.

¹²⁷ Славянскій переводъ удаляется здѣсь отъ еврейскаго текста. Вотъ переводъ оригинала: «укравиши челоуѣка и продавиши его, смертию да умретъ;» Славянскій же переводъ гласитъ: «Аще кто дого украдетъ отъ сыновъ Израилевыхъ, и соодолъетъ сему продастъ его и обратится у него, смертію да скончатся.»

5) Мы спрашиваемъ теперь, можетъ ли человѣкъ, у котораго есть хотя искра логики и здраваго смысла, допустить, чтобы эти же самые евреи, которые столь религіозны, что презираютъ величайшими опасностями для исполненія самыхъ маловажныхъ религіозныхъ постановленій своихъ,—чтобы эти же самые евреи рѣшились преступить два величайшіе *запрета*, лишь бы выполнить одну изъ легчайшихъ *заповѣдей* (приказовъ) и еще, для такого нарушенія своего закона, подвергать себя величайшимъ опасностямъ?! Другими словами: возможно ли допустить, чтобы еврей рѣшился красть людей, убивать ихъ и подвергаться за это величайшимъ опасностямъ единственно для того, чтобы добыть человѣческую кровь для какихъ-то религіозныхъ цѣлей, когда самъ эта религія вселетъ въ него величайшій ужасъ къ такому злодѣянію и угрожаетъ ему за то всѣми карами—небесными и земными! Мы только-что показали, что есть случаи гдѣ не соблюдаютъ даже Моисеевы *заповѣди* (приказы) единственно изъ опасенія, что исполненіе ихъ можетъ повлечь за собою нарушеніе какого нибудь Моисеева *запрета*, будь онъ даже 3-го разряда,—такъ возможно ли, послѣ этого чтобы еврей, наоборотъ, съ полнымъ сознаніемъ пренебрегли двумя строжайшими Моисеевыми запретами, за нарушеніе которыхъ постановлена смертная казнь, для того только, чтобы выполнять какое-то мнимое, во всякомъ случаѣ маловажное, религіозное постановленіе?!

И такъ мы полагаемъ, что было бы возмутительно — негѣло допускать, что еврей будто бы употребляютъ христіанскую кровь для *религіозныхъ* цѣлей.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію исчисленныхъ выше показаній въ частности. *Первое* изъ нихъ гласитъ:

«Еврей употребляютъ кровь христіанъ для приготовленія пастыльныхъ опрѣснсковъ и кромѣ того примѣшиваютъ ее къ вину, которое каждый еврей пьетъ въ первые два вечера Пасхи.»

Обвиненіе евреевъ въ употребленіи христіанской крови вообще впервые выразилось, какъ это будетъ доказано въ слѣдующей главѣ, въ обвиненіи, что они употребляютъ ее для своихъ пастыльныхъ опрѣснсковъ, называемыхъ *маццотъ*; по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ, въ средніе и новѣйшіе вѣка, когда на евреевъ возводили такое обвиненіе, показаніе это почти всегда составлялось поводомъ къ этому преступленію. Только въ послѣдующее время, когда нѣкоторые христіанскіе ученые, ближе знакомые съ религіею и обрядами евреевъ, доказали негѣлость

и ничтожность такого обвиненія, стали уже придумывать другія побудительныя причины.

Если евреи принимиваютъ кровь христіанъ къ своимъ пасхальнымъ опрѣснокамъ или къ вину, или медку, употребляемому ими въ первые два вечера Пасхи, то это значитъ, что они *скушаютъ кровь*, и такимъ образомъ совершаютъ не только два величайшія преступленія—*человѣкоубійство* и *кражу людей*, а еще и *вкушеніе крови*. Но всѣмъ и каждому извѣстно, что запрещеніе вкушать кровь есть одинъ изъ нанстрожайшихъ запретовъ моисеевыхъ, который до нынѣ соблюдается евреями съ величайшею, можно сказать педантическою, строгостью. Запрещеніе это выражено въ слѣдующихъ многочисленныхъ мѣстахъ Пятикнижія: Бытія: IX, 4; Левитъ: III, 13, VII, 26, 27; XVII, 10—14; XIX, 16; Второз: XII, 16; XV, 23; XIX, 6; Сравн. также I Царст. XIX, 33; Езекиль XXXIII, 25.

Равнины еще болѣе *расширили* и еще *строжайше подтвердили* этотъ запретъ; по предписаніямъ раввиновъ евреи обязаны при зарѣзываніи скота давать крови совершенно истекать; кровеносныя жилы должны быть *вырѣзаны*, а самая говядина не можетъ быть употреблена въ пищу, пока долгимъ моченіемъ, соленіемъ и неоднократнымъ промываніемъ не будетъ освобождена отъ всякой заключающейся въ ней крови. Если еврей находитъ на кускѣ хлѣба слѣдъ крови отъ десенъ, онъ не долженъ доѣдать его; также яйцо, въ которомъ найдена капля крови, не можетъ быть употреблено въ пищу. Всѣ эти постановленія донныѣ соблюдаются евреями съ величайшею строгостью. Знаменитый раввинъ Моймонидъ ставитъ даже употребленіе крови наравнѣ съ идолопоклонствомъ.

Если въ средніе вѣка,—когда знаніе еврейскаго языка было такъ рѣдко между христіанами, когда библія считалась запрещенною книгою, и когда на cadaго некаатолика смотрѣли какъ на нравственное чудовище,—евреевъ обвиняли въ употребленіи христіанской крови для пасхальныхъ опрѣсноковъ, то этому, пожалуй, можно не очень удивляться; но если теперь, когда христіанскіе ученые ознакомили своихъ единовѣрцевъ съ законами и обычаями евреевъ, подобныя обвиненія могутъ имѣть еще мѣсто и находить вѣру даже у правительствъ, то невольно начинаешь сомнѣваться въ прогрессѣ челоувѣчества и здраваго смысла.

Враги евреевъ и вообще ученые христіане, коротко знакомые съ

своею литературою, пересматривали всевозможныя еврейскія книги, взвѣшивали самыя ничтожныя изрѣченія въ нихъ, съ цѣлю открыть что нибудь во вредъ евреямъ; и все-таки ни кому изъ нихъ не удалось найти ни малѣйшаго намека на то, чтобы евреи обязаны были употреблять или употребляли кровь христіанъ для какой нибудь религіозной цѣли; такъ что даже самыя жестокіе враги евреевъ могли подтверждать свои обвиненія только баснословными разсказами изъ средневѣковыхъ монашескихъ летописей. (Мы будемъ еще имѣть случай ближе разсматривать эти разсказы о совершенныхъ будто бы евреями дѣтубійствахъ и доказать ихъ лживость.) Очень многіе ученые христіане написали объемистыя книги о религіозныхъ обычаяхъ евреевъ и вмѣствъ съ тѣмъ, разумѣется, также подробно описывали еврейскій праздникъ Пасхи; упомяну здѣсь только о наиболѣе замѣчательныхъ: Bartolocci, Bodenschatz, Buxtorf, Danzius, Eisenmenger, Fabricius, Fleury, Goodwin, L'Empereur, Kirchner, Lightfoot, Lund, Mayer, Rittangel, Ichudt, Wagenseil, безъ именнаго автора, «Обрядовъ еврейскихъ» (Орель 1830 г.) и мн. другіе. Пусть всякій прочтетъ эти сочиненія, и посмотритъ, нашелъ ли кто нибудь изъ этихъ писателей, большая часть которыхъ состояла изъ заклятыхъ враговъ евреевъ, хоть какое нибудь мѣсто, хоть намекъ на то, будто евреи употребляли въ свою пасху кровь христіанскую. Многіе изъ ученыхъ христіанъ, равно какъ изъ крещенныхъ евреевъ, написали даже отдѣльные трактаты объ еврейской пасхѣ; такъ напр. крещенный еврей Пестеркорнъ написалъ, въ началѣ XVI столѣнія, полемическое расужденіе объ еврейской пасхѣ сирва понѣмцки, потомъ по латини ¹²⁸, въ которомъ онъ взводитъ на евреевъ чрезвычайно много всякаго рода обвиненій. Этотъ Пестеркорнъ провелъ всю свою жизнь надъ составленіемъ книгъ, наполненныхъ жолчными и допытными выходками противъ евреевъ, а между тѣмъ онъ ничего не зналъ о предполагаемомъ у евреевъ обыкновеніи упо-

¹²⁸ Латинское заглавіе этого сочиненія (1509 г. Аугсбургъ и Кельнъ.) слѣдующее: In hoc libello comparatur absoluta explicatio quomodo sacri illi ludaei suum Pascha servant, et maxime, quo ritu paschalem eam cenam manducant. Exprimitur praeterea ludaeos esse hereticos, et desertores veteris, et oppugnatores novi testamenti, quamobrem iudicii rei sunt secundum legem Moysi. Его неприязненное расположеніе къ евреямъ выражается уже въ самомъ этомъ заглавіи.

треблять въ пасху кровь христіанъ. Мало того: этотъ жестокій врагъ евреевъ закидываетъ христіанъ не вѣрить тому, будто евреи при какомъ бы то ни было случаѣ вообще употребляли христіанскую кровь, какъ мы это увидимъ дагѣ.

Монахъ Thom. Murner написалъ также сочиненіе о празднованіи еврейской пасхи и объ употребляемыхъ при этомъ обычаяхъ;¹²⁹ но и онъ тоже не болѣе знаетъ о подобномъ кровавомъ обыкновеніи, чѣмъ другіе писатели, разсуждавшіе объ еврейской пасхѣ. Были и еще крещенные евреи, которые писали объ ихъ пасхальныхъ обрядахъ, какъ напр. Fr. Christian Meier,¹³⁰ Fried. Albert Christiani¹³¹ и многіе другіе; и я настоятельно повторяю, что ни одинъ изъ нихъ ничего не знаетъ о томъ, будто евреи употребляютъ въ пасху христіанскую кровь.

Книжка «Nagada — schel-Pesach», которая содержитъ молитвы и описаніе обрядовъ, совершаемыхъ въ первые два пасхальные вечера, весьма часто являлась въ переводѣ на европейскіе языки; такъ напр. она издана поеврейски и итальянски въ Венеціи 1609 г. 1695 и т. д.; на еврейскомъ и нѣмецкомъ, въ Венеціи же, 1609 и 1664 г., также 1695 и 1712, и наконецъ въ нынѣшнемъ столѣтіи можетъ быть до 20 разъ. Упомянутый Murner къ вышеприведенной книгѣ своей приложилъ также латинскій переводъ своего сочиненія. Въ 1646 г. Кенигсбергскій профессоръ восточныхъ языковъ Іоаннъ Стефанъ Риттангель¹³² издалъ нѣмецко-латинскій переводъ его вмѣстѣ съ еврейскимъ текстомъ. Можно положительно утверждать, что ни одинъ изъ еврейскихъ обычаевъ не описанъ такъ подробно христіанами и такъ хорошо имъ не извѣстенъ, какъ способъ празднованія пасхи; и тѣмъ не менѣе ни одинъ изъ всѣхъ этихъ христіанскихъ ученыхъ, ни одинъ изъ этихъ крещеныхъ евреевъ, ничего не зналъ о какомъ нибудь обыкновеніи евреевъ — употреблять христіанскую кровь при совершеніи пасхи.

Кто имѣлъ хоть малѣйшій случай познакомиться съ тѣмъ множествомъ фолиантовъ, въ которыхъ говорится о приготовленіи

¹²⁹ Подъ заглавіемъ Ritus et celebratio Judaeorum etc. Франфуртъ 1511 г.

¹³⁰ «Balsam des Lebens über die Ceremonien der Juden», т. е. бальзамъ жизни, объ обрядахъ евреевъ. Брауншвейгъ 1719 и 1721 г.

¹³¹ Kurze jedoch vollige Beschreibung des Osterfestes wie solches so wohl die alten Juden... als auch die heutigen bis dato noch begehen, т. е. Краткое, но полное описаніе праздника пасхи по обрядамъ, какъ древнихъ евреевъ, такъ и нынѣшнихъ». Лейпцигъ 1677 г.

¹³² Liber rituum Paschaliū etc. transl. Rigivus 1646 г.

опрѣсочнаго хлѣба; кто, за тѣмъ, видѣлъ—до какой степени прострается при этомъ осторожность евреевъ, какъ они заботятся о чистотѣ воды и муки для своихъ опрѣсочковъ, какъ поспѣшило они бросаютъ тѣсто въ печь, изъ опасенія, чтобы чтонибудь не примѣшалось къ мукѣ или водѣ,—кто, говорю, видѣлъ все это и, какъ я, коротко знакомъ со всѣмъ образомъ дѣйствій евреевъ при приготовленіи пасхальныхъ опрѣсочковъ, тотъ можетъ открыто и клятвенно утверждать, что евреи никогда при этомъ не употребляли и не могутъ употреблять христіанской крови.

Валенсейлъ, который отнюдь не былъ другомъ евреевъ, въ словесахъ творенія: «Benachrichtigungen wegen einiger die gemeine Jüdischheit betreffenden jüdische Sachen», (извѣстія о нѣкоторыхъ предметахъ, касающихся евреевъ)¹³³ говоритъ слѣдующее: «я часто и долго смотрѣлъ на то, какъ еврейки и евреи приготовляютъ тѣсто для опрѣсочнаго хлѣба, какъ они вели самый хлѣбъ; но никогда не замѣчалъ, чтобы они примѣшивали къ нему кровь и т. д.» Крещенный еврей Эрнстъ Ферд. Гессъ выдалъ сочиненіе противъ евреевъ и еврейства подъ заглавіемъ: «Новый бичъ евреевъ» (Neue Judegeißel)¹³⁴. Въ немъ онъ сѣтуетъ на дядь еврейки и говоритъ объ образѣ приготовленія или пасхальнаго хлѣба въ слѣдующихъ словахъ: «когда вы (евреи) готовите ваши пасхальные опрѣсочки, то все ваше вниманіе бываетъ поглощено самыми ничтожными пустяками: вы боятесь влить капли воды въ тѣсто, чтобы оно не сдѣлалось слишкомъ мягкимъ, такъ какъ, въ этомъ случаѣ, его немедленно нужно сжечь. Какъ скоро тѣсто положено на столъ, одна изъ вашихъ женщинъ тотчасъ должна отломить отъ него кусокъ и бросить въ огонь; крошки, отдѣляющіяся отъ тѣста, не должны быть снова присоединяемы къ нему, но кидаются вами въ огонь. Когда вы за тѣмъ хотите приготовить новое тѣсто, то вамъ нужно снова мыть и чистить посуду; хлѣбы не должны быть слишкомъ глупо разрѣзаны желѣзомъ, чтобы они не распадались, иначе вы должны сжечь весь хлѣбъ. Когда вы готовите самую шпешку для пасхальнаго хлѣба, то должны сначала чистить камни и обтагивать мельницу холстомъ, чтобы пыль вашей пасхальной шпешки не пропала въ такое мѣсто, гдѣ находятся мука и

¹³³ Дейнцигъ. 1705. стр. 133.

¹³⁴ Первое изданіе этого сочиненія явилось въ Фриуларѣ 1589; за тѣмъ издано въ Падерборнѣ 1600 и 1606 г. въ Регенсбургѣ 1604 г. и въ Эрфуртѣ 1605 г. и т. д.

«шпионница христіанъ.» Такъ шутить крещеный еврей, знакомый со всѣми подробностями приготовленія опрѣсочаго хлѣба, надъ своими прежними единовѣрцами, но не упрекаетъ ихъ однако въ томъ, будто имъ нужно употреблять при этомъ христіанскую кровь, хотя упомянутая его книга вообще пропитана ядомъ и желчью противъ евреевъ.

Второе показаніе гласитъ, будто евреи употребляютъ христіанскую кровь при обрядѣ вѣнчанія, когда женихъ и невѣста подъ балдахинномъ принимаютъ благословеніе, при чемъ раввины, будто бы, даютъ имъ ѣсть яйцо съ примѣсью христіанской крови.¹³⁵ Это обвиненіе столь же безумно, какъ и предыдущее: бракосочетаніе совершается, какъ извѣстно, у евреевъ подъ открытымъ небомъ, хоть бы это было зимою, и всего чаще во дворѣ синагоги, при большомъ стеченіи народа, слѣдовательно, такъ публично, какъ только возможно; еслибы еврей дѣйствительно имѣлъ такую ужасную тайну при бракосочетаніи, то они, безъ сомнѣнія, остерегались бы отъ того, чтобы совершать его публично. Изобрѣтатель этого обвиненія, видно, былъ мало знакомъ съ обрядами евреевъ, ибо онъ приписываетъ евреямъ вещи, которыя имѣютъ мѣсто только у христіанъ. Именно, — онъ говоритъ будто бракосочетаніе у евреевъ всегда совершается только раввинъ, подобно тому какъ у христіанъ совершается его священникъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ у евреевъ брачный обрядъ можетъ быть совершаемъ каждымъ евреемъ, и присутствіе раввина при этомъ вовсе не необходимо; раввинъ присутствуетъ при бракосочетаніи только тогда, когда онъ случайно находится въ родствѣ съ новобрачными, и въ этомъ случаѣ приглашается какъ родственникъ, а не какъ раввинъ. Писавшій эти строки самъ вступалъ въ бракъ по еврейскому обычаю и можетъ настоятельно увѣрить, что обыкновенія подавать жениху и невѣстѣ при брачномъ обрядѣ ѣсть яйцо—вовсе нѣтъ у евреевъ и никогда не было. Впрочемъ, не надобно забывать и того, что бракъ у евреевъ, не имѣющихъ вообще никакихъ таинствъ, также не есть таинство, а имѣетъ только значеніе гражданскаго обряда. О брачныхъ обрядахъ евреевъ подробно говорится у

¹³⁵ Въ одной книжонкѣ объ еврейскихъ обычаяхъ, переведенной съ польскаго и о которой мы поговоримъ ниже, находится еще прибавленіе, что будто однимъ лишь раввинамъ извѣстно, что это яйцо имѣетъ примѣсь христіанской крови, а что народъ этого не знаетъ. Какъ груба эта ложь, мы сейчасъ увидимъ.

иниоумомапутаго Бодениаца въ его сочиненіи : *Aufrichtig teutsch wider den Hebraeër etc.*—стр. 104—129 и у мн. другихъ.

Но менѣе живо *третье* показаніе, будто еврейскіе священники намазываютъ свои руки кровію христіанъ, когда они благословляютъ народъ, что всегда совершается или въ прихожей святилища или у дверей послѣдней—совершенно публично и открыто.

По *четвертому* показанію раввины въ праздникъ Гаманъ (*Purim*) посылаютъ членамъ своей общины блюдо, въ которомъ находится примѣсь христіанской крови. Но праздникъ Гаманъ получалъ, какъ извѣстно, свое начало въ первой половинѣ V вѣка до Рожд. Христова. Гдѣ же это евреи доставали себѣ христіанской крови для приготовления этого блюда за 500 лѣтъ до христіанской эры и гдѣ они достаютъ таковую въ нехристіанскихъ земляхъ? Правда, у евреевъ существуетъ обыкновеніе, (на основаніи стиха въ книгѣ Эсфирь, гл. IX, ст. 22), угощать другъ друга въ этотъ праздникъ яствами, напитками и другими вещами; но раввинъ не только угощаетъ, а самъ, напротивъ, принимаетъ подарки. Зажиточные евреи пользуются этимъ праздникомъ, какъ случаемъ къ тому, чтобы дарить бѣднымъ, по большей части раввинамъ, пищу, напитки и нерѣдко также и деньги.

По *пятому* показанію, евреи надѣются христіанскою кровію сдѣлать свои жертвы угодными Богу, или: евреи считаютъ христіанскую кровь богоугодною жертвою; такъ какъ съ разрушеніемъ храма они не могутъ приносить болѣе жертвъ, между тѣмъ какъ обязанность приносить таковыя, по увѣренію этихъ обвинителей, не прекратилась.

Какъ ни представляются нелѣпыми, смѣшными и ничтожными эти и подобныя показанія человѣку основательно знакомому съ внутреннимъ содержаніемъ іудаизма, тѣмъ не менѣе, основываясь на какомъ-то дикомъ и ложномъ возрѣніи на еврейскую религію и на крайнемъ незнакомствѣ христіанъ съ послѣднею, они могутъ показаться не лишенными правдоподобія. Но мы хотимъ доказать, что эти обвиненія не только ложны и лишены всякаго основанія, но и суть плодъ или чистѣйшаго сумасбродства и невѣжества, или вопіющей несправедливости.

Скажемъ сперва нѣсколько словъ о предписаніяхъ Моисея касательно жертвоприношеній вообще.

Согласно этимъ предписаніямъ, для жертвы могли быть употреб-

яемы изъ *крупнаго рогатаго скота*: быкъ, коровы и телята; изъ *мелкаго скота*: овцы и козы, изъ птицъ только *голуби*. Всѣ другіе роды животныхъ, не говоря уже о человѣкѣ, строжайше запрещено приносить въ жертву.

По единогласнымъ предписаніямъ раввиновъ воѣхъ временъ, жертвы должны быть приносимы *только* въ іерусалимскомъ храмѣ; приносить жертвы *вне* храма было строжайше *во все времена* воспрещено. Далѣе, когда извѣстили Равви Іохананъ-Бенъ Заккая, величайшаго раввина своего времени, о разореніи Іерусалимскаго храма, и когда ученики его стали плакать о томъ, что нельзя будетъ больше приносить предписанныя Богомъ жертвы, то онъ утѣшалъ ихъ слѣдующими словами: «Благотворительность замѣняетъ собою жертву!» и сослался при этомъ на слова пророка: «Зане милости хочу, а не жертвы, и увѣдѣнія Божія, нежели всесоженія.» Послѣ разоренія храма само собою образовалось убѣжденіе, что жертвоприношенія должны прекратиться, и въ этомъ отношеніи существуетъ у раввиновъ полнѣйшее единогласіе. *Молитва*, по единодушному соглашенію, была признана единственною замѣною жертвоприношеній, — на какой конецъ нѣкоторыя молитвы названы даже именами соотвѣтствующихъ имъ жертвъ, напр., *Милха*, *Мусафъ* и т. под. Кромѣ этого опредѣлено еще, чтобы при молитвѣ читались тѣ мѣста Пятикнижія, въ которыхъ находятся предписанія о жертвоприношеніяхъ; при чемъ евреи всегда молятъ Бога, да благоволитъ онъ *принять эти слова вмѣсто жертвъ*, «такъ какъ мы болѣе не имѣемъ храма, — говорятъ они, — и не должны приносить жертвъ.» Равнымъ образомъ евреи ежедневно молятся о возстановленіи храма въ Іерусалимѣ, дабы они имѣли возможность приносить предписанныя жертвы.

И такъ всѣми евреями безспорно и единогласно признается, что съ разореніемъ храма, миновала какъ обязанность, такъ и возможность приносить жертвы. Этотъ взглядъ раввиновъ весьма естественъ и основателенъ, ибо въ Пятикнижіи неоднократно повторяется «и будешь приносить мои жертвы на мѣстѣ мною избранномъ», а такъ какъ этимъ избраннымъ мѣстомъ, всѣми вообще евреями признается іерусалимскій храмъ, и такъ какъ онъ нынѣ разоренъ, то и обязанность приносить жертвы естественно должна была прекратиться. Даже *караимы*, которые вообще держатся буквы закона Моисеева, слѣдуютъ здѣсь единогласному и основательному взгляду раввинитскихъ евреевъ.

Изъ сказаннаго нами истекають слѣдующіе положенія:

1) Въ жертву можно приносить *только крупный и мелкій розный скотъ*, или *голубей*; всѣ другія животныя, не говоря уже о человѣкѣ, евреямъ строжайше запрещено приносить въ жертву.

2) Приносить жертвы *вне* Иерусалимскаго храма тоже строжайше воспрещено.

3) По раззореніи храма *прекратились* какъ возможность, такъ и *обязанность* приносить жертвы.

4) На мѣсто жертвоприношеній введены молитвы, и евреи *содовно* молятся Богу о томъ, дабы Онъ принялъ эти слова *вѣсто* жертвъ, возстановилъ бы ихъ храмъ въ Иерусалимѣ и далъ бы имъ возможность приносить предписанныя жертвы.

Я спрашиваю теперь, можно ли послѣ всего этого допустить, *что* есть евреи, которые приносятъ человѣческія жертвы и тѣмъ преступаютъ строжайшія постановленія Моисея, нарушаютъ единогласныя предписанія раввиновъ, и сами же уничтожаютъ смыслъ своихъ молитвъ? Я спрашиваю далѣе, возможенъ ли такой поступокъ для человѣка, который не отказался еще гласно отъ іудейства и не перешелъ къ язычеству? Но допустимъ даже *впрямду*, именно, что въ какую либо эпоху были, или даже теперь есть евреи, которые утверждаютъ, что постановленія Моисея о жертвахъ сохраняютъ свою силу еще и нынѣ, и что евреи и теперь еще обязаны приносить жертвы даже *вне* храма. Естественно и логическое слѣдствіе такого предположенія должно быть то, что эти евреи, которые такъ твердо держатся буквы закона, должны дѣлать это и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Они должны были бы приносить не только маловажную пасхальную жертву, но и всѣ другія, болѣе важныя; они должны были бы приносить ихъ не иначе, какъ согласно предписаніямъ Моисея: т. е. жертвы эти должны были бы состоять или изъ *рогатаго крупнаго и мелкаго скота*, или изъ *голубей*. Но при этомъ возникаетъ вотъ какое соображеніе: положительно не возможно подуметь, *чтобы* нашелся такой безумный еврей, который съ одной стороны стремился бы строжайше выполнять предписаніе Моисеево, *всѣми* евреями признаваемое потерявшимъ свое значеніе, а съ другой стороны въ тоже самое время, въ томъ же самомъ дѣйстви, выполнялъ бы это не побезопаснымъ и удобоисполнимымъ предписаніямъ Моисея, но дѣйствовалъ бы рѣшительно *противъ* дѣла; нарушая при этомъ многія другія весьма стро-

гія постановленія Мойсеевы, и подвергаясь, кромѣ этого, вснчайшимъ опасностямъ. Такое противорѣчіе у одного и того же челоука, въ одномъ и томъ же дѣйствіи, положительнo невозможно и можетъ быть допущено только у отъявленнаго сумасшедшаго.

Мы рѣшительно не можемъ уяснить себѣ, гдѣ и какъ могла зародиться сумасбродная мысль, что евреи могутъ считать приношеніе людей въ жертву очистительною жертвою передъ Іеговою, законы котораго такимъ потрясающимъ образомъ гремятъ противъ всякаго кровопролитія. Человѣческія жертвы никогда не имѣли мѣста въ законѣ іуданзма, и если въ древнія времена нѣкоторые евреи приносили своихъ дѣтей въ жертву, то дѣлали это въ угожденіе азыческому Молоху, а не еврейскому Іеговѣ, слѣдовательно внѣ іуданзма.

У римлянъ, грековъ, славянъ, челоуческія жертвы дѣйствительно законно существовали; но у евреевъ этого никогда не было. Правда, нѣкоторые мыслители хотѣли заключить изъ XXII гл. Бытія, гдѣ разсказывается о намѣреніи Авраама принести въ жертву сына своего Исаака, что нѣкогда у евреевъ существовали челоуческія жертвы. Но какъ извѣстно, что, такое заключеніе принадлежитъ *раціоналистамъ*; которые повѣрятъ, что Пятикнижіе есть книга, писанная Моисеемъ, и полагаютъ, по этому, что истерія о праотцахъ еврейскихъ создана по позднѣйшимъ понятіямъ. Напротивъ, всѣ вѣрующіе христіане, равно какъ и всѣ евреи, принимаютъ слова Св. Писанія такъ, какъ они есть, и понимаютъ это повѣствованіе, какъ испытаніе Авраама со стороны Іеговы; ученые евреи подробно распространяются объ этомъ и постоянно видятъ здѣсь испытаніе въ соединеніи съ ученіемъ о всевѣдѣніи Божіемъ. Какъ глубоко евреи чувствуютъ омерзѣніе къ челоуческимъ жертвамъ, даже внѣ іуданзма, можно усмотрѣть изъ IV кн. Цар. III, 27, гдѣ говорится, что весь Израиль подвергся великому гнѣву Божьему, единственно за то, что евреи были невольными побудителями царя Моавитскаго къ принесенію въ жертву своего сына.

Шестое показаніе гласитъ, что убиваемое христіанское дитя замѣняетъ пасхальнаго агнца, и что евреи смотрятъ на это убійство какъ на жертву очищенія, такъ какъ они не имѣютъ будто бы другаго средства для искупленія грѣховъ, кромѣ жертвы.

Эти незначительныя слова заключаютъ въ себѣ цѣлую беседу заблуж-

дній. Пасхальный агнецъ есть не жертва очищенія (по еврейски *зашиватъ*), а жертва шира (*шаламъ*) и принадлежитъ къ *Кодашимъ Калламъ*, т. е. къ жертвамъ второстепенной святости. Вообще величье постановленія Моисеевы о пасхальномъ агнцѣ еще имѣли значеніе между евреями, то очевидно, что они должны были бы исполняться только предписаннымъ у Моисея образомъ: т. е. приношеніемъ въ жертву агнца или козы.

Что касается ишѣнія, будто бы евреи не имѣютъ другаго средства къ искупленію отъ грѣховъ кромѣ жертвъ, то это ишѣніе есть только грустный плодъ рѣшительнаго незнакомства христіанъ съ религіею евреевъ.

Откройте любую еврейскую книгу, какого угодно столѣтія и какой угодно страны, и вы найдете неоднократно повторенное изреченіе: «*Тешуба Меканперетъ авонъ*», т. е. «раскаяніе искупляетъ грѣхъ»; эта ветхозавѣтная мысль встрѣчается безчисленное множество разъ даже въ ежедневныхъ еврейскихъ молитвахъ, особенно же въ молитвахъ составленныхъ для дня «отпущенія грѣховъ». Спросите любого еврейскаго извозчика, древоотѣки, носильщика, который едва умѣетъ читать поеврейски и ни слова не понимаетъ на этомъ языкѣ—какое средство имѣютъ евреи для достиженія отпущенія грѣховъ; онъ тотчасъ отвѣтитъ на это: «*тешуба*», т. е. «покаяніе». Это такъ популярно между евреями, что они употребляютъ его даже въ повседневной жизни и не знаютъ даже соответствующаго ему нѣмецкаго слова *Вийзе*. Подъ словомъ *тешуба*, покаяніе, евреи понимаютъ глубокое раскаяніе въ содѣланныхъ ими грѣхахъ и твердую рѣшимость не совершать ихъ вновь. Въ этомъ, согласно религіознымъ понятіямъ всѣхъ евреевъ безъ исключенія, состоитъ единственное и обще-извѣстное средство къ достиженію отпущенія грѣховъ, и вся религіозная жизнь евреевъ до того проникнута этою идеею, что она нѣкоторымъ образомъ легла въ основаніе всѣхъ ихъ молитвъ. Самое ужасное что еврей можетъ только вообразить себѣ—это умереть безъ тешубы, покаянія: еврей смотритъ по этому на скорострѣжную смерть, какъ на ужаснѣйшее наказаніе небесное, такъ какъ подобная смерть обыкновенно застигаетъ безъ предшествовавшаго покаянія.

Согласно *седьмому* показанію, евреи, будто бы, къ празднику Пасхи всегда обмазываютъ двери свои кровью христіанъ. Какъ ни нелѣпо это обвиненіе, мы все таки вынуждены подробно поговорить о немъ, во первыхъ потому, что оно не находится

ни въ какой печатной книгѣ, и мы только случайно нашли его въ одномъ официальномъ документѣ; а во вторыхъ потому, что оно есть изобрѣтеніе *русскаго унтеръ-офицера*, т. е., преданнаго еврея, вступившаго въ военную службу и дослужившагося до унтеръ-офицерскаго званія.

При допросѣ, произведенномъ этому унтеръ-офицеру въ одномъ присутственномъ мѣстѣ Гродненской губерніи, начется въ 1820 г., о томъ — употребляютъ ли евреи кровь христіанскую и для чего именно, онъ далъ такое показаніе * что кровь христіанская есть точно нужною по еврейскому *завѣту*, о томъ суть доказательства славнѣйшаго изъ *философа Россіи въ первой книгѣ о бытіяхъ*, значить, что евреи по приказанію Моисееву въ 14 число мѣсяца Нисина, т. е. апрѣль для сдѣланія пасхи должны зарѣзать агнца и кровію его брызгать на приволкахъ для различія Израилѣтянъ отъ народа Фараона во время дѣйствовавшаго въ семь послѣднемъ народѣ мора.

Читая эти строки, иной, пожалуй, удивится такой учености унтеръ-офицера русской службы; но мы должны однакожь замѣтить, что эти немногія слова показываютъ только подлость и неискренность этого безстыднаго обманщика. *Знаменитая еврейская философа Россіи*—никогда не было, а если бы и былъ таковой, то съ увѣренностью можно полагать, что онъ не сталъ бы говорить, что евреямъ нужно ежегодно убивать христіанскихъ дѣтей и употреблять ихъ кровь. Но унтеръ-офицеръ подразумеваетъ здѣсь, явственно, упомянутого нами раввина XI-го вѣка изъ сѣверной Франціи, *Р. Саломонъ Ицтаки*, обыкновенно называемаго *Раши*, который комментировалъ почти весь Талмудъ и все Св. Писаніе, и мнѣніе котораго о христіанахъ мы сообщили выше, гдѣ читатель видѣлъ; какъ этотъ раввинъ положительно говоритъ, что евреи ни въ какомъ случаѣ не должны сравнивать христіанъ съ язычниками. Комментарій его къ библии предается во всѣхъ первоначальныхъ еврейскихъ училищахъ даже и семилѣтнимъ дѣтямъ,—отъ чего онъ извѣстенъ и нашему ученому унтеръ-офицеру; и существуютъ, въ полномъ смыслѣ слова, сотни изданій этого комментарія, да кромѣ того насчитывается *четыредесятъ* латинскихъ и *два* нѣмецкихъ перевода его. Можно смѣло сказать, что во всей еврейской литературѣ нѣтъ ни одного сочиненія, которое столь извѣстно было бы христіанамъ,

* Передаемъ подлинныя слова унтеръ-офицера, какъ они сохранились въ упомянутомъ актѣ.

нѣтъ этотъ комментарий. Есть еще много древнихъ рукописей этого комментарія, изъ которыхъ многія изслѣдованы мною; даже здѣсь, въ Петербургѣ, есть нѣсколько такихъ рукописей, которыя также мнѣ хорошо извѣстны. Но не смотря на то, что величайшіе враги евреевъ, какъ мы выше уже замѣтили, единогласно говорятъ, что во всей еврейской литературѣ нѣтъ ни малѣйшаго знака, который хотя сколько нибудь могъ бы подтвердить это гнусное обвиненіе, — ученый унтеръ-офицеръ хочетъ найти даже въ этомъ извѣстнѣйшемъ христіанскому міру комментарий доказательство существованія у евреевъ мнимаго обряда употребленія христіанской крови! Честь казармѣ, въ которой обитаютъ такая ученость, тутъ конечно прежде всего слѣдовало бы утѣшать, правда ли что въ этомъ сочиненіи находятся доказательства обвиненія, какъ это утверждаетъ унтеръ-офицеръ, который до того невѣжественъ, что не знаетъ даже, что постановленія о намазываніи евреями въ Египтѣ косяковъ своихъ дверей кровью пасхальнаго агнца находятся не въ *Бытіи*, а въ *Исходѣ* (Гл. XII). Еслибъ онъ хотя сколько нибудь былъ знакомъ съ библіею, то онъ зналъ бы, что въ *Бытіи* не могло еще быть и рѣчи объ исходѣ изъ Египта.

Но будемъ слѣдить далѣе за показаніями этого унтеръ-офицера, показаніями, которымъ христіане 19-го столѣтія, могли давать вѣру; не учености казармѣ должны мы удивляться, но румянецъ позора долженъ покрыть наше чело при мысли, что такія постыдныя сумасбродства могли находить вѣру въ нашемъ любезномъ отечествѣ за 40 лѣтъ тому назадъ и — мы должны къ глубокому прискорбію сознаться, что можетъ быть еще и теперь есть люди, которые продолжаютъ вѣрить подобнымъ нелѣпостямъ. И теперь еще существуетъ между нами такое невѣдѣніе относительно іуданзма, что всякій клеветникъ его, какъ бы постыденъ и нелѣпъ онъ ни былъ, иногда встрѣчаетъ еще довѣріе.

Унтеръ-офицеръ говоритъ: «Пророкъ же *Азарія* проповѣдывалъ намъ, что Пасха оная уничтожится, а будетъ Пасха безкровна, *не телесъ аки Моисей*, * по въ искупленіи душъ: имя искупителя нарѣчено будетъ *Эммануэль*, что значитъ по *протестантской*: съ нами Богъ. Вы же по жестокосердію вашему его не примите; въ него не увѣрите и назовете не *Эммануэль*, но *Кидръ*, т. е. падшій, а Есифемъ будетъ названъ *Голуй*, т. е. *висящій*.»

* Эти слова намъ не понятны.

Сознаюсь, что я едва вѣрилъ глазамъ своимъ, читая эти не стыдныя строки. Я спрашиваю, возможно ли, чтобы человекъ больше негѣпо вралъ передъ судомъ? возможно ли, что между всѣми лицами, отбиравшими эти свѣдѣнія, не было хотя одного, который зналъ бы, что *Пророкъ Азарія никогда не существовалъ* и что *это пророчество нигдѣ не находится* и есть только плод безстыднаго плутовства унтеръ-офицера? Неужели такія показанія могли имѣть вліяніе на рѣшеніе вопросовъ о религіозныхъ обрядахъ евреевъ! Неужели отъ такихъ показаній могла зависѣть судьба многихъ семействъ, честь и гражданская судьба цѣлой націи! — Грустно, грустно!... Вѣдь чтобы разобличить подлость этого унтеръ - офицера не нужно быть богословомъ: если даже забыть все, что сообщило намъ касательно религіи, воспитаніе, то стоитъ спросить любого десяти-лѣтняго школьника, и тотъ непремѣнно сказалъ бы, что пророка *Азаріи* никогда не было; что названіе Христа *Эммануэль* находится у пророка *Исаіи*, и что приводимое унтеръ - офицеромъ пророчество нигдѣ не существуетъ. И какъ грубо и невѣжественно вралъ этотъ обличитель Израиля... а между тѣмъ все такъ онъ, можетъ быть, находилъ вѣру! *Эммануэль*, говоритъ онъ, «по простонарчію» значитъ съ нами Богъ, не знаю даже, что это слово есть чисто древне-еврейское, составленное изъ слова «*имману*» (съ нами) и «*Эль*» (Богъ). Изобрѣтенный унтеръ - офицеромъ пророкъ Азарія будто сказалъ еще, что евреи называютъ Христа не *Эммануэль*, а «Кидръ» что означаетъ будто бы «падшій». Я могу увѣрить, что это слово быть можетъ имѣть какое-либо значеніе въ языкѣ японскомъ или монгольскомъ, но въ еврейскомъ языкѣ такого слова нѣтъ; даже однозвучація съ нимъ слова «*каддуръ*» и «*киддуръ*» означаютъ—первое «*клубокъ*» «*шаръ*», другое — «осада—штурмъ укрѣпленія», но ни въ какомъ случаѣ не означаютъ «падшій».

«Раввинъ, продолжаетъ унтеръ-офицеръ, обязанъ удовольствоваться цѣлымъ кагалъ (евр. общину), ему подвластный, помазывая христіанскою кровью на притолкахъ въ каждомъ еврейскомъ домѣ въ 1-й день праздника Пайсаха, въ который кромѣ того, евреи сожигаютъ въ домахъ своихъ весь оставшійся печеный хлѣбъ, для истребленія происходящей отъ него кислоты; посланный же отъ раввина школьникъ, или саммесь, съ ниткою, омоченною въ крови христіанской, войдя въ домъ, помазываетъ ею прежде притолокъ,

а потомъ, обмокнувъ её въ приготовленную хозяиномъ воду, снѣтъ образомъ *дѣлаетъ водоосвященіе*».

И здѣсь не нужно было быть богословомъ, чтобы усмотрѣть какъ безстыдно обманывалъ унтеръ-офицеръ. Онъ связываетъ изобрѣтенный имъ обрядъ намазыванія дверныхъ косяковъ кровью христіанъ съ извѣстнымъ повелѣніемъ, даннымъ еврейскому народу, — обмазать косяки кровью пасхальнаго агнца. Стоить только прочесть подлежащее мѣсто въ XII, 7, 12, 13, Исхода, чтобы усмотрѣть всю ложность показаній унтеръ-офицера. Мѣсто это гласитъ: 7) «И примутъ отъ крове и помажутъ на обою подвою и на прагахъ въ домѣхъ, въ нихъ же снѣдятъ тое». 12) «И пройду землю Египетскую сея мощи, и убію всякаго первенца въ земли Египетской, отъ человѣка до скота, и во всѣхъ бозѣхъ египетскихъ сотворю отмщеніе...» 13) «И будетъ кровь вамъ въ знаменіе на домѣхъ, въ нихъ же вы будете тамо: и узрю кровь и покрюю вы, и не будетъ въ васъ язвы, еже погибнути, егда поражу землю египетскую.» Очевидно, что постановленіе это сдѣлано только на одну ночь исхода изъ Египта, но ни въ какомъ случаѣ не на вѣчныя времена. Такъ понимаетъ это іудаизмъ, и во всей обширной литературѣ его, гдѣ такъ много говорится о праздникѣ Пасхи, нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы евреи были обязаны намазывать дверные косяки кровью пасхальнаго агнца. Ученый унтеръ-офицеръ не зналъ даже, что сожиганіе остающагося хлѣба производится не въ 1-й день Пасхи, а въ предшествующій день, какъ это ясно сказано въ Пятикнижій.

То, что онъ говоритъ о мнимомъ «водоосвященіи» у евреевъ есть чистѣйшая и грубая ложь; ибо у евреевъ нѣтъ даже обряда хотя сколько нибудь сходнаго съ христіанскимъ обрядомъ водоосвященія: напротивъ, по раввинскимъ постановленіямъ вода, въ которой была бы намочена окровавленная нитка не можетъ быть годна къ употребленію и должна быть вылита.

Далѣе, унтеръ-офицеръ продолжаетъ изобрѣтать, что пойманный христіанинъ хоть будь онъ восьмидесятилѣтній старецъ, умерщвляется въ тотъ самый день, когда его достанутъ, и что кровь его сохраняется безъ порчи на слѣдующіе годы, «*ибо кровь мученика не портится*», и неужели просвѣщенные судьи 19 вѣка повѣрили этому!!!... Неужели никому изъ нихъ и въ голову не пришло спросить, что дѣлали евреи въ теченіе 1500 лѣтъ отъ

Моисея до Христа, когда еще не было христіанъ, кровью которыхъ они будто должны намазывать косяки своихъ дверей?

Читатели удивятся, быть можетъ, что мы такъ подробно говоримъ о показаніяхъ унтеръ-офицера, тогда какъ ложность и вымышленность ихъ столь очевидны; но эта постыдная ложь была причиною того, что многіе невинные (они были оправданы) евреи многіе годы томились въ темницахъ, что они и ихъ семейства обнищали и вымерли отъ бѣдствій и горя, и что эти лживыя и сумасбродныя показанія успѣли пробиться черезъ длинный рядъ низшихъ, среднихъ и высшихъ вѣстанцій — до Государственнаго Совѣта.

Тяжко намъ выговорить, но мы должны высказать это для будущаго времени, что такая грубая клевета свидѣтелей и такой образъ дѣйствія со стороны судей, по крайней мѣрѣ въ теченіи прошедшаго и текущаго вѣка, не имѣли и не могли имѣть мѣста въ Западной Европѣ; ибо вездѣ судьи пригласили бы свѣдущихъ компетентовъ, вездѣ знали бы, что пророкъ Азарія и приводимое унтеръ-офицеромъ пророчество никогда не существовали, вездѣ усмотрѣли бы изъ XII главы Исхода, что обязанность намазывать двери кровью пасхальнаго агнца продолжалась для евреевъ *одну только ночь исхода изъ Египта*; вездѣ наконецъ знали бы, что кровь — чья бы она ни была — отъ времени портится — вездѣ знали бы все это, только въ нашемъ отечествѣ этого не знали! Ужасъ обнимаетъ меня при мысли, что такія нелѣпныя и низкія обвиненія могутъ еще и нынѣ имѣть у насъ мѣсто. Что гарантируетъ жизнь, состояніе, спокойствіе и честь евреевъ въ виду такихъ обвиненій? развѣ мы теперь лучше знаемъ евреевъ и ихъ религію, чѣмъ за 40 лѣтъ? есть ли во всей необъятной Россійской Имперіи хотя одинъ природный русскій, который былъ бы въ состояніи прочесть и понять хотя одну строчку въ какой либо книгѣ изъ раввинской литературы? Должно ли послѣ этого удивляться, что мы еще очень недавно считали въ высшей степени опасными и подозрительными многія самыя невинныя еврейскія книги, существующія даже въ переводахъ на разныя европейскія языки. Да, еще очень недавно то время, когда у насъ приводили самыя грубыя и смѣшныя выдумки въ доказательство, что евреи дѣйствительно употребляютъ кровь христіанскую. Еще болѣе, ссылались даже на показанія какаго-то признаннаго негодяя — выкреста изъ евреевъ, — который осмѣлился даже дѣлать подробное описаніе

иннаго процесса добыванія и употребленія евреями христіанской крови, и при этомъ имѣлъ довольно безстыдства, чтобы увѣрять, что описаніе это взято имъ изъ такихъ-то и такихъ-то трактатовъ, главъ и параграфовъ Талмуда и книгъ, не смотря на то, что цитируемые имъ трактаты и книги *не существуютъ и никогда не существовали*. Такія свидѣтельства были приведены противъ евреевъ.

Нелѣпость *восьмаго* показанія также велика, какъ и предъидущихъ: когда еврей, говорятъ обвинители, находится въ предсмертныхъ судорогахъ, то окружающіе его намачиваютъ платокъ христіанскою кровію, (они должны слѣдовательно постоянно имѣть при себѣ свѣжую кровь) кладутъ его на лице умирающему и говорятъ ему на ухо: «Если Мессія, въ котораго христіане вѣруютъ и на котораго они уповаютъ, есть истинный обѣтованный Мессія, то да поможетъ тебѣ эта кровь невинно умершаго въ вѣрѣ своего Спасителя христіанина получить, жизнь вѣчную.» Какая прекрасная логика! Уже ли жь евреи такъ глупы, чтобы могли думать, будто невинная кровь христіанскаго младенца можетъ быть примирительною жертвою за совершенныя ихъ предками преступленія противъ Спасителя. Ужели одно преступленіе можетъ быть изглажено цѣлымъ рядомъ, въ теченіе столѣтій, совершаемыхъ преступленій! Такое богословское умствование едва ли найдется въ религіозныхъ вѣрованіяхъ дикарей, тѣмъ труднѣе найти его въ религій, составляющей основаніе христіанства. Это нелѣпое обвиненіе противъ евреевъ въ первый разъ высказано однимъ крещенымъ евреемъ въ Регенсбургѣ, какъ увѣрають Мих. *Неандеръ* ¹³⁶. и Авраамъ *Мелликусъ*. ¹³⁷ *Гисбертусъ Воэцій* не сомнѣвается въ истинѣ этой дерзкой клеветы. ¹³⁸ Но Сигизмундъ *Госманнъ*, который обыкновенно являетсѣ заклятымъ врагомъ евреевъ, напротивъ, въ своемъ сочиненіи: «Трудно обращающееся сердце еврейское» (*Das shweg zu bekehrende Judenherz.*), говоритъ, что истинность этого изрѣченія подлежитъ весьма большому сомнѣнію. Точно также не вѣригъ этой баснѣ другой ожесточенный врагъ евреевъ *Мартинъ Дифенбахъ* ¹³⁹. *Валенцейль* того мнѣнія что

¹³⁶ Tract. de rebus Judaeorum.

¹³⁷ Martyr. Belg.

¹³⁸ Helmstaedt, 1701 г. стр. 276. примѣч.

¹³⁹ Въ своихъ *Disputat. selec.* т. II стр. 82 онъ говоритъ: «Затѣмъ они (т. е. евреи) съ жестокостію закалываютъ дѣтей христіанъ, и, извлеки изъ нихъ кровь, намачиваютъ ею (замѣчательно,

это обвиненіе обязано своимъ существованіемъ лишь незнанію еврейской религіи и еврейскихъ нравовъ; онъ не можетъ постигнуть, какъ человѣкъ разсудительный можетъ вѣрить этой клеветѣ.¹⁴⁰ «Кто любитъ истину, говоритъ онъ, то есть «Богъ, который есть врагъ всякой лжи, тотъ пусть послушаетъ «и узнаетъ, какъ евреи обращаются съ своими умирающими «единовѣрцами.»¹⁴¹ Затѣмъ онъ подробно сообщаетъ какіе обычаи соблюдается евреями надъ умирающими, и доказываетъ, что взводимое на нихъ обвиненіе совершенно неосновательно. Самое лучшее доказательство, какъ ложно это обвиненіе, заключается въ слѣдующемъ, (оно приводится и у *Вагензейля*): передъ смертію каждый еврей исповѣдуетъ свои грѣхи, прощаетъ всѣмъ сотворившимъ ему зло, или вообще обидѣвшимъ его, проситъ всѣхъ, кого онъ самъ обижалъ, даровать ему прощеніе и произносить исповѣданіе вѣры, составленное Моисеемъ *Маймонидомъ*, произносимое впрочемъ почти каждымъ евреемъ ежедневно послѣ утренней молитвы. 12-й членъ этого вѣроисповѣданія, состоящаго всего изъ 13-ти членовъ, читается «какъ эта кровь можетъ постоянно сохраняться въ жидкомъ состояніи) чистое полотно и полагаютъ его на умирающаго, говоря: «Если Иисусъ есть истинный Мессія, то да доставитъ тебѣ жизнь вѣчную кровь этого невинноумершаго въ вѣрѣ Христіанской.» Отсюда происходитъ употребленіе крови христіанскихъ дѣтей, которой такъ жаждутъ и которую такъ часто проливаютъ евреи; это обвиненіе ихъ сообщено однимъ евреемъ, который принялъ крещеніе въ Ратисбонѣ.»

Приведенная формула, которую еврей будто-бы говоритъ на ухо умирающему, передается впрочемъ, какъ всякая выдумка, различно. Такъ у Вагензейля (въ его сочиненіи «De Infundabili sui occasione, consilio et instituto Epistola ad Iohan Fechtium, (Altorf. 1693 г. стр. 82) она читается такъ: «Если Мессія, въ котораго христіане вѣрують и на котораго они возлагаютъ свое упованіе, есть истинный и обѣтованный Мессія, тогда будетъ кровь этого невинно-убитаго христіанина залогомъ для тебя къ достиженію вѣчнаго блаженства.» У. Д. I. Ф. Майера напротивъ (Früchstunden der Dom. quinquag. стр. 347) эта формула выражена такъ: «Если кровь того христіанина есть «кровь, излитая нами при распятіи Христовомъ, то умилосердись, «Боже, ради этой крови, и будь многомилостивъ къ душѣ твоей «(умирающаго)» Какое безуміе! Уже-ли евреи могутъ думать, что кровь убитаго ими самими ребенка есть кровь Христова? уже-ли сами убійцы могутъ молить Бога о помилованіи ради своей жертвы!!!

¹⁴⁰ См. его *Iudaeus conversus*, Frankf. a. m. 1709. г. стр. 225.

¹⁴¹ *Benachrichtigungen etc.* стр. 141 и д.

¹⁴² *De Infundab.* стр. 88.

такъ: «Вѣрую совершенно, что Мессія еще придетъ, и хотѣлъ бы пришествіе его замедлялось, но я буду всякій день ожидать Его.»⁴³ Каждый набожный еврей убѣжденъ въ томъ, что онъ лишится вѣчнаго блаженства, если передъ смертію дастъ мѣсто какому нибудь сомнѣнію касательно этихъ 13-ти членовъ вѣры. Разбираемое нами странное и ложное обвиненіе крещенаго въ Регенсбургѣ еврея уничтожается такимъ образомъ само собою, хотя весьма многіе хрістіане вѣрили ему и хотѣ вслѣдствіе этого, Богъ знаетъ — сколько евреевъ должны были взойти на костеръ. При этомъ не надобно забывать, что набожные евреи, къ сожалѣнію, ни во время своей жизни, ни при своей смерти не думаютъ о Спасителѣ, и что имъ некогда даже на умъ не приходитъ питать хоть малѣйшее сомнѣніе касательно дѣйствительности еще предстоящаго пришествія Мессіи. Вагензейль всячески старается объяснить причину, по которой хрістіане могли быть побуждены къ тому чтобы вѣрить этому обвиненію, но усилія его напрасны. Упомянутый крещенный еврей изъ Регенсбурга, первый поднявшій эту клевету, бывшій очевидно столько же худымъ хрістіаниномъ, какъ онъ прежде былъ худымъ евреемъ, надѣялся вѣро-явно приобрести благосклонность своихъ новыхъ единовѣрцевъ сильною клеветою на прежнихъ братьевъ своихъ по вѣрѣ, и такъ какъ прежнія басни объ употребленіи хрістіанской крови въ пасхальныхъ хлѣбахъ и т. д. уже были слишкомъ истерты, то онъ и выдумалъ нѣчто новое, еще небывалое, чтобы хоть незначительно къ евреямъ вознаградить недостатокъ любви къ хрістіанству.

По *девятому* показанію нѣкоторые увѣряютъ, что евреи не употребляютъ крови похищаемыхъ ими младенцевъ, но что они распинаютъ ихъ въ великую пятницу, чтобы тѣмъ ежегодно изображать распятіе І. Х.

Нѣсколько не удивительно, если такая клевета могла нахо-

⁴³ См. объ обычаяхъ евреевъ при смерти: Buxtorf. Synag. Iud. гл. 49 стр. 391 и слѣд. Gerson, еврейскій Талмудъ ч. 1 стр. 36. (Этотъ Герсонъ былъ крещенный еврей и умеръ въ Дрегельмѣ пастромъ.) Вагензейль, «Benachrichtigungen etc. стр. 141 и слѣд., его же de Infund, стр. 89 и слѣд. и Pera librorjuven т. II кн. II гл. I стр. 152 и Боденшатъ I. с. IV стр. 169 и слѣд. Въ Еврейской книгѣ *Маабаръ-Ябокъ*, которая почти ежегодно печатается въ Россіи, собраны всѣ еврейскія обыкновенія и молитвы надъ умирающими и при погребеніи.

дить вѣру у христіанъ. Преслѣдованіе, угнетеніе, уничтоженіе и осмѣяніе евреевъ долго очень долго, были нѣкотораго рода спеціальностью христіанскаго общества, и очень естественно, что у христіанъ могла родиться мысль, что и евреи плататъ имъ равною монетою, и не имѣя возможности дѣлать это открыто, втайнѣ издѣваются надъ минувшими страданіями Спасителя.

Но мы уже неоднократно говорили, что личность Христа и вѣрованія его послѣдователей сами по себѣ совершенно не интересовали евреевъ, прибавимъ еще здѣсь, что нужно быть еще болѣе сумасбродными, чѣмъ эти мнимые хулители Христовы, чтобы допустить, что евреи, удрученные гнетомъ и живущіе среди враждующихъ противъ нихъ христіанскихъ народовъ, стали подвергать себя величайшимъ опасностямъ ради какого-то драматическаго фарса. Въ слѣдующей главѣ мы приведемъ еще опроверженіе этого показанія христіанскими учеными.

Согласно *десятому* показанію евреи убиваютъ христіанскихъ дѣтей изъ ненависти къ христіанамъ.

Ничто не кажется намъ болѣе возмутительно недѣльнымъ, какъ жалобы на ненависть евреевъ къ христіанамъ. Въ теченіе 15 вѣковъ христіанскіе народы систематически преслѣдовали, терзали и мучили евреевъ; осмѣивали ихъ религію, ихъ обычаи, ихъ народность; нѣтъ пытки, которая въ свое время не была бы испробована надъ евреями; нѣтъ слова брани и ненависти, которыми не заклеили бы евреевъ; сотнями тысячъ умерщвляли и жгли ихъ; все святое для нихъ сдѣлали носимыищемъ и позорищемъ: имя *жидъ* сдѣлали какимъ то пугаломъ для дѣтей или синонимомъ мошенника; святое для еврея слово *суббота* сдѣлали синонимомъ торжища бѣсовъ и вѣдьмъ—и послѣ всего этого мы, христіане, рѣшаемся говорить о ненависти евреевъ къ христіанамъ... Непостижимо! И гдѣ слѣды этой ненависти? гдѣ ея симптомы? Въ законодательствѣ и въ религіи евреевъ, какъ мы видѣли выше, ея нѣтъ. Въ раввинской литературѣ, въ молитвахъ? Но помилуйте, христіане написали цѣлыя бібліотеки поносительныхъ сочиненій противъ евреевъ и еврейства; напротивъ, во всей еврейской литературѣ, считающей въ себѣ до 25,000 сочиненій, находится лишь нѣсколько незначительныхъ сочиненій противъ христіанства, которыя почти неизвѣстны между евреями, и оставались бы вовсе неизвѣстными, еслибъ христіане сами не печатали ихъ. Даже эти немногія анти-христіанскія сочиненія имѣютъ характеръ *богословскихъ* преній, далеки отъ всякихъ

грубыхъ поношеній и хуленій и составлены почти *исключительно* съ тою цѣлю, чтобы служить руководствами для евреевъ, которые въ средніе вѣка *были принуждаемы* монахами къ публичнымъ диспутамъ. Это скорѣе *защитительныя* сочиненія для іудейства, чѣмъ *нападки* на христіанство, какъ я объ этомъ заговорилъ уже выше.

Что еврей не вѣруетъ въ божество Спасителя и не считаютъ христіанства истинною религію, это само собою разумѣется; ибо иначе они не были бы евреями. Что какой нибудь еврей подь-часъ сдѣлаетъ какое либо насмѣшливое замѣчаніе на счетъ христіанства, это тоже возможно. Напротивъ, увѣреніе, что еврей, такъ сказать *ex officio*, собираются въ извѣстное время, чтобы осмѣивать и хулить Христа, христіанство и св. иконы, проклинать христіанъ и пр., такое увѣреніе есть низкая и ложная клевета, выдуманная нѣкоторыми недостойными крещеными евреями, думавшими оклеветаніемъ прежнихъ своихъ единовѣрцевъ представить доказательства своей искренней христіанственности. Да, намъ право не слѣдовало бы говорить о религіозной нетерпимости евреевъ; ибо евреи не терпѣли только язычества, и то только въ Палестинѣ. Виѣ ея предѣловъ еврей не обязанъ побороть и самое язычество. Съ другой стороны, всякій язычникъ, отказавшійся отъ идолопоклонства, даже если онъ и не сдѣлался строгимъ монотеистомъ, но не дѣлаетъ никакого неупотребства, не грабитъ, не убиваетъ и рѣшился жить согласно социальнымъ отношеніямъ, былъ, какъ мы видѣли выше, всегда братски принимаемъ евреями, и по еврейскимъ законамъ долженъ быть разсматриваемъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ настоящій еврей.

Что касается социальной жизни, то я могу сказать слѣдующее: до двадцатилѣтняго возраста жилъ я въ домѣ одного знаменитаго раввина, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и судьей, и въ домѣ котораго ежедневно бывало множество евреевъ всѣхъ классовъ. При этомъ я имѣлъ случай узнать евреевъ—самыхъ разнообразныхъ характеровъ. Такъ какъ я во всю свою жизнь занимаюсь еврейскою литературой и исторіей, то почитаю себя въ правѣ сказать, что я знаю жизнь евреевъ, какъ внутреннюю такъ и внѣшнюю и образъ ихъ мыслей. Двадцать лѣтъ живу я въ постоянныхъ сношеніяхъ съ отечественными и иностранными христіанами, и думаю, что знаю и этихъ послѣднихъ. Я могу увѣрить, что ничто не кажется мнѣ болѣе страннымъ, какъ та тревога, которую дѣлаютъ изъ-за мнимой, будто бы ужасной не-

ненависти евреевъ къ христіанамъ. Миѣ постоянно приходитъ при этомъ въ голову слова нашего Спасителя: «Они видятъ сучокъ въ глазахъ другихъ, а въ своихъ и бревна не видятъ.» Ненависть евреевъ къ христіанамъ есть не болѣе, какъ фантазія, призракъ, и ужь по самой большой мѣрѣ, во время особеннаго огорченія, кулакъ въ карманѣ; напротивъ, ненависть христіанъ къ евреямъ есть къ сожалѣнію нѣчто дѣйствительное, положительное, стоившее евреямъ много и очень много жертвъ. Если еврей и ненавидитъ иногда христіанина, то онъ ненавидитъ его *не какъ христіанина*, но какъ своего *преслѣдователя*, который относится къ нему съ ненавистью, осмѣяніемъ и презрѣніемъ. Противъ *христіанина* еврей рѣшительно ничего не имѣетъ, и если какой либо христіанинъ обращается съ евреемъ по человѣчески, тѣмъ болѣе,—если поступаетъ съ нимъ благосклонно, то еврей рѣшительно исчерпаетъ всего себя въ любви и благодарности. Доказательствомъ сказанному нами служатъ тѣ многочисленныя примѣры, гдѣ еврей собирався въ синагогахъ, чтобы молиться за своихъ благодѣтелей изъ христіанъ, если эти послѣдніе находились въ опасности или болѣзни. Далѣе, если бы существовало еврейское государство, то христіанство находило бы въ немъ, *согласно еврейскимъ законамъ*, полную свободу.

Конечно, по естественному разумѣнію, безъ знанія внутренней жизни евреевъ и управляющихъ ею пружинъ, трудно понять какимъ образомъ еврей послѣ воѣхъ перенесенныхъ мукъ, пытокъ, гоненій, униженій, посмѣяній,—не чувствуютъ къ своимъ гонителямъ самой сильной ненависти; но это становится ясно при ближайшемъ знакомствѣ съ евреями. Еврей, съ своимъ религіознымъ міросозерцаніемъ, видитъ въ воздвигаемыхъ на него гоненіяхъ, не «*ювенія*», не «*преслѣдованія людскія*», не плодъ «человѣческой злости и воли,» а карающій «перстъ Божій».

Повторяемъ еще разъ: намъ совершенно понятно, если въ умѣ христіанскихъ гонителей евреевъ могла родиться мысль о такомъ страшномъ и безумномъ мщеніи со-стороны этихъ послѣднихъ; но при ясномъ уразумѣніи жизни евреевъ и ихъ образа воззрѣнія на вещи было бы безумно, или просто преступно допускать подобную мысль.

Напротивъ, я могу смѣло сказать: «Братья христіане! вы можете закрывши глаза довѣрить еврею дѣтей вашихъ; ибо еврей мягкосердеченъ. Если бы христіанину встрѣтилась предполагаемая мною необходимость, то ему стоить только сказать еврею,

что онъ вѣряетъ ему свое милое, дорогое дитя, какъ отецъ, и если еврей принялъ на себя надзоръ надъ этимъ дитятею, то христіанинъ можетъ быть убѣжденъ, что еврей будетъ заботиться объ этомъ чужомъ христіанскомъ дядити больше, чѣмъ о своемъ собственномъ; ибо въ противномъ случаѣ честный и правдивый еврей подумаетъ, что онъ совершаетъ «Хиллулъ-Гашемъ», т. е. что онъ оскорбляетъ святое имя Господне, если онъ не оправдываетъ оказаннаго ему христіаниномъ святаго чувства довѣрія. Этотъ взглядъ *общъ вѣсьмъ евреямъ безъ исключенія* и этотъ Хиллулъ-Гашемъ—выраженіе столь популярное и техническое между русскими евреями, что они не только не имѣютъ другаго *выраженія*, но не имѣютъ даже и другаго *оборота рѣчи* для этого понятія. Я знаю еврейское сердце и еврейское настроеніе духа и говорю по этому съ полнымъ убѣжденіемъ.

Я строго настаиваю на той мало-извѣстной мысли, что такъ называемый религіозный фанатизмъ—у евреевъ имѣетъ характеръ совершенно отличный отъ всякаго другаго фанатизма, не исключая и христіанскаго. И это очень понятно. Христіанству не извѣстны ни отдѣльныя народности, ни различія человѣческихъ породъ: оно обнимаетъ своею любовію все человѣчество. Христіанская религія имѣетъ призваніе—завладѣть вселенною, и, вслѣдствіе великихъ внутреннихъ истинъ своихъ, сознаетъ себя въ правѣ—называться *единою спасающею церковію*. На этомъ основаніи во всѣ времена случалось, что между христіанами находились благочестивые люди, не чуждавшіеся никакихъ способовъ къ распространенію истинной вѣры между другими людьми и народами. Въ еврействѣ такой образъ дѣйствій вовсе неудобовообразимъ: евреи принимаютъ, что они потомки Авраама, Исаака и Иакова, съ которыми Богъ вступилъ въ непосредственный, тѣсный союзъ, что Богъ исключительно для нихъ—*только* являлся на горѣ синайской и только имъ однимъ даровалъ такъ называемый законъ Моисеевъ—и что по *всѣмъ* этимъ причинамъ одни только они и обязаны исполнять этотъ законъ: для всякаго другаго народа законъ Моисея не имѣетъ ни малѣйшей обязательности. Это одно изъ самыхъ внутреннихъ убѣжденій еврейства. Знаменитыя семь заповѣдей новыхъ—вотъ все, въ чемъ заключаются обязанности *всѣхъ* остальныхъ людей въ отношеніи къ высочайшему существу.

Иуданзмъ, во самой сущности своей, не претендуетъ на исключительную привилегію спасительности; напротивъ, онъ учитъ,

какъ мы видѣли выше, что участія въ будущей жизни не будетъ лишонъ никакой благочестивый человекъ изъ какого угодно народа.

Съ другой стороны, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что въ душѣ каждаго еврея живетъ, конечно, желаніе, чтобы всѣ народы земли познали истиннаго Бога; всеобщее просвѣщеніе людей касательно истинныхъ свойствъ божества было предсказано пророками; объ этомъ евреи, какъ мы видѣли выше, молятся ежедневно. Но ни ихъ религія, ни ихъ религіозныя воззрѣнія, не побуждаютъ ихъ къ *прозелитизму*, къ навязыванію другимъ духовнаго спасенія.

По ученію раввиновъ, евреи должны даже *отговаривать* всякаго желающаго принять еврейскую вѣру, поставляя ему на видъ всю трудность выполненія всѣхъ ея законовъ ¹¹¹.

Такимъ образомъ, или еврей фанатикъ, то онъ фанатикъ *только внутри самаго іудаизма*, относительно *самого себя* или такого же, какъ онъ самъ, *еврея*. Касательно самаго себя, еврей можетъ выказывать свой фанатизмъ строжайшимъ выполненіемъ всѣхъ мелочныхъ религіозныхъ предписаній относительно пищи, одежды и вообще всей обыденной жизни. Относительно своихъ единовѣрцевъ, еврей можетъ заявить свой фанатизмъ требованіемъ отъ нихъ такой же строгой точности. Эта послѣдняя черта еврейской религіозности вытекаетъ изъ того, что еврей, согласно ихъ религіознымъ понятіямъ, отвѣтственны одинъ за другаго предъ Богомъ въ дѣлѣ выполненія религіозныхъ предписаній. До всѣхъ прочихъ людей евреевъ нѣтъ никакого дѣла, можно сказать, въ сугубой степени,—такъ какъ съ одной стороны—они за нихъ не отвѣтственны, а а съ другой—и самыя еврейскіе законы для неевреевъ нисколько не обязательны.

Таковъ смѣю утверждать, религіозный фанатизмъ евреевъ. Разсудительные люди имѣютъ теперь достаточно способовъ для составленія правильнаго заключенія о томъ, дастъ ли этотъ фанатизмъ какой-нибудь поводъ обвинять евреевъ въ томъ, буди они *воруютъ христіанскихъ дѣтей, убиваютъ ихъ и упиваются ихъ кровію....*

Вторая половина упомянутыхъ выше 16 показаній можетъ быть приведена къ такому общему положенію: евреямъ нужна христіанская кровь для цѣлей волшебства, медицины и т. под.

¹¹¹ Талмудъ. Тракт. Іебемотъ fol 47. а. Маймонидъ Issure-bia 13, 1 и 14, 1; Semag §114 и Шулахъ-Арухъ Іоре-Деа, гл. 268. § 2.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ пунктовъ, мы должны предпослать еще слѣдующія общія замѣчанія:

Евреямъ строжайше воспрещены всякаго рода чародѣйство и волшебство, которыя наказываются смертью (Исходъ: XXII, 17; Левитъ: XIX, 26; Числ.: XXII, 23; Второз: XVIII, 10, I Царст: XV, 23; IV Царст: XVII, 17; XXI, 6; Малахія: III, 5; II Паралип: XXXIII, 6).

Раввины еще расширили и подтвердили это запрещеніе, возбранивъ даже вѣровать въ хорошіе и худые дни и примѣты (omina).

Въ талмудѣ даже разсказывается одинъ случай, при которомъ были сожжены 80 вѣдьмъ. Многіе величайшіе авторитеты іудаизма считаютъ волшебство столь же преступнымъ какъ и идолопоклонство.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію исчисленныхъ нами показаній въ частности.

Одинадцатое показаніе гласитъ, что евреи, можетъ быть, употребляютъ кровь христіанскую для какихъ либо медицинскихъ цѣлей. Это показаніе, какъ и всѣ другія, не основано ни на какомъ доказательствѣ или фактѣ. Слѣдуетъ знать, что такой вещи, которая бы называлась *еврейскою медициною*, вовсе не существуетъ.

Въ средніе вѣка, дѣйствительно, было много еврейскихъ медиковъ; ибо извѣстно что въ то время арабы были почти единственными представителями науки вообще и медицины въ особености; евреи же понимали по-арабски, или, покрайней мѣрѣ, могли читать арабскія медицинскія сочиненія, въ переводахъ, сдѣланныхъ испанскими и провансальскими евреями на еврейскій языкъ.

И такъ еврейскихъ медиковъ было тогда, конечно, много, но *еврейской медицины*—и тогда не было; еврейскіе медики почерпали свои свѣдѣнія изъ сочиненій арабскихъ писателей, которые въ свою очередь основывались главнымъ образомъ на ученіи Гиппократѣ и Галена, къ которому нѣкоторые арабскіе медики, какъ напр. Авиценна, Разезъ, Абензогаръ и др. присовокупили кое что новое.

Въ европейскихъ бібліотекахъ имѣется много еврейскихъ рукописей медицинскаго содержанія, которыя не имѣютъ ничего самостоятельнаго и суть большею частію или простые переводы, или обработки арабскихъ медицинскихъ сочиненій. Нѣ-

которыя сочиненія еврейскихъ медиковъ того времени сохранились еще въ переводахъ на латинскій языкъ, какъ напр: сочиненія Исаака Израэли, Маймонида и др.; характеръ этихъ сочиненій также нисколько не отличается отъ характера арабскихъ твореній, и они не имѣютъ ничего особенно *еврейскаго*. Но еслибъ когда нибудь и былъ такой еврейскій медикъ, который предписалъ бы для какой либо болѣзни человѣческую кровь, то если онъ носитъ названіе *медика*, а не чародѣя, и тогда, онъ не могъ бы утверждать, что эта кровь должна быть непременно христіанская. Впрочемъ я долженъ еще замѣтить, что медики въ глазахъ евреевъ не имѣютъ такого авторитета, чтобы ихъ мнѣнія могли служить поводомъ къ такому ужасному обычаю; ибо въ Талмудѣ говорится: «Даже лучшій изъ медиковъ все-таки попадетъ въ адъ.» Съ другой стороны, еврей все-таки привыкъ обращаться въ болѣзни къ медику, что могутъ засвидѣтельствовать все медики, живущіе въ мѣстахъ обитаемыхъ евреями, между которыми вовсе не существуетъ такого предубѣжденія противъ медицины, какъ это бываетъ напр. въ низшихъ классахъ русскаго народа.

Если еврей боленъ, онъ идетъ къ медику, отъ котораго получаетъ рецептъ; если онъ бѣденъ, то получаетъ и лекарство, даромъ, изъ еврейскаго госпиталя, или какого либо еврейскаго благотворительнаго заведенія. По этому рѣшительно не мыслимо, чтобы у евреевъ было въ употребленіи такое специфическое лекарство, какъ христіанская кровь.

Можно бы смѣяться надъ ужасною нечѣстностью и уродливостью обвиненія, выраженнаго въ *двѣнадцатомъ* показаніи, что евреи употребляютъ кровь христіанъ противъ природной будто бы низвони, если бы не нужно было плакать надъ участью тѣхъ многочисленныхъ невинныхъ людей, которые падали жертвами этого обвиненія. Боюсь оскорбить читателей опроверженіемъ столь низкаго или столь сумасброднаго нареканія. Пусть просвѣщенные читатели придумаютъ названіе, которымъ должно величать тѣхъ, въ умѣ которыхъ родилось подобное обвиненіе, стоившее жизни многимъ и многимъ людямъ.

Еще нечѣпѣ мысль, приписываемая евреямъ *тринадцатымъ* показаніемъ, по которому евреи, будто, полагаютъ, что кровь христіанъ можетъ служить къ возбужденію любви. Впрочемъ, еще одинъ изъ злыхъ враговъ еврейства, Шудтъ (Schudt), ¹⁴⁵ объ-

¹⁴⁵ L. c. часть 1 книга IV, глав. VI стр. 115.

завѣтъ это обвиненіе безуміемъ; тоже самое сдѣлалъ и Вагензейль ¹⁴⁶.

Не менѣе безумно и *четыренадцатое* обвиненіе—будто бы евреи употребляютъ кровь христіанъ для того, чтобы ею останавливать кровотеченіе при обрѣзаніи ихъ младенцевъ. Здѣсь неволью возникаетъ вопросъ: чѣмъ же бѣдные евреи останавливали кровь своихъ обрѣзанныхъ младенцевъ со времени Авраама до Иисуса Христа, т. е. въ теченіе около 2000 лѣтъ, и чѣмъ они останавливаютъ ее въ земляхъ нехристіанскихъ? Впрочемъ всякій еврей знаетъ, что евреи останавливаютъ кровь послѣ обрѣзанія истертымъ въ порошокъ гнилымъ деревомъ, что можетъ быть какой нибудь суевѣрный христіанинъ принялъ за засохшую кровь. Объ обрядѣ обрѣзанія говорится подробно у Боденшца (Bodenschatz) въ его сочиненіи: *Aufrichtig teutsch redender Hebräer etc. Frankf. и Leipzig 1756, часть IV, глав. III, отд. 2, стр. 58—74. у Шудта l. c. 11, 2 гл. 35 стр. 293 и слѣд., у Вагензейля l. c. стр. 135 и слѣд. и мн. друг.*

Пятнадцатое показаніе, что евреи пользуются кровію христіанъ при трудномъ разрѣшеніи отъ бремени, получило свое начало отъ одного обращеннаго въ христіанство еврея, по имени Самуила Фридриха Бренца (S. Fg. Brenz), крещенаго въ Фейхтвангѣ (Feuchtwang), въ 1610 г., и въ 1614 г. написавшаго въ Нюрнбергѣ книжку, наполненную желчными и ядовитыми выходками противъ евреевъ. Книжка эта носитъ слѣдующее заглавіе: «Снятая еврейская змѣиная кожа, т. е. основательное раскрытіе и опроверженіе всей клеветы и хулы, взводимой обыкновенно ядовитымъ еврейскимъ змѣинымъ чудовищемъ на *благочестивѣйшаго* и невиннаго *Иудея Христа Иисуса* и на всю его дорогою цѣною купленную святыню, частію въ проклятыхъ синагогахъ, частію въ домахъ и тайныхъ собраніяхъ. Въ семи отдѣльныхъ главахъ, составлено къ чести *Христа Иисуса, праведнаго Израилтянина...* къ обличенію и обращенію еврейскихъ слѣпцовъ, напечатано» ¹⁴⁷.

Этотъ безсовѣстный обманщикъ, о которомъ христіанскіе ученые того времени говорятъ, что онъ изъ лже-іудея сдѣлался лже-христіаниномъ, этотъ Бренцъ говоритъ въ упомянутомъ своемъ сочиненіи ¹⁴⁸, (въ которомъ каждое слово клевета), слѣдующее:

¹⁴⁶ L. c. стр. 135.

¹⁴⁷ Второе и третіе изданіе, Нюрнбергъ 1680 и 1715 г.

¹⁴⁸ Гл. 1 стр. 5 и слѣд. изд. 1680 г.

«Когда беременная еврейка не может разрѣшиться отъ бремени, то раввинъ беретъ 3 куска пергамена, выдѣланные изъ кожи оленьей самки, пишетъ на нихъ (что? не сказано), и полагаетъ одинъ изъ этихъ кусковъ на голову, другіе два на руки больной. Но какую жидкостью онъ пишетъ на пергаменѣ, это евреи скрываютъ; впрочемъ, я думаю, что они «*можетъ быть*» пишутъ кровію христіанъ». Такимъ образомъ даже самый смѣлый изъ обманщиковъ, не осмѣливался прямо утверждать такую страшную клевету. Вообще весьма замѣчательно, что даже въ этой наполненной ложью книгѣ, въ которой встрѣчаются самыя ужасныя и злобныя клеветы на евреевъ, нѣтъ, однако, никакого намека на то, будто евреи въ пасху, или при какихъ нибудь другихъ случаяхъ, употребляютъ кровь христіанскую. Очевидно, что такое обвиненіе даже для такого безсовѣстнаго обманщика, каковъ былъ Бренцъ, казалось до такой степени несправедливымъ и злымъ, что онъ не рѣшился утверждать его. Но простой народъ, для котораго самый невѣроятный слухъ служилъ достаточнымъ предлогомъ, чтобы нападать на евреевъ, грабить ихъ и убивать тысячами, измѣнилъ это «*можетъ быть*» Бренца въ положительное обвиненіе.

По прошествіи года послѣ появленія упомянутаго сочиненія Бренца, одинъ еврей, именемъ Салменъ Зеви Уфгаузенъ (Salmen Zewi Uffhausen), написалъ опроверженіе на него по нѣмецки, подъ заглавіемъ: *Иудейскій Теріакъ* ⁴⁹, (Judischer Theriak), въ которомъ между прочимъ опровергается и упомянутая клевета Бренца ⁵⁰. Въ этомъ опроверженіи Уфгаузенъ ссылается, между другими доказательствами, на свидѣтельство повивальныхъ бабокъ въ Германіи, Италиі, Польшѣ и т. д. Эти христіанскія бабки, говоритъ онъ, помогаютъ еврейкамъ при разрѣшеніи отъ бремени, и изъ числа ихъ ни одна не можетъ сказать, чтобы у евреевъ было такое обыкновеніе, о какомъ упоминаетъ Бренцъ. Далѣе Уфгаузенъ описываетъ обычай евреевъ при разрѣшеніи отъ бремени, и описываетъ такъ, какъ я самъ видѣлъ ихъ неоднократно въ домѣ моихъ родителей и родственниковъ. Эти обычай, которые вообще только имѣютъ мѣсто при трудномъ разрѣшеніи, весьма немногочисленны: произносятъ опредѣленную молитву, въ которой часто повторяются 20 псалмъ; прочитываютъ также раз-

⁴⁹ Издано въ первый разъ «*cum licentia superiorum*» въ Ганану 1615 г.; потомъ въ Альторфѣ 1680 г.

⁵⁰ Гл. 1, § 16, fol. 8. а. и слѣд. изд. 1680 года.

иже стихи изъ св. писанія, раздають милостыню, иногда приносятъ въ комнату больной написанное на пергаментѣ Пятикнижіе, (изъ котораго еврей обыкновенно вслухъ прочтываютъ что нибудь въ синагогахъ), но я никогда не видалъ, чтобы больной влагали въ руки какую нибудь бумагу съ начертанными на ней стихами изъ библіи.

Это сочиненіе еврея Уфгаузена переведено на латинскій языкъ однимъ очень ученымъ духовнымъ лицомъ, Іоанномъ Вюльферомъ (Johann Wulfger), большимъ знатокомъ еврейской литературы, и издамо съ весьма подробными примѣчаніями ¹⁵¹. Въ этихъ примѣчаніяхъ Вюльферъ доказываетъ ¹⁵², что обвиненіе Бренца ложно, и что большая часть еврейскихъ авторитетовъ писали притомъ противъ употребленія какихъ бы то ни было амулетовъ. Вюльферъ доказалъ также, что этотъ Бренцъ былъ грубый невежда, не понимавшій почти ничего поеврейски, дававшій по ненависти изъ еврейскъ превратный смыслъ самымъ невиннымъ ихъ словамъ и обычаямъ ¹⁵³. Вагейзейль также ¹⁵⁴ говоритъ объ немъ, что онъ былъ не ученъ, неопытенъ въ еврейской вѣрѣ, и что потому книжка его наполнена грубою ложью ¹⁵⁵.

Послѣ Бренца, и можетъ быть, основываясь на его книгѣ, Іезуитъ Радеръ (Raderus) пошелъ еще дальше и сталъ утверждать, что ни одна еврейская женщина не должна родить безъ того, чтобы не употребить христіанской крови ¹⁵⁶. Но это ужъ показалось даже такому человѣку, какъ Эйзенменгеръ, слишкомъ несправедливымъ; даже онъ прибавляетъ ¹⁵⁷, что не можетъ повѣрить, чтобы еврей дѣйствительно употребляли кровь христіанъ при разрѣшеніи беременныхъ женщинъ, и чтобы эта кровь могла имъ приносить пользу.

Что касается до тайныхъ болѣзней, которымъ всѣ евреи будто бы подвержены и для изцѣленія которыхъ имъ будто бы нужна кровь христіанъ, какъ гласитъ *шестнадцатое* показаніе,— то врачи ничего не знаютъ о такихъ болѣзняхъ; послѣдніе утверждаютъ даже, что еврей, въ слѣдствіе обрѣзанія, гораздо

¹⁵¹ Theriaca Iudaica etc. Norimbergi 1681, in. 4 сост. изъ 400 стр.

¹⁵² Стр. 73 и слѣд.

¹⁵³ Смот. Вюльфера I. с. стр. 36, 76 и 128, 182, 202, 251, 283, 313 и мн. др.

¹⁵⁴ L. с. стр. 139.

¹⁵⁵ См. еще объ этомъ Бренцѣ у Вольфа Bibliotheca Hebraea, т. 1, стр. 1116 и слѣд. № 2131 и т. III стр. 1123 и л.

¹⁵⁶ Bavaria sancta III, стр. 172 и 179.

¹⁵⁷ Enediktos Indenthum т. II стр. 225.

менше христіанъ воспріимчивы къ извѣстнымъ тайнымъ болѣзнямъ. Но изъ стыду нашихъ ученыхъ академій надобно замѣтить, что ученые прошедшихъ столѣтій были гораздо проникательнѣе, чѣмъ наши профессора. Такъ напр. Венгерскій историкъ Антонъ Бонфиній (Anton Bonfinius) рассказываетъ, что у евреевъ не только женщины, но и мужчины подвержены мѣсячнымъ кровотеченіямъ, и что они лечатъ себя отъ этой болѣзни кровію христіанъ. Кто можетъ сомнѣваться въ этомъ, когда въ Тирнау (Tyrnau), въ 1494 г., нѣсколько старыхъ жидовъ, ругается, среди пытокъ, сами въ этомъ сознались, и когда въ слѣдствіе этого признанія 14 евреевъ (2 женщины и 12 мужчинъ) сожжены были живыми ¹⁵⁸? Другой ученый, по имени Chryzost. Dudulaeus, написалъ цѣлую книгу о тайныхъ болѣзняхъ, которыми подвержено будто бы каждое изъ 12 колѣнъ Израилевыхъ ¹⁵⁹. Эта книга озаглавляется: «Основательное и истинное повѣствованіе объ одномъ еврей, именемъ Ахасферосъ, съ описаніемъ того, какъ каждое изъ 12 колѣнъ ругалось надъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, и какъ каждое изъ нихъ донинѣ должно за это страдать.» Это сочиненіе издано даже въ нашемъ отечествѣ, въ Ревелѣ 1634 г., и однако оставлено безъ вниманія врагами евреевъ, что конечно, совершенно неизвинительно. Этотъ прекрасный Chryzostomus (т. е. златоустъ Дудулей (Dudulaeus), или кто бы ни былъ авторомъ этой книги, знаетъ все подробности о распятіи Спасителя такъ хорошо, какъ будто онъ былъ очевидцемъ этого событія; онъ описываетъ весьма обстоятельно весь образъ поведенія каждаго изъ 12 колѣнъ во время распятія. Правдивый Дудулей нисколько не стѣсняется въ своемъ разсказѣ тѣмъ, что во времена земной жизни Спасителя, какъ это очень хорошо извѣстно, вовсе не было уже 12 колѣнъ, и что тогдашнее еврей-

¹⁵⁸ См. A. Bonfinius, Reg. Hung. Dec. V. I. III fol. 718—61.

¹⁵⁹ Второе изданіе явилось въ Нюрнбергѣ 1645 г. Я не знаю, находится ли также въ первомъ изданіи «извѣстіе о 12 колѣнахъ» и проч. Въ 1630 г. издано это извѣстіе о 12 колѣнахъ особо sine loco и при томъ подъ заглавіемъ «О казняхъ и дѣйствіяхъ божественнаго мщенія, поразившаго 12 племенъ или колѣнъ еврейскаго народа, такъ какъ они особенно виновны въ невинныхъ страданіяхъ и въ смерти Іисуса Христа.» По словамъ Вольфа (Bibl. Hebr. II стр. 1254 и III стр. 951 и слѣд. № 1854 с.) первоначальный авторъ этого сочиненія былъ крещеный еврей изъ Пиаченцы, именемъ Францискъ, увѣрившій, что онъ самъ изъ колѣна Гада, и что когда онъ былъ еще евреемъ, то самъ страдалъ отъ тайной болѣзни своего колѣна. Справедливо замѣтилъ еще Вольфъ, что за исключеніемъ колѣна Левита, еврей нынѣ вовсе не знаютъ, изъ какого колѣна они происходятъ, и что древнее раздѣленіе на колѣна исчезло еще задолго до Рождества Христова.

свое народонаселеніе Палестинѣ было лѣтѣмъ возвратившихся изъ вавилонскаго плѣна остаткомъ только двухъ колѣнъ— іудина и веніаминова. Не смотря на этотъ, всѣмъ извѣстный фактъ, Дудудей разсказываетъ слѣдующее: «Еврей изъ колѣна рувимова схватили Спасителя въ саду и били Его; въ наказаніе за это высыхаетъ въ теченіи 3 дней всякая зелень, къ которой они прикасаются своими руками, и т. д. Еврей изъ колѣна симеонова пригвоздили его къ кресту, (извѣстно, что это сдѣлано вовсе не евреями, а римскими воинами); въ наказаніе за это они (т. е. потомки ихъ) ежегодно въ теченіи 4 дней получаютъ раны на рукахъ и ногахъ, изъ которыхъ съ утра до вечера истекаетъ кровь. Еврей изъ колѣна Левіина били Спасителя и плевали ему въ лицо; въ наказаніе за это они не могутъ плевать на землю черезъ свою бороду и вовсе не могутъ выбрасывать слюны. Еврей изъ колѣна завулонова метали жребій объ одеждѣ Спасителя; въ наказаніе за это они ежегодно 25 марта (неизвѣстно новаго или стараго стили) получаютъ раны во рту, и съ утра до вечера выцѣвливаютъ кровь. Еврей изъ колѣна иссарова привязали Иисуса Христа къ столбу и сѣкли его; за это они также 25 марта получаютъ многочисленныя язвы и неизцѣлимыя раны на тѣлѣ, изъ которыхъ съ утра до вечера течетъ кровь. Еврей изъ колѣна данова кричали: «Кровь его на насъ и на чадѣхъ нашихъ.» Въ наказаніе за это у нихъ каждый мѣсяцъ открываются на тѣлѣ раны, изъ которыхъ вытекаетъ кровь, и отъ нихъ въ теченіи недѣли распространяется такое зловоніе, что они принуждены бѣгаютъ скрываться, и не раньше могутъ освободиться отъ этого зловонія, какъ послѣ помазанія своего тѣла христіанскою кровью. Еврей изъ колѣна гадова сплели терновый вѣнецъ, изъ 15 терновыхъ растеній, и нагнули его на голову Спасителя до самого мозга; въ наказаніе за это каждый изъ ихъ потомковъ получаетъ ежегодно 15 наростовъ на головѣ и затылкѣ; эти наросты причиняютъ имъ сильную боль; изъ нихъ съ утра до вечера течетъ кровь, которая обагрятъ лице ихъ, ниспадаетъ на землю. Еврей изъ колѣна ассурова били Спасителя по щекамъ; въ наказаніе за это у нихъ правая рука четвертью короче лѣвой. Но больше всѣхъ досталось евреямъ изъ колѣна неффалимова; эти послѣдніе посадили своихъ дѣтей въ свиной хлѣвъ, (мудрено угадать, гдѣ они въ Іерусалимѣ могли найти свиной хлѣвъ) и пріучили ихъ кричать и хрюкать по свиному въ то время, когда Спасителя повели мимо, чтобы тѣмъ ввести Его въ искушеніе. Когда Иисуса Христа повели къ первосвященнику Каиафѣ, то дѣти, заключенныя въ свиномъ хлѣвѣ, начали хрюкать и кри-

чаше; послѣ чего нефаалиты спросили Иисуса Христа: знаетъ ли онъ, кто находится въ этомъ свиномъ клѣвѣ? Когда Христось на это отвѣтилъ имъ: «это ваши дѣти, ваши дочери и сыновья», то они сказали: «Ты лжешь, тамъ только свиньи.» На это Иисусъ Христось далъ имъ такой отвѣтъ: «если это свиньи, то пусть они будутъ и останутся свиньями,» и бѣдныя дѣйствительно превратились въ свиней, и начали хрюкать какъ настоящія свиньи. Въ наказаніе за этотъ поступокъ съ Спасителемъ, всѣ евреи изъ колѣна Нефаалимова имѣютъ четыре большіе свинные зуба, свинныя уши и воняютъ, какъ свиньи. Евреи изъ колѣна іосифова ¹⁶⁰, ковали гвозди для распятія Спасителя и сдѣлали оконечности гвоздей тупыми, по совѣту одной женщины своего племени, по имени Вентріа, для того, чтобы этимъ увеличить страданія Спасителя; въ наказаніе за это всѣ женщины этого колѣна съ 33-лѣтняго возраста всегда имѣютъ по ночамъ во снѣ множество живыхъ червей во рту. Евреи изъ колѣна вениаминова поднесли Спасителю губку, нанатанную уксусомъ и желчью; въ наказаніе за это они никогда не могутъ смотрѣть на воздухъ, постоянно чувствуютъ жажду, и когда хотятъ говорить, то у нихъ изо рта выскакиваютъ червячки.»

Вотъ тѣ тайныя болѣзни, которымъ евреи подвержены, и отъ которыхъ они лечатся кровію христіанъ. Конечно, я не совсѣмъ понимаю, какимъ образомъ кровію христіанъ можно смыть пророжденные свинные зубы и свинныя уши, и притомъ какія же средства употребляютъ противъ этихъ ужасныхъ тайныхъ болѣзней евреи, живущіе въ Китаѣ и въ другихъ странахъ, гдѣ нѣтъ христіанъ? Эти ничтожныя и вздорныя басни не заслуживаютъ конечно того, чтобы останавливаться на ихъ опроверженіи; но съ другой стороны, рассказы Дудулея могутъ служить доказательствомъ того, какъ хорошо религіозный фанатизмъ способенъ выдумывать самыя безумныя выходки, которыя, при всей ихъ нелѣпости, пріобрѣтаютъ довѣріе со стороны простаго народа. Свидѣтельствомъ такого легковѣрія можетъ служить уже то, что это знаменитое сочиненіе Дудулея выдержало три изданія, и что позднѣйшіе писатели чуть ли не до сихъ поръ рачительно дѣлаютъ изъ него выписки ¹⁶¹. Кто послѣ этого можетъ удивляться тому, что простолюдинъ вѣритъ, будто евреи употребляютъ кровь христіанъ, когда такія нелѣпыя сказки, какъ эти и многія другія, о которыхъ у насъ еще будетъ рѣчь ниже, жадно читались и повсюду принимались за правду?

Д. ХВОЛЬСОНЪ.

¹⁶⁰ Правдивый Дудулей совершенно забылъ, что никогда не было колѣна іосифова, и что потомки патриарха Іосифа раздѣлены были на колѣна ефраимово и манассиино.

¹⁶¹ См. Schudt I. с. стр. 344 и дал.

ЛЮБОВЬ ИЛИ ЭГОИЗМЪ?

IV. *Ad va iorem.*

Въ предъидущей главѣ мы видѣли, что справедливая плата за работу состоитъ въ суммѣ денегъ, за которую можно получить въ будущее время другую работу, приблизительно равноцѣнную. Теперь намъ предстоитъ рассмотреть средства къ достиженію такой равноцѣнности. Этотъ вопросъ заключаетъ въ себѣ опредѣленіе стоимости, богатства, цѣны и продукта.

Ни одинъ изъ этихъ терминовъ не опредѣленъ еще на столько, чтобы быть понятнымъ публикою. Но послѣдній изъ нихъ — продуктъ — который можно бы почесть самымъ яснымъ изъ всѣхъ, на практикѣ представляетъ наибольшую двусмысленность, и разсмотрѣніе рода двусмысленности, которая соединяется съ нимъ въ его настоящемъ употребленіи, всего лучше откроетъ намъ путь къ рѣшенію нашей задачи.

Въ главѣ о капиталѣ *, г-нъ Дж. Ст. Милль въ примѣрѣ капиталиста представляетъ фабриканта желѣзныхъ издѣлій, который часть выручки отъ своей промышленности сперва хотѣлъ употребить на покупку серебряныхъ и галантерейныхъ вещей, а потомъ измѣнилъ свое намѣреніе, и «уплачиваетъ ея жалованье прибавочнымъ работникамъ.» Послѣдствіемъ этого, по словамъ Милля, будетъ то, что «на потребленіе производительными работниками обращается большее количество пищи.»

* Книга I, гл. IV, 1. Для краткости, я далѣе буду ссылаться на сочиненію Милля, указывая только на цифры книгъ, главъ и параграфовъ, какъ напр. — I, IV, 1. (Изд. въ 2-хъ т. 8-о, Паризъ, 1848 г.)

Я не спрашиваю здѣсь.—хотя, еслибы этотъ параграфъ, писалъ я у меня спросили бы,—что станется съ мастерами серебряныхъ дѣлъ? Если они дѣйствительно суть классъ производительный, то мы согласимся на уничтоженіе ихъ. И хотя въ другомъ мѣстѣ той же самой главы дѣлается также предположеніе, что фабрикантъ желѣзныхъ издѣлій обходится безъ увеличеннаго числа слугъ, «пища которыхъ, такимъ образомъ, освобождается и можетъ быть употреблена для производительныхъ цѣлей», — я не спрашиваю, какимъ послѣдствіемъ, — тягостнымъ или нѣтъ, — будетъ сопровождаться для слугъ это «освобожденіе» ихъ пищи. Но я серьезно спрашиваю, почему желѣзныя вещи суть продуктъ, а серебряныя — нѣтъ? Что купецъ потребляетъ одиѣ и продаетъ другія — это, конечно, не дѣлаетъ разницы, развѣ будетъ доказано, что назначеніе товаровъ состоитъ въ продажѣ, а не въ потребленіи ихъ, (что въ самомъ дѣлѣ, какъ я замѣчаю, со дня на день все болѣе стараются доказать торговые люди). Купецъ въ одномъ случаѣ есть посредникъ для передачи продукта потребителю, а въ другомъ — онъ самъ потребитель *: но работники одинаково производительны въ обоихъ случаяхъ, потому что они произвели товаровъ на одинаковую цѣнность, если какъ желѣзныя такъ и серебряныя издѣлія одинаково суть товары.

Да и какое же между ними существуетъ различіе? Правда, «по сравнительной оцѣнкѣ моралиста», до которой, по словамъ Милля, политической экономіи нѣтъ никакого дѣла (III, I. 2), стальная вилка можетъ казаться болѣе существеннымъ произведеніемъ, нежели вилка серебряная; мы можемъ также допустить, что ножи, какъ и вилки, хорошіи продуктъ, а косы и сошники — полезныя вещи. Но что сказать о штыкахъ? Положимъ, что фабрикантъ желѣзныхъ издѣлій продаетъ большія массы шты-

* Если г-нъ Милль хотѣлъ показать различіе въ результатѣ между потребленіемъ и продажей, то ему слѣдовало бы представить торговца желѣзныхъ, а равно и торговца серебряныхъ издѣлій, потребляющимъ собственные товары, а не продающимъ ихъ. Еслибы г-нъ Милль сдѣлалъ это, то положеніе его было бы болѣе ясно, хотя и менѣе доказательно; и, можетъ быть, онъ, дѣйствительно, хотѣлъ принять это положеніе, безмолвно подразумѣвая свою теорію, — которую онъ представляетъ въ другомъ мѣстѣ и ложность которой мы доказываемъ ниже, — что запросъ на товары не есть запросъ на работу. Но при всемъ, самомъ внимательномъ, изслѣдованіи параграфа, находящагося теперь въ нашемъ разсмотрѣніи, я не могу рѣшить, есть ли это простая отдѣльная ошибка, или половина одной ошибки, подтверждаемая всюю другою, болѣе важною ошибкой; и поэтому я выбираю изъ двухъ предположеній болѣе снисходительное, именно, что помянутое мѣсто есть не болѣе какъ одна простая ошибка.

юсть, посредствомъ «освобожденія» принци своихъ слугъ и принци своего мастера серебряныхъ дѣлъ:—употребляетъ ли онъ и въ этомъ случаѣ въ дѣло работниковъ производительныхъ, т. е. такихъ, которые, по выраженію Милля «увеличиваютъ запасъ постоянныхъ средствъ къ наслажденію»? (I, III, 4). Или, если вмѣсто штыковъ, онъ поставяетъ бомбы, то не будетъ ли абсолютное и окончательное «наслажденіе» этими необыкновенно производительными вещами, (изъ которыхъ каждая стоитъ десять фунтовъ) *, зависѣть отъ надлежащаго выбора времени и мѣста для производства ихъ, т. е. отъ тѣхъ философскихъ соображеній, до которыхъ нѣтъ никакого дѣла политической экономіи? **.

Я сожалѣлъ бы о необходимости указывать на несообразности, въ какой бы то ни было части сочиненія Милля, еслибы достоинство этого сочиненія не заключалось именно въ этихъ несообразностяхъ.

Милль заслуживаетъ почетнаго мѣста между экономистами за то, что онъ, по оплошности своей, отказывается отъ своихъ собственныхъ принциповъ, и безмолвно вводитъ моральныя соображенія, съ которыми, по его словамъ, наука его не имѣетъ никакой связи. Поэтому многія изъ его главъ правдивы и цѣльны, и я буду спорить только противъ тѣхъ его заключеній, которыя вытекаютъ изъ его первыхъ посылокъ.

Такимъ образомъ идея, лежащая въ основаніи мѣста, которое мы сейчасъ разсматривали, — именно, что трудъ, употребленный на производство предметовъ роскоши, не доставитъ провѣтанія такому большому числу людей, какъ трудъ, употребленный на производство предметовъ пользы, — совершенно справедлива; но представленный примѣръ неудаченъ, — и неудаченъ съ четырехъ сторонъ, потому что г-нъ Милль не опредѣлилъ существеннаго значенія полезности. Данное имъ опредѣленіе, — что полезность есть «способность къ удовлетворенію желанія, или къ исполненію надобности» (III, I, 2), — прилагается одинаково къ желѣзу и къ серебру; между тѣмъ какъ истинное опредѣленіе, — котораго онъ не представилъ, но ко-

* Я принимаю оцѣнку г. Гельса въ его «опытѣ о войнѣ.»

** Такимъ же образомъ, когда мастерскія серебряныя испанскія вазы были разбиваемы въ куски англійскими таможенными, — потому что слитки могутъ быть ввозимы беспошлинно, а умъ не можетъ, — то былъ ли топоръ, который разбивалъ эти вазы, производителенъ, а художникъ, который дѣлалъ ихъ, — непроизводителенъ?

торое тѣмъ не менѣе скрывается въ его умѣ подъ этимъ ложнымъ, словеснымъ опредѣленіемъ и проглядываетъ случайно въ одномъ или въ двухъ мѣстахъ (напр. въ словахъ: «какая нибудь поддержка жизни или силы» въ I, I, 5), къ одиѣмъ желѣзнымъ вещамъ прилагается, а къ другимъ—нѣтъ; также какъ къ одиѣмъ серебрянымъ вещамъ прилагается, а къ другимъ—тоже нѣтъ. Оно прилагается къ сошникамъ и вилкамъ, но не примѣнимо ни къ штыкамъ, ни къ галантерейнымъ вещамъ*.

Отысканіе вѣрнаго опредѣленія дастъ намъ отвѣтъ на нашъ первый вопросъ—«что такое стоимость?»

Въ политической экономіи подъ словомъ «стоимость», если оно употребляется просто, безъ прибавленій, всегда разумѣется «стоимость мѣновая» (Милль III. 1. 3). Такъ что если, наприм., два корабля не могутъ помѣняться своими рулями, то ихъ рули на политико-экономическомъ языкѣ не имѣютъ никакой стоимости относительно другъ друга.

Но «предметъ политической экономіи есть богатство» (Предварительныя замѣчанія, стр. I-я:)

А богатство состоитъ изъ всѣхъ полезныхъ и пріятныхъ вещей, имѣющихъ мѣновую цѣнность (тамъ же стр. 10).

Итакъ, по Миллю, выходитъ, что въ основаніи мѣновой стоимости лежитъ полезность и пріятность, и что прежде, чѣмъ мы станемъ считать какую нибудь вещь предметомъ богатства, мы должны увѣриться, что въ ней существуютъ помянутыя качества.

Но экономическая полезность всегда зависитъ не просто отъ ея собственныхъ свойствъ, но и отъ числа людей, которые могутъ и желаютъ употреблять ее. Лошадь бесполезна, и потому не можетъ быть продана, если ни кто не можетъ ѣздить на ней,—о мечѣ должно сказать тоже самое, если никто не можетъ владѣть имъ, о мясѣ—если никто не можетъ ѣсть его. Такимъ образомъ всякая матеріальная годность зависитъ отъ способности людей пользоваться вещью.

Подобнымъ же образомъ пріятность вещи зависитъ не только отъ ея собственныхъ пріятныхъ свойствъ, но и отъ числа людей, которымъ она можетъ понравиться. Относительная пріятность, а слѣдовательно и годность къ продажѣ «кружки плохаго эля» и «Адониса у бѣгущаго ручья» существенно зависятъ отъ мнѣнія публики. Т. е. пріятность вещи зависитъ отъ относительнаго расположенія къ ней людей.* Поэтому политиче-

* Т. е. вообще къ украшеніямъ, достоинство которыхъ состоитъ въ сложной механической работѣ, а не въ изяществѣ.

силъ экономія, какъ наука о богатствѣ, должна быть вмѣстѣ съ тѣмъ наукою о человѣческихъ способностяхъ и склонностяхъ. Но моральныя соображенія не имѣютъ никакого дѣла до политической экономіи (III. 1. 2). Слѣдовательно имъ нѣтъ никакого дѣла и до человѣческихъ способностей и склонностей.

Мнѣ не совсѣмъ нравится это заключеніе, вытекающее изъ положеній г-на Милля:—посмотримъ, что говоритъ Рикардо.

«Полезность не есть мѣра мѣновой цѣнности, хотя она безусловно существенна для нея.» — (гл. I. 1.) Въ какой степени существенна, г-нъ Рикардо? Могутъ быть большія, или меньшія степени полезности. Напр. мясо можетъ быть такъ доброкачественно, чтобы годиться въ пищу всякому, или такъ дурно, чтобы не годиться никому. Какая именно степень доброкачественности «существенна» для мѣновой цѣнности его; и какъ оно должно быть дурно — (я желалъ бы, чтобы это было рѣшеннымъ вопросомъ на лондонскихъ рынкахъ),—чтобы оно не имѣло никакой мѣновой цѣнности?

Мнѣ кажется, даже у Рикардо встрѣчается запутанность въ принципахъ; но пусть онъ представитъ намъ свой собственный примѣръ. «Положимъ, говоритъ онъ, что въ раннихъ степеняхъ развитія общественной жизни лука и стрѣлы охотника имѣли одинаковую цѣнность съ снастями рыбака. При такомъ положеніи дѣлъ, цѣнность оленя, добытаго дневнымъ трудомъ охотника, будетъ *въ точности* («курсивъ—мой») равна цѣнности рыбы, добытой дневнымъ трудомъ рыбака. Сравнительная цѣнность рыбы и дичи будетъ *вполнѣ* опредѣлена количествомъ

Эти положенія кажутся дикими въ своей краткости, но по дальнѣйшемъ развитіи ихъ откроется, что онѣ въ высшей степени важны. Такъ въ представленномъ выше примѣрѣ экономисты никогда не замѣтили, что расположеніе покупать есть совершенно *моральный* элементъ запроса; т. е. если вы даете кому нибудь полкроны, то отъ склонностей этого человѣка зависитъ сдѣлаться отъ нея бѣднымъ или богатымъ—купить на нее болѣзнь, раззореніе, ненависть,—или же—здоровье, улучшеніе своихъ обстоятельствъ, семейную любовь. И такимъ образомъ пріятность или мѣновая стоимость каждаго предлагаемаго товара зависитъ отъ производительности не только самаго товара, но и покупателей его: слѣдовательно отъ воспитанія покупателей и отъ всѣхъ моральныхъ элементовъ, которыми образуется въ нихъ склонность покупать то или другое. Я объясню и разовью до окончательныхъ выводовъ каждое изъ этихъ опредѣленій въ своемъ мѣстѣ: теперь же они могутъ быть представлены въ самомъ сжатомъ видѣ; потому что, для немедленнаго представленія предмета въ связанной формѣ, я включилъ въ одну главу предварительные опредѣленія четырехъ главъ; именно о стоимости, о цѣнѣ, о производствѣ и о хозяйствѣ.

труда, употребленнаго на тотъ и другой изъ этихъ предметовъ.» (Ricardo, chap. III. О цѣнности.)

Въ самомъ дѣлѣ? Значить, если рыбакъ поймаетъ одну салакушку, а охотникъ одного оленя, то одна салакушка будетъ равноцѣнна одному оленю; если же рыбакъ не поймаетъ ни одной салакушки, а охотникъ добудетъ двухъ оленей, то нуль неудачной ловли перваго будетъ равноцѣненъ двумъ оленямъ?

Нѣтъ; но,—могутъ сказать защитники Рикардо,—онъ разумѣетъ среднюю цифру; — если средній продуктъ дневного труда рыбака и охотника будетъ одна рыба и одинъ олень, то рыба будетъ равноцѣнна оленю.

Я могъ бы сдѣлать вопросъ относительно сортовъ рыбы: Китъ, или пискарь? *

* Можетъ быть; въ дальнѣйшую защиту Рикардо намъ возразить, что онъ подразумѣвалъ слѣдующее: «Между тѣмъ какъ полезность бываетъ постоянно или данною, цѣна измѣняется, какъ количество труда». Если онъ думалъ такъ, то онъ долженъ бы сказать это; но если бы онъ это дѣйствительно подразумѣвалъ, то едва ли бы не дошелъ до необходимаго результата, что полезность есть мѣра цѣны, (что онъ именно отвергаетъ); и что для доказательства годности вещи къ продажѣ должно доказать данное количество полезности, такъ же какъ данное количество труда, т. е. что, въ его собственномъ примѣрѣ, и олень и рыба могутъ пропитать одинаковое число людей въ теченіе одинаковаго числа дней, съ одинаковою пріятностью для ихъ вкуса. Дѣло въ томъ, что онъ самъ не зналъ, что хотѣлъ сказать. Общая мысль, которую онъ выводилъ изъ коммерческой опытности, не будучи въ состояніи анализировать ее, была та, что между тѣмъ, какъ запросъ постояненъ, цѣна мѣняется какъ количество труда, требуемаго для производства; или,—употребивъ формулу, которую я представилъ въ предыдущей главѣ, — между тѣмъ какъ у постояненъ, x мѣняется какъ x . Но запросъ никогда не бываетъ и не можетъ быть окончательно постояннымъ, если x мѣняется замѣтнымъ образомъ; потому что по мѣрѣ повышенія цѣны потребители отступаютъ; а какъ скоро является монополія (и всякая скудость есть форма монополіи; такъ что каждый товаръ въ зависимости отъ обстоятельствъ получаетъ нѣкоторый видъ монополіи), — дѣлается условіемъ, имѣющимъ на цѣну наибольшее вліяніе. Такъ цѣна картины зависитъ не столько отъ ея достоинства, сколько отъ интереса, который эта картина возбуждаетъ въ публикѣ; цѣна пѣнія — не столько отъ труда пѣвца, сколько отъ числа лицъ, желающихъ слушать его; а цѣна золота не столько отъ недостаточности его, сколько отъ его солнечнаго цвѣта и неизмѣнной чистоты, которыми оно привлекаетъ къ себѣ уваженіе и оправдываетъ довѣріе людей.

Однако же не должно упускать изъ виду, что я употребляю слово «запросъ» нѣсколько въ другомъ смыслѣ, нежели въ какомъ обыкновенно употребляютъ его экономисты. Они разумѣютъ подъ этимъ словомъ, «количество проданной вещи.» Я же разумѣю подъ нимъ «силу осуществимаго намѣренія покупателя купить ее.» Слово «запросъ», по своему буквальному смыслу, значитъ не то, что человекъ пріобрѣтаетъ, а то, чего онъ требуетъ.

Экономисты не замѣчаютъ также, что предметы не цѣнятся по

Распространяться далѣе объ этихъ ошибкахъ значило бы терять время; будемъ искать вѣрнаго опредѣленія.

Много трудовъ было, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, употреблено на классическое образованіе въ Англій. Желательно было бы, чтобы наши хорошо-воспитанные купцы изъ своей латинской учености всегда держали въ памяти, что именительный падежъ отъ слова *valorem* (уже достаточно имъ знакомаго) есть *valor* (цѣнность, стоимость),—слово, которое, по этому, также должно быть извѣстно имъ. *Valor* отъ *valere*,—стоять, т. е. быть хорошимъ или сильнымъ (*v'raivw*), сильнымъ жизнью (если говорится о человѣкѣ), или доблестнымъ (достойнымъ); сильнымъ для жизни (если говорится о вещахъ) или стоящимъ, цѣннымъ (*valuable*). Итакъ быть цѣннымъ значитъ быть полезнымъ, стоящимъ, для жизни. Истинно цѣнная или полезная вещь есть та, которая ведетъ къ жизни всею своею силой. По мѣрѣ удаленія ея отъ этого качества, или по мѣрѣ разрушенія силы ея, она становится менѣе цѣнною; по мѣрѣ того какъ она отдаляется насъ отъ жизни,—она лишается цѣнности, или становится зловредною.

По этому цѣнность вещи не зависитъ ни отъ мнѣнія ни отъ количества. Думайте о ней что хотите, приобретайте её въ такомъ количествѣ, въ какомъ можете, — цѣнность самой вещи чрезъ это не увеличится и не уменьшится. Она вѣчно полезна, или бесполезна; никакое уваженіе не можетъ возвысить, никакое презрѣніе—понизить силу, которую она получила отъ Творца вещей и людей.

Истинная наука политической экономіи (которую должно отличать отъ науки, имѣющей незаконное притязаніе на это имя, какъ медицину отъ колдовства, и астрономію отъ астрологіи) есть та, которая научаетъ народы желать и заботиться объ умноженіи вещей, ведущихъ къ жизни, а также презирать и уничтожать вещи, ведущія къ гибели. Если въ младенческомъ состояніи общества, люди считаютъ цѣнными вещи, подобныя наростамъ раковинъ, кускамъ голубаго и краснаго кам-своему объему или по своей тяжести, взятымъ безусловно, а не тому объему и по той тяжести, какіе необходимы для употребленія ихъ въ дѣло. Напр. они говорятъ, что вода не имѣетъ цѣны на рынкѣ. Правда, чашка воды не имѣетъ цѣны, но озеро имѣетъ; также какъ горсть пыли не имѣетъ, а одинъ акръ—имѣетъ. И если бы было возможно сдѣлать обладаніе чашками и горстями постояннымъ, (т. е. найти мѣсто для нихъ), то горстами и чашками можно было бы перетаскать море и сушу.

ня, и огромное количество труда, которое слѣдовало бы употребить для развитія и облагороженія жизни, тратятъ на нырянье за этими вещами въ воду, или на выкапыванье ихъ изъ земли,—или, если они воображаютъ, что драгоценныя и благодѣтельныя вещи, каковы воздухъ, свѣтъ и опрятность лишены цѣнности—или, если наконецъ они думаютъ, что условія ихъ собственнаго существованія, безъ которыхъ они не могутъ истинно обладать и пользоваться чѣмъ бы то ни было, — каковы напр. миръ, довѣрие и любовь,—могутъ быть благоразумно обжѣнены, если это допускаетъ рынокъ, на золото, желѣзо или наросты раковинъ, — то одна только великая и единственная наука политической экономіи показываетъ имъ, въ чемъ суета и въ чемъ сущность; показываетъ какъ служеніе смерти—царицы разрушенія и вѣчной пустоты—разнствуетъ отъ служенія мудрости — царицы спасенія и вѣчнаго изобилія; той мудрости, которая, изрекла: «Я приведу любящихъ меня къ наслажденію *сущности* и наполню сокровищницы ихъ.»

О мудрости, этой царицѣ спасенія, Madonna della Salute, властительницѣ здоровья, говорится обыкновенно какъ о вещи, отдѣльной отъ богатства, но въ сущности она составляетъ часть его. Читатель припомнить, что у насъ на очереди стоитъ опредѣленіе слова: «богатство.»

«Быть богатымъ», говоритъ Милль, «значить—имѣть большой запасъ полезныхъ вещей.»

Я принимаю это опредѣленіе. Но поймемъ его какъ слѣдуетъ. Мои противники часто жалуются на недостатокъ логики въ моихъ выводахъ: боюсь, что мнѣ придется теперь представить имъ нѣсколько болѣе логики, чѣмъ сколько они желаютъ. Но задача политической экономіи не легка, и мы не можемъ допускать въ ней неточныхъ терминовъ.

Итакъ въ вышеприведенномъ опредѣленіи мы должны уяснить себѣ: во первыхъ — что значить «имѣть» или въ чемъ состоитъ сущность владѣнія. Затѣмъ—что значить «полезный» или—въ чемъ состоитъ сущность полезности.

Во первыхъ о владѣніи.

Возьмемъ, для примѣра, слѣдующій случай: Недавно во время крушенія одного калифорнійскаго корабля, одинъ изъ пассажировъ обвязалъ себя поясомъ, въ которомъ было двѣсти фунтовъ золота, и съ которымъ онъ былъ потомъ найденъ на днѣ моря.

Спрашивается: въ тотъ моментъ, когда онъ тонуть, онъ ли имѣлъ золото, или золото имѣло его?

И если бы вмѣсто того, чтобы потопить его въ морѣ своею тяжестью, золото ударило его въ лобъ, и тѣмъ причинило бы ему неизлечимую болѣзнь—положимъ, параличъ или сумашествіе,—то могло ли бы оно въ этомъ случаѣ назваться собственностью болѣе, чѣмъ въ первомъ? И безъ дальнѣйшихъ примѣровъ постепеннаго возрастанія жизненной власти надъ золотомъ, (которые впрочемъ я могу представить если отъ меня этого требуютъ), я полагаю, читатель замѣтитъ, что обладаніе, или «имѣніе» не есть сила абсолютная, но что она имѣетъ разныя степени и состоитъ не только въ количествѣ и свойствѣ обладаемой вещи, но также (и еще въ болѣеи степени) въ пригодности ея для обладающаго лица, и въ его жизненномъ могуществѣ пользоваться ею.

Такимъ образомъ наше опредѣленіе богатства, въ распространенномъ видѣ, будетъ слѣдующее: «обладаніе полезными вещами, которыя мы можемъ употреблять.» Это очень серьезная переиѣна. Такое опредѣленіе показываетъ, что богатство не единственно зависитъ отъ того, чтобы «имѣть» но и отъ того, чтобы «мочь». И то, что мы считали только накопленіемъ матеріала, оказывается теперь требующимъ также накопленія способности.

Это о глаголѣ (имѣть). Теперь поговоримъ о прилагательномъ. Что значить слово «полезный»?

Этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ предыдущимъ. Что въ рукахъ однихъ людей способно къ употребленію, то въ рукахъ другихъ людей способно къ противоположности употребленія, обыкновенно называемой «злоупотребленіемъ». И отъ лица гораздо болѣе, чѣмъ отъ вещи, зависитъ — какое изъ двухъ качествъ будетъ развито въ ней—годность къ употребленію, или злоупотребленію, (полезность или вредность). Такъ вино, которое греки, въ образѣ Вакха, справедливо представляли типомъ всѣхъ страстей, и которое, при полезномъ употребленіи его, «веселитъ боговъ и людей» (т. е. укрѣпляетъ божественную, или разумную, и земную, или тѣлесную силу человѣка), при злоупотребленіи имъ дѣлается «*Διούριος*», * вреднымъ, въ осо-

* Такъ назывался Вакхъ у италійскихъ грековъ, которые при-
давали этому божеству болѣе сладострастныхъ и неистовыхъ свойства,
нежели съ какими представляли его жители Эллады.

бедности, для божественной части человѣческаго существа, т. е. для разума. Далѣе, самая физическая сила человѣка, одинаково способная къ употребленію и къ злоупотребленію, когда она хорошо направлена—дѣлается полезною для государства, какъ относительно войны, такъ и относительно работы, но неуправляемая или злоупотребляемая—она не имѣетъ никакой цѣнности для государства, и способна только къ продолженію частнаго и одинокаго существованія лица (и то въ слабой степени). Греки называли такую силу «идіотическою», или «частною», разумѣя подъ этимъ словомъ лицо, которое не приноситъ никакой прямой пользы для государства; отсюда потомъ произошло наше слово «идіотъ» т. е. человѣкъ, всецѣло занятый единственно своими собственными интересами.

Изъ этого слѣдуетъ, что для полезности вещи необходимо, чтобы она не только заключала въ себѣ полезныя свойства, но и находилась въ полезныхъ рукахъ. Или, въ точныхъ выраженіяхъ, полезность есть стоимость въ рукахъ стоящаго; такъ что наука о богатствѣ, (которая, если ее разсматривать какъ науку накопленія, предполагаетъ, точно такъ же накопленіе матеріальныхъ вещей, какъ и способности), разсматриваемая какъ наука распредѣленія, занимается распредѣленіемъ не безусловнымъ, а разборчивымъ, распредѣленіемъ не всякой вещи всякому лицу, но надлежащей вещи надлежащему лицу. Трудная наука—зависящая не отъ одной ариметики!

Итакъ *«богатство есть обладаніе стоящаю стоимымъ;»* и разсматривая богатство какъ силу, существующую въ народѣ, должно принимать въ соображеніе и цѣнность вещи и достоинство ея обладателя. Изъ этого открываεται, что многіе изъ людей, обыкновенно считаемихъ богатыми, въ сущности не богаче замковъ, которыми заперты ихъ сундуки; будучи вѣчно и наследственно неспособны къ богатству, они, съ экономической точки зрѣнія, столько же способствуютъ къ движенію націи, какъ стоячія болотныя воды, какъ водовороты, въ которыхъ можно только утонуть, или, какъ рѣчныя плотины, которыхъ конечная польза зависитъ не отъ нихъ самихъ, а отъ мельника; или какъ случайныя преграды и препятствія, дѣйствующія не какъ богатство (wealth отъ well, благо, хорошо), но какъ зло (illth, отъ ill худой, злой), причиняющее разныя опустошенія и безпокойства вокругъ себя во всѣхъ направленіяхъ, или же, наконецъ, даже вовсе не какъ дѣйствующія, а только одушевленные ус-

люди вымощения, — такъ какъ изъ того, что они имѣютъ, нельзя извлечь никакой пользы по тѣхъ поръ, пока они не умрутъ. — И только въ этомъ послѣднемъ качествѣ и бывають иногда полезны, какъ задержки и препятствія, если нація склонна къ слишкомъ быстрому движению.

За сямъ трудность истинной науки политической экономіи заключается не единственно въ необходимости развитіи человѣческаго характера для обращенія съ матеріальною цѣнностью, но и въ томъ фактѣ, что хотя богатство образуется только посредствомъ соединенія человѣческаго характера съ матеріальною цѣнностью, — эти два элемента, тѣмъ не менѣе, дѣйствуютъ разрушительно другъ на друга. Потому что, человѣческій характеръ можетъ не знать матеріальной цѣнности, или безразсудно расточить ее. Въ этомъ смыслѣ должно понимать слова Попа:

«Sure, of qualities demanding praise
More go to ruine fortunes, than to raise» *.

Съ другой стороны, и матеріальная цѣнность можетъ испортить человѣческій характеръ; такъ что нашимъ дѣломъ будетъ наконецъ разсмотрѣть — какъ обнаруживается дѣйствіе богатства въ умахъ его обладателей, а равно — что это за личности, — которыя обыкновенно стремятся къ приобрѣтенію богатства, и достигаютъ его; и кому свѣтъ обязанъ большею благодарностью — людямъ богатымъ или людямъ бѣднымъ — относительно нравственнаго вліянія на него, или относительно главнѣйшихъ благъ, открытій и практическихъ успѣховъ. Впрочемъ я могу угадать будущіе выводы на столько, чтобы утверждать, что въ обществѣ, управляемомъ единственно законами запаса и запаса, по защищенномъ противъ всякаго насилія, лица, дѣлающіеся богатыми, вообще говоря, суть люди трудолюбивые, рѣшительные, гордые, корыстолюбивые, ловкіе, методичные, разсудительные, немечтательные, невоспримчивые и не вѣжественные. Лица же, остающіеся бѣдными, суть люди вполне безразсудные, вполне благоразумные, праздные, беспечные, смиренные, разсудительные, тупые, невчтательные, воспримчивые, хорошо образованные, неосмотрительные, порочные по беспорядочности или наклонностямъ, грубые плуты, явные воры, люди — вполне сострадательные, справедливые и добрые.

Это о богатствѣ. Теперь намъ предстоитъ уяснить сущность

* Безспорно, что большая часть качествъ, заслуживающихъ похвалы, ведетъ скорѣе къ разуренію, чѣмъ къ улучшенію состоянія.

цѣны, т. е. мѣновой цѣнности, и выраженія ея ходячею монетою.

Замѣьте, во первыхъ, относительно мѣны, что въ ней нѣтъ никакой *прибыли*. Только въ трудѣ можетъ быть прибыль, т. е. «движеніе впередъ» или «дѣланіе въ пользу». Въ мѣнѣ же существуетъ только удобство, т. е. доставленіе потребной вещи или силы обмѣнивающимся лицамъ. Такимъ образомъ, напр. одинъ человѣкъ, сѣя и пожиная, добываетъ, изъ одной мѣры хлѣба — двѣ мѣры: это — прибыль. Другой, копая, превращаетъ одинъ заступъ въ два: это — прибыль. Но человекъ, имѣющій двѣ мѣры хлѣба нуждается иногда въ копаньи, а имѣющій два заступа — въ пищу: — одинъ изъ нихъ обмѣниваетъ другому добытый хлѣбъ на добытое орудіе и обоимъ стало лучше отъ обмѣна; но, хотя въ этой сдѣлкѣ много удобства, въ ней нѣтъ никакой *прибыли*. Ничто здѣсь не создано и не произведено. Только созданное уже прежде дапо лицу, которое можетъ имъ пользоваться. Когда для мѣны необходимъ трудъ, то этотъ трудъ, въ сущности, составляетъ часть производства, и тогда онъ, подобно всякому труду, приноситъ прибыль. Каково бы ни было число людей, участвующихъ въ мануфактурѣ или въ передачѣ товаровъ, воѣ они участвуютъ въ *прибыли*; но ни мануфактура ни передача не суть мѣна, а въ самой мѣнѣ нѣтъ *прибыли*.

Впрочемъ въ ней можетъ быть барышъ, — вещь совершенно отличная отъ *прибыли*. Если въ мѣнѣ одинъ человекъ можетъ вещь, стоившую ему малаго труда, отдать другому за вещь, стоившую этому послѣднему большаго труда, то онъ «приобрѣтаетъ въ барышъ» известное количество продукта отъ труда другого. И именно сколько онъ приобретаетъ, столько другой теряетъ. На меркантильномъ языкѣ о человекѣ, приобретающемъ такимъ образомъ, обыкновенно говорится, что онъ «получилъ *прибыль*» и, я думаю, многіе изъ нашихъ кушцовъ серьезно убѣждены, что будто бы для всякаго возможно получить *прибыль* такимъ образомъ. А между тѣмъ, при злополучномъ устройствѣ міра, въ которомъ мы живемъ, законы вещества и движенія сильнѣйшимъ образомъ противятся всеобщности *приобрѣтенія* этого рода. *Прибыль* или матеріальная выгода можетъ быть достигнута только посредствомъ созданія или посредствомъ открытія, но не посредствомъ мѣны. Тамъ же, гдѣ мѣна сопровождается матеріальною выгодою, на каждый плюсъ есть совершенно соразмѣрный ему минусъ.

Къ несчастію для успѣховъ науки политической экономіи, положительныя величины, — или, если мнѣ позволятъ употребить такое неуклюжее множественное, — *млюсы* имѣютъ въ свѣтѣ очень положительный и почетный видъ, такъ что всѣ съ жадностью бросаются на изученіе науки, приводящей къ такимъ великолѣпнымъ результатамъ; между тѣмъ *милусы* имѣютъ наклонность удаляться въ глухія улицы и въ другіе темные углы, или, даже, совершенно и окончательно скрываются въ могилахъ: обстоятельство, придающее этой алгебрѣ науки особенный характеръ и дѣлающее ее неудобопочитаемой; такъ какъ громадное число ея отрицательныхъ знаковъ конторщики записываютъ не иначе, какъ красными чернилами, которыя голодъ дѣлаетъ потомъ жидкими и блѣдными и, даже, совершенно неразборчивыми, для настоящаго времени.

Поэтому наука мѣны, или, — какъ ее предлагали, я слышалъ, назвать, — «Каталлактика», — разсматриваемая какъ наука прибыли, ничтожна; но какъ наука приобрѣтенія — она очень любима, отличаясь и своими данными, и своимъ основаніемъ, отъ всякой другой извѣстной науки. Напр. — если я хочу помѣняться съ дикимъ вещами, такъ чтобы дать ему иголку, а отъ него получить алмазъ, то возможность подобной сдѣлки основывается на невѣдѣніи дикаго относительно понятій, выработанныхъ европейскою цивилизаціей, или на невозможности его воспользоваться ими, и продать алмазъ кому нибудь другому, за большее количество иголокъ. Если, далѣе, стараюсь сдѣлать обмѣнъ выгоднымъ для себя сколько возможно, я даю дикому иголку безъ ушка (чѣмъ я достигаю довольно удовлетворительнаго образа превосходной операціи въ духѣ каталлактической науки), то во всей этой сдѣлкѣ выгода для меня основывается на невѣжествѣ, безсиліи, или неосмотрительности лица, съ которымъ я имѣю дѣло. Отнимите эти условія — и каталлактическая прибыль сдѣлается невозможною. Такимъ образомъ, если наука обмѣна клонится къ выгодѣ только одного изъ обмѣнивающихся лицъ, то она основана на невѣжествѣ или на неспособности другого. Тамъ, гдѣ невѣжество и неспособность исчезаютъ, исчезаетъ и самая эта наука. И стало быть — это есть знаніе, основанное на незнаніи, искусство, основанное на неискренности. Всѣ другія знанія, исключая этого, имѣютъ своимъ предметомъ уничтоженіе противоположнаго имъ незнанья и неумѣнья. Это есть единственная изъ всѣхъ наукъ, которая всѣми возможными

средствами должна распространять и продолжать противоположное себѣ незнаніе; иначе она сама становится невозможною. И слѣдственно она, единственно и исключительно предъ другими науками, есть наука тьмы, наука незаконнорожденная—и никакимъ образомъ не *divina scientia*, а *scientia*, происходящая отъ другаго отца,—того отца, который, совѣтуя превращать камни въ хлѣбъ, самъ превращаетъ хлѣбъ въ камни, и который, если вы попросите у него рыбы, можетъ предложить вамъ только змѣю.

Итакъ общій законъ относительно справедливой и экономической мѣны есть слѣдующій: въ мѣнѣ должна заключаться выгода для обѣихъ обмѣнивающихся сторонъ, или, по крайней мѣрѣ,—если только одна сторона получаетъ выгоду,—не должно быть убытка для другой; также въ ней должна быть справедливая плата всякому посреднику сдѣлки (обыкновенно называемому купцомъ) за его время, умъ и трудъ. И всѣмъ участвующимъ въ сдѣлкѣ лицамъ должно быть совершенно извѣстно, какую выгоду она доставила каждой сторонѣ, и какая плата дана посредствующему лицу. Всякое покушеніе къ утайкѣ отзывается ухищреніями противоположной нечестивой науки, основанной на незнаніи. Отсюда одно еще изрѣченіе еврейскаго купца: «какъ гвоздь между строительными камнями, такъ плотно грѣхъ видрается между покупающимъ и продающимъ.»

До сихъ поръ, говоря о мѣнѣ, я тщательно удерживался отъ употребленія слова «выгода»; потому что этотъ терминъ заключаетъ въ себѣ два понятія, именно: выгоду приобрѣтенія того, въ чемъ мы *нуждаемся*, и выгоду приобрѣтенія того, чего мы *желаемъ*. Три четверти потребностей, существующихъ въ мірѣ — романтичны, основаны на воображеніи, идеализмѣ, надеждахъ и привязанностяхъ; и распоряженіе кошелькомъ, въ сущности своей, есть распоряженіе воображеніемъ и сердцемъ. Вслѣдствіе этого, вѣрное сужденіе о свойствѣ цѣны есть очень важная метафизическая и психическая проблема, рѣшаемая иногда по одному вдохновенію,—но первыя условія ея—слѣдующія:—цѣна вещи есть количество труда, предлагаемаго лицомъ желающимъ ея, за то, чтобы получить обладаніе ею. Эта цѣна зависитъ отъ четырехъ измѣняющихся количествъ. А. Количество желанія покупателя получить вещь, и λ . противоположное ему количество желанія продавца удержать вещь у себя. В. Количество труда, которое покупатель можетъ дать, чтобы получить вещь, и β . противоположное ему количество труда, которое можетъ дать про-

двѣцѣ для удержанія ея. Эти количества бывають дѣйствующими лишь тогда когда доведены до высшей своей степени; т. е. подъ количествомъ желанія (А) разумѣется количество желанія получить эту вещь преимущественно предъ желаніемъ другихъ вещей; а подъ количествомъ труда (В) разумѣется то количество, которое можетъ быть удѣлено, для приобрѣтенія этой вещи, отъ количества, необходимаго для приобрѣтенія другихъ вещей.

Итакъ явленія цѣны чрезвычайно сложны, любопытны и интересны—и даже слишкомъ сложны для того, чтобы ихъ теперь разсматривать. Но такъ какъ цѣна каждой вещи должна окончательно опредѣляться трудомъ, употребленнымъ на нее, то необходимо опредѣлить свойство этой мѣры.

Трудъ есть борьба жизни человѣка съ препятствіемъ;—слово «жизнь» заключаетъ въ себѣ его умъ, душу и физическую силу, которыя борются съ сомнѣніями, трудностями, испытаніями, или съ матеріальною силой.

Трудъ бываетъ высшаго или низшаго разряда, смотря по тому—болѣе или менѣе заключаетъ онъ въ себѣ элементовъ жизни; и всякій трудъ хорошаго качества всегда заключаетъ въ себѣ количество ума и чувства, достаточное для полного и гармоническаго распоряженія физическою силою.

Говоря о стоимости и цѣнѣ труда, необходимо всегда разумѣть трудъ извѣстнаго разряда и въ извѣстномъ количествѣ, какъ бы ни говорили о данномъ количествѣ золота или серебра. Дурной (т.-е. вялый, неискusstный, или неразумный) трудъ не можетъ быть цѣннымъ; онъ подобенъ золоту съ неизвѣстными примѣсями, или ржавому желѣзу. *

По опредѣленіи качества и рода труда, цѣнность его, подобно цѣнности всѣхъ другихъ цѣнныхъ вещей, неизмѣнна. Но количество его, которое можетъ быть дано за другія вещи, мѣняется: и въ оцѣнкѣ этого различія цѣна другихъ вещей всегда

* Трудъ совершенный въ своемъ родѣ, т.-е. надлежащій или дѣйствительный, греки называли «имѣющимъ вѣсъ» или обозначали словомъ *αξιό*; обыкновенно переводимымъ «достойный»; и такъ какъ въ этомъ видѣ онъ существенъ и дѣйствителенъ, то цѣну его они называли *τιμή* т.-е. «почетною оцѣнкою»—*honorabilis estimatio*—(отсюда *honorarium*); это слово въ образованіи своемъ основано на понятіи объ истинномъ трудѣ, какъ о дѣлѣ божественномъ, которому должно воздавать честь, приличествующую богамъ; между тѣмъ какъ цѣною ложнаго труда, или труда удаляющаго отъ жизни, по ихъ понятіямъ было — не честь, а мщаніе; у нихъ послѣднее было другое слово, которымъ они приписывали взысканіе такой цѣны особой богинѣ,—Тизифонѣ, «воздающей цѣну смерти.»

должна быть исчисляема по количеству труда; а не цѣна труда — по количеству другихъ вещей.

Такъ напр. если мы хотимъ посадить яблонный черенокъ на каменистой почвѣ, то для этого потребуется два часа труда; на мягкой же почвѣ—можетъ быть, только полчаса. Но положимъ, мы садимъ два дерева на одинаково хорошей почвѣ. Тогда цѣнность черенка, на который употреблено было два часа работы, никакимъ образомъ не будетъ больше цѣнности черенка посаженнаго въ полчаса. Первый принесетъ не больше плодовъ, чѣмъ второй. Равнымъ образомъ, одни полчаса одинаково цѣнны какъ и другіе полчаса; однако же для одного дерева потребовалось четыре части работы, для другаго же, только одна. Изъ этого факта вытекаетъ не то, что работа на твердой почвѣ дешевле, нежели на мягкой, а что дерево дороже. Мѣновая цѣнность можетъ или не можетъ зависеть потомъ отъ этого факта. Если другіе люди имѣютъ много мягкой почвы для насажденія деревьевъ, то при цѣнѣ, которую они захотятъ предложить за дерево, выросшее на скалѣ, они не станутъ принимать въ расчетъ наши два часа работы. И если, вслѣдствіе неизмѣннѣй достаточныхъ познаній въ ботаникѣ, мы посадили вмѣсто яблони какое нибудь вредное дерево, то мѣновая цѣнность будетъ отрицательное количество; и еще менше она будетъ пропорціональна употребленному труду.

Поэтому, то, что обыкновенно называется дешевизною труда, въ сущности значить, что посредствомъ него надо преодолѣть много препятствій, такъ что много труда требуется для произведенія небольшихъ результатовъ. Но этого нельзя называть дешевизною труда, а дороговизною добываемаго, посредствомъ него, предмета. Сказать, что ходьба дешева, потому что мы должны идти десять миль домой обѣдать,—также разумно, какъ и сказать, что трудъ дешевъ, потому что мы должны трудиться десять часовъ, чтобы заработать свой обѣдъ.

Последнее слово, которое мы должны опредѣлять, есть «производство».

Я говорилъ до сихъ поръ о всякомъ трудѣ какъ о приносящемъ прибыль; потому что невозможно разсматривать вдругъ качество, или цѣнность, труда и цѣль его. Но трудъ самаго лучшаго качества можетъ быть различенъ по цѣли. Онъ можетъ быть или «создающимъ», какъ земледѣліе, или безплоднымъ, какъ ювелирство, или разрушительнымъ, какъ война. Однако же и

всегда легко доказать, что трудъ, вевидимому безцельный, въ самомъ дѣлѣ таковъ; но вообще говоря, формула «кто не собираетъ, тотъ ристочаетъ» вѣрна; такимъ образомъ искусство ювелира, вѣроятно, очень вредно, когда оно служитъ для грубой и необразованной гордости. По этому я думаю, что всѣ труды вообще могутъ быть раздѣлены на положительные и отрицательные: положительные суть тѣ, которые производятъ жизнь, отрицательные тѣ, которые производятъ смерть. Наиболее прямымъ образомъ отрицательный трудъ есть убійство, а наиболее прямымъ образомъ положительный трудъ—воспитаніе дѣтей; такъ что какъ разъ въ той степени, въ которой убійство ненавистно, съ отрицательной стороны праздности, воспитаніе дѣтей достойно всякаго уваженія, съ положительной стороны праздности.

При такомъ различіи труда въ результатѣ, благоденствіе націи въ точности пропорціонально количеству труда, который она издерживаетъ на пріобрѣтеніе и употребленіе средствъ къ жизни. Замѣйте, я говорю—на пріобрѣтеніе и употребленіе, т.-е. не только на благоразумное производство, но и на благоразумное распределеніе и потребленіе. Экономисты обыкновенно говорятъ такъ, какъ будто въ абсолютномъ потребленіи нѣтъ ничего хорошаго *. Но это далеко не такъ. Абсолютное потребленіе есть цѣль, вѣнецъ и совершенство труда; а мудрое потребленіе есть искусство гораздо болѣе трудное, чѣмъ мудрое производство. Изъ двадцати человекъ, которые могутъ пріобрѣтать деньги, только одинъ можетъ употреблять ихъ на пользу; и жизненный вопросъ для отдѣльнаго лица и для націи никогда не состоитъ въ томъ — «какъ много они дѣлаютъ», а въ томъ, — «для какой цѣли они издерживаютъ».

Читатель, можетъ быть, удивляется, что я до сихъ поръ еще не говорилъ почти о «капиталѣ» и о назначеніи его. Теперь время опредѣлить ихъ.

Капиталъ значить «глава» (отъ *caput*), или источникъ, или коренной матеріалъ, посредствомъ котораго производятся какія нибудь производныя или второстепенныя блага. Онъ бываетъ капиталомъ въ собственномъ смыслѣ (*caput vivum*, а не *caput mortuum*) только тогда, когда производитъ нѣчто отличное отъ себя самаго. Онъ есть корень, который не входитъ въ жизнь до

* Говоря о производительномъ потребленіи, Милль подразумѣваетъ только то потребленіе, результатъ котораго состоитъ въ приращеніи капитала, или матеріальнаго богатства. См. I. III. 4 и 1. III 5.

тѣхъ поръ, пока не произведетъ ничего другого кромѣ корня, т.-е. не даетъ плода. Этотъ плодъ въ свою очередь произведетъ корни; и такимъ образомъ всякій живой капиталъ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ воспроизведеніе капитала; но капиталъ, который не производитъ ничего кромѣ капитала есть не болѣе, какъ корень, производящій корень; луковица, изъ которой произрастаетъ луковица, но никогда не вырастаетъ цвѣтокъ; сѣмя, производящее сѣмя, но никогда не дающее хлѣба. Политическая экономія Европы до сихъ поръ всецѣло посвящала себя заботамъ о умноженіи или,—еще менѣе того,—о собраніи луковицъ. Она никогда не видѣла и не подозрѣвала вещи подобной цвѣтку. Мы востараемся получить ясное понятіе о капиталѣ.

Лучшій и простѣйшій общій типъ капитала есть хорошій плугъ. Если этотъ плугъ не производитъ ничего кромѣ другихъ плуговъ,—подобно полипу, къ которому прибавляются другіе полипы,—то какая бы большая куча плуговъ ни сіяла на солнцѣ, она все-таки не имѣетъ значенія капитала. Плугъ дѣлается истиннымъ капиталомъ только вслѣдствіе блеска другого рода, когда мы видимъ его «splendescere sulco» т.-е. когда онъ приобретаетъ блескъ въ бороздѣ, скорѣе убавляясь чѣмъ прибавляясь въ своемъ веществѣ отъ благороднаго тренія. Истинный домашній вопросъ для всякаго капиталиста и для всякой націи состоитъ не въ томъ «сколько у васъ плуговъ?» а въ томъ — «гдѣ ваши борозды?» не въ томъ «какъ скоро капиталъ воспроизводитъ самого себя,» но «что онъ сдѣлаетъ во время этого воспроизведенія.»—Какое онъ доставляетъ вещество полезное для жизни? Какое строитъ зданіе для сохраненія ея? Если онъ не дѣлаетъ ничего, то воспроизведеніе его бесполезно; если же онъ приноситъ какойнибудь вредъ (потому что капиталъ можетъ разрушить жизнь, такъ же какъ и поддержать ее), то его воспроизведеніе хуже, чѣмъ бесполезно. Въ такомъ видѣ его никакимъ образомъ нельзя назвать прибылью.

Изъ этого существеннаго свойства капитала слѣдуетъ, что есть два рода производства, непрерывно продолжающіеся въ дѣятельномъ государствѣ: производство овени и производство пищи; или производство для почвы, и производство для желудка. Люди корыстолюбивые считаютъ оба эти рода производства продуктомъ, предназначеннымъ единственно для житницы: но житница, напротивъ того, есть не болѣе, какъ посредствующее и хранящее звено, окончательное назначеніе котораго состоитъ въ раз-

дѣтъ; безъ этого свойства она не ведетъ ни къ чему другому, какъ только къ производству ржанчины и къ доставленію пищи червямъ и крысамъ. И такъ какъ производство для почвы полезно только при существованіи надежды на будущую жатву, то всякое *существенное* производство есть производство для желудка, который служитъ ему окончательною мзрой; отсюда слѣдуетъ, какъ я сказалъ выше, что потребление есть вѣнецъ производства, и богатство націи можетъ быть опредѣляемо только тѣмъ, что она потребляетъ.

Отсутствіе яснаго взгляда на этотъ фактъ есть капитальная ошибка политико-экономистовъ. Ихъ умы постоянно обращены къ прибыли денежной, а не къ прибыли существенной; и они попадаютъ во всякаго рода западни и ловушки, будучи ослѣплены блескомъ монеты, какъ птицы зеркаломъ птицелова или лучше (такъ какъ въ нихъ немного сходства съ птицами крокъ этого), они похожи на ребенка, пытающагося всыргнуть на голову своей собственной тѣни; потому что денежная прибыль есть не болѣе, какъ тѣнь дѣйствительной прибыли, состоящей въ гуманности.

Итакъ конечная цѣль политической экономіи состоитъ въ достиженіи хорошаго способа потребления, и возможно большаго количества потребления: другими словами въ томъ, чтобы употреблять всякую вещь и употреблять благородно,—будетъ ли это предметъ вещественный, или услуга, или работа, производящая вещественный предметъ. Самая любопытная ошибка во всемъ сочиненіи Милля (перешедшая къ нему отъ Рикардо),—есть стараніе его различать прямую и не прямую службу, и вытекающее отсюда положеніе, что запросъ на товары не есть запросъ на трудъ (I. V. 9 и слѣд.). Онъ дѣлаетъ различіе между работниками, употребленными на устройство парковъ и работниками, употребленными на выдѣлку бархата, объявляя, что для рабочихъ классовъ составляетъ существенную разницу то, какимъ изъ этихъ двухъ способовъ капиталистъ издерживаетъ свои деньги; такъ какъ работа садовниковъ есть запросъ на трудъ, а покупка бархата—нѣтъ; * это ошибка столько же колоссальная, какъ и стран-

* Въ приводимыхъ мѣстахъ сочиненія Милля цѣнность сыраго матеріала, которая на самомъ дѣлѣ должна быть вычтена изъ цѣны труда, не принимается въ расчетъ, такъ какъ Милль впалъ въ ошибку единственно вслѣдствіе того, что занялся побочными результатами платежа жалованья посредствующимъ лицамъ. Онъ говоритъ: «потребитель не даетъ поденной платы ткачамъ изъ своихъ собственныхъ

ная. Правда, для работника большая разница — заставляем ли мы его косить во время весенних вѣтровъ, или двигать ткацкій станокъ въ зараженномъ воздухѣ; но, — на сколько это касается его кармана, — для него рѣшительно безразлично: приказываемъ ли мы ему дѣлать зеленый бархатъ, при пособіи сѣмянъ и косы, или красный бархатъ, посредствомъ шолка и ножницъ. Никакимъ образомъ также его не касается — потребляемъ ли мы сдѣланный бархатъ на то, чтобы ходить по немъ, или на то, чтобы носить его, до тѣхъ поръ, пока наше потребление бархата остается вполнѣ эгоистичнымъ. Но какъ скоро наше потребление, тѣмъ или другимъ образомъ, начинаетъ приносить пользу другимъ, то работника интересуетъ не только нашъ способъ потребления требуемыхъ нами предметовъ, но также и *родъ* предмета, который мы требуемъ съ цѣлю потребления. Такимъ образомъ (обращаясь на минуту къ великой желѣзно-мануфактурной теоріи Милля): * для непосредственной прибыли работника несколько не важно — употреблю ли я его для произраженія персика, или для приготовленія бомбы; но вѣроятный способъ потребления мною этихъ предметовъ очень важенъ. Допустимъ, что оно въ обоихъ случаяхъ будетъ «неэгоистично», и тогда для него окончательно важно различіе — что я сдѣлаю изъ двухъ: подарю ли я персикъ его больному ребенку, или брошу бомбу въ его каминъ и подыму крышу его хижины на воздухъ.

Хуже всего для крестьянина здѣсь то, что потребление капиталистомъ персика можетъ сдѣлаться эгоистичнымъ, а потребление денегъ». Извините. Потребитель бархата платитъ ткачамъ своими собственными деньгами, также какъ и садовникамъ. Онъ платитъ посредствующему хозяину корабля, продавцу бархата и его прикащику; платитъ за перевозъ, платитъ наемныя деньги за лавку, деньги за убытки, за время, за хлопоты: все это — сверхъ и кромѣ цѣны бархата (совершенно такимъ же образомъ какъ жалованье главнаго садовника будетъ надбавкою на цѣну травы); бархатъ столько же произведенъ капиталомъ потребителя, хотя онъ платитъ за него только чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ его выдѣлки, сколько и трава произведена его капиталомъ, хотя онъ не ранѣе субботы платитъ людамъ, которые сгребали и складывали ее въ кучки въ понедѣльникъ. Я не знаю выполняется ли въ Сити на практикѣ, въ большихъ размѣрахъ, заключеніе Милля, что «безъ капитала нельзя обойтись, а безъ покупателей можно».

* Которая, замѣтите, совершенно противоположна той, которую мы теперь разсматриваемъ. Желѣзно-мануфактурная теорія требовала отъ насъ распустить нашихъ садовниковъ и взять фабричныхъ; а бархатно-мануфактурная теорія требуетъ, чтобы мы распустили нашихъ фабричныхъ и взяли садовниковъ.

не бомбы—предполагаетъ *распределение*; * но во всѣхъ случаяхъ ясно и общъ тотъ фактъ, что по истинно-каталактическимъ коммерческимъ правиламъ чья *либудь* крыша должна взлетѣть на воздухъ, чтобы назначеніе бомбы было исполнено. Вы можете, смотря по вашему желанію, произвести для своего сосѣда вилоградными кисти, или вязаную картечь, а онъ можетъ сдѣлать тоже самое для васъ, — и вы оба можете что посяли.

Такимъ образомъ, только способъ и результатъ потребления служатъ истинными признаками производства. Производство состоитъ не въ вещахъ тщательно выдѣланныхъ, а въ вещахъ, которыя могутъ быть употреблены съ пользою; и для нации вопросъ состоитъ не въ томъ какъ много это производство займаетъ рабочихъ рукъ, а въ томъ какъ много жизни оно производитъ. Потому что какъ потребление есть конецъ и цѣль производства, такъ жизнь есть конецъ и цѣль потребления.

Я оставилъ этотъ вопросъ два мѣсяца назадъ на обсужденіе читателя, не желая ему рѣзко навязывать его, и предпочитая, чтобы онъ лучше самъ выработалъ его для себя. Но теперь, когда почва уже достаточно приготовлена, (и такъ какъ подробности, къ которымъ должны повести насъ различные вопросы, здѣсь поднятые, слишкомъ сложны для разсмотрѣнія на страницахъ періодиче-

* Между всѣми формами операций богатства въ Европѣ самую страшную составляетъ то, что несправедливыя войны поддерживаются единственно богатствомъ капиталистовъ. Для поддержанія справедливыхъ войнъ нѣтъ надобности въ такомъ большомъ количествѣ денегъ, потому что большая часть людей бываетъ на сторонѣ такихъ войнъ *gratis*; но для несправедливой войны нужно купить и тѣло и душу людей, и сверхъ того лучшіе военные снаряды для нихъ,—обстоятельство, которое дѣлаетъ такую войну дорогою въ высшей степени, не говоря уже о томъ — чего стоятъ этотъ низкій страхъ, и это злобное похотѣніе между націями, которыя, при всей своей громадности, не имѣютъ ни столько великодушія, ни столько честности, чтобы купить на нихъ одинъ часъ душевнаго спокойствія. Такъ въ настоящее время Франція и Англія покупаютъ ежегодно другъ у друга, на десять миліоновъ безпокойства (замѣчательно плохая жатва, состоящая на половину изъ колючекъ и на половину изъ осиновыхъ листьевъ—посябляныхъ, пожатыхъ и собранныхъ въ амбары «наукою» новѣйшаго политико-экономиста, проповѣдующую любостязаніе вмѣсто истины). И такъ какъ всякая несправедливая война можетъ быть поддерживаема, кромѣ ограбленія непріятеля, единственно займами у капиталистовъ, то эти займы выплачиваются послѣдующими податями народа, котораго воля, повидимому, не участвуетъ въ этомъ дѣлѣ, потому что первоначальнымъ корнемъ войны было содѣйствіе капиталистовъ. Но дѣйствительный корень ея есть жадность всей націи, дѣлающая ее неспособною ни къ довѣрью, ни къ откровенности или справедливости, и приносящая, по этому, въ свое время каждому отдѣльному лицу заслуженную потерю и наказаніе.

скаго изданія; такъ что мы будемъ говорить о нихъ въ другомъ мѣстѣ),—я желаю въ заключеніе этого ряда вступительныхъ статей ясно представить одинъ великій фактъ, именно, что *имѣетъ другое богатство кромѣ жизни*, — жизни, заключающей въ себѣ всѣ силы любви, радости и энтузіазма. Самая богатая страна—та, которая питаетъ наибольшее число благородныхъ и счастливыхъ человѣческихъ существъ; самый богатый человѣкъ—тотъ, кто, доведя силы собственной жизни до высшей степени совершенства, имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ самое обширное полезное вліяніе, какъ лично, такъ и посредствомъ своего имущества, на жизнь другихъ.

Странная политическая экономія, — но тѣмъ не менѣе единственная, какая когда либо существовала, или можетъ существовать; потому что всякая экономія, основанная на эгонизмѣ * ведетъ къ гибели.

«Наибольшее число человѣческихъ существъ благородныхъ и счастливыхъ.» Но совмѣстимо ли благородство съ многолюдствомъ? Да; не только совмѣстимо съ нимъ, но даже существенно для него. Maximum жизни можетъ быть достигнуто только посредствомъ maximum добродѣтели. Въ этомъ отношеніи законъ человѣческой населенности совершенно различествуетъ отъ закона животной жизни. Размноженіе животныхъ останавливается единственно недостаткомъ пищи и враждебностью расъ; увеличеніе числа комаровъ умѣряется голодомъ ласточекъ, а увеличеніе числа ласточекъ—недостаткомъ въ комарахъ. Разсматриваемый какъ животное, человѣкъ подверженъ тѣмъ же законамъ: голодъ, моровая язва или война суть необходимыя и единственныя задержки размноженія рода человѣческаго,—задержки бывшія дѣйствительными до сихъ поръ, такъ какъ главнымъ стараніемъ человѣка до сихъ поръ было—сколь возможно скорѣе уничтожить самого себя, или опустошить собственное жилище; а самое высшее искусство его было направлено къ тому, чтобы дать просторъ голоду, сѣмя—моровой язвѣ и господство—мечу. Но если смотрѣть на человѣка не какъ на животное, а какъ на нѣчто другое, то умноженіе его не ограничено этими законами. Оно ограничивается единственно предѣлами его мужества и любви. И то и другая имѣютъ свои предѣлы; и должны имѣть: человѣческая раса также имѣетъ свои; но эти послѣдніе еще не

* «Во всякомъ разсужденіи о цѣнахъ необходимо подразумѣвать условіе, что всѣ стороны заботятся о своихъ собственныхъ интересахъ» (Милль III. I. 5).

достигнуты, и не будут достигнуты в течение многих столетій.

Во всѣхъ сферахъ человѣческой мысли я не знаю ничего столь печальнаго, какъ мудрованія политико-экономистовъ относительно вопроса о народонаселеніи. Предполагается напр. улучшить состояніе работника, посредствомъ увеличенія платы ему: «Нѣтъ», говоритъ экономистъ, «если вы возвысите плату его, то онъ опять дойдетъ до той же степени бѣдности, въ которой вы нашли его, или проплетъ ваши деньги.»—Да. Я это знаю. Но кто далъ ему такія склонности? Вообразимъ, что вы говорите мнѣ о своемъ сынѣ и выражаете мысль, что вы не рѣшаетесь взять его на вашу ферму и даже дать ему справедливую плату какъ работнику, потому что въ такомъ случаѣ онъ умретъ отъ пьянства, и оставить дюжину дѣтей на попеченіе прихода: «Кто далъ вашему сыну такія склонности?» — спрошу я. Получилъ ли онъ ихъ по наслѣдству, или приобрѣлъ воспитаніемъ? Тѣмъ или другимъ способомъ онѣ *должны* явиться; и явятся какъ въ немъ, такъ и въ бѣдныхъ людяхъ. Одно изъ двухъ: или эти бѣдные происходятъ отъ племени, существенно отличающагося отъ нашего и несправимы, или же посредствомъ тѣхъ попеченій, которыя были оказаны намъ самимъ, мы можемъ сдѣлать ихъ воздержными и трезвыми, благоразумными и безстрастными какъ мы — образцы, трудные для подражанія. Но противъ этого дѣлается возраженіе, что они не могутъ получать воспитанія. Почему же не могутъ? Это именно и составляетъ исходный пунктъ. Благотворительныя osoby думаютъ, что самый худшій изъ недостатковъ людей избыточныхъ состоитъ въ томъ, когда они отказываютъ народу въ пропитаніи; и народъ дѣйствительно вопіетъ къ Господу Силь о своей пищѣ, отнимаемой у него обманомъ *. Увы! не пища составляетъ тотъ предметъ,

* Иакова гл. 5 ст. 4. Забудьте, въ этихъ положеніяхъ я не принимаю и ни мало не поддерживаю обыкновенной идеи социалистовъ о раздѣленіи собственности. Раздѣленіе собственности есть уничтоженіе ея и, вмѣстѣ съ нею, всякой надежды, всякаго трудолюбія, всякой справедливости: оно есть просто хаосъ, къ которому стремятся послѣдователи новѣйшей политической экономіи и отъ котораго я стараюсь спасти ихъ. Богатый отнимаетъ пищу у бѣднаго не тѣмъ, что удерживаетъ за собою свои богатства, а тѣмъ, что онъ недостойно употребляетъ ихъ. Богатство есть одинъ изъ видовъ силы; но сильный человѣкъ вредитъ другимъ не сохраненіемъ своей силы, а употребленіемъ ея во вредъ. Соціалистъ, видя, что сильный угнетаетъ слабого, кричитъ: «отымите руки у сильнаго человѣка,» а я говорю—«научите его употреблять ихъ для лучшихъ цѣлей.» Твердость и умъ, посредствомъ которыхъ приобретается богатство, предназначены подателемъ ихъ не для того, чтобы расточать и бросать его, а для того, чтобы употреблять его на служеніе роду человѣче-

отказъ въ которомъ есть одинъ изъ самыхъ жестокосердичныхъ, или вызваніе о которомъ есть одно изъ самыхъ законныхъ. Жизнь важнѣе пищи. Богатые отказываютъ бѣднымъ не въ ней одной: они отказываютъ имъ въ мудрости, въ добродѣтели, въ спасеніи. Вы, овцы безъ пастыря! у васъ отнято не пастбище, а человѣческое достоинство. Пища!.. Можетъ быть, ваше право на нее законно, но вы должны отстоять прежде другія права. Просите своихъ крохъ отъ стола, если хотите, но просите какъ дѣти, а не какъ собаки. Заявляйте свое притязаніе на пищу, но еще громче требуйте своего права быть совершенными и чистыми.

Странные слова въ приложеніи къ рабочему народу: «Какъ! совершенные и чистые,—они, люди въ грубыхъ одеждахъ и говорящіе грубымъ языкомъ; обреченные на черную и унижительную работу?—Совершенные! — они, люди съ тусклыми глазами, съ искривленными членами и съ тупымъ умомъ? — Чистые! — они, исполненные чувственности и низкихъ помысловъ, неопрятные тѣломъ и грубые душою!» — Можетъ быть вы правы, но тѣмъ не менѣе они и въ настоящемъ своемъ видѣ могутъ быть чище и совершеннѣе, чѣмъ мы привыкли допускать это. Можетъ быть они дѣйствительно таковы, какъ вы сказали; но они все таки лучше, чѣмъ мы, оставившіе ихъ въ такомъ состояніи.

Но что можетъ быть сдѣлано для нихъ? Кто можетъ одѣть, научить, обуздать эти толпы? Какой можетъ быть для нихъ конечный исходъ кромѣ истребленія ихъ другъ другомъ?

Я надѣюсь на лучшій исходъ хотя, впрочемъ, я ожидаю этого исхода не отъ которагонибудь изъ трехъ средствъ, обыкновенно предполагаемыхъ экономистами.

Эти три средства, въ короткихъ словахъ, суть: колонизація, обработка пустыхъ земель и непоощреніе брака.

• скому; другими словами—на искупленіе заблуждающихся и для помощи слабымъ. Т.-е. первое дѣло здѣсь есть пріобрѣтеніе денегъ, а за тѣмъ настаетъ суббота для употребленія ихъ, — суббота, законъ которой—не губить жизнь, а спасать ее. Очень часто бѣдность бѣдныхъ происходитъ отъ ихъ вины и безумія, такъ же какъ обыкновенно отъ вины самого ребенка происходитъ, что онъ падаетъ въ прудъ, и отъ слабости самого калѣки, что онъ поскользывается при какомънибудь препятствіи на своемъ пути; но тѣмъ не менѣе большая часть прохожихъ поспѣшитъ — и вытащить ребенка изъ воды и подадутъ помощь споткнувшемуся калѣкѣ. Если даже мы допустимъ, что всѣ бѣдные суть непокорные дѣти или неосторожные калѣки, тогда какъ богатые люди мудры и сильны, — то вы тотчасъ же согласитесь, что ни социалистъ не въ правѣ желать сдѣлать всѣхъ бѣдными, беспильными и сумасбродными, какъ онъ самъ, ни богатый чело-
вѣкъ не въ правѣ оставлять дѣтей въ тинѣ.

Первое и второе изъ нихъ только отстраняютъ, или откладываютъ вопросъ. Правда, еще много времени пройдетъ, прежде чѣмъ весь свѣтъ будетъ населенъ и всѣ его пустыни будутъ воздѣланы. Но коренной вопросъ состоитъ не въ томъ, сколько есть въ мѣрѣ земли, годной для жительства, а въ томъ—околоко человеческихъ существъ должно быть содержимо на данномъ пространствѣ ея. Заиѣйте, я говорю *должно* быть, а не *можетъ* быть. Рикардо, съ свойственною ему неточностью, видитъ такъ называемую имъ естественную мѣру платы въ томъ, «что можемъ содержать работника». Содержать его! — да; но какъ? такой вопросъ тотчасъ сдѣланъ былъ мнѣ одною дѣвучкою изъ рабочаго класса, которой я прочелъ это мѣсто. Я распространю за нее вопросъ этотъ. «Содержать его—какъ?» Во первыхъ до какой продолжительности жизни? Изъ даннаго числа содержащихся лицъ сколько должно быть старыхъ и сколько молодыхъ; т. е. устроите ли вы содержаніе ихъ такимъ образомъ, чтобы преждевременно убить ихъ, напр. среднимъ числомъ въ тридцати или въ тридцати-пяти лѣтнемъ возрастѣ, включая сюда смерть слабыхъ и дурно питаемыхъ дѣтей? — или такъ, чтобы дать имъ возможность прожить естественный жизненный срокъ? Въ первомъ случаѣ вы дадите пропитаніе большому числу людей *, посредствомъ быстрой смѣны однихъ другими, а во второмъ—они, вѣроятно, будутъ счастливѣе: какое изъ этихъ двухъ состояній г. Рикардо считаетъ естественнымъ, и какому изъ нихъ принадлежитъ естественный размѣръ платы?

Далѣе: пространство земли, которое можетъ пропитать только десять человѣкъ праздныхъ, невѣжественныхъ и безпечныхъ, пропитаетъ тридцать или сорокъ человѣкъ умныхъ и трудолюбивыхъ. Какое изъ этихъ двухъ состояній есть состояніе естественное, и которому изъ нихъ принадлежитъ естественный размѣръ платы?

Далѣе: Если извѣстное пространство земли пропитываетъ сорокъ трудолюбивыхъ, но несвѣдущихъ людей, и если, томясь своимъ невѣжествомъ, они отдѣляютъ отъ своего числа десять человѣкъ для изученія тригонометрїи и астрономїи, то трудъ этихъ десяти человѣкъ, будучи отнятъ отъ земли, или долженъ служить къ умноженію винца какимъ нибудь другимъ

* Количество жизни одинаково въ обоихъ случаяхъ, но только оно распределено различнымъ образомъ.

образомъ, или они должны томиться голодомъ, или жё кто нибудь другой будетъ голодать вмѣсто нихъ. Какая здѣсь будетъ естественная мѣра платы ученымъ людямъ, и какъ она будетъ относиться къ ихъ перестановленной или посредствующей производительности?

Далѣе: если земля содержала сперва сорокъ работниковъ съ мирными и благочестивыми наклонностями, но которые потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, сдѣлались такими сварливыми и нечестивыми, что принуждены были выбрать изъ себя: пять человѣкъ посредниковъ и судей для ихъ распрей; десять — вооруженныхъ съ головы до ногъ, дорогимъ оружіемъ, для приданія силы рѣшеніямъ этихъ пяти; и пять человѣкъ — для водворенія благочестія: — то какой произойдетъ отъ этого результатъ для силы производства вообще, и какой будетъ естественный размѣръ платы для этихъ судящихъ, воинствующихъ и проповѣдующихъ работниковъ?

Предоставляя послѣдователямъ Рикардо разбирать и улаживать эти вопросы, я обращаюсь къ главнымъ фактамъ относительно той вѣроятной будущности рабочихъ классовъ, на которую отчасти бросилъ взглядъ г. Милль. Эта и предшествующая ей глава отличаются отъ сочиненій другихъ политико-экономистовъ тѣмъ, что въ нихъ придается нѣкоторая цѣнность природѣ и выражается сожалѣніе при мысли о разрушеніи ея естественнаго порядка. Но мы можемъ успокоиться на этотъ счетъ. Люди не могутъ пить паръ, или ѣсть камни. Максимумъ населенія на данномъ пространствѣ земли предполагаетъ также максимумъ съѣдомыхъ растительныхъ веществъ для людей и животныхъ, максимумъ чистаго воздуха и чистой воды. Поэтому, оно предполагаетъ и максимумъ лѣса, для возобновленія воздуха, и максимумъ отлогой земли, защищенной растительностію отъ чрезмѣрнаго жара, для поддержанія влаги въ потокахъ. Вся Англія можетъ, если захочетъ, превратиться въ одинъ мануфактурный городъ; и англичане, посвятивъ себя благу всего человѣчества, могутъ жить естественною жизнью среди шума, тьмы и смертоносныхъ испареній. Но весь міръ не можетъ сдѣлаться фабрикой или рудоконной. Никакая изобрѣтательность не въ состояніи сдѣлать желѣзо удобоваримую пищу, или замѣнить вино водородомъ. Ни корыстолюбіе людей, ни ихъ бѣшенство никогда не будутъ способны кормить ихъ, и въ какомъ бы изобиліи не были размѣнены на столахъ у нихъ яблоки Содома и виноградъ Гоморры, —

но по тѣхъ перъ пока родъ человѣческой питается хлѣбомъ — широкія нивы должны быть покрыты колосистымъ золотомъ милосердаго Бога, и клики его счастливыхъ созданій — раздаваться вокругъ виноградныхъ жомовъ и колодцевъ.

Наши сентиментальные экономисты могутъ также не бояться слишкомъ большаго распространенія формальностей механическаго земледѣлія. Присутствіе умнаго народа предполагаетъ въ себѣ стремленіе къ счастью точно такъ же, какъ и къ отысканію пищи, и никакое населеніе не можетъ достигнуть своего счастья иначе, какъ посредствомъ той мудрости, которая «процвѣтаетъ» только въ странахъ, удобныхъ для жительства. Пустыня имѣетъ свое опредѣленное мѣсто и назначеніе; великая машина, которой маятникъ есть земная ось, бой — годъ, дыханіе — океанъ, будетъ снабжать силами огня и холода пустынные свои области, окруженныя несокрушимыми утесами и усыпанныя непреодолимыми песками; но плодородные поясы и земли, лежащія между ними, останутся мѣстами, любезными для жительства. Желаніе сердца есть также и восторгъ очей. Никакой видъ не можетъ быть постоянно и неослабно любезенъ, кромѣ вида украшеннаго богатаго веселымъ трудомъ человѣка: воздѣланными нивами, прекрасными садами, изобильными огородами, опрятными уютными и частыми домами, гдѣ раздаются звуки живыхъ голосовъ. Никакой воздухъ не можетъ быть пріятенъ, когда онъ безмолвенъ; онъ пріятенъ только тогда, когда исполненъ звуками — пѣнія птицъ, жужжанья насѣкомыхъ, глубоко-отзывныхъ словъ человѣка и не умолаемаго лепета дѣтей. Когда искусство жить будетъ изучено, то откроется наконецъ, что всѣ пріятныя вещи суть вмѣстѣ съ тѣмъ вещи необходимыя: — дикій цвѣтокъ возлѣ дороги, такъ же какъ и хлѣбъ выращенный нашими трудами, дикія птицы, такъ же какъ и домашній скотъ; — потому что человѣкъ живетъ не однимъ хлѣбомъ, но и маіною пустыни, каждымъ дивнымъ глаголомъ и непостижимымъ дѣломъ своего Бога. И счастливъ онъ, что они остались для него такой же тайной, какъ и для отцовъ его, и что со всѣхъ сторонъ онъ окруженъ чудесами, наполняющими его душу безкомечнымъ удивленіемъ къ своему Создателю.

Замѣтьте, наконецъ, что всякій шагъ къ этому истинному благополучію долженъ быть дѣломъ отдѣльныхъ лицъ, а не общества. Нѣкоторыя общія мѣры могутъ помочь, нѣкоторыя улучшенныя законы могутъ дать направленіе такому движенію;

но законъ и порядокъ, которые прежде всего должны быть опредѣлены—это законъ и порядокъ семейные, въ домѣ каждаго отдѣльнаго человѣка. Мы безпрестанно слышимъ какъ умные люди совѣтуютъ жалующимся на свою судьбу ближнимъ, (обыкновенно поставленнымъ хуже ихъ въ жизни) «быть довольными положеніемъ, въ которое, они поставлены Провидѣніемъ.» Можетъ быть, есть въ жизни обстоятельства, которыя Провидѣніемъ не назначены для того, чтобы люди среди нихъ были довольны. Тѣмъ не менѣе помянутое правило, вообще говоря, хорошо, въ особенности для домашняго употребленія. Не ваше дѣло—долженъ или нѣтъ вашъ ближній быть доволенъ своимъ положеніемъ, но очень ваше дѣло—быть довольными своимъ собственнымъ. Если Англія въ настоящее время нуждается въ чемъ нибудь особенно, такъ это въ томъ, чтобы ей показали какое количество наслажденія можетъ быть получено прочнымъ, хорошо управляемымъ, скромнымъ, сознательнымъ и труднымъ достаткомъ. Намъ нужны примѣры людей, которые бы, предоставивъ рѣшенію Неба—должны ли они возвыситься въ этомъ мірѣ, рѣшили сами для себя, что они будутъ въ немъ счастливы, и рѣшились искать—не большаго богатства, а простаго удовольствія; не высокаго состоянія, а скромнаго благополучія, считая главнымъ обладаніемъ—самообладаніе; возвеличивая себя безвреднымъ чувствомъ своего достоинства и спокойными мирными занятіями.

Объ этомъ скромномъ миролюбіи сказано, что «справедливость и миръ облобызали другъ друга»; и что плодъ справедливости «посѣянъ въ мирѣ людей, творящихъ миръ», не миротворцевъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, т. е. не примирителей въ распряхъ, но создателей мира, раздавателей спокойствія. Но вы не можете раздавать его, если не приобрѣли его сами; да и это приобретеніе не можетъ быть непремѣннымъ результатомъ какого бы то ни было рода *дѣлъ*, обыкновенно такъ называемыхъ. Никакая форма приобретенія не представляетъ менѣе вѣроятности успѣха, потому что всѣ эти такъ называемыя *дѣла* (какъ это видно въ языкѣ всѣхъ народовъ—*πάλη* отъ *πάλλω*, *πάσις* отъ *πέραω*, *venire*, *vendre* и *venal* отъ *venio*, и-проч.), по существу своему, исключаютъ всякій покой и предполагаютъ распри; они возбуждаютъ въ людяхъ склонности ворона, который летаетъ туда и сюда для отысканія трупа, между тѣмъ какъ птицы, питающіяся плодами масличныхъ деревь и носящія мас-

личныя вѣтви ищутъ спокойнаго мѣста для отдыха. Такимъ образомъ о мудрости сказано, что «она построила себѣ домъ и изсыкла себѣ семь столбовъ».

Для насъ, дѣйствіе этой мудрости должно начаться у дверей дома, потому что всякая политическая экономія есть «домашній законъ». Старайтесь сдѣлать этотъ законъ строгимъ, простымъ и великодушнымъ: ничего не уничтожайте и ничего не жадничайте. Никакимъ образомъ не старайтесь накопить побольше денегъ, а старайтесь извлечь изъ нихъ побольше пользы, постоянно держа въ памяти тотъ великій, осязательный и вѣзбѣжный фактъ, — главное правило и корень всякой экономіи, — что вещь, которую имѣетъ одно лицо, другое не можетъ имѣть; что на каждый употребленный или издержанный атомъ вещества, какого бы то рода оно ни было, потрачено соответствующее количество жизни, и что если эта трата имѣетъ своимъ результатомъ сохраненіе существующей жизни или пріобрѣтеніе большаго количества ея, то она полезна, въ противномъ же случаѣ она останавливаетъ или убиваетъ жизнь въ соответствующемъ размѣрѣ. При всякой покупкѣ обращайте вниманіе во первыхъ на то, какія условія существованія причиняете вы производителямъ покупаемаго вами предмета; во вторыхъ — справедлива ли относительно нихъ та сумма, которую вы заплатили, и поступитъ ли она въ ихъ руки въ надлежащей пропорціи; * въ третьихъ — сколько чистой пользы относительно пищи, знанія или наслажденія можетъ принести то, что вы купили; и въ четвертыхъ, кому и какимъ образомъ купленное можетъ быть наискорѣйшимъ и наиболее полезнымъ образомъ роздано. Во всѣхъ сдѣлкахъ настоятельно добивайтесь полной откровенности и строгой исправности; во всѣхъ дѣлахъ — совершенства и пріятности выполненія; въ особенности же заботьтесь объ изяществѣ и чистотѣ всякаго продажнаго товара. Въ то же время не упускайте ни одного случая научиться, или научать другихъ, способ-

* Должности посредниковъ въ собственномъ смыслѣ, именно: надсмотрщиковъ (или начальствующихъ работниковъ), передатчиковъ (купцовъ, моряковъ, мелочныхъ торговцевъ и проч.), исполнителей приказаній (людей, находящихся въ распоряженіи потребителя), — должны быть, конечно, разсмотрѣны прежде, чѣмъ я могу войти въ дальнѣйшее разсмотрѣніе вопроса о справедливой платѣ первоначальному производителю. Но я не говорилъ о нихъ въ этихъ вводныхъ статьяхъ потому, что бѣдствія, которыми сопровождается злоупотребленіе помянутыми посредствующими должностями, происходятъ не отъ какого нибудь принципа указаннаго новѣйшей политической экономіей, а отъ частной небрежности или несправедливости.

ности къ простымъ наслажденіямъ, и доказывать своимъ примѣромъ, что сумма удовольствія зависитъ не отъ количества вкушаемыхъ вещей, а отъ воспримчивости и постоянства вкуса.

И если, послѣ надлежащаго и честнаго размышленія объ этихъ вещахъ, намъ представится, что родъ существованія, къ которому призываютъ насъ всѣ внушенія состраданія, всѣ требованія права, по видимому будетъ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, не изъ числа роскошныхъ,—то подумайте — пожелалъ ли бы кто нибудь изъ насъ роскоши,—даже предположивъ, что она невинна,—если бы мы ясно видѣли возлѣ себя страданія, которыми она сопровождается въ этомъ мірѣ. Правда, роскошь возможна въ будущемъ—роскошь невинная и изящная, роскошь для всѣхъ и при помощи всѣхъ; но въ настоящее время безразсудною роскошью можетъ наслаждаться только невольжа. Самый жестокой человѣкъ не могъ бы сидѣть за своимъ пиршественнымъ столомъ, если бы у него глаза не были завязаны. Возьмѣй смѣлость снять покрывало; взгляни на свѣтъ; — и если ты увидишь только слезы и рубища, то отоуди съ плачемъ, храня драгоценную надежду, что придетъ время, когда насущный хлѣбъ и миръ будутъ удѣломъ и твоихъ меньшихъ братій, такъ же какъ и твоихъ; когда для разъединенныхъ между собою людей — злыхъ съ одной стороны и угнетенныхъ съ другой—наступитъ святое примиреніе, не ограничивающееся тѣсными предѣлами дома и хозяйства; когда злые перестанутъ беспокоить другихъ и угнетенные успокоятся.

Длр. Р.

СВОИ СОБАКИ ГРЫЗУТСЯ, ЧУЖАЯ НЕ ПРИСТАВАЙ!

(Картина московской жизни)

КАРТИНА I-я.

ЛИЦА:

ПАВЛА ПЕТРОВНА БАЛЬЗАМИНОВА, вдова.	МАТРЕНА, кухарка.
МИХАЙЛО ДМИТРИЧЪ БАЛЬЗАМИ- НОВЪ, сынъ ея.	ПАВЛИНЪ ИВАНЫЧЪ УСТРАШИ- МОВЪ, сослуживецъ Бальзаминова.
АКУЛИНА ГАВРИЛОВНА КРАСАВИНА, свекра.	Брюнетъ, большаго роста, лицомъ врачень и работавъ.

(Вѣдная комната у Бальзаминовыхъ.)

ЯВЛЕНИЕ I-е.

Бальзаминова (*одна, сидитъ съ чулкомъ
въ рукахъ*).

У Миши, должно быть, опять какіе нибудь планы въ головѣ. Прибѣжить изъ присутствія, пообѣдаетъ наскоро, — да и былъ таковъ, и пропалъ на цѣлый день. Гдѣ-то онъ, бѣдный, бродитъ?—Должно быть далеко, далеко куда нибудь ходить! Придетъ всегда такой измученный, усталый, и лица-то на немъ нѣтъ, и не ѣсть ничего, только все вздыхаетъ. Надо полагать, — онъ въ Рогожскую бѣгаетъ; а пожалуй, что и въ Лесортово! Все раз-

богатѣть-то ему, бѣдному, хочется. Ну, да это ничего, пускай бѣгаетъ; это еще здорово, говорятъ. Теперь время лѣтнее, дѣль у него никакихъ нѣтъ особенныхъ; все-таки лучше пусть на воздухѣ бѣгаетъ, чѣмъ въ комнатѣ-то сидѣть; да еще и польза можетъ произойти. Только я все что-то боюсь за него; все какъ-то мнѣ не вѣрится, чтобы онъ ужь очень богатую-то невѣсту себѣ нашолъ. А ужь сколько у него къ этому дѣлу старанія! Сколькo старанія! Даже удивительно это видѣть. По его-то старанію ему бы ужь давно надо миліонщицу приспособить. Должно быть, счастья нѣтъ! Безъ счастья, сколько ужь ни старайся, ничего не выходишь. Говорятъ, и грибы искать—счастье нужно; а ужь невѣсть-то и подавно. Вотъ былъ же случай у Ничкиныхъ; а изъ-за чего разошлись? Такъ, изъ пустяковъ. Нужно же было этому облomu пріѣхать! И какъ на грѣхъ его принесло въ такое время! Кабы не онъ, жили бы мы теперь, какъ сыръ въ маслѣ катались. Есть же такіе злые люди на свѣтѣ! Ну, что ему нужно было? Себѣ онъ пользы никакой не сдѣлалъ, только Мишу моего обидѣлъ. (*Матрена входитъ съ письмомъ*).

ЯВЛЕНИЕ II-е.

Бальзаминова и Матрена.

МАТРЕНА.

Письмо вотъ принесли. (*Подаетъ*).

БАЛЬЗАМИНОВА.

Кто принесъ?

МАТРЕНА.

Должно, что почталіонъ, одѣтъ такъ, по военному. Говорить: городская почта.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Отъ кого бы это? Я ужь и не знаю.

МАТРЕНА.

И я не знаю. Да вотъ что: вы мнѣ дайте письмо-то.

БАЛЬЗАМИНОВА.

За чѣмъ тебѣ?

МАТРЕНА.

Я догоню солдата-то, да назадъ ему отдамъ.

Бальзаминова.

Что ты! Какъ можно назадъ, когда оно къ Мишѣ писано.

Матрена.

Должно быть, солдатъ-то по ошибкѣ занесъ! Часто бываетъ, что въ другой домъ заносить.

Бальзаминова.

Да я тебѣ говорю, что къ намъ. Вотъ и на адресѣ написано.

Матрена.

Итъ, право лучше назадъ отдадимъ отъ грѣха. Кто къ намъ письма писать станетъ? Кому нуженъ! Вѣдь письма-то пишутъ, коли дѣла какия есть, али знакомство; а у насъ что!

Бальзаминова.

Какая ты глупая! Ну слушай: «Его Благородію...»

Матрена.

Ишь ты «Благородію!»

Бальзаминова.

«Михаилу Дмитріевичу Бальзаминову.»

Матрена.

Ну, да хоть и написано, а все лучше назадъ отдать; а то еще, пожалуй, солдата-то въ отвѣтъ введешь передъ начальствомъ. Давайте! Что право!

Бальзаминова (Кладетъ письмо въ столъ.)

Съ тобой, вѣдь, не согласишь, Ты смотри, не вошелъ бы кто въ кухню-то!

Матрена.

Украсть-то тамъ нечего, хопъ и войдетъ кто.

(Уходитъ и возвращается) Тамъ идетъ кто-то по двору-то.

Бальзаминова.

Ктожь такой?

Матрена.

Кто его знаетъ! Черный, долговязый такой. Гляди, приказный; а то комужь! Словно какъ онъ бывалъ тутъ.

Бальзаминова.

Устрашимовъ, должно быть.

(Матрена уходитъ. Входитъ Устрашимовъ.)

ЯВЛЕНІЕ III-Е.

БАЛЪЗАМИНОВА И УСТРАШИМОВЪ.

УСТРАШИМОВЪ. (*Кланяется.*)

Михайло дома?

БАЛЪЗАМИНОВА.

Нѣтъ. Ушло куда-то.

УСТРАШИМОВЪ. (*Подходитъ къ окну и молча, мрачно смотритъ на улицу.*)

Да это вѣрно?

БАЛЪЗАМИНОВА.

Ахъ, батюшка, что мнѣ тебя обманывать-то!

УСТРАШИМОВЪ. (*Продолжаетъ глядѣть въ окно.*)Бываетъ иногда, (*многозначительно*) прячутся. Ну, да вѣд это не поможетъ. Нѣтъ, шалишь!

БАЛЪЗАМИНОВА.

Вы такія странныя слова говорите, что и понять васъ нѣтъ никакой возможности.

УСТРАШИМОВЪ.

Нѣтъ, Миша, это, братъ, дудки! Атанде-сь!

БАЛЪЗАМИНОВА.

Вы мнѣ объясните, въ чемъ ваше дѣло, и что вамъ угодно; такъ я сыну и передамъ.

УСТРАШИМОВЪ. (*Со вздохомъ, продолжая глядѣть въ окно.*)

Тутъ, братъ, два года хожено. Это не другое что нибудь. Этого уступить нельзя. Ты моимъ несчастьемъ вздумалъ воспользоваться! Ты рыть яму ближнему! погоди еще, можетъ быть, самъ туда попадешь! Боже мой! Боже мой! Какъ это случилось! Какъ это могло случиться!

БАЛЪЗАМИНОВА.

Если вы Мишу ждете, такъ напрасно беспокоите себя, онъ, обыкновенно, къ ночи приходитъ.

УСТРАШИМОВЪ. (*Оборачивается.*)

Нѣтъ-ли у васъ воды? Развѣ вы не видите я ужасно разстроень.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Ахъ, батюшка, какое-же мнѣ дѣло, что ты разстроень!

УСТРАШИМОВЪ. (*Садится.*)

Прикажите мнѣ дать воды! Ну, я васъ прошу наконецъ.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Что ты угорѣлъ, что ли? Матрена, подай стаканъ воды!

УСТРАШИМОВЪ.

Да-съ, бываютъ случаи! жизнь не мила, вотъ оно какъ-съ. Вы этого не понимаете.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Гдѣ понимать!

УСТРАШИМОВЪ.

А отъ чего? Отъ чего, я васъ спрашиваю?

БАЛЬЗАМИНОВА.

Да что ты присталъ?

УСТРАШИМОВЪ.

Все отъ своей гордости, да отъ женскаго капризу. Вотъ отъ чего-съ.

(*Матрена входитъ съ стаканомъ воды на тарелкѣ.*)

МАТРЕНА.

Кому воды-то?

УСТРАШИМОВЪ.

Мнѣ. (*Беретъ и, въ разсѣянности, задумчиво смотритъ на Матрену.*)

МАТРЕНА.

Что ты глаза-то выучилъ?

УСТРАШИМОВЪ. (*Разсѣянно.*)

Выучилъ. (*Пьетъ и отдаетъ стаканъ Матрелѣ. Матрена уходитъ. Устрашимовъ подходитъ къ Бальзаминовой.*) Да-съ! Такъ вы скажите ему, что я былъ здѣсь, что я очень разстроень; онъ пойметъ. Или нѣтъ!... (*Подумавъ.*) Вы скажите ему, (*срозно и съ разстоновкой*) что если онъ осмѣлится туда хоть вѣсь показать, такъ я.... Пойдите! Скажите ему, что я ста

тысячъ не возьму, умру тамъ у воротъ.... Ужъ онъ знаетъ гдѣ. Намъ двоимъ жить на свѣтѣ нельзя, Понимаете вы, нельзя. Либо онъ, либо я!...

Бальзаминова. (*Отворачиваясь.*)

Надоѣлъ, голубчикъ!

Устрашимовъ,

Да что тутъ надоѣлъ! Вы войдите въ мое-то положеніе.

Бальзаминова.

Очень мнѣ нужно!

Устрашимовъ.

Или вотъ что! Я и забыть. Отдайте ему это письмо. (*Достаетъ письмо и подаетъ.*) Я его написалъ на случай, если не застану. Онъ пойметъ: знаетъ кошка, чье мясо съѣла. Ну, да еще онъ увидитъ! Онъ будетъ меня знать! Я смирный человѣкъ; но если дѣло коснется женщины, либо интересу, тогда ужъ я неумолимъ. Прощайте! (*Уходитъ.*)

Бальзаминова.

Что онъ тутъ мнѣ написалъ? Должно быть за одной ужажи-вають. Да, такъ точно! По его словамъ-то такъ и надо полагать. Циф ты, еще лугать выдумалъ! Такъ его и побоялись! Такъ ему Миша и уступить! Какъ же! Тебѣ ходить мимо оконъ не мѣшаютъ; и ты другимъ не мѣшай! Кому Богъ пошлетъ, того и счастье. Чтой-то на немъ больно много этихъ разныхъ штукъ нацѣплено,—и колець, и всего! Должно быть самъ-то интересанъ, такъ вотъ ему и завидно, чтобы другимъ не доставалось. И письмо-то надо бы за окно выбросить. Какъ бы только Миша не разсердился. (*Прячетъ въ столъ.*) Я такъ Мишѣ и скажу: «ничего тебѣ на нихъ смотреть; много ихъ тутъ найдется; а ты свое дѣло дѣлай. Волка бояться, въ лѣсъ не ходить! Дома-то сидя, ничего не высидишь! Не пойдутъ невѣсты тебя отыскивать; самъ долженъ ходить, да искать хорошомъко.» А те шп ты нагородилъ тутъ съ-три короба, да и думаетъ, что его побоятся. Цѣтъ, братъ, тутъ дѣло серьезное, денежное! Стражаться, такъ стражаться, — чья возьметъ. Никакъ Миша идетъ?
(*Бальзаминова входить.*)

ЯВЛЕНИЕ IV-е.

Бальзаминова и Бальзаминовъ. *(Входитъ и садится въ раздумьи.)*

Бальзаминова.

Что это ты скоро воротился, али забылъ что?

Бальзаминовъ. *(Садится.)*

Такъ, раздумалъ маменька. У меня такая примѣта есть. И ужъ эта примѣта самая вѣрная. Если ты идешь и задумалъ что нибудь, и вдругъ тебѣ встрѣча пехорошая: лучше воротись, а то ничего не будетъ. Если такъ идешь, безъ мысли, такъ еще можно продолжать дорогу; а коли есть мысль, —воротись.

Бальзаминова.

Какой ты, Миша! Молодой еще ты, можно сказать, мальчижъ, а примѣты разбираешь, точно старуха какая.

Бальзамиповъ.

Конечно, маменька, если рассуждать правильно, такъ всѣ эти примѣты — бабья болтовня, вздоръ; только все-таки въ нашемъ дѣлѣ нельзя примѣтамъ не вѣрить. Потому что, маменька, въ нашемъ дѣлѣ все отъ счастья, рѣшительно все.

Бальзаминова.

Да въ какомъ же это въ вашемъ дѣлѣ?

Бальзаминовъ.

Да какъ же, маменька! У другаго дѣло вѣрно, такъ что ему до примѣтъ! Онъ такъ на вѣрное и идетъ, куда ему нужно. А у насъ все отъ случая, все отъ счастья. Мы никуда на вѣрное не ходимъ. Иду по улицѣ—вдругъ понравился,—ну, и богатъ, и счастливъ; не понравился,—ну, всю жизнь бѣдствуй. А вѣдь, это, маменька, съ одной стороны даже заманчиво. Я, бѣдный молодой человекъ, рѣшительно голъ, ну голъ, какъ есть во всей формѣ, хожу себѣ, гуляю гдѣ нибудь и вдругъ.... Вы только представьте это себѣ, маменька, вдругъ вижу я подъ окномъ даму или дѣвицу. Разъ прохожу, два,—бросаю игъжный взглядъ; она мнѣ отвѣчаетъ тѣмъ же. Я знакомлюсь черезъ кого нибудь, и, вдругъ, представьте, домъ этотъ,—въ которомъ я ее видѣлъ,—ной; и сижу я по утру за чашкой кофею въ бархатномъ хала-

тѣ... (*Быстро встаетъ*) Вотъ это—жизнь! Боже мой милости-
вый! И можетъ быть, мамсенька, мнѣ это счастье суждено; мо-
жетъ оно ждать меня гдѣ нибудь; я только не знаю, гдѣ оно,
тамъ, или тамъ, или тамъ. Я только не знаю, куда идти, гдѣ
его искать-то.... и вдругъ судьба....

Бальзаминова.

Мечты вѣдь это все, мой другъ, такъ все одно — облако.

Бальзаминовъ.

Ахъ, мамсенька, зачѣмъ вы меня перервали! Вы не знаете, какое
это удовольствіе—мечтать. Иногда такъ занесешься, занесешься,
даже вскрикнешь: «Эй, четверню закладывать въ карету!»

Бальзаминова.

Оно, пожалуй, и сладко мечтать-то; да только ничего этого
быть не можетъ.

Бальзаминовъ.

Ну, нѣтъ, мамсенька, вы не говорите этого! Какъ же можно
такъ говорить! Да, вотъ вы увидите, что въ нынѣшнемъ мѣ-
сяцѣ что нибудь да ужъ будетъ хорошее.

Бальзаминова.

Откуда это? Изъ какихъ земель?

Бальзаминовъ.

Ужъ я не знаю, откуда; а будетъ. Вы видѣли, какъ я вчера
былъ веселъ?

Бальзаминова.

Ну, такъ что же?

Бальзаминовъ.

А знаете ли, отъ чего? Развѣ ужъ сказать? Я, мамсенька, мо-
лодой мѣсяцъ видѣлъ съ правой стороны.

Бальзаминова.

Только-то?

Бальзаминовъ.

Позвольте, позвольте! Вы развѣ не вѣрите въ эту примѣту?

Бальзаминова.

Да какъ же вѣрять-то! Я сколько разъ на свосмъ вѣку вида-
ла мѣсяцъ-то съ правой стороны, а вотъ ничего не случилось
особеннаго.

Бальзаминовъ.

А вотъ увидимъ! Нѣтъ ужъ я такъ увѣренъ, что хоть на ва-

ри готовъ. Давайте, маменька, поспоримъ о чемъ нибудь. Если случится что, такъ вы проиграли; а если не случится, такъ я.

Бальзаминова.

Эхъ! какой ты глупый! что тутъ спорить-то! я ужъ знаю, что ничего не будетъ.

Бальзаминовъ.

Подождите, подождите, увидимъ. А ужъ если это не сбудется,—я не знаю чему тогда и вѣрить послѣ этого!

Бальзаминова.

Ну, да вотъ замѣтимъ, давай, съ котораго числа по которое.

Бальзаминовъ.

Надо считать, маменька, отъ новаго мѣсяца и опять до новаго. Въ это-то время, маменька, и нужно ждать чего нибудь. У меня просто сердце не на мѣстѣ; такъ вотъ и жду, такъ вотъ и жду каждую минуту... (*Красавина входитъ, Бальзаминовъ ее не замѣчаетъ*) вдругъ случится что нибудь...

ЯВЛЕНИЕ V-е.

ТѢЖЕ И КРАСАВИНА.

КРАСАВИНА.

Да и случится.

Бальзаминовъ (*остолбенѣвши смотритъ на Красавицу*).

Ахъ!

КРАСАВИНА (*цѣлуетъ съ Бальзаминовомъ*).

Здравствуйте, матушка, Павла Петровна!

Бальзаминова.

Здравствуйте! Садитесь! Что, опять съ вѣстями?

КРАСАВИНА.

Я, что птица вѣщая, даромъ не покажусь!

Бальзаминова.

Не опять ли по прежнему?

КРАСАВИНА.

Ужъ видно не судьба; а я не причинна. Сами видите, я сама

оборотъ сдѣлала; а я за всѣхъ не отвѣтчица, коли онѣ всякому въ своемъ домѣ волю даютъ. (*Бальзаминову*) Ну что, получилъ?

Бальзаминовъ.

Что получилъ?

Бальзаминова.

Я и забыла,—вѣдь тебѣ письмо принесли. (*Достаетъ письмо.*)

Красавина.

Про него-то я и спрашиваю.

Бальзаминовъ.

Какъ это вы, маменька! Вы, должно быть, мнѣ совсѣмъ счастья не желаете! Какъ можно забывать такія вещи! Вѣдь тутъ, можетъ быть, вся судьба моя. (*Беретъ письмо.*)

Красавина.

Тутъ она и есть.

Бальзаминовъ.

Ну вотъ видите! Эхъ, маменька! Батюшки, не распечатаю никакъ, руки такъ и ходятъ, такъ и ходятъ. (*Съ сердцемъ*). Ну, затряслись, затряслись! Экой характеръ! экой подлый характеръ! Самъ не радъ, ей-Богу не радъ.

Красавина.

Да и есть отъ чего. Какъ тутъ рукамъ не затрястись! Еще то ли бываетъ!

Бальзаминовъ.

Да постой ты! Я въ себя не приду, а ты еще подбавишь.

Красавина.

Да ну тебя! ужъ и сказать ничего нельзя!

Бальзаминова.

Тутъ тебѣ еще есть письмо; ну, да это не важно.

Бальзаминовъ.

Маменька, маменька! что вы со мной дѣлаете! Боже мой, милостивый! До того ли мнѣ!

Бальзаминова.

Ну, я его тутъ на столѣ положу; послѣ прочитаешь на досугъ; это отъ Устрашимова; онъ заходилъ безъ тебя.

Бальзаминовъ (*распечатываетъ*).

Ухъ! насилу распечаталъ.

Бальзаминова.

Да отъ чего это скажите вы мнѣ.

КРАСАВИНА.

А вотъ изволите видѣть? ходитъ-бродитъ онъ, добрый молодецъ, во такихъ палестинахъ, что другому и на умъ не вообразитъ. Доходился онъ до край-Москвы, видитъ онъ стоитъ новышкокъ теремъ; а во этомъ теремѣ, во купеческомъ дому, такая пива, что только «акъ», да и все тутъ. Не скажу, чтобы красавица, а пышна ужъ очень. Такъ пышна, что нынче мало можно найдти такихъ женщинъ; вотъ какъ! Ужъ именно, что на ловца и звѣрь бѣжитъ. Вотъ онъ ходилъ, ходилъ мимо оконъ-то, да, не будь дурень, амурное письмо и напиши. Да такое складно, я видѣла письмо-то. Пишетъ это такъ учтиво, безо всякаго охальства. Другой вѣдь напишетъ, просто страмъ; а это хоть барышнѣ дай, такъ ничего. Отъ этого письма она и приди въ чувство; ужъ оченно ей понравилось, что учтиво пишеть-то, что охальства-то никакого нѣтъ. А онъ еще въ концѣ-то стихъ прибравъ: «Взвѣйся вихоръ, вѣтерочекъ, отнеси ты сей листочекъ, — въ объятія тому, кто милъ сердцу моему.» А на закотѣ-то написалъ: «Лети туда, гдѣ примутъ безъ труда.» Стихомъ-то ужъ онъ ее больше и убѣдилъ.

Бальзаминовъ (*все время слушамъ.*)

Неужли стихомъ?

Красавина.

Стихомъ. Она въ стихи очень вѣруеть, потому, говорить, коли что стихами написано, ужъ это вѣрно: значитъ, отъ души человекъ писалъ, безъ всякой фальши. А я и случись тутъ, какъ онъ письмо-то въ окошко бросилъ.

Бальзаминова.

Въ окошко бросилъ?

Красавина.

Въ окошко. Вижу се въ такихъ чувствахъ отъ его учтивости-то, напишите, говорю, ему на отвѣтъ; и адресъ твой сказала. Она и написала.

Бальзаминова.

Кто же такая?

Красавина.

Вдова, Антрыгина. При большихъ деньгахъ, а одна, какъ есть. Ну теперъ читай, что тебѣ на отвѣтъ написано.

Бальзаминовъ (*читаетъ*).

«Вы пишете, что, можетъ, ваше письмо будетъ неприятно; но

сжали бы оно было неприятно, вамъ бы, напротивъ того, ничего не отвѣчали. Поймите изъ этого! Завсегда видно по поступкамъ, кто чего стоитъ; по этому самому ваше знакомство для насъ будетъ очень пріятно; то и можете меня видѣть въ извѣстномъ вамъ домѣ, когда вамъ угодно. Заочно посылаю вамъ воздушный поцѣлуй...» (*Перестаетъ читать.*) Маменька! Что же это такое, я васъ спрашиваю? Умереть! Больше ничего не останется. Да я когданибудь и умру отъ этого. (*Садится въ задумчивости.*)

Красавина.

Такая женщина, я вамъ скажу, одно слово—король! И характеру самого слободнаго.

Бальзаминовъ.

Какъ же это такъ, матушка, слободнаго-то?

Красавина.

Такъ, слободнаго, да и все тутъ. Ходить это по комнатамъ, размахиваетъ руками. «Никого, говорить, я не боюсь, что хочу, то и творю; нѣтъ, говорить, надо-мной старшихъ!» Да и точно, кого ей бояться! ни мужа у нея, ни отца; одна какъ есть. Да и сторона же у нихъ такая глухая.

Бальзаминовъ.

Что мнѣ теперь дѣлать? Научи ты меня, сдѣлай милость!

Красавина.

Да что тебя учить-то! Приходи уже вечеромъ, вотъ и все тутъ; а тамъ ужъ по дѣлу видно будетъ, какой оборотъ вести. Извѣстное дѣло, звать нечего! Куй желѣзо, пока горячо!

Бальзаминовъ.

Такъ прямо и приходитъ?

Красавина.

Такъ прямо и приходи.

Бальзаминовъ.

А что говорить?

Красавина.

Что въ голову придетъ, то и говори. Если и совершь что, такъ не важность; на первый разъ не взыщутъ.

Бальзаминовъ.

Ахъ, Боже мой! Боже мой! Совсѣмъ точно потерянный. Понимаю вѣдь я самъ, что теперь нужно дѣлать-то, и другаго, пожалуй, научу; да какъ же мнѣ быть съ моимъ характеромъ-то? Теперь бы пѣскорѣй, да поумнѣй, такъ и можно бы дѣло обдѣ-

ить; а у меня вонь руки и ноги трясутся. Вотъ ты и толкуй тутъ, что хочешь. Такая робость нападаетъ, точно тебя казнить идутъ.

КРАСАВИНА.

Кого это робѣть-то? бабы-то? А ты напусти на себя геройскій духъ, вотъ и все.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Хорошо тебѣ говорить-то: «геройскій духъ.» А гдѣ его взять-то?

КРАСАВИНА.

Ну, а негдѣ взять, такъ плохо дѣло! А я думала, что ты ходокъ на эти дѣла. А еще чиновникъ называешься, при фор-тѣ ходишь! Да будь я мужчиной, такъ я, кажись бы, всѣхъ заволочила. (*Встаетъ.*) Ну, я свое дѣло сдѣлала, сказала тебѣ; а тамъ ужъ ты, какъ хочешь.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Куда же вы? Посидѣли бы, чайку бы напѣлись!

КРАСАВИНА.

А вотъ, мнѣ тутъ, по сосѣдству, нужно бобы развести, къ чаю-то я еще къ вамъ поспѣю.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Ну такъ я велю самоваръ поставить, да васъ поджидать буду.

КРАСАВИНА (*Бальзаминову.*)

Ну теперь ты видѣлъ мою службу?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Видѣлъ.

КРАСАВИНА.

Ты человекъ казенный?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Какъ казенный?

КРАСАВИНА.

Ну да также, казенный! Вѣдь ты при должности?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

При должности.

КРАСАВИНА.

Праву знаешь?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Какую праву?

КРАСАВИНА.

Такую же праву, документы тамъ ваши и законы всякіе.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Знаю.

КРАСАВИНА.

Служить кто задаромъ, али нѣтъ?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Кому же охота задаромъ служить!

КРАСАВИНА.

Ну вотъ видишь ли! Значить, и мнѣ тоже по Москвитин-тѣ даромъ трепаться нужда невелика.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Да ужь вы, матушка, объ этомъ не беспокойтесь.

КРАСАВИНА.

Какъ же не беспокоиться? Кому охота свои труды терять! Вѣдь этакъ, пожалуй, добрые люди душой назовутъ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Ты мнѣ только скажи, что тебѣ нужно; а ужь я ни за чѣмъ не постою.

КРАСАВИНА.

А мы вотъ что сдѣлаемъ! Ты завтра въ судъ пойдешь, такъ принеси листъ гербовой бумаги; мы съ тобой, для вѣрности, условіе и напишемъ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Ужь ты будь покойна, ужь я все.... Маменька, что такое деньги! Прахъ! Нѣтъ ихъ—такъ онѣ дороги; а теперь для меня что онѣ значать? Ровно ничего.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Ну и мотать-то, тоже, ничего нѣтъ хорошаго!

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Я, маменька, мотать не стану; а пожить — поживу, съ широкимъ поживу.

КРАСАВИНА.

Еще-бъ не пожить! Будетъ ужь, побѣдствовать! Видѣль нужно-то, въ чемъ она ходитъ; теперь можно себѣ и отвагу дать. Однако, прощайте! *(Кланяется.)* Хорошо вамъ тутъ разговаривать, вамъ дѣлать — то больше ничего; а у меня еще дѣла — то по уши.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Такъ я васъ жду.

КРАСАВИНА.

Ужь теперь ваша гостя. Прощай соколъ — воронья крылья!

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ VI-е.

Бальзаминовъ и Бальзаминова.

Бальзаминовъ.

Ну, маменька, что вы на это скажете? мѣсяць-то, мѣсяць-то!

Бальзаминова.

Что сказать-то тебѣ? По моему еще очень-то радоваться чему! Еще вѣрнаго ничего нѣтъ.

Бальзаминовъ.

А все-таки, маменька, видно, что она въ меня влюблена. И дожь, маменька, у нея каменный. Ахъ! блаженство!

Бальзаминова.

Ужъ и влюблена! Понравился ты ей такъ, съ виду, вотъ и все. А ты того не забудь, что ты еще съ ней ни одного слова не говорилъ. Что-то она тогда скажетъ, какъ поговорить-то съ тобой! Умныхъ ты словъ не знаешь...

Бальзаминовъ.

Это, маменька, нужды нѣтъ. Въ нашемъ дѣлѣ все отъ счастья; тутъ умомъ ничего не возьмешь. Другой и съ умомъ, да лѣтъ пять даромъ проходить; я вотъ и неумень, да женюсь на богатой!

Бальзаминова.

Вотъ что, Миша, есть такія французскія слова, очень похожія на русскія; я ихъ много знаю, ты-бы хоть ихъ заучилъ когда, на досугѣ. Послушаешь иногда на именинахъ или гдѣ на свадьбѣ, какъ молодые кавалеры съ барышнями разговариваютъ,—просто прелесть слушать.

Бальзаминовъ.

Какія-же это слова, маменька? Вѣдь какъ знать, можетъ быть они мнѣ и на пользу пойдутъ.

Бальзаминова.

Разумѣется, на пользу. Вотъ слушай! Ты все говоришь: «я гулять пойду!» Это, Миша, нехорошо. Лучше скажи: «я хочу проинажъ сдѣлать!»

Бальзаминовъ.

Да-съ, маменька, это лучше. Это вы правду говорите! Проинажъ лучше.

Бальзаминова.

Про кого дурно говорить, это—мараль.

Бальзаминовъ.

Это я знаю-съ.

Бальзаминава.

Коль человекъ или вещь какая нибудь не стоитъ вниманія, ничтожная какая нибудь, — какъ про нее сказать? Дрянъ? Это какъ-то неловко. Лучше сказать пофранцузски: «гольтена!»

Бальзаминовъ.

Гольтена. Да, это хорошо.

Бальзаминава.

А вотъ если кто заважничаетъ, очень возмечтаетъ о себѣ, и вдругъ ему форсъ-то собьютъ, — это «асаже» называется.

Бальзаминовъ.

Я этого, маменька, не зналъ, а это слово хорошее. Асаже, асаже,...

Бальзаминава.

Дай только припомнить, а то я много знаю.

Бальзаминовъ.

Припоминайте, маменька, припоминайте! Послѣ мнѣ скажете. Теперь сбѣгать въ цирюльню завиться, да и бѣжать. Вотъ, маменька, полечу-то я, кажется, и ногъ-то предъ собой не буду слышать отъ радости. Вѣдь вы только представьте: собой не дурна, домъ каменный, лошади, деньги, одна, ни родныхъ, ни ного. Вотъ гдѣ счастье-то! Я съ ума сойду. Кто я буду? Меня тогда и рукой не достанешь. Мы себя покажемъ.

Бальзаминава.

На-ко, вотъ еще письмо къ тебѣ. (*Отдаетъ письмо Устрашимова.*)

Бальзаминовъ. (*Беретъ письмо и распечатываетъ.*)

Мы себя покажемъ, маменька! Мы себя покажемъ. (*Читаетъ.*)
Боже мой! (*Съ отчаяніемъ садится на стулъ.*) Все конечно, все!

Бальзаминава.

Что тамъ еще за бѣда случилась?

Бальзаминовъ.

Все, все конечно! Нечего теперь и думать, и мечтать... Какъ обухомъ, такъ и ошарашилъ.

Бальзаминава.

Наладилъ одно! Да ты скажи мнѣ, что такое?

Бальзаминовъ?

Нечего и завиваться идти. И не пойду. Вотъ тебѣ и домъ. Точно, какъ я все это во снѣ видѣлъ.

Бальзаминова.

Этъ, глушь ты, Миша!

Бальзаминовъ:

Да, глушь! Хорошо вамъ разговаривать-то! Поглупѣешь, какъ вотъ этакія письма получать будешь. Я вотъ сижу, мамонька,—а вѣдь я убитый....

Бальзаминова.

Да читай! Что за страсти такія!

Бальзаминовъ.

Эко наказанье! Ну что я ему сдѣлалъ? Слушайте, мамонька! *(Хочетъ читать и останавливается.)* Разбойникъ! Право, разбойникъ! *(Читаетъ:)* «Михайло! я давно слышалъ, что ты ходишь мимо извѣстнаго тебѣ дома; но не вѣрилъ»... И рожа-то у него, мамонька, разбойницкая! *(Читаетъ)* «но не вѣрилъ; я думалъ, что ты, зная меня, не посмѣешь этого сдѣлать. Теперь я самъ тебя видѣлъ, и знаю, что ты кинулъ въ окно записку. Такой подлости я отъ тебя не ожидалъ!» Въ чемъ-же тутъ подлость, позвольте васъ спросить. А онъ самъ развѣ этого не дѣлаетъ! Откуда-жь у него перстни, да цѣпочки-то?

Бальзаминова.

Да ты читай!

Бальзаминовъ.

Сейчасъ, мамонька! *(Читаетъ.)* «Я ужъ два года знакомъ съ этой дамой...» Кто-жь его зналъ! Развѣ я зналъ это?

Бальзаминова.

Ну, а если-бъ зналъ?

Бальзаминовъ.

Разумѣется бы, не пошолъ.

Бальзаминова.

А отъ чего-бы это не пойдти? Что онъ тебѣ начальникъ, что-ли? Вѣдь она еще не жена ему! Кому удастся, того и счастье. Ну, читай дальше! А то: «не пошелъ-бы!» То-то вотъ ты теря у меня; вотъ что мнѣ и горько!

Бальзаминовъ.

Это я, мамонька, такъ сказалъ. Можетъ быть, я и пошелъ бы.

Бальзаминова.

Ну, что тамъ дальше?

Бальзаминовъ (*читаетъ*).

«Теперь у насъ вышла ссора изъ капризу.....»

Бальзаминова.

Вышла ссора. Ну вотъ и прекрасно! Ты и долженъ этигъ пользоваться.

Бальзаминовъ.

Да, какъ-же, прекрасно! Вы послушайте, что онъ дальше-то пишетъ. (*Читаетъ*) «но я надѣюсь помириться съ ней; слѣдовательно ты мнѣ мѣшать не долженъ. Если бы она была поумнѣй, я бы тебя не боялся; а то она, по глупости, готова всякому дураку кинуться на шею.....»

Бальзаминова.

И чудесно, и чудесно!

Бальзаминовъ.

Ахъ, маменька, да ужъ вы не перебивайте! (*Читаетъ*.) «По этому самому ты и не смѣй ходить въ ту сторону.» Вотъ оно что! (*Читаетъ*.) «Если тебѣ жизнь еще не надоѣла, чтобы и нога твоя тамъ не была!» Какъ это вамъ покажется?

Бальзаминова.

Небось, страшно?

Бальзаминовъ.

А то не страшно? Вѣдь я, чай, одинъ у васъ сынъ-то! Ну, а вотъ дальше-то. (*Читаетъ*) «а то я тебя изувѣчу или совѣмъ убью. Такъ ты и знай! Вотъ тебѣ и вся недолга.»

Бальзаминова.

Что такое? Я не дослышала.

Бальзаминовъ (*робко*).

«Вотъ тебѣ и вся недолга!»

Бальзаминова.

Скажите, пожалуйста! Такъ вотъ васъ и иссугались! Ну, что-жъ ты молчишь?

Бальзаминовъ.

Что-жъ мнѣ говорить-то? Точно меня чѣмъ ошибло, ничего не помню, изъ головы все вылетѣло, словно какъ пустая теперь.

Бальзаминова.

Что-жъ, ты пойдешь или нѣтъ?

Бальзаминовъ.

Какъ идти-то, маменька? Развѣ мнѣ жизнь-то немгла, что-ли? Какъ ни бѣдствуешь, а все пожить-то хочется.

Бальзаминова.

А домъ-то каменный, а лошади, а деньги!

Бальзаминовъ.

Ахъ, не терзайте вы меня! (*Хватается себя за голову*). Что мнѣ дѣлать? Батюшки, что мнѣ дѣлать?

Бальзаминава.

Такъ ты въ самомъ дѣлѣ боишься, что онъ убьетъ тебя?

Бальзаминовъ.

Убьетъ, маменька. убьетъ! Ужь я его знаю. (*Стоитъ, задумавшись*).

Бальзаминава.

А я такъ думаю, что не убьетъ. Глупый ты человекъ, вѣдь за это въ Сибирь ссылають. Кому охота! Побить, можетъ быть, побьетъ, это я не спору, коли онъ сильнѣе тебя.

Бальзаминовъ (*въ задумчивости*).

Сильнѣй.

Бальзаминава.

За то, коли ты понравишься, какой ты ему носъ-то натянешь!

Бальзаминовъ (*все въ задумчивости*).

Асаже?

Бальзаминава.

Да, асаже славное слѣлаешь.

Бальзаминовъ (*мѣсколько времени стоитъ молча*).

Ну, была—не была! Прощайте! Побѣгу завиваться.

Бальзаминава.

Ступай. Волка бояться, въ лѣсъ не ходить!

Бальзаминовъ.

Именно! Ну, Устрашиновъ, посмотримъ, чья возьметъ! (*Уходитъ*).

ВАРТИНА И-я.

Л И Ц А:

АНФИСА ДАНИЛОВНА АНТРЫГИНА, МАША, горничная Антрыгиной.
 вдова 30-ти лѣтъ. БАЛЬЗАМИНОВЪ.
 АННА ПРОКЛОВНА ПИОНОВА, ся УСТРАШИМОВЪ.
 знакомая 25-ти лѣтъ. КРАСАВИНА.

(Богатая гостинная въ домѣ Антрыгиной).

ЯВЛЕНИЕ I-е.

МАША, одна. (*Смотритъ въ окно и кланяется*).

Павлинъ Иванычъ, здравствуйте! Что? Говорите громче, здѣсь никого нѣтъ. (*Голосъ Устрашимова: «Сдѣлай милость Маша узнай, за что на меня твоя барыня сердится.»*) Да какъ узнаешь-то? онѣ не сказываютъ. (*Устрашимовъ: «Рубль серебромъ, Маша.»*) Обманете! (*Устрашимовъ: «Ну вотъ еще!»*) Побожитесь! (*Устрашимовъ: «Да что божиться; я тебя впередъ отдамъ.»*) Ну, хорошо! Ужь постараюсь какъ нибудь. (*Устрашимовъ: «Такъ ты вотъ что: ты какъ узнаешь, такъ ярибьши въ лавочку къ заставѣ. Я буду тамъ дожидаться.»*) Хорошо, хорошо! (*кланяется*). Прощайте! Отъ чего сердится? Извѣстно отъ чего, отъ ревности. Надо только узнать, къ кому она его ревнуетъ. А онъ-то, бѣдный, мучится, думаетъ, что она его разлюбитъ. Не разлюбитъ, не бойся! Она хоть и прикидывается, будто ей ничего, и какого-то бѣлобрысаго чиновника теперь приманиваетъ; а все это только одинъ отводъ, помучить хочется. Кабы въ самомъ-то дѣлѣ захотѣла бросить Павлина Иваныча, такъ бы съ утра до ночи на тресоваго короля не гадала. Нѣтъ ужъ, видно, какъ полюбишь вашего брата, такъ нескоро развяжешься. Эка эта любовь! И зачѣмъ только она сотворена. Ужь про нашу сестру нечего говорить, слабоствореніе; а и мужчины, и тѣ отъ нея мѹку видятъ. А все таки безъ любви никто не жеветь! И стыда отъ нея много бываетъ; случается, что и горя натерпиться;—а безъ нея все таки скучно. Вотъ тутъ у меня какъ-то перемежка вышла, такъ

не знала куда дѣться отъ тоски. Хожу, какъ не своя, точно какъ потеряла что. А какъ есть предметъ, такъ то ли дѣло....
(Входитъ Антрыгина и молча ложится на диванъ).

ЯВЛЕНІЕ П-е.

АНТРЫГИНА И МАША.

МАША.

Что это вы, сударыня, какія нынче скучныя?

Антрыгина (тожно и со вздохомъ).

Такъ.

МАША.

Нѣтъ ужъ это, сударыня, что нибудь да не такъ; прежде съ вами этого не было.

АНТРЫГИНА.

Отъ того и скучаю, что мнѣ все на свѣтѣ надоѣло, ни что меня въ жизни не занимаетъ. И за чѣмъ я живу? Я не понимаю.

МАША.

Да давно ли это, сударыня? Вы прежде были такія веселыя. Даже очень пріятно было видѣть васъ, что вы всегда въ хорошемъ расположеніи бываете.

АНТРЫГИНА.

Да, можетъ быть, я и была весела; но только для виду. Я давно поняла, что такое жизнь; слѣдовательно что же меня можетъ къ ней привлекать!

МАША.

Вы еще такъ молоды, сударыня.

АНТРЫГИНА.

Что жъ изъ этого? Коли я вижу, что все въ жизни обманъ, что никому повѣрить нельзя, что на свѣтѣ только суета одна, — что я должна дѣлать? Я должна удаляться отъ свѣта. Съ хитростью, съ политикой, женщина можетъ жить въ свѣтѣ; а съ чувствомъ, съ вѣжнымъ сердцемъ должна только страдать. Слѣдовательно, я лучше буду жить, какъ отшельница, чѣмъ за все свое расположеніе и за свое добро видѣть отъ людей обиду или насмѣшку.

МАША.

Конечно, сударыня, вы это изволите говорить правду; что

людямъ нельзя большаго довѣрія дѣлать, особенно мужчинамъ; только для чего же изъ за этого изъ за самаго вы будете себя мучить! Развѣ мало можетъ быть для васъ развлеченій?

АНТРИГИНА.

Какихъ это развлеченій?

МАША.

Мало ли, сударыня, развлеченій! Можете ѣхать на гулянье въ гости, у себя гостей принимать, зимой—въ театр, въ собраніе.

АНТРИГИНА.

Для чего? для кого?

МАША.

А какъ знать, сударыня, можетъ вамъ ктонибудь понравиться, выйдете замужъ и будете жить да поживать.

АНТРИГИНА.

Я? Никогда! Чтобы я когданибудь повѣрила мужчине! Да если онъ всѣ клятвы произнесетъ, я и тогда не повѣрю. (*Молчаніе.*) Я въ монастырь пойду.

МАША.

Что вы, сударыня! Какъ это можно!

АНТРИГИНА.

А вотъ увидишь. Ужъ если я на что рѣшилась...

МАША.

Ѣдетъ кто-то. (*Подходитъ къ окну и смотритъ.*) Военный... къ намъ въ окна смотреть... съ аполетами...

АНТРИГИНА.

Съ густыми?

МАША.

Съ густыми.

АНТРИГИНА.

Молодъ?

МАША.

Не очень.

АНТРИГИНА.

Ужъ если я на чтонибудь рѣшилась... Да, можетъ быть, это онъ такъ взглянулъ?

МАША.

Должно быть. Что-то не оборачивается.

АНТРИГИНА.

Ну его! Ужъ коли я на что рѣшилась, такъ я и сдѣлаю. Ты

еще моего характера не знаешь. Ты, можетъ быть, думаешь, что я буду жалѣть о разныхъ глупостяхъ? Какъ же, нужно очень! Я ужь давно всѣ шалости изъ головы выкинула. У меня и въ помышленіи-то нѣтъ ничего такого. (*Задумывается съ улыбкой.*)

МАША. (*Указывая глазами на карты.*)

Не раскинуть ли?

АНТРЫГИНА.

Кинь!

МАША.

На треюваго короля прикажете?

АНТРЫГИНА. (*Разсыпано.*)

Ну, да.

МАША (*задаеть.*)

Очень, очень не дурно, сударыня.

АНТРЫГИНА.

Что тамъ у тебя?

МАША.

А вотъ извольте посмотрѣть.

АНТРЫГИНА. (*Встаетъ и смотритъ.*)

И то, вѣдь хорошо.

МАША. (*Со смѣхомъ показывая на карту.*)

А вотъ извольте посмотрѣть, что здѣсь-то!

АНТРЫГИНА. (*Улыбаясь слышиваетъ карты.*)

Ахъ, пустяки какіе! Неужели ты вѣришь?

МАША.

Никогда не врутъ, сударыня. А ужь это-то всегда сбывается.

АНТРЫГИНА.

Ну, болтай еще! Чего ты не выдумаешь! (*Молчаніе.*) Хоть бы шарманка что ли прошла; тоска такая.

МАША.

Барыня, подѣхалъ кто-то.

АНТРЫГИНА.

Бѣги, посмотри, кто такой? (*Маша уходитъ. Антрыгина направляется передъ зеркаломъ, потомъ смотритъ въ окно.*) Вчера не проходилъ и нынче нейдетъ. Ахъ, противный! Коли завтра не придетъ, такъ надо будетъ Машу посылать! Пускай

она, какъ будто отъ себя, и скажетъ, что я замужъ выхожу, вотъ мы тогда и посмотримъ. Ему первому покориться не хочется, потому что мужчины всѣ горды; ну ужъ и я, кажется, ни за что на свѣтѣ не покорюсь. (*Входятъ: Пюнова и Маша.*)

ЯВЛЕНИЕ III-Е.

АНТРЫГИНА, ПЮНОВА И МАША (*у дверей.*)

АНТРЫГИНА.

Ахъ, Анета! Что это ты пропала? (*Цѣлуются и садятся.*)

ПЮНОВА.

Хорошо тебѣ разговаривать-то, ты сама себѣ госпожа; а у меня мужъ, да и дѣла куча. Я и заѣхала-то къ тебѣ не надолго, поговорить нужно объ одномъ дѣлѣ. У насъ въ домѣ такая тоска.

АНТРЫГИНА.

Я воображаю.

ПЮНОВА.

Повѣришь ли, не съ кѣмъ слова перемолвить. Иногда такъ нужно бываетъ, такъ нужно, а рѣшительно не съ кѣмъ, ну и ѣдешь къ тебѣ за семь верстъ.

АНТРЫГИНА.

Развѣ есть что?

ПЮНОВА.

Нѣтъ еще, серьезнаго ничего нѣтъ.

АНТРЫГИНА.

Гдѣ поймала?

ПЮНОВА.

Въ Сокольникахъ.

АНТРЫГИНА.

Хорошъ?

ПЮНОВА.

Недурень. Ну да объ этомъ послѣ. Что твой?

АНТРЫГИНА.

Ахъ, оставь, слѣмай милость! Я и думать-то забыла о немъ.

ПЮНОВА.

Да отъ чего съ тобой вдругъ такая переиѣна, скажи на милость?

АНТРЫГИНА.

Отъ того, что мерзавецъ!

Щонова.

Ахъ, Анфиса! Ты ли это говоришь!

АНТРЫГИНА.

Ужъ коли я говорю, такъ значитъ, я знаю.

Щонова.

Помилуй! Такой прекрасный молодой человекъ! Такъ тебя любить!

АНТРЫГИНА.

Да, любить; оно и видно.

Щонова.

Разувѣется, видно. Неужели ты въ этомъ сомнѣваешься? Это ни на что не похоже! И ты до сихъ поръ все его мучишь, все не принимаешь?

АНТРЫГИНА.

Еще бы! Да и нога его здѣсь небудеть.

Щонова.

Что ты! Что ты!

АНТРЫГИНА.

И таки никогда, никогда.

Щонова.

Ну ужъ я не знаю! Ты каменная какая-то! Желѣзо, просто желѣзо! Да и то подается. Чего тебѣ еще нужно? Красивый мужчина, очень милый, влюбленъ безъ памяти...

АНТРЫГИНА.

Да тебѣ-то что за дѣло?

Щонова.

Да не могу я этого видѣть равнодушно! Дѣлать такія тиранства надъ человекомъ, который, можетъ быть, ни душой, ни тѣломъ не виновать, это ужасно!

АНТРЫГИНА.

Нѣтъ онъ стоить, онъ еще не того стоить!

Щонова.

Попался тебѣ мужчина съ кроткимъ сердцемъ, можно сказать, съ ангельскимъ, такъ его и мучить.

АНТРЫГИНА.

Хороши ваши мужчины, нечего сказать!

Щонова.

Ну ужъ и женщины-то ваши тоже хороши.

АНТРЫГИНА.

Разумѣется, лучше мужчинъ.

Пюнова.

Ну, едва ли!

АНТРЫГИНА.

Про какое—это ты ангельское сердце говоришь?

Пюнова.

Конечно, про Устранимова.

АНТРЫГИНА.

Развѣ у фальшивыхъ людей можетъ быть ангельское сердце? Давно ли это?

Пюнова.

Кто же сказалъ, что онъ фальшивый человекъ? Противъ кого онъ фальшивый человекъ?

АНТРЫГИНА.

Рѣшительно противъ всѣхъ.

Пюнова.

Но только не противъ тебя. Онъ такой душка, прелесть что такое!

АНТРЫГИНА.

Безсовѣстный!

Пюнова.

Ангель, а не человекъ.

АНТРЫГИНА.

Мерзавецъ, какихъ свѣтъ не производилъ.

Пюнова.

Очарованіе, что за мужчина!

АНТРЫГИНА.

Ну и возьми его себѣ, коли онъ тебѣ нравится.

Пюнова.

Мнѣ не надобно-съ. Не извольте обо мнѣ безвокопаться! Конечно, я умѣю цѣнить людей, не то что ты. Скажи же ты мнѣ, наконецъ, за что ты на него сердилъся.

АНТРЫГИНА.

Тебѣ хочется знать? Изволь. Постой, когда это... да на той недѣлѣ во вторникъ—ѣду я мимо Чистыхъ прудовъ, вдругъ вижу: этотъ господинъ идетъ подъ ручку съ какой-то дамой, садятся на лавочку и такъ это горячо разговариваютъ...

Пюнова.

Да ты хорошо-ли разсмотрѣла?

АНТРЫГИНА.

Гдѣ жь было разсмотрѣть! Оно бы и нужно было остано-
виться, да ужь я себя не помнила. Во всѣхъ членахъ трясеніе
сдѣлалось. Вмѣсто того чтобы сказать кучеру: «стой!» я кри-
чу: скорѣй, скорѣй! Какъ домой доѣхала, ужь не помню. Сей-
часъ же не велѣла его пускать и писемъ отъ него принимать...
(*Маша уходитъ*).

ПЮНОВА.

Да можетъ быть, это не онъ былъ. Надо узнать.

АНТРЫГИНА.

Какъ же узнать? У него что ли спросить? Такъ онъ развѣ
скажетъ! Извѣстное дѣло, обманетъ, перевернетъ все въ дру-
гую сторону. Нѣтъ, ужь лучше Богъ съ нимъ. (*Подноситъ*
платокъ къ глазамъ).

ПЮНОВА.

А сама плачешь, да вотъ и трефовый король тутъ на столѣ.
Значить, ты объ немъ думасшь.

АНТРЫГИНА.

И не воображала.

ПЮНОВА.

Анфиса, помирись съ нимъ! (*Цѣлуетъ ее*). Ну, сдѣлай ми-
лость! Ну для меня! Душенька!

АНТРЫГИНА.

Ни за что на свѣтѣ.

ПЮНОВА.

Успокой ты меня! Я ни одной ночи не усну, пока вы не по-
миритесь.

АНТРЫГИНА.

Нѣтъ ужь у меня другой есть на примѣтѣ. Выду за него за-
лужь, онъ же такой скромный, учтивый.

ПЮНОВА.

И ты рѣшишься этокое варварство сдѣлать?

АНТРЫГИНА.

Что за варварство?

ПЮНОВА.

Да какъ же не варварство? Промѣнять такого человѣка на ка-
кую-нибудь дрянъ.

АНТРЫГИНА.

Совсѣмъ не дрянъ. Во первыхъ, онъ не то что другіе, онъ
любитъ меня.

Плюнова.

Да, какъ же, любить? Онъ тебя обманываетъ, прикидывается только.

Антригина.

Во первыхъ, это сейчасъ видно, кто обманываетъ; а во вторыхъ...

Плюнова.

Да, какъ же, увидишь ты у нихъ!

Антригина.

У кого, у нихъ?

Плюнова.

У мужчинъ. Такъ тебя проведутъ, что и не услышишь. Ужъ обманутъ—ихъ дѣло. Тѣмъ только всю жизнь и занимаются. Мы ни на жертву созданы; вотъ они и потѣшаются надъ нами.

Антригина.

У тебя, Анета, семь пятницъ на недѣлѣ; давеча хвалила мужчинъ, а теперь ужъ нехороши стали.

Плюнова (*горячо*).

Ну что жъ такое! Давеча одно говорила, а теперь говорю другое; а все-таки Устрашимовъ безподобный мужчина, а этотъ твой новый—дрянь. Устрашимовъ никогда не позволитъ себѣ обмануть женщину, а этотъ обманываетъ. Это очень ясно. Вотъ тебѣ и все. Да этого и не можетъ быть, чтобы Устрашимовъ былъ тебѣ невѣренъ. Да вотъ, давай, сейчасъ загаджемъ на картахъ, вотъ все и узнаемъ. (*Разкладываетъ карты*).

Антригина.

Гадай, коли тебѣ хочется. (*Входитъ Красавина*).

ЯВЛЕНИЕ IV-е.

Тѣжѣ и Красавина.

Антригина.

А, бабушка-старушка! Ну, что скажешь? Была?

Красавина (*садится*).

Была и медъ пила, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

Антригина.

Ну, здѣсь попадетъ. Что же?

Красавина.

Соколъ въ путь снаряжается. Чай скоро прилетитъ.

Плюнова (*строю*).

Анжеса!

Антрыгина.

Пускай прилетитъ, мы его примемъ, какъ должно.

Плюнова (*бросивъ карты*).

Нѣтъ, это изъ рукъ вонь! Ты такъ вѣтренна, такъ вѣтренна, ни на что непохоже!

Красавина.

А что жь такое въ этомъ дурнаго, теперича спросить у тебя. Ты еще понимаешь ли какое это дѣло, какъ оно называется? Вѣдь это—судьба. А что такое судьба? Понимаешь ли ты это? Можетъ, ей на роду написано быть за нимъ за мужемъ. Такъ развѣ можно отъ своей судьбы бѣгаты! Гдѣ это видано?

Плюнова.

Тебя послушай только! У васъ все судьба; всѣ свахи такъ говорятъ. Извѣстное дѣло—въ этомъ вамъ интересъ, вотъ вы и хлопчете.

Красавина.

А что такое сваха? Сваха—великое слово! Не у всякаго хитить ума, какъ его понимать! Если разсудить хорошенъко, такъ насъ бы надобно всякими разными чинами жаловать,—вотъ что я тебѣ скажу. Нами только и государство—то держится, безъ насъ никакое государство стоять не можетъ. Вотъ оно какое слово—сваха. Не будь насъ, ну и конецъ, и родъ человѣческій прекратится.

Плюнова.

Не безпокойся, не прекратится.

Красавина.

Гдѣ тебѣ знать! Ты еще молода для этого!

Антрыгина.

А что, Гаврилица, каково они живутъ? Съ достаткомъ или нѣтъ?

Красавина.

Ужъ какіе достатки у приказныхъ! Миѣ передъ тобой тамъ нечего; живутъ не больно авантажно. Избушка на курьихъ ножкахъ, маленько-тово... набокъ; рогатаго скота: пѣтухъ да курица; серебряной посуды: крестъ да пуговица. Да тебѣ что за дѣло до достатковъ, у тебя у самой много, тебѣ человѣка нужно. Да вотъ никакъ и онъ пришелъ, кто-то въ передней тол-

чется. (*Встаетъ и закладываетъ въ дверь*). Войди, ничего, не бойся! Войди, говорить тебѣ! Чего бояться-то! (*Бальзаминоффъ входитъ и раскланивается*).

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЕ и Бальзаминоффъ.

АНТРЫГИНА.

Здравствуйте, Михайло Дмитричъ! Я давно хотѣла съ вами познакомиться и очень рада, что вы пришли. Садитесь, пожалуйста!

КРАСАВИНА.

Ну и сядь!

Бальзаминоффъ (*Красавиной*).

Да ужъ я самъ-съ... (*раскланивается*).

КРАСАВИНА.

И садись, коли просятъ. (*Бальзаминоффъ садится*).

АНТРЫГИНА.

У васъ, должно быть, служба не очень трудная?

Бальзаминоффъ.

Съ девяти часовъ до половины третьяго-съ; а на домъ рѣдко когда даютъ-съ.

ШОНОВА.

Оно и видно, что вамъ дѣлать-то нечего; то-то вы по всей Москвѣ и ходите.

АНТРЫГИНА.

Ахъ какая ты, Анета! Отъ чегожъ и не ходить? Погода теперь прекрасная.

Бальзаминоффъ.

Проминажъ-съ.

ШОНОВА.

• Хорошъ проминажъ, черезъ всю Москву!

АНТРЫГИНА.

Разумѣется, безъ цѣли не стоитъ ходить. У нихъ, можетъ быть, есть цѣль; почему ты знаешь! Можетъ быть, имъ кто нибудь нравится въ этой сторонѣ. Вѣроятно за этимъ и ходите въ нашу сторону?

Бальзаминоффъ (*конфузясь*):

• А-съ, такъ точно-съ!

АНТРЫГИНА.

Вот видите-ли, я и угадала.

ШУНОВА.

Мудрено было угадать! (Бальзаминову). А можно васъ спросить, кто это вамъ нравится въ этой сторонѣ?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Это я долженъ сохранять въ глубинѣ души своей-сь.

АНТРЫГИНА.

И очень вы ее любите?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Для моей любви нѣтъ границъ и нѣтъ словъ-сь, чтобы выразить.

АНТРЫГИНА.

Вотъ какъ! Это должно быть, очень приятно, когда такъ любить. Слышишь, Анета?

ШУНОВА.

А я такъ думаю, что отъ того и нѣтъ словъ, что сказать-то нечего.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Конечно, кто знаетъ много стиховъ хорошихъ-сь, тотъ сейчасъ можетъ прибрать на всякій случай-сь; а кто если не знаетъ, какъ же онъ выразить свои чувства!

АНТРЫГИНА.

А вы много стиховъ знаете? Я ужасно люблю стихи.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Я больше все чувствительными стихами занимаюсь, которые выражаютъ любовь-сь и разные страданія. А то много вѣдъ стиховъ написано теперь и такихъ, которые ничего не выражаютъ; такъ тѣ для меня не интересны-сь.

АНТРЫГИНА.

Скажите какіе нибудь, мы послушаемъ!

КРАСАВИНА.

Ну и скажи, послушаемъ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Прикажите чувствительные?

АНТРЫГИНА.

Ахъ, сдѣлайте милость, чувствительные.

Бальзаминовъ.

Льются слезы, духъ млется,
Томно сердце, томно бьется;
Гдѣ любезная моя?

Нѣтъ ея!

Красавина.

Что-то, братъ, нескладно.

Бальзаминовъ.

Есть и другіе-съ.

Антригина.

Какіе-же это такіе?

Бальзаминовъ.

Пастухъ, нищущій своей пастушкѣ. Голосъ нѣжный. Такъ и въ книжкѣ напечатано. А то я знаю и жестокіе-съ.

Антригина.

Скажите жестокіе!

Бальзаминовъ.

Злой пастухъ!
Весь твой духъ
Нынѣ премѣнился,
Ты иной
Красотой,
Знать, теперь плѣнился?

Красавина.

Да что ты все про пастуховъ наладилъ! Нужно очень! Вотъ невидаль какая! Ты хорошіе какіенибудь скажи! Про ерцогяню какую, либо про принца.

Бальзаминовъ.

У меня дома тетрадь есть для стиховъ-съ, я въ нее и вписываю; если прикажете, я принесу-съ. — Только, что хорошихъ стиховъ достать не гдѣ-съ, у насъ въ Судѣ никто этимъ не занимается, только развѣ одинъ Устрашимовъ.

Антригина.

А вы развѣ въ одномъ Судѣ служите?

Бальзаминовъ.

Въ одномъ-съ и даже за однимъ столомъ-съ.

Шюнова.

Какъ я вамъ завидую.

Антригина.

Вы, значитъ, его хорошо знаете?

Бальзаминовъ.

Какъ же не знать-сь? Пять лѣтъ вмѣстѣ служимъ-сь.

Пионова (*тихо Антрыиной*).

Ну вотъ и спроси про вторникъ.

Антрыгина.

Мнѣ хотѣлось бы отъ васъ слышать, что онъ за человекъ.
Одна моя знакомая очень имъ интересуется.

Бальзаминовъ.

Я не знаю, какъ говорить-сь. Какъ бы не вышло чего.

Антрыгина.

А что же можетъ выдать?

Бальзаминовъ.

А ежели онъ узнаеть-сь.

Антрыгина.

Не беспокойтесь, не узнаеть. А развѣ онъ дурной человекъ?

Бальзаминовъ.

Одно слово, разбойникъ-сь.

Антрыгина.

Какъ разбойникъ?

Бальзаминовъ.

Душегубецъ-сь.

Пионова.

Какой вы вздоръ говорите! Скучно слушать!

Бальзаминовъ.

Помилуйте, какой же вздоръ, когда есть примѣры-сь.

Антрыгина (*съ испугомъ*).

Что вы говорите! Ахъ, Боже мой! Онъ убилъ кого нибудь?

Бальзаминовъ.

Нѣтъ, не убилъ-сь, а хочетъ убить до смерти-сь.

Пионова.

Ужъ не васъ-ли?

Бальзаминовъ.

Да, меня-сь. Ей-Богу! (*Антрыиной*.) Только ужъ вы сдѣлайте одолженіе, ему ничего не говорите-сь!

Антрыгина.

Да что вы! Я его и не знаю.

Бальзаминовъ.

Нѣтъ, это вы нарочно-съ. Онъ сказывалъ, что вы съ нимъ знакомы, только у васъ теперь ссора вышла.

Антрыгина.

Ну да! то есть мы были знакомы, а теперь ужъ все кончено.

Бальзаминовъ.

Это очень хорошо-съ.

Пунова.

Въ самомъ дѣлѣ? Вамъ это нравится?

Бальзаминовъ.

Да какъ же-съ! Что же можно отъ него ожидать, коли онъ разбойникъ? Кромѣ непріятности ничего-съ. Теперь вы представьте себѣ, за что же онъ меня хочетъ убить до смерти-съ? За то что я къ вамъ въ домъ пришелъ-съ? Такъ ужъ вѣдь это кому счастье-съ! За чѣмъ же мнѣ отъ своего счастья бѣгать! При томъ же я человѣкъ съ большимъ вкусомъ-съ, у меня вкусу-то гораздо больше, чѣмъ у Устрашимова, а средствъ къ жизни нѣту-съ. Слѣдственно, я долженъ ихъ искать. Кабы мнѣ теперь средства-съ... А про Устрашимова я бы много могъ сказать, да потоварищецки негодится. Я только одно скажу, что человѣкъ самой черной души!

Пунова.

Вы намъ вотъ что скажите. Во вторникъ Устрашимовъ былъ въ Судѣ?

Антрыгина.

Да, сдѣлайте одолженіе!

Бальзаминовъ.

Во вторникъ? Позвольте-съ! Онъ во вторникъ былъ дежурный, цѣлый день въ Судѣ-съ и ночевалъ тамъ.

Пунова (*Антрыгиной*).

Ну, что! говорила я тебѣ.

Бальзаминовъ.

Если человѣкъ со вкусомъ, да не имѣетъ средствъ, это ужасное положеніе-съ! Въ мечтахъ все представляется богатство и даже во снѣ-съ... (*Маша показывается въ дверяхъ.*)

Маша.

Барыня, пожалуйте сюда! (*Антрыгина подходит, говорит шепотомъ, возвращается и садится.*)

Пунова (*тихо*).

Что?

АНТРЫГИНА (*тоже тихо.*)

Письмо.

Бальзаминовъ.

Я говорю-съ, когда много вкусу и при томъ въ мечтахъ...

АНТРЫГИНА.

Неудобно-ли вамъ по саду погулять.

Бальзаминовъ.

Ничего-съ. Миѣ и здѣсь хорошо-съ.

АНТРЫГИНА.

Ужъ сдѣлайте одолженіе! Миѣ нужно тутъ записаться кой-тѣмъ.

Піонова.

И мы сейчасъ къ вамъ придемъ.

Красавина.

Ну ужъ, пойдёмъ! Знать, имъ что нибудь нужно.

(*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI-е.

АНТРЫГИНА, Піонова и Маша.

(*въ дверяхъ*)

Піонова.

Ну, читай, скорѣе, читай!

АНТРЫГИНА (*распечатываетъ и читаетъ.*)

«Милостивая государыня, Анфиса Даниловна! Наконецъ я узналъ, отъ чего происходитъ вашъ гнѣвъ на меня. Маша миѣ все сказала. Но я ни въ чемъ не виноватъ, въ чемъ вы сами можете легко убѣдиться. Стоитъ вамъ только спросить у кого нибудь изъ моихъ товарищей, гдѣ я былъ во вторникъ, вамъ всякій скажетъ, что я былъ дежурный. Спросите хоть у Бальзаминова, у своего новаго обожателя. Онъ столько глупъ, что не съумѣетъ солгать, хотя бы и хотѣлъ. Если я и теперь не дождусь отъ васъ отвѣта или приглашенія, то,—вы меня знаете, я человѣкъ рѣшительный,—вамъ придется отвѣчать за меня передъ Богомъ, правительствомъ и публикою. Мрачную душу мою стерегутъ злые демоны; я отдаю се имъ на жертву; я чувствую

ихъ приближеніе. Пистолетъ зарядимъ и ждемъ меня; я съ радостью встрѣчу смерть и съ адскимъ хохотомъ закрою глаза свои. Прежде вашъ, а теперь ничей Павлинъ Устрашимовъ.»

Шонова.

Ахъ, какія чувства! Ахъ, какъ ты счастлива Анфиса, что тебя такъ любятъ! Ахъ, Боже мой! Отвѣчай ему скорѣй!

АНТРЫГИНА.

Что ты разахалась! Я сейчасъ пошлю за нимъ, онъ тутъ у воротъ дожидается. Маша, позови Павлина Иваныча! (*Маша уходитъ.*) Что же мнѣ дѣлать съ Бальзамивовымъ?

Шонова.

Я пойду въ садъ, удержу его. А потомъ, когда мы придемъ сюда, онъ самъ увидитъ, что ему здѣсь дѣлать нечего.

АНТРЫГИНА.

Ну, и прекрасно.

Шонова (*цѣлуя Антрыгину.*)

Милочка! (*Уходитъ. Антрыгина садится на диванъ и смотритъ въ противоположную сторону отъ двери. Входитъ Устрашимовъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII-е.

АНТРЫГИНА И УСТРАШИМОВЪ.

УСТРАШИМОВЪ.

Вы меня звали?

АНТРЫГИНА.

Не стоять-же вамъ у воротъ.

УСТРАШИМОВЪ. (*Видя, что Антрыгина на него не смотритъ, пожимаетъ плечами и отходитъ къ противоположному окну.*)

Что же вамъ угодно?

АНТРЫГИНА.

Вы хотѣли меня видѣть;—что вамъ угодно?

УСТРАШИМОВЪ.

Я хотѣлъ передъ вами оправдаться.

АНТРЫГИНА.

Что вамъ оправдываться! Мужчины всегда правы. Да я со-
всѣмъ и не за то сержусь, за что вы думаете.

УСТРАШИМОВЪ.

Такъ за что же?

АНТРЫГИНА.

Ужъ я знаю за что.

УСТРАШИМОВЪ.

Но однако?

АНТРЫГИНА.

Всего не перескажешь.

УСТРАШИМОВЪ.

Если вы меня звали только за тѣмъ, такъ прощайте.

АНТРЫГИНА (*вполнѣ оборотась*).

Куда же вы?

УСТРАШИМОВЪ.

Для васъ, я думаю, это рѣшительно все равно, куда бы я ни
пошелъ!

АНТРЫГИНА.

Почему же вы такъ заключаете?

УСТРАШИМОВЪ.

По всему; по приѣму вашему, потому что у васъ здѣсь Баль-
заминовъ. А впрочемъ какое же мнѣ теперь до этого дѣло! Про-
щайте!

АНТРЫГИНА (*взявъ на Устраши-
мова*).

Останьтесь съ нами чай пить.

УСТРАШИМОВЪ (*взявъ на Антрыгину*).

Къ чему же мнѣ оставаться? Ну скажите, къ чему?

(*Кладетъ тляпу на столъ*.)

АНТРЫГИНА.

Вы хотите, чтобы васъ просили? Какъ вы горды!

УСТРАШИМОВЪ.

Я гордъ, да, я гордъ; но не противъ васъ.

АНТРЫГИНА.

Докажите на дѣлѣ, что не горды.

УСТРАШИМОВЪ.

Я вамъ это доказывалъ нѣсколько разъ, и готовъ доказать,
когда угодно. (*Подходитъ къ Антрыгине и становится пе-
редъ ней на колѣни*.) Вы видите, гордъ ли я! Я ни въ чемъ

не виновать передъ вами; но я прошу у васъ извиненія. (*Антрыгила молча протягиваетъ руку, она цѣлуетъ.*) Вы не сердитесь?

АНТРЫГИНА.

Встаньте! Не сержусь.

Устрашимовъ (*встаетъ.*)

Вы меня измучили.

АНТРЫГИНА (*ударяетъ его по плечу.*)

Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

Устрашимовъ (*обнимаетъ ее и цѣлуетъ въ щеку.*)

Ура! Побѣда!

АНТРЫГИНА (*сопротивляясь.*)

Что вы! Что вы! Ну войдетъ ктонибудь. Какой неосторожный! Обрадовался ужъ очень! На все есть время. (*Входитъ Пюнова.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII-Е.

ТѢЖЕ И ПЮНОВА.

Пюнова (*вопросительно смотритъ на нихъ.*)

Помирились?

АНТРЫГИНА.

Помирились.

Пюнова (*Устрашимову.*)

Я все время за васъ заступалась. Вотъ спросите ее.

Устрашимовъ (*цѣлуя у ней руку.*)

Покорно васъ благодарю! (*Входятъ Красавина и Бальзаминовъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX-Е.

ТѢЖЕ, КРАСАВИНА И БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Бальзаминовъ (*не замѣчая Устрашимова.*)

Какой у васъ прекрасный садъ-сь, и всякихъ цвѣтовъ очень много-сь! Только если бы я былъ богаты-сь... (*Увидавъ Устрашимова, остается съ открытымъ ротомъ.*)

УСТРАШИМОВЪ.

Что жь бы ты?

Бальзаминовъ.

Я бы-съ... Какъ же это? Зачѣмъ же-съ?...

Устрашимовъ.

Зачѣмъ я-то, это очень просто. Ты-то зачѣмъ?

Антрыгина.

Да вотъ все Гавриловна! Навязывается съ женихами! И кто ее проситъ! *(Дѣлаетъ Красавиной знакъ глазами, достаетъ изъ кармана ассигнацію и потихоньку отдаетъ ей.)* Я и не думала, а ты тутъ съ сватовствомъ.

Красавина.

Ну кто жь тебя зналъ! Я думала угодить. *(Тихо.)* Увести что ль? *(Антрыгина утвердительно киваетъ головою. Громко:)* Наше дѣло такое! Гдѣ тебѣ спасибо скажутъ, а гдѣ такъ и въ шею вытолкаютъ. И не радъ, да будь готовъ.

Бальзаминовъ.

Да какъ же-съ, вѣдь вы поссорились.

Шюнова.

Они поссорились, они и помирились. Это ужь ихъ дѣло.

Бальзаминовъ.

А какъ же я-то теперь-съ? При чемъ же-съ?

Шюнова.

А вы знаете русскую пословицу: свои собаки грызутся, чужая не приставай?

Бальзаминовъ.

Извините, я не понимаю-съ. Въ какомъ смыслѣ-съ?...

Красавина.

А вотъ пойдемъ, я тебѣ дорогою растолкую.

Бальзаминовъ.

Какъ-съ? такъ и идти?

Устрашимовъ.

И чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

Красавина.

Ужь что тутъ еще! Видимое дѣло, что тѣмъ же трахтомъ, да и назадъ пожалуйте!

Бальзаминовъ.

А какъ же я маменькѣ-съ... опять же я съ правой стороны-съ... при всемъ томъ...

Всѣ.

Прощайте! Прощайте!

КРАСАВИНА.

Ну, совѣтъ да любовь! (*Бальзаминовъ раскланивается. Красавина уводитъ его за руку.*)

ПЮНОВА.

И прекрасно, и прекрасно! Вотъ теперь сядемъ чай пить.

АНТРЫГИНА.

Маша, давай самоваръ.

А. ОСТРОВСКИЙ.

ПОЛИТИКА.

I. Положеніе Италіи въ послѣднее время.

Рѣчь короля Виктора Эммануэля, сообщенная нами въ томъ видѣ, въ какомъ она была передана по телеграфу, представляетъ мало новаго въ полномъ своемъ текстѣ. Дѣйствительно, король не назвалъ въ своей рѣчи Гарибальди по имени, но упомянулъ о немъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «храбрая молодежь, подъ управленіемъ вождя, имя котораго разнеслось по самымъ отдаленнымъ странамъ, показала, что ни рабство, ни долговременныя бѣдствія не ослабили живой струны (la fibra) итальянскихъ народовъ».

Что же касается затронутыхъ въ королевской рѣчи отношеній императора Наполеона къ Италіи, то Викторъ Эммануэль отозвался объ этихъ отношеніяхъ въ слѣдующихъ словахъ: «императоръ французовъ, твердо поддерживая столь выгодный для насъ принципъ невмѣшательства, счелъ нужнымъ отозвать своего посла. Если этотъ фактъ и былъ для насъ прискорбенъ, то все же онъ не уменьшилъ чувствъ нашей признательности, точно такъ же какъ не уменьшилъ довѣрія нашего къ привязанности, которую императоръ питаетъ къ итальянскому дѣлу. Франція и Италія, имѣющія общее происхожденіе, общія преданія и одинаковыя нравы, скрѣпили на поляхъ Мадженты и Сольферино союзъ, узлы котораго будутъ неразрывны».

Это мѣсто королевской рѣчи, какъ и предыдущее, было встрѣчено громкими рукоплесканіями.

Относительно политической программы короля замѣтимъ, что она была выражена такимъ образомъ: «гг. сенаторы и гг. де-

путаты, я увѣренъ, что вы не приминете доставить моему правительству средства дополнить сухопутныя и морскія вооруженія. Этимъ самымъ королевство итальянское будетъ поставлено въ возможность не опасаться нападеній, и оно, въ сознаніи своей силы, легко найдетъ причину для необходимаго благоразумія. При другихъ обстоятельствахъ, слова мои были бы смѣлы, но разсудительность состоитъ какъ въ умнѣнїи быть вѣвремя отважнымъ, такъ и въ томъ, чтобы кстати удержать себя. Будучи преданъ Италіи, я никогда не колебался рисковать для нея моею жизнью и короной, но никто не въ правѣ рисковать существованіемъ и судьбою націи».

Эти слова, поучавшія представителей Италіи благоразумной осторожности въ нынѣшнюю пору, вызвали въ залѣ засѣданія восторженные рукоплесканія. Конечно, легко можетъ быть, что въ настоящемъ случаѣ не столько смыслъ этой фразы—бывшей впрочемъ едвали не самымъ главнымъ мѣстомъ во всей королевской рѣчи—сколько ея вышняя торжественная обдѣлка могла вдругъ подѣйствовать на самыхъ пылкихъ итальянскихъ патріотовъ и заставить ихъ позабыть на мгновеніе о безотлагательной попыткѣ противъ Венеціи и Рима, хотя бы попытка эта, не смотря на весь рискъ дѣла, и была ихъ душевною, любимую мечтою. По всей вѣроятности, совѣты умѣренности и осторожности скоро ускользнутъ изъ памяти слушателей, и можетъ стать ся, что Виктору-Эмануилу, сдѣлавшемуся теперь и поосторожнѣе и поосмотрительнѣе, придется уступить народнымъ порывамъ и отклониться отъ той выжидательной системы, которую онъ высказалъ при первомъ собраніи итальянскихъ представителей.

Отвѣтный адресъ, послѣдовавшій на королевскую рѣчь, выразивъ надежду на то, что итальянцамъ будетъ дана возможность показавъ міру, какъ народъ, помогающійся своихъ правъ, бываетъ, вслѣдствіе того, способенъ уважать права другихъ,—высказываетъ, что пьемонтскій сенатъ, виѣсть съ королемъ, счастливъ при мысли о томъ, что императоръ французовъ не откажется отъ великодушныхъ намѣреній, которыя были для него источникомъ блестящей славы, а для итальянцевъ—могущественной помощью. Затѣмъ адресъ выражаетъ надежду Италіи на Англію и на сочувствіе великодушной Германіи, въ особенности Пруссіи.

Что же касается того мѣста тронной рѣчи, гдѣ Викторъ-Эмануилъ высказывалъ мысль о необходимомъ благоразуміи и воздержности, то сенатскій адресъ отозвался на это мѣсто слѣдующими словами: «Умѣренность и спокойствіе составляютъ преимущество сильныхъ, и мы, съ трепетной радостію слѣдившіе за смѣлыми предпріятіями нашего величества, выслушиваемъ

теперь мудрый совѣтъ благоразумія, даваемый вамъ — призвать потребности настоящаго времени и быть насторожѣ отъ будущихъ случайностей.»

Недлинный адресъ пьемонтскаго сената заключается воспоминаніемъ о политической задачѣ савойскаго дома — стремиться къ независимости Италіи, о принятіи на себя Карломъ-Альбертомъ инициативы національнаго искупленія, и о рѣшительной борьбѣ Виктора-Эммануила, которою онъ, по словамъ адреса, заслужилъ любовь Италіи и удивленіе Европы.

Надобно замѣтить, что итальянскій парламентъ, какъ этого и слѣдовало ожидать, не приходился по душѣ клерикальной партіи. Въ безсиліи своемъ, она пустилась на выдумки, распространяя подъ рукою слухи, будто бы въ Туринѣ явилась какая-то зараза. Но выдумка эта не помѣшала депутатамъ собраться въ Туринѣ.

Внѣшняя обстановка перваго итальянскаго парламента не была лишена нѣкоторой оригинальности. Для засѣданія парламента была назначена зала, представляющая обширный полукругъ въ 35 метровъ (52½ аршина) въ діаметрѣ. Зала эта освѣщается розеткою, продѣланной въ куполѣ свода, который былъ въ день открытія парламента украшенъ гербами всѣхъ городовъ Италіи. Здѣсь видѣлся гербъ Генуи, состоящій изъ бѣлаго креста на аломъ полѣ, и гербъ Болоньи — алый крестъ въ серебряномъ полѣ, съ девизомъ — «Свобода», написаннымъ золотыми буквами на лазоревомъ полѣ. Только гербы Гаэты и Мессины стояли у подножья трона. Внизу залы, предъ великолѣпнымъ треномъ, обитымъ алымъ бархатомъ, возвышался полукруглый амфитеатръ въ два яруса, уставленный рядами креселъ, обтянутыхъ малиновымъ бархатомъ. Позади амфитеатра шло двойной рядъ полукруглыхъ галлерей, составленный изъ семнадцати арокъ, прислоненныхъ къ главной стѣнѣ. Въ первомъ ряду амфитеатра находились двѣ трибуны, одна — влѣво отъ трона, для законодательскаго корпуса, другая — вправо отъ трона, для королевской свиты.

Съ самаго ранняго утра всѣ галлерей парламентарной залы наполнились изящно одѣтыми дамами, представлявшими собою самыя разнообразныя и самыя прекраснѣйшія типы итальянскихъ женщинъ, собравшихся изъ всѣхъ провинцій, которымъ, какъ выразилась одна французская газета, прислали въ итальянскій парламентъ, вѣстѣ съ сокровищами ума, и сокровища красоты. Между тѣмъ, пока публика занимала мѣста въ галлерейхъ, амфитеатръ постепенно наполнялся депутатами, сенаторами и министрами, а дипломаты занимали отведенную имъ трибуну. Въ этой трибунѣ собрались посланники: шведскій, голландскій и турецкій, здѣсь находился также и генераль Бонингъ, чрезвычайный

посоль короля прусскаго къ Виктору-Эммануилу, для возвѣщенія ему о вступленіи на престоль Вильгельма I. Однимъ изъ послѣднихъ вошолъ въ дипломатическую трибуну англійскій посланникъ сэръ Дж. Гудсонъ.

Появленіе въ залѣ парламента сенатора генерала Манабреа, командовавшаго при осадѣ Гаэты инженернымъ корпусомъ, произвело между присутствующими замѣтное ощущеніе; около генерала стала тѣсниться сочувствующая ему толпа, при чемъ послѣдовалъ обмѣнъ крѣпкихъ рукопожатій. Появленіе графа Кавура не осталось тоже не замѣченнымъ публикою, хотя въ это время ея вниманіе привлекъ на себя какой-то полоумный мальчикъ, помѣстившійся преспокойно на одномъ изъ депутатскихъ кресель, подъ трибуною дипломатическаго корпуса. Молодой упрямецъ желалъ остаться на захваченномъ имъ мѣстѣ: онъ не хотѣлъ слушать ни просьбъ, ни приказаній и только четыре жандарма могли вывести изъ залы этого лишняго депутата.

Наконецъ сенаторы и депутаты расположились на своихъ мѣстахъ, но въ числѣ депутатовъ были не всѣ, такъ какъ изъ 443 депутатскихъ кресель многія были не заняты. Взоры публики съ любопытствомъ слѣдили за всѣмъ, что дѣлалось въ залѣ. Въ это время раздался взрывъ рукоплесканій: въ залу вошли дѣти короля въ сопровожденіи своей свиты. Слѣдующій за тѣмъ оглушительный грохотъ рукоплесканій, съ тысячекратными кликами: «да здравствуетъ король Италіи!» былъ искреннимъ привѣтомъ вошедшему въ залу Виктору-Эммануилу.

Взойдя на тронъ, король нѣсколькими поклонами отвѣчалъ на привѣтствія публики, и графъ Кавуръ занялъ мѣсто близъ короля. Когда Викторъ-Эммануилъ сѣлъ на свое мѣсто, Мингетти сталъ читать формулу присяги, которую должны были принести депутаты и сенаторы; за тѣмъ онъ провозглашалъ имена новыхъ сенаторовъ, которые въ это время поднимались съ своихъ кресель, произнося слово: «клянусь!» Послѣ того, онъ вызвалъ всѣхъ депутатовъ. Каждый изъ нихъ, услышавъ свое имя, тоже вставалъ съ мѣста и произносилъ ту же клятву, которую произносилъ сенаторы.

Послѣ принесенія присяги, король прочиталъ свою рѣчь, радостныя рукоплесканія прерывали ее безпрестанно и покрыли послѣднія слова Виктора-Эммануила. Восторженные клики толпы, наполнявшей площадь и смежныя съ нею улицы, привѣтствовали выходъ короля изъ залы засѣданій. Клики эти сопровожали его на всемъ пути до самаго дворца. Спустя нѣсколько минутъ по выходѣ короля, вышелъ графъ Кавуръ; онъ былъ встрѣченъ единодушными и громкими кликами: «да здравствуетъ Кавуръ!»

На третій день послѣ отирытія парламента, т.-е. 21 (9 - го) февраля, министерство, по предложенію короля, представило сенату проектъ закона, по которому Виктору - Эммануилу и его преемникамъ присвоивается титулъ короля итальянскаго. Это сообщеніе было принято съ единодушнымъ восторгомъ, и сенатъ, большинствомъ 129 голосовъ противъ 2, утвердилъ это предложеніе.

Между тѣмъ пока все это происходило въ Туринѣ, въ другихъ частяхъ Италіи совершались слѣдующія событія.

Послѣ сдачи гаэтскаго гарнизона въ плѣнъ, съ военными, однако, почестями, пьемонтцы 15 (3-го) февраля заняли половину города. Король же и его семейство поѣхали въ Римъ и поселились въ Квириналъ. На другой день сюда пріѣхала испанская королева Марія - Христина, а вслѣдъ за ней прибылъ и папа. Король, обѣ королевы, принцы и принцессы встрѣтили Пія IX на лѣстницѣ и, преклонивъ передъ нимъ колѣна, поцѣловали его въ туфлю. Поднявъ и благословивъ ихъ, папа, рядомъ съ королемою, пошелъ въ комнаты. Францискъ II былъ въ это время очень взволнованъ; онъ нѣсколько разъ подносилъ къ своимъ губамъ руку Пія IX. Папа провелъ у короля болѣе часу.

Съ паденіемъ Гаэты, власть короля обѣихъ Сицилій продолжала существовать еще въ трехъ пунктахъ бывшихъ его владѣній: въ Чивителлѣ дель - Тронто, крѣпости, находящейся на неприступной горѣ, въ Мессинѣ, гдѣ засѣлъ генераль Фергола, и въ Абруццахъ, гдѣ бродятъ шайки бурбонцевъ. Защитникъ Мессины, Фергола, на сдѣланное ему предложеніе генераломъ Чіальдини сдать крѣпость во власть Виктора-Эммануила, объявилъ, что онъ сдѣластъ это не иначе, какъ по именному повелѣнію Франциска II. Вслѣдствіе этого, пьемонтское правительство объявило блокаду Мессины. Вскорѣ впрочемъ было послано въ Мессину предписаніе энергически атаковать эту крѣпость съ суши и съ моря. Въ свою очередь, генераль Фергола объявилъ, что онъ, въ видѣ возмездія, будетъ бомбардировать городъ изъ цитадели, но Чіальдини велѣлъ передать Ферголѣ, что въ такомъ случаѣ онъ, по взятіи крѣпости, за каждаго жителя, убитаго при бомбардированіи, разстрѣляетъ по одному офицеру. * Въ Абруццахъ, въ пользу бурбоновъ, хлопоталъ въ это время одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ агентовъ римскаго двора графъ Кристенъ; онъ съ 1000 бурбонцевъ, собравшихся въ этихъ мѣстахъ, сдѣлалъ новую попытку противъ пьемонтцевъ на границахъ Папской Области. Онъ напалъ на сардинскихъ волонтеровъ, но былъ отраженъ энергически, при чемъ потерялъ много людей. Францискъ

* Нынѣ депеша извѣстила о сдачѣ Мессины и Чивителлы дель-Тронто.

II, увидѣвшись послѣ этого въ Римѣ съ графомъ Кристенонъ, благодарилъ его за преданность, оказавшуюся теперь безвредной.

Что же касается другихъ мѣстъ Италіи, то прежде всего надобно сказать, что вѣсть о взятіи Газты произвела восторгъ. Въ Римѣ была, по этому случаю, радостная демонстрація, которой французы хотя и не препятствовали, но которую, однако, на другой день не одобрилъ генералъ Гойонъ въ своей суровой прокламаціи. Кромѣ того, въ Римѣ на всѣхъ стѣнахъ явилась слѣдующая прокламація: «Римляне! Торжественная манифестація ваша по поводу сдачи Газты, представивъ удивительное зрѣлище согласія, дала намъ вмѣстѣ съ тѣмъ новое доказательство тому, какъ римское населеніе слѣдуетъ за чувствами и стремленіями Италіи и принимаетъ участіе въ радостяхъ и надеждахъ великой отчизны, къ которой принадлежитъ и Римъ. Ваша демонстрація была не только признакомъ патріотическаго веселья, но и проявленіемъ удивительнаго порядка и дисциплины. Посреди столь большой толпы, выразившей свой восторгъ, не раздалось ни одного прискорбнаго крика, не обнаружилось ни одной невеликодушшой мысли. Вы забыли о вашихъ несчастіяхъ и помнили только объ Италіи и объ ея славѣ; и національный комитетъ благодаритъ васъ за это; онъ благодаритъ и весь французскій гарнизонъ, и жандармскій корпусъ, достойный и благоразумный образъ дѣйствій которыхъ былъ согласенъ съ вашей разсудительностію и съ вашими чувствами. Римляне! Вамъ остается произвести другую манифестацію и она послѣдуетъ, при помощи Бога, мстителя за угнетенныхъ и оныры правыхъ дѣлъ; манифестація эта совершится скоро, когда съ высоты Капитолія голосъ освобожденной націи воскликнетъ міру: да здравствуетъ Викторъ-Эммануилъ король Италіи!» Генералъ Гойонъ, въ свою очередь, издалъ противъ этого воззванія свою прокламацію, въ которой онъ не признавалъ законности существованія національнаго комитета въ Римѣ и отклонялъ отъ гарнизона и жандармовъ выраженную имъ комитетомъ благодарность, объявляя, что французская армія, исполняя свой долгъ, принимаетъ похвалы отъ одного только императора.

Въ Неаполѣ взятіе Газты отпраздновали иллюминаціей, пылавшей три вечера сряду. Въ Венеціи были также демонстраціи по поводу взятія Газты и открытія итальянскаго парламента. По этому случаю, австрійская полиція произвела нѣсколько арестовъ и нѣкоторые молодые люди были присуждены къ тюремному заключенію на недѣлю. Такія же манифестаціи, но въ разнѣрахъ болѣе обширныхъ, произведены были въ Виченцѣ, Тревизѣ, Падуѣ и особенно Удине. Въ послѣднемъ изъ этихъ городовъ, на крышѣ дома, занимаемаго провинціальнымъ делегатствомъ, раз-

ивался итальянскій флагъ, а стѣны прочихъ домовъ были покрыты словами: «Викторъ-Эмануэль, король Италіи».

Но среди всѣхъ этихъ событій, пророчащихъ возрождающейся Италіи единство, конституціонную свободу и политическое могущество, печально отзывается разладъ двухъ главныхъ вождей итальянскихъ партій — графа Кавура и Гарибальди. Безспорно, что въ настоящее время выжидательная система Кавура одержала видимый перевѣсъ, но вѣрно также и то, что сочувствіе къ Гарибальди и къ его отважнымъ предпріятіямъ слишкомъ сильно среди итальянскаго народа и что оно скоро вырвется наружу. Въ то время, когда Гарибальди мирно живетъ на Капрерѣ, работая въ своемъ саду и огородѣ, — въ прибрежныхъ городахъ бывшаго королевства неаполитанскаго производится, во имя его, дѣятельная вербовка волонтеровъ для такъ называемаго адриатическаго легіона, и многія депутаціи пріѣзжаютъ на Капреру, для изъявленія народныхъ чувствъ знаменитому вождю. Само названіе отряда, формирующагося подъ знаменемъ Гарибальди, — адриатическимъ, показываетъ, что мѣстоимъ подвиговъ этого отряда будетъ Венеція.

Между тѣмъ какъ около Гарибальди собираются отважные итальянскіе патріоты, въ Миланѣ, по приказанію графа Кавура, было арестовано въ послѣднее время нѣсколько самыхъ горячихъ приверженцевъ бывшаго диктатора, и, кромѣ того, многіе волонтеры, служившіе подъ начальствомъ Гарибальди, были, безъ всякихъ объясненій и допросовъ, высланы наскоро изъ Милана въ Туринъ. Говорятъ, что причиной такихъ крутыхъ мѣръ, вызвавшихъ общій ропотъ въ Италіи, было открытіе заговора такъ называемаго теперь *длительной партіи*, которая хотѣла принудить пьемонтское правительство выйти изъ его ожидательнаго положенія. Короче, дѣло шло о безотлагательномъ походѣ на Венецію. Особенное неудовольствіе было вызвано этими мѣрами въ Миланѣ; и тамъ, съ этого времени, стали появляться прокламаціи въ пользу похода на Венецію и съ надписью въ заголовкѣ и въ концѣ: «Смерть Кавуру! Да здравствуетъ Гарибальди!»

Въ южной Италіи и въ Сициліи проявляются тоже иногда порывы противъ водворяющагося тамъ порядка; но, во первыхъ, эти порывы не представляютъ ни малѣйшаго общаго неудовольствія противъ основной идеи объ единствѣ Италіи, и во вторыхъ, въ то же время общій ходъ дѣлъ во всѣхъ частяхъ Италіи достаточно ручается за то, что мѣстное, неизбежное впрочемъ, броженіе умомъ и частныя разлады скоро заглохнутъ и затихнутъ среди общаго патріотизма. Если же теперь на пространствѣ королевства Обѣихъ Сицилій и являются тамъ и сямъ небольшія революціонныя вспышки, но они не имѣютъ никакого подобія и

никакой связи съ общимъ реакціоннымъ движеніемъ, котораго собственно даже и не существуетъ въ Италіи въ настоящее время.

Главную причину прорывающихся время отъ времени неудовольствій противъ новаго порядка, устанавлиющагося въ южной Италіи и въ Сициліи, должно считать отміну конкордатовъ, заключенныхъ неаполитанскимъ правительствомъ въ 1818 и 1834 годахъ, а также уничтоженіе монашескихъ орденовъ. Съ послѣдствіями этихъ важныхъ для гражданскаго общества реформъ никакъ не могутъ примириться, съ перваго раза, церковники, господствовавшіе прежде во всей странѣ и нынѣ теряющіе тамъ свое огромное значеніе; этимъ-то людямъ, лишающимся своего выгоднаго положенія, удастся порою возбудить въ народѣ ропотъ и даже революціонную вспышку, но тотчасъ же большинство народонаселенія, поосмотрѣвшись повнимательнѣе вокругъ себя, дѣлается равнодушнымъ къ сѣтованіямъ и подстрекательствамъ клерикаловъ. Къ числу недовольныхъ нововведеніями принадлежитъ также и извѣстный кардиналъ Ріаріо Сфорца, архіепископъ неаполитанскій, а нельзя не сказать, что вліяніе на толпу такихъ лицъ, которыя долгое время были поддерживаемы въ ея мнѣніи и вышней благолѣпной обстановкой и заведеннымъ изстари уваженіемъ, не уничтожается слишкомъ скоро даже самыми благоразумными и рѣшительными мѣрами: извѣстно, что падшій кумирь остается для толпы еще на время чѣмъ-то священнымъ.... Между тѣмъ кардиналъ Ріаріо Сфорца представилъ принцу Кариньянскому формальный протестъ противъ уничтоженія монастырей. Очевидно, что нужно было ожидать при этомъ появленія такихъ дѣятелей, которые поддадутъ его эминенціи, если не по убѣжденію, то по старой привычкѣ. Впрочемъ, даже и самое уничтоженіе монастырей не произвело общаго безысключительнаго раздраженія среди духовенства южной Италіи: многіе изъ лицъ этого званія до такой степени довольны своимъ положеніемъ, что они дѣлаютъ даже нѣчто въ родѣ демонстрацій въ пользу новаго правительства. Такъ напримѣръ, на церемоніи открытія желѣзной дороги отъ Сарно до Санта-Северины, происходившей 18 (6-го) февраля, присутствовало до 500 патеровъ, между тѣмъ какъ на этой церемоніи было сдѣлано все для выраженія чувствъ привязанности къ новому порядку дѣлъ. Вообще же до какой степени даже между духовенствомъ различны мнѣнія по поводу церковныхъ реформъ—видно изъ того, что одна часть этого сословія хотѣла 19 (7-го) февраля произвести демонстрацію въ пользу декретовъ объ уничтоженіи монастырей, а другая противъ декретовъ. Очевидно, что, при этихъ благопріятныхъ условіяхъ, новому правительству нечего опасаться значительныхъ ре-

акціонныхъ движеній, тѣмъ болѣе что сдача Гаэты предоставила правительству возможность располагать сорока - тысячнымъ войскомъ для подавленія беспорядковъ тамъ, гдѣ попытаются произвести ихъ реакціонеры съ оружіемъ въ рукахъ.

Что же касается отношеній вновь возникающаго королевства итальянскаго къ европейскимъ державамъ, то ближайшія къ этому дѣлу европейскіе кабинеты, не смотря на общій соблюдаемый ими принципъ невмѣшательства, дѣлятся, однако, по своимъ политическимъ воззрѣніямъ на итальянскія событія, на два разряда: одни изъ нихъ благопріятствуютъ настоящему стремленію Италіи къ единству, другіе—напротивъ; къ первымъ принадлежатъ Франція и Италія, ко вторымъ—Австрія и Пруссія. Не смотря на неясную политику императора Наполеона, онъ все-таки, походомъ 1859 года на Австрію и инициативою невмѣшательства, въ сущности болѣе всѣхъ способствовалъ Италіи достигнуть настоящаго ея положенія. Англія хотя до сихъ поръ и не дала еще Италіи никакой матеріальной поддержки отъ имени своего правительства, но горячая симпатія британцевъ къ итальянскимъ событіямъ, выражаемая членами парламента и газетами, поддерживала нравственно двигателей и участниковъ итальянскаго переворота.

Переходя за тѣмъ къ Пруссіи и къ Австріи, надобно сказать, что обѣ эти державы, какъ неблагопріятныя, по своимъ германскимъ интересамъ, новому порядку дѣлъ въ Италіи, по всей вѣроятности, на первыхъ порахъ не признаютъ политическаго бытія новаго королевства; по подобный отказъ при соблюденіи всей Европой принципа невмѣшательства, едва ли будетъ препятствіемъ для устройства новаго государства на тѣхъ конституціонныхъ и національныхъ началахъ, къ которымъ стремятся теперь передовые люди Италіи. Во всякомъ же случаѣ, новое королевство, составленное изъ двадцати двухъ миліоновъ народонаселенія, найдетъ возможность склонить своихъ недруговъ, если не силою оружія, то своими торговыми и промышленными отношеніями, признать свое политическое существованіе. Отказываясь, вслѣдствіе политическихъ воззрѣній, отъ экономическихъ сношеній съ Италіею, австрійское правительство непремѣнно нанесетъ сильный ущербъ торговой и промышленной дѣятельности въ своихъ владѣніяхъ и, слѣдственно, прежде всего повредитъ своимъ же выгодамъ. Собственно теперь одна только Венеція можетъ быть преградой къ политическому сближенію Австріи съ Италіей.

Выѣстъ съ провозглашеніемъ итальянскаго королевства, долженъ будетъ явиться въ Италіи новый вопросъ о томъ, гдѣ учредить столицу государства. Туринъ, гдѣ долго съ такой настойчивостью приводилась въ исполненіе идея объ итальянскомъ

единствѣ, заслуживалъ бы чести сдѣлаться столицей Италіи, но Туринъ для Италіи городъ не центральный; притомъ въ глазахъ италіянцевъ древняя столица Ломбардіи—Миланъ, Флоренція и Неаполь съ ихъ населеніемъ, превосходящимъ туринское и съ ихъ воспоминаніями объ умственной, торговой и политической жизни средневѣковой Италіи, стоятъ выше безъизвѣстнаго и скромнаго Турина. Кромѣ того, при избраніи Турина столицей новаго королевства между упомянутыми городами неизбежно возникнетъ соперничество, которое болѣе или менѣе, но во всякомъ случаѣ неблагоотворно, отзовется на общей административной системѣ всего итальянскаго королевства. При всѣхъ этихъ условіяхъ, и воспоминанія историческія, и современный настрой умовъ указываютъ италіянцамъ на Римъ, какъ на столицу Италіи, соединенной во едино. Такимъ образомъ, не говоря уже объ уничтоженіи свѣтской власти папы, какъ объ одномъ изъ необходимыхъ условій для единства Италіи, послѣдней непременно нужно добыть Римъ для того, чтобъ сдѣлать его своей столицей, и, вслѣдствіе этого, въ настоящее время вопросъ о Римѣ становится для италіянцевъ вопросомъ большей важности, чѣмъ вопросъ о присоединеніи Венеціи.

II. Брошюра г. де-Лагерроньера.

Въ настоящее время во Франціи брошюры политическаго содержания вообще, а между ними брошюры г. де-Лагерроньера въ особенности, служатъ предпочтительнымъ способомъ для проведенія въ публику политическихъ идей. Брошюры этого рода, составляемые г. де-Лагерроньеромъ, можетъ быть, по указанію, данному ему отъ правительства, производятъ, смотря по важности затронутого ими предмета, большее или меньшее ощущеніе во всѣхъ кружкахъ общества, слѣдящихъ за ходомъ политическихъ дѣлъ. Въ брошюрахъ этихъ видятъ программу дѣйствій императорскаго кабинета и ищутъ въ нихъ истолкованія его воззрѣній на дѣла политическія. Надобно впрочемъ замѣтить, что едвали какая нибудь изъ брошюръ, явившихся въ послѣднее время въ Парижѣ, возбудила повсюду столько толковъ, сколько пробудила ихъ вышедшая въ половинѣ февраля нынѣшняго года брошюра г. де-Лагерроньера, подъ заглавіемъ: *La France, Rome et l'Italie*. Телеграфы уведомили Европу о выходѣ въ свѣтъ этой брошюры; въ самомъ короткомъ времени она разошлась въ 18,000 экземпляровъ, не считая того, что она была перепечатана цѣлымъ во многихъ французскихъ газетахъ. Она возбудила во всѣхъ политическихъ органахъ продолжительныя и разнорѣчивыя толки. Клерикальные

органы и клерикальная партія увидѣли въ ней одинъ только обвинительный актъ противъ папскаго правительства, тогда какъ противоположная сторона признала эту брошюру только прямодушнымъ изложеніемъ французской политики, которую такъ часто старались выставлять въ искаженномъ видѣ, въ особенности относительно римскаго вопроса. Между тѣмъ, изъ сужденій, противорѣчившихъ между собою въ самомъ основаніи, надобно заключить, что брошюра г. де-Лагерроньера была не одинаково понята даже людьми одной и той же политической партіи. Особенное неудовольствіе порождено было ею между французскимъ духовенствомъ, и одинъ изъ среды его, архіепископъ орлеанскій, написалъ тотчасъ же на нее отвѣтъ въ самомъ рѣзкомъ тонѣ, и приглашалъ г. де-Лагерроньера прямо объявить: желаетъ ли онъ удержанія свѣтской власти римскаго первосвященника, или же онъ хочетъ ея уничтоженія. Вслѣдъ за тѣмъ, епископъ пуатьескій прибылъ къ дверямъ кафедральнаго собора города Пуатье, пастырское посланіе, оканчивавшееся осужденіемъ брошюры, какъ оскорбительной для папы и для французскаго духовенства. Впрочемъ правительство отдало поступокъ епископа на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, и такимъ способомъ удержало подобныя протестаціи, готовившіяся со стороны другихъ сановниковъ французской церкви. Цѣль и значеніе этой брошюры мы не можемъ лучше опредѣлить нашимъ читателямъ, какъ выписавъ нѣсколько строкъ изъ ея предисловія и сдѣлавъ ея общій очеркъ.

«Дипломатическіе документы по римскимъ дѣламъ, говоритъ въ предисловіи авторъ брошюры, документы обнародованные правительствомъ и замѣчательное «изложеніе» г. министра иностранныхъ дѣлъ пролили яркій свѣтъ на прямодушіе и умѣренность французской политики. Но эти переговоры, въ которыхъ преданность императора къ св. отцу и безусловное сопротивленіе папскаго правительства раскрываются столь поразительнымъ образомъ, не должны быть отдѣлены отъ фактовъ, прямо къ нимъ относящихся». За тѣмъ, напомнивъ читателямъ, что императоръ Наполеонъ III не разъ охранялъ религиозные интересы и что онъ поставилъ себѣ за честь — даровать церкви все, что только могло возвысить ея могущество и возвеличить ея призваніе, г. де-Лагерроньеръ сообщаетъ, что брошюра его написана съ разрѣшенія г. министра внутреннихъ дѣлъ Персиньи, который, по словамъ г. де Лагерроньера, съ свойственнымъ ему и всѣмъ извѣстнымъ своимъ либерализмомъ, находитъ, что первый долгъ публичной дѣятельности заключается въ томъ, чтобы способствовать просвѣщенію общественнаго мнѣнія страны.

Брошюра г. де-Лагерроньера не затрогиваетъ вопросовъ чуждыхъ Италіи, но и касаясь Италіи, она исключительно занимается Римомъ, обходя другія стороны итальянскаго дѣла.

Въ Римѣ авторъ брошюры видитъ гарантію и метрופолію католическаго единства, столицу итальянской національности и вопросъ объ этомъ городѣ считаетъ самой важной и самой грозной задачей нашего времени. Опредѣливъ такимъ образомъ религиозное и политическое значеніе нѣлѣйшней панской столицы, г. де-Лагерроньеръ замѣчаетъ, что въ настоящую пору католицизмъ не только не ограничивается, но что онъ еще распространяется въ мірѣ, и что вездѣ, гдѣ только проникаетъ цивилизующее вліяніе Франціи, вліяніе это носитъ зародыши вѣры. «Но свѣтская власть папы, продолжаетъ г. де-Лагерроньеръ, испытываетъ въ настоящую минуту кризисъ, важности котораго мы не должны умалять, точно такъ, какъ не должны скрывать его опасности. Какъ политическій вопросъ, кризисъ этотъ касается величайшихъ интересовъ правительствъ и народовъ; какъ вопросъ религиозный, онъ волнуетъ умы, тревожитъ вѣрованія, и приводитъ, такимъ образомъ, въ движеніе все, что есть самаго жизненнаго и глубокаго въ человѣчествѣ.»

За тѣмъ авторъ переходитъ къ вопросу о причинахъ этого кризиса, а также къ вопросу о томъ, кто породилъ роковую борьбу между папствомъ и Италіей и кто возбудилъ недовѣріе между Ватиканомъ и Тюильри? Отвѣты на эти вопросы г. де-Лагерроньеръ даетъ въ слѣдующихъ главахъ своей брошюры, которая представляетъ собственно обзоръ папства въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ.

Онъ начинаетъ обзоръ съ той поры, когда, по словамъ его, довѣріе націи передало во Франціи верховную власть въ руки наслѣдника имперіи и когда духовенство пристало къ этой народной манифестаціи. Въ теченіе послѣдующихъ за тѣмъ годовъ, говоритъ далѣе г. де-Лагерроньеръ, принцъ, бывший тогда первымъ сановникомъ республики, считался охранителемъ встревоженныхъ католическихъ интересовъ и интересовъ консервативныхъ, которымъ угрожала опасность. Въ эту пору, по высокопарнымъ выраженіямъ французскаго публициста, Луи-Наполеонъ «отдалъ знамя усмиренной революціи въ залогъ свободы церкви» и никто изъ людей, искренно-озабоченныхъ нравственной судьбой своей страны, не усомнился въ томъ, что французы вступили въ плодотворную эру исправленія.

Между тѣмъ, при такихъ добрыхъ отношеніяхъ между папствомъ и правительствомъ Луи-Наполеона, представленныхъ г. де-Лагерроньеромъ, были искусно посяганы сомнѣнія насчетъ намѣреній французской политики, которая, однако, въ сущности заслуживала только признательность католичества и вслѣдъ за тѣмъ французское духовенство очутилось подъ диктатурою партіи, непріязненной новому порядку дѣлъ.

Въ III главѣ своей брошюры г. де-Лагерроньеръ говоритъ, что вліянію этой партіи не замедлила подвергнуться политика римскаго двора, и тогда папскій кабинетъ, вмѣсто того чтобы слѣдовать совѣтамъ Франціи, которой папство было обязано своей реставраціей, едва возвратившись въ Ватиканъ, занялъ снова то подчиненное положеніе, въ которое поставили его трактаты 1815 года. Освободителемъ папы изъ этого положенія и порукою неприкосновенности его престола явился, по словамъ г. де-Лагерроньера, императоръ Наполеонъ, который не только воздвигалъ храмы, но и старался собственнымъ уваженіемъ къ папѣ укрѣпить его вліяніе надъ католической папствою. Въ добавокъ къ этому, онъ назначалъ епископами только такихъ священниковъ, на которыхъ заранѣе указывало ему расположеніе къ нимъ римскаго двора.

Оправдывая такимъ образомъ отношенія императора къ папѣ, г. де-Лагерроньеръ начинаетъ IV главу своей брошюры замѣчаніемъ, что такой спокойный и благонамѣренный способъ дѣйствій императора отклонялъ, хотя и не обезоруживалъ ненависть, питаемую къ нему клерикалами, и что благопріятныя для итальянской независимости движенія, начавшіяся на полуостровѣ, усложнивъ отношенія Франціи къ папству, подали предлогъ, котораго давно ожидали партіи, и въ тоже время итальянскій вопросъ сдѣлался неизбѣжнымъ. «Два верховные интереса, продолжаетъ г. де-Лагерроньеръ выглядывали въ итальянскомъ вопросѣ: интересъ національной независимости, которой добивался народъ, представлявшій, однако, Европѣ безспорныя доказательства своихъ правъ, и интересъ папства, угрожаемаго революціей и вѣрннаго, въ теченіе десяти вѣковъ, защитѣ Франціи. Каково же было при этихъ двухъ различныхъ принципахъ положеніе нашей страны? Каковъ былъ долгъ императора предъ совѣстью и исторіей?»

Могъ ли онъ, будучи главой царственной фамилии, вышедшей изъ среды революціи 1789 года, и два раза получившей корону по свободной волѣ націи, отстраниться отъ дѣла Италіи, которое находилъ въ преданіяхъ нашей политики и которому оставались вѣрными наиболее популярныя изъ нашихъ королей? На эти вопросы г. де-Лагерроньеръ отвѣчаетъ, что императоръ, какъ католикъ, какъ старшій сынъ церкви по правамъ короны, былъ обязанъ защищать духовную независимость папы, упроченную свѣтскимъ могуществомъ его престола, и что между тѣмъ происхожденіе императора и условія его правительства дѣлали его въ Европѣ естественной опорой итальянской независимости, и онъ, въ слѣпыхъ интересахъ папскаго двора, не могъ подавить великодушныхъ усилій итальянскаго народа и въ тоже время не могъ унижить вѣковое величіе Ватикана, поднимавшееся въ уровень съ націями.

Тогда, какъ говоритъ г. де-Лагерроньеръ, у императорской политики явилось двоякое стремленіе: уваженіе къ независимости Италіи и охраненіе свѣтской власти папства; и тогда необходимо было попытаться на дѣло сближенія и примиренія между папствомъ, которому угрожали бѣда, и между Италіей, которая готова была возстать. «Этимъ-то чувствомъ, продолжаетъ г. де-Лагерроньеръ, были внушены всѣ совѣты, сдѣланные римскому двору со стороны Франціи, и они были сдѣланы еще прежде, чѣмъ событія показали необходимость этихъ усилій. Императоръ убѣждалъ папу удовлетворить либеральнымъ желаніямъ Италіи посредствомъ реформъ, которыхъ неоднократно добивались европейскія правительства, и которыя нѣсколько разъ были дарованы, а потомъ отняты. Возстановленіе римскихъ муниципалитетовъ, административная децентрализація, пресѣченіе многочисленныхъ злоупотребленій, возвратъ нѣкоторымъ провинціямъ льготъ, отнятыхъ у нихъ вѣнскимъ конгрессомъ,—всѣ эти мѣры, придавъ древней папской власти силу поваго духа, привлекли бы къ престолу св. Петра могущественныя симпатіи. Римское правительство, подчиненное, въ свѣтскомъ своемъ существованіи, обыкновеннымъ условіямъ человѣческой власти, должно было умѣть предупредить революціи, колеблящія или губящія ее, тѣми реформами, которыя укрѣпляютъ государства.» Но въ то время когда, по словамъ г. де-Лагерроньера, императоръ истощалъ свои усилія для примиренія папства съ Италіей и для приготовленія такимъ образомъ католицизму новой и болѣе-славной судьбы, политическая партія возбудила катастрофу, противясь всякой сдѣлкѣ. По ея мнѣнію, императоръ долженъ былъ сдѣлаться въ Италіи поборникомъ божественнаго права и безопасность папскаго престола основать на порабоженіи итальянской націи.

Въ слѣдующей, т. е. въ VI, главѣ г. де-Лагерроньеръ кратко, но очень вѣрно очерчиваетъ вліяніе Австріи на Италію послѣ раздѣла Европы въ 1815 году. «Австрія, замѣчаетъ авторъ, расположила своихъ часовыхъ въ Анконѣ, въ Болоньѣ, вездѣ, гдѣ только видѣла этапъ для своего господства на полуостровѣ. Съ тѣхъ поръ, на плодородныхъ равнинахъ Тичино, По и Минчіо очутились лицомъ къ лицу два народа: побѣжденные, незнакомые даже съ языкомъ своихъ властителей и протестовавшіе противъ ихъ власти заговорами и возстаніями, и побѣдители, присоединявшіе къ гордости завоеванія недоверіе въ будущность. Тогда, по выраженію французскаго публициста, итальянцы лишились всякихъ правъ въ Италіи. За тѣмъ, г. де-Лагерроньеръ опредѣляетъ то значеніе, которое имѣлъ Пьемонтъ среди итальянскаго народа послѣ неудачъ 1849 года. Пьемонтъ, по словамъ сего, сосредоточилъ въ себѣ всѣ живыя силы націи и сдѣлалъ

ся въ соѣтъ державъ представителемъ поработеннаго племени. Все это приготовило столкновение между Австріей и Италіей.

Главу VII г. де-Лагеррошьеръ посвящаетъ опредѣленію того участія, которое приняла Франція въ дѣлахъ Италіи. «Франція, говоритъ онъ, предвидѣла эту борьбу и сдѣлала пряמודушныя новытїи для того, чтобы предупредить ее. Руководимая высшимъ интересомъ международнаго общественнаго порядка, она хотѣла избавить Италію отъ новыхъ печальныхъ столкновений, а Европу отъ тревогъ и опасностей войны, которая могла распространиться на всѣ большія государства. Между Италіей и Австріей существовала непримиримая вражда; итакъ только видъ германскаго владычества должно было искать элементовъ для замиренія этого края.» Вслѣдствіе этого, какъ объясняетъ г. де-Лагеррошьеръ, Франція въ 1856 году на парижскомъ конгрессѣ потребовала отреченія, со стороны Австріи, не отъ права ея итальянскаго самодержавія, но отъ постояннаго и общаго вліянія, какимъ она пользовалась въ Италіи, на основаніи ея трактатовъ, заключенныхъ ею съ самостоятельными государями. Императоръ Наполеонъ хотѣлъ, чтобы государи эти перестали быть союзниками или помощниками Австріи, и чтобы они сдѣлались національными правителями. Но это не удалось и борьба сдѣлалась неизбѣжною; и въ ту пору императоръ, по словамъ г. де-Лагеррошьера, усердно сталъ отыскивать средства къ тому, чтобы среди готовящейся борьбы оградить политическую власть святаго отца, вслѣдствіе чего онъ и предложилъ федерацію всѣхъ независимыхъ итальянскихъ государствъ, центръ которой былъ бы въ Римѣ и которая находилась бы подъ предсѣдательствомъ папы. Виллафранкскій трактатъ былъ попыткою осуществить эту конфедерацію.

Переходя въ VIII главѣ къ войнѣ 1859 года, г. де-Лагеррошьеръ замѣчаетъ, что признаніе воюющими сторонами нейтралитета папской области и огражденія свѣтской власти въ Феррарѣ, Комакію, Болоньѣ, Анконѣ, легатствахъ и мархіяхъ австрійскимъ, а въ самомъ Римѣ—французскимъ гарнизономъ ручались за ненарушеніе правъ папскаго престола. Между тѣмъ Австрія внезапно покинула всѣ крѣпости, ввѣренныя ей защитѣ и тѣмъ самымъ отдала папскую власть на жертву революціи, между тѣмъ какъ Франція энергически поддержала ее въ Римѣ.

Въ главѣ IX г. де-Лагеррошьеръ излагаетъ вкратцѣ событія, совершившіяся въ Италіи послѣ Виллафранскаго мира. Онъ ссылается здѣсь на письмо, написанное императоромъ французовъ къ папѣ, въ которомъ первый, ограждая право папскаго престола на Романью, совѣтовалъ Пію IX даровать тѣ реформы, которыхъ уже тридцать лѣтъ требовала Европа во имя населенія Папской Области. «Императоръ, по выраженію г. де-Лагеррошьера, хо-

тѣль въ это время приобщить папу къ выгодамъ своихъ побѣдъ; освободить Италію для него было не довольно, — онъ желалъ примирить ее съ папствомъ.» Но римскій дворъ, вмѣсто того, чтобы довѣриться побѣдителю при Сольферино, продолжалъ противопоставлять его совѣтамъ отсрочки и оговорки, требуя прежде всего возврата Романьи; однако побѣжденная Австрія, по словамъ французскаго публициста, не смѣла этого сдѣлать, а побѣдоносная Франція не могла на это рѣшиться. Она не могла ссудить папѣ своихъ солдатъ, въ замѣнъ разбѣжавшихся австрійцевъ, а между тѣмъ самъ папа былъ безъ войскъ. Въ это время въ центральной Италіи организовались новыя управленія, возстаніе начало угрожать Неаполю и вторглось въ Сицилію. Тогда г. Тувенель возобновилъ въ Римѣ предложеніе — поручить Европѣ гарантію папскихъ владѣній, подъ условіемъ викаріата, учрежденнаго въ Романьѣ и въ тоже время французскій министръ иностранныхъ дѣлъ убѣждалъ г. Кавура приступить къ этой сдѣлкѣ; но на все это отозвались изъ Рима неодолимымъ сопротивленіемъ. Тогда императоръ предложилъ папѣ новую комбинацію, а именно: организацію папскихъ владѣній независимо отъ вмѣшательства французскаго или австрійскаго корпуса арміи, предназначеннаго смотрѣть за наблюденіемъ порядка въ Римѣ; предложеніе папѣ субсидій католическими державами, наконецъ обнародованіе въ Папской Области реформъ, уже одобренныхъ его святѣйшествомъ. Католическія державы: Австрія, Неаполь, Испанія и Португалія одобрили это предложеніе.

«При этихъ дворахъ, которыхъ не обвинять въ томъ, что они подвержены французскому вліянію, судили о римскомъ вопросѣ такъ, какъ судили о немъ мы сами, говоритъ г. де-Лагеррошьеръ въ X главѣ своей брошюры, и приступали къ примирительной политикѣ, всѣ средства которой, поочередно, истощилъ тюльрійскій кабинетъ. Въ эту минуту удвоились попытки волненія, возникшія во Франціи, во имя религіи, но подъ гнетомъ и притомъ въ интересахъ политики. Подъ личиной благочестія, заключили между собою коалицію сыны Вольтера и сыны крестопосцевъ. Въ рѣзкихъ памфлетахъ порицались намѣренія и образъ дѣйствій правительства; нѣсколько епископовъ, обманутыхъ усердіемъ къ своей вѣрѣ, были вовлечены въ это движеніе и отголоски всего этого шума, доходившіе до Рима, могли внушить мысль о возстаніи общественнаго мнѣнія. Заблуждались до того, что полагали, будто бы императоръ не имѣетъ поддержки во Франціи и будто бы раздражилъ всѣ умы. Это чувство, коварно-поддерживаемое, должно было много способствовать несговорчивости, съ какою было принято въ Ватиканѣ предложеніе, одобренное всѣми католическими державами.» Въ это время кардиналъ Антонелли 14 апрѣля 1860 года сооб-

идля французскому посланнику въ Римѣ, герцогу де-Граммону, что папа не согласится ни на какой протоколъ, который не обезпечилъ бы ему возврата Романьи и что онъ непоколебимо рѣшился не принимать никакой гарантіи для владѣній, оставшихся подъ его властью, что онъ отвергнетъ систему ренты, внесенную въ большую государственную книгу и что онъ согласился бы на такую только комбинацію, которая имѣла бы форму освященія прежнихъ каноническихъ пошдинъ, взимаемыхъ съ вакантныхъ епископскихъ мѣстъ и что, наконецъ, относительно военной помощи, онъ предпочитаетъ пользоваться свободой для набора собственной армии. Короче, Пій IX не согласился ни на одно изъ условій предложенной ему сдѣлки.

За тѣмъ въ XI главѣ своей брошюры г. де-Лагерроньеръ обрисовываетъ самостоятельныя дѣйствія папскаго правительства говоря: «въ ту самую минуту, когда оно протестовало противъ мысли о назначеніи ему правильнаго содержанія католическими государствами, оно добивалось личныхъ пожертвованій и повсюду старалось вѣстать ленту св. Петра. Отказавшись отъ военной силы, отданной въ его распоряженіе преданностію государей, оно вербовало себѣ приверженцевъ изъ всѣхъ націй. Императоръ постоянно совѣтовалъ учрежденіе національной армии, какъ свидѣтельства возстановленнаго порядка и гарантіи будущей безопасности; римское правительство, оставшееся глухимъ къ этому совѣту, намѣревалось сформировать армию безъ національности и единства. Уступчивость императора дошла до того, что онъ позволилъ стать въ главѣ этой армии французскому генералу, извѣстному своей неприязнью къ его правительству и едва генералъ Ламорисьеръ занялъ этотъ постъ, какъ въ Римъ начали пріѣзжать французскія депутаціи для протеста противъ императора. Представителямъ этихъ депутацій, по свидѣтельству г. де-Лагерроньера, внушали, что прежде всего надобно быть подданнымъ папы, а потомъ уже подданнымъ своего государя. Если мы подумаемъ, что такія сцены, (продолжаетъ авторъ брошюры), происходили, такъ сказать, подъ защитой французской армии, то будемъ въ состояніи оцѣнить до чего доходила умѣренность императора.

XII глава брошюры говоритъ вкратцѣ о революціи въ Сициліи и въ Неаполѣ, о походѣ Гарибальди и о наступленіи пьемонтцевъ на папскія владѣнія. Въ это время, какъ упоминаетъ брошюра, императоръ вызвалъ своего посла изъ Турина и удвоилъ французскую армию, защищавшую Римъ. «И такъ, замѣчаетъ г. де-Лагерроньеръ, въ то самое время, когда императоръ осуждалъ дѣйствія сардинскаго правительства, преданность его окружала святаго отца болѣе дѣйствительной защитой. Затѣмъ, упомянувъ о неудачѣ генерала Ламорисьера, а также и томъ,

что вслѣдствіе ея папство снова осталось безъ защитниковъ, г. де-Лагерроньеръ говорить, что императоръ опять спасъ папу.

Въ главѣ XIII, г. де-Лагерроньеръ рассказываетъ о тѣхъ нападкахъ, какимъ подвергалась французская политика со стороны ея недоброжелателей, за ея отношенія къ папской власти. Замѣчая, что для страстей, дѣятельность которыхъ хотя и была подземная, но никогда не прекращалась, папа былъ только средствомъ, а не цѣлью. По словамъ брошюры, страсти стали между нѣмъ и императоромъ, чтобы разлучить двѣ власти, союзъ которыхъ уничтожилъ бы ихъ надежды; но, замѣчаетъ г. де-Лагерроньеръ, при этой интригѣ, французское правительство осталось неизмѣннымъ въ своихъ чувствахъ и непоколебимымъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Не смотря на все это, оно не сочло себя свободнымъ отъ обязанности защитить папу; сыновнее благочестіе императора подавило самыя законныя движенія его оскорбленнаго сердца и онъ продолжалъ оказывать папѣ безкорыстные услуги. Далѣе, въ этой главѣ слѣдуетъ приведеніе нѣкоторыхъ фактовъ, перемѣшанныхъ впрочемъ съ краснорѣчивыми фразами, для доказательства уваженія Луи-Наполеона къ Пію IX и усиліи перваго поддержать престолъ святаго отца.

Брошюра г. де-Лагерроньера оканчивается слѣдующими строками:

«Италія въ значительной мѣрѣ содѣйствовала великому либеральному движенію, развившемуся въ Европѣ, движенію, которое, уничтоживъ зародыши коалиціи, упрочиваетъ всѣ надежды на миръ и прогрессъ. Но если Италія освобождена, то она еще не устроена и препятствіе къ ея организаціи представляетъ Римъ. Пока будетъ продолжаться роковая борьба между силами, единство которыхъ могло бы удовлетворить столько интересовъ, Италія и свѣтское папство не найдутъ условій для своего равновѣсія. Пусть же онѣ соединятся, и изъ ихъ союза возникнетъ общее величіе Италіи. Столь же трудно представить себѣ Италію безъ папы, какъ и папу безъ Италіи. Они связаны другъ съ другомъ преданіями, исторіей и общимъ уваженіемъ всѣхъ католическихъ націй къ главѣ церкви. Когда императоръ началъ войну съ Австріей, то онъ намѣревался возобновить эти драгоценныя узы. Въ тотъ день, когда осуществится эта великая мысль, папство приобрететъ въ повѣйшемъ обществѣ значеніе столько же высокое, какъ его происхожденіе и его призваніе. Италія присовокупитъ къ политической силѣ своей независимости нравственную силу папства, дѣлающаго изъ нея родину духовнаго самодержавія, власть котораго распространяется во всѣ концы свѣта. Въ ожиданіи этого и вопреки всему происшедшему, вопреки столькимъ отказамъ, какіе встрѣтило велико-

душное вѣнательство Франціи, вопреки столькимъ несправедливостямъ, которыя не могли истощить преданности императора, мы убѣждены въ томъ, что онъ оставитъ свой мечъ въ Римѣ, для защиты святаго отца. Вѣрный двойному своему долгу—государя, избраннаго народной волей и старшаго сына церкви, онъ не можетъ пожертвовать Италіей римскому двору или отдать папство на жертву революціи. Спокойный, какъ спокойно сознаніе и право великаго народа, онъ терпѣливо будетъ ждать того близкаго часа, когда папское правительство, разочаровавшись наконецъ въ опасныхъ союзникахъ, навязавшихъ ему свою поддержку, отличить тѣхъ, которые сдѣлали все для его погибели, отъ тѣхъ, которые приложили всѣ старанія къ тому, чтобы спасти его.»

III. Греческія дѣла.

Хотя греческое королевство, само по себѣ, не имѣетъ въ Европѣ почти никакого политическаго значенія, какъ держава, располагающая не громадными силами, а только небольшимъ десяти тысячнымъ войскомъ, съ прибавкою къ нему тысячи трехъ сотъ матросовъ, тѣмъ не менѣе, однако, Греція, въ настоящее время, по ея внутреннему движенію и по вопросу о престолонаслѣдіи, должна обратить на себя вниманіе людей, слѣдящихъ какъ за развитіемъ идей о государственномъ управленіи, такъ и за возникновеніемъ такихъ международныхъ вопросовъ, которые очень легко могутъ сдѣлаться весьма важнымъ вопросомъ въ политикѣ первенствующихъ европейскихъ кабинетовъ.

Чтобы опредѣлить положеніе Греціи, начнемъ съ того, что вслѣдствіе королевскаго приказанія, распустившаго прежнюю палату греческихъ представителей, народъ долженъ былъ, въ началѣ нынѣшняго года, приступить къ выбору новыхъ депутатовъ, собраніе которыхъ назначалось въ Афинахъ къ 15 числу февраля. Правительство съ своей стороны торжественно объявило, что оно не будетъ вѣнчиваться въ народное избирательство; но объявленіе это было сдѣлано для успокоенія умовъ, и вскорѣ проски министерства, по случаю выборовъ, навлекли нападеніе на министерство со стороны либеральной партіи и ея печатныхъ органовъ. При такомъ положеніи дѣлъ, правительство вступило прежде всего въ борьбу съ журналами, и едва только появлялась въ какомъ либо журналѣ неблагопріятная для него статья, какъ оно тотчасъ предавало редактора суду или аресту и палгало временное запрещеніе на журналъ, вооружавшійся противъ министерства. Рядомъ съ общей строгостью допускаемой силою

законовъ, пошли со стороны министерства притѣсненія противъ журналистики и дѣло, въ скоромъ времени, дошло до того, что въ теченіе одной недѣли 15 журналовъ подверглось преслѣдованію министерства за статьи самаго общаго содержанія. Главнымъ виновникомъ такой нетерпимости къ откровенной публицистикѣ былъ г. Потли, министръ юстиціи, управлявшій въ началѣ нынѣшняго года и министерствомъ народнаго просвѣщенія. Либеральная партія, однако, не унималась вслѣдствіе этихъ мѣръ, но возрастала съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалась и непопулярность министерства, которому нѣкоторыя изъ греческихъ газетъ, принадлежащихъ даже къ умѣренно-либеральной партіи, прямо начали предсказывать скорое паденіе. Вооружаясь противъ министерства, газеты совѣтовали народу отстоять свободу своей воли на предстоящихъ выборахъ и тѣмъ способствовать утвержденію въ королевствѣ либеральнаго правительства, которое начало бы само стремиться къ завѣтнымъ идеямъ народа, и которое дало бы ему средства для полнаго освобожденія всѣхъ эллиновъ и для соединенія ихъ въ одинъ политическій составъ. Мысль объ этомъ сдѣлалась въ послѣднее время господствующею мыслью всѣхъ греческихъ журналовъ, несмотря на оттѣнки ихъ политическихъ принциповъ. Такъ «Афина», (журналъ либерально-конституціонной партіи, поставившей себѣ образцомъ англійскую конституцію), обращался постоянно съ своими патріотическими воззваніями къ Греціи, замѣчая, что итальянскія событія должны служить ей примѣромъ, если только греческій народъ хочетъ осуществить панэлленію, (соединеніе грековъ) и что, при такомъ стремленіи, греческое королевство должно быть на Балканскомъ полуостровѣ тѣмъ самымъ, чѣмъ былъ нѣкогда Пьемонтъ въ Италіи, и что, въ такомъ случаѣ, греческое правительство должно отстать отъ своей беззаботности, и дѣятельно приняться за освобожденіе грековъ отъ турецкаго ига. На всѣ эти патріотическія воззванія греческой журналистики отвѣчалъ одинъ только официальный органъ правительства—«Общая Греческая Газета», и то только тѣмъ, что въ передовыхъ своихъ статьяхъ нападалъ съ ожесточеніемъ на свободу печати и силлся оправдать дѣйствія министерства.

Къ нападеніямъ журналистики на министерство присоединились разныя, болѣе или менѣе рѣзкія, демонстраціи не въ его юльзу и оваціи въ честь депутатовъ, выбранныхъ оппозиціонною партіей. Оваціи этого рода выражались тѣмъ, что многочис-
млая толпа сопровождала избраннаго депутата до его дома, духомъ окропляя толпу духами и осыпали ее цвѣтами; улицы всѣхъ которымъ проходило такое оппозиціонное шествіе, были дивнымъ образомъ украшены вѣнками и знаменами, Министерство между

тѣмъ дѣлаю съ своей стороны разныя попытки для того, чтобъ воспрепятствовать выбору неблагопріятныхъ для него представителей, и даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, пыталось удержать угрозою военной силы изъявленіе народной воли. Всѣ эти мѣры въ общей своей совокупности доставили министерству въ провинціяхъ временной, но не окончательный перевѣсъ.

Между тѣмъ добрый король Оттонъ былъ поставленъ, всѣми этими событіями, и въ большое неудовольствіе и въ крайнее затрудненіе. Ему былъ понятенъ народный ропотъ противъ министерства, незаконность дѣйствій и неспособность котораго онъ признавалъ самъ; король сочувствовалъ этому ропоту, но вмѣстѣ съ тѣмъ, самолюбіе не позволяло ему отставить министровъ, такъ какъ, при настоящемъ ходѣ дѣлъ, подобную мѣру могло, по его мнѣнію, принять за уступку, сдѣланную имъ, въ угоди оппозиціонной партіи, а между тѣмъ, онъ ни какъ не желалъ показывать вида, будто бы онъ уступаетъ общему ропоту.

Не смотря на то, что мѣстные выборы депутатовъ, при тѣхъ выборахъ, которыя, употребило въ дѣло министерство, происхо- въ духѣ послѣдняго, тѣмъ не менѣе, однако, въ палатѣ, выборѣ предсѣдателя, побѣда осталась рѣшительно на оппозиціи. Король, недовольный такимъ исходомъ дѣлъ, послалъ палату и обратился къ народу съ объявленіемъ о выборахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ употребилъ съ своей стороны всилія для того, чтобы въ настоящемъ случаѣ выигралъ лица, преданныя собственно ему, а не министерству. Такимъ образомъ королю удалось освободиться отъ пріямля него вліянія и со стороны министерства, и со стороны оппозиціонной партіи: министерство, какъ мы видѣли, проискавши не дало хода оппозиціи, а король, въ свою очередь, уничтожилъ и мгновенное торжество министерства и окончательный перевѣсъ его противниковъ, обнаружившійся на выборахъ депутатовъ.

Такой оборотъ дѣлъ подалъ народу довольно основательную надежду, что король, утвердивши свое вліяніе посредствомъ благопріятныхъ для него выборовъ, отстранитъ отъ себя ненавистное всѣмъ министерство и что министерство, въ своемъ новомъ составѣ, начнетъ дѣйствовать въ популярномъ духѣ, т. е. станетъ поддерживать стремленіе грековъ къ соединенію въ одно конституціонное государство. При этомъ будетъ кстати замѣтить, что въ королевствѣ греческомъ не существуетъ республиканской партіи, и что общественное мнѣніе признаетъ строго-конституціонную форму правленія лучшей формой для греческаго народа въ настоящее время.

Главное современное стремленіе грековъ заключается въ томъ, чтобы составить самостоятельную и сильную національность,

т. е. ввести въ составъ нынѣшняго греческаго королевства своихъ единоплеменниковъ, живущихъ на Ионическихъ островахъ подъ господствомъ Англіи, и желающихъ отдѣлиться отъ нея, и грековъ, находящихся подъ властію Турціи. Въ началѣ нынѣшняго года, по поводу продолжавшихся въ Аѳинахъ засѣданій итальянскаго революціоннаго комитета, громко говорили, что весной предположено произвести возстаніе въ Эпирѣ и въ Тессаліи и что черногорцы, вмѣстѣ съ высадившимися на берега Турціи итальянцами, ударятъ съ сѣвера на Эпиръ, а также на южныя австрійскія области. При этомъ, какъ говорили исполнители замышляемаго плана, предполагали въ случаѣ, если королевское правительство не пожелаетъ содѣйствовать народному движенію, склонить его сдѣлаться участникомъ національнаго стремленія. Въволнованное состояніе умовъ, такъ часто и такъ быстро переходящее у южныхъ народовъ въ неудержимый взрывъ общаго негодованія, увеличивалось и увеличивается извѣстіями, получаемыми изъ пограничныхъ турецкихъ областей, благопріятными для созрѣвающихъ замысловъ.

Необходимой поддержкой для осуществленія послѣднихъ считаютъ учрежденіе національной гвардіи. Мысль объ этомъ постоянно составляла и нынѣ составляетъ любимую мечту всего греческаго народа. Надобно замѣтить, что на основаніи 105 статьи греческой конституціи, между прочимъ, постановлено, что королевское правительство обязано озаботиться, въ непродолжительномъ времени, объ учрежденіи національной гвардіи. Отъ составленія конституцій, какъ извѣстно, прошло не мало лѣтъ, но такъ какъ всѣ бывшія доселѣ министерства не желали и опасались этого учрежденія, то каждый разъ, не смотря на запросы, а порою даже и на энергическія требованія нѣкоторыхъ депутатовъ и сенаторовъ, вопросъ объ учрежденіи національной греческой гвардіи, подъ разными предлогами, откладывался до болѣе благопріятной поры. Съ нѣкотораго времени, однако, требованія на счетъ національной гвардіи со стороны оппозиціи, поддерживаемыя отголоскомъ всего народа, стали такъ настойчивы, что наконецъ всѣ ожидаютъ исполненія этого давнишняго обязательства, принятаго на себя королевскимъ правительствомъ. Положительно говорятъ теперь, что самъ король хочетъ предложить этотъ вопросъ на обсужденіе палаты, а въ готовности палаты исполнить подобное предложеніе никакъ нельзя сомнѣваться.

Къ требованіямъ объ учрежденіи національной гвардіи оппозиція, по внушенію своего предводителя, всѣми уважаемаго и всѣми любимаго сенатора Христидиса, присовокупляетъ еще требованіе касательно введенія новой, менѣе обременительной и болѣе точной системы податей. Вмѣстѣ съ этимъ, въ палатѣ депута-

то въ все болѣе и болѣе усиливается мысль объ учрежденіи резервовъ, согласно съ проектомъ военнаго министра г. Боцариса.

Одновременно со всеми этими стремленіями къ національному единству, и къ улучшенію внутреннихъ распорядковъ въ Греціи, тамъ, — отзываясь впрочемъ и въ европейскихъ кабинетахъ, — возникаетъ теперь весьма важный вопросъ о наслѣдіи греческаго престола. Нынѣшнему королю въ іюнѣ мѣсяцѣ исполнится уже сорокъ—шесть лѣтъ, королева моложе своего мужа только двумя годами и нѣсколькими мѣсяцами, они не имѣли дѣтей, и, какъ кажется, нѣтъ надежды, что они когда-нибудь подарятъ Греціи наслѣдника престола. Такимъ образомъ, по смерти нынѣшняго государя, греческая корона останется безъ прямаго наслѣдника и вслѣдствіе этого, на основаніи 38 статьи греческой конституціи, она, по смерти короля Оттона, должна перейти къ одному изъ его братьевъ. Такой переходъ греческаго престолонаслѣдія въ баварскомъ королевскомъ домѣ не представляетъ, по видимому, никакихъ затрудненій, такъ какъ греческій король имѣетъ двухъ братьевъ: Луитпольда, родившагося въ 1821 году и Адальберта, родившаго въ 1828 году. Оба прища женаты и первый изъ нихъ имѣетъ двоихъ сыновей, а послѣдній одного сына. Такимъ образомъ, при переходѣ греческой короны къ одному изъ братьевъ Оттона, преемственность ея упрочивалась бы и въ слѣдующемъ еще поколѣніи. Но при этихъ условіяхъ встрѣчается однако еще особенное условіе, которое препятствуетъ исполненію 38 статьи конституціи.

Въ 40-й статьѣ той же конституціи сказано, что наслѣдникъ греческаго престола долженъ исповѣдывать греко-восточную вѣру. Между тѣмъ, баварскій королевскій домъ извѣстенъ своею приверженностію къ католицизму. Король Оттонъ уже нѣсколько разъ ѣздилъ въ Баварію съ тою цѣлью, чтобы уговорить одного изъ своихъ братьевъ принять православіе и такимъ образомъ сдѣлаться его наслѣдникомъ. На предложенія эти слѣдовали отказы со стороны обоихъ принцевъ. Видя безуспѣшность своихъ попытокъ и въ тоже время непреклонность греческаго народа имѣть будущаго государя одной съ нимъ вѣры, король, какъ утверждаютъ близкіе къ нему люди, рѣшился на основаніи 39 статьи конституціи, предложить палатамъ нѣсколькихъ кандидатовъ на греческій престолъ изъ среды европейскихъ принцевъ, съ тѣмъ, чтобы избранному палатами принцу предложить наслѣдіе греческаго престола, съ непремѣннымъ условіемъ принятія православія. Въ числѣ лицъ, коихъ король намѣренъ предложить въ свои наслѣдники, называютъ прища Наполеона, зятя короля Виктора-Эммануила, и втораго его сына, прища Амедея, герцога Аостскаго, родившагося 30 мая 1844 года.

Въ дополненіе ко всему этому, опредѣляющему нынѣшнее положеніе королевства греческаго, скажемъ, что комиссія офицеровъ, отправленная въ прошломъ году во Францію и Бельгію, для заказа тамъ нарѣзныхъ пушекъ и ружей, возвратилась, въ началѣ нынѣшняго года, въ Аѳины. Греческія газеты въ восторгѣ отъ пріема, сдѣланнаго греческой комиссію королемъ Леопольдомъ и въ особенности императоромъ Наполеономъ. Сообщаютъ, что послѣдній, кромѣ приказанія, даннаго французскимъ литейнымъ заводамъ, исполнять всѣ заказы греческаго правительства, отправилъ еще шесть оружейныхъ мастеровъ въ Грецію, для передѣлки, по новой системѣ, ружей, хранящихся въ тамошнихъ арсеналахъ. Къ этому прибавляютъ, что одинъ изъ богатыхъ греческихъ гражданъ послалъ во Францію 200,000 франковъ на покупку штуцеровъ для греческой арміи.

Всѣ эти факты въ совокупности заставляютъ ожидать, что по всей вѣроятности, въ скоромъ времени, греческій, доселѣ еще незамѣтный, вопросъ сдѣлается важнымъ предметомъ для многихъ европейскихъ кабинетовъ.

IV. Конституція Австрійской имперіи.

Бѣдствія, испытанныя Австріей, въ послѣднее время, на поляхъ битвы, ея натянутыя отношенія къ большей части европейскихъ державъ, порывы Венгріи отпасть отъ монархіи Габсбурговъ, стремленіе подвластныхъ имперіи народностей къ національной самостоятельности и наконецъ событія въ Италіи склонили Франца-Иосифа ко многимъ частнымъ уступкамъ и даже, напоследокъ, къ изданію конституціи для всей имперіи. Передъ изданіемъ конституціи, одна изъ вѣнскихъ газетъ, замѣчая, что въ Австріи проходитъ время въ бесполезныхъ попыткахъ для организациі имперіи, что трудности возрастаютъ при этомъ съ каждымъ днемъ, и что, между тѣмъ, власть, кредитъ и общественное довѣріе слабѣютъ все болѣе и болѣе,—приводила въ примѣръ противоположности Италію, гдѣ, среди политическихъ бурь и неизвѣстности о дальнѣйшей участи страны, собрался парламентъ для снятія съ правительства отвѣтственности и нареканія за ходъ дѣлъ и для приведенія въ порядокъ господствовавшаго повсюду хаоса. Появленіе этой статьи въ рубрику до того времени австрійской журналистикѣ возвѣстило довольно ясно новый государственный порядокъ въ Австріи. И дѣйствительно, 26-го (14-го) февраля были обнародованы многія документы въ видѣ имперской конституціи.

Патентомъ и манифестомъ австрійскаго императора, изданными 20 (8-го) февраля 1860 года, постановлены были общія основанія для законодательства имперіи. Въ нихъ было сказано, что право издавать, измѣнять и отиѣнять законы принадлежитъ земскимъ сеймамъ при посредствѣ государственнаго совѣта. За тѣмъ, были обнародованы четыре провинціальныя статута, основанныя только на сословныхъ правахъ, и потому не вполне соответствовавшія общимъ потребностямъ и стремленіямъ. Авторомъ, или лучше сказать первымъ начертателемъ всѣхъ этихъ узаконеній и послѣднимъ ихъ редакторомъ былъ графъ Голуховскій. Ему, однако, не привелось согласить составленныя имъ положенія съ особенными потребностями отдѣльныхъ частей имперіи. Затруднительныя отношенія австрійскаго правительства къ подвластнымъ ему народностямъ отозвались на графѣ Голуховскомъ и были причиною его отставки. Вслѣдствіе послѣдней, обязанность продолжать трудъ Голуховскаго, выпала, по видимому, на долю новаго государственнаго министра г. Шмерлинга. Въ сущности же однако, дѣло было иначе. Огромный трудъ графа Голуховскаго, не послужилъ почти ровно ни къ чему. Оказалось, что предшественникъ г. Шмерлинга напрасно тратилъ такъ много дорогаго времени, потому что новый министръ принялъ другую исходную точку для внутренней организаціи имперіи. Онъ захотѣлъ: — во первыхъ обобщить тѣ безчисленныя различія, которыя представлялись главнымъ затрудненіемъ для его предшественника и во вторыхъ онъ сталъ стремиться къ тому, чтобы общія начала либеральныхъ уставовъ обратились въ пользу не венгерскихъ подданныхъ имперіи. Такимъ образомъ дѣйствій г. Шмерлинга хотѣлъ уравнивать права всѣхъ вообще жителей австрійской имперіи съ преимуществами, исключительно предоставленными венгерскому населенію и въ то же время онъ этимъ путемъ желалъ ослабить, если не совсѣмъ прекратить, ропотъ противъ нелиберальной системы австрійскаго правительства, отзывавшійся не въ одной только Венгріи, но и въ другихъ частяхъ имперіи.

Принципы, взятые въ основаніе г. Шмерлингомъ, отразились довольно ясно въ нынѣшней австрійской конституціи, уничтожившей собою и манифестъ и патентъ, изданные 20 (8-го) октября 1860 года. Только для Венгріи не сдѣлано въ конституціи никакихъ особыхъ постановленій: королевство венгерское, равно какъ Кроація, Славонія и Трансильванія, должны довольствоваться тѣмъ, что имъ дано было 20 октября. Такимъ образомъ здѣсь вполне выразилось стремленіе г. Шмерлинга сравнять, по возможности, всѣхъ подданныхъ австрійской имперіи съ мадярами и поставить всѣ ея области на ту степень конституціонныхъ учрежденій, на которой стоитъ Венгрія. Г. Шмерлингъ согласилъ

въ себѣ при этомъ обязанности австрійскаго министра съ либеральными своими тенденціями. Въ сущности, трудъ г. Шмерлинга—отпоръ революціоннымъ стремленіямъ Венгріи. По его мнѣнію, удовлетворенные конституціей жители прочихъ областей имперіи будутъ на сторонѣ конституціоннаго императора, а при этомъ, въ общемъ народномъ представительствѣ, легко будутъ одолеваемы большинствомъ голосовъ особыя стремленія мадяровъ, столь вредныя для единства и для спокойствія габсбургской монархіи. При этомъ надобно замѣтить, что австрійская конституція контрастирована всѣми министрами, но между ними, однако, не видно подписи барона Вая, члена совѣта министровъ и канцлера Венгріи. Можно безошибочно сказать, что новый государственный актъ, если и укрощаетъ нѣсколько волненіе умовъ въ другихъ областяхъ имперіи, то въ то же самое время онъ усиливаетъ неудовольствіе въ королевствѣ венгерскомъ. Венгры легко могутъ понять значеніе австрійской конституціи для ихъ родины.

«Официальная Вѣнская газета», обнародовавъ документы, составляющіе австрійскую конституцію, напечатала при этомъ обширную статью, объясняя въ ней то положеніе, въ какое поставлена цѣль австрійская имперія. Въ статьѣ этой «Официальная газета» говоритъ, что правительство изданіемъ конституціи имѣетъ въ виду: примирить настоящее съ прошедшимъ, согласить притязанія разныхъ народовъ съ тѣми условіями государственнаго быта, которыя необходимы для существованія монархіи и ввести въ систему внутренняго ея управленія такія начала, которыя съ одной стороны соответствовали бы различію національностей, а съ другой—поддерживали бы единство областей имперіи, сдѣлавшись законнымъ историческимъ фактомъ. За тѣмъ, сказавъ кратко о реформахъ, уже производимыхъ въ имперіи, «Официальная газета» называетъ конституцію величайшимъ изъ актовъ, внесенныхъ въ австрійскія лѣтописи со времени изданія прагматической санкціи.

Касааясь же отреченія императора отъ нѣкоторой части его правъ, «Официальная газета» говоритъ такъ: «этимъ дѣйствіемъ его величество поставилъ принципъ конституціоннаго права на мѣсто неограниченнаго права государя, права, происшедшаго, силою событій, изъ волненій послѣднихъ лѣтъ. Но, принимая въ соображеніе, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ, при централизаціи правительственной власти, совокупное разсмотрѣніе самыхъ важныхъ вопросовъ составляетъ необходимость для безопасности монархіи, его величество, согласивъ эту необходимость съ притязаніями нѣкоторыхъ областей, сообразовалъ торжественно передать совокупному представительству всѣхъ ихъ право участія въ законодательствѣ по общиръ дѣламъ. Послѣ

этого, на исключительность упомянутого права не может при-
тизять въ особенности одна какая-либо отдѣльная область имперіи,
безъ нарушенія общихъ правъ и интересовъ всѣхъ другихъ об-
ластей. Отсюда истекаетъ настоятельная необходимость патріот-
ической защиты этого общаго права противъ враговъ подоб-
наго соединенія всѣхъ областей имперіи, сдѣлавшагося необходи-
мостью въ системѣ европейскаго равновѣсія.»—Читая эти коммен-
таріи, можно видѣть вооруженіе всѣхъ австрійскихъ областей про-
тивъ Венгріи, которая требуетъ себѣ исключительныхъ преимущ-
ествъ и которая грозитъ единству Габсбургской монархіи.

Приведенная нами статья, знакомящая съ истиннымъ значені-
емъ австрійской соединительной конституціи, оканчивается слѣ-
дующими строками:

«Конечно время покажетъ, что эта конституція, основанная
на положенія дѣйствительно-существующемъ, носить въ самой
себѣ ручательство за свою прочность и что она способна при-
вести Австрію къ тому, чтобы эта держава, достигнувъ свободы
внутри и единства извнѣ, приобрѣла полное, подобающее ей мо-
гущество».

Такимъ образомъ нынѣ «Официальная» австрійская газета при-
знаетъ конституцію основой могущества для монархіи прежде
абсолютныхъ Габсбурговъ.

Надобно впрочемъ сказать, что, не смотря на хвалебный гимнъ
вѣнской газеты, пропѣтый ею въ честь новаго статута, обнаро-
дованіе его, по тѣмъ причинамъ, о которыхъ мы скажемъ послѣ,
не произвело вообще благопріятнаго впечатлѣнія. Что же ка-
сается Венгріи, то независимые отъ правительства органы всѣхъ
венгерскихъ партій прямо заявили, что конституція 26-го (14)
февраля составляетъ въ глазахъ венгерцевъ не болѣе какъ толь-
ко «королевское предложеніе», которое сеймъ, по своей волѣ,
можетъ принять или отвергнуть, и которое, по всей вѣроятности,
вспытастъ послѣднюю участь. Нельзя не замѣтить, что даже въ
столицѣ Богеміи, Прагѣ, не было иллюминаціи по случаю обна-
родованія конституціи, и что, вообще, это дѣло совершилось
безъ всякихъ симпатическихъ манифестацій, кромѣ официальныхъ
телеграфическихъ депешъ, гласившихъ Вѣнѣ о восторгѣ и при-
знательности населеній. Если, при появленіи конституціоннаго
статута, вообще всѣ австрійскія области не выразили востор-
женной преданности и признательности ея виновнику, то ста-
тутъ этотъ возбудилъ особенное неудовольствіе въ жителяхъ
Военной Границы, учрежденной нѣкогда на особыхъ основані-
яхъ, какъ сторожевая линія для отпора турецкимъ нападеніямъ.
Хроаты въ адресѣ, отправленномъ ими къ императору, замѣ-
тили, что положеніе дѣлъ у нихъ давно измѣнилось, что Пор-

та уже утратила свой завоевательный характеръ, и что, слѣдовательно, нѣтъ никакихъ причинъ оставлять жителей Военной Границы на прежнемъ положеніи. Ожидаютъ, что на этотъ толковый адресъ послѣдуетъ отказъ въ общихъ фразахъ.

Переходя теперь собственно къ разсмотрѣнію австрійской конституціи, мы можемъ сказать о ней слѣдующее.

Ей предшествуетъ императорскій патентъ, въ которомъ, послѣ приведенія полного императорскаго титула, заключается семь параграфовъ, съ таковымъ предисловіемъ:

«Въ видахъ стройной организаціи монархіи нашей, на основаніи прагматической санкціи, и по силѣ нашего самодержавія, объявивъ въ дипломѣ, обнародованномъ 20-го октября 1860 года, правило, принятое нами самими и установленное для нашихъ законныхъ преемниковъ, по которому право издавать законы, измѣнять и отмѣнять ихъ не можетъ существовать иначе какъ при содѣйствіи областныхъ сеймовъ, а въ извѣстныхъ случаяхъ и государственнаго совѣта, и принимая за тѣмъ въ соображеніе, что, для осуществленія этого правила, необходимо установить точный порядокъ,—мы, выслушавъ мнѣніе нашего министерскаго совѣта, повелѣваемъ:

1) Касательно составленія имперскаго совѣта, въ которомъ будетъ заключаться народная представительность и касательно его права участвовать въ законодательствѣ, предоставленнаго ему нашимъ дипломомъ отъ 20-го октября,—мы издаемъ нынѣ слѣдующій, прилагаемый здѣсь, законъ о народномъ представительствѣ, давая этому закону, на всемъ пространствѣ нашихъ земель, силу основнаго государственнаго закона.

За тѣмъ параграфъ 2 исключаетъ изъ этого общаго правила Венгрію, Кроацію, Славонію и Трансильванію, въ которыхъ не отмѣняется дѣйствіе диплома, изданнаго 20-го октября. Въ 3 параграфѣ, распространяется дѣйствіе настоящей конституціи на всѣ прочія области имперіи: на королевства Богемское, Далматское, Галицкое и Лодомирское, великое герцогство Краковское, на эрцгерцогства Австрійскія, Верхнее и Нижнее, на герцогства Карніолійское и Буковинское, на маркграфство Моравское, на герцогство Силезское, на маркграфство Истрійское съ Герцогствомъ и Градиской, на Триестъ съ его округомъ и Форарльбергъ. Это, какъ сказано въ патентѣ, дѣлается съ тою цѣлью, чтобы въ упомянутыхъ областяхъ развить права и свободу жителей, сообразно съ настоящимъ ихъ положеніемъ, и съ потребностями современной эпохи, и чтобы привести ихъ въ соотношеніе съ общими интересами всей монархіи, и дать силу основнаго закона въ той странѣ, къ которой онъ относится.

При этомъ, впрочемъ, замѣчено, что такъ какъ отношенія королевства Далматскаго къ Кроаціи, и Славоніи еще не опредѣлены окончательно, то статутъ, изданный для этого королевства, не можетъ быть приведенъ въ исполненіе въ настоящее время.

Параграфъ 4 распространяетъ силу конституціи на герцогства Штирійское, Каринтійское, а также Зальцбургъ и Тироль. Слѣдующій за тѣмъ параграфъ объявляетъ, что государственному министру приказано представить немедленно конституцію для Ломбардо-Венеціанскаго королевства, составленную на общихъ основаніяхъ, и что до изданія ея ломбардо-венеціанскія области, въ ихъ настоящемъ общинномъ составѣ, могутъ посылать въ имперскій совѣтъ определенное число своихъ представителей.

Собраніе всѣхъ этихъ областныхъ статутовъ 6 параграфъ императорскаго патента называетъ конституціей имперіи, прибавляя слѣдующее: «не только мы сами будемъ уважать и поддерживать ненарушимо всѣ эти уставы, но и обязываемъ еще нашихъ преемниковъ уважать и сохранять ихъ ненарушимо, и, при вступленіи на престолъ, присягать въ этомъ, посредствомъ особаго манифеста. Мы объявляемъ также, продолжаетъ патентъ, нашу твердую рѣшимость покровительствовать этимъ уставамъ всею нашей императорской властью, ограждая ихъ отъ всякихъ посягательствъ, и заботиться о томъ, чтобы каждый изъ нихъ былъ почитаемъ и исполняемъ.

Послѣдній параграфъ патента говоритъ о способахъ храненія этого акта въ государственномъ и въ фамильномъ императорскомъ архивахъ.

Прочіе акты, принадлежащіе къ обнародованію конституціи, заключаются: въ основномъ законѣ объ избирательномъ представительствѣ имперіи, въ патентѣ о закрытіи прежняго государственнаго совѣта и объ учрежденіи имперскаго совѣта, въ статутѣ послѣдняго, въ патентѣ о созваніи имперскаго совѣта и сеймовъ, въ четырехъ императорскихъ письмахъ—къ губернатору тирольскому и къ канцлерамъ Венгріи, Трансильваніи и Кроаціи—и наконецъ въ 15 уставахъ для провинціальныхъ сеймовъ. Сеймы созваны на 16 (4) апрѣля, а имперскій совѣтъ—на 29 (17) число того же мѣсяца.

Сущность же всей конституціи составляетъ основной законъ объ избирательномъ представительствѣ.

Законъ этотъ состоитъ изъ 21 статьи.

На основаніи его, для государственнаго представительства учреждается имперскій совѣтъ, состоящій изъ двухъ палатъ:

палаты господъ и палаты представителей. Въ первой будутъ засѣдать наслѣдственные и пожизненные члены. Совершеннолѣтніе члены императорской фамиліи суть члены имперскаго совѣта по праву рожденія. Всѣ архіепископы и епископы, имѣющіе титулъ князей, суть также члены первой палаты по ихъ званію. Наслѣдственные члены суть также совершеннолѣтніе представители знатныхъ фамилій, владѣющихъ большими помѣстьями. Прочіе пожизненные члены назначаются императоромъ, изъ лицъ, оказавшихъ важныя услуги государству, церкви, наукамъ и искусствамъ.

По 6 параграфу основнаго закона, палата депутатовъ состоитъ изъ 343 избираемыхъ членовъ, число которыхъ распредѣляется по провинціямъ имперіи слѣдующимъ образомъ: королевство венгерское будетъ имѣть 85 представителей, богемское 54, ломбардо-венеціанское 20, Далмація 5, Кроація и Славонія 9, Галиція и Лодомирія съ Краковской областью 38; Нижняя Австрія 18, Верхняя Австрія, Зальцбургъ 3, Штирія 13, Каринтія 5, Карніолія 6, Буковина 5, Трансильванія 26, Моравія 22, Силезія 6, Тироль и Форарльбергъ 12, Истрія съ Герцогствомъ, Градиской и Триестомъ, всѣ вмѣстѣ, 6.

Для избранія этихъ представителей назначаются прямыя выборы по большинству голосовъ. Представители эти избираются изъ членовъ мѣстныхъ сеймовъ. Въ особенныхъ случаяхъ, если; почему либо, сеймъ не выберетъ отъ себя представителя въ имперскій совѣтъ, императоръ имѣетъ право назначить такое лицо по своему собственному усмотрѣнію. Право же назначать предсѣдателя и вице-предсѣдателя въ каждую палату, изъ ея членовъ, императоръ предоставляетъ самому себѣ. Всѣ же прочія должностныя лица при палатахъ избираются самими палатами. Имперскій совѣтъ будетъ созываемъ императоромъ ежегодно.

По 10 параграфу разсматриваемой нами конституціи, вѣдѣнію имперскаго совѣта подлежатъ всѣ предметы, касающіеся законодательства, повинностей и благосостоянія, и дѣлающіеся общими для всѣхъ областей имперіи, точно также, какъ и дѣла относящіеся къ военной повинности. Разсмотрѣнію имперскаго же совѣта подлежатъ также всѣ дѣла по части денежной, кредитной, монетной, банковской, таможенной, торговой, а также по устройству желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ. Вообще всѣ финансовыя дѣла разсматриваются имперскимъ совѣтомъ, преимущественно же государственный бюджетъ, отчеты и предположенія: о новыхъ займахъ, погашеніи долговъ и установленіи налоговъ. Государственный долгъ подлежитъ контролю имперскаго совѣта.

На основаніи 12 параграфа, проекты законовъ предлагаются

имперскому совѣту правительствомъ, впрочемъ и онъ, съ своей стороны, можетъ дѣлать предложенія по законодательной части. Проекты законовъ, принятые обѣими палатами, утверждаются императоромъ. Въ случаѣ же, если будетъ предостоять правительству настоятельная надобность принять какія-либо мѣры въ то время, когда имперскій совѣтъ не будетъ въ сборѣ,—то министерство, при первомъ собраніи совѣта, должно будетъ сообщить ему о причинахъ и о результатахъ этихъ мѣръ. Засѣданія обѣихъ палатъ должны быть публичныя, впрочемъ президентъ и члены, но не менѣе какъ въ числѣ десяти чловѣкъ, могутъ требовать, чтобъ засѣданія палаты, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не были доступны публикѣ.

Прежде всего, неограниченное число членовъ, назначаемыхъ императоромъ въ палату господъ, можетъ дать огромный перевѣсъ правительству передъ народнымъ представительствомъ. Перевѣсъ этотъ можетъ дополниться и въ палатѣ представителей, вслѣдствіе права императора назначать, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, членовъ этой палаты по своему собственному выбору. Нельзя не обратить вниманія также на 15 параграфъ, въ силу котораго представители не имѣютъ права получать инструкцій отъ своихъ избирателей. Нужно ли къ этому прибавлять, что неотвѣтственность министровъ передъ палатами даетъ первымъ возможность дѣйствовать въ иныхъ случаяхъ съ неосмотрительностью, которая можетъ быть вредна интересамъ страны. Но самымъ замѣчательнымъ можно назвать 13 параграфъ, въ силу котораго министерство въ ту пору, когда имперскій совѣтъ не будетъ въ сборѣ, можетъ дѣлать распоряженія по своему усмотрѣнію, сообщая палатамъ только о побудительныхъ причинахъ, вызвавшихъ эти распоряженія. Правда, что и другія европейскія конституціи предоставляютъ временно министерствамъ подобное право, но, при этомъ условіи, министры не только—что бываютъ ответственными лицами, но они еще должны добиваться отъ палатъ утвержденія принятыхъ ими мѣръ, безъ чего мѣры эти не только — что остаются на будущее время недѣйствительными, но въ иныхъ случаяхъ подвергаются даже ответственности лицъ, прибѣгнувшихъ къ нимъ. Между тѣмъ австрійское правительство, пользуясь 15 параграфомъ конституціи, легко можетъ, въ небытность имперскаго совѣта, принять такія важныя мѣры, которыя прямо или косвенно стѣсняютъ совершенно свободу и права народной представительности.

Наконецъ, австрійская конституція представляетъ много недомолвокъ и неопредѣленностей. Такъ въ ней не сказано, въ какой срокъ долженъ быть опять созванъ имперскій совѣтъ, если онъ будетъ однажды распущенъ; а между тѣмъ легко можетъ

быть, что императоръ, послѣ перваго опыта, тотчасъ же распуститъ совѣтъ и соберетъ его только гдѣ черезъ десять или двѣнадцать, а между тѣмъ, несмотря на это, никакъ нельзя будетъ укорять Франца-Иосифа въ несоблюденіи изданнаго имъ основнаго закона, такъ какъ самъ законъ не опредѣляетъ ничего касательно созванія распущеннаго совѣта.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

ИСТИННО-СЧАСТЛИВЫЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ЧЕЛОВѢКЪ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

(Историческій разсказъ).

Послѣ долгой бродяжнической жизни въ отставкѣ, судьба привела меня на службу въ одинъ богатый домъ, въ Москвѣ, который можно назвать дворяно-купеческихъ. Если есть на свѣтѣ животно-растенія, (полипы), земноводныя, или амфибіи, такъ отчегожь не быть дворяно-купцамъ? Они, большею частію, тѣ изъ отставныхъ, или отставленныхъ чиновниковъ, которые, прослуживъ весь вѣкъ въ теплыхъ мѣстечкахъ, сколачиваютъ себѣ, честной службой, капиталъ вдесятеро большій всего полученнаго на службѣ жалованья, живописно называемый кускомъ хлѣба на старость. При помощи этаго куска хлѣба, они вступаютъ въ огромные подряды съ казною, пускаются въ винныя и въ *невинныя* откупа. Участвовать во вновь возникшихъ компаніяхъ судоходства, пароходства, желѣзныхъ дорогъ, газоваго освѣщенія, водопроводныхъ трубъ—они рѣшительно нелюбятъ... То ли дѣло винныя откупа, поставка дровъ и свѣчъ на казенныя зданія, подряды на шоссе, на мосты!—Это дѣло знакомое... Тутъ приходится имѣть келейныя дѣла съ зрителями, подрядчиками и вообще съ лицами «сочувствующими», а не съ какими нибудь мечтателями и прожекторами.

Къ одному-то изъ такихъ капиталистовъ съѣзжалось три раза въ недѣлю общество самое фундаментальное, то есть подрядчики, поставщики, зажиточные купцы, смотрители казенныхъ магазиновъ, казенныхъ зданій и, вообще тѣ лица, на которыхъ начальство привыкло возлагать самыя пріятныя обязанности, то есть, поставку дровъ, строительныхъ матеріаловъ на огромныя цифры, отопленіе и освѣщеніе громадныхъ домовъ.

Слушая такихъ господъ, можно смѣло сказать съ Чичиковымъ, что шупаешь самое ядро дѣла. Разговоры этихъ лицъ не были одни пустыя мечтанія, но положительные факты, подтвержденные ломбардными билетами, пятиэтажными домами и всякаго рода движимымъ и недвижимымъ. Что значать запальчивыя, не основанныя ни на какомъ *фондѣ* сужденія бѣднаго литератора—журнальнаго дебошира передъ такими положительными увѣсистыми сужденіями? Эти уважаемыя лица, часто, однимъ словомъ, однимъ взглядомъ рѣшаютъ судьбу цѣлой сотни или тысячи мелкихъ промышленниковъ и ремесленниковъ; тогда какъ журнальные возгласы ничего не рѣшаютъ «осязательно»:

Вообще нельзя не позавидовать людямъ, которымъ все на свѣтѣ удается, которые, не смотря на ограниченность ума, отсутствіе всякаго образованія, занимали, а можетъ быть и теперь занимаютъ такія должности, что, если объ нихъ вспомнить, то слюньки потекутъ. Вотъ, изъ этихъ-то счастливицевъ и создаются такіе богачи. Ихъ не надо смѣшивать съ тѣми, которые, своими талантами, или образованіемъ, изобрѣтеніями, или открытіями наживаютъ милліоны. Нѣтъ, я описываю только тѣхъ, которые ничего не могутъ ни открыть, ни изобрѣсть, кромѣ, развѣ, новыхъ плутней.

Петръ Петровичъ Булыжниковъ, напримѣръ, чрезвычайно много способствуетъ къ украшенію г. Москвы, потому что на всѣхъ почти «бойкихъ» улицахъ, воздвигъ и воздвигаетъ трехъэтажные дома. Куда бы вы ни пошли—вездѣ встрѣтите или домъ съ гостиницей, или баню, или лавку и харчевню, принадлежащія Петру Петровичу Булыжникову. Его дома тѣмъ отличаются отъ прочихъ, что всѣ похожи на фабрики. Ни одной колонны, ни одного барельефчика, ни одного малѣйшаго поподзновения къ украшенію. Домъ—какъ коробъ; только и разницы отъ сундука, что крыша покатая, да пробито 2 оконъ въ каждомъ этажѣ. Вездѣ, на улицу пять желобовъ и са

ный казеннѣйшій фронтонъ подъ средними пятью окнами. Даже ланныхъ мордъ, столь любимыхъ москвичами, пять на воротахъ. Всѣ дома—какъ одинъ; всѣ покрыты дешевою желтой краской. Внутренность домовъ тоже совершенно одинаковая. Два этажа разбиты на маленькiя клѣтки въ одно окно, называемыя нумерами. За каждую клѣтку—пять цѣлковыхъ, пять цѣлковыхъ—меньше ни копѣйки! Сто такихъ клѣтокъ—500 цѣлковыхъ въ мѣсяцъ—6000 въ годъ. Восемь такихъ сундуковъ, то есть восемь такихъ домовъ—48.000 рублей. Бельэтажи тоже размежеваны на одинаковыя квартиры. Вездѣ семь комнатъ, вездѣ три окна въ залу, два въ гостиную, по одному—въ спальню, кабинетъ и т. д. Во всѣхъ домахъ—зала желтая, гостиная синяя; во всѣхъ домахъ три—комнаты съ поломъ крашенымъ подъ паркетъ, а остальные съ поломъ вовсе некрашенымъ. На самыхъ людныхъ улицахъ каждая такая квартира отдается за 700 въ годъ; на улицахъ поглуше за 650 и за 600. Пять квартиръ въ каждомъ домѣ, сорокъ квартиръ въ осьми домахъ, приносятъ, среднимъ счетомъ, 650×40 , или—26,000, или всего—74,000 въ годъ. А подвалы? а чердаки? Подвалы тоже размежеваны на клѣтки. Не смотря на темноту, сырость, течъ съ оконъ, весной, и пыль, лѣтомъ, подвалы занимаютъ старухи-лоскутницы, оставшiе чиновники, бѣдные студенты и платятъ за каждую такую комуру—два съ шолтиной. Впрочемъ, студенты, поэты, художники предпочитаютъ чердаки, которыхъ г. Булыжниковъ надѣлалъ штукъ по 50 въ каждомъ домѣ, или 400—въ осьми, или ровно 1000 рублей каждый принесетъ въ мѣсяцъ, то есть 12,000 въ годъ. Прибавьте къ этому 12,000 за подземельные нумера—выйдетъ 24,000, то есть девяносто восемь тысячъ. Однимъ словомъ, кладя съ надворными строенiями, конюшнями, отдаваемыми въ паемъ, наберется, за всѣми расходами, 100,000 рублей въ годъ. А бани, лавки, харчевни? Онѣ, какъ я достоверно слышалъ, приносятъ въ полтора раза больше. Вѣдь это называется *четвертью милліона дохода* съ однихъ домовъ и всякихъ строенiй! Продлите это благоденствiе Петра Петровича еще хоть на 10 лѣтъ, да причтите прошедшихъ десять, то можете смѣло предположить, что Петръ Петровичъ оставитъ червямъ, или мотамъ—наслѣдникамъ капиталъ, по крайней мѣрѣ, въ десять милліоновъ, потому что доходы этого истинно-генiальнаго человѣка ограничиваются не однимъ только доходомъ съ домовъ. Но объ этомъ послѣ, а пока дома.

Петръ Петровичъ знаетъ, гдѣ строить дома. Въ центрѣ города, гдѣ сосредоточено многое множество присутственныхъ мѣстъ, учебныхъ заведеній, гдѣ живутъ люди служащіе, люди зажиточные,—стоятъ дома Петра Петровича. Какъ Наполеонъ, однимъ взглядомъ на непріятельскую позицію, или на карту рѣшалъ, гдѣ ключъ позиціи, гдѣ стратегическіе пункты театра войны, такъ Петръ Петровичъ съ разу могъ опредѣлить, гдѣ должна быть полпивная, или трактиръ. По близости фабрикъ, большихъ заводовъ, на такъ называемыхъ «разгуляяхъ»—стояли портерныя, харчевни, питейныя зданія Петра Петровича. Въ *купеческихъ* частяхъ города, въ такъ называемомъ «городѣ» стояли магазины, рестораціи, лабазы Петра Петровича. Большія квартиры во всѣхъ его домахъ отдавались по контракту на годъ и на полгода; маленькія—на мѣсяць. Какъ первое число—хоть умри, а подай деньги впередъ за мѣсяць, за годъ, или за полгода. Ни старость, ни хворость, ни случайное несчастіе, не могли отстрочить, или избавить отъ платежа. И какъ простить бѣдняку, или подождать двухъ съ половиной, когда Петръ Петровичъ привыкъ отмѣчать ежегодно, 31 Декабря, приходу 98,000 съ квартиръ собственно?.. Впрочемъ, не смотря на такую строгость при взиманіи платежа, имя господина Булыжника должно быть вписано въ число благодѣтелей страждущаго человѣчества. Онъ воздвигъ домъ въ три окна, величиною въ будку своего дворника, подъ названіемъ пріюта. Тутъ могли пользоваться бесплатнымъ ночлегомъ 5 старухъ хорошаго поведенія, которыя, за доставленное имъ благодѣніе, обязаны были, ежемѣсячно, каждая навязать пять паръ чулковъ изъ собственной шерсти Петра Петровича. Эти чулки были жертвуемы или въ домъ челоуѣколюбиваго общества, или въ домъ умалишенныхъ.

Прежде чѣмъ я прослѣжу жизнь этаго генія съ самыхъ пеленокъ, его разнообразную и многостороннюю дѣятельность, его практическіе взгляды на современные вопросы, я опишу первое мое посѣщеніе къ нему.

Замѣтно по всему, что на омеблировку дома Петръ Петровичъ не жалѣлъ денегъ. Золото, серебро, бархатъ—наворочены были безъ всякаго толку. На дорогихъ и аляповатыхъ обояхъ лежалъ густой слой пыли и табачной комоти. Запачканныя мухами дорогія зеркала, закопченныя стекла люстръ, какое-то неряшество во всемъ—дѣлали изъ великолѣпной квартиры что-то

похожее на московскія рестораціи. На стѣнахъ висѣли дорогіе картины, въ которыхъ ни хозяинъ, ни гости ничего не смыслили; въ углахъ стояло два рояля, на которыхъ никто не умѣлъ играть. Во время перваго моего визита домъ полонъ былъ гостей. На подушкахъ креселъ и дивановъ валялись дорогія шляпы, засаленные картузы. По залѣ расхаживали какіе-то господа во фракахъ, покуривая изъ длинныхъ трубокъ и плюя на паркетъ во всѣмъ направленіямъ. На дорогихъ ломберныхъ столахъ стояли стаканы съ недопитымъ пуншемъ, лежала табачная зола и валялись окурки папиросъ. Въ гостиной чиликало, какъ воробьи на вишневомъ кустѣ, множество женскихъ голосовъ, а изъ кабинета слышался густой басъ разговаривающихъ, «перемѣшанный съ бряканьемъ на щетахъ. Словомъ, я попалъ въ пріемный день для людей «нужныхъ». Такіе геніальные люди, какъ Петръ Петровичъ, не заводятъ знакомствъ для пріятнаго препровожденія времени, а принимаютъ въ свой домъ только людей «нужныхъ» и людей «съ вѣсомъ». Такъ какъ герой мой обдѣлывалъ самыя замысловатыя дѣла, то ему необходимъ былъ, подѣ часть, и лавочникъ, и генералъ, и стрекулистъ, проникнутый насквозь статьями законовъ и виннымъ запахомъ. Имѣя жену купчиху, а сестеръ дворянокъ, господинъ Булыжникъ, хотя не охотно, но долженъ былъ приглашать и дамское общество. Оно, конечно, состояло изъ жонъ и родственницъ тѣхъ лицъ, съ которыми герой мой велъ дѣла. Какъ разношерстно было мужское общество, такъ разностихійно и дамское. Блистательная полуаристократка московскаго масштаба, залѣзшая по уши въ долги, презирала отъ всей души набѣлненныхъ по уши купчихъ, считая ихъ пружинными куклами. Пружинныя куклы, коротко знакомыя съ сундуками тятенекъ и супружниковъ, посмѣивались, въ душѣ, надъ «профершпилившейся» барыней, которая, конечно, не пустила бы ихъ въ переднюю, еслибъ не предстоящій зимній балъ съ живыми розами, требующій займа 3000 за какіе бы то ни было проценты. Подлѣ эфирной барыни и дебелихъ купеческихъ жонъ, сидѣли, въ безмолвіи, жоны «нужныхъ» человѣчковъ» въ ситцевыхъ платьяхъ. На диванѣ сидѣла сама мадамъ Булыжниковъ, въ шесть пудовъ вѣсу, въ чудовищномъ кринолинѣ, унизанная кольцами, браслетами, во вкусѣ наберной сбруи. Подлѣ нея, въ почтительномъ разстояніи, сидѣла желтая какъ янтарь компаніонка, или родственница.

Въ гостиной былъ такой же ералашъ, какой и въ прочихъ ком-

натахъ. На канапе, на столахъ, лежали и валялись каперы и шляпки. У одного окна стояли пальцы, а подъ ними — клубокъ гаруса, съ которыми игралъ жирный, какъ хозяйка, котъ. Это видите ли — хозяйка дома, другой годъ, вышивала коверчикъ, и вышила только три квадратика. Въ бесѣдѣ этихъ разжогали-барныхъ дамъ, была такая же нескладница, какъ и во всемъ домѣ. Среди безконечнаго лепетанья, одна только янтарная дѣвица обратила мое вниманіе своими благочестивыми вопросами: — а что, Соломонида Филиповна, привезли въ лепточку отъ мощей Нилы Преподобнаго? Ъздили ли вы, Агафья Лукинишна, къ Николѣ на *Пыстуши*? и прочее въ томъ же родѣ. Хозяинъ еще не вставалъ, и я, въ ожиданіи его, усѣлся на такомъ пунктѣ, гдѣ мнѣ разомъ были видны зала, передняя и гостивая. Прошло два часа; сидящіе у столка кувны успѣли уже осушить два огромныхъ самовара, расноясаться и снять шубы, въ которыхъ они расположились было пить чай, а я все сидѣлъ. Наконецъ, раздался звонокъ; три лакея бросились опрOMETRY въ кабинетъ, гости понритихли, всѣ на-вострили уши. Одѣваться! послышался гнусавый голось, и пошла новая суматоха. Одинъ лакей несъ серебряную лажанъ съ такимъ же кувшиномъ; другой полотенце и порошоки, а третій — платье съ вѣничкомъ наверху и сапоги. — Изволилъ проснуться! изволилъ проснуться! — прошелъ шопоть по залѣ, побѣжалъ въ гостиную; янтарная родственница, — а можетъ быть компаніонка, — бросилась къ самовару, заваривать чай. Ситцевыя платья, лисьи сибирки родственниковъ супруги почтительно отретировались въ буфетную. Наконецъ, лакей отворилъ обѣ половинки дверей, и самъ Петръ Петровичъ выплылъ плавной и величественной поступью въ залу, оттуда потекъ въ гостиную. Голова его, вставленная въ накрахмаленные воротнички, тихо покачивалась, какъ у глиняныхъ котовъ, которыми торгуютъ разнощикъ.

— Какъ ваше неоцѣненное здоровьечко? робко спросила какая-то родственница.

— Геморрой разыгрался, отвѣтилъ Петръ Петровичъ. Тутъ онъ вошелъ въ такія подробности насчетъ проявленія геморроя, что для геморройныхъ читателей не стоитъ повторять того, что имъ извѣстно.

— Какъ краснорѣчивъ! шептали нѣкоторые гости, стараясь, чтобъ Петръ Петровичъ могъ это слышать. Тогда онъ обра-

тиса къ гостямъ и началъ разговаривать о дѣлахъ. Только и слышно было: выудить, запустить лапу, заграбастать, обтяпать, онтукатурить и т. п.; наконецъ онъ подошелъ ко мнѣ. Вы что? Вы мнѣ изволили приказать притти и принести формулярный о службѣ моей списокъ-съ.

— Да вы не служили въ военной службѣ?...

Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ я.

— Ну, такъ запиши его! сказалъ Петръ Петровичъ какому-то чиновнику:—на окладъ 5 рублей въ мѣсяцъ, а тамъ увидимъ.

Въ Москвѣ, у Никола на курьихъ ножкахъ, жилъ мѣщанинъ Петръ Сидоровъ, ремесломъ—сапожникъ. Онъ подобно крымскому саюзнику, съ утра до ночи распѣвалъ пѣсни и не завидывалъ богачамъ. Жена его—дочь фонарщика—сперва разрѣшилась тремя младенцами разомъ, чѣмъ обратила на себя вниманіе редакціи московскихъ полицейскихъ вѣдомостей, потомъ еще двумя—Петькой и Прошкой. Прошка померъ на 6 мѣсяцѣ, къ радости бѣдныхъ родителей, а Петька возрасталъ и укрѣплялся въ силахъ. Какъ всѣ дѣти отчаянныхъ бѣдняковъ, онъ получилъ воспитанія на улицѣ и послѣдовательно изучилъ игру въ бабки, свайку и орлянку. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ началъ обнаруживать геніальныя способности къ благопріобрѣтенію. Въ то время, когда отецъ, какъ сапожникъ, былъ пьянъ и задавалъ ханака, Петька похищалъ изъ отцовскаго комода мѣдныя деньги. Самое пріобрѣтеніе ключа отъ отцовскаго комода дѣлаетъ честь уму малютки. Онъ спряталъ ключъ. Отецъ, поиславши его два дня, велѣлъ слесарю сдѣлать новый, и никогда даже не подозревалъ, чтобы кто, кромѣ его, могъ забираться въ его комодъ. На краденныя деньги Петька досталъ себѣ оловянный двугривенный, который съ обѣихъ сторонъ имѣлъ по орлу. Игралъ на праздникамъ съ уличными товарищами, онъ выигралъ, при помощи фальшиваго двугривеннаго, около трехъ рублей серебра. Само собою понятно, что онъ ставилъ всегда куши на орла, а двугривенный будучи съ двумя орлами, ложился однимъ концомъ къверху, и Петька всегда выигрывалъ. Чтобы не догадались о причинѣ выигрыва'я, онъ игралъ имъ изрѣдка и въ разныхъ компаніяхъ. Подобныя штуки могли навести моего героя на прекрасную мысль—дѣлать фальшивую монету, но у него не доставало на это денегъ, и инструментовъ; кромѣ того, онъ не умѣлъ не только рисовать, но, даже, и писать. Однако, ге-

ніальный умъ для того и дается человѣку, чтобъ торжествовать надъ разными препятствіями. Чтобъ приступить къ этому полезному занятію, надобно было сколько нибудь разжиться деньжонками. Къ этому онъ употреблялъ самыя разнообразныя средства. Во-первыхъ, выпрашивалъ у торговцевъ тухлыя яйца, и, набравши ихъ штукъ десятокъ, отправлялся въ лавки и требовалъ себѣ яицъ. Получивши требуемое, онъ уходилъ и тотчасъ же возвращался въ лавку, требуя съ продавца возврата денегъ, или обмѣна тухлыхъ яицъ на свѣжія.

Лавочникъ, не подозрѣвая хитрости, и слыша носомъ и ушами, что требованіе покупателя законно, обмѣнявалъ яйца, или возвращалъ деньги. Переходя изъ лавки въ лавку, Петрушка лакомился яйцами даромъ, то есть, не заплативши ни копѣйки былъ сытъ. Иногда отправлялся онъ на бойкое мѣсто, или на паперть отдаленной церкви, во время обѣдни; притворялся нѣмымъ, слѣпымъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, и при выходѣ народа отъ обѣдни, набиралъ двугривенный, четвертакъ и болѣе. По уходѣ народа, онъ бѣжалъ къ другой церкви, гдѣ обѣдня еще не кончилась, и повторялъ ту же самую операцію. Имѣя небо- лѣе десяти лѣтъ отъ роду, онъ далеко опередилъ въ познаніяхъ свою честную компанію и постигъ тайну *насыямыхъ очекъ* въ игрѣ въ банкъ и штоссъ. Превращая осьмерку въ семерку, и даже въ шестерку, смотря по надобности, онъ нажилъ этимъ способомъ рублей до 80, которые и зарылъ на дворѣ въ нарочно украденномъ горшкѣ, потому что слышалъ, какъ, въ старину, зарывали клады. Накопивши еще рублей двадцать, то есть, ровно сто, онъ рѣшился осуществить задуманный планъ, состоявшій въ передѣлкѣ пятирублевыхъ ассигнацій въ десятирублевыхъ. Пустое обстоятельство, на которое обыкновенный человѣкъ не обратилъ бы никакого вниманія, было для геніального Петрушки блистательнымъ открытіемъ. Однажды, пивши чай въ трактирѣ, онъ случайно подмочилъ уголокъ синей ассигнаціи горячимъ чаемъ. Черезъ нѣсколько минутъ подмоченный край сдѣлался такого же цвѣта, какъ красная ассигнація. Такъ вотъ оно что! воскликнулъ неволью Петрушка; и, на другой же день, уединясь ото всѣхъ, положилъ синюю ассигнацію въ горячій чай. Такъ какъ на перекрашенной бумажкѣ оставались всѣ подписи пятирублевой ассигнаціи, то, очевидно, ее нельзя было выдавать за десятирублевую людямъ грамотнымъ, или часто обращающимся съ деньгами, то есть: лавочникамъ, трактирщикамъ,

извозчикамъ и всякаго рода купцамъ. Вслѣдствіе этого онъ промѣнялъ окрашенныя синенькія степнымъ мужичкамъ, которые конечно, неграмотны и рѣдко видятъ въ рукахъ ассигнаціи. Успѣху въ промѣнѣ много способствовала тогдашняя простоватость нравовъ: нынѣ, въ нашъ депозитный вѣкъ, врядъ ли кого обманешь такой грубой штукой. Одушевленный быстрымъ успѣхомъ, Петрушка промѣнялъ 16 пятирублевыхъ за 160 руб. вмѣсто осьмидесяти; капиталъ его быстро возрасталъ въ геометрической прогрессіи: изъ 160 рублей онъ сдѣлалъ 320, 640, 1280 и наконецъ остановился на 10 тысячахъ ассигнаціями. Разумѣется такую опасную операцію онъ совершилъ въ теченіе не меньше полугода. Ни мать, ни отецъ не догадывались, чтобы ихъ оборванный Петрушка былъ обладателемъ 10 тысячъ ассигнаціями: такъ онъ умѣлъ скрыть отъ всѣхъ свои продѣлки. Вскорѣ послѣ обогащенія Петрушки ассигнаціи вышли изъ моды и замѣнились депозитками. Петрушка попробовалъ было дѣлать съ ними опыты, подмачивая углы чаемъ, но опыты не удавались.

Случайное несчастье въ семьѣ, и вслѣдъ за нимъ другое, остановили на время гѣніальные подвиги моего героя.

Однажды отецъ его относилъ сапоги къ лакею какаго-то богатаго московскаго барина, и, не смотря на слезы матери и Петрушки (онъ былъ любящій сынъ) не воротился домой ни въ тотъ день, ни на другой. Дѣло въ томъ, что когда онъ проходилъ съ сапогами черезъ огромный барскій дворъ въ затрапезномъ халатѣ, то на него напали три огромныхъ бульдога и страшно его изгрызли. Сбѣжавшаяся дворня насилу разогнала остервенившихся церберовъ; несчастнаго подняли почти полумертвымъ и тотчасъ же отправили въ больницу. Больничный докторъ—благороднѣйшій человѣкъ—написалъ тотчасъ рапортъ своему начальству со словъ умирающаго и дѣло загорѣлось серьезно. Дворецкій барина тоже былъ паренъ не прѣмахъ: тотчасъ же велѣлъ увезти со двора бульдоговъ и привести другихъ собакъ съ бывшей по сосѣдству собачьей площадки, привязавъ ихъ на цѣпь, доложилъ тотчасъ барину, который, чуя бѣду, тотчасъ съ своей стороны написалъ донесеніе, что какой-то «неизвѣстный человѣкъ», въ затрапезномъ халатѣ, былъ жестоко укусанъ на его дворѣ «чыми-то» забѣжавшими на дворъ собаками. Пошло разслѣдованіе, нагрянула полиція, распорядилась отвязать вновь приведенныхъ собакъ и привести передъ глаза несчастнаго бѣдника. Онъ, разумѣется, показалъ, что былъ уку-

самъ по этимъ собакамъ. Вся дворня подтвердила, вместе съ бариниою и управляющимъ, что кромя этихъ собакъ, *какажесъ дружица никогда не бывало на барскомъ дворе* и что онѣ были постоянно на кѣли. Можетъ быть сосѣди и знали про настоящихъ собакъ, и знали хорошо какъ происходило дѣло; но ктожъ захочетъ «ввязываться» въ чужое дѣло и тѣтаться съ сильнымъ человѣкомъ?... Боязливость, робость, съ которою мы (публика) смотримъ на всякое дѣло съ полиціей и съ судами извѣстнаго, но причинамъ извѣстнымъ (смотри сочиненія Щедрина и другихъ), самой-же полиціи особенно разыскивать тоже не было никакой особенной кѣли, въ силу того закона, что каждый почти начальникъ только и заботится о томъ, чтобъ подъ его вѣдѣніемъ все было тихо, чинно, смирно. За эту блаженную тишину были даже благодарны въ прежнее время. Мы (служащіе и неслужащіе) заботимся не объ искорененіи зла, подрывающаго безопасность дѣлано общества, а объ томъ только, чтобы въ нашей части, въ нашемъ домѣ, въ нашей квартирѣ «все обстояло благополучно.» Тотъ былъ и молодець, въ рапортчикахъ котораго двадцать лѣтъ еяду писалось: «все обстоитъ исправно, новато ничего нѣтъ.» Нынче, когда подняты правительствомъ всѣ жизненные вопросы на степенъ высокой цивилизаціи, принято за аксіому: «кто все скрываетъ и лежитъ на боку, у того ничего и не случается...» Но тогда было не такъ.

Оттого въ глухихъ улицахъ большихъ городовъ и на большихъ дорогахъ совершались по нѣскольку лѣтъ безнаказанно грабежи, разбои, убійства. Многіе знали по именамъ всю шайку мошенниковъ, или разбойниковъ, знали, гдѣ они живутъ, гдѣ скрываются, но никто не смѣлъ возвысить голосъ, боясь «ввязаться» въ непріятное дѣло. Услышавши крикъ несчастнаго, котораго обираютъ и колотятъ въ глухомъ переулкѣ, цѣлая толпа здоровыхъ мужчинъ не спѣшила на выручку бѣднаго своего собрата; а удалилась вскорѣй прочь, лишь бы не ввязаться въ «непріятную исторію».

Но я, кажется, опять заболтался. Бѣднакъ, помучившись сутокъ трое, померъ. Знатный баринъ совершенно оправдался. Онъ вынулъ добрую душу, и, если покривилъ душой тѣмъ, что отперся отъ своихъ собакъ, то загладилъ свой грѣхъ пятидесятью рублями ассигнаціями, которыя онъ выдалъ въ видѣ единовременнаго пособія несчастной вдовѣ.

Бѣдная мать Петрушки стала «запивать»; деньги были про-

лты, саможное заведоміе, разумѣется, прожито, или, правильнѣе, прожито. Къ чести Петрушки надо сказать, что онъ не воровалъ у матери ни копѣйки, напротивъ, онъ успѣлъ припрятать рублей съ сотню (девятнацѣтию, потому-что тогда ещё не привыкли считать на серебро). Изъ этихъ денегъ онъ прокармливалъ бѣдную мать, удерживая её, по возможности, отъ губительнаго порока. Однако, она скоро умерла въ больницѣ отъ бѣлой горячки, и въ простомъ деревянномъ гробѣ была отвезена на Ваганьково. Петрушка, конечно, похоронилъ бы мать на свой счетъ, но онъ въ это время ѣздилъ въ Петербургъ подавать прошеніе какому-то высшему лицу на незаконное рѣшеніе дѣла объ зарыженномъ его родителемъ собакамъ такою-то, *объ исходатайствованіи вспоможенствования нищенствующему сынову*. Имѣя десять тысячъ капитала, Петрушка могъ легко доказать свое нищенство, правоту своего дѣла, при помощи искусныхъ адвокатовъ. Тѣ самые сосѣди знатнаго барина, которые, зная о происшествіи, при его жизни не смѣли и выкинуть — теперь, по его смерти заговорили громко. Петрушкѣ, или Петру Петрову, только этого и было нужно. Заварили снова дѣло, снова начали *переслѣдовать*, потянули свидѣтелей, тѣ подъ присягой показали *сущую правду*. Разумѣется, досталось прежнимъ слѣдователямъ по орѣву: кто лишился мѣста, кто пошелъ недѣ судъ. Присудили, чтобы наследникъ богатаго барина или одновременно выдалъ три тысячи серебромъ, или опредѣлилъ по двѣсти рублей серебромъ ежегоднаго пожизненнаго пособия сыну пострадавшаго — ибѣднику Петру Петрову Булжнику. Наслѣдникъ, чтобъ поскорѣй развязаться съ такимъ неприятнымъ дѣломъ, отвалилъ сразу три тысячи, продалъ имѣніе, домъ и уѣхалъ за границу. Вотъ теперь Петръ Петровъ, за всѣми трагедіями, имѣлъ ололо пяти тысячъ серебромъ чистаго капитала. Достигнувъ совершеннолѣтія, побывавъ въ просвѣщенномъ Петербургѣ, онъ сдѣлался гораздо умнѣе и омытнѣе. Грамоти и письму онъ успѣлъ выучиться, благодари ревностному желанію дѣлать *фальшивыя депозитки*. Теперь, конечно, онъ изъ головы выкинулъ этотъ опасный промыслъ, а сталъ думать о томъ, *пришиться-ли въ купцы, или сдѣлаться дворникомъ*. Но какъ *сдѣлаться?* легко сказать!.. Но тамъ, гдѣ его гениальный умъ становился въ туннѣ — сама судьба ему помогала. — Проходя однажды мимо какого-то уличнаго питейнаго заведенія, онъ увидѣлъ валяющагося въ грязи чловѣка во фракѣ. — Онъ хотѣлъ

было пройти мимо, но какая-то невидимая сила подтолкнула его войти въ питейный домъ. Спросивши, для проформы, шкаликъ водки, до которой не былъ охотникъ, онъ старался разузнать, кто этотъ несчастный, что валяется у дверей.

— Какой-то отставной чиновникъ, отвѣчалъ нѣхотя цѣловальникъ.

— Отчего же его не подбираетъ полиція?

— Да ужъ и полиціи надоѣло его подбирать: каждый день такъ валяется.

— Отчего же здѣшній содержатель заведенія объ этомъ не позаботится? ну, если онъ умретъ у вашихъ дверей, — вы же будете отвѣчать? такъ?

— Намъ какое дѣло? — продолжалъ цѣловальникъ, откупоривая шкалики: — лишь-бы пилъ, да деньги платилъ, а какъ свалится, такъ мы его и вытащимъ за двери...

— А вы не знаете, гдѣ онъ живетъ?

— Гдѣ день, гдѣ ночь!

— Чай онъ и паспортъ свой пропилъ?

— Нѣтъ, паспортъ при немъ, онъ намъ показывалъ: — служилъ сколяскимъ секретаремъ гдѣ-то въ дальней губерніи, да подалъ въ отставку.

Свѣтлая мысль озарила голову Пегра Петрова; онъ разстегнулъ фракъ валяшагося чиновника, выпулъ его формулярный списокъ и отправился въ находящійся противъ трактиръ. Потребовавъ себѣ стаканъ пива, онъ сталъ читать формуляръ горемыки, поглядывая на него изъ окна, чтобъ будочникъ не подобралъ его. Но, зная, такая была глухая улица, что будочникъ, стоя въ трехъ шагахъ отъ питейнаго, дремалъ преспокойно, опершись на алебарду. Изъ формуляра герой мой узналъ, что чиновникъ Булыжниковъ служилъ въ 183... въ такой-то палатѣ, получилъ три чина на службѣ, уволенъ въ отставку, по собственному его прошенію, что онъ не имѣетъ ни роду, ни племени и никакого недвижимаго имущества за нимъ не состоитъ.

Все затрудненіе состояло только въ томъ, что чиновникъ назывался Петромъ Ивановичемъ, а не Петромъ Петровичемъ. Но развѣ такія бездѣлицы могутъ поставить въ тупикъ умнаго, и къ тому же денежнаго человѣка? Онъ тотчасъ кликнулъ двухъ стоящихъ у трактира извозчиковъ, на одни дрожки велѣлъ взвалить Булыжникова, на другіе сѣлъ самъ, и пріѣхалъ домой. Видя почернѣвшее съ нерепюю лицо несчастнаго, пѣну у рта, онъ

отвезъ его тотчасъ въ больницу. Какъ бы тамъ дѣло ни сдѣлалось, но несчастный пьянчуга впалъ вскорѣ въ бѣлую горячку и умеръ безвѣстнымъ бродягой—«безъ письменнаго вида»—въ больницѣ.

Пославши въ N-ую палату, гдѣ служилъ умершій, подробное письмо и приложивъ къ нему *критичные документы*; онъ, по полученіи отвѣта, превозгласилъ себя отставнымъ коллежскимъ секретаремъ Петромъ *Петровичемъ Булыжниковымъ*.

Совершивши столько подвиговъ, можно бъ было, кажется, опочить на лаврахъ, то есть, жениться тысячахъ на десяти съ придачею пяти-пудовой купеческой дочки, купить домикъ, пустать жильцовъ и тому подобное. Но развѣ Наполеонъ, побѣдивши Австрійцевъ при Лоди, и Александръ—Персовъ при Граникѣ остановились на этихъ подвигахъ?

Мой Наполеонъ, Петръ Петровичъ, прошолъ съ достохвальнымъ рвеніемъ нѣсколько самыхъ разнообразныхъ поприщъ. Еслибъ я не боялся удлинить и безъ того длинное повѣствованіе, то описалъ бы ихъ съ историческою вѣрностію. Вы, читатель, вѣроятно слышали, какъ таетъ соль въ каменныхъ магазинахъ съ крѣпкими потолками и желѣзной крышей? Вамъ, конечно, извѣстно, какъ крысы поѣдаютъ именно самые казусныя дѣла, словно онѣ, крысы, прежде чѣмъ съѣсть *дѣло*, прочитывали его и рѣшали, стоитъ ли его уничтожить, или нѣтъ? Вамъ, можетъ быть, случалось удостовѣряться собственными глазами какъ изъ осколковъ камня, при постройкѣ казенныхъ зданій, созидаются груды мусору, весьма удобныя для постройки пятиэтажныхъ домовъ на Невскомъ?.. Вообразите что нибудь подобное, и вы получите полное понятіе о дѣятельности Петра Петровича.

Я только считаю необходимымъ рассказать про его женитьбу, то есть, довести его до той точки благосостоянія, съ которой начался рассказъ мой про дома, лавки, бани и прочее.

Прослуживши въ двухъ-трехъ мѣстахъ, одно другаго теплѣе,—мой Петръ Петровичъ убрался въ спасительную отставку. Сколотивши себѣ тысячъ семьдесятъ капиталу, и имѣя не болѣе сорока лѣтъ отъ роду, онъ началъ прекрасно разсуждать о безкорыстіи, о счастіи тихой семейной жизни въ уютномъ домикѣ, подъ тѣнію каштановъ, или даже, за неимѣніемъ ихъ, подъ тѣнью елокъ и березъ. Полный такихъ идиллическихъ мыслей, онъ купилъ, за половинную цѣну, каменный двухъ-этажный

домъ въ Москвѣ, съ лавками, погребками и всевозможными службами.

Домъ стоялъ на отличномъ мѣстѣ, близъ Охотнаго ряда (въ Москвѣ), и въ нѣсколько лѣтъ окупился. Отдавая капиталъ за безгрѣшные 40 процентовъ «подъ вѣрныя, разумѣется, залоги», онъ нажилъ полтора ста тысячъ чистагану и въ придачу домъ. Но и этого было мало. Его поэтическая душа, перелетая Москву-рѣку, летѣла въ предѣлы Замоскворѣчья, къ пяти многоэтажнымъ домамъ, обладателемъ которыхъ былъ (положимъ) купецъ Хныкинъ. У этого купца была дочь, за которой давалось полмилліона приданнаго. Конечно, полтора ста тысячъ—хорошій капиталъ, титулярный совѣтникъ Петръ Петровичъ—превосходнѣйшій человекъ, безпорочный по службѣ, но все таки купецъ Хныкинъ полумилліонной дочери за него не отдастъ. Купцу Хныкину хотѣлось бы къ этой половинкѣ милліона принскать другую половинку, и тогда, не разбирая ни рожи, ни кожи, онъ заставитъ свою Агафьюшку выйти за полумилліонера. Агафьюшка дочь купечья, воспитана въ страхѣ Божіемъ, дальне Всѣхъ Скорбящихъ (царкви) свѣту не знаетъ, слѣдовательно, тятенькиной воли ослушаться не посмѣетъ.

Что тутъ дѣлать Петру Петровичу? Всякій баринъ, желая жениться на такой золотой невѣстѣ, завелъ бы великолѣпныхъ лошадей, дарилъ бы невѣстѣ тысячные подарки, раззорился бы вчужь, чтобы выказать свое богатство. Но Петръ Петровичъ поступилъ совершенно не такъ: онъ являлся къ тестю въ поношенномъ сартучкѣ, трясся надъ каждой копѣйкой. Такая расчетливость внушила въ скрягѣ купцѣ самое высокое понятіе о Петрѣ Петровичѣ. Сколько Хныкинъ ни разсылалъ лазутчицъ пронюхать о состояніи этого достойнаго человека, все онѣ, даже безсовѣстно пригнувши, показали, что капиталу у него до трехъ сотъ тысячъ, да домъ тысячъ въ сорокъ. Все это не полмилліона,—и дѣло начинало расклеиваться.

Однажды Петръ Петровичъ, воротясь къ полудню домой, велѣлъ призвать двухъ плотниковъ съ топорами; и когда они пришли, онъ приказалъ прорубить сзади комода четырехъ-угольное отверстіе въ пол-ширины ящика. Такое же точно отверстіе онъ велѣлъ вырубить въ задней стѣнкѣ ящика, а другое, такое же точно, въ стѣнѣ. Однимъ словомъ, всѣ три отверстія, то есть въ стѣнѣ, къ которой былъ приставленъ комодъ, въ задней стѣнѣ самого комода и въ задней стѣнкѣ ящи-

ка, прямо приходились одно шодѣ другаго, и все доложенное въ прорубленный ящикъ комода могло быть легко вынуто человекомъ, находящимся за стѣной, въ сосѣдней комнатѣ. Совершивъ такую операцію, онъ выслалъ человека подѣ предлогомъ отсылки письма на почту, рассчиталъ плотниковъ, строго приказавъ молчать обо всемъ и обѣщая за скромность хорошую награду. Оставшись одинъ, герой мой повѣрилъ лежащія въ сундукѣ средней комнаты полтораста тысячъ; разложилъ серіи и депозитки на совершенно одинаковыя цятнадцать пакечекъ, по десяти тысячъ въ каждой, Такъ какъ серіи и депозитки были самыя крупныя, то занимали мало мѣста и могли быть легко уложены въ одинъ уголокъ комода. Однимъ словомъ сдѣланный по заказу комодъ съ тремя ящиками, былъ такъ хорошо рассчитанъ по размѣру, что полтораста тысячъ серебромъ занимали акуратъ четвертую часть комода. Последній былъ обнесенъ высокой рѣшеткой, на подобіе тѣхъ, какія дѣлаются около казенныхъ сундуковъ съ деньгами. Сундукъ съ деньгами былъ приставленъ къ той же самой стѣнѣ, къ какой и комодъ, только въ другой комнатѣ. Кромѣ двери, соединяющей эти двѣ комнаты, было повѣшено драпри, которое было опущено, для того, чтобъ гость присутствующій въ комнатѣ, гдѣ стоялъ комодъ, ничего не могъ видѣть въ комнатѣ, гдѣ стоялъ сундукъ. Рѣшетка около комода, была устроена предусмотрительнымъ Петромъ Петровичемъ для того, чтобъ посторонній посѣтитель не могъ заглядывать въ глубь прорубленного ящика, когда его открываютъ, или, что нибудь въ него кладутъ.

Надо сказать, что не смотря на уклончивость купца Хныкина, выдать за моего героя свою дочь, тотъ и другой ходили другъ къ другу въ гости. Среди многихъ пріятелей Петра Петровича, былъ одинъ его *закадычный*— купецъ Обираевъ—лютый врагъ Хныкина, грабитель въ лавкѣ, но честный дома и въ гостяхъ, какъ Аристидъ. Его—то мой герой избралъ сообщникомъ въ исполненіи своего геніальнаго плана.

Булыжниковъ, зная, что Хныкинъ непременно, въ семь часовъ вечера, придетъ къ нему въ гости, принялся считать свои капиталы, лежащія въ сундукѣ. Когда Хныкинъ вошелъ въ комнату, гдѣ былъ комодъ, то засталъ моего героя въ этомъ занятіи.

— А, прошу покорно! А я повѣркой денегъ занялся,—сказалъ Петръ Петровичъ, облобызавшись съ Хныкинымъ.

— И доброе дѣло! отвѣчалъ Хныкинъ.

— Не хотите ли мнѣ помочь? а то я съ этой повѣркой, до ночи прокопаюсь.

Хныкинъ любя, по скупости своей, пересчитывать какія бы то ни было деньги, и желая «настояще» узнать, какъ богатъ Петръ Петровичъ,—съ радостью на это согласился.

Въ это время, вошелъ Обираевъ, заранѣе подговоренный, и оба купца, не смотря на вражду, троекратно облобызались.

Хныкинъ видѣлъ, что Обираевъ не принесъ съ собою никакихъ пачекъ, мѣшковъ, или шкатулокъ; значить, въ умѣ Хныкина не могло возникнуть никакихъ сомнѣній и подозрѣній.

— Вотъ и вы мнѣ помогите!

— Въ чемъ? спросилъ простодушно Обираевъ, здороваясь съ моимъ героемъ.

— Мнѣ надо, къ завтрашнему дню, свести приходы съ расходами, такъ я хочу пересчитать всѣ мои деньги.

— Пожалуй! отвѣчалъ Обираевъ.

— Такъ вы, Михѣй Михѣичъ (Обираевъ), носите мнѣ изъ той комнаты пачки, а вы Евсей Евтѣичъ (Хныкинъ), пересчитывайте деньги въ каждой пачкѣ. Я же буду принимать отъ васъ связанныя пачки и укладывать въ ящикъ. Счетъ не трудный, потому, что въ каждой пачкѣ ровно по десяти тысячъ серебромъ.

Между тремя богачами честными — исключая развѣ коммерціи и разныхъ промысловъ—недовѣрія быть не могло.

Обираевъ тотчасъ отправился въ другую комнату къ отпертому сундуку, началъ носить оттуда пачки и передавать на столъ Хныкину. Хныкинъ, удостовѣрившись, что въ пачкѣ десять тысячъ, перевязывалъ ее, дѣлалъ надпись: *10,000 серебромъ* и передавалъ еѣ Петру Петровичу, который клалъ еѣ въ комодъ. Но такъ какъ комодъ имѣлъ черезъ отверстіе сообщеніе съ сосѣдней комнатой, то уложенныя въ комодъ пачки, Обираевъ снова вынималъ изъ комода и снова приносилъ ихъ къ Хныкину, только сорвавъ бумажку, надъ которой подписывалъ Хныкинъ число денегъ.

Такимъ образомъ, *полтора ста тысячъ* Булыжникова *четыре раза* прогулялись сквозь комодъ и показались Хныкину *за шестьсотъ тысячъ*. Когда началась свѣрка,—у всѣхъ троихъ оказалось по счету *шестьдесятъ* пачекъ, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, ихъ было только *пятнадцать*. Наконецъ, расчетъ сдѣ-

днѣ, комодъ запертъ, и дѣло кончено. Хныкинъ, на силу скрывая радость, что такой достойный человекъ, какъ Петръ Петровичъ, имѣетъ, кромѣ того, 600,000 капитала и домъ. Подозрѣнїя въ томъ, что эти деньги не Петра Петровича, быть не могло, потому что такой огромной суммы родной отецъ не дастъ взаймы человекъ, который не имѣетъ своей такой же суммы. Притомъ, что могло быть вѣрнѣе, когда Хныкинъ черезъ собственные пальцы перепустилъ шестьсотъ тысячъ! Теперь ужь не Петръ Петровичъ заискивалъ расположеніе будущаго тестя, а наоборотъ. Дѣло сладилось, къ обоюдному удовольствію обѣихъ сторонъ. Петръ Петровичъ, передъ отъѣздомъ на свадьбу, получилъ полмилліона рублей серебромъ, изъ которыхъ двѣсти пятьдесятъ тысячъ были положены въ ломбардъ, а остальные 250—прямо въ сундукъ моего героя.

Съ купцомъ Хныкинымъ чуть не сдѣлался ударъ, когда онъ узналъ о такомъ ловкомъ обманѣ. Однако, онъ скоро примирился съ мыслию объ обманѣ, потому что зналъ, что его деньги попали въ надежныя руки. При свиданіи съ зятемъ, тесть часто говаривалъ: первыхъ мошенниковъ въ мірѣ обманывалъ, однако, наскочилъ на такого плута, который и меня за поясъ заткнулъ! Петръ Петровичъ, за эту штуку, пользовался особеннымъ уваженіемъ между богатой родней жены, потому что плутовство считается однимъ изъ высочайшихъ достоинствъ человека между многими купцами.

Ко всѣмъ своимъ качествамъ, Петръ Петровичъ былъ еще весьма настойчиваго характера. Это мы видѣли отчасти изъ го прошедшаго, но еще яснѣй можно было въ томъ убѣдиться изъ одного весьма недавняго случая.

Петръ Петровичъ не любилъ посить съ собой денегъ, ни большихъ, ни малыхъ. Если ему случалось заходить въ трактиръ наняться чаю, который онъ очень любилъ, то, вмѣсто расплаты, говорилъ хозяину трактира: за мной.—Такъ какъ богатство Петра Петровича было всѣмъ извѣстно, то каждый трактирщикъ охотно вѣрилъ богачу, и передъ новымъ годомъ подавалъ счетъ рубли на два, на три, смотря по числу сказанныхъ *за мной*. Какой-то богачъ, содержатель одной изъ богатѣйшихъ московскихъ ресторацій, потерпѣвшій убытокъ отъ одного изъ коммерческихъ столкновеній съ Петромъ Петровичемъ, рѣшился отучить его пить чай и закусывать въ долгъ.

Однажды, когда герой мой, выпивши и закусивши въ этой богатой рестораціи, напилъ—наѣлъ рубля на два, то, по обыкновенію, уходя сказалъ: за мной!

Но въ это время половой, заранѣе наученный, не хотѣлъ вѣрить въ долгъ и позвалъ хозяина.

— Развѣ вы не знаете, кто я? сказалъ Булыжникъ:—что не вѣрите на какихъ пибудь два рубля человѣку, у котораго состоянія нѣсколько миліоновъ?..

— Мы не обязаны знать, у кого сколько состоянія, а по нашему такъ: ѣлъ, пилъ, такъ денежки подай! А нѣтъ денегъ, такъ и шубу снимемъ. Денегъ у Петра Петровича дѣйствительно при себѣ не было, и онъ долженъ былъ оставить шубу въ залогъ.

— Ну, ладно! онъ мой я пошелъ съ Богомъ по морозцу къ одному знакомому купцу, который пресмыкался постоянно около Петра Петровича, хотя имѣлъ почти такое же, какъ онъ, состояніе.

— Дай мнѣ, братецъ, твою шубу и поѣдемъ ко мнѣ.

Слова Петра Петровича были для купца закономъ. Купецъ, (Охапкинъ, положимъ)—надѣлъ свою отличную шубу *собственноручно* на Петра Петровича и оба отправились на собственной лошади Охапкина, которая была—говорятъ—жирнѣе *вѣдъ* купеческихъ жонъ замоскворѣчья.

— Какъ ты думаешь, за сколько продать хозяинъ свой домъ, который стоитъ подлѣ рестораціи *такаго-то*?

— Я думаю тысячь за 40, если хорошенько поторгаться.

— Завтраже покупай! Объ убыткѣ не заботься: это мое дѣло.

За сорокъ тысячь купленъ былъ такой домъ, который и тридцати врядъ ли стоилъ.—Петръ Петровичъ приплатился тысячью десятью изъ своего кармана. Отдѣлка тоже обошлась Петру Петровичу тысячь до четырехъ (серебромъ, конечно) — вотъ ужъ четырнадцать тысячь. Когда былъ отдѣланъ домъ, Петръ Петровичъ сказалъ Охапкину:

— Открывай ресторацію такую же точно, какъ ресторація *такаго-то* (та, гдѣ сняли шубу моего героя).

Охапкинъ осмѣлился-было возразить, что пѣтъ никакаго расчета, рядомъ съ извѣстной рестораціей, открывать другую. Кто

же предпочесть въ новооткрывшуюся, когда всё привыкли къ прежней? старый другъ лучше новыхъ двухъ.

— Не твое дѣло, дѣлай, какъ велятъ!

Охалкина открылъ ресторацію, завелъ все для нея необходимое, то есть, убилъ тысячь пятьдесятъ Петра Петровича.

Убивши 64,000 и открывши новую ресторацію, герой мой велѣлъ Охалкину завести всё тѣ удобства, какія были въ стоящей рядомъ, и, кромѣ того, приказалъ отпускать все, хоть полкопѣйкой, хоть копѣйкой, дешевле, чѣмъ въ старой рестораціи. Сначала, разумѣется, герой мой, дѣйствовавшій именемъ Охалкина, терпѣлъ только одни убытки, потому что публика, по привычкѣ, посѣщала старую ресторацію, и рѣдко-рѣдко кто изъ любознательности заходилъ въ новую. По прошествіи мѣсяцевъ двухъ, пошли слухи, что въ новой рестораціи и чай лучше, и порціи больше, и водка крѣпче, и прислуга вѣжливей, и органъ благозвучнѣе и притомъ — все дешевле. Прошелъ годъ; число посѣтителей старой рестораціи стало быстро уменьшаться, наконецъ, она совсѣмъ опустѣла. Хозяинъ, убившій на нее почти весь свой капиталъ, сталъ терпѣть страшные убытки, наконецъ совсѣмъ закрылъ ее, а открылъ ресторацію побѣднѣе и подалнѣе отъ центра города. Тутъ хоть не было такихъ чистыхъ посѣтителей, какъ въ прежней, но, за то, извозчики, купцы изъ лавокъ близъ лежащаго рынка съ утра до вечера дули чай, облѣпивъ, какъ мухи, двадцать четыре чайныхъ стола. Расходъ на водку, на закуску, на столъ—былъ огромный, слѣдовательно, приходъ—еще больше. Хозяинъ, оскорбившій Петра Петровича, началъ опять лѣзть въ гору.

Но въ самую счастливую минуту его жизни, когда онъ, похрипавши приходъ, считалъ чистаго барыша 20 тысячь. — онъ получаетъ извѣстіе, что неумолимый Петръ Петровичъ хочетъ, напротивъ, подъ именемъ Охалкина, открыть новую ресторацію «со всѣми удобствами». Тогда, обидѣвшій моего героя, недолго думая, поѣхалъ къ Петру Петровичу и—бухъ ему въ ноги! — Отецъ, родной, помилуй! возопилъ первый.

— Будешь впередъ снимать съ посѣтителей шубы, свинья? сказалъ Петръ Петровичъ.

— И дѣтамъ, и внукамъ, и правнукамъ закажу этого не дѣ-

латъ, только не раззори! Въдь наслу, отецъ, двадцать тысячъ сколотилъ!

— А я съ новаго трактира 50 тысячъ нажилъ, воротивши всѣ убытки,—сказалъ ему на это, самодовольно улыбаясь, Петръ Петровичъ.

ПЕТРЪ ГОРСВІЙ.

ОПЫТЪ ПОЭМЫ

НА

ПРЕЪЗДЪ НАЧАЛЬНИКА ГУБЕРНІИ.

(Посвящается Н. П. Баллину.)

I.

Начальникъ новый къ намъ назначенъ,
Вопросомъ каждый озадаченъ,
Пошли работать языки:
«Какое-то?—говорять, что молодъ....
И сразу затихаетъ городъ,...
Смѣются хитро «Сквозники»:
—Бѣда, коли случится старый,
А съ молодымъ концы сведемъ;
Сначала, точно, будетъ ярый,
Но успокоится потомъ....»

II.

Вотъ у отведенной квартиры
Маячатъ разные мундиры;
Воздвиглись будки; предъ крыльцомъ —
Уже посыпано пескомъ....
Толпа пестрить.... и приставъ частный,
Совсімъ измучился, несчастный,
Весь отошаль, три дня не ѣлъ:
Онъ все къ шлагбауму глядѣлъ.

III.

Вотъ ѣдетъ....
Прежде въ тарантасѣ
Исправникъ съ окружающимъ летать

И на измученномъ пегасѣ
 Какой-то сотскій съ ними врьдъ,
 Безъ шапки, блѣденъ весь отъ страху....
 Гдѣжь полицмейстеръ господя?
 Ужь не случилась ли бѣда —
 Не далъ ли онъ какого маху?
 Да какъ не дать! совсѣмъ пропалъ :
 Не въ ту онъ улицу попалъ!

IV.

Во весь опоръ карета мчится,
 Свистятъ форейторы, кричатъ,
 Звонки ваддайскіе звенятъ
 И мостовая вся пылится....
 Бѣжитъ народъ со всѣхъ сторонъ,
 Купцы, чиновники и дамы,
 Глядятъ всѣ жадными глазами
 И только слышится: «онъ! онъ!»
 И полицмейстеръ появился —
 У экипажа суетился
 Забормоталъ, дрожа, что могъ....
 (Сойти начальнику помогъ),
 А тотъ переважно далъ замѣтить,
 Что не умѣлъ, какъ должно встрѣтить :
 — Не для меня, не для меня,
 Но это нужно-бъ для порядка —
 И полицмейстера три дня
 Трясла презлая лихорадка....

V.

— Ну, вотъ, пріѣхалъ наконецъ;
 А мы измучились — все ждали....
 Дождались! Видно, молодецъ!
 Три лошади подъ нимъ загнали!
 Какъ думаете — золь? сердить?
 — Судя по лошадямъ, быть можетъ....
 (Всѣхъ это нѣсколько тревожить).
 «Онъ молодъ.... тридцать лѣтъ на видъ,
 Онъ холостъ.... мы его тутъ женимъ,

И понадесть женѣ подѣ власть!
 Ну, завтра вѣдь поклонъ класть —
 Мундиры чуть заря надѣнемъ!»
 Такъ говоръ шолъ «изъ края въ край»
 И разошлись всѣ очень кротко —
 Чиновники пошли пить чай,
 А прочіе въ кабакъ пить водку.

VI.

Ту ночь до утренней зари
 Свѣтлѣ солнца фонари
 По главной улицѣ горѣли;
 Не дремля, на своихъ мѣстахъ
 Вездѣ дежурные сидѣли,
 И часовые на часахъ
 У казначейства горло драли,
 Во всеуслышанье: «слушай!»
 Какъ сумасшедшіе, кричали,
 Собаки даже будто знали,
 Усерднѣй подняли свой лай....

Чиновники ямайскимъ ромомъ
 Покрѣпче заправляя чай,
 Все со вторымъ возились томомъ;
 То тотъ, то этотъ параграфъ
 За старыя грѣхи, за взятки
 Пророчилъ имъ, иль судъ, иль штрафъ.
 Душа ихъ уходила въ пятки!

VII.

На утро суета суетъ —
 Бѣгутъ цирюльники чуть свѣтъ,
 Тутъ брѣютъ частнаго, тамъ члена,
 Не могутъ сами.... дрожь въ рукахъ....
 Обрѣжешь губу въ торопяхъ,
 Иль подбородокъ.... непременно!
 Но вотъ готовы: все вверхъ дномъ —
 Забѣгали изъ дома въ домъ,

Вездѣ идетъ вооруженье —
 Какъ будто шлютъ ихъ въ ополченье....
 Какая смѣсь мундировъ, шпагъ,
 Рапортовъ и другихъ бумагъ!

VIII.

Насупясь ѣдутъ.... какъ гондолы,
 На головахъ ихъ треуголы,
 Расшитые воротники,
 Узоры клапановъ, лампасы,
 Сіяютъ всѣхъ разрядовъ классы,
 Горятъ отъ солнца темляки,
 А сердце бьетъ свою тревогу....
 Народъ, давая имъ дорогу,
 Трунить «поѣхали крюки!»

IX.

Вотъ собрались все въ залъ—жмутся,
 Глядятъ на мебель, въ потолокъ....
 То тамъ, то здѣсь другъ друга толкъ....
 Тоска беретъ, ждуть—не дождутся....
 Минута вѣчностью для нихъ....
 Но вотъ—шаги изъ кабинета....
 «Такъ точно.... слышите.... онъ это....»
 Пронесся шопоть и затихъ.
 И онъ вошелъ въ своемъ мундирѣ,
 Заносчиво окинулъ всѣхъ....
 (Меня душилъ какой-то смѣхъ,
 Но я, изъ самыхъ храбрыхъ въ мирѣ,
 Не смѣлъ разинуть рта по-шире)
 У всѣхъ по членамъ пробѣжалъ
 Какой-то неприятный холодъ,
 И дыбомъ волосы поднялъ.....
 Вдругъ рѣчью огласился залъ:

X.

«Рекомендуюсь, — я хоть молодъ,
 Но опытенъ и.... жизнь отдамъ....
 Вскрывать пакеты буду самъ!

Для общей пользы, для отчизны —
 Все до послѣдней капли жизни.
 Того же требую отъ васъ,
 Прошу радѣть объ общемъ благѣ
 На дѣлѣ, а не на бумагѣ, —
 О долгѣ помнить каждый часъ,
 И править ввѣренною частью
 Съ усердіемъ и даже съ страстью —
 Чтобъ каждый свой предметъ любилъ,
 Хотя-бъ журналъ входящій былъ....
 Рапорты, жалобы, прошенья —
 Все требуетъ любви и рвенья;
 Какъ вопль зывающаго къ намъ
 Роднаго, близкаго, собрата,
 Бумага намъ должна быть свята,
 Близка чиновничьимъ сердцамъ....
 Служа общественному благу,
 Вы ех officіо должны
 Любить и уважать бумагу —
 За то васъ ждуть кресты, чины....
 Служащіе, я знаю, падки
 На акциденціи, на взятки....
 Я этой язвы не люблю —
 Въ отцѣ родномъ не потерплю;
 Съ безстрастьемъ, полнымъ гражданна,
 Присяги помня долгъ святой,
 Подъ судъ отдамъ роднаго сына,
 За взятый рубль — за грѣхъ такой;
 Жена и дѣти — фраза только,
 Которой не хочу я знать....
 И если надобно взыскать,
 Взыщу — не пощажу нисколько....
 Предупреждаю, господа,
 Предупреждаю васъ заранѣ,
 Долгъ, истина — на первомъ планѣ,
 Законъ и безпристрастье.... да!

XI.

Сѣдя головы предъ нимъ стояли,
 Ему комически внимали,

Что слово—то земной поклонъ,
 И думали: «эхъ, молодъ онъ!
 Довольно разнаго въ немъ бреду....
 Куда-то будетъ онъ въ обѣду?»
 Развѣхались всё по мѣстамъ,
 И подняли тревогу тамъ:
 «Калоши спрячьте! прочь шинели!
 Да покурите порошкомъ....
 Тьфу! колбасу вы съ чеснокомъ,
 Должно быть, экзекуторъ, ѡнъ?»
 — Нѣтъ-съ, старья дѣла повѣли....
 «Убрать ихъ прочь! убрать долей!
 Да что вы, будто не живой,
 Иль постъ у васъ, три дня не ѡнъ?»
 — То говорили колбасу
 ѡнъ съ чеснокомъ, теперь пощуся,
 Замѣтилъ экзекуторъ, груся,
 Что губернаторъ на носу....

XII.

Не весело садятся члены,
 Нахмуривъ бровь, повѣся носъ;
 Дрожать проклятыя колѣни,
 Береть непрощенный морозъ;
 Не могутъ сразу подписаться,
 И шибко подмахнуть крючка —
 Имъ измѣнцегъ икъ рука,
 Кричатъ, что перья не годятся,
 Что экзекуторъ куръ своихъ
 На перья общипалъ для нихъ —
 И желчно на него бранится;
 А экзекуторъ имъ въ отвѣтъ,
 Чтобы не больно очень записъ:
 «Цыпленка нѣтъ, индюшка нѣтъ,
 Не то, чтобъ курицы водились!»

XIII.

Находятъ, что мундиры жмутъ
 И панталонамъ какъ-то узки:
 «Портные всё негодны тутъ,

Самъ Чебановъ — короткой французскій —
 Ужасный, нестерпимый плугъ,
 Хоть на него у насъ здѣсь мода....
 — Что Петръ Магарычъ? — такъ.... кандра....
 Сегодня скверная погода,
 Не выхалъ-бы со двора....
 Чего-то ждешь, въ себѣ неволень....
 Хотѣлъ рапортъ подать, что боленъ,
 Да настояла ужъ жена:
 Всю ночь провела безъ сна....
 Въ мундиръ сама меня рядила,
 Приладила и шпагу мнѣ,
 Поцѣловала.... да!.... перекрестила....
 Жена — какъ слѣдуетъ женѣ....
 Дѣтишки тоже — всё за нею
 Руками охватили шею —
 Ну цѣловать меня въ лицо
 И проводили на крыльцо....
 У графа есть ли дѣти?

«Слышалъ....»

XIV.

«А согласитесь, къ намъ онъ въ залъ
 Вельможей настоящимъ вышелъ
 И рѣчь приличную сказалъ;
 У всѣхъ у нихъ такъ говорится:
 На первомъ планѣ долгъ, законъ,
 Жена и дѣти не резонъ,
 Пустая фраза.... не годится....
 Отчизна, молъ, превыше всѣхъ
 Привязанностей и утѣхъ!
 — А вы замѣтили, какъ строго
 Онъ въ Тяпкина глаза вонзилъ:
 Тотъ даже подался немного —
 И на себя не походилъ....
 Да, взглядъ его былъ очень ѣдокъ:
 Я знаю, дескать, васъ вотъ эдакъ:
 — А это слышали, какъ онъ
 Узлову прямо, sans façon,
 Сказалъ, какъ будто мелкой швабѣ:

— «Вѣдь вы просили объ отставкѣ?»
 Не правда-ль, что подобный тонъ
 При первой встрѣчѣ не умѣренъ?
 «Чтожь тотъ?» — Пробормоталъ: «намѣренъ!»
 А вретъ — и въ мысли не имѣлъ,
 И прямо въ «статскіе» глядѣлъ....

XV.

Ну, согласитесь, за кого же
 Онъ, право, принимаетъ насъ?
 Здорово не сказала сей-часъ
 Пошелъ хлестать чуть не по рождѣ...
 Ужели съ высоты величья своего
 Въ глаза намъ пая свой мундиръ великолѣпный,
 Воображалъ, что мы у ногъ его
 Подемъ, растянемся постыдно-раболѣпны?
 Ужель довольно одного
 Узоромъ шитаго мундира,
 Чтобъ человѣкъ сталъ родъ кумира,
 Высокопарно поднялъ носъ,
 Не уважалъ другаго человѣка
 И гиль обидную открыто несъ
 Наперекоръ всѣмъ убѣжденіямъ вѣка?
 Ужели только потому, что мы
 За разумомъ далеко не ѣзжали
 Въ училищахъ уѣздныхъ воспитали
 Свои домашніе умы,
 Хотятъ мѣшать насъ съ грязью черной?
 Благонамѣренность внушаютъ намъ,
 Рекомендуютъ честь... прошу покорно!
 Впередъ грозятъ... «подъ судъ отдамъ!»
 И хлещутъ ѣдкой солью въ уши—
 Какъ будто замерли въ насъ души,
 Какъ будто совѣсть, долгъ, законъ
 Для насъ не вѣдома доселѣ!
 Ахъ, Боже мой! глядите: это онъ...
 Подъѣхалъ экипажъ... Ахъ въ самомъ дѣлѣ!

XVI.

Всѣ поднялись... Гдѣжь встрѣтитъ намъ его?
 Въ присутствіи, или въ передней?

— Въ присутствіи! глядите, чтобъ тово...
 У нихъ не оберешься бредней!
 И завязался разный толкъ
 — Ну, такъ въ передней? чтобъ... не изумился!
 Такъ какъ же? гдѣжь?... Вдругъ говоръ смолкъ:
 Его Сіятельство явился...
 «Мы, чай, знакомы господа?
 — Имѣли-съ счастье... честь...—Ну да!
 Его сіятельство садится:
 — Зерцало старо, не годится—
 Позолотить и поновить...
 — Послали-съ золота купить.

XVII,

Пошли турусы на колесахъ,
 Нашъ графъ разсыпался въ вопросахъ:
 — А это какъ? да почему?
 Да какъ-же? ну-съ? да почему же?
 Не могутъ отвѣчать ему:
 Хотятъ поправиться—выходить хуже
 А графъ касается всего,
 Шумить... по мнѣнію его,
 Какъ видитъ онъ, весь край de jure
 Совсѣмъ погибнуть долженъ... да!
 А чтобы не погибъ въ натурѣ,
 De facto — я придумалъ господа,
 И то, и то...» и въ мигъ набросилъ очеркъ...
 (Я видѣлъ: твердая рука,
 Рѣшительный, красивый почеркъ!)
 «На этомъ кончимъ мы пока!»

XVIII.

И графъ поднялся... Всѣ толпою,
 За нимъ, подальше, стороною...
 Онъ въ канцелярію вошелъ:
 Писцовъ презрительно обвелъ,
 И имъ (Богъ вѣсть, что былъ за поводъ?)
 Онъ также объявилъ, что молодъ,
 Для службы жизнь готовъ отдать...

Пакеты будетъ самъ вскрывать!
 Всѣ руки опустя, предъ нимъ стояли;
 Секретари едва держали
 Взглянуть уградкой на него —
 Какъ бы сквозь слезъ...

XIX.

Къ нимъ графъ съ вопросомъ обратился:
 «Откуда кто, и гдѣ учился?»
 Кто изъ Лубенъ, кто изъ Прилукъ—
 Изъ городовъ малоизвѣстныхъ,
 И проходили курсъ наукъ
 Кто—дома, кто—въ училищахъ уѣздныхъ...
 «Прошу и требую отъ васъ—
 Не допускайте проволочекъ...
 Бумаги разрѣшать тотчасъ
 Безъ всѣхъ прижимокъ и отсрочекъ,
 А подчиненнымъ всѣмъ мѣстамъ
 Пишите строго—съ солью, колко...
 А если и за тѣмъ не будетъ толка,
 Тогда я напишу имъ самъ!!
 Укажу... даже циркуляру...
 Придать старайтесь больше жару,
 Сарказму...

Я отнюдь не прочь
 Васъ награждать, когда трудами
 Того заслужите вы сами,
 Готовъ и денежно помочь...
 (Тутъ всѣ ослаблились невольнo!)
 Но если надобно взыскать—
 Прошу васъ на усъ намотать
 Взыщу и будетъ оченъ больно!!
 Трудись, дни-ночи, пропадай,
 Изъ кожй лѣзь, а въ срокъ подай!
 Чтобъ все шло живо, скоро—быстро,
 Чтобъ такъ сказать текли дѣла...
 Особенно—notez cela—
 По предписаньямъ отъ министра...

XX.

У одного кровь прилила
 Къ вискамъ, съдой поднялся волосъ,
 Когда въ душѣ заговорилъ
 Язвительный, обидный голосъ,
 И старый секретарь себя спросилъ:
 «Зачѣмъ же я—до сѣдины дожилъ,
 Усердный, точный, регулярный,
 Съ рожденья, кажется, топилъ
 Труды и жизнь на днѣ чернилъ —
 Доселѣ только «титупарный?»
 Кто видѣлъ... кто когда нибудь
 Увидитъ, какъ въ избушкѣ душевной
 Я, горестной судьбѣ послушный,
 Сажу, надсаживаю грудь,
 Въ чернилахъ весь и дни и ночи,
 И изъ насущнаго куска,
 Бьюсь до потери силъ и мочи
 Въ печальной должности врюка?
 Кто видѣлъ ихъ—мои тѣ слезы,
 Когда послѣ отеческой угрозы—
 Отъ службы отрѣшиться, предать суду—
 Домой измученный, растерзанный приду:
 На встрѣчу выбѣгутъ жена и дѣти?
 О нихъ подумаю... ни пью, ни ѣмъ...
 Мои труды, терзанья, слезы эти!
 Ужели не отмѣчены никѣмъ?

XXI.

«Какъ дорогъ намъ начальникъ прежній
 Не изъ пустыхъ богатыхъ лежней,
 Изъ копистовъ, какъ и мы,
 Изъ неизвѣстности и жалкой тьмы
 Поднявшійся до генерала —
 Онъ, для кого, какъ и для насъ,
 Никто изъ предковъ не припасъ
 Ни титла громкаго, ни капитала!
 Но до всего своимъ умомъ,

Своими вѣчными трудами,
 Не брезгая работать съ нами,
 Добрался—и кого потомъ
 Мы дружно прозвали отцомъ...

.....

XXII.

....Ну, слава Богу!

Увѣхаль, провели до самаго порогу
 И даже за порогъ—и вдругъ
 Гдѣ взялся прежній, вольный духъ!
 Какъ изъ тюрьмы на свѣтъ пустили Божій,
 У всѣхъ повеселѣли рожи...
 Мундиры съ плечъ долой—и въ шкафъ,
 Всѣ въ сюртуки принарядились—
 Въ распросы, въ росказни пустились:
 — Ну, что понравился ли графъ?
 — Да чтожь! онъ очень бойко судить!
 О честности на весь кварталъ
 Съ ожесточеніемъ кричалъ...
 Посмотримъ, какъ съ откупщиками будетъ?
 Какъ приметъ ихъ... а до того
 Мы знать не можемъ ничего...
 Акцизный, говорятъ, уже являлся...
 — Онъ даже въ Петербургъ леталъ,
 Едва изъ писемъ прочиталъ,
 И тамъ въ столицѣ представлялся,
 Здѣсь о квартирѣ хлопоталъ...
 — Пожалуй: будутъ съ нимъ пріятели и други,
 Подумайте вы то: миллионъ!
 Въ Россіи-ли одной—гдѣ не силенъ?
 Насъ будутъ съ грязію мѣшать, гнуть въ дуги,
 Пятнать невѣріемъ въ насъ совѣсть, честь—
 И все, что человѣческаго есть,
 И тутъ въ глазахъ, усердно руки
 Милльону пожимать и жать,
 Съ собою рядышкомъ сажать.
 Сигаркой подбивать душистой,
 А насъ пугать отставкой чистой.

Обидно! кровь въ тебѣ кипитъ—
 Какой-то бѣсъ внутри мутитъ:
 — Какъ разглагольствовать извоили:
 Я буду взыскивать! я буду награждать!...
 Меня мой страстный духъ неволилъ
 Предъ всѣми ротъ ему зажать
 И въ слухъ на цѣлый залъ сказать:
 Что Царь насъ наградитъ, накажетъ,
 Когда заслужимъ мы того—
 Что все лишь отъ руки Его...
 Хотѣлъ сказать... да кто же скажетъ?

XXIII.

Проходитъ день, другой и третій—
 Не замолкаютъ толки эти:
 «Гдѣ былъ? какъ принялъ? что сказалъ?
 Какіе принимаетъ мѣры?
 Кого подъ судъ? кому отставку далъ?»
 Ну точно какъ во дни холеры:
 Всѣ озабочены и здѣсь и тамъ
 Сойдутся, шепчуть по угламъ,
 Всѣ блѣдны, лица точно вдовы
 Рѣчь о желудкѣ, о здоровьи...

XXIV.

О, думалъ я, не дай мнѣ Богъ,
 Чтобъ въ жизни букой стать я могъ,
 Чтобъ изъ пустой тщеславной жажды,
 Какъ злобный духъ, людей страшилъ,
 Чтобъ ближній мой хотя однажды
 Меня съ холерою сравнилъ!...
 О, какъ доволенъ я, что, къ счастью,
 Не связанъ никакою властью;
 Что можетъ рядышкомъ со мной
 Усѣсться смѣло ближній мой;
 Что ни богатою казною,
 Ни важнымъ саномъ, ни звѣздою
 Я не отличенъ отъ него—
 Что отъ рѣшенья моего

Ничей кусокъ насущный не зависитъ—
Что не дано мнѣ ни возвысить
И ни унизить никого—
И что судить злодѣя даже
Не буду властію судей,
Для блага общаго людей...
Что подо мною въ экипажѣ
Ужъ не загонять лошадей!!

И. СТОЖАНОВСКИЙ.

Мысли, чувства и возрѣнія статскаго совѣтника Салатушки.

Нѣтъ! Какъ хотите, а начальница моя рѣшительно съ ума сошла. Въ домѣ ея, на этихъ, какъ бывало прежде, умныхъ и солидныхъ вечерахъ стали уже появляться студенты и молодецкіе оеицерики. Это новое молодое поколѣніе рѣшительно для меня непереносимо. Валеріанъ Федосѣичъ (для моего печальника), не смотря на свой деликатный характеръ, не смотря на свое несчастное подчиненіе влѣнію жены, послѣднее время, наконецъ, вышла изъ терпѣнія и имѣлъ съ нею весьма непріятную ссору.

Надобно сказать, что въ этотъ крутой переломъ, который произошелъ въ половинѣ послѣдняго десятилѣтія, я и Валеріанъ Федосѣичъ очень хорошо поняли, что мы какъ-бы нѣсколько отстали отъ вѣка, и что для успѣха по службѣ намъ надобно подправить себя въ смыслѣ образованія; но какимъ образомъ было это сдѣлать? Сами согласитесь, на наукамъ же учиться и какимъ именно? Пробовали было читать *Revue des deux mondes*—не помогаетъ; ухватились было за энциклопедію законовѣдѣнія Невольна—ничего не поняли. Къ счастью, около этого времени сталъ выходить Русскій Вѣстникъ. Журналъ этотъ, я могу сказать по собственному опыту, рѣшительно способенъ научить не только какихъ нибудь департаментскихъ директоровъ, но и лицъ пемыню. На всѣ реформы, котораго только возможны въ головахъ нашихъ геніальныхъ преобразователей—членишниковъ, онъ сейчасъ-же отвѣчалъ, начиналъ ихъ раздѣлять, разрабатывать; и даже... что я говорю!... онъ дѣлалъ болѣе того: онъ еще иногда ранѣе насъ ставилъ какой нибудь общественный вопросъ, такъ что мы просто дождались членами и, разумѣется, не зная пользовались этимъ. Словомъ, услужь,

оказанныхъ этимъ журналомъ Россіи, я даже не въ состояніи перечислить. Хоть бы взять съ одного этого обличительнаго направленія, введеннаго имъ въ литературу. Читатель, можетъ быть, даже и не знаетъ, что не столько самое общество, сколько мы, петербургскіе чиновники, питали гнѣва и озлобленія противъ взяточничества губернскихъ и уѣздныхъ чиновниковъ; и вотъ—на страницахъ Русскаго Вѣстника въ первый разъ геніальный Щедринъ покаралъ это зло и съ разу выставилъ его въ настоящемъ свѣтѣ. Прежде, обыкновенно, какъ-то смутно и смѣшанно понимали, что ты чиновникъ, и другой чиновникъ, и что это все равно; но тутъ Россія наконецъ увидѣла разницу губернскихъ и уѣздныхъ чиновниковъ отъ чиновниковъ департаментскихъ и министерскихъ. По вѣщамъ этимъ очеркамъ мы святы и непорочны, яко ангелы. Я даже сильно подозреваю, что самъ авторъ, по духу своему, долженъ быть чисто—министерскій чиновникъ, потому что такъ ненавидѣть и пресѣдовать этихъ маленькихъ червей можно только челоуѣку, который или начальствуетъ надъ ними, или ревизуетъ ихъ; а поэтому, тѣмъ строже онъ къ нимъ относится, тѣмъ болѣе для него заслугъ.

Еще гораздо болѣшую, конечно, заслугу журналъ этотъ оказалъ касательно русской общины. Съ тѣхъ поръ, какъ это общественное устройство было признано нами, чиновниками, за полезное, онъ сдѣлалъ уступку и вошелъ по этому предмету въ нѣкоторое соглашеніе съ Русскою Бесѣдой, которая, какъ извѣстно, по своему исключительно нѣмецко-философскому воспитанію, признавала только ту общину, на которую намеки она читала въ нашихъ лѣтописяхъ: настоящей же, живой, она и въ глаза не видала, точно такъ же, какъ и Русскій Вѣстникъ, который, однако, такъ какъ вопросъ этотъ былъ чрезвычайно насущный, у себя въ кабинетѣ сочинилъ свою общину: я не читалъ, но, говорятъ, сочинено очень хорошо. Конечно, пошлись противники, которые стали кричать, что она совершенно неприложима, что въ ней даже нѣтъ смысла; по этого никто еще не доказалъ. Можетъ быть, нашъ народъ только этого благодатнаго устройства и ждалъ, и уцѣпился бы за него съ радостію; слѣдовательно о достоинствѣ ея говорить нечего, а нравственный вредъ и умственный трудъ я во всякомъ случаѣ тутъ вижу. Про финансовыя вопросы и говорить нечего: одніи статьи Безобразова написаны съ такимъ глубокимъ знаніемъ дѣла и такимъ естественнымъ языкомъ, что, даже, такіе люди какъ и нѣкій началь-

никъ, люди сами немножко финансовые, читая эти статьи, во многихъ мѣстахъ весьма трудно понимаемъ, а въ общемъ такъ ничего и уразумѣть не можемъ, что это такое, для чего онъ пишетъ и что хочетъ этимъ сказать. Чрезвычайно ученый авторъ.

Изъ всего этого читатель видитъ, что я и мой начальникъ, какъ и большая и лучшая часть петербургскаго чиновничества, стоимъ и зиждемся на идеяхъ Русскаго Вѣстника. Во время моей молодости, когда мы ходили въ семейные дома, мы прежде всего старались узнать кругъ понятій хозяевъ, и если не были съ ними согласны, то все-таки ни въ какомъ случаѣ не позволили себѣ высказывать своихъ идей или какъ нибудь невѣжливо спорить, тѣмъ болѣе, что тогда это было и не совсѣмъ безопасно. Нынешняя молодежь въ этомъ случаѣ, кажется, дѣйствуетъ совершенно наоборотъ: она, какъ ворона въ павлиньихъ перьяхъ, носится со своими идеями, хвастается ими, хочетъ насъ подразнить ими.

На последнемъ вечерѣ у Анны Ивановны нечесаный и нестриженный, съ усами и съ бородой, студентъ и непонятнаго для меня вѣдомства офицеръ въ штатскомъ жилетѣ (ужасно красиво!) до того зарантовались, что студентъ вдругъ объявилъ, что онъ больше ужъ не читаетъ Русскаго Вѣстника, потому что это журналъ отставшій и свое дѣло сдѣлавшій.

Валеріанъ Федосѣичъ только съ грустію посмотрѣлъ на него.

— Почему же вы такъ думаете? спросилъ онъ его своимъ, но обыкновенію, серьезнымъ, но кроткимъ голосомъ.

— Потому, говоритъ, что онъ дальше бельгійскаго порядка не видитъ ничего.

Тутъ ужъ Валеріанъ Федосѣичъ улыбнулся.

— А вашего взгляда, говоритъ, позвольте узнать, какая крайняя точка?

— Никакая, говоритъ, для меня только важна инициатива движенія впередъ.

Валеріанъ Федосѣичъ опять улыбнулся.

— Движенія впередъ... повторилъ онъ,—но чтобы двигаться впередъ, для этого, во первыхъ, надобно знать, куда именно, а во вторыхъ, тутъ нужно или идти пѣшкомъ, или ѣхать на лошади, или, наконецъ, по желѣзной дорогѣ, но все-таки дѣло дѣлать человѣчески, и только развѣ какой нибудь сумасшедшій для этой цѣли велитъ собою зарядить пушку и выстрѣлить

нмъ въ какое нибудь пустое пространство,—авось куда нибудь да долетитъ.

Эта рѣчь нѣсколько поосадила говорунувъ.

— Это, говоритъ, помилуйте!... забормоталъ шарнивый дуралей изъ нихъ—ставить намъ въ примѣръ западныя государства, значить, стѣснять нашу народность.

Валеріанъ Федосѣичъ вышелъ наконецъ изъ себя (онъ терпѣть не можетъ русскую народность, а больше всего русскаго мужика и вообще простолюдина).

— Вотъ, говоритъ, сейчасъ и видно, что вы говорите съ вѣтру, нахватавши отсюда и отсюда.... Въ чемъ состоитъ наша народность?... Въ чемъ?... говорите.

— Тимъ-тимъ!... Тлямъ-тлямъ!... и ничего не сказалъ. Пѣсни, говоритъ, общинное начало.... лѣтониса.... православіе.... такъ что даже его пріятель офицеръ замѣтилъ ему:

— Нѣтъ, говоритъ, М-г Каринскій, въ этомъ случаѣ вы заблуждаетесь.... Припомните, говоритъ, статью «Мертвое Царство».... Тамъ прямо доказано, что у насъ все мерзость.

— Да, говоритъ, это правда... согласился съ этимъ.

— Вся, говоритъ, наша народность, продолжалъ ужъ Валеріанъ Федосѣичъ, состоитъ въ томъ, чтобы ходить небритымъ, немытымъ и нечесанымъ, говорить на о... чаво... таво..., ѣсть рѣдку, пить сивуху, и какимъ нибудь осиплымъ голосомъ пѣть глухнѣйшія пѣсни; но у насъ есть, благодаря Петру, въ небольшомъ кружкѣ людей образованіе; руководимые ими, мы должны учиться у Европы всему: и наукамъ, и общественному устройству, и наконецъ нравственно себя выдѣлывать по образцу европейскаго человѣка.

— Чтожь, вы хотіте, возражаетъ опять этотъ студентъ, чтобы вся наша исторія была передразниваніемъ и гримасой съ того, что тамъ дѣлалось?

— Хоть бы, говоритъ, даже гримасой, потому что она все-таки лучше милаго роднаго облика; и вмѣсто того, чтобы хлопотать о какой-то несуществующей народности, не гораздо ли лучше учиться тому, что есть подъ руками. Вотъ вы, говоритъ, теперь въ университетѣ: на которомъ вы курсъ и чему вы учитесь?

— Я, говоритъ, даже и не знаю, на которомъ я курсѣ, и учусь не для того, чтобы сдѣлаться ученымъ, а чтобы образовывать изъ себя гражданина.

— Какой же вы будете гражданинъ, когда вы не кончите курса? вамъ не дадутъ никакого чина и потомъ никакой должности. Что же вы за гражданинъ будете?

— Этого мнѣ и не нужно, говорить, была бы во мнѣ инициатива....

— Подите вы съ вашей инициативой!... вспылѣлъ, наконецъ, Валеріанъ Федосѣичъ—вы не учитесь потому, что для всякой науки надобны извѣстная доля ума и добрая воля, а вы умѣете только, загнувши лобъ, бѣгать изъ дому въ домъ и кричать: начала... инициатива... И такъ расходился, что всталъ, ушолъ къ себѣ въ кабинетъ и хлопнулъ дверьми.

Тутъ эти господа привязались ужъ ко мнѣ, и офицеръ, между прочимъ, говорить:

— Валеріанъ Федосѣичъ, говорить, сердится, но чему же, скажите, Бога ради, учиться. Напримѣръ, хоть бы исторіи: какова она даже въ европейскихъ литературахъ: одинъ ее пишетъ, какъ вигъ, другой, какъ торій, третій оплакиваетъ старое французское дворянство.

Я, конечно, весьма неопытенъ въ подобнаго рода спорахъ, однако замѣтилъ ему.

— Да вамъ, я говорю, какъ офицеру, и не надобно учиться исторіи; а занимайтесь военными науками, совершенствуйте постройку мостовъ, крѣпостей, изобрѣтайте новыя пушки.

— Я, говорить, войну признаю только ту, которая обстанываетъ естественныя права человѣка, но не усиливаетъ ихъ.

— Что такое, говорю, вы говорите?—я васъ не понимаю.

— Да, говорить, дѣйствительно вамъ трудно насъ понять.

— Европа! говорить.... началъ опять этотъ студентъ, огорошенный Валеріаномъ Федосѣичемъ—никогда, и ничего ужъ, говорить, изъ этой Европы не выйдетъ, потому что въ ней города, села, деревни,—все въ ней выстроено не такъ... какъ слѣдуетъ...

— Всю, говорю, значить, ее перестраивать надобно.

— Да, говорить, сначала надобно мозгъ, кости и мясо европейскаго человѣка перестроить, тогда онъ перестроитъ и города.

— Словомъ, говорю, пересоздать весь міръ.... Чортъ знаетъ, что такое!... Всего печальнѣе и досаднѣе въ этомъ глупомъ спорѣ то, что Анна Ивановна впиалась и ушами, и глазами въ мнѣхъ ей ораторовъ, такъ что когда пришли къ ней проститься дѣти, она хорошенько не хотѣла дать имъ руки, а пихнула въ

зубы и сейчас же проговорила: «Ступайте, не мѣшайте!» До чего дойдетъ эта женщина, Богу известно. Въ такомъ чинѣ и въ такихъ лѣтахъ позволить себѣ такъ увлекаться всякимъ вздоромъ,—непростительно!

Чтобы хоть сколько нибудь разсѣяться отъ подобныхъ бессмысленно-глубокомысленныхъ вечеровъ, я ходилъ смотрѣть Леотара въ конномъ представленіи. Вотъ молодецъ, такъ молодецъ. Есть такіе смѣшные и малодушные люди, которые говорятъ, что смотрѣть на него непріятно: чрезвычайно сильно дѣйствуетъ на нервы, все равно, что смотрѣть на казнь, а я такъ, напротивъ, рѣшительно ничего не чувствовалъ. Ну, еслибы и шлепнулся—что же такое? Самъ виноватъ, еще интереснѣе было бы представленіе. Былъ потомъ въ театральномъ маскарадѣ. Очень оживлено, хоть и не совсѣмъ благопристойно. Говорятъ, нарочно, подсылаютъ разныхъ фигурантовъ и фигурантокъ плясать и ломаться, и которые неусердно исполняютъ это, у тѣхъ вычитаютъ жалованье. Можете себѣ представить послѣ этаго какъ они вытанцовываютъ.

Статскій Совѣтникъ САЛАТУШКА.

ПОХОЖДЕНІЯ

ГЭМФРИ КЛИНКЕРА.

РОМАНЪ СМОЛЛЕТА.

Переводъ съ англійскаго.

САНКТПѢТЕРБУРГЪ.

1861.

Приложеніе къ журналу «Библіотека для Чтенія» № 3. 1861 г.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛЬНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

ПОХОЖДЕНІЯ ГЭМФРИ КЛИНКЕРА.

(Продолженіе).

Къ сэру Уаткину Филиппу, въ Оксфордъ.

Любезный Филиппъ, въ прошломъ письмѣ я угощалъ тебя вкуснымъ блюдомъ въ видѣ шотландскаго лейтенанта; и на этотъ разъ я нагёрёны попочтивать тебя тѣмъ же самымъ. Мы имѣли счастье пользоваться въ продолженіе трехъ дней обществомъ нашего новаго знакомаго, и я увѣренъ, что мы съ нимъ еще встрѣтимся до окончанія нашей прогулки по сѣверу. Въ тотъ день, когда мы встрѣтились съ нимъ въ Дергемѣ, поднялась такая страшная буря, что нельзя было и думать продолжать дорогу. Дядя уговорилъ и лейтенанта переехать, пока время не прояснится, и пригласилъ его на всѣ дни съ нами обѣдать. Тотъ, разумѣется, наказывалъ при этомъ тысячу колкостей, и такихъ грубыхъ, что онѣ возмутили бы хоть кого, еслибъ не носили нѣкотораго отпечатка оригинальности, которая непремѣнно возбуждаетъ любопытство. Онъ бесѣдовалъ съ мистеромъ Врэмблемъ о войнѣ, о полиціи, о литературѣ, о законахъ, о метафизикѣ, и по временамъ съ такимъ задоромъ, что можно было ожидать рѣшительной ссоры. Но мистеръ Врэмбль постоянно сдерживалъ свою горячность; онъ старался быть осторожнымъ, помня, что лейтенантъ его гость; если, не смотря на всѣ усилія, онъ начиналъ иногда горячиться, то собесѣдникъ его, въ свою очередь, въ той же мѣрѣ, благодушно охлаждался.

Миссъ Тибита назвала какъ-то своего брата уменьшительнымъ именемъ «Мэтъ.» — «Позвольте узнать, сэръ,—спросилъ лейтенантъ,—ваше имя — Матью?»—Надо тебѣ сказать, что дядя имѣетъ слабость стыдиться своего имени, потому что оно нуританское; этотъ вопросъ разсердилъ его и онъ рѣзко отвѣтилъ:—«Ну хоть бы и такъ.»—Шотландецъ оскорбился такимъ отвѣтомъ.—«Всякъбъ я зналъ», сказалъ онъ, приводивъ голову, что вы не хотите сказывать своего имени, то я не спросилъ бы васъ. Леди назвала васъ Мэтомъ и, разумѣется, я подумалъ, что ваше имя Матью. Впрочемъ, можетъ быть, и Мафусалъ, или Метродоръ, или Метулль, или Мафурингъ, или Маль-еши, или Матаморъ, или.... «Нѣтъ,—вскричалъ со смѣхомъ дядя,—

ни одно изъ этихъ, капитанъ: меня зовутъ Матью Врэмблъ, къ вашимъ услугамъ. Признаюсь, я имѣю глупую ненависть къ этому имени, потому что оно напоминаетъ презрѣнныхъ лицемѣровъ, крестьянскихъ, во времена Кромвеля, всѣхъ своихъ дѣтей библейскими именами.» — «Дѣйствительно, глупую, вскричала Тебита; и, кромѣ того, безбожную: ненавидѣть свое имя за то, что оно взято изъ святаго писанія! Не забудь, что ты названъ такъ въ честь твоего дѣда, Матью Медока Мередиса, эсквайра, изъ Ленвистина, въ графствѣ Монгомери, мирнаго судьи, богатаго и знатнаго джентльмена, происходившаго въ прямой линіи, въ женскомъ колѣнѣ, отъ Люллиана, принца Валлійскаго.

Эта генеалогическая тирада произвела, кажется, нѣкоторый эффектъ на сѣвернаго британца. Онъ низко склонился предъ потомками Люллиана, объявивши при этомъ, что и самъ онъ носитъ библейское имя. Когда тетушка выразила желаніе узнать его, намъ стало извѣстно, что нашъ новый знакомецъ называется лейтенантъ Обадіахъ Лисмагаго. Чтобы помочь тетушкиной памяти, онъ вручилъ ей лоскутокъ бумаги, съ этими тремя словами, которыя она прочла съ большою напыщенностью и объявила, что это самое благородное и благозвучное имя изъ всѣхъ, слышанныхъ ею. Онъ, сказалъ, что Обадіахъ его крестное имя, въ честь дѣда его, одного изъ первыхъ поборниковъ евангелической церкви въ Шотландіи; а Лисмагаго—его фамилія, происходящая отъ одного мѣстечка въ Шотландіи. Онъ также намекнулъ на древность своего рода, и, скромно улыбнувшись, добавилъ:—*«sed genus est proavos, et quae non fecimus ipsi, vix ea postea voco.»*—Онъ перевелъ дамамъ это изрѣченіе. Миссъ Тебита не преминула похвалить его за скромность, съ которою онъ отклоняетъ отъ себя заслуги своихъ предковъ, при чемъ замѣтила, что ему незачѣмъ опираться на нихъ, такъ какъ у него довольно своихъ собственныхъ. Миссъ Тэбби принялась изъ всѣхъ силъ льстить лейтенанту, замскивая его расположеніе. Она распространялась о древности и о добродѣтеляхъ шотландской націи, выхваляла ея храбрость, честность, образованіе и учтивость. Отъ націи, она перешла къ собственной личности лейтенанта и стала превозносить его любезность, умъ и ученость. Затѣмъ, ссылаясь на свидѣтельство дяди, объяснила, что лейтенантъ живо напоминаетъ нашего двоюроднаго брата, губернатора Гриффиса. Она выразила живѣйшее любопытство поближе ознакомиться съ подробностямъ жизни почтеннаго воина и забросала его вопросами о его военныхъ подвигахъ. Мистеръ Лисмагаго отвѣчалъ на все это съ иезуитскою осторожностью, дѣлая видъ, что неохотно удовлетворяетъ ея любопытству, когда дѣло касается до него лично.

Однако, благодаря неутомимымъ распросамъ тетушки, мы узнали, что онъ, вмѣстѣ съ такимъ-то прапорщикомъ Мерфи, убѣжалъ изъ французскаго госпиталя, въ Монреаль, и сирьлся въ лѣсу, надѣясь достигъ потомъ до какой либо англійской колоніи; но что, сбившись съ дороги, наткнулся на отрядъ мѣамидовъ, которые увели его снова въ плѣнъ вмѣстѣ съ товарищемъ его бѣгства. Индѣйцы намѣревались

подарить одного изъ нихъ, въ приѣмши, уважаемому у нихъ сахему, потерявшему на войнѣ своего единственнаго сына; другаго же плѣнника они располагали принести въ жертву, по своему обычаю. Мерфи, какъ младшій и наиболѣе красивый собою, долженъ былъ заступить мѣсто убитаго, не только какъ сынъ сахема, но и какъ мужъ прелестной вдовы, съ которою тотъ былъ обрученъ. Но проходя различными селеніями міамидовъ, бѣдный Мерфи былъ такъ изувѣченъ женщинами и дѣтьми, имѣвшими право мучить проходившихъ плѣнниковъ, что прибывъ въ резиденцію сахема, онъ оказался совершенно неспособнымъ вступить въ бракъ. Вслѣдствіе этого совѣтъ дикихъ рѣшилъ, что прапорщикъ Мерфи будетъ посаженъ на колъ, а вдова достанется лейтенанту Лисмагаго, который хотя имѣлъ свою долю истязаній, но не лишился возможности вступить въ бракъ. Ему только отрѣзали часть пальца, то есть отпилили зазубреннымъ ножомъ; раздавили между двухъ камней большую палецъ ноги; да вырвали нѣсколько зубовъ или, лучше сказать, выковыряли острымъ крючкомъ; да кромѣ того въ ноздри и въ другія чувствительныя мѣста напихали вѣтокъ тростника, и, ко всему этому, провертѣвъ дыры въ шкрахъ, набили туда пороху и взорвали его.

Сами индѣйцы сознавались, что Мерфи умеръ героемъ. Онъ даже пропѣлъ, умирая, шотландскую народную пѣсню, вмѣстѣ съ Лисмагаго, который присутствовалъ при этомъ торжествѣ. Когда дикіе поклакомились мясомъ жертвы и подвергли еѣ всевозможнымъ истязаніямъ, которыя Мерфи съ твердостью перенесъ, одна старуха вырѣзала ему острымъ ножомъ глазъ, и вставила во шрадину раскаленный уголь. Боль отъ этой операціи была такъ жестока, что Мерфи заревѣлъ. Это возбудило между присутствовавшими радостные крики и одинъ изъ воиновъ, нанесъ ему послѣдній ударъ сѣкирою.

Нарѣченная невѣста Лисмагаго, госпожа Сквинкинакооста, отличалась при этомъ случаѣ. Она высказала рѣдкую изобрѣтательность въ придумываніи истязаній, которыя собственноручно приводила въ исполненіе. Она могла потягаться съ самымъ сильнымъ воиномъ въ аппетитѣ, съ которымъ кушала человѣческое мясо, и когда всѣ другія женщины были пьяны отъ водки, она еще на столько владела собою, что могла сыграть партію какой-то дикой игры съ восхищеннымъ сахемомъ и потомъ выполнила всѣ церемоніи бракосочетанія, которое совершилось въ тотъ же вечеръ. Капитанъ очень счастливо прожилъ два года съ этою добродѣтельною женщиною; она родила ему сына, который сталъ теперь представителемъ колѣна своей матери. Но, наконецъ, къ невыразимому горю Лисмагаго, супруга его скончалась отъ лихорадки, которую она схватила объѣвшись сыраго медвѣжьего мяса.

Около этого времени, мистеръ Лисмагаго былъ избранъ въ сахемы и провозглашенъ первымъ воиномъ Беджерова племени. Онъ получалъ прозвище Оккаванастаогарора, то есть «проворнаго, какъ ласточка». Но вскорѣ ему пришлось сложить съ себя всѣ эти титулы и почести, послучаю послѣдовавшаго обмѣна его на народнаго ора-

тора, взятаго въ плѣнъ союзными англичанамъ индѣйцами. По заключеніи міра, лейтенанту назначили половинное жалованье и онъ возвратился въ Великобританію, съ цѣлію провести остатокъ жизни на родинѣ и надѣясь найти какое нибудь убѣжище, гдѣ бы ему скудные средства его дали возможность къ приличному существованію.

Такова исторія мистера Лисмагаго. Миссъ Тэбби прослушала ее съ напряженнымъ вниманіемъ; эта исторія производила на нее, кажется, такое же очаровывающее дѣйствіе, какъ исторія Отелло на сердце Дездемоны, полюбившей Мавра за перенесенныя имъ опасности.

При описаніи страданій бѣднаго Мерфи, Лидди упала въ обморокъ, а изъ тетушкиной груди вырвалось нѣсколько вздоховъ. Услыхавъ, что дикіе лишали его возможности вступить въ бракъ, она плюнула и вскричала: — «Воже! что за варвары». Её подергивало при разсказѣ о брачномъ обѣдѣ супруги лейтенанта. Но её очень интересовалъ ея нарядъ: она спросила, какой воротъ былъ у ея платья, высокій или открытый; бархатное оно было, или шелковое, и съ какими кружевами. Она полагала, что такъ какъ индѣйцы имѣли сношенія съ французами, то невѣста, вѣроятно, употребляла румяна и причосывалась по парижской модѣ. Лейтенантъ не далъ категорическаго отвѣта на эти вопросы, а замѣтилъ вообще, что индѣйцы слишкомъ крѣпко держатся своихъ обычаевъ, чтобы принимать моды какой либо другой націи; что простота ихъ нравовъ и слабо развитая торговля страны не даютъ имъ никакой возможности пользоваться всѣми этими предметами, которые и въ Европѣ считаются роскошью. Къ тому же они слишкомъ умѣренны и благоразумны, чтобы вводить у себя моды, которыя привели бы ихъ только къ испорченности и къ изнѣженности.

Такой уклончивый отвѣтъ еще сильнѣе раздражилъ любопытство миссъ Тэбби; она непремѣнно желала узнать всѣ подробности туалета его невѣсты и какъ онъ ни увертывался, а долженъ былъ наконецъ открыть, что на ней не было ни чулокъ, ни башмаковъ, ни рубахи, и никакого другаго бѣлья; что вся ея брачная одежда состояла изъ красной байковой юбки и шерстянаго одѣяла, приколотого на плечахъ мѣдными застежками. Но за то на ней много было другихъ украшеній. Волосы ея были очень оригинально убраны, и перемѣшаны съ украшеніями изъ человѣческихъ костей. Одна вѣка окрашена была зеленою краскою, другая—желтою; щека—синою, губы—бѣлою, зубы—красною, а съ середины лба до кончика носа, ниспускалась черная полоса. Пара блестящихъ попугаевыхъ перьевъ была продѣта въ ея ноздри; въ ушахъ, вмѣсто серегъ, у нея были двѣ выточенныя кости, величиною и толщиною съ барабанную палку. Ноги и руки ея были покрыты браслетами изъ раковинъ и на груди блестяло множество рядовъ бисера. Она носила карманъ, сплетенный изъ травы и пестро раскрашенный; на шеѣ у нея висѣла свѣжая кожа съ черепа одного магаукскаго воина, убитаго ея покойнымъ женихомъ; и, наконецъ, вся она съ головы до ногъ, была намазана медвѣжьимъ саломъ, распространившимъ весьма пріятный запахъ.

Казалось бы, такой оригинальный наряд никакъ не могъ понравиться изящной модной дамѣ; но, должно быть, тетушка рѣшилась вызывать всё, что было близко лейтенанту. Она пожалѣла, что его супруга не носила бѣлья, но признала, что въ ея нарядѣ было много жуса и изящества. Миссъ Тэбби не сомнѣвалась, что госпожа Свинкинскооста была очень умная молодая женщина, надѣленная всѣми добродѣтелями и въ душѣ истинная христіанка. Она спросила къ какой церкви принадлежала эта особа, къ пресвитеріанской, или къ анабаптистской, или же просвѣтилась новымъ евангелическимъ ученіемъ. Когда же лейтенантъ сказалъ ей на это, что ни жена его, ни всё ея племя не имѣли ни малѣйшаго понятія о христіанской вѣрѣ, миссъ Тэбби съ удивленіемъ устремила на него глаза, а случившійся въ комнатѣ Гемфри Клинкора испустилъ тяжкій вздохъ.

— «Но, ради Бога, — вскричала миссъ Тэбби, послѣ краткаго молчанія, — какую же вѣру они исповѣдываютъ?» — «У нихъ религія очень несложна, отвѣтилъ Лисмагаго; — они никогда не слыхивали о «союзѣ церкви съ государствомъ.» Они вообще вѣруютъ въ два противоборствующие принципа: одинъ изъ нихъ — источникъ добра, другой — источникъ зла. Простой народъ у нихъ, какъ и вездѣ, погруженъ въ самыя грубыя суевѣрія; но люди пообразованнѣе чтуть высшее существо, творящее и поддерживающее все въ природѣ.» — «О, какая жалость! вскричала Тэбби; ну что бы какому нибудь святому человѣку отправиться туда и обратить въ истинную вѣру этихъ бѣдныхъ язычниковъ.»

Лейтенантъ рассказалъ ей, что во время его пребыванія у дикихъ, къ нимъ пріѣхали двое французскихъ миссіонеровъ, съ цѣлью обратить ихъ въ католическую вѣру. Собрался совѣтъ сахемовъ и отъ миссіонеровъ потребовали, чтобы они доказали какимъ нибудь чудомъ истину своего ученія. Они отвѣчали, что не имѣютъ силы творить чудеса. «Но если бы вы были дѣйствительно посланы Небомъ для нашего спасенія, — сказали сахомы, — то вы имѣли бы какой нибудь высшій даръ; вы могли бы, по крайней мѣрѣ, говорить на всѣхъ языкахъ, чтобы объяснять ваше ученіе народамъ, къ которымъ вы посланы. А то вы такъ худо говорите по нашему, что едва умѣете назвать самыя обыкновенныя предметы».

Однимъ словомъ, собраніе осталось въ убѣжденіи, что это не болѣе какъ обманщики, а можетъ, даже, и шпіоны; оно приказало снабдить ихъ хлѣбомъ и дать имъ проводника до границы. Но въ миссіонерахъ было больше усердія, чѣмъ благоразумія: они отказались оставить виноградики и продолжали служить обѣдни, проповѣдывать, крестить и ссориться съ туземными колдунами и жрецами, такъ что, наконецъ, вся страна пришла въ волненіе. Тогда совѣтъ осудилъ ихъ какъ безбожныхъ обманщиковъ, обвинилъ въ богохульствѣ и возмущеніи народа, и приговорилъ посадить ихъ на колъ. Умирая, проповѣдники радостно пѣли *Salve Regina*, счастливые тѣмъ, что принимаютъ мученическую смерть.

Во время этого разсказа у лейтенанта Лисмагаго вырвались нѣкоторые признаки вольнодумства, которые привели тетушку въ нѣ-

который ужасъ. Онъ выразительно произносилъ слова: «разсудокъ, философія, противорѣчія;» сомнѣвался въ вѣчности адскихъ мукъ и даже подшучивалъ надъ безсмертіемъ души. Вдвали отъ его словъ не поколебалась нѣсколько набожность миссъ Тебиты. Какъ бы то ни было, но съ этой минуты она смотрѣла на Лисмагаго, какъ на чудо ума и учености. Съ своей стороны, и онъ не могъ устоять противъ всѣхъ любезностей, которыми она заносила его расположенія; какъ ни была жестка его натура, однако онъ осмѣлилъ себя и отвѣчалъ на эти любезности. Вѣроятно онъ расцѣль, что для отставнаго капитана, съ маленькою пенсією, не дурно сочетаться бракомъ съ старою дѣвицею, у которой, по видимому, достаточно средствъ, чтобы обезпечить ему, подъ старость лѣтъ, покойное и безбѣдное существованіе. Эта милая и оригинальная чета завела уже краснорѣчивую бесѣду взглядами. Лейтенантъ подслащалъ обычную рѣзкость своихъ выраженій комплиментами и любезностями. Онъ подчивалъ по временамъ, свою даму табакомъ, къ которому самъ прибѣгалъ весьма часто, и даже подарилъ ей кошелекъ, сплетенный изъ травы его милою Сквинкинакоостою, которая употребляла его на охотѣ въ видѣ пантромаша.

На сѣверъ отъ Денкестера, во всѣхъ гостиницахъ окна исписаны плохими стишонками, съ бранью на шотландскую націю, и, къ удивленію моему, я нигдѣ не видалъ ни строки въ ея защиту. Любопытствуя узнать, что скажетъ на это Лисмагаго, я указалъ ему на одну очень пошлую эпиграму на его соотечественниковъ, написанную на окнѣ той комнаты, гдѣ мы сидѣли. Онъ прочелъ еѣ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, и когда я спросилъ его мнѣнія, — «это очень остроумно, сказалъ онъ; только неразборчиво написано; протереть бы мокрою тряпкою—оно стало бы яснѣе. Удивляюсь, что остроумный авторъ не издаетъ полнаго собранія подобныхъ произведеній, подъ заглавіемъ *«Побѣда стекольщика надъ шотландскими пыльщиками»*. Я увѣренъ, что это было бы очень пріятнымъ подаркомъ лондонскимъ и вестминстерскимъ патріотамъ». Я выразилъ удивленіе, что проѣзжіе шотландцы не перебили всѣхъ стеколъ по дорогѣ.

— Позвольте замѣтить, возразилъ онъ, что это была бы очень неполитичная мѣра; она привела бы къ еще болѣе ядовитымъ насмѣшкамъ. Пускай ужъ лучше онѣ красуются на стеклѣ, нежели въ счетной книгѣ трактирщика.

У дяди ужъ дрожали губы отъ негодованія. Онъ сказалъ, что слѣдовало бы публично отодрать писакъ подобныхъ пасквилей, возорящихъ свою страну этими гнусными и пошлыми произведеніями. — «Эта сволочь не думаетъ о томъ, что, желая запятнать своихъ противниковъ подобными низкими напаками, она доставляетъ имъ случай выказывать свое достоинство и мстить самымъ благороднымъ мщеніемъ. Что касается до меня, то я превозношу благоразумную воздержность шотландцевъ и презираю дерзость этихъ пошлыхъ писакъ, храбрыхъ какъ пѣтухъ, который харахорится только на своей навозной кучѣ.» Лейтенантъ замѣтилъ, съ притворнымъ добродушіемъ, что безчестные люди водятся во всякой странѣ и что предположить, что всѣ онѣ

гличане питають къ шотландцамъ подобныя чувства, значило бы дѣлать слишкомъ много чести его родинѣ, которая не настолько значительна, чтобы возбуждать зависть такого богатаго и могущественнаго народа.

Миссъ Тэбби тотчасъ же разразилась похвалами его скромности и объявила, что Шотландія производитъ наиболѣе добродѣтельныхъ людей передъ всѣми странами въ мірѣ.

Вечеромъ, когда Лисмагаго съ нами распростился, она спросила брата, неправда ли, что лейтенантъ красивѣйшій мушкетеръ, какого онъ когда либо встрѣчалъ, и что въ немъ есть что-то необыкновенно привлекательное? Мистеръ Бремблѣ пристально поглядѣлъ на нее. — «Сколько я вижу, сказалъ онъ наконецъ, лейтенантъ честный человѣкъ и хороший служака; онъ не глупъ и имѣлъ бы право на лучшую долю, нежели та, которая ему досталась въ жизни. Но я никакъ не могу сказать по совѣсти, чтобы онъ былъ очень красивый мужчина; не вижу въ немъ также ничего привлекательнаго; даже сознаюсь, напротивъ того, вижу много отталкивающаго и рѣзкаго.»

Я старался расположить къ себѣ этого сѣверяка, такъ какъ онъ — прекурбѣзная личность; но онъ избѣгалъ говорить со мною, съ той мишузы, какъ я расхохотался надъ его увѣреніями, что въ Эдинбургѣ говорятъ поанглійски лучше, чѣмъ въ Лондонѣ. Онъ посмотрѣлъ на меня при этомъ съ сдержанною злобою и промолвилъ: — «Если вѣрно старинное изрѣченіе, что смѣхъ есть отличительный признакъ разумнаго существа, то англичане должны быть самая разумная нація, какую мнѣ доводилось видѣть.» Я согласился, что англичане легко подмѣчаютъ смѣшное и склонны смѣяться, но что изъ этого еще нельзя заключать, чтобы они были разумнѣе своихъ сосѣдей. Такой выводъ, добавилъ я, былъ бы очень обиденъ для шотландцевъ, у которыхъ нѣтъ недостатка въ разумѣ, но которые, какъ извѣстно, не слишкомъ склонны къ смѣху..

Капитанъ замѣтилъ, что это предположеніе можно провѣрить только ихъ разговоромъ, или литературными произведеніями, о которыхъ англичане никакъ не могутъ вѣрно судить, такъ какъ имъ не знакомо нарѣчіе на которомъ шотландцы объясняются и пишутъ свои юмористическія произведенія. Когда я попросилъ назвать мнѣ послѣднія, онъ привелъ заглавія множества книгъ, увѣряя, что они не уступаютъ въ сатиру ничему существующему въ этомъ родѣ, на всѣхъ живыхъ и мертвыхъ языкахъ. Въ особенности онъ рекомендовалъ рядъ отдѣльныхъ поэмъ въ двухъ небольшихъ томахъ, подъ заглавіемъ: «Вѣчно-зеленое», и твореніи Аяна Ремсея, которыми я и намѣренъ запастись въ Эдинбургѣ. Онъ сказалъ еще, что въ обществѣ англичанъ косо смотрятъ на сѣверобританца за то, что онъ говоритъ на непріятномъ для нихъ нарѣчій и употребляетъ непонятныя имъ обороты; а такое положеніе никакъ не можетъ располагать къ остроумію и къ веселости. Эти качества могутъ проявляться въ полномъ блескѣ только тогда, когда умъ ничѣмъ не связанъ, когда онъ, такъ сказать, въ своей тарелкѣ.

Онъ продолжалъ утверждать, что въ Эдинбургѣ употребляютъ бо-

лѣе чистое британское нарѣчіе, нежели въ Лондонѣ, что такъ называемый нами шотландскій діалектъ и есть коренной, древне-британскій языкъ, съ примѣсью нѣкоторыхъ французскихъ словъ, пошедшихъ въ него вслѣдствіе долгихъ, близкихъ сношеній между обѣими націями, и что англичане только ослабили и исковеркали его изысканностью оборотовъ и испортили произношеніе, выкинувъ гортанные звуки и оставивъ употребленіе многихъ сильныхъ и выразительныхъ словъ. Вслѣдствіе такихъ нововведеній, творенія лучшихъ англійскихъ поэтовъ, какъ-то Чаусера, Спенсера и даже Шекспира, сдѣлались, мѣстами, непонятны для уроженцевъ Южной Британіи; тогда какъ шотландцы, у которыхъ сохранилось старое нарѣчіе, понимаютъ ихъ безъ помощи словаря. Потомъ онъ сталъ увѣрять, что мы не говоримъ, а бормочемъ, безъ всякаго ударенія и выраженія, такъ что иностранецъ, даже довольно хорошо понимающій поанглійски, часто бываетъ вынужденъ прибѣгать къ шотландцу, чтобы понять что нибудь сказанное поанглійски природнымъ англичаниномъ.

Мистеръ Брэмблъ подтвердилъ это замѣчаніе, но объяснилъ его инымъ способомъ. Онъ сказалъ, что его можно отнести ко всѣмъ языкамъ, что иностранецъ точно также легче пойметъ швейцарца, говорящаго по французски, нежели природнаго парижанина. Это происходитъ оттого, что каждый языкъ имѣетъ свойственную ему интонацію, и чтобы усвоить себѣ эту интонацію потребно гораздо болѣе вниманія, практики и труда, нежели, чтобы заучить однѣ слова. Нельзя однако отвергать, что одно безъ другаго не полно, а шотландцы и швейцарцы вѣроятно потому только лучше понимаются иностранцами, что выговариваютъ не интонируя. Не думай, что этотъ цѣпчекъ осадилъ сѣверо-британца; напротивъ того, онъ еще сильнѣе возбудилъ этого неутомимаго спорщика. Онъ настаивалъ, что если каждый народъ имѣетъ свою интонацію, то и шотландцы должны имѣть её. Если они до сихъ поръ не приняли её отъ англичанъ, то вѣроятно потому, что у нихъ есть своя собственная, которая должна быть внятнѣе, нежели у англичанъ, такъ какъ иностранцы легче понимаютъ её. Изъ всего этого выводъ былъ тотъ, что шотландское нарѣчіе лучше нарѣчія ихъ согражданъ, которые коверкаютъ свое произношеніе изъ аффектаціи.

Лейтенантъ такъ увлекся полемикою, что каждый разъ—что ни отворить ротъ—то скажетъ парадоксъ; но всѣ его доводы сильно отзывались пристрастіемъ къ его отчизнѣ. Онъ принялся наконецъ доказывать, что бѣдность есть счастье для націи; что овсяный хлѣбъ вкуснѣе пшеничнаго, и проч. Меня не столько удивляли его понятія, сколько замысловатые доводы, на которыхъ онъ ихъ основывалъ.

Однимъ словомъ, этотъ лейтенантъ Лисмагаго диковника, которую я до сихъ поръ еще не совершенно изучилъ. Очень жаль, если мы лишимся его общества, хотя, по совѣсти сказать, его нравъ и обращеніе не имѣютъ ровно ничего привлекательнаго. Такъ какъ онъ отправляется прямо на юго-западъ Шотландіи, а мы ѣдемъ на

Бервикъ, то завтра мы съ нимъ разстанемся въ Фельтонъ-Бриджъ. Тяжела, я думаю, будетъ эта разлука для нашей тетушки, если только ей не дали сладкой надежды на новую встрѣчу. Если я на-дождаю тебѣ моими скучными рассказами, то да послужитъ тебѣ это упражненіемъ въ терпѣніи. Будь за то благодаренъ твоему другу
Морпетъ, 13 іюля. Д. Мельфордъ.

Къ доктору Льюису.

Наконецъ я добрался, любезный докторъ, до сѣверной границы Англіи и гляжу теперь, какъ подъ моими окнами протекаетъ Твидъ изъ подъ арокъ моста, соединяющаго городъ Бервикъ съ его предѣльствомъ. Йоркшайръ вамъ знакомъ, и потому я не стану говорить объ этой богатой провинціи. Городъ Дергемъ представляется издали грудю каменьевъ и кирпичей, за которую прячется гора, омываемая у подошвы быстрою рѣкою. Улицы, большею частію, узкія, темныя и непріятныя; многія изъ нихъ совершенно непроходимы. Кафедральный соборъ — высокое мрачное зданіе; но духовенство пользуется хорошии помѣщеніемъ. Епископъ живеть по княжески; каноники держатъ открытый столъ. Я слышалъ, въ городѣ имѣется порядочное общество. Съ высотъ Гэтспайдъ-Фелля, простирающагося до самаго Ньюкэстля, предъ глазами разстилаются прекраснѣйшіе виды, какіе мнѣ когда либо доводилось видѣть. Что до Ньюкэстля, то онъ расположенъ въ глубокой долинѣ, по берегамъ Тайна, и на видъ еще хуже Дергема; но онъ очень населенъ и богатъ, благодаря торговлѣ и промышленности. Страна, лежащая по берегамъ рѣки, вокругъ города, представляетъ восхитительную картину земледѣлія и садоводства. Хороши также городки Морпетъ, и Алмушкъ; послѣдній славится замкомъ, принадлежавшимъ долгіе годы благородному дому Перси, графамъ Нортумберландъ. Это огромное зданіе, вѣщающее множество комнатъ и расположенное на значительной высотѣ. Но неприступность его состояла, не столько въ вѣстности и въ укрѣпленіяхъ, сколько въ мужествѣ его защитниковъ.

Со времени отъезда изъ Скерборо съ нами произошло мало замѣчательнаго. Впрочемъ слѣдуетъ рассказать вамъ объ успѣхахъ моей сестры Тобиты въ ея охотѣ на жениховъ, со времени послѣднихъ неудачъ ея въ Батѣ и Лондонѣ. Она начала было упражняться надъ сердцемъ одного искателя приключеній по ремеслу, — грабителя по дорогамъ. Но ему уже удавалось ускользать и не изъ такыхъ сѣтей, а потому онъ счастливо избѣжалъ и этихъ. Тогда она направла свои батареи противъ стараго, потертаго лейтенанта, родомъ шотландца, мистера Лисмагаго. Мы встрѣтились съ нимъ въ Дергемѣ и я вскорѣ убѣдился, что это самое странное существо, какое я когда либо знавалъ. Его обхожденіе столь же непріятно какъ и наружность; но въ немъ есть оригинальный складъ понятій, изрядный запасъ учености, составленный изъ обрѣзковъ всего замѣчательнаго, которые дѣлаютъ разговоръ его занимательнымъ, не смотря на рѣзкость и педантизмъ. Въ этомъ человѣкѣ до такой степени раз-

вить духъ противорѣчiя, что подумаешь онъ перечиталъ и изучилъ всѣ книги, съ неутомимѣйшимъ вниманiемъ, чтобы имѣть возможность опровергать всѣ доказанныя истины и торжествовать въ своемъ полемическомъ тщеславіи. Онъ такъ расположенъ противорѣчить, что не пропуститъ безъ опроверженiя даже легкаго комплимента, который слылаешь его собственной особѣ, или, вообще, его родинѣ.

Когда я замѣтилъ, что онъ, должно быть, много читалъ, чтобы имѣть столько разнообразныхъ свѣдѣнiй, онъ отвѣчалъ, что читалъ мало, почти ничего, и что негдѣ ему было брать книгъ въ лѣсахъ Америки, гдѣ онъ провелъ большую часть жизни. Племянникъ сказалъ, что шотландцы вообще славятся ученостью; тотъ отвергъ и это и потребовалъ, чтобы онъ привелъ въ доказательство своихъ словъ какія нибудь изъ ихъ ученыхъ сочиненiй.—«Шотландцы, сказалъ онъ, имѣютъ только лоскъ учености, которымъ они умѣютъ блеснуть въ глазахъ людей, знающихъ меньше ихъ самихъ; но они знаютъ науки только поверхностно и очень недалеко ушли въ полезныхъ искусствахъ».—«Но вѣдь весь свѣтъ признаетъ, вмѣшалась миссъ Тэбби, что шотландцы прославились въ покоренiи американскихъ дикарей».

— «Позвольте вамъ замѣтить, миссъ, что вы введены въ заблужденiе: шотландцы исполняли только свою обязанность на американскомъ материкѣ; всѣ войска его величества вели себя равно отлично. Тѣ, кто приписываетъ эту честь однимъ шотландцамъ, вовсе не друзья этой націи».

Хотя самъ онъ мало щадилъ своихъ соотечественниковъ, но никому другому не позволялъ безнаказанно задѣвать ихъ. Кто-то изъ присутствовавшихъ намекнулъ на позорный миръ, заключенный лордомъ В—. Лейтенантъ тотчасъ вооружился на защиту почтеннаго лорда, и принялся храбро доказывать, что это самый почетный и выгодный миръ, какой Англія когда либо заключала со времени учрежденiя монархіи. И, между нами сказать, онъ приводитъ такіе доводы, что я былъ совершенно сбитъ, если не убѣжденъ. Онъ никакъ не соглашался съ тѣмъ, что въ великобританской арміи и флотѣ служатъ несоразмѣрное число шотландцевъ, и что англичане не справедливо говорятъ, что эта нація чрезвычайно поощрена на службѣ.—«Если на какое либо назначенiе, возразилъ онъ, зависящее отъ англійскаго министра, или генерала, явятся двое конкурентовъ, сѣверный британецъ и южный британецъ, то было бы нелѣпо полагать, что послѣднему не дадутъ предпочтенiя, какъ имѣющему всѣ преимущества надъ соперникомъ. Во первыхъ, на его сторонѣ то похвальное пристрастiе, о которомъ Аддисонъ сказалъ, что оно приросло къ сердцу англичанина; во вторыхъ у него болѣе сильныя связи и больше влiянiя въ парламентѣ, который обыкновенно рѣшаетъ эти споры, и, наконецъ, онъ располагаетъ болшею суммою денегъ, чтобы очистить себя дорогу къ успѣху. Я, по крайней мѣрѣ, добавилъ онъ, не знаю шотландца, который возвысился бы въ арміи изъ званiя подчиненнаго, не добывая себя каждой степени новышенiя деньгами, или рекрутами; но знаю многихъ, которые, по недостатку денегъ и протек-

ци, посѣдѣли въ чинѣ лейтенанта; тогда какъ между англичанами пригѣры такой несчастливой службы случаются весьма рѣдко. Впрочемъ я вовсе не заключаю изъ этого, что мои соотечественники имѣютъ право роптать: счастье по службѣ, точно такъ же какъ и всякая удача, всегда благопріятствуетъ тѣмъ, у кого большіе деньги, да связей, предположивъ даже равныя съ обѣихъ сторонъ заслуги и способности».

Но самыя смѣлыя и оригинальныя изъ заключеній были слѣдующія: что торговля, рано или поздно, доводитъ до раззоренія націю, у которой она дошла до извѣстнаго развитія; что парламентъ есть гнилая часть британской конституціи; что свобода тишенія есть общественное зло, и что пресловутое учрежденіе суда присяжныхъ, такого какъ въ Англии, даетъ только случай безпрестанно проявляться безыдству и вопіющей несправедливости. Онъ утверждалъ, что торговля есть врагъ всѣхъ благородныхъ движеній души, потому что основывается на жадѣ пріобрѣтенія и на гнусномъ расчетѣ извлечь для себя выгоду изъ потребностей ближняго. На счетъ парламента онъ замѣтилъ, что обычаи подкупать мѣстечки и избирать по голосамъ есть явный способъ распространенія лихоимства, которое всегда ведетъ къ потерѣ нравствъ чести, непристатія и порядка, вслѣдствіе чего не только избиратель и избираемые, но и вся масса народа заражается нравственною порчею; и что при такомъ парламента корона всегда имѣетъ возможность держать большинство въ своемъ распорядкѣ, благодаря множеству мѣстъ, назначеній и пенсій, которыми она можетъ расточать. Такой парламентъ можетъ, (что уже и бывало), продолжать свою сессію ровно столько времени сколько государь сочтетъ удобнымъ имѣть дѣло съ тѣми же самыми предстателями. Съ подобнымъ парламентомъ, зависящимъ отъ короны, преданнымъ ей и опирающимся на регулярную армію, сформированную и содержимую именно для этой цѣли, англійскій король можетъ (и, случись это король честолюбивый, — онъ вѣроятно это сдѣлаетъ), можетъ опрокинуть всѣ основы конституціи. Развѣ смѣлый государь станетъ терпѣть, чтобы ему противорѣчили во всѣхъ его мѣрахъ, чтобы надъ нимъ глумилась и величалась необузданная чернь, когда онъ имѣетъ возможность попать ногами всякую оппозицію?

Лейтенантъ объяснилъ также, почему онъ смотритъ на свободу тишенія какъ на общественное зло: потому, что она позволяетъ самому презрѣнному червю пятнать блескъ достойныхъ заслугъ, и самому низкому возмутителю, нарушать общественный порядокъ и спокойствіе. Онъ сознался однако, что, при нѣкоторыхъ ограниченіяхъ, свобода тишенія могла бы быть драгоценною привилегією, но что въ настоящее время Англія не имѣетъ достаточно сильнаго закона, чтобы удержать эту привилегію въ извѣстныхъ границахъ.

О судѣ присяжныхъ онъ выразился слѣдующимъ образомъ: «Присяжные обыкновенно избираются изъ необразованныхъ плебеевъ, незнающихъ своего дѣла; изъ людей, которыхъ каждый легко можетъ провести, или подкупить; стоятъ только истцу задобрить одно-го изъ двадцати присяжныхъ, и можно быть увѣреннымъ въ благо-

пріятномъ рѣшеніи дѣла. Подкупленный членъ настаиваетъ на своемъ мнѣніи, вопреки справедливости и безпристрастію, до тѣхъ поръ пока его товарищи не измучатся, не истощатся и не проголодаются. Тутъ ужъ, разумѣется, слѣдуетъ согласіе, постановляется несправедливое рѣшеніе, и всѣ судьи становятся преступниками противъ присяги. Но бывають и такіе случаи, гдѣ они дѣйствительно не сходятся во мнѣніяхъ и каждый стовтъ на своемъ; рѣшеніе не дѣйствительно если присяжные между собою не согласны, а между тѣмъ они связаны, не только совѣстью, но и присягою, высказывать свое истинное убѣжденіе. Что же должно изъ этого выйти? Имъ предстоитъ или вмѣстѣ умирать отъ голода и утомленія, или одной стороной пожертвовать своимъ убѣжденіемъ и постановить, сообщая съ другими, рѣшеніе, въ несправедливости котораго они убѣждены. Эту нелѣпость умѣли устранить въ Швеціи, гдѣ достаточно одного большинства голосовъ, и въ Шотландіи, гдѣ двѣ трети голосовъ дѣлають рѣшеніе дѣйствительнымъ».

Разумѣется, я не оставилъ безъ возраженій всѣхъ этихъ доводовъ. Но правдѣ сказать, я былъ даже нѣсколько задѣтъ его претензіями казаться гораздо умнѣе своихъ сосѣдей. Я выражалъ сомнѣніе въ его доказательствахъ, приподилъ множество опроверженій, спорилъ и придирался съ замѣчательною настойчивостью и горячился чуть ли не до рѣзкости. Иногда я его сбивалъ, а раза два и совершенно опровергъ; но онъ снова подвигался, подобно Антею, съ удвоенными силами, такъ что я былъ, наконецъ, выведенъ изъ себя, измученъ и рѣшительно не зналъ, что дѣлать. Къ счастью, онъ проговорился тутъ, что онъ самъ изучалъ когда то право; это, разумѣется, побудило меня тотчасъ же вѣжливо прекратить споръ. Гдѣ же человѣку, подобно мнѣ, ничего не изучавшему, состязаться съ мастеромъ въ его собственномъ ремеслѣ. А все же, я думаю, у меня еще не скоро выйдутъ изъ памяти нѣкоторыя изъ замѣчаній, высказанныхъ этимъ чудакомъ.

Дѣйствительно ли разговоръ его обворожилъ сестру Тебиту, или она уже твердо рѣшилась разставать съѣти всякому мужчине, пока не удастся ей надѣть брачныхъ узъ, только она нѣо всѣхъ силъ поддѣльвается къ Лисмагаго. Нельзя сказать, чтобы съ его стороны было много поощренія, однако, онъ не остается совершенно равнодушнымъ къ ея любезностямъ. Она нѣсколько разъ намекала на то, какъ она была бы рада пользоваться его обществомъ во все время нашего предстоящаго путешествія по Шотландіи, пока онъ, наконецъ, не сказалъ намъ рѣшительно, что его путь лежитъ совершенно въ другую сторону отъ нашего. Онъ прибавилъ, что его общество не принесетъ намъ никакой пользы, такъ какъ онъ вовсе не знакомъ съ страной, оставленною имъ въ самой ранней молодости; слѣдовательно, не можетъ ни руководить насъ въ нашихъ обезрѣніяхъ, ни доставить намъ случая сдѣлать приличныя знакомства. Онъ говорилъ, также что его непреодолимо влечетъ взглянуть на свои домашнія лары, хотя онъ мало предвидитъ себѣ удовольствія, тѣмъ болѣе, что племянникъ его, нынѣшній владѣлецъ ихъ родоваго помѣстья,

какъ слышно, влече поддерживаесть честь своего имени. Впрочемъ, онъ убѣждалъ насъ, что, такъ какъ мы намѣрены вернуться сѣверною дорогою, то онъ постарается встрѣтиться съ нами въ Демфри. Вслѣдствіе этого, онъ распростился съ нами на пол-пути между Морпетемъ и Алнукомъ, и важно носкакалъ впередъ, красуясь на худой, длинноногой, сѣрой лошади. Эта лошадь, неуклюжая и совершенно беззубая, вполнѣ гармонировала съ своимъ сѣдокомъ: наружность обоихъ была до такой степени оригинальна, что я не пожалѣлъ бы двадцати гиней, чтобы имѣть хотя приблизительное изображение обоихъ.

Нортумберландъ — прелестная страна лежащая вдоль Твида, рѣки чрезвычайно живописной; но вы, конечно, удивитесь, когда я вамъ скажу, что англійскій берегъ ея гораздо менѣе обработанъ и населенъ, нежели противоположный. Фермы встрѣчаются изрѣдка, поля не огорожены, и на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ Твида не видно ни одной господской усадьбы, тогда какъ шотландскій берегъ застроенъ вплоть до рѣки, и на пространствѣ немногихъ миль можно насчитать болѣе тридцати барскихъ домовъ. Предки ихъ настоящихъ владѣльцевъ имѣли на этой самой землѣ крѣпкіе замки; это показываетъ, какими опасными сосѣдями были нѣкогда шотландцы для сѣверной Англій.

Наши домашнія дѣла идутъ по старому. Сестра Тэбби по прежнему держится методизма; въ Ньюкестлѣ ей удалось слышать проповѣдь въ Уэслейскомъ собраніи. Но мнѣ кажется, любовь затмила, въ нѣкоторой степени, набожность, какъ въ сестрѣ, такъ и въ ея горничной миссъ Дженкинсъ, за прелесть которой здѣсь былъ самый вѣрный споръ между слугою племянника, Деттономъ и Гэмфри Клинкеромъ. Джерри былъ принужденъ вмѣшаться, чтобы возстановить миръ и я предоставилъ ему рѣшить это важное дѣло, едва не вспыхнувшее пламенемъ раздора въ семьѣ.

Твидмаусъ, 15 іюля.

Вашего преданнаго друга.

М. Брамбля.

Къ сэру Уаткину Филлипсу, въ Оксфордъ.

Любезный Уатъ, въ послѣднихъ двухъ письмахъ я такъ много говорилъ тебѣ о Лисмагаго, что ты, я думаю, радъ, что онъ сошелъ, наконецъ, со сцены. На этотъ разъ я намѣренъ говорить о нашихъ домашнихъ исторіяхъ. Должно быть суждено, чтобы любовь выказала свою власть надъ всѣмъ прекраснымъ поломъ нашей семьи. Покоривъ сердце Лидди и сыгравъ удивительныя штуки съ тетушкой Тэбби, она поднимаетъ теперь бурю въ сердцѣ тетушкиной горничной, миссъ Уинифредъ Дженкинсъ, о которой я уже не разъ упоминалъ въ моихъ письмахъ. Природа надѣлила миссъ Дженкинсъ нравомъ совершенно отличнымъ отъ характера ея госпожи; но привычка и подражаніе произвели между ними удивительное сходство во многихъ отношеніяхъ. Разумѣется, Уинни гораздо моложе и милѣе наружностью; къ тому же она имѣетъ доброе и чувствительное сердце,—качества, которыми вовсе не отличается ея госпожа, не

знающая ни боязливости, ни склонности къ обморокамъ, которыми сильно подвержена Уинни. Но миссъ Дженкинсъ приняла, вмѣстѣ со старыми платьями Тэбби, всѣ ея манеры. Она старается точно такъ же одѣваться и дѣлать тѣ же самыя мины, которыя дѣлаетъ ея госпожа, хотя ея собственныя были бы несравненно привлекательнѣе. Она переняла всѣ ея хозяйственныя понятія, научила ея фразы, повторяетъ ея слова, и, наконецъ, слѣпо слѣдуетъ ея релігіознымъ вѣрованіямъ. Последнее для нея, вѣрно, всего легче и пріятнѣе, такъ какъ въ дѣлѣ вѣры проповѣдникомъ миссъ Тэббиты — былъ Гэмфри Клинкеръ, котораго высокія качества произвели, кажется, сильное впечатлѣніе на миссъ Дженкинсъ, съ тѣмъ поръ какъ она показала ему, въ Мельборо, частицу своей обнаженной синины.

Но не смотря на эту двойную удачу и на все стараніе, съ которыми Гэмфри силился удержать свою побѣду, ему не удалось убедить её со стороны тщеславія, потому что бѣдная Уинни слаба, какъ и всякая женщина. Слуга мой, плутъ Деттонъ, объявилъ себя также еяноклонникомъ, и, съ помощью своихъ иностранныхъ преимуществъ, успѣлъ вытолкать изъ ея сердца своего сомерника, Клинкера.

Гэмфри можно сравнить съ англійскимъ пудингомъ, сдѣланнымъ изъ хорошей муки и изъ свѣжаго сала; а Деттона, съ мороженымъ, которое только пріятно на вкусъ, но нисколько не сытно. Разбѣйникъ не только ослѣпилъ её своимъ мишурнымъ блескомъ, но и старался всячески льстить ей, вздыхалъ, унижался, ухаживалъ за нею. Онъ выучилъ её нюхать табакъ, который подносилъ ей въ табакеркѣ *parier-maché*; снабдилъ её зубнымъ порошкомъ, румянами и бѣлками; убиралъ ей волосы по парижской модѣ; взялся быть ея учителемъ французскаго языка и танцевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ея парикмахеромъ, и, такимъ образомъ, незамѣтно вкрался въ ея сердце. Клинкеръ видѣлъ его успѣхи и молча грустилъ. Онъ попробовалъ открыть глаза своему предмету нравоченіями, но видя, что это не дѣйствуетъ, прибѣгнулъ къ молитвѣ. Въ Ньюкастлѣ, въ то время какъ онъ сопровождалъ миссъ Тэбби въ собраніе методистовъ, соперникъ его отправлялся съ миссъ Дженкинсъ въ театръ. Онъ нарядился въ шелковый кафтанъ, спитый въ Парижѣ для его бывшаго господина, и въ пестрый жилетъ изъ полинявшей парчи, зачесалъ волосы въ большой тупей, надѣлъ высокое жабо и придѣпилъ длинную шпагу. На его дамѣ красовались воздушные наряды изъ полинялой тафты, вымытаго газа и трижды перекрашенныхъ лентъ; но всего замѣчательнѣе былъ ея головной уборъ, возвышавшійся, подобно пирамидѣ, на семь вершковъ надъ ея лбомъ; лицо ея было разрумянено отъ подбородка до глазъ и украшено мушками. Кавалеръ ея не пожалѣлъ также ни бѣлилъ, ни румянъ для своего собственнаго украшенія.

Въ такомъ видѣ они отправились, но главной улицѣ города въ театръ. Ихъ немедленно пропустили, принявъ за актеровъ, одѣвшихся дома для сцены. Но возвращаясь изъ театра еще засвѣтло, они обратили на себя общее вниманіе; толпѣ стало извѣстно ихъ настоящее званіе и на нихъ во всю дорогу сыпалась свистки и насмѣшки.

Въ миссъ Дженинсъ бросали грязью, называя ее «раскрашенною Исавелью», такъ что, придя домой, она, отъ стыда и страха, тотчасъ же упала въ обморокъ.

Клинкеръ такъ озлился на Деттона, котораго считалъ виновникомъ всего этого позора, что сдѣлалъ ему строгій выговоръ за то, что онъ вскружилъ голову бѣдной дѣвкѣ. Тотъ обошелся съ нимъ презрительно и принимая его кротость за трусость, грозился отвалить его хлыстомъ. Гэмфри пришелъ ко мнѣ и униженно просилъ меня позволить ему проучить моего нахала-слугу. «Онъ вызываетъ меня драться съ нимъ на пнагахъ», сказалъ онъ мнѣ, «но, вѣдь, это тоже какъ ослибы я требовалъ отъ него, чтобы онъ сковалъ подкову или сдѣлалъ колесо; вѣдь я столько же смыслю въ дуэли, сколько онъ въ кузнечномъ мастерствѣ. Да и не идетъ лакеямъ братья за шпаги; ужь пускай это дѣлаютъ господа, которые поссорясь, убиваютъ другъ друга; къ тому же я не хочу имѣть на моей совѣсти его крови, хотя бы смерть его сто тысячъ разъ была для меня выгодна. Но если ваша милость не будетъ сердиться, то я задамъ ему хорошую потасовку; это его исправитъ, а ужь вреда я ему не сдѣлаю никакого».

Я сказалъ, что ничего не имѣю противъ этого, съ тѣмъ только, чтобы онъ не былъ зачинщикомъ, а не то Деттонъ затѣветъ съ нимъ дѣло.

Получивъ позволеніе, онъ ушелъ отъ меня и въ тотъ же вечеръ довелъ своего соперника до того, что тотъ началъ драку. Но Клинкеръ возвратилъ ему съ такими процентами, что тому пришлось просить о пощадѣ. Однако, онъ тутъ же объявилъ, что жестоко отомститъ, лишь только мы переѣдемъ границу: тогда онъ, не боясь послѣдствій, будетъ имѣть возможность проколоть Клинкера шпагою. Вся эта сцена происходила въ присутствіи лейтенанта Лисагаго, подстрекавшаго Клинкера рѣшить споръ холоднымъ оружіемъ.—«Холоднымъ оружіемъ! сказалъ Гэмфри; я никогда не употреблю его противъ моего ближняго; но чтобы доказать, что я нисколько не боюсь его холоднаго оружія, я буду защищаться одною дородовою палкою; она всегда къ его услугамъ». Пока все это происходило между соперниками, прелестная виновница ссоры, миссъ Дженинсъ была совершенно убита горемъ; Клинкеръ держалъ себя къ нею очень холодно, хотя и не упрекалъ ея за ея поведеніе. Вскорѣ, однако, споръ соперниковъ пришелъ къ совершенно неожиданной развязкѣ. Между жильцами одного съ нами дома въ Бервикѣ, была влюбленная чета, изъ Лондона, отправлявшаяся въ Эдинбургъ праздновать свадьбу. Невѣста, дочь и наслѣдница умершаго ростовщика, ускользнула отъ своего опекуна и отдалась подъ покровительство молодого ирландца, который увозилъ ея такъ далеко въ надеждѣ найти вѣщеника, который соединилъ бы ихъ безъ формальностей, требуемыхъ англійскимъ закономъ. Незвѣстно какимъ образомъ велъ себя дорогою влюбленный, но только невѣста охладѣла къ нему. Троянно замѣтивъ это, Деттонъ сумѣлъ усилить эту холодность, шептавъ дѣвушкамъ, что это суцая жалость, что она привязалась къ

портному; онъ увѣрять, что ирландецъ не боѣе какъ портной. Такое открытіе усилило ея отвращеніе; Деттонъ сзумѣлъ имъ воспользоваться и постарался самъ войти къ ней въ милость. Сладкорѣчивому плуту удалось какъ нельзя лучше и онъ вскорѣ заступилъ, въ сердцѣ дѣвушки, мѣсто ея прежняго, изгнаннаго имъ оттуда прадмета. Они тотчасъ же составили свой планъ. Однажды утромъ, до разсвѣта, пока еще бѣдннй ирландецъ спокойно храпѣлъ въ своей постели, неутомимый соперникъ его нанялъ почтовый экипажъ и ускакалъ съ юною миссъ въ Колдстримъ, за нѣсколько миль отъ Твида; тамъ они нашли сговорчиваго священника, который сочеталъ ихъ законнымъ бракомъ, прежде нежели ирландцу объ этомъ во снѣ приснилось. Но когда проснувшись въ шесть часовъ утра, онъ убѣдился что птичка улетѣла,—то поднялъ такой шумъ, что переположилъ весь домъ. Первый, кто попался ему на глаза, былъ почтальонъ, возвратившійся изъ Колдстрима, гдѣ онъ былъ свидѣтелемъ брака и, кромѣ хорошаго награжденія, получалъ свадебную ленту, которая развѣвалась у него на шляпѣ. Когда покинутый любовникъ понялъ, что они уже обвѣнчаны и ѣдутъ теперь въ Лондонъ, и что Деттонъ открылъ его бывшей невѣстѣ о его званіи—портнаго,—онъ почти потерялъ сознание отъ бѣшенства. Онъ сорвалъ ленту со шляпы почтальона и отхлесталъ его ею по ушамъ. Онъ клялся, что догнать ихъ хоть у дверей ада и приказалъ подать почтовый экипажъ четвернею, чтобы скакать во весь опоръ. Разочтя, однако, что финансы его не позволяютъ ему такого рода путешествія, онъ былъ вынужденъ отмѣнить свое приказаніе.

Что касается до меня, то я ровно ничего не зналъ о происшедшемъ пока почтальонъ не принесъ мнѣ ключей отъ моего сундука и чемодана, врученныхъ ему Деттономъ, который свидѣтельствовалъ мнѣ чрезъ него свое почтеніе и извинялся въ своемъ внезапномъ отъѣздѣ, объясняя его тѣмъ, что отъ этого шага зависѣло все его счастье. Прежде нежели я успѣлъ увѣдомить дядю объ этомъ событіи, ко мнѣ въ комнату ворвался, безо всякаго спроса, ирландецъ, крича:—«Клянусь душою, вашъ слуга укралъ у меня пять тысячъ фунтовъ; я буду удовлетворенъ, хоть бы тутъ, чортъ побери, завтра же повѣсил!»—Я спросилъ его имя.—«Мое имя: мистеръ Маллоуинъ; но я долженъ бы называться Лейлинь О'Ниль, потому что происхожу отъ Теръ-Овена Великаго; я такой же джентльменъ, какъ и всякій другой, въ Ирландіи; а если бестія, слуга вашъ, говоритъ что я портной, онъ также лжетъ, какъ еслибы сказалъ, что я шапъ. Я имѣлъ состояніе, но промоталъ его, и дойдя до крайности, прибѣгнувъ къ мистеру Кошгреву, модному портному въ Шеффольдъ-стритъ; онъ сдѣлалъ меня своимъ секретаремъ, сказавъ, что я послѣдній, за кого онъ поручается; потому что друзья такъ его пручили, что онъ далъ клятву никого не брать на поруки, кто долженъ болѣе десяти фунтовъ. Но онъ былъ слишкомъ добръ и умѣлъ никому отказывать; это скоро довело бы его до потери всего состоянія и до банкротства, еслибы онъ продолжалъ жить такимъ образомъ. Я сдѣлалъ предложеніе миссъ Скинноръ, молодой особѣ

у которой было пять тысячъ фунтовъ состоянія; она приняла меня такимъ каковъ я есть, и, разумѣется, я сегодня же получалъ бы деньги, еслибы мошенникъ слуга вашъ не подкрался, какъ воръ, и не лишилъ меня моею собственностію. Онъ увѣрилъ её, что я портной и что она получила бы во мнѣ только девятую часть мужчины. Но чортъ меня поберн, если я его когда нибудь не поймаю; ужъ я же тогда покажу ему, что я девять разъ такой же мужчина, какъ и онъ, или тамъ всякій другой козелъ его изъ его соотечественниковъ.»

Когда въ немъ улеглась первая буря, я сказалъ ему, что очень сожалѣю, что онъ вдался въ такой обманъ, но что я къ этому ни сколько непричастенъ; молодецъ, лишившій его невѣсты, лишилъ и меня, въ то же время, слуги.—«Ну, развѣ я не говорю вамъ,—вскричалъ онъ,— что Негодай — его крестное имя? О, еслибы онъ когда нибудь попался мнѣ, въ горячую минуту, ужъ отбилъ бы я у него охоту хвастаться, на всю его жизнь!»

Услыхавъ шумъ, дядя вошелъ въ комнату, и, узнавъ въ чемъ дѣло, принялся утѣшать мистера О'Нила въ побѣгѣ его невѣсты. Онъ увѣрилъ, что видѣтъ въ этомъ нѣчто особенное, и что гораздо лучше, что она убѣжала прежде, а не послѣ свадьбы. Но ирландецъ былъ совсѣмъ иного мнѣнія: онъ говорилъ, что послѣ свадьбы она могла бы бѣжать сколько ей угодно; тогда онъ уже распорядился бы такъ, чтобы она не могла увезти своихъ денежекъ.—«Она—Иуда Искариотскій, сказалъ онъ; она предала мени поцѣлуемъ! какъ Иуда, она унесла съ собою деньги, не оставивъ мнѣ даже ничего на возвращеніе въ Лондонъ. Но ужъ такъ какъ я дошелъ до всего этого, и такъ какъ бездѣльникъ Деттонъ оставилъ васъ безъ слуги, то вы можете взять меня на его мѣсто; клянусь Богомъ, это лучшее, что вы можете сдѣлать».— Я попросилъ извинить меня и сказалъ, что скорѣе перенесу нѣкоторыя неудобства, чѣмъ соглашусь обращаться какъ со слугою, съ потрошкомъ Теръ-Одена Великаго. Я посоветовалъ ему снова обратиться къ его другу Кошгреву и проѣхать изъ Ньюкстля моремъ. Въ заключеніе я вручилъ ему небольшую сумму денегъ; и онъ ушелъ, покориась, повидимому, своей злой судьбинѣ. Я взялъ къ себѣ на пробу одного шотландца, по имени Эрчи М'Ельпина, стараго солдата, послѣдній господниъ котораго, полковникъ, умеръ недавно въ Бервикѣ. Это человекъ старый и довольно дряхлый, но я пріяналъ его по рекомендаціи мистриссъ Гемфрейсъ, очень почтенной женщины, которая содержитъ гостиницу въ Твидмаусѣ и пользуется уваженіемъ всѣхъ проѣзжающихъ здѣсь путешественниковъ. Она поручилась мнѣ за его вѣрность.

Клинкеръ, безъ сомнѣнія, очень счастливъ, что освободился отъ опаснаго соперника, и, по христіанскому человеколюбію, вѣроятно, не завидуетъ ему въ его удачѣ. Даже миссъ Аженкинсъ должна быть довольно случившимся, если хорошенько обо всемъ поразмыслить. Если она и начала на время въ сѣти, разставленныя ей ея тщеславіемъ, то все же Гэмфри непремѣнно долженъ быть полярною звѣздой, къ которой постепенно направляется команда ея сардла. Теперь,

однако же, самолюбіе ея сильно оскорблено предпочтеніемъ, отданнымъ ея поклонникомъ другой красавицѣ. Въ началѣ, извѣстіе объ этомъ возбудило въ ней взрывъ хохота, который вскорѣ перешелъ въ истерическій крикъ. Отъ этого лопнуло, наконецъ, терпѣніе ея госпожи, которая, сверхъ ожиданія, выказала его очень много. Тутъ она уже открыла всѣ шлюзы своему гнѣву и упрекамъ, которые въ ней такъ долго скопились. Она не только осыпала ее упреками за легкомысліе и безнравственность, но даже придралась къ ней со стороны религіи, объявляя, что она отверженная азычница и грозя бросить ее въ этомъ отдаленномъ краю. Вся семья заступилась за бѣдную Уинифредъ, не исключая и ея покинутого любовника, который на колѣнахъ вымолилъ ей прощеніе.

Тутъ встрѣтилось еще одно обстоятельство, взволновавшее тетюшку. Въ Ньюкастлѣ, какой-то шутникъ сказалъ нашимъ людямъ, что въ Шотландіи нечего ѣсть, кромѣ овсяной муки да бараньихъ головъ. Объ этомъ былъ сдѣланъ запросъ лейтенанту Лисмагаго; но изъ его отвѣта можно было вывести скорѣе утвердительное, чѣмъ отрицательное заключеніе. Узнавъ объ этомъ, тетюшка стала очень серьезно совѣтовать своему брату навьючить одну изъ лошадей запасомъ окороковъ, копченыхъ языковъ, бѣлаго хлѣба, сухарей и другихъ принадлежностей, для нашего продовольствія на время путешествія. Мистеръ Врэмблъ отвѣтилъ, точно также серьезно, что онъ объ этомъ подумаетъ. Но видя, что провизія не закупается, тетюшка повторила свой совѣтъ, говоря, что въ Бервикѣ есть порядочный рынокъ, гдѣ все это можно закупить; и навьючить лошадь моего слуги. Дядя пожалъ плечами и посмотрѣлъ на нее съ минуту, съ невыразимымъ презрѣніемъ.—«Послушай», сестра,—сказалъ онъ наконецъ,—«я едва вѣрю, что ты говоришь серьезно».

Она такъ мало смыслила въ географіи острова, что не предполагала возможности вѣхаться въ Шотландію иначе, какъ моремъ; такъ что когда, переѣхавъ границу, мы объявили ей, что мы уже въ Шотландіи, она едва вѣрила нашимъ словамъ. Но, по правдѣ сказать, всѣ англичане до крайности невѣжественны въ этомъ отношеніи. По недостатку любопытства, они, кромѣ насмѣшекъ, переходящихъ изъ рода въ родъ, вслѣдствіе старинной вражды, знаютъ о Шотландіи столько же, сколько и о Японіи.

Еслибы я не бывалъ въ Валлисѣ, меня, конечно, еще болѣе поразила бы рѣзкая разница между поселянами и земледѣльцами противоположныхъ береговъ Твида. Въ Нортумберландѣ видишь здоровый и сильный народъ, опрятно и хорошо одѣтый; тогда какъ шотландскіе земледѣльцы худы, блѣды, съ грубыми чертами лица, грязны и оборваны; ихъ маленькія голубыя шапочки имѣютъ очень жалкій видъ. Самый скотъ гармонируетъ со своими погонщиками: точно такъ же худъ, мелокъ и дурно впряженъ. Когда я замѣтилъ это дядѣ, то онъ сказалъ: — «Какъ ни плохи кажутся шотландскіе работники послѣ народа богатыхъ англійскихъ графствъ, но все же они имѣютъ еще очень хорошій видъ въ сравненіи съ поселянами Франціи, Ита-

ли и Савойи, не говоря уже о валлійскихъ и объ ирландскихъ горахъ.

Мы вѣхали въ Шотландію черезъ огромное болото, простирающееся миль на шестнадцать; это не много обѣщало намъ отъ внутренности страны; но по мѣрѣ углубленія въ неѣ, перспектива улучшалась. Проѣзжая чрезъ Дунбаръ, хорошенькій городокъ, расположенный на берегу моря, мы остановились въ сельской гостинницѣ, гдѣ насъ угостили сверхъ всякаго ожиданія; но честь этого угощенія не относится къ Шотландіи, потому что содержатель гостинницы англійскій уроженецъ. Вчера мы обѣдали въ Гадинтонѣ, нѣкогда замѣчательномъ городѣ, но теперь пришедшемъ въ упадокъ; а къ вечеру пріѣхали въ столицу, о которой не могу тебѣ многого сказать. Городъ, расположенный по скату холма, очень живописенъ; на вершинѣ стоитъ укрѣпленный замокъ, а въ глубинѣ долины—корольскій дворецъ. То, что поражаетъ носъ путешественника, пусть остается безъ названія; а что прежде всего бросается въ глаза—это невѣроятная вышина домовъ, доходящихъ, большею частію, до пяти, шести, семи и восьми этажей, а въ иныхъ улицахъ, какъ увѣряють, даже до двѣнадцати. Такого рода постройки, представляющія столько неудобствъ, вѣроятно, были введены за недостаткомъ пространства. Дѣйствительно, городъ кишитъ народомъ; но видъ этого народа, его нарѣчіе, одежда и обычай до такой степени несходны съ нашими, что я едва вѣрю, что нахожусь въ Великобританіи.

Гостинница, гдѣ мы остановились, если только можно назвать это гостинницею, была до такой степени грязна и непріятна во многихъ отношеніяхъ, что дядя нахмурился и почувствовалъ даже нѣкоторыя симптомы возвращенія подагры. Тутъ онъ вспомнилъ, что у него есть рекомендательное письмо къ нѣкому мистеру Мичельсону, адвокату; онъ отпразднилъ его съ слугою, которому поручилъ сказать, что явится къ нему лично на слѣдующій день. Но этотъ джентльменъ немедленно самъ пришелъ къ намъ и уговорилъ насъ перебраться къ нему въ домъ, пока онъ не найдетъ для насъ удобной квартиры. Мы съ радостью приняли его приглашеніе и перебрались въ его домъ, гдѣ нашли самое радушиное и утонченное гостепрѣимство, къ крайнему смущенію тетюшки, предубѣжденія которой, начинавшія было оправдываться, теперь были окончательно опровергнуты. Сегодня мы, съ помощью нашего друга, помѣстились на удобной квартирѣ, въ пятомъ этажѣ, на большой улицѣ. Здѣсь жить въ пятомъ этажѣ считается гораздо приличнѣе, нежели въ первомъ. Воздухъ, разумѣется, чище; но надо имѣть здоровыя легкія, чтобы дышать имъ на такой высотѣ надъ землею. Но гдѣ бы я ни дышалъ имъ, высоко ли, низко ли, пока дышу, всегда перебуду твоимъ вѣрнымъ

18 іюля.

Д. Мельфордомъ.

—
Къ доктору Льюису.

Прилегающая къ Бервику часть Шотландіи, кажется, самую природою предназначена служить границею между двумя враждебными націями. Это печальная, обширная степь, на которой ничего не рас-

тетъ кромѣ вереска и папоротника; когда мы проѣзжали ею, она казалась еще печальнѣе отъ густаго тумана, едва позволявшаго отличать предметы въ двадцати шагахъ отъ экипажа. Моя сестра принялась дѣлать гримасы и подносить къ носу флаконъ; Лидди была блѣдна, а миссъ Дженкинсъ совсѣмъ упала духомъ. Но немного спустя, туманъ разсѣлся: на право отъ насъ показалось море, а на лѣво, въ нѣкоторомъ отдаленіи, горы. Между ними и берегомъ лежала красивая долина, и въ ней меня всего болѣе поразило то, что она была покрыта на нѣсколько миль такую превосходною рожью, какую мнѣ когда либо удавалось видѣть въ самыхъ плодородныхъ частяхъ Англіи. Эта великолѣпная жатва разстилалась по открытымъ полямъ, безо всякой изгороди, и не имѣла ниаго удобренія, кромѣ морской травы, *alga marina*, обильно растущей на этомъ берегу. Это доказываетъ, что здѣшніе почва и климатъ благопріятны для урожая, но земледѣліе далеко еще не достигло здѣсь того совершенства, котораго оно достигло въ Англіи. Огораживаніе полей плетнями не только согрѣвало бы почву и отдѣляло различные посѣвы, но и защищало бы ихъ отъ сильныхъ вѣтровъ, которымъ открыта эта часть острова.

Дунбаръ очень удобно расположенъ для торговли и имѣетъ замѣчательную гавань, гдѣ могутъ удобно приставать небольшіе корабли. Но въ городѣ не замѣтно большой дѣятельности. Отсюда дорога къ Эдинбургу покрыта роскошными дачами, принадлежащими знати; каждая изъ нихъ окружена парками и цвѣтниками, которые очень красятъ эту плоскую и открытую мѣстность. Въ Дунбарѣ находится прекрасный паркъ съ охотничьимъ дворомъ, принадлежащій герцогу Роксбургскому; тутъ Оливеръ Кромвель имѣлъ свою главную квартиру, когда Лесли, во главѣ шотландской арміи, овладѣлъ соседними горами и такъ стѣснилъ Кромвеля, что тотъ былъ бы принужденъ искать спасенія моремъ, еслибы фанатизмъ враговъ его не повредилъ успѣхамъ, которые они сдѣлали подъ предводительствомъ своего генерала. Духовенство увлекло ихъ, посредствомъ проповѣдей, молитвъ и предсказаній, сойти съ горъ и побить Филистимлянъ; они покинули свои позиціи, не взирая на всѣ усилія Лесли удержать ихъ безумный фанатизмъ. Когда Оливеръ усмотрѣлъ ихъ движеніе, то онъ вскричалъ:—«Благодарю тебя, Воже, ты отдаешь ихъ въ руки раба твоего!» Онъ приказалъ войскамъ своимъ пѣть хвалебные псалмы, и стройными колоннами повелъ ихъ въ долину, гдѣ шотландцы были разбиты на голову. Близъ Гаддингтона находится одинъ барскій домъ, на постройку и украшенія котораго пошло, говорятъ, сорокъ тысячъ фунтовъ. Не скажу однако, чтобы мнѣ очень понравились архитектура и расположеніе, хотя передъ фасадомъ протекаетъ живописная рѣчка, съ очень красивыми берегами. Я намѣренъ сдѣлать визитъ лорду Элибанку, котораго имѣлъ честь знать въ Лондонѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Онъ живетъ въ этой части королевства, но теперь поѣхалъ къ кому-то на сѣверъ. Вы часто слышали отъ меня объ этомъ благородномъ человѣкѣ; его я всегда уважалъ за его человѣколюбіе и универсальное образованіе, къ

которымъ прибавляетъ еще болѣе занимательности оригинальность его характера. Кромѣ того, въ Мессельбергѣ я имѣлъ удовольствіе пить чай съ моимъ стариннымъ другомъ, мистеромъ Кардонелемъ, и въ его домѣ встрѣтилъ С—, приходскаго священника; онъ такъ плѣнилъ меня своею веселостью и разговоромъ, что я пожелалъ ближе съ нимъ познакомиться. Не удивляюсь, что шотландцы умѣютъ составлять себѣ карьеру во всѣхъ частяхъ свѣта.

Отсюда шли четыре до Эдинбурга, и мы отправились туда морскимъ берегомъ, по мягкому песчаному грунту, покинутому водою во время отлива. Съ этой дороги, Эдинбургъ открывается не слишкомъ живописно. Глазъ смутно отличаетъ замокъ и верхнюю часть города, видъ которыхъ мѣняется съ каждымъ поворотомъ дороги, такъ что безирестанно видишь отдѣльные куполы и башни какой нибудь великолѣпной развалины. Голлуудскій дворецъ возвышается надъ горою, при вѣздѣ черезъ улицу. Эта широкая, отлично вымощеная, улица, обставленная по обѣимъ сторонамъ высокими домами, могла бы считаться одною изъ лучшихъ въ Европѣ, еслибы тутъ не втерлась, неизвѣстно какимъ образомъ, на самый видъ, группа жалкихъ строеній, называемыхъ Веселыми Шалапами. Городъ расположенъ на двухъ холмахъ, раздѣленныхъ долиною, и, не смотря на всѣ свои недостатки, можетъ очень хорошо слыть за столицу небольшого государства. Онъ полонъ народа, шума экипажей и товарныхъ возовъ. Сколько я могъ замѣтить, здѣсь не ощущается недостатка въ провизіи. Говядина и баранина здѣсь такъ же нѣжны какъ и въ Валлисѣ; хѣре съ избыткомъ доставляетъ хорошую рыбу; мука превосходная, точно такъ же какъ и вода, хотя, боюсь, что количество послѣдней не соотвѣтствуетъ всѣмъ потребностямъ опрятности, которою, надо сознаться, наши сосѣди не очень отличаются. Вода проведена, чугунными трубами, съ сосѣдней горы въ цитерну Кэстль-Гилля, откуда другіе водопроводы снабжаютъ ею всѣ части города. Водоносы, обоихъ половъ, разносятъ еѣ въ бочкахъ по четвертымъ, пятымъ, восьмымъ и другимъ этажамъ домовъ, ко всѣмъ жильцамъ. Каждый этажъ обыкновенно занятъ однимъ семействомъ, а общая всѣмъ лѣстница обыкновенно находится въ весьма неопрятномъ видѣ, такъ что приходится очень осторожно ступать по ней, если идешь въ хорошихъ башмакахъ. Ничего не можетъ быть поразительнѣе разницы между тѣмъ, что видишь внѣ двери и за дверью. Порядочныя женщины очень заботятся здѣсь объ украшеніи и объ опрятности своихъ квартиръ, какъ будто стараясь, чтобы прудубѣжденіе, лежащее на народѣ, не касалось частныхъ лицъ. Вамъ извѣстенъ здѣшній обычай выливать за окно всѣ нечистоты, въ извѣстный часъ ночи; этотъ обычай существуетъ также въ Испаніи, въ Португаліи, въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи и Испаніи. Съ этимъ я уже никакъ не могу примириться, потому что, не смотря на всѣ старанія грязвозововъ, подбирающихъ эти нечистоты на разсвѣтѣ дня, ихъ все еще остается довольно, чтобы оскорблять зрѣніе и еще одинъ органъ у людей, неутратившихъ, вслѣдствіе привычки, всей тонкости чувствъ.

Но на здѣшнихъ обывателей это нисколько не дѣйствуетъ, и они

готовы приписывать выказываемое нами отвращеніе одной аффектаціи. Имъ, однако, не мѣшало бы имѣть немного состраданія къ чужеземцамъ, непривыкшимъ къ этого рода мукамъ, и подумать не стоитъ ли постараться отвратить отъ себя нареканіе, которому они подвергаются, въ этомъ отношеніи, со стороны своихъ сосѣдей. Что касается до поразительной вышины ихъ домовъ, то она нелѣпа во многихъ отношеніяхъ, но въ особенности въ одномъ; я не могу глядѣть на нихъ безъ ужаса. Каково было бы положеніе жильцовъ верхнихъ этажей, еслибы общая лѣстница была охвачена вышю огнемъ? Для предупрежденія ужасныхъ послѣдствій подобнаго случая, необходимо было бы устроить сообщеніе мѣжъ каждаго этажа, съ тѣмъ же этажемъ смежнаго дома, чтобы люди могли спастись въ этой крайней опасности. Но во всѣхъ частяхъ свѣта мы видимъ, что обычай сильнѣе всѣхъ предписаній осторожности и разсудка.

Отъ часу до двухъ по полудни, въ Единбургѣ весь рабочий народъ, и даже люди высшаго круга, толпятся подъ открытымъ небомъ, на томъ мѣстѣ гдѣ нѣкогда стояла рыночная часовня, — кстаті замѣчу, — любопытный образчикъ готической архитектуры, который до сей поры можно видѣть неподалеку отсюда, въ саду лорда Сомервилля. Собравшаяся толпа слушаетъ пьесы, разыгрываемыя колокольчиками на ближней башнѣ. Если музыкантъ, играющій на этихъ колокольчикахъ, и состоящій на жалованьи у города, знаетъ свое дѣло, то эту музыку слушаешь не безъ удовольствія; она имѣетъ много оригинальнаго для уха иностранца. Единбургскія гостиницы, кажется, еще хуже лондонскихъ; но намъ удалось, благодаря одному достойному джентльмену, которому насъ рекомендовали, найтти приличную квартиру въ домѣ одной благородной вдовы, мистриссъ Локкартъ. Здѣсь я намѣренъ оставаться, пока не пересмотрю всего что есть замѣчательнаго въ столицѣ и въ ея окрестностяхъ. Я ужъ начинаю чувствовать благотворное дѣйствіе движенія: ѣмъ какъ полевой работникъ; сплю безъ просыпа отъ полночи до восьми часовъ утра и постоянно нахожусь въ хорошемъ расположеніи духа, равно далеко и отъ раздражительности и отъ апатіи. Но каковы бы ни были приливы и отливы моего расположенія духа, я ни на минуту не престану быть вашимъ преданнѣйшимъ другомъ и слугою.

Единбургъ, 18 июля.

М. Брэмблѣ.

Къ миссъ Мери Джонсъ, въ Брэмльтонъ-Голль.

Милая Мери, эсквайръ былъ такъ добръ, что взялся отправить мое письмо вмѣстѣ съ своимъ въ одномъ пакетѣ. О Мери Джонсъ, Мери Джонсъ! какія я перенесла тяжелыя испытанія! Помогни мнѣ Боже! Демонъ задумалъ искусить меня въ видѣ Деттона, камердинера молодого эсквайра; но Господь Богъ предохранилъ меня. Я думала, что не великъ грѣхъ сходить, въ Ньюкэстлѣ, въ театръ, причесавшись по парижской модѣ. Я, правда, кромѣ того, подумлилась, но только потому, что онъ говорилъ будто я очень блѣдна; ну я и позволила ему притереть мнѣ немножко щеки испанскимъ масломъ. Но вообрази, при выходѣ изъ театра на насъ набросилась цѣлая толпа школьничковъ

всякой сволочи, думающей что всякій долженъ ходить оборвышемъ, и ну честить меня и «непотребной, и росписанной Изавелью,» да еще, ко всему этому, пшвырять въ меня грязью, такъ что теперь хоть брось мой кружовой уборъ, что я купила за семь шиллинговъ въ Лондонѣ, у горничной мистриссъ Грискинъ, и только что обновила.

Когда я спросила мистера Клинкера отчего меня называли Изавелью, онъ сунулъ мнѣ въ руки библию и тамъ я прочла, что Изавель была непотребная женщина, которая румянилась и бѣлилась, и что она была выброшена за окно, а собаки пришли и стали лизать ея кровь. Но вѣдь я не такая и Богъ избавитъ меня отъ этого, чтобы собаки стали лизать мою кровь. Вотъ еще! да сохрани Господи. Чтоже касается до Деттона, то, послѣ всѣхъ ухаживаній и комплиментовъ, онъ возьми, да я убѣги съ невѣстою одного ирландца, сдѣлавъ и своему барину, и мнѣ французскій книксенъ. Ну ужъ я—то, конечно, не дала бы и фарсинга за то, чтобы онъ возвратился; но зла я была на него ужасно. Барышня моя взгрызлась на меня какъ бѣшеная; но меня утѣшило то, что вся семья за меня вступилась и даже мистеръ Клинкеръ на колѣнахъ просилъ за меня. А Богу извѣстно сколько онъ имѣетъ причинъ жаловаться на меня; но это добрая душа. Въ ней столько христіанскаго милосердія, что ужъ, конечно, ей за это будетъ когда нибудь награда.

Теперь, милая Мери, мы находимся въ Адинборгѣ, среди шотландцевъ. Они довольно учтивы, за наши деньги, хотя я и не понимаю что они говорятъ. Но что они тамъ ни говорятъ, а насъ не проведутъ. Они, напрямѣръ, вывѣшиваютъ на домахъ билеты, что отдаются квартиры «со всѣми удобствами,» а какъ посмотришь, такъ въ цѣломъ государствѣ нѣтъ главнаго удобства. Въ ушатъ съ двумя перекладинами сливаютъ, днёмъ, всѣ нечистоты; а въ десять часовъ вечера весь этотъ запасъ выливается изъ окна въ проулокъ позади дома. Служанка только крикнетъ прохожимъ:—«Верегись!»—то есть: «Богъ тебя храни, чтобы на голову не попало.» И это дѣлается такъ каждый вечеръ, изъ cadaго дома, въ Адинборгѣ. Можешь вообразить, Мери, какой здѣсь, отъ этого пріятный запахъ; но говорятъ, будто это здорово; должно быть; я тоже думаю. Сидя среди всѣхъ этихъ благовоній и раздумывая объ Изавели и о мистерѣ Клинкерѣ, я чуть было не упала въ обморокъ; но эта, съ позволенія сказать, вонь такъ сильно ударила мнѣ въ носъ, что я три раза чихнула и во чувствовала удивительное облегченіе. Отъ этого-то, вѣроятно, въ Адинборгѣ ни съ кѣмъ и не приключается обмороковъ.

Меня увѣряли, будто бы здѣсь рѣшительно нечего ѣсть кромѣ овсянаго хлѣба, да бараньихъ головъ; и какъ это мнѣ, глупой, не пришло въ голову, что вѣдь не можетъ же быть головы безъ тѣла! Не далѣе какъ вотъ сегодня я ѣла превкусную баранью ногу съ вѣтеной капустой; а овсяный хлѣбъ я предоставляю здѣшнимъ слугамъ: это все такой бѣдный народъ,--ни чулокъ на немъ, ни башмаковъ нѣтъ. Мистеръ Клинкеръ говорилъ мнѣ, что здѣсь большое сборище вѣрующихъ. Ужъ боюсь я, очень боюсь, чтобы кто нибудь въ нашей семьѣ не совратился съ истиннаго пути. Захоти я бол-

тать, напилось бы у меня много секретовъ. У насъ ужъ были любезности да подмигиванья между наскою барышною и однимъ старымъ шотландскимъ офицеромъ, по имени Кисмикаго. Онъ похожъ на пугало, которое садовники выставляютъ чтобы отгонять воробьевъ. Что-то ужъ изъ этого будетъ? одинъ Богъ вѣдаетъ. Но чтобы тамъ ни было, по крайней мѣрѣ никто не можетъ сказать, чтобы я хоть заикнулась объ этомъ дѣлѣ. Поклонись отъ меня хорошенькой Селли и кухаркѣ. Надѣюсь, что вы получили азбуку и что счумѣете извлечь изъ нея для себя пользу; это постоянная молитва твоей вѣрной подруги,

Адинбургъ, 18 июля.

У. Дженкинсъ.

Къ сэру Уаткину Филлипсу, въ Оксфордъ.

Если я еще долге останусь въ Эдинбургѣ, то я превращусь въ совершеннаго Каледонійца. Дядя увѣряетъ, что я уже усвоилъ себѣ здѣшнее произношеніе. Здѣшній народъ такъ общителенъ и внимателенъ къ иностранцамъ, что я незамѣтно втянулся во всѣ его привычки и обычаи, хотя они гораздо болѣе отличны отъ нашихъ, нежели ты можешь себѣ вообразить. Но эта разница, чрезвычайно поражавшая меня въ началѣ, стала мнѣ теперь едва замѣтна и ухо мое вполне примирилось съ шотландскимъ произношеніемъ. Я нахожу его даже приятнымъ въ устахъ хорошенькой женщины. Это нѣчто въ родѣ дорическаго нарѣчія, имѣющее въ себѣ что-то восхитительно патріархальное. Ты не можешь себѣ вообразить какъ насъ приняли и обласкали въ добромъ городѣ Эдинбургѣ, гдѣ мы, благодаря особой милости магистратуры, приняты въ число согражданъ и общинниковъ.

У меня было престранное порученіе изъ Бата къ одному изъ здѣшнихъ жителей. Узнавъ о нашемъ намѣреніи побывать въ Эдинбургѣ, Куинъ вручилъ мнѣ гинею, прося выпить на неѣ въ таворикъ съ однимъ его другомъ и собутыльникомъ, мистеромъ Р.* С.*, здѣшнимъ адвокатомъ. Я принялъ порученіе и, взявъ гинею, сказалъ ему: — «хорошо, вы даёте мнѣ на водку.» «И на головную боль, если хорошо вышьете»,—прибавилъ онъ, смѣясь. Я явился къ мистеру С*, который принялъ меня съ отворстыми объятіями и, выслушавъ мой вызовъ, назначилъ мнѣ свиданіе. Онъ позаботился, чтобы было веселое общество, и я провелъ время чрезвычайно приятно, сдѣлавъ всё, чтобы поддержать свою репутацію передъ Куинномъ и мистеромъ С.* Но увы! я былъ новичекъ, между ветеранами, которые изъ снисхожденія къ моей молодости отправили меня домой по утру, незвѣстнымъ мнѣ способомъ. Однако, насчетъ головной боли, Куинъ ошибся: кларетъ былъ слишкомъ благороденъ, чтобы сыграть со мною еще и эту шутку.

Пока мистеръ Брэмблѣ ведетъ пренія съ здѣшними учеными, а дамы наши отдають визиты шотландскимъ леди, этимъ милѣйшимъ созданіямъ на землѣ, я провожу время среди эдинбургской молодежи. Я замѣчаю въ этой молодежи, кромѣ большого запаса остроумія и живости, много тонкой хитрости и умѣнья владѣть собою,—

качества, которыя не часто встрѣчаются у ея сосѣдей, особенно въ лучшую пору молодости. Шотландецъ не выронить ни малѣйшаго намека, который могъ, бы принять за личность кто либо изъ себе-сѣдниковъ. Споровъ за національность здѣсь никогда не слышно. Въ этомъ отношеніи, надо сознаться, мы и несправедливы, и неблагодарны къ шотландцамъ, потому что, на сколько я могу судить, они искренно расположены къ англичанамъ, и не иначе отзываются о нашей странѣ, какъ съ большимъ уваженіемъ. Но несмотря на это, они ни мало не подражаютъ намъ въ нашихъ модахъ и въ нашихъ свѣтскихъ порокахъ. Всѣ ихъ обычаи и отправленія общественной и частной жизни, всѣ ихъ занятія и увеселенія посвятъ свой собственный отпечатокъ. Это явно обозначается въ ихъ пріемахъ, одеждѣ, наружности, музыкѣ и даже въ ихъ кухнѣ. Папъ эсквайръ говоритъ, что не знаетъ народа, который бы болѣе рѣзко отличался своимъ національнымъ характеромъ. Упомянуть о кухнѣ, слѣдуетъ сказать, что многіе изъ здѣшнихъ блюдъ я нахожу не только вкусными, но даже тонкими; впрочемъ я еще не на столько ошотландился, чтобы наслаждаться подпалеными бараными головами и колбасами, которыми угощали насъ на обѣдѣ у мистера Мичельсона. Первые напомнили мнѣ исторію Конго, гдѣ я читалъ, что голубы негровъ публично продаются на рынкахъ; послѣдніи, представляющія съѣсъ крошенныхъ легкихъ, печени, сала, овсяной муки, лука и перца, которыми начиняется бараний желудокъ, произвели на мой собственный самое быстрое дѣйствіе и заставили поблѣднѣть нѣжную месь Тобби. Замѣтивъ все это, хозяинъ тотчасъ же подалъ знакъ убрать со стола предметъ нашего отвращенія. Вообще, шотландцы очень любятъ эти колбасы, такъ же какъ и свой овсяный хлѣбъ; любятъ, такъ сказать, патриотически. Овсяный хлѣбъ видишь на каждомъ столѣ въ формѣ тонкихъ, треугольныхъ булокъ; онѣ пекутся на желѣзныхъ лѣстахъ и называются *колесками*. Большая часть здѣшнихъ уроженцевъ, даже изъ высшаго класса, предпочитаютъ это печенье пшеничному хлѣбу, который здѣсь также превосходитъ. Помнишь какъ мы выводили изъ себя бѣднаго Моррея, въ Валиоль-Коллегии, спрашивая его, правда ли что въ Шотландіи нѣтъ иныхъ фруктовъ, кромѣ рѣпы? Дѣйствительно, я видѣлъ на столахъ рѣпу, но только не для десерта, а въ видѣ *hors d'oeuvres*, точно такъ же какъ во Франціи и въ Италіи подается, между двухъ болѣе питательныхъ блюдъ, рѣдиска. Но слѣдуетъ замѣтить, что здѣшняя рѣпа на столько же превосходитъ въ сочности и мягкости англійскую, на сколько дыня превосходитъ кочанъ капусты. Эта рѣпа мала и конусообразна, съ тончайшею и желтою кожицею; кромѣ пріятнаго вкуса, она отличается еще нѣкимъ качествомъ, что предохраняетъ отъ скорбута. Въ югодахъ, особенно въ вышнихъ, спородившійся прыжовникъ здѣсь также нѣтъ недостатка; а въ окрестныхъ садахъ, гдѣ живетъ здѣшняя знать, теперь уже улыбаются абрикосы, персики и даже виноградъ. Мало того, неподалеку отъ Эдинбурга мнѣ удалось полюбоваться ананасами. Впрочемъ чему же тутъ удивлять-

ся, если взять во вниманіе ничтожную разницу между здѣшнимъ климатомъ и лондонскимъ.

Мы вынесли много удовольствія изъ нашего обзора всѣхъ замѣчательностей города и его окрестностей, милъ на десять вокругъ.

Въ замкѣ находятся королевскіе покои, гдѣ иногда останавливаются наши государи; тутъ же хранятся королевскія регалии, — то есть корона, говорятъ, чрезвычайно драгоценная, скипетръ и государственный мечъ, осыпанный драгоценными каменьями. Народъ чрезвычайно дорожитъ этими символами. Во время собранія соединеннаго парламента, разнесся было слухъ, что регалии перенесены въ Лондонъ; народъ возсталъ съ такою яростію, что разорвалъ бы въ куски лорда-намѣстника, еслибы тотъ не успокоилъ его, показавъ ему сокровища.

Голлуудскій дворецъ отличается очень изящною архитектурою, но построенъ въ темной и, мнѣ кажется, нездоровой мѣстности. Его какъ будто старались спрятать отъ глазъ. Комнаты обширны, но пусты; что же касается до портретовъ шотландскихъ королей, начиная отъ Фергуса I, до короля Уильяма, то они очень плохо нарисованы, большею частію однимъ мастеромъ; лица вымышлены или написаны съ наемныхъ натурщиковъ. Въ Единбургѣ мы пользуемся въ маломъ видѣ всѣми лондонскими удовольствіями. Здѣсь бывають очень хорошіе концерты, въ которыхъ участвуетъ множество любителей, играющихъ на различныхъ инструментахъ. Всѣ шотландцы музыканты. Кого бы вы ни встрѣтили, каждый играетъ либо на флейтѣ, либо на виолончели, либо на скрипкѣ. Композиціи одного здѣшняго знатнаго лица имѣють всемірную извѣстность. Здѣсь имѣется недурная труппа актеровъ и, въ настоящее время, идетъ подииска на постройку новаго театра. Но болѣе всѣхъ другихъ общественныхъ удовольствій мнѣ нравятся здѣшнія собранія.

Мы были на охотничьемъ балѣ и я былъ совершенно пораженъ при видѣ такого множества хорошенькихъ женщинъ. Англичане не переѣзжавшіе Твида несправедливо предполагають, что шотландскія дамы не отличаются вышними достоинствами; я неохотнѣе объявляю, что мнѣ никогда не удавалось видѣть разомъ столько красавицъ, сколько я видѣлъ ихъ при этомъ случаѣ. Во время дейскихихъ скачекъ сюда съѣзжается лучшее общество изъ отдаленныхъ провинцій, такъ что, я полагаю, мы видѣли всѣхъ красавицъ здѣшняго края. Впечатлѣніе было такъ сильно, что сердце мое едва устояло. Между нами сказать, оно понесло сильный ущербъ отъ огненныхъ глазокъ прелестной миссъ Р*, съ которою я имѣлъ честь танцовать на этомъ балѣ. Графиня Мельвилъ обратила на себя всѣ взоры и произвела общій восторгъ; съ нею была миленькая миссъ Гривъ, также одержавшая много побѣдъ. Должно сказать, что и сестра моя Лидди не осталась незамѣченною въ этомъ обществѣ. Она приобрѣла извѣстность въ Единбургѣ, подъ именемъ Кэмбрийской красавицы, и за нею было уже провозглашено множество тестовъ. Но на этомъ балѣ съ бѣдною дѣвочкою случалось приля-

ченіе, приведшее насъ въ большое затрудненіе. Её пригласилъ на мезутъ какой-то молодой джентльменъ, живое подобіе негодля Вильсона, и это неожиданное явленіе поразило её до такой степени, что она упала въ обморокъ. Я называю Вильсона негодяемъ, потому что, — будь онъ благородный человѣкъ, съ честными намѣреніями, — онъ давно бы уже выказалъ себя въ своемъ настоящемъ видѣ. Признаюсь, во мнѣ кипитъ кровь отъ негодованія, когда я только подумаю о наглости этого человѣка; накажи меня Богъ, если я когда нибудь... Но что же я клянусь какъ баба! Время, быть можетъ, представить мнѣ случай... Благодаря Бога, причина обморока сестры осталась тайною. Распорядительница бала приписала его жару и увела Лидли въ другую комнату, гдѣ она вскорѣ пришла въ себя и могла принять участіе въ кадрилихъ. Шотландскіе кавалеры танцуютъ ихъ съ такою замысловатостью и оживленіемъ, что увлекаютъ своихъ дамъ до степени собственной своей веселости. Я полагаю, что тетушка Тебита считала надежду покорить себѣ кого нибудь на этомъ балѣ; у нея нѣсколько дней до того происходили совѣщанія съ модистками и швеями приглашенными для этого случая. Она явилась на балъ въ цвѣтѣ дамъ, такомъ толстомъ и тяжеломъ, что при одномъ взглядѣ на него, въ это время года, у человѣка съ нѣкоторою долею воображенія, долженъ былъ выступить потъ. Она протанцовала мезутъ съ нашимъ другомъ, мистеромъ Мичельсономъ, доведшимъ до этой степени свою любезность и гостепріимство; потомъ была вторично приглашена лордомъ Беллимагуэпль, который, войдя въ залъ, не успѣлъ отыскать себѣ другой дамы. Но такъ какъ первый — женатый человѣкъ, а второй — не обратилъ большаго вниманія на ея прелесть, оставшіяся столъ же мало замѣченными и со стороны остальныхъ общества, то она сдѣлалась недовольна и придрочива. За ужина она замѣтила, что шотландцы становятся очень пріятными людьми, когда нѣсколько образуютъ себя путешествіемъ и пожалѣла, что не всѣ они стараются побывать за границею. О женщинахъ она сказала, что онѣ неуклюжи и не имѣютъ ничего женственнаго; что, танцуя, онѣ скачутъ какъ жеребята и не имѣютъ понятія о граціи движеній; а одѣваются ужасающимъ образомъ. Но, по правдѣ сказать, самую смѣшную и самую дурно одѣтою личностью, въ дѣломъ обществѣ, была сама миссъ Тэбби. Пренебреженіе къ ней кавалеровъ вообще расположило её къ недовольству; она стала находить, что въ Единбургѣ всё дурно, и начала было докучать брату, чтобы уѣхать отсюда; но теперь религія снова примирила её съ Единбургомъ. Здѣсь есть секта фанатиковъ, отдѣлившись отъ господствующей церкви подъ именемъ *Отпадшихъ*. Они не признаютъ земнаго главы надъ церковью, отвергаютъ покровительство свѣтской власти и придерживаются ученія методистовъ о возрожденіи, о новомъ свѣтѣ, о дѣйствіи благодати и о недостаточности добрыхъ дѣлъ. Миссъ Тэбби, вмѣстѣ съ Гэмфри Клинкеромъ, была допущена на одну изъ ихъ сходокъ, и оба они возвратились оттуда вранскими, т. е. набожностію. Тетушкѣ удалось познакомиться съ од-

нимъ набожнымъ человекомъ, мистеромъ Моффетомъ; онъ строго блюдетъ всѣ обряды и поддерживаетъ её на томъ же пути.

Мнѣ никогда не случалось видѣть на англійскихъ скачкахъ такого стеченія избраннаго общества, какое я видѣлъ здѣсь, на скачкахъ въ Лейтѣ. Тутъ же по близости, на поляхъ, Эдинбургскіе жители упражняются въ игръ, называемой *гольфомъ*. Они употребляютъ для этого особый родъ палокъ, съ окопечностью въ видѣ рога, и маленькіе, эластичные, кожаные шары, набитые пухомъ, которые менѣе обыкновенныхъ мячей, но гораздо болѣе упруги. Они перебрасываютъ эти шары съ такою силою и ловкостью, что они летятъ на неизмѣримое разстояніе. Шотландцы очень любятъ это упражненіе и, когда позволяетъ погода, собираются толпами, начиная отъ высшаго сановника, до послѣдняго блузника, и съ величайшимъ любопытствомъ слѣдятъ за летающими шарами. Между прочими игроками мнѣ указали на особый разрядъ гольферовъ, изъ которыхъ младшему за восемьдесятъ лѣтъ. Всѣ они люди съ достаткомъ, провели большую часть жизни въ этомъ занятіи, не испытавъ отъ него ни утомленія ни скуки; они ни разу не легли спать, не опорожнивъ бутылки кларета. Такое непрерывное тѣлесное упражненіе, въ соединеніи съ раздражительнымъ морскимъ воздухомъ, безъ сомнѣнія должно поддерживать аппетитъ и предохранять тѣло отъ всякаго расслабленія.

Скачки въ Лейтѣ дали поводъ еще къ одному, очень странному празднику. Въ Эдинбургѣ есть особый классъ, или цехъ, разсыльныхъ, называемыхъ кауди, которые бѣгаютъ, вечеромъ, по улицамъ, съ бумажными фонарями, и очень полезны для разноски писемъ. Этотъ народъ, оборванный и грубый въ обращеніи, смысленъ удивительно и славится честностью, такъ что не было примѣровъ, чтобы кауди кого либо обманулъ. Смѣтливость ихъ такъ велика, что нѣтъ человѣка въ городѣ, нѣтъ иностранца, котораго бы они не знали, если онъ пробылъ двадцать четыре часа въ Эдинбургѣ; никакое частное дѣло не можетъ укрыться отъ ихъ проницательности. Въ особенности славятся они ловкостью, съ которою исполняютъ нѣкоторыя изъ обязанностей Меркурія, хотя самъ я и не могу судить объ этомъ, потому что не употреблялъ ихъ по этой части. Еслибъ мнѣ встрѣтилась подобная надобность, то мой собственный слуга, Эрчи М'Эльпайнъ, имѣетъ всѣ качества любого Эдинбургскаго кауди, и едвали я ошибаюсь полагая, что снѣ когда-то принадлежалъ къ ихъ братству. Но какъ бы тамъ ни было, а эти господа положили дать обѣдъ и балъ въ Лейтѣ, на которые оффиціально пригласилъ всю значительную молодежь, съѣхавшуюся на скачки; приглашеніе сопровождалось обѣщаніемъ, что всѣ знаменитыя камеліи украсятъ своимъ присутствіемъ этотъ праздникъ. Я также получилъ приглашеніе и отправился съ полдюжиною моихъ знакомыхъ. Въ огромной залѣ былъ накрытъ цѣлый рядъ столовъ, соединенныхъ въ одинъ, за который усѣлось все общество, чловѣкъ восемьдесятъ, такъ что лорды и джентльмены переѣзжались съ кауди и съ куртизанками, какъ въ былое время, на римскихъ

сатурналяхъ, переимчивались рабы съ своими властелинами. Распорядителемъ былъ кауди Фрезеръ, старшій грѣшникъ, сидѣвшій въ концѣ стола; онъ очень хорошо извѣстенъ всѣмъ гостямъ, какъ прекраснаго такъ и непрекраснаго пола, и очень любимъ за веселость и смѣтливость. Онъ распоряжался блюдами, и винами и наблюдалъ, чтобы всѣ его собраты явились прилично и чисто одѣтыми. На немъ самомъ былъ надѣтъ, въ честь праздника, парикъ съ тремя хвостиками. Обѣдъ былъ, могу тебя увѣрить, изященъ, обилень и приправленъ тысячью остротъ, возбуждавшихъ общую веселость и хохотъ. Послѣ десерта, мистеръ Фрезеръ предложилъ слѣдующіе тосты, которыхъ я не берусь объяснять: — «За лучшую во всемъ христіанскомъ мірѣ» — «За желаніе нищаго» — «За короля и за церковь» — «За Великобританію и за Ирландію.» — Потомъ, наполнивъ бокаль, онъ обратился ко мнѣ и произнесъ: «мистеръ Мельфордъ, за неразрывный союзъ Джона Буля съ его сестрою Моджи.» Слѣдующая особа, къ которой онъ обратился, была одно знатное лицо, долго проживавшее въ чужихъ краяхъ. — «Милордъ! — воскликнулъ Фрезеръ, — этотъ бокаль налить за здравіе тѣхъ изъ нашихъ благородныхъ лордовъ, которые на столько любятъ свою отчизну, что проживаютъ въ ней свои доходы.» Онъ обратился еще къ одному члену парламента съ слѣдующими словами: — «Надѣюсь мистеръ — что вы не откажетесь присоединиться къ тосту, если я провозглашу: стыдъ и позоръ каждому шотландцу, который продаетъ свой голосъ и свою совѣсть!» Третьею колкостью онъ задѣлъ богато-одѣтаго господина, начавшаго карьеру съ мелкихъ дѣлишекъ и разбогатѣвшаго благодаря игрѣ. — «Многія лѣта, — сказалъ онъ, наполнивъ стаканъ и обращаясь къ этой личности; — многія лѣта удалому воину, ушедшему въ походъ съ пустымъ ранцемъ, и возвратившемуся съ полнымъ мѣшкомъ серебра»

Всѣ эти тосты были встрѣчены громкимъ взрывомъ рукоплесканій. Фрезеръ потребовалъ, наконецъ, большіе стаканы, и, наполнивъ свой собственный до краевъ, поднялся съ мѣста, чему послѣдовали и всѣ его товарищи. — «Милорды и джентльмены, — сказалъ онъ, — это нашъ благодарственный тостъ за великую и незаслуженую честь, которую вы оказали сегодня нашимъ бѣднымъ слугамъ.» Послѣ этихъ словъ, онъ и его товарищи осушили залпомъ свои стаканы и, вставши съ своихъ мѣстъ, размѣстившись каждый позади одного изъ гостей, говорятъ: — «Теперь мы снова кауди вашихъ милостей.»

Знатное лицо, которое было задѣто первымъ намѣкомъ мистера Фрезера, возстало противъ этого самоуничженія. Оно замѣтило, что такъ какъ гости собрались по приглашенію кауди, то они надѣются пользоваться до конца ихъ гостепримствомъ. — «Ни за что, милордъ, — возразилъ Фрезеръ, — ни за что въ свѣтѣ не способенъ я на такую дерзость. Я отъ роду не позволяю себѣ оскорбить джентльмена, а теперь и подавно не рѣшусь быть нахаломъ въ такомъ благородномъ обществѣ.» — «Хорошо, сказалъ его милость, такъ какъ ты не скупился на остроуміе, то ты въ правѣ поберечь свои деньги. Ты дашь мнѣ добрый совѣтъ и я постараюсь имъ воспользоваться.» Если

ты добровольно оставляешь свое мѣсто, то я займу его, съ позволенія всѣхъ этихъ господъ и буду очень доволенъ, если меня признаютъ «отцемъ праздника».

Онъ немедленно былъ признанъ предѣдательствующимъ лицомъ и провозглашенъ тостомъ въ этомъ званіи.

Кларетъ продолжалъ непрерывно ходить по рукамъ, пока наконецъ стаканы не заплескали по столу; это было, можетъ быть, знакомъ для дамъ потребовать музыку. Въ восемь часовъ вечера, балъ начался въ другой залѣ; въ полночь сѣли за ужинъ; но когда я возвращался домой, на дворѣ былъ уже день и благородному лорду, безъ сомнѣнія, пришлось уплатить изрядный счетецъ.

Однимъ словомъ, я такъ кучу эти послѣднія недѣли, что дядя начинаетъ опасаться за мое здоровье, онъ очень серьезно утверждаетъ, что всѣ его собственные болѣзни происходятъ отъ невоздержной жизни въ молодости. Миссъ Тебита увѣряетъ, что было бы гораздо полезнѣе для моей души и для моего тѣла, еслибъ я, вмѣсто того, чтобы посѣщать эти сцены разврата, отправился, съ мистеромъ Моффетомъ и съ нею послушать проповѣди мистера Коркиндела. Клинкеръ часто, вздыхая, уговариваетъ меня беречь мое драгоценное здоровье и даже Эрчи М'Эльпайнтъ, когда немножко подопьетъ (что случается съ нимъ чаще, нежели бы я желалъ) читаетъ мнѣ длинныя наставленія о воздержаніи и умѣренности; онъ выказывается при этомъ такимъ краснорѣчивымъ мудрецомъ, что я готовъ бы охотно пожертвовать и нравученіями его и услугами, еслибы имѣлъ возможность предложить ему катедру профессора. Что же касается до меня, то я по горло сытъ нравученіями еще отъ Оксфордскаго университета.

Я однако, не на столько завертѣлся въ Эдинбургскихъ кутежахъ, чтобы не принимать участія въ нашихъ семейныхъ удовольствіяхъ. Мы не только осмотрѣли всѣ виллы и деревни на десять миль въ окрестностяхъ столицы, но даже проѣхали по Фрайсу, рукаву моря, шириною миль на семь, отдѣляющему Лосіанъ отъ такъ называемаго здѣсь «Файфскаго Королевства». По этому заливу ходитъ множество большихъ лодокъ, для перевоза пассажировъ отъ Лейта къ Книгорну, небольшому мѣстечку на противоположномъ берегу. Два три тому назадъ, вся наша семья отправлялась въ экскурсію на одной изъ такихъ лодокъ. Не участвовала одна Лидди, которая ужасно боится воды. Мы оставили ея подъ покровительствомъ мистриссъ Мичельсонъ. Доѣхавъ благополучно и скоро до Файфа, мы осмотрѣли тамъ нѣсколько бѣдныхъ городковъ, лежащихъ на берегу моря, въ томъ числѣ городокъ св. Андрея, островъ нѣкогда значительнаго города. Но намъ гораздо болѣе понравились красивыя дачи и замки, которыхъ множество въ этой части Шотландіи. Вчера мы, точно также водою, при легкомъ вѣтрѣ и хорошей погодѣ, возвращались въ Лейтъ, какъ вдругъ, на полпути, тучи внезапно заволокли небо, вѣтеръ переимѣнился и хлеснулъ намъ прямо въ лицо. Намъ пришлось обратиться назадъ и лавировать во весь остальной путь. Непогода вскорѣ обратилась въ бурю, съ дождемъ и вѣтромъ и съ такимъ густымъ туманомъ,

то нельзя было различить ни города Лейта, куда мы возвращались, ни эдинбургскаго замка, не смотря на его высокое положеніе. Нечего и говорить, что всё мы порядкомъ струсили; къ этому еще со многими пассажирами приключилась морская болѣзнь и сильная рвота. Тетушка уговорила своего брата заставить перевозчиковъ вернуться въ Книгорнъ; это средство было имъ предложено, но тѣ увѣряли, что нѣтъ никакой опасности. Тетушка принялась бранить ихъ за упрямство и настаивала, чтобы дядя, какъ мирный судья, требовалъ отъ нихъ послушанія. Какъ ни былъ дядя разстроенъ и сердитъ, но не могъ не расхохотаться при такомъ мудромъ предложеніи; онъ объяснилъ ей, что власть его не распространяется такъ далеко; но если бы и распространилась, то онъ не помѣшалъ бы людямъ дѣлать свое дѣло, потому что не можетъ указывать имъ въ ихъ собственномъ ремеслѣ. Миссъ Уинифредъ Дженкинсъ производила общее очищеніе, и совѣсти, и желудка, съ помощью Гэмфри Клинкера, который присоединился къ ней и въ томъ, и въ другомъ. Убѣдясь, что намъ уже не долго оставалось жить, онъ предложилъ духовныя утѣшенія миссъ Тебитъ; но та съ отвращеніемъ отвергала ихъ, говоря, чтобы онъ шелъ проповѣдывать тѣмъ, кто способенъ теперь слушать эти глупости. Дядя сидѣлъ крѣпко задумавшись и не говорилъ ни слова; слуга мой, Эрчи, прибѣгнувъ къ бутылкѣ и такъ усердно упражнялся съ нею, что я подумалъ, — не далъ ли онъ себѣ слова умереть, залобнувшись скорѣе чѣмъ нибудь другимъ, нежели морскою водою; но водка уже не производила на него никакого дѣйствія, какъ будто это была та же вода. Что касается до меня, то я былъ такъ перевернуть морскою болѣзнью, что ни о чемъ болѣе не могъ думать. Волны, между тѣмъ, вздымались какъ горы; лодка трещала, будто распадалась въ дребезги; снасти обрывались, вѣтеръ ревѣлъ; молнія сверкала, громъ такъ и раскатывался и дождь лилъ потопомъ. Каждый разъ, какъ наклоняло лодку, насъ обдавало водою съ самой головы. Послѣ продолжительнаго лавировапія, насъ отнесло такъ далеко, что лодочники опасались, что насъ застигнетъ отливъ. Но къ счастью лодку успѣли направить къ плотинѣ и во второмъ часу дня мы наконецъ, вступили на берегъ.

— «Ужъ конечно мы всё погибли бы, если бы не были подъ особымъ покровительствомъ Провидѣнія!» — вскричала миссъ Тебита, ощутивъ подъ ногами твердую землю.

— «Это такъ, сказалъ дядя, но я одного мнѣнія съ тѣмъ шотландцемъ, который, когда его другъ, послѣ подобнаго же путешествія, замѣтилъ ему, что онъ много обязанъ Провидѣнію, отвѣчалъ: — согласенъ: но только, клянусь душою, я не поѣду болѣе водою пока стоитъ Стирлинскій мостъ.» Стирлинскій мостъ находится миляхъ въ двадцати отсюда, то есть, отъ устья форта.

Не замѣтно, чтобы здоровье нашего эсквайра пострадало отъ этого приключенія; но Лидди начинаетъ у насъ хворать. Мнѣ кажется, болѣзнь этой бѣдной дѣвочки душевная, что меня сильно заботитъ, потому что она — премилое созданіе.

Завтра, либо послѣ завтра, мы отправляемся въ Стирлингъ и въ Глазго. Мы намѣрены также проникнуть въ горную часть Шотландіи, прежде нежели вернемся въ югъ. Напомни обо мнѣ всѣмъ друзьямъ и считай меня навсегда преданнымъ тебѣ,

Эдинбургъ, 8 августа.

Д. Мельфордъ.

Къ доктору Льюису.

Я былъ бы неблагодарнымъ, любезный Льюизъ, еслибы не думалъ и не отзывался благопріятно о народѣ, среди котораго я, въ нѣсколько недѣль, нашелъ болѣе ласки, гостепріимства и пищи для любознательности, нежели въ иной странѣ въ теченіе всей моей жизни. Легко можетъ быть, что благодарность дѣлаетъ меня пристрастнымъ въ моихъ наблюденіяхъ, такъ какъ человѣкъ вообще склоненъ поддаваться своимъ личнымъ впечатлѣніямъ и судить объ общемъ по частному. Впрочемъ если даже я пристрастенъ, то это имѣетъ своего рода оправданіе, въ томъ отношеніи, что доказываетъ мое исправленіе отъ предразсудковъ, съ которыми я выросъ.

Первое впечатлѣніе, испытываемое въ этой странѣ англичаниномъ, нисколько неспособно поколебать этихъ предразсудковъ; онъ обыкновенно сравниваетъ все видимое съ тѣмъ же самымъ въ его собственной странѣ, а это сравненіе оказывается неблагопріятнымъ для Шотландіи, по всѣмъ внѣшнимъ признакамъ, по земледѣлію, по общему виду народа и по нарѣчію. Меня не на столько убѣдили аргументы мистера Лисмагаго, чтобы я пересталъ находить, что для Шотландцевъ было бы полезно принять выговоръ и нарѣчіе англичанъ; въ особенности для тѣхъ, кто намѣревается искать счастья въ Англіи. Я знаю по опыту какъ охотно англичанинъ поддается слуху своему и какъ склоненъ смѣяться, если слышитъ свой языкъ, произносимый иностраннымъ или провинціальнымъ выговоромъ. Я зналъ одного члена нижней палаты, который выражался съ рѣдкою энергіею и точностью, и при всемъ томъ никогда не могъ овладѣть вниманіемъ слушателей, потому что дѣлалъ свои замѣчанія на шотландскомъ нарѣчіи, придающемъ (не въ обиду будь сказано лейтананту Лисмагаго) нѣчто грубое выраженію самыхъ возвышенныхъ чувствъ. Я высказалъ свое мнѣніе на этотъ счетъ нѣсколькимъ изъ образованнѣйшихъ шотландцевъ, прибавивъ, что еслибы всѣ они, въ молодости, поучились нашему коренному выговору у двухъ, трехъ природныхъ англичанъ, то лѣтъ черезъ двадцать, не осталось бы и слѣдовъ разницы въ нарѣчіи между эдинбургскою и лондонскою молодежью.

Гражданскіе порядки здѣшной страны и ея столицы устроены по совершенно инымъ образцамъ, чѣмъ въ Англіи, исключая нѣкоторыхъ учреждений, составляющихъ необходимое слѣдствіе союза. Здѣшній гражданскій судъотличается большимъ достоинствомъ и состоитъ изъ уважаемыхъ людей. Я присутствовалъ на нѣсколькихъ процессахъ и съ удовольствіемъ слушалъ рѣчи адвокатовъ, не имѣвшихъ недостатка ни въ доводахъ, ни въ краснорѣчіи. Законодательство шотландцевъ основано большею частію на римскомъ правѣ, и потому ихъ процедура значительно разнится отъ процедуры англійскихъ су-

дѣтъ; но я отдаю преимущество первой за обычай выслушванія свидѣтелей порознь. Точно также я нахожу, что въ составѣ здѣшняго суда присяжныхъ не замѣчается того зла, о которомъ я упоминалъ въ прошломъ письмѣ, приводя слова Лисмагаго.

Эдинбургскій университетъ имѣетъ отличныхъ профессоровъ по всѣмъ отраслямъ наукъ; здѣшняя же медицинская школа славится по всей Европѣ. Студенты медицины имѣютъ возможность изучать науку въ совершенствѣ, такъ какъ здѣсь преподаются курсы по всѣмъ отраслямъ теоріи и практики: по анатоміи, химіи, ботаникѣ и, кромѣ того, даже по математикѣ; всѣ лекціи читаются замѣчательно-талантливыми людьми. Курсы дополняются практическими занятіями въ устроенной при самой школѣ больницѣ. Это благотворительное учрежденіе достигаетъ своей цѣли лучше нежели всѣ, какія я видалъ. Заговоривъ о благотворительности, слѣдуетъ сказать, что здѣсь много больницъ и всѣ онѣ очень щедро снабжаются, и содержатся въ удивительномъ порядкѣ. Для города, онѣ составляютъ не только пользу, но и украшеніе. Довольно указать на одно изъ этихъ учрежденій: на рабочій домъ, гдѣ всякій бѣдный, не пристроенный гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, находитъ себѣ работу по своимъ способностямъ. Распределеніе дѣлается съ такимъ умомъ и сообразительностью, что каждый почти сполна зарабатываетъ свое содержаніе. За то въ цѣломъ округѣ столицы не встрѣтишь ни одного нищаго. Лѣтъ тридцать тому назадъ, Глазго первый подалъ примѣръ подобныхъ учрежденій. Даже шотландская церковь, которую такъ долго упрекали въ фанатизмъ и лицемеріи, стала теперь богата проповѣдниками, славящимися ученостью и терпимостью. Я слушалъ ихъ проповѣди съ удовольствіемъ и удивленіемъ. Добрые эдинбургцы уже не считаютъ болѣе грязь и паутину исключительными украшеніями храма Божія; нѣкоторые изъ ихъ церквей такъ пышно разукрасились, что будь это лѣтъ за сто съ небольшимъ назадъ, оно подало бы поводъ къ соблаву даже въ Англии. Пѣніемъ здѣсь управляетъ профессоръ дэргемскаго собора. Я нисколько не удивлюсь если услышу здѣсь, черезъ нѣсколько лѣтъ, пѣніе съ органомъ.

Эдинбургъ—колыбель геніальныхъ людей. Я имѣлъ счастье познакомиться со многими первоклассными писателями, съ двумя Юмами, съ Робертсономъ, Смитомъ; Уэллесомъ, Блеромъ, Фергюсономъ, Уильки и другими, и напелъ, что разговоръ ихъ также занимателенъ, какъ занимательно и поучительно то, что они написали. Этими знакомствами я обязанъ доктору Карлейлю, которому недостаетъ только охоты, чтобы стать писателемъ на ряду съ другими. Въ Эдинбургѣ городскія власти ежегодно мѣняются по выборамъ, и, кажется, выбираютъ люди дѣйствительно государственные. Городской старшина равняется званіемъ лондонскому лорду-мэру; а четыре балія соотвѣтствуютъ нашимъ альдерменамъ. Для разбора коммерческихъ дѣлъ здѣсь есть купеческій голова. Хотя Эдинбургъ, по самому положенію своему, не можетъ представлять большихъ удобствъ и чистоты, по тѣмъ не менѣе, наружность его поражаетъ величіемъ. Замокъ можетъ считаться образцомъ зодчества, по расположенію и архитектурѣ

турѣ. Городскія укрѣпленія содержатся въ отличномъ порядкѣ и постоянно заняты гарнизономъ регулярныхъ войскъ, который ежегодно смѣняется; впрочемъ онѣ не могли бы выдержать осады по новейшей тактикѣ. Холмъ, на которомъ расположенъ замокъ, простирается отъ внѣшнихъ воротъ до конца Верхней улицы, и обращенъ жителями въ мѣсто общественнаго гульбища. Оттуда открывается великолѣпный видъ на графство Файфъ, по ту сторону Фрайса, и на весь берегъ моря, усѣянный городами, которые заставляютъ предполагать большое развитіе торговли. Но въ дѣйствительности, со времени союза эти города пришли въ значительный упадокъ, такъ какъ они лишились съ той поры торговыхъ сношеній съ Франціею. Голлуудскій дворецъ есть перлъ здѣшества, но выстроенъ въ такой мѣстѣ, что его едва можно отличить. Едва ли гениальный архитекторъ самъ выбралъ эту мѣстность; вѣроятно, ему пришлось строить на мѣстѣ стараго дворца, который былъ монастыремъ. Къ югу, Эдинбургъ очень расширился; тамъ устроили нѣсколько изящныхъ скверовъ, на англійскій манеръ; въ сѣверной части также предполагается сдѣлать улучшенія, которыя придадутъ городу много красоты и удобства.

Въ милѣ отъ столицы находится приморскій портъ, Лейтъ. Это богатый городъ и я видѣлъ въ его гавани до сотни кораблей. Надо вамъ сказать, что я полюбопытствовалъ переѣхать Фрайсъ въ лодкѣ и провелъ два дня въ Файфѣ. Я нашелъ тамъ изумительное обиліе пажитей и множество роскошныхъ и изящныхъ дачъ. Въ Шотландіи, повсюду гдѣ я ни былъ, встрѣчается множество загородныхъ домовъ. Делькейсъ, Пинки, Іестеръ, дачи лорда Гентона, все это княжескіе дворцы, на разстояніи четырехъ или пяти миль отъ Эдинбурга, и каждый изъ нихъ достоинъ быть королевскою резиденціею. Должно быть шотландцы тщеславятся этими роскошными зданіями. Если я позволю себѣ нѣкоторую критику въ моихъ наблюденіяхъ надъ этимъ уважаемымъ мною народомъ, то я долженъ замѣтить, что слабая сторона его есть тщеславіе. Боюсь даже, что самое гостепримство ихъ не чуждо желанія выказать себя. Я замѣтилъ, что они съ особеннымъ стараніемъ выказываютъ свое тонкое бѣлье, которое у нихъ дѣйствительно въ изобиліи; свою мебель, серебро; тщеславятся роскошью блюдъ и винъ; въ отношеніи этихъ послѣднихъ предметовъ, роскошь ихъ едва ли не доходитъ до расточительности. Эдинбургецъ не довольствуется тѣмъ, что живетъ на одну ногу съ лондонцемъ, имѣющимъ въ десять разъ болѣе его средствъ, но еще силится перещеголять его расходами и блескомъ своего гостепримства.

Но если виллы шотландской аристократіи вообще отличаются роскошью и величіемъ, за то я нахожу, что сады и парки въ Шотландіи не выдержатъ сравненія съ англійскими. Замѣчательно впрочемъ то, что въ Англии, какъ говорилъ мнѣ одинъ очень свѣдущій человекъ, мистеръ Филлипъ Миллеръ изъ Челси, почти всѣ садовники шотландцы. Зѣбшняя трава также уступаетъ англійской. Я нахожу, что цвѣтники здѣсь не довольно хорошо разведены, дорожки, изгороди и клумбы не довольно хорошо содержатся. Деревья сажаются прямыми

лишии, что не даетъ того пріятнаго эффекта, какъ еслибы они капризно были разбросаны группами и раздѣлены лужайками; а насаженные вокругъ домовъ ели придаютъ имъ въ лѣтнюю пору мрачный и погребальный видъ. Правда, эти ели имѣютъ то достоинство, что даютъ прочную защиту отъ холоднаго сѣвернаго вѣтра, разрастаются на самой дурной почвѣ и распространяютъ въ воздухѣ тонкій, смолистый запахъ, очень здоровый для тѣхъ, у кого слабыя легкія.

Мы съ Тэбби были сильно напуганы во время нашего возвращенія моремъ изъ Файфа. Она боялась утонуть, а я—простудился, потому что промокъ до самыхъ костей; но, къ счастью, ни ея, ни мои опасенія не сбылись. Сестра находится въ добромъ здоровьи; къ сожалѣнію, я не могу того же сказать о Лидди. Съ бѣдною дѣвочкою происходитъ что-то необыкновенное: она блѣднѣетъ, теряетъ аппетитъ, становится грустна, задумчива, молчалива и часто еѣ находятъ въ слезахъ. Джерри подозрѣваетъ, что она груститъ о Вильсонѣ и клянется, что отыскать этому искателю приключеній. Лидди была, по-видимому, сильно поражена на балѣ появленіемъ одного господина, мистера Гордона, поразительно схожаго съ Вильсономъ. Но мнѣ кажется, что она просто простудилась, разгорячившись послѣ танцевъ. Я совѣтывался о ней съ докторомъ Грегори, очень свѣдущимъ и любезнымъ человѣкомъ; онъ предписалъ для нея горный воздухъ и козье молоко. Эти вещи и дѣйствительно должны быть полезны для особы родившейся и выросшей въ валлійскихъ горахъ; къ тому же онѣ и очень удобны, такъ какъ мы найдемъ эти лекарства именно въ томъ мѣстѣ, которое я избралъ крайнею точкою нашего путешествія, то есть на границѣ Эрджиля.

Мистеръ Смоллетъ, одинъ изъ членовъ комисаріатства, очень радушно приглашаетъ насъ погостить на его дачѣ, находящейся на берегу Лау-Ломонда, миляхъ въ четырнадцать отъ Глазго. Въ этомъ городѣ мы будемъ дня черезъ два, и, по дорогѣ, заѣдемъ въ Стирлингъ. У насъ множество рекомендательныхъ писемъ отъ нашихъ эдинбургскихъ друзей, съ которыми мнѣ очень жаль разстаться. Я такъ доволенъ дѣйшею жизнію, что если бы мнѣ пришлось сдѣлаться горожаниномъ, я непременно отдалъ бы предпочтеніе Эдинбургу.

Эдинбургъ, 8 августа.

Вашъ М. Брэмбл.

Къ сэру Уаткину Филлипу, въ Оксфордъ.

Любезный Филлипсъ, теперь я нахожусь какъ разъ противъ Ultima Thule, если только справедливо, что подъ этимъ названіемъ, у Виргилія разумѣются Оркнейскіе, или Гебридскіе острова. Они лежатъ теперь противъ меня, сотнями разбросанные по девкаледонійскимъ водамъ. Я еще не видывалъ такого живописнаго и романтическаго вида. Пишу тебѣ въ домъ одного джентльмена, близъ города Инверари, который можно считать столицею западной Шотландіи. Чтò самого замѣчательнаго въ этомъ городѣ,—это замокъ, заложенный покойнымъ герцогомъ Эрджилльскимъ, и доведенный до кровли, съ огромными издержками. Но будетъ ли онъ совершенно оконченъ,—это пока еще вопросъ.

Но надо рассказать все по порядку. Мы оставили Эдинбургъ уже дней десять тому, и чѣмъ далѣе подвигались на сѣверъ, тѣмъ неговорчивѣе становилась миссъ Тебита. Въ ней, должно быть, не имѣется магнетическихъ свойствъ, еѣ не влечетъ къ сѣверу. Если вѣрить ея словамъ, то она неохотно разсталась съ Эдинбургомъ, потому что не успѣла окончить спора съ мистеромъ Моффетомъ о вѣчности адскихъ мукъ. Съ лѣтами, этотъ джентльменъ сдѣлался нѣсколько скептикомъ въ этомъ отношеніи, такъ что наконецъ открыто объявилъ войну общепринятому смыслу слова «вѣчность». Онъ убѣжденъ теперь, что вѣчность значитъ неопредѣленное число лѣтъ и что самый великій грѣшникъ можетъ покаяться девятью миліонами, — девятьюстами тысячь, — девятьюстами и девяносто девятью годами вѣчной муки. Онъ очень справедливо замѣчаетъ, что такой періодъ времени есть капля въ морѣ въ сравненіи съ вѣчностью; и тетупка, казалось, была склонна принять эти, благопріятныя для грѣшника, понятія, но мистеръ Моффетъ добавилъ ихъ замѣчаніемъ, что ни одинъ человѣкъ не можетъ быть на столько праведникомъ, чтобы избѣгнуть всякаго наказанія въ будущей жизни, и что самый набожный христіанинъ долженъ считать себя счастливымъ, если покаянется только семью, или восемью тысячами годовъ адскаго огня и смолы. Миссъ Тэбби возстала противъ такого заключенія и пренесполнилась ужасомъ и негодованіемъ. Она обратилась за разъясненіемъ къ Гэмфри Клинкеру, который объявилъ, что это папистское ученіе о чистилищѣ и протестовалъ на основаніи евангельскихъ словъ: «и будетъ огонь неугасимый дьяволу и ангеломъ его». На совѣтъ были призваны преподобный отецъ, магистръ богословія Макордендель, а такъ же и другія теологи и благочестивые люди, однихъ убѣжденныхъ съ Гэмфри Клинкеромъ; и нѣкоторые изъ нихъ высказали сомнѣнія по этому предмету, которыя начинали было заражать и тетупку, когда мы оставили Эдинбургъ.

Мы проѣзжали чрезъ Линлайго, гдѣ былъ когда-то роскошный королевскій дворецъ, который нынѣ пришолъ въ упадокъ, какъ и самый городъ. То же самое, если не болѣе, можно сказать и о Стирлинѣ, хотя онъ до сихъ поръ щеголяетъ красивымъ, древнимъ замкомъ, бывшею резиденціею шотландскихъ королей, во время ихъ несовершеннолѣтія. Но гордость Шотландіи составляетъ Глазго; и, дѣйствительно, онъ во всякомъ европейскомъ государствѣ могъ бы считаться однимъ изъ самыхъ красивыхъ и богатыхъ городовъ. Тутъ мы имѣли случай быть принятыми въ домѣ мистера Мура, знаменитаго хирурга, которому мы были рекомендованы однимъ изъ нашихъ эдинбургскихъ друзей. Волѣ обязательной услуги нашъ пріятель не могъ бы намъ сдѣлать. Мистеръ Муръ препріятный собесѣдникъ; образованный, остроумный и съ неистощимымъ запасомъ веселости. Жена его также очень милая женщина, прекрасно образованная, ласковая и обязательная.

Привѣтливость, какъ необходимое свойство возвышенной и доброй природы, есть отличительная черта шотландскихъ леди, у себя на родинѣ. Хозяинъ нашъ показывалъ намъ все замѣчательное, и ввелъ

нась въ городское общество, которое, по его рекомендаціи, удостоило насъ правомъ гражданства. Судя по торговлѣ и богатству Гласго, въ немъ не можетъ быть недостатка въ публичныхъ увеселеніяхъ. Здѣсь множество молодежи, которая соперничаетъ со столичною въ кутежѣ и мотовствѣ. Тутъ же, между прочимъ, я убѣдился, что не всѣ шотландскія красавицы были на охотничьемъ балѣ, въ Эдинбургѣ. Науки процвѣтаютъ въ Гласго наравнѣ съ торговлею; здѣшній университетъ имѣетъ избранныхъ профессоровъ по всѣмъ отраслямъ наукъ. Мы проѣзжали во время вакацій, и потому я не могъ вполне удовлетворить своего любопытства; но здѣшній методъ воспитанія во многихъ отношеніяхъ предпочтительнѣе нашего. Студенты не предоставляются частнымъ учителямъ, а слушаютъ лекціи въ общихъ классахъ, и проходятъ каждую науку подъ руководствомъ ея спеціальнаго профессора или регента.

Дядя въ восторгѣ отъ Гласго. Онъ осмотрѣлъ всѣ фабрики въ городѣ и объѣздилъ всѣ окрестности: Гемилтонъ, Песлей, Ренфру и другія мѣста, шель на двѣнадцать вокругъ, гдѣ только можно было увидать что нибудь замѣчательное по части искусствъ, или природы. Мнѣ кажется, что всѣ эти переѣзды и прогулки оказали пользу Лядди; къ ней возвратились аппетитъ и веселость. Миссъ Тебита, по обыкновенію, разставляетъ силки женихамъ; она рассчитывала, что поймала одного богатаго фабриканта, мистера Мекльмена; но когда дошло до объясненія, то оказалось, что его привязанность была чисто духовная, основанная на религіозныхъ разговорахъ, которые они вели между собою, познакомъ на митингѣ у мистера Джона Уэслея, захватившаго сюда по поводу своей евангелической миссіи. Наконецъ мы снова отправились на берега Лау-Ломонда, захвативъ въ вебольшое мѣстечко Дембартонъ, или, какъ увѣряетъ дядя, Денбритонъ. Тамъ есть замокъ, любопытнѣйшій въ своемъ родѣ, какой я когда либо видывалъ. Влестящій писатель Бухананъ посвятилъ особое описаніе этому ахъ inexplugnabilis; и точно, этотъ замокъ долженъ быть неприступнымъ при прежнемъ способѣ осады. Это высокій утесъ, съ раздвоенною вершиною, совершенно отвѣсный и стоящій на углу, образуемомъ сліяніемъ двухъ рѣкъ, Клейда и Ливна; доступъ къ нему есть только въ одномъ мѣстѣ, и тутъ устроены укрѣпленія. Замокъ этотъ расположенъ такимъ образомъ, что вокругъ него вовсе нѣтъ удобной мѣстности для возведенія противъ него батарей.

Изъ Дембартона видны шотландскія горы; онѣ возстаютъ высокими, темными утесами, громоздящимися одинъ на другой; но этотъ видъ не поразителенъ для уроженца Глеморгана. Мы остановились въ Камеронѣ, хорошенькой дачѣ, принадлежащей комиссару Смоллету, гдѣ мы нашли всевозможныя удобства. Она расположена, подобно храму друидъ, среди дубоваго лѣса и на берегу Лау-Ломонда, широкаго озера съ чистою, кристальною водою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, глубина его неизмѣрима, а ширина—отъ двухъ до трехъ миль. На немъ разбросано до двадцати зеленѣющихъ острововъ, поросшихъ лѣсомъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ растутъ розь; дру-

гіе изобилуютъ красною дичью. Эти острова принадлежатъ различнымъ владѣльцамъ, дачи которыхъ расположены по берегамъ озера, новообразимо живописнаго. Мы оставили нашихъ дамъ въ Камеронѣ, такъ какъ миссъ Тебита ни за что въ мірѣ не соглашалась болѣе ѣхать водою, а для того, чтобы попасть сюда, необходимо было проѣхать въ лодкѣ небольшой проливъ. Чѣмъ далѣе углубляешься въ здѣшнюю мѣстность, тѣмъ она становится диче и пустыннѣе; народъ столь же различенъ видомъ, одеждою и нарѣчіемъ отъ жителей нижней Шотландіи, сколько брикнокскіе горцы отличаются отъ жителей Герфордшайра.

Когда нижнешотландцамъ вздумается кутнуть, они отправляются въ кабакъ, называемый Change-House, и требуютъ себѣ на два пенни кружку свѣтлой, пѣнистой жидкости, изготовляемой на солодѣ, но уступающей въ крѣпости англійскому пиву. Её подаютъ въ жестяномъ бочекѣ и переливаютъ въ красивый кубокъ, съ ручками, слѣданный изъ кусочковъ различнаго дерева, соединенныхъ тонкими обручами. Такой кубокъ содержитъ около полуштофа; иногда онъ оправленъ въ серебро и на оборотѣ дна имѣетъ серебряную блаху, съ вензелемъ владѣльца.

Верхнешотландцы, напротивъ того, ненавидятъ этотъ напитокъ и угощаются wiskey,—нѣчто въ родѣ крѣпкой хлѣбной водки, которую они выпиваютъ въ большомъ количествѣ безъ признаковъ опьянѣнія. Они привыкаютъ къ ней съ дѣтства и находятъ, что это отличное предохранительное средство противъ холоднаго вѣтра, который свирѣпствуетъ въ этихъ горахъ. Я слышалъ, что эта водка дается, съ пользою, дѣтямъ отъ оспы, когда она выказываетъ дурные симптомы. Верхнешотландцы привыкли употреблять болѣе говядины, нежели ихъ сосѣди. Охота—ихъ страсть; у нихъ обиліе красной и всякой дичи, а также овецъ, козъ и другаго рогатаго скота, который пасется въ дикомъ состояніи. Они убиваютъ его въ числѣ дичи, ни мало не заботясь о правѣ собственности.

Инверари—ничтожный городишко, хотя и находится подѣ неосредственнымъ покровительствомъ герцога Эрджилъ, весьма могущественнаго владѣтельнаго лица въ этой части Шотландіи. Поселяне живутъ въ бѣдныхъ лачужкахъ и, повидимому, въ большой нищетѣ; но господа имѣютъ довольно хорошія помѣщенія и до того радушны къ пріѣзжимъ, что своимъ гостепримствомъ даже жизнь ихъ подвергаютъ нѣкоторой опасности. Нужно замѣтить, что наружность бѣдныхъ горцевъ вынѣ много потеряла. Постановленіемъ парламента у нихъ не только отнято оружіе, но и старинный, національный костюмъ, столь удобный и живописный. Хуже всего то, что ихъ принудили носить штаны,—неудобство, которое они съ трудомъ могутъ терпѣть. У нихъ отняли также ихъ тортаны изъ полосатой матеріи, домашняго производства, цѣнимой ими выше всѣхъ бархатовъ, парчей и другихъ европейскихъ и азіатскихъ тканей. Теперь они прогуливаются въ широкихъ плащахъ, на распашку, изъ грубой ткани; эта неудобная и неуклюжая одежда видимо ихъ обезкура-

знаетъ. Правительство придумало самое вѣрное средство сбить съ нихъ національную спѣсь.

Мы насладились царскою охотою на оленя, въ тѣхъ самыхъ пустынныхъ горахъ Морвена, гдѣ охотился Фингалъ, съ своими героями. Я чувствовалъ какое-то вдохновеніе, при видѣ темной долины, гдѣ бродилъ Оссианъ, прислушиваясь къ завыванію вѣтра надъ поверхностію гибкихъ камышей. Придя въ домъ нашего хозяина, я сталъ глядѣть на привѣщенную къ стѣнѣ арфу божественнаго барда, прислушиваясь, не издаетъ ли она вдохновеннаго имъ звука. Здѣсь отъ всякаго слышишь стихи Оссиана. Знаменитый антикварій, лордъ Макерленъ, у котораго мы, на дняхъ, обѣдали, можетъ прочесть ихъ всѣ, наизусть, на коренномъ гальскомъ нарѣчій, которое имѣетъ много сходства съ валлійскимъ, не только въ созвучіи, но и въ большей части коренныхъ словъ. Я убѣжденъ, что они оба происходятъ отъ одного корня. Не мало былъ я также удивленъ, когда, спросивъ однажды у здѣшняго обывателя—гдѣ можно найти дичи, услышалъ въ отвѣтъ «*hu niel Sassenough*», т. е. «не понимаю по саксонски». Тотъ же отвѣтъ и почти тѣми же словами я получалъ бы и отъ валлійца. Верхнешотландцы иначе не называютъ жителей нижней части острова, какъ *sassenagami* или саксонцами,—явный поводъ заключать, что населенія Англій и нижней Шотландіи происходятъ отъ одного и того же народа. Населеніе здѣшнихъ горъ по-разительнѣе схоже съ валлійцами наружностью, обычаями и устройствомъ жилищъ; все, что я вижу, слышу, оцущаю, напоминаетъ мнѣ Валлісъ; горы, долины, рѣки, воздухъ и климатъ; скотъ и дичь, все это такое же, какъ и тамъ. Нельзя однако не сознаться, что многимъ предметами этотъ народъ надѣленъ богаче нашего. Красная дичь здѣсь въ изобиліи и мясо ея особенно нѣжно и сочно въ настоящее время года; въ здѣшнихъ водахъ ловится прекраснѣйшая рыба и, кромѣ всего этого, жители имѣютъ способъ дешево добывать превосходный кларетъ.

Нашъ хозяинъ—значительное лицо въ странѣ; онъ младшій изъ Эрджилей и наследственный владѣтель одного изъ ихъ замковъ. Его настоящее, англійское имя,—Догаль Кэмпбель. Онъ воспитывался въ чужихъ краяхъ и хотѣлъ было ввести нѣкоторыя перемены въ своемъ хозяйствѣ, но, по его словамъ, нѣтъ возможности истребить нѣкоторыхъ фамильныхъ обычаевъ, освященныхъ давностію. Напримеръ, его дворовый музыкантъ, волыночникъ, занимающій наследственную должность въ семьѣ, ни за что не хочетъ отказаться ни отъ одной изъ своихъ привилегій. Онъ имѣетъ право носить старинный шотландскій костюмъ, съ мѣшкомъ, пистолетами и кинжаломъ; волынка виситъ у него черезъ плечо, на широкой желтой перевязи, которая волочится по землѣ, когда онъ исполняетъ свои обязанности музыканта; въ этомъ я усматриваю слѣды древняго обычая носить передъ рыцаремъ, въ сраженіи, фамильное знамя. Волыночникъ играетъ передъ лордомъ, во время шествія въ церковь, по воскресеньямъ; потомъ обходитъ три раза вокругъ церкви, играя фамильный маршъ;

это изображаетъ нѣчто въ родѣ вызова всѣмъ врагамъ клана. По утрамъ онъ играетъ дѣльный часъ, торжественно маршируя взадъ и впередъ по главному двору, въ сопровожденіи всей мужской прислуги, которой эта музыка, повидимому, сильно по вкусу. Во время прогулки, онъ услаждаетъ слухъ присутствующихъ всевозможными мелодіями, соответствующими страстямъ, которыя онъ имѣетъ въ виду раздражить, или укротить.

Самъ мистеръ Кэмпбелъ, очень хорошо играющій на скрипкѣ, питаетъ непреодолимое отвращеніе къ носовому звуку горной волиньки, поднимающей страшный ревъ и дѣйствительно невыносимой для сколько нибудь деликатнаго слуха, особливо когда эхо вторитъ ей подъ сводами обширныхъ залъ. Въслѣдствіе этого, лордъ просилъ волиничника пощадить его, и освобождалъ его отъ обязанности давать по утрамъ концерты; но для этого случая былъ созданъ на совѣщаніе весь кланъ и въ немъ единодушно рѣшено, что желаніе владѣльца не можетъ быть исполнено безъявнаго нарушенія фамильныхъ обычаевъ. Волиничикъ объявилъ, что ни на минуту не сложитъ съ себя обязанностей, завѣщанныхъ ему предками. Дѣлать было нечего; мистеръ Кэмпбелъ, вынужденный покориться, радъ хоть тому, что можетъ затыкать уши хлопчатую бумагою, укутывать голову въ три, въ четыре ночныхъ колпака и скрывать по утрамъ въ отдаленнѣйшія части дома, для избѣжанія этой ежедневной пытки. Когда музыка стихаетъ, онъ является у открытаго окна, выходящаго на главный дворъ, куда собираются къ этому времени всѣ его вассалы и служители. Они привѣтствуютъ его милость, обнявая головы и кланаясь до земли, съ глубочайшимъ униженіемъ. Тѣ изъ нихъ, кому нужно сообщить владѣльцу какую нибудь просьбу, жалобу или прозекъ, терпѣливо ждутъ, пока онъ не выйдетъ изъ дома, и тогда слѣдуютъ за нимъ пользуясь, каждый по очереди, его вниманіемъ. На дняхъ онъ далъ около сотни подобныхъ аудіенцій, отправляясь съ нами изъ дома къ одному джентльмену, по сосѣдству, къ которому мы были приглашены обѣдать. Домашній бытъ нашего хозяина простъ и грубоватъ; гостепрѣимство въ его домѣ сильно отзывается простотою старыхъ временъ. Большой залъ, вымощенный плитами, имѣетъ сорокъ пять футовъ длины, на двадцать два ширины; онъ служитъ не только столовою, но и спальною для домашнихъ челядинцевъ и проживальщиковъ. На ночь, у каждой стѣны его стелются по полдюжины постелей, устроенныхъ изъ свѣжей травы, выщипанной съ корнями, на которыхъ спать очень удобно и пріятно. Спящіе не имѣютъ другаго одѣяла, кромѣ своего пледа. Намъ съ дядюю отвели особыя комнаты и снабдили пуховыми перинами; но мы просили обмѣнять ихъ на тюфяки съ травою; и, право, никогда еще не спалось мнѣ такъ хорошо! Такая постель не только мягка и упруга, но и распространяетъ, отъ цвѣта травы, пріятный запахъ, необыкновенно свѣжій и здоровый.

Вчера мы были приглашены на похороны одной старой леди, бабки сосѣдняго владѣльца. Тамъ было до пятидесяти человекъ гостей и насъ угостили пышнымъ обѣдомъ, приправленнымъ музыкаю дю-

дны волюнокъ. Это былъ вполнѣ великолѣпный праздникъ и гости оказали такую честь угощенію, что многіе изъ нихъ не могли уже стоять на ногахъ, когда намъ напомнили о дѣлѣ, для котораго мы собрались. Общество пошло за лошадьми, и отправилось, не совсѣмъ стройною кавалькадою, къ мѣсту погребенія, въ церковь, отстоящую миляхъ въ двухъ отъ замка. По прїѣздѣ туда, мы замѣтили, что не совсѣмъ ловко поступили, оставивъ тѣло позади; вслѣдствіе этого, мы обратились вспять и встрѣтили на полъ дорогѣ тѣло старой леди, несомое на носилкахъ ея родственниками и сопровождаемое плакальщиками. То была толпа старыхъ вѣдьмъ, которыя рвали на себѣ волосы, били себя въ грудь и ревѣли отвратительнѣйшимъ образомъ. У могилы ораторъ произнесъ покойницѣ похвальное слово, каждый періодъ котораго былъ подтверждаемъ громкимъ воемъ плакальщицъ. Пока тѣло предавалось землѣ, присутствующіе стояли съ непокрытыми головами и волюночники играли похоронную мелодію. Церемонія заключилась залпомъ изъ пистолетовъ. Тогда мы снова вернулись въ домъ, и началась новая попойка; такъ что къ полночи въ цѣломъ домѣ не было трезваго человѣка, кромѣ женщинъ. Вечеромъ, мы съ дядею и нашъ хозяинъ съ большимъ трудомъ успѣли вырваться домой; угощавшій насъ джентльменъ былъ нѣсколько огорченъ нашимъ уходомъ, считая за безчестіе для своей семьи, что для такого торжественнаго случая, у него было выпито не болѣе сотни ведеръ вина.

Нынче утромъ, мы встали въ четыре часа, чтобы отправиться охотиться на коосу, и, въ половинѣ пятого, собрались къ завтраку, накрытому въ большомъ залѣ. Изъ построннихъ принимали участіе въ охотѣ только я и сэръ Джорджъ Колькгоунъ (дядя не участвовалъ); остальные охотники были—самъ хозяинъ, его братъ, племянники и всѣ ихъ молочные братья, считаемые также членами семьи. Насъ сопровождало множество босыхъ и ободранныхъ горцевъ.

Завтракъ состоялъ изъ слѣдующихъ предметовъ: изъ блюда вареныхъ яицъ, бочки масла, ушата сливокъ, цѣлаго круга сыру изъ козьего молока, огромнаго горшка меду, непочатаго окорока, холоднаго паштета съ дичью и наконецъ изъ цѣлаго пуда овсянаго хлѣба, выпеченнаго булками и лепешками, среди которыхъ находилось нѣсколько пшеничныхъ, для гостей. Все это дополнялось огромными каменными чашами съ whisky, водкою и боченкомъ эля. Къ ушату со сливками былъ прицѣпленъ ковшъ, чтобы разливать ихъ по красивымъ, деревяннымъ кружкамъ. Для крѣпкихъ напитковъ стояли серебряныя стаканы, а для эля—роговые. Гости, всѣ вообще, оказали большую честь этой закускѣ; но одинъ, въ особенности, скушалъ болѣе двухъ дюжинъ яицъ, съ соответствующимъ количествомъ хлѣба, масла и меду. Отъ напитковъ не осталось ни одной капли. Въ заключеніе, въ видѣ десерта, былъ поданъ огромный свертокъ табаку и каждый взялъ его по изрядной порціи, чтобы предохранять себя отъ вреднаго дѣйствія утренняго воздуха. Поэтому мы отлично поохотились въ горахъ и поймали коосу. Я вер-

нулся домой еще ввремя, чтобы напиться чаю съ мистриссъ Кэмпбелъ и съ дядею. Завтра мы возвращаемся въ Камеронъ. Мѣ намѣрены переѣхать Клейдъ и заѣхать, по пути, въ Гриннокъ и въ Порт-Гласго.

Совершивъ этотъ кругъ, мы уже обратимся къ югу и послѣдуемъ за солнцемъ, со всевозможною торопливостью, чтобы поспѣть къ концу осени въ Англию, гдѣ Ворея далеко не такъ рѣзокъ и провизителенъ, какъ на здѣшнихъ сѣверныхъ горахъ. Я буду продолжать писать тебѣ по прежнему, отовсюду.

Эрджильсшайръ, 3 сентября. Твой Д. Мельфордъ.

Къ доктору Льюизу.

Вотъ уже двѣ недѣли, любезный Дикъ, какъ мы покинули столицу Шотландіи, направивъ свое путешествіе къ Стирлину, въ которомъ теперь и находимся. Здѣшній замокъ походитъ на Эдинбургскій и даетъ удивительный видъ на извѣшины Форта, которые до того необыкновенны, что сухимъ путемъ — разстоянія отсюда до Аллоа только четыре мили, а водою—двадцать четыре.

Аллоа—хорошенькій, процвѣтающій городокъ. Онъ обязанъ своимъ богатствомъ торговлѣ Гласго, купцы котораго присылаютъ сюда табакъ и другіе предметы, для отправленія ихъ изъ здѣшнихъ магазиновъ, по Форту. По дорогѣ сюда, мы осмотрѣли литейный заводъ, гдѣ, вмѣсто дровъ, употребляется каменный уголь. Здѣсь нашли способъ очищать его отъ сѣры, которая иначе сообщала бы металлу слишкомъ мягкое свойство. Въ Шотландіи повсюду добывается превосходный каменный уголь.

Здѣшняя почва почти не даетъ иныхъ зеренъ, кромѣ овса и ячменя; можетъ быть потому, что еѣ плохо воздѣлываютъ и никогда не огораживаютъ. Немногія изгороди, которыя я видѣлъ, состоятъ изъ плохо сложенныхъ каменьевъ, собранныхъ по полямъ, гдѣ они будто именно для этой цѣли разбросаны. Когда я выразилъ удивленіе, что земледѣльцы не очищаютъ своихъ полей отъ этихъ каменьевъ, одному лицу, хорошо знакомому съ теоріей и практикой сельскаго хозяйства, — тотъ сталъ увѣрять меня, что каменья не только не мѣшаютъ всходу посѣва, но еще содѣйствуютъ ему. Этотъ ученый приказалъ однажды очистить одинъ изъ своихъ участковъ отъ каменьевъ, вспахать и засеять ячменемъ; но поле дало гораздо меньше прежняго. Онъ велѣлъ снова набросать каменьевъ и на слѣдующій годъ урожай вышелъ также хорошъ, какъ и прежде. Онъ попробовалъ снова убрать каменья—и опять пошло худо; набросали опять — и почва вновь дала урожай. Тотъ же опытъ, и съ тѣми же выводами былъ дѣланъ и въ другихъ частяхъ Шотландіи.

Удивленный этими свѣдѣніями, я спросилъ его какимъ образомъ онъ объясняетъ себѣ этотъ феноменъ. Онъ сказалъ, что каменья могутъ быть полезны почвѣ въ трехъ случаяхъ: они останавливаютъ слишкомъ сильныя испаренія земли, имѣющія то же свойство, какъ и слишкомъ обильный потъ тѣла: расслаблять и изнувать организмъ; защищаютъ молодые всходы отъ весенняго вѣтра и, на-

ювецъ, отражаютъ солнечные лучи, умѣряютъ холодъ почвы и климата. Но испаренія можно умѣрять различными способами удобренія земли, какъ-то: золою, мломъ, известью, или рухлякомъ; послѣдняго здѣсь цѣлыя копи. Что касается до тепла, то огороды дали бы его гораздо болѣе. Половина земли, покрытой теперь каменьями, пошла бы также подъ посѣвъ; пахать сдѣлалось бы несравненно легче, и лошадямъ, плугамъ и боронамъ причинилось бы на половину менѣе вреда и порчи.

Здѣсь, въ сѣверо-западной части страны, урожай на рожь не долженъ быть обилень: почва отъ природы бесплодна и болотиста. Поселане живутъ очень бѣдно; на видъ — худы, оборваны и замѣчательно грязны. Послѣдній упрекъ они легко могли бы отвратить отъ себя, будучи такъ обильно надѣлены озерами, рѣками и источниками чистѣйшей воды. Землепашество не можетъ процвѣтать тамъ, гдѣ фермы бѣдны, сроки аренды коротки и арендаторъ вноситъ за землю такую высокую сумму, что ему уже ничего не остается на улучшение своего хозяйства. Житицы Шотландіи: — берега Твиды, восточный и южный Лотіанъ, Гаури и Пертипайръ, — равные по плодородію любой части Англіи, — и нѣкоторыя полосы въ Абердиншайръ и въ Морреъ, гдѣ говорятъ жатва созрѣваетъ ранѣе чѣмъ въ Нортумберландѣ, не смотря на то, что онъ лежитъ на два градуса ниже, на югъ. Меня сильно влечетъ любопытство осмотрѣть нѣкоторыя мѣстности за Фортонъ и Тэйнеъ; какъ то, Портъ, Денди, Монрозъ и Абердинъ, — все красивые и цвѣтушіе города; но теперь слишкомъ позднее время года, чтобы позволить такое допущеніе къ моему первоначальному плану.

Я радъ, по крайней мѣрѣ, что видѣлъ Глазго; это, насколько я могу помнить и судить, одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ Европы и, нѣтъ сомнѣнія, одинъ изъ богатѣйшихъ въ Великобританіи. Его можно справедливо сравнить съ пчелинымъ ульемъ, по кипящей въ немъ дѣятельности. Расположенъ онъ частію, по красивому склону горы; частію, въ долину, орошаемой Клейдомъ. Улицы прямы, широки, открыты и прекрасно вымощены; дома обширны и прочно построены изъ тесанаго камня. Въ верхней части города находится древній соборъ, который можно поставить на ряду съ Йоркминстерскимъ, или Вестминстерскимъ; на пол-дороги отъ собора къ базару стоитъ университетъ, величественное зданіе, со всѣми удобствами для учащихся и для профессоровъ, съ богатою бібліотекою и обсерваторією, снабженною всѣми астрономическими инструментами. Въ Глазго считается тридцать тысячъ жителей, и въ каждомъ кварталѣ видишь слѣды богатства и роскоши. Впрочемъ, и у этого торговаго города есть свои недостатки и неудобства. Вода, напримѣръ, добываемая изъ колодезъ, имѣетъ солоноватый вкусъ и мутна. Это тѣмъ менѣе простиительно, что въ нижней части города протекаетъ Клейдъ, а около собора находятся источники, изъ которыхъ можно бы наполнить отличною водою широкій бассейнъ и провести ея оттуда по всѣмъ частямъ города. Прежде всего слѣдовало бы позаботиться о здоровьи жителей, а потомъ уже стараться объ украшеніи города новыми

улицами, скверами и церквями. Другой недостатокъ, не менѣе легко исправимый, это мелководье рѣки, по которой большія суда могутъ подходить къ городу не ближе какъ на десять или на двадцать миль, такъ что купцы принуждены нагружать и разгружать корабли въ Гриннокъ и въ Портъ-Гласго, лежащихъ ближе къ устью Фрайса, гдѣ широта его достигаетъ двухъ англійскихъ—миль.

Населеніе Гласго отличается предприимчивымъ духомъ. Мистеръ Муръ, хирургъ, которому я былъ рекомендованъ моими эдинбургскими друзьями, познакомилъ меня со всѣми значительными негоціантами города. Тутъ я познакомился съ мистеромъ Кокреномъ, котораго можно по справедливости назвать однимъ изъ мудрѣйшихъ людей государства. Онъ былъ вождемъ палаты общинъ во время послѣдняго возмущенія. Я засѣдалъ тамъ членомъ, когда дѣло это подвергалось изслѣдованію, и мистеръ П— замѣтилъ, по этому случаю, что ему никогда не удавалось слышать такого умнаго изложенія. Я былъ также введенъ къ доктору Джону Гордону, древнему римлянину по патриотизму. Онъ первый завелъ здѣсь полотняныя фабрики и много способствовалъ къ устройству рабочаго дома для бѣдныхъ, больницы и другихъ полезныхъ общественныхъ учрежденій. Будь онъ гражданиномъ древняго Рима—народъ поставилъ бы ему статую. Кромѣ того, мнѣ случилось разговаривать съ мистеромъ Г—сомъ, котораго я считаю однимъ изъ самыхъ значительныхъ, европейскихъ негоціантовъ. Въ послѣднюю войну онъ, говорятъ, поставилъ разомъ двадцать-пять кораблей и выручалъ до пол-милліона стерлинговъ въ годъ. Эта война была счастливою эпохою для торговли Гласго.

Я люблю какъ родину эту часть Шотландіи. Церковь св. Монга, берега Клейда и другія особенности, напоминающія мнѣ Валлисъ съ его обычаями и нарѣчіемъ, возбуждаютъ во мнѣ тщеславіе, что народъ этотъ происходитъ отъ Бретонцевъ, владѣвшихъ когда-то страню. Нѣтъ сомнѣнія, что это и было Кимбрійское королевство, столицею котораго былъ Дембертонъ (вѣрнѣе Денбритонъ), отъ котораго и до нынѣ осталось мѣстечко, при слияніи Клейда съ Ловеномъ, въ десяти миляхъ отъ Гласго. Тутъ же, въ сосѣдствѣ, родина св. Патрікія, ирландскаго проповѣдника; деревня и церковь донынѣ носятъ его имя. По близости находятся слѣды знаменитой римской стѣны, съ укрѣпленными замками, построенной при Антонинѣ, отъ Клейда до Форта, чтобы удержать набѣги Каледонійцевъ, населявшихъ западную Шотландію. Параллельно съ этою стѣною, купцы Гласго задумали прорыть судоходный каналъ. Это дастъ торговлѣ неисчислимыя удобства, облегчивъ перевозку товаровъ съ одной стороны острова на другую.

Изъ Гласго мы отправились по Клейду, живописной рѣкѣ, украшенной по обѣимъ берегамъ вилами, городами и деревнями. Рощи и луга, въ которыхъ также нѣтъ недостатка, перемежаются съ пажитями. Но по сю сторону Гласго почти нѣтъ другого посѣва, кромѣ овса и ячменя; первый гораздо лучше, второй гораздо хуже англійскаго. Удивляюсь, что здѣсь такъ мало ржи, тогда какъ это

растѣніе примѣняется ко всякой почвѣ; но еще удивительнѣе, что въ верхней Шотландіи, гдѣ бѣдному народу не хватаетъ хлѣба на зиму, пренебрѣгаютъ разведеніемъ картофеля.

По ту сторону рѣки лежатъ города Песлей и Ренфрю. Первый изъ ничтожной деревушки, сдѣлался однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ городовъ страны, обогатившись фабриками полотень, кембрика, ситца и шелковыхъ тканей. Прежде онъ славился богатымъ мужскимъ монастыремъ, который велъ знаменитыя шотландскія яронки, извѣстныя подъ именемъ: «the Black Book of Paisley», то есть *Черная Книга Песлея*. Аббатство еще существуетъ, но обращено въ жилой домъ, принадлежащій графу Дендональдъ. Ренфрю—хорошенькій городокъ, на берегу Клейда; это главный городъ графства, котораго владѣтели были Стюарты; оно давало старшему сыну короля титулъ барона, который и до нынѣ носитъ принцъ валлійскій.

Мы оставили Клейдъ немного въ лѣво около Денбритона, гдѣ онъ слившись съ Левеномъ, образуетъ широкую бухту. На этомъ мѣстѣ стоитъ извѣстный, старинный замокъ, Альклейдъ, омываемый двумя рѣками со всѣхъ сторонъ, исключая узкаго перешейка, который, во время разлива, также покрывается водою. Всѣ это достойно всякаго любопытства, какъ по качеству и формѣ утеса, такъ и по положенію. Тутъ мы переѣхали черезъ Левенъ, который хотя и не такъ широкъ какъ Клейдъ, но гораздо прозрачнѣе и живописнѣе. Эта красивая рѣка вытекаетъ изъ озера Лау-Ломондъ и бѣжитъ изгибаема на пространствѣ четырехъ миль, по кремнистому дну, пока сливается съ Клейдомъ, у Денбритона. Немного выше его истока, стоитъ, на берегу озера Камеронъ, дача мистера Смоллета; вокругъ нея такой густой дубовый лѣсъ, что мы едва замѣтили домъ, будучи уже въ пяти ярахъ отъ него. Я видѣлъ Lago di Garda, Albano, De Vico, Bolsena и Женевское озеро, но, клянусь честью, предпочитаю всѣмъ имъ Лау-Ломондъ. Предпочтеніе это въ особенности объясняется восхитительнымъ видомъ на зеленѣющіе островки, будто плавающіе по озеру и манящіе отдохнуть въ своемъ уединеніи. Но и самыя берега озера не лишены величественныхъ красотъ. По всю сторону по нимъ раскиданы рощи, луга и нивы, перемѣшанные съ прелестными дачами, будто выходящими изъ озера; а вдали пейзажъ заканчивается высокими горами, поросшими верескомъ, который во время цвѣта походитъ на великолѣпный красный коверъ. Невозможно вообразить какъ все это живописно; недаромъ здѣшній край называется шотландскою Аркадіей. Я увѣренъ, что онъ могъ бы во всемъ, исключая климата, поспорить съ настоящей Аркадіей, и даже превзойти ее зеленью, лѣсами и водою. Что вы, напримѣръ, скажете о природномъ бассейнѣ чистѣйшей воды, въ тридцать миль дланною, въ семь шириною, и въ иныхъ мѣстахъ глубиною до ста футовъ, покрытомъ двумя десятками обитаемыхъ острововъ, поросшихъ лѣсомъ который изобилуетъ дичью? Воды этого озера содержатъ множество превосходнѣйшей рыбы: семги, щукъ, форелей, угрей, камбалы, и лозановъ; послѣдніе—родъ сельдей, и ловятся только въ этомъ озерѣ.

Тамъ какъ оно сообщается посредствомъ Левена съ моремъ, то вся эта рыба, кромѣ повановъ, заходить сюда случайно.

Посылаю вамъ въ этомъ письмѣ копію съ небольшою одою къ Левену, написанной мистеромъ Смоллетомъ, который родился въ здѣшнихъ краяхъ, въ двухъ миляхъ отъ дома, въ которомъ я пишу къ вамъ. Если вы и не найдете въ ней большихъ достоинствъ, то все же она дастъ вамъ картину, вѣрную природѣ. Я люблю эти ландшафты съ натуры, потому что въ нихъ есть правда; а это, по моему, лучше самыхъ замысловатыхъ выдумокъ, какія только можетъ придумать пылкое воображеніе.

Я имѣю сказать вамъ еще многое; но въ этомъ письмѣ уже нѣтъ мѣста, а потому оставляю до слѣдующаго раза. Скажу только, что я непремѣнно намѣренъ углубиться еще миль на сорокъ въ здѣшнія горы которыя возстаютъ передо мною, какъ фантастическія видѣнія, маня къ себѣ вашего преданнаго.

Камеронъ, авг. 28.

М. Брэмбля.

Ода къ Левену.

Когда я брожу по берегамъ Левена, прислушиваясь къ сладкозвучной пѣснѣ горнаго рожка, я нахожу, что мнѣ не въ чемъ завидовать пастухамъ счастливой Аркадіи.

Прозрачная рѣка! въ твоей кристальной влагѣ я освѣжалъ свои юные члены. Никакіе потоки не мутятъ твоей зеркальной поверхности; никакіе утесы не мѣшаютъ твоему плавному бѣгу и бѣжишь ты, гармонично журча, по свѣтлому, кремнистому дну. Мириады рыбъ сверкаютъ чешуей на твоей поверхности и дробятъ ее радужными блестками. То мелькнетъ петрая спинка гибкой форели; то блеснетъ чешуею семга, царица рѣки; то прожорливая щука, то змѣистый угорь, или серебряный пискарь.

Весело бѣжишь ты изъ роднаго озера, пробираясь среди березовыхъ рошъ, кустарниковъ и цвѣтущихъ, розовыхъ изгородей.

По зеленѣющимъ берегамъ твоимъ бродятъ стада и пастухи; слышится дѣвичья пѣсня и отдаленный звукъ рожка. Люди здѣсь хранятъ въ сердцахъ простую, чистую вѣру; живутъ трудами рукъ и готовы мужественно защищать ниспосланные имъ природою дары.

Къ доктору Льюису.

Еслибъ я былъ расположенъ къ критикѣ, то я замѣтилъ бы, что этотъ домъ, въ которомъ я поселился въ Камеронѣ, построенъ слишкомъ близко къ озеру, которое, съ одной стороны, находится въ шести или семи ярдахъ отъ оконъ. Онъ долженъ бы стоять на болѣе возвышенной мѣстности и открывать глазу болѣе обширную перспективу; тогда и воздухъ здѣсь былъ бы супе. Но нынѣшній владѣлецъ не виноватъ въ этомъ неудобствѣ: онъ купилъ этотъ домъ готовымъ, въ избѣжаніе хлопотъ переправлять свою наследственную усадьбу, отстоящую отсюда миль на двѣ, по берегу Левена.

Около моего дома находится живописное ущелье, поросшее лѣсомъ; въ глубинѣ его протекаетъ рѣка, которая бьетъ водопадомъ по усту-

мигъ и впадаетъ въ Левенъ. Все это представляетъ восхитительный видъ. При взглядѣ на него одинъ капитанъ, объѣхавшій вокругъ свѣта съ мистеромъ Ансономъ, вскричалъ:—«Да это Жуанъ Фернандезъ, ей Богу, Жуанъ Фарнандезъ!»

Дѣйствительно, здѣшній край могъ бы считаться совершеннымъ раемъ, еслибъ не суровый климатъ, который здѣсь происходитъ отъ тѣхъ же причинъ, какъ и въ Валлисѣ: отъ сосѣдства большихъ горъ и отъ западнаго положенія, подверженнаго сырмъ испареніямъ Атлантическаго Океана. Впрочемъ, не смотря на сырость, здѣсь такой здоровый воздухъ, что у жителей почти не бываетъ иныхъ болѣзней, кромѣ оспы и сыпей, слѣдствія неопрятности, въ которой нельзя не упрекнуть вообще здѣшній народъ.

Здѣсь есть много примѣровъ долговѣчья и, между прочими, одинъ старикъ, на котораго я гляжу съ особеннымъ уваженіемъ, какъ на древняго друида. Онъ прожилъ около девяноста лѣтъ подъ собственноручно насаженными дубами, и никогда не знавалъ болѣзней. Онъ былъ когда-то владѣльцемъ этого помѣстья и отличался чрезвычайно предприимчивымъ характеромъ. Но многіе изъ его плановъ не удались, и онъ былъ вынужденъ продать свое имѣніе, которое, съ тѣхъ поръ, перешло уже черезъ двое, или трое рукъ. Каждый новый владѣлецъ прилагалъ всѣ старанія, чтобы обезпечить существованіе почтеннаго старца. Онъ имѣетъ всё необходимое для жизни и живеть, съ своей старушкой, на маленькой, удобной фермѣ, съ небольшимъ садомъ, который они обрабатываютъ собственными руками. Эта древняя чета живеть въ мирѣ и любви, наслаждается крѣпкимъ здоровьемъ, и, не терпя ни въ чемъ недостатка, пользуется совершеннымъ довольствомъ. Мистеръ Смоллетъ называетъ старика адмираломъ, потому что онъ, катаясь въ лодкѣ по озеру, никому не уступаетъ обязанности рулевого. Онъ проводитъ большую часть времени бродя по лѣсамъ и говорить, что любитъ ихъ, какъ будто они до сихъ поръ его собственность. Я спросилъ у него однажды бывалъ ли онъ когда нибудь боленъ. Онъ отвѣчалъ, что былъ: за голъ до союза, у него была легкая лихорадка. Еслибы онъ не былъ глухъ, съ нимъ было бы очень пріятно говорить; онъ очень уменъ и обладаетъ удивительною памятью. Это благотворные слѣды умеренности, движенія и правильной жизни. Но, не смотря на безобидность этого старца, онъ былъ причиною сильнѣйшаго испуга моего слуги, Гэмфри Клинкера. Его природное суевѣріе сильно возбуждено разказами о колдунахъ, вѣдмахъ и привидѣніяхъ, которыхъ онъ здѣсь наслушался. Въ день нашего пріѣзда сюда, вечеромъ, Гэмфри бродилъ по лѣсу, углубленный въ размышленія; вдругъ передъ нимъ явился адмиралъ, подъ тѣнью развѣсистаго дуба. Хотя Клинкеръ далеко отъ трусости въ случаяхъ, гдѣ ему не представляется ничего сверхъестественнаго, но, при этомъ явленіи, онъ не выдержалъ и стремглавъ бросился въ кухню. Волосы встали у него дыбомъ, глаза дико глядѣли, и языкъ онѣмѣлъ отъ ужаса. Увидавъ его въ такомъ положеніи, Уинифредъ Дженкинсъ громко закричала:—«Спаси насъ Боже! онъ что нибудъ увидѣлъ!» Миссъ Тебита также перепу-

галась, и весь домъ приползъ въ смятеніе. Когда Клинкеръ подкрѣпился рюмкою водки, я повросилъ его объяснить причину всей этой тревоги. Онъ было уперся, но потомъ объявилъ, что видѣлъ духа, въ образѣ старика съ сѣдою бородою, въ длинномъ плафрокѣ и съ черною шапкою на головѣ. Онъ былъ разувѣренъ самимъ адмираломъ, который вошелъ въ ту минуту въ домъ и оказался живымъ человѣкомъ, съ костями и плотью.

Сказать ли вамъ какъ мы проживаемъ въ этомъ раю? Мы раслюряжаемся, какъ своею собственностью и баранами нашего хозяина—баранами превосходными—и курятникомъ, и садомъ, и фермою, и погребомъ. У насъ отличная семга, шуки, форели, лини; и все это рукой подать, у самой двери. Клейдъ, протекающій по ту сторону горы, снабжаетъ насъ краснобородкою, трескою, макрелью, и множествомъ другой морской рыбы, въ томъ числѣ свѣжими сельдями, подобныхъ которымъ я еще не ѣдалъ. Изъ Девбритона сюда доставляютъ нѣжную, сочную говядину, недурную телятину и вкусный хлѣбъ; кромѣ того, намъ ежедневно приносятъ въ подарокъ множество куропатокъ, бекасовъ, глухарей и другой дичи.

У насъ перебывали всѣ сосѣди, и мы у нихъ были приняты не только радушно, но съ признаками искреннаго расположенія, какого дай Богъ найти у самыхъ близкихъ родственниковъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ разлуки.

Я писалъ вамъ въ послѣдній разъ, что намѣренъ углубиться въ горы. Теперь я исполнилъ этотъ прозектъ, съ помощью сэра Джорджа Колькгауна, полковника голландской службы, который взялся быть нашимъ проводникомъ въ этомъ случаѣ. Оставивъ женщинъ въ Камеронѣ, подъ покровительствомъ леди Г* С*, мы отправились верхомъ въ Инверари, главный городъ графства Эрджилъ, и обѣдали дорогою, съ лордомъ Макферленъ, ученѣйшимъ генеалогистомъ какого мнѣ случалось знать, и въ совершенствѣ знакомымъ со всѣми древностями Шотландіи.

Герцогъ Эрджилъ имѣетъ въ Инверари замокъ, гдѣ онъ останавливается, когда пріѣзжаетъ въ Шотландію. Тутъ же, возлѣ, начата послѣднимъ герцогомъ постройка прекраснаго дворца, въ готическомъ стилѣ. Если дворецъ будетъ оконченъ, то онъ сдѣлается украшеніемъ этой части Шотландіи. Что касается до Инверари, то это вовсе незначительный городокъ.

Природа здѣсь очень дика, особливо вблизи горъ, взгроможденныхъ одна на другую, съ грознымъ величіемъ. Земледѣлія почти нѣтъ и слѣдовъ; даже мало признаковъ населенія. Повсюду величіе, тишина и пустыня. Народъ живетъ по ущельямъ, гдѣ онъ защищенъ отъ зимнихъ бурь и холодовъ. Но по прибрежью моря лежитъ полоса плоскости, очень заселенная и обработанная; я нахожу, что прекраснѣе мѣстности нѣтъ на всемъ островѣ. Море не только защищаетъ еѣ отъ холода; снабжаетъ рыбою; но и даетъ восхитѣльнѣйшіе виды какіе только можно найти въ цѣломъ мірѣ. Передъ глазами, на сколько охватываетъ взоръ, разсѣяно, въ живописномъ

безпорядкѣ, до трехъ сотъ острововъ, известныхъ подъ названіемъ Гебридскихъ. Такъ какъ климатъ и почва здѣшнихъ горъ неблагопріятны для земледѣлія, то жители преимущественно занимаются скотоводствомъ, которое идетъ здѣсь очень успѣшно. Животные остаются на свободѣ всю зиму, не имѣя иной пищи и крова, кромѣ тѣхъ, которые сами могутъ найти себѣ въ долинѣ. Если снѣгъ такъ высокъ и твердъ, что они не могутъ добыть себѣ корней и травы, то они ежедневно отправляются, руководясь инстинктомъ, къ берегу моря, и достаютъ для своего корма водяныя растенія.

Очень можетъ быть, что этотъ родъ промышленности, требующій столь мало заботъ и труда, и составляетъ главнѣйшую причину лѣности и недостатка предприимчивости, отличающихъ здѣшнихъ горцевъ на ихъ родинѣ. Попадая въ другія мѣста, они становятся такими же дѣятельными и проворными, какъ и всякій другой народъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они значительно отличаются нѣкоторыми свойствами отъ своей сосѣдей, обитателей плоской части страны, къ которымъ они питаютъ старинную вражду; эта разница очень замѣтна даже среди ихъ знатнаго и образованнаго класса. Лоулендцы, или жители плоскости, вообще отличаются осторожностью и хладнокровіемъ; тогда какъ горцы—пылки и необузданны; но эта слабость ихъ натуры не мѣшаетъ имъ быть привѣтливыми и услужливыми къ чужеземцамъ; радушіе ихъ доходитъ до восторженности.

Мы проѣхали миль двадцать за Иверари, чтобы навѣстить одного джентльмена, друга нашего чичероне, и пробыли у него нѣсколько дней. Тамъ насъ до того усердно угощали, что я возъмѣлъ опасенія за свое здоровье.

Не смотря на пустынную здѣшнихъ горъ, въ народѣ нѣтъ недостатка. Я узналъ за достовѣрное, что герцогъ Эрджилъ можетъ собрать до пяти тысячъ солдатъ изъ одного своего клана, называемаго кланомъ Кэмпблемъ; есть еще другой, носящій тоже имя; но глава его, графъ Бридальбанъ. Макдональды точно также многочисленны и очень воинственны. Камеронъ, Мэклюдъ, Фрезеръ, Грентъ, Мэкензи, Мэккейсъ, Мэкферсонъ, Мэкинтошъ тоже могущественные кланы; такъ что еслибы собрать всѣхъ горцевъ, включивъ сюда и жителей острововъ, то можно бы выставить войско тысячъ въ сорокъ человекъ, храбрыхъ и готовыхъ идти на всякую опасность. Мы видѣли какъ четыре тысячи этихъ людей, неимѣвшихъ понятія о дисциплинѣ, подняли тревогу на всю Великобританію; атаковали и разбили двѣ арміи испытанныхъ, регулярныхъ войскъ, проникли въ самое сердце Англіи и, впослѣдствіи, произвели отступление въ совершенномъ порядкѣ, предъ лицомъ двухъ другихъ армій, по враждебной странѣ, гдѣ приняты были всѣ мѣры, чтобы отрѣзать имъ ретираду. Я не знаю въ цѣлой Европѣ другаго народа, который, не имѣя ни навыка, ни знанія въ военномъ дѣлѣ, пошелъ бы съ оружіемъ въ рукахъ, на регулярныя войска, по первому слову своего предводителя. Дайте имъ дисциплину—изъ нихъ выйдутъ превосходнѣйшіе солдаты. Они не ходятъ, подобно другимъ людямъ, а бѣгутъ и прыгаютъ какъ дикія лани. Они превосходятъ лоулендцевъ во всѣхъ упражненіяхъ, требую-

щихъ ловкости: къ тому же они чрезвычайно умѣренны, терпѣливо сносятъ усталость и голодь, и закалены противъ непогодъ; такъ что въ походѣ, если земля покрыта снѣгомъ, они не ищутъ себѣ крова, а спятъ подъ открытымъ небомъ, закутавшись въ свои пледы. Такіе солдаты могутъ быть непобѣдимы, если требуются переходы по труднымъ дорогамъ, неожиданныя нападенія на непріятельскій лагерь, или нужно тревожить и утомлять кавалерію, словомъ—вести войну безъ обычныхъ формъ, безъ запасовъ, багажа, фуража и артиллеріи. Вліяніе предводителя горцевъ можетъ быть очень опасно, такъ какъ оно дѣйствуетъ на крайней оконечности острова, гдѣ глазъ и рука правительства не могутъ имѣть должной силы и точности. Для уничтоженія силы клановъ, правительство пока придерживалось политическаго правила: *Divide et impera*. Постановленіемъ парламента, горцы не только лишены права носить оружіе, но и обязаны разстаться съ своимъ національнымъ одѣяніемъ, которое много способствовало ихъ воинственному духу. Тѣмъ же постановленіемъ они освобождены отъ всѣхъ рабскихъ обязанностей, такъ что, по закону, они теперь совершенно независимы отъ своихъ владѣльцевъ. Но старинная привязанность удержалась до сихъ поръ; въ основаніи ея лежитъ нѣчто древнѣе феодальной системы, о которой новѣйшіе писатели столько напумѣли, какъ будто это какое нибудь новое открытіе, въ родѣ системы Коперника. Каждую особенность гражданскаго устройства, обычаевъ, даже темперамента, старались объяснять феодализмомъ, какъ будто феодальная система не распространялась, почти одинаково на всѣ европейскія государства. Того и гляди, что высокіе каблуки и узкіе штаны также припишутъ вліянію феодальной системы. Отношенія между кланомъ и его главою, разумѣется, самыя патріархальныя; они основаны на наследственной привязанности и почтенія, перешедшихъ чрезъ многія поколѣнія. Кланъ считаетъ главу своимъ отцомъ, называется его именемъ, ведетъ свое происхожденіе отъ его дома, слушается его, какъ господина, со всюю горячностью сыновней любви и почтенія. Съ своей стороны, и глава дѣйствуетъ съ отеческою властью: повелѣваетъ, наказываетъ, награждаетъ, защищаетъ и заботится обо всѣхъ, какъ о собственныхъ дѣтяхъ. Если правительство вздумаетъ совершенно уничтожить эти отношенія, то оно должно будетъ заставить горцевъ покинуть свои горы и отказаться отъ своихъ именъ. Даже этотъ опытъ былъ прилагаемъ однажды безъ всякаго успѣха. Въ царствованіе Іакова VI, въ здѣшнихъ краяхъ была борьба между двумя кланами, Мэкгрегора и Калькгоуна; и послѣдній былъ побитъ. Лордъ Мэкгрегоръ выказалъ такую жестокость, послѣ побѣды, что парламентъ предалъ его суду и изгналъ изъ страны. Владѣнія его были отданы фамиліи Монтроузъ и кланъ былъ обязанъ переимѣнить названіе. Многіе этому покорились и, принявъ имена—Кэмпбелъ, Грегамъ, Дреммондъ, владѣтельные названія Эрджилей, Монтрозовъ и Пертовъ, всё таки присоединили къ нимъ имя Мэк-Грегоръ. Мало того, они принялись грабить и воровать, чтобы дать средства къ существованію своему прежнему господину, лишенному состоянія. Мистеръ Камеронтъ-

Докгелъ, глава клана этого имени, былъ замѣшанъ въ постѣднемъ возмущеніи и вынужденъ оставить страну. Сынъ его вернулся изъ Франціи, съ разрѣшенія парламента, въ началѣ послѣдней войны, и посѣтилъ свой родной край. Онъ нанялъ тамъ небольшую ферму, не подалеку отъ мѣста, гдѣ стоялъ домъ его отца, выжженный до основанія. Едва раззоренные и разбѣянные члены клана узнали о его пріѣздѣ, какъ сбѣжались со всѣхъ сторонъ, и въ нѣсколько дней набили его ферму семьюстами головами рогатаго скота, спасеннаго или изъ всеобщаго раззоренія. Но этотъ любимый ими глава, молодой человѣкъ, много общавшій, скончался, не успѣвъ воспользоваться плодами ихъ преданности.

По моему, единственный способъ ослабить и, наконецъ, окончательно разорвать эти узы состоитъ въ томъ, чтобы способствовать развитію въ простомъ народѣ чувства собственности и независимости. Нѣтъ никакой пользы, что правительство выгодно уступаетъ ему конфискованныя земли, когда онъ не имѣетъ средствъ извлекать изъ нихъ пользу. Море, конечно, могло бы быть для этихъ людей неисчерпаемымъ источникомъ богатства; но рыбная ловля не можетъ идти безъ судовъ, бочекъ, неводовъ, соли и другихъ принадлежностей. Я разговаривалъ съ однимъ умнымъ человѣкомъ, изъ здѣшнихъ жителей, который, изъ чистаго патріотизма, устроилъ здѣсь тони и холцевую фабрику, чтобы дать занятія бѣднымъ горцамъ. Здѣсь такое обиліе трески, что, по его словамъ, попадается до семи сотъ штукъ за разъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что здѣшніе невода необычайной ширины; въ нихъ бываетъ до двухъ тысячъ петель и кладутся раковины для приманки. Холцевая фабрика моего знакомаца точно также процвѣтаетъ, хотя въ послѣднюю войну, лучшіе работники были забраны въ рекруты.

Отъ здѣшнихъ владѣльцевъ нечего ожидать какихъ нибудь коммерческихъ предпріятій, для развитія благосостоянія среди ихъ вассаловъ; это вовсе не сродно ни съ ихъ наклонностями, ни съ ихъ образомъ жизни; но купеческая компанія могла бы извлечь большую выгоду изъ здѣшняго рыболовства.

Мы бьемся изъ-за американскихъ колоній, тогда какъ невоздѣланная часть нашей собственной страны могла бы принести намъ гораздо больше выгоды.

Побродивъ по горамъ и ущельямъ Эрджиля, мы посѣтили и лежащія острова, Илу, Юру, Мель и Икольмкиль. На первомъ мы осмотрѣли развалины замка, среди озера, гдѣ проживалъ когда-то Макдональдъ, лордъ, или пожалуй, король этихъ острововъ. Юра извѣстна какъ мѣсто рожденія нѣкоего Маккрена, прожившаго въ одномъ и томъ же домѣ сто восемьдесятъ лѣтъ и умершаго въ царствованіе Карла II. Въ Мелѣ есть много бухтъ, гдѣ могутъ удобно приставать корабли; въ одной изъ нихъ былъ взорванъ предкомъ мистера Смоллета корабль Флорида, принадлежавшій къ испанской армадѣ. Говорять, будто лѣтъ сорокъ тому назадъ герцогъ Джонъ Эрджилъ нашелъ въ испанскихъ лѣтописяхъ, что на этомъ кораблѣ

находилась военная касса. Онъ отправилъ опытныхъ водолазовъ осмотрѣть остовъ корабля, и они нашли его хорошо сохранившимся, но до такой степени погруженнымъ въ песокъ, что не было возможности пробраться подъ палубу. Они однако подобрали нѣсколько серебряныхъ вещей, расброшенныхъ по дну, и пару мѣдныхъ пушекъ.

Обѣхавъ острова, мы отправились водою изъ Коуала въ Гримокъ, хорошенькій городокъ по ту сторону залива. Онъ имѣетъ прекрасную гавань, съ тремя выступами, далеко влающимися въ море. Ньюпортъ-Гласго—городокъ въ такомъ же родѣ, лежащій двумя милями выше. Они оба служатъ товарными портами для Гласго. Отправившись снова водою изъ Ньюпорта, мы, менѣе нежели черезъ часъ, вышли на берегъ, миляхъ въ двухъ отъ нашей квартиры, гдѣ нашли нашихъ дамъ въ добромъ здоровьи и хорошемъ расположеніи духа. Два за два передъ тѣмъ, къ нимъ пріѣхалъ мастеръ Смоллетъ, съ женою. Я такъ много обяванъ этому джентльмену, что не могу говорить объ этомъ не краснѣя.

Завтра мы распростимся съ шотландскою Аркадіею и поѣдемъ обратно черезъ Леноркъ и Нитсдель, къ западнымъ границамъ Англіи. Эта поѣздка принесла мнѣ столько удовольствія и пользы, что если зимою не произойдетъ перемѣны въ моемъ здоровьи, я думаю вновь предпринять такую же, къ сѣверной оконечности Кетнесса, но только уже не таща за собою по пятамъ обузы.

Камеронъ, 6 сентября.

Вашъ М. Врэмблъ.

Къ миссъ Летиціи Уиллисъ, въ Глосестеръ.

Милая моя Летти, никогда бѣдный узникъ не вздыхалъ такъ о свободѣ, какъ я о возможности излить мое горе въ твое дружеское сердце. Теперь къ этому представляется почти чудесный случай. Честный шотландецъ, Саундерсъ Макаули, который каждый годъ ѣздитъ въ Валлисъ, находится теперь въ Гласго, съ товарами; онъ заходилъ навѣстить насъ и взялся передать тебѣ это письмо.

Мы прожили шесть недѣль въ Шотландіи, осмотрѣли всѣ достопримѣчательные города и повсюду находили самый радушный приемъ. Здѣшній народъ очень услужливъ и страна чрезвычайно живописна, совсѣмъ въ моемъ вкусѣ. Въ Единбургѣ я пріобрѣла нѣсколькихъ пріятельницъ. Въ этомъ большомъ и пышномъ городѣ время проводятъ очень весело. Я вступила въ дружескую переписку съ миссъ Р—, премиленною дѣвушкою, ровесницею мнѣ по возрасту. Ея прелести смягчили, даже едва ли не покорили непреклонное сердце моего брата Джерри; впрочемъ едва онъ успѣлъ выѣхать изъ города, какъ снова впалъ въ свое прежнее равнодушіе. Однако я чувствую, что это хладнокрівіе вовсе не фамильная наша черта. Я только однажды допустила въ свое сердце любовь и она пустила тамъ такіе корни, что ихъ не могутъ истребить никакія убѣжденія разсудка и никакія доказательства холодности и невниманія.

Милая Летти! какой со мною былъ ужасный случай на охотничьемъ балѣ, въ Единбургѣ! Я сидѣла въ углу, разговаривая съ одною изъ моихъ пріятельницъ, какъ вдругъ передо мною выросъ живой

образъ Вильсона, совершенно въ той одеждѣ, какая была на немъ въ роли Эмеля. Это оказался нѣкто мистеръ Гордонъ, котораго я никогда не встрѣчала. Испуганная неожиданнымъ видѣніемъ, я упала въ обморокъ и переполошила всё общество. Впрочемъ, причина моего испуга осталась тайною для всѣхъ, исключая брата Джерри. Онъ также былъ пораженъ сходствомъ, и ворчалъ, когда мы пріѣхали домой. Я очень благодарна Джерри за его привязанность ко мнѣ, и знаю, что онъ столько же заботится о моемъ счастьи и пользѣ, сколько и о чести нашего дома; но я не могу выносить, когда онъ раздражаетъ раны моего сердца своею строгостью. Я могла бы еще сносить, когда онъ бранитъ собственно меня, но онъ оскорбительно судитъ о Вильсонѣ. Джерри говорятъ, что если бы онъ дѣйствительно былъ джентльменъ, за каковаго выдаетъ себя, и не имѣлъ никакихъ безчестныхъ плановъ, то онъ давно уже объявилъ бы открыто о своихъ намѣреніяхъ. Эти замѣчанія производятъ на меня тяжелое дѣйствіе. Я силалась скрыть свои чувства, но эти усилія только разстроили мое здоровье и повергли меня въ жестокую тоску, такъ что нашли необходимымъ везти меня въ верхнюю Шотландію лечиться козьимъ молокомъ.

Вслѣдствіе этого мы отправились въ Лоу-Домондъ, прелестнѣйшій уголокъ въ цѣломъ мірѣ. Тамъ я стала пить каждое утро свѣжее горное молоко, дышала чистымъ воздухомъ, пользовалась веселымъ обществомъ, и, благодаря всему этому, поправилась и пополнила. Аппетитъ и здоровье возвратились; но тамъ, въ глубинѣ души, есть что-то такое, чему не пособить ни воздухъ ни движеніе, ни общество и никакое лекарство. Всѣ эти обстоятельства не ложились бы такъ тяжело мнѣ на сердце, еслибъ вблизи меня былъ сочувствующій другъ, которому я могла бы довѣриться и получить благодѣтельный совѣтъ. А у меня только и есть, что Уинни Дженкинсъ; конечно, она очень добрая дѣвушка, но уже вовсе не годится для такой обязанности. Она, бѣдная, слаба и нервами, и умомъ: не будь она такова—я давно уже знала бы настоящее имя и званіе несчастнаго Вильсона. Но впрочемъ, чѣмъ же онъ несчастливъ? Не ко мнѣ ли скорѣе подходятъ это названіе, за то, что я слушала ложныя увѣренія?—Нѣтъ, вздоръ! До сихъ поръ я не имѣю ни права, ни охоты дѣлать невыгодныя для него заключенія. Эта мысль помогаетъ мнѣ терпѣливо ждать. Что касается до Дженкинсъ, то это, право, прежалкое существо: методичнъ, любовь, тщеславіе совершенно вскружили ей голову. Но я любила бы еѣ больше, еслибъ она была постояннѣе въ своихъ привязанностяхъ; а то она жаждетъ только побѣдъ и, въ одно и то же время, кокетничаетъ съ Гэмфри Клинкеромъ, слугою дяди и очень хорошимъ малымъ, и съ какимъ нибудь Деттономъ, камердинеромъ Джерри, самымъ негоднымъ человѣкомъ. Но Деттонъ натравилъ Уинни носъ и убѣжалъ, въ Берквикъ, съ чужою невѣстою.

Право, милая Летти, мнѣ стыдно за нашъ полъ. Мы жалуемся, что мужчины пользуются нашею молодостью, чувствительностію, неопытностію; но, сколько я ни видѣла, женщины только и заботятся о томъ, какъ бы разставить сѣти мужчинамъ; для этого онѣ упо-

требляютъ даже вовсе неизвинительныя средства. Въ отношеніи постоянства онѣ также недалеко ушли отъ непрекраснаго пола. Моя тетушка, напримѣръ, не взирая на свои лѣта и физическіе недостатки, выказываетъ свои прелести повсюду, гдѣ только есть малѣйшая надежда найти охотниковъ на ея особу; но до сихъ поръ ихъ еще на находилось. Боюсь думать, но мнѣ кажется, что она даже религію пользовалась какъ средствомъ для этой цѣли, хотя оно и не оправдало ея ожиданій. Она пристала къ сектѣ методистовъ, которыхъ здѣсь множество; молилась, проповѣдывала, поучала, увѣряла, что имѣетъ такія откровенія и вдохновенія, которымъ даже Клинкеръ не рѣшался вѣрить, хотя бѣдняга почти помѣшанъ отъ своего энтузіазма. Что касается до Уинифредъ, то она дѣлала вѣль, будто вѣрять во всѣ бредни своей госпожи, какъ въ евангеліе.

У нея также свои восторги и вдохновенія, но,—да проститъ меня Богъ, если я несправедлива,—мнѣ кажется, что все это—одно лицемеріе. Впрочемъ, можетъ быть, бѣдная Уинни сама себя обманываетъ; она очень нервозна и подвержена болѣзненнымъ припадкамъ. Съ тѣхъ поръ какъ мы въ Шотландіи, она имѣла видѣнія и увѣряетъ, что обладаетъ даромъ предсказывать. Если бы я вѣрила во все эти сверхъестественныя явленія, то заключила бы, что сама я совершенно лишена благодати: мнѣ никогда не случалось видѣть, чувствовать или испытать что нибудь въ этомъ родѣ, хотя я и стараюсь исполнять свои религіозныя обязанности со всевозможною искренностью, усердіемъ и набожностью, какія только доступны

вѣчно преданной тебѣ, милая Летти, Лидіи Мельфордъ.

Гласго, 7 сентября.

Мы возвращаемся въ Брэмблтонъ-Голъ и, надѣюсь, пройдемъ черезъ Глосестеръ; въ такомъ случаѣ я буду имѣть невыразимое счастье разцѣловать мою милую Летти. Напомни обо мнѣ моей почтенной воспитательницѣ.

Къ миссъ Мери Джонсъ, въ Брэмблтонъ-Голъ.

Сандерсъ Мекелли, ѣдетъ прямо въ Валлисъ и взялся доставить это письмо въ твои руки; вотъ я и спѣшу воспользоваться случаемъ извѣстить тебя, что нахожусь еще въ живыхъ. А вѣдь была ужъ я совсѣмъ на краю того свѣта, послѣ того какъ писала тебѣ въ послѣдній разъ. Мы отправились однажды, моремъ, въ другое государство, по прозванію королевство Файфъ, и на обратномъ пути чуть было не погибли отъ поднявшейся бури. Мнѣ стало такъ страшно и такъ дурно, что я думала—вотъ сейчасъ же душа вонъ; даже мистеръ Клинкеръ ходилъ самъ не свой, цѣлые два дня послѣ этой поѣздки. Счастьемъ нѣкоторымъ людямъ, что они такъ дешево отдѣлались: миссъ Брэмблъ была очень зла и вовсе не приготовлена къ смерти; но, благодаря Бога, еѣ вскорѣ опять навелъ на путь истинный преподобный отецъ Мэк-крокодилъ. Потомъ мы были въ Стерлинъ и въ Грасго, очень красивыхъ городкахъ, а оттуда отправились въ одному джентльмену въ Лофъ-Домпигъ. Это чудесное озеро, со множествомъ острововъ посреди него. Говорятъ, будто оно бездонное и бу-

то бы его сотворилъ колдунъ; чего добраго, можетъ это и правда, хотя и очень чудно. На немъ поднимаются волны безъ вѣтра; рыба въ немъ безъ чешуи и острова плаваютъ по водѣ. На одномъ изъ нихъ находится церковь и кладбище, и каждый разъ, когда кому-нибудь умереть, на колокольнѣ этой церкви самъ собою зазвонитъ колоколъ къ погребенію.

О Мѣри! здѣсь просто заколдованный край. Колоколъ при мнѣ звонилъ и я видѣла огни и слышала жалостные стоны. У хозяйна той дачи, гдѣ мы останавливались, есть еще другой домъ, но онъ изъ него поскорѣе выбрался, потому что тамъ бродитъ домовая и не даетъ людямъ покойно спать. На сосѣдней горѣ, Керманнъ, живутъ въ пещерахъ вѣдьмы: онѣ таскаютъ туда родильницъ; но стоитъ только приколотить подкову къ порогу, чтобы онѣ не смѣли прикоснуться. Мнѣ показывали одну вѣдьму, по имени Элбспатъ Рингавей; у нея мутные глаза и сѣдая щетина на подбородкѣ; одѣта она была въ красную юбку. Я протянула ей руку, чтобы она мнѣ поворожила; но прежде перекрестила ея руку монетою, которую ей отдала, чтобы она меня не заколдовала. Ужъ что же она насаказала! — и описала—кого бы ты думала? Ну точь въ точь мистера Клинкера. Но ужъ этого я въ вѣкъ никому не скажу. Отъ обмороковъ она совѣтовала мнѣ купаться въ здѣшной водѣ, говоря, что, она священная. На другой день утромъ мы и отправились, съ хозяйской дѣвушкой, въ одно особое мѣсто и стали купаться совсѣмъ нагишомъ, какъ здѣсь всѣ господа купаются. Другъ, знаешь, пока мы плескались въ водѣ, выходитъ съ ружьемъ, изъ-за куста сэръ Джоржъ Кунъ; мы закрыли свои лица руками и пробѣжали мимо него къ тому мѣсту, гдѣ оставили свои платья. Учтивый баринъ хоть отвернулся бы въ сторону. Но я утѣшаюсь тѣмъ, что онъ насъ не знаетъ, а вѣдь ночью всѣ кошки сѣры. Пока мы жили въ Лофъ-Ломнигѣ, сэръ Джоржъ ѣздилъ съ нашими эсквайрами въ горы, къ дикимъ: до этихъ горъ отсюда три, или четыре дня ѣзды. Дикіе живутъ въ пещерахъ и пожираютъ маленькихъ дѣтей. Говорятъ они по валлійски, да только выговариваютъ совсѣмъ иначе. Наши леди не согласились разстаться съ мистеромъ Клинкеромъ; вѣдь онъ такой отважный и набожный, что никого, ни даже чорта не боится, если только онъ въ распахъ на него не нападетъ. Вотъ оно разъ такъ и было: Гэмфри видѣлъ здѣсь такое привидѣніе, что едва не заговорилъ съ нимъ. Онъ увѣрялъ потомъ, что это былъ старый адмиралъ; но отъ стараго адмирала у него не стали бы дыбомъ волосы и не застучали бы зубы; онъ это только для того говоритъ, чтобы леди не очень боялись. Миссъ Лидди была очень больна и едва не отправилась; но сыворотка козьяго молока снова поставила ее на ноги. Я подозреваю, что у миссъ слипкомъ чувствительное сердце. Вѣдь для валлійки эта сыворотка тоже, что матернее молоко. Что же касается до миссъ Врэмблъ, то еѣ, слава Богу, ничто не беретъ; кушаетъ она исправно и преуспѣваетъ въ возрастѣ и въ мудрости; но при всемъ томъ, все же она грѣшный человекъ и я

думаю, скажи только слово сэръ Джорджъ—она съ радостью превратилась бы изъ барышни въ барыню. Но вѣдь мало ли что я вижу и слышу, а ужъ съ языка-то ничего не сойдетъ.

Гласго, 7 сентября.

Твоя Уинифредъ Дженкинсъ.

Напомни обо мнѣ, какъ водится, Сэлли; мы теперь ѣдемъ домой, хотя и не ближнею дорогою. Я думаю вмѣсто моего котеночка я найду уже большущаго кота.

Къ сѣру Уаткину Филлипсу, въ Оксфордъ.

Любезный Филлипсъ, вотъ я и опять въ Англии, и, признаюсь, очень радъ этому, послѣ шестинедѣльнаго путешествія по лѣсамъ и горамъ Каледонин, не въ обиду будь сказано «страннѣ пироговъ, гдѣ лепешки на овсѣ растутъ». Дядю я никогда еще не видалъ такимъ веселымъ и здоровымъ какъ нынче. Лидди также совершенно поправилась, а миссъ Тебитъ, кажется, не на что жаловаться. Однако, я думаю, она расположена послать къ чорту всю шотландскую націю, какъ сборище безчувственныхъ истукановъ, передъ которыми она вотще расточала всѣ свои оболъщенія. Гдѣ мы ни останавливались, повсюду она выступала на арену и точила свое заржавѣвшее оружіе; но побѣды не одержала ни одной. Одна изъ ея послѣднихъ атакъ была наведена на сердце сэра Джорджа Колькгоуна, противъ котораго она направила всѣ свои батареи. Она была то серьезна, то весела; то проповѣдывала, то методизировала; смѣялась, рѣзвилась, танцевала, пѣла, вздыхала, дѣлала глазки, нашептывала, заигрывала, льстила. Но увѣ! все это было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Варонетъ, человекъ съ большимъ тактомъ, простирая свои любезности насколько позволяли приличія, и даже, если вѣрить злымъ языкамъ, нѣсколько далѣе; но, ветеранъ не только въ дѣлѣ войны, но и любви, онъ слишкомъ опытенъ, чтобы попасть въ силки, разставленныя его свободѣ. Пока мы ѣздили въ горную Шотландію, она упражнялась надъ сердцемъ лорда Ледришмора и даже назначала ему свиданіе въ Драмскельоккомъ лѣсу; но лордъ до того заботится о своей собственной репутацин, что явился въ сопровожденіи приходскаго священника, и время прошло въ однихъ благочестивыхъ разговорахъ. Послѣ всѣхъ этихъ неудачъ, тетушка вдругъ вспомнила о лейтенантѣ Лисмагаго, о которомъ она, казалось, совершенно позабыла, съ самого пріѣзда въ Единбургъ. Теперь она снова изъявляетъ надежду увидѣть его, согласно съ его обещаніемъ, въ Дэмфри.

Изъ Глазго мы отправились въ Ленаркъ, въ графствѣ Килдсделъ; вблизи этого города, Клейдъ низвергается съ отвѣснаго утеса и представляетъ великолѣпный водопадъ. На слѣдующій день мы были вынуждены остаться въ маленькомъ местечкѣ, потому что у насъ сломалась карета и пришлось переждать пока еѣ исправляли. Тутъ съ нами произошелъ случай, сильно затронувшій великодушное сердце мистера Брэмбля. Мы стояли у окна, въ гостинницѣ, которая находится прямо противъ тюрьмы, и увидѣли подѣхавшаго верхомъ человекъ, просто, но прилично одѣтаго. На немъ былъ голубой кафтанъ, и, на коротко об-

стриженныхъ волосахъ, гялава съ золотымъ шиуркомъ. Отдавъ лодку хозяину гостинницы, онъ приблизился къ старику, мостившему ушцу.—«Не легкій трудъ для такого стараго человѣка!» обратился онъ къ нему и, взявъ у него изъ рукъ молотокъ принялся прилаживать плиту.—«Развѣ нѣтъ у васъ сына, чтобы помочь вамъ?» спросилъ онъ у старика, послѣ нѣсколькихъ ударовъ. «Какъ не быть, ваша милость, отвѣчалъ старина; есть цѣлыхъ трое, и надежные парни, да теперь-то у меня нѣтъ ихъ подъ рукою.— Не честите меня «милостью», произнесъ незнакомецъ; мнѣ скорѣе пристало чествовать ваши сѣдые волоса. Гдѣ же теперь ваши сыновья?»—Старый мостильщикъ объявилъ, что старшій сынъ его служитъ капитаномъ въ Ост-Индіи, а младшій также поступилъ недавно въ солдаты, считывая сдѣлать карьеру по примѣру старшаго. Но когда джентльменъ пожелалъ узнать, что же случилось со среднимъ, старикъ утеръ глаза и сознался, что средній взялъ на себя долги отца и сидитъ теперь за нихъ вотъ тутъ, въ тюрьмѣ.

Незнакомецъ сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ къ тюрьмѣ; потомъ вдругъ обернулся и спросилъ: — «Неужели этотъ бездушный капитанъ ничѣмъ не помогаетъ вамъ въ вашей нищетѣ?»—«Не называйте его бездушнымъ, сэръ; возразилъ старикъ; благослови его Богъ, онъ прислалъ мнѣ большую сумму денегъ, но я сдѣлалъ изъ нихъ дурное употребленіе: я поручился за моего хозяина и лишился всего своего имущества». Въ эту минуту изъ за желѣзной рѣшотки тюремнаго окна высунулась голова молодаго человѣка.—«Отецъ! вскричалъ онъ, если братъ Уильямъ живъ, то это онъ».—«Это я, я!» воскликнулъ пріѣзжій и, заключивъ старика въ свои объятія, залился слезами.—«Я сынъ вашъ Уилли!» Прежде нежели растерявшійся старикъ успѣлъ отвѣтить на эти изліянія, изъ двери сосѣдняго, бѣднаго жилища выскочила чисто одѣтая старушка.—«Гдѣ мое дитя, гдѣ мой милый Уилли!»— кричала она. Едва увидѣлъ её капитанъ, какъ вырвался изъ рукъ отца, и бросился къ ней на встрѣчу.

Видя и слыша все это, дядя мой, увѣрю тебя, былъ на столько же растроганъ, на сколько и сами дѣйствующія лица этой сцены. Онъ вздыхалъ, плакалъ, хлопалъ въ ладоши, кричалъ и, наконецъ, выбѣжалъ на улицу. Капитанъ между тѣмъ вопель съ своими родителями въ ихъ домъ и сосѣдя столпился около его двери. Но мистеръ Брэмблъ продрался сквозь толпу и вопель въ домъ.—«Капитанъ, сказалъ онъ, я желаю имѣть честь познакомиться съ вами. Я проѣхалъ бы сто миль, чтобы увидать такую сцену, и почту за счастье, если вы и ваши родители сдѣлаете мнѣ честь отобѣдать со мною въ гостинницѣ». Капитанъ поблагодарилъ его за привѣтливое приглашеніе, сказавъ, что принялъ бы его съ радостью, еслибы могъ помышлять объ обѣдѣ, пока бѣдный братъ его томится въ тюрьмѣ. Онъ готчасъ же отправился вручить смотрителю сумму денегъ, равнуюуюся долгу его отца, и братъ его былъ освобожденъ безъ дальгѣйшихъ проволочекъ. Тогда вся семья послѣдовала за дядею въ гостинницу, сопровождаемая толпою народа. Изъ этой толпы высту-

паль то тотъ, то другой, чтобы пожать руку вернувшемуся земляку, который отвѣчалъ на эти привѣтствія безъ малѣйшаго признака спѣси.

Этотъ честный любимецъ фортуны, которому имя Броунъ, разсказалъ дядѣ, что онъ былъ вначалѣ ткачемъ; потомъ, изъ лѣности и легкомыслія, поступилъ лѣтъ восемнадцать тому назадъ, на службу въ Остъ-Индскую компанію. Во время этой службы, ему удалось обратить на себя вниманія лорда Клайва, который повышалъ его съ одной степени на другую, пока онъ не достигъ наконецъ, до званія капитана и полковаго казначея. Въ этой должности, онъ успѣлъ скопить себѣ, честнымъ образомъ, до двадцати тысячъ фунтовъ и, по заключеніи мира, вышелъ въ отставку. Онъ нѣсколько разъ посылалъ отцу деньги, но тотъ получилъ одну первую посылку, во сто фунтовъ; вторая попала въ руки банкрота, а третья была поручена одному шотландскому джентльмену, который дорогою умеръ, и наследники до сихъ поръ еще не выплатили ея. Теперь онъ подарилъ отцу, на первый случай, пятьдесятъ фунтовъ, кромѣ ста, выплаченныхъ имъ за освобожденіе брата. Онъ привезъ съ собою дарственный актъ, которымъ утверждалъ за родителями, а послѣ ихъ смерти, за младшими братьями, восемьдесятъ фунтовъ годового дохода; обѣщался купить для младшаго брата мѣсто на службѣ, а старшаго взять въ товарищи по управленію фабрикою, которую онъ намѣревается завести, чтобы дать занятіе и пропитаніе бѣднымъ рабочимъ. Сверхъ того, онъ далъ пятьсотъ фунтовъ, въ видѣ приданого, сестрѣ, вышедшей замужъ за небогатаго фермера. Въ заключеніе, онъ удѣлилъ пятьдесятъ фунтовъ на бѣдныхъ того города, гдѣ онъ родился и намѣревается дать всѣмъ его жителямъ, безъ исключенія, большой обѣдъ.

Дядя былъ до такой степени восхищенъ капитаномъ Броуномъ, что за обѣдомъ три раза сряду пилъ его здоровье. Онъ сказалъ, что гордится знакомствомъ съ нимъ, что капитанъ составляетъ честь своей страны и въ нѣкоторой степени опровергаетъ упрекъ, дѣлаемый человѣчеству въ гордости, неблагодарности и эгоизмѣ. Что касается до меня, то мнѣ столько же понравилась скромность этого честнаго служака, сколько и его сыновняя любовь. Онъ ни мало не хвастался своими успѣхами и очень мало говорилъ о своихъ собственныхъ дѣлахъ; впрочемъ на вопросы наши онъ отвѣчалъ, хотя и лаконически, но съ большимъ умомъ и ясностью. Миссъ Тебита была къ нему очень привѣтлива, пока не узнала что онъ имѣетъ въ виду предложить свою руку одной дѣвушкѣ, скромнаго званія, которая была его невестою еще въ то время когда онъ былъ ткачемъ. Едва тетушка услышала о такомъ намѣреніи, какъ обращеніе ея съ нимъ приняло оттѣнокъ ледяной холодности; а когда общество разошлось, она сморщила даже носъ и сказала, что Броунъ, конечно, человѣкъ довольно воспитанный для своего происхожденія, но что послужившее ему счастье не могло однако же возвысить его образа мыслей, который остался простанороднымъ и пошлымъ.

На слѣдующій день послѣ этого случая, мы сдѣлали нѣсколько миль въ сторону отъ нашего маршрута, чтобы осмотрѣть Дремленригъ, помѣстье герцога Квинсберн. Великолѣпная дача герцога возстаетъ подобно очарованному дворцу, среди окружающей её пустыни, и дѣйствительно походить на дворецъ своими нескончаемыми парками и цвѣтниками, которые тѣмъ поразительнѣе, что вокругъ разстилается обнаженная страна, одна изъ самыхъ дикихъ частей Шотландіи. Проведя ночь въ Дремленригѣ, по приглашенію самого герцога, одного изъ лучшихъ людей въ мірѣ, мы поѣхали въ Демфри, красивый торговый городъ, на границѣ Англіи. Тамъ мы нашли множество отличной провизіи, превосходныхъ вина и вообще угощеніе ни въ чемъ не уступающее англійскому. Еслибы мнѣ случилось навсегда поселиться въ Шотландіи, я выбралъ бы своимъ мѣстопробываніемъ Демфри. Мы навели справки о капитанѣ Лисмагаго, но, не узнавъ о немъ ничего, продолжали путь въ Карлиль, Солвейскимъ залигомъ. Нужно тебѣ сказать, что солвейскіе пески, по которымъ проѣзжаютъ во время отлива, чрезвычайно опасны, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ нихъ есть провалы.

Проѣзжая съ вожатымъ эти обманчивые пески, мы усмотрѣли утонувшую лошадь; по ближайшемъ осмотрѣ, Гэмфри Клинкеръ призналъ её за лошадь капитана Лисмагаго, на которой онъ выѣхалъ, вмѣстѣ съ нами, изъ Фельтонъ-Бриджа въ Нортумберландѣ. Это открытіе, заставлявшее предполагать, что нашего друга лейтенанта постигла та же участь, какъ и его лошадь, очень огорчило всѣхъ насъ, а въ особенности миссъ Тебиту. Она принялась горько плакать и заставила Клинкера отрѣзать волось отъ хвоста падшей лошади, чтобы носить ихъ въ кольцо, въ память ея хозяина. Но наше и тетускино горе было непродолжительно: однимъ изъ первыхъ лицъ, встрѣченныхъ нами въ Карлилѣ, былъ никто иной какъ самъ лейтенантъ, торговавшій у барышника другую лошадь, на дворѣ гостиницы, куда мы въѣхали. Первая увидала его миссъ Врэмбл. Она громко вскрикнула, будто передъ нею стояло привидѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, въ иномъ мѣстѣ и въ иное время, лейтенантъ могъ бы серьезно быть принятымъ за выходца съ того свѣта; худоба его стала страшнѣе прежняго. Встрѣча наша была тѣмъ радостнѣе, что мы воображали его утонувшимъ; съ своей стороны, и онъ не скупился на изъявленія удовольствія. Онъ сказалъ, что справлялся о насъ въ Демфри и узналъ, отъ одного проѣзжаго купца изъ Глазго, что мы намѣрены возвратиться чрезъ Кольдстримъ. Проѣзжая песками, безъ проводника, онъ увязъ вмѣстѣ съ лошадью и вмѣстѣ съ нею долженъ былъ бы погибнуть, еслибы на его счастье не подошла возвращавшаяся почта. Онъ сказалъ намъ, потомъ, что измѣнилъ свой планъ поселиться на родинѣ и ѣдетъ теперь въ Лондонъ, откуда отправится, на корабль, въ сѣверную Америку. Тамъ онъ намѣревался провести остатокъ жизни среди старыхъ друзей своихъ, міамповъ, и заняться воспитаніемъ сына, оставленнаго ему его милою Сквинкинакоостою.

Этотъ планъ припелся весьма не по душѣ нашей доброй тетуски. Она распространилась на счетъ опасностей и утомленія та-

кого долгаго пути моремъ и на счетъ скуки, ожидавшей капитана у ливихъ. Въ особенности же настаивала она на опасности, грозившей его драгоценной душѣ среди племенъ, непросвѣщенныхъ свѣтомъ христіанской религіи. При этомъ она дала ему почувствовать, что его отъездъ можетъ прозвезсти пагубное дѣйствіе на одну достойную особу, которую онъ могъ бы сдѣлать счастливою на всю жизнь. Дядя, между тѣмъ, этотъ Донъ Кихоть по великодушію, понялъ такъ, что настоящая причина отъезда капитана изъ Шотландіи—невозможность прилично существовать тамъ такою ничтожною пенсіею, и пріикся къ нему глубочайшимъ участіемъ и состраданіемъ. Онъ находилъ жестокимъ и несправедливымъ, что человѣкъ, съ честью послужившій своей родинѣ, вынуждается ничетою влачить свою старость на краю свѣта, среди отверженцевъ человѣческаго рода. Онъ много разсуждалъ со мною объ этомъ предметѣ, говоря, что охотно предложилъ бы лейтенанту убѣжище въ Брэмблтонъ-Голъ, еслибъ не предвидѣлъ, что его странности и страсть къ противорѣчію сдѣлаютъ изъ него невыносимаго домочадца, хотя разговоръ его и можетъ быть иногда занимателенъ и поучителенъ. Намъ показалось также, что въ его вниманіи къ миссъ Тэбби было нѣчто особенное, и мы согласились съ дядею сколь возможно поощрять ихъ взаимную дружбу, чтобы обратить её въ брачный союзъ. Тогда они оба были бы прилично пристроены и поселились бы въ своемъ собственномъ домѣ, такъ что мистеръ Брэмбль могъ бы пользоваться ихъ обществомъ только тогда, когда пожелаетъ.

Въ этихъ видахъ, Лисмагаго былъ приглашенъ на зиму въ Брэмблтонъ-Голъ, такъ какъ онъ могъ отложить свою поѣзду въ Америку до весны. Онъ просилъ дать ему подумать объ этомъ предложеніи, и сказалъ, что доѣдетъ съ нами до Бристоля, гдѣ надѣется найти случай къ переѣзду въ Америку. Но я увѣренъ, что онъ отложить эту поѣзду и будетъ продолжать свои ухаживанья за тетушкою до благолучнаго окончанія. Нѣтъ сомнѣнія, что счастье его снова зацвѣтетъ; но если оно дастъ еще плоды, то ужъ конечно они будутъ совсѣмъ особаго рода. Погода продолжаетъ стоять хорошая и я полагаю, что мы завернемъ на девоншайрскія горы и на бекстонскія воды. Во всякомъ случаѣ, ты будешь имѣть обо мнѣ вѣсти отовсюду, гдѣ бы мы ни остановились.

Твой навсегда,

Карлиль, 12 сентября.

Д. Мельфордъ.

Къ доктору Льюису.

Шотландскіе поселяне, конечно, бѣднѣе всѣхъ остальныхъ въ государствахъ; но все же видъ и одежда ихъ лучше, чѣмъ у поселянъ Бургундіи, и нѣкоторыхъ другихъ частей Франціи и Италіи; я увѣренъ даже, что и лица ихъ лучше, не смотря на прославленные вина тѣхъ странъ. Въ сѣверной Британіи простой народъ питается преимущественно овсянымъ хлѣбомъ, молокомъ, сыромъ, масломъ и нѣкоторыми овощами. По временамъ, въ видѣ лакомства, къ этому прилагается селедка; но мясо они пробуютъ рѣдко, или почти не-

югда; точно также какъ и крѣпкіе напитки; развѣ при торжественномъ случаѣ, купятъ на два пенни водки. Завтракаютъ они обыкновенно чѣмъ-то въ родѣ размазни, изъ овсяной муки на молокѣ. Къ обѣду у нихъ супъ изъ капусты, порея, ячменя и масла; ко всему этому—хлѣбъ и сыръ изъ снятаго молока. Вечеромъ, они ужинаютъ овсяными лепешками; а если овесъ не уродился, то пекутъ ихъ изъ ячменной, или изъ горохой муки; то и другое очень вкусно и питательно. У нѣкоторыхъ есть и картофель; а пастернакъ найдешь въ огородѣ у cadaго. Одежда ихъ состоитъ изъ грубой ткани, домашняго производства; она и тепла, и удобна. Они живутъ въ бѣдныхъ избушкахъ, сложенныхъ изъ камня и дерна, безъ извести; посрединѣ находится очагъ, которымъ обыкновенно служитъ старый, мельничивый жерновъ; надъ очагомъ, въ потолокъ, отверстие для дыма.

Впрочемъ, этотъ народъ умѣетъ довольствоваться малымъ и отличается поразительною смѣтливостью. Каждый читаетъ библію и способенъ даже вести пренія о догматахъ своей вѣры, которая, сколько я видѣлъ, повсюду пресвитеріанская. Говорятъ, въ Абердиншайрѣ просвѣщеніе еще замѣтнѣе. Я знавалъ, въ Лондонѣ, одного шотландца, который сильно возставалъ противъ этой части своего отечества; онъ увѣрялъ, что безстыдство и плутовство абердинцевъ возбуждаютъ предубѣжденіе противъ всей націи. Берега Клейда, около Глазго, чрезвычайно живописны и украшены прелестными дачами. Отъ его устья до востока, можно насчитать множество дачъ, принадлежащихъ первѣйшимъ фамиліямъ, какъ то: герцогу Эрджилу Розенису, графу Бету, на островѣ того же имени; герцогинѣ Дугласъ-Босъуэль; герцогу Гамильтону. Кладсдаль вообще очень богатъ и населенъ; тамъ живетъ много дворянскихъ фамилій, обладающихъ независимымъ состояніемъ; но этотъ край даетъ болѣе скота, чѣмъ хлѣба. Тоже самое можно сказать и о Тунделѣ, частью котораго мы проѣзжали, а такъ же и о Нидсделѣ, странѣ вообще дикою, невоздѣланною и гористою. Горы эти покрыты стадами овецъ; эти маленькія, прелестныя животныя несравненно лучше тѣхъ, что видишь на лондонскихъ рынкахъ. Такъ какъ кормъ здѣсь ничего не стоитъ, то ихъ не убиваютъ до пяти лѣтъ, пока мясо ихъ не пожирѣетъ и не сдѣлается сочнымъ; но шерсть ихъ очень портится отъ дегтя, которымъ ихъ натираютъ зимою, чтобы предохранить отъ струпьевъ. Зиму они проводятъ на свободѣ, день и ночь, и тысячами гибнутъ въ высокихъ сугробахъ снѣга. Какая жалость, что фермеры не придумаютъ никакого средства предохранять этихъ полезныхъ животныхъ отъ суровостей климата, въ особенности отъ продолжительныхъ дождей, которые для нихъ вреднѣе самыхъ сильныхъ морозовъ.

На небольшой рѣчкѣ Нидѣ, стоитъ замокъ Дремленригъ, одинъ изъ самыхъ величественныхъ во всей Великобританіи. Онъ принадлежитъ герцогу Куинсбери, про котораго можно сказать, что его сердечныя качества дѣлаютъ честь человѣческой природѣ. Я не берусь описывать этого замка, или скорѣе дворца, великолѣпнаго какъ по пышности украшеній, такъ и по мѣстоположенію. Довольно сказать, что онъ напоминаетъ Пальмиру, выстуная, подобно видѣнію, среди окру-

жающей пустыни. Его свѣтлость живетъ открыто и очень роскошно. Онъ удостоилъ насъ весьма привѣтливѣмъ пріемомъ и оставилъ у себя ночевать, точно также какъ и человекъ двадцать другихъ гостей, со всѣми ихъ людьми и лошадьми; всё это составило очень значительное число. Герцогиня была также очень внимательна и приняла нашихъ дамъ подъ свое непосредственное покровительство.

Чѣмъ болѣе я живу, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что въ человекѣ никогда не могутъ быть совершенно истреблены предрасудки его воспитанія: даже, если впоследствии онъ самъ сознаетъ, что она глуны и нелѣпы.

Я былъ наведенъ на такое размышленіе тѣмъ, что произошло за столомъ герцога, послѣ ужина. Разговоръ упалъ на дикія вѣрованія въ привидѣнія и въ предзнаменованія, распространенныя среди шотландскаго народа, и всё общество согласилось, что ничего не можетъ быть смѣшнѣе и нелѣпѣе. Но тутъ одинъ изъ присутствовавшихъ вызвался разсказать странную исторію, случившуюся съ нимъ самимъ. «Случилось мнѣ, однажды,—началъ онъ,—быть на охотѣ, въ сѣверной части Шотландіи, и я вздумалъ навѣстить одного стараго друга, котораго я не видалъ лѣтъ двадцать. Всё это время онъ прожилъ вдали отъ свѣта и отъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, преданный мрачной тоскѣ, вслѣдствіе смерти своей жены, которую онъ горячо любилъ. Такъ какъ онъ жилъ въ отдаленной части страны, а насъ было пятеро, да столько же слугъ, то мы, ожидая найти его неприспособленнымъ къ нашему наѣзду, захватили съ собою провизію съ сосѣдняго рынка. Дороги были дурны и мы пріѣхали только къ двумъ часамъ пополудни. Пріѣхавъ, мы были очень пріятно удивлены, замѣтивъ на кухнѣ готовый, отличный обѣдъ и столъ, накрытый не шесть персонъ. Пріятель мой принялъ насъ, въ дверяхъ, съ откровенными объятіями; онъ былъ одѣтъ по праздничному и объявилъ, что ждетъ насъ уже цѣлыхъ два часа. Это меня поразило, такъ что я спросилъ у него,—кто предупредилъ его о нашемъ пріѣздѣ? Онъ улыбнулся и не отвѣтилъ ни слова. Однако, помня наши прежнія, короткія отношенія, я сталъ потомъ настаивать, чтобы онъ разъяснилъ мнѣ это дѣло; онъ очень серьезно разсказалъ мнѣ, что на дняхъ я ему привидѣлся; онъ призвалъ въ свидѣтели своего майордома, который торжественно объявилъ, что за день передъ тѣмъ господинъ предупредилъ его о моемъ пріѣздѣ, съ четырьмя другими гостями и приказалъ ему всё заготовить къ принятію насъ; вслѣдствіе этого, онъ успѣлъ приготовить обѣдъ и накрыть должное число кувертовъ. Мы всё согласились, что это весьма странный случай, однако я попытался найти ему естественное объясненіе. Я замѣтилъ, что у джентльмена было, вѣроятно, горячее воображеніе, и что случай распорядился такимъ образомъ, что внезапная мысль, воспоминаніе о старомъ другѣ пришли къ нему кстати; но что, конечно, у него было много другихъ видѣній и предчувствій, которыя никогда не оправдывались. Меня никто прямо не оспаривалъ, однако я понялъ ясно, изъ нѣкоторыхъ возраженій, что большая часть присутствующихъ склонилась къ сверхъестественному объясненію.

Одинъ изъ нихъ даже прямо отнесся ко мнѣ: «Нѣтъ сомнѣнiя, она-заль онъ, что большому воображенiю можетъ многое причудиться; однако, съ надѣлю тому назадъ, въ моемъ сосѣдствѣ былъ случай, которому приходится прискаты иное объясненiе. Одинъ джентль-монъ хорошей фамилiи, котораго никакъ нельзя заподозрить въ суевѣрiи, стоялъ, въ сумерки, около своихъ воротъ. Вдругъ передъ нимъ явилась тѣнь его дѣда, умершаго лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Привидѣнiе сидѣло на той самой лошади, на которой ѣздилъ при жи-зни; видъ его былъ сердитъ и грозенъ и оно что-то ворчало, чего внукъ его не могъ слышать отъ страха и смущенiя. Но это не всё: дѣдушка поднялъ огромный хлыстъ и отстегалъ нѣ своего внука по спинѣ и по плечамъ. Я видѣлъ, собственными глазами слѣды этихъ ударовъ. Это же самое привидѣнiе видѣлъ по-томъ церковный сторожъ; оно бродило вокругъ могилы, гдѣ было погребено его тѣло. Сторожъ разсказалъ объ этомъ по деревнѣ, прежде нежели узнали что произошло съ владѣльцемъ; онъ даже пришолъ ко мнѣ, какъ къ мирному судѣ, съ предложенiемъ дать присягу въ справедливости своихъ словъ; но я отклонилъ его предло-женiе. Что же касается до внука покойника, то это человекъ слыш-кохъ серьезный, свѣтскiй и практичeskiй, чтобы имѣть склонность къ суевѣрнымъ мечтамъ. Вѣроятно, онъ охотно скрылъ бы все дѣ-лю, еслибы, въ припадкѣ ужаса, не закричалъ и не бросился въ но-внату, гдѣ тотчасъ же показалъ домашнимъ свою исполосованную спину. Теперь всё толкуютъ о томъ, что привидѣнiе и его поступокъ сулятъ семейству что нибудь очень недоброе, такъ что жена джентльмена захворала отъ страха.

Хотя я не брался объяснять этого чуда, однако замѣтилъ, что со-временемъ оно непременно объяснится какъ нибудь просто; что, по-всѣмъ вѣроятiямъ, это была штука кого нибудь изъ враговъ джентль-мена. Но разсказчикъ настаивалъ на неопровержимости доказательствъ и на свидѣтельствѣ двухъ, достойныхъ вѣры, людей, не имѣвшихъ между собою никакихъ сообщенiй, которые утверждали, что видѣли одного и того же, хорошо имъ извѣстнаго человека.

Изъ Дремлиенрига, мы продолжали спускаться по рѣкѣ Ниду до Дем-фри, отстоящаго на нѣсколько миль отъ того мѣста, гдѣ эта рѣчка впадаетъ въ море. Послѣ Глазго, Демфри самый красивый городъ въ Шотландiи. Жители, кажется, стремятся всё устраивать у себя по образцу Глазго; это замѣтно не только въ украшенiяхъ города и въ организацiи полицiи, но и въ развитiи торговли и фабрикъ, ко-торыми они разбогатѣли.

Мы возвратились въ Англiю чрезъ Карлиль, гдѣ случайно встрѣ-тились съ Лисмагаго, котораго мы тщетно отыскивали въ Демфри и въ другихъ мѣстахъ. Должно быть капитанъ испыталъ на себѣ ту истину, что «никто въ своей странѣ не бываетъ пророкомъ», потому что прощается теперь съ нею навсегда. Онъ разсказалъ мнѣ слѣдую-щее о своемъ посѣщенiи родныхъ пелатовъ. Дорогою, онъ узналъ, что внучатный племянникъ его женился на дочери одного гражданина, имѣющаго ткацкую фабрику, и вступилъ въ товарищество съ сво-

ннѣ тестамъ. Это извѣстіе огорчило капитана. Онъ пріѣхалъ въ сво-
ему дому въ сумерки, и, услышавъ въ большомъ залѣ стукъ машинъ
и колесъ, пришелъ въ такое негодованіе, что почти лишился чувствъ.
Въ эту самую минуту изъ дому вышелъ его племянникъ и лейте-
нантъ, въ изступленіи, закричалъ ему: «Выродокъ! что ты сдѣлалъ
изъ моего дома? притонъ мошенниковъ?» Онъ подкрѣпляетъ эти слова
нѣсколькими ударами хлыста по его спиѣ и, повернувъ лошадей,
отправился на кладбище. Тамъ онъ побродилъ, при лунномъ свѣтѣ,
вокругъ могилъ своихъ предковъ и поклонясь ихъ праху, уѣхалъ,
въ ту же ночь, въ другую часть графства. Найдя главу своей фа-
миліи въ такомъ униженномъ положеніи, всѣхъ старыхъ друзей сво-
ихъ—перемежками, или поразаѣхавшимися, а жизнь—двоемъ вдоро-
жавшею противъ прежняго, Лисмагаго разсчелъ за лучшее навсегда
распроститься съ своей родиной и отправиться искать покоя старымъ
костямъ среди лѣсовъ Америки.

Тутъ мнѣ сдѣлался понятнымъ разсказъ о привидѣніи, слышанный
мною въ Дремленригѣ; я передалъ его лейтенанту и онъ былъ очень
радъ, что наказаніе подѣйствовало сильнѣе, чѣмъ онъ предполагалъ.
Онъ самъ сознался, что въ такую пору, и въ томъ видѣ, въ какомъ
онъ былъ, онъ очень легко могъ быть принятъ за тѣнь своего отца,
съ которыми въ доподобиіе, онъ очень схожъ. Между нами ска-
зать, я надѣюсь, что лейтенанту не придется ѣхать къ мѣшвадамъ.
Сестра Тэбби не перестаетъ заманивать его въ свои сѣти, и, сколь-
ко мнѣ кажется, капитанъ расположился воспользоваться этимъ слу-
чаемъ. Съ моей стороны, я готовъ имъ благопріятствовать и былъ
бы очень радъ ихъ союзу. Я пристроилъ бы ихъ по сосѣдству отъ
себя; мои люди освободились бы отъ неугомонной и деспотической
хозяйки, и я могъ бы пользоваться обществомъ Лисмагаго, ровно на
столько, на сколько мнѣ это будетъ пріятно.

Мнѣ очень нравится Манчестеръ; это одинъ изъ самыхъ оживлен-
ныхъ и богатыхъ англійскихъ городовъ, и я нахожу, что ему пре-
дмущественно обязаны своимъ существованіемъ и процвѣтаніемъ
фабрики Глазго. Мы намѣрены еще посѣтить Четсвортсъ, Пикъ и Бек-
стонъ; тогда уже мы, хотя и не спѣша, доѣдемъ домой. Если пого-
да стояла въ Валлисѣ такая же хорошая, какъ и на сѣверѣ, то убор-
ка хлѣба у васъ должна быть благополучно кончена, и намъ остает-
ся теперь только подумать объ октябрьскомъ пивѣ. Напомните объ
этомъ Барису. Вы найдете меня повоинѣвшимъ. Наша кратковре-
менная разлука еще болѣе укрѣпила чувства дружбы, которыя постоян-
но питаетъ къ вамъ вашъ

Манчестеръ, 15 сентября.

М. Врэмблѣ.

Къ мистриссъ Гуллиамъ, въ Врэмблѣтонъ-Голъ.

Мистриссъ Гуллиамъ, благодаря Бога, мы благополучно возвра-
тились въ Англію. Провидѣніе сохранило насъ среди всѣхъ опасностей,
какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, въ особенности же на Чортовомъ
Пикѣ и въ пропасти азычниковъ, у которой совсѣмъ и дна нѣтъ.

Теперь мы возвращаемся домой и я предупреждаю васъ объ этомъ для того, чтобы въ Врэмблтонъ-Голъ все было готово къ принятію васъ послѣ такого долгаго путешествія по шотландскимъ островамъ. Съ перваго же числа будущаго мѣсяца принимайтесь топить мою и моего брата комнаты; да и въ желтой также, прикажите каждый день сжигать по охапкѣ дровъ. Велите выхлопотить подушки на стульяхъ и занавѣсы, а пуховники и матрацы хорошенько провѣтрить. Съ Божь-ю помощью, въ нѣхъ, можетъ быть, скоро встрѣтится надобность. Вочки изъ подъ пива велите хорошенько промыть и приготовить для новаго запаса; Мэтъ желаетъ, чтобы погребъ у него былъ полонъ.

Еслибы домъ былъ мой, то я завела бы во всемъ новыя порядки. Не понимаю почему бы слугамъ въ Валлисѣ не пить чистой воды и не ѣсть овсянаго и ржанаго хлѣба, какъ въ Шотландіи. Надѣюсь, что вы ведете вѣрный счетъ продажъ масла. Я потребую отчетъ въ каждомъ пенни, увѣряю васъ. У васъ должно оставаться множество яицъ, кромя тѣхъ что идутъ на потребленіе, и я ожидаю увидѣть вокругъ дома цѣлую стаю выведенныхъ за это время цыплятъ, куръ, гусей, утокъ и индюковъ. Сыру тоже должно быть не мало заготовлено на продажу. Надѣюсь, что вы отправили въ Кригговелъ остатки шерсти отъ домашней пряжи.

Прошу васъ, велите вычистить домъ отъ потолка до полу, чтобы на уровнѣ чести Валлиса; а Роджеру прикажите вычистить людскія отхожія мѣста. Я вѣдь знаю какъ дѣвки нечистоплотны. Надѣюсь, что вы старались исправить ихъ, какъ я вамъ писала, и обратить ихъ сердца къ чему нибудь болѣе полезному, чѣмъ обжорство да возня съ парнями.

Вотъ Уинни Дженкинсъ,—та совсѣмъ измѣнилась, совсѣмъ другимъ человѣкомъ стала, благодаря вашему новому слугѣ, Гэмфри Клинкеру. Это очень набожный молодой человѣкъ; онъ много бился изъ того, чтобы она дала плоды исправленія и покаянія. Я увѣрена, что онъ столько же потрудится и надъ егозкою Мері Джовсъ, и надъ всѣми вами. Надо надѣяться, что у него достанетъ силы проникнуть своимъ благотѣльнымъ вліяніемъ до самыхъ сокровенныхъ тайниковъ вашихъ сердець. Это будетъ искреннею молитвою

Вашего духовнаго друга.

18 сентября.

Т. Врэмбл.

Къ доктору Льюису.

Лисагаго сталъ парадоксальнѣе прожняго. Воздухъ родины, проникнувъ въ его легкія, кажется, придалъ свѣжія силы его полемиическимъ способностямъ. Я поздравлялъ его на дняхъ съ настоящимъ благоденствіемъ его отечества, замѣтивъ при этомъ, что шотландцы теперь на пути къ тому, чтобы опровергнуть упрекъ въ бѣдности, лежащій на ихъ націи. Я обратилъ его вниманіе на благотѣльные послѣдствія союза, столь ясно замѣтныя въ улучшеніи земледѣлія, торговли, промышленности и даже нравовъ шотландцевъ. Лейтенантъ скорчилъ презрительную гримасу.

— Тѣмъ, кто упрекаетъ націю въ бѣдности, сказалъ онъ, не стоить и отвѣчать, если только эта бѣдность происходитъ не отъ разврата и пороковъ. Лакедемонцы были бѣднѣе шотландцевъ, когда стояли во главѣ свободныхъ городовъ Греціи и были всѣми уважаемы за храбрость и за добродѣтели. Величайшіе люди древняго Рима, какovy Цицинатъ, Фабрицій, Регулъ, были бѣднѣе самаго бѣднаго шотландскаго арендатора. А сколько въ Шотландіи, въ настоящее время, лицъ, у которыхъ больше золота и серебра, нежели было у цѣлой римской республики, во времена, когда ея гражданскія добродѣтели блистали незатмѣваемымъ блескомъ? Въ тѣ времена, бѣдность не только не ставилась въ укоръ, но еще прибавляла новые лавры къ славѣ человѣка, потому что доказывала благородное презрѣніе къ богатству и неподкупную честность. Если бѣдность навлекаетъ укоръ, значитъ богатство даетъ право на уваженіе. Въ такомъ случаѣ жида и другіе подобные люди въ Амстердамѣ, въ Лондонѣ, и повсюду, нажившіеся лихоимствомъ, притѣсненіями и всякими неправдами, заслуживаютъ болѣе уваженія, нежели самые достойные и добродѣтельные члены общества? подобная нелѣпость не можетъ и въ голову прийти человѣку въ своемъ умѣ. Богатство не можетъ быть поставлено въ заслугу; наживаются большею частію (если не всегда) люди порочные и небогатые способностями. Богатство не придаетъ никакого внутренняго достоинства тому, кто имъ пользуется; напротивъ того, скорѣе извращаетъ его понятія и портитъ сердце. Но положимъ даже, что бѣдность и заслуживаетъ нареканія, то развѣ справедливо считать Шотландію бѣдною страной? Развѣ это бѣдность, когда край удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ своего населенія и, кромѣ того, имѣетъ возможность вывоза за границу? Шотландія богата сельскими продуктами; у нея есть огромные запасы хлѣба, безчисленные стада рогатаго скота и овецъ, множество лошадей, неисчерпаемое количество шерсти и льна; множество топлива и, въ нѣкоторыхъ частяхъ, богатые запасы строеваго дѣса. Нѣдра земли еще богаче ея поверхности. Въ нихъ есть неисчерпаемая сокровища каменнаго угля, дикаго камня, мрамора, свинца, желѣза, мѣди, серебра и даже золота. Море даетъ обиліе превосходной рыбы и соли, для приготовленія ея къ вывозу; а вокругъ всей страны находятся бухты и гавани, для удобства навигаціи. Весь край застроенъ городами, селами, деревнями, которые кишатъ народомъ. На недостатокъ развитія промышленности, искусствъ, гражданскаго устройства, кажется, также нельзя пожаловаться. Подобное государство не можетъ назваться, ни въ какомъ смыслѣ, бѣднымъ, хотя, конечно, есть страны и богаче, и могущественнѣе его. Но вы приписываете нынѣшнее богатство Шотландіи и ея умѣнье извлекать пользу изъ ея преимуществъ союзу съ Англіей!»

Я сказалъ, что едва ли онъ будетъ опровергать, что нынѣшнее положеніе ея сильно улучшилось противъ прежняго; что со времени союза, бытъ народа улучшился, торговля развилась и въ странѣ обращается гораздо болѣе звонкой монеты. «Оно, пожалуй такъ, отвѣчалъ лейтенантъ; но только я не согласенъ съ вашимъ выводомъ».

Разница, о которой вы говорите, есть не иное что, какъ слѣдствіе внутренняго развитія народа. Въ этотъ періодъ времени, у всѣхъ націй, у шведовъ, у датчанъ, и, въ особенности, у французовъ, въ торговлѣ, безо всякой подобной причины, произошло такое же развитіе. У шотландцевъ и до союза было замѣтно стремленіе къ коммерческимъ оборотамъ; это мы видимъ въ возникновеніи ихъ Дерійской компаніи, въ которую они положили не менѣе четырехъ сотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ; а такъ же и въ процвѣтаніи ихъ приморскихъ городовъ по восточному берегу, обогатившихся торговыми сношеніями съ Франціею, которыхъ они лишились въ слѣдствіе союза. Единственная оцутительная выгода, выигранная Шотландіею отъ этой политической мѣры, — это торговыя сношенія съ англійскими колоніями. Впрочемъ, кромѣ Глазго и Демфри, я не знаю городовъ, которые бы ею пользовались. Но въ другихъ отношеніяхъ, шотландцы очень много потеряли черезъ союзъ. Они лишились своей самостоятельности, первой опоры національнаго чувства; лишились своего парламента; ихъ суды подчинены теперь англійскимъ судамъ.»

— Стойте, капитанъ! вскричалъ я; вы не можете говорить что лишились своего парламента, потому что вы имѣете представителей въ англійскомъ. «Такъ, такъ, сказалъ онъ, насмѣшливо улыбаясь, наши шестнадцать представителей въ верхней палатѣ и сорокъ пять въ нижней, имѣютъ страшный перевѣсъ въ преніяхъ по національнымъ вопросамъ, надъ цѣлымъ англійскимъ правительствомъ.»

— Однако, возразилъ я, въ то время какъ я засѣдалъ въ нижней палатѣ, большинство голосовъ всегда бывало на сторонѣ шотландскихъ депутатовъ. «Я понимаю васъ, сэръ, отвѣчалъ онъ; вы хотите сказать, что шотландскіе депутаты всегда были на сторонѣ большинства; тѣмъ хуже для ихъ избирателей. Но это еще не худшее изъ того, что принесъ имъ союзъ. Торговля ихъ стѣснена теперь тяжелыми пошлинами; на всѣхъ предметахъ жизненной потребности лежатъ тягчайшій налогъ, необходимой для уплаты громаднаго государственнаго долга, сдѣланнаго англичанами для предпріятій, въ которыхъ шотландцы ни мало не участвовали.» Я попросилъ его однакоже сознаться, что чрезъ союзъ шотландцы получили всѣ права и преимущества, какими пользуются англійскіе подданные; что огромному числу ихъ данъ ходъ въ военной и въ морской службѣ и возможность составить карьеру въ различныхъ частяхъ Англій и ея колоніяхъ. «Но всѣ эти люди, возразилъ онъ, становятся, въ полномъ смыслѣ слова, англійскими подданными, совершенно потерянными для ихъ родины. У шотландцевъ всегда была склонность къ кочующей жизни и къ отыскиванью счастья по чужимъ землямъ. Не найди они поощренія въ Англій, — они стали бы, по прежнему, служить и селиться по другимъ государствамъ, въ Россіи, въ Швеціи, въ Даніи, въ Польшѣ, въ Германіи, во Франціи, въ Пьемонтѣ, въ Италіи; во всѣхъ этихъ странахъ, мы до сихъ поръ, находимъ фамиліи шотландскаго происхожденія.»

Тутъ я уже сталъ терять терпѣніе и не выдержалъ, чтобы не уколоть его: — «Но скажите, на милость, что же Англія выиграла чрезъ

этотъ союзъ, который, по вашему, надѣлалъ столько вреда шотландцамъ?» — «Англія выиграла много и во многихъ отношеніяхъ, произнесъ Лисмагаго, торжественно. Во первыхъ, и самое важное, престолонаслѣдіе въ протестантской династіи, — дѣль, къ которой англійское министерство стремилось съ такою горячностью, что никакія средства не были упущены, чтобы привлечь и подкупить вліятельныхъ людей, которые могли навязать шотландцамъ этотъ союзъ, сильно не приходившія имъ по душѣ. Потомъ, англичане приобрѣли черезъ это огромное приращеніе земли, распространившее власть ихъ на всѣ части острова, до самого моря, что заперло всѣ входы ихъ врагамъ; приобрѣли милліонъ полезныхъ подданныхъ, неистощимый разсадникъ моряковъ, солдатъ, земледѣльцевъ и работниковъ, — сокровище для торговой страны, принужденной вести войны въ чужихъ земляхъ и содержать множество колоній, по всѣмъ частямъ свѣта. Въ послѣднюю войну, Шотландія, въ теченіе семи лѣтъ, выставила на англійскую армію и флотъ до семидесяти тысячъ человекъ, кромѣ разѣхавшихся по колоніямъ, или нашедшихъ для себя занятіе въ самой Англій. Важное, благотѣльное приобретеніе для страны, населеніе которой, въ послѣдніа года, замѣтно порѣдѣло, а земли и фабрики терпятъ ущербъ отъ недостатка рукъ. Нечего повторять мнѣ вамъ старую истину, что для націи, въ подобныхъ обстоятельствахъ, приращеніе рабочаго поселенія, есть приращеніе богатства; а теперь уже сами англичане признали за неопровержимую истину, что шотландскіе населенцы отличаются трудолюбіемъ, воздержаніемъ и любовью къ порядку».

Я былъ съ нимъ въ этомъ совершенно согласенъ и прибавилъ, что, благодаря этому воздержанію, трудолюбію и предусмотрительности; многіе изъ нихъ составили себѣ и въ Англій и въ ея колоніяхъ, значительное состояніе и вернулись на родину; а это явный ущербъ для англичанъ. — «Позвольте увѣрить васъ, сэръ, возразилъ онъ, что вы заблуждаетесь какъ въ самомъ фактѣ, такъ и въ выводахъ. Въ Шотландію возвращается едва ли одинъ человекъ на двѣсти; да и тѣ немногіе не увозятъ съ собою ровно ничего, что могло бы нанести ущербъ капиталамъ Англій: деньги ихъ не лежатъ въ Шотландіи, онѣ находятся въ постоянномъ обращеніи, какъ кровь въ живомъ организмѣ, и Англія есть сердце, къ которому она стремится всѣми каналами. Мало того, благодаря роскоши, которую, если не ввелъ, то сильно распространилъ у насъ союзъ съ Англіей, всѣ продукты нашей страны, всѣ выгоды нашей торговли переходятъ въ руки авглчанъ, и вы можете убѣдиться, что въ Шотландіи денежный курсъ всегда ниже, чѣмъ въ Англій, и у первой никогда не бываетъ достаточнаго количества золота и серебра для внутренняго обращенія. Шотландцы, не довольствуясь своими собственными продуктами и издѣліями, вполне достаточными для жизненныхъ потребностей, наперерывъ стараются покупать у Англій предметы роскоши, какъ-то: тонкія сукна, бархатъ, шолкъ, кружева, мѣха, золотыя издѣлія, мебель, сахаръ, ромъ, чай, шоколадъ и кофе; однимъ словомъ, не только предметы самой безумной роскоши, но даже и тѣко

тремя вонца, действительно необходимые въ домашнемъ обиходѣ, которыя они могли бы приобрести, точно такого же качества и гораздо дешевле, у себя дома. А между тѣмъ Англія это даетъ около милліона стерлинговъ въ годъ. Впрочемъ я считаю только приблизительно; можетъ быть нѣсколько менше, а можетъ быть, гораздо больше. Шотландія приноситъ поземельнаго государственнаго дохода не менше милліона стерлинговъ; а торговля ея даетъ, вѣроятно, гораздо больше. Я знаю, что съ однихъ полотняныхъ фабрикъ добывается до полумилліона, съ выключеніемъ того, что идетъ на домашнее употребленіе. Но если одна торговля Шотландіи, не считая другихъ неисчислимыхъ мною источниковъ, ежегодно вливаетъ въ англійскій банкъ милліонъ чистаго капитала, то какъ же не стоять на томъ, что въ этомъ отношеніи, приобретеніе Шотландіи драгоценнѣе для Англіи, нежели приобретение какой бы то ни было изъ ея колоній. Нужно быть врагомъ Англіи, и къ тому же врагомъ истины, чтобы унижать значеніе сѣверной части соединеннаго королевства».

Признаюсь, мнѣ было нѣсколько досадно сознавать себя неизбежно во всѣхъ этихъ подробностяхъ. Хотя я не принималъ за непреложныя истины всѣхъ доводовъ Лисмагаго, однако не былъ приготовленъ опровергать ихъ. Къ тому же я не могъ не соглашаться съ нимъ, что вредные къ Шотландіи, сильно замѣтное по ея сторону Таида, освѣдоче на одномъ невѣжествѣ и предубѣжденіи. — «Ну, капитанъ, скажи мнѣ, послѣ нѣкотораго молчанія, вы храбро отстояли честь вашей родины! Я, съ моей стороны, имѣю такое уваженіе къ нашимъ сѣвернымъ согражданамъ, что не знаю какъ дожидаться дня, когда они уступятъ весь овесъ своимъ курамъ, свиньямъ и рогатому скоту, а сами будутъ кушать хероній, пшеничный хлѣбъ, вмѣсто ихъ нѣмнѣшней жалкой, невкусной и горьчительной пищи». Но эти слова были новымъ изъясненіемъ для несговорчиваго каледонійца. Онъ сказалъ, что надѣется никогда не видѣть чтобы простой народъ вышелъ изъ той сферы, въ которую поставлена самая природа и порядкомъ вещей; что онъ только тогда могъ бы быть недоволенъ своимъ хлѣбомъ, еслибы къ нему примѣшивались, какъ въ Норвегіи, опилки и рыбы кости; а овсяный хлѣбъ также здоровъ и питателенъ, какъ и пшеничный, и вкусомъ, по мнѣнію шотландцевъ, ни мале еѣ не уступаетъ. Капитанъ замѣтилъ, при этомъ, что мыши, у которыхъ замѣчательно развитъ инстинктъ самосохраненія, всегда предпочитаютъ овесъ пшеницѣ, что было доказано опытомъ, такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находится овесъ и пшеница, это животное никогда не приметъ за послѣднюю, пока остается хотя одно зерно овса. Питательность овсяной муки доказываетъ здоровое, сильное телосложеніе людей, которые преимущественно еѣ употребляютъ. Горьчительнаго свойства, которое ей приписываютъ, въ ней вовсе нѣтъ; напротивъ, въ ней есть прохлательная, слизистая кислота, такъ что въ весьма тяжелыхъ болѣзняхъ предписываютъ овсяную кашку».

«Мнѣ крайне жаль», сказалъ я, «позвольте мнѣ желать, чтобы

торговля шотландцевъ дала имъ возможность удовлетворять всѣмъ ихъ наклонностямъ».

— «Избави Боже! воскликнулъ мой философъ; горе тому народу, гдѣ большинство имѣетъ средства слѣдовать всѣмъ своимъ наклонностямъ! Торговля только до тѣхъ поръ даетъ благодѣтельные плоды, пока остается въ извѣстныхъ границахъ развитія. Но избытокъ богатства непремѣнно влечетъ за собою избытокъ вреда: явится ложныя вкусы, ложныя потребности, лихонимство, расточительность, презрѣніе къ порядку, своеволие, наглость, зарождается духъ партій, недовольство существующимъ порядкомъ; умы приходятъ въ броженіе и, наконецъ, опрокидываются всѣ преграды гражданского устройства, всѣ различія сословій и общество дѣлается жертвою анархив. Рѣшится ли какой-нибудь благоразумный человѣкъ сказать, что богатство націи можетъ быть куплено такою цѣною?»—«Конечно нѣтъ; но я изъ тѣхъ, которые полагаютъ, что при благоразумномъ направленіи, торговля можетъ принести націи пользу, не влекущую за собою столькихъ бѣдъ».

Я потому такъ распространяюсь объ убѣжденіяхъ нашего пріятеля Лисмагаго, что твердо увѣренъ, что онъ поселится у насъ въ Монмутшайрѣ. Вчера, оставаясь наединѣ со мною, онъ спросилъ меня съ нѣкоторымъ смущеніемъ, сталъ ли бы я противиться, еслибы какому нибудь джентльмену, честному служацкѣ, удалось свискать расположеніе моей сестры. Я не колебался отвѣчать, что в зрѣлость сестры моей позволяетъ ей дѣйствовать независимо въ подобномъ случаѣ, и что я былъ бы далеко отъ возраженій, еслибы ея рѣшеніе было въ его пользу. У него закрились глаза отъ моихъ словъ и онъ объявилъ, что почелъ бы за величайшее счастье въ мірѣ вступить въ родство съ моею семьей и никогда не упустилъ бы случая доказывать мнѣ свою благодарность и преданность. Я полагаю, что у насъ, съ Тэбби, уже все улажено; въ такомъ случаѣ мы отпразднуемъ свадьбу въ Брэмблтонъ-Голѣ и вамъ предстоитъ быть шаферомъ невѣсты. Это самое меньшее, что вы обязаны сдѣлать, чтобы загладить вашу прошлую жестокость къ страдавшей любовью дѣвицѣ, которая такъ долго была запозою въ боку у вашего преданнаго

20 сентября.

М. Брэмбл.

Мы были въ Бекстонѣ, но мнѣ не понравились тамъ ни образъ жизни, ни общество, а такъ какъ я не имѣлъ цѣли пить воды, то мы и провели тамъ всего двое сутокъ.

Къ сэру Уатквну Филлипсу, въ Оксфордъ.

Любезный Уатъ, по мѣрѣ того какъ мы подвигаемся на югъ, приключенія встрѣчаются съ нами все чаще и чаще. Лисмагаго объявилъ себя поклонникомъ тетупки и получилъ на это позволеніе ея брата, такъ что, объ Рождествѣ, у насъ вѣроятно будетъ свадьба. Очень желалъ бы я видѣть на ней тебя! ты можешь бы мнѣ развязать у невѣсты подвязки и исполнить всѣ другія неотвѣтственныя случаю церемонія. Я увѣренъ, что безъ прѣжи не

обойдется; и, право, стоило бы тебе немного прокатиться, чтобы полюбоваться на такую чету в ночных колпаках; онъ будетъ олицетвореніемъ цвѣтущаго здоровья, а она—ангельской доброты. Но вся эта свѣтлая перспектива заволоклась было тучами и едва соствѣль не разстроилась чрезъ недоразумѣніе, возникшее между будущими зятьями. Теперь, впрочемъ, дѣло благополучно уладилось.

На дняхъ мы отправились, съ дядею, навѣстить одного знакомаго и встрѣтились у него съ лордомъ Оксминтономъ, который пригласилъ насъ, на слѣдующій день, къ нему обѣдать. Мы приняли приглашеніе и отправились въ назначенный часъ, оставивъ нашихъ дамъ подъ покровительствомъ Лисмагаго, въ гостинницѣ, гдѣ мы остановились. Гостинница эта находилась въ маленькомъ городкѣ, на милю разстоянія отъ жилища лорда. У него мы нашли великолепный обѣдъ, очень пышно сервированный, человекъ на двѣнадцать гостей, изъ которыхъ мы ни съ кѣмъ не были знакомы. Его милость болѣе отличался гордостью и прихотливостью, чѣмъ умомъ и радушіемъ; и нельзя было не замѣтить, что онъ считаетъ своихъ гостей не болѣе какъ предметами, способными отражать его собственное величіе. Тутъ было много этикета, но мало любезности; бездна лестн, но никакого разговора. Прежде нежели убрали десертъ, амфитріонъ нашъ предложилъ три общихъ тоста; потомъ поднялъ бокалъ и, сдѣлавъ общій поклонъ, пожелалъ намъ добраго вечера. Это было сигналомъ расходиться и всѣ поспѣшили повиноваться, исключая нашего эсквайра, котораго сильно оскорбилъ этотъ способъ указывать гостямъ на двери. Онъ мѣнялся въ лицѣ, кусалъ себѣ губы, но не подпихался съ мѣста, такъ что благородный лордъ былъ вынужденъ повторить намъ намекъ и сказалъ, что будетъ радъ видѣть насъ въ другое время. — «Чѣмъ же теперь не время? вскричалъ мистеръ Брэмбл; вы, милордъ, еще не изволили пить за здоровье присутствующихъ». — «Сегодня я болѣе не пью, отвѣтилъ лордъ, и къ сожалѣнію вижу, что вы сами уже слишкомъ много выпили. Прикажете подать карету этого джентльмена», обратился онъ къ лакеямъ и, вставъ съ мѣста, поспѣшно ушелъ изъ комнаты. Дядя тоже вскочилъ и схватясь за шпагу, поглядѣлъ ему вслѣдъ самымъ угрожающимъ образомъ. Когда хозяинъ скрылся, мистеръ Брэмблъ обратился къ одному изъ слугъ, приказывая подать себѣ счетъ. — «Здѣсь не гостинница, отвѣчалъ тотъ». — «Я это очень хорошо вижу, сказалъ дядя; хозяева гостинницъ бываютъ учтивѣе. Но вотъ гиней; возьми ее и скажи своему господину, что я не оставляю здѣшнихъ мѣстъ, не отблагодаривъ его лично за вѣжливость и гостепрѣимство».

Мы сошли съ лѣстницы, среди двойнаго ряда лакеевъ, и поѣхали домой. Видя, что дядя сильно взволнованъ, я сталъ осуждать его вспыльчивость, говоря, что такъ какъ лордъ Оксмингтонъ давно славится своимъ тупоуміемъ, то благоразумный человекъ сталъ бы скорее смѣяться, чѣмъ сердиться за его недостатокъ воспитанія. Мистеру Брэмблю не понравилось, что я берусь учить его; онъ сказалъ, что проживъ до сихъ поръ своимъ умомъ, онъ проситъ меня предоставить ему это и на будущее время.

Возвратясь въ гостиницу, онъ заперся съ Лисмагаго и, положивъ ему причину своего негодованія, просилъ тотчасъ же отправиться къ лорду Оксмингтону и просить у него, отъ его имени, удовлетворенія. Деітенантъ взялся за это и, сѣвъ на лошада, поѣхалъ, въ сопровожденіи моего слуги, Эрчи Макальпина, котораго онъ пожелалъ взять съ собою, какъ человѣка военнаго. По правдѣ сказать, не доставало только осла подъ Макальпиномъ, чтобы эта чета вполне олицетворяла Донъ-Кихота съ его вѣрнымъ Санчо Пансою.

Лисмагаго не совсѣмъ легко добился аудіенціи; онъ сдѣлалъ лорду, отъ имени мистера Врэмбля, формальный вызовъ на единобоіе и просилъ назначить часъ и мѣсто. Его милость была до такой степени смущенъ этимъ неожиданнымъ посольствомъ, что нѣкоторое время не могъ ни слова выговорить и глядѣлъ на Лисмагаго, съ явными признаками волненія. Но вдругъ, онъ сильно дернулъ за колокольчикъ и закричалъ: — «Какъ! мелкій дворянинъ смѣетъ высылать на дуэль пѣра Англии! Слышите? Эй! Кто тамъ? Слышите, мнѣ плетъ вызовъ валліецъ, что у меня обѣдалъ. Безстыдный! нахалъ! или онъ еще отъ моего вина не проспался?»

Весь домъ засуетился. Макальпинъ съ честью ретировался, уведя обѣихъ лошадей; но капитанъ былъ схваченъ лакеями и обезоруженъ. Шпагу его окунули въ ночной стулъ, а его самого, въ грязной лужѣ, и въ такомъ видѣ онъ вернулся въ гостиницу. Обѣзумѣвши отъ стыда и бѣшенства и не зная на комъ выместить свою ярость, онъ напустился на мистера Брамбля, говоря, что тотъ подвергъ безчестію и обязанъ дать ему удовлетвореніе. Для того вспыхнулъ и потребовалъ, чтобы онъ изложилъ свои претензіи. — «Или заставьте лорда Оксмингтона дать мнѣ удовлетвореніе, кричалъ капитанъ, или дайте его мнѣ сами». — «Последнее гораздо легче и короче», отвѣтилъ эсквайръ, вскакивая съ мѣста; если вамъ угодно со мною драться, то я тотчасъ же къ вашимъ услугамъ».

Тутъ они были прерваны Тебитою, которая, подслушавъ это объясненіе, вбѣжала въ комнату, въ сильномъ волненіи, и бросилась между братомъ и женихомъ. — «Такъ-то вы меня любите, капитанъ! вскричала она; вы намѣрены убить моего брата!» Лисмагаго, который остывалъ, по мѣрѣ того какъ дядя горячился, сталъ увѣрять ея, что искренно уважаетъ мистера Брамбля, но что собственная честь для него всего дороже; что ей нанесли сильное оскорбленіе и если оно будетъ смыто, то онъ будетъ вполне удовлетворенъ. Эсквайръ сказалъ на это, что счелъ бы своимъ долгомъ отмстить за честь капитана, но такъ какъ онъ Федоръ принялъ все это на себя, то и можетъ раздѣляваться, какъ знаетъ.

Какъ бы то ни было, а благодаря внимательству Тебиты, возвратившемуся разсудку капитана, который понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко, и увѣщаніямъ твоего цокорнѣйшаго слуги, наши чудакъ окончательно примирились и принялись совѣщаться о томъ, какими бы способами отмстить несговорчивому парю. Мистеръ Брамбль торжественно поклялся, что не оставитъ гостиницы, не исполнивъ этого намѣренія.

Вследствие всѣхъ нашихъ совѣщаній, на слѣдующій день, по утру, мы отправились къ лорду всѣ, поголовно, взявъ съ собою слугъ и даже кучера. Мы были верхами и вооружены заряженными пистолетами. Въ этомъ боевомъ порядкѣ, мы мелочно и грозно проѣхали три раза мимо воротъ его милости, такъ что онъ долженъ былъ видѣть насъ и догадаться о нашихъ намѣреніяхъ. Послѣ обѣда, мы повторили ту же кавалькаду; на слѣдующее утро снова; но далѣе продолжать намъ намъ уже не пришлось. Въ полдень, къ намъ пріѣхалъ тотъ самый джентльменъ, въ домѣ котораго мы познакомились съ лордомъ Оксмингтономъ. Онъ явился съ извиненіями отъ его милости, который увѣрялъ, что вовсе не имѣлъ намѣренія обидѣть дадо поступкомъ, который считается обычаемъ его дома; что же касается до оскорбленій, которымъ подвергся воинный джентльменъ, то они были совершены безъ вѣдома его милости, по внушенію его камердинера.

— «Если это такъ, твердо сказалъ дядя, то я удовлетворюсь личными извиненіями лорда Оксмингтона и, надѣюсь, что другъ мой удовольствуется, если онъ прогонитъ отъ себя своего негодяя камердинера». — «Нѣтъ, сэръ, искричалъ Лисмагаго; за личную обиду, я требую личнаго удовлетворенія».

Послѣ долгихъ споровъ, дѣло было улажено такимъ образомъ: его милость встрѣтится съ нами въ домѣ нашего общаго знакомаго и изъяснитъ свое сожалѣніе на счетъ всего случившагося. Слуга его проситъ на колѣнахъ прощенія у Лисмагаго и тотъ, къ общему изумленію, далъ ему ногою, въ лицо, такого пинка, что тотъ свалился на спину, а Лисмагаго нектово закричалъ: — «Oui, je le pardonne, coquin!»

Таковъ былъ исходъ этого опаснаго приключенія, похергшаго въ страхъ всю нашу семью;—потому что эскайръ, скорѣе готовъ пожертвовать жизнію и состояніемъ, нежели допустить малѣйшую тѣнь оскорбленія чести. Его милость, едва выговоривъ, съ принужденнымъ видомъ, свои извиненія, тотчасъ же, въ смущеніи, убѣжалъ домой. Можно поручиться, что онъ уже никогда не пригласитъ, къ себѣ ни одного валлійца.

Вслѣдъ за тѣмъ, мы оставили поле битвы и продолжали нашъ путь. Но мы ѣдемъ не прямою дорогою, а сворачиваемъ обзрѣвать замѣчательныя города, дачи и другія любопытныя мѣста, по обѣимъ сторонамъ нашего маршрута. Впрочемъ этотъ неправильный путь не мѣшаетъ сердцу и мыслямъ твоего друга стремиться къ тебѣ самой прямою дорогою.

Твой

28 сентября.

Д. Мельфордъ.

Къ доктору Льюису.

Любезный Льюизъ, бываетъ ли въ жизни человѣка такая пора, когда онъ можетъ не считать себя обязаннымъ жертвовать своимъ спокойствіемъ для мелочныхъ условій пустаго, ничтожнаго свѣта? Я ввязался въ прегадную исторію, о которой расскажу при свиданіи. Надеюсь, что она скоро послѣдуетъ, такъ какъ мы уже видѣли все, что

этого достойно. Случайно узнавъ на дняхъ, что мой старыи другъ Бейнардъ живетъ въ окрестностяхъ, я не могъ проѣхать такъ близко, не навѣстить его, хотя уже много лѣтъ не имѣлъ съ нимъ никакихъ сношеній.

Я былъ сильно взволнованъ воспоминаніями о нашей прежней дружбѣ, проѣзжая мѣстами, гдѣ мы провели столько веселыхъ дней; но, пріѣхавъ въ домъ, я не узналъ ни одного изъ тѣхъ предметовъ, которые такъ живо сохранились въ моей памяти. Дубовая аллея, ведущая къ дому, вырублена, желѣзная рѣшетка, въ концѣ ея, отодвинута, также какъ и стѣна, окружавшая дворъ. Самый домъ имѣлъ прежде болѣе почтенную наружность и вдоль фасада, выходившаго въ садъ, шла каменная терраса, по которой я часто, въ раздумьи, бродилъ назадъ и впередъ. Теперь эта старинная терраса покрыта навѣсомъ новѣйшей архитектуры, такъ что внѣшній видъ—греческой архитектуры, а внутренній—готической. Что же касается до сада, когда-то изобиловавшаго всеми возможными плодами, растущими въ Англии,—теперь въ немъ нѣтъ и слѣдовъ деревьевъ, изгородей и аллей. Онъ превратился въ пустую, песчаную площадь, съ сухимъ бассейномъ, среди котораго красуется неуклюжій тритонъ.

Надо вамъ сказать, что Бейнардъ осталось, послѣ отца, чистаго дохода полторы тысячи фунтовъ стерлинговъ, и, кромѣ того, онъ имѣлъ всѣ качества, чтобы занимать видную роль въ обществѣ. Но увлеченія молодости и издержки по выборамъ заставили его, въ теченіе немногихъ лѣтъ, навязать на себя долгъ въ десять тысячъ фунтовъ, отъ котораго онъ рѣшился избавиться посредствомъ выгодной женитьбы. Женился онъ на одной дѣвушкѣ, миссъ Томсонъ, у которой состоянія было вдвое болѣе, нежели у него долговъ. Она была дочь обанкротившагося купца, но состояніемъ своимъ обязана дядѣ, умершему въ Остъ-Индіи. Родители ея также умерли, и она жила съ воспитавшею ее незамужнею теткою. Вѣроятно, она имѣла достаточно качествъ, чтобы привлечь моего друга; но добродѣтели ея были скорѣе отрицательнаго, нежели положительнаго свойства. Она не была ни горда, ни дерзка, ни капризна, ни вѣтрена; не склонна ни къ вѣрѣ, ни къ кокетству. Она умѣла читать, писать, танцовать, пѣть, играть на фортепiano, болтать по французски, играть въ вистъ и въ ломберъ. Но даже и этими талантами она обладала только въ половину; она ровно ничѣмъ не отличалась. Разговоръ ея былъ усыпительный; слогъ — пошлый; способъ изложенія — сбивчивъ. Однимъ словомъ, это было самое скучнѣйшее существо. Собою она была цедурна, но въ ней не было ничего особливо милого, или граціознаго. Она до такой степени не была одарена способностью принимать у себя въ домѣ гостей, что за обѣдомъ, гдѣ она сидѣла на первомъ мѣстѣ, всегда, бывало, шлошь глазами хозяйку въ другомъ концѣ стола.

Бейнардъ рассчитывалъ, что подобный характеръ будетъ не трудно передѣлать по своему, и что жена сойдется съ нимъ во вкусахъ, которые у него были обращены единственно къ домашней счастію. Онъ располагалъ навсегда поселиться въ деревнѣ, кото-

рую Онъ любилъ до восторженности, заняться хозяйствомъ, требовавшимъ улучшеній, наслаждаться сельскими удовольствіями, вести дружбу съ нѣсколькими друзьями, жившими по сосѣдству, жить открыто и гостепріимно, впрочемъ не на столько, чтобы расходы превосходили доходы, и любоваться какъ жена станетъ весело и охотно хозяйничать. Но это были только сладкія мечты, которымъ никогда не пришлось осуществиться. Жена его столько же смыслила въ хозяйствѣ и въ семейныхъ обязанностяхъ, сколько смыслить въ этомъ новорожденное дитя, и не имѣла ни малѣйшаго понятія о деревенской жизни. Голова ея не могла вмѣстить въ себѣ даже самыхъ простыхъ правилъ соображенія; но еслибы даже она и богаче была одарена природою, то свойственная ей безпечность никогда не позволила бы ей отступить отъ нѣкоторыхъ рутинныхъ понятій, съ которыми она свыклась. Она не имѣла на столько вкуса, чтобы понимать умственные наслажденія. Преобладающею страстью ея было тщеславіе; но не то тщеславіе, которое происходитъ отъ сознанія собственныхъ дарованій, а истиннѣе тупой, выродившейся натуры, въ которой нѣтъ и задатковъ личнаго достоинства.

Когда умолкъ шумъ и суета свадебныхъ пировъ, мистеръ Бейнардъ разсчелъ, что время ознакомить жену съ своими планами касательно будущаго образа жизни. Онъ объявилъ ей, что состоянія у нихъ достаточно на то, чтобы дать имъ всѣ удобства жизни, но что оно не таково, чтобы хватить на всѣ прихоти моды и роскоши, которыя, впрочемъ, онъ считалъ совершенно полезными и лишними. Онъ изъявилъ надежду, что она не будетъ возражать противъ его намѣренія распространиться, весною, съ Лондономъ; онъ хотѣлъ также воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы отпустить нѣсколькихъ лишнихъ слугъ, взятыхъ имъ по случаю свадьбы. — «Такъ вотъ какъ! произвела ова, выслушавъ такое предложеніе,» я должна похоронить ихъ въ деревнѣ!» — Его до того смутилъ такой отвѣтъ, что онъ, съ минуту, не могъ выговорить ни слова; наконецъ онъ сказалъ, что очень сожалѣетъ, если его планы не сообразны съ ея желаніемъ. — «Повѣрь мнѣ, прибавилъ онъ, я думаю только о томъ, какъ бы намъ жить не вуждаясь, сообразно съ нашимъ ограниченнымъ состояніемъ.» — «Конечно, сказала она, ты лучше моего знаешь свои дѣла. За мною ты взялъ всего двадцать тысячъ фунтовъ. Но и съ этою бездѣлицею я могла бы найти себѣ мужа, который не поспешилъ бы для меня остаться жить въ Лондонѣ.» — «Но, Поже мой! вскричалъ взволнованный Бейнардъ, неужли ты думаешь, душа моя, что это я изъ скупости? Вѣдь я только предлагаю тебѣ; повелѣвать я вовсе не намѣренъ.» — «Знаю, сэръ, знаю; вы въ правѣ повелѣвать, а моя обязанность покоряться.»

Сказавъ это, она залилась слезами и ушла въ свою комнату, гдѣ къ ней присоединилась ея тетушка. Пріятель мой спился успокоиться и дѣйствовать, въ этомъ случаѣ, съ твердостью и благоразуміемъ; но главнымъ недостаткомъ его натуры было слишкомъ мягкое и доброе сердце, которое и на этотъ разъ одержало верхъ. Онъ

засталъ тетушку въ слезахъ, а жену въ обморокъ, который длился часовъ восемь; очнувшись, она начала бессвязно говорить о смерти и о своемъ возлюбленномъ мужѣ, который, сидя подлѣ нея все это время, прижималъ къ устамъ ея руку, горько рассказываясь, что причинилъ ей такое огорченіе. Съ того дня, онъ старательно избѣгалъ упоминать о деревнѣ и они продолжали глубже и глубже погружаться въ водоворотъ суетности и мѣтательства такъ называемой великоблѣтской жизни. Впрочемъ, въ концѣ іюля, когда въ Лондонѣ никакого не оставалось, мистриссъ Бейнардъ пришла мысль доказать мужу свое послушаніе и она предложила переѣхать въ поместье. Онъ попробовалъ было отклонить это предложеніе, такъ какъ оно нисколько не сообразовалось съ его экономическими планами; но она настойчиво желала принести эту жертву его вкусамъ и наклонностямъ, и они отправились съ такою свитою и багажемъ, что наумили весь край. Остатокъ лѣтнаго сезона прошелъ въ объѣздѣ визитовъ въ сосѣдяхъ и при этомъ случаѣ было замѣчено, что у сара Джона Шиккуэля однимъ дворецкимъ и однимъ ливрейнымъ лакеемъ болѣе чѣмъ въ домашнемъ комплектѣ мистера Бейнарда. Это замѣчаніе было сдѣлано за столомъ тетушкой и подтверждено Бейнардомъ, который прибавилъ, что сэръ Джонъ Шиккуэль можетъ держать болѣе людей, нежели тѣ, кто не имѣетъ и половины его состоянія. Въ тотъ вечеръ мистриссъ Бейнардъ не ужинала. Потому, съ нею сдѣлался сильный обморокъ, окончательно покорившій ей рассудокъ ея мужа. Къ дворнѣ было прибавлено двое лишнихъ слугъ. Вслѣдъ за этимъ было продано наслѣдственное серебро и замѣнено новомоднымъ; весь домъ мебелированъ заново и все хозяйство перевернуто вверхъ дномъ.

Когда, въ началѣ зимы, они возвратились въ Лондонъ, Бейнардъ грустно разсказалъ мнѣ всѣ эти подробности. Передъ женитьбою, онъ представилъ меня своей невѣстѣ, въ качествѣ своего лучшаго друга. По праву такового, я предложилъ ему тутъ представить ей необходимость измѣнить ихъ образъ жизни, если она дорожить сколько нибудь пользою своей семьи и спокойствіемъ своего мужа. Но Бейнардъ отклонилъ мое предложеніе, говоря, что жена его слишкомъ слабонервна, чтобы выслушивать противорѣчія и что это причинитъ ей такое горе, которое и его самого сдѣлаетъ несчастнымъ.

Въ характерѣ Бейнарда не было трусости и еслибы жена его вздумала съ нимъ воевать, онъ стужалъ бы съ нею управиться. Но случайно, или инстинктивно, она умѣла найти въ немъ самую слабую сторону и такъ крѣпко ухватилась за нее, что онъ навсегда остался у нея подъ башмакомъ. Впослѣдствіи, я посоветовалъ ему свозить ее въ чужіе края, во Францію, въ Италію, гдѣ бы она могла удовлетворять своему тщеславію на половину дешевле, чѣмъ въ Англіи; и онъ послѣдовалъ моему совѣту. Ей очень польстила мысль, что она будетъ путешествовать, узнаетъ иностранный модный свѣтъ, будетъ представлена къ иностраннымъ дворянъ и станетъ на дружескую ногу съ принцами крови. Она тотчасъ же ухватилась за на-

нѣкъ, который я съ умѣломъ при ней сдѣлалъ, я даже принялась торопить своего мужа отъѣздомъ. Спустя нѣсколько недѣль, они отправилась во Францію, взявъ съ собою умѣренную свиту, въ числѣ которой была, конечно и тетюшка, неразлучная наперстница мистриссъ Бейнардъ, державшая всегда ея сторону противъ мужа. Съ этого времени, я почти не имѣлъ случая возобновить съ ними прежняго знакомства. Всё, что я узналъ объ ихъ дальнѣйшихъ походахъ, такъ это то, что спустя два года, они вернулись въ Англію, не сдѣлавъ ни малѣйшихъ успѣховъ въ разсчетливости, и снова ударилась въ отчаянное мотовство. Бейнардъ былъ вынужденъ, наконецъ, заложить свое имѣніе. Между тѣмъ, у нихъ было уже трое дѣтей, изъ которыхъ впрочемъ въ живыхъ, остался одинъ только мальчикъ, теперь лѣтъ тринадцать, совершенно непорченный баловствомъ матери.

Что касается до Бейнарда, то ни здравый смыслъ, ни страхъ нищеты, ни забота о дѣтяхъ не могли внушить ему твердости сбросить постыдное иго. Человѣкъ, одаренный самымъ утонченнымъ вкусомъ, самымъ теплымъ и сочувствующимъ сердцемъ, недолимымъ меченіемъ къ разумнымъ удовольствіямъ сельской жизни, онъ вѣчно кружится въ вихрѣ шумной жизни, среди толпы пустѣйшихъ существъ, потѣшающихся побрякушками и мишурою, и до такой степени лишенныхъ способности мысленія, что никакой филологъ не придумаетъ на кой прахъ они тяготать собою землю.

Не только дружбы, но никакого удовлетворенія умственнымъ потребностямъ не могъ онъ найти въ этомъ водоворотѣ глупости, среди котораго обреченъ былъ прожить свой вѣкъ. Онъ давно уже распростился со всѣми планами улучшенія своего состоянія и устройства хозяйства, которыхъ такъ любилъ заниматься; на семейное счастье, также не оставалось болѣе ни малѣйшей надежды. Обманувшись, такимъ образомъ, во всемъ, что льстило его уму и сердцу, онъ впалъ въ сильнѣйшую хандру, до такой степени подѣйствовавшую на его характеръ и здоровье, что теперь ему грозитъ чахотка.

Вотъ вамъ бѣглый очеркъ человѣка, котораго я вознамѣрился, на дняхъ, посѣтить. Въ дверяхъ мы нашли толпу напудренныхъ лакеевъ, но вѣжливости — не нашли. Намъ оставили дожидаться въ экипажѣ и потомъ объявили, что мистера Бейнарда нѣтъ дома, а супруга его одѣвается; намъ ввели, однако, въ пріемную, до такой степени изысканную и роскошную, что назначеніемъ ея было, по видимому, только, чтобы на насъ глядѣли, а не жили въ ней. Въ ней стояли рѣзвые, раззолоченные стулья и диваны, обитые дорогими штофомъ, до такой степени свѣжими и блестящими, что казалось на нихъ еще никто не садился. Ковра не имѣлось, но паркетъ былъ до того навоощенъ, что мы были вынуждены скользить по немъ, а не ходить; камень также былъ слишкомъ блестящъ и чистъ, чтобы въ немъ могъ горѣть каменный уголь, или иной какой либо грубый матеріалъ. Мы прождали около часа негостепріимное божество этого «храма холоднаго пріема», когда, наконецъ, возиратился мой другъ

Бейнардъ. Узнавъ, что мы тутъ, онъ посѣщилъ къ намъ; при его появленіи, я увидѣлъ такое худое, желтое, унылое лицо, что ни за что не узналъ бы его, встрѣтивъ въ другомъ мѣстѣ. Онъ бросился ко мнѣ на встрѣчу, съ горячностью обнялъ меня и нѣсколько минутъ не могъ ни слова произнести отъ избытка чувствъ. Потомъ онъ поздоровался со всѣми нами и, видя наше неудобное положеніе, увели насъ въ другую комнату, гдѣ топился каминъ, и приказалъ подать шоколадъ. Оставивъ насъ не на долго однихъ, онъ вернулся съ привѣтствіями намъ отъ своей жены и представилъ своего сына Гарри, неповоротливаго мальчика, съ золотушными глазами; онъ былъ одѣтъ гусаромъ и казался очень дерзкимъ и самоувѣреннымъ.

Отецъ хотѣлъ его отдать въ пансіонъ, но мамаша и тетунка не хотѣли и слышать съ этомъ; такъ что теперь для него былъ взятъ въ домъ преподаватель, изъ духовнаго званія.

Было уже двѣнадцать часовъ и весь домъ суетился, готова праздничный обѣдъ; но я разсчелъ, что намъ не скоро его дождаться и предложилъ Бейнардѣ пойти прогуляться, чтобы имѣть случай на свободѣ поговорить съ нимъ. Во время этой прогулки, я различилъ нѣкоторое удивленіе на счетъ того, что онъ такъ скоро вернулся изъ Италіи; но онъ сказалъ мнѣ, что путешествіе вовсе не привело его къ той цѣли, съ которою онъ оставилъ Англію, что хотя въ Италіи и можно вести съ меньшими издержками тотъ же самый образъ жизни, который онъ велъ въ Англіи, но ему пришлось тагаться съ графами и маркизами, съ которыми онъ свелъ тамъ знакомства. Онъ былъ вынужденъ держать толпу слугъ, покупать наряды и давать пышные обѣды прихотливымъ туземнымъ лизоблюдамъ, которые безъ этого не обратили бы вниманія на воститолованнаго иностранца. Кромѣ того, мистриссъ Бейнардъ была вѣчно окружена свитою нахлѣбниковъ, подъ разнородными названіями — учителей языковъ, музыкантовъ, художниковъ, чичарони; у нея явилась манія покупать картины и антики, по собственному выбору, котораго никакъ нельзя было назвать непогрѣшимымъ. Наконецъ она получила оскорбленіе, которое внушило ей отвращеніе къ Италіи и заставило поспѣшно бѣжать въ Англію. Въ то время въ Римѣ проживала герцогиня Б— и жена Бейнарда удостоилась чести быть принятой на ея рауты. Тамъ она познакомилась со всѣмъ великосвѣтскимъ обществомъ и, безъ всякихъ затрудненій, вступила въ его кругъ. Это дало ей чрезмѣрно высокое понятіе о ея значеніи и, послѣ отъѣзда герцогини, она возымѣла мысль назначить у себя рауты, которые заставили бы Римлянъ позабыть о раутахъ герцогини. Она запаслась музыкантами и разослала приглашенія ко всѣмъ значительнымъ лицамъ; но изъ дамскаго общества, ни одна не явилась на ея приглашеніе. Съ нею въ ту же ночь сдѣлался сильнѣйшій, нервный припадокъ, уложившій ея въ постель на три дня, по истеченіи которыхъ она объявила, что воздухъ Италіи для нея губителенъ. Они немедленно переѣхали въ Женеву и оттуда, черезъ Лионъ и Парижъ, въ Англію. По пріѣздѣ въ Кале, у нея оказалось такое множество матерій и кружевъ, что пришлось нанять особое

судно, чтобы перевести всю эту контрабанду; но судно было захвачено таможенным кораблем и, таким образом, был утрачен весь груз, стоивший восемьсот фунтов стерлингов.

Теперь оказывалось, что путешествие не произвело на неё никакого действия, кроме того, что она стала еще прихотливѣе и расточительнѣе. Она не только стремится быть законодательницею моды, но и казаться знатокомъ по всѣмъ предметамъ роскоши и вкуса. Она сдѣлала планъ новаго фасада для деревенскаго дома, велѣла срубить деревья въ саду и срыть стѣны, чтобы дать раздолье восточному вѣтру, отъ котораго предки Бейнарда защитили домъ съ такими стараніями и усиліями. Чтобы доказать свой вкусъ въ расположеніи сада, она взяла въ свое полное распоряженіе двѣсти акровъ земли, подъ фермою, отстоящею на милю отъ ихъ дома. По этой землѣ она приказала распланировать аллеи и рассадить кустарники, а по срединѣ устроить большой бассейнъ, въ который была направлена рѣка, вертѣвшая прежде двѣ мельницы и дававшая лучшую форель во всемъ краю. Но грунтъ бассейна былъ такъ рыхлъ, что не держалъ воды, которая всасывалась въ землю и превратила весь садъ въ болото. Однимъ словомъ, земля, приносившая Бейнардѣ полтора ста фунтовъ дохода, стоила ему теперь ежегодно двѣсти фунтовъ, уходившихъ только на одно поддержаніе ея хоть въ скольконибудь сносномъ положеніи, кромѣ издержекъ на деревья, кусты, цвѣты, дернъ и песокъ. Вокругъ дома, не было оставлено ни одного верхка чернозема и ни одного фруктоваго дерева. Бейнардъ потерялъ возможность получить возъ сѣна, или овса для своихъ лошадей, даже молока къ чаю, потому что при домѣ не оказалось ни одной коровы. Объ овцахъ, поросятахъ, курахъ, нечего уже было и думать; вся провизія, до послѣднихъ мелочей, привозилась съ ближняго рынка, до котораго было пять миль. Даже теплыя булки для завтрака, привозились оттуда же, и за ними каждое утро посылался курьеръ. Однимъ словомъ, Бейнардъ прямо сознался, что они проживаютъ вдвое больше своихъ доходовъ и что еще нѣсколько лѣтъ — и ему придется продать имѣніе, на удовлетвореніе кредиторовъ. Онъ сказалъ, что жена его до такой степени слаба и нервами, и разсудкомъ, что не станетъ слушать никакихъ доводовъ и не согласится ни на какія ограниченія, хотя бы даже и сознала ихъ необходимость. Самъ онъ пересталъ уже бороться съ судьбою и смирно свыкнуться съ мыслью о раззореніи; его утѣшало хотя то, что сынъ его обезпеченъ состояніемъ матери, которое было упрочено за нимъ брачнымъ контрактомъ.

Всѣ эти подробности, выслушанныя мною отъ него, произвели на меня горечью и негодованіемъ я разразился упреками на сумасбродство его жены и на его собственную, постыдную слабость, позволявшую сносить подобный деспотизмъ. Я уговаривалъ его собрать всю свою твердость и освободиться однажды навсегда изъ подъ этого гнуснаго и губительнаго ига. Я предлагалъ содѣйствовать ему всѣми моими силами; брался устроить его дѣла и даже поставить на

нвую ногу все его хозяйство, если только онъ уполномочитъ меня привести въ исполненіе планъ, который я составилъ для его пользы. Я былъ до такой степени огорченъ, что примѣшалъ къ упрекамъ слезы; и Бейнардъ, тронутый этимъ доказательствомъ моей дружбы къ нему, не могъ ни слова выговорить отъ волненія. Онъ прижалъ меня къ своей груди и, молча, плакалъ.—«Дружба, самое неоцѣненное утѣшеніе въ мірѣ! сказалъ онъ, наконецъ; твои слова, Врэмбл, спасаютъ меня изъ бездны отчаянія, въ которую я давно уже погрузился. Я ознакомлю тебя подробнѣе со всѣми моими обстоятельствами и постараюсь, на сколько силъ хватятъ, послѣдовать твоему совѣту. Но есть такія стороны въ моемъ характерѣ, которыхъ тебѣ, какъ холостяку, никогда не понять. Сознаться ли тебѣ въ моей слабости? Я страпуюсь одной мысли огорчить эту женщину». — «А она - то что же? вскричалъ я; она нѣсколько лѣтъ видитъ тебя несчастнымъ, — и несчастнымъ изъ-за ея собственнаго безразсудства, — и никогда, ничѣмъ не постаралась облегчить твою судьбу». — «А все же, сказалъ онъ, я убѣжденъ, что она меня горячо любить. Но есть такія несообразности въ человѣческой душѣ, которыхъ мнѣ никогда не понять.»

Меня возмутило это упрямство и я поспѣшилъ переимѣнить разговоръ. Мы однако условились, на будущее время, вести дѣятельную переписку. Онъ разсказалъ мнѣ потомъ, что у него есть двое сосѣдей, которые, благодаря женамъ, подобно ему, на всѣхъ парусахъ летятъ къ банкротству. Характеры этихъ трехъ мужей совершенно различны и, сообразуясь съ этими различіями, дражайшія половинны ихъ отлично умѣютъ держать въ повиновеніи, каждая своего. Но цѣль у этихъ дамъ совершенно одна и та же: тягаться въ величіи, то есть въ мотовствѣ, съ женою сэра Джона Шакуэля, которая вчетверо ихъ богаче; а та, въ свою очередь, тянется за живущею по сосѣдству женою пара, у которой состоянія втрое болѣе чѣмъ у нея. Такимъ образомъ, здѣсь разыгрывается въ лицахъ басня о быкѣ и лягушкѣ. Одно значительное и три достаточныхъ состоянія готовы обратиться въ прахъ чрезъ женское тщеславіе и въ трехъ мѣстахъ владычествуютъ, въ различныхъ формахъ, женскій деспотизмъ. Мистера Вейнарда берутъ со стороны его нѣжной и любящей природы. На мистера Мильксена, какъ на человѣка робкаго, дѣйствуютъ угрозы и дерзостью. Мистеръ Соуэрби, на котораго не подѣйствовали бы ни обмороки, ни угрозы, имѣлъ счастье найти себѣ сожительницу, нестоющую на колкости и насмѣшки. Она—то осыпаетъ его вроническими комплименами, то дѣлаетъ колкія сравненія, стараясь дать ему почувствовать, что у него нѣтъ ни вкуса, ни ума, ни благородства. Этими способами она подстрекаетъ его на разныя безразсудства, направляя ихъ именно къ той цѣли, которой требуетъ ея тщеславіе.

Всѣ эти три леди имѣютъ теперь равное число лошадей, каретъ, ливрейныхъ и неливрейныхъ слугъ; одинакіе наряды; равное количество фарфора и серебра, одинаковое убранство покоевъ, и силатся,

на своихъ званыхъ обѣдахъ, перецеголять одна другую разнообразіемъ и утонченностью блюдъ. Я убѣжденъ, что девять десятыхъ раззоряющихся мотовствомъ—жертвы безумнаго тщеславія глупыхъ женщинъ. Благодаря Бога, Дикъ, что, изъ всѣхъ слабостей и нелѣпостей человѣческой природы, я еще не втянулся въ нелѣпость брака.

Потолковавъ, на свободѣ, съ Бейнардомъ о всѣхъ этихъ вещахъ, мы вернулись къ дому и, подходя, встрѣтили Джерри съ нашими дамами, которые также вышли прогуляться, такъ какъ хозяйка дома еще не появлялась. Она вышла только за четверть часа до обѣда. Мужъ ввелъ её въ приемную, въ сопровожденіи тетуски и сына. Мистриссъ Бейнардъ раскланялась съ нами съ такою неприступною холодностью, что отъ нея, кажется, замерзъ бы самъ геній гостепріимства. Я привѣтствовалъ её самымъ дружескимъ тономъ, но она не подавала вида, что узнаетъ меня, хотя часто видѣла меня въ Лондонѣ въ обществѣ своего мужа и знала, что мы съ нимъ искренніе друзья. Она не произнесла даже самаго обычнаго привѣтствія въ родѣ — «очень рада васъ видѣть,» или — «какъ мы давно не видалсь,» — однимъ словомъ одной изъ общепринятыхъ фразъ. Не отворяя рта, не обращая ни къ сестрѣ, ни къ Лидди, она возсѣла подобно статуѣ безмолвія. Тетуска ея представляла, въ свою очередь, совершеннѣйшій образецъ тупаго этикета; но мальчишка былъ нагль и свѣгль, и болталъ безъ умолку.

За обѣдомъ хозяйка сохраняла тоже деревянное равнодушіе, не говорила ни слова и только перешептывалась съ своей теткою. Обѣдъ состоялъ изъ однихъ тощихъ издѣлій французской кухни, не представлявшихъ ничего существеннаго для удовлетворенія англійскаго аппетита. Супъ былъ не много лучше теплыхъ помоевъ съ размоченнымъ хлѣбомъ; рагу какъ будто были уже однажды съѣдены и на половину переварены; фрикассе были поданы подъ грязнымъ, желтымъ соусомъ, а жареное было высушено и подожжено, *roug avoir le fumet délicat*. Десертъ состоялъ изъ вялыхъ фруктовъ и мороженаго, вѣрнаго символа характера хозяйки. Столовое плво было кисло; вода мутна; вина слабы. Но за то всё это было сервировано на фарфорѣ и серебрѣ, и за каждымъ стуломъ стоялъ напудренный лакей, исключая хозяевъ дома, которымъ прислуживали два лакея, одѣтые какъ джентльмены. Мы обѣдали въ большомъ, готическомъ залѣ, бывшемъ когда-то сѣнями. Теперь полъ былъ въ немъ храморгный, но, не смотря на огонь въ каминѣ, при входѣ въ эту комнату меня охватило такимъ холодомъ, что заходили зубы.

Послѣ обѣда, мы перешли въ другую комнату, и тамъ хозяйскій сынъ принялся дерзко приставать къ Лидди. Ему не съ кѣмъ было возиться и онъ вздумалъ задѣвать Лидди, которая однако, ни мало не поощряла его рѣзвости. Онъ до того забылся, что сорвалъ у нея поцѣлуй. Лидди покраснѣла и смутилась. Но мальчишка, не смотря на выговоры отца, становился все наглѣе и осмѣлился, даже, прикоснуться къ ея груди. Этого она уже не

вынесла, не смотря на всю свою кротость; въ глазахъ ея блеснуло негодованіе; она вскочила со стула и отвѣсила нагледу такую пощечину, что онъ отлетѣлъ на другой конецъ комнаты.

— «Такъ, такъ, миссъ Мельфордъ! вскричалъ его отецъ; онъ этого стоитъ. Миѣ очень больно, что васъ вынудила къ этому дерзость моего сына; но я исполнѣ васъ за это уважаю.» Однако жена его была далеко ни одного съ нимъ мнѣнія и вставъ съ мѣста, взяла за руку сына. — «Пойдемъ, дитя, сказала она; твой отецъ тебя ненавидитъ.» Она увела свое многообщающее чадо тетушка также послѣдовала за ними. Ни одна изъ нихъ не обратила вниманія на оставшееся общество.

Бейнардъ совершенно растерялся; но въ его смущеніи проглядывалъ гнѣвъ и это показалось миѣ добрымъ признакомъ. Я приказалъ закладывать лошадей и не смотря на всѣ увѣщанія моего друга остаться у него на ночь, настоялъ на немедленномъ отъѣздѣ. Я улучилъ, однако, время поговорить съ нимъ наединѣ и употребилъ все свое краснорѣчіе, убѣждая его имѣть твердость выпутаться изъ своихъ позорныхъ узъ.

Я безъ церемоній сказалъ, что его жена вовсе недостойна снисхожденія, съ которымъ онъ смотритъ на ея слабости; что въ ней умерло всякое благородное сознаніе супружескаго долга; что она равнодушна къ своей собственной пользѣ и совершенно лишена здраваго смысла. Я умолялъ его вспомнить свои обязанности въ отношеніи къ своему имени, къ чести своихъ предковъ и своей собственной семьѣ, не исключая и этой безразсудной женщины, такъ слѣпо стремящейся къ собственной гибели. Я совѣтывалъ ему составить планъ болѣе разсчитливой жизни, и постараться доказать теткѣ необходимость этой перемѣны, для того, чтобы она постепенно подготовила къ ней свою племянницу. Если же эта блюстительница этикета будетъ ему противорѣчить, то я уговаривалъ его вовсе прогнать ея изъ дома.

Онъ замѣтилъ что это значило бы уморить мистриссъ Бейнардъ. — «Это, наконецъ, превосходитъ всякое терпѣніе! вскричалъ я; что за непростительная слабость! но повѣрь миѣ, что обмороки твоей жены нисколько не дѣйствуютъ на ея здоровье. Я готовъ ручаться, что это одна комедія. Твою жену не трогаютъ твои огорченія и я убѣжденъ, что если вы раззоритесь, она и къ этому останется совершенно равнодушна.» Онъ далъ миѣ, наконецъ, честное слово сдѣлать надъ собою усиліе и послѣдовать моему совѣту; сказалъ, что составить планъ инаго образа жизни и если не удастся привести его въ исполненіе, безъ моего содѣйствія то онъ прійдетъ, зимою, въ Батъ, гдѣ я обѣщаль съ нимъ встрѣтиться и помочь ему устроить его дѣла. Съ этимъ условіемъ мы расстались. Я былъ бы невыразимо счастливъ, еслибы, при моемъ содѣйствіи, благородный человекъ, котораго я люблю и уважаю, былъ спасенъ отъ нищеты, позора и отчаянія.

Миѣ оставалось навѣстить въ этихъ странахъ еще одного друга.

совершенно различныхъ свойствъ съ Бейнардомъ. Вы слышали отъ меня о сэръ Томъ Вельфордъ, съ которымъ я познакомился въ Ита-
ли. Онъ поселился потомъ въ деревнѣ; но заграничная жизнь раз-
вила въ немъ совсѣмъ нныя вкусы и онъ имѣетъ теперь вокругъ
себя разсѣяннн, принимая къ себѣ всякаго, и потѣшался надъ стран-
ностями своего общества; хотя самъ-то онъ и есть величайшій чу-
дакъ въ мірѣ. Онъ очень веселаго характера, говоритъ неумолкаемо
и вѣчно смѣется. Я слышалъ, что онъ упражняетъ нынѣ свой умъ
единственно надъ тѣмъ, чтобы ставить въ смѣшное положеніе сво-
ихъ гостей и возбуждать всеобщій смѣхъ. Не знаю, на сколько наши
особы дадутъ пищи его веселости, но я намѣренъ сдѣлать ему не-
чашинность своимъ посѣщеніемъ,—частію для того, чтобы посмѣяться
вмѣстѣ съ нимъ, а частію, чтобы засвидѣтельствовать почтеніе его
супругѣ, отличной, умной женщиной. Онъ живутъ очень счастливо,
не смотря на то, что за нею не было приданаго.

Теперь, любезный Льюизъ, скажу вамъ въ утѣшеніе, что вы един-
ственный человѣкъ въ мірѣ, которому я рѣшился бы настрочить
такое длинное посланіе. Но я не могъ укоротить его, потому что
всѣ, о чемъ я распространялся, слишкомъ близко меня затрогиваетъ.
Иныхъ оправданій не привожу; вы давно уже привыкли къ вашему
внесносному корреспонденту,

30 сентября.

М. Брэмблю.

Къ сэру Уаткину Филиппу, въ Оксфордъ.

Вѣроятно, въ моемъ характерѣ есть нѣкоторая доля злости: мнѣ
всегда доставляетъ удовольствіе видѣть—какъ люди мучаются лож-
ными тревогами. Мы провели нынѣшнюю ночь въ домѣ сэра Тома
Вельфорда, стариннаго друга дяди. Это человѣкъ не слишкомъ даль-
наго ума, но большой весельчакъ; онъ кажется далъ себѣ слово, не
смотря на одолевашую его подагру, хохотать, пока его не уло-
жатъ въ гробъ, при чемъ онъ обладетъ особымъ даромъ выжимать
матеріалы для смѣха изъ всѣхъ своихъ гостей, будь нантупѣйшія
и нанупрямѣйшія созданія. Кромѣ нашей семьи, въ домѣ находился
какой-то тупоумный, мирный судья, по имени Фрогморъ, и де-
ревенскій врачъ, повидному наперсникъ и повѣренный хозяина.
Последняго мы застали лежанцимъ на диванѣ; ноги его покоились на
подушкахъ, подлѣ него стояли костыли. Онъ принялъ насъ съ искрен-
нымъ прнѣтломъ, и былъ по вндимому чрезвычайно радъ намъ. Послѣ
чая, леди Вельфордъ сыграла намъ на фортепіано сонату; она пре-
восходно поетъ и играетъ. Но супругъ ея кажется мало смыслить
въ музыкѣ, хотя и прикидывается будто онъ въ восторгѣ. Онъ по-
просилъ еѣ спѣть намъ арію ея собственнаго сочиненія; но едва она
еѣ завѣла, какъ и онъ самъ, и судья задремали. По окончаніи сэръ
Томъ, разумѣется, проснулся.—«О сага! воскликнулъ онъ; каково, го-
спода? а? Будете вы еще толковать о вашихъ Перголезе и Корелли?»
Въ тоже время онъ заложилъ языкъ за щеку и подмигнулъ докто-
ру и мнѣ. Эту мимику онъ заключилъ громкимъ хохотомъ, который

у него всегда наготовѣ. За столомъ, не смотря на болѣзнь, онъ не выказывалъ желанія постыться и не пропустилъ ни одного тоста, поощряя гостей словами и собственнымъ примѣромъ.

Я вскорѣ замѣтилъ, что докторъ счумѣлъ сдѣлать себя необходимымъ для баронета. Тотъ изощряетъ на немъ свое остроуміе, дѣлаетъ его мишенью своихъ насмѣшекъ, и имѣетъ въ немъ находчиваго сотрудника для продѣлокъ надъ своими гостями. Судья Фрогморъ служитъ отличнымъ субъектомъ для подобныхъ опытовъ. Онъ толстъ и неповоротливъ; глупъ и надутъ; онъ прилежно изучалъ Верна, но кажется все же не такъ прилежно, какъ науку жизни, т. е. умѣнье сыто поѣсть и поить. Этотъ жирный козелъ служитъ отличною дичью для сэра Тома, и тотъ съ успѣхомъ задѣлывалъ его въ продолженіи вечера. Но въ особенности подстрекала барона къ смѣху личность Лисмагаго, его приемы, фигура, разговоръ. Онъ пользовался къ нему со всѣхъ сторонъ, такъ что мнѣ невольно припала на память видѣнная мною однажды борьба между щенкомъ и старымъ ежомъ. Собаченка осаждала его со всѣхъ сторонъ, ворчала, лаяла; но каждый разъ, какъ скоро пробовала укусить, кололась объ иглы и со стыдомъ отскакивала прочь. Предоставленный самому себѣ, капитанъ не преминулъ бы выказать свои смѣшныя стороны; но если кто нибудь старается вызвать его на это, онъ становится упрямъ, какъ мулъ, и неподатливъ какъ дикій слонъ.

За то судья доставилъ случай надъ собою посмѣяться; онъ ѣлъ, за ужиномъ, необычайно много и, между прочимъ, опорожнилъ огромное блюдо грибовъ. Едва успѣлъ онъ проглотить ихъ, какъ докторъ серьезно замѣтилъ, что это шампиньоны, производящія на нѣкоторыя природы дѣйствіе яда. Мистеръ Фрогмаръ затрасся при этихъ словахъ и спросилъ, зачѣмъ онъ не предупредилъ его. Тотъ отвѣчалъ, что видя какъ онъ ихъ храбро и усердно истребляетъ, онъ полагалъ, что это уже не въ первый разъ; впрочемъ для успокоенія, онъ предписалъ ему выпить стаканъ противуядной воды, что тотъ немедленно и сдѣлалъ. Бѣдный судья тотчасъ же ушелъ, въ явномъ безпокойствѣ.

Въ полночь намъ указали наши спальни и черезъ полчаса я уже спалъ крѣпкимъ сномъ. Но вдругъ, часа въ три утра, я былъ пробужденъ страшнымъ крикомъ: «пожаръ! пожаръ!» и, вскочивъ съ съ постели въ одной рубахѣ, бросился къ окну. Ночь была темная и бурная. Множество полуодѣтаго народа въ тревогѣ бѣгало по двору, съ факелами и съ фонарями. Поскорѣе набросивъ на себя платье я бросился внизъ, и узналъ, что горитъ лѣстница въ отдѣльный покой второго этажа, занимаемый капитаномъ Лисмагаго. Капитанъ успѣлъ проснуться, но въ потьмахъ не могъ отыскать своего платья; а между тѣмъ дверь комнаты оказалась запертою; слуги кричали ему въ окно, что домъ обокраденъ, что воры, вѣроятно, унесли также и его платье и, заверли дверь, и что лѣстница ведущая къ нему вся въ огнѣ. Въ этой крайности, бѣдный капитанъ метался, голый, по комнатѣ, какъ вепша въ западнѣ и, высовывая по временамъ голову

въ окно, отчаянно взывалъ о помощи. Наконецъ, на дворъ вынесли въ креслахъ баронета; вмѣстѣ съ нимъ вышелъ дядя и вся семья не исключая и Тебиты, которая какъ помѣшанная кричала, ревѣла и рвала на себѣ волосы. Сэръ Томъ приказалъ своимъ людямъ прѣставить къ окну капитана высокую лѣстницу и сталъ серьезно уговаривать его спуститься по ней. Для этого не потребовалось много краснорѣчія: Лисмагаго немедленно вылезъ изъ окна, крича чтобы крѣпче держали лѣстницу.

Хотя дѣло было вовсе не шуточное, но не было возможности присутствовать при этой сценѣ, не умирая отъ смѣха. Жалкій видъ капитана, въ одной рубашкѣ и въ шерстяномъ колпакѣ, завязанномъ у подбородка; его длинныя, тощія ноги, блескъ факеловъ и фонарей, которыми слуги свѣтили ему при спусканіи по лѣстницѣ, все это представляло самое поразительное зрѣлище. Все общество стояло во кругъ лѣстницѣ, исключая баронета, сидѣшало въ креслѣ и возглашамцаго, времени отъ времени — «Господи, буди милосердѣ къ намъ! Господи сохрани ему жизнь! — Осторожиѣ ступайте любезнѣйшій капитанъ! — По типе! — Такъ, такъ! Держитесь за лѣстницу обѣими руками; вотъ такъ! — Bravo! видно сейчасъ стараго солдата. Давайте скорѣе теплое одѣяло; закутайте его! — Нагрѣть постель въ зеленой комнатѣ. — Вашу руку, любезнѣйшій капитанъ. — Отъ души радъ, что вижу васъ невредимымъ.» Лисмагаго былъ встрѣченъ внизу лѣстницы своею возлюбленною; она вырвала одѣяло изъ рукъ служанки и поспѣшила обернуть его. Потомъ, двое слугъ взяли его подъ руки и отвели въ зеленую комнату, куда послѣдовала за ними и миссъ Тэбби. Тамъ она заботливо уложила капитана въ постель, пока все это происходило, Лисмагаго не произнесилъ ни слова, и только сердито поглядывалъ то на того, то на другаго. Потомъ мы всѣ собрались въ залѣ, гдѣ ужинали, и вопросительно глядѣли другъ на друга. Въ эту минуту баронетъ, спокойно усѣвшійся въ кресло, схватилъ за руку мистера Брэмбля и разразился неудержимымъ хохотомъ. — «Мэгъ! воскликнулъ онъ, покатываясь со смѣха, увѣчайте меня дубовымъ вѣнкомъ, лавромъ, петрушкою, всѣмъ, чѣмъ хотите и знайте, что эта моя, моя выдумка! — Какова штука! Ха! ха! ха! — Что за субъектъ! что за карикатура! Роза! Рембрандтъ! Шальконтъ! гдѣ вы? Чего бы я, не далъ, чтобы видѣть это на полотнѣ! Вотъ вамъ восхожденіе на висѣлицу, — Что за освѣщеніе! что за группа внизу! Какая экспрессія! положеніе! всмотрѣлись вы? — Ха! ха! ха! А ноги! а мускулы! Каждый палецъ выражалъ ужасъ. — Ха! ха! ха! — А одѣяло вотъ-такъ драпировка! — Лазарь! Варрава! — Ха! ха! ха!

Но тутъ дядя прервалъ его. «Такъ это была одна фальшивая тревога! спросилъ онъ очень серьезно. Насъ разбудили и напугали до полу-смерти, для одной потѣхи.» — «Но вѣдь для какой потѣхи! вскричалъ баронетъ; такая катастрофа! Эдакая развязка.» — «Позвольте, сказалъ дядя, до развязки мы еще не дошли и дай Богъ, чтобы этотъ [водовиль не кончился трагедіею. Съ капитаномъ шутить

нелзя. Онъ никогда не смѣется, тѣмъ болѣе не позволить другимъ потѣшаться на свой счетъ.»—«Клянусь чортомъ, вскричалъ баронетъ, я не упустилъ бы этой шутки, даже будь предметомъ ея мой родной отецъ; а такого субъекта, какъ вашъ капитанъ нищя цѣлые полвѣка такъ не отыщешь.» Тутъ вмѣшалась мисъ Тебита и объявила, что не видитъ, чтобы Лисмагаго былъ смѣшнѣе самого баронета, и что очень страшится, какъ бы не пришлось сѣру Тому слишкомъ скоро убѣдиться, что онъ не на того напалъ. Это его смутило. Онъ сказалъ, что Лисмагаго долженъ быть совершеннымъ вандамомъ, если не пойметъ такой веселой и остроумной шутки. Онъ попросилъ, однако же, дядю и Тебиту урезонить его; къ этой просьбѣ присоединилась и леди Вельфордъ, которая не преминула прочесть мужу нравоученіе. Онъ выслушалъ его, корча однимъ глазомъ раскаяніе, а другимъ подмигивая.

Мы вторично отправились къ своимъ постелямъ и, по утру, прежде нежели я всталъ, дядя отправился къ Лисмагаго, въ зеленую комнату и, по видимому, совершенно успокоилъ его своими убѣжденіями. Онъ снисходительно выслушалъ извиненія баронета и даже объявилъ, что очень доволенъ, если могъ способствовать веселости всего общества. Сѣръ Томъ жалъ ему руку, хохоча отъ всей души и поднося ему свою табакерку, въ знакъ полнаго примиренія. Капитанъ опустилъ руку въ карманъ и вытащилъ оттуда, вмѣсто своей простой, шотландской табакерки, другую, золотую, изящной работы. — «Что это? сказалъ онъ взглянувъ на неё; это ошибка.»—«Нѣтъ не ошибка, возразилъ баронетъ; честный подмѣнъ не есть воровство. Обяжите, капитанъ, отдайте мнѣ на память вашу шотландскую табакерку.»—«Моя табакерка, сѣръ. къ вашимъ услугамъ, отвѣтилъ Лисмагаго. Но этой вещи я ни какъ не могу принять. Это вышло бы что-то въ родѣ взятки за уступку чести. Тутъ можетъ быть опять кроется какая нибудь продѣлка, а я не расположенъ еще разъ принимать въ ней никакой роли. Я не намѣренъ лазить у васъ по карманамъ и потому прошу васъ положить туда эту вещь вашими собственными руками.» Эти слова были сказаны нѣсколько строго и вмѣстѣ съ тѣмъ, Лисмагаго подалъ баронету табакерку. Тотъ взялъ её съ нѣкоторымъ смущеніемъ, и возвратилъ ему его старую, которую принималъ только на условіи обмѣна.

Это объясненіе дало было разговору серьёзный оборотъ, какъ вдругъ дядѣ пришло въ голову спросить о судѣ, котораго, не было видно ни во время ночной тревоги, ни теперь, по утру. Услыхавъ имя Фрогмора, баронетъ вскричалъ:—«Чортъ возьми! я и забылъ о немъ. Докторъ, пожалуйста, сходите, вытащите судью изъ его норы.» Говоря это, баронетъ расхохотался, и держиваясь за бока, и сказалъ, что, капитанъ тотчасъ увидитъ, что не онъ одинъ былъ героемъ ночной драмы. Впрочемъ, въ сценѣ на дворѣ судья не участвовалъ; онъ былъ съ умысломъ помѣщенъ въ самой отдаленной части дома, далеко отъ шума, и усыпленъ опиумомъ. Спустя нѣсколько минутъ, мистеръ Фрогморъ былъ введенъ въ

комнату, въ ночномъ колпакѣ и въ халатѣ. Онъ склонялъ голову съ одного бока на другой и жалобно охалъ. «Боже! сосѣдъ любезный что съ вами? вскричалъ сэръ Томъ;—вы похожи на мертвеца. Посадите его осторожно на диванъ. Бѣдняга! Спаси васъ Богъ.— Да что съ нимъ, что онъ такой блѣдный, желтый, распухшій?»—

— О, сэръ Томъ! простоналъ судья; смерть моя пришла. Это всё грибы, что я ѣлъ за ужиномъ. Ахъ! охъ! ай!—«Боже упаси! скажъ тотъ. Не унывайте; бодрѣе! Ну какъ же вашъ желудокъ? а?» Онъ не отвѣчалъ на этотъ вопросъ, но, распахнувъ халатъ, показалъ намъ, что кафтанъ его не сходится, на нѣсколько вершковъ. «Боже, спаси насъ! вскричалъ баронетъ; какое грустное зрѣлище. Я никогда, не видалъ, чтобы человѣкъ такъ внезапно распухъ; это случается только послѣ смерти, или ужъ передъ самою смертю! Докторъ, нельзя ли помочь этому бѣдныгъ?»—«Не думаю чтобы случаи былъ безнадеженъ, — отвѣтилъ врачъ. А все же, совѣтую мистеру Фрогмору немедленно устроить свои дѣла; онъ можетъ послать за пасторомъ, пока я буду приготавливать промывательное и рвотное.» Судья тоскливо закатывалъ глаза.

— Земныя дѣла мои устроены говорилъ онъ. Имѣніе заложено, пусть наследники выкупаютъ. Но, душа моя, бѣдная душа моя! что съ нею будетъ?—Великій я грѣшникъ!—

— Успокойтесь, любезный другъ; сказалъ баронетъ. Милосердіе Господа безпредѣльно. Вѣдь не можетъ же быть у васъ на душѣ какихъ-нибудь особенно тяжелыхъ грѣховъ; а не то она уже давно была бы предана чорту.

— Не поминайте его! вскричалъ, въ ужасѣ, Фрогморъ, у меня на душѣ болѣе грѣховъ, чѣмъ вы думаете. Ахъ, другъ мой! лукавъ я былъ, лукавъ! очень лукавъ! Пошлите, скорѣе, за пасторомъ и отнесите меня въ постель. Я чувствую, что умираю. Онъ былъ поднятъ съ дивана двумя лакеями и перенесенъ въ его комнату. Когда его уносили, онъ просилъ все общество помолиться за него. Вотъ вамъ примѣръ во мнѣ, добавилъ онъ. Я умираю, въ веснѣ моей жизни, скошенный подобно полювому цвѣтку. Отпусти вамъ Богъ, сэръ Томъ, что у васъ подають на столъ такіе ядовитые грибы!»

Едва его унесли изъ комнаты, какъ баронетъ залаялъ истерическимъ смѣхомъ, къ которому присоединилась большая часть общества. Но мы едва могли убѣдить добрую хозяйку не ходить объяснять больному, что пока онъ спалъ, докторъ унесъ его кафтанъ и велѣлъ его перешить поуже, и что разстройство желудка произошло отъ антимонія, подлитаго въ вино, которое, онъ выпилъ, вечеромъ, вмѣсто противоядія.

Она боялась, чтобы онъ дѣйствительно не умеръ отъ страха; но баронетъ божился, что онъ вовсе не такой цыпленокъ, и проживетъ еще долго, на бѣду своимъ сосѣдямъ. Убѣдясь, что этотъ человѣкъ точно не заслуживалъ особеннаго состраданія и уваженія, мы предоставили баронету потѣшаться до сыта. Больному дали питье изъ морскаго лука, чтобы ускорить дѣйствіе антимонія, замедленное при-

нятымъ имъ на ночь опиумомъ. Когда дѣйствіе лекарства прекратилось, докторъ приказалъ снова уложить больного въ постель. Пощупавъ у него пульсъ, онъ объявилъ, что большая часть яда уже вышла, далъ ему лекарство и успокоилъ его, сказавъ, что надѣется на его выздоровленіе. Фрогморъ принялъ эту вѣсть съ слезами радости, и сталъ увѣрять, что если онъ выздоровѣетъ, то никогда не забудетъ, что обязанъ жизнію искусству и нѣжнымъ попеченіямъ доктора. Онъ съ жаромъ пожалъ ему руку. Вслѣдъ за этимъ, мы ушли, чтобы дать ему успокоиться.

Насъ очень убѣждали остаться обѣдать, чтобы сдѣлать насъ свидѣтелями полного выздоровленія судьи. Но мистеръ Брэмблъ непремѣнно желалъ уѣхать по утру, чтобы за-свѣтло доѣхать до города. Леди Бельфордъ повела насъ однако въ садъ, показать намъ только что вырытый прудъ для рыбы; мистеръ Брэмблъ замѣтилъ, что онъ слишкомъ близокъ къ дому. Баронетъ оставался дома и дремалъ въ большомъ креслѣ, отдыхая отъ утреннихъ трудовъ; ноги его, обернутыя фланелью, покоились на стулѣ. Вдругъ дверь распахнулась съ страшнымъ шумомъ; въ комнату вбѣжалъ Лисмагаго, со всѣми признаками ужаса на лицѣ:—«Вѣшенная собака! вѣшенная собака!» закричалъ онъ, и стремительно отворивъ окно, выскочилъ въ садъ. Пробужденный крикомъ, сэръ Томъ проснулся, вскочилъ съ кресла и, позабывъ о подагрѣ, стремглавъ бросился вслѣдъ за Лисмагаго, увлекаемый инстинктомъ самосохраненія.

Онъ не только выпрыгнулъ изъ окна, съ легкостью серны, но добѣжалъ до середины пруда, прежде нежели успѣлъ опомниться. Тутъ капитанъ принялся кричать:

— Боже, спаси насъ! сохрани бѣднаго джентльмена!—Осторожнѣй ступайте, любезный сэръ! берегитесь! — Одѣяло! теплое одѣяло!—Согрѣйте его бѣдные члены! — Нагрѣйте постель въ зеленой комнатѣ!

Леди Бельфордъ стояла какъ пораженная громомъ, и все общество не могло прійти въ себя отъ изумленія. Слуги суетились вокругъ баронета и отвесли его снова въ комнаты, прежде нежели онъ отворилъ ротъ, чтобы сказать что нибудь. Его немедленно укутали одѣялами и фланелью, напоили теплымъ и снова привели въ *status quo*. Служанка принялась тереть ему ноги и, мало по малу, веселое расположеніе духа снова къ нему возвратилось. Мы всѣ послѣдовали за нимъ, въ комнату; прійдя въ себя, онъ пристально поглядѣлъ на каждого изъ насъ, съ комическимъ выраженіемъ лица; потомъ остановилъ взглядъ на Лисмагаго, подносящаго ему свою табакерку. Сэръ Томъ, молча, взялъ щепоть табаку. «Сэръ Томъ Бельфордъ, началъ капитанъ, позвольте мнѣ поблагодарить васъ, за всѣ ваши милости ко мнѣ; я стелъ долгомъ, хоть частію, оплатить вамъ за нихъ, тою же монетою.» «Вашу руку, капитанъ!» вскричалъ баронетъ. Вы уплатили мнѣ капиталъ съ процентами и даже съ избыткомъ, который беру въ свидѣтели все общество, не останется за мною въ долгу.» Сказавъ это, онъ отъ души засмѣялся.

ся, и, кажется, остался очень доволенъ возмездіемъ, произведеннымъ надъ его собственною особою. Но за то леди Бельфордъ оставалась очень серьёзна; она, замѣтно, находила, что капитанъ зашолъ уже слишкомъ далеко въ своей мести, не принимая въ уваженіе, что мужъ ея человекъ больной. Но надо помнить поговорку: люби кататься, люби и саночки возить.

Я видѣлъ одного ручного медвѣдя, очень занимательнаго, когда съ нимъ обращались умѣючи, но чрезвычайно опаснаго, когда его слишкомъ мучили, на потѣху зрителей. Лисмагаго полагалъ, что испугъ и холодная ванна, производятъ благопріятное дѣйствіе на здоровье больного; но докторъ опасался, чтобы вслѣдствіе такого потрясенія подагра не бросилась изъ ногъ на болѣе жизненныя части тѣла. Я былъ бы очень огорченъ, еслибы это опасеніе осуществилось. На прощанье веселый баронетъ сказалъ Тебитъ, чтобы она не обошла его раздачею свадебныхъ цвѣтовъ, такъ какъ женихъ ея былъ обязанъ ему случаемъ показать свое остроуміе. Однако я сильно боюсь, чтобы наиболѣе пострадавшимъ отъ продѣлокъ баронета, не оказался мой дядя. Здоровье его не такъ то легко выносить ночныя тревоги. У него, въ продолженіе цѣлаго дня, была дрожь и зѣвота, а вечеромъ онъ отказался отъ ужина.

Я полагаю, что завтрашній день мы не будемъ продолжать пути, такъ какъ, мы теперь находимся въ очень удобномъ мѣстѣ. Въ такомъ случаѣ, у тебя будетъ день отдыха отъ преслѣдованій

3 октября.

Д. Мельфорда.

Къ миссъ Мерв Джонсъ, въ Врэмблтонъ-Голь.

Милая Молли, миссъ Лидди взялась отправить мое письмо въ своемъ пакетѣ, до Глосестера; а оттуда оно будетъ доставлено къ тебѣ съ нарочнымъ. Скоро ли Богъ донесетъ насъ до Монмуспайра? Миѣ уже по горло надоѣла бродячая жизнь. Правда говорится: вѣкъ живи, вѣкъ учишь. Ахъ, дѣвушка! чего я только не наглядѣлась и не наслушалась! Только, право, ни на что нельзя положиться въ свѣтѣ! Кто бы подумалъ, что миссъ Тэбби, послѣ всѣхъ стараній, приложенныхъ о ея душѣ, отдастъ грѣху свое бѣдное тѣло? что она полюбитъ такое воронье пугало, какъ Лисмагаго, стараго, какъ Маеусалъ, тощаго, какъ сеledка, и бѣднаго, какъ голодный песъ! О Молли! еслибы ты видѣла его, когда онъ спускался съ лѣстницы, въ одной рубахѣ, и такой короткой, что еле до колѣнъ доходила! Молодой эсквайръ называетъ его донъ-Кивотомъ; но онъ скорѣе похожъ на Кредокъ-Моргана, странствующаго мѣдника, котораго, повѣсили въ Абергени, за то, что укралъ кострюлю. Къ тому же онъ совершенный язычникъ, какъ говорятъ мистеръ Клинкеръ, и всегда насмѣхается надъ новымъ ученіемъ и надъ возрожденіемъ благодатью. Я думаю у него столько же воспитанія, сколько и денегъ; онъ учтиваго слова не скажетъ, а ужъ—чтобы подарилъ когда что нибудь, — объ этомъ и не думай. А важничаетъ, какъ будто онъ всѣхъ лучше! Ну какая порядочная женщина, въ такихъ лѣтахъ, какъ миссъ Тэбби, стала бы кричать, и плакать, и рвать на себѣ

волосы изъ-за такого голыша? Вотъ ужъ , словно какъ въ пѣснѣ поется:

Много дастъ тотъ за орла,
Кто дрожитъ за воробья.

А ужъ это не спроста , вѣрно онъ приворожилъ её къ себѣ какимъ-нибудь шотландскимъ зельемъ. Что касается до меня, то я полагаюсь во всемъ на Бога, и зашла только въ юбку себѣ соли съ тминомъ; мистеръ Клинкеръ говоритъ, что если я буду преуспѣвать въ вѣрѣ, то мнѣ нечего бояться злого духа. А ужъ что я знаю, то при себѣ держу. Если миссъ Тэбби выйдетъ за Лишмагаго, то я ей болѣе не горничная. Слава Богу , мѣсть довольно ; а если я еще терплю, то... но не въ этомъ дѣло. У мистриссъ Вейнардъ горничная получаетъ двадцать фунтовъ въ годъ, кромѣ подарковъ, и одѣвается ужъ за то словно барыня. Я обѣдала съ нею и съ камердинеромъ. У этого золотые позументы на кафтанѣ и парикъ напудренный. Только обѣдъ былъ невзрачный; у нихъ люди живутъ на своихъ хлѣбахъ. Отъ стола намъ досталось только —кусочекъ пашкета, да немного бламанже. У меня потомъ слѣбалась рѣзь въ желудкѣ; и счастье еще, что у миссъ Тэбби были съ собою капли.

А ужъ это у насъ, я увѣрена, парочка ; у нихъ ужъ очень далеко заходить и я вижу какъ они перемигиваются. Только не я, конечно, буду болтать о господскихъ секретахъ ; а дойдетъ дѣло до свадьбы,—мы потанцуемъ. Миссъ Лидди тоже, я думаю, не была бы прочь, еслибы явилось ея сокровище; а вдругъ бы тебѣ пришлось и у меня быть свадебной подругой... Но все это только однѣ предположенія, моя милая. Я дала слово мистеру Клинкеру, что никогда не отдамъ своего сердца ни мужчине, ни женщине, ни ребенку, никому. Надѣюсь пить еще въ этомъ мѣсяцѣ за твое здоровье, октябрьское пиво, въ Брэмблтонъ-Голѣ. Вели , пожалуйста , взбивать каждый день мою постель и отворять окно въ комнатѣ , когда на дворѣ сухо. А въ людской вели протапливать , чтобы матрацы просохли. У насъ оба лакея простудились , оттого что спали , въ домѣ мистера Бельфорда, на сырыхъ постеляхъ. На этотъ разъ довольно. Поклонись отъ меня Сэлли и всѣмъ.

4 октября.

У. Дженкинсъ.

Къ миссъ Летиціи Уиллсъ, въ Глосестеръ.

Милая Летти, хотя я не получаю отъ тебя отвѣтовъ на мои письма, но все же возможность писать тебѣ, по временамъ, даетъ большое облегченіе моей грусти и свѣтитъ для меня радостнымъ лучемъ.

Впрочемъ, такое наслажденіе дружбы далеко не полно, потому что не представляетъ взаимнаго обмѣна довѣренности и совѣтовъ. Я отдала бы всё на свѣтѣ , чтобы пробыть съ тобою хоть одинъ день. Мнѣ ужъ надоѣла эта кочующая жизнь ; постоянное мельканіе въ глазахъ новыхъ предметовъ производитъ на меня какое-то одуряющее дѣйствіе. Къ тому же нельзя сдѣлать такого большого пути, не подвергаясь различнымъ неудобствамъ, опасностямъ и неприятно-

стиль, которыя сильно дѣйствуютъ на нервы такого слабого созданія какъ я, и заставляютъ меня удовлетворять дорогою цѣною моему любопытству.

Природа создала меня вовсе не для свѣтскаго шума. Я стремлюсь къ тишинѣ и уединенію, гдѣ я могла бы пользоваться безкорыстной дружбою, которой не найдешь среди свѣтской толпы, и предаваться сладкимъ мечтамъ, разлетающимся отъ шума и суеты. Какъ ни мала моя опытность въ жизни, но я довольно видѣла, чтобы получить отвращеніе къ такъ называемому большому свѣту. Въ немъ столько злобы, обмана, притворства, даже между самыми искренними друзьями, что каждая честная душа должна прійти въ ужасъ. Если порокъ на одну минуту сходитъ со сцены,—на его мѣсто вступаетъ бозуміе; но бозуміе такого рода, что внушаетъ не смѣхъ, а жалость.

Мнѣ слѣдовало бы, можетъ быть, умалчивать о слабостяхъ моей тетушки; но отъ тебя, милая Летти, у меня нѣтъ тайнъ. Къ тому же эти слабости такого рода, что не могутъ остаться скрыты. Съ той самой минуты какъ мы пріѣхали въ Ватъ, тетушка начала разсказывать сѣти всѣмъ мужчинамъ; и вотъ наконецъ, встрѣчаетъ она одного ветхаго капитана, который готовъ дать ей свое имя. Дядя и братъ не имѣютъ, повидимому, ничего противъ этого необыкновеннаго брака, который, я увѣрена, послужитъ неистощимымъ предметомъ разговора и смѣха. Но что до меня касается, то я слишкомъ хорошо знаю свои собственные слабости, чтобы смѣяться надъ слабостями другихъ. У меня теперь лежитъ на сердцѣ забота и я захожусь въ величайшемъ страхѣ и ожиданіи.

Вчера утромъ, въ то время какъ я стояла съ братомъ у окна гостиницы, гдѣ мы остановились, мимо нея проѣхалъ всадникъ, въ которомъ я, (къ ужасу моему) тотчасъ же узнала Вильсона. На немъ былъ свѣтлый камзолъ, застегнутый до самаго подбородка; лицо его было блѣдно и онъ ѣхалъ быстро рысью. Насъ онъ, кажется, вовсе не замѣтилъ, да и не могъ замѣтить сквозь оконныя жалюзи. Можешь себѣ вообразить, что я почувствовала при этомъ видѣ; у меня потемнѣло въ глазахъ и сдѣлалась такая дрожь, что я не могла устоять на ногахъ. Я сѣла на диванъ и силилась скрыть отъ брата свое волненіе; но не было возможности скрыться отъ его проникательныхъ глазъ. Онъ замѣтилъ смутившій меня предметъ и, нѣтъ сомнѣнія, узналъ его съ перваго же взгляда. Вросивъ на меня строгій взглядъ, онъ выбѣжалъ на улицу, чтобы посмотреть въ какую сторону поѣхалъ несчастный молодой человекъ. Потомъ онъ отправилъ своего слугу сдѣлать дальнѣйшія изслѣдованія и, казалось, задумалъ какой-то страшный планъ. Такъ какъ дядя нездоровъ, то мы остались въ этой гостиницѣ и на слѣдующую ночь; и Джерри весь день пылливо слѣдилъ за мною. Онъ съ такимъ вниманіемъ наблюдалъ за каждымъ моимъ взглядомъ, какъ будто хотѣлъ проникнуть въ самые сокровенные изгибы моей души. Конечно, всё это можно бы приписать заботѣ о моей чести, если бы оно не было скорѣе

побужденіемъ его гордости ; къ тому же , онъ до такой степени горячъ и неумолимо упрямъ , что одинъ взглядъ его бросаетъ меня въ ужасъ . Признаюсь , не долго устоять моя любовь къ нему , если онъ не перестанетъ меня такимъ образомъ преслѣдовать . Боюсь не замышляетъ ли онъ какой-нибудь мести , которая сдѣлаетъ меня навѣкъ несчастною . Онъ вѣрно подозрѣваетъ , что прїѣздъ Вильсона имѣетъ какую нибудь , извѣстную мнѣ цѣль . Великій Боже ! онъ ли это былъ ? или только тѣнь , только духъ его , возвѣщающій мнѣ о его смерти ?

Летти , что мнѣ дѣлать ? Къ кому обратиться за совѣтомъ и утѣшеніемъ ? — Просить ли мнѣ защиты у дяди , который , всегда ко мнѣ такъ добръ и ласковъ ? Нѣтъ , это я сдѣлаю уже въ крайнемъ случаѣ ; я страшусь одной мысли обезпокоить его , и перенесу скорѣе тысячу смертей , чѣмъ сдѣлаюсь причиною раздора въ семьѣ . Не могу постичь , что привело сюда Вильсона ; можетъ быть онъ ищетъ насъ , чтобы открыть свое настоящее имя и званіе : но онъ проѣхалъ , не останавливаясь и никого не спрашивая . Я теряюсь въ догадкахъ , и не могу сомкнуть глазъ , съ той минуты какъ его видѣла . Всю ночь меня волнуютъ разныя мысли и предположенія , такъ что спокойно я ни о чемъ не могу разсудить . Я и молюсь , и плачу , и вздыхаю . Если эта ужасная неизвѣстность продлится еще долѣе , я снова захвораю и встревожу всю семью . Я была бы рада лежать теперь въ гробу , если бы это угодно было Провидѣнію . Но долгъ мой — покоряться . Милая Летти , не осуждай меня за мою слабость , я едва могу писать отъ слезъ . А вѣдь если разсудить , еще вовсе не изъ чего такъ отчаяваться . Но ужъ такое я слабое , робкое созданіе .

Дядѣ , сегодня , слава Богу , получше . Онъ намѣренъ продолжать шутъ въ Валлисъ . Надѣюсь , что мы проѣдемъ черезъ Глосестеръ и эта надежда радостно улыбается моему сердцу . Я обвиню , наконецъ , мою обожаемую Летти и выскажу ей все , что наполняетъ мою душу . О Боже мой ! неужели такое счастье еще возможно для бѣдной , покинутой всѣми ,

4 октября .

Лиди Мельфордъ .

Къ сэру Уаткину Филиппсу , въ Оксфордъ .

Любезный Филиппсъ , вчера былъ очень странный случай , который , я увѣренъ , и ты найдешь такимъ же . Я стоялъ съ Лиди у окна , въ гостинницѣ , какъ вдругъ мимо насъ проѣхалъ , верхомъ , Вильсонъ . Ошибиться я не могъ , потому что видѣлъ его прямо въ лицо , когда онъ подѣзжалъ . Сестра также узнала его ; я это тотчасъ замѣтилъ по ея волненію . Это явленіе и поразило , и разозлило меня ; я не могъ иначе истолковать его , какъ оскорбленіемъ , если не чѣмъ нибудь худшимъ . Выбѣжавъ за ворота , я видѣлъ какъ Вильсонъ повернулъ за уголъ улицы ; я тотчасъ отправилъ моего слугу наблюдать за его дальнѣйшими движеніями ; но тотъ опоздалъ и не могъ удовлетворить меня . Онъ сказалъ мнѣ , однако , что въ концѣ города есть гостинница , называемая «Краснымъ Львомъ» , въ

которой всадникъ, вѣроятно, и остановился. Но далѣе онъ не разузнавалъ, не получивъ на это моего приказанія. Я немедленно послалъ его обратно, разузнать кто были прїѣзжіе въ этой гостинницѣ и, возвратясь, онъ объявилъ мнѣ, что туда только что прїѣхалъ какой-то мистеръ Вильсонъ. Этому мнѣ было довольно. Я отправилъ къ нему слугу съ запиской, въ которой назначилъ ему свиданіе на полѣ, за городомъ, прося захватить съ собою пистолеты, чтобы разрѣшить наше несогласіе, оставшееся нерѣшоннымъ при нашей послѣдней встрѣчѣ. Я не считалъ за нужное подписывать своего имени. Слуга мой объявилъ мнѣ, по возвращеніи, что отдалъ письмо въ руки джентльмена и что, прочитавъ его, онъ сказалъ, что будетъ ждать въ назначенный часъ, на назначенномъ мѣстѣ.

Такъ какъ Мельпигъ старый солдатъ и, къ счастью, не былъ въ это время пьянъ, то я открылъ ему свою тайну. Я приказалъ ему слѣдовать за мною и находиться по близости; потомъ, вручивъ ему письмо къ дядѣ, на случай несчастія, я отправился на мѣсто свиданія. Оно произошло на огороженномъ полѣ, не вдалекѣ отъ большой дороги. Я нашелъ уже своего противника на мѣстѣ; на немъ былъ темный плащъ и шляпа съ опущенными на глаза полями. Но каково же было мое удивленіе, когда онъ сбросилъ плащъ и я увидалъ передъ собою совершенно незнакомаго мнѣ человѣка! Онъ былъ готовъ къ дѣлу и держалъ въ рукѣ пистолеты; другой находился у него за поясомъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ мнѣ на встрѣчу, онъ спросилъ готовъ ли и я. Я сказалъ что нѣтъ, и пожелалъ объясниться. Тогда онъ обратилъ свой пистолетъ дуломъ къ землѣ и засунувъ его за поясъ, приблизился ко мнѣ. Я сталъ объяснять ему, что онъ вовсе не то лицо, которое я ожидалъ встрѣтить. «Очень можетъ быть,» сказалъ онъ, но письмо было адресовано на имя мистера Вильсона, а такъ какъ въ гостинницѣ никто, кромѣ меня, не назывался этимъ именемъ, то я, разумѣется, принялъ вызовъ на свой счетъ. Я далъ ему понять, что имѣю дѣло до одного лица, которое называетъ себя тѣмъ же именемъ, и что я видѣлъ это лицо, незадолго передъ тѣмъ, проѣхавшимъ верхомъ мимо оконъ дома, гдѣ я находился; узнавъ потомъ, что въ гостинницѣ Краснаго Льва остановился джентльменъ, называющій себя мистеромъ Вильсономъ, я полагалъ, что это долженъ быть тотъ самый и написалъ ему письмо. Я выразилъ ему свое удивленіе, что онъ рѣшился принять вызовъ, но давъ себѣ труда сколько нибудь объяснить это дѣло. Онъ возразилъ, что во всемъ краю нѣтъ другаго Вильсона и что никто не прїѣзжалъ послѣ него въ гостинницу Краснаго Льва. Какъ человѣкъ военный, онъ не считалъ возможнымъ отклонить подобнаго предложенія, отъ кого бы оно ни явилось, а объяснять, предварительно, дѣло долженъ былъ не онъ, а тотъ, кто сдѣлалъ ему вызовъ. Какъ я ни былъ огорченъ этимъ приключеніемъ, но не могъ не удивляться хладнокровію этого офицера; его прямоту сильно предубѣждало меня въ его пользу. На видъ ему казалось лѣтъ около сорока; онъ былъ очень просто одѣтъ и имѣлъ черные, отъ природы вьющіеся волосы.

Онъ очень добродушно принялъ мои извиненія въ томъ, что я его

напрасно потревожилъ, и сказалъ, что живетъ въ десяти миляхъ отъ мѣста, гдѣ мы находились, на маленькой фермѣ, гдѣ онъ можетъ дать мнѣ довольно удобное пристанище, если я прїѣду на нѣсколь-ко недѣль съ нимъ побхотиться; тогда, добавилъ онъ, намъ можетъ быть удастся отыскать человѣка, до котораго я имѣю дѣло. Я отъ души поблагодарилъ его за любезное приглашеніе, сказавъ, что на этотъ разъ, не могу имъ воспользоваться, такъ какъ ѣду съ моимъ семействомъ. Мы разстались, давъ другъ другу взаимное увѣреніе въ прїязни и уваженіи.

Теперь скажи, что мнѣ думать объ этомъ приключеніи? Кто былъ проѣхавшій всадникъ? живой ли человѣкъ, или привидѣніе? Полагать ли мнѣ, что Лиди болѣе знаетъ объ этомъ, нежели сознается? Если бы я могъ думать, что она имѣетъ тайныя сношенія съ этимъ негодяемъ, я въ ту же минуту потерялъ бы къ ней всякую любовь и постарался бы забыть, что она одной со мною крови. Но возможно ли, чтобы такая наивная, неопытная дѣвушка, живущая подъ такимъ надзоромъ, и ежедневно мѣняющая мѣстопробываніе, сьумѣла поддерживать подобныя сношенія? Къ тому же, она такъ торжественно общалась—нѣтъ, невозможно, чтобы она была такъ низка, такъ равнодушна къ чести своего имени. Но меня болѣе всего беспокоитъ впечатлѣніе, которое произвелъ на неѣ этотъ случай. По этимъ признакамъ надо полагать, что этотъ бездѣльникъ до сихъ поръ властвуетъ ея сердцемъ. Я имѣю полное право давать ему это названіе и подозрѣвать его въ подлыхъ намѣреніяхъ; ужъ конечно я не прощу себѣ, если не заставлю его когда нибудь въ нихъ раскаться. Признаюсь, я не могу думать, не только писать объ этомъ, не выходя изъ себя отъ негодованія. Въ заключеніе, скажу тебѣ, что мы надѣемся быть въ Валлисѣ въ концѣ этого мѣсяца. Но, конечно, ты до того еще услышишь о твоёмъ

4 октября.

Д. Мельфордъ.

Къ сэру Уаткину Филлипсу, въ Оксфордъ.

Посылая тебѣ мое послѣднее письмо, я никакъ не думалъ, что мнѣ придется такъ скоро снова надѣяться тебѣ. Но сердце мое такъ переполнено чувствами, что я не могу не излить ихъ, хотя и предвижу, что отъ волненія, въ письмѣ моемъ не будетъ ни связи ни смысла. Сегодня мы были на волосъ отъ потери нашего благороднаго дяди, вслѣдствіе одного проклятаго случая, который я постараюсь описать тебѣ. Проѣзжая полями, чтобы выѣхать на большую дорогу, мы должны были переѣхать рѣку. Я и другіе, кто были вер-хами, переправился безъ малѣйшей опасности и затрудненія; но такъ какъ въ ту ночь и поутру шелъ сильный дождь, то за мельничною плотиною скопилось чрезмѣрно много воды и въ ту самую минуту, когда карета проѣзжала мимо плотины, какъ нарочно прорвался одинъ изъ шлюзовъ. Вода хлынула съ страшною быстротою и залила карету, отнесла еѣ въ самую середину рѣки. Я, Лисагаго и двое слугъ тотчасъ соскочили съ лошадей и бросились въ воду, чтобы подать возможную помощь. Тетушка успѣла уже на половину

выгнать изъ окна кареты и женихъ высвободилъ ее совершенно; но неизвестно, поскользнулся ли онъ, или ноша была слишкомъ тяжела, только они оба стали тонуть, находясь въ объятіяхъ другъ друга. Онъ силился подняться, старался вырваться изъ ея рукъ, но она наслѣла ему на шею, какъ мельничный жерновъ (недурное сравненіе съ пріятностями брака), и, не подоспѣвъ къ нимъ на помощь мой слуга, сама влюбленная чета отправилась бы, рука объруку, въ царство тѣней. Но въ ту минуту я былъ слишкомъ занятъ, чтобы думать о нихъ. Поймавъ за волосы сестру, я вытащилъ её на берегъ и только въ ту минуту узналъ, что дядя еще не отысканъ. Я снова бросился въ рѣку и наткнулся на Клинкера, который тащилъ на берегъ миссъ Дженкинсъ, походившую на русалку, съ распущенными волосами. Но когда я спросилъ Клинкера о его господинѣ, онъ оттолкнулъ отъ себя миссъ Дженкинсъ, которой пришлось бы захлебнуться, еслибы её не спасъ подоспѣвшій работникъ съ мельницы, и съ быстротою молніи, бросился обратно, къ каретѣ, которая была уже полна водою; онъ сталъ шарить въ ней и, захвативъ бѣднаго эсквайра, вытащилъ его уже безъ всякихъ признаковъ жизни. Не могу тебѣ изобразить, что я почувствовалъ при этомъ грустномъ зрѣлищѣ; это была такая ѣдкая горестъ, для которой нѣтъ словъ. Вѣрный Клинкеръ, схвативъ тѣло на руки, какъ будто это былъ шестимѣсячный ребенокъ, понесъ его на берегъ, испуская горестные вопли; я послѣдовалъ за нимъ, не помня себя отъ отчаянія. Мы положили его на траву и стали откачивать; у него хлынула изъ рта вода и, немного погодя, онъ открылъ глаза и глубоко вздохнулъ. Усмотрѣвъ эти признаки жизни, Гэмфри тотчасъ перевязалъ ему руку повязкой и, схвативъ лошадиннй ланцетъ, прорѣзалъ жилу. Но крови вышло всего нѣсколько капель, руку принялись растирать и кровь пошла наконецъ обильно. Дядя произнесъ нѣсколько безсвязныхъ словъ; это были самыя сладкіе звуки, какіе когда либо слышало мое ухо. Неподалеку находилась гостинница, хозяинъ которой пришелъ съ людьми къ намъ на помощь. Мы перенесли туда дядю; раздѣли и уложили въ постель, укутавъ теплыми одеялами. Но тепло подѣйствовало на него слишкомъ быстро; онъ снова впалъ въ забытѣе и лежалъ безъ чувствъ и движенія, не смотря на всѣ хлопоты Клинкера, который теръ ему виски венгерскою водою и давалъ нюхать спиртъ. Слыхавши когда-то, что въ подобныхъ случаяхъ помогаетъ соль, я велѣлъ собрать её всю, сколько ея было въ домѣ, и положить ему подъ голову и подъ тѣло. Это ли средство подѣйствовало, или сама природа взяла верхъ, — только менѣе чѣмъ черезъ четверть часа, онъ началъ правильно дышать и пришелъ наконецъ совершенно въ себя, къ неописанной радости всѣхъ присутствующихъ. Клинкеръ былъ какъ помѣшанный: онъ хохоталъ, плясалъ такимъ безумнымъ образомъ, что хозяинъ гостинницы поступилъ благоразумно, уведя его изъ комнаты. Когда дядя замѣтилъ мое мокрое платье, ему тотчасъ объяснилось всё происшедшее; онъ спросилъ всѣ ли спасены, и, успокоенный на этотъ счетъ, настоялъ, чтобы я переменялъ платье. Потомъ онъ выпилъ немного теплаго вина и попро-

силъ, чтобы его оставили успокоиться. Прежде чѣмъ войти переодѣться, я освѣдомился объ остальныхъ членахъ нашей семьи. Я нашелъ Тэбби почти помѣшавшеюся отъ страха и выпускающею обильнымъ фонтаномъ проглоченную ею воду. Капитанъ поддерживалъ ей голову, между тѣмъ какъ у самого у него съ парика струилась вода. Тутъ же находилась и миссъ Дженкинсъ, въ разстегнутой рубахѣ, безъ чепца и безъ платка; но она, казалось, обращала, въ эту минуту столь же мало вниманія на приличія, какъ и ея госпожа, и такъ же недовко вмѣшивалась съ своими услугами. Что касается до Лидди, то я думалъ, что бѣдная дѣвочка совсѣмъ лишилась разсудка. Добрая хозяйка гостинницы надѣла на нее сухое бѣлье и уложила въ постель; но ей пришло въ голову, что дядя ея погибъ, и она подняла отчаянный крикъ; я не могъ никакими увѣреніями заставить её повѣрить, что онъ живъ. Крики ея были услышаны мистеромъ Брэмблемъ, который, узнавъ о причинѣ ихъ, приказалъ привести ее къ нему въ комнату. Едва ей это сказали, какъ она бросилась къ нему, полуодѣтая, съ дикимъ выраженіемъ радости. Увидавъ его сидящимъ на постели, она кинулась къ нему на шею и и крѣпко обвила её руками. «Дядюшка! милый дядюшка! кричала она, какъ въ горячкѣ; — это вы? это точно вы?—отецъ мой!—другъ мой! Вы точно живы? — или это только сонъ?» Добрый Брэмбль былъ до того тронутъ, что не могъ удержать слезъ и горячо цѣловалъ её въ лобъ, приговаривая:

— Милая Лидди! Надѣюсь, я проживу еще на столько, чтобы доказать тебѣ какъ я цѣню твою любовь! Успокойся, дитя мое; пооди въ постель. Тебѣ нуженъ покой. «Хорошо, хорошо, пойду; отвѣчаюна. Но мнѣ все кажется, что я брежу. Карета была подъ водою; дядя былъ подъ всѣми нами. Великій Боже! дядя мой подъ водою! Какъ же вы спаслись? расскажите мнѣ; или я всё буду думать, что это сонъ.» «Какъ я спасся?—Это я столько же знаю, сколько и ты, дитя мое. Пусть прежде мнѣ самому это объяснять.» Я хотѣлъ рассказать ему всё подробности, но онъ не соглашался меня слушать, пока я не надѣну сухого платья. Я успѣлъ только сказать ему, что онъ обязанъ жизнью вѣрному Клинкеру и ушелъ изъ комнаты, увидя сестру.

Все это случилось съ нами часа въ три, послѣ обѣда, а не много погода, погода совершенно унялась. Но продолжать путь мы не могли, такъ какъ карета была очень повреждена и требовала значительныхъ починокъ. Для этого, тотчасъ послали въ ближайшій городъ за кузнецомъ и за колеснымъ мастеромъ; и мы должны были радоваться, что попали въ гостинницу, хотя и удаленную отъ большой дороги, но за то представлявшую намъ всё удобства.

Когда женщины совершенно успокоились, а мужчины отдохнули, дядя позвалъ къ себѣ Клинкера. Лисмагаго и я были при этой сценѣ. — «И такъ, Клинкеръ, обратился къ нему эсквайръ, тебѣ не угодно было, чтобы я познакомился съ рыбами. Говорать, ты рисковалъ жизнью, чтобы поймать меня:—за это ты имѣешь право на исъ деньги; которыя находились въ моихъ карманахъ. Вотъ онѣ.» Говоря это, онъ подаль ему кошелекъ съ тридцатью гинеями, и

перстень, стоявшій около той же цѣны. — «Сохрани меня Боже! вскричалъ Клинкеръ. Ваша милость извинить меня; хотя я и бѣдный человекъ, но всё же у меня есть сердце. — Ахъ! еслибъ ваша милость знала какъ я счастливъ видѣть... Благословенъ тотъ, кто избралъ меня своимъ орудіемъ. — А награды мнѣ не нужно. Я исполнилъ не больше, какъ свой долгъ въ отношеніи къ каждому изъ моихъ ближнихъ. Я сдѣлалъ бы тоже и для капитана, и для Эрчи Мекальпина, и для всякаго другаго грѣшнаго человекъ. А ужь для вашей милости и въ огонь, и въ воду.» — «Вѣрю, Клинкеръ, сказалъ эсквайръ. Но точно также какъ ты счелъ своимъ долгомъ рисковать своею жизнію для спасенія моей, и я считаю своимъ отблагодарить тебя за твою преданность и самоотверженіе. Прошу тебя принять этотъ небольшой затокъ моей благодарности; не думай, что я считаю его достаточнымъ за такую услугу: отнынѣ ты будешь имѣть тридцать фунтовъ въ годъ пожизненнаго дохода. Пусть вотъ эти господа будутъ свидѣтелями моего обѣщанія, которое уже отмѣчено въ моей памятной книгѣ».

— «Научи меня Боже выразить вамъ мою благодарность за такіа благодаренія! произнесъ Клинкеръ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ. Я былъ нищимъ отъ колыбели: ваша милость призрѣла меня нагого, — больного... покинутого... Повимаю вашъ взглядъ... я не хочу сердить васъ, но... сердце мое такъ переполнено!.. Если ваша милость не позволяетъ мнѣ говорить, то я пойду облегчить его молитвою за моего благодѣтеля.» Когда онъ ушелъ, Лисмагаю замѣтилъ, что онъ гораздо болѣе вѣрилъ бы въ его честность, еслибы онъ не такъ много плакалъ и молился; но что такіе плаксивые и набожные люди, сколько онъ замѣтилъ, въ душѣ всегда бываютъ лицемерами.

Мистеръ Врэмблъ ничего не сказалъ на это злобное замѣчаніе, показанное мстью за то, что простосердечный Клинкеръ поставилъ капитана на одну доску съ Мельшиномъ и со всѣми грѣшными людьми.

Мы призвали хозяина, чтобы распорядиться насчетъ нашего номера, и онъ объявилъ дядѣ, что весь домъ къ его услугамъ, но что, прочемъ, онъ не рассчитываетъ на честь видѣть насъ расположившимися въ его гостинницѣ. Онъ сказалъ намъ, что тутъ же, по близости, живетъ владѣлецъ помѣстья, который ни за что не потерпитъ, чтобы мы оставались на постояломъ дворѣ, когда онъ можетъ предложить намъ всѣ удобства у себя въ домѣ. Въ этотъ день онъ обѣдалъ гдѣ-то по сосѣдству, а не то, безъ сомнѣнія, уже давно явился бы предложить намъ свои услуги. Тутъ хозяинъ разсыпался въ похвалахъ этому джентльмену, у котораго онъ служилъ прежде двоюроднымъ, представляя его какимъ-то чудомъ великодушія и благооства.

Онъ описалъ его человекомъ чрезвычайно ученымъ и славившимся о всей странѣ умѣньемъ вести хозяйство. Жена его столь же достойная женщина, какъ и онъ самъ, и у нихъ есть сынъ, молодой человекъ, подающій большія надежды. Онъ только, что оправился отъ эрячки, грозившей гибелью всей семьѣ, такъ какъ, умри сынъ, родители не могли бы пережить его. Прежде нежели нашъ хозяинъ

уси́лъ окончить панегирикъ, мистеръ Деннисонъ явился самъ, на лицо. Онъ пріѣхалъ въ почтовомъ экипажѣ и первый взглядъ на этого человѣка вполне подтвердилъ все слышанное нами о немъ. Онъ уже очень преклонныхъ лѣтъ, но бодръ, свѣжъ и крѣпокъ; вся наружность его носитъ отпечатокъ свѣтлаго ума и прекрасной души. Выразивъ намъ свое соболѣзнованіе о постигнутой насъ бѣдѣ, онъ объявилъ, что явился съ цѣлю перевести насъ въ его домъ, гдѣ намъ будетъ гораздо удобнѣе, нежели въ этой бѣдной гостинницѣ и выразилъ надежду, что дамы не откажутся принять его экипажъ хотя до мѣста было не болѣе четверти мили. Дядя съ должною любезностью отвѣчалъ на это гостепріимное приглашеніе и, пристально взглядывшись въ лицо мистера Деннисона, спросилъ не былъ ли онъ студентомъ оксфордскаго университета.

— «Быль, отвѣчалъ тотъ, съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— «Всмотритесь же въ меня, сказала мистеръ Брэмбл; узнаете ли вы черты стараго товарища, съ которымъ не видались сорокъ лѣтъ?» Джентльменъ схватилъ дядю за руку. — «Клянусь честью вскричалъ онъ пристально глядя ему въ лицо;—вы мнѣ напоминаете Матью Лойдъ Клеморганъ, съ которымъ мы вмѣстѣ учились.» — «Это я и есть, любезный другъ, Чарльзъ Деннисонъ! сказалъ дядя, прижимая его къ груди: Матвѣй Лойдъ Клеморганъ стоитъ передъ тобою.» Въ эту минуту въ комнату входилъ Клинкеръ, неся въ каминъ уголья.

Услыхавъ слова дядя, онъ выронилъ ихъ изъ рукъ на ноги Лисмагаго и, запрыгавъ какъ обезумѣвшій, принялся кричать.—«Матью Лойдъ Глеморганъ!—О провидѣніе!—Матью Лойдъ Глеморганъ!» Потомъ обнявъ колѣна дяди, онъ продолжалъ:—Ваша милость! простите меня!—Матью Лойдъ Глеморганъ! О Боже! о сэръ!—Я не могу—я стума сойду!»—«Ты ужъ сошелъ, мнѣ кажется, сказалъ эсквайръ насмѣшливо. Успокойся, пожалуйста; что съ тобою?» Гэмфри принялся шарить за пазухою и вытащилъ оттуда старую, деревянную табакерку которую подаль дядѣ, трясаясь всѣмъ тѣломъ. Тотъ открылъ еѣ: въ ней лежали маленькая сердоликовая печать и двѣ бумаги. Бросивъ взглядъ на эти вещи, дядя вскочилъ, поблѣднѣлъ и быстро пробѣжалъ глазами бумаги.—«Какъ? что?—вскричалъ онъ; гдѣ онъ, тотъ который здѣсь названъ?» «Здѣсь, здѣсь, здѣсь! произнесъ Клинкеръ, ударяя себя въ грудь и едва имѣя духъ говорить: Вотъ онъ, Матью Лойдъ, названный въ этомъ свидѣтельствѣ. Гэмфри Клинкеръ былъ имя кузнеца, у котораго я находился въ ученьи.»—«Кто же вручилъ тебѣ это свидѣтельство?» съ жаромъ спросилъ дядя. — «Моя бѣдная мать, умирая.» — «Какъ ей было имя?» — «Доротей Туайфордъ, ваша милость, бывшая ключница въ Энджелъ-Чиппенгемъ.»—«За чѣмъ жэ эти свидѣтельства не были предъявлены ранѣе?» — «Мать говорила что она писала въ Глеморганшайръ, когда я родился, но не получила отвѣта. А впослѣдствіи, когда она наводила справки, въ графствѣ не оказалось особы этого имени.» — «Такъ значитъ, благодаръ переимѣннй моего имени и отъѣзду въ чужіе края, ты, и бѣдная мать твоя были преданы на жертву нищетѣ. Меня глубоко огорчаетъ

этот легкомысленный поступок моей молодости.» Дядя положил руку на голову Клинкера, и прибавил: — «Я признаю тебя, Матью Лойдъ. Видите, господа, какъ возстаютъ противъ меня грѣхи моей молодости. Вотъ это мой адресъ, написанный моею собственною рукою; это печать, оставленная мною у этой женщины, по ея просьбѣ; а вотъ это свидѣтельство въ крещеніи, выданное приходскимъ священникомъ».

Все общество дивилось странному открытію; мистрисъ Девнисонъ лукаво поздравлялъ батюшку и сына. Что касается до меня, то я отъ всего сердца жалъ руку своему новому кузену; а Лисмагаго поздравлялъ его, съ слезами на глазахъ; онъ только что передъ этимъ прыгалъ по комнатѣ, охая и ругаясь на чистѣйшемъ шотландскомъ нарѣчій, отъ боли, причиненной опрокинутою ему на ноги корзиною съ угольями. Онъ клялся даже вытрясти душу изъ бездѣльника Клинкера; но увидя, что дѣла приняди такой неожиданный оборотъ, сталъ желать ему наслаждаться своимъ счастьемъ. Онъ увѣрялъ, что оно ему чрезвычайно близко къ сердцу, потому что едва ни лишило его большого пальца на ногѣ. Мистеръ Девнисонъ пожелалъ узнать, что побудило дядю переимѣнить имя, которое онъ носилъ въ Оксфордѣ. Мистеръ Брэмблъ удовлетворилъ его любопытству. — «Такъ какъ я наследовалъ имѣніе моей матери, въ Глеморганшайрѣ, то я принялъ имя ея, Лойдъ. Но достигнувъ совершеннолѣтія, я продалъ это имѣніе, чтобы очистить отъ долговъ отцовское и сталъ снова называться моимъ настоящимъ именемъ; такъ что теперь я Матью Брэмблъ, изъ Брэмблтонъ-Гола, въ Монмоуспайрѣ, къ вашимъ услугамъ. А это мой племянникъ, Иеронимъ Мельфордъ-Бельфильдъ, изъ графства Глеморганъ.» Онъ представилъ также свою сестру Тебиту и племянницу Лидди, вошедшихъ въ эту минуту въ комнату. Старый джентльменъ раскланялся съ ними очень привѣтливо и былъ, казалось, пораженъ видомъ моей сестры. Онъ глядѣлъ на неѣ съ какою-то неопредѣленнымъ выраженіемъ ласки и удивленія.

— «Сестра, сказала мистеръ Брэмблъ; вотъ тебѣ бѣдный родственникъ, который проситъ твоего расположенія. Извѣстный тебѣ Гэмфрѣ Клинкеръ превратился въ Матью Лойдъ и молить о чести быть признаннымъ твоимъ кровнымъ племянникомъ. Однимъ словомъ, этотъ молодецъ — вѣтвь, насажденная мною въ тѣ времена, когда кровь была горяча и страсти одолевали.» Клинкеръ опустился на одно колѣно передъ Тебитою. Та косо поглядѣла на него, въ волненіи обмахиваясь вѣеромъ; но, послѣ нѣкотораго колебанія, подала ему поцѣловать свою руку и сказала, обращаясь къ брату, съ женственною стыдливостью: — «Какъ ты дурно велъ себя, Мэтъ; надѣюсь, что ты еще успѣешь покаяться въ своихъ грѣхахъ. Надо сознаться, что признанный тобою молодой человекъ имѣетъ гораздо болѣе вѣры, нежели ты, со всею твоею земною ученостью и дурными побужденіями. Я нахожу въ немъ фамильныя черты: глаза напоминаютъ дядюшку Лойда Флюнтвеллина; и носъ то же заостренный, какъ у него. А подбородокъ совсѣмъ какъ у губернатора; такой же длинный. Мэтъ, если ты уже переимѣнилъ его имя, то переимѣни и одеж-

ду; нельзя же носить либрею человѣку, у котораго въ жилахъ течетъ твоя кровь.» Лидди чрезвычайно радовалась этому приращенію семьи. Она взяла Гэмфри за руку, объявляя, что всегда съ гордостью признаетъ своимъ родственникомъ такого добродѣтельнаго человѣка, столько разъ доказывавшаго свою преданность и любовь къ ея дядѣ. Миссъ Дженкинсъ сильно волновалась, не зная радоваться ли ей этому открытію или горевать, такъ какъ оно могло отнять у нея возлюбленнаго.—«Поздравляю васъ, мистеръ Клинкеръ — то есть—Флойдъ, хотѣла я сказать, хи, хв, хи!» произнесла она насмѣшливо. «Теперь ужъ вы загордитесь и глядѣть не захотите на насъ, темныхъ людей, хи, хи, хи!» Честный Клинкеръ сказалъ на это, что онъ благоговяетъ свое счастье, превзошедшее всѣ его ожиданія,—«но чѣмъ же мнѣ гордиться?—прибавилъ онъ,—мнѣ, жалкому созданью, зачѣмъ во грѣхѣ, рожденному въ страданіяхъ, вскормленному въ приходскомъ пріютѣ и воспитанному въ кузницѣ? Если я когда нибудь загоржусь, миссъ Дженкинсъ, то пропу васъ напомнить мнѣ въ какомъ видѣ вы впервые увидали меня, между Чипенгемомъ и Мерльборо».

Пока это важное дѣло улаживалось къ общему удовольствію, погода прояснилась и мы отправились всѣ нѣшкомъ къ мистеру Деннисону, такъ какъ дамы отказались отъ экипажа. Прийдя на мѣсто, мы нашли уже приготовленный чай, около котораго хлопотала хозяйка, почтенная и милая дама, встрѣтившая насъ самымъ искреннимъ радушіемъ. Домъ выстроенъ на старинный ладъ и неправильно, но помѣщеніе въ немъ очень удобно. Шагахъ во ста отъ южнаго фасада, протекаетъ рѣчка, а на сѣверъ отъ дома, возвышаются холмы, покрытые растительностью. Луга и аллея содержатся въ отличнѣйшемъ порядкѣ и повсюду раскидываются живописные, сельскіе виды. Я еще не видалъ хозяйскаго сына; онъ въ гостяхъ у своего друга, по сосѣдству, и возвратится не ранѣе завтрашняго дня.

Такъ какъ отсюда отправлялся человѣкъ въ городъ, на почту, то я и воспользовался случаемъ описать тебѣ приключенія этого дня; надѣюсь, что онѣ довольно замѣчательны; а подаются тебѣ онѣ прямо изъ печи, самыя горячія.

Твой

Д. Мельфордъ.

Къ доктору Льюнзу.

Любезный Дикъ, съ тѣхъ поръ, что я писалъ вамъ произошло множество разнообразныхъ приключеній. Нѣкоторыя изъ нихъ весьма странны и я оставляю ихъ про запасъ, для нашихъ будущихъ бесѣдъ; но и другія такъ же замѣчательны и я расскажу вамъ ихъ, не откладывая.

Да будетъ вамъ извѣстно, что можно было бы поставить тысячу фунтовъ противъ одного пенса, что вы, вмѣсто того, чтобы читать теперь мое письмо, будете приводить въ исполненіе мое духовное завѣщаніе. Дня два тому назадъ наша карета была опрокинута среди быстрой рѣчки и я обзавъ своимъ спасеніемъ единственно присутствію

духа и ловкости моего вѣрнаго Клинкера. Но это еще не самое замѣчательное. Вышеупомянутый Гэмфри Клиниеръ оказывается Матью Лейдомъ, побочнымъ сыномъ, можетъ быть неистиннаго вамъ Матью Лойда Глеморганъ.

Такъ вотъ какъ, докторъ; не смотря на всю вапу философію, оказывается, что мы, вальдѣйцы, не безъ причины приписываемъ такую силу голосу крови. Но мы потолкуемъ въ другой разъ объ этомъ предметѣ.

Это еще не единственное открытіе, къ которому привела меня случившаяся съ нами бѣда. Намъ посчастливилось найти себѣ гостепріимное убѣжище. Лицо, которое намъ его дало, никто иной какъ Чарльзъ Деннисонъ, нашъ бывший оксфордскій товарищъ. Теперь мы, какъ нельзя удобнѣе, помѣщаемся въ домѣ этого джентльмена, достигшаго вершины мирнаго, сельскаго счастья, о которомъ я тѣлово вздыхаю цѣлые двадцать лѣтъ. Богъ благословилъ его сожителницею, характеръ которой вполне соответствуетъ его собственному, то есть любящей, доброй и великодушный. Кромѣ того она надѣлена замѣчательнымъ умомъ, твердостью и разсудительностью; однимъ словомъ, можетъ, во всѣхъ отношеніяхъ, служить ему другомъ, советникомъ и помощникомъ. Эти отличные люди имѣютъ девятнадцатилѣтняго сына, именно такого, какимъ Провидѣніе могло дополнить мѣру ихъ благополучія. Теперь у нихъ только и есть одна, единственная забота: счастье этого обожаемаго существа.

Старый другъ нашъ, имѣвшій несчастье быть младшимъ братомъ, предназначался къ юриспруденціи и уже вступилъ было въ званіе адвоката; но онъ вскорѣ созналъ, что ему не отличиться на этомъ поприщѣ, къ которому онъ не имѣлъ ни малѣйшаго призванія. Онъ возстановилъ противъ себя отца, женившись по любви, безъ всякихъ денежныхъ расчетовъ, и былъ принужденъ существовать, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, одними служебными доходами, дававшими ему очень скудные средства. Между тѣмъ, семья грозила увеличиться и это заставляло его сильно призадумываться надъ своимъ положеніемъ. Около этого времени умеръ его отецъ, и состояніе перешло въ руки старшаго сына, смыслившаго кое-что только въ собакахъ, да въ охотѣ. Онъ пренебрегалъ дѣлами; обижалъ и угнеталъ слугъ и въ нѣсколько лѣтъ совершенно раззорилъ свое имѣніе. Къ счастью онъ вскорѣ былъ пристукнутъ горячкою, вслѣдствіе развратной жизни. Братъ его Чарльзъ немедленно рѣшился, съ согласія жены, выйти въ отставку и поселиться въ деревнѣ, хотя его отъ этого отговаривали всѣ, къ кому онъ обращался за совѣтомъ. Люди, знакомые съ деревенскою жизнью, представляли, что ему придется проживать тамъ вдвое, нежели можетъ дать его имѣніе; что для поддержанія своего званія, ему будетъ необходимо держать лошадей, экипажи, собакъ и подобающее число слугъ, да кромѣ того давать пышные обѣды сосѣдямъ; что умѣнье вести хозяйство есть тайна, доступная только тѣмъ, кто къ этому предназначался отъ самой колыбели; такъ какъ для этого недостаточно знанія и охоты, а необходимы еще глубокое соображеніе и разсчетливость, къ которымъ джентльменъ не можетъ

быть способенъ. Всѣ утверждали, что онъ вскорѣ и самъ найдетъ гораздо болѣе выгоднымъ покупать кормъ для скота, живность, яйца зеленъ и даже до самыхъ мельчайшихъ потребностей хозяйства, на рынокъ, нежели разводить всѣ эти предметы дома.

Всѣ эти доводы не испугали однакоже Деннисона; они основывались на предположеніи, что онъ будетъ вести расточительную, свѣтскую жизнь, которую и онъ и жена его ненавидѣли и дали слово себѣ неувлекаться ею. Единственною цѣлью было—пользоваться здоровьемъ, спокойствіемъ и мирнымъ счастьемъ домашней жизни, не возмущаемой постояннымъ страхомъ разоренія и нищеты. Потребности ихъ были очень умѣренны и даже очень не взыскательны, въ отношеніи жизненныхъ удобствъ; имъ былъ нуженъ только чистый, здоровый воздухъ, прозрачная вода, пріятныя прогулки, свѣжая пища, удобное жилище и приличная одежда. Деннисонъ разсуждалъ, что если простой поселянинъ, неимѣющій никакихъ свѣдѣній или особенной врожденной сообразительности, находитъ средство содержать большую семью и даже богатѣть, съ одной арендованной земли, за которую обязанъ еще платить двѣсти, или триста фунтовъ помѣщику, то самъ помѣщикъ, который ничего не обязанъ уплачивать, а напротивъ еще получитъ триста, или четыреста фунтовъ въ годъ, безъ сомнѣнія ужъ можетъ рассчитывать на успѣхъ. Онъ зналъ, что земля—щедрая мать, равно надѣляющая всѣхъ своихъ дѣтей. Онъ съ жаромъ и любовью изучилъ теорію сельскаго хозяйства и не предполагалъ, чтобы практика представляла какія нибудь особыя задачи, которыхъ невозможно было бы разрѣшить стараніемъ и трудомъ. Онъ разсчиталъ до малѣйшихъ мелочей сколько ему необходимо на содержаніе дома, и убѣдился, что всѣ выводы его друзей совершенно ложны. Выходило, что онъ сбережетъ до шестидесяти фунтовъ съ одного содержанія дома, не считая другихъ мелкихъ издержекъ; что уже одна говядина стоитъ въ деревнѣ на тридцать процентовъ дешевле чѣмъ въ Лондонѣ; а живность и другіе припасы, дешевле чѣмъ на половину. Къ этому слѣдовало присоединить экономію на аренду, такъ какъ въ деревнѣ можно было освободиться отъ стѣснительнаго и нелѣпаго господства моды, придуманнаго бездѣльемъ и принятаго глупостью.

Что касается до того, чтобы тягаться за богачами въ пышности обѣдовъ и экипажей, то этого ему и въ голову не приходило. Ему въ то время было уже за сорокъ лѣтъ, и проживъ половину этихъ лѣтъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ обществомъ, онъ успѣлъ хорошо изучить людей. Ничто не можетъ быть презрѣннѣе человѣка, который, съ пятьюстами фунтовъ дохода, таянется за сосѣдомъ, имѣющимъ въ пять разъ болѣе. Такое глупое тщеславіе служитъ только къ тому, чтобы разительнѣе выказать бѣдность такого господина, возбуждая въ постороннихъ любопытство изслѣдовать его средства и черезъ то подвергая его всеобщему осужденію. Нѣтъ ни одной семьи въ графствѣ, ни одного слуги въ его собственномъ домѣ, ни одного поселенна въ приходѣ, которому бы не были извѣстны, до послѣдняго фартинга, доходы съ его земель, и потому каждый смотритъ на не-

госъ презрѣніемъ и жалостью. Удивляюсь, какъ эти разсужденія не приходятъ въ голову людямъ, ставящимъ себя въ это неловкое положеніе? Впрочемъ, извѣстно, что зло всѣхъ человѣческихъ страстей—тщеславіе, сильнѣе всего помрачаетъ разсудокъ; мало того, оно развращаетъ его до такой степени, что заставляетъ стремиться къ позору и находить удовольствіе въ томъ, чтобы носить клеймо безчестія.

Я успѣлъ только представить вамъ очеркъ характера и положенія мистера Деннисона, относящійся къ тому времени, когда онъ поселился въ деревнѣ. Дальнѣйшія подробности я откладываю до слѣдующаго раза.

Вашъ навсегда

8 октября.

М. Брэмблѣ.

Къ доктору Льюизу.

Вотъ я снова принимаюсь за перо, чтобы поболтать съ вами, любезный Льюизъ. Утромъ, на другой день послѣ нашего переѣзда сюда, я прогуливался съ мистеромъ Деннисономъ, и восторгался восхитительными картинами, разстилавшимися у меня передъ глазами. Въ особенности мнѣ нравились группы деревьевъ, дававшихъ дому зашиты и украшеніе.

«Когда двадцать два года тому назадъ, заговорилъ онъ, я вступилъ во владѣніе этими мѣстами, тутъ не было ни одного дерева, на милю вокругъ дома, исключая стараго сада, въ которомъ только и было что трава, да мохъ. Пріѣхалъ я сюда во время мрачныхъ, ноябрьскихъ дней и нашелъ домъ въ такомъ положеніи, что его можно было по справедливости назвать обителью мрака и опустошенія. Дворъ поросъ крапивою и репейникомъ, а ужъ садъ до такой степени одичалъ, что я ничего подобнаго не видывалъ. Оконныя ставни отвалились; стекла повывились, а въ трубахъ развели гнѣзда галки и совы. Внутренній видъ былъ еще печальнѣе. Повсюду была темнота, сырость и неописанная грязь. Дождь во многихъ мѣстахъ проникалъ сквозь крышу; въ иныхъ комнатахъ полы прогнили отъ сырости; обои отстали и висѣли по стѣнамъ; зеркала выпадали изъ рамъ; фамильные портреты скрылись подъ слоями пыли, и вся мебель была поломана и поѣдена молью. Въ цѣломъ домѣ не было ни одной годной постели, кромѣ старинной машины, съ вызолоченнымъ балдахиномъ и желтыми занавѣсами. Эта кровать, со всѣми своими принадлежностями, служила семьѣ, сколько мнѣ извѣстно, въ продолженіе двухъ столѣтій. Хозяйственныхъ принадлежностей не оказалось никакихъ, кромѣ кухонной посуды, а въ погребѣ находились двѣ пустыя бочки да нѣсколько дюжинъ бутылокъ, изъ которыхъ такъ страшно воняло, что я не прежде сталъ употреблять ихъ, какъ промывши ихъ порохомъ, чтобы вывести изъ нихъ гниль.

Однимъ словомъ, я нашелъ домъ совершенно необитаемымъ; кладовыя, конюшни, всѣ службы представляли однѣ развалины; всѣ заборы были поломаны и поля запущены.

Фермеру, у котораго были ключи отъ дома, и во снѣ не снилось, что я намѣренъ поселиться въ немъ. Онъ платилъ за аренду шестьдесятъ фунтовъ; въ это время срокъ ей только-что кончился. Онъ питалъ надежду сдѣлаться управляющимъ дома и пользоваться имъ и всею принадлежащею къ нему землею. Мнѣ намекнулъ объ этомъ приходскій священникъ, при моемъ прїѣздѣ; я не обратилъ вниманія на то, что этотъ арендаторъ наговорилъ мнѣ, съ цѣлю отвратить меня отъ намѣренія поселиться въ этой странѣ; но меня нѣсколько озадачило, когда онъ сказалъ мнѣ, что намѣренъ отказаться отъ аренды, если я значительно не сбавлю съ нея наемной платы.

Около этого времени, я познакомился съ однимъ лицомъ, дружба котораго положила основаніе моему благосостоянію. Мнѣ случилось обѣдать въ гостинницѣ ближняго городка, съ мистеромъ Вильсономъ, недавно поселившимся въ сосѣдствѣ. Онъ служилъ лейтенантомъ на кораблѣ и, наскучивъ моремъ, вышелъ въ отставку и женился на единственной дочери богатаго фермера Бленда, живущаго въ здѣшнемъ приходѣ. Вильсонъ одинъ изъ лучшихъ людей какихъ я только знавалъ: умный, прамодупный, благородный и обязательный. Ему понравилась бесѣда со мною, а я былъ восхищенъ его открытымъ характеромъ; между нами завязалось знакомство, которое вскорѣ перешло въ неразрывную дружбу. Вильсонъ ввелъ меня въ домъ своего тестя; Фермеръ Блендъ имѣлъ подробнѣйшее понятіе о каждомъ акрѣ моей земли и потому могъ дать мнѣ неоцѣненные совѣты. Онъ похвалилъ мое намѣреніе, узнавъ, что я рѣшаюсь поселиться въ деревнѣ и былъ готовъ съ любовію заняться моимъ хозяйствомъ. Онъ объяснилъ мнѣ, что всѣ мои земли отданы по низкой цѣнѣ; что въ имѣніи можно сдѣлать большія улучшенія; что въ сосѣдствѣ множество извести, и моя собственная земля даетъ превосходный рухлякъ для удобренія. Что касается до земли, отъ которой грозилъ отказаться мой арендаторъ, то Блендъ сказалъ, что охотно возьметъ еѣ по прежней платѣ, но въ то же время откровенно сознался, что она могла бы стоить вдвое дороже, еслибы я пожертвовалъ двумястами фунтами на окопку полей.

Поощренный такими свѣдѣніями, я принялся безъ отлагательства приводить въ дѣло мой планъ и по горло увязъ въ издержкахъ, хотя не имѣлъ никакого капитала, а всё имѣніе давало не болѣе трехъ сотъ фунтовъ дохода. Черезъ недѣлю, домъ мой былъ защищенъ отъ дождя и непогодъ и вычищенъ отъ основанія до крыши; потомъ его освѣжили, продержавъ, нѣсколько времени настежь всѣ двери и окна, и топя всѣ печи, отъ кухни до чердаковъ. Полы были починены; стекла вставлены; и изо всей старой мебели выбрана самая порядочная, для приличной обмѣлировки трехъ комнатъ и зала. Дворъ былъ очищенъ отъ крапивы и репейника и другъ мой Вильсонъ взялъ на себя трудъ устроить мой садъ. Плотники и каменщики работали надъ кладовыми и конюшнями; а другіе работники окапывали и огораживали поля, подъ присмотромъ Бленда, который рекомендовалъ мнѣ надежнаго человѣка для присмотра за домою и безпрерывнаго поддерживанія огня въ печахъ, по всѣмъ комнатамъ.

Принявъ всѣ эти мѣры, я вернулся въ Лондонъ, гдѣ немедленно приступилъ къ продажѣ моихъ вещей а черезъ три недѣли послѣ моего перваго визита въ деревню, привезъ туда мою жену, встрѣтить Рождество. Я боялся, что въ это мрачное время года, пустынность мѣста и раззоренный видъ нашего жилища заставятъ упасть духомъ мою жену, при такомъ быстромъ переходѣ отъ столичной жизни къ глухому уединенію. Но къ великой моей радости она нашла все гораздо лучше, чѣмъ ожидала по моимъ описаніямъ. Впрочемъ, къ этому времени всѣ уже замѣтно улучшилось: дворовыя пристройки возстали изъ развалинъ; мистеръ Вильсонъ привелъ также въ порядокъ мой садъ и позаботился о птичьемъ дворѣ, имѣющемъ теперь весьма оживленный видъ. Вообще, весь домъ походилъ на человѣческое лице. Фермеръ Блендъ припасъ корову для моей семьи и простую, верхову лошадь для слуги, чтобы было на чемъ посылать въ городъ на рынокъ. Я взялъ къ себѣ, для отправленія этой должности, деревенскаго парня, а въ служанки нанялъ дочь одного работника. Кухарку жена моя привезла изъ Лондона. Таковъ былъ составъ моего дома, въ то время, какъ я расположился въ здѣшней странѣ, имѣя въ карманѣ всего триста фунтовъ, сбереженныхъ отъ продажи лишнихъ вещей. Я зналъ что на день намъ хватаетъ довольно занятій; но боялся длинныхъ зимнихъ вечеровъ; однако оказалось, что и они не угрожали особенной скукой. Священникъ нашъ, одинокій человѣкъ, вскорѣ такъ привыкъ къ нашей семьѣ, что почти безвыходно былъ у насъ; человѣкъ онъ былъ пріятный и полезный. Очень скромный и тихій нравомъ, образованный и ученый, онъ могъ дать мнѣ множество полезныхъ свѣдѣній по части сельскаго хозяйства, съ которыми мнѣ необходимо было ознакомиться. Мистеръ Вильсонъ привелъ къ намъ свою жену и она такъ полюбила мистриссъ Деннисонъ, что, по ея словамъ, для нея небыло выше удовольствія, какъ съ нею бесѣдовать. Въ то время это была веселая, свѣжая бабѣнка, чрезвычайно смѣтливая и почти столь же добродушная, какъ и мужъ ея, Джекъ Вильсонъ; между нею и моею женою вскорѣ возникла дружба, которая продолжается и донынѣ.

Что касается до Джека, то это былъ мой постоянный товарищъ, совѣтникъ и помощникъ; я не взялъ бы ста фунтовъ за то, чтобы вы оставили мой домъ, не увидавъ его. Джекъ обладаетъ обширнымъ умомъ и замѣчательными способностями; онъ отличный плотникъ, столяръ, токарь, мѣдникъ и кузнецъ. Онъ не только наблюдаетъ за всемъ хозяйствомъ, но и за моими личными занятіями. Онъ учитъ меня варить пиво, изготовлять цидру, медъ и всякія наливки. Онъ знаетъ всѣ возможныя игры, отъ шахматовъ до дурачковыхъ; славно поетъ; играетъ на скрипкѣ и мастерски пляшетъ шотландку. Мы съ нимъ гуляемъ, ѣздимъ верхомъ, охотимся, ловимъ рыбу, не обращая вниманія ни на какія непогоды; а я убѣжденъ, что въ такомъ сыромъ и холодномъ климатѣ какъ англійскій, движеніе человѣку столь же необходимо, какъ и пища. Въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ, наша дружба съ семействомъ Вильсона не помрачалась ни единымъ облачкомъ и, по особенному счастью, она продолжается и между на-

шими дѣтьми. Его и мой сынъ почти ровесники; они вмѣстѣ воспитывались въ одномъ училищѣ и горячо любятъ другъ друга. По рекомендаціи Вильсона, я познакомился съ однимъ умнымъ врачомъ, живущимъ въ мѣстечкѣ; у него есть сестра, милая пожилая дѣвушка. При такой обстановкѣ я съ жаромъ принялся за хозяйство и въ первую же зиму насадилъ вокругъ дома вотъ эти деревья, которые вамъ такъ нравятся. Что касается до сосѣдней знати, то съ начала пріѣзда я мало о ней заботился; пока я селлся въ деревнѣ, она переселилась въ городъ; а лѣтомъ я принялъ мѣры, чтобы предохранить себя отъ ея нашествій. Если къ моимъ воротамъ подъѣзжалъ блестящій экипажъ,—меня никогда не было дома: скромныхъ же посетителей я принималъ, и, смотря по наблюденіямъ надъ ихъ умомъ и характеромъ, поддерживалъ, или прекращалъ знакомство съ ними. Высшій кругъ вообще пренебрегалъ мною, какъ человѣкомъ низкимъ и по положенію, и по воспитанію. Однако, нашлось нѣсколько не очень богатыхъ людей, которые позаимствовались моимъ примѣромъ и стали жить подобно мнѣ, а нѣкоторые другіе охотно присоединились бы къ нашему обществу, еслибы не гордость и не чванство ихъ женъ и дочерей, этихъ подводныхъ скалъ, о которыя разбиваются всѣ небольшія состоянія, въ наши времена роскоши и мотовства.

Я оставилъ для себя, около дома, нѣсколько яровъ земли, чтобы сдѣлать опыты земледѣлства по методамъ Лилля, Теля, Гарта, Дигмеля и другихъ, писавшихъ по этому предмету; теоріи ихъ я провѣрилъ практическими наблюденіями фермера Бленда, который былъ моимъ главнымъ учителемъ въ дѣлѣ сельскаго хозяйства. Вскорѣ я совсѣмъ влюбился въ деревенскую жизнь и удачи мои превзошли ожиданія. Я осушалъ болота; выжигалъ верескъ, полоть папоротникъ и дрокъ; садилъ кустарники, которые непременно разрастались. Мало по малу, я огородилъ всѣ пашни и сдѣлалъ такіа улучшенія, что теперь мое имѣніе приноситъ мнѣ тысячу двѣсти фунтовъ чистаго дохода. Все это время, мы съ женою наслаждались полнѣйшимъ здоровымъ и веселымъ расположеніемъ духа, исключая весьма немногихъ случаевъ, когда наше спокойствіе возмущалось неизбѣжными въ жизни случайностями. Я потерялъ двоихъ дѣтей, умершихъ въ дѣтствѣ, отъ оспы; такъ что теперь у меня всего одинъ сынъ, на которомъ сосредоточились всѣ наши надежды. Вчера онъ уѣхалъ къ другу, у котораго ночевалъ; но къ обѣду вернется. Я буду имѣть удовольствіе представить его сегодня вамъ и вашему семейству и льщу себя надеждою, что вы найдете его достойнымъ вашего расположенія.

Дѣйствительно, если меня не ослѣпляетъ родительское пристрастіе, то у этого юноши пріятный характеръ, хотя, не смотря на то, поведеніе его причинило намъ много тревогъ. Надо вамъ сказать, что мы имѣли въ виду женить его на дочери одного джентльмена изъ сосѣдняго графства, которая, по всѣмъ вѣроятностямъ, должна наследовать значительное состояніе; но сынъ мой имѣлъ видимое отвращеніе отъ этого брака. Въ то время онъ находился въ Кэмбриджѣ и придумывалъ всевозможныя проволочки. Когда же я и мать его

стали настаивать въ нашихъ письмахъ, чтобы онъ далъ положительный отвѣтъ, онъ улизнулъ отъ своего дядки и скрылся неизвѣстно куда. Это случилось мѣсяцевъ восемь тому назадъ. Передъ побѣгомъ, онъ написалъ ко мнѣ письмо, гдѣ излагалъ свое отвращеніе отъ брака и объявилъ, что будетъ скрываться до тѣхъ поръ, пока не убѣдится, что родители избавляютъ его отъ жены, которая сдѣлала бы его на всю жизнь несчастнымъ. Онъ просилъ извѣстить его объ этомъ чрезъ газеты, прилагая форму извѣщенія, которая дала бы ему понять наши чувства на счетъ этого предмета.

Легко можете вообразить какъ насъ встревожилъ и опечалилъ этотъ побѣгъ. Онъ даже не намекнулъ о немъ товарищу своему, Чарльзу Вильсону, находившемуся въ одномъ съ нимъ училищѣ. Однако, мы рѣшились наказать его умышленнымъ пренебреженіемъ, надѣясь, что онъ вернется по собственному побужденію. Но онъ твердо сдержалъ слово до тѣхъ поръ, пока молодая особа не избрала себѣ другаго мужа; тогда только онъ явился сюда и примирился съ нами, чрезъ посредничество Вильсона. Хорошо бы намъ съ вами породниться, женивъ его на вашей племянницѣ! Я еще не встрѣчалъ болѣе милого созданія, какъ эта дѣвушка. Жена полюбила еѣ какъ родную дочь; а я имѣю предчувствіе, что сынъ мой влюбится въ неѣ съ перваго же взгляда.»

— «Ничто не могло бы быть пріятнѣе для всей нашей семьи, сказалъ я; но я долженъ чистосердечно объявить вамъ, любезный другъ, что я боюсь, незанято ли сердце Лиди кѣмъ нибудь другимъ. Есть одно проклятое препятствіе».

— «Глосестерскій актеръ? — сказалъ онъ, прерывая меня. Васъ удивляетъ, что я объ этомъ знаю; но вы еще болѣе удивитесь, когда я скажу вамъ, что это былъ никто иной, какъ мой сынъ, Джоржъ Деннисонъ; онъ взялся за это ремесло, чтобы лучше скрыться отъ насъ».

— «Неужели? вскричалъ я; дѣйствительно, я удивленъ и обрадованъ. Я неизрѣченно счастливъ; теперь вашъ планъ можетъ осуществиться».

Онъ рассказалъ мнѣ, что сынъ его, возвратясь въ родительскій домъ, открылъ ему свою страсть къ миссъ Мельфордъ, племянницѣ мистера Брэмбля изъ Монмоусхайра. Хотя мистеръ Деннисонъ и не предвидѣлъ, что это никто иной, какъ Матью Лойдъ, однако далъ сыну свое благословеніе. Тотъ ѣздилъ въ Батъ, въ Лондонъ и въ другія мѣста, отыскивая насъ, чтобы открыть свое званіе и намѣренія. Безуспѣшные поиски повергли его въ такое отчаяніе, что, тотчасъ по возвращеніи, онъ опасно заболѣлъ горячкою, повергшю его родителей въ невыразимое горе и страхъ. Теперь онъ поправился, но еще слабъ и продолжаетъ грустить.

Вскорѣ къ намъ присоединился Джорри, и я передалъ ему всѣ эти обстоятельства. Онъ былъ чрезвычайно радъ и сказалъ, что будетъ всѣми силами содѣйствовать этому браку. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ обнять молодаго Деннисона, какъ брата и какъ друга. Отецъ его отправился, между тѣмъ, къ женѣ, сказать, чтобы она приготовила

Лидди къ этому открытію, такъ какъ неожиданность могла слѣшкомъ сильно подѣйствовать на ея слабыя нервы. Я, съ своей стороны, пошелъ сообщить обо всемъ Тэбби, которая выразила нѣкоторое удивленіе, полагаю, не безъ примѣси зависти. Хотя и нечего было возражать противъ такой выгодной и приличной партіи, однако сестра медлила давать свое согласіе, ссылаясь на молодость и неопытность влюбленной четы. Но, наконецъ, и она сдалась, по совѣту капитана Лисмагаго.

Мистеръ Деннисонъ поспѣшилъ на встрѣчу сыну, когда тотъ подъѣхалъ къ дому, и не давъ ему времени разузнать отъ людей о вѣщахъ, сказалъ ему, всходя съ нимъ по лѣстницѣ, что ему предстоитъ познакомиться съ мистеромъ Лойдъ и съ его семействомъ. Первая особа, попавшаяся ему на глаза, въ комнатѣ, была Лидди, трепетавшая отъ смущенія, не смотря на то, что была приготовлена. При этомъ видѣ, молодой человѣкъ остановился, какъ бы прикованный къ мѣсту. Онъ гладѣлъ на неѣ, пламенѣя отъ изумленія и счастья. — «Великій Воже! что это?—вскричалъ онъ.—Какъ!...» Рѣчь его оборвалась, но глаза говорили краснорѣчивѣе всякихъ словъ. — «Джоржъ, сказалъ ему отецъ, — вотъ это старинный другъ мой, мистеръ Лойдъ». Онъ вздрогнулъ и обернулся въ мою сторону.

— «Любезный мистеръ Джоржъ, сказалъ я, обвиняя его, еслибы вы открыли мнѣ вашу тайну при нашемъ послѣднемъ свиданіи, мы разстались бы въ лучшихъ отношеніяхъ». Прежде нежели онъ успѣлъ отвѣтить, вошелъ Джерри и приблизился къ нему съ отверстыми объятіями. Въ первую минуту онъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ; но немного погодя, бросился къ нему на шею и они обнялись, какъ будто съ дѣтства были лучшими друзьями. Послѣ этого, Джоржъ раскланялся съ Тебитою и приблизился къ Лидди. — «Точно ли меня не обманываетъ зрѣніе? сказалъ онъ. Миссъ Мельфордъ подъ кровомъ моего отца! и я смѣю говорить съ нею никого не оскорбляя! и родные ея почтили меня своимъ расположеніемъ!» Лидди краснѣла, дрожала, заикалась. — «Дѣйствительно, сэръ, говорила она, это очень странно.... Очень удивительно.... Это Провидѣніе. Я не знаю, право, что вамъ сказать.... но.... но.... я прошу вѣрить, что я очень рада».

Имъ помогла мистриссъ Деннисонъ. — «Успокойтесь, дѣти мои, сказала она; ваше взаимное счастье будетъ теперь нашею первою заботою.» Сынъ сталъ цѣловать у нея руку, а Лидди взяла другую и смочила еѣ слезами. Добрая леди прижимала ихъ, каждаго по очереди, къ своей груди. Вскорѣ сцена еще болѣе оживилась приходомъ Джека Вильсона, явившагося, по обыкновенію, съ подстрѣленною имъ дичью. Одна его честная, открытая наружность уже располагала въ его пользу. Я встрѣтился съ нимъ какъ съ добрымъ другомъ, послѣ долгой разлуки и не мало удивился, видя, что они съ Джерри жмутъ другъ у друга руки, какъ старые знакомые. Но оказалось, что они дѣйствительно уже встрѣчались; это произошло за нѣсколько дней до того, вслѣдствіе одного, страннаго случая, о которомъ расскажу при свиданіи. Въ тотъ же вечеръ произошло совѣщаніе, въ отно-

иені нашихъ влюбленныхъ и бракъ былъ окончательно утвержденъ. Все условія на счетъ этого, были приняты безъ малѣйшихъ возраженій. Племянникъ и я положили дать за Лидди пять тысячъ фунтовъ. Мистеръ Деннисомъ объявилъ, что тотчасъ же уступаетъ сыну половину своего состоянія и назначаетъ своей невѣсткѣ четыреста фунтовъ вдовой пенсіи. Тэбби предложила было, чтобы, по случаю ихъ молодости, подвергнуть ихъ годичному испытанію, прежде нежели соединить неразрывно; но молодой человекъ былъ слишкомъ нетерпѣливъ и настойчивъ. Мы рѣшили, что такъ какъ молодая чета будетъ жить въ домѣ у родителей и подъ ихъ надзоромъ, то можно, не откладывая, упрочить ея счастье.

Законъ требуетъ, чтобы помолвленные прожили нѣсколько недѣль въ одномъ приходѣ, и потому мы рѣшились остаться здѣсь, до совершенія брачной церемоніи. Лисмагаго желаетъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и въ слѣдующее воскресенье ихъ всѣхъ четверыхъ объявлять помолвленными. Едва ли мнѣ удастся поэтому провести Рождество съ вами, въ Врэмблтонъ-Голѣ. Впрочемъ, мнѣ такъ хорошо здѣсь, что я и не хочу уѣзжать. Я заранѣе предвижу, что разлука будетъ для всѣхъ насъ чрезвычайно тягостна. По всѣмъ этимъ причинамъ мы будемъ съ благодарностью наслаждаться покуда счастьемъ, которое ниспосылаетъ намъ Небо. Зная какъ связываютъ васъ ваши обязанности, я не смѣю и надѣяться, любезный Льюизъ, видѣть васъ среди нашего кружка, хотя разстоянія отсюда до васъ всего на одинъ день ѣзды. Чарльзъ Деннисонъ поручаетъ напомнить вамъ о себѣ; онъ былъ бы очень радъ видѣть стараго товарища. Такъ какъ я теперь на прочной стоянкѣ, то надѣюсь получать отъ васъ аккуратные отвѣты.

Вашъ

11 октября.

М. Врэмбль.

Къ сэру Уаткину Филиппу, въ Оксфордъ.

Каждый день отмѣчается новыми событіями и открытіями, любезный Уатъ. Молодой Деннисонъ оказывается тѣмъ самымъ лицомъ которое я такъ долго ненавидѣлъ, подъ именемъ Вильсона. Онъ скрылся изъ кэмбриджскаго университета, чтобы избѣгнуть ненавистнаго ему брака, и вступилъ въ странствующую труппу, которой не оставлялъ до тѣхъ поръ, пока невѣста его не избрала себѣ другаго мужа. Тогда онъ вернулся къ отцу и открылъ ему свою любовь къ Лидди. Родители дали ему свое согласіе, хотя отецъ вовсе не воображалъ, что мистеръ Врэмбль не кто нибудь иной, какъ старый другъ его, Матью Лойдъ. Получивъ уполномочіе объявить свои честныя намѣренія мнѣ и дядѣ, молодой человекъ безуспѣшно отъискивалъ васъ по всей Англіи. Это былъ онъ, проѣхавшій верхомъ мимо гостиницы, когда я стоялъ съ Лидди у окна; но ему и не снилось, что мы такъ близко. Что же касается до настоящаго Вильсона, котораго я ошибкою вызвалъ на дуэль, то это сосѣдъ и закадычный другъ мистера Деннисона. Это близкое знакомство и подало мысль его сыну принять его имя, пока онъ скрывался.

Можешь вообразить какъ я былъ доволенъ, убѣдившись, что честь нашего имени не подвергалась опасности чрезъ поведеніе сестры, которую я такъ горячо люблю; что она отдала свое сердце не комедіанту, а достойному джентльмену, равному ей по званію, а состояніемъ даже превосходящему её. Когда я узналъ, что родители его утвердили его выборъ, я, съ радостью призналъ своимъ братомъ этого юношу, вполне достойнаго дружбы и уваженія. Можно сказать, что Джоржъ Деннисонъ одинъ изъ несовершеннѣйшихъ, молодыхъ людей, въ цѣлой Англіи. Наружность его изящна и мужественна; умъ, въ высшей степени образованъ. Не смотря на нѣкоторую гордость, душою онъ очень кротокъ, а обхожденіе его до такой степени привлекательно, что противъ него не устоятъ ни злоба ни равнодушіе. Когда я сравниваю его характеръ съ моимъ, мнѣ стыдно сознавать на его сторонѣ такой перевѣсъ; однако, къ этому сознанію нисколько не примѣшивается зависти; я ставлю его образцомъ для себя. Я всѣми силами стараюсь приобрѣсть его дружбу и, кажется, уже отчасти успѣлъ въ этомъ. Какъ, однако, грустно думать, что мы способны такъ нелѣпо судить о людяхъ, въ своемъ ослѣпленіи, происходящемъ отъ предковъ! Еслибы, напримѣръ, нѣсколько дней тому назадъ, ты попросилъ меня описать тебѣ актера Вильсона, какъ мало походило бы мое описаніе на истинный характеръ и личность Джоржа Деннисона!

Величайшая польза, какую приносятъ путешествія и наблюденія надъ человѣческимъ родомъ, это та, что онѣ разсѣваютъ нелѣпый туманъ предрасудковъ, помрачающій наши умственные способности, и мѣшающій намъ смотрѣть на вещи прямымъ и яснымъ взглядомъ.

Настоящій Вильсонъ—большой чудакъ и человѣкъ чрезвычайно пріятный и общежителный. Я думаю, онъ никогда отъ роду не сердился и не увывалъ. На ученость онъ не претендуетъ, но за то, мастеръ во всемъ, что можетъ быть названо полезнымъ, или пріятнымъ занятіемъ. Между прочими талантами, онъ отлично ѣздитъ верхомъ и считается лучшимъ стрѣлкомъ въ цѣломъ краю. Вчера мы всѣмъ обществомъ отправились на охоту и произвели большое опустошеніе между куропатками. Завтра намѣрены сдѣлать такой же набѣгъ на тетеревовъ и на бекасовъ. По вечерамъ мы танцуемъ, поёмъ, или играемъ въ карты.

Мистеръ Деннисонъ очень изящный поэтъ; онъ написалъ нѣсколько отрывочныхъ стихотвореній, гдѣ изливаетъ свою любовь къ Лиди. Такія произведенія могутъ сильно льстить женскому самолюбію. Легко можетъ быть, что Деннисонъ, одинъ изъ величайшихъ сценическихъ талантовъ, какіе когда либо существовали. Онъ декламируетъ намъ иногда любимые отрывки изъ нашихъ лучшихъ пьесъ. Мы намѣрены устроить театръ въ большихъ сѣняхъ и немедленно приступить къ разучиванію *Beaux Stratagèmes*. Я думаю ко мнѣ будетъ идти роль Скреба; а Лисмагаго будетъ неподражаемъ въ роли капитана Джиббета.

Составъ нашего общества восхитителенъ. Самъ мистеръ Лисмагаго значительно проявился; даже кислота миссъ Тэббъ превратилась въ сахаръ, впрочемъ не прежде, какъ съ той минуты, когда ей сказали, что она встанетъ подъ вѣнецъ прежде своей племянницы. Слѣдуетъ тебѣ сказать, что день свадьбы Лидди уже назначенъ и обѣ четы были уже одинъ разъ оглашаемы въ здѣшнемъ приходѣ. Капитанъ убѣдительно просилъ, чтобы свадебные хлопоты были покончены за одинъ разъ, и Тебита жеманно согласилась, заставивъ прежде себя упрасивать. Возлюбленный ея, прѣхавшій сюда въ весьма жалкомъ видѣ, написалъ въ Лондонъ о высылкѣ своихъ вещей, которыя, по всѣмъ вѣроятностямъ, подоспѣютъ уже послѣ свадьбы. Но это не важность, такъ какъ свадьбы будутъ сыграны самымъ семейнымъ образомъ.

Теперь готовятся свадебные контракты, очень выгодные для обѣихъ женщинъ. Лидди назначается очень значительная пенсія; а тетюшка желаетъ остаться полною распорядительницею своего состоянія, исключая половины доходовъ, которыми будетъ пожизненно пользоваться мужъ ея. Менѣе и нельзя сдѣлать для человѣка, который рѣшается связать себя неразрывными узами съ подобною спутницею жизни.

Всѣ наши парченныя кажутся такими счастливыми, что, право, будь у мистера Деннисона хорошенькая дочь, я присоединилъ бы третью пару къ этой кадрили. Тутъ есть что-то заразительное; и Клинкертъ, тоже, и нн вѣриѣе, Лойдъ, подумываетъ разыграть ту же штуку, съ миссъ Уиннфредъ Дженкинсъ. Онъ уже подѣзжалъ ко мнѣ съ этимъ, но я не одобрилъ его плана. Я объяснилъ ему, что онъ можетъ сдѣлать лучшую партію, тѣмъ болѣе, что онъ еще ничѣмъ не связалъ себя съ миссъ Дженкинсъ. Не извѣстно, что имѣетъ въ виду, на счетъ его, дядя, и я совѣтовалъ ему не сордить его въ настоящее время такимъ опрометчивымъ поступкомъ. Честный Гэмфри объявилъ мнѣ, что скорѣе умереть, нежели рѣшится разсердить эсквайра словомъ или дѣломъ; но онъ признался, что любитъ эту дѣвушку и имѣетъ поводъ думать, что и она къ нему расположена. Онъ считалъ эти взаимныя проявленія склонности молчаливо принятымъ обязательствомъ, котораго честный человѣкъ не можетъ нарушить, и былъ увѣренъ, что мы съ дядею будемъ того же мнѣнія, если дадимъ себѣ трудъ обстоятельнѣе вникнуть въ дѣло. Я думаю, онъ правъ; но мы еще успѣемъ сообразить его намѣреніе. Теперь мы остановились здѣсь на нѣсколько недѣль, и такъ какъ ты имѣлъ время отдохнуть, то, надѣюсь, уплатишь теперь долги твоему

14 октября.

Д. Мельфорду.

Къ миссъ Летиціи Уиллисъ, въ Глосестеръ.

О милая, милая Летти! Никогда не балась я за перо въ такомъ сильномъ волненіи. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, съ нами случилось столько неожиданныхъ и поразительныхъ вещей, что у меня въ головѣ перепутались всѣ мысли. Не ожидай же отъ письма моего

ни толка, ни послѣдовательности. Съ тѣхъ поръ, какъ я къ тебѣ писала въ послѣдній разъ, обстоятельства совершенно измѣнились. — и какъ измѣнились! — Но я попробую рассказать тебѣ обо всемъ подробно.

Съ недѣлю тому назадъ, у насъ опрокинулась карета, при перѣздѣ черезъ рѣку и нѣкоторые изъ насъ едва не погибли. Въ особенности жизнь дяди подвергалась страшной опасности. Боже мой! я не могу вспомнить объ этомъ безъ ужаса! Я рисковала лишиться лучшаго друга, отца, покровителя. Но онъ былъ спасенъ преданностью и присутствіемъ духа нашего вѣрнаго Клинкера, котораго, кажется, само Провидѣніе поставило подлѣ дяди для этого случая. Меня нельзя заподозрить въ суевѣріи, но всё же я убѣждена, что Клинкеромъ руководило не одно великодушіе, а какой-то особенный инстинктъ. Не сама ли природа и голосъ крови призывали его на спасеніе его роднаго отца? Представь себѣ, Летти, открывается, что Гэмфри Клинкеръ побочный сынъ моего дяди!»

Въ то же самое время, къ намъ является одинъ джентльменъ, съ предложеніемъ остановиться у него; оказывается, что это старинный другъ мистера Брэмбля. Имя ему—мистеръ Деннисонъ и это достойнѣйшій человекъ въ мірѣ; а жена его, совершенно святая женщина. У нихъ есть сынъ,—и какъ ты думаешь, Летти? кто этотъ сынъ? —Великій Боже! какъ у меня бьется сердце! Сынъ мистера Деннисона есть тотъ самый молодой человекъ, который покорилъ мое сердце, подъ именемъ Вильсона! Да, милая Летти, онъ самый! Теперь я живу съ Вильсономъ подъ одною кровлею и говорю съ нимъ сколько душѣ угодно. Отецъ его благосклонно смотритъ на его чувства ко мнѣ; мать, любитъ меня какъ родную дочь; ни дядя, ни тетушка, ни братъ не противятся болѣе нашей любви; даже, напротивъ, намѣрены, безъ отлагательства, соединить насъ. И такъ, недѣли черезъ три, или черезъ мѣсяцъ, если не встрѣтится непредвидимыхъ затрудненій, твой другъ, Лидія Мельфордъ, перемѣнитъ имя и положеніе. Я потому говорю «если не встрѣтится непредвидимыхъ затрудненій», что такой избытокъ счастья внушаетъ мнѣ страхъ. Воюсъ, нѣтъ ли чего либо обманчиваго въ этой внезапной благосклонности судьбы. Я не стою, не имѣю права на такое счастье. Въмѣсто того, чтобы глядѣть яснымъ взоромъ въ будущее, умъ мой находится въ самомъ тревожномъ состояніи, въ постоянной борьбѣ надеждъ и желаній, страха и сомнѣній. Я не могу ни ѣсть ни спать; я нахожусь въ постоянномъ волненіи. Болѣе чѣмъ когда либо, мнѣ нужно теперь твое присутствіе. Ничто такъ ни успокоиваетъ, какъ возможность излить свои чувства передъ вѣрнымъ другомъ; а меня постигло теперь такое испытаніе, котораго я не могу перенести безъ твоей помощи и совѣта. Милая Летти, докажи мнѣ твою дружбу, пріѣзжай, молю тебя, оказать твоей подругѣ послѣднія дѣвичьи услуги, передъ вѣнцомъ.

Это письмо отиравается въ пакетъ на имя нашей уважаемой воспитательницы. Мистриссъ Деннисонъ проситъ еѣ ходатайствовать передъ твоею мамашою, чтобы она осчастливила насъ, отпустивъ

тебя къ намъ на этотъ случай; надѣюсь, что на это не можетъ быть основательныхъ возраженій. Разстоянія отсюда до Глосестера, въ болѣе сотни миль, и дороги удобны. За тобою будетъ отправленъ, въ качествѣ проводника, мистеръ Клинкеръ, иначе Лойдъ. Если ты, въ сопровожденіи твоей горничной Бетси Баркеръ, сядешь въ почтовый экипажъ въ семь часовъ утра, то въ четыре, послѣ обѣда, будешь уже на половинѣ дороги, на хорошей станціи, гдѣ я и братъ будемъ ждать твоей встрѣчи; а на слѣдующій день мы будемъ уже дома. Я увѣрена, что тебѣ понравится наше общество. Милая Летти, я не жду отказа, если только ты имѣешь ко мнѣ хоть сколько нибудь дружбы. Надѣюсь, что ты упросишь свою мамашу, и какъ только она позволитъ, поспѣшишь къ твоей

14 октября.

Лидіи Мельфордъ.

Къ мистриссъ Джерминъ, въ Глосестеръ.

Милостивая Государыня,

Хотя я и не имѣла счастья получить отвѣта на письмо, которымъ осмѣлилась потревожить васъ, по веснѣ, но все же я льщу себя надеждою, что вы сохранили ко мнѣ нѣкоторое участіе.

Нѣжныя попеченія, которыми я пользовалась подѣ вашимъ кровомъ, обязываютъ меня къ самой пламенной любви и благодарности и эти чувства къ вамъ, я увѣрена, не покинутъ меня до послѣдней минуты моей жизни. Нынѣ, я считаю своею обязанностью извѣстить васъ о благополучномъ исходѣ дѣла, навлекшаго было на меня ваше осужденіе. Милая моя воспитательница! скажу вамъ, что презираемый всѣми Вильсонъ превратился въ Джоржа Деннисона, сына и наследника джентльмена, которому по достоинствамъ, не отыщется равнаго въ цѣлой Англій. Въ настоящее время, я, братъ и опекуны мои находимся въ его домѣ и оба наши семейства вскорѣ вступятъ въ родство, вслѣдствіе брака мистера Деннисона съ извѣстною вамъ, Лидіею Мельфордъ. Вы конечно удостоите понять, какое это трудное положеніе для такого слабаго и неопытнаго существа, какъ я, и какъ необходимо для меня, въ этомъ случаѣ, присутствіе и опора любимой подруги. Вамъ извѣстно, что изъ всѣхъ дѣвицъ, одна миссъ Уиллсъ снискала мою безусловную довѣрность и дружбу, и потому я горячо желаю имѣть счастье—видѣть ея подлѣ себя, при такомъ торжественномъ случаѣ моей жизни.

Я просила написать вамъ объ этомъ мистриссъ Деннисонъ, особу пользующуюся всеобщимъ уваженіемъ и любовью, и присоединию къ ей убѣжденіямъ мою личную просьбу. Дорогая мистриссъ Джерминъ, моя милая, уважаемая воспитательница, прибѣгаю къ той добротѣ, которую вы оказывали когда-то вашей недостойной любимицѣ Лидіи, къ тому великодушію, которое заставляетъ васъ заботиться о счастіи ближняго, внемлите моей просьбѣ, уговорите мать Леттици исполнить мое пламенное желаніе. Мы будемъ беречь ея и я готова сама проводить ея потомъ до Глосестера, и при этомъ случаѣ пред-

ставить вамъ, съ вашего позволенія, подъ инымъ именемъ, глубоко любящую и почитающую васъ

14 октября.

Лидію Мельфордъ.

Къ миссъ Мери Джонсъ, въ Врэмблтонъ-Голь.

О Мери Джонсъ! Мери Джонсъ! Что за страсти, что за чудеса пережила я! до сихъ поръ не могу прійти въ себя, да и не приду, я думаю. На прошлой недѣлѣ меня выгнали изъ глубокой рѣки, мокрую какъ крыса. Я потеряла тамъ новыи чепецъ, серебряную пряжку, которая стояла мнѣ полкроны, да сверхъ того зеленый отгласный башмакъ съ одной ноги. Меня выгнали изъ кареты мистеръ Клинкеръ, но потомъ опять бросилъ въ воду, чтобы бѣжать спасать эсквайра и я, навѣрное, нашла бы тутъ свою смерть, еслибы не подошелъ ко мнѣ на помощь работникъ съ мельницы. Но слушай что потомъ-то было. Чудеса, дѣвка! Комедіантъ-то, что бѣгалъ за миссъ Лидди, и еще такъ напугалъ меня своею бородою, въ Вристокѣ, оказывается теперь вдругъ знатнымъ бариномъ, сыномъ и наследникомъ мистера Делисона. Теперь всѣ мы живемъ вмѣстѣ, въ одномъ домѣ, и готовимся сыграть, на дняхъ, свадьбу.

Но свадьба-то будетъ не одна. Мистриссъ Тэбби, Богъ ей прости, навѣрнѣе выкинуть такую же штуку. Въ прошлое воскресенье, если меня не обманываютъ уши, я слышала какъ въ задѣшной приходской церкви окликали капитана Опанья Липпагаго и дѣвицу Брэмбл. Какая же она дѣвица: извѣстно, что она барышня, ну — а чтобы она была дѣвица, этого я никогда не думала. А потомъ, вслѣдъ за ними, молодого эсквайра Делисона и миссъ Лидди. Могла бы быть и третья пара, да времена перемѣнились; мистеръ Клинкеръ уже не тотъ сталъ. Какъ бы ты думала Молли? вѣдь онъ оказывается незаконнорожденнымъ сыномъ нашего эсквайра. Настоящее имя ему Матью Лойдъ, (а ужъ почему это, одному Богу извѣстно); ливрен онъ болѣе не носитъ, а щеголяетъ въ маншетахъ. А вѣдь знавала же я его, когда у него локти изъ рукавовъ выходили и рубахи на тѣлѣ не было. Ужъ носа-то онъ передо мною не можетъ поднимать. Впрочемъ, надо сознаться, онъ очень скромнень и услужливъ, и увѣряетъ, что любитъ меня по прежнему; но теперь онъ уже не можетъ самъ собою распоряжаться, а если захочетъ жениться, то долженъ спроситься прежде у эсквайра. Онъ толкуетъ, что мы должны имѣть терпѣніе, положиться на Бога, и разныя разности. Чего еще тамъ ждать, если, какъ онъ говоритъ, онъ любитъ меня по прежнему? Почему бы не сказать ему теперь же эсквайру? Пословица говоритъ: куй желѣзо, пока горячо. Кажется, эсквайру нечего противъ этого сказать. Если отецъ мой не былъ джентльменомъ, за то мать была честною женщиною. Я не тайнымъ путемъ на свѣтъ пришла; мой отецъ съ матерью были обвѣнчаны по церковному обряду, предъ лицомъ Бога и людей. Понимаешь меня, Мери Джонсъ?

Не пришлое бы потомъ мистеру Лойду самому пожалѣть. Ну, а какъ я открою ушко чтобы выслушивать,—что мнѣ напѣваетъ камердинеръ молодого эсквайра?... Мистеръ Мекальпинъ природный джентльменъ и

служилъ въ полку. Сколько онъ книжекъ перечиталъ! говоритъ умѣетъ и по французски, и по голландски, и по шотландски, и на всякихъ иностранныхъ языкахъ. Конечно, ужъ онъ немножко потертъ, и къ вину склоненъ, но у него хлѣбъ веселый, и умная жена съумѣетъ его въ руки взять. Но я о немъ не думаю; право, не думаю. Избави меня Боже дѣлать, думать, или говорить что нибудь, непріятное для мистера Клинкера, то есть Лойда,—хотѣла я сказать.—пока онъ самъ не дастъ мнѣ на это повода. Но я очень разстроена, Молли; всё сижу, да плачу. Ужъ я и ассуѣтиду принимаю, и женяныя перья нюхаю, и Богу молюсь, чтобы онъ просвѣтилъ меня своею благодатью и указалъ мнѣ путь въ этой долиѣ скорби и плача. А вѣдь кажется чего бы мнѣ не доставало, живя въ такой доброй семьѣ, гдѣ каждый къ тебѣ такъ ласковъ и милостивъ, что, кажется, только святые на небѣ могутъ такими быть. Молись за меня, милая Молли, и кланяйся Сэлли.

Вѣчно любящая тебя и неутѣшная подруга,

14 октября.

Уин. Дженкинсъ.

—
Къ доктору Льюизу.

Не могу вамъ выразить какъ я былъ радъ увидать вашъ почеркъ, послѣ такого долгаго молчанія съ вашей стороны. А признаюсь, случилось иногда, вашъ почеркъ внушалъ мнѣ нѣкоторое отвращеніе: это когда я видѣлъ его на латинскихъ рецептахъ.

Меня очень обрадовало ваше намѣреніе похлопотать, для Лисмагго, о мѣстѣ сборщика. Онъ былъ бы не прочь отъ этого и свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе и глубочайшую благодарность за ваше участіе къ нему. При близкомъ знакомствѣ, человекъ этотъ выигрываетъ. Суровая сдержанность, непріятное свойство его характера, начинаетъ смягчаться вслѣдствіе нашихъ частыхъ бесѣдъ. Есть надежда, что они съ Тэбби составятъ самую удачную парочку въ цѣломъ государствѣ; а для насъ онъ будетъ отличнымъ приобретеніемъ, для зимнихъ бесѣдъ, у камелька.

Ваши возраженія противъ моего намѣренія провести это время года такъ далеко отъ дома, могли бы подѣйствовать только въ такомъ случаѣ, если бы мнѣ не было здѣсь такъ хорошо. Но здоровье мое такъ поправилось, что я не боюсь болѣе никакихъ ревматизмовъ и подагры. Я начинаю даже находить, что я слишкомъ рано записался въ старики и далъ большой промахъ, надѣясь найти здоровье въ бездѣйствіи и уединеніи. Я убѣжденъ, что всѣ больные ведутъ слишкомъ сидячую, однообразную и осторожную жизнь. Необходимо подталкивать иногда машину и ускорять движеніе жизненныхъ колесъ; необходимо погружаться, по временамъ, въ излишки, чтобы закалить организацію. Еще я нахожу, что перемѣна общества также необходима, какъ и перемѣна воздуха; она способствуетъ движенію мысли, этому главнѣйшему источнику здоровья.

Послѣ моего послѣдняго письма, мнѣ привелось исполнить и нѣкоторыя обязанности дружбы, потребовавшія сильнаго умственнаго и тѣлеснаго упражненія, которое, надѣюсь, принесетъ мнѣ нѣкоторую пользу.

Случайно узнавъ, что жена Вейнарда опасно больна горячкою, я спросил у Деннисона экипажъ и помчался къ нему, въ сопровожденіи одного Кликера. Расстоянія тутъ не болѣе тридцати миль и я пріѣхалъ часу въ пятомъ дня. Встрѣтивъ въ дверяхъ медика, я освѣдомился о положеніи больной и узналъ, что она только что скончалась. Меня это сильно поразило; но это было не сожалѣніе. Весь домъ былъ въ смятеніи и я прямо вошелъ въ комнату, гдѣ находилась вся семья. Тетя стояла, опустивъ руки, въ какомъ-то оцѣпенѣніи; но другъ мой предавался безумному отчаянію. Онъ держалъ въ объятіяхъ тѣло, испуская отчаянные вопли; можно было подумать, что онъ потерялъ самую достойную женщину въ мірѣ.

Конечно, любовь можетъ существовать и безъ уваженія, или даже одинъ и тотъ же предметъ можетъ внушать любовь—однѣми сторонами своего характера, и ненависть—другими. Умъ нашъ имѣетъ странное свойство сживаться и даже привязываться, вслѣдствіе привычки, къ такимъ предметамъ, которые, по натурѣ своей, не только непріятны, но даже вредны; и привязываться къ нимъ до такой степени, что разлука съ ними становится для него невыносимою. Вейнардъ былъ слишкомъ погруженъ въ свое горе, чтобы замѣтить мой приходъ. Я обратился къ одной изъ женщинъ, прося отвести тетку въ ея комнату и посоветывалъ домашнему учителю увести также изъ комнаты хозяйскаго сына. Мальчишка зѣвалъ въ углу, по-видимому, очень мало тронутый происходившею передъ нимъ сценою. Принявъ эти мѣры, я сталъ выжидать, пока уймется первый порывъ гора моего друга. Когда онъ стихъ, я осторожно оторвалъ его отъ печальнаго предмета и вывелъ въ другую комнату. Онъ, однако, сильно вырывался у меня изъ рукъ, такъ что я былъ принужденъ позвать на помощь его камердинера. Но чрезъ нѣсколько минутъ онъ пришелъ въ себя и бросился ко мнѣ на шею. «Благодарю тебя за твою дружбу!» вскричалъ онъ. Не знаю, какъ ты сюда явился, но тебя посылаетъ само небо, чтобы спасти меня отъ окончательнаго безумія. Матью! я потерялъ её, мою Генріету! Это нѣжное, кроткое созданіе, питавшее ко мнѣ такую горячую, безкорыстную любовь! я потерялъ её, сущность моей жизни, съ которою дѣлилъ всё, пѣлые двадцать лѣтъ! Нѣтъ ея болѣе, она покинула меня навсегда!

При этомъ онъ вскочилъ съ мѣста и мы едва удержали его отъ намѣренія снова броситься къ тѣлу. Разумѣется, было нелѣпо съ моей стороны стараться убѣждать человѣка, находившагося въ такомъ состояніи. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, надо дать прежде постепенно стихнуть первому напору чувствъ. Я смился развлечь его, сводя разговоръ на посторонніе предметы и дѣлая по временамъ намеки на его прежнее положеніе; эта тонкая дипломатія сильно занимала самого меня—и я до такой степени изоцрялъ свой умъ, что достигъ нѣкотораго успѣха. Спустя нѣсколько часовъ, онъ уже на стоячко успокоился, что могъ внимать голосу разсудка и даже сознался, что провидѣніе не могло вѣрнѣе спасти его отъ раззоренія и позора. Чтобы не допустить его до новаго припадка слабости, я

провелъ ночь въ одной съ нимъ комнатѣ, на небольшой походной постели. Хорошо, что я принялъ эту предосторожность: онъ нѣсколько разъ вскакивалъ и надѣлалъ бы глупостей, если бы я его не удерживалъ.

На другой день онъ былъ уже въ состояніи говорить о дѣлахъ, и уполномочилъ меня распоряжаться въ его домѣ. Я немедленно принялся за это, впрочемъ изложивъ ему предварительно всѣ мои планы. Онъ хотѣлъ тотчасъ же оставить домъ, но я этому воспротивился. Я былъ далекъ отъ того, чтобы поощрять это минутное отвращеніе, которое могло пустить глубокіе корни, и рѣшился, если возможно, привязать его болѣе прежняго къ роднымъ пенатамъ. Я распорядился похоронами, которые должны были быть на столько скромны, на сколько позволяло приличіе. Потомъ, я написалъ въ Лондонъ, чтобы мнѣ выслали оттуда оцѣнку всѣмъ вощамъ, находившимся въ его городской квартирѣ и предупредилъ хозяина дома, что мистеръ Вейнардъ, къ Благовѣщенію, съѣзжаетъ съ квартиры. Я поручилъ свѣдущему лицу составить итогъ всему принадлежащему къ его деревенскому хозяйству, включая лошадей, экипажи и сбрую. Сына его я отправилъ въ школу, которую содержалъ, по сосѣдству, одинъ священникъ. Мальчишка пошелъ очень охотно, какъ только узналъ, что это его избавитъ отъ домашняго учителя, котораго онъ ненавидѣлъ. Тетка продолжала хмуриться и не являлась къ столу, хотя Вейнардъ ежедневно являлся въ ея комнату, желать ей добраго утра. У нея происходили совѣщанія съ горничными и съ другими слугами; но едва похоронили ея племянницу, какъ она сѣла уже въ приготовленный на этотъ случай экипажъ и оставила домъ. Впрочемъ, передъ отъѣздомъ, она предупредила мистера Вейнарда, что весь гардеробъ его покойной жены долженъ быть предоставленъ ея горничной и эта негодная дѣвка получила всѣ платья, кружева, бѣлье своей покойной госпожи, стоявшія, по низшей оцѣнкѣ, пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ.

Вторымъ моимъ дѣломъ было распустить легионъ праздныхъ слугъ, такъ долго высасывавшихъ изъ моего друга жизненные соки. Это была шайка негодяевъ, до такой степени дерзкихъ, что они даже къ своему господину выказывали грубое пренебреженіе. Они были набраны въ домъ его женою, по рекомендаціи горничной, и это была единственная особа въ домѣ, которой они оказывали уваженіе. Я былъ въ восторгѣ, очищая домъ отъ этой сволочи; двѣ горничныя покойной, камердинеръ, дворецкій, поваръ - французъ, садовникъ, двое лакеевъ и кучеръ получили чистую отставку и должны были немедленно оставить домъ. Впрочемъ, я всѣмъ имъ далъ, въ видѣ награды, ихъ мѣсячное жалованье. Оставилъ я только кухарку, помогавшую французу, одну изъ служанокъ, стараго лакея, одного кучера и помощника садовника. Такимъ образомъ, я разомъ освободилъ моего друга отъ огромнаго расхода на жалованье этимъ тунеядцамъ, и онъ едва могъ вѣрить такому очевидному облегченію. Однако въ сердцахъ его продолжали еще звучать больныя струны; по временамъ онъ еще плакалъ, тяжело вздыхалъ и горько ропталъ на свою судь-

бу; но это происходило все рѣже и рѣже, и, наконецъ, разсудокъ одержалъ полную побѣду надъ слабостью его природы.

По точному изслѣдованію его дѣлъ, я нашелъ, что долги его простираются до двадцати тысячъ фунтовъ; восемнадцать тысячъ изъ этой суммы лежали на его имѣніи. А такъ какъ онъ платилъ пять процентовъ и часть его земли оставалась не арендованною, то онъ могъ получать съ своего имѣнія не болѣе двухъ сотъ фунтовъ чистаго дохода; да, кромѣ того, восемь сотъ фунтовъ съ капитала его жены. Чтобы облегчить этотъ тяжелый долгъ, я предложилъ ему слѣдующее средство. По произведенной оцѣнкѣ драгоценностямъ его жены, лишней серебряной посудѣ, мебели въ обоихъ домахъ, лошадямъ и экипажамъ, оказалось стоимости на двѣ тысячи, пятьсотъ фунтовъ. На всё это уже былъ объявленъ аукціонъ и я совѣтывалъ Вейнардъ вырученную суммою уплатить часть своего долга, который понизился бы до восемнадцати тысячъ фунтовъ. Я брался доставить ему десять тысячъ фунтовъ, по четыре процента, что дало бы ему возможность сберечь еще сотню фунтовъ въ годъ; а тамъ, можетъ быть, мы нашли бы и остальные восемь тысячъ, на тѣхъ же условіяхъ. Сообразно съ его собственнымъ планомъ деревенской жизни, онъ говорилъ, что можетъ жить тремястами фунтами въ годъ; но такъ какъ ему приходилось воспитывать сына, то мы положили пятьсотъ фунтовъ. Такимъ образомъ, оставалось въ избыткѣ семьсотъ фунтовъ въ годъ, которыми онъ могъ уплачивать проценты долга и часть капитала. Кромѣ того, мы довольно скромно разсчитали, что можно выиграть еще триста фунтовъ, сдѣлавъ улучшенія въ имѣніи и отдавъ землю въ аренду. Однимъ словомъ, выходило, что года черезъ два, онъ будетъ въ состояніи ежегодно уплачивать до тысячи фунтовъ капитала долга.

Сдѣлавъ эти вычисления, мы принялись, подъ руководствомъ лондонскаго аукціонера, откладывать и оцѣнивать всё вещи, назначаемыя въ продажу; и чтобы никто не оставался въ домѣ празднымъ, производили измѣненія, за одинъ разъ, и внутри, и внѣ дома. Съ согласія Вейнарда, я приказалъ садовнику дать рѣчкѣ ея прежнее направленіе, чтобы освѣжить наядъ, такъ долго томившихся на сухомъ, кремнистомъ ложѣ. Мы рѣшили повзырыть мелкій кустарникъ и снова обратить увеселительные сады къ ихъ первоначальному назначенію—производить хлѣбъ и подножный кормъ скоту. Потомъ было отдано приказаніе возобновить стѣну сада, позади дома, а по восточную сторону его насадить елей, березъ и каштановыхъ деревьевъ, чтобы защищать отъ рѣзкаго, холоднаго вѣтра, дующаго съ этой стороны. Когда всё эти работы были начаты, мы оставили домъ и аукціонъ на попеченія одного почтеннаго стряпчаго; и я увезъ Вейнарда къ мистеру Деннисону. Доброта этого человѣка не преминула снискать уваженіе и любовь Вейнарда, который полюбилъ вообще всё наше общество и говоритъ, что никогда еще не видывалъ, чтобы теорія истиннаго счастья была такъ вполне примѣнена къ дѣлу. Дѣйствительно, едва ли легко найти столько лицъ, живущихъ подъ одною кровлею, которыя были бы счастливѣе насъ.

Скажу вамъ, однако, по секрету, что я подозрѣваю въ Тэбби склонность къ измѣнѣ. Я такъ долго жилъ съ этою диковинкою, что изучилъ всѣ ея побужденія и могу предъугадывать ея планы, при самомъ ихъ возникновеніи. Она привязалась къ Лисмагаго единственно потому, что отчаялась въ болѣе блестящей побѣдѣ. Теперь же, если не ошибаюсь, она была бы очень не прочь покорить себѣ оковѣвшее сердце Вейнарда. Съ самаго его пріѣзда сюда, она сдѣлалась очень холодна съ Лисмагаго и старается всѣми возможными любезностями поймать въ свои сѣти Вейнарда. Впрочемъ, можетъ быть, тутъ и нѣтъ съ ея стороны никакихъ расчетовъ, а дѣйствуетъ она по неодолимому побужденію своей натуры; съ Лисмагаго, мнѣ кажется, дѣла зашла уже такъ далеко, что она не можетъ отступитъ, не набросивъ тѣни на свою репутацію. Впрочемъ отъ Вейнарда ей нечего ждать кромѣ равнодушія, или отвращенія; у него слишкомъ много разсудка, чтобы думать о такой партіи и слишкомъ свѣжо горе, чтобы помышлять о новой женитьбѣ. Между тѣмъ мнѣ удалось уговорить сестру дать ему четыре тысячи фунтовъ по четыре процента. Молодой Деннисонъ присоединяетъ къ этому, на тѣхъ же условіяхъ, капиталъ Лидди. Отецъ его прилагаетъ къ этому еще три тысячи фунтовъ; фермеръ Плендъ, по просьбѣ Вильсона даетъ двѣ тысячи, а я берусь дополнить остальное, чтобы окончательно вырвать друга изъ когтей филистимлянъ. Онъ такъ доволенъ вдомъ и порядкомъ здѣшняго имѣнія, что принялся учиться у Деннисона и намѣренъ посвятить себя, отнынѣ, сельскому хозяйству.

Къ свадьбамъ уже всё готово, контракты составлены и подписаны, и церемонія отложена только пока сговоренные не проживутъ въ здѣшнемъ приходѣ предписаннаго закономъ времени. Молодой Деннисонъ покоряется этому не совсѣмъ терпѣливо, но Лисмагаго выказываетъ много философіи. Нужно вамъ сказать, что у капитана оказываются не однѣ только личныя достоинства. Кромѣ пенсіи въ двѣсти сорокъ фунтовъ въ годъ, у этого расчетливаго человѣка накоплено восемьсотъ фунтовъ капитала, дающаго проценты.

Лидди значительно поправилась и повеселѣла, особенно со времени пріѣзда сюда ея пансіонской подруги, миссъ Уиллсъ. Общія просьбы убѣдили родителей этой особы отпустить её къ намъ на свадьбу, и третьяго дня она пріѣхала сюда, вмѣстѣ съ своею матерью, которая не рѣшилась отпустить её одну. Молодая Уиллсъ—очень живая, милая и хорошенькая особа; мать ея—предобрая женщина, такъ что пріѣздъ ихъ еще болѣе оживилъ наше общество.

Въ домѣ у насъ явилась теперь еще третья чета, готовящаяся надѣть брачныя узы. Мистеръ Клинкеръ Лойдъ смиренно изложилъ мнѣ, чрезъ посредство моего племянника, взаимную любовь и нѣжность, соединяющія его съ миссъ Уинифредъ Дженкинсъ, и просилъ моего согласія на ихъ бракъ. Я желалъ бы, чтобы Клинкеръ избѣгъ этихъ силковъ, но такъ какъ нимфа поставляетъ въ этомъ всё свое счастье и уже начала приводить въ дѣло обмороки и слезы, то, для предупрежденія трагической катастрофы, я разрѣшилъ Клинкеру сдѣлать желаемую имъ глупость. Я думаю у насъ, въ Врэмблтонѣ

Голѣ, разведется скоро цѣлое стадо его поколѣнія; онѣ, — малый здоровый, сильный, жизни воздержной и трудолюбивой, а возлюбленная его, мнѣ кажется, такая же энтузіастка въ любви, какъ и въ набожности.

Мнѣ хочется однако, чтобы вы доставили ему занятіе въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ, — а не то нашъ приходъ будетъ, пожалуй, населенъ слишкомъ густо. Вамъ извѣстно, что онѣ былъ въ ученіи у кузнеца; значить, уже принадлежитъ нѣкоторымъ образомъ къ медицинскому факультету; а такъ какъ онѣ очень смѣтливъ и прилеженъ, то я убѣжденъ, что, подѣ вашимъ руководствомъ, онѣ могъ бы скорѣе открыть, въ Валлисѣ, аптеку. Тэбби не безъ труда согласилась на этотъ бракъ; вѣдь она всегда неохотно соглашается на чужое счастье. Что же касается лично до Клинкера, то онѣ такъ вѣренъ, честенъ, преданъ и искусенъ во многихъ дѣлахъ, что имѣетъ право на мою полнѣйшую благодарность и на всевозможныя старанія о его благополучіи со стороны.

26 октября.

М. Брэмбл.

Къ сэру Уаткину Филлипсу, въ Оксфордѣ.

Любезный Филлипсъ, гордіевъ узелъ, наконецъ, разрѣшенъ. Комедія приходитъ къ концу и занавѣсъ скорѣе опустится. Но надо рассказать тебѣ сцены послѣдняго акта. Недѣли двѣ тому назадъ, дядя отлучался и привезъ сюда одного изъ ближайшихъ друзей своихъ, мистера Бейнарла, который только что овдовѣлъ. Онѣ былъ долго неутѣшенъ, хотя, по правдѣ сказать, ему скорѣе слѣдовало бы радоваться, чѣмъ огорчаться. Теперь, впрочемъ, онѣ начинаетъ успокоиваться, и оказывается человѣкомъ рѣдкихъ достоинствъ. Кромѣ этого наше общество получило еще болѣе приятное приращеніе въ лицѣ пріѣхавшей сюда, изъ Глосестера, миссъ Уиллисъ. Это — пансіонская подруга моей сестры. По убѣдительной просьбѣ Лидди, жалавшей, чтобы она присутствовала на ея свадьбѣ, мать этой особы согласилась пріѣхать сюда вмѣстѣ съ нею. Лидди, Джоржъ Деннисонъ и я ѣздили къ нимъ на встрѣчу и встрѣтили ихъ на подорогѣ. Миссъ Уиллисъ — прелестная дѣвушка, и, по характеру, приятный контрастъ моей сестры. У Лидди, складъ ума нѣсколько серьезенъ и сентименталенъ; у этой же — самый веселый, откровенный, немножко насмѣшливый, но добрый. Кромѣ того, она обладаетъ порядочнымъ состояніемъ, именемъ и замѣчательною красотою. Ахъ, Филлипсъ! еслибы всѣ эти качества могли быть прочными; — еслибы характеръ ея никогда не измѣнился, красота никогда не увяла... чего бы я тогда не сдѣлалъ, чтобы заслужить... Но что тутъ толковать? вѣдь судьбы не избѣгнешь.

Мы проводимъ теперь время на сколько возможно приятно. Мы уже разыграли множество фарсовъ, къ великому удовольствію деревенскаго люда, который допускается на всѣ наши представленія. Третьяго дня, Джемъ Вильсонъ вызвалъ громкія одобренія, а Лисмагара былъ

просто неподражаемымъ Пьеро. Его длинныя ноги и заостренныя черты лица какъ нельзя лучше шли къ этой роли. Онъ корчилъ глупѣйшія мины и до того искусно разыгрывалъ страхъ и удивленіе, что присутствующіе катались со смѣха.

Но это не единственныйъ случай, въ которомъ капитанъ возбудилъ наше удивленіе. Характеръ его, ожесточенный неудачами въ жизни, начинаетъ теперь смягчаться и становится сладокъ, какъ изюмъ въ пуддингѣ. Изъ угрюмаго и раздражительнаго, онъ превратился въ веселаго и снисходительнаго. Онъ остритъ, хохочетъ, балагуритъ и принимаетъ дѣятельное участіе во всѣхъ нашихъ затѣяхъ и предѣлкахъ. На дняхъ явились изъ Лондона его вещи: онѣ заключались въ двухъ большихъ сундукахъ и въ длинномъ ящикѣ, похожемъ на гробъ. Сундуки были наполнены его платьемъ, которое онъ разложилъ на показъ всему обществу; онъ сознался, что всё это, большею частію, *opima prolia*, трофеи, приобѣтенныя имъ на поляхъ битвъ. Онъ показалъ намъ свой подвѣчный нарядъ—потертый бѣлый мундиръ, обшитый голубымъ бархатомъ и вышитый серебромъ; но блѣе всего онъ хвастался своимъ парикомъ, въ которомъ онъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, дебютировалъ въ адвокатурѣ. Съ тѣхъ поръ, это украшеніе лежало растрепанное и всѣ наши слуги были созваны, чтобы расчесать и завить его къ свадьбѣ. Обрядъ былъ совершенъ вчера въ здѣшней приходской церкви. Джоржъ Денинсомъ и невѣста его не отличились, при этомъ случаѣ, ничѣмъ особеннымъ. Женихъ сіялъ восторгомъ, а невѣста дрожала отъ смущенія. Къ алтарю подвелъ её дядя, а миссъ Уиллисъ стояла подлѣ нея, въ качествѣ свадебной подруги.

Но въ первой парѣ вѣнчалась тетушка съ своимъ возлюбленнымъ и это была такая оригинальная чета, что въ цѣлой Англiи не подобать бы подобной. Невѣста была одѣта по модѣ 1739 г. и такъ какъ день былъ холодный, она накинула на себя зеленый бархатный салопъ съ золотыми шнурами. Но женихъ снялъ съ нея этотъ салопъ и заѣвшилъ его большою шубою американскаго соболя, стоящую вѣрныхъ восемьдесятъ гиней. Это было ей неожиданнымъ и пріятнымъ подаркомъ. Въ такомъ нарядѣ, она была введена въ церковь мистромъ Денинсономъ, ея посаженнымъ отцомъ. Лисмагаго приблизился къ алтарю ровнымъ шагомъ, во французскомъ мундирѣ, не доходявшемъ ему до коленъ и въ знаменитомъ парикѣ, превосходявшемъ всякое описаніе. Въ глазахъ у него мелькала тонкая иронія. Кольцо, которе онъ надѣлъ на палецъ своей невѣстѣ, хранилось у него, до тѣхъ поръ, въ секретѣ; онъ замѣтно щегольнулъ имъ. Это былъ замѣчательный антикъ, осыпанный розетками. Капитанъ сказалъ намъ потомъ, что этому кольцу двѣсти лѣтъ и что оно переходило изъ рода въ родъ въ ихъ семьѣ. Это обстоятельство очень польстило гордости Тебиты, которая уже имѣла случай испытать щедрость своего супруга. Онъ въ тоже самое утро подарилъ ладѣ богатую, медвѣжью шубу и превосходное, испанское ружье; а мнѣ. ящикъ пистолетовъ, въ изящной, серебряной оправѣ. Миссъ Джен-

кинсь онъ подарилъ индѣйскій кошелекъ, вмѣщавшій въ себѣ двадцать кронъ. Миссъ Джонкинсъ и мистеръ Лойдъ составляли вчера третью чету, надѣвшую узы Гименея. Я писалъ тебѣ, что онъ просилъ меня, ходатайствовать за него передъ дядею; тотъ согласился, но тетушка до тѣхъ поръ упрямилась, пока съ миссъ Джонкинсъ не приключились двѣ сильнѣйшія истерики. Тогда и миссъ Тэбби сдалась. Теперь эта пара голубковъ посажена на вѣкъ въ одну кѣлочку. Тетупика до того раздобрилась, что надарила невестѣ платье въ бѣля, въ чемъ ей много помогла и Лидди. Я и дядя также не преминули присоединить къ этому наши любезности. Вчера былъ, постигъ, день мира и благодати. Мистеръ Деннисонъ настоялъ, чтобы Лидди приняла отъ него два билета, каждый во сто фунтовъ стерлинговъ; это ей дано было *на булавки*; а мистриссъ Деннисонъ вручила ей дорогое бриллиантовое ожерелье. Однимъ словомъ, обидчій союзъ былъ скрѣпленъ обмѣномъ подарковъ.

Такъ какъ Джоржъ Деннисонъ съ супругою не давали повода потрунить надъ собою, то Джекъ Вильсонъ рѣшился выкинуть какуюнибудь штуку съ Лисмагаго. Послѣ ужина, когда дамы удалились, онъ принялся провозглашать одинъ тостъ за другимъ, за его здоровье; но капитанъ понялъ его цѣль и извинился, говоря, что теперь не время шутить, и что въ такомъ серьезномъ случаѣ каждый добрый христіанинъ долженъ бы молиться за него, а не мѣшать ему исполнять свою обязанность. Его оставили въ покоѣ. Онъ сѣлъ, потомъ, рядомъ съ миссъ Тебитою, на почетномъ мѣстѣ, и оба они походили, въ ту минуту, на Сатурна и Цибелу. Тутъ стали пить пиво за ихъ здоровье, и надъ головою новобрачныхъ разломилъ пирога, который былъ раздѣленъ между присутствующими, по обычаю древнихъ британцевъ. Каждый, кто попробовалъ этого священнаго пирога, долженъ былъ увидѣть, въ ту ночь, во свѣ свою суженую, или суженаго.

Вильсонъ вымѣстилъ свою веселость на честномъ Гэмфри и на его супругѣ. Спальня ихъ находилась на верху и они уже легли, исполнивъ обычную церемонію снятія подвязки. Когда все было кончено, и общество разошлось, въ комнатѣ послышалось мяуканье кошки. Джекъ изволилъ подсунуть къ нимъ это милое животное, обувъ его въ скорлупы грецкаго орѣха. Оно принялось скакать по комнатѣ, заливаясь такимъ страшнымъ мяуканьемъ, что новобрачные пришли въ ужасъ. Уинифредъ раскричалась и забилась подъ одеяло. Мистеръ Лойдъ, воображая, что къ нему явился самъ сатана, отбросилъ всякую грѣшную мысль и принялся вслухъ читать молитвы. Но бѣдное животное, перепуганное болѣе чѣмъ кто либо, вспрыгнуло на постель и принялось еще жалобнѣе мяукать. Тутъ только Лойдъ убѣдился въ физическихъ свойствахъ посѣтителя и, отворивъ настежь дверь, поспѣшилъ выпроводить его вонъ. Онъ дважды повернулъ потомъ ключъ въ замкѣ, чтобы избавить себя отъ новыхъ докучливыхъ гостей, и могъ уже на свободѣ наслаждаться своимъ счастьемъ.

Судя по выраженію лицъ нашихъ влюбленныхъ, всё они довольны выпавшимъ имъ жребіемъ, и какъ ни стараются Джоржъ со своею женою скрывать свое счастье, но оно просвѣчиваетъ въ ихъ глазахъ.

За то мистриссъ Тебита Лисмагаго до непривлічія любезничаетъ съ своимъ супругомъ и, повидимому, вполне довольна имъ. Обращеніе съ нею капитана можетъ служить образцомъ нѣжности: онъ цѣлуетъ ея руку, вздыхаетъ, страстно глядитъ на неё, нашептываетъ ей сладости и напѣваетъ нѣжные романсы. Нѣтъ сомнѣнія, что въ душѣ онъ самъ хохочетъ, видя какъ она принимаетъ всё это за частую монету.

Чтобы доказать какъ мало пострадали его силы отъ предшествовавшей ночи, онъ проплясалъ передъ нами шотландскую сарабанду, на голой шпагѣ, и выдѣлывалъ, при этомъ, такіе прыжки, что я полагаю, онъ могъ бы быть однимъ изъ первыхъ акробатовъ, въ Сэдморъ — Уэллѣ. Когда у Матью Лойдъ спрашиваютъ доволенъ ли онъ своимъ товаромъ, онъ поднимаетъ взоры къ небу и говоритъ: — «Влагодареніе Богу за всё, что онъ намъ ниспосылаетъ. Аминь.» Супруга его хихикаетъ и закрываетъ руками лицо, будто стыдась, что провела ночь съ мужчиною. Теперь всёми этимъ голубкамъ нравится новость ихъ положенія; но посмотримъ, что-то они запоютъ, какъ поближе съ нимъ ознакомятся.

Такъ какъ мистриссъ Уиллисъ не можетъ долѣе здѣсь оставаться, а Лидди дала слово проводить ея дочь въ Валлисъ, то, я думаю, мы скоро всё отсюда разъѣдемся. Большая часть общества отиравляется, на Рождество, въ Батъ; и я, вѣроятно, буду имѣть случай сдѣлать набѣгъ на твою резиденцію. Я думаю, къ тому времени, ты уже будешь до сыта удовлетворенъ ученьемъ и предпримешь, наконецъ, странствіе по свѣту, о которомъ мы мечтали съ тобою въ прошломъ году. И такъ, до свиданія. Твой

3 ноября.

Д. Мельфордъ.

Къ доктору Льюнзу.

Любезный докторъ, я счастливо пристроилъ мою племянницу Лидди, а Тебиту снялъ съ моей пен капитанъ Лисмагаго; такъ что теперь мнѣ остается только устроить дѣла Вейнарда, и прискаты занятіе для моего сына, Матью Лойда, который сочетался законнымъ бракомъ съ Уинифредъ Джонкинсъ. Вы—геній изобрѣтательности. Ваша мысль на счетъ мѣста приходскаго секретаря заслуживаетъ полного вниманія. Я не сомнѣваюсь, что Матью Лойдъ какъ нельзя лучше способенъ къ этой должности; но теперь пока вы позаботьтесь, что бы ему былъ удобный уголокъ въ домѣ. При его неподкупной честности и неутомимомъ усердіи, онъ можетъ быть очень полезенъ для надзора за моимъ хозяйствомъ. Не думаю, чтобы у него могли выйти столкновенія съ Бэрнсомъ, на

котораго я не имѣю повода жаловаться. Мы, съ Вейнардомъ, только что вернулись изъ побѣдки въ его имѣніе, гдѣ нашли дѣла въ самомъ удовлетворительномъ положеніи. Однако, при видѣ своихъ комнатъ, онъ снова предался слезамъ и отчаянію, такъ что я убѣдился, что его невозможно еще оставить одного. Поэтому я рѣшился не разлучаться съ нимъ до весны. Тогда онъ поѣдетъ заняться своимъ хозяйствомъ, которое разсѣтетъ и займетъ его. Чарльзь Деннисонъ обѣщалъ погостить у него тогда недѣли двѣ, чтобы помочь ему въ его начинаніяхъ, и Вильсонъ также обѣщалъ навѣщать его. Для него это тѣмъ полезнѣе, что вблизи у него не будетъ такихъ друзей, которыхъ не удалялъ бы отъ него его новый родъ жизни.

Мистриссъ Уиллисъ намѣрена вернуться, съ дочерью, въ Глосестеръ, и въ нашихъ планахъ произошла нѣкоторая перемена. Джерри уговорилъ своего зятя ѣхать съ женою въ Батъ; вѣроятно за ними послѣдуютъ и родители. Что до меня, то я не намѣреюсь пускаться въ тѣ края, развѣ что нибудь очень необыкновенное притянетъ меня еще когда нибудь въ Батъ, или въ Лондонъ. Сестра, съ ея мужемъ, Вейнардъ и я распостимся съ остальнымъ нашимъ обществомъ въ Глосестеръ, и отправимся прямо въ Брэмблтонъ-Голъ, гдѣ, я надѣюсь, насъ будутъ ожидать вкусные индюки. А вы должны будете изощрить всю вашу медицину, чтобы предохранить меня отъ подагры и дать мнѣ возможность съ честью принять у себя въ домѣ гостей, потому что всё наше остальное общество обѣщало посѣтить насъ, на обратномъ пути изъ Бата. Впрочемъ, здоровьемъ я запасаю, кажется, надолго, и съ этой стороны, вамъ не будетъ со мною много хлопотъ; но за то я намѣренъ помучить васъ прогулками. Я получилъ отъ Лисмагаго превосходное ружье; самъ онъ отличный охотникъ и мы будемъ ѣздить въ поле во всякую погоду. Чтобы какъ можно совершеннѣе привести въ исполненіе этотъ планъ жизни, я навсегда отказываюсь отъ занятій, требующихъ жизни сидячей и, въ особенности, отказываюсь отъ писанья длинныхъ писемъ. Если бы такое благое намѣреніе явилось мнѣ ранѣе, вы были бы спасены отъ скуки читать длиннѣйшія посланія

Вашего

М. Врэмбля.

Къ мистриссъ Джерминъ, въ Брэмблтонъ-Голъ.

Добрая моя мистриссъ Джерминъ,—Богу, въ его премудромъ промыслѣ, было угодно, чтобы я измѣнила свое имя и положеніе,—такъ что теперь я уже не могу считаться хозяйкою въ домѣ моего брата. Но моя обязанность сдать ему хозяйство, а я не прежде могу исполнить её, какъ принявъ полные отчеты отъ васъ и отъ Вильямса.

Потому прошу васъ имѣть ихъ готовыми къ нашему прїѣзду, который послѣдуетъ теперь уже безъ всякихъ отлагательствъ. Мой мужъ, капитанъ Лисмагаго, подверженъ ревматизму и потому я прошу васъ, чтобы голубая комната, во второмъ этажѣ была хорошо натоплена къ его прїѣзду. Велите плотникѣ законопатить оконныя рамы, разостлать ковры и выколотить матрацы. Дженкинсъ вышла замужъ за мистера Лойда и, принадлежа теперь къ семьѣ, не можетъ болѣе исполнять должности служанки. Нельзя ли прїискать мнѣ вмѣсто нея другую, надежную дѣвушку. Хорошо, если бы она умѣла вязать и мыть бѣлье. Только, чтобы она не рассчитывала на безразсудное жалованье; имѣя теперь собственное хозяйство, я должна быть расчетливѣе прежняго.

Остаюсь любящая васъ

20 Ноября.

Т. Лисмагаго.

Къ миссъ Мери Джонсъ, въ Времблтонъ-Голѣ.

Миссъ Джонсъ,—Провидѣнію угодно было произвестъ великія перемѣны въ нашихъ обстоятельствахъ. Вчера насъ три пары, разомъ вступили въ брачный союзъ и теперь я уже подписываюсь Лойдъ, къ твоимъ услугамъ. Въ церкви весь народъ призналъ, что еще не бывало такой парочки, какъ миссъ Лидди съ молодымъ эсквайромъ Делисономъ. А мадамъ Лисмагаго, какъ тебѣ извѣстно, всегда имѣетъ какой-то особенный видъ. Волоса у нея были убраны какъ-то совсѣмъ чудно и супругъ ея закуталъ еѣ въ длинную шубу, которую онъ привезъ отъ дикихъ. Она говорятъ, ужасно дорого стоитъ. На самомъ-то капитанѣ былъ надѣтъ огромный парикъ, съ тремя хвостиками, и коротенькій камзолъ шитый серебромъ. Иные говорили будто бы онъ на шута похожъ; но я не скажу про него ничего худого: онъ сдѣлалъ мнѣ славный подарочекъ. Мистеръ Лойдъ былъ въ прекрасномъ темномъ камзолѣ, съ золотыми позументами. Хотя онъ и не можетъ стать на ряду съ большими и знатными господами, но все же въ немъ течетъ такая же благородная кровь, какъ и въ любомъ англійскомъ эсквайрѣ. При томъ же могу я сказать, онъ и не бѣденъ. На твоей покорнѣйшей слугѣ было простое свѣтлозеленое платье и кружевной чепецъ; волоса зачесаны въ высокій туней, съ локонами по сторонамъ. Говорятъ, я была живымъ портретомъ леди Рикменстонъ, но только не такъ блѣдна. Надѣюсь, что не такъ! вѣдь ея милость семью годами старѣе меня. Теперь наше общество разстроилось. Мистеръ Мельфордъ отправился въ Батъ, вмѣстѣ съ Делисонами, а мы всѣ, остальные, ѣдемъ домой, въ Валлисъ и встрѣтимъ Рождество въ Времблтонъ-Голѣ. Намъ отдана желтая комната, въ третьемъ этажѣ,—и потому прошу тебя—распорядись, чтобы туда перенесли мои вещи. Поклонись отъ меня мистрисъ Гвиллимъ; надѣюсь что теперь мы будемъ жить съ нею въ мирѣ. Въ томъ положеніи, въ которомъ я теперь нахожусь, ты по-

нимаешь, что я уже не могу болѣе быть на прежней ногѣ съ прочими слугами. Но что касается до тебя, то ты всегда и со всѣми умѣешь держать себя, а потому можешь продолжать рассчитывать на расположеніе и покровительство душевно преданной тебѣ,

20 Ноября.

Универсаль. Лойдъ.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

выходитъ каждый мѣсяцъ книжками до 30 листовъ, съ приложеніями въ каждой книжкѣ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

Безъ доставки
15 руб. серебромъ.

Съ пересылкою или доставкою
16 руб. 50 коп. сер.

ПОДПИСА ПРИНИМАЕТСЯ ОТЪ ЖИТЕЛЕЙ СТОЛИЦЪ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ:

Въ конторѣ журнала «Библиотека для Чтенія» при книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина, на Невскомъ Прѣспектѣ, противъ Гостиного Двора, въ домѣ Армянской церкви.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ журнала «Библиотека для Чтенія» при книжномъ магазинѣ С. П. Лоскутова, на Никольской улицѣ, въ домѣ Занко-носпасскаго монастыря.

Гг. иногородныя подписчики присылаютъ свои требованія и деньги, адресуя такъ: въ С. Петербургъ, въ контору журнала «БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ.»

Редакція отвѣчаетъ за вѣрную доставку журнала, если подписка сдѣлана въ вышесказанныхъ мѣстахъ.

Печатать позволяется. С. Петербургъ. 21 марта 1861 года.

Ценсоръ **Г. Веселаго**.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

ДВАДЦАТЬ-ОСЬМОЙ ГОДЪ.

А П Р Ъ Л Ъ .

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1861.

СОДЕРЖАНІЕ АПРѢЛЬСКОЙ КНИЖКИ:

- ✓ БѢДНЫЕ ДВОРЯНЕ. Романъ въ четырехъ частяхъ. *Часть вторая.* А. Потѣхина. —
- ✓ ПРОКЛЯТЫЕ. Сказанія Уральскихъ казаковъ. И. Желѣнова. —
- ПАДЪ КРОВАТЮ МОЕЮ ТЫНЬ ГРОЗНАЯ. Стихотвореніе. Е. Зарина.
- ✓ О НѢКОТОРЫХЪ СРЕДНЕВѢКОВЫХЪ ОБВИНЕНІЯХЪ ПРОТИВЪ ЕВРЕЕВЪ. П. Д. Хвольсона. —
- КИТАЙСКІЕ ШИРАТЫ.
- ✓ ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЪ АНГЛИИ. Соч. Генриха Томаса Бекля. Томъ I. (*Статья первая.*) —
- ✓ ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ И ИСКУССТВА. Сочиненіе Ѳ. Буслаева. —
- ЛИХОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.
- ИСТОРИЯ АНГЛИИ. Томъ V. (Сочиненія Маколея, изданіе сестры историка.)

ПОЛИТИКА:

Данія и нѣмецкія герцогства.
Положеніе Турціи.
Что дѣлается въ Испаніи?
Замѣтки о Германіи.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

С. ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

МАРКИЗЪ ДЕ-ВИЛЬМЕРЪ. Романъ въ пяти частяхъ. Жюльма Занда.

253653

БѢДНЫЕ ДВОРЯНЕ.

(РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ).

ЧАСТЬ II.

I.

Тихій весенній вечеръ спускался на землю. Послѣ дневной жары въ воздухѣ разливалась отрадная прохлада и вѣяло завихомъ скошеннаго сѣна. Красное солнце только что погасло на небѣ, но огненный слѣдъ его еще горѣлъ вечерней зарею и освѣщалъ землю, обѣщая ей и на завтра вѣдренный день. Тихо и безмолвно все было въ природѣ, лишь изрѣдка поскрипывалъ въ травѣ коростель, ожидая своихъ любимыхъ потѣмокъ, да стрижъ, рѣзко выкрикивая, стрѣлой разсѣкалъ воздухъ и съ размахомъ влеталъ подъ застрѣху своего сарая, да лягушки булькали въ водѣ или, выставляя изъ нея свои одутловатыя морды, выпускали отрывочныя трели, точно пробовали голосъ, приготавливаясь къ ночному концерту. Молча смотрѣли другъ на друга Стройки и Охлопки, чрезъ раздѣлявшую ихъ рѣчку, и казались совершенно пустынями. Стройковскіе мужики и бабы всѣ были на работѣ: сѣнокосъ стоялъ въ полномъ разгарѣ, и всѣ торопились воспользоваться благопріятной погодой; даже малые ребятишки—и тѣ помогали сгребать сѣно, въ тоже время весело кувыркаясь черезъ душистыя конны. Въ Охлопкахъ главныхъ хозяевъ тоже не было дома: Никеша уѣхалъ къ благодѣтелямъ попросить человѣчка на помощь въ предстоящемъ сѣнокосѣ, а отецъ съ сыномъ Ивановъ ушли въ луга, но не для того, чтобы косить, а чтобы выдѣлать косяки, запроданные еще по зимѣ двумъ стройковскимъ мужикамъ. При этомъ выдѣлѣ перешла въ чужія руки

цѣлая половина изъ Никешиной доли. Послѣдній объ этомъ ничего не зналъ и весело проводилъ время у благодѣтеля, общавшаго дать ему помощника на сѣнокосъ, между тѣмъ какъ чужая коса уже сверкала по его сочной травѣ. Утѣшая себя надеждой, что нынче, по милости благодѣтеля, онъ живо управится съ работой, Никеша не торопился домой. Правда, для сѣнокоса была настоящая пора: у добрыхъ людей гумна давно были подкошены и трава съ нихъ высушена; правда, заботливая Наталья Никитишна не разъ совѣтовала Никешѣ сходить къ отцу, попросить его развести косяки (потому что Никеша и до сихъ поръ не былъ еще совершенно отдѣленъ и земля находилась въ общемъ владѣніи), да и приниматься поскорѣе за сѣнокосъ; и Никеша послушался—ходилъ одинъ разъ, но отецъ на него только прикрикнулъ: — что тебѣ прежде людей надо! что больно прытокъ сталъ? развѣ я не знаю, когда время придетъ косить... успѣешь еще!... Ишь ты!.. Никеша не сталъ возражать и отправился искать помощника къ предстоящему сѣнокосу. Александръ Никитичъ съ Иваномъ, въ дружелюбномъ разговорѣ между собою, до сей поры находили, что время для сѣнокоса еще не ушло.—Вотъ паровое запанешь, да и за сѣнокосъ приниматься надо! поговаривалъ отецъ.—А вотъ запашу... Еще успѣемъ: время-то не ушло... отвѣчалъ сынъ.—Знамо, не ушло! соглашался отецъ.

Заботливое женское поколѣніе семейства Никеша тужило про себя, видя, какъ люди опережаютъ ихъ во всякой работѣ, но помочь дѣлу было нечѣмъ; выйдетъ Наталья Никитишна за водой на рѣчку, посмотреть на ту сторону: косятъ стройковскіе, косятъ, гумна ужъ докашиваютъ, вотъ и докосили, въ дальніе луга пошли косить... Пора бы косить, пора, ужъ какъ пора... А наши—нѣтъ, не косятъ!.. Что ты станешь дѣлать!.. Вздохнетъ старуха, головой покачаетъ, мысленно выбрать брата, отчасти и племянника, да и пойдетъ опять домой копошиться чтонибудь въ своей избѣ.

И теперь, въ настоящій вечеръ, волей-неволей сидѣла она въ четырехъ стѣнахъ вмѣстѣ съ Катериной и маленькими ребятишками; и пустыни казались снаружи Охлопки. Только двое старшихъ дѣтей Никеша,—мальчикъ лѣтъ девяти и дѣвочка, ему ровестница,—были на волѣ и своимъ присутствіемъ, своимъ веселымъ крикомъ, оживляли пустынный видъ усадьбы. Сначала, подобравши рубашонки, босыми ногами бродили они по рѣкѣ,

потомъ ударилъсь бѣжать въ порегонки одинъ отъ другаго, пробрались на гумно и, забывши строгое запрещеніе мать траву, бросились на нее, какъ на мягкую постель, начали кувыркаться и кататься по ней. За этимъ занятіемъ застали ихъ Александръ Никитичъ съ Иваномъ, возвращавшіеся домой послѣ того, какъ сдали въ чужія руки свои собственные луга.

— Посмотри-ка, батюшка, какъ Никешкины-то пострѣлята музутъ наше гумно, сказалъ Иванъ. — Вѣдь, это они на зло... Это, вѣдь, ихъ matka подучила: не балуютъ же въ своей сторонѣ, а въ нашей!.. Погоди-жь, я ихъ...

И Иванъ пошелъ къ дѣтямъ съ угрожающимъ крикомъ и жестомъ. Увидя дядю и отгадавши его намѣреніе, ребяташки вскочили на ноги, закричали, завизжали и ударились бѣжать къ своей избѣ, безпрестанно оглядываясь назадъ. Но Иванъ скоро догналъ ихъ; далъ хорошую трясоволоску одной, нѣсколько туканокъ другому. Дѣти заревѣли, завопили несвоимъ голосомъ, точно ихъ хотѣли удавить, и ударились бѣжать еще шибче. Эти отчаянные вопли скоро достигли до слуха и сердца матери и бабушки, и, какъ свирѣпыя тигрицы, выскочили онѣ изъ дома на защиту своихъ дѣтенышей.

— Кто васъ? кто васъ? спрашивали онѣ.

— Да вонъ, дядя Иванъ прибилъ! отвѣчали они оба, всхлипывая.

— За что?

— Такъ... ни за что... Взялъ, да прибилъ.

Въ это время дядя Иванъ подходилъ къ нимъ, весело ухмыляясь. Эта улыбка еще болѣе возбудила гнѣвъ женщинъ.

— Что ты, разбойникъ, разбойничашь? Что ты, варваръ, дѣтей-то увѣчишь? кричали онѣ.

— Нѣтъ, еще это имя мало: въ другой разъ не здакъ отдую... Своихъ не узнаютъ...

— Да что ты, хохотово гнѣздо, разбойный сынъ, суда что-ли на тебя нѣтъ... Убить что-ли ты насъ, перевести весь родъ нашъ хочешь?..

— А вотъ какъ я возьму полѣно, да почну тебя полѣномъ жарить... говорила тетка.

— Ну-ка, ну-ка, возьми, вовьми... Попробуй, сунься...

— Такъ что ты со мной драться что-ли будешь?

— Такъ нѣнто тебѣ дамъ драться?... Погодишь, шалишь: зубы не все съѣда...

— Ахъ ты разбойникъ, ахъ ты окаянная сила! Какъ тебя мать сыра-земля на себѣ носить!.. Харкь... тьфу!.. На же вотъ коли тебѣ... Поди, протирай зѣнки-то...

Наталья Никитишна плюнула прямо въ лицо Ивану.

— Ты, слушай, не плюйся... Я те самъ такъ харкну... Всю рожу заслѣплю!.. говорилъ Иванъ, отираясь рукавомъ.

— Еще погоди: Никаноръ Александрычъ пожалуется на васъ производителю, ужъ пожалуется и съ батюшкой-то, вотатякомъ... И батька-то у тебя такой же...

— Что, батька, что такой же? вмѣшался Александръ Никитичъ, подходя къ ссорящимся.

— А вотъ къ производителю пойдемъ на васъ жаловаться.

— Ну, что къ производителю? Что, хамъ, лаешь?.. Ну, кто тебя испугался... Что лаешься-то...

— Не лаюсь я... А намъ житья нѣтъ отъ васъ: онъ моихъ дѣтей убилъ, извести хочеть... А кто ему далъ волю надъ ними?..

— Полно, холонья кровь, полно зѣвать-то... Не за дѣло что-ли онъ ихъ пощипалъ...

— Что ужъ ему ребятъ пощипать: онъ на тетку родную руку хотѣлъ поднять, — говорила Наталья Никитишна. — Выкормилъ сынка... Погоди, самъ заревешь отъ него...

— Что ты меня холопствомъ-то попрекаешь: сами хуже послѣдняго холопа — нищіе... Нашъ же холопской хлѣбъ ѣдите, огрызалась Катерина.

— Да, дамся я тебѣ полѣномъ драться: полѣномъ-то до смерти ушибешь... Я еще не чужой вѣкъ заживаю... говорилъ, въ свою очередь, Иванъ.

Тутъ началась та перебранка, въ которой всѣ говорятъ въ одно время и гдѣ ничего не разберешь: кричала Катерина, бранилась Наталья Никитишна, бранился Александръ Никитичъ, перебранивался Иванъ; подстала къ общей брани жена Ивана, прибѣжавшая на шумъ, и кричала всѣхъ громче, не смотря на то, что не знала даже въ чемъ дѣло... Наконецъ, какъ и слѣдуетъ, не переставая браниться, заплакала Катерина, заголосила Наталья Никитишна и все-таки бранились, захныкали снова ребятки; имъ отозвались малолѣтки, забытые въ избѣ, вышла изъ себя и стали угрожать кулаками Александръ Никитичъ съ сыномъ... И все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не выбились изъ послѣднихъ силъ и не освели у всѣхъ голоса... А ночь незамѣтно для воющихъ спустилась и покрыла землю.

Стройковскіе мужички, воротаясь съ работы, столпились на противоположномъ берегу и съ удовольствіемъ прислушивались къ брани, въ которой ничего нельзя было разобрать...

— Ишь ты, какая у нихъ опять перепалка идетъ!... посмѣиваясь, говорили одни.

— Что имъ, ларень, дѣлать-то: замѣчали, ухмыляясь, другіе.

Подобныя ссоры бывали нерѣдко. Семейная вражда возрастала съ каждымъ годомъ и перешла въ какую-то тупую ненависть... Первоначальный источникъ этой вражды была зависть. И хотя въ настоящее время дѣла Никеша были вовсе не въ такомъ блестящемъ состояніи, чтобы возбуждать это чувство, но, однажды зародившись, оно во всемъ находило пищу. Завидовали и тому, что Никеша знакомъ съ господами; завидовали, когда видѣли на немъ какой нибудь, невиданный дотошъ, поношенный сюртукъ, бекешъ съ истертымъ воротникомъ, полуизорванный бархатный картузъ; возмущались, когда на Катеринѣ появилось новое платье; досадовали, что все это доставалось Никешѣ даромъ, думали, что онъ много получаетъ денегъ, и когда видѣли въ чемъ нибудь недостатки — только радовались... А между тѣмъ семья Никеша дѣйствительно терпѣла такіе недостатки, какихъ прежде, въ бывшее время, когда Никеша не имѣлъ благодѣтелей, оно не испытывало. Никеша, а за нимъ и его семья, мало по малу привыкли располагать свою жизнь въ расчетъ на помощь благодѣтелей. Въ этомъ расчетѣ Никеша часто оставлялъ свое хозяйство для разъѣздовъ по помѣщикамъ; но эти поѣздки уже не приносили прежнихъ выгодъ: благодѣтели перестали быть щедрыми, они присмотрѣлись къ Никешѣ; въ ихъ глазахъ онъ не былъ болѣе интереснымъ шуткомъ, но сталъ просто скучнымъ попрошайкой. И дѣйствительно: Осташковъ, видя, что господа уже не забавляются на счетъ его такъ часто, какъ прежде, а не забавляясь забываютъ его и не награждаютъ, обратился къ простѣйшему средству возбуждать щедрость благодѣтелей: къ простому выпрашиванію. Но это средство оказалось весьма неудобнымъ, по крайней мѣрѣ мало прибыльнымъ. Никешѣ давали иногда поношенный сюртукъ, давали четверикъ или два ржи, но денегъ уже онъ не привозилъ домой по прежнему. Между тѣмъ, со времени перваго его выѣзда въ свѣтъ, семья его увеличилась: у него было уже пять человѣкъ дѣтей, нужды стало больше, а хозяйство, часто оставляемое хозяиномъ, шло хуже и меньше приносило выгоды, между тѣмъ и Никеша вышелъ со-

веріенно изъ-подъ власти Натальи Никитишны, обдѣвилася, почти совсѣмъ бросилъ работу около дома, сваливши всю ее на жену, и уѣзжалъ изъ дома часто только для того, чтобы ничего не дѣлать, ѣсть и пить сладко. Съ горемъ видѣла эту неожиданную переиѣну Прасковья Ѳедоровна и, сговорясь съ Натальей Никитишной, нанускалась иногда на зятя, упрекая его, что онъ не заботится о домѣ и только даромъ илается, свалилъ всю работу на жену, точно на наемную работницу, а самъ живетъ баринкомъ, да еще взыскиваетъ, какъ что не такъ, да претензіи своя показываетъ. Но уже Никеша былъ не прежній: онъ считалъ уже себя главнымъ хозяиномъ въ домѣ и полнымъ господиномъ своей воли, и на упреки старухъ отвѣчалъ иногда такой бранью, что тѣ только отшлеивались, да уши затыкали. Въ хорошемъ расположеніи духа, или при сильныхъ доводахъ, когда, напримеръ, Прасковья Ѳедоровна указывала на то, что беременная Катерина сама должна дрова рубить и въ избу ихъ таскать, что сама она и воду носить, и скотину кормить, и, со слезами на глазахъ показывая на дочь, говорила бывало:

— Посмотри-тка на Катерину-то: такая ли она стала, какая была, какую ты взялъ ее отъ меня. Смотри-тка, хороша ли стала: высохла, да позеленѣла.

Тогда Никеша въ оправданіе свое приводилъ такіе резоны, противъ которыхъ и сама Прасковья Ѳедоровна не находилась, что возражать:

— Такъ что же мнѣ всю знать свою покинуть, что-ли? говорилъ онъ:—не ѣздить къ господамъ-то, чтобы и совсѣмъ меня позабыли. И теперь-то они ужъ скупы стали, а тогда и во все оставлять... Послѣ къ нимъ и не подступишься... А вотъ дѣти подрастаютъ, Николая-то надо, чай, въ учобу отдавать: сама говорила... А кто ихъ станеть у меня учить-то, да въ ученѣ-то содержать, какъ господа-то отъ насъ отступятся?... Что мнѣ дѣтей-то темными людьми что-ли покинуть, какъ самъ вѣкъ живу темнымъ человѣкомъ?.. А какъ я ихъ обучу безъ господской помощи? А самъ не стану къ господамъ ѣздить, такъ они, что-ли, стануть ходить за мной?... Дождайся... стануть...

— Кто тебѣ про то говорить... А надо бы и объ женѣ-то подумать...

— Такъ что же мнѣ дѣлать-то?... Работницу, что-ли, изъ-за нея нанять?—такъ же отъ нашихъ капиталовъ.

Не знала, что отвѣчать на это Прасковья Федоровна, и дѣло тѣмъ и кончалось, а Никеша опять продолжалъ свои разъѣзды.

На слѣдующее утро послѣ описанной ссоры, еще до солнца, Иванъ вышелъ съ косою на гумно и началъ косить на половинѣ Никеша. Наталья Никитишна первая это увидѣла и пришла въ сильнѣйшее негодованіе.

— Что ты дѣлаешь, обидчикъ! закричала она на племянника.

— А что? отвѣчалъ Иванъ, нахально усмѣхаясь.

— Да какъ что? На что ты нашу-то половину косишь?

— А на то и кошу, что ваши ребятишки все гумно у меня перемяли... Такъ мнѣ изъ-за вашихъ пострѣлять безъ сѣна что-ли оставаться?...

— Батюшки! что они съ нами, душегубцы, хотятъ дѣлать! раззорить они насъ хотятъ... Катерина, Катерина, води, matka, посмотри, что батюшка-то съ братцомъ еще выдумали....

Катерина выбѣжала на зовъ Натальи Никитишны, увидала, въ чемъ дѣло, также пришла въ ужасъ и негодованіе, закричала и завопила; но Иванъ, не обращая на нее никакого вниманія, продолжалъ подкашивать густую траву. Надрывалось сердце бѣдныхъ женщинъ отъ обиды и сожалѣнія объ отнимаемой собственности, но печѣнь было помочь горю, не къ кому обратиться съ жалобой: хозяина не было дома.

— Гдѣ этотъ Никоноръ Александрычъ! говорили женщины, заливаясь слезами.—Погоди, злодѣй, погоди, вотъ онъ прійдетъ!

— А что онъ мнѣ сдѣластъ, вашъ-то дуралей Александрычъ! Больно я его боюсь... Захотимъ, такъ и ничего не дадимъ: еще чѣмъ батюшка благословитъ, тѣмъ и владѣть будетъ...

Заливаясь горькими слезами, бѣдныя женщины отступились до времени отъ обидчика и ушли въ избу тужить о своемъ горѣ.

Около полуденъ пріѣхалъ и Никеша, въ сопровожденіи молодого, высокаго, коренастаго парня съ краснымъ лицомъ и рыжими волосами. Это былъ работникъ Оома, данный Никешѣ благодѣтелемъ на помощь къ сѣнокосу. Никеша, правилъ лошадей, лѣлясь на передкѣ, а сзади его, раскинувшись во всю телѣгу и оборотя лицо къ солнцу, лежалъ Оома и спалъ крѣпкимъ сномъ.

Лишь только Никеша остановился у воротъ своего дома, къ нему выскочили нетерпѣливо его ожидавшія жена и тетка.

— Гдѣ ты былъ, гдѣ пропадалъ? заговорили онѣ въ одинъ голосъ.

— Гдѣ былъ? Извѣстно, гдѣ былъ... Не на печи слово заесть

сидѣлъ... Вотъ работника промыслилъ на сѣнокосъ. . Спасибо, благодѣтель Яковъ Петровичъ пожаловалъ... отвѣчалъ Никеша.— Эй, Ома Мосеичъ... а Ома Мосеичъ... продолжалъ онъ, обращаясь къ парню, лежавшему въ телегѣ.

— Ми... промычалъ Ома.

— Вставайте...

— Пошелъ къ чорту... отвѣчалъ Ома, отмахиваясь.

— Хорошаго работничка привезъ!... проговорила жена — Да что косить-то будешь?.. Безъ тебя ужъ все давно убрали... Къ пусту мѣсту пріѣхалъ...

— Кто убралъ?..

— Посмотри на гумнѣ-то: много ли осталось травы-то; всю батюшка-то съ братцомъ про себя выкосилъ...

— Какъ такъ? спросилъ Никеша съ испугомъ и изумленіемъ.

— Да такъ: ты вотъ гулялъ, да работника искалъ къ пусту мѣсту, а они безъ тебя взяли, да и скосили... Да и насъ-то изругали, изсрамили всякимъ гадомъ и ребятишскъ-то искалечили...

— Да что за напасть! какъ, гумно скосили!.. повторилъ Никеша, какъ бы въ остолебеніи.— Покажь-ка...

— Поди, посмотри, батюшка: таково ли тебѣ будетъ сладко, какъ намъ... Поди, порадуйся... повторила жена и тетка, слѣдуя за Никешей, который крупными шагами шелъ на гумно.

— Ахъ!.. вскричалъ только Никеша, увидя подкошенное пространство, и развелъ объими руками.

— Да и въ лугахъ-то всю траву-то испродали, Никоноръ Александрычъ: Алешкинскіе мужики ужъ и выкосили и увезли... Намъ половины супротивъ лѣтошнаго-то не оставили... Вотъ, вѣдь, что сдѣлали...

— Ахъ! повторилъ опять Никеша, стоя на одномъ мѣстѣ неподвижно и разводя руками.

— Да какъ срамились-то, Никоноръ Александрычъ: какого только гаду не прибрали... Вѣдь, срамота-то какая... Да, вѣдь, Ванюшка-то чуть не избилъ и насъ-то...

— Ахъ!.. повторилъ Никеша. Что ты станешь дѣлать...

— Какъ что дѣлать... отозвалась Наталья Никитишна... Неужели имъ такъ и позволено разбойничать... Вѣдь, чай, судъ можно найти... Чай, не безсудные... Производителю пожаловаться можно... Неужто ужъ такъ въ обиду и дадутъ...

— Вѣстимо, надо пожаловаться... И вправду они здѣсь надъ

нами того и смотри убойство сдѣлаютъ... Вотъ только того и жди... Поди-ка Ванюшка-то вчера, такъ съ кулаками и наскандаливаетъ...

— Пожалуюся предводителю, безпремѣнно пожалуюсь... говорилъ Никеша и опять размахнулъ руками и произнесъ отчаяннымъ голосомъ: ахъ, ты Боже мой!..

— Пожалуйся, батюшка, Никоноръ Александрычъ, говорила Катерина, хныкая... Что ужъ это на что похоже... Совсѣмъ житья нѣтъ, совсѣмъ заѣли...

— Пожалуюсь, безпременно пожалуюсь... Вотъ въ Петровъ день предводитель велѣлъ къ себѣ пріѣзжать на праздникъ... Вотъ поѣду и пожалуюсь...

— Ну, опять уѣдешь, опять на недѣлю домъ покинешь...

— Такъ не стану ѣздить: кто же въ насъ вступится-то — что не дѣло-то говоришь... прикрикнулъ Никеша. Теперь нечего дѣлать: подемте, отложить лошадь-то да приниматься косить что осталось... Ахъ... ма!..

— Хошь бы ты пошелъ, да хошь бы теперь посрамился со своимъ-то братцомъ, говорила Катерина, идя назадъ къ избѣ, вслѣдъ за мужемъ... хошь бы поругался-то... Ну что за напасть, вѣдь, совсѣмъ прохода отъ него никому нѣтъ: вчера... ну, избилъ ребятишекъ, такъ избилъ... всѣхъ извертѣлъ...

Никеша ни слова не отвѣчалъ. Онъ подошелъ къ телѣгѣ своей, гдѣ все еще спалъ Оома Моисейчъ и началъ снова будить его...

— Ну что же, вставай Оома Моисейчъ, говорилъ онъ... Вѣдь, ужъ давно пріѣхали... Вставайте...

Оома, послѣ долгихъ потягиваній, наконецъ открылъ свои заспаные глаза и сѣлъ въ телѣгѣ.

— Ай, парень, на солнышкѣ-то больно сладко спится... проговорилъ онъ, зѣвая и потягиваясь... Ну, что, баринъ, теперь чаемъ что ли станешь угощать, али водкой?..

— Полно-ка, Оома Моисейчъ, пожалѣй-ка лучше о моемъ горѣ...

— Что за горе такое?..

— А такое горе, что совсѣмъ изобидѣли... И работать, братъ, намъ съ тобой, почитай, нечего: всю траву у меня выкосили...

— Вона... кто же это!..

Никеша, отпрягая лошадь изъ телѣги, рассказалъ Фомѣ все, подробно.

— Не знаю ужъ теперь что и дѣлать! сказалъ онъ въ заключеніе.

— Такъ какъ же они такъ могли... ты, значить, баринъ, теперь долженъ это сѣно съ нихъ стробовать...

— Вотъ и хочу идти къ предводителю жаловаться...

— Вотъ, жаловаться... Да гдѣ сѣно-то: убрано съ гумна-то, али нѣтъ еще?..

— Нѣтъ еще на гумнѣ, только на свою половину перевезли...

— Пу такъ что: возьми навей и свое и ихное сѣно-то на телѣгу, да и перевези къ себѣ... Вотъ и шабашъ!.. А то еще жаловаться... Они у тебя скосили, а ты у нихъ возьми кошено—вотъ и важню будетъ... И дѣло безъ хлопотъ...

— Да, вѣдь, не дадутъ: поди-ка я, вѣдь, вонъ какой, а братъ-отъ безъ-малъ не выше ли тебя—убьетъ меня, и живаго мѣста не оставитъ...

— А я-то на-что: общай полштофа водки, такъ я те помогу... Какой бы ни на есть твой братъ, еще помѣряемся... Глянь-ка: вотъ лапа-то... хошь ли: давай полштофа—все дѣло оуправлю... какъ слѣдуетъ сдѣлаемъ...

— А что и есть, Никоноръ Александрычъ,—вмѣшалась Катерина; онъ добрый человекъ, дѣло тебѣ совѣтуетъ... Что и есть: не чужое возьмемъ, свое... По крайности, пусть ме смѣются же имъ надъ нами...

— Полноте-ка, поножовщина у васъ только выйдетъ, возразила Наталья Никитишна.

— В—вотъ... поножовщина! отвѣчалъ Ома... Могн-ка онъ меня тронуть только... Полно, баринъ, ничего не будетъ, я тебѣ говорю: общай только полштофа—будешь съ сѣномъ.

— Не думай, Никоноръ Александрычъ, воѣзжай; ничего не бойся и есть: свое возьмешь, не чужое.

— Ладно... Выставлю полштофа: поѣдемъ... Бабы, выносите грабли...

— Вотъ люблю!.. Только ты смотриай: не надууй...

— Вотъ тебѣ на...

— То-то... зяпргай же опять лошадь-то въ телѣгу, да и поѣдемъ! говорилъ Ома, проворно слѣзая съ телѣги. Дай я те помогу. Я этакъ люблю...

— Какъ?

— А силодорожъ-то сдѣлать что нибудь...

— А—а?!

— О, смерть моя... Никому не уступлю, коли ша то пойдеть... Кабы, кажись, мнѣ не во дворѣ жить, а въ разбойникахъ бы идти, что встѣ дядя Никонъ у насъ въ сказкахъ разсказываетъ... бѣда бы какой была... Тотчасъ бы въ атаману посадили... Теперь вотъ когда во дворѣ драча какая, али кондра выйдетъ, я ушь тутъ завсегда первый... Такъ руки и зудятся... Ушь коли что ша озорство взять, такъ меня кашей не кори— клини только...

— О?!..

— Пра!.. я шъ—этого сердцемъ такой выпелъ... Ну, готово, поѣдемъ... Гдѣ хозяйка-то?.. Здѣсь?.. Ну ладно... Подемъте...

Когда Никаноръ, въ сопровожденіи своей партіи, вооруженной граблями, вѣхалъ на гумно, Иванъ, уже былъ тамъ и докапывалъ доскутокъ луговины. Увидя приближающагося брата, онъ пересталъ косить и смотрѣлъ что будетъ дѣлать Никеша.

— Что вы тутъ дѣлаете? закричалъ онъ, когда увидѣлъ что, телѣга остановилась у первой копны сѣна и се начали укладывать на телѣгу.

— Это братъ-то твой? спросилъ Ома.

— Да...

— Ну, парень, экихъ-то видали...

— Да что вы и самъ дѣлѣ! повторилъ Иванъ подходя къ брату. Ты, Никаноръ, что хочешь дѣлать?..

— Сѣно забрать... нетвердо отвѣчалъ Никеша.

— Да это развѣ твое... Это я накошилъ... Не трожь...

— Ну, и ладно что припасъ... И на томъ спасибо, что накосилъ, а мы веземъ... отозвался Ома...

— А ты что за человекъ?..

— А я такой человекъ! Вишь какой: не глиняный, а жилистой, да костяной... отвѣчалъ Ома; и съ этими словами поднялъ и бросилъ на телѣгу огромную охапку сѣна.

— Да вы что же съ озорствомъ что ли врѣхали?.. Не трожь, говорить... Это сѣно мое..

Тутъ женщины заговорили было обѣ въ одинъ голосъ, но Ома остановилъ ихъ: а вы знай, подгрѣбай... Что вамъ тутъ разговаривать!.. сказалъ онъ имъ...

— Ну, коли твое, такъ бери! обратился онъ къ Ивану, али бо каша не давай, а мы вогъ знаемъ, что свое, такъ и беремъ...

— Да ты что и самъ дѣлѣ? говорилъ Иванъ, разгорчаяся и подступая къ Оомѣ.

— А ты что? отвѣчалъ Оома и остановился, подпершись въ бока...

— Не трожь, говорятъ, Никоноръ, а то не честью прогоню.

— Ну, подступись... отвѣчалъ Оома, не перемѣняя позы.

— Да ты что на глотку-то лѣзешь... Я, вѣдь, и колъ во- зьму...

— Возьми, чѣмъ мнѣ ходить: на твоей же спицѣ будетъ...

— Охъ ты!.. вскрикнулъ Иванъ и съ поднятымъ кулакомъ бросился на Оому.

— Охъ ты!.. вскрикнулъ Оома и также съ поднятымъ кулакомъ бросился на встрѣчу Ивана.

Они налетѣли другъ на друга.— Женщины завизжали, но противники не ударили другъ друга, а схватили одинъ другаго за воротъ и въ тоже мгновеніе на обоихъ затрещали рубашки, разорванныя черезъ всю грудь. Противники послѣ того оставались нѣсколько секундъ неподвижными, злобно осматривая одинъ другаго.

— Ну, катай! сказалъ наконецъ Оома, откидывая въ сторону кулакъ... И двѣ тяжеловѣсныя зуботычины огласили утренній воздухъ.

Женщины опять завизжали. Оома размахнулся было, чтобы повторить ударъ, но Иванъ вдругъ обратился въ бѣгство, потому-ли что почувствовалъ кровь во рту, или увидѣлъ, что противникъ ему не по силамъ, или испугался новаго нападенія со стороны Никанора, который, впрочемъ, бросился къ дерущимся съ тѣмъ, чтобы разнять ихъ, боясь кровопролитія.

— Что, сдремайлъ?... На утекъ? кричалъ вслѣдъ ему Оома, отирая щоку, на которой выступило багровое пятно... Я быте даль... Что бѣжишь да плюешь, али зубы ронишь?... Многихъ ли нѣтъ... Ну что? говорилъ, что сѣно будетъ наше,—обратился онъ къ Никешѣ. Ну, навивайте же проворнѣй... А ты мнѣ, баринъ, рубаху дай другую... И Оома преспокойно разлегся на лугу, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ... Нѣтъ еще, жидки кости ему барахтаться со мной: я этакихъ-то четверыхъ беру...

Между тѣмъ возъ былъ навить, но въ ту самую минуту, какъ его утягивали веревкой, чтобы везти, на гумно посвѣтнѣно

привелъ, въ сопровожденіи Ивана, самъ Александръ Никитичъ. Ома, увидя ихъ, тотчасъ поднялся на ноги.

— Вотъ еще другаго ведеть: какого-то стараго пса... Подходи...

— Никоноръ, ты что разбойничаешь? кричалъ Александръ Никитичъ. Ты что, мерзавецъ, разбойничаешь?

— Да пачто же вы, батюшка, сѣно-то мое скосили?..

— Да развѣ твое, развѣ у тебя есть что твое, развѣ не моеи ты землѣ живешь?... Захочу дамъ, не захочу и изъ дома-то вонъ выгоню... Ахъ ты... Сейчасъ свали назадъ сѣно...

Никоноръ стоялъ въ перѣшимости...

— Вези, баринъ, что его слушать-то... стараго хрыча... говорилъ Ома.

Тутъ вступились было женщины съ обычнымъ своимъ крикомъ и визгомъ. Но Александръ Никитичъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія.

— Никешка, тебѣ говорятъ: свали, кричалъ старикъ.

— Вези, баринъ! настаивалъ Ома, и взялъ лошадь подъ узды.

— Никешка, не послушася—прокляну, и не будетъ тебѣ моего благословенія ни въ сей вѣкъ ни въ буціей и во вѣки вѣковъ.

— Отступись, плюнь: шепула Никешѣ Наталья Никитишна. Противъ родителя видно не пойдешь... Отступись: имъ въ прокъ не пойдетъ... За обидимыхъ Богъ накажетъ...

— Ну, такъ сваливайте! проговорилъ, смутившись, Пикеша.

— Что? сваливать?... отозвался Ома. Не дамъ сваливать: вези домой.

— А ты, молодець, не буянь: я еще пойду въ деревню, да попрошу, чтобы тебѣ руки скрутили, да въ судъ представили; чтобы ты не буянилъ, не дрался бы...

— Пожалуй представляй: я господскій человекъ, за меня мой господинъ отвѣтитъ... Ну пачего, баринъ, пустаго-то разговаривать: вези сѣно домой, благо возъ павили...

— Нѣту, Ома Мосситъ, надо, видно, свалить: родитель приказываютъ...

— Такъ сваливать будешь?...

— Надо свалить.

— Такъ тѣу тебѣ... чортово урево... Изъ-за-чего же я хлопоталъ-то... А еще баринъ прозывается... И плюнувъ чуть не въ лицо несчастному Никешѣ, Ома пошелъ прочь, съ самымъ

недовольный видокъ, и, отойдя нѣсколько десятковъ саженъ; легъ на землѣ на самомъ солнечномъ припеѣ. Наскочилъ бы ты на меня еще: я бы те далъ... бормоталъ онъ, злобно поглядывая въ ту сторону, гдѣ остались его враги и союзники...

Когда Ома ушелъ, и въ то время, пока сваливали возъ съ сѣномъ, Александръ Никитичъ продолжалъ бранить Никешу. Тотъ ничего не возражалъ, но Катерина и Наталья Никитишна отбранивались.

— Да ну, что еще лаешься, сказала наконецъ Наталья Никитишна, когда телѣга была совершенно опростана: вотъ твоє сѣно, возьми его, подавись... Развѣ и тебѣ Богъ попуститъ, что обижася сына съ внучатами? не попуститъ, небось... Экой отецъ!... И уныло, съ поникшею головою, на пустой телѣгѣ поѣхалъ Никеша обратно къ дому, сопровождаемый смѣхомъ Пвана и бранью и угрозами отца.

— А ты не убивайся, Никешенька: пушай, Богъ съ нимъ, родительская воля... А съ твоего добра онъ не разживется,.. А ты работай-ка по-прежнему, да встань на прежнюю ступень, такъ и будешь у тебя всего много и безъ отцовскаго.

— Ну, у васъ только и есть, что работай, а много ли самито безъ меня работаете... Какъ бы я-то не промышлялъ, такъ немного бы нажѣла... бормоталъ про себя Никеша.

Они поровнялись съ Омой.

— Ну что, баринъ, все для тебя сдѣлалъ: самъ не умѣлъ получить, на себя и пеняй... А новую рубашку ты мнѣ представь, хошь съ себя сними...

— Пойдемте.

— Куда?... завтракать что ль?

— Нѣтъ еще? завтракать-то рано, а надо косить приниматься...

Ома свиснулъ.

— Нѣтъ, баринъ, шалишь: косить-то ужъ я не пойду, сыти... Нѣтъ, вонъ у меня скулы-то какія... За водкой пошли, такъ—такъ, выпить можно...

— Теперя не время... А надо косить: скоро роса поднимется, тогда на косу не пойдетъ...

— Я тебѣ сѣна-то было много накосилъ, да самъ изъ рукъ выпустилъ, такъ наплевать тебѣ... Вотъ рубаху-то новую подай...

— Ну пойдемте.

— Да куда я пойду... пошелъ къ чорту...

— Да что это, батя, вступилась Наталья Никитишна: те-

бя, чай, господинь-то не на боку лежать прислалъ сюда, а пожочь покосить...

— Я вамъ и то помогаль отъ всей души, а вы вонъ и завтракъ-то не даете... Съ голоднымъ-то брюхожь плоха работа...

— Да дай, батька, управиться-то: всякое тебѣ угощеніе предоставимъ, а теперь какой еще завтракъ: хлѣбца, коли хошь, вынесемъ... Вотъ и поѣшь...

— Спасибо... Ышь сама...

— Такъ какъ же это, другъ любезный, въдь, не станешь работать, такъ и господину твоему такъ и Никонорушка скажетъ, пожалуется, что ты господскаго приказа не исполнилъ...

— Да ну, отступись: подавай косу... Я те накопу, чертовка этакая... Я те уважу!... бормоталь онъ... Неси косу... Вишь ты: жаловаться хочешь... Много вашей братья нищеплетовъ: на каждого не накопиться...

Принесли Ѳомѣ косу и онъ сталъ рядомъ съ Никешей.

— Ну, смотри же, баринъ, поспѣвай, сказалъ онъ и быстро замахаль косою, но косилъ такъ неровно я съ такими пропусками, что Никеша рѣшился замѣтить ему.

— Ну какъ же еще косить: вишь, на васъ ничѣмъ не потрафишь... Глаже что ли косить?..

И Ѳома такъ размахнулъ косою, что она до половины вошла въ землю—и переломилась.

Обѣ женщины вскрикнули и чуть не заплакали отъ огорченія и досады. Никеша тоже разсердился и огорчился.

— Что же вы это дѣлаете... Это вы напрасно... Это, братецъ, не хорошо... Что вы даромъ только добро мое—косу изгубили, а работы отъ васъ нѣтъ... Это я барину на васъ жалобу долженъ произнести...

— Эхъ, баринъ, поднесъ бы ты мнѣ водки, да далъ бы закусить хорошенько, такъ я бы тебѣ, знаешь... не то что, а весь бы сѣнокосъ одинъ тебѣ управилъ... А то кто на тебя стачетъ голодный работать... Пожалуй, жалуйся барину: развѣ онъ тебя похвалить, что выпросилъ чловѣка работать, да и накормить не хочешь...

— Что вы напрасно говорите... Какъ же можно, чтобы не накормить, а только что еще не управилъ... Цоди, Катерина, едѣлай хоть ящичку посморю...

— Да водки, баринъ, купи: самъ общалъ, а то и работать не стану... Вотъ тебѣ и весь тутъ сказъ...

— Да, стоишь ты водки... Обидчикъ ты, видно... виѣшалась разсерженная Катерина... Какъ бы моя была воля, такъ не то, что поить тебя да кормить, а просто напроосто: пустила бы я тебя голоднаго домой: ступай, голубчикъ, пришелъ ты не работать, а бражничать... Намъ тебя угощать не изъ-чего... Шелъ бы домой, поперѣ бы верстѣ-то 30 съ пустымъ-то брюхомъ, такъ и умѣе бы былъ... Вотъ, право бы сдѣлала...

— Сдѣлай!... Такъ какъ-то онъ, баринъ-то твой, господинъ, къ намъ на дворъ носъ-отъ покажетъ?..

— Ступай, Катерина, въ свое мѣсто: не твое тутъ дѣло, возразилъ Никеша: говорятъ тебѣ—яичнину исжарь, да къ дядѣ Николаю сбѣгай: возьми водки на гривенникъ...

— Вотъ такъ-то лучше... Угостишь — и работать стану, какъ слѣдуетъ! говорилъ Ома, развалясь на травѣ.

— Экихъ работниковъ возить! бормотала про себя Катерина, съ недовольнымъ лицомъ отправляясь къ избѣ своей.

Никеша, скрѣпя сердцѣ, продолжалъ косить одинъ. Паталя Никитишна ничего не говорила, слушая весь этотъ разговоръ и смотря на все происходящее. Нѣтъ, не тѣ у насъ порядки пошли, не настоящіе, и Никеша сталъ другой... думала она про себя и только неодобрительно покачивала головою.

И угощеніе мало помогло: Ома, выпивши водки и порядкомъ закусивши, работалъ лѣнливо и Никешу только развѣскалъ своими рассказами и разговорами. И вышелъ этотъ работникъ только даровымъ нахлѣбникомъ. Да еще на другой день послѣ сѣнокоса, когда сталъ собираться домой, требовалъ, чтобы его подвезли на лошади, а когда отказали, обругалъ на прощаньи и общалъ, какъ пріѣдетъ Никеша къ его барину, сдѣлать ему какую нибудь пакость... Такъ шло все хозяйство Никеша съ помощію и подъ покровительствомъ благодѣтелей помѣщиковъ. Но чрезъ недѣлю послѣ сѣнокоса Никеша счелъ нужнымъ ѣхать къ предводителю на Петровъ день, а по дорогѣ завернулъ и къ Якову Петровичу Комкову, чтобы поблагодарить его за пожалованнаго работника. Комковъ полюбопытствовалъ узнать хорошо ли работалъ Ома, Никеша слегка на него пожаловался и рассказалъ свои похождения вмѣстѣ съ Омою за вѣномъ на отцовское гумно: Яковъ Петровичъ очень смѣялся надъ всѣмъ этимъ и, какъ будто, даже остался доволенъ выходками Омы. Нике-

на томъ улыбался, слушая веселый смѣхъ своего благодѣтеля, и радовался, что его рассказы доставляютъ удовольствіе.

II.

Предводителемъ на текущее трехлѣтіе былъ избранъ Рыбинскій, къ великому неудовольствію и оскорбленію Палёнова, который разсчитывалъ было занять это возжеланное званіе. Но трехлѣтіе приходило къ концу; будущаю зиму должны были быть выборы и Рыбинскій старался поддержать расположеніе дворянъ. Образъ жизни его не измѣнился: домъ его, по прежнему, представлялъ нѣчто въ родѣ трактира съ цыганами, хлѣбосольство и расточительность оставались прежнія, но самъ Рыбинскій держалъ себя съ дворянами уже иначе и успѣлъ вооружить противъ себя многихъ изъ нихъ. Почетность и независимость положенія предводителя, работѣнное низконеклюство уѣздныхъ чиновниковъ и мелкихъ дворянъ, изъ которыхъ многіе называли его «ваше превосходительство», а иные, въ порывѣ восторга самоуниженія, цѣловали у него руки, развили въ Рыбинскомъ врожденную склонность къ самоуправству, доводившему его почти до ребяческаго задора. Онъ какъ будто считалъ своею обязанностію при всякомъ случаѣ дѣлать на зло уѣзднымъ судамъ, умышленно заводилъ ссоры съ губернаторомъ и другими губернскими властями. Хотя все это и нравилось молодымъ людямъ и привлекало ихъ къ Рыбинскому, за то возмущало противъ него людей семейныхъ и солидныхъ, изъ которыхъ Палёновъ умѣлъ составить противъ него оппозиціонную партію. Рыбинскій зналъ это и мало беспокоился: онъ понималъ, что большинство на выборахъ останется на его сторонѣ; онъ зналъ, что расчетливому и даже скупому Палёнову, притомъ чуждому семейному, домъ котораго придерживался строгаго этикета, не привлечь такого сочувствія дворянства, какое привлекало его хлѣбосольство, его открытый столъ и домъ, отсутствіе всякихъ приличій, простота, а подъ часъ даже и покровительственная грубость обращенія. Онъ понималъ все это, если не въ соображенію, то инстинктивно, — и не боялся соперничества Палёнова и его оппозиція на выборахъ; но самолюбіе Рыбинскаго уже не удовлетворялось званіемъ уѣзднаго предводителя: онъ мечталъ попасть въ губернскіе. Для этого минувшую зиму онъ провелъ въ губернскомъ городѣ, знакомился съ центральными

другихъ уѣздовъ, задавалъ роскошные обѣды, устраивалъ общественныя удовольствія, за которыя великодушно раскладывалъ изъ одного своего кошелька, однимъ словомъ, — удивилъ и плѣнилъ почти весь городъ своею расточительною. Теперь день своего ангела онъ хотѣлъ отпраздновать въ деревнѣ съ особеннаго великолѣпиемъ, и приглашалъ на него послѣдникомъ даже изъ отдаленныхъ уѣздовъ, разсылая по всѣмъ провинціямъ предстоящаго праздника, точно ассины на мѣсто шведъ театральное представленіе. И чего-чего не было въ этой программѣ: и театральное представленіе на открытомъ воздухѣ, и балетъ въ естественной рощѣ при искусственномъ освѣщеніи, и балъ съ ужинами, и народный праздникъ съ угощеніемъ народа, и кавалькады ночью съ факелами, и ночныя прогулки на лодкахъ по водѣ съ фейерверками, и кулачные бои у востаго народа, и скачки на тройкахъ и пр. и пр., такъ-что одинъ новѣстникъ, прочитавши эту программу, только плечи поднялъ да руками развелъ, приговаривая: столпотвореніе вавилонское! Содомъ и Гоморъ да в баста!... а другой лаконически проговорилъ только: раззорится!... лопнетъ!... помните мое слово — лопнетъ!... Разумѣется, на такой праздникъ нельзя было не ѣхать, хотя бы и за сто верстъ, но долго однакожь въ семейныхъ домахъ разрѣивался сомнительный вопросъ: можно ли ѣхать дамамъ къ холостому человеку. Впрочемъ, женское любопытство побѣдило излишнюю скромность приличій: и за день и наканунѣ Петрова дня на обширный дворъ усадьбы Рыбинскаго безпрестанно въѣзжали разнообразныя экипажи, запряженные тройками, четверками, шестерками и наполовонные разряженными дамами. Никешина толѣтка также пріютилась гдѣ-то, сиромно, въ самомъ дальнемъ уголкѣ. Ему тоже было милостиво приказано явиться на предстоящій праздникъ.

Въ день праздника послѣ обѣда всѣ гости сошлись въ парадныя пріемныя комнаты хозяина, и тотчасъ же сами собою раздѣлились на группы: тысячедушные до пятисотадушныхъ включительно составили одну группу на самомъ видномъ мѣстѣ около хозяина. Къ этой группѣ примыкали молодые и холостые люди разныхъ состояній, даже стодушные, но побывавшіе хоть разъ въ жизни въ столицахъ. Изъ прочихъ посѣтителей къ этой группѣ подходившіе развѣ только за тѣмъ, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе, и тотчасъ же отходили къ своимъ. Примыкая къ этой группѣ, но все-таки отдѣльно, составлялась другая изъ помѣщи-

новъ, считавшихъ себя людьми не столь богатыми и знатными, но имѣвшими право голоса и шаръ на баллотировкѣ. Наконецъ третья группа, поименованная болѣею частію въ первой залѣ поближе къ входнымъ дверямъ и въ биллиардной, образовалась изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ и неважныхъ чиновниковъ уѣзда; а важными, какъ извѣстно читателю, считаются въ уѣздѣ городничій, исправникъ, да судья: они принадлежатъ ко второй группѣ, принимаютъ съ любезною улыбкою и въ первой, и сами съ такою же улыбкою обращаются къ третьей: Всѣ эти группы образовались сами собою, безъ воли и распоряженія хозяина, который старался оказывать особенное вниманіе второй группѣ, какъ самой многочисленной и состоящей изъ людей болѣе для него нужныхъ. Въ первой группѣ шло разговоровъ солидныхъ, спокойныхъ и внушительныхъ, возникали иногда споры, но и они сопровождались и оканчивались съ какимъ-то особеннымъ достоинствомъ. Во второй группѣ было больше одушевленія и веселости, больше шума, смѣха и споровъ. За то очень скромно, молчаливо и осторожно держала себя братія третьяго кружка: казалось, что тамъ чувствовалась всѣми какая-то неловкость и даже преждевременная скука. Дамы, разумеется, были всѣ вмѣстѣ, но здѣсь еще скорѣе и рѣзче обозначалось различіе положеній, состояній и костюмовъ, тѣмъ болѣе, что встрѣтилось много между собою незнакомыхъ, съѣхавшихся изъ разныхъ сторонъ; и теперь пока, до болѣе подробныхъ изслѣдованій, общественное положеніе и право на уваженіе каждой изъ нихъ опредѣлялось прочими только по одному костюму. Въ дамскомъ кругу чины и состояніе играютъ большую роль и имѣютъ еще болѣе значенія, нежели въ мужскомъ. Женщина никогда не уважаетъ другую женщину за ея личныя достоинства, она даже и себя цѣнитъ не по самой себѣ, но или за мужа, или за родныхъ, или за состояніе и образованіе, которое ей дали.

Рыбинскій старался быть любезнымъ хозяиномъ и употреблялъ всѣ усилія, чтобы сблизить дамъ, но напрасно: они дичились другъ друга, и каждая старалась держаться ближе къ тѣмъ, съ которыми была знакома прежде. Единодушнаго разговора никакъ не возникало; и тѣмъ болѣе Рыбинской старался объ этомъ, тѣмъ выходило хуже, потому что каждая изъ нихъ сердилась на другую, съ которою Рыбинскій заговаривалъ.

Между прочими гостями были и старые наши знакомые: Неудавъ, Кошкоть, Тархановъ, Прѣхаль и Палековъ, но ждалъ

обнаруживать своего нерасположенія къ Рыбинскому; но жонн съ собою не привезъ. Онъ, разумеется, фигурировалъ въ первой группѣ и ораторствовалъ съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ о всевозможныхъ предметахъ.

Между прочимъ, выбравши такую минуту, когда больше было слушателей, онъ обратился къ Рыбинскому:

— Я, Павелъ Петровичъ, давно собираюсь обратиться къ вамъ, какъ предводителю, съ покорнѣйшею просьбой. Я увѣренъ, что вы, какъ истый русскій дворянинъ и дворянинъ нашего уѣзда, исполните мою просьбу, потому что она касается интересовъ одного изъ дворянъ нашего уѣзда. Я говорю о несчастномъ Осташковѣ. Я замѣтилъ, что онъ здѣсь, что вы удостоили и его приглашенія наравнѣ со всѣми нами, но я не знаю, извѣстно ли вамъ въ какой бѣдности, нищетѣ и всякаго рода лишеніяхъ находится его семейство. Но бѣдность и лишенія матеріальны ничего не значатъ въ сравненіи съ нравственными лишеніями. Я полагаю, вы въ этомъ совершенно со мною согласитесь?

— Можетъ быть.... но въ чемъ же дѣло?...

— У этого несчастнаго Осташкова пять человѣкъ дѣтей тогда, какъ онъ не имѣетъ средствъ даже прокормить ихъ, а не только дать образованіе, которое требуетъ отъ дворянина наше время, нашъ вѣкъ ... А между тѣмъ дѣтямъ надо дать воспитаніе....

— Что же съ этимъ дѣлать? Не нанять ли на общій счетъ гувернантку для его дѣтей: такъ, вѣдь, ни одна не пойдетъ къ нему.... отвѣчалъ Рыбинскій иронически. Эй, Осташковъ, поди сюда! закричалъ онъ ему черезъ всю комнату. Осташковъ успѣшно бросился на призывъ.

— Какъ ты думаешь: пойдетъ къ тебѣ гувернантка, еслибы мы ее наняли для тебя....

Осташковъ главо смотрѣлъ въ глаза и улыбался ничего не отвѣчая и старался сообразить, къ чему и о чемъ его спрашиваютъ.

— Слышишь ли? что же не отвѣчаешь, Вотъ Николай Андреевъ предлагаетъ дворянству на общій счетъ нанять для тебя гувернантку, чтобы она обучила тебя грамотѣ и французскому языку вмѣстѣ съ твоими дѣтьми.... Говори: желаетъ ли ты этого?....

Всѣ присутствующіе смѣялись. Палѣновъ вскрикнулъ.

— Вы шутите, сказалъ онъ, стараясь удержать гнѣвъ, шутите судьбой несчастнаго бѣдняка-дворянина, а я, пользуясь тѣмъ,

что здѣсь собралось дворянство почти всего нашего уѣзда, хотѣлъ обратить общее вниманіе на судьбу этого бѣдняка и думать, что вы, какъ предводитель, примете въ немъ участіе и захотите ознаменовать дѣнь нашего ангела какимъ нибудь добрымъ дѣломъ....

— Э, полноте, Николай Андрейчъ, объ этомъ наговоримся еще на выборахъ: дѣлу время и потѣхъ часъ, а сегодня я хочу, чтобы всѣ веселились вокругъ меня, чтобы всѣ забыли о своихъ горѣ, чтобы даже Осташковъ забылъ о своей бѣдности и о своей многочисленной семьѣ. Я даже приготовилъ для него особенную роль въ живыхъ картинахъ. Онъ будетъ изображать собою довольство, будетъ сидѣть на кипѣ книгъ, голова, лицо и руки будутъ вымазаны у него скоромнымъ масломъ; передъ нимъ будетъ стоять нѣсколько блюдъ съ кушаньями и корзина съ винами, кругомъ его будутъ стоять мѣшки съ деньгами и одна изъ красивѣйшихъ вакханокъ будетъ возлагать вѣнокъ на его масляную голову. Весь же трудъ твой Осташковъ будетъ состоять только въ томъ, чтобы сидѣть смиренно, да смотрѣть на все тѣми глазами, какъ ты обыкновенно смотришь послѣ сытнаго обѣда, когда тебѣ спать хочется.... Не правда ли: это будетъ чудесная картина?

Всѣ захохотали, иные обидѣлись, а Палѣновъ надулся и журавлиными шагами, съ выпученной впередъ грудью, красный какъ ракъ, съ неудовольствіемъ отошелъ отъ Рыбинскаго. Черезъ нѣсколько минутъ онъ подозвалъ къ себѣ Никешу.

— Пока этотъ негодяй будетъ предводителемъ, сказалъ онъ ему — не жди ничего для твоего семейства: онъ нисколько не заботится о дворянствѣ, которое съ дуру избрало его своимъ представителемъ. Это оттого, что онъ самъ парія, самъ случайно — разбогатѣвшій нищій. Но я и одинъ помогу тебѣ: привози ко мнѣ своего сына, я дамъ ему образованіе на свой собственный счетъ... А чтобы ты былъ увѣренъ, что это не одни только слова, что я сказалъ это не на вѣтеръ и не для того только, чтобы похвастаться или потѣшить тебя, ты теперь же можешь рассказать объ этомъ всякому. Я покажу этому выскочкѣ, этой воронѣ въ навлиныхъ перьяхъ, какъ долженъ держать себя дворянинъ съ своими меньшими братьями.

Осташковъ бросился было цѣловать руку Палѣнова, но тотъ не допустилъ, и строго замѣтилъ, что парія бы чувства ни волновали душу дворянина, но онъ не долженъ позволить себѣ ни-

какого движенія, которое могло бы унижить его въ глазахъ прочихъ. Этого тебѣ, можетъ быть, не казалъ бы хвалить здѣшняго дома: онъ былъ бы даже очень радъ униженію своего собрата передъ собою, но то онъ, а это говорю я. Надюсь, ты самъ знаешь кто изъ насъ имѣетъ болѣе правъ на уваженіе и довѣріе.

Между тѣмъ подали сытный завтракъ, на которомъ такъ много было разныхъ водокъ и винъ, что любители имѣли полную возможность привести себя въ желанное состояніе.

Послѣ завтрака Рыбинскій пригласилъ всѣхъ на восточнородный праздникъ. На большомъ господскомъ дворѣ собралось нѣсколько сотъ крестьянъ. Всѣ мужики Рыбинскаго были въ красныхъ рубашкахъ: у кого не было своей, тому была выдана отъ господина. Бабы также были наряжены въ однообразные поношники. Среди двора возвышалось нѣсколько, гладко выстроганныхъ и намазанныхъ салою, столбовъ разной вышины, на вершинѣ которыхъ висѣли кафтаны, шляпы, сапоги, и т. п., предназначенные для искусныхъ, сѣмьющихъ влезть на столбъ и снять ихъ оттуда. Нѣсколько качелей, гора для катанья возмѣщались по сторонамъ. Среди двора красовалось на возвышеніи нѣсколько бочекъ вина и пива съ разными закусками — самый любопытный предметъ въ глазахъ собравшагоса многолюдья.

Народъ давно уже и съ нетерпѣніемъ толпился около бочекъ, столбовъ, качелей, ожидая когда выйдетъ баринъ и дастъ приказаніе начинать.

— А что, Ванюха, станешь ли пить водку-то? слышалось въ толпѣ.

— Какъ, паря, не пить, какъ поднесутъ.

— Да, стануть ли, парень, водкой-то поить.

— Ну, вот! Такъ не стануть, что ли?

— А ну, можетъ...

— А что?

— Такъ... Можетъ и не стануть.

— Ну, такъ и такъ уйдемъ.

— Да нѣтъ, парень, чай, поднесутъ...

— Ну, какъ не поднести: на что же и выставить, когда водносить не стануть...

— Знаю дѣло: на что и выставить...

— Долго баринъ-то не выходить...

— Долго-то, долго...

— А что, Петруха, слышалось въ другой старостѣ, что ты пойдешь на столбъ, али нѣтъ?

— А что?

— Да такъ: молъ, пойдешь, али нѣтъ?

— Поижду...

— Вѣдь, чай, не достанешь ничего.

— А можетъ...

— Да нѣтъ, не ссяжешь... Тебѣ не ссягни... Разъ ужъ какъ...

— А можетъ и ссягу?!..

— Да знамо: оно годится, не купленное.

— А что, matka, будемъ ли на качеляхъ-то качаться?

— Знамо, будемъ... И на качеляхъ этихъ и на горѣ вонъ... Вонъ ребяткишки поѣхали: не утерпѣли, пострѣлята... Вишь, вишь...

— Да что больно баринъ-то долго не выходитъ... Поватался бы, дѣвка... Чай, вѣдь, страшно.

— Да чего бояться-то: только сиди знай, да крѣпче держись... Долго баринъ-то нейдетъ...

— Долго и есть, дѣвка.

Наконецъ на террасѣ дома, выходявшей на дворъ, вмѣстѣ съ гостями появился и Рыбинскій. При видѣ его, вся толпа заревѣла ура! Имящичикъ поклонился и махнулъ въ воздухѣ шляпою, въ то же мгновеніе сзади народа взлетѣла ракета: бѣлой, едва замѣтной полосой прокатилась она среди дневнаго свѣта, потомъ опрокинулась, устремилась внизъ, и вдругъ, не долетая до земли нѣсколько сажень, лопнула съ трескомъ надъ головами зрителей. Это былъ сигналъ для открытія праздника. Нѣсколько человекъ виночерпѣвъ явилось у бочекъ съ виномъ и народъ снова огласилъ воздухъ радостными криками. Въ необыкновенно короткое время весь народъ уже былъ на-веселѣ. Начались хороводы, пѣніе. Образовались отдѣльныя толпы около качелей, горы, столбовъ. Нѣкоторые изъ гостей сошли съ террасы и подошли, чтобы смотрѣть поближе на одного смѣльчака, влѣзавшаго на самый высокій столбъ за плисовой поддевкой и сапогами. Нѣсколько разъ уже онъ обрывался и скользилъ внизъ, возбуждая насмѣшки зрителей, но не терялъ присутствія духа и дѣлъ снова, поднимаясь съ каждымъ разомъ все выше и выше.

— Петруха, опять въ Нижній поѣдешь скоро! кричали смѣльчаку изъ толпы.

— Эй, Петрай, смотри, морду облупишь...

— Столбъ-отъ, столбъ-отъ раздвинь...

— Ребята, сало лижетъ, сало лижетъ... У-у, поѣхалъ! кричалъ народъ, сопровождая смѣхомъ новое паденіе Петра. Но тотъ, опустившись внизъ, только оглянулся сердито, да отеръ потъ съ разгорѣшагося лица и пошаркалъ руками землю.

— Не все вамъ смѣяться, бормоталъ онъ:— вотъ какъ все сало-то оботру со столба брюхомъ-то, такъ и кафтанъ мой будетъ: тогда и смѣйтесь... И онъ снова полѣзъ и еще съ большою быстротою и ловкостію, чѣмъ сначала. Народъ сначала смѣялся надъ новымъ его покушеніемъ, но когда Петръ поднялся до такой высоты, что оставалось сдѣлать еще послѣднихъ два-три движенія и онъ былъ бы у цѣли, а между тѣмъ онъ видимо ослабѣлъ и какъ бы въ отчаяніи прорвался къ столбу, крикомъ охвативши его руками, народъ вдругъ измѣнился: сначала затихъ, потомъ сталъ посылать ему ободрительныя привѣтствія. Долго висѣлъ Петръ въ такомъ положеніи, потомъ вдругъ быстро рванулся вверхъ, сдѣлалъ смѣлое движеніе въ сторону и схватился руками за крестообразный перекладъ, лежавшій на вершинѣ столба. Но при этомъ ноги его оборвались и онъ повисъ на однѣхъ рукахъ въ вышинѣ семи сажень надъ землею. Весь народъ застоналъ въ испугѣ, на террасѣ поднялся визгъ и пискъ, съ кѣмъ-то изъ дамъ хотѣло сдѣлаться дурно. Но Петръ уже былъ внѣ опасности: покачавшись нѣсколько секундъ на воздухѣ, онъ быстро взметнулся ногами на ту же перекладину, на которой висѣлъ, и, перевернувшись, сѣлъ на нее верхомъ. Все это было сдѣлано такъ быстро, что народъ не успѣлъ опомниться, но удовольствіе его было полное, неописанное, когда Петруха, сидя тамъ, на верху, взялъ въ обѣ руки поддевку, встряхнулъ ее и надѣлъ на себя, а на голыя ноги свои сталъ примѣривать сапоги. Когда Петруха спустился на землю, толпа съ громкими криками окружила его и увлекла куда-то.

Гости, находившіеся на террасѣ, и особенно дамы, желали видѣть героя, который такъ высоко взобрался по столбу. Рыбинскій послалъ человѣка, чтобы отыскать Петра, но его долго не могли найти, и когда подвели къ балкону, онъ былъ уже совсѣмъ пьянъ. Переваливаясь и глупо ухмыляясь, со шляпою въ рукѣ, подошелъ Петръ къ террасѣ.

— Что, братъ, ужъ ты, видно, успѣлъ порядкомъ выпить? спросалъ его Рыбинскій.

— Есть, Павелъ Петровичъ, есть... Было..

— Ну, ничего, ничего для праздника... Да ты мой, или нѣтъ?..

— Какъ же... Твой, Павелъ Петровичъ, твой... Вашей милости... Значить, Петруха Назаровъ...

— Ну, братъ, молодецъ ты, Петруха Назаровъ, молодецъ... А я ужъ думалъ, что на этотъ столбъ никто не влѣзетъ...

— Гм... Петруха Назаровъ завсегда... для вашей милости... значить, должны служить... потому слуга твой... Можно завсегда...

— Спросите его: какъ это онъ могъ сдѣлать, что такъ высоко влѣзъ... говорила, обращаясь къ Рыбинскому, одна изъ дѣвицъ, очевидно желавшая обратить на себя вниманіе хозяина, для чего умышленно картавила, откидывала назадъ голову, принимала разнообразныя позы и придавала глазамъ то жгучее сладострастное, то мечтательное выраженіе.

— Слышишь: о чемъ спрашиваютъ? спросилъ Рыбинскій.

— Потому... господинъ приказалъ... а мы должны служить Потому господинъ желаетъ: Петруха Назаровъ, значить, влѣзъ... Петруха Назаровъ долженъ... Вотъ и...

— Какая преданность къ вамъ, мсье Рыбинскій... воскликнула та же дѣвица.

— А ты, я вижу, Петруха Назаровъ, большой плутъ... Не только я тебѣ не приказывалъ ничего, я и не зналъ даже до сихъ поръ, что ты живешь на свѣтѣ... Вотъ ихъ преданность!.. заключилъ Рыбинскій, обращаясь къ окружавшимъ его.

— Поставленъ столбъ на произволящаго, для ихъ удовольствія, для забавы, а они считаютъ точно ихъ на барщину выгнали, а на барщину выйдутъ, такъ не работаютъ... Канальи — народъ, плутъ... замѣтилъ высокій, тучный и рябоватый помѣщикъ съ густыми бровями и суровымъ взглядомъ.

— Пока русскій крестьянинъ будетъ работать по приказанію, и праздничать тоже по приказанію, до тѣхъ поръ онъ будетъ считать и всякое гулянье на господскомъ дворѣ за барщину... И это я нахожу справедливымъ съ его стороны!.. возразилъ молодой человѣкъ не изъ богатыхъ, но проживавшій большею частью въ столицахъ, бѣлокурый изъ-рыжа и съ желчнымъ выраженіемъ лица.—

— Но надѣюсь, вы не думаете, что я сгонялъ своихъ мужиковъ палкой на этотъ праздникъ, который устроилъ для нихъ... возразилъ Рыбинскій, недовольный и почти оскорбленный словами молодого человѣка.

— Подумайте, я никогда этого не думалъ, я даже уверенъ, что нынче не у многихъ помѣщиковъ и на барщину палкой выбиваются... Кажется, пора убѣдиться, что русскій крестьянинъ и безъ палки способенъ исполнять свои обязанности...

— Охъ, вы, молодые люди, возразилъ угрюмый помѣщикъ;— говорите вы обо всемъ смѣло да рѣшительно, точно все на свѣтѣ испытали... Живете вы въ столицѣ, мужика русскаго совѣтъ не знаете, а туда же разсуждать беретесь... Ничего, сударь мой, русскій человекъ безъ кулака, да безъ палки не сдѣлаетъ... Это ужъ какъ вы хотите... Повѣрьте моей опытности...

— Но, вѣдь, и вы русскій человекъ: зачѣмъ же вы себя добровольно обрекаете на вѣчные побои и поруганіе...

— Я, молодой человекъ,— другое дѣло, и ко мнѣ эти слова относиться не могутъ; вы, милостивый государь, слишкомъ воднодумствуете: хотите поставить на одну доску меня и простаго мужика... что вы это проповѣдуете?.. а?... Я бы совѣтовалъ вамъ не очень давать волю своему языку... И не знаю, откуда вы набрались такой фанаберіи... Батюшка вашъ былъ человекъ смиренный: бывало, ходилъ ко мнѣ и за счастье считалъ, когда его приглашали отобѣдать въ моемъ домѣ, а когда я упробилъ дворянъ, чтобы его выбрали въ застѣдатели, такъ онъ чуть въ ноги мнѣ не кланялся, руки цѣловалъ: тутъ онъ и состояніе себѣ составилъ... Вотъ что, молодой человекъ: вашъ родитель былъ человекъ смиренный, почтительный: за то его и любили... Вотъ бы и вамъ съ кого примѣръ брать.

Молодой человекъ позеленѣлъ отъ стыда и злости, у него засохло въ горлѣ и горѣли глаза.

— Я жалѣю своего отца... Я стыжусь за него... Я никогда бы... никогда не знался съ такими людьми, какъ... говорилъ молодой человекъ прерывающимся и глухимъ голосомъ.

И Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончился этотъ разговоръ, еслибы не вмѣшался въ него Палёновъ: желая приобрести еще новаго партизана, онъ надумалъ вступить за молодаго человека.

— Позвольте мнѣ по этому поводу выразить свое мнѣніе,—заговорилъ онъ;—вѣкъ, къ которому принадлежалъ батюшка господина Кирѣева, былъ не тотъ, къ которому принадлежитъ онъ самъ. То былъ вѣкъ низкопоклонства, смиренномудрія, вѣкъ меценатства и кліентства; тогда не стыдились просьбы и поклона, великодушно оказывали благодѣяніе и безъ гордости протягивали руку помощи неимущему... Теперь насталъ вѣкъ личнѣ

самостоятельности, нѣкъ энергической дѣятельности, сознание собственного достоинства развилось...

— Ну, понесъ... проговорилъ воуголоса и со смѣхомъ Рыбинскій.— Эй, Осташковъ, води, скажи тамъ бурмистру, чтобы выслалъ гоняться въ запуски... Да, если хочешь запустишь и самъ...

Осташковъ, который стоялъ ввиду у террасы, повиновался исполнить приказаніе. Многие изъ окружающихъ засмѣялись при словахъ Рыбинскаго.

— Что такое будетъ? Что такое будетъ теперь? спрашивали некоторые изъ дамы.

— Будутъ бѣгать въ запуски и побѣдитель получитъ одинъ изъ этихъ подарковъ, которые, видите, висятъ на аркѣ! отвѣчалъ Рыбинскій.

Близъ террасы была поставлена деревянная арка, на которой висѣло нарядное крестьянское ягалье. Тотъ, кто первый пробѣжитъ къ аркѣ, пробѣжавъ известное разстояніе, получитъ ягалье, какъ призъ.

Палёновъ взялъ подъ руку Кирѣева и отвелъ въ сторону.

— Да, вотъ видите, чѣмъ занимается представитель привилегированнаго сословія и чѣмъ тѣпится и надѣется приобрести расположеніе своихъ избирателей... То любовался какъ пьяный дуракъ лазилъ на столбъ и чуть не сломилъ себѣ шею, а теперь предлагаетъ посмотрѣть: кто изъ его пьяницъ скорѣе бѣгаетъ въ запуски... Ну, что это такое? скажите пожалуйста... И не забудьте, что этимъ занимается представитель дворянства... А настоящимъ деломъ, настоящими своими обязанностями не хочетъ заниматься... Подобныя ребячьи забавы важнѣе для него дворянскихъ интересовъ...

— Признаться, я сначала думалъ, что Рыбинскій умнѣе и дѣльнѣе, нежели какъ выходитъ на самомъ дѣлѣ! отвѣчалъ жолтый молодой человекъ.

— Рыбинскій умный и дѣльный человекъ! Помните, что вы... Нѣтъ человека пустѣе его... Видъ, это только наше дворянство рѣшается выбирать такихъ людей въ предводители. Я не говорю уже о его развратной жизни... Но эта небрежность, невнимательность, даже какое-то обидное презрѣніе къ дворянству и его интересамъ!.. Конечно, можетъ быть, и потому, что онъ такъ рагуномъ въ нашемъ сословіи и какинъ-то двуязычно говорить словобомъ получилъ это состояніе... И, представьте,

этотъ-то человекъ, говорятъ, рѣшается балотироваться въ губернскіе и надѣется быть избраннымъ...

— Ну, въ губернскіе-то прокатать...

— Ужъ, признаюсь вамъ, если наше дворянство осрамится этимъ выборомъ, въ такомъ случаѣ лучше не числиться дворяниномъ нашей губерніи.. Я, по крайней мѣрѣ, увѣренъ, что мы, какъ современный и развитый человекъ, не положите свой шаръ на-право этому господину...

— Я полагаю... отвѣчалъ жолчный молодой человекъ.

Между тѣмъ нѣсколько молодыхъ ребятъ совершенно одинаково одѣтыхъ, въ красныхъ рубахахъ и легкихъ полосатыхъ шароварахъ, выстроились въ рядъ у арки.

— Ну, смотрите, ребята, говорилъ Рыбинскій, какъ ударю въ ладоши три раза, такъ и бѣжать. Ну, слушайте: разъ...

— А ты, Андрюха, не порывайся: что ногу - то выставилъ...

— Гдѣ выставилъ?... что тебя тутъ... А ты знай свое дѣло: молчи, не зѣвай...

— Не прозѣваемъ мы... А ты впередъ-отъ не забирай... Держи днюю...

— Ну, молчите же, ребята... слушайте... Осташковъ, командуй же, коли самъ не хочешь бѣжать...

— Сейчасъ-съ, Павелъ Петровичъ... Я ихъ уставляю... Ну, ребята, р-а-азъ, два-а... Стойте, стойте... Вѣдь, еще не слышалъ три, такъ чего бѣжишь...

— Да вонъ все Андрюха рвется... Его коли инъ изъ кова вонъ...

— Да что все Андрюха у васъ... Васъка, первый призналъ...

— Ну, стойте же, братцы, пожалуста, стойте... Вотъ какъ скажу три, такъ и бѣгите... распорядился Осташковъ. Ну... Разъ, два, три...

Закинувши головы назадъ, выпуча грудь и животъ и размахивая руками ударились бѣжать состязающіеся.

Въ этомъ зрѣлищѣ, по правдѣ сказать, не было ничего интереснаго, но большинство гостей, находящихся на террасѣ, принимало повидимому большое участіе, кто кого опередить изъ этихъ бѣгуновъ. Но всѣ они бѣжали тихо и тяжело. Вдругъ изъ-за одного надворнаго строенія, съ которымъ только что поровнялись они, выскочилъ невысокій ростомъ, худощавый, растрепанный мужичонка, босой, въ клетчатой загасканной ру-

бахъ. Онъ въ нѣсколько прыжковъ опередилъ бѣгущихъ и въ одно мгновеніе оставилъ ихъ за собою. До цѣли, отъ которой бѣгуны должны были возвращаться назадъ, онъ добѣжалъ за-долго прежде всѣхъ прочихъ, перекувырнулся нѣсколько разъ черезъ голову и сѣлъ на землѣ въ ожиданіи бѣгущихъ. Вся толпа народа пришла въ движеніе, при появленіи этого новаго лица.

— А, Кутруга бѣжить, Кутруга бѣжить, кричали многіе. Вотъ бы кому бѣжать надо. Ужъ этого бы никто не выне-редилъ... Гдѣ ея опередить... Довокъ больно, чортъ, бѣгать-то... Мотри-ка, мотри, что дѣлаетъ... Что дѣлаетъ-то, ребята... Ахъ ты, рви тебя горой... что дѣлаетъ...

Появленіе Кутруги оживило всѣхъ мужиковъ. Въ толпѣ под-нялся шумъ, смѣхъ, гвалтъ. Между тѣмъ присяжные бѣгуны, добѣжавши до меты, спокойно поворотили назадъ и, не считая Кутругу своимъ соперникомъ, заботились только, чтобы не от-стать другъ отъ друга. Кутруга опять далъ имъ убѣжать впе-редъ себя на нѣсколько десятковъ сажень, потомъ вскопчалъ, сразу обогналъ ихъ, и не добѣгая до террасы, вдругъ всталъ на руки, прошелъ на нихъ нѣсколько шаговъ, къ общему удоволь-ствію, прокатился колесомъ мимо террасы, почти черезъ весь дворъ, и при громкомъ восторженномъ крикѣ народа, скрылся въ толпѣ и исчезъ. Никто уже не хотѣлъ и смотрѣть на осталь-ныхъ бѣгуновъ, никто не замѣтилъ когда и кто первый изъ всѣхъ сталъ подъ аркою.

Рыбинскій пришелъ въ совершенный энтузіазмъ, забылъ о гостяхъ и объ общественной солидности, которую накинута на себя ради вѣдноты предводительскаго своего достоинства.

— Поймите мнѣ, приведите сюда... Я хочу видѣть его поближе! кричалъ онъ. Это замѣчательное явленіе... необыкновенная личность!... Ребята, да кто онъ, откуда?..

— Да это нашъ, батюшка, пастушонка, вотъ изъ деревни Неседовки, такъ мужичонка ледащій, а смотри-ка ты, что дѣ-лаетъ... отвѣчалъ одинъ изъ мужиковъ.

— Что же мнѣ давно про него не сказали?..

— Странный человекъ, Павелъ Петровичъ, говорилъ Палѣ-новъ, съ ироническою улыбкою, стоя въ другой сторонѣ тер-расы: отъ какихъ пустяковъ воодушевляется, приходитъ въ со-вершенно дѣтскій восторгъ!...

— Вотъ онъ, вотъ!... ведутъ, наконецъ! говорилъ Рыбинскій,

увидя, что двое мужиков вели Кутругу, который унарался, прироставлявая, шель рублю и целети...

— Поди сюда, поди сюда, Кутруга... Молодець, братъ, молодець... Не бойся же, поди сюда... Вотъ возьми себѣ все это платье, что виситъ тутъ: и каштанъ и сапоги и шляпу, все возьми: ты это выигралъ...

Щедушное крошечное лицо Кутруги, похожее на засохній лимонъ, съжилось еще больше. лукавые глаза запрыгали отъ радости; но онъ только поглядывалъ на новое платье и не бралъ его, какъ бы опасаясь не смѣется ли надъ нимъ...

— Возьми же Кутруга: что-жь ты не берешь?... Эй, отдайте ему все, что есть на аркѣ... Поди же нарядись во все это и приходи сюда скорѣе... Я хочу, чтобы ты еще прошелъ колесомъ, какъ дашеча... Поди же, переодѣйся поскорѣе...

Кутруга взявъ платье, поклонился въ ноги Рыбинскому, и, засмеявшись громко, дѣтскимъ смѣхомъ, бросился бѣжать, точно боясь, какъ бы у него опять не отняли подарка.

— Ну, а вы, ребята, все ослеплились передъ нимъ! продолжая Рыбинскій, обращаясь къ гонявшимся: награда принадлежать во всеѣхъ правахъ ему. На—те вотъ вамъ цѣлковый: подите выспейте...

Пристыженные, съ опущенными головами, пошли они къ толпѣ, ругая Кутругу, и бранясь между собою.

Кутруга явился одѣтый въ новое нарядное платье, съ сияющимъ отъ радости лицомъ.

— Ну, Кутруга, поди прежде всего выпей водки, сказалъ ему Рыбинскій. Ты, вѣдь, любишь водку?...

— Хе, хе, хе! засмѣялся Кутруга дребезжащимъ смѣхомъ. Какъ можно не любить водочку...

— Ну, такъ поди выпей, и потомъ потѣшь насъ: пройди колесомъ... Кутруга живо исполнилъ приказаніе: выпилъ залпомъ нѣсколько рюмокъ и прокатился вокругъ всего двора. Народъ оставилъ свои пѣсни и хороводы, чтобы посмотреть на этого доморощенного акробата.

— Не правда ли, господа, это замѣчательный господинъ? обратился Рыбинскій къ гостямъ.

— Да-съ, удивительный! отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Меня просто приводитъ въ негодованіе этотъ восторгъ: вотъ чѣмъ занимается нашъ предводитель! пожняя влечани, выдалася говорить Цалыцовъ,

Между тѣмъ объявили, что готово кушанье. За столомъ гости сѣли соборомъ, безъ указанія хозяина и безъ предварительнаго, со-
 гласія, разсѣлись по достоинству. Хотя большинство изъ го-
 стей съ протѣвнѣемъ отозвалось бы объ этомъ, выходящемъ изъ
 моды, несравненномъ размѣщеніи гостей по чинамъ, хотя самъ
 хозяинъ казался либераломъ; но тѣмъ не менѣе это размѣщеніе
 совершилось само собою: все ничтожное, мелкое, всѣ, что со-
 ставляло третью группу общества, по какой-то особенной силѣ
 тяготѣнія потянуло къ нижнему концу стола, напротивъ все зна-
 чительное, тяжеловѣсное, самоувѣренно размѣстилось около хо-
 зяина, на верхнемъ концѣ стола. Но, къ величайшей обидѣ этого
 верхняго конца, и особенно одного генерала, бывшаго въ чис-
 лѣ гостей, а также и Палѣнова, считавшаго себя тоже на пра-
 вѣхъ генерала, Рыбинскій посадилъ рядомъ съ собою, по пра-
 вую руку, и просилъ быть хозяйкою, постороннюю, мало из-
 вѣстную даму, — и пускай бы еще изъ важныхъ, а то изъ очень
 среднихъ по понятіямъ общества: жену лѣсничаго, у котораго
 Рыбинскій обыкновенно останавливался, когда бывалъ въ горо-
 дѣ. Здѣсь слѣдуетъ оговорка: въ уѣздахъ, богатыхъ лѣсами, и
 производящихъ лѣсную торговлю, должность лѣсничаго вовсе не
 маловажная и личность его довольно значительна: тамъ онъ жи-
 веть иногда очень роскошно, нанимаетъ на зиму въ городѣ пре-
 красную квартиру, держитъ лошадей и экипажи, знакомъ со
 всѣмъ околоткомъ, даетъ вечера и обѣды, на которыхъ шампан-
 ское иногда льется рѣкою. Если бы лѣсничій, женѣ котораго
 Рыбинскій сдѣлалъ такой преферансъ, принадлежалъ къ описан-
 ному сорту лѣсничихъ—ну, пусть бы еще такъ: общество мо-
 гу бы оправдать Рыбинскаго; но въ настоящемъ случаѣ и это-
 го оправданія не существовало: количество казенныхъ лѣсовъ
 въ уѣздѣ было самое незначительное, лѣсной торговли не про-
 изводилось, а вслѣдствіе этого и самая личность лѣсничаго счи-
 талась весьма незначительною. Общество было воамущено и
 скандализировано крайнимъ образомъ. Генералъ, помѣстившійся
 за столомъ по лѣвую руку хозяина, пыталъ и краснѣлъ отъ
 неудовольствія; Палѣновъ двусмысленно улыбнулся и что-то
 съ жаромъ напентывалъ своему сосѣду, кидая презрительные
 взгляды на хозяина и жену лѣсничаго; мамочки невѣсты вдругъ
 почувствовали ненависть и, даже, какое-то омерзѣніе къ Рыбин-
 скиму: онѣ снова разочаровались въ его царственности, особен-
 но когда нѣкоторые изъ нихъ предположили, что Рыбинскій, бы-

вая въ городѣ, оставалась у лѣсничаго. Разумѣется, всѣ эти ощущенія были скрыты съ тою же приличіемъ; но все, однако, обѣдъ начался какъ-то несело и молчаливо, — болѣе молчаливо, нежели начинаются вообще всякіе обѣды. Впрочемъ, роскошь кушаньевъ и изобиліе вина скоро развязали языки на низшемъ концѣ стола; верхній конецъ, хотя не скоро, но тоже разговорился, и къ концу обѣда уже все общество единодушно и шумно бесѣдовало: и междоуловіе общества какъ будто совершенно изглаждалось или затихло... Но общество не знало, что въ этой самой залѣ, гдѣ оно обѣдало, находилось одно существо, никѣмъ не замѣченное, не многими и знакомое, въ душѣ котораго кипѣла ключевъ злоба противъ лѣсничихи... На хорахъ залы находились музыканты, которые должны были услаждать слухъ гостей, въ то время, какъ насыщались ихъ желудки. Среди ихъ за колоною скрывалось одно лицо, которое не сводило глазъ съ Рыбинскаго и его сосѣдки. Это была старая наша знакомая Параша, смотрѣвшая уже теперь не ребенкомъ-баловнемъ, но совершенно сформировавшейся женщиной. Съ лѣтани Параша стала хуже: черты лица ея сдѣлались очень рѣзки, а выраженіе глазъ сурово. Страсть и въ тоже время какая-то сдержанная, заминутая злоба свѣтилась въ этихъ черныхъ глазахъ, когда они устремлялись на Рыбинскаго и лѣсничиху. Параша нѣкоторое время пользовалась большимъ расположеніемъ своего барина: одѣвалась франтовски, ѣла съ барскаго стола, имѣла особенную комнату и величалась во дворнѣ уже не Парашей, а Прасковей Игнатьевной; даже начинала пріобрѣтать нѣкоторое вліяніе на Рыбинскаго; какъ вдругъ знакомство его съ женой лѣсничаго совершенно охладило его къ Парашѣ. Хотя она пользовалась еще прежними преимуществами и удобствами, но Павелъ Петровичъ почти не обращалъ на нее вниманія, а вслѣдъ за барининомъ и догадливая на этотъ счетъ дворня начала выражать покинутой фавориткѣ свое недоброжелательство. Все это чрезвычайно оскорбляло страстную и самолюбивую натуру Парашы; она догадывалась кто былъ причиною ея страданій и сегодня нарочно пришла посмотрѣть на свою соперницу. Жена лѣсничаго была маленькая, очень веселая и живая женщина, съ выпуклыми влажными губками, бойкими черными глазами и необыкновенно свѣжимъ цвѣтомъ лица. По мнѣнію Парашы, она не имѣла въ себѣ ничего особеннаго и не заслуживала предпочтенія, какое оказывалъ ей ея баринъ: тѣмъ обиднѣе и больнѣе было для нея

это предпочтеніе. Не спуская глазъ, смотрѣла она на свою разлучницу, блѣднѣла, вздрагивала и придумывала мщеніе.

Между тѣмъ къ концу обѣда гости повеселѣли и разговорились; — даже Палѣновъ забылъ, повидимому, и свое недоброжелательство къ хозяину, и свои цѣли, сдѣлался веселъ, любезенъ и многорѣчивъ.

Этотъ легкій обмѣнъ колкостей не остался незамѣченнымъ и обнаружилъ двѣ партіи: все молодое поколѣніе, къ которому, впрочемъ, относили себя и нѣкоторые очень пожилые и даже жещатые люди, втихомолку посмѣивались надъ Палѣновымъ и готовы были руволескать Рыбинскому; за то дамы и всѣ степенные, солидные люди, оскорбленные предпочтеніемъ, оказаннымъ лѣсничихѣ, были на сторонѣ Палѣнова.

Совершники замѣчали впечатлѣніе, производимое ихъ разговоромъ, и, конечно, онъ на этомъ не кончился бы, но въ это время налиты были шампанское и музыка заиграла тушь: гости поднялись съ бокалами въ рукахъ, чтобы принести поздравленіе ямниннику. Лишь только позатихъ шумъ отъ двигающихся стульевъ и шаркавшихъ ногъ и всѣ гости заняли снова свои мѣста, какъ вдругъ поднялся, съ бокаломъ въ рукахъ, какой-то черный, грязный и растрепанный господинъ. Это былъ помѣщикъ 60 душъ, Кочениковъ, присяжный уѣздный востъ, воспѣвавшій всевозможныя событія уѣздной жизни, одержимый бѣсомъ стихописанія къ великому огорченію супруги своей, женщины съ болѣзненнымъ плаксивымъ лицомъ, которая жаловалась каждому встрѣчному, что мужъ у нея напогубель ей данъ: навелъ дѣтей цѣлый домъ, а ни о семействѣ, ни о хозяйствѣ, ни о чемъ не хочетъ подумать; въ службу не идетъ, а только пьетъ цѣлый день для какого-то вдохновенія, да бумагу переводитъ. Имѣніе все разстроено, ничѣмъ заняться не хочетъ, да еще чѣмъ жену успокоиваетъ: вотъ, говорить, я скоро умру отъ душевныхъ какихъ-то страданій; тогда всѣ мои стихи отвечатаютъ и будутъ продавать дорогой цѣной, и ты разбогатѣешь. А какія страданія! весь жиромъ облялся, никогда боленъ не бывалъ, поясница отъ роду не балывала, да еще уверяетъ, что я, больная жевщина, здоровѣе его, что я только тѣломъ страдаю, а онъ духомъ, что онъ нарочно отъ Бога созданъ такимъ непохожимъ человѣкомъ въ отличку отъ другихъ людей, что съ виду здоровъ, и толстъ, а всегда будто бы страдаетъ и мучится... и жить ему недолго... Не умоется, не

причешется никогда : красота , говорить , моя внутри... Тяжъ , блажить весь вѣкъ , дурить , да еще меня же упрекать , что у него возвышенная душа , а у меня не возвышенная... Да и не желаю я этакой возвышенной души... Погубилъ онъ меня съ ней..

— Позвольте васъ привѣтствовать , дорогой именинникъ , отъ лица музъ , языкомъ поэта! сказалъ Кочешковъ , обращаясь къ хозяину.

— Ахъ , очень пріятно ! Благодарю поэта за честь , которой онъ хочетъ меня удостоить... отвѣчалъ хозяинъ. Поднявши надъ головою бокаль съ шампанскимъ , Кочешковъ началъ декламировать:

Ты предводитель нашъ любимый,
Избранникъ нашихъ всѣхъ сердець,
Отъ дворянства всего чтимый,
Добрый какъ дѣтми отецъ...
Прими , руками музъ сплетенный
Тебѣ , хвалебный сей вѣнецъ!..

Далѣе слѣдовало воспѣваніе разныхъ добродѣтелей именинника. За тѣмъ выражались желанія благодарныхъ сердець всѣхъ дворянъ уѣзда. По мѣрѣ чтенія поэтъ одушевлялся , и наконецъ пришелъ въ такой экстазъ , такъ замахалъ руками , что облилъ шампанскимъ и себя и сосѣдей.

Теперь , поэтомъ увѣичанный,
Ты смѣло совершай свой путь.
Вѣнецъ отъ музъ , поэтомъ данный,
Славнѣй награда всѣхъ—не забудь!..
И какъ ты счастливъ въ день сей славный
Такъ и всю жизнь ты счастливъ будь...

— Bravo! ура ! ура ! съ одушевленіемъ закричало нѣсколько человекъ , для которыхъ всякая рифмованная галиматья кажется верхомъ мудрости , которые способны увлекаться и приходятъ въ одушевленіе отъ всякаго вздора , лишь бы онъ былъ высказанъ торжественно и съ азартомъ. Иные смѣялись втихомолку , другіе хохотали не стѣсняясь , но всѣхъ громче , всѣхъ откровеннѣе раздавался хохотъ нашего стараго знакомаго , добрака Комкова , такъ что заглушилъ и говоръ ; и крики и обратилъ на себя общее вниманіе. Упершись руками въ бока , занинувши голову назадъ , раскрывши ротъ , покачиваясь и колеблясь тучнымъ туловищемъ , хохоталъ Комковъ до слезъ , до удушья.

— Да что съ вами ? да что съ нимъ ? спрашивали гости , смотря на Комкова и невольно улыбаясь.

Кочешковъ, не смотря на всю свою самоувѣренность и самообольщеніе, принялъ этотъ смѣхъ на свой счетъ и обидѣлся.

— Какъ бы ни было дурно поэтическое произведеніе, сказать онъ, но такое глумленіе во всякомъ случаѣ неприлично и доказываетъ только грубость душевную... Надъ произведеніемъ чувства и вдохновенія посмѣются развѣ только невѣжды...

— Охъ!.. охъ!.. отстань... не надъ тобой... едва въ силахъ былъ выговорить Комковъ, и съ новой силой залился тѣмъ же неудержимымъ хохотомъ.

— Да, что съ тобой, Яковъ Петровичъ?.. Что ты, братецъ, съ тобой истерика, сказалъ хозяинъ. Хоть скажи надъ чѣмъ хочешь...

— Не... не... не могу... Охъ!.. ха, ха, ха!..

— Это однако же обидно... Что это такое!.. Въ такую торжественную минуту... бормоталъ Кочешковъ.

— Да отстань, не надъ тобой... Вотъ надъ кѣмъ!.. проговорилъ Комковъ, указалъ на Осташкова, и снова залился смѣхомъ.

Глаза всѣхъ съ любопытствомъ обратились на Осташкова, и онъ, бѣдный, то со смущеніемъ осматривалъ самого себя, то нерѣшительно, робко и вопросительно обводилъ глазами окружающихъ.

На силу, на силу, Комковъ прохохотался и могъ объяснить въ чемъ дѣло.

— Когда Кузьма Ивановичъ читалъ свои вирши, я взглянулъ нечаянно на Осташкова... и если бы вы видѣли, господа, какая у него была рожа... ха, ха, ха!.. Онъ не зналъ, что ему нужно дѣлать при такомъ обстоятельствѣ: плакать ли, смѣяться ли; посмотреть на всѣхъ—видеть, что всѣ слушаютъ; и онъ уши наставить, слушаетъ, а видно, что ничего не понимаетъ... рожу старается сдѣлать плаксивую.. Охъ, охъ!.. И вспомнилось мнѣ, какъ онъ только—что вступалъ въ свѣтъ, какъ мы у Неводова упрасивали его, чтобы онъ имѣній насъ не лишилъ... и какъ Параша у тебя его прельщала, а потомъ плюху дала... Вспомнилъ все это, да какъ взгляну на него... Ну не могу видѣть: смѣхъ такъ и одолеваетъ... Ухъ, умирилъ!..

Комковъ вытеръ слезы на глазахъ.

— Что вспомнили! проговорилъ Осташковъ.

— Да, Осташковъ, давно это было, а вотъ—вспомнилось... Помнишь какъ ты хотѣлъ поцѣловать Парашу, а она тебѣ дада туза... Помнишь?..

— Ну, что вспоминать старое... Яковъ Петровичъ... Помо-
ложе былъ... неопытнѣй, отвѣчалъ Остапковъ, застыдившись.

— Что это за Параша? спросила лѣсничиха съ коварной
улыбкой.

— Это дѣвка у меня, которая отлично плясала по-пыгански.

— А теперь гдѣ же она?

— И теперь у меня.

— Я бы хотѣла посмотрѣть какъ она пляшетъ... Можно за-
ставить?..

— Можно... Завтра во время спектакля она будетъ плясать...

— Пожалуйста... Ахъ какъ мнѣ хочется видѣть... Хорошо
она пляшетъ?..

— Удивительно... когда воодушевится...

— А кто же этотъ Остапковъ? Онъ дворянинъ?...

— Да... однодворецъ...

— Что это значитъ?

— Дворянинъ безъ крестьянъ.

— Значитъ онъ очень бѣдный...

— Совсѣмъ нищій...

— Чѣмъ же онъ живетъ?

— Работаетъ, землю пашетъ... Да онъ-то прожилъ бы хоро-
шо: онъ таскается отъ помѣщика къ помѣщику, его кормятъ,
одѣваютъ, денегъ даютъ... А вотъ семья его несчастная, такъ
нуждается...

— А у него и семья есть?

— Большое семейство... кажется, пять или шесть человѣкъ...
Ахъ знаете что пришло мнѣ въ голову... У васъ нѣтъ дѣтей...
возьмите у него дочь къ себѣ на воспитаніе...

— Ахъ... что же... это чудесно... Я съ радостью возьму, осо-
бенно если хорошенькій ребенокъ... Ну вотъ если какой нибудь
больной или безобразный... ужъ не люблю... А здороваго, хо-
рошенькаго ребенка съ радостью возьму...

— Непремѣнно возьмите, продолжалъ Рыбинскій очень тихо и
наклонился къ лѣсничихѣ. Это будетъ очень полезно для насъ.
Во первыхъ придастъ смыслъ нашимъ отношеніямъ и дастъ намъ
возможность чаще видаться... Ребенокъ будетъ на моемъ содер-
жаніи, но мнѣ нельзя взять къ себѣ въ домъ дѣвочку: я холо-
стой человѣкъ... у меня не кому присмотрѣть... и потому я
прошу васъ заняться ея воспитаніемъ... Вы понимаете?... Во
вторыхъ: для насъ очень можетъ быть полезенъ самъ этотъ ду-

ракъ Осташковъ... Онъ, какъ отецъ, можетъ часто бывать у васъ... и черезъ него, въ случаѣ надобности, вы безопасно можете передать ко мнѣ все, что будетъ нужно... А главное, меня утѣшаетъ то, что вы пристыдите всѣхъ этихъ нашихъ уѣздныхъ дурь тѣмъ, что прежде всѣхъ ихъ вызоветесь сдѣлать доброе дѣло для одного изъ дворянъ нашего уѣзда... Такъ вы согласны?...

— Совершенно...

— Отлично... Послѣ обѣда же и объявите Осташкову... Ну, а потомъ, вѣдь, если надоѣстъ ребенокъ, отъ него отдѣлаться недолго: отдали въ пансіонъ—и дѣло съ концомъ... Ну, а это помните же: содержаніе ребенка на мой счетъ...

— Да это все равно... Объ этомъ не стоитъ говорить...

— Само собою разумѣется это останется между нами: я не хотю оглашать такихъ пустяковъ... Но мужъ вангъ на всякій случай долженъ знать объ этомъ... Вы понимаете—на всякій случай...

— Ахъ, тонкій политикъ! съ улыбкой проговорила лѣсничца.

— Я не люблю компрометировать женщину... и дѣлать ее жертвою сплетень...

— А что, Параша будетъ плясать?..

— Непремѣнно...

— Что, она хорошенькая?

— Была...

— Была?... А теперь? и по лицу лѣсничхи опять скользнула лукавая улыбка.

— Теперь подурнѣла.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось ее видѣть поскорѣе!

— Увидите.

— А сегодня нельзя?... Послушайте: велите ей быть моей горничной, пока я здѣсь, у васъ...

— Что за фантазія... Однако мы такъ долго шепчемся, что обратимъ на себя общее вниманіе... Вашъ благовѣрный ужъ, кажется, дуется...

Рыбинскій мелькомъ взглянулъ въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ лѣсничій, блѣлый, еще молодой человекъ, но уже съ истощеннымъ, осунувшимся лицомъ и впадинами щеками. Воспаленныя покрасѣвшіе глаза и зарумянившійся носъ его доказывали, что лѣсничій покутилъ—таки на своемъ вѣку. Онъ, дѣй-

ствительно, смотрѣлъ на Рыбинскаго и жену, но полузакрытые глаза его выражали скорѣе усталость, нежели досаду или ревность.

— Ему просто спать хочется! проговорила жена его въ полголоса и съ улыбкой.

Обѣдъ кончился. Рыбинскій поднялся съ своего мѣста и съ поклономъ пожалъ руку лѣсничихи, благодаря ее, какъ хозяйку. Затѣмъ уже обратился къ прочимъ дамамъ. Молодые люди, слѣдуя примѣру Рыбинскаго съ любезностями окружили временную хозяйку. Гости-тузы не хотѣли признать ее и, раскланявшись съ хозяиномъ, неловко отворачивались отъ жены лѣсничаго и уходили прочь. Незнакомыя съ нею, особенно богатыя дамы онидывали ее гордымъ, презрительнымъ взглядомъ и проходили мимо; но знакомыя и принадлежавшія къ тому уѣзду, котораго Рыбинскій былъ предводителемъ, не выдержали, и, побѣдивши внутреннее неудовольствіе, съ улыбками и привѣтствіями подавали руку ненавистной лѣсничихѣ; нѣкоторыя даже, не будучи знакомы, заговаривали и просили позволенія познаться.

— *Mesdames*, сказалъ Рыбинскій, умышленно громко, ведя подъ руку Остапкова, который былъ въ смущеніи отъ такой чести и безпрестанно цѣловалъ предводителя въ плечико. Сегодня за обѣдомъ Юлія Васильевна, объявила мнѣ свое намѣреніе сдѣлать доброе дѣло для одного изъ нашихъ дворянъ, именно вотъ для мойсенора Остапкова: она хочетъ взять на воспитаніе къ себѣ его дочь. Не правда ли, что это доброе дѣло? Она меня даже сконфузила, когда я вспомнилъ, что я ничего еще не успѣлъ сдѣлать для его семьи. Юлія Васильевна, продолжалъ онъ, обращаясь къ женѣ лѣсничаго, вотъ рекомендую вамъ тотъ господинъ Остапковъ, многочисленность семейства котораго такъ тронула ваше доброе сердце.

Юлія Васильевна нѣсколько сконфузилась.

— Но зачѣмъ же вы объявляете объ этомъ съ такой помпой! сказала она съ легкимъ упрекомъ.

Остапковъ, немного навеселѣ, скоро разчувствовался, и со слезами на глазахъ, поцѣловалъ ручку Юліи Васильевны.

— Не оставьте нашими милостями. Заставьте за себя лично Бога молить. Покорнѣйше васъ благодарю за ваше такое мнѣніе... Богъ васъ наградитъ, что не оставляете бѣднѣго челоуѣка... говорилъ онъ, отирая глаза.

— Ахъ, господинъ Осташковъ, мнѣ, право, совѣстно... Пойдите отсюда куда нибудь... Мы поговоримъ съ вами наединѣ... И она ушла съ Осташковымъ въ другія комнаты.

— Юлія Васильевна, кажется, разсердилась на меня, что я объявилъ объ ея намѣреніи; но доброта ея сердца привела меня въ восторгъ, и я, какъ предводитель, счелъ себя обязаннымъ торжественно высказать ей благодарность за одного изъ нашихъ дворянъ. Вѣдь никому же изъ насъ, господа, не пришло въ голову сдѣлать что нибудь для дѣтей Осташкова... На будущихъ выборахъ, господа, нужно пристроить котораго нибудь изъ его сыновей.

— Конечно, конечно! слышалось нѣсколько голосовъ.

— Я еще утромъ сегодня имѣлъ честь говорить вамъ объ этомъ,—замѣтилъ Палѣновъ, съ горькою улыбкой; но вамъ не угодно было обратить вниманія на мои слова... И я объявилъ тогда же Осташкову, что такъ какъ дворянство не желаетъ обратить вниманія на его бѣдственное положеніе, то я одинъ беру на себя воспитаніе и образованіе его сына. Еще давеча утромъ объявилъ я ему объ этомъ.

— Я этого всегда ожидалъ отъ васъ, Николай Андреевъ, отъчаль Рыбинскій, я это предвидѣлъ — и потому не торопился говорить объ этомъ. Я убѣжденъ, что все наше дворянство всегда считало васъ способнымъ и готовымъ на всякое доброе дѣло, если бы вы даже и не изволили объявить о вашемъ намѣреніи облагодѣтельствовать Осташкова... Но тѣмъ лучше: теперь судьба двоихъ изъ его дѣтей устроена: намъ надобно будетъ подумать на выборахъ куда бы помѣстить другаго его сына... Однако, господа, до выборовъ еще долго... Пойдемте курить.

И гости шумною толпою двинулись влѣдъ за хозяиномъ на террасу.

III.

— Ну, такъ какъ же, господинъ Осташковъ, вы отдадите мнѣ вашу дочь?... спрашивала Юлія Васильевна Осташкова въ другой комнатѣ... Да какъ васъ зовутъ?

— Такъ точно-съ: то самое прозваніе... Осташковъ... прозываютъ... отъ своего рода.

— Нѣтъ ваше имя?

— Никаноръ-съ...

— А отчество?

— Александрычъ...

— Ну-съ, Никаноръ Александрычъ, такъ вы отдадите мнѣ вашу дочь?

— Какъ же я могу это сдѣлать, чтобы не отдать... Я долженъ это за великое счастье почитать... Вы хотите мнѣ такую добродѣтель сдѣлать, а я бы сталъ еще ломаться...

— И вамъ не жалко будетъ?

— Эхъ, матушка, ихъ у меня много... конечно, какъ своего дѣтища не жалко; да, вѣдь, я се не на бездолье отдамъ, для ся же счастья. А у меня-то, при моей бѣдности, чтобы она увидѣла... Какое бы я ей могъ образованье, или ученье предложить...

— Я се буду держать какъ барышню, учить по-французски, на фортепьянахъ... Вы рады будете?...

— Какъ же не радоваться... что же ужъ этого лучше...

— А у васъ много дѣтей?

— Да не много не мало: шестеро, да седьмой скоро будетъ. Три сына да три дочери... Это добро, матушка, скоро кончатся... не что другое... У меня жена, слава Богу: что ни годъ, то и ребенокъ...

Юлія Васильевна засмѣялась и закрылась платкомъ. Осташковъ тоже засмѣялся...

— Да что дѣлать-то, сударыня... люди мы еще молодые...

Юлія Васильевна засмѣялась еще громче.

— Ахъ, что онъ говоритъ...

— Вы на меня, матушка, не прогнѣвайтесь: я человекъ не ученый, темный... Можетъ, что и не такъ скажу: не осудите...

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего... Вы очень любите вашу жену?...

— Какъ же не любить жены... Кого же и любить, коли не жену...

— Ужъ будто и нельзя не любить жену...

— Да какъ же это можно... Зачѣмъ же и жена, коли ее не любить...

— О, хитрите!... А какъ же давеча рассказывали, что вы хотѣли поцѣловать какую-то Парашу...

— Ну да что это... это ничего больше, какъ одно шаловство хыло... Да, вѣдь, ужъ это давно же и было... Молодъ тогда бѣе былъ, неопытенъ...

— А что это за Параша такая?..

— Такъ дѣвчонка въ то время была у Павла Петровича... на счетъ тещиной.

— Хорошенькая?

— Ну ужъ знатная дѣвка, писанная... да и воръ же была...

— А теперь гдѣ же она?

— И теперь при здѣшнемъ домѣ находится... Ну, да теперь совсѣмъ не то стала...

— Что же, подурнѣла?

— Нѣтъ, она и теперь еще изъ лица-то авантюристка... Ну, ужъ извѣстно все не то, что прежде... А то, что гораздо степеннѣе стала... Тоже годы... Опять же и дѣтняя стала...

— Какъ дѣтняя? что это значитъ?

— А такъ... значитъ, своими дѣтями обзавелась... Вотъ и присмирѣла... Дѣти-то, вѣдь, матушка... они... ой, ой, ой! сколько заботы-то прибавляютъ...

— Развѣ она за-мужемъ?

— Нѣтъ, какое же за-мужемъ... Она такъ то есть въ комнатахъ... Осташковъ подмигнулъ. Что дѣлать-то, сударыня!... Это ужъ этакое дѣло. Безъ этого мужичинѣ нельзя, хоть весь бѣлый свѣтъ изойди... Баринъ тоже холостой, молодой... не на сторону же искать.. Извѣстно, какъ бы женатъ былъ, такъ объ этомъ бы не думалъ: свой бы законъ былъ... Да вотъ нѣтъ, не женится... Видно, по сердцу не находятъ...

Юлія Васильевна молчала и сидѣла задумчивая и сердитая, нахмуривши брови и надувши губки.

— Что вы, матушка, не на меня ли за что прогнѣвались... не сказалъ ли чего въ обиду?

— Нѣтъ... такъ... голова что-то болитъ... Что же эта Прасковья здѣсь какъ хозяйка, какъ барыня?...

— Э, полноте-ка, матушка. Развѣ Павелъ Петровичъ такого ума человѣкъ, чтобы далъ холопской крови властвовать... Нѣтъ, вѣдь, онъ изъ умныхъ умный: сами извольте знать... Это дѣло такое... Вѣдь, не холопъ и самъ дѣлѣ... Извѣстно, русская поговорка говорится: полежала кость на столѣ, пока не оглодали... а оглодали — и подъ лавкой навалается... Была и Парасковья Игнатьевна въ чести, а все полной хозяйкой не была... А теперь, вотъ ужъ съ годъ.... кажись, и совсѣмъ ея честь отошла... Кажись, ужъ совсѣмъ ее отставилъ отъ себя... Нѣтъ, вѣдь, это такое дѣло: потѣшился, надоѣла... Ну, и пошла прочь...

Юлія Васильевна повеселѣла.

— Ну, такъ привозите же, Осташковъ, вашу дочку... Вы мнѣ которую же отдадите?...

— А вотъ, матушка, позвольте... тоже съ женой надо переговорить... Надо полагать ужъ станемъ просить васъ взять старшенькую...

— А что она хорошенькая?...

— Ну, ужъ знатная дѣвочка... Такая дѣвочка... веселая да вострая... Ужъ откуда бы ни пріѣхалъ: тятка гостинку подай... затормозить... Кажись, кабы не наша бѣдность не разстался бы съ ней ни за что... Да что дѣлать, сударыня... бѣдность!... И жаль да отдашь...

— Ну, такъ привозите же!... проговорила Юлія Васильевна, вставая.

— Такъ позвольте же матушка... Вѣдь, я вотъ говорилъ съ вами, и дочку отдать хочу... какъ по Павлу Петровичу... А вѣдь ни имени вашего, ни отчества не знаю... Извините, матушка.

— Меня зовутъ Юлія Васильевна Кастрицкая... Мужъ мой лѣсничимъ въ здѣшнемъ городѣ.

— Ну, матушка... буду помнить... Позвольте же ручку вашу поцѣловать... Покорнѣйше васъ благодарю... Такое вы милосердіе дѣласте, что... ужъ зрѣть не можно...

Осташковъ старательно теръ платкомъ глаза, ожидая, что въ нихъ польются слезы.

Юлія Васильевна пошла отыскивать своего мужа. Она отыскала его въ сторонѣ на террасѣ, дремлющимъ, съ полузакрытыми глазами. Въ одной рукѣ онъ держалъ трубку, а въ другой карту.

— Пройдемся со мной по саду: мнѣ надобно поговорить...

— Нѣтъ, матушка, не могу: глаза слипаются, спать хочется... А вотъ еще карту всучили: играть надобно... Да говори: здѣсь никто не услышитъ...

— Ты знаешь, мой cher, сказала Юлія Васильевна, я беру къ себѣ пріемыша...

— Слыпалъ, матушка, что-то такое, да не понялъ хорошенько... Какого пріемыша!... Что ты тутъ еще затѣяла...

— Тутъ есть дворяннѣ Осташковъ, очень бѣдный человекъ, а у него больное семейство, такъ я хочу взять у него дочь на воспитаніе.

Лѣсничій захохоталъ.

— Чего не выдумаешь... Да за чѣмъ она тебя... что ты съ ней будешь дѣлать?...

— У насъ нѣтъ своихъ дѣтей: она будетъ у насъ вмѣсто дочки...

— Очень нужно... навязать себѣ на шею какого-нибудь постреленка...

— Что же, она будетъ занимать меня, служить мнѣ развлеченіемъ...

— Чортъ знаетъ что такое!... Чего женщинамъ не придется въ голову...

— При томъ она намъ ничего не будетъ стоить... Все содержаніе ея Павелъ Петровичъ беретъ на себя...

— Иванъ Михайловичъ, пойдите... Пора!... позвалъ лѣсничаго одинъ изъ его партнёровъ, показывая ему шадали карту.

— Иду, иду, отвѣчала лѣсничій, поспѣшно поднимаясь со своего мѣста... Ну, какъ знаешь, матушка... Это не мое дѣло... проговорилъ онъ наскоро, уходя отъ жены.

IV.

Вскорѣ послѣ обѣда нѣкоторые изъ гостей, впрочемъ весьма немногіе, и въ томъ числѣ Палѣновъ, уѣхали домой: Рыбинскій не сказалъ ни одного слова, чтобы остановить ихъ: хотя такой скорый отъѣздъ и не былъ для него пріятенъ, но онъ зналъ, что уѣзжаютъ его недоброжелатели. Прочіе гости также мало по малу разбрелись: иные, по привычкѣ, соснуть послѣ обѣда, многіе сѣли играть въ карты, другіе пошли шляться по саду, любители вмѣшались въ толпы гуляющаго народа, гдѣ много алѣю красныхъ платковъ и передниковъ, дамы разошлись по отведеннымъ для нихъ комнатамъ, чтобы приготовиться къ предстоящему балу, который назначенъ былъ въ 9 часовъ вечера. Осташковъ, полусонный, съ мигающими, едва смотрящими на свѣтъ Божій глазами, въ надеждѣ будущихъ благъ, помѣстился возлѣ карточныхъ столовъ, съ полнымъ самоотверженіемъ предназначая себя на закуриваніе трубокъ, подаваніе огня и т. п. услуги играющимъ. Рыбинскій отказался играть въ карты подѣ тѣмъ предлогомъ, что ему нужно осмотрѣть приготовленія къ предстоящему вечеру. Онъ вышелъ въ садъ, мимоходомъ заглянулъ въ павильонъ, гдѣ сегодня должны быть балъ, а завтра балетъ и спектакль, поглядѣлъ на

приготовленія къ фейерверку, и потомъ углубился въ отдаленную и запущенную часть сада. Эта часть сада составляла совершенный контрастъ съ другою его половиною, прилежащею къ дому, вычищенной, подстриженной, прибранной. Здѣсь въковыя угрюмыя сосны, кудрявыя веселыя березы, роскошныя липы росли безпорядочно, но во всей безыскусственной красотѣ своей. То сбивались они въ сплошную непроникаемую для солнечныхъ лучей чашу, въ которой свѣтлозеленая листва и бѣлый стволъ березы ярко оттѣнялись на темной зелени сосны и липы; здѣсь и днемъ царствовалъ полумракъ, сюда никогда не проникали солнечныя лучи и грудь жадно вдыхала сырой, налитанный древеснымъ дыханіемъ, воздухъ. То вдругъ, какъ бы съ умысломъ, деревья разступались, оставляя среди себя всю освѣщенную солнцемъ, всю радостно сіяющую, луговину. Рыбинскій вышелъ на просѣку, раздѣлявшую этотъ паркъ, сквозь которую съ одной стороны видѣлся его домъ, и остановился здѣсь. Онъ видимо кого-то ожидалъ, потому что оглядывался въ ту и другую сторону, прислушивался и ходилъ нетерпѣливо назадъ и впередъ. Мѣсто это казалось очень уединенно и пустынно, особенно послѣ того шума и движенія, который остался назади и гулъ отъ котораго долеталъ даже сюда. Съ четверть часа ходилъ Рыбинскій такимъ образомъ, наконецъ ему; какъ видно, надоѣло это ожиданіе; онъ легъ въ тѣни и довольно равнодушно закурилъ сигару. Впрочемъ, черезъ нѣсколько времени вдали отъ дома показалась женская фигура; Рыбинскій замѣтилъ ее, бросилъ сигару и пошелъ къ ней на встрѣчу. Это была Юлія Васильевна.

— Юлія, ангелъ мой, что ты такъ долго, говорилъ Рыбинскій, встрѣтись съ нею и протягивая руку.

— Я не хотѣла было совсѣмъ идти! сухо отвѣчала она.

— Отчего это? Посмотри какъ здѣсь хорошо: прохладно и уединенно. Здѣсь насъ никто не увидитъ. Я нарочно выбралъ это время, послѣ обѣда: теперь никому не придетъ охоты идти сюда: всѣ либо отдыхаютъ, либо играютъ въ карты, а ваша братья, барыни, погружены въ осматриванье и приготовленіе своихъ трипокъ къ вечеру. Слѣдовательно, эти минуты принадлежатъ намъ, это наше время.

Изъ просѣки они повернули въ чашу, и при послѣднихъ словахъ Рыбинскій хотѣлъ обнять Юлію Васильевну.

— Оставьте меня, сказала она, уклоняясь отъ него.

— Что это значить? спросилъ Рыбинскій съ удивленіемъ.

— Я досадую на себя, что рѣшилась исполнить свое обѣщаніе и пошла сюда; этого мало сказать, что досадую, — я презираю себя.

— Юлія, да что съ тобой? Это не ты, это не твои слова, не твое лицо! Зачѣмъ эти сердитые взгляды, эти надутыя губы... Ты шалишь, шутишь?...

— Да... А вотъ эти слова, такъ похожи на васъ: вы думаете, что женщина всегда должна быть весела, мила, забавна, потому что она служить игрушкою для васъ: даже иногда можетъ казаться и сердитою, огорченною, несчастливою, но только ради шутки, для того, чтобы заинтересовать васъ новостью, разнообразіемъ.

— Послушайте, Юлія Васильевна: это становится наконецъ скучно. Вы или объясните мнѣ въ чемъ дѣло, или лучше прекратите нашу прогулку. Я васъ ожидалъ вовсе не для того, чтобы видѣть васъ въ дурномъ расположеніи духа. Вы знаете, что я люблю васъ вовсе не такую, какою вижу васъ теперь.

— Вы любите! съ горькой усмѣшкой проговорила Юлія Васильевна. Какъ вы рѣшаетесь повторять эти слова, когда я знаю, что вы находились, а можетъ быть, и теперь еще находитесь въ связи съ одной женщиной...

Рыбинскій засмѣялся.

— Это было бы очень смѣшно и наивно, еслибъ я сталъ увѣрять васъ, что до 30 елишкомъ лѣтъ (Рыбинскій не хотѣлъ сказать, что ему минуло 40) я не зналъ женщинъ, — и вы были первая, съ которою я сблизился.

— Но вы увѣрили меня, что любите; вы клялись, что не любите ни одну женщину такъ какъ меня.

— Да, это правда...

— Правда... Какая же правда, когда вы держите около себя другую женщину, которую любите!...

— Да про кого вы говорите? растолкуйте мнѣ, ради Бога!

— А, вы не знаете... А Параша?..

Рыбинскій захохоталъ.

— Ну, послушайте, Юлія, какъ вамъ не стыдно: къ кому ты меня ревнуешь, съ кѣмъ ставишь себя на одну доску?... Съ дѣвкой, съ горничной...

— Но, вѣдь, ты любилъ же ее?..

— Да развѣ ты не понимаешь какая это любовь?.. Это такая

же любовь, какъ напимѣръ любовь къ рюмкѣ водки, которую пьешь до обѣда, къ сигарѣ, которую любишь выкурить послѣ обѣда, это одно физическое, такъ сказать, ощущеніе... о которомъ даже и говорить совѣстно. Притомъ, если бы и можно было, положить, назвать любовью то, что я чувствовалъ къ Парашѣ, такъ я уже не люблю ее теперь, съ тѣхъ поръ, какъ встрѣтилъ тебя...

— Вотъ, можетъ быть, придетъ время когда и обо мнѣ ты тоже скажешь, что любилъ меня такую... Теперь я увѣрена, что ты и меня бросишь впоследствии, какъ игрушку, которая тебѣ надоѣла... А прежде я думала, я мечтала было, что ты никогда меня не разлюбишь, никогда не бросишь... Скажи, Поль, это можетъ случиться, или нѣтъ?..

— Эхъ, какъ я не люблю обращаться съ вопросами къ будущему, или вспоминать и думать о прошедшемъ... По моему, человѣкъ долженъ жить только въ настоящемъ, потому что только о настоящей минутѣ онъ можетъ сказать, что она ему принадлежитъ... Мнѣ кажется, всѣ эти ваши думы, мечты и ожиданія только мѣшаютъ вамъ жить: зачѣмъ я буду вспоминать печальное прошедшее, когда такъ хорошо настоящее, зачѣмъ мнѣ отвращать это настоящее ожиданіемъ худаго въ будущемъ, или тѣшить себя, можетъ быть, несбыточными мечтами о будущемъ счастьи, тогда какъ оно подъ руками... И кто можетъ поручиться за будущее? Думала ли ты, выходя за-мужъ, что эти цѣпи, которыя ты добровольно надѣвала, будутъ тяготить тебя; что этотъ господинъ, твой супругъ, который казался тебѣ въ то время совершенствомъ, образцомъ всѣхъ мужчинъ, сдѣлается въ твоихъ же глазахъ, такимъ пошлымъ, ничтожнымъ существомъ...

Въ это время чаща лѣса, которою они шли, вдругъ раздвинулась и зеленой, непрерывной рамкой окружила большой широкой прудъ. Свѣтлый, прозрачный и неподвижный, сверкая солнечными лучами, отражая въ себѣ небо и прибрежныя деревья, блестѣлъ онъ, точно огромное зеркало, положенное здѣсь въ густотѣ лѣса для того, чтобы въ него могли смотрѣться съ вершинъ деревь лѣсныя нимфы.

— Ахъ, посмотри, какъ здѣсь хорошо! Вотъ садочъ здѣсь... говорилъ Рыбинскій, опускаясь на траву и привлекая къ себѣ Юлію Васильевну. Ну, подумай, продолжалъ онъ, было ли бы это хорошо или умно, еслибъ теперь вотъ, въ настоящую минуту, когда на душѣ у меня такъ весело, когда я чувствую,

что люблю тебя и когда мнѣ хочется выражать тебѣ эту любовь, я вдругъ сталъ бы смущать себя вопросами: а что, Юлія, всегда ли ты будешь любить меня... И зачѣмъ мнѣ объ этомъ думать, когда я знаю, что моя Юлія любитъ меня, что отъ меня зависитъ, чтобы она любила меня всегда...

— Ахъ, какой самоувѣренный... А почему вы знаете: можетъ быть, я не люблю васъ...

— Потому что меня не можетъ не любить та, которую я люблю... отвѣчалъ Рыбинскій, крѣпко обнимая и цѣлуя Юлію...

— Гадкій... Онъ всегда дѣлаетъ изъ меня все, что хочетъ... лепетала она, страстно обвивая руками его шею...

Вдругъ что-то недалеко отъ нихъ съ шумомъ упало въ воду. Наши влюбленные встрепонулись. После перваго движенія небольшого испуга, Рыбинскій скоро пришелъ въ себя и потихоньку приподнялся надъ берегомъ пруда, чтобы рассмотреть въ чемъ дѣло, Юлія Васильевна, напротивъ, какъ бы замерла на мѣстѣ. Это былъ Осташковъ. Безплодно просидѣвъ часа два около картоннаго стола, онъ наконецъ чувствовалъ, что не въ силахъ болѣе одолѣвать сонъ и надумалъ, для ободренія себя, выкупаться; но такъ какъ около ближайшихъ прудовъ былъ постоянно народъ, поэтому онъ и разсудилъ отправиться въ такъ называемый лѣсной прудъ, уединенность котораго ему была извѣстна.

Когда Рыбинскій объяснилъ Юліи причину ихъ испуга, она всплеснула руками и закрыла лицо.

— Ахъ, какой срамъ, онъ вѣроятно все видѣлъ и расскажетъ по всему уѣзду... Я убѣдилась, что онъ страшный болтушка: онъ, вѣдь, мнѣ и про тебя и Парашу все рассказалъ. Ахъ, какой срамъ, Господи!

— Что онъ насъ не видалъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, иначе онъ не осмѣлился бы кулаться такъ близко отъ насъ. Впрочемъ я это сейчасъ узнаю... Ты пооди впередъ, а я пойду къ нему и поговорю съ нимъ: я тотчасъ узнаю по его лицу и словамъ, видѣлъ онъ насъ или нѣтъ... Въ просьбѣ ты подожди меня: я тебя нагоню вмѣстѣ съ нимъ и покажу видъ какъ будто нечаянно встрѣтились.

Юлія Васильевна миготъ прынула въ лѣсъ; но лишь только она сдѣлала нѣсколько шаговъ въ лѣсу, какъ лицомъ къ лицу очутилась передъ незнакомой ей женщиной, которая стояла неподвижно на дорогѣ. Черные глаза ея, прямо устремленные на лѣсничиху, сверкали злобщимъ огнемъ, блѣдное суровое лицо

выражало ненависть и злобу. При взглядѣ на нее Юлія Васильевна задрожала и чуть не вздрогнула отъ испуга. Мгновенно, но инстинкту, она отгадала, что это была Параша.

— Что вы, барыня, али заблудились? спросила она ее, злобно усмѣхаясь.

— Нѣтъ... я не заблудилась... чуть слышно пролепетала сконфуженная Кастрицкая.

— Такъ какъ же вы сюда зашли: въ такую глушь и даль...

— Такъ... и гуляла... отвѣчала Юлія Васильевна, стараясь пройти мимо Параша.

— Неужто вы здѣсь одни... гуляли-то... безъ кавалера? продолжала Параша, слѣдя за нею.

— Одна... машинально отвѣчала Юлія Васильевна.

— Какъ же вы это такъ одни?... этакъ вы еще напугаетесь его... Вы бы хоть вотъ Павла Петровича попросили проводить... Онъ вотъ тутъ не подалеку... прошелъ съ какой-то барыней...

При послѣднихъ словахъ Параша насмѣшливо улыбнулась, стараясь заглянуть въ лицо Кастрицкой.

— Вы не видали его?... приставала она.

— Нѣтъ... не видала...

Параша злобно усмѣхнулась.

— Не видали... Мудреное это дѣло, какъ это вы съ нимъ не встрѣтились..! Онъ тутъ близехонько сидѣлъ съ одной барыней... И барыня-то эта больно на васъ похожа... Ну, какъ есть одно лицо съ вами... Ми... не видали...

Юлія Васильевна совершенно растерялась и шла молча, стараясь уйти отъ своей преслѣдовательницы; но Параша замѣтила смущеніе ея и съ злою радостью тѣшилась имъ.

— Такъ не видали, барыня?... спрашивала она, опять заглядывая въ лицо соперницы... А я видѣла... И барыню-то знаю... Замужняя, вѣдь... А отъ живаго мужа съ чужимъ мужчиной въ лѣсу гуляетъ... Ай да барыня!... Вотъ бы мужу-то сказать... Пускай бы поучилъ хорошенько... Да и на что только барынь польстился, какъ я посмотрѣла: ни чѣмъ, ничего въ ней нѣтъ хорошаго... Такъ, ровно бѣлка... вышинга какая-то.

Юлія Васильевна увидѣла наконецъ, что ей не уйти отъ преслѣдованія этой женщины, она поняла, что Параша замѣтила ихъ свиданіе и говорила прямо на ее счетъ и съ намѣреніемъ оскорбить ее. Смущеніе и страхъ мало по малу уступили въ душѣ ея

нѣсто досадѣ. Она вдругъ остановилась, и сердито проговорила Парашѣ:

— Послушай, что ты пристала ко мнѣ?... Я съ тобой не говорю и не хочу говорить... Какъ это ты смѣешь беспокоить меня?... Поди прочь!...

— Барыня, да намъ дорога-то одна... Я только васъ провожаю, чтобы съ вами кто не встрѣтился, да не подумалъ бы про васъ чего, что вы такъ далеко гуляете... Вотъ, вѣдь, я только для чего...

— Поди... я не прошу тебя... Мнѣ не нужно, чтобы ты меня провожала...

— Что же? Али Павла Петровича будете дожидаться? спросила Параша и захохотала...

— Да, его ожидаю: и когда онъ придетъ, я пожалуй на тебя, мерзкая, чтобы ты не смѣла говорить дерзости... И не смѣла подсматривать... И какъ ты смѣешь со мной говорить...

— Параша вся побѣлѣла отъ злости и ни мало не испугалась угрозъ Кастрицкой. Она, какъ будто, только того и ждала, чтобы раздражить ее, вывести изъ себя и развязать свой языкъ, до сихъ поръ стѣсняемый невольнымъ чувствомъ, если не уваженія, то осторожности передъ барыней. Теперь гнѣвъ вполне овладѣлъ ею и она даже не хотѣла скрывать его.

— Да что мнѣ не говорить-то съ тобой! отвѣчала она на то. Что ты лучше что ли меня, хоть и барыня называешься... Ты такая же любовница барина какъ и я, только еще послѣ меня... Я по прежде тебя была у него... Вотъ что... Да еще видно и почестнѣе тебя буду, я дѣвка; ни кѣмъ не обязана, а ты отъ мужа гуляешь... Слышала?... Такъ нечего тебѣ стращать меня бариномъ... Я его знала по прежде тебя: ничего онъ не посмѣетъ со мной сдѣлать: у насъ дѣти есть... Вы думали увороваться отъ меня?... Нѣтъ, не уворуетесь... Вездѣ найду... Ты думаешь я не догадалась зачѣмъ онъ тебѣ эту угольную комнату отвелъ и ходъ особенный... Нѣтъ, голубушка, не дамъ я тебѣ отовладѣть его у меня... И не думай... Пусть лучше жизни своей лишусь, пусть онъ меня разобьетъ, а ужъ не дамъ вамъ надругаться надо мной... Вотъ возьму, да такъ глаза и выпарапаю, всѣ волосы твои растреплю...

И Параша съ угрожающимъ жестомъ подняла руку. Юлія Васильевна оледенѣла отъ ужаса, и, ни слова не говоря, ни смѣя пошевеливаться, смотрѣла на нее: Параша была выше цѣлой голо-

вой, а угрюмое лицо, искаженное бѣшенствомъ, и мрачное, сверкающіе глаза, были дѣйствительно страшны.

Между тѣмъ Рыбинскій, оставшись одинъ, подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ купался Осташковъ. Тотъ, увидавши его, удивился и сконфузился: глупо ухмыляясь, онъ присѣлъ въ воду по горлышко, чтобы не показать предводительскимъ очамъ своего обнаженнаго тѣла.

— Эй, Осташковъ, что это тебѣ вздумалось здѣсь купаться?.. Ну, еслибы кто изъ дамъ вздумалъ придти сюда гулять, и застали бы тебя въ такомъ видѣ...

— Виноватъ, батюшка, Павелъ Петровичъ... А я такъ думалъ, что сюда никто не зайдетъ: мѣсто глухое... А въ дѣмуть больно вспотѣлось... Виноватъ, извините...

— Да хорошо, что никто не пришелъ, а я давеча говорилъ барынямъ про этотъ прудъ и онѣ хотѣли придти посмотреть на него...

— Ужъ такъ я глупо сдѣлалъ, вижу, что сглупилъ... Простите, батюшка, Павелъ Петровичъ.

Рыбинскій ясно видѣлъ, что Осташковъ ихъ не замѣтилъ.

— Ну, да чтожъ ты не выходишь: выходи скорѣе... Мнѣ нужно еще съ тобой поговорить...

— Вы только позвольте... поотойдите... А то мнѣ зазорно при васъ нагишомъ-то... Кажется, и не выдти...

— Рыбинскій захохоталъ.

— Вотъ еще какой стыдливый... Ну, пошелъ, пошелъ, выходи скорѣе... Мнѣ некогда тутъ тебя дожидаться...

— Ахъ, вотъ грѣха-то надѣлалъ... Вотъ дурость-то что значить... Батюшка Павелъ Петровичъ, не обезсудьте... И Осташковъ позломъ выпрыгнулъ изъ воды, и сталъ торопливо одѣваться.

— Послушай, Осташковъ,—началъ Рыбинскій, когда Никеша совершенно одѣлся и цѣловалъ его въ плечико, снова извиняясь въ томъ, что осмѣлился здѣсь выкупаться;—послушай, сначала я тебѣ объясню, что я для тебя дѣлаю. Ты долженъ знать, но не смѣй только никому сказывать: я тебѣ такъ приказываю!... Дочь твою я беру на свое содержаніе, по такъ какъ я мужчина, то и отдаю ее къ Юліи Васильевнѣ. А деньги за ея ученіе и содержаніе буду платить я... Слышишь?... Потомъ на выборахъ я непремѣнно пристрою твоего сына... Цѣловать рукъ нечего...

Ты долженъ только знать и чувствовать, что предводитель о тебѣ заботится. А ты чѣмъ ему платишь!... а?...

— Что такое, батюшка, Павелъ Петровичъ? Ужъ кажется, я ли не цѣню и не чувствую всѣхъ вашихъ великихъ милостей... Ужъ кажется, мнѣ зрѣть не можно...

— То-то зрѣть не можно! Какъ это ты смѣлъ рассказывать про меня, что я живу съ Парашкой, что она моя любовница? а? Ты думалъ, что я объ этомъ не узнаю? Нѣтъ, голубчикъ, я знаю все, что ты дѣлаешь, что говоришь, даже знаю что думаешь... Я слѣжу за каждымъ твоимъ шагомъ... И про кого же это ты смѣлъ говорить? Про своего предводителя, про благодѣтеля своего, отъ котораго зависитъ все твое благополучіе... А?

— Батюшка, Павелъ Петровичъ, почтенный благодѣтель, не гнѣвайтесь, простите... Все отъ глупости, отъ необразованія своего сболтнулъ... Не изъ чего... Окажите вы мнѣ такую милость: простите меня, дурака... Не буду, ни впредь, никогда...

Остапковъ плакалъ и хваталъ руку Рыбинскаго, чтобъ поцѣловать.

— Ну если ты, дуракъ, и сдѣлалъ это отъ глупости, такъ слушай же, что я тебѣ скажу. Слушай, да заруби мои слова у себя на носу... Если ты когда нибудь осмѣлишься хоть что нибудь говорить про меня, что ты видѣлъ или слышалъ, такъ знай, что я тебя уничтожу со всѣмъ твоимъ семействомъ... послѣдняго куска хлѣба лишу, нищимъ сдѣлаю... Туда упеку, гдѣ ты в свѣту Божьему не радъ будешь... Слышишь?.. Ты вонъ жаловался мнѣ и просилъ помощи, что отецъ тебя обижаетъ, земли тебѣ мало даетъ, и я за это сдѣлаю такъ, что ты клочка земли не получишь... Слышишь?... Какъ это смѣть говорить дурное, сплетничать, про своего предводителя... Да ты знаешь: мнѣ чортъ не братъ, меня и губернаторъ боится... А не буду я предводителемъ, такъ за это я просто тебя убью... изъ своихъ рукъ убью... Ты знаешь меня, или нѣтъ?... Это онъ предводителя своего ерамитъ, разныя гадости про него рассказываетъ.. Каково! Да если бы ты, что такое услышалъ что другіе про меня говорятъ, такъ долженъ бы за меня вступиться, а не то, что самому рассказывать...

— Батюшка, Павелъ Петровичъ, простите же вы меня, темнаго, неученаго человека... Вотъ вы мнѣ теперь дали науку, такъ не то, что про васъ... да ни про кого у меня ротъ не раскроется... Не будетъ этого никогда, ни впредь, ни послѣ...

— Ну, смотри же... Помни... Я для тебя все сдѣлаю, и ты долженъ быть мнѣ вѣрнымъ слугою, а не то, что сылетникомъ на меня... Что бы ты ни узналъ, что бы ты ни увидѣлъ, что до меня касается... и рта не развѣвать... Ну, Богъ съ тобой, на первый разъ прощаю... А то берегись... Ну, пойдѣмъ...

Рыбинскій спѣшилъ нагнать и успокоить Юлію Васильевну. Онъ увидѣлъ ее вдали именно въ ту минуту, когда Параша водняла надъ нею свои руки. Рыбинскій подбѣжалъ къ нимъ. Юлія Васильевна, увидя его, бросилась къ нему съ крикомъ и со слезами.

— Что съ вами, что съ вами? спрашивалъ Рыбинскій, поддерживая ее трепещущую, едва держашуюся на ногахъ.

— Ахъ, Павелъ Петровичъ, спасите меня отъ этой женщины: она хотѣла убить меня... она наговорила мнѣ Богъ знаетъ какихъ дерзостей.

Рыбинскій грозно взглянулъ на Прасковью, велѣлъ Осташкову остаться около Кастрицкой, а самъ подошелъ къ Парашѣ, которая стояла неподвижно, какъ статуя, съ опущенными руками; глаза ея горѣли прежнимъ бѣшенствомъ, и она прямо и безстрашно смотрѣла ими на Рыбинскаго.

— Ты зачѣмъ здѣсь? Ты что это надѣлала?... Ты знаешь, что я съ тобой сдѣлаю за это?... говорилъ онъ, сдерживая гнѣвъ, задыхающимся голосомъ.

— Что вы мнѣ сдѣлаете? Бейте меня, рвите... Я не боюсь... И то ужъ все мое сердце разорвалось, вся душа моя надѣлась... Зачѣмъ вы меня къ себѣ приворожили?... Зачѣмъ бросили?... Чѣмъ я хуже этой выдры, этой кошки ободр...

— Молчать! заревѣлъ Рыбинскій и ударилъ Парашу.

Она покатила на землю, точно дерево, у котораго подрубили корень:

— Ахъ, вы убили ее! запищала Юлія Васильевна.

— Нѣтъ, не бойтесь: опомнится, встанетъ... Пойдемте, Юлія, а ты, Осташковъ, останься здѣсь, около этой твари, и когда она придетъ въ себя, посмотри, что будетъ дѣлать, и потомъ приходи сказать мнѣ.

— А какъ она, батюшка, Павелъ Петровичъ...

— Что еще?

— Какъ она ужъ... чего Боже избави, можетъ, побывшилась...

— Э, говорятъ тебѣ, нѣтъ... Вѣдь, я знаю, какъ ударилъ ее.

— Ну, а если меня кто увидитъ, да подумаютъ, что это я ее..

— Ну, такъ спрячься гдѣ нибудь, да смотри издали... Ну, оставься же... Пойдемъ, Юлія.

Они пошли по направленію къ дому, а бѣдный Осташковъ не посмѣлъ послушаться и остался.

— Ахъ, какая она злая... Что она говорила, еслибъ вы слышали... А она все видѣла, она подсматривала за нами... Ахъ, какой срамъ... Пожалуй, теперь всѣ узнаютъ...

— Никто ничего не узнаетъ, а я приму мѣры, чтобы ея завтра же не было въ домѣ.

— Куда же вы ее дѣваете?

— Ужъ я найду ей мѣсто: вволю отвезти въ дальнюю деревню и выдать замужъ за мужика.

— А ну, если ты ее убишь...

— Не можетъ быть... А если и такъ—что же дѣлать... Надо какъ нибудь выпутываться изъ бѣды...

— Ахъ, Paul, кажется, я тогда не въ силахъ буду любить тебя: тогда ты будешь убійца... Охъ, какъ страшно!..

— Убійца... изъ-за тебя же, вѣдь... Ты должна будешь любить еще больше...

— Ахъ, избави Богъ, чтобы этого не случилось... Какъ мнѣ тошно и страшно, еслибъ ты зналъ... Что она мнѣ говорила... Какъ унижала меня...

— Ну, полно, мой ангелъ, стоитъ ли обращать вниманіе на сумасшедшую женщину... Забудь всю эту исторію...

— Нѣтъ, это мудро забыть... И въ самомъ дѣлѣ, что я дѣлаю?.. У меня есть мужъ, а я...

— Послушайте, Юлія Васильевна, если вы раскаяваетесь, что любите меня и сожалеете о вашемъ мужѣ, то мы разстанемся сегодня же.. Я не буду дорожить женщиной, которая не дорожитъ моею любовью... Я оставляю васъ, не смотря на то, что послѣ этого случая я чувствую, что люблю васъ еще болѣе прежняго... И вы бы должны были понять, что я все-таки чувствовалъ нѣкоторую привязанность къ той женщинѣ и принесъ ее въ жертву вамъ. А вы начинаете говорить о вашемъ пьяницѣ и дуракѣ мужѣ... Ну, подите къ нему... Я васъ не держу... Я найду многихъ и кромѣ васъ, которыя будутъ любить меня...

— Нѣтъ, нѣтъ, Paul, не сердись на меня... Я люблю тебя... Я боюсь только одного...

— Чего?

— Что ты бросишь и меня, какъ эту женщину...

— Я ужъ сказалъ тебѣ, что будущаго я не знаю, никогда о немъ не думаю и думать не хочу... Объ этомъ нечего и говорить.

— Боюсь и еще одного..

— Еще чего?

— Ну, если ты ее убишь... Ты, вѣдь, будешь убійца...

— Настоящая женщина!.. Тебя пугаетъ слово... Но, вѣдь, я не хотѣлъ ее убить, и не могъ же я позволить, чтобы она срамила и оскорбляла тебя... Но объ этомъ тоже не стоитъ говорить, потому что она жива... И я оставилъ Осташкова для того, чтобы она не наложила на себя руку, когда опомнится... Вотъ это дѣло болѣе возможное... А ты лучше позаботься о томъ, чтобы быть на балѣ веселой и спокойной... А теперь пора намъ разстаться... Ты поди въ свою комнату, а я пойду въ садъ...

Оставшись одинъ, Осташковъ не смѣлъ даже и подойти къ Парашѣ, но забился въ кусты неподалеку отъ нея такъ, чтобы его не было видно, и искоса сталъ посматривать на убитую, по его мнѣнію, женщину. Но Рыбинскій не ошибался: она не была убита, а только оглушена ударомъ, паденіемъ, и обезсилена бѣшенствомъ. Черезъ нѣсколько минутъ она пришла въ себя и, врядъ ли не къ большому еще страху Никеша, приподнялась на одну руку, осматриваясь во все стороны: лицо ея, блѣдное, осунувшееся, съ багровымъ пятномъ на вискѣ, глаза мутные, почти безумные, наводили на него ужасъ. Онъ сидѣлъ, не смѣя пошевелиться, боясьдохнуть. Осмотрѣвшись кругомъ, Параша какъ будто вдругъ вспомнила все, что съ ней было: дотронулась рукой до багровой щеки, выплюнула изо рта кровь, и вдругъ завyla и заголосила страшнымъ образомъ, бросилась на землю, и начала биться и кататься по ней, рыдая и стона, какъ раненый, дикій звѣрь. Она рвала на себѣ волосы, била себя въ грудь, царапала лицо и грызла землю... Наконецъ, выбившись изъ силъ, снова затихла и, казалось, лишалась чувствъ. Потомъ вдругъ она поднялась на ноги, съ полнымъ отчаяніемъ во взорѣ и съ сухими глазами, и, ломая руки, скорыми шагами пошла къ пруду, какъ будто съ намѣреніемъ утопиться; но на самомъ берегу его она пріостановилась, взглянула на небо, перекрестилась и вдругъ заплакала обильными, но тихими слезами, и упала на траву въ истерическихъ конвульсіяхъ. Никеша, который было уже совсѣмъ собирался, бѣжать, чтобы объ-

вить, что Параша бросилась въ прудъ и пріостановилась только за тѣмъ, чтобы посмотреть—нельзя ли будетъ ему ее вытащить, теперь снова отложилъ свое намѣреніе, и сталъ ждать что будетъ, не подходя близко къ Парашѣ. Она долго плакала, потомъ затихла, встала, опять перекрестилась и махнувши съ отчаяніемъ рукою, уныло опустя голову, пошла тихими шагами къ дому. Никеша издали слѣдовалъ за ней. Она ни разу не оглянулась и не замѣтила его присутствія. Съ радостью побѣжалъ Никеша сказать Рыбинскому, что Параша жива и воротилась домой.

V.

Въ назначенный часъ балъ открылся и Кастрицкая явилась на него, по обыкновенію, бойкая и веселая, лишь съ легкою блѣдностью въ лицѣ. Рыбинскій открылъ балъ съ нею. Проходя Польскій онъ сказалъ ей вполголоса: успокойтесь, Парашка жива и въ добромъ здоровьѣ. А завтра ея не будетъ у меня въ домѣ.

— Что же ты съ нею сдѣлаешь?

— Увидимъ.

— Но, вѣдь, у нея есть дѣти...

— Почему же я знаю, чьи это дѣти...

Рыбинскій захохоталъ. Кастрицкая тоже улыбнулась.

Балъ прошелъ своимъ чередомъ: за вальсомъ слѣдовала кадрили, за кадрилию полька и т. д. до мазурки включительно. Дамы или увлекались танцами, или съ наблюдательностію осматривали одна другую, изучая костюмъ до мельчайшихъ подробностей, или прохаживались по залѣ, прохладя себя разными питьями и лакомствами, которыя подавались въ избыткѣ. Мужчины или напрягали всѣ свои мыслительныя способности, чтобы развлекать дамъ разговорами во время танцовъ, или шептались по угламъ залы маленькими группами, переливая изъ пустаго въ порожнее, или стремительно, съ чувствомъ самоотверженія кидались на средину залы вертѣть засидѣвшихъ барынь, или еще съ большимъ самоотверженіемъ обрекали себя на расточеніе любезностей. Словомъ, балъ прошелъ въ настоящемъ порядкѣ. Не было недостатка ни въ чемъ, что составляетъ обыкновенно необходимую принадлежность баловъ. Было нѣсколько сердець, загорѣвшихся нѣжною страстью въ продолженіе самого бала за прекрасныя, полубогаженные плечи, за пре-

лестную саму по себѣ и прекрасно обутую ножку, за восхитительную талию—съ одной стороны; за необыкновенное искусство и неутомимость въ танцахъ, за неистощимое остроуміе и способность говорить обо всемъ, не говоря ни о чемъ, за насмѣшливый нравъ и умѣнье замѣтить смѣшное въ каждомъ, за дерзость взгляда или наглую лезть—съ другой стороны. Было двѣ пары, признавшихся въ нѣжной симпатіи во время мазурки, была даже одна счастливица, получившая формальное предложеніе. Были дамы счастливыя и довольныя, потому что не присидѣли ни одного танца; были обиженныя и недовольныя, потому—что ихъ рѣдко ангажировали. Словомъ, здѣсь было все то, что бываетъ и на всѣхъ другихъ провинціальныхъ балахъ. Разница состояла только въ томъ, что балъ у Рыбинскаго начался какъ слѣдуетъ, польскимъ въ залѣ, а продолжался въ павильонѣ, нарочно для этого выстроенномъ на берегу пруда. Дорога изъ дома къ павильону была освѣщена горящими смолеными бочками, плошками, илюминированными щитами съ вензелемъ хозяина. Эта выдумка такъ понравилась гостямъ, что нѣкоторые изъ задорныхъ танцоровъ дорогою вздумали ангажировать дамъ и полькировали на открытомъ воздухѣ до самаго павильона. Въ иныхъ это обстоятельство возбудило особенную веселость, для нѣкоторыхъ показалось весьма неприличнымъ. Ровно въ полночь на берегу пруда былъ сожженъ фейерверкъ.

Нѣкоторые изъ мужчинъ, не принимавшихъ участія въ танцахъ, оставили павильонъ и воротились въ домъ. Кто-то замѣтилъ, что теперь, пользуясь отсутствіемъ дамъ, на свободѣ, хорошо бы послушать цыганскій хоръ. Это замѣчаніе было принято съ восторгомъ и Остапковъ былъ командированъ въ павильонъ къ хозяину, просить на это разрѣшенія. Рыбинскій, который самъ не танцевалъ и которому монотонность и однообразіе бала надоѣли, съ удовольствіемъ согласился на исполненіе этой просьбы и самъ обѣщалъ придти туда. Хоръ въ минуту былъ собранъ, и когда Рыбинскій подходилъ къ дому, до него уже долетали, всегда пріятныя для его ушей, гикъ, визжанье и топанье его настоящихъ и искусственныхъ цыганъ. Эти звуки всегда воодушевляли его и возбуждали въ немъ бѣшеные порывы веселья. Онъ весело и быстро вошелъ въ ту комнату, гдѣ пѣли цыгане, подкрикнулъ имъ въ пѣснѣ, что придадо еще болѣе энергіи пѣвцамъ, и потребовалъ вина. Скоро вся компанія охмѣлѣла и развеселилась.

— Нѣтъ, братъ, Павелъ Петровичъ, не было и нѣтъ у тебя такой плясуньи, какъ Параша... говорилъ Коиковъ. Что ты ее никогда нынче не заставишь поплясать...

— Устарѣла, братъ.

— Такъ неужто она стала старше вонъ этой вѣдьмы цыганки... Неужто она хуже ее пропляшетъ... Пустяки... Ахъ, какъ писала... Просто, бывало кровь закипитъ, какъ смотришь на нее.

— Нѣтъ, ужъ нынче не то стала: завелись ребятишки—отяжелѣла, опустилать...

— Пустяки, братъ... Не такая она дѣвка... Мнѣ такъ, кажется, ты просто ее ревнуешь и держишь взаперти, никому не показываешь... Вотъ что...

Рыбинскій захохоталъ.

— Перестань врать: она мнѣ и то надоѣла... Не хочешь ли подарю и вмѣстѣ съ ребятишками...

— Нѣтъ, спасибо, а ты лучше велика ей придти да поплясать. Вели, пожалуста... Многіе изъ гостей также присоединили свои просьбы.

— Да по мнѣ пожалуй; только я вамъ говорю, господа, что ужъ далеко не то, что была прежде... Эй, Осташковъ, сходи, братъ, къ Парашѣ: скажи ей, чтобы одѣлась по-цыгански и сейчасъ бы шла сюда плясать.

Осташковъ, вспомнивъ какъ недавно еще она лежала безъ памяти, а потомъ металась и видимо страдала, не спѣшилъ исполнить его приказаніе и смотрѣлъ на Рыбинскаго вопросительно и въ недоумѣніемъ.

— Ну, что стоишь? поди, я говорю, и скажи Прасковѣ пойти именемъ, чтобы она сейчасъ шла сюда плясать...

— Да, вѣдь, она находится при болѣзни, Павелъ Петровичъ.

— Эхъ, дуралей какой! Да мнѣ-то что до этого за дѣло? Тебѣ говорятъ: поди и пошли ее сюда.

Осташковъ повиновался. Онъ пробрался въ комнату Парашы. Она лежала на постели блѣдная, унылая, устремивши неподвижный взглядъ на маленькую дѣвочку, дочь свою, китора я сидѣла тутъ же у ней на кровати и играла какими-то тряпочками. Покрасившіе отъ слезъ, но теперь сухіе глаза ея выражали тупое горе и отчаяніе. Услышавши скрипъ отворяющейся двери, Параша быстро перевела глаза съ ребенка на входящаго Осташкова. Взоръ ея опять вдругъ занскрился.

— Здравствуйте, Прасковья Игнатьевна, сказалъ Остапковъ, подходя къ постели. А я къ вамъ-съ...

— Что тебѣ надо, баринъ? спросила его Параша.

— Меня къ вамъ прислали Павелъ Петровичъ...

Параша невольно вздрогнула при этомъ имени.

— Приказали вамъ сказать, чтобы вы приходили туда въ залу, плясать... и одѣлись бы по-цыганскому...

— Что?... Онъ меня зоветъ плясать?...

— Точно такъ-съ... Приказали сказать...

— Съ этимъ-то?.. спросила она, указывая на багровое пятно, которое покрывало часть ея лѣвой щеки и високъ, — слѣдствіе удара, который она получила отъ Рыбинскаго. Съ этимъ идти плясать?...

— Я не могу знать... Миѣ только приказано сказать, чтобы непременно приходили плясать... Я было пыталъ говорить, что вы теперь при болѣзни находитесь, такъ ни на что не взирають, а чтобы, чу, непременно явилась...

— Да что ему тварь-то что ля свою, любовницу-то хочется мной потѣшить? Такъ скажи ему, что не пойду, у меня еще ноги не ходятъ, стоять на ногахъ не могу... а не то, что плясать... Скажи-ка ты ему: заставилъ бы лѣсничиху вмѣсто меня плясать.. Такъ и скажи... А я еще не стану...

— Какъ же я могу это имъ сказать, Прасковья Игнатьевна... Они вашъ есть господинъ... Они прогнѣваются на этикія слова...

— Миѣ все равно... Я ничего не боюсь теперь: видно хорошаго ужь миѣ ждать нечего...

— Вы бы ужь лучше покорились: шли бы да плясали... исполнили бы его приказъ...

— Это чтобы я пошла тѣшить эту сволочь, его любовницу... Да лучше онъ меня изрѣжь, въ куски изорви, а не дамъ ей надъ собой потѣпаться... Не пойду... Такъ и скажи, что неидеть, моль, не хочеть...

— Да, вѣдь, ихъ нѣтъ тамъ совсѣмъ...

— Кого нѣтъ?

— А Юліи Васильевны... Одни господа мужчины...

— А ты что у нихъ, баринъ, въ слуги нанялся что ли?

— Напрасно вы это говорите... Напрасно обижаете...

— Что напрасно - то?... Развѣ я не видала, какъ ты даже-ча кланялся да ручки - то цѣловалъ у нея, а послѣ шептаться пошли...

— Такъ что же?... Она мнѣ благодѣяніе хотеть сдѣлать: дочку у меня беретъ къ себѣ на воспитаніе...

— Ахъ ты... Кому хотеть дочку отдать на воспитаніе: что ни на есть самой распутной... Эхъ ты... баринъ!... Чего она у ней посмотрится, чему научится... Еще бариномъ себя называетъ... дворяниномъ... Да я бы близко-то ее не подпустила къ дочери-то...

— Опять же это не ваше дѣло... И вамъ порочить эту госпожу не приходится... Мнѣ ее сами Павелъ Петровичъ рекомендовали и хвалили, такъ я ничьихъ словъ, послѣ ихнихъ, не послушаю... Вотъ что...

— Да какъ ему ее не хвалить, коли она отъ живаго мужа съ нимъ гуляетъ...

— И опять же не за тѣмъ я пришелъ, чтобы это слушать... И вамъ про своего помѣщика такъ говорить не должно... Вы и сами его милостями были взысканы... изъ вашего рабства... Такъ вамъ бы это надо чувствовать... Вотъ что...

— Чувствую, чувствую!... Какъ не чувствовать его благодѣяній: на вѣки ошастливилъ!... Отольются ему, Ироду, мои слезы... кровью отольются...

— Такъ что же вы пойдете, али нѣтъ?...

— Нѣтъ, нѣтъ, не пойду: вѣдь, ужъ я тебѣ сказала одинова... Скажи... что нейдетъ, мошь, силы нѣтъ... Мнѣ не до плясокъ... Меня ноги не держать...

— Я такъ и скажу...

— Такъ и скажи... отпраздновала, мошь, она именины... сыта, довольна, угощена...

Параша истерически захохотала. Осташковъ поспѣшилъ уйти отъ нея. Онъ воротился къ Рыбинскому съ отвѣтомъ, что Параша отказалась плясать, отзывается болѣзною.

Павелъ Петровичъ разсердился не на шутку: онъ не любилъ противорѣчія.

— Ну, такъ она, видно, ждетъ, чтобы я самъ сходилъ за ней... Ну, хорошо, я схожу... Сейчасъ, господа, явится... проговорилъ онъ, вставая.

Параша не ждала этого посѣщенія. Она обомлѣла и задрожала, когда увидѣла Рыбинскаго въ своей комнатѣ, но не пошевелилась и осталась неподвижною въ томъ положеніи, какъ засталъ онъ ее.

— Я присылалъ за тобой, чтобы ты шла плясать, а ты не

слушаешь моихъ приказаній... проговорилъ Рыбинскій, свирѣно смотря на Парашу. Это что значитъ?... а?... Ты съ кѣмъ шутишь?

Парапа смотрѣла на Рыбинскаго во всѣ глаза, и ничего не могла отвѣчать: страхъ, гнѣвъ, огорченіе сдавили у нея горло такъ, что она не въ силахъ была говорить...

— Что же ты молчишь. . Тебя спрашиваютъ: почему ты не послушалась моего приказанія... Что же ты не отвѣчаешь?...

Парапа до сихъ поръ неподвижно смотрѣла на Рыбинскаго. Вдругъ ея глаза наполнились слезами, она зарыдала, сволзла съ постели на полъ и обхватила руками ноги Рыбинскаго.

— Батюшка... батюшка... Солнышко мое... Золотой мой... за что ты разлюбилъ меня... лепетала она, едва внятно, судорожно обнимая его колѣна и стараясь поймать его руку.

Рыбинскій уже не чувствовалъ къ ней ни малѣйшей любви, а воспоминаніе прошедшаго не могло тронуть его; притомъ Параша, блѣдная, растрепанная, съ красными заплаканными глазами и синякомъ на щекѣ, показала ему отвратительна. Онъ съ гнѣвомъ и презрѣніемъ оттолкнулъ ее отъ себя.

— Это что еще за непрощенныя нѣжности... Ты забылась... что съ тобой баринъ говорить, а не какойнибудь лакей, съ которымъ ты таскалась... Встань сейчасъ...

— Никого, никого я не знала, кромѣ тебя... Богъ видитъ... Охъ, охъ!...

Парапа сидѣла на полу въ самой жалкой позѣ, рыданія захватывали у нея духъ, давили горло; она отчаянно ломала руки и съ невыразимой тоской смотрѣла на него. Ребенокъ, который до сихъ поръ смотрѣлъ на всю эту сцену испуганными глазами, вдругъ тоже заревѣлъ. Это окончательно вывело Рыбинскаго изъ терпѣнія.

— Встань сейчасъ и уйми своего постреленка... вскрикнулъ онъ запальчиво.

— Твой это... Богомъ клянусь, что твоя дочь... Никого я не знала.

— Молчать... закричалъ Рыбинскій такъ грозно, что ребенокъ умолкъ, а Парапа невольно наклонила голову, ожидая удара... Но удара не было.

Прошло нѣсколько секундъ молчанія. Парапа приподняла голову.

— Разбей меня, убей до смерти... только полюби попреж-

нему хоть одинъ часочикъ, хоть на минуточку... Сердце во мнѣ все изныло...

— Слушай, Прасковья, если ты еще хоть слово одно скажешь, если не встанешь сейчасъ и не пойдешь плясать, я тебя сейчасъ же велю отвезти въ дальнюю деревню и выдамъ за мужъ за мужика... Слышишь... Встань же сейчасъ и иди плясать...

— Да какая я плясунья... Посмотрите вы на меня...

— Набѣлись и нарумянись... А чтобы тебѣ было веселѣе, такъ я пришлю тебѣ вина... Выпей и приходи... Ну же, не выведи меня изъ терпѣнія... Да плясать хорошенько, какъ прежде бывало...

Рыбинскій вышелъ.

Послѣднія слова его блеснули для Параши лучемъ надежды.

— Попробую плясать хорошенько, думала она. Онъ любилъ меня за то, что я хорошо плясала... Можетъ быть, и теперь... И вдругъ Параша, какъ будто ожила: слезы ея высохли, глаза загорѣлись. Она быстро встала, хотя и дрожала всѣмъ тѣломъ, подошла къ зеркалу и дрожащими руками начала причесывать свои, все еще прекрасные волосы. Въ это время человекъ принесъ ей стаканъ вина. Она залпомъ, съ жадностью его выпила. Вино мгновенно ее оживило и ободрило: горе и тоска какъ будто замерли въ сердцѣ, лишь что-то такое дрожало внутри, позывая ее къ истерическому смѣху.

— Скажи барину, что я сейчасъ иду, да пошли къ мнѣ Палашку, чтобы помогла мнѣ одѣться поскорѣе, сказала она слугѣ, почти весело и повелительно.

— Али опять въ барыни наровишь, подумалъ онъ, молча выслушивая ея приказанія.

Параша живо одѣвалась и скоро была готова. Она нарядилась точно такъ, какъ бывало являлась свѣженькая, юная, и улыбающаяся, восхищать и доводить до бѣшенаго восторга и Рыбинскаго и гостей его: руки и плечи ея были обнажены по прежнему, черныя длинныя косы, какъ и прежде ниспадали на красный платокъ, перекинутый черезъ одно плечо и ярко обозначались на немъ своими роскошными прядями, и платье было такое же, и даже больше противъ прежняго оставляло открытыми и плечи и грудь; но сама Параша была уже не иррежняя: отъ нея не вѣяло уже обаянiемъ молодой, цвѣтущей жизни, улыбка ея не дышала беззаботной веселостью юности, взглядъ

ея уже не говорилъ о внутреннемъ счастьи, о полномъ самодовольствѣ безпечной несознанной жизни, и развитійся станъ ея не былъ уже такъ гибокъ и эластиченъ какъ прежде. Но она все еще была хороша красотою другаго рода. Ея лицо получило больше смысла и опредѣленности, ея черные глаза, окруженные легкой тѣнью—слѣдъ годовъ, любви и горя—были выразительны и горѣли жгучимъ огнемъ знойной страсти, горячій румянецъ на похудѣвшихъ щекахъ, полная грудь и округленный роскошный станъ дышала сладострастьемъ. Синякъ на вискѣ былъ ловко прикрытъ волосами и низко опущенные для этого на щеку волосы придали лицу особенную рѣзкость и выразительность.

— Можетъ быть, и полюбитъ опять! думала Параша, смотря на себя въ зеркало.

Появленіе ея въ залѣ было встрѣчено шумными кликами нѣсколько опьянѣвшихъ уже гостей. Всѣ окружили ее одни съ вопросами, другіе съ привѣтствіями, иные подошли только для того, чтобы поближе рассмотреть хваленую плясунью. Никто не стѣснялся вслухъ высказывать о ней свое мнѣніе, только одни выражали свой образъ мыслей по-французски, другіе порусски. Большинство голосовъ было въ пользу красоты Параша: не многіе открывали въ ней признаки увяданія. Впрочемъ Рыбинскій поспѣшилъ прекратить этотъ осмотръ: онъ боялся какъ бы не былъ открытъ знакъ, наложенный на нее его мощной десницей. Онъ налилъ стаканъ шампанскаго и изъ своихъ рукъ подалъ его Парашѣ. Она взглянула на него взглядомъ, полнымъ безпредѣльной любви и благодарности, и выпила шампанское. Рыбинскій просилъ гостей садиться и приказалъ начинать пѣсню, подъ которую Параша должна была плясать.

Разгоряченная виномъ, возбужденная надеждою на возможность возвратить потерянное счастье, трепещущая отъ страстныхъ ощущеній, Параша превзошла самую-себя въ этой пляскѣ. исполненной одними сладострастными движеніями. Весь пылъ и зной, всю нѣгу и уносеніе страсти умѣла она передать своей безыскусственной мимикой, бывали мгновенія, когда казалась она упадетъ и задохнется подъ вліяніемъ передаваемого ею ощущенія, глаза ея горѣли и метали искры, она дрожала какъ листъ, изгибалась и трепетала, какъ гибкая ива, подъ дуновѣніемъ вѣтра. Каждый нервъ, каждая фибра ея тѣла, казалось, говорили какое чувство клочнется въ этой крови, чѣмъ полно

или чего требуетъ это сердце. У многихъ зрителей захватывало духъ отъ восторга, нѣкоторые не въ силахъ были сидѣть и вскакивали съ своихъ мѣстъ; одинъ только человекъ оставался холоденъ и спокоенъ, хотя и смотрѣлъ на плясунью съ довольной улыбкой. И это былъ тотъ, кто зажегъ, или, по крайней мѣрѣ, раздулъ этотъ огонь, къмъ была возбуждена и кому принадлежала эта страсть, для кого она только и выражалась. Онъ былъ пресыщенъ этою красотою и этою страстью. Онъ ничего уже не находилъ въ нихъ новаго и привлекательнаго: онъ надоели ему. Въ инныя минуты казалось, что одушевленіе Параша сообщалось ему: глаза его загорались и лицо оживлялось, но онъ ни единымъ движеніемъ не позволялъ выразиться своему восторгу: на днѣ души его лежало какое-то отвращеніе къ несчастной женщинѣ и какъ будто боязнь снова увлечься ею.

Варугъ Рыбинскій что-то вспомнилъ, подозвалъ къ себѣ Осташкова и шепнулъ ему на ухо нѣсколько словъ. Тотъ проворно вышелъ вонъ и чрезъ нѣсколько минутъ возвратился, сопровождая Юлію Васильевну, которая сѣла рядомъ съ Рыбинскимъ.

— Я вспомнилъ, что вамъ хотѣлось посмотрѣть какъ пляшетъ Параша и нарочно послалъ за вами, сказалъ онъ ей. Видите: она не только жива, но еще вонъ съ какимъ увлеченіемъ дѣйствуетъ.... Эта порода живуща.... А не правда ли, вѣдь, славно пляшетъ?...

— Отлично.... Только....

— Что?

— Сказать правду?

— О, сколько угодно....

— Не хороши манеры и самая пляска не совсѣмъ прилична.... Очень ужъ выразительна.... Совѣстно смотрѣть....

— Она, бѣдная, употребляетъ сегодня всѣ свои силы, чтобы отличиться.... Чувствуетъ ли она, что пляшетъ въ послѣдній разъ передо мною и въ моемъ домѣ?... Сегодня въ ночь ее уже не будетъ здѣсь....

— Не смотря даже на то, что она такъ хорошо пляшетъ?...

— Я не хочу, чтобы одно маленькое сердечко, очень дорогое для меня, страдало отъ ревности, хоть и по напрасну. Я рѣшился устранить мнимую соперницу....

Юлія Васильевна презрительно улыбнулась и взглянула на Парашу.

— Куда же ты дѣнешь ее....

Въ эту минуту Параша, до сихъ поръ увлеченная пляскою и не замѣчавшая присутствія Юліи Васильевны, вдругъ увидѣла еѣ возлѣ своего господина. Она увидѣла какъ они ласково, дружелюбно разговаривали между собою, замѣтила, что Рыбинскій не обращалъ не нее вниманія, а Юлія Васильевна съ презрѣніемъ смотрѣла на нее. Все очарованіе, весь экстазъ, всѣ надежды въ одно мгновеніе потухли въ душѣ Парашы. Она поблѣднѣла, какъ полотно, и вдругъ неподвижно остановилась, среди самаго разгара пѣсни и пляски. Зрителей удивила эта неожиданная остановка, эта блѣдность.

— Что же ты, Параша?... Пляши!... приказывалъ Рыбинскій.

— Погодите: ей надо дать отдохнуть: она устала.... Посмотрите какъ поблѣднѣла.... говорилъ кто-то изъ гостей.

— А, устала!... Ну, такъ дайте ей шампанскаго.... Она выпьетъ, и опять соберется съ силами.... Э, Прасковья, устарѣла: стала уставать!... сказалъ Рыбинскій.

Слуга подалъ Парашѣ стаканъ шампанскаго, но она не приглянула его. •

— Что же ты не пьешь, Параша, выпей милая.... Это тебя освѣжитъ!... говорили ей съ разныхъ сторонъ. Но она ни кого не слушала, никому не отвѣчала. Пѣніе прекратилось само собою.

— Она увидѣла меня и не хочетъ болѣе плясать.... сказала Кастрицкая Рыбинскому.

— Ну, что же вы стали? Пойте.... Прасковья, пляши же.... приказывалъ онъ, возвышая голосъ.

Пѣсенники снова затагнули пѣсню, но Параша, какъ статуя, стояла на одномъ и томъ же мѣстѣ, не спуская глазъ съ Кастрицкой. Рыбинскій подошелъ къ ней.

— Послушай: станешь ты плясать, или нѣтъ? спросилъ онъ ее грознымъ полушопотомъ.

— Не стану.... не могу!... отвѣчала Параша съ тяжелымъ вздохомъ, близкимъ къ стону. Нѣтъ, не могу я плясать для нея....

— Такъ помни же ты, что я сказалъ тебѣ давеча.... Пошли вонъ отсюда.... Не жди же отъ меня никакой милости....

Параша готова была упасть и зарыдать. Рыбинскій замѣтилъ это,

— Эй,—вскричалъ онъ людямъ,—выведите ее, съ ней дурно сейчасъ сдѣлается....

Измученную, усталую, убитую, ее вынесли почти на рукахъ.

— Ну, цыгане, плясать: эй Петръ, Дуняша, ну-те-ка вы....

Пѣсня снова потянулась, цыгане начали пляску, гости нѣсколько времени поговорили о Парашѣ, потомъ занялись новыми плясунами,—и никто не догадался какая страшная драма совершилась на ихъ глазахъ, никто не пожалѣлъ бѣдной Параша.

Рыбинскій предложилъ Юліи Васильевнѣ проводить ее до на-вильона, гдѣ танцовали....

Въ ту же ночь на разсвѣтѣ Парашу, вмѣстѣ съ обѣими ея дѣтьми, посадили въ телѣгу и увезли, по приказанію барина, въ одну изъ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ деревень его.

УШ.

Цѣлую недѣлю продолжались увеселенія въ усадьбѣ Рыбинскаго. Наконецъ гости разѣхались, чтобы разносить по губерніи, по своимъ угламъ и закоулкамъ, славу или безславіе хозяина, чтобы хвалить его, злословить, насмѣхаться и удивляться его гостепріимству, хлѣбосольству, роскоши или мотовству, чтобы разсуждать и оцѣнивать: достоинъ или недостоинъ онъ званія губернскаго предводителя.

Осташковъ собрался послѣднимъ. Предъ отъѣздомъ онъ съ водобострастнымъ видомъ подошелъ къ Рыбинскому.

— Какъ же, батюшка Павелъ Петровичъ, сказалъ Осташковъ, я хочу вамъ жалобу провезти.... милости вашей просить....

— На кого это?...

— На родителя своего и на брата роднаго.... Большія обиды дѣлаютъ, Павелъ Петровичъ.... Все стѣно у меня скосили и жену съ тетенькой избрали такъ.... срамно избрали, батюшка Павелъ Петровичъ.... Защитите.... Теперича мнѣ даже не чѣмъ лошадку прокормить.... Совсѣмъ обидѣли.... А братецъ, Павелъ Петровичъ, еще похваляется избить меня.... Изобью, говорить, какъ собаку....

— А ты не поддавайся....

— Да какъ же не поддаться-то, батюшка Павелъ Петровичъ... Онъ вонъ какой: въ косую сажень.... а я великъ ли человекъ... Много ли мнѣ надо.... Изломаетъ меня совсѣмъ....

— Раявѣ оченъ силенъ?

— Да какъ же не быть сильному, Павелъ Петровичъ.... Человѣкъ онъ не лопачий.... Не оставьте.... защитите....

— Да чего же тебѣ хочется?

— Хоть бы стно-то отдали.... Али бы деньгами что, да и то боюсь, Павелъ Петровичъ, родителя-то прогнѣвать: покалуй и усадьбу-то вродаетъ, а я, вѣдь, еще не отдѣлеть.... Безъ куса хлѣба останешься....

— Ну вотъ то-то и есть... Ты самъ не знаешь, чего тебѣ хочется....

— Хоть бы ужъ онъ отдѣлилъ меня что ли по настоящему, бумагой....

— Ну, хорошо. я когда нибудь вызову его къ себѣ и поговорю съ нимъ....

— Не оставьте... Будь отецъ и благодѣтель, батюшка Павелъ Петровичъ....

Осташковъ поклонился въ ноги Рыбинскому.

— Такъ ужъ какъ же, Павелъ Петровичъ, я коли ужъ привезу дочѣнку-то.... Юлія Васильевна приказали черезъ цѣдлюю....

— Ну, да, и привози....

— Только не знаю какъ: больно ужъ она у меня не нарядна... и везти-то зазорно.... А понашить одеженки не-на что....

— Тамъ, привезешь—всего нашьютъ....

— Да привезти-то не въ чемъ, Павелъ Петровичъ....

— Хорошъ отецъ!... Что же ты ихъ нагишомъ водишь?...

— Какъ можно нагишомъ... Да, вѣдь, какая наша одежда...

— Ну, ну отстань: понимаю къ чему подбираешься... На, вотъ тебѣ пять цѣлковыхъ....

— Я, батюшка, благодѣтель, не къ тому.... Ужъ и безъ того вашимъ милостямъ нѣсть числа.... Зрить мнѣ не можно на васъ....

— А ты, Осташковъ, очень образовался, какъ я на тебя посмотрю.... Попрошайка сталъ отличный....

— Бѣдность заѣла, Павелъ Петровичъ....

— Полно, лѣнтяй.... Дома бы больше сидѣлъ, да работалъ... А то только таскаешься по гостямъ.... Ну, поѣзжай же домой... Вотъ жалуешься, что отецъ всё стно скосилъ.... Поцевольтъ скосить, коли дома не живешь....

— Напрасно, Павелъ Петровичъ....

— Ну, ужъ какие напрасно....

— Прощайте, батюшка Павелъ Петровичъ.... Давно бы и есть ужъ пора домой-то....

— То-то и есть.... А лѣнь работать-то.... Вотъ и шляешься....

— Нѣтъ, батюшка.... Я работать, кажется, за всякъ часъ готовъ.... А я ѣзжу, для семьи же хлопочу.... Коли ѣздить не стану по благодѣтелямъ, и они меня забудутъ.... А я вашими благодѣянiями и на свѣтѣ-то живъ.... Гдѣ ужъ мнѣ такую семью одной своей работой прокормить.... Съ голоду бы померли безъ благодѣтелей....

— Ну, ну, пошелъ же.... Надоѣлъ....

Осташковъ кривыкъ уже къ подобнымъ замѣчанiямъ: онъ зналъ, что благодѣтели всячески надъ нимъ тѣшатся и что побранивши его за бездомство и попрошайство, они въ другой разъ опять его позовутъ къ себѣ и если имъ вздумается, продержатъ у себя цѣлую недѣлю и не отпустятъ домой хоть бы и просился... И потому онъ не обратилъ особеннаго вниманiя на слова предводителя, а объяснилъ ихъ тѣмъ, что онъ въ дурномъ духѣ и уѣхалъ съ радостнымъ сознаниемъ, что у него пять цѣлковыхъ въ карманѣ.

Онъ поѣхалъ не домой, а къ Палѣнову. Здѣсь онъ засталъ того генерала, который былъ у Рыбинскаго и больше всѣхъ обидѣлся, что хозяинъ посадилъ рядомъ съ собою и по правую руку маленькую лѣспичиху, а не его, единственнаго въ околоткѣ генерала. Это былъ полный, но маленькiй господинъ, съ большими, впрочемъ, бакенбардами, который, какъ видно, очень былъ недоволенъ судьбой за то, что она обидѣла его ростомъ, и постоянно держалъ себя прямо и закидывалъ назадъ голову, чтобы казаться хоть немножко повыше. Не смотря на свой малый ростъ, генералъ смотрѣлъ на весь родъ человѣческiй съ высока, и оцѣнивалъ людей по тому, на сколько они подвинулись по чиновной лѣстницѣ къ возжеланному титулу его превосходительства. Вообще онъ держалъ себя очень важно и величаво, говорилъ тономъ человѣка, рѣшающаго окончательно вопросъ и не ожидающаго возраженiй. При встрѣчѣ съ людьми ничтожными по его понятiямъ, вслѣдствiе малаго чина или не-большаго состоянiя, онъ ломался и гримасничалъ невѣроятно: кричѣлъ, пыхѣлъ, выпячивалъ впередъ грудь, хмурилъ или приподнималъ брови, жевалъ губами, многозначительно и тяжело вздыхалъ, зѣвалъ во весь ротъ, съ усталостью потиралъ рукою

подъ ложечкой, вытягивалъ во всю длину свои коротенькія ножки, — вообще становился какъ-то особенно безпокоенъ; какъ будто воздухъ, которымъ онъ дышалъ, былъ отравленъ присутствіемъ какой нибудь нечистой твари. Генерала не любили за его превеличенную гордость и чванство и въ тихомолку посмѣивались надъ нимъ, но въ лицо оказывали уваженіе, потому что онъ былъ не только генералъ, но сверхъ того имѣлъ и довольно значительное состояніе.

Появленіе Осташкова напомнило и генералу и Палёнову оскорбленіе, которое они получили на именинахъ у Рыбинскаго.

— Откуда Богъ принесъ? спросилъ Осташкова Палёновъ.

— А все у Павла Петровича пировали!... отвѣчалъ Осташковъ, осклабяясь.

— Пировали!... Хорошъ, я воображаю, былъ этотъ пиръ... особенно, когда мы уѣхали.... замѣтилъ презрительно Палёновъ.

— Воображаю!... сказалъ генералъ и вздохнулъ съ напряженіемъ.

— Кто же тамъ оставался?

— Да почитай всѣ.... Только вчера стали поразѣзжаться....

— Однако, ваше превосходительство, наше дворянство удивительно мало себя цѣнитъ ... Скажите, пожалуйста: человекъ торжественно насъ унижаетъ, оказываетъ намъ явное пренебреженіе, а мы гостимъ у него цѣлую недѣлю, ѣдимъ его хлѣбъ, сами великодушно подвергаемъ себя оскорбленіямъ невѣжи.... и для чего?... чтобы забавляться его глупыми выдумками, которыхъ можно досыта насмотрѣться на любой ярмаркѣ.... И наши дамы охотно компрометируютъ себя этимъ обществомъ, этимъ знакомствомъ съ особой подозрительной нравственностію.... Это для меня непостижимо!...

— Признаюсь!... произнесъ генералъ, приподнявъ брови и отдулся.

— Ну, а что эта лѣсничиха и теперь еще тамъ?

— Нѣтъ, уѣхала еще вчера... всѣ ужъ разъѣхались... Я уже былъ последний...

— Ну, да тебѣ-то еще простительно: тебѣ все въ невидаль... Ну, а что же ты отдаешь свою дочь этой... какъ ее зовутъ?...

— Юлія Васильевна... что ли?

— Ну, да... все равно...

— Да, нечего дѣлать. хочу отдать. батюшка Николай Андреевичъ...

— Что же ты думаешь: она можетъ воспитать ее, какъ слѣдуетъ, принести ей пользу?...

— Ужь это какъ Богъ дастъ, Николай Андреечъ... Что дѣлать?... Бѣдность наша!... По крайности-то буду знать, что приѣстѣ, и въ домѣ ни въ какомъ нибудь, а все въ благородномъ.

— Въ благородномъ! .. повторилъ генералъ съ презрительной улыбкой и, откинувши назадъ голову, зѣвнулъ, крикнулъ и отворотился отъ Осташкова.

— Жалко мнѣ твоего ребенка, братецъ Осташковъ... Жалко, признаюсь!...

— Что же дѣлать-то, благодѣтель... И самому жалко: тоже дочь... Да нечего дѣлать-то. . У меня бы, при моей бѣдности, и того бы хуже было...

— Бѣдность!... Давно бы грамотѣ выучился: въ службу бы шоль... проговорилъ генералъ, закрывая глаза.

— Года мои ушли для этого... Хоть бы ужь дѣтей-то, Богъ привелъ...

— Что за вздоръ... года ушли... Дѣйствительно, мысль его превосходительства прекрасная. Если бы у меня было время, я бы самъ занялся съ тобою, и увѣренъ: въ три—четыре недѣли ты выучился бы у меня читать и писать... Больше для тебя ничего не нужно... Тогда мы могли бы выбалтировать тебя въ какую нибудь должность... Я считаю это мнѣніе—что человекъ бывать особенно способенъ къ ученью только въ дѣтствѣ—совершенно нелѣпнымъ, и могу доказать фактически противное... Когда я былъ ротнымъ командиромъ, ваше превосходительство, у меня почти всѣ солдаты знали грамотѣ и я всѣхъ ихъ самъ обучилъ... Для этого у меня была изобрѣтена особенная система, и солдаты послѣ каждаго урока грамотѣ получали отъ меня винную порцію, что очень ихъ поощряло...

— Я не любилъ грамотныхъ солдатъ, замѣтилъ генералъ: для солдата грамота совершенно лишнее... Онъ долженъ знать свое ружье и аммуницію, ему некогда да и не зачѣмъ заниматься чтеніемъ... Фельдфебель—дѣлю другое...

— Признаюсь, ваше превосходительство, что распространеніе грамотности и образованія составляетъ мою болѣзнь, мою постоянную idée fixe... я даже много терпѣлъ за это на службѣ. Однажды дивизионный, по жалобѣ полковаго командира, распекалъ меня передъ всѣмъ полкомъ за то, что я избаловалъ солдатъ, обучая ихъ грамотѣ; что я распространяю такимъ обра-

зомъ въ солдатахъ духъ вольности и неповиновенія; ослабляю дисциплину и отвлекаю солдата отъ его настоящихъ обязанностей... Конечно, можетъ быть, я былъ и дѣйствительно виновать... Но что же вы хотите?... повторяю: это моя страсть, моя болѣзнь... Въ этомъ отношеніи я не только не отсталъ отъ своего вѣка, я опередилъ его... И ваша мысль, ваше превосходительство, о необходимости Осташкову учиться грамотѣ, меня восхитила, привела въ восторгъ...

— Нѣтъ, вѣдь, я это только къ тому, что, умѣя читать, онъ скорѣе бы могъ получить какое нибудь мѣсто, а впрочемъ...

— Но помимо этого, ваше превосходительство, умѣнье читать дало бы ему возможность дальнѣйшаго образованія, помогло бы ему сознать свое дворянское достоинство, развило бы его мышленіе, облагородило сердце...

— Гдѣ ужъ мнѣ, батюшка, Николай Андрейчъ, все это произойти, вмѣшался Осташковъ, испуганный предстоящими ему трудами: человекъ я не такъ, чтобы молодой, нѣбю при себѣ семейство, да и понятія у меня тупыя... Гдѣ ужъ мнѣ... Вотъ сына-то не оставьте своими великими милостями... Ему еще спонадобится грамота... А я ужъ что... какой я грамотѣй...

Генераль запыхтѣлъ, заворочался на креслѣ и кинувши на Осташкова взглядъ полный презрѣнія и недоумѣнія, отвернулся отъ него и сталъ смотрѣть въ окно: онъ еще могъ снизойти до того, чтобы разсуждать объ Осташковѣ съ подобнымъ себѣ человекомъ, но не могъ же онъ выносить равнодушно, чтобы какой нибудь Осташковъ осмѣлился вмѣшиваться въ ихъ разговоръ и выражать свое собственное мнѣніе... хотя бы и о самомъ себѣ...

— Какъ вы можете думать, что эти люди способны на что нибудь... сказалъ онъ, обращаясь къ Палѣнову, и съ пренебреженіемъ указывая глазами на Осташкова.

— Да, къ сожалѣнію: наши дворянскія доблести выражаются съ вѣками... Повѣрите ли, генераль, что этотъ Осташковъ — потомокъ одной изъ древнѣйшихъ фамилій въ Россіи... Грустно, грустно, Осташковъ, что ты дошелъ до такого, такъ сказать, нравственнаго убожества... Ныче простой мужикъ начинаетъ сознавать пользу знанія грамоты, а ты... потомокъ древнихъ русскихъ сановниковъ... постоянно вращающійся въ нашемъ образованномъ кругу, ты не умѣешь понять того, что въ настоящее время безграмотный дворянинъ... ну, просто немислимъ... Я начинаю опасаться, что твой родъ окончательно

утратилъ всё интеллектуальныя способности... Вотъ ты просишь объ образованіи твоего сына... Не будетъ ли онъ уважать науку, если онъ услышитъ отъ тебя такое пренебреженіе къ ней?...

— Что вы, батюшка, благодѣтель, Николай Андреичъ, да я, кажется, велю ему умереть на ученѣ... Какъ же ему не чувствовать, что ему дѣлають этакое милосердіе: хотять сдѣлать человѣкомъ... Вѣдь, и я бы не то, чтобы не хотѣлъ ученья... Какъ это можно... Всякому хочется хорошенькаго получить... Да только что докладываю вашей милости, что года мои ушли для того, понятій ужъ нѣтъ такихъ... А сынку, какъ ему не учиться: онъ еще рѣбенокъ, и понятія у него дѣтскія; по своимъ дѣтскимъ годамъ долженъ все понимать и во вниманіе себя брать... А то бы и я... будь я помоложе... неужто бы я не хотѣлъ себя хорошенькаго... Сталъ бы учиться не хуже ного другаго... Да то страшно: года мои ушли...

— Учиться никогда не поздно...

— Семейство меня смяло, Николай Андреичъ... Его покинуть никакъ нельзя...

— Да зачѣмъ его покидать: въ два—три мѣсяца ты выучишь-ся грамотѣ и если что упустишь въ хозяйствѣ, такъ вознаградишь свое семейство въ десятеро...

— Неужели это, батюшка, Николай Андреичъ, возможно, чтобы въ два мѣсяца грамоту всю произойти...

— Да, читать и писать научишься: я тебѣ въ этомъ отвѣчаю...

— Такъ этакъ-то бы я съ полнымъ моимъ удовольствіемъ... Два мѣсяца не Богъ знаетъ что...

— Ну, такъ слушай: сына ты своего привози въ городъ: в его отдамъ въ уѣздное училище... А на счетъ тебя я попрошу Аркадія Степаныча Карѣва: онъ такъ любитъ образованіе, что съ удовольствіемъ возьметъ выучить тебя грамотѣ.

— Дай вамъ Господи... Ужъ я не знаю батюшка, Николай Андреичъ, какъ мнѣ и благодарить-то васъ, истинный мой благодѣтель... Осташковъ бросился цѣловать руку Палѣнова.

— Ну, полно, полно...

— Когда же прикажите привозить мальчишку-то?..

— Да привози ровно черезъ четыре недѣли... Теперь въ училищѣ вакація... А съ того времени начнутъ классы...

— А нельзя теперь привезти?... потому мнѣ за одно: дочку повезу, такъ и его бы захватилъ...

— Какой ты глупый братецъ... Что же онъ будетъ дѣлать теперь?... Говорятъ тебѣ—ученья у нихъ нѣтъ... Ну, что за дуралей!..

— Слышу, слышу, батюшка... Виноватъ: я такъ только... спросить...

— Откуда у этихъ людей берется смѣлость и дерзость, какъ только немножко позволишь имъ передъ собою забыться... замѣтилъ генералъ, надуваясь больше обыкновеннаго и всей маленькой особой своей выражая чувство оскорбленнаго достоинства...

Палѣновъ, напротивъ, старался рисоваться предъ генераломъ своею доступностью, своею любовью къ ближнему и образованію: Онъ зналъ, что генералъ будетъ рассказывать объ этомъ, — можетъ быть, даже, съ негодованіемъ, но слушатели генерала конечно съумѣютъ понять настоящій смыслъ его поступковъ и оцѣнить все величіе и благородство его души...

— Ну, послушай: я вотъ что еще могу для тебя сдѣлать: привози сына ко мнѣ, я прикажу его пока поучить земскому, займусь и самъ...

— Много ужъ очень вамъ безпокойства, батюшка Николай Андреевичъ... Не стоимъ мы этого...

— Ну, мой другъ, я не люблю дѣлать дѣло вполонину... Я тебѣ сказалъ, что твоего мальчика беру на свое попеченіе... Тебѣ не надо будетъ о немъ заботиться... Я его накормлю, и одѣну, и квартиру для него найду, однимъ словомъ—сдѣлаю все, что только отъ меня зависитъ, а тебя избавлю отъ всякихъ хлопотъ и заботъ о немъ.

По мѣрѣ того, какъ Палѣновъ высказывалъ свои обѣщанія, лицо Осташкова морщилось и все болѣе и болѣе принимало пассивное выраженіе: онъ спѣшилъ вытирать рукавомъ глаза еще прежде, нежели показались на нихъ слѣзы; а при послѣднихъ словахъ Палѣнова, громко хныкая и дѣйствительно прослезившись, бросился въ ноги своему благодѣтелю.

— Ну, вотъ Осташковъ, сколько же разъ говорить, чтобы ты держалъ себя какъ прилично дворянину и такъ не унижался... замѣтилъ Палѣновъ.

— Батюшка... Отцовское дѣло!... Я знаю передъ кѣмъ мнѣ слѣдно себя понизить...

— Ну, поди, братецъ... Поди съ Богомъ!... Меня это возмущаетъ до глубины души... сказалъ Палёновъ, обращаясь къ генералу.

— А мнѣ — такъ, напротивъ, нравится эта чувствительность и благодарность его... Это меня миритъ съ нимъ... Значить, онъ понимаетъ свое положеніе и чувствуетъ, что для него дѣлать... Поди сюда, братецъ...

Осташковъ смиренно приблизился. Генералъ вынулъ бумажникъ и началъ рыться въ немъ. У Осташкова замирло сердце отъ ожиданія. Генералъ вынулъ пятирублевую ассигнацію.

— На вотъ, братецъ, тебѣ; и помни, что если ты всегда будешь чувствовать благодѣянія, которыя для тебя сдѣлають, и понимать, что хотя ты и дворянинъ, но такъ бѣденъ и ничтоженъ, нигдѣ не служилъ и не имѣешь даже никакого чина, — следовательно, долженъ держать себя съ полною скромностью, даже съ униженіемъ передъ людьми заслуженными; если ты будешь такъ поступать, то, повѣрь мнѣ, ты никогда не будешь оставленъ... Я люблю говорить откровенно и прямо: не перебивай у этихъ нынѣшнихъ нахаловъ, у которыхъ еще усъ не пробивался, которые еще только понюхали службы, а ужь думаютъ о себѣ Богъ знаетъ что и знать никого не хотятъ.. Не бойся, что ты унизишь себя тѣмъ, что поцѣлуешь руку или поклонишься въ ноги...

— Наша бѣдность это позволяетъ, ваше превосходительство...

— И бѣдность твоя... и твое ничтожество... все позволяетъ... Да, никогда не умничай, самъ не рассуждай, и не перебивай, когда говорить съ тобою старшій... старайся только слушать и понимать... Это тоже возьми себѣ за правило... и сыну своему тоже толкуй... И кто бы тебя ни училъ другому — не слушай и не вѣрь... А помни, что тебѣ генералъ говорилъ... Будутъ смѣяться, осуждать: не обращай вниманія; скажи: меня такъ генералъ училъ, онъ мнѣ такъ совѣтовалъ... Ну, на, возьми... Съ этими словами генералъ отдалъ Осташкову деньги, которыя до сихъ поръ держалъ въ рукѣ и для большаго назиданія только помахивалъ ими передъ носомъ Осташкова.

— Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство на вашихъ наставленіяхъ и милостяхъ! говорилъ Осташковъ, принимая деньги и подобострашно цѣлуя руку генерала, которую тотъ и не думалъ отнимать, но спокойно принималъ воздаваемую ему честь.

— Я бы далъ тебѣ и больше, но знаю, что пять рублей для бѣднаго человѣка значительныя деньги и онъ можетъ на нихъ приобрести много полезнаго и необходимаго... А дать тебѣ больше — ты либо пропьешь, либо проланишишь... А будешь вести себя такъ, какъ я говорю, и придетъ нужда—обращайся ко мнѣ: я тебя не оставлю...

Осташковъ опять поцѣловалъ десницу его превосходительства и невольно взглянулъ на Палёнова, который внушалъ ему советъ иныя правила, но теперь молчалъ, изъ уваженія къ генералу.

— Ну, Осташковъ, теперь поѣзжай домой, а послѣ мы еще съ тобой потолкуемъ, сказалъ Палёновъ... Если хочешь, спроси тамъ себѣ поѣсть.

Прощаясь, Осташковъ опять поцѣловалъ ручку генерала, а Палёнова поцѣловалъ въ плечико, потому что онъ не допустилъ приложиться къ своей рукѣ.

— Балуете вы его, портите! .. замѣтилъ по этому случаю генералъ.

— Виновать, ваше превосходительство!... но я имѣю свои убѣжденія... возразилъ Палёновъ, пожимая плечами.

АЛЕКСѢЙ ПОТВЪХИНЪ.

СКАЗАНИЯ УРАЛЬСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

УИ.

ПРОКЛЯТЫЕ.

«По понятіямъ уральцевъ, заимствованнымъ, конечно, отъ великоруссовъ, *шутовки* суть проклятыя жены и дѣвы. Онѣ живутъ во плоти, невидимо отъ людей, и будутъ жить до прішествія Христова. А какъ онѣ не совсѣмъ еще отрѣшились отъ земли, то часто ходятъ между людьми, похищаютъ одежду и пищу.... и выбираютъ для себя любовниковъ изъ мужчинъ. Обыкновенно шутовки нападаютъ на тѣхъ, которые горюютъ объ отсутствующихъ или умершихъ женахъ или любовницахъ.... Кромѣ шутовокъ, т. е. проклятыхъ женщинъ, есть между чертями и *шуты*, т. е. проклятые мужчины. Эти полудемные молодцы, въ свою очередь, обольщаютъ, между людьми, молодыхъ женщинъ.... Конечно, случается, что кромѣ женщинъ попадаютъ въ сѣти шутовъ и неопытныя дѣвушки.... Отецъ или мать можетъ проклясть и погубить свое дѣтище, безъ всякаго намѣренія, отъ одной глупости и неосторожности. Стоять только отцу или матери сказать *не въ часъ* сыну или дочери два слова: «будь проклятъ» — и дитя тотчасъ исчезнетъ. *Нечасомъ* простолюдины считаютъ самые глупіе полдня, т. е. промежутокъ или, правильнѣе, переходъ отъ 12-го къ 1-му часу — переходъ, продолжающійся, впрочемъ, только одно мгновеніе или и еще меньше.»

(Изъ разсказа: «Василій Струнцшевъ»).

— Ъхалъ одинъ казакъ изъ Самары въ Уральскъ, говорилъ собесѣдникъ мой, старикъ. — Ъхалъ по Обьему (Общій Сыртъ). Телѣжонка у казака была ледащая, словно у башкирца; связана, какъ говорится, лыкой да мочалою; въ добавокъ, не смазана, будто въ Самарѣ и дегтю не нашлось на базарѣ; — и

по этому самому скрипитъ на всѣ лады; особенно одно колесо отличалось: какъ только обернется, такъ и вскрикнетъ: «тырлы!» и все, братецъ мой, на одинъ ладъ: «тырлы» да «тырлы». Ничего, однако, казакъ привыкъ къ этому «тырлы». Спустилась дорога подъ гору и пошла лѣсомъ, осинникомъ. Казакъ сидитъ на одной наклескѣ, и пѣсенки мурлычить. А колесо все свое: какъ обернется, такъ и вскрикнетъ: «тырлы». И въ лѣсу откликнется: «тырлы!» Колесо «тырлы»—и въ лѣсу «тырлы». Сначала казаку невдомекъ, что это «тырлы» не проста; думаетъ, что это въ лѣсу отдается.—Немного погодя, дорога вышла изъ лѣсу и пошла по увалу, по ровному мѣсту, а тамъ и по степи. Казакъ ѣдетъ, — колесо: «тырлы!» и въ степи, позади телѣги: «тырлы!» — «Тырлы» да «тырлы!» Что будешь дѣлать?—Немного погодя, это самое «тырлы» слышно не позади, а по правую сторону телѣги. Чудеса! Еще немного погодя, это «тырлы» слышно по лѣвую сторону. Чудеса!—Еще не много погодя, это «тырлы» слышно въ самой телѣгѣ, на другой наклескѣ, супротивъ казака. Чудеса! — Казакъ остановился, слѣзъ съ телѣги, обошелъ кругомъ, тяжи и кое-что поправилъ, пересѣлъ на другую наклеску и поѣхалъ.—Казакъ ѣдетъ, а колесо опять «тырлы», а въ отвѣтъ колесу опять «тырлы!» Это «тырлы» на другой ужь сторонѣ, гдѣ прежде казакъ сидѣлъ.

— Что за оказія?—говоритъ казакъ самъ про себя.—Ужь не чортъ ли шутить?

— Чортъ не чортъ, а похожъ на него! говоритъ въ отвѣтъ казаку невидимый голосъ.

Казакъ ужаснулся, и давай творить молитву, а самъ, вытараща глаза, озирается на всѣ стороны. Думаетъ и то—не притаился ли кто гдѣ, не пугаетъ ли. Но никого нѣтъ, и быть негдѣ: мѣсто гладкое, ни кустика, ни марика.

— Не безпокойся,—говоритъ казаку невидимый голосъ,—никого не увидишь. А есть—когда хочешь,—говоритъ невидимый голосъ,—я самъ тебѣ покажусь.

Казака покорило, по кожѣ у него морозъ пробѣжалъ.

— Будь спокоенъ, говоритъ невидимый голосъ, никакого худа тебѣ не сдѣлаю, да и не могу: не въ моей власти.

— Да ты кто?! почти заплялъ казакъ. Прежде скажись, чтобъ я зналъ, а потомъ ужь и покажись.

— Я проклятой! говоритъ невидимый голосъ. Ну, что, хочешь, чтобъ я тебѣ показался? спрашиваетъ невидимый голосъ.

Казакъ видитъ, что не отбоярится ему отъ проклято́го, коли тотъ самъ навязывается, — думаетъ: надо-де, уважить, а то, пожалуй, — долго ли до грѣха, — худа бы какого не сдѣлалъ.

— Кажись! говоритъ казакъ, а у самого голосъ дрожитъ.

— Только, пожалуйста, упрасиваетъ казакъ проклято́го, — пожалуйста, почтенный, покажись въ пристойномъ образѣ, чтобы вѣдѣла не испугаться....

— Хорошо, говоритъ невидимый голосъ, со смѣхомъ. — Зажмурь глаза!

Казакъ зажмурился.

— Гляди! говоритъ невидимый голосъ.

Казакъ открылъ глаза и увидалъ прямо передъ собой, на другой наклескѣ, мужчину въ красной александрійской рубахѣ. — Мужчина былъ парень молодой, усъ только рѣжется, — парень бѣлый, кудрявый, краснощекій, здоровенный, на лбу хошь онучи суши — высохнутъ.

— Ну, что? Каковъ я на твои глаза? спрашиваетъ проклято́й казака.

— Ничего, говоритъ казакъ: на мои глаза, ты такой же человекъ, какъ и всѣ люди.

— Да! говоритъ проклято́й, и вздохнулъ. — Я такой же былъ человекъ, какъ и ты, какъ и всѣ люди. Да вотъ, по грѣхамъ моимъ, попалъ въ дьявольское общество, и почитай на одномъ конѣ съ дьяволами сижу.

— По какому же случаю ты попалъ въ дьявольское общество? спрашиваетъ казакъ.

— Извѣстно по какому, — говоритъ проклято́й: — мать прокляла; *ле въ часѣ* лихое слово молвила, и погубила меня. — Правда, говоритъ проклято́й, самъ я тому причиной: на мать руку поднать.... Родомъ я купецъ города Нижняго, — чай слыхалъ? — спрашивалъ проклято́й казака.

— Какъ не слыхать? говоритъ казакъ. — Слыхалъ! Тамъ Макаръевска ярманка.

— Родителя у меня не было въ живыхъ, а была одна родительница, — говоритъ проклято́й. Держала она меня въ строгости, что и говоритъ, да не воздержала; значить: чего въ комъ на положено, въ того не положишь. Однажды я загулялся въ разныхъ веселыхъ домахъ. Слыхалъ ты какъ нашъ братъ гуляеть? — спрашивалъ проклято́й казака.

— Ну, говоритъ проклято́й, я и загулялся, и задолжалъ:

вина много перебралъ. Денегъ со мной было немного, расплатиться нечѣмъ. Надѣялся на товарища, а тотъ измѣнилъ, подлецъ, скрылся. Хозяева въ долгъ не вѣрятъ, и отъ себя не отпускаютъ. «Расплатись, говорятъ, за вино да за музыку; не то, говорятъ, въ полицію представимъ.» — Что дѣлать? Послать къ матушкѣ за деньгами—боюсь. Знаю, мать денегъ не дастъ. А тамъ пристають: — «Расплатись, говорятъ, — сію-жъ минуту расплатись; не то, говорятъ, за бутылочниками пошлемъ.» — Дулся, дулся, да перевернулся: скинулъ съ себя всю одежду, какая была, и отдалъ подъ закладъ. «Когда, говорятъ, принесешь деньги, — тогда возьмешь свое обратно.» — Остался я въ одной рубахѣ, и въ такомъ видѣ пришелъ домой. Мать вскинулась на меня, стала бранить и бить. Я, съ пьяныхъ-то глазъ, возьми да и толкну матушку въ грудь. Этого, знаю дѣло, матушка не стерпѣла, плюнула мнѣ въ рожу, да и сказала:—«Будь же ты за это анаема проклятъ!»—На бѣдую мою, говоритъ проклатой, пришлось матушкѣ слова эти вы говорить *не въ часъ*. Ну, и конченъ балъ! Въ тотъ же мигъ подцѣпили меня дьяволы и увлекли въ свое сощмище! Теперь, говоритъ проклатой, и исполняю повелѣнное мнѣ дьяволомъ.

— Чтожь ты дѣлаешь? спрашиваетъ казакъ.

— Известно что, говоритъ проклатой: слоняюсь по міру между людьми, отыскиваю такихъ дѣвушкѣ или-бо молодушкѣ, кои по любовникамъ или по мужьямъ тоскуютъ, примазываюсь къ нимъ и... Дальше нечего разсказывать, самъ знаешь.

— Какая жъ польза тебѣ оттого? спрашиваетъ казакъ.

— Какъ,—какая? говоритъ проклатой.—Чудной ты человекъ! Вѣдь я во плоти.... Опять и то, еслибъ я и не хотѣлъ, такъ дьяволы приневолятъ: я въ ихъ власти. Что прикажутъ, то и исполняй. А вздумай-ка ослушаться, бѣда! такъ отстегаютъ желѣзными, раскаленными прутьями, что въ другой разъ не захочешь супротивничать. Таковъ предѣлъ.

— Да дьяволамъ-то какая польза отъ этого? спрашиваетъ казакъ.

— Казакъ молодецъ, любопытничаетъ, до всего, значить, доходить, замѣтилъ расказикъ.

— А вотъ какая!—говоритъ проклатой.—Къ которой женщинѣ я прикачнусь, вѣдь она можетъ забеременить и родить. Вотъ этого-то младенца, что отъ меня родится, дьяволы и подцѣпять, и утащатъ къ себѣ, — ни въ живъ не оставятъ между

люди. Дьяволы, видишь ли, какую-то выгоду находятъ въ томъ, чтобы какъ можно больше залучить въ свое общество человѣческихъ душъ, и во плоти, и безъ плоти, — особенно дорожать младенческими душами. Хорошенько не умѣю тебѣ объяснить, говорить проклятой, какую выгоду изъ того дьяволы чаютъ получить, — на счетъ этого они неоткровенны съ нашимъ братомъ. Одно замѣтно, что они больно дорожатъ младенческими душами.

— Значить, всѣ проклятые занимаются этимъ же ремесломъ? допытывается казакъ.

— Нѣтъ, не всѣ! говоритъ проклятой. — Тѣ только занимаются этимъ ремесломъ, кто въ совершенныхъ лѣтахъ.

— А рази, окромѣ младенцевъ, что отъ вашего брата родятся, есть между вами и не совершенныхъ лѣтъ? спрашиваетъ казакъ.

— Есть, говоритъ проклятой, — примѣрно, мальчики и дѣвочки. Эти, глядя по возрасту, около дома шишлятъ; примѣрно, чальчики ярова собираютъ, провизію запасаютъ, а дѣвочки стѣть готовятъ, одежду починяютъ, новую шьютъ, прочее такое, все по домашности....

— Гдѣжь провизію-то берете, гдѣ одежду-то берете? спрашиваетъ казакъ.

— Какъ гдѣ? между людьми побираемся! говоритъ проклятой. — Для этого нарочно снаряжаемъ партіи мальчишекъ. Тѣ, невидимо отъ людей, ходятъ по домамъ, по базару, по мяснымъ рядамъ, выглядываютъ гдѣ что положено безъ молитвы, и отъ всего этого берутъ по малости, — нарочно берутъ по малости, чтобы хозяевамъ не въ догадъ было. Примѣрно, если поблудники наши изъ всѣхъ лавокъ въ мясномъ ряду по фунтику возьмутъ мяса, такъ и то съ пудъ наберутъ. Вотъ этижъ-то и пробавляемся.

— По какому же побыту малецкіе-то попадаютъ къ вамъ? спрашиваетъ казакъ.

— Да по такому же, по какому, примѣрно, и я попалъ, говорить проклятой; знамо, родители проклипаютъ. — Къ примѣру, раскричится иль-бо разбалуется ребенокъ, надоѣстъ матери. Та, съ досады, и скажетъ ребенку: «о, чтобъ черти тебя взяли!» или: «отвяжись, ты, проклятый!» иль-бо что другое похожее на это. И скажетъ мать такое слово не въ часъ, и не случится на ту пору на ребенкѣ креста, — ну, и конченъ балъ! Черти въ

тотъ же мигъ подхватятъ ребенка и утащатъ къ себѣ, — поминай, какъ звали.

— А есть между вами старики иль-бо старухи! допытывался старикъ.

— Нѣтъ! говоритъ проклятой. — По той самой причинѣ нѣтъ: кто же будетъ проклинать ихъ, то-ись, стариковъ и старухъ? Нѣкому! — Правда, бывають средственныхъ лѣтъ мужчины и женщины, да рѣдко, очень-очень рѣдко, — а всё молодежь одна да мелюзга. А сами мы, говоритъ проклятой, не растемъ и не старѣемся: какъ кого въ какомъ возрастѣ застанеть проклятіе, такъ тотъ въ такомъ возрастѣ и остается на всю жизнь; а жизнь наша, говоритъ проклятой и вздыхаетъ, — жизнь наша долга, до втораго пришествія, до суда страшнаго.

— А тогда что будетъ?—спрашиваетъ казакъ.

— Не вѣдаемъ!—говоритъ проклятой. Эта статья отъ насъ закрыта.

— Ну, а совершенныхъ лѣтъ проклятыя дѣвки и молодыя женщины, то-ись, по нашему *шутовки*, тѣ тоже этимъ художествомъ занимаются, какимъ, къ примѣру, и ты?—спрашиваетъ казакъ.

— Непремѣнно!—говоритъ проклятой. — Онѣ еще больше нашего брата объ этакихъ дѣлахъ хлопчатъ, да только, горе ихъ, мало успѣвають.

— По какой же причинѣ мало?—спрашиваетъ казакъ.

— А по той самой, — говоритъ проклятой, — что къ мужчинѣ трудно прикачнуться: мужчина супротивъ женщины крѣпче. Рѣдкій, рѣдкій мужчина, рази изъ тысячи одинъ, предается тоскѣ по женѣ ильбо по любовницѣ; а безъ этого и прикачнуться нельзя. — Женщины же супротивъ мужчинъ гораздо слабѣе, къ грѣху самохотному, чтобы не сглазить, большую привержность имѣють; и потому самому нашему брату лафа около женщинъ; купаемся словно сыръ въ маслѣ. Я тебѣ про себя скажу, говоритъ проклятой. Недавно, съ годъ тому, въ селѣ, подъ городомъ Самарой, одна дѣвушка вѣзлася въ молодаго парня, въ работника. Нѣкое время пробавлялись они *сухой любовью*: надзоръ въ домѣ былъ строгій. Вдругъ случился наборъ, и забрали работнику лобъ. Всплакалась дѣвушка и предалась тоскѣ-отчаянію; лишилась, бѣдняжка, сна и пищи. Въ ту пору я проходилъ черезъ то село, гдѣ жила дѣвушка, узналъ ея положеніе, увидалъ и самос: нич.го, дѣвка смазливая. «Хорошо,

думаю, къ этой можно прикачнуться». Вѣдь и у насъ, говоритъ проклятой казаку, и у насъ губа-то не дура,—языкъ не лопатка, знаетъ что сладко. Насчетъ этой статьи мы разборчивы, на кой какихъ не заринся, а выбираемъ, чтобъ была и молода и хороша, и здобна. А вотъ шутовки, говоритъ проклятой, тѣ не разбираютъ, всякому рады, былъ бы только мужчина, по той самой причинѣ, я ужъ тебѣ сказалъ, что имъ не лафа около мужчинъ. Хорошо,—говоритъ проклятой, рѣшилъ я, значить, прикачнуться къ той дѣвушкѣ; и для того выбралъ такую минуту, когда она сидѣла въ избѣ одна и плакала по любовничкѣ, принялъ на себя образъ любовничка, — на этотъ счетъ мы молодцы, можемъ всякія личины принимать,—обрядился въ солдатскую шинель...

— Гдѣжь ты шинель-то взялъ? спрашиваетъ казакъ.

— Вотъ еще о чемъ спрашиваетъ?! говоритъ проклятой. Гдѣ взялъ?—Да сбондилъ! Нарочно въ городъ Самару слеталъ, и тамъ у гарнизонныхъ солдатъ изъ цахауза стянулъ. Больше негдѣ было взять. Обрядившись некрутикомъ, я, говоритъ проклятой, и представился Машѣ,—дѣвушку Машей звали. Та какъ только урѣла меня, такъ, словно безумная, и бросилась мнѣ на шею, и давай цѣловать: этого только мнѣ и нужно было. Съ того самого раза,—говоритъ проклятой,—какъ женщина, своей волей, коснется до нашего брата, она наша... Откуда ты соколикъ мой?—говоритъ Маша, а сама цѣлуетъ меня.—Тише, тише, говорю ей: кто бы не услышалъ. Бѣжалъ, говорю, изъ роты: о тебѣ соскучился.—Кудажь мнѣ дѣвать тебя?—спрашиваетъ Маша, когда мы съ ней нацѣловались и намиловались.—Объ этомъ, говорю, на безпокойся. Теперь лѣто, проживу, говорю, на огородѣ, въ конопляникѣ. И зажилъ я въ конопляникѣ, говоритъ проклятой. Маша каждую ночь приходила ко мнѣ, и ѣсть приносила. Сначала я не могъ ѣсть этой пищи, по той причинѣ, что съ молитвой готовлена. Приказалъ Машѣ, чтобъ она сама готовила, безъ молитвы, Маша такъ и сдѣлала.—Къ осени перешелъ я изъ конопляника въ теплый погребъ, что въ избѣ былъ подъ поломъ, и въ немъ поселился. День, бывало, сижу въ погребѣ, а въ ночь къ Машѣ. Жистъ была славная, хоть бы и не проклятому: пилъ—ѣлъ сладко, спалъ мягко. Главное никто не безпокоилъ, никто, значить, не догадывался. На послѣдокъ догадались: Маша забрюхатѣла... Отецъ Маши принялся сей же часъ за крестъ, да за молитву. Ну, супротивъ этого нашему

брату не устоять, я тожежъ минуту оборотился въ муху и драга изъ погребѣ, а тамъ изъ избы: улелетнулъ, значить. Не въ похвальбу сказать, говорить проклятой, нашъ братъ никогда крѣпко не держится за полюбовницъ. Чуть не такъ,—поклонъ, да и былъ таковъ. А все по той причинѣ, что завести нашему брату другую полюбовницу не трудно: во всѣхъ странахъ, куда ни заверни, вездѣ сыщешь. Въ ину пору у нашего брата по нѣскольку полюбовницъ въ разъ бываетъ. Такъ и странствуемъ отъ одной къ другой, скуку разгоняемъ. Если разстояніе малое, примѣрно въ одномъ селѣ или въ одномъ городѣ, ходимъ пѣшечкомъ, не торопясь, а если разстояніе большое,—примѣрно, одна полюбовница въ селѣ, а другая въ другомъ,—то оборачиваемся въ какую нибудь птицу или бо въ огненный шаръ, и перелетаемъ. Въ послѣднее время, однако, говорить проклятой, черти запретъ положили, чтобъ мы, безъ крайней нужды, огненнымъ шаромъ не метали, по той причинѣ, что де—люди скоро узнають.—Да, говорить проклятой, на насъ людямъ много жаловаться грѣхъ: мы не привязчивы.—А вотъ шутовки статья иная: тѣ не въ насъ. Тѣхъ какъ ни гоняй, какъ ни обжигай, онѣ все свое. Примѣрно, засадятъ осѣтованнаго шутовкой мужчину въ избу, и всѣ двери, всѣ окны, всѣ, значить, продухи, заградятъ крестомъ и молитвой. Кажись, чтобы тутъ дѣлать? Одно — махнуть рукой и удти. Нашъ братъ такъ и дѣлаетъ; а шутовка не такъ. Шутовка ни за что скоро не разстанется съ своимъ полюбовникомъ, готова околотъ, шельма, около того дома, гдѣ полюбовникъ, отыщеть какую нибудь щелочку, и влѣзеть—таки, влѣзеть къ нему. Жалко значить, разстаться. А все потому, я ужъ тебѣ говорилъ, что на ихъ несчастье мало выдается такихъ слабодушныхъ мужчинъ, а безъ мужчинъ, дѣло извѣстное, жить скучно, особенно тѣмъ, кои привержены къ самохотному грѣху. Изъ нихъ, говорить проклятой, такія есть жлудныя до мужчинъ, что если осѣтуютъ какого, то не въ жисть не разстанутся съ нимъ, возьмутъ да и задушатъ бѣднаго, чтобы никому не доставался. Такія злющія.

— Гдѣ жъ вы живете? спрашиваетъ казакъ.

— Въ одиночку—гдѣ приведется, говорить проклятой.—А домами—юртами живемъ завсегда подъ водою, на днѣ озера, прудовъ, старицъ,—вобщѣ въ стоячихъ и тиныхъ водахъ, гдѣ ни-

когда не бываетъ водосвятія, то-ись, куда не ходятъ православные на ярдань и не дѣлаютъ намъ помѣхи.

— А рази отъ водосвятія бываетъ вамъ помѣха? спрашиваетъ казакъ.

— Еще какая помѣха-то, кто бы зналъ! говоритъ проклятой. — Какъ только погрузятъ въ воду крестъ, такъ всѣ наши «чертоги» затрясутся и разрушатся, — а самимъ намъ бываетъ душно, тяжело, — всѣ вонь и бѣжимъ. Одно слово, при такихъ оказіяхъ намъ жить нельзя, — и мы въ такихъ водахъ не живемъ.

— Вотъ какъ! говоритъ казакъ. —

— Да этого еще мало; говоритъ проклятой, намъ и въ такихъ-то водахъ, куда никогда на ярдань не ходятъ, и въ такихъ-то водахъ иногда помѣха бываетъ.

— Отчего же? спрашиваетъ казакъ.

— Оттого, говоритъ проклятой, если обыватели по воду ходятъ.

— Неужто и отъ этого вамъ помѣха бываетъ? спрашиваетъ казакъ.

— Бываетъ и отъ этого, говоритъ проклятой. — Вѣдь иная степенная и кроткая женщина, знаешь, не зачерпнеть воды просто, а непременно сотворить молитву, да призоветъ крестную силу. Ну, и конченъ балъ! Сила крестная низойдетъ на воду и перевернетъ вверхъ дномъ всѣ наши чертоги. По этой самой причинѣ, говоритъ проклятой, мы и выбираемъ себѣ въ жилище такія стоячія и болотистыя воды, куда неточію на ярдань, а и по воду никто не ходитъ. Вотъ, къ примѣру, у васъ въ Яикѣ ни одного нашего притона нѣтъ, а въ *Солдатской Старицѣ* * цѣлыхъ два.

— Ну, а въ *Баскачкиной Ростошѣ* ** рази нѣтъ у васъ притона? спрашиваетъ казакъ.

Проклятой покачалъ головой.

— Помилуй! говоритъ казакъ. — Неужто міръ лжетъ? Вѣдь всѣ говорятъ, что въ Баскачкиной Ростошѣ черти живутъ.

* *Солдатская Старица* — старое русло Яика, огибающее *Переволочную Рошу*, близъ г. Уральска. *Солдатской* названа она, въ позднѣйшее время, отъ солдатскихъ казармъ, близъ нея построенныхъ.

Авт.

** *Баскачкина Ростошѣ* — оврагъ, соединяющійся однимъ концомъ съ *Солдатской Старицей* — издавна славится мѣстомъ пребыванія чертей. Объ этомъ будетъ сказано въ особой главѣ.

— Ну, да-да-да! говоритъ проклятой. Тамъ точно есть притонъ, да не нашъ. Тамъ, говоритъ проклятой, живутъ черти, а не мы; тамъ,—понимашь ли?—истовые черти живутъ съ душами опивицъ, удушенныхниковъ и утопленниковъ, кто, значить, самъ себя удушить, утопить, — вобще съ душами тѣхъ, кто самъ на себя руки накладываетъ. — А мы, говоритъ проклятой, живемъ особнякомъ; съ опивицами, удушенныхниками и другияя самоубиввицами не якшаемся, по той причинѣ, что наша жьсть особая: мы, проклятые, во плоти, а они, то-ись, самоубиввицы, безплотны: мы, есть—когда говоритъ правду, живемъ все-таки въ свое удовольствіе, на всей своей волѣ, а они вѣчно въ цѣняхъ, вѣчно въ хомутахъ, вѣчно подь огненнымъ кнотомъ, вѣчно, что называется, въ каторгѣ.

— Вотъ какъ! — говоритъ казакъ. — Вы врозь отъ опивицъ и всѣхъ самоубиввицъ. Я этого не зналъ.

— Да, да, врозь!—говоритъ проклятой.—Черти насъ не мѣшаютъ. — И сами черти съ нами мало живутъ. У нихъ свои особья собранья. У насъ, въ нашихъ притонахъ, говоритъ проклятой, только для надзора, для порядка живутъ поочередно нѣсколько чертей. Тѣ, къ примѣру, въ родѣ квартальныхъ, комиссаровъ блюдутъ порядокъ, судъ и расправу чиняютъ.

— Вотъ какъ! говоритъ казакъ. И у васъ есть начальство. Я этого не зналъ.

— Нельзя,—говоритъ проклятой,—и намъ жить безъ начальства. Вѣдь и межъ нами всяко бываетъ: и ссоры, и драки, и разные кляузы. Такъ было-бъ кому разобрать, разсудить и въ порядокъ произвести.

— Да изъ-за чего же, — говоритъ казакъ, — изъ-за какого, прости Господи. . .

— Ты, однако, не призывай это Имя вслухъ, при мнѣ,—упредилъ проклятой казака; не далъ ему слова договорить. — Пожалуйста, говоритъ, не призывай это Имя при мнѣ: тяжело слышать. На умѣ-то, если хочешь, пожалуй держи, а въ слухъ не говори.

— Ладно, ладно,—говоритъ казакъ,—не буду.—Скажи-ка мнѣ, спрашиваетъ казакъ, изъ-за чего же у васъ могутъ происходить ссоры и драки? Что дѣлите? Чай сѣно не косите, на плавню не ходите.

— Да изъ-за всего, говоритъ проклятой. Примѣрно, одинъ у другаго вещь какуюнибудь зажилить; или одинъ другаго какъ

обозеть не хорошо, обругаетъ; или одинъ у другого дорогу перебьетъ у полюбовницъ; или одинъ другого въ картахъ надуеть.

— Вотъ какъ!—говоритъ казакъ.—Вы и въ карты играте. Я этого не зналъ. Да гдѣжь вы карты-то берете? спрашиваетъ казакъ.

— Чудной ты человекъ! говоритъ проклятой. Гдѣ беремъ? знаю гдѣ: у людей крадемъ! Я вѣдь тебѣ сказывалъ, что мы только воровствомъ и живемъ. Своего хозяйства заводить не можемъ....

— Такъ, такъ!—говоритъ казакъ.—Извини, почтенный, забылъ.—Да когда-жь вы находите время картежничать? спрашиваетъ казакъ. Вѣдь ты же сказывалъ, что больше занимаетесь дѣлами насчетъ женскаго пола.

— Ну, не все же, насчетъ этого, говоритъ проклятой, — одна вѣдь и надоѣсть. — Хоша мы проклятые, то-ись, люди необыкновенные, хоша въ насъ и есть капелъка нечистой силы, однако мы не двужилъные, устатокъ знаемъ; ну, и отдыхаемъ. Кромѣ того, говоритъ проклятой, въ нѣкоторые дни и сами черти даютъ нашему брату вольготу. Примѣрно, весь Великій Постъ, особенно Страстная Недѣля, всѣ Оспожинки, всѣ тѣ дни, въ кои люди постятся и молятся, — всѣ такіе дни полагаются намъ на отдыхъ, на гулянку; эти дни на изволящаго: кто хочеть—въ міру шатайся, кто хочеть—въ притонъ иди. Вотъ въ это-то время и собираемся мы въ притоны, кому куда ближе, или у кого гдѣ больше знакомыхъ,—и заводимъ танцы—пляски и всякія игрища,—дымъ коромысломъ!—А разъ въ году, говоритъ проклятой, въ понедѣльникъ на Фоминой недѣлѣ, всѣ *шуты* и всѣ *шутовки* безпремѣнно должны являться въ притоны, каждый въ свой, гдѣ приписанъ. Въ этотъ день дѣлается намъ переключка, повѣрка: всѣ ли на лицо, не пропалъ ли кто.

— А рази случается, пропадаетъ кто изъ васъ? спрашиваетъ казакъ.

— Случается, говоритъ проклятой. Въ міръ опять возвращаются.

— Какимъ же побыткомъ? спрашиваетъ казакъ.

— Ну, этого ужъ я тебѣ не скажу! говоритъ проклятой. — Нельзя.

— Отчего же? допытывается казакъ.

— А вотъ отчего! говоритъ проклятой. Примѣрно, я расска-

жу тебѣ, отчего нашъ братъ переходитъ въ міръ, а ты перескажешь людямъ; ну, и конченъ балъ! Міръ узнаеть это средство, и будетъ уловлять нашего брата, а чертямъ оттого большой убытокъ. Тогда весь сонмъ чертей, и съ самимъ сатаной, поднимется на меня, и жия мнѣ не будетъ, — пожалуй, притчутъ къ опивицамъ и упрячутъ въ хомутъ.

— Такъ вотъ какъ вы поживаете!—говоритъ казакъ.—Въ томъ только и время у васъ проходитъ, что иль-бо женскій полъ, иль-бо игрища.

— Да,—говоритъ проклятой,—въ томъ только и жисть наша состоитъ.

— Ну, спрошу я тебя еще вотъ о чемъ, — говоритъ казакъ проклятому: межъ себя вы не женитесь, не сходитесь, то-ись, шутъ съ шутовкой?

— Нѣтъ!—говоритъ проклятой.—Этого не бываетъ и быть не можетъ.

— Отчего же? допытывается казакъ. — По моему, говоритъ, кажись, все единственно: и шутъ во плоти, и шутовка во плоти.

— Нѣтъ, не все единственно, говоритъ проклятой. Къ примѣру, я хоша и во плоти, но не полный человѣкъ. Тоже и шутовка: хоша и во плоти, но и она не полный же человѣкъ. А не полный человѣкъ съ неполнымъ человѣкомъ не можетъ соединяться. Для этого, говоритъ проклятой, нужно, чтобы хоша одинъ человѣкъ былъ полнымъ человѣкомъ,—таковъ предѣлъ. Оттого-то вѣдь шутовки и жлудны насчетъ мужчинъ,—я тебѣ ужъ сказывалъ. — А есть — когда-бъ можно было намъ съ шутовками сходиться,—намъ бы житья отъ нихъ не было: засѣдали бы онѣ насъ и взнуздали, — не стали бы онѣ и по міру шататься, мужчинъ отыскивать, а выѣзжали бы на нашъ братъ.

— Такъ, такъ! говорилъ казакъ. Теперь понимаю. — А вотъ что еще, почтенный, не во гнѣвъ будь тебѣ сказано, говоритъ казакъ проклятому:—повернись-ка, пожалуйста, ко мнѣ задомъ: я посмотрю.

— Чего посмотришь? спрашиваетъ и оклятой.

— Спину твою, говоритъ казакъ. Хочу, значить, увѣриться, правду ли говорятъ люди, что у вашего брата спина жолобомъ, то-ись, корытомъ?

— Изволь, говоритъ проклятой, и повернулся къ казаку спиной.

Казакъ повелъ кнутовищемъ по спинѣ проклятаго: спина какъ спина, на корыто ни чуть не похожа.

— Ну, что? спрашиваетъ проклятой.

— Ничего! говоритъ казакъ. — Спина какъ спина, никакого изъяна нѣтъ. Значить, болтають. Извини, что побезпокойлѣ.

— Болтають-то, болтають, да не совсѣмъ,—говоритъ проклятой. Я тебѣ это объясню. Спина корытомъ, говоритъ проклятой, бываетъ не у насъ, а у настоящихъ чертей. Тѣ вѣдь тоже иногда, по нуждѣ, пускаются въ наше ремесло.

— Какъ такъ? спрашиваетъ казакъ.

— А вотъ какъ! говоритъ проклятой. — Примѣрно, выйдетъ такая линія, что иная женщина очень ужъ тоскуетъ о мужчинѣ, съ ума бѣдняжка сходитъ, а нашего брата на ту пору близко не случится. Ну, какъ тутъ быть? Искать насъ? Да скоро ли отыщешь! Вѣдь въ ину пору нашего брата семью собаками не сыщешь. А женщина тѣмъ временемъ можетъ образумиться, въ разсудокъ придти. Вотъ по этой самой причинѣ, чтобы, знаешь, не упустить такой удобный случай — вѣдь и черти-то придерживаются вашему правилу: «куй желѣзо, покуда горячо», — вотъ по этой-то причинѣ ктонибудь изъ настоящихъ дьяволовъ и приметъ на время образъ человѣческой, и явится къ женщинѣ. Знамо, чорту нужно только, на первыхъ порахъ, осѣтовать женщину, а послѣ онъ передастъ ее комунибудь изъ проклятыхъ, кто первый на глаза попадется. Самъ же дьяволъ жить съ нею по нашему не можетъ,—не дано. На первыхъ порахъ отъ него въ этомъ дѣлѣ одинъ только отводъ, обманъ.— Вотъ у этихъ-то чертей, говоритъ проклятой, кои прикидываются нашими братьями, и бываетъ спина корытомъ,—сладить ее, значить, не могутъ.—Кромѣ того,—говоритъ проклятой,— у нихъ и хвостъ — никуда спрятать не могутъ, — таковъ предѣлъ.—Кромѣ того,—говоритъ проклятой,— у нихъ и ногъ настоящихъ, человѣчныхъ, не бываетъ, а бываютъ иль-бо звѣринья лапы, иль-бо лошадинья копыты,—таковъ предѣлъ.—По этимъ вещамъ,—говоритъ проклятой,—мало-мальски толковая женщина скоро можетъ узнать и догадаться, кто таковъ есть ея душенька. А нашего брата,—говоритъ проклятой,—распознать трудно. Мы, братецъ мой, какъ есть совершенные.... Ай, ай!—вдругъ заревѣлъ проклятой, и тычма полетѣлъ съ телѣги.

Казакъ остановился.

— Что съ тобой? спрашиваетъ онъ проклятаго.

— Оказія!—говорить проклятой, а самъ ёжется и чешется.— Разговорился я съ тобой и не замѣтилъ, какъ наѣхали на такое мѣсто, что обожгло меня, словно огнемъ.—Посмотри, говоритъ проклятой казакъ, что вѣреди-то?

Дорога въ этомъ мѣстѣ спускалась подъ гору. Внизу изъ-за березника виднѣлся крестъ часовни. Больше ничего.

— Ничего!—говоритъ казакъ. Вонъ только *Серіевскій Скитъ* виднѣется.

— Въ томъ-то и штука, что скитъ! говоритъ проклятой. — Давеча у старцевъ крестный ходъ былъ, вотъ здѣсь, на самомъ этомъ мѣстѣ, прошелъ. Ну, и нельзя мнѣ черезъ эту черту переступить. До трехъ дней, говоритъ проклятой, никакая нечистая сила не можетъ переступить чрезъ ту черту, гдѣ крестный ходъ пройдетъ.—Дорога идетъ прямо черезъ скитъ, говоритъ проклятой казакъ. Поѣзжай одинъ, а я, говоритъ, кругомъ обойду, и по ту сторону опять тебя встрѣчу.

— Хорошо, говоритъ казакъ, ступай.—Только вотъ что, почтенный, говоритъ казакъ проклятому: може, я остановлюсь въ скиту-то и долго тамъ пробуду. Неужто-жь ты ждать меня будешь? Соскучишься.—Не лучше ли, почтенный, намъ совсѣмъ разстаться,—а? какъ ты думаешь?—спрашиваетъ казакъ проклятого. — Чай, самъ знаешь, конный пѣшему не товарищъ.

— И то дѣло, говоритъ проклятой. Пожалуй, разстанемся. Поѣзжай ты себѣ, а я пойду себѣ. Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ проклятой,—скоро ли я съ тобой дотащусь до Уральска, а мнѣ надо туда поспѣшить.

— Что такъ? спрашиваетъ казакъ.

— Какъ что?—говоритъ проклятой.—На дняхъ отъ васъ полкъ выступилъ на Ахтубу.

— Ну, такъ чтожь? спрашиваетъ казакъ.

— Какъ что? — говоритъ проклятой. — Ты что за безтолочь? Рази не догадываешься?—Все же сколько нибудь осталось такихъ жонъ, кои по мужьямъ тоскуютъ. Значить, нашему брату пожива. Понялъ? — спрашиваетъ проклятой казака.

Казакъ только плюнулъ, махнулъ рукой, сотворилъ молитву и погналъ лошадь. Казакъ, значить, смѣло уяъ тутъ поступалъ, надѣялся, значить, на черту; замѣтилъ разскащикъ. А проклятой ударился о землю, оборотился, братецъ мой, корпусомъ и полетѣлъ къ Уральску.

Недѣлю спустя, казакъ пріѣхалъ въ Уральскъ и, словно сонъ

въ руку, получилъ нерадостную вѣсть: одна молодая баба, сродственница его, связалась съ проклятымъ, съ тѣмъ самымъ, который баялся на казаковъ на Обчѣмъ.

— Почему же знали, что съ тѣмъ, а не съ другимъ?—спросилъ я рассказчика.

— Видали люди, что проклятой коршуномъ леталъ, отвѣчалъ старикъ.—Ну, кромѣ того, продолжалъ, и женщину вскорѣ въ чувство привели, и она рассказывала, каковъ изъ себя проклятой. По примѣтамъ, вышелъ тотъ самый, что къ казаку на Обчѣмъ приставлялся. — А что проклятой толковалъ казаку насчетъ того, какъ они въ своихъ притонахъ живутъ, какъ время проводить, какъ въ міру пищей побираются, и прочее,—все это, сударь мой, сущая правда, подтвердилъ рассказчикъ. — Бывали случаи, что люди — настоящіе люди, а не проклятые — гащивали у проклятыхъ, иные по своей волѣ, а иные по неволѣ,—а послѣ выходили на свѣтъ Божій и рассказывали, что видѣли и что слышали.—Бывали и такіе случаи, что люди улавливали шутовокъ, и тѣ, знамо дѣло, рассказывали про свое житье-бытье. Я тебѣ расскажу одну любопытную исторію какъ шутовку уловили. Слушай!

И съ этимъ словомъ старикъ началъ:

— Къ одному холостому парню прикачнулась шутовка и осѣтовала его. Случилась этакая оказія вотъ по какому случаю. Парень, видишь-ли, любилъ дѣвушку и хотѣлъ на ней жениться, да не довелось, сердечному: не отдали. Навернулся другой женихъ, богатскій,—за того и отдали. Парень и предался тоскѣ—отчаянію, а шутовка и шастъ къ нему; словно тутъ и была.—Сначала домашніе не догадывались, а потомъ догадались, дѣло сдѣлалось явнымъ. Прежде парень былъ разбитной, веселый, здоровый, а тутъ словно въ воду опустился; не пьетъ, не ѣстъ, пожелтѣлъ, исхудалъ—сдѣлался шкилетъ шкилетомъ,—ходитъ унылъ, задумчивъ, ни съ кѣмъ словечка не промолвить,—отъ всѣхъ бѣгаетъ, прячется, забивается на подволоку, въ базы, въ разные закоулки, и когда гдѣ бываетъ одинъ, шепчется, смѣется, цѣлуется. Тутъ ужъ и сомнѣніе всякое въ сторону; дѣло видное, парень съ шутовкой живетъ.

Многажды мать приступала къ сыну, продолжалъ рассказчикъ,—уговаривала его, чтобы онъ повѣдалъ ей свое горе; но тотъ, бывало, молчитъ, головой качаетъ. Напоследокъ мать пошла къ священнику и рассказала ему, что съ сыномъ ея творится,—

и священникъ далъ матери совѣтъ, какъ она должна къ сыну подступиться, чтобъ вывѣдать отъ него всю подноготную. — Мать, по совѣту священника, и приступила къ сыну. Сначала говорила о томъ, о семь, а напоследокъ завела рѣчь о Грушѣ, то-нсь, о той самой дѣвушкѣ, пояснилъ разскащикъ, на которой не довелось парню жениться. Потому мать завела рѣчь о Грушѣ, что въ домѣ извѣстно было, что шутовка являлась къ парню въ образѣ Груши, — не разъ, значить, подслушивали, какъ онъ называлъ шутовку этимъ именемъ.

— Слышу отъ людей, говорить мать, что къ тебѣ, дитятко, Груша ходить. Правда ли?

Сынъ головой качаетъ : врутъ-де! — Мать опять говорить сыну:

— Ты, дитятко, отъ меня не скрывай. Я не для того спрашиваю, чтобы журить тебя или-бо запретъ на тебя положить, а для того единственно, чтобы совѣтъ тебѣ подать къ лучшему. Если ужъ ходитъ она къ тебѣ, то видались бы вы съ ней по секрету, чтобы огласки большой не было. Долго ли до грѣха, мужъ Грушинъ узнаетъ, и — выйдетъ бѣда. Мнѣ, яко матери твоей, и говорить-то съ тобой объ этакихъ дѣлахъ не слѣдовало, да что буду дѣлать? сердце не терпитъ; вѣдь мнѣ жаль тебя, вѣдь ты дитя мое, мое рожденье.

Парень и проговорился.

— Да мы, говорить, и такъ по секрету выдаемся.

— Гдѣ жъ вы выдаетесь-то? — спрашиваетъ мать.

— Да гдѣ доведется, — говорить сынъ, — когда на подволокѣ, когда въ базу, когда въ передбанникѣ, когда гдѣ, какъ случится.

— Ну, а въ избу рази она не ходитъ къ тебѣ? — спрашиваетъ мать.

— Нѣтъ, ходитъ, — говорить сынъ, — только тогда ходитъ, когда въ избѣ, кромѣ меня, никого не бываетъ; да еще когда икона бываетъ задернута занавѣской; а есть — когда икона не бываетъ задернута занавѣской, то остановится въ дверяхъ и прикажетъ мнѣ задернуть, — я и задерну, — она и войдетъ.

— А есть ли на тебѣ крестъ-то? — спрашиваетъ мать.

— Нѣтъ! — говорить парень. — Я бросилъ его: она такъ приказала.

— Зачѣмъ же ты послушался, глушенькій, — спрашиваетъ мать.

— Нелзя не послушаться, — говорить сынъ, — страшаетъ, что

ходить ко мнѣ не станеть, а мнѣ безъ нея, матушка, смерть; хоть сейчасъ же роите могилу. Еще вотъ что вчера, какъ ух-дила, она сказала мнѣ,—говорить парень:—«Можетъ-де, родные будутъ мазать тебя какимъ снадобьемъ, можетъ-де, святой во-дой спрыскивать стануть, — можетъ-де, призовуть священ-ника или какого нибудь каннушика, что бы молитвы надъ тобой читать; — то ты, говорить, ни подъ какакимъ ви-домъ не давайся: я этого, говорить, терѣть не могу. А есть-когда дашься, — то, говорить, ильбо тебя задушю, иль-бо сама на себя руки наложу, иль-бо домъ вашъ огнемъ спалю, иль-бо всю скотину у васъ переморю!» Я, говорить сынъ ма-тери, общался ей, что этого не будетъ. Пожалуйста, маменька! умаливаетъ сынъ мать; пожалуйста, родимая, не трожьте меня, оставьте въ покоѣ.

«Говорить это, а самъ такъ и заливаеця слезами. Мать тоже плачетъ, и говорить сыну, успокоиваетъ; знамо, говорить такъ, какъ священникъ научилъ:

— Хорошо, хорошо, дѣтятко! не будемъ тебя беспокоить ни-какими мазями, никакими отчитываньями; жалко мнѣ тебя, вѣдь ты дѣтя мое. Живи въ свое удовольствіе, какъ знаешь. Только, дѣтятко, по подволокамъ, да по базамъ, да по передбанникамъ не укрывайся. Къ чему? Вотъ тебѣ вся горница въ твое вла-даніе, располагайся здѣсь какъ знаешь; наша и нога сюда не коснется. А чтобы, говорить мать, чтобы и ей не было какой помѣхи, я и образа-то отсюда вынесу, въ другую избу пере-несу.

«Сынъ обрадовался, и бросилъ матери на шею. Мать полас-кала сына, поплакала, и подъ какимъ-то предлогомъ увела сына изъ дома, а сама и виду непоказываетъ, что задумала что-то противъ него и противъ шутовки. Въ то самое время, какъ мать ушла съ сыномъ изъ дома, пришолъ въ ихъ домъ священникъ, и велѣлъ очистить избу отъ всего святаго, чтобы шутовкѣ было не въ домокъ; а самъ обошелъ снаружи домъ, и всѣ окна, всѣ щели, всѣ, значить, продухи, оградилъ крестомъ и молитвой и окропилъ св. водой; не тронулъ только однѣ двери, оставилъ ихъ, какъ и были, не огражденными, чтобы шутовка могла войти въ избу безъ препятствія.

«Въ первую же ночь послѣ того, какъ все это устроили, шу-товка и явилась къ возлюбленному, прямо въ горницу. Эту ночь, и другую, ихъ не беспокоили, дали имъ всю волю. Шутовка

радуется такому счастью, не замѣчаетъ подвоху, совѣмъ поселилась у парня, и ручки, и ножки, что называется, склала. Хорошо. На третью ночь, часу во второмъ съ полуночи, когда парень съ шутовкой наигрались вдоволь, утомились и легли спать, явился къ дверямъ священникъ съ причтомъ, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ, съ евангеліемъ, съ св. водой, съ мѣстными иконами, съ кадилами и со свѣчами, подошелъ къ дверямъ, оградилъ ихъ крестомъ, окропилъ св. водой, и вошелъ въ избу, — вопель, поднялъ святой крестъ надъ головой, оградилъ въ воздухѣ и возгласилъ: Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа! Да исчезнетъ сила нечистая, да сокрушится она передъ силою Животворящаго креста Господа нашего Іисуса Христа.»

— Аминь! возгласилъ причтъ и запѣлъ ангельскія пѣсни.

Шутовка взвизгнула, въ видѣ жука завертѣлась и закружилась по горницѣ,—попалась, голубушка! Шутовка ищетъ мѣста, гдѣ бы улизнуть, но мѣста такого нѣтъ; подлетить къ дверямъ — тамъ священникъ съ крестомъ — жжетъ; къ окну — тамъ тоже жжетъ; къ трубѣ — тамъ тоже; къ болтовой дырѣ — тамъ тоже; одно слово, куда ни кинется, вездѣ отказъ! А священникъ съ причтомъ возглашаютъ молитвы, поютъ ангельскія пѣсни, читаютъ евангеліе, кадятъ кадилами, кропятъ св. водой, — одно слово вздохнуть не даютъ шутовкѣ! Вилась, вилась шутовка по горницѣ, стучалась, стучалась о косяки да о стѣны, напоследокъ измучилась, изъ силъ выбилась и рухнула на полъ, индо стѣны задрожали. Это, значить, нечистая сила пошла сквозь землю. Въ эту самую минуту пропѣли пѣтухи, и на мѣсто жука, очутилась на полу дѣвушка въ красномъ штофномъ сарафанѣ. Священникъ къ ней, осѣнилъ ее крестомъ, окропилъ св. водой и надѣлъ на шею ей патѣльный крестъ, а евангеліе возложилъ ей на голову. Нѣкоторое время дѣвушка лежала словно убитая, напоследокъ почувствовала, приподнялась, перекрестилась и сотворила молитву. Этимъ и дѣло завершилось, сказалъ старикъ. Устигли шутовочку, и она перешла въ міръ, стала истовымъ чело­вѣкомъ.

Дѣвушка эта, — продолжалъ рассказикъ, — сказывала про себя, что она родомъ купеческая дочь, города Кіева, и что въ давнихъ годахъ согрubiла своей матери, и та прокляла ее. Она же, знамо дѣло, рассказывала людямъ и про житье-бытье свое, какъ жила и что дѣлала, бывши шутовкой, выходитъ тоже самое, какъ и проклятой парень толковалъ казаку на Общемъ. Бхатъ

дѣвушка въ свой городъ и отыскивать родню, было поздно, — чай давнымъ-давно вся родня — повымерла, повыродилась. Да и не для чего было хлопотать, старую родню отыскивать: новую Богъ далъ. Благо, собой дѣвушка красавица, еще краше той, въ образѣ которой являлась къ возлюбленному. Черезъ шесть недѣль и обвинчали парня съ дѣвушкой, и зажили они, какъ живутъ и всѣ добрые люди. Только священникъ наказалъ молодому строго-на-строго, чтобы онъ до году отнюдь не снималъ съ молодой креста, хоша бы она и просила его о томъ; а сама она до году не могла и прикоснуться до креста, чтобы снять.

«Хорошо. Живутъ мужъ съ женой чиннымъ манеромъ. Жена, какъ подобаетъ, забеременела, была уже насносахъ. Разъ случилось имъ быть въ банѣ. Жена раздѣлась и говоритъ мужу:

— Снялъ бы ты, миленькій, съ меня крестъ, вѣдь грѣшно быть въ банѣ въ крестѣ.

— А священникъ-то что приказалъ? говоритъ мужъ. Рази не знаешь?

— Коли не знаю, — говоритъ жена, — знаю. Да вѣдь годъ-то минулъ. Припомни-ка хорошенько, говоритъ жена: въ первый-то разъ надѣли на меня крестъ дня за два до Троицы? а нынче уже пятый день, какъ Троица прошла. Значитъ больше году вышло.

«Мужъ припомнилъ время, счелъ: выходитъ такъ, какъ жена говоритъ; а того и въ голову, дуралей, не заберетъ, что Троицынъ день — праздникъ не въ числахъ, а переходящій, взялъ да и снялъ съ жены крестъ. Отмочилъ штуку, нечего сказать! Лишь только мужъ снялъ съ жены крестъ, жена и исчезла! До году-то, сударь мой, еще дня два не доставало.

— Погубилъ ты меня и съ дѣтищемъ своимъ, что въ утробѣ у меня! говоритъ съ вышины невидимый голосъ жены. Зачѣмъ ты меня послушался? Вѣдь не сама я отъ себя говорила, а съ приказу чертей. Тѣ во весь годъ, изо-дня въ день, приставали ко мнѣ, утягощали и тоску на меня нагоняли, чтобъ я упросила тебя снять крестъ. Я по неволѣ это дѣлала: мнѣ тошно было! А ты, по своей глупости, не разсчелъ время и исполнилъ мое хотѣнье. Мнѣ, конечно, такая ужъ дорога. Да дѣтище-то твое зачѣмъ гибнетъ? Вотъ о чемъ подумай! По прошествіи года, этого бы не случилось. Теперь пеняй самъ на себя, дружокъ! Прощай! сказалъ въ вышинѣ голосъ жены, и — замолкъ.

«Мужъ какъ стоялъ, такъ и опалѣлъ, — сказалъ старикъ; — на-

силу въ чувство привели. А жена все-таки пропала; пропало и чадо нерожденное! А исполнись годъ, — замѣтилъ старикъ, — этого бы ничего не было, черти рѣшительно бы отступились отъ бывшей шутовки. Но такъ ужь, видно, тому быть, — добавилъ старикъ. Теперь, сударь мой, — сказалъ онъ, немного погодя, — рѣчь о томъ, какъ люди, сами-собою, отъ своего, значить, дурчества, отъ своего необузданнаго языка, попадаютъ въ дявольское обчество. Слушай!

И старикъ началъ:

Разъ партія ребятъ пришла къ озеру купаться. Одинъ изъ нихъ, парень такой бойкій, прибаутникъ, скоморошникъ, — одно слово, бѣдовой парень, отпѣтый, раздѣлся, скинулъ съ себя и крестъ, подошелъ къ берегу — озеро было крутоярое — посмотрѣлъ на воду, что-то скверное сказалъ, — потомъ оборотился къ товарищамъ и смѣхомъ проговорилъ:

— Прощайте, братцы! Къ шишигамъ въ гости иду.

Товарищи засмѣялись.

— Ступай невворотиму! кто-то изъ нихъ сказалъ.

Парень засмѣялся, отошелъ отъ берега, разбѣжался и прокричалъ: «*Ободранный баранъ чорту готовъ!*» — прокричалъ эти слова и въ тотъ же мигъ нырнулъ въ воду, внизъ головой, — нырнулъ и — пропалъ! Только и видѣли его. — Думали, что парень утонулъ. Принесли изъ хуторовъ — это было въ Щаповыхъ хуторахъ, — прибавилъ разскащикъ, — принесли бредни, волокушки, — этого мало, — привезли цѣлый неводъ, и давай искать парня, но не нашли. Цѣлыхъ двѣ недѣли, изо-дня-въ-день, бились, искали и все-таки не нашли. А какъ бы не найти? замѣтилъ разскащикъ. — Вѣдь не въ Яикѣ, а въ озерѣ. И озеро-то было не большое; изъ конца въ конецъ, съ берега до берега, процѣдили его, — ни одного карасика, ни одной лягвы, ни одного рака не оставили — все повывловили; — всякій колбяшекъ, всякій камешекъ, что на днѣ лежали, все это на берегу очутилось. Только парня не нашли. Да и какъ найти? замѣтилъ старикъ. — Вѣдь парень не утонулъ, вѣдь онъ, сударь мой, живьемъ попалъ къ чертямъ! Онъ сказалъ: *ободранный баранъ чорту готовъ*: по этимъ самымъ словамъ, черти-то и сцапали его, и утащили въ свой вѣртепъ! И подѣломъ, прибавилъ старикъ: не напрашивайся!

Утащили ли парня къ себѣ, и не знаютъ, что съ нимъ дѣлать. Вотъ какая голова, прибавилъ разскащикъ: и чертей-то

оставилъ въ тупикъ! — Еслибъ парень былъ пьяный, продолжалъ старикъ, они задушили-бъ его, и душу его причислили къ партіи опивищъ. Еслибъ парня проклиjali мать иль-бо отецъ, — черти пріобщили-бъ его къ партіи проклятыхъ. А то ни то, ни сѣ, — вышелъ парень межеумкомъ. — На другой день черти собрали сходку, но и на сходкѣ не рѣшили: дѣло было по новостн. Шатали — валяли, напоследокъ послали въ адъ, къ сатанѣ, значить, просятъ разрѣшенія, какъ съ парнемъ поступить?—И въ аду, у сатаны, дѣло это, должно быть, тоже явилось по новости: долго что-то рѣшенье не выходило. Напоследокъ выпло въ такой силѣ: «Сдать парня въ партію проклятыхъ, чтобы жилъ онъ у нихъ до поры до времени.—А чтобы парень не ѣлъ даромъ хлѣба — приписано было въ указѣ — женить его покуда на какойнибудь шутовкѣ, чтобы приплодъ отъ нихъ былъ!»

Хоша парень и попалъ, по своей глупости, въ сонмъ чертей, —но все-таки былъ полнымъ человѣкомъ, стало-быть жениться ему на шутовкѣ можно было, — пояснилъ разскащикъ.

Получивши отъ сатаны таковое повелѣніе, —продолжалъ старикъ, — черти и приступили къ парню, чтобы онъ женился.

— Женись!—говорятъ черти парню.—Житье тебѣ будетъ важнецъ, лучше нашего. Шутовочку, говорятъ, предоставимъ тебѣ первый сортъ, красавицу отъ всего свѣта.

Парень обробѣлъ, не знаетъ, что дѣлать. А шутовокъ налегло со всей округи велие, —одна другой моложе, одна другой краше; облѣпили парня, словно мухи, затормошили парня, —каждая забѣгаетъ къ нему въ глаза, — знамо, каждой хочется замужъ. — Парень мыслями распенился, однако съ разу не поддался. Попросилъ у чертей на недѣлю отсрочки, чтобы обдумать это дѣло. Черти согласились и дали парню отсрочку, а шутовкамъ приказали покуда убираться по своимъ мѣстамъ. — Парень думалъ, думалъ, но ничего въ свою пользу не выдумалъ. Напоследокъ, подобно утопающему, что за соломенку хватается, парень обратился къ одной шутовкѣ, женщинѣ не молодыхъ лѣтъ. Изъ всѣхъ шутовокъ, только эта одна не навязывалась парню въ жены; извѣстно, лѣта были не такія. Она жила у проклятыхъ замѣсто кухарки, варила имъ, значить, пищу, стирала рубахи, заготовляла провизію и прочее такое, а въ бѣсовскія и самохотныя дѣла не вмѣшивалась; извѣстно, лѣта ея были не такія.—Вотъ къ этой-то шутовкѣ парень и обратился за со-

вѣтомъ, и говоритъ ей однажды ночью, когда очередные черти были въ отлучкѣ, а проклятые которые спали, которые тоже были въ отлучкѣ,—и говоритъ парень шутовкѣ:

— Тетушка! Научи меня, что мнѣ дѣлать? Нечтоію жениться,—мнѣ и жить-то здѣсь тошно; а какъ о женитьбѣ вздумая, такъ во мнѣ вся внутренность воротится. — Ты, тетушка, живешь здѣсь издавна, — стало-быть порядки здѣшніе знаешь. Не придумаешь-ли какое средство, какъ бы мнѣ вырваться отсюда на свѣтъ Божій. Я тебя въ вѣкъ не забуду, по гробъ моей жизни молещикомъ за тебя буду. — Може, молитва моя во что да нибудь тебѣ поставится. Сжался, родимая. Помогни!

— Жаль мнѣ тебя, паренекъ, говоритъ шутовка: отъ своего глупаго языка пропадаешь. — Жаль и родительницу твою: чай, плачетъ, бѣдняжечка, о тебѣ; по себѣ это знаю, говоритъ шутовка и вздыхаетъ. — Дѣлать нечего, хоша послѣ и побой приму отъ чертей, а совѣтъ тебѣ дамъ; только будь ловокъ и мужественъ. — Скажи чертямъ,—научаетъ парня шутовка, — что жениться ты согласенъ, но съ уговоромъ, чтобъ прежде женитьбы сводили они тебя въ родительскій домъ. — «Хочу-де, скажи имъ,—хочу-де, въ останній разъ взглянуть на домъ родительскій, и заочно проститься съ родителями и съ родными». — Черти будутъ отговаривать, а ты стой на своемъ,—научаетъ парня шутовка. — Черти будутъ резонъ представлять, чтобъ ты сперва женился, а потомъ уже они поведутъ тебя въ домъ; но ты стой на своемъ, не соглашайся: коль скоро женишься—все пропало: шутовка не отпуститъ тебя, хоша бы и черти были согласны. Крѣпись, паренекъ, говоритъ шутовка: черти побьются, побьются, и все-таки съ тобой согласятся, чтобы выполнить наказъ сатанинскій, и поведутъ тебя къ вашему дому. Вотъ тутъ-то ты и не плюшай, говоритъ шутовка. — Тропинка отъ озера ведетъ на дорогу,—дорога прямо поведетъ къ вашимъ хуторамъ. Черти пойдутъ дорогой, а ты дорогой не ходи, сверни въ сторону, влѣво отъ дороги. Тутъ вся низь,—я знаю, говоритъ шутовка, я часто тутъ хожу,—вся низь поросла *чертополохомъ*. Знаешь ли ты эту траву?—спрашиваетъ шутовка.

— Знаю, говоритъ парень.

— Ну, это и хорошо, говоритъ шутовка. — Какъ войдешь въ чертополохъ,—научаетъ парня шутовка,—такъ и рви эту траву, и кидай отъ себя во всѣ стороны, и иди не торопись. Черти будутъ тебѣ говорить, чтобы ты этого не дѣлалъ, чтобы вы-

шегъ на дорогу; но ты не слушай, твори молитву и дѣлай свое дѣло. Черти будутъ кричать, бранить, стращать, но ты не бойся: ни одинъ изъ нихъ къ тебѣ не приблизится. Подойдешь ты къ большой дорогѣ, къ почтовой, и ты черезъ нее, черезъ большую дорогу, не переходи: за ней нѣтъ чертополоха, — да и черти на дорогѣ тебя переймутъ, схватятъ, — а остановись ты тутъ, гдѣ чертополохъ, и жди первыхъ пѣтуховъ. Какъ пѣтухи пропоютъ, такъ черти и исчезнутъ. Тогда смѣло иди черезъ дорогу, и ступай домой: будешь спасенъ. — Только слушай, паренекъ, говорить шутовка, не забудь вотъ что: до трехъ лѣтъ хвѣльнаго въ ротъ не бери, а пуще, не упивайся, — не то черти задуютъ тебя. Попомни это, паренекъ.

Хорошо. Какъ шутовка научила, такъ парень и сдѣлалъ; наотрѣзъ сказалъ чертямъ, что ни въ жисть не женится, есть — когда они не сводятъ его взглянуть въ останній разъ на домъ родительскій. Черти дулись, дулись, да и согласились, и въ самую глухую полночь вывели парня изъ озера, и повели къ хуторамъ. — Идутъ дорогой: впереди чортъ, позади чортъ, по одну сторону чортъ, по другую сторону чортъ, а въ срединѣ парень, словно арестантъ. Парень осмотрѣлся, увидалъ въ сторонѣ отъ дороги траву чертополохъ. Улучивши такую минуту, когда одинъ крайній чортъ зазѣвался, парень и шмыгнулъ съ дороги въ чертополохъ. — «Куда ты?» вскричали черти, и остановились. — Но парень молчать, дѣлаетъ то, чему шутовка научила. Сначала черти и вида не подали, что догадываются о замыслѣ парня, говорятъ ему безъ брани, безъ угрозъ, чтобы вышелъ на дорогу: «ближе-де!» Но парень свое дѣло дѣлаетъ, рветъ чертополохъ и бросаетъ имъ въ чертей. Тѣ все терпятъ, надѣются перенять парня на большой дорогѣ, но парень за дорогу не пошелъ, а присѣлъ не далеко отъ нея въ кусты чертополоха. Тутъ уже черти не стерпѣли, вскинулись на парня, давай ругать его всякими скверными словами и стращать всякими ужастями, но ничего не взяли: Парень порываетъ травку и подбрасываетъ въ чертей. Черти отошли подальше, столпились въ кучку, и говорятъ парню:

— Ахъ, ты, подлець! ахъ, ты, такой — сякой, немазаный — слѣпой! Надулъ насъ. — Ну, подлець! говорятъ черти парню, не забудемъ мы этого, никогда не простимъ тебѣ! Не нынче, завтра, а доберемся мы до тебя, подлеца. Рано ли, поздно ли, а будешь опять у насъ, тогда крѣпись, подлая душа!...

Тутъ вспѣлъ иѣтухъ, и черти исчезли, — дождался паренѣ свѣта и пришелъ домой, то-ись, не прямо въ домъ, а залѣзъ въ базъ; прямо въ избу придти стыдно было, по той причинѣ, что паренѣ былъ нагой, въ томъ самомъ, значить, видѣ, въ какомъ попался къ чертямъ...

Хорошо. Жилъ послѣ того паренѣ въ родительскомъ домѣ года два благополучно, отъ вина, значить, воздерживался, капли въ ротъ не бралъ; но на третьемъ году, на послѣднемъ, значить, не вытерпѣлъ, прорвался: разъ на свадьбѣ у товарища напился мертвецки пьянъ, напился и — пропалъ! Не выпустили его черти и изъ-за стола: гдѣ паренѣ сидѣлъ, тутъ они и задушили его. Самъ, значить, виноватъ, — замѣтилъ разскащикъ: — небезчево шутовка упредила, чтобы не пилъ.

Этотъ паренѣ, видишь, какимъ побытомъ спервоначала попалъ къ проклятымъ въ притонъ, совсѣмъ не думано, не гадано, отъ одного озорничества своего, сказалъ старикъ. — А вотъ другой, я тебѣ расскажу, другой паренѣ нарочно пошелъ къ проклятымъ; зналъ, грѣховодникъ, куда шолъ. Слушай-ка!

И съ этимъ словомъ старикъ началъ:

Былъ онъ знакомъ, этотъ паренѣ, съ однимъ мужикомъ, съ сарайщикомъ, что въ кирпичныхъ сараяхъ жилъ и кирпичи дѣлалъ. А кирпичные сараи, знаешь, у Солдатской Старицы, между солдатскими казармами и между Баскачкиной Ростошью. — Слушай, что было — оказія, сударь мой! Разъ ночью паренѣ сидѣлъ у пріятели своего, сарайщика, и тотъ угощалъ его виномъ. Вино все вышло, а пить хочется тому и другому, а купить негдѣ: поздно, кабаки заперты.

— Вотъ что, дружище! говорить сарайщикъ парню. — Есть у меня одно такое мѣсто, вплоть отсюда, рукой подать; хорошіе люди живутъ, угостятъ они насъ и виномъ, и чѣмъ хочешь, и пельменей наварятъ, и денегъ не возьмутъ. Только, не знаю, достанетъ ли у тебя храбрости идти туда: мѣсто, впередъ говорю, мѣсто очень бройкос. Храбрый ли ты? спрашиваетъ сарайщикъ парня.

— Хвалиться не смѣю, говорить паренѣ; однако доселева трусу не праздновалъ. Правда, въ страженіяхъ не бывалъ, — говорить паренѣ, — а что касается до кулашной расправы, въ этомъ постоять могу: сердце не дрогнетъ, кулакъ не сфальшитъ.

— Не въ томъ дѣлю, — говорить сарайщикъ. — Ни драться, ни бороться не придется; въ этомъ завѣрить могу. Нужно только

имѣть сердце яройское, чтобъ и самаго чорта не испугаться, есть когда доведется увидать его.

— Что мнѣ чортъ!—говорить захмѣлѣвшій парень.—Дѣдушка мой видалъ ихъ у Баскачкиной Ростоши цѣлый легіонъ; однако ничего они ему не сдѣлали. Чортъ нипочемъ,—чорта не испугаюсь! говоритъ парень.

— Хорошо,—говоритъ сарайщикъ. — Въ самомъ дѣлѣ, чорта бояться не слѣдуетъ. Чортъ не дуракъ, зря не кидается. Слушай! говоритъ сарайщикъ.—Я поведу тебя къ чертямъ, то-ись, не къ самимъ чертямъ, а къ проклятымъ, что у чертей подъ началомъ живутъ,—пріятели мои. Согласенъ?—спрашиваетъ сарайщикъ парня.

— Чтожь? говоритъ парень.—Не иѣшастъ, хоша разъ, побывать и у чертей въ гостяхъ. Кто знаетъ, куда попадешь, какъ умрешь. Идемъ!

— Идемъ!—говоритъ сарайщикъ.

Пошли добры-молодцы къ Солдатской Старицѣ.

— Скидай и крестъ, и поясъ!—говоритъ сарайщикъ парню, когда подошли къ Старицѣ. — Въ этомъ, говоритъ, уборѣ тамъ не принимаютъ.

Парень скинулъ съ себя и крестъ, и поясъ.

— Иди за мной!—говоритъ сарайщикъ, и самъ пошелъ въ воду.

Парень пошелъ за нимъ. Зашли въ воду по самую шейку.

— Зажмури глаза!—говоритъ сарайщикъ.

Парень зажмурилъ.

— Опускайся съ головой!—говоритъ сарайщикъ.

Парень опустился.

— Открой глаза!—говоритъ сарайщикъ.

Парень открылъ глаза, и очутился не въ водѣ, сударь мой, а посередь просторной избы. Изба сдѣлана была не изъ лѣса, иль-бо изъ кирпича, иль-бо изъ чего другаго, а изъ чего-то свѣтлаго, словно будто бы изъ хрусталия иль-бо изо льда; сквозь стѣны все видно, что въ водѣ; видно, какъ и рыбка плаваетъ, какъ и лопухи растутъ; а сквозь потолокъ видно, какъ на небѣ звѣздочки блещутъ. — Въ избѣ, какъ быть слѣдуетъ, всякаго буторя и всякой хурды-бурды довольно: и одежды мужской и женской, и столовъ, и стульевъ, и полавонниковъ, и посуды всякой; одно слово—домъ справный; только одного нѣтъ—св. иконъ.—Людей въ избѣ никого невидать было. Сарайщикъ кашлянулъ; но никто не откликнулся. Сарайщикъ крикнулъ: «Эй,

хозява! Есть ли кто дома?» — Изъ-за перегородки послышался съ просонокъ женскій голосъ :

— Кто тутъ?

— Я!—говоритъ сарайщикъ.—Иванъ мірянинъ.

Немного погодя , вышла изъ-за перегородки съ заспанными глазами женщина среднихъ лѣтъ, въ нашемъ, казачьемъ, уборѣ.

— Ба-ба-ба!—говоритъ женщина сарайщику.—Гость дорогой. Давно не видать было. Милости просимъ. А это кто?—спрашиваетъ она сарайщика, и киваетъ головой на парня.

— Товарищъ мой,—говоритъ сарайщикъ.—Угощай, тетка Матрена. Да, смотри-ка, нельзя-ли насчетъ пильменей?

И тетка Матрена принялась угощать гостей, выставила четвертную бутылъ вина и устала столъ разными закусками и фруктами.

— А насчетъ пильменей не обезсудьте, гости дорогие,—говоритъ тѣтка Матрѣна, сирѣчь шутовка, пояснилъ расказчикъ:—сдѣлать не изъ чего. Баранины хоша и много, да мука вся вышла. Не взыщите. — Въ другой разъ, милости просимъ, приходите; всего поприпасу. Наши всѣ въ разбродѣ; одна домовничу, оторваться-то теперъ и некогда, чтобы провизіей запасться.

Дальше какой былъ разговоръ, парень не помнитъ : очень ужъ спьянился, продолжалъ расказчикъ.—На другой день утромъ парень очутился въ сараяхъ. Какъ вышелъ изъ вертепа проклятыхъ—и этого не помнитъ. Сарайщикъ, значитъ, вывелъ. Когда совсѣмъ отрезвился и пришолъ въ настоящій разсудокъ, парень чувствовалъ себя какъ-то неловко, будто бы бѣду какую-то сдѣлалъ. Шутка ли, въ самомъ дѣлѣ, быть у проклятыхъ въ вертепѣ,—вѣдь это тоже, что быть и у самихъ чертей! замѣтилъ расказчикъ. — Однако парень смолчалъ, никому, значитъ, не сказалъ, ни роднымъ, ни знакомымъ, что былъ въ гостяхъ у проклятыхъ; только самъ себѣ зарокъ далъ, не знаться больше съ сарайщикомъ. Шутъ его знаетъ, что онъ за человекъ! Може самый истовый шйшига иль-бо самый коренной проклятой, уловляющій людей въ свое обчество!

Прошло сколько-то времени, спокойно,—говорилъ старикъ далѣе.—Разъ трафилось парню быть въ *Мясникъ Рядяхъ*. Идетъ онъ по рядамъ и видитъ : ходитъ по рядамъ; съ мѣшкомъ за плечами, женщина и въ глазахъ мясниковъ подбираетъ съ прилавковъ куски говядины. Мясники ни слова, будто и не видятъ. Что за оказія!—думаетъ парень.—Сталъ вглядываться въ жен-

щину. — Ба! да это *тетка* Матрена, то-ись, та самая проклятая, что принимала ихъ съ сарайщикомъ въ вертепѣ и угощала! — Парень не успѣлъ еще хорошенько образумиться, какъ проклятая подошла къ нему, и говорить :

— Здравствуй, сударикъ! Что не зайдешь къ намъ? Приходи! Наши нынче всѣ въ сборѣ.

— Хорошо! говорить парень.—Какъ нибудь на дняхъ зайду.

— Пожалуйста, заходи! говорить проклятая.—Худности никакой не увидишь, окромѣ удовольствія. У насъ преотмѣнное веселье.

— Безпремѣнно! говорить парень, а самъ думаетъ: «Откачнись только, проклятая. Сейчасъ къ попу побѣгу.»

И въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ раскащикъ, прямо изъ Мясныхъ Рядовъ парень побѣжалъ къ священнику и рассказалъ ему все, что ѣ какъ было.—Священникъ почиталъ надъ нимъ нѣкія молитвы, а одну, воскресную, написалъ на бумажкѣ и привязалъ парню на крестъ; да въ запасъ далъ ему другой натѣльный крестъ на длинномъ и толстомъ гайтанѣ,—и наказалъ парню, чтобы онъ поступилъ такъ: какъ-де, представится ему проклятая, такъ бы онъ и накинулъ на нее этотъ крестъ.—Хорошо. Черезъ нѣкоторое время парень въ самомъ дѣлѣ опять повстрѣчался съ проклятой. Та было къ парню, хотѣла, видно, что-то сказать, а онъ не допустилъ ее до себя, поторопился, чтобы, знаешь, избавиться поскорѣе отъ нея, и вынулъ изъ-за пазухи запасный крестъ: въ одинъ мигъ проклятая исчезла! — Съ той поры *тетка* Матрена никогда ужъ парню не предствавлялась. И лучше, прибавилъ раскащикъ : пожалуй, грѣхъ бы какой случился.

— Насчетъ проклятыхъ, не хочу лгать,—сказалъ старикъ, немного погодя ; самъ я не видалъ такихъ молодцовъ, и не дай Богъ видѣть.—А вотъ насчетъ шутовокъ, прибавилъ онъ, смѣю завѣрить, самъ, своими, значить, глазами, видѣлъ одну шутовку, и вотъ по какому побыту. Слушай-ка!

И старикъ началъ :

Одно время родитель мой служилъ на передовыхъ постахъ за Янкою, и стоялъ на *Лысыхъ Горахъ*, то-ись, на Лысогорскомъ шкетѣ; а мы съ родительницей жили въ Дарьинскихъ хуторахъ,—варочно переѣхали туда, чтобы къ родителю быть поближе. Разъ, лѣтней порой, когда стала поспѣвать ежевика, родитель-

ница поѣхала къ родителю на пикетъ, чтобы первенькихъ ягодокъ собирать, и меня взяла съ собой. Я былъ тогда по восьмому году, и все хорошо помню. — Однажды, въ самые глухіе полдни, пошли мы съ родительницей за ежевикой. Я бѣжалъ впереди, а родительница шла позади. Подбѣжалъ я къ спуску, хотѣлъ, значитъ, спуститься внизъ къ Яику, и увидалъ: подъ горой, на песочкѣ, у самой воды, подъ кустомъ таловъ, сидитъ жепщина нагишкой, — сидитъ и расчесываетъ гребнемъ и крутитъ руками на головѣ мокрые волосы, — а волосы, какъ теперь смотрю, длинные-предлинные, до самой до земли, и такъ, сквозь таловъ, на солнцѣ переливаются голубью и зѣленью, словно голова у кряковаго селезня, — а тѣло у женщины такое бѣлое-пребѣлое, что твой снѣгъ первенькой. — Я испугался и бросился къ родительницѣ. Та взяла меня за руку и спрашиваетъ, что со мной. А я дрожу и только рукой показываю подъ гору. Родительница подошла къ тому мѣсту, откуда я бѣжалъ, взглянула внизъ и увидала тоже самос. А женщина сидитъ къ намъ спиной, насъ не видитъ, и убираетъ свои волосы, плететъ въ косы, — Постояли мы съ родительницей сколько-то времени и вернулись на пикетъ, и сказали родителю. Родитель сказалъ казакамъ, и всѣ они пошли къ тому мѣсту. Мы съ родительницей пошли съ ними же. Подошли къ спуску, взглянули внизъ, а женщины нѣтъ. Только слышно было, когда мы подходили къ спуску, такъ что-то бултыхнулось въ воду, и видно было, какъ круги на водѣ расходились: значитъ, кто нибудь нырнулъ въ воду. Казаки спустились подъ гору, и нашли на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сидѣла женщина, большой-пребольшой роговой гребень и черный, словно уголь. Казаки обшарили всѣ кусты по близности, но никого не нашли. Потомъ сѣли въ бударку и переѣхали на Самарскую Сторону, — и тамъ всѣ кусты обыскали, но и тамъ никого не нашли. Вернулись къ тому мѣсту, гдѣ гребень лежалъ, а гребня нѣтъ, исчезъ, — а къ гребню никто изъ казаковъ и не дотрогивался: всѣ боялись. — Выходить, это была праздношатающаяся шутовка! заключилъ старикъ.

Можетъ статься, ты слову моему не повѣришь, — оговорился старикъ, — по той причинѣ, что кромѣ меня никого нѣтъ въ живѣ, кто видѣлъ эту шутовку. Но коли доведется тебѣ быть въ Илецкомъ городкѣ, — продолжалъ раскащикъ, — то спроси тамъ кого хочешь, хоша, къ примѣру, чиновника Солдатовъ, — и онъ тебѣ скажетъ, что въ недавнихъ годахъ, близъ Илецка, *въ Старомъ*

Яикъ, водилась шутовка, и ее почитай всѣ обыватели видали, кому случалось бывать въ лугахъ. Черезъ Старый Яикъ, изволишь ли знать, былъ прежде мостъ, а теперь моста нѣтъ, теперь плотина, по той причинѣ, что Старый Яикъ пересохъ. Когда былъ мостъ, на немъ, всякій почестъ Божій день, въ лѣтнюю пору, въ самые глухіе полдни видали шутовку, и все-то, сударь мой, за однимъ занятіемъ: сидитъ, бывало, она на мосту, свѣся ноги, и чешетъ гребнемъ волосы, и распѣваетъ заунывныя пѣсни, — пѣсенница, знать, была; — но какъ завидитъ, бывало, людей, такъ засмѣется и бултыхнетъ въ воду. — Высохла вода, и шутовка пропала: переселилась, значитъ, въ другое мѣсто.

ЮСАФЪ ЖЕЛЪЗНОВЪ.

* * *

Надъ кроватью моею тѣнь грозная
 Во всю ночь не отходить — стоять;
 Ты въ дорогѣ, мой другъ; ночь морозная
 Твое нѣжное тѣло знобить.

Мнѣ мерещатся — щечки холодныя
 И испугъ въ поблѣднѣвшихъ чертахъ:
 Стали кони, измучась, голодные —
 Тутъ сугробъ, тамъ глубокий оврагъ.

Страхъ мечтой овладѣлъ суевѣрною,
 И ты видишь вдали предъ собой —
 Черезъ снѣжную степь непомѣрную
 Придорожникъ шатаетъ ночной....

Проклиная свою гордость вѣчную,
 Я рыдаю, безумно скорбя,
 Что любовью моею безконечною
 Защитить я не въ силахъ тебя.

Е. ЗАРНИНЪ.

О НѢКОТОРЫХЪ СРЕДНЕВѢКОВЫХЪ ОБВИНЕНІЯХЪ ПРОТИВЪ ЕвРЕЕВЪ.

III.

Въ предъидущей главѣ мы видѣли, что основные принципы, духъ и направленіе религій и законодательство евреевъ рѣшительно говорятъ противъ разбираемаго нами обвиненія; даѣе, что въ обширной еврейской литературѣ не только не находится какого либо подтвержденія ему, но, напротивъ, она представляетъ многія доказательства противъ него. Мы видѣли также, что обвиненіе это само по себѣ такъ нелѣпо и бессмысленно, что всякій свободный отъ предрасудковъ человекъ долженъ считать его ни чѣмъ другимъ, какъ порожденіемъ средневѣковаго легковѣрія, фанатизма, невѣжества или злости.

Разсмотримъ теперь этотъ вопросъ съ исторической точки зрѣнія. Это тѣмъ болѣе необходимо, что есть много людей, которые, относясь легко къ этому вопросу, касающемуся судьбы и чести цѣлой націи, даютъ, однакожь, вѣру этой нелѣпости, говоря, что это обвиненіе подтверждается будтобы *фактами*.

Мы хотимъ поэтому доказать здѣсь, что это обвиненіе вовсе не было извѣстно въ первые *одиннадцать* вѣковъ христіанства; что оно возникло только во время полнѣйшаго умственнаго мрака и лютѣйшаго фанатизма; и что, наконецъ, даже по мнѣнію многихъ *христіанскихъ* ученыхъ, — бывшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъявленными врагами евреевъ, — *нѣтъ ни одного истори-*

чески — достоверною факта, который бы могъ подтвердить разбираемое нами обвиненіе.

Въ теченіе первыхъ вѣковъ христіанства, когда кровь мучениковъ христовыхъ лилась рѣками, евреи имѣли полную возможность убивать христіанскихъ дѣтей и пить ихъ кровь, еслибъ они дѣйствительно имѣли надобность въ ней. Римскіе палачи, истреблявшіе тогда христіанъ тысячами, навѣрно не стали бы пенять на евреевъ, еслибъ эти послѣдніе умертвили когда какое нибудь христіанское дитя; однакожь *ни одинъ* изъ христіанскихъ писателей первыхъ вѣковъ церкви, которые такъ часто и такъ много полемизировали противъ евреевъ и еврейства, — *ни одинъ* изъ нихъ не знаетъ ничего о подобныхъ поступкахъ со стороны евреевъ. Даже Св. Иеронимъ, имѣвшій частныя сношенія съ евреями, у которыхъ онъ изучалъ еврейскій языкъ и который долго жилъ въ Палестинѣ среди еврейскихъ общинъ и зналъ очень хорошо обряды и вѣрученія евреевъ, — даже этотъ святой, который вообще такъ сильно и такъ энергически писалъ противъ нихъ, — и онъ ничего не знаетъ о подобныхъ дѣйствіяхъ евреевъ относительно христіанъ. Еще болѣе, даже Св. Епифаній, который самъ былъ крещенный еврей, и, слѣдовательно, хорошо зналъ обряды своихъ прежнихъ единовѣрцевъ, противъ которыхъ онъ такъ много полемизируетъ въ своемъ сочиненіи противъ еретиковъ, — и онъ ничего не знаетъ о томъ, что евреи будто бы имѣютъ надобность въ христіанской крови.

Ни язычники, ни христіане того времени не взводили подобнаго преступленія на евреевъ; то были другіе люди, которыхъ понапрасну, конечно, обвиняли же тогда въ ужасныхъ преступленіяхъ, и между прочимъ и въ этомъ, т. е. *въ умерщвленіи дѣтей съ религіозною цѣлью и въ употребленіи ихъ крови при религіозныхъ собраніяхъ*: этими обвиняемыми были — кто бы могъ подумать? — *христіане!!!*... Это невѣроятно, но все такъ истинно. Кто не знаетъ добродѣтели, благочестія, чистоты нравовъ первыхъ христіанъ? Даже Луціанъ, этотъ Вольтеръ древняго міра, осыпавшій христіанъ насмѣшками, не могъ не признать чистоты ихъ нравовъ; не смотря, однакожь, на это, благочестивые христіане въ теченіе многихъ вѣковъ были обвиняемы въ томъ, что у нихъ существуетъ коммунизмъ женщинъ, что они преданы кровосмѣшенію, что они наконецъ въ своихъ ночныхъ собраніяхъ при раздачѣ Св. даровъ не только совершаютъ самыя отвратительныя преступленія, какъ блудъ и многія други

возмутительныя безчинства, но что они *при этомъ умерщвляютъ маленькихъ дѣтей, приносятъ ихъ въ жертву своему Богу, кровь ихъ выливаютъ, а мясо ихъ съѣдаютъ.*¹⁶² И пзъ-за этого отвратительнаго обвиненія тысячи богобоязненныхъ христіанъ, подобно евреямъ въ средніе вѣка, кончали свою благочестивую жизнь подъ руками палачей! И здѣсь также, какъ при подобныхъ процессахъ противъ евреевъ въ средневѣковое время, находились изверги, которые имѣли довольно дерзости, чтобы утверждать, что они сами были очевидцами совершенія этихъ безчинствъ!

— Если долго и много занимаешься всемірною исторіею, то иногда невольно приходитъ мысль, что исторія человечества есть отчасти исторія обитателей сумасшедшаго дома, отчасти же исторія разбойничьей шайки. — Языческіе писатели этого времени, которые вообще мало знали христіанъ и рѣдко писали о нихъ, ничего не знаютъ объ этихъ обвиненіяхъ; напротивъ, у отцевъ и писателей Церкви 2 — 5 вѣковъ находятъ частыя и эпергическія защищенія христіанъ отъ этихъ обвиненій, откуда мы можемъ заключить какъ часто и какъ долго эти обвиненія взводились на послѣдователей Божественной вѣры Христовой.

Уже Св. Іустинъ мученикъ, казненный въ 165 г. послѣ Р. Х., открываетъ собою рядъ защитниковъ христіанъ отъ этихъ возмутительныхъ обвиненій,¹⁶³ за нимъ слѣдуютъ: Аеннагоръ,¹⁶⁴ писавшій около 177 г. и его современникъ Таціанъ;¹⁶⁵ да-же Тертуллианъ¹⁶⁶ въ концѣ 2-го вѣка, Оригенъ,¹⁶⁷ Минуцій Феликсъ¹⁶⁸ въ началѣ 3-го вѣка, Арнобій¹⁶⁹ въ концѣ этого же столѣтія, Евсевій¹⁷⁰ въ первой половинѣ 4-го вѣка, Сальвианъ¹⁷¹ въ 5-мъ вѣкѣ и мн. др.

Никакой извергъ, никакой даже самый злѣйшій врагъ христіанства не станетъ нынѣ утверждать, что эти обвиненія противъ христіанъ имѣли въ своемъ основаніи что нибудь истин-

¹⁶² Доказательства будутъ ниже.

¹⁶³ Apolog. I. 25. II. 12, 14. и въ Dialog. cum Tryphon p. 175.

¹⁶⁴ Legatio pro Christianis C. 24.

¹⁶⁵ Contra graecos.

¹⁶⁶ Apolog. c. 7-9

¹⁶⁷ Contra Celsum VI, p. 302.

¹⁶⁸ Octav. 9. 10. 30. 31.

¹⁶⁹ Advers. gentes VIII. p. 228, ed. de la Barre.

¹⁷⁰ Histor. Eccles. I. 5. IV. 7 и д.

¹⁷¹ De gubernatione Dei VI.

ное; и, не смотря на то, они въ теченіе почти 4-хъ вѣковъ взводились на христіанъ въ различныхъ странахъ обширной Римской имперіи; и, не смотря на то, находились люди, которые утверждали, что они сами были свидѣтелями этихъ отвратительныхъ сценъ; и, не смотря на то, тысячи благочестивыхъ христіанъ окончили въ ужаснѣйшихъ мукахъ свою жизнь изъ-за этихъ гнусныхъ обвиненій!...

Въ изумленіи останавливаешься передъ такимъ явленіемъ и невольно задаешь себѣ вопросъ: какъ могли приписывать такіа гнусныя преступленія благочестивымъ христіанамъ? Историки и теологи много и напрасно трудились надъ разъясненіемъ этого историческаго явленія; но мы думаемъ, что мы разъяснили эту загадку при самомъ началѣ нашего изслѣдованія. И въ самомъ дѣлѣ, подобныя же обвиненія поднятыя въ средніе вѣка какъ противъ евреевъ, такъ и противъ еретиковъ, даютъ намъ ключъ къ разрѣшенію этой загадки.

Христіане составляли въ первые вѣка церкви *меньшинство*, которое, своими религіозными воззрѣніями и своею религіозною практикою, рѣшительно отличалось отъ языческаго *большинства*. Какъ нѣкогда римляне, впервые подъ начальствомъ Помпея проникшіе въ Іерусалимскій храмъ, удивлялись мнимому *безбожію* евреевъ, потому что въ ихъ храмѣ, посвященномъ *невидимому* Богу, не нашли никакихъ изображеній, — такъ точно удивлялись они и мнимому безбожію христіанъ. Какъ! восклицали язычники, христіане презираютъ боговъ, не приносятъ имъ жертвъ, не имѣютъ ни храмовъ ни алтарей подобныхъ нашимъ, — не имѣютъ даже *изображеній* боговъ! — Язычество было вообще вѣротерпимо, но не настолько, чтобы терпѣть людей, которые презирали все то, что для него было свято, и которые считали святымъ то, что ему казалось нечестивымъ. Этого уже было достаточно для язычниковъ, чтобы предполагать у христіанъ, которые по ихъ мнѣнію были преданы такому *безбожному* ученію, всевозможные пороки и преступленія. ¹⁷²

¹⁷² И евреи были также оклеветаны язычниками, какъ мы уже выше замѣтили; но они были болѣе терпимы, и религія ихъ считалась менѣе предсудительною, потому что римляне признавали ихъ *націю*, которая *слѣдуетъ върованіямъ своихъ отцовъ*, — что въ глазахъ римлянъ само по себѣ считалось достойнымъ уваженія; напротивъ, на христіанъ они смотрѣли какъ на *сектаторовъ, отпавшихъ отъ веры своихъ отцовъ* (Срав. Gibbon History the decline etc. С. 16. § 5.) Изъ писемъ Императора Юліана Апостата и апологіи Минуція Феликса такъ же видно, какое различіе язычники дѣлали между евреями и христіанами.

Когда же христіанство сдѣлалось господствующею религіею, то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ христіане поступали противъ еретиковъ и евреевъ, изъ подобныхъ же побужденій, такимъ же образомъ, какъ нѣкогда язычники поступали противъ нихъ самихъ. Такъ христіане обвиняли послѣдователей нѣкоторыхъ монтеанистическихъ сектъ въ томъ, что будто они ежегодно къ Пасхѣ покрываютъ наколами тѣло убитатаго дитяти, смѣшиваютъ истекающую изъ него кровь съ мукою, и приготавливаютъ такимъ образомъ изъ нея евхаристію. Но что это обвиненіе ложно,—не говоря уже о разныхъ другихъ доказательствахъ,—видно изъ того, что христіанскій же учитель и писатель Тертуліанъ *самъ сдѣлался монтеанистомъ*.

Въ средніе вѣка это же самое обвиненіе, почти въ буквальной копіи, было взводимо на евреевъ. И о нихъ говорили, что они умерщвляютъ ежегодно къ Пасхѣ дитя, покрываютъ трупъ его наколами, смѣшиваютъ вытекающую изъ ранъ кровь съ мукою, и приготавливаютъ изъ нея (нельзя же было говорить, *евхаристію*, потому что евреи не имѣютъ ея маццотъ), т. е. опрѣсноки, которые евреи ѣдятъ во всю недѣлю своей Пасхи. Мотивы здѣсь почти тѣже, которые побуждали язычниковъ къ обвиненію христіанъ. Мы сказали выше, что въ средніе вѣка приверженецъ всякой религіозной партіи, отвергавшей хотя малѣйшій пунктъ изъ ученія католицизма или иначе пониравшій его, чѣмъ масса католиковъ,—считался какимъ-то нравственнымъ чудовищемъ.

Если же католики имѣли такое мнѣніе о послѣдователяхъ нинимео-еретическихъ христіанскихъ сектъ, которые, все таки, вѣровали въ Христа и въ большую часть догматовъ христіанства, то понятно, какъ должны были они думать о евреяхъ, которые не вѣруютъ въ Христа, Сына Божія, и которыхъ предки даже распяли Спасителя міра.

Къ этому нужно присовокупить еще то обстоятельство, что большая часть тогдашняго духовенства, дѣйствуя въ духѣ того времени, старалась возбуждать въ народѣ ненависть къ евреямъ и что евреи, не имѣя возможности заниматься ремеслами и даже торговлею, занимались одолженіемъ денегъ и такимъ образомъ дѣлались займодавцами и даже ростовщиками христіанъ. Должникъ вообще рѣдко бываетъ расположенъ къ своему займодавцу; а если этотъ послѣдній при томъ еще *незвѣрный* и даже петомокъ людей, которые распяли Христа,—то сколько здѣсь

поводовъ, чтобы приписать ему всевозможныя преступленія! Прежде, чѣмъ приступимъ къ историческому изслѣдованію происхожденія обвиненія евреевъ въ употребленіи крови христіанъ, позволяемъ себѣ привести здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ защитительныхъ сочиненій отцовъ церкви противъ упомянутыхъ выше обвиненій на христіанъ, именно потому, что эти защищенія христіанъ суть вмѣстѣ съ тѣмъ и апологія для евреевъ. Приведемъ сперва нѣкоторыя мѣста изъ сочиненія Минуція Феликса, за тѣмъ—изъ Аѳинатора и Тертуліана.

Минуцій Феликсъ ¹⁷³ въ своей апологіи христіанству замѣчаетъ слѣдующее: «Я хотѣлъ бы говорить съ тѣми, которые утверждаютъ или вѣрятъ, будто убіеніе дитяти есть церемонія введенія въ наши таинства. Кто можетъ имѣть смѣлость пролить кровь невиннаго, только что родившагося, младенца?»—«Тѣ не очень еще далеки, говорить онъ далѣе, отъ такого преступленія, которые ѣдятъ привыводѣ изъ амфитеатра дикихъ звѣрей, еще окровавленныхъ и засаленныхъ трупами людей, которыхъ они только что растерзали; намъ же не дозволено ни видѣть подобныхъ убійствъ, ни даже слушать объ нихъ, и кровь возбуждаетъ въ насъ столько ужаса, что мы не ѣдимъ даже крови животныхъ.» ¹⁷⁴

«Мы поставляемъ обязанностію, писалъ въ своей апологіи знаменитый Аѳинагоръ, ¹⁷⁵ не только быть справедливыми, но и терпѣливыми и добрыми даже къ врагамъ. ¹⁷⁶ Кто же, послѣ этого, хотя немного благомыслящій, при такой нашей жизни, можетъ обвинять насъ въ убіеніи людей? А если мы не чело-вѣкоубійцы, то можно ли обвинять насъ въ людоедствѣ? Ибо пельзя ѣсть плоть человѣческую, пе убивши напередъ чело-вѣка. Пусть спросятъ враговъ нашихъ, которые вносятъ на насъ такую клевету: видали ли они когда, чтобы мы убили кого нибудь? Я увѣренъ, не найдется между ними ни одного, который бы былъ столько безстыденъ, что отважился бы сказать:

¹⁷³ гл. 30.

¹⁷⁴ Объ этомъ послѣднемъ срав. примѣчанія къ этому мѣсту Блѣмгорста, гдѣ доказывается, что христіане первыхъ вѣковъ, подобно нынѣшнимъ евреямъ, воздерживались отъ употребленія крови въ пищу.

¹⁷⁵ Legatio pro christianis, глав. 27.

¹⁷⁶ Мозанзмъ и раввинизмъ подтверждаютъ это предписаніе столь же чисто и столь же строго, какъ и христіанство.

я видѣлъ. ¹⁷⁷ Мы имѣемъ рабовъ, — одни больше, другіе меньше, — ¹⁷⁸ отъ коихъ намъ невозможно бы укрыться, и однакожь ни одинъ изъ нихъ даже не выдумывалъ на насъ такихъ нелѣпостей. Кто изъ подобныхъ вамъ не желаетъ видѣть боя гладіаторовъ или травли звѣрей, особенно если вы сами даете эти зрѣлища? А мы будучи увѣрены, что смотрѣть, изъ удовольствія, на убійство—значить почти тоже самое, какъ и санимъ участвовать въ ономъ, удаляемся отъ подобныхъ зрѣлищъ. ¹⁷⁹ Какъ же мы согласимся на убійство, когда не позволяемъ себѣ даже смотрѣть на оное, чтобы какъ нибудь не сдѣлаться участниками въ злодѣяніи? Какъ можемъ мы убить человѣка, когда мы считаемъ дѣтоубійцами тѣхъ женщинъ, которыя истребляютъ въ себѣ зачатый плодъ, когда мы увѣрены въ томъ, что онъ нѣкогда дадутъ въ этомъ отчетъ Богу? ¹⁸⁰ Человѣкъ, который считаетъ младенца еще находящагося во чревѣ матери живымъ существомъ, о которомъ Богъ промышляетъ,—человѣкъ, который почитаетъ дѣтоубійствомъ истребленіе образующагося во чревѣ плота, такой человѣкъ рѣшительно не способенъ умертвить человѣка, когда онъ будетъ уже воспитанъ и возвращенъ. И кто, вѣря воскресенію мертвыхъ, согласится сдѣлать себя живымъ гробомъ тѣла, имѣющаго воскреснуть? ¹⁸¹ Совершенно невозможно, чтобы мы, вѣря воскресенію тѣлъ человѣческихъ, отважились ѣсть оныя, какъ будто онѣ не воскреснутъ; невозможно, чтобы мы рѣшились на подобное преступленіе, будучи убѣждены, что земля отдастъ нѣкогда мертвецовъ своихъ, что, слѣдовательно, и отъ насъ Богъ потребуетъ тѣхъ мертвецовъ, которыхъ мы похоронимъ въ своемъ чревѣ.... Люди, которые увѣрены, что ничто не избѣжитъ Суда

¹⁷⁷ Это впрочемъ часто случалось. Также и относительно евреевъ 12 столѣтія никто не рѣшался обвинять ихъ въ дѣтоубійствѣ, а тѣ, которые послѣ выступали противъ нихъ съ такими обвиненіями, большею частью оказывались подлыми клеветниками, какъ мы это ниже увидимъ.

¹⁷⁸ Также и евреи до 9 вѣка имѣли ялыческихъ и христіанскихъ рабовъ. см. далѣе.

¹⁷⁹ Равнины также строго запрещаютъ смотрѣть на борьбу гладіаторовъ, бож и травли звѣрей! и запрещеніе это многократно повторяется въ Талмудѣ и у древнѣйшихъ раввиновъ.

¹⁸⁰ И это строжайше запрещено евреямъ, которымъ не велѣно такъ же прикасаться къ умирающему, изъ опасенія сократить хотя на минуту жизнь его.

¹⁸¹ И у евреевъ вѣра въ воскресеніе мертвыхъ принадлежитъ къ основаннымъ догматамъ религіи; а выше мы видѣли, что они допускаютъ воскресеніе и иновѣрцевъ.

Божія , что тѣло будетъ наказано вмѣстѣ съ душою ¹⁸² за то, что служило орудіемъ ея пороковъ и страстей,—такіе люди не позволяютъ себѣ совершить такого дѣла.»

Но еще болѣе замѣчательна въ этомъ отношеніи апологія знаменитаго Тертуліана. ¹⁸³ «Говорятъ, пишетъ онъ, что мы во время нашихъ таинствъ умерщвляемъ дитя и съѣдаемъ его, и что послѣ столь ужаснаго пиршества, предаемъя кровосмесительнымъ удовольствіямъ, между тѣмъ какъ собаки, участники этихъ злодѣній, опрокидываютъ подсвѣчники, и гася свѣчи, освобождаютъ насъ отъ всякаго стыда. Говорятъ все одно и то же; но съ тѣхъ поръ, какъ говорятъ, вы еще ни разу не вздумали изслѣдовать нашихъ преступленій. Если вы вѣрите имъ, то изслѣдуйте же ихъ; а если не хотите изслѣдовать, то и не вѣрите. Ваше небреженіе въ этомъ случаѣ ясно доказываетъ, что въ этомъ, чего вы не смѣете обличить, нѣтъ никакой правды...» «Остается только, говоритъ онъ далѣе, молва, которая можетъ обвинить насъ; но свойства молвы извѣстны всѣмъ. Вашъ поэтъ называетъ ее *быстрымъ изъ всѣхъ золъ*. Почему называетъ онъ ее *зломъ*, если не потому, что она почти всегда ложна? Она такова даже и тогда, когда она возвѣщаетъ истину, потому что она всегда извращаетъ ее. Что я говорю?—Молва живетъ только ложью; она существуетъ только пока ничего не доказываетъ: лишь только она доказала, она перестаетъ существовать....

«Кто же можетъ вѣрить молвѣ?

«Ужъ навѣрно не мудрецъ, который никогда не вѣритъ въ то, что недостоверно.

«Какъ бы быстра и блистательна она ни была, какъ бы основательна она ни казалась, достоверно то, что ее производитъ только одинъ человекъ и что отсюда она переходитъ уже черезъ уста и уши толпы. Но темнота и преступность ея происхожденія при которомъ не было свидѣтелей, такъ покрыты окружающимъ ее блескомъ, что никому не приходитъ на умъ поразмыслить, что источникъ ея могъ быть оскверненъ ложью,—а это случается частію изъ зависти, частію изъ дерзкихъ подозрѣній, частію же изъ естественной склонности многихъ людей ко лжи. Къ счастью, нѣтъ ничего такого, чего не открылось бы: эта истина вошла у насъ въ половицу.

¹⁸² Вѣрен, конечно за исключеніемъ ихъ мыслителей, также вѣратъ въ наказаніе плоти за грѣбомъ.

¹⁸³ Apologia 7—9.

«Это не безъ причины, что съ такого давняго времени одна только молва знаетъ о нашихъ преступленіяхъ. Вотъ единственная обвинительница, которую вы можете поставить противъ насъ и которая понынѣ не могла доказать ничего такого, о чемъ она оповѣщаетъ съ такою увѣренностью!»

«Призываю человѣческую природу противъ тѣхъ, которые считаютъ вѣроятными подобныя слухи....» «Попробуйте вонзить мечъ въ сердце дитяти, которое никому не могло сдѣлать зла, котораго нельзя обвинить ни въ какомъ преступленіи, которое вы считаете собственнымъ вашимъ дѣтищемъ. Но допустимъ, что это варварское дѣло поручается совершить не вамъ, а другому и не надъ вашимъ, а надъ чужимъ младенцемъ, то придите посмотрѣть на смерть подобнаго вамъ человѣка, лишающагося жизни прежде, нежели онъ вкусилъ еѣ. Постарайтесь замѣтить то мгновеніе, когда отлетаетъ оживляющая его душа. Почерпните крови, когда она начнетъ изъ него изливаться, обмочите въ ней хлѣбъ свой, насытитесь ею.... Предположимъ въ васъ убѣжденіе, что будучи такимъ образомъ посвящены въ таинства, вы навѣрное получите безсмертіе. Скажите, пожалуйста, согласитесь ли вы купить его этою цѣною? Безъ сомнѣнія нѣтъ. Вы и не повѣрили бы, чтобы можно было купить его такою цѣною; а когда бы и повѣрили, то вѣрно бы не захотѣли того; а если бы и захотѣли, то не могли бы на то рѣшиться. Какимъ же образомъ другіе могутъ исполнять то, чего вы не можете? Неужели у насъ другая природа, чѣмъ у васъ? Неужели вы почитаете насъ за чудовищъ? Неужели природа такъ ужъ и создала насъ существами, способными совершать кровосмѣшенія и питаться человѣческимъ мясомъ? Если вы думаете, что человѣкъ въ состояніи производить подобныя мерзости, то вы можете и сами ихъ производить: вы такіе же люди, какъ и христіане. Если же вы не можете ихъ производить, то не должны имъ и вѣрить: христіане такіе же люди, какъ и вы.»

Вотъ какъ первые учителя и писатели церковные, должны были защищать христіанъ въ теченіе многихъ вѣковъ отъ глухихъ обвиненій, возведенныхъ на нихъ язычниками; мы, христіане, не можемъ постигать теперь, какъ могли зародиться такіа обвиненія, требовавшія такихъ энергическихъ апологій. Но кто изъ нашихъ читателей не усмотритъ, что эти апологіи прямо идутъ и къ евреямъ, которые также прискорбно недоу-

нѣвають, какимъ образомъ могли зарождаться эти странныя обвиненія на нихъ, стоившія имъ столькихъ жертвъ.

Послѣ того, какъ христіанство при Константинѣ и его сн-новьяхъ восторжествовало надъ язычествомъ, нашлось при императорѣ Θεодосіи нѣсколько христіанъ, которые стали обвинять евреевъ въ томъ, что они въ праздникъ Аамана (Purim) ругались надъ крестомъ. Это обвиненіе было основано на недоразумѣніи: евреи имѣли обыкновеніе иногда въ этотъ праздникъ (который, какъ замѣчено выше, былъ установленъ около 500 лѣтъ до Р. X. и совершается евреями до настоящаго времени за 30 дней до Пасхи ¹⁸⁴, представлять казненнаго врага евреевъ, Амана, въ видѣ куклы, которую они сначала пригвоздили къ кресту, а впослѣдствіи вѣшали на висѣлицѣ; христіане думали, что эта кукла изображала собою распятіе Спасителя и приходили изъ-за этого въ ярость. ¹⁸⁵ Позднѣйшіе еврейскіе писатели среднихъ вѣковъ упоминаютъ объ этомъ еврейскомъ обычаѣ и старались уничтожить его, чтобы не подавать повода къ недоразумѣнію христіанъ. Гельмольдъ, просвѣтитель западныхъ славянъ, жившій въ XII вѣкѣ, упоминаетъ также лишь о *восковой куклѣ*, которую евреи въ этотъ праздникъ распинали. ¹⁸⁶ Извѣстный арабскій писатель Макризій, жившій въ XV вѣкѣ въ Египтѣ, тоже говоритъ объ этомъ обычаѣ, сохранявшемся еще въ его время у тамошнихъ евреевъ. ¹⁸⁷ Но мы сейчасъ увидимъ, что этотъ невинный обрядъ имѣлъ весьма пагубныя послѣдствія для евреевъ, потому что разнесся слухъ, что евреи исполняютъ этотъ обрядъ не надъ куклой, а надъ младенцемъ-христіаниномъ, и рассказывали, что евреи въ Имместарѣ близъ Антиохіи, въ Сиріи, въ 415 году распяли христіанскаго младенца, въ знакъ поруганія надъ Спасителемъ. ¹⁸⁸ Въ средніе вѣка дошли наконецъ

¹⁸⁴ Т. е. въ 14 день еврейскаго мѣсяца Адара (Adara), или марта; день, назначенный, въ слѣдствіе обвиненій Амана, на истребленіе евреевъ, какъ подробно рассказано въ книгѣ Эсфирь.

¹⁸⁵ Запрещенія этого обряда находятся въ Cod. Theodosian. I. XVI. t. 8 § 18 и 21. и Codex Just. L. I. t. 8.

¹⁸⁶ Quovis anno ad contumeliam Salvatoris imaginem ceream crucifigant, (Judaei), у Лейбница, Reg. Brunsvicens.

¹⁸⁷ См. Сильвестръ de Caen Chrosom. arabe r. II стр. 165 изд. первое, гдѣ переводъ этого мѣста гласитъ:

Il y en a parmi eux (евреями) en ce jour (Purim), une figure du vizir Haimoun, qu'ils nomment Haman; et après avoir jouer avec cette figure, ils la jettent dans le feu et la brûlant.

¹⁸⁸ Socrat. hist. eccles. VII. 10. Впрочемъ самъ Сократъ говоритъ,

до того, что стали говорить, будто евреи ежегодно похищаютъ младенца и пригвождаютъ его къ кресту, чтобы тѣмъ изобразить распятіе Христова.

Въ царствованіе императора Юліана Апостата, который хотѣлъ возстановить принедевшее въ упадокъ язычество и уничтожить животворное, юное зданіе христіанства, многіе изъ отцовъ церкви возстали съ горькими жалобами на евреевъ, какъ на людей, разрушавшихъ христіанство, церковь, и т. д. Но дознано, что эти жалобы частію были вымышлены, частію преувеличены. Какъ бы впрочемъ ни было, но никто не обвинялъ евреевъ въ томъ, будто они употребляютъ кровь христіанъ. Константинъ даже позволилъ евреямъ держать у себя христіанскихъ рабовъ, запретивъ только обрѣзывать ихъ,¹⁸⁹ и старался особымъ закономъ защищать евреевъ отъ ярости прозелитовъ.¹⁹⁰ Синагоги называютъ еще при императорахъ Валентиціанѣ и Валентѣ «*geliosa loca*»,¹⁹⁰ и въ многочисленныхъ указахъ, издаваемыхъ императорами Аркадіемъ и Гоноріемъ, касательно евреевъ, религіозное общество евреевъ признается законнымъ; синагоги ихъ ограждаются отъ враждебныхъ нападений, отъ оскверненія и т. д. и еврейскіе представители и патриархи признаются равными съ главными христіанскими духовными лицами.¹⁹² Покупка христіанскихъ рабовъ, конечно, уже не дозволяется имъ больше, но они получаютъ однако позволеніе удерживать за собою тѣхъ христіанскихъ рабовъ, которыми они уже владѣли. Изъ всего этого видно, что въ тѣ времена еще не было и признаковъ обвиненія евреевъ въ употребленіи христіанской крови.

Во времена позднѣйшихъ византійскихъ императоровъ смѣшивали обыкновенно евреевъ съ самаритянами и еретиками вса- что евреи, которые будто бы совершили это преступленіе, были нѣжны почти до безчувственности. И что же? не смотря на это, нынѣ хотятъ сдѣлать отвѣтственною всю еврейскую націю за то, что совершено будто бы нѣсколькими пьяными за 1500 лѣтъ тому назадъ. Евреямъ никогда и въ голову не приходитъ обвинять современныхъ христіанъ за тѣ многочисленныя преступленія и убійства, которыя христіане нѣкогда совершали относительно ихъ совершенно въ трезвомъ видѣ.

¹⁸⁹ Cod. Theod. 16, 8, 6. По законамъ Моисеевымъ каждый еврейскій рабъ, въ Палестинѣ, долженъ быть обрѣзанъ.

¹⁹⁰ Cod. Theod. 16, 8, 5.

¹⁹¹ Cod. Justin. 1, 9, 4.

¹⁹² Archisynagogis, patriarchis ac praesbyteria ea, quae venerandae Christianae legis primis clericis sanctimonia deferuntur.

каго рода, и подвергали ихъ преслѣдованію наравнѣ съ послѣдними, но при всемъ томъ нигдѣ не было еще рѣчи о разбираемомъ нами обвиненіи противъ евреевъ.

На западѣ народъ и монархи жили сначала мирно съ евреями. Эти послѣдніе принимали участіе въ радостяхъ и печалахъ христіанскаго населенія; есть даже извѣстіе, что евреи при похоронахъ Галла сопровождали похоронную процессію съ зажженными факелами въ рукахъ.¹⁹³ Но на многихъ соборахъ во Франціи, Итали и Испаніи отъ 4 до 10 вѣка поднимаемы были противъ евреевъ различныя обвиненія, а стремленіе тогдашняго духовенства состояло въ томъ, чтобы поставить евреевъ въ возможно унижительное состояніе и сдѣлать ихъ ненавистными и презрѣнными. Но въ чемъ упрекали однакожь евреевъ на этихъ враждебныхъ имъ соборахъ? въ употребленіи крови христіанъ? — Нѣтъ! Ихъ упрекали въ безвѣріи и мнимомъ упорствѣ (ихъ вѣрную и терпѣливую привязанность къ вѣрѣ своихъ отцевъ, привязанность хвалимую у всѣхъ народовъ, называли упорствомъ); ихъ обвиняли также въ томъ, что они держатъ христіанскихъ рабовъ и что они употребляютъ для непотребныхъ цѣлей *закладываемую имъ христіанскимъ духовенствомъ церковную посуду*.¹⁹⁴

Въ VII столѣтіи послѣдніе готскіе короли въ Испаніи, особенно Сизебутъ, хотѣли принудить всѣхъ испанскихъ евреевъ къ принятію христіанства; евреи поэтому подверглись тогда самымъ жестокимъ гоненіямъ; ихъ всячески клеветали, но никому не приходило въ голову сказать, будто они употребляютъ кровь христіанъ, будто они похищаютъ и мучатъ христіанскихъ младенцевъ и т. п.

Въ теченіе первыхъ 10 вѣковъ болѣе 100 христіанскихъ писателей полемизировали частію специально «*Contra Judaeos*», частію же при случаѣ, въ своихъ сочиненіяхъ. Большая часть этихъ сочиненій написаны въ самомъ озлобленномъ и ненавистномъ духѣ и исполнены самой ѣдкой брани; но не смотря на это, никто изъ этихъ писателей не упоминаетъ о мнимои надобности для евреевъ крови христіанской. Во всей этой библио-

¹⁹² Gregor. Tiron. Vit. patrum p. 1176. Judaei accensis lampadibus plangendo prosequabantur.

¹⁹³ Кто виноватъ здѣсь, евреи или духовенство — предоставляемъ судить читателямъ, которые не должны однакожь забывать, что евреи часто платили своею жизнью за *эту свѣчу* (?) свою.

тебѣ обвиненій, сочиненія ліонскаго епископа Агобарда (около 830 г.) безъ сомнѣнія наиболѣе дышатъ ненавистію и озлобленіемъ и евреи едва ли имѣли когда либо врага болѣе упornaго, нежели какимъ былъ этотъ епископъ, который употребилъ большую часть своей жизни на то, чтобы обвинять и поносить евреевъ и лишить ихъ благосклонности, которой удостоивали ихъ императоръ Людовикъ Благочестивый и жена его Юдиль. Чтобы привести все это въ исполненіе, онъ возмутилъ всю Францію, не одинъ разъ созывалъ французскихъ епископовъ на соборы, чтобы дѣлать враждебныя противъ евреевъ постановленія и писать противъ нихъ къ императору. За свое сопротивленіе императору, защищавшему евреевъ, онъ лишился епископства, и долженъ былъ бѣжать изъ Франціи; послѣ этого, какъ извѣстно, онъ даже соединился со взбунтовавшимися сыновьями императора, возставшими противъ своего отца. Но и этотъ заклятый врагъ евреевъ, обвинялъ ли онъ ихъ въ употребленіи христіанской крови?—*нѣтъ!* Онъ говоритъ только объ ихъ ослѣпленіи, упорствѣ, суевѣріи, называетъ ихъ врагами Христовыми и пр. Единственное положительное обвиненіе его состоитъ въ томъ, что христіане силою закаливали свободныхъ людей, и продавали ихъ евреямъ, которые въ свою очередь продавали ихъ въ Испанію¹⁹⁵. Еслибъ во время Агобарда существовало хотя малѣйшее повѣрье объ употребленіи евреями крови, то этотъ озлобленный врагъ ихъ безъ сомнѣнія не умолчалъ бы о томъ. Ученикъ и преемникъ Агобарда, Амолъ Ліонской, слѣдовавшій относительно евреевъ по стопамъ своего предшественника, повторяетъ слова Агобарда и присовокупляетъ только, что евреи, по словамъ одного крещенаго единовѣрца ихъ, называютъ апостоловъ апостатами.

Ни въ Азіи, гдѣ евреи и христіане жили въ стѣснительномъ положеніи, ни въ Европѣ, гдѣ евреи жили почти повсюду, не встрѣчается нигдѣ до конца XII столѣтія никакого признака подобнаго обвиненія. Не странно ли! Въ теченіе почти 12-ти столѣтій послѣ появленія христіанства, въ теченіе такого долгаго времени христіане не питали ни малѣйшаго подозрѣнія въ томъ, что евреи употребляютъ христіанскую кровь! Во времена языческихъ римскихъ императоровъ кровь христіанскихъ мучениковъ текла потоками. Зачѣмъ же евреи не похищали и не убивали христіанскихъ младенцевъ, не собирали крови ихъ въ

¹⁹⁵ И здѣсь мы спрашиваемъ, кто болѣе виновенъ—еврей, или христіане?

то время, когда кровь эта такъ мало цѣпилась? Отчего наконецъ никто въ теченіе 12-ти столѣтій не находилъ ни одного христіанскаго младенца, изувѣченнаго или распятаго евреями, какъ это, судя по рассказамъ, часто случалось въ послѣдствіи? Если же евреи могли существовать цѣлыхъ 12-ть столѣтій безъ христіанской крови, если они въ теченіе такого долгаго времени могли воцѣплять свои ужасныя тайныя болѣзни (какъ напр., иѣсячныя кровотеченія мужчинъ, зловоніе, свинныя клыки и уши и т. д.) безъ христіанской крови, если женщины ихъ такъ долго могли рождать безъ пособія этой крови, если наконецъ они такъ долго могли ѣсть свои пасхальныя опрѣсноки безъ этой же самой крови, — то нельзя не спросить, отчего-же кровь христіанъ стала для евреевъ необходимою только съ XII-го вѣка? Ужели они только съ этого времени начали вонять, имѣть иѣсячныя кровотеченія и получили свои свинныя клыки и уши, — ужели съ этого только времени произошелъ таинственный процессъ въ еврейскихъ женщинахъ, переворотъ, вслѣдствіе котораго онѣ уже не могли рождать безъ помощи христіанской крови? Кто можетъ рѣшить эту загадку? Кто въ 12 вѣкѣ могъ внушить евреямъ такую жажду христіанской крови? Намъ извѣстны еврейскіе знаменитости XII и XIII столѣтій: ужели внушили евреямъ такую жажду люди, какъ *Рахи* изъ Троя, или составители Тосафата, *Исуда* изъ Регенсбурга, *Амерсбергъ-Иехиель* и имъ подобныя вышеупомянутыя люди тогдашняго времени, люди, говорившіе, какъ сказано нами выше, что не должно смотрѣть на христіанъ, какъ на измѣнниковъ, что не слѣдуетъ ни обманывать, ни оскорблять христіанъ, что надобно даже защищать послѣднихъ противъ обидъ и оскорбленій со стороны какого-нибудь недобросовѣстнаго еврея. Я спрашиваю, неужели-жь эти люди могли завѣщать евреямъ убивать христіанскихъ младенцевъ, и вкушать запрещенную еще Моисеемъ кровь, для тѣлеснаго или душевнаго исцѣленія? Только человекъ — совершенно безбожный могъ выдумать подобную клевету, и лишь совершеннѣйшій невежда можетъ повѣрить ей. Нѣтъ, не эти люди, которые проповѣдывали кротость и любовь противу исповѣдывающихъ другую религію — жаждали христіанской крови, а жаждали ее невѣжественные монахи и фанатическая чернь того времени, которые съ крестомъ — символомъ любви — въ рукахъ, во имя Спасителя — Бога любви — проповѣдывали грабежъ и убійство евре-

св. Эта черта жаждала еврейской крови, очень часто только из-за еврейскихъ денегъ. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве заключается все рѣшеніе этой загадки. Только съ XIII столѣтія, когда духовная власть достигла высшей степени могущества, когда крестовые походы зажгли фанатизмъ, и когда сдѣлалось привычкой умерщвлять евреевъ, ихъ женъ и дѣтей безъ счету и безъ пощады,—съ этихъ только поръ фанатическіе монахи начали и страшнѣйшее обвиненіе противу евреевъ. Униженіе императора Генриха IV въ замкѣ Каноссы, крестовые походы и обвиненіе евреевъ въ употребленіи крови стоятъ, быть можетъ, въ большей между собою связи, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда.

Обвиненіе евреевъ въ употребленіи крови христіанъ и притомъ именно для своихъ пасхальныхъ опрѣсноковъ возникло только въ половинѣ 13 вѣка; но еще лѣтъ за 80 или за 100 до того евреевъ уже обвиняли, будто они крадутъ христіанское дитя и въ страстную пятницу бичуютъ его, и затѣмъ распинають его на крестѣ въ посмѣяніе христіанъ.

При этомъ, какъ увѣряли тогда, они разыгрываютъ родъ комедіи-то тратедіи, гдѣ одинъ еврей представляетъ Пилата, другой Капеу и проч. Древнѣйшія повѣствованія объ этомъ находятся у французскихъ хронистовъ конца 12-го и первой половины 13 столѣтій, и кажется эти сказанія впервые возникли въ царствованіе Филиппа Августа короля французскаго (цар. отъ 1180); ибо у хронистовъ его времени впервые встрѣчается подобныя рассказы. Такъ монахъ Робертъ де Монтъ (Robertus de Monte), жившій въ концѣ 12-го вѣка, рассказываетъ, что евреи въ царствованіе англійскаго короля Стефана (значитъ въ половинѣ 12 вѣка) будто бы пригвоздили къ кресту мальчика, именемъ Вильгельма, въ Англійи около Норвика, *посль чего на мотилъ его совершались мнозиа чудеса*. Тоже самое они будто бы совершили около Глосестра, въ царствованіе Генриха II (цар. 1154-1189), короля англійскаго.¹⁰⁶ Замѣчательно однакожь, что *англійскіе* историки ничего не знаютъ объ этихъ мнимыхъ убійствахъ въ Англійи, ибо они впервые упоминають объ убитомъ будто бы евреями дитяти, въ г. Линкольнѣ, только въ 1255 г., какъ увидимъ ниже. Въ 1171 г. они, по рассказу того же Роберта, сдѣлали тоже самое съ однимъ мальчикомъ въ г. Блоа, котораго они бросили потомъ въ Лоару, зашивъ его въ мѣшокъ.

¹⁰⁶ См. Recueil des hist. des Gaules par Bouquet, t. XVII, p. 6 notae.

Евреи, по приказанію Теобальда, графа Шампанскаго, бѣли мѣ-
тѣмъ сожжены.

Въ Великій четвергъ 1177 г. евреи будто бы сдѣлали тоже самое съ мальчикомъ Вильгельмомъ въ Парижѣ, за что великое множество парижскихъ евреевъ также было сожжено.¹⁹⁷

Другой французскій монахъ, именовъ Гуфредъ Сенобита (Goufred Senobita), писавшій около 1185 г.,¹⁹⁸ такъ же, какъ упомянутый Робертъ, рассказываетъ объ одномъ дитяти, именовъ Ричардѣ, котораго евреи будто бы убили въ Понъ-Изарѣ около 1163 г.¹⁹⁹

Всѣ эти мнимыя убійства, при которыхъ евреи подвергали себя величайшей опасности, совершались будто бы ежегодно, какъ всѣ эти хронисты положительно говорятъ, единственно съ цѣлью осмѣять Христа²⁰⁰. Нельзя не сознаться, что это слишкомъ дорогое удовольствіе, и я не думаю, чтобы человѣкъ съ здравымъ смысломъ могъ повѣрить такой нелѣпой клеветѣ на евреевъ, которые въ это время были слишкомъ удручены и озабочены прискиваніемъ дневнаго пропитанія, чтобы помышлять, еслибъ даже доказано было, что евреи дѣйствительно имѣютъ обычай въ извѣстное время, такъ сказать *ex officio* издѣваться надъ христіанами, какого обычая у нихъ впрочемъ нѣтъ.

Всѣ эти убіятыя будто бы евреями дѣти совершали, какъ повѣствуютъ эти же монахи, чудеса, по которымъ большею частію и стали только подозрѣвать евреевъ.

Въ 1192 году королю Филиппу Августу было доложено, что графиня Брюн-Сюръ-Сенъ (Brun sur Seine) продала евреямъ взрослога христіанина, котораго они, связавъ ему руки на спящій, надѣвъ на него терновый вѣпецъ, *подъ ударами розогъ водили по всему городу*, (или какъ другой хронистъ повѣствуетъ) *по разнымъ мѣстамъ, а потомъ публично привоздили къ кресту*, чтобы тѣмъ издѣваться надъ христіанами. Король немедленно отправился на мѣсто преступленія, попалъ на замокъ, сжегъ болѣе 80 евреевъ, и завладѣлъ ихъ имуществомъ²⁰⁰. Это самое древнѣйшее извѣстіе о мнимыхъ христіанубійствахъ евреевъ. Писатели 13 и 14 вѣковъ сообщаютъ тѣ же самыя сказа-

¹⁹⁷ Recueil XIII p. 315.

¹⁹⁸ См. Recueil t. X. p. 267 note a.

¹⁹⁹ *ibid.* t. XII, p. 214. 438, t. XIII, p. 520 и t. XVII, p. 6.

¹⁹ «Ab. Christi despectum.»

²⁰⁰ Recueil t. XVII p. 36, 71 и 377.

на, исторія они болшею частью буквально заимствовали у прежнихъ хронистовъ. О другихъ извѣстіяхъ 13 вѣка мы поговоримъ ниже; здѣсь же мы замѣтимъ только, что булла папы Григорія IX въ защиту евреевъ отъ этого обвиненія принадлежать 1235 году.

Если бросимъ теперь взглядъ на положеніе евреевъ въ средніе вѣка, то мы увидимъ, почему это обвиненіе могло распространиться и найти существованіе именно въ царствованіе Филиппа Августа.

Мы выше сказали, что исторія рода человѣческаго похожа частію на исторію обитателей сумасшедшаго дома, частію же на исторію разбойничьей шайки. Это послѣднее сравненіе однакожь не совсѣмъ вѣрно, ибо разбойники убиваютъ и грабятъ не стараясь пріискивать оправдывающаго ихъ повода; народы поступаютъ иначе; они дѣлаютъ тоже самое, только всегда стараются отыскать поводъ; но въ этомъ послѣднемъ никогда не было и по сію пору нѣтъ недостатка. Язычники убивали христіанъ за то, что они вѣровали въ Христа, христіане же убивали язычниковъ за то, что они не вѣровали въ Него; мухаммедане убивали христіанъ за то, что они не вѣруютъ въ Мухаммеда, христіане же убивали мухаммеданъ за то, что они вѣруютъ въ него; католики убивали протестантовъ за то, что они не вѣрятъ въ папу, протестанты же убивали католиковъ за то, что они вѣрятъ въ него. Всѣ эти убійства, продолжавшіяся цѣлыя столѣтія, стоившія жизни многимъ и многимъ милліонамъ людей, и погубившіе многіе народы и страны, оправдывались частію тѣмъ, что они совершились во имя и для славы Господа, и во имя религіозныхъ ученій, которыя всегда однакожь болѣе или менѣе проповѣдывали любовь и человѣколюбіе; частію же тѣмъ, что они совершались не отдѣльными лицами, которыя наказываются за каждое убійство и грабежъ, а цѣлыми организованными арміями, какъ наприимѣръ въ царствованіе Людовика XIV въ Пфальцѣ. Ученые господа въ длинныхъ парикахъ и съ напудренными косами изобрѣли такъ называемое *jus belli* что другими словами значитъ «право сильнаго» и такимъ образомъ легитимировали самыя ужасныя злодѣянія.

Убіиство и грабежъ во имя Божіе были у нѣкоторыхъ конечно только заблужденіемъ, у болшей же части предлогомъ; но истиннымъ поводомъ къ этимъ убійствамъ служили для насъ

сы—добыча, для предводителей—территориальное расширеніе и такъ называемые высшіе политическіе мотивы.

Послѣ, когда распространилась такъ называемая цивилизація, религія перестала быть сильнымъ поводомъ къ войнѣ; стали убивать и грабить послѣднее подъ краснымъ именемъ контрибуціи, военныхъ налоговъ и т. под. во имя свободы, гуманности и цивилизаціи. Французы въ девяностыхъ годахъ прошлаго вѣка били нѣмцевъ за то, что они не любятъ свободы, нѣмцы били французовъ за то, что они любятъ ее. Только въ новѣйшее время народы слѣзались немного откровеннѣе и большею частію высказываютъ дѣйствительныя причины, по которымъ они ведутъ войну.

Точно такимъ же образомъ, какъ народы поступали между собою, они поступали и поступаютъ и съ евреями, и печальная судьба этихъ послѣднихъ есть только судьба слабѣйшаго, который, какъ извѣстно, почти всегда виноватъ.

Въ теченіе среднихъ вѣковъ евреи часто успѣвали наживать огромныя богатства своими способностями, умомъ и торговымъ геніемъ, находившимъ себѣ сильную опору въ разсѣянности евреевъ по всему земному шару. Еврей вынужденъ былъ постоянно заботиться о томъ, чтобы всегда имѣть деньги, ему давали жить только ради его денегъ, которыя постоянно изъ него выдвигали. Большіе и малые бѣра того времени были слишкомъ рыцарственнымъ и невѣжественнымъ для того, чтобы благоразумно управлять своими владѣніями, и слишкомъ привязаны къ пустой роскоши и нелѣпымъ, дѣтскимъ, рыцарскимъ играмъ, чтобы быть экономными; понятно, что они постоянно были въ долгахъ у евреевъ.

Евреи считались величайшимъ богатствомъ духовныхъ и свѣтскихъ владѣтелей, которые старались выжимать изъ нихъ столько денегъ, сколько было возможно. Но обыкновенно у нихъ не отнимали всего, и оставляли имъ кое-что, дабы они могли цапать этимъ новымъ богатствомъ, которыя въ свою очередь опять отнимали у нихъ. Короли и владѣтели обыкновенно защищали поэтому евреевъ отъ ярости толпы; но они дѣлали это не изъ чувства гуманности, а защищали ихъ точно такъ же, какъ извозчикъ защищаетъ свою лошадь, которая прокармливаетъ его. Они не хотѣли, чтобы чернь грабила людей, имѣніе которыхъ они считали своею собственностію.

Въ ограбленіи евреевъ современнымъ появился однакожь про-

гроссъ. Евреевъ порешили грабить безъ всякаго разбора, такъ себѣ, смотря по обстоятельствамъ и надобностямъ; государственная экономія дѣлала успѣхи, и ихъ стали грабить по извѣстному плану, систематически. Евреямъ подтверждали какую-либо старую грамоту — и они должны были платить за это огромныя суммы; имъ дозволяли взыскивать свои долги, и они должны были пятую часть отдавать королю; на всякую коронацію, войну или вообще денежную нужду они обязаны были доставлять огромныя деньги. Арестовали богатыхъ евреевъ и вырывали имъ во одиночкѣ, черезъ день, зубы, за то что они не хотѣли отдавать всего своего богатства. Когда же еврей были обобраны до рубашки, ихъ закладывали какъ товаръ, какому нибудь другому владѣльцу, который употреблялъ всѣ средства, чтобы получить выданную подъ нихъ сумму, конечно съ богатыми процентами. Отнимали у нихъ гарантированныя имъ и богато оплаченныя ими права, чтобы вновь продавать ихъ за чудовищныя суммы. Вслѣдъ за тѣмъ евреямъ начинали угрожать изгнаніемъ, если они не внесутъ новыя суммы; когда же они отдавали послѣднее, ихъ оставляли въ покоѣ — ровно на такое время, какое требовалось, чтобы убѣдиться, точно ли они отдали послѣднее; и за тѣмъ уже ихъ голыми и ободранными изгоняли изъ страны, убѣдившись досконально, что у нихъ точно ничего болѣе не осталось. Если чрезъ нѣсколько лѣтъ узнавали, что изгнанные евреи успѣли вновь собрать кое-что, ихъ начинали приманивать всѣми возможными обѣщаніями. Еврей снова платили за дозволеніе возвратиться, но лишь только они водворялись, и грабительство, конечно, начиналось снова и продолжалось до тѣхъ поръ, пока еврей оставались опять таки голыми и ободранными, послѣ чего слѣдовало новое изгнаніе. Эти грабительства, изгнанія и возвращенія совершались весьма систематически и послѣдовательно, а королю французскому Филиппу Августу, который для добыванія денегъ считалъ дозволенными всѣ средства, принадлежитъ честь, или лучше сказать позоръ открытія этой системы, которая нашла многочисленныхъ послѣдователей.

Мы выше замѣтили, что люди поступаютъ не какъ обыкновенныя разбойники, которые съ пистолетомъ въ рукахъ говорятъ вамъ «la vie ou la mort», но что они ищутъ обыкновенно предлога, чтобы ограбить слабѣйшаго; точно такимъ же образомъ нужно было пріискивать предлоги, чтобы грабить евреевъ и

гонять ихъ изъ одной страны въ другую, словно дикихъ звѣрей. Конечно, между средне-вѣковыми владѣтелями были и честные грабители, какъ напр. Генрихъ III, король англійскій. Извѣстенъ случай, когда онъ созвалъ англійскихъ евреевъ и откровенно сказалъ имъ: «а имѣю страшные долги, я окончательно раззоренъ, я долженъ поэтому достать денегъ откуда бы то ни было;»²⁰² но очень рѣдко поступали съ евреями такимъ откровеннымъ образомъ. Обыкновенно къ грабительству присовокупляли еще какую нибудь клевету, которая оправдывала бы это грабительство. А трудно ли найти предлогъ къ тому, чтобы грабить и убивать бѣдныхъ евреевъ? Евреи убили Христа—и этого было достаточно, чтобы оправдать самыя возмутительныя злодѣяства относительно ихъ. Были конечно и такіе люди, которые въ своемъ ослѣпленіи и заблужденіи убивали евреевъ единственно во имя религіи, и во славу Спасителя; у большей же части одинъ грабежъ былъ цѣлью, а религія только предлогомъ. Но распятіе Христа евреями служило предлогомъ ко всевозможнымъ утѣшеніямъ евреевъ въ теченіи 800 лѣтъ; въ послѣдствіи же времени тотъ или другой гуманнѣйшій христіанинъ могъ поставить на видъ, что несправедливо преслѣдовать евреевъ за преступленіе, совершенное ихъ предками за 1000 лѣтъ тому назадъ; а между тѣмъ средне-вѣковые государи постоянно нуждались въ деньгахъ, которыхъ они не могли по своему произволу собирать съ своихъ подданныхъ, потому что власть ихъ, какъ это извѣстно, была большею частію ограничена; поэтому деньги должны были доставлять евреи. Съ ними не церемонились: если они сами не давали денегъ, ихъ грабили. Но для грабежа нуженъ предлогъ, а старѣй, взятый изъ прошедшаго, уже достаточно износился; стали искать новаго предлога, въ настоящемъ, и такимъ образомъ напали на мнимое открытіе, что евреи не только когда-то распяли Христа, но что они и теперь ежегодно въ Великій пятокъ распинаютъ христіанина для посмѣянія надъ Спасителемъ. Поводомъ къ этой мысли могла служить упомянутая выше восковая кукла.

Немного позже стали утверждать, что они убиваютъ не только одного христіанина, такъ себѣ для посмѣянія, но даже многихъ, и употребляютъ кровь ихъ или для пасхальныхъ опрѣснковъ, или для леченія себя отъ мужскихъ мѣсячныхъ очищеній (?) свиныхъ ушей, клыковъ и т. под. или для облегченія ро-

²⁰² Mattheus parisiensis p. 902 ed. Watz.

довъ своимъ женамъ, или наконецъ для помазыванія глазъ своимъ новорожденнымъ дѣтямъ, которыя, какъ христіане тогда вѣрили, рождаются слѣпыми и пр. Какое дѣло хищной кроваваго толпы до того—справедливъ этотъ предлогъ, или нѣтъ. Разграбленія Гетто, сопровождавшіяся очень часто изнасилованіями еврейскихъ женъ и дочерей, были очень пріятны, прибыльны; и предводители, какъ и исполнители этихъ грабежей не могли не прельщаться добычею въ Геттахъ, * получасною безъ всякой опасности.

Многіе, знакомые съ исторіею евреевъ въ средніе вѣка не изъ средневѣковыхъ хроникъ, а изъ второстепенныхъ и при томъ еще худыхъ источниковъ,—полагаютъ, что всѣ эти изгнанія евреевъ были слѣдствіемъ ихъ корыстолюбія и растовщичества, а призыванія ихъ назадъ были слѣдствіемъ денежныхъ нуждъ страны. Но это, какъ мы видѣли выше, рѣшительно не справедливо. Ростовщичество евреевъ и жажда ихъ къ деньгамъ были уже слѣдствіемъ этихъ изгнаній и утѣсненій: евреевъ лишали возможности заниматься ремеслами, торговлею или земледѣліемъ; ихъ гоняли изъ одной страны въ другую, какъ дикихъ звѣрей. Что же имъ оставалось дѣлать, если не держать свое богатство въ наличныхъ деньгахъ, которыя они всегда могли уносить съ собою? Если же они оставались гдѣ нибудь подальше, они отдавали ихъ на проценты, и, не будучи увѣрены, что получатъ ихъ назадъ, разумѣется,—требовали большихъ процентовъ. Такимъ образомъ ростовщичество и корыстолюбіе евреевъ были уже горькими плодами ихъ бѣдственнаго положенія, а изгнанія евреевъ и призыванія ихъ назадъ были только слѣдствіемъ бѣдности, и корыстолюбія тогдашнихъ правительствъ, — чему убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ служить то, что изгнанія эти всегда сопровождалась возмутительнѣйшими и полнѣйшими ограбленіями евреевъ со стороны этихъ правительствъ.

Вотъ что говоритъ объ этихъ изгнаніяхъ извѣстный ученый XVII вѣка, знавшій очень хорошо евреевъ и ихъ исторію и литературу ²⁰³ «Если разсмотрѣть внимательно причины, или скорѣе, предлоги къ этимъ изгнаніямъ и принять въ соображеніе жестокости и клеветы, которыми христіане удручали эту несчастную націю, то можно каждое изъ этихъ изгнаній считать постыднымъ пятномъ на имени христіанъ?»

* Названіе еврейскихъ кварталовъ, бывшее въ употребленіи, въ средневѣковое время, повсюду, гдѣ только жили евреи.

²⁰³ Chronologia sacra-profana etc. Lugd. Bat. 1644. pa 305.

Въ новѣйшее время, когда политика народовъ сдѣлалась болѣе откровенною и когда правительства прямо высказываютъ, что поводомъ къ международнымъ столкновениямъ обыкновенно служатъ простые, прозаическіе, матеріальные интересы, и съ евреями стали поступать если не справедливѣе, то откровеннѣе.

Такъ лѣтъ за 20 передъ этимъ говорили, а подъ часъ и теперь еще говорятъ въ Германіи, — что тамошніе евреи столь даровиты и дѣятельны, что если ихъ эмансипировать, то они займутъ всё каѳедры, захватятъ лучшія государственныя должности и проч. Это открытое и прямое сознаніе умственного превосходства евреевъ выражаетъ слѣдующую мысль: мы должны угнѣтать этихъ даровитѣйшихъ и полезнѣйшихъ людей, дабы они не затмили насъ своими способностями.

Тоже самое говорили и въ другихъ странахъ. Говорили именно: «мы не должны позволять евреямъ селиться повсемѣстно, ибо они могутъ сдѣлаться конкуррентами для нашихъ торговцевъ.» Между тѣмъ, не смотря на то, въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ живутъ евреи, все вообще предметы бывають дешевле, чѣмъ въ мѣстностяхъ, гдѣ евреямъ воспрещено селиться. А отсюда слѣдуетъ, что евреи вредны только для барышниковъ — торговцевъ, но для населенія полезны. Не зависимо отъ ложности и несправедливости самого довода, мы спрашиваемъ: какимъ образомъ согласовать эти утѣсенія евреевъ, изъ одного предположенія, что они могутъ сдѣлаться конкуррентами христіанъ, — съ божественными ученіями христіанства о любви и гуманности? Здѣсь выставляется обыкновенно мнимая враждебность религіозныхъ понятій евреевъ въ отношеніи къ христіанамъ. Но если 2000-лѣтній опытъ доказалъ намъ, что святыя ученія христіанства о любви и гуманности не оказали почти никакого вліянія на поступки христіанъ съ евреями, то намъ, право, не слѣдовало бы говорить о мнимой враждебности еврейскаго вѣроученія.

Возвратимся однакожь къ нашему изслѣдованію.

Снуется нѣсколько дней послѣ своего востшествія на престолъ французскій король, Филиппъ Августъ, произвелъ нападеніе на евреевъ, именно въ февраль 1180 г., въ субботу, когда они всё были въ синагогахъ, на молитвѣ, и ограбилъ все ихъ имущество, состоявшее въ серебрѣ, золотѣ — даже одеждѣ; тотъ же король отпущалъ своимъ подданнымъ всё долги, которые сдѣ-

довали евреямъ, исключая пятой части, которую онъ потребовалъ въ свою пользу.

Французскій монахъ Ригардъ (Rigardus), біографъ и льстецъ Филиппа Августа, писавшій въ царствованіе Людовика VIII, рассказываетъ это событіе слѣдующимъ образомъ ²⁰⁴: «Спустя нѣсколько дней послѣ коронаціи, пятнадцатилѣтній король приступилъ къ дѣлу, которое давно уже было задумано имъ, и къ исполненію котораго онъ не приступалъ по сіе время, изъ боязни къ своему отцу. Онъ слышалъ отъ мальчиковъ, ²⁰⁵ амьстѣе отъ которыми онъ былъ воспитанъ, что евреи въ Парижѣ ежегодно крадутъ христіанина, и умерщвляютъ его въ погребѣ, для посыланія надъ вѣрою христовой, въ великій Потокъ или въ вербную недѣлю, что они умертвили мальчика Ричарда творимаю потомъ великія чудеса. Вслѣдствіе этого онъ напалъ на евреевъ въ одну субботу, когда они были въ синагогѣ и ограбилъ все ихъ имущество—серебро, золото и даже одежду». Почти буквально тоже самое рассказываютъ сочинитель Chronicon regum francorum и Epitomatog на древне-французскомъ языкѣ въ хроникѣ, подъ заглавіемъ «Les gestes de Philippi August», ²⁰⁶ которые буквально заимствовали это сказаніе у Ригарда и не могутъ считаться по этому самостоятельными свидѣтелями.

Но не смотря на то, что все это обвиненіе и безъ того нелѣпо и смѣшно, какъ мы это еще болѣе докажемъ немного ниже, есть однакожъ доказательства, что ограбленіе евреевъ само по себѣ было цѣлю короля, а мнимыя преступленія евреевъ были не болѣе, какъ предлогъ. Укажемъ на слѣдующія обстоятельства:

²⁰⁴ De gestis Philippi Augusti Francorum regis, въ Recueil etc. t. XVII p. 5 и слѣд.

²⁰⁵ Въ рукописи сказано «a pueris»; издатели ея измѣнили это слово въ «a principibus», чтобы устранить нелѣпость этого вымысла, но безъ всякаго основанія; ибо позднѣйшіе хронисты пользовавшіеся хроникою Ригарда знаютъ только слово «a pueris». Такъ въ chronicon reg. francorum, составл. въ половинѣ XIV вѣка (см. Recueil IX p. 301) сказано: et quia audierat a pueris secum nutritis» и проч. (см. Recueil XII, p. 214). Также въ хроникѣ, писанной на древне-французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Les gestes de Philip. Aug. (Recueil XVII, p. 350) говорится: «car il avoit oi dire maintes foiz aus enfanz, qui estoient porri avec lui» и проч. Это примѣчаніе наше можетъ показать, что даже издатели хроникъ старались выставить рассказы о днимыхъ убійствахъ евреевъ въ возможно невыгодномъ для нихъ свѣтѣ, рѣшаясь для этого даже на искаженіе текста.

²⁰⁶ См. предыдущее примѣчаніе.

а) Почти всѣ упомянутыя выше мнимыя убійства, со стороны евреевъ, во Франціи совершались, согласно этимъ извѣстіямъ, въ царствованіе Людовика VII. Извѣстно, что этотъ король былъ набоженъ и правдивъ, и стоялъ даже во главѣ одного изъ крестовыхъ походовъ. Зачѣмъ же онъ оставлялъ въ покоѣ евреевъ, которые будто бы совершали въ его время такія страшныя злодѣйства? Напротивъ, мы знаемъ, что евреи въ его царствованіе пользовались большими льготами, и что онъ сильно покровительствовалъ имъ и даровалъ имъ даже многія привилегіи, что навлекло на него сильное порицаніе фанатиковъ.²⁰⁷ Какимъ же образомъ этотъ благочестивый король могъ покровительствовать людямъ, у которыхъ, какъ утверждаютъ, дѣтубійство составляетъ религіозный догматъ? Отвѣтъ на это заключается въ томъ, что этотъ король былъ не только благочестивъ, но и справедливъ; жилъ просто и безъ всякой роскоши. Министръ его, Сюжеръ (Suger), прекрасно управлялъ странюю, и финансы короля находились въ блестящемъ состояніи; поэтому Людовикъ VII не имѣлъ ни нужды, ни охоты грабить евреевъ; поэтому же онъ не имѣлъ надобности и въ предлогахъ къ тому, въ которыхъ такъ нуждался его корыстолюбивый сынъ, преслѣдовавшій великіе планы.

б) Далѣе *англійскій* историкъ, современникъ Филиппа Августа, Радульфъ Дичетскій (Radulphus de Diceto) также рассказываетъ объ этомъ разграбленіи евреевъ королемъ Франціи; но какъ *англичанинъ*, онъ не считалъ себя обязаннымъ оправдывать злодѣянія французскаго короля клеветою на евреевъ, а потому у него нѣтъ и помину о мнимомъ убійствѣ со стороны евреевъ, служившемъ мнимымъ поводомъ къ ихъ разграбленію; онъ положительно говоритъ, что евреи были ограблены, *не смотря на то, что они не сдѣлали королю никакого зла* (in nihil Regem offenderent).²⁰⁸ Еслибы евреи въ самомъ дѣлѣ умерщвляли христіанскихъ дѣтей, то король имѣлъ бы справедливую причину подвергнуть ихъ суду и наказанію по закону.

с) Другой французскій писатель, поэтъ Вильгельмъ Арморикъ изъ Бретани, бывшій капелланомъ короля и знавшій поэтому хорошо настоящій поводъ къ этому грабительству, даетъ понять,

²⁰⁷ Hist. vit. Ludovici VII въ Recueil XII, p. 286, гдѣ о немъ говорится: graviter Deum offendit, quod in regno Judaeos ultra modum sublimavit, et eis multa privilegia... concessit.

²⁰⁸ Recueil. t. XIII, p. 204 и XVII, p. 617. О времени его жизни ср. ibid. t. XVIII, p. 183 прим., а.

что этотъ поводъ заключадся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ короля, именно въ томъ, что отецъ оставилъ ему только власть но не деньги. ²⁰⁹ Этотъ честный капелланъ упрекаетъ евреевъ при этомъ случаѣ *только* въ томъ, что они ненавидятъ Бога, законы и св. тайны; но ни слова не говоритъ объ ихъ мнимыхъ убійствахъ.

d) Мысль о всеобщемъ и полномъ ограбленіи евреевъ была уже давно выработана; давно уже помышляли о томъ, чтобы отнять у безбожныхъ и богатыхъ евреевъ ихъ имущества; а изъ слѣдующаго посланія Петра изъ Клуны видно, что ограбленіе евреевъ само по себѣ было цѣлью. Этотъ Петръ пишетъ Людовику VII, отцу Филиппа Августа, между прочимъ слѣдующее ²¹⁰: «Еврей, говоритъ онъ, хуже Сарацинъ; я не требую, чтобы ихъ умертвили, но я хочу, чтобы они были наказаны соответствующимъ ихъ низости образомъ. Какой же путь соответственнѣе для наказанія этихъ безбожниковъ какъ не тотъ, которымъ была бы злость ихъ наказана и правда споспѣшествуема? Что можетъ быть справедливѣе... какъ отнять у нихъ то, что они злостно приобрѣли? То, о чемъ я думаю, весьма известно... Пусть отнимутъ, или, по крайней мѣрѣ, значительно уменьшатъ злостно приобретенный достатокъ евреевъ. Христіанское ополченіе (крестоносцевъ), пренебрегающее своимъ имуществомъ и достояніемъ ради борьбы съ Сарацинами, не должно щадить имущество евреевъ. Пусть оставятъ имъ жизнь, но пусть вырвутъ у нихъ деньги... пусть противъ ихъ воли ихъ богатства послужатъ христіанскому народу, какъ нѣкогда богатство египтянъ послужило въ ихъ пользу, когда ихъ предки были богоугодны».

Этотъ монахъ, который, какъ видно, не очень любилъ евреевъ, также ничего не знаетъ объ убійствахъ ихъ, не смотря на то, что, по разсказамъ хронистовъ, убійства эти совершались въ царствованіе Людовика VII; но онъ — откровенный человекъ, и прямо высказываетъ то, чего хочетъ. Логика его проста: христіанское ополченіе, ведущее священную войну противъ Сарацинъ, нуждается въ деньгахъ; еврей же, которые живутъ между нами, еще хуже Сарацинъ, а имѣютъ деньги; умерщвлять ихъ не бу-

²⁰⁹ Recueil XVII p. 126, стихъ 374 и д., гдѣ послѣ разсказа о разграбленіи евреевъ, говорится:

Nam tenui censu fuerat pater et nihil illi —

Arripit: collatum fuerat, nisi sola potestas и проч.

²¹⁰ Recueil t. XV p. 643 и слѣд.

демя, ибо какой благородный человекъ убиваетъ свою дойную корову? но отнимемъ у этихъ безбожниковъ ихъ деньги, которыя и употребимъ для священной цѣли. Но Людовикъ VII, который, очевидно, также ничего неслыхалъ объ убійствахъ, которыя евреи будто бы совершали въ его царствованіе, обращался съ евреями почеловѣчески, и это предложеніе Петра изъ Клуэни не нашло въ немъ никакого сочувствія, что почтено было фанатическими монахами за величайшее съ его стороны безбожіе. Но *Филиппъ Августъ* былъ человекъ совершенно другаго рода чѣмъ его отецъ; коварство и безграничное корыстолюбіе характеризуютъ все его царствованіе; напоминанія, подобныя предложеніямъ Петра изъ Клуэни, ему не были нужны; но, какъ король, онъ не могъ прямо сказать: «Отдайте намъ ваши деньги, ибо мы имѣемъ надобность въ нихъ.» Пуженъ былъ какой нибудь предлогъ, чтобы прикрыть постыдное злодѣяніе, а услужливые и фанатическіе хронисты умѣли этотъ ложный и преступный поводъ прокричать за истину.

е) Послѣ того какъ евреи, доведенные до величайшей крайности, кромѣ своихъ недвижимыхъ имуществъ уже ничего не имѣли, король не находилъ болѣе разсчета оставлять ихъ въ своихъ владѣніяхъ; вслѣдствіе этого, въ 1182 г., онъ призналъ полезнымъ—ихъ недвижимыя имущества конфисковать, ихъ долги, за исключеніемъ пятой части, оставленной имъ въ свою пользу, уничтожить, а ихъ самихъ голыхъ и ограбленныхъ выгнать изъ страны. Здѣсь замѣчательно то, что при этомъ злодѣяніи, гораздо болѣе вопіющемъ чѣмъ злодѣяніе 1180 года, не прибѣгли уже къ тогдашнему предлогу, т. е. къ мнимому дѣтубійству евреевъ. Еслибъ это обвиненіе имѣло хотя сколько нибудь правдоподобія, то оно было бы достаточнымъ поводомъ для изгнанія такихъ безбожниковъ, которые, такъ сказать, для личнаго удовольствія, мучатъ и распинаютъ христіанскихъ дѣтей. Но этотъ нелѣпный предлогъ, видно, находилъ слишкомъ мало вѣры, и потому стали прибѣгать къ другимъ, а именно: *что евреи обладаютъ огромными богатствами*, что они владѣютъ христіанскими рабами; что они занимаются ростовщичествомъ и профанируютъ заложенную у нихъ, конечно духовенствомъ, церковную утварь.²¹¹ Даже упомянутый выше Ри-

²¹¹ Chron. Reg. Franc. въ Recueil t. XII p. 415, гдѣ сказано: Et cum rex scivisset, quod judaei abundarent in regno in divitiis et contra legem haberent mancipia Christiana. que aliquando julizare coge-

гардъ, который, по поводу событій 1180 г., такъ много рассказывалъ объ убійствахъ, совершенныхъ будто бы евреями, для оправданія 1182 г., говоритъ только, что *евреи имѣли столько недвижимаго имущества*, что почти половина Парижа принадлежала имъ; что они имѣли христіанскихъ рабовъ, которые исполняли ихъ обряды, что они занимались ростовщичествомъ и т. д.,—словомъ, онъ повторяетъ тоже самое что рассказываетъ въ Chronicon regum francorum, слова которой мы привели выше.²¹² Изъ словъ Ригарда видно даже, что многіе графы и бароны, а также архіепископы и епископы ходатайствовали за евреевъ. Эти заступники евреевъ, очевидно, также ничего не знали о ихъ мнимыхъ убійствахъ. Но что еще замѣчательнѣе, упомянутый выше королевскій капелланъ въ своей, прозою написанной хроникѣ, рассказываетъ объ изгнаніи евреевъ въ немногихъ сухихъ словахъ, безъ всякаго оправданія; въ своей же исторіи царствованія Филиппа Августа, написанной латинскими стихами, онъ довольно ясно намекаетъ, что причиною изгнанія евреевъ были *нужда въ деньгахъ и корыстолюбіе*.²¹³

Слѣдующее обстоятельство доказываетъ также, что разграбленіе французскихъ евреевъ въ 1180 году и вторичное ограбленіе и изгнаніе ихъ въ 1182 г. были совершены только изъ одного корыстолюбія, и что мнимыя убійства евреевъ выдуманы только для того, чтобы оправдать злодѣянія короля. Филиппъ Августъ, котораго, какъ рассказываетъ Ригардъ, еще съ дѣтства эти мнимыя убійства евреевъ такъ сильно занимали, что онъ спустя нѣсколько дней послѣ своей коронаціи ограбилъ ихъ только изъ этого побужденія, — этотъ самый Филиппъ *въ 1198 г. вновь призвалъ евреевъ во Францію*. Почему? Развѣ онъ уже не боялся болѣе еврейскихъ убійствъ? Но мы знаемъ очень хорошо, что причины изгнанія евреевъ и причины возвращенія ихъ торжественны, а именно: онъ изгналъ ихъ *потому, что нуждался въ деньгахъ*; онъ призвалъ ихъ назадъ *тоже потому, что нуждался въ деньгахъ*. Всѣ хронисты рассказываютъ, поэтому, залпомъ, не переводя духа, что король призвалъ въ 1198 г. евrebant, et graverent usuris populum, sic quod medietatem villae Parisiensis oblinebant, et quod tractarent immunde res sacratas eisdem impignoratas, sic quod in calicibus vipas faciebent, primo relexaverit omnes debitores judaeorum quasi esset annusjubilaeus et possessiones per eos acquisitas sibi retinuit etc.

²¹² См. Recueil XVII, p. 8 и д. и p. 352 и слѣд.

²¹³ Recueil XVII, p. 66 и 126, стихи 380—390.

евъ обратно, и въ *тоже время* обложилъ высокою податью монастыри и духовенство, на что это послѣднее, конечно, сильно жалуется ²¹⁴. Одннадцать лѣтъ спустя послѣ возвращенія евреевъ, въ 1209 г., королю, къ несчастію, вновь понадобились деньги, и онъ велѣлъ арестовать евреевъ во всей Франціи, обобрать ихъ и прогнать изъ страны; но, кажется, чувство стыда удерживало на этотъ разъ хронистовъ вновь клеветать на бѣдныхъ евреевъ; и они рассказываютъ объ этомъ событіи сухими словами и безъ всякихъ прибавленій ²¹⁵. Монархъ добрый имѣетъ благотѣльное вліяніе на свой народъ; монархъ преступный деморализируетъ его. Даже одиѣ симпатіи или антипатіи государя имѣютъ уже огромное вліяніе на образъ мыслей большей части народа; ибо большая часть людей, къ несчастію, не имѣетъ ни характера, ни собственныхъ убѣжденій, и люди эти носятъ, обыкновенно, такую нравственную маску, которая даетъ больше матеріальныхъ выгодъ. Это обстоятельство сильно вліяло и на судьбу евреевъ, тѣмъ болѣе, что они всегда считались какъ бы иностранцами, слѣдовательно, людьми безправными. Такъ при дворѣ Людовика Благочестиваго евреи были въ большомъ почетѣ; они имѣли входъ ко двору и прямо сносились съ императоромъ и съ первыми сановниками; высокія придворныя дамы и родственницы императора были въ хорошихъ сношеніяхъ съ еврейскими дамами. Евреи, поэтому, высоко уважались въ то время во Франціи. Христіане даже очень часто ходили въ синагоги, чтобы слышать еврейскія проповѣди, и тогда говаривали, что нужно уважать евреевъ, потому что они потомки св. патріарховъ, изъ ихъ среды вышли великіе и божественные пророки, и имъ христіане обязаны псалмами, которые составляютъ лучшее украшеніе нашего богослуженія и услаждаютъ наши души ²¹⁶. Между Людовикомъ Благочестивымъ и Филиппомъ Августомъ протекло всего только 140 лѣтъ. Въ это время во Франціи жили знаменитѣйшіе раввины, ученія которыхъ имѣли величайшее вліяніе на возвышеніе и облагораженіе нравственности евреевъ. Въ это время различныя французскія раввины учили, что не должно смѣшивать христіанъ съ язычниками, и эти—то самыя раввины вдругъ ни съ того, ни съ сего, въ это же время стали убивать христіанскихъ дѣтей для религіозныхъ цѣлей! Объясне-

²¹⁴ Recueil, XVII, p. 48, 73, 385 и 605.

²¹⁵ Ibid. p. 427.

²¹⁶ Agobard. opera ed Baluz t. I. p. 64.

ніе этой несообразности заключается въ томъ, что какъ благосклонность императора къ евреямъ имѣла благотѣльное вліяніе на образъ мыслей народа, такъ злодѣянія монарха относительно евреевъ побудили его клеветовъ и біографовъ выдумывать клеветы на нихъ, чтобы прикрыть беззаконіе короля.

Это пагубное сѣмя принесло пагубные плоды, и изобрѣтенная въ это время клевета повела за собою тысячи и тысячи человѣческихъ жертвъ.

Напрасно папа Григорій IX возставалъ противъ этой столь же постыдной, какъ и бессмысленной клеветы; около половины 13 вѣка она была перенесена въ Испанію, и, нужно замѣтить, въ началѣ— въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ она первоначально явилась во Франціи; т. е., что евреи въ Великій Пятокъ распинаютъ будто бы христіанское дитя, для посмѣянія надъ Спасителемъ. Такъ рассказываютъ, что евреи въ 1250 г. умертвили въ Сарагоссѣ мальчика, именемъ Доминико де Валь, и что потомъ бросили его въ какое-то болото, но что послѣ трупъ его былъ открытъ какимъ-то *чудомъ* ²¹⁷.

Вѣроятно вслѣдствіе этой же сказки въ кодексѣ Альфонса X *Libro de las partidas* (изд. 1255 г.), въ которомъ есть, однакожъ, много позднѣйшихъ вставокъ, говорится и объ этихъ мнимыхъ убійствахъ, совершаемыхъ, будто бы, для посмѣянія надъ христіанами ²¹⁸. Въ царствованіе этого же Альфонса X, обвиненіе это выступило подъ другою формою; а именно, что евреи, будто бы, пуждаются въ христіанской крови для своихъ пасхальныхъ опрѣсноковъ (мацотъ). О происхожденіи *этого* обвиненія мы имѣемъ подробныя извѣстія, которыя и хотимъ сообщить здѣсь.

Въ царствованіе упомянутаго Альфонса X прибылъ въ Кастилію какой-то епископъ, и впервые открыто проповѣдывалъ, что евреи въ Пасху употребляютъ христіанскую кровь; въ слѣдствіе этого народъ возропталъ и требовалъ наказанія евреевъ. Король Донъ Альфонсъ X, прозванный Мудрымъ, хорошо зналъ евреевъ; ибо президентомъ основанной имъ коллегіи для составленія астрономическихъ таблицъ, извѣстныхъ нынѣ подъ именемъ *Альфонсовыхъ*, былъ еврей *Исаакъ Ибнъ Сеидъ*. Онъ призвалъ къ

²¹⁷ Jacob de Valencia, въ своемъ сочиненіи противъ евреевъ у Cardoso, *Las excelencias etc.* p. 440, срав. Johanna Lent: de pseudomes-sis, p. 33.

²¹⁸ Leorente, *Hist. critique de l'inquisition*, sec. ed. Paris 1818 г. t. I. p. 258.

себѣ придворнаго ученаго, Тому, который не любилъ евреевъ, впрочемъ былъ достаточно свѣдущъ въ еврейской религии и литературѣ. Альфонсъ объявилъ Томѣ, что собственно онъ самъ, больше замѣчаетъ глупостей, чѣмъ мудрости въ упомянутомъ епископѣ, но что чернь охотно вѣритъ всѣмъ этимъ нечестностямъ; затѣмъ король требовалъ отъ ученаго Тома объясненія и положительныхъ фактовъ, чтобы ясно доказать народу всю нечестность распространившейся молвы. Тома, полагая, что король сколько нибудь и самъ вѣрилъ тому обвиненію, выразилъ свое удивленіе, какимъ образомъ такой мудрый государь, можетъ вѣрить такой нечестности; потомъ, въ продолжительной рѣчи, старался доказать ложность такого обвиненія, указывая въ особенности на то обстоятельство, что евреи имѣютъ сильное отвращеніе отъ крови, и что убійство имъ строго воспрещается. Затѣмъ онъ объявилъ, что настоящая причина этого обвиненія есть нечто иное, какъ *религіозная ненависть и желаніе завладѣть имуществомъ богатыхъ евреевъ*. Поэтому-то, продолжалъ Тома, евреевъ оставляли въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока они были бѣдны; но когда они разбогатѣли до такой степени, что приобрѣли три четверти поземельныхъ владѣній, и когда чрѣзмѣрная ихъ роскошь возбудила общую зависть, тогда стали нападать на нихъ съ подобными обвиненіями. Король, оскорбившись подозрѣніемъ ученаго Тома, отвѣтилъ ему, что самъ никогда не вѣрилъ этому обвиненію, *ибо вѣрить этому было бы постыдно для него*.

Не смотря на то, что Донъ Альфонсъ самъ, лично, не вѣрилъ этой клеветѣ и назвалъ ее нечестною, — истребить послѣдствія ея было не въ его силахъ, ибо, спустя нѣсколько времени, чернь явилась съ крикомъ и воплемъ къ государю, провозглашая, *что нашолся трупу христіанина въ домѣ еврея*. Народъ утверждалъ, что евреи убили христіанина, для сосанія изъ него крови. Король, услыхавъ о волненіи народа, приказалъ вышеупомянутому Томѣ укорить народъ въ его поступкѣ, объяснивъ предварительно всю нечестность его предубѣжденія. Тома исполнилъ приказаніе государя, и, между прочимъ, добавилъ уже отъ себя доносчикамъ, что королю извѣстно безсовѣстное лихоимство проклятыхъ евреевъ, что онъ приказалъ возвратитъ христіанскимъ подданнымъ помѣстья, находившіяся въ рукахъ евреевъ, и что, наконецъ, онъ требуетъ прекращенія роскоши, водворившейся между богатыми евреями. «Что касается до васъ,» сказалъ Тома, оканчивая свои убѣжденія *«вы достигли желанной*

цѣли; бросьте же то, что можетъ послужить только къ вашему *посрамленію.*»

Доносчики, обрадованные счастливымъ исходомъ интриги, смирились и хотѣли разойтись, какъ вдругъ является самъ король, общаегъ имъ полную пощаду и прощеніе, желая лишь знать истинное начало возмущенія. Доносчики откровенно сознались во всемъ, жалуясь на евреевъ, что они посредствомъ лихоимства завладѣли всѣмъ имуществомъ и общимъ благосостояніемъ, такъ что у рѣдкаго изъ нихъ оставался хлѣбъ для застѣва. Они положительно высказали, что тайнымъ образомъ сами перенесли трупъ убитаго человѣка, найденный ими на улицѣ, въ домъ одного еврея, надѣясь, что вслѣдствіе этого король возненавидитъ евреевъ и выгонитъ ихъ всѣхъ изъ государства.

Во время царствованія этого самага короля евреи еще два раза подвергались подобнымъ обвиненіямъ; но мудрому королю всякій разъ удавалось открывать истину и тѣмъ спасать невинныхъ евреевъ, которыхъ при всемъ томъ разъяренная чернь, при подобныхъ случаяхъ, убивала и грабила безъ пощады.

Вотъ примѣръ: испанецъ, по имени Жуанъ де ла Веро (Juan de la Vega), разсорившись съ однимъ евреемъ, пригласилъ по этому поводу шестерыхъ изъ своихъ сосѣдей и предложилъ имъ вырыть изъ могилы трупъ христіанина, который былъ погребенъ въ тотъ же самый день; затѣмъ перенести трупъ въ домъ того еврея, пустое же мѣсто въ могилѣ наполнить камнемъ. Когда народъ услышитъ о появленіи христіанскаго трупа въ домѣ еврея, — думалъ де ла Веро, — то пеминуемымъ слѣдствіемъ этого будетъ общее возмущеніе народа; а во время его мы разграбимъ евреевъ. «Вѣдь евреи, — говорилъ онъ, всегда виновны и достойны наказанія уже по той причинѣ, что они мучили нашего Спасителя!» И, дѣйствительно, интрига эта увѣнчалась успѣхомъ. Множество евреевъ было убито и ограблено въ городахъ Эчихъ и Пальмъ (Escija и Palma). Король, услыжавъ о причинѣ этого кровопролитія, назначилъ 500 червопцевъ тому, кто откроетъ истину. Слуга Жуана открылъ замыселъ своего господина, и камень въ самомъ дѣлѣ нашелся въ пустой могилѣ. Жуанъ де ла Веро и его соучастники, уличенные въ преступленіи, были казнены.

Еще случай: обвинили еврея въ убійствѣ христіанина, по имени Педро Гузмана, съ цѣлію воспользоваться кровію его. Еврей, подвергнутой пыткѣ, самъ сознался въ убійствѣ и былъ осуж-

день на смерть. Въ день казни епископъ того округа случайно проѣзжалъ мимо мѣста совершенія ея; услышавъ о преступленіи еврея, онъ изумился и утверждалъ, что лично знаетъ Гузмана и видѣлъ его на дняхъ въ такомъ-то селеніи. Послали въ то село, и вскорѣ представился мнимо-убитый евреемъ Гузманъ живымъ и здоровымъ.¹¹⁹

Говорятъ, что при этомъ случаѣ король положилъ не употреблять болѣе пытки.

Такіе случаи, гдѣ обнаруживалась невинность евреевъ, были часты. Такъ, напримѣръ, въ Вѣнѣ, въ царствованіе Фридриха III были сожжены 300 евреевъ за то, что они будто бы умертвили трехъ христіанъ; но потомъ, весною, эти послѣдніе были найдены въ вскрывавшейся рѣкѣ, безъ всякихъ признаковъ насильственной смерти²²⁰. Эти три христіанина просто утонули, но пытка выжала изъ обвиненныхъ евреевъ признаніе въ мнимомъ убійствѣ. Открывшаяся потомъ невинность евреевъ не могла возратить ихъ къ жизни, не могла она возратить и оставшимся сиротамъ и вдовамъ ихъ отцовъ и мужей! Должно замѣтить, что враги евреевъ, писавшіе о разбираемомъ нами обвиненіи, умалчивая, конечно, о томъ, что евреи были оправданы, приводили и эти случаи какъ доказательство противъ нихъ. Древнее служеніе Молоху съ его человѣческими жертвами, правда, уже не существуетъ; но оно живетъ еще подъ видомъ предразсудковъ и суевѣрій и продолжаетъ получать свои жертвы!

Такимъ образомъ, хотя очень часто открывались козни клеветниковъ евреевъ и, слѣдовательно, явно обнаруживалась невинность послѣднихъ, но не во всѣхъ случаяхъ правда и истина торжествовали; часто какой нибудь темный слухъ, свидѣтельство какой-либо старухи, какого нибудь вора, или разбойника, были достаточною причиною совершеннаго разоренія цѣлыхъ еврейскихъ общинъ, умерщвленія всѣхъ мужчинъ, изнасилованія ихъ жонъ и дочерей, насильственнаго переселенія еврейскихъ дѣтей въ христіанскіе монастыри и разграбленія всего имущества у евреевъ.

Съ быстротою молніи распространялись эти обвиненія по всей Европѣ, чему много способствовало взаимное сближеніе наро-

²¹⁹ Эти замѣтки почерпнуты изъ книги «Шебетъ Іегуда» §§ 7. 8. 29. написанной Сал-Вергой (Sal Verga). Въ этой книгѣ приводятся еще много другихъ случаевъ, гдѣ невинность евреевъ при подобныхъ обвиненіяхъ была очевидно доказана.

²²⁰ I. Cardoso, Las excelencias etc. Amsterd. 1679 г. p. 410.

довъ во времена крестовыхъ походовъ. Съ тѣхъ поръ наполняются всѣ лѣтописи различными извѣстіями о распятыхъ и замученныхъ дѣтяхъ, кровь которыхъ употреблялась, будто бы евреями для разныхъ цѣлей. Многіе позднѣйшіе недоброжелатели евреевъ собирали такія свѣдѣнія изъ разныхъ монастырскихъ лѣтописей, украшали ихъ пояснительными, собственной выдумки, прибавленіями, и опускали именно тѣ обстоятельства, которыя могли бы выставить всю невѣроятность и пелѣиость этихъ разсказовъ. Такъ поступалъ, на примѣръ, Эйзенменгеръ, и другіе ему подобныя писатели. Въ слѣдствіе этого многіе изъ благочестивыхъ людей, читая подобныя сочиненія, противъ воли и наперекоръ своему внутреннему убѣжденію увлекались этими мнимыми фактами, и высказывали ту мысль, что евреи, хотя и не нуждаются для религиозныхъ, или какихъ-либо другихъ цѣлей, въ христіанской крови, тѣмъ не менѣе они могли убивать христіанскихъ дѣтей, побуждаемые къ тому фанатизмомъ, или изъ личной ненависти къ христіанамъ.

Дѣйствительно! Читая такого рода передѣлки и злонамѣренно искаженныя выписки изъ средневѣковыхъ монастырскихъ лѣтописей, легко можно увлечься и придти къ такому заключенію; но стоитъ только обратиться къ самымъ источникамъ, стоитъ только самому прочесть упомянутыя лѣтописи, чтобы понять въ чемъ дѣло, и чтобы прослѣдить и открыть истину, освободивъ се критически отъ поддѣльныхъ прикрасъ и выдумокъ.

Еще Баснажъ высказалъ свое удивленіе, что въ лѣтописяхъ всякое описаніе убіенія христіанскаго дитяти евреями всегда сопровождается величественными чудесами. Онъ говоритъ: «скажемъ ли, что и обвиненія и чудеса одинаково ложны? (*Disons nous que les miracees et les crimes sont également faux?*). Далѣе: «Если земля и дрожала въ то время, когда былъ распятъ Спаситель, то неужели Богъ будетъ испровергать законы природы при убіеніи маленькаго ребенка?»²²¹

Матвѣй Парижскій (*Matthaeus Parisiensis*)²²² повѣствуетъ, что евреи въ 1255 г., похитивъ осьмилѣтняго мальчика, въ Линкольнѣ, разыграли съ нимъ слѣдующую трагедію: Одинъ еврей игралъ роль Пилата, другіе евреи представляли римскихъ солдатъ и палачей. Мальчика, представлявшаго Иисуса Христа, нанюивъ

²²¹ Basnage, hist. des Juifs. t. IX. Ch. 13 § 17 pag. 371 и § 20 p. 375 и слѣд.

²²² Bartoloecci. Bibl. Rabb. t. III pag. 717.

его желчью и уксуомъ, распяли на крестѣ, потомъ вырвали у него внутренности, для употребленія на разныя чародѣйства. Но когда евреи хотѣли зарыть трупъ, то, не смотря на всѣ усилія, погребеніе имъ никакъ не удавалось, *ибо земля, не принимая мертвеца, извергала его при каждой новой попыткѣ.* Замѣтивъ это явленіе, евреи погрузили трупъ въ колодезь, и вода, вѣроятно менѣе благочестивая стихія, чѣмъ земля, приняла трупъ. Нѣсколько времени спустя, нашли мертвеца въ колодецѣ, еврейскій владѣлецъ котораго былъ четвертованъ. Еще 90 другихъ евреевъ были при этомъ случаѣ казнены, а за казню, какъ водилось, послѣдовало расхищеніе еврейскаго имущества.

Въ мѣстечкѣ Вейсензе, въ Тюрингіи, въ 1305 г., также обвинили евреевъ въ подобномъ злодѣяніи, и также рассказывали, *что мертвецъ каждый разъ вставалъ изъ могилы сколько евреи его ни зарывали;* и что наконецъ, послѣ безчисленныхъ но безуспѣшныхъ попытокъ зарыть трупъ, евреи повѣсили его на деревѣ, въ слѣдствіе чего мнимое злодѣяніе ихъ открылось. Лѣтописецъ присовокупляетъ: «старъ и младъ, конечно, ополчились на евреевъ; кровь текла рѣкою.» Но, не смотря на такое страшное наказаніе, въ скоромъ времени послѣ этого въ Везелѣ опять нашлось замученное евреями мертвое дитя, *«надъ которымъ было видимо небесное сіяніе!»*

При другомъ случаѣ трупъ такого убитаго евреями дитяти распространялъ *пріятное благовоніе*, и когда его поставили въ церкви, то совершалъ несказано *«великія чудеса.»*

Читая такого рода извѣстія, мы приходимъ къ заключенію, что и самыя сказки и чудесная ихъ обстановка—чистѣйшія выдумки и ложь. Кто не слышалъ обо всѣхъ этихъ чудесахъ, которыя совершались когда-то при каждомъ удобномъ случаѣ? Съ запасомъ этихъ чудесъ легко можно было дѣйствовать на народъ, а сверхъ того чудеса всегда приносили хорошіе доходы. Баснажъ, который самъ былъ католикомъ, справедливо замѣчаетъ, что «такого рода рассказы, полные чудесъ и приводимые сказочниками, *привычными томятся за такими обольщеніями, очень подозрительны.*» (Ces sortes de narrations pleines de miracles et rapportées par les legendaires accoutumés à courir après de semblables fictions, sont très suspectes.)²²³ Прибавимъ къ этому, что Баснажъ жилъ и писалъ въ вѣкъ, когда еще угрожала

²²³ Basnage t. IX p. 387.

Бастилія и что онъ долженъ былъ руководствоваться величайшею осторожностію при выраженіи подобныхъ мыслей!

Многіе христіане весьма основательно спрашивали: что могло бы побудить евреевъ, подъ опасеніемъ страшныхъ наказаній, *вымышлять* такія ужасныя трагедіи, какъ ежегодное распинаніе дитяти? какой имъ интересъ распинать невинныхъ дѣтей и въ настоящее время,—что сверхъ того подаетъ еще поводъ къ самымъ страшнымъ наказаніямъ? ²²¹

Присовокупимъ еще нѣсколько замѣчаній, которыя докажутъ неосновательность предъидущихъ сказаній.

Соберемъ миллионъ западно-русскихъ евреевъ, которые во многихъ мѣстахъ еще понынѣ представляютъ типъ средневѣковыхъ своихъ братій, и выдѣлимъ изъ этой массы образованныхъ и ученыхъ, т. е. свѣдущихъ во Всеобщей Исторіи и въ Новомъ Завѣтѣ, и спросимъ остальныхъ:

«Кто былъ Пилатъ?»—они всѣ единодушно отвѣтятъ, что *никогда* не слышали этого имени. Имъ извѣстны имена Навуходносора, Александра Мукдона, (т. е. Александра Македонскаго), Антиоха, Веспасіана, Тита, но о Пилатѣ они ничего не знаютъ. А вотъ тому причина: еврейскія сочиненія часто упоминаютъ о тѣхъ личностяхъ, но о Пилатѣ *нигдѣ и никогда* не говорится въ еврейской письменности, и такъ какъ евреи не читаютъ Новаго Завѣта, то и личность Пилата имъ рѣшительно неизвѣстна. Спросите этихъ евреевъ: «что такое Страстная Пятница, и какое значеніе имѣетъ этотъ день?» никто изъ нихъ не будетъ въ состояніи отвѣтить на вашъ вопросъ. Еще менѣе извѣстно евреямъ, съ какимъ именно днемъ года совпадаетъ эта пятница. Между тѣмъ, не смотря на это, утверждали, что евреи ежегодно въ Страстную Пятницу, значеніе и существованіе которой имъ вовсе неизвѣстны, драматически разыгрывали судъ надъ Христомъ и Его распинаніе! При этомъ одинъ изъ евреевъ будто игралъ роль Пилата, личность и существованіе котораго совершенно чужды и неизвѣстны евреямъ!

Прослѣдимъ далѣе сообщаемые лѣтописцами такъ называемые факты.

Въ 1282 году, въ Мюнхенѣ, повѣствуетъ іезуитъ Матвѣй Радерусъ, ²²³ открыли *волшебницу*, (слѣдовательно лицо весьма подозрительное), хотѣвшую похитить ребенка; ее подвергли

²²¹ Basnage p. 374.

²²³ Bavaria sancta. т. II стр. 315 по 7 кн. Annalium Bojorum Aventini.

пыткъ; на *пыткъ* она высказала, что хотѣла украсть ребенка для передачи его евреямъ. Свидѣтельства этой негодяйки, даннаго ею подъ *пыткою*, было достаточно; озлобленная чернь умертвила всѣхъ евреевъ, проживавшихъ въ томъ округѣ.

Здѣсь нужно замѣтить, что большая часть разсказовъ о двубійствахъ, мнимо исполненныхъ евреями, повѣствуется тѣмъ же самымъ иезуитомъ Радерусомъ, утверждавшимъ, какъ уже выше упомянуто, *что никакая еврейская женщина не можетъ безъ помощи христіанской крови разрѣшиться отъ бремени*; такъ что его сочиненія составляютъ главный источникъ такого рода свѣдѣній и приводятся даже доказательствомъ противъ евреевъ и въ наше время. Замѣчательно еще то, что читая разсказы Радеруса и др. о мнимыхъ убійствахъ евреевъ, усматриваешь, что эти обвиненія на евреевъ высказывались или подозрительными лицами, желавшими освободиться отъ казни, и то подъ *пыткою*, или же какими нибудь дряхлыми евреями и слабыми еврейскими женщинами, которые сознавались въ преступленіяхъ, ими не совершенныхъ, и тоже, разумѣется, *подъ пыткой*. Такимъ образомъ пытка вынудила нѣсколькихъ старихъ евреевъ сознаться въ томъ, что имъ необходима христіанская кровь, для пользованія себя отъ *мѣсячныхъ очищеній* — болѣзни, которой подвергаются и *мужчины*.²²⁶

При всей явной нелѣпости таковыхъ признаній, многіе средне-вѣковые лѣтописцы были до такой степени ограничены, или, лучше сказать, низки, что вписывали и такого рода свидѣтельства въ свои лѣтописи. Новѣйшіе враги евреевъ, напротивъ, опускали въ своихъ сочиненіяхъ всѣ тѣ подробности, которыя имъ оной вредятъ достовѣрности самаго повѣствованія, и разсказываютъ только, что въ такомъ-то и такомъ-то году евреи убили христіанское дитя, сами въ томъ сознались и были за то казнены. Довѣрчивый читатель, читая такимъ образомъ изложенный разсказъ, невольно начиняетъ вѣрить этимъ, такъ называемымъ, *фактамъ*.

До какой степени *самое ложное* извѣстіе, лишь бы оно опиралось на общую ненависть противъ евреевъ, всеми принимается за истину, доказываетъ слѣдующій случай, бывшій въ Тридентѣ въ 1475 году:

Еврей, имѣвшій свой домъ въ городѣ Тридентѣ, на самомъ берегу рѣки Эчъ, замѣтилъ, что за рѣшетку его дома, нижняя

²²⁶ См. Ant. Bonfinius. Dec. 5 rer. Ungar. кн. III. fol. 718.

часть которой была погружена въ рѣку, зацѣпился трупъ младенца, такъ что рѣшетка препятствовала ему плыть далѣе по теченію. Еврей тотчасъ же далъ знать объ этомъ епископу города. Епископъ созвалъ судъ, на которомъ положено было заковать въ кандалы всѣхъ евреевъ, безъ исключенія. Приказаніе было исполнено, евреевъ подвергли пыткамъ. Нѣсколько евреевъ не могли перенести страшныхъ мученій, и, чтобы освободиться отъ нихъ, сознались въ убійствѣ ребенка. Разумѣется, за этимъ послѣдовало умерщвленіе всѣхъ евреевъ; домъ ихъ были разграблены, и преслѣдованіе ихъ распространилось по всѣмъ сосѣднимъ областямъ. Различныя извѣстія объ этомъ мнимомъ убійствѣ, какъ и всегда, во многомъ другъ другу противорѣчатъ. Такъ, Матвій Тиберинусъ повѣствуетъ: «Евреи умертвили младенца въ синагогѣ, у камина, приговаривая: *Tolle gesse mina elle parchesielle passiscen pegmalen*», что, будто бы, означаетъ: «Умертвимъ его какъ Иисуса, Бога христіанъ, который ничего не значить, и да умрутъ всѣ наши недруги такимъ же образомъ.» А убили его евреи, продолжаетъ историкъ, для того, чтобы христіанскую кровь виѣшать въ пасхальные хлѣбы, и чтобы тѣмъ самымъ удалить отъ себя сильное зловоніе.»²²⁷ Но въ еврейскихъ синагогахъ *вовсе не существуетъ каминовъ*, а вышеприведенныя слова, произнесенныя будто бы при умерщвленіи младенца, не имѣютъ *никакого* значенія, ибо въ еврейскомъ, или какомъ либо другомъ европейскомъ языкѣ они *вовсе* ничего не означаютъ, и, слѣдовательно, никакъ не могутъ выражать тотъ смыслъ, который приводится въ выставленномъ же-переводѣ.

Августинскій монахъ Яковъ Филиппъ Бергоменскій (*Iacobus Philippus Bergomensis*) свидѣтельствуетъ, что евреи умертвили того ребенка *на алтарѣ* и что умерщвленное дитя творило *великія и многочисленныя чудеса*, почему и причислили его къ лику блаженныхъ (*beatus*).²²⁸

Разсуждайте какъ угодно, относительно этихъ чудесъ, — но что въ еврейскихъ синагогахъ никогда не имѣлись и по нынѣ нигдѣ не существуютъ *алтари*—это фактъ.

Какой-то крещеный еврей утверждалъ даже передъ тридентскимъ судьей, Иоанномъ делла Салэ, что евреи *въ 4-й день страстной недѣли* пекутъ пасхальные опрѣсноки съ христіан-

²²⁷ «A foctore quo graviter olent.»

²²⁸ Simon Tridentinus (имя младенца), говоритъ о нѣмъ. *puerulus, quem ob miraculorum frequentiam Beatum appellant.*

скою кровію, и что въ 5-ый и 6-й дни страстной недѣли пьютъ эту кровь, смѣшанную предварительно съ виномъ. Но нельзя не замѣтить, что христіанская страстная недѣля весьма рѣдко совпадаетъ съ еврейскою пасхою, потому что евреи имѣютъ, какъ извѣстно, совершенно различное отъ христіанъ лѣтосчисленіе; а по этому употребленіе евреями опрѣсноковъ можетъ и не совпадать съ страстною недѣлею, которая иногда бываетъ мѣсяцемъ послѣ еврейской пасхи; а извѣстно, что евреи вѣдятъ опрѣсноки только въ свою пасху.

Это извѣстіе объ умерщвленіи младенца распространилось по всей Европѣ; изображенія младенца, мнимо убитаго евреями, находились при городскихъ воротахъ города Франкфурта на Майнѣ, въ церквахъ, на ярмаркахъ, въ разныхъ историческихъ сочиненіяхъ. На улицахъ и рынкахъ, всюду воспѣвали это происшествіе.

Не смотря на все это, Венеціанскій Дождь, Піетро Мочениго (Pietro Mocenigo), еще тогда же рѣшительно объявилъ, именно эдиктомъ отъ 22 апрѣля 1475 г., что вся эта исторія, нечто иное, какъ *проста я ложь*, вымышленная изъ личныхъ видовъ, опредѣленіе которыхъ предоставляется другимъ.²²⁹ Дождь повелѣлъ всѣмъ чиновникамъ венеціанскаго государства *защищать* евреевъ.²³⁰ Мудрый Дождь указываетъ въ своемъ эдиктѣ на всѣ тѣ выгоды и пользы, которыя, очевидно, происекали для монастыря, въ которомъ находились эти мнимо чудотворныя мощи умерщвленнаго младенца и не только для монастыря, но и для всего города,²³¹ не говоря уже объ огромнымъ суммахъ, похищенныхъ въ еврейскихъ жилищахъ.

²²⁹ Credimus certe, rumorem ipsum de puero peccato commatum esse; et artem, ad quem finem, viderint et interpretentur alii.

²³⁰ Этотъ замѣчательный актъ вполне напечатанъ у Cardoro Las Excel. p. 427; у J. Viva Vindex Sanguinis и у Wagenseil p. 191.

²³¹ Упомянутый Jacobus Phil. Bergomensis дѣйствительно повѣствуетъ: Simon vero sanctus, coepit clarere miraculis et adeo in tantum ejus miraculorum fama percrebuit, tantus ad ipsam urbem, ex omni christiano orbe populorum concursus, ad sancti hujus pueruli sepulchrum miraculaque visenda est secutus, ut etiam civitas ipsa, cum miraculis, opibus multis sit aucta. То есть: «святой же Симонъ началъ сіять чудесами, и слава чудесъ его до того распространилась, и въ этотъ городъ со всего христіанскаго міра такое стеченіе народовъ послѣдовало, для созерцанія чудесъ и гробницы сего отрока,—что даже и самая республика, вмѣстѣ съ чудесами, многими богатствами приумножилась.» Изъ сего явствуетъ, что такого рода предпріятіе было весьма выгодно.

Папа Сикстъ IV, послѣ долгаго и подробнаго изслѣдованія этого дѣла, вникнувъ наконецъ въ тридентинскія интриги, возсталъ противъ клеветы, возведенной на тамошнихъ евреевъ, приказалъ оставить ихъ въ покоѣ, и запретилъ въ тоже время причисленіе того младенца къ лику святыхъ.

Вагензейль такъ же называетъ эту исторію самою низкою и страшною ложью, что и доказываетъ въ упомянутомъ выше сочиненіи своемъ (стр. 172—196) самымъ явнымъ и неопровержимымъ образомъ.

Вотъ какъ произошли всѣ такъ называемые факты, сообщаемые намъ средневѣковыми лѣтописцами! Приведемъ еще мнѣніе Горенбека (Ноогенбееск), самаго непримиримаго недруга евреевъ, касательно этихъ фактовъ: ²³² «Я не буду утверждать, говоритъ онъ, дѣйствительно ли евреи употребляютъ христіанскую кровь, или нѣтъ; но мнѣ извѣстно до какой степени легко было вымышлять такія сказки, въ особенности со временъ введенія инквизиціи; и историки тѣхъ вѣковъ переполнены въ самомъ дѣлѣ сказками и вымыслами. И дѣйствительно, во всѣхъ этихъ разказахъ (касательно употребленія евреями крови христіанъ) я не нашолъ ни одного, сколько нибудь заслуживающаго довѣрія, факта. *Всѣ извѣстные разказы объ этомъ предметѣ основываются или на шаткихъ и неосновательныхъ слухахъ, носившихся въ черни... или же на доносахъ людей, желавшихъ какимъ бы то ни было образомъ захватить обширныя еврейскія имуществы, и по этому поводу вымышлявшихъ различныя обвиненія.*» ²³³ Наконецъ авторъ присовокупляетъ: «что касается до мнѣнія Томы Кембриджскаго (Thomas Cantibratensis II. 23), что евреи въ каждой провинціи бросаютъ жребій, чтобы опредѣлить, какое именно мѣстечко, или какой именно городъ долженъ снабжать прокѣе города христіанскою кровію,—то эта сказка, вѣроятно, одинаково несправедлива какъ и всѣ прочія выдумки и сказки, которыми вся книга этого писателя переполнена.»

Такъ отзывается непримиримый противникъ евреевъ о такъ

²³² Въ предисловіи къ его сочиненію: «De convicendis et convertendis Judaeis,» Leyden 1655 г. стр. 26, и слѣд.

²³³ Certe non dum vidi ex omnibus illis historiologis (т. е. объ умеренномъ христіанскихъ дѣтей евреямъ) ullam quae factum certo documento prebet. Semper se recepit vagam vulgi narrationem, vel monachorum officii inquisitorio relationem, ne dicam delatorem avaritiam Judaeorum opibus improbe inhiantium, idque scelus facile configantium.»

называемыхъ фактахъ, которые должны были доказать, что евреи дѣйствительно употребляютъ христіанскую кровь. Въ слѣдующей главѣ мы приведемъ еще свидѣтельство многихъ другихъ христіанскихъ ученыхъ, основательно знавшихъ евреевъ и ихъ литературу и спеціально изслѣдовавшихъ этотъ вопросъ, какъ напр. кардинала Флѣри, Баснажа, Вагензейля и др., единоголосно говорящихъ, что нѣтъ ни одного достовѣрнаго факта, который говорилъ бы противъ евреевъ.

Если все сказанное еще не достаточно для того, чтобы убѣдить, что всѣ тѣ рассказы объ убіеніи евреями христіанскихъ дѣтей суть не что иное какъ ложь и самый вздорный вымыселъ, то присовокупимъ еще болѣе убѣдительныя доказательства; укажемъ на нѣкоторыя другія обвиненія, тяготѣвшія въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій надъ евреями, — обвиненія, подъ предлогомъ которыхъ убивали евреевъ несметными толпами. Евреи терпѣли и умирали! Между тѣмъ мы нынѣ достовѣрно знаемъ, что всѣ тѣ обвиненія суть только ложныя и несправедливыя вымыслы.

Не будемъ говорить о мнимомъ зловоніи евреевъ, о евреяхъ съ свипыми ушами, клыками, съ живыми червяками во рту и другихъ подобныхъ сказкахъ, которыя всюду находили, однакожь, въру. Мы сообщимъ другіе столь же ужасныя сколь и печальныя факты о невиново пролитой еврейской крови, по причинѣ самыхъ бессмысленныхъ обвиненій.

Въ связи съ тѣмъ обвиненіемъ, что евреи распинаютъ христіанскихъ дѣтей, для нагляднаго представленія распятія Иисуса Христа, и что евреи нуждаются въ христіанской крови, было еще множество другихъ ложныхъ обвиненій, которымъ въ настоящее время можетъ повѣрить развѣ сумасшедшій.

Всѣмъ извѣстно, что въ срединѣ XIV вѣка во всей Европѣ свирѣпствовала моровая язва. Отыскивали причину этого страшнаго бича рода человѣческаго, и, разумѣется, нашли ее — *въ евреяхъ*. Распространились повсюду слухи, что евреи отравляютъ колодцы. Иные говорили, что они бросаютъ въ колодцы пауковъ и жабъ, для отравленія воды; другіе толковали, что отравленіе производится посредствомъ прокаженныхъ, подкупленныхъ евреями для распространенія зла; третьи, наконецъ, утверждали, что евреи изобрѣли новый ядъ, составляя его изъ гости (просфоры) и христіанскихъ сердець, и этимъ страшнымъ ядомъ отравляютъ колодцы. Между тѣмъ за эту бессмы-

свою выдумку тысячи евреевъ заплатили жизнью, и, по словамъ летописцевъ, *несмысленное множество евреевъ безъ различія возраста и пола испустили духъ среди всевозможныхъ мученій*. Еще и нынѣ мы читаемъ еврейскія «Селихотъ», т. е. молитвы на извѣстные случаи, уныло передающія невыносимыя преслѣдованія того времени. Въ нихъ евреи изливаютъ передъ Богомъ всю боль и глухое стenanіе страждущаго сердца, въ нихъ слышимъ мы вопль и плачь о ложномъ обвиненіи въ отравленіи воды, и о другихъ несправедливыхъ извѣтахъ.

Впрочемъ это обвиненіе было переходящимъ. Существовало еще другое, продолжавшееся нѣсколько столѣтій, и за него, тоже, несѣтное число евреевъ испустили духъ свой на кострѣ. Оно состояло въ томъ, что *евреи похищаютъ гостію и распинаютъ ее*; а самая причина распинанія гостіи, по мнѣнію христіанъ того вѣка, заключалась въ слѣдующемъ:

«Евреи сами знаютъ, и вѣруютъ, что гостіа есть истинное тѣло Иисуса, и, распиная гостію, они увѣрены, что снова распинаютъ самого Иисуса Христа». Прекрасно! Вѣдь это новое открытіе; евреи, слѣдовательно, вѣрятъ въ пресуществленіе, и за тѣмъ, распиная гостію, вѣрятъ въ распинаніе самого Христа! Кто можетъ сомнѣваться въ истинѣ этого обвиненія? Вѣдь эта истина подтверждается многочисленными чудесами, ибо находили кровь во всѣхъ мнимо проколотыхъ евреями и распятыхъ гостіяхъ и всякій разъ, когда христіане дѣлали это открытіе въ какой либо церкви, они немилосердно нападали на всѣхъ сосѣднихъ евреевъ и умерщвляли ихъ безпощадно. Откуда же появилась кровь на гостіяхъ? Объ этомъ мы скажемъ ниже. Рассказываютъ, что какая-то бѣдная женщина въ Парижѣ, въ 1290 г. выкупила у еврея заложенное у него свое плѣгье за гостію. Еврей сварилъ, будто бы, гостію въ водѣ, а потомъ прокололъ ее. Изъ гостіи текла кровь, а самая гостіа начала летать около стола, что увидѣли христіане. Евреи тотчасъ подвергли пыткѣ; несчастный признался виновнымъ и былъ казненъ вмѣстѣ съ многими другими евреями. ²³⁴

Въ 1296 году распространилась молва, что мальчикъ похитилъ гостію изъ церкви, въ Ротилѣ (недалеко отъ Франкфурта на Майнѣ), и продалъ ее евреямъ, которые прокалывали гостію до тѣхъ поръ, пока не появилась кровь. Какой-то мясникъ, провозглашая: «кому любо христіанство, тотъ за мною!» собралъ много народа и напалъ на евреевъ. Съ знаменами въ рукахъ,

²³⁴ Baronius Annal Eccl. ad hunc annum.

народъ отправился въ Вюрцбургъ, Ротенбургъ, Нюрнбергу и многіе другіе города и мѣстечки, и болѣе 10,000 евреевъ были разграблены и умерщвлены.²³⁵

Можно бы привести еще множество примѣровъ о найденныхъ окровавленныхъ просфорахъ²³⁶, которыя всѣ, по свидѣтельству какой либо непотребной женщины, или какого нибудь извѣстнаго мошенника, признавались за проколотыя и распятыя евреями гостию²³⁷. Даже въ XVI столѣтіи, (1510), возникалъ слухъ о проколотой гостию, похищенной вмѣстѣ съ золотою дароносицею изъ церкви и не только возникалъ, но и находилъ полагѣишу вѣру. Похититель дароносицы, какой-то котельникъ, по имени Павелъ Фромъ, сознавшись въ кражѣ сосуда, вмѣстѣ съ находившеюся въ ней гостию, показалъ, что продалъ упомянутую гостию евреямъ. Изъ этого происшествія Майнлусъ сдѣлалъ настоящий романъ,²³⁸ замѣчая, что евреи считаютъ гостию за то же самое, какъ и христіане, а именно за истиннаго Христа. Въ слѣдствіе этого обвиненія 38 Евреевъ были связаны и заживо зажарены на желѣзной сковородѣ.

Можетъ быть евреи въ самомъ дѣлѣ похищали гостию и кололи ихъ до крови? О, нѣтъ! Я увѣренъ, что между ста тысячами евреевъ развѣ одному только извѣстенъ обрядъ въ христіанскомъ богослуженіи, называемый нами: «Причащеніемъ Святыхъ Таинъ»; но въ чемъ именно состоитъ этотъ обрядъ, и какое значеніе имѣетъ гостию,— по моему мнѣнію, изъ милліона евреевъ не извѣстно ни одному. Евреи и понятія не имѣютъ о христіанскомъ ученіи о пресуществленіи, слѣдовательно и не могутъ вѣрить въ такое таинство.

Авторъ настоящаго сочиненія многіе годы жилъ въ дружескомъ обхожденіи и тѣсныхъ отношеніяхъ съ христіанами, и хотя зналъ, что христіане причащаются, но до принятія Св. крещенія вовсе не зналъ, *въ чемъ* именно состоитъ этотъ священный обрядъ.

²³⁵ Гагессій. Богемская лѣтопись, нѣмецкій переводъ Санделя стр. 355.

²³⁶ Преданіе обыкновенно многое преувеличивало въ подобныхъ случаяхъ, и изъ кровавыхъ пятенъ на гостиахъ дѣлало не объятныя кровавыя рѣки.

²³⁷ См. Nostmann. «Das schwer zu bekehrende Judenherz.» 225 и слѣдующ. и 269 и слѣд. Баснажъ стр. 379 и слѣдующ. См. также ежемѣсячные отчеты (Monatsberichte) Берлинской Академіи Наукъ, 1841 стр. 108 и слѣдующ.; здѣсь приводится нѣсколько примѣровъ объ окровавленныхъ гостиахъ и о гоненіяхъ на евреевъ, тѣсно соединенныхъ одинъ съ другимъ. Сильныя гоненія на евреевъ, по причинѣ мнимаго прокальванія и распянанія гостию, послѣдовали, сколько мнѣ извѣстно, въ годахъ: 1297, 1302, 1312, 1330, 1337, 1338, 1338, 1401, 1422, 1453, 1454, 1474, 1478, 1492 и 1510. Наконецъ реформація опровергла и уничтожила это обвиненіе.

²³⁸ Dier. canicul. T. III, collaq. I Jul. 82 0.

Что же, наконецъ, касается до опроверженныхъ гостіи, посредствомъ мнимыхъ проколовъ евреевъ, то укажемъ на ученые изслѣдованія одного изъ первѣйшихъ естествоиспытателей нашего времени, на профессора и академика Эренберга, въ Берлинѣ, основателя новой науки о микроскопическихъ инфузоріяхъ. Эренбергъ доказалъ многочисленными опытами, что на хлѣбѣ и вообще на различной пищѣ, находившейся продолжительное время въ темномъ мѣстѣ, появляются краснаго цвѣта микроскопическія монадообразныя инфузоріи, имѣющія вполне видъ крови, и называемыя упомянутымъ ученымъ «*monas prodigiosa*». Явленіе это было замѣчено уже до Эренберга, но съ тою разницею, что принимали эти кровоподобныя пятна за грибки; микроскопъ же ясно показываетъ, что они суть красныя, назывочныя животныя ²³⁹.

Итакъ маленькое, для простаго глаза вовсе незамѣтное, наливочное животное было причиною лютой смерти многихъ тысячъ евреевъ въ продолженіе около 300 лѣтъ! Въ нынѣшнее время никому не вздумается повѣрить, что въ средніе вѣка находили, будто бы, окровавленныя гостіи, и что эти гостіи были похищаемы и распинаемы евреями. Между тѣмъ средневѣковыя лѣтописи, начиная съ конца XIII столѣтія, наполнены самыми подробными разсказами о томъ, какъ евреи доставали себѣ гостіи, какъ ихъ кололи и распинали. Часто разсказывается, что гостіи *стонали* и *кричали* на подобіе маленькихъ дѣтей; летали около стола, обрызгивали кровью, истекавшею изъ нихъ, лица евреевъ и пр. Повѣствуется, что евреи, испуганные кровью, бросали гостіи въ болота, что гостіи въ свою очередь поднимались изъ болотъ и летали по воздуху, что пасущіеся около тѣхъ болотъ вола падали на колѣни предъ летающими гостіями и т. под. Въ лѣтописяхъ упоминаются еще безчисленныя чудеса, постоянно совершавшіяся неразлучно съ таковыми поступками евреевъ, и что наконецъ евреи *на пытку* всегда сами сознавались въ преступленіи и были казнены: евреевъ за — живо жарили на медленномъ огнѣ и т. п.

Такого рода повѣствованія наполняютъ почти всѣ лѣтописи среднихъ вѣковъ, которыя разсказываютъ объ этомъ еще чаще, чѣмъ о мнимыхъ убійствахъ евреями христіанскихъ дѣтей. Во всѣхъ этихъ сказкахъ только то истинно: 1) что гостіи иногда, самымъ естественнымъ образомъ, (что часто случается и со всякимъ другимъ хлѣбомъ), дѣйствительно получали

²³⁹ См. Monatsberichte der Berliner Akademie der Wissenschaften 1848 г. стр. 349—362 и 1849 г. стр. 101—116.

красныя пятна, похожія на кровь, и 2) что евреевъ часто, въ слѣдствіе нелѣпныхъ вымысловъ фанатическихъ монаховъ и хищныхъ разбойниковъ умерщвляли самымъ свирѣпымъ образомъ; все же прочее въ нихъ—ложь, часто даже пошлый обманъ. Изъ этого можно заключить, что тѣ же самые люди, которые вымышляли изъ различныхъ видовъ эти сказки, могли выдумать и то обвиненіе, что евреи употребляютъ христіанскую кровь; отсюда также видно, что такъ называемые факты, свидѣтельствующіе объ убіеніи евреями ежегодно христіанскихъ дѣтей, имѣютъ столько же исторической достовѣрности, какъ и рассказы объ плачущихъ и летающихъ гостіяхъ.

Не должно, однакожь, удивляться, что достовѣрность фактовъ, считавшихся многими за *подлинныя* можетъ такъ рѣшительно оспариваться. Приведенные нами рассказы хронистовъ объ украденныхъ евреями — скачущихъ и плачущихъ просфорахъ доказываютъ только, что извѣстія средневѣковыхъ хроникъ и сознанія пытаныхъ евреевъ не суть еще историческіе факты. Кромѣ того, мы обращаемъ вниманіе нашихъ читателей еще на слѣдующія соображенія. Тотъ, кто занимался разносторонними историческими изслѣдованіями, знаетъ, что въ исторической наукѣ есть множество вещей, которыхъ достовѣрность въ зеченіе многихъ столѣтій ни кѣмъ не была оспариваема, которыя вездѣ считались за историческія истины и вошли даже въ наши руководства и энциклопедіи и пр., — и однакожь въ наше столѣтіе нашлись люди, которые съ критическою проницательностью вновь изслѣдовали источники и до очевидности доказали, что многіе такъ называемые достовѣрные историческіе факты рѣшительно ложны. Такіе случаи встрѣчаются не только на отдаленныхъ и темныхъ пунктахъ исторіи, но даже въ области греческой и римской исторіи и археологіи, которыми уже болѣе 400 лѣтъ занимаются первѣйшіе умы Европы. Безсмертными трудами Нибура, Грота, Момсена, Германа, Курціуса и другихъ подобныхъ героевъ науки, множество мнимыхъ историческихъ фактовъ, въ которыхъ до нынѣ ни кто не сомнѣвался, исчезло изъ исторіи и на мѣсто ихъ выступили другіе. Такъ, напримѣръ, вы нынѣ напрасно будете искать въ классической римской исторіи Момсена исторіи первыхъ шести царей Рима, которыхъ мы должны были такъ прилежно заучивать и которыми наши учителя такъ мучили насъ. Вся эта исторія перешла въ область фантазіи и мифа, откуда она произошла, а на мѣсто ея выступили новые факты. Такимъ образомъ и пи-

шущему эти строки удалось въ сочиненіи, изданномъ здѣшнейю академіею наукъ: «Сабен и сабенизмъ» изгнать изъ исторіи фактъ, о которомъ писали до 100 ученыхъ, а на мѣсто его вывести совершенно другой. Прошло уже болѣе 5 лѣтъ со времени появленія этого сочиненія и результаты этихъ изслѣдованій нашли себѣ самое полное подтвержденіе во всей Европѣ.

Изъ сказаннаго можно усмотрѣть, что даже въ общезвѣстныхъ и многократно-изслѣдованныхъ областяхъ исторіи встрѣчаются пункты, въ достовѣрности которыхъ никто въ теченіе столѣтій не сомнѣвался, и которые, однакожь, при ближайшемъ и тщательнѣйшемъ изслѣдованіи, оказываются ложными.

Касательно упомянутыхъ обвиненій, насъ еще меньше должно удивлять, если эти, столь многими людьми признанные, факты, при ближайшемъ изслѣдованіи, оказываются рѣшительно ложными,—тѣмъ болѣе, что здѣсь фанатизмъ, ненависть и корыстолюбіе почти всегда были поводомъ къ извращенію событій и представленію ихъ въ ложномъ свѣтѣ.

Къ сожалѣнію, очень часто разсуждаютъ объ этомъ вопросѣ люди, не имѣющіе нужныхъ для этого свѣдѣній и не изслѣдовавшіе этого предмета.

Странно въ самомъ дѣлѣ. Еслибъ дѣло шло, напр., о какомъ нибудь трудномъ и сложномъ вопросѣ римской исторіи, то навѣрно не призвали бы для разрѣшенія его кого нибудь такого, кто съ трудомъ можетъ прочесть нѣсколько строкъ въ какой нибудь латинской книгѣ; а поручили бы это человѣку, который вполне посвященъ въ римскую литературу, который имѣетъ глубокія свѣдѣнія въ римской исторіи и знаетъ внутреннюю и внѣшнюю жизнь римлянъ и который посвятилъ этому предмету значительную часть своей жизни. Но совершенно иначе поступаютъ при упомянутомъ обвиненіи, взводимомъ на цѣлые милліоны людей! Если найдется человѣкъ, знающій еврейскую азбуку, въ случаѣ нужды, при помощи лексикона, могущій перевести даже нѣсколько строкъ съ еврейскаго, хотя бы человѣкъ этотъ имѣлъ только самыя смутныя и превратныя понятія и свѣдѣнія о литературѣ, исторіи, внѣшнемъ и внутреннемъ бытѣ евреевъ,—его считаютъ уже вполне компетентнымъ судьей въ этомъ вопросѣ!

Здѣсь должно принять въ соображеніе еще то обстоятельство, что дѣло идетъ не объ одномъ *теологическомъ* вопросѣ, но и объ *историческомъ*; ибо для критическаго разбора историческихъ источниковъ и возстановленія ихъ достовѣрности нужно

имѣть умъ и опытность. Для этого недостаточны одни теологическія знанія. Лучшій христіанскій богословъ не можетъ рѣшить нашего вопроса помощью одной христіанско-богословской учености. Христіанское богословіе не имѣетъ здѣсь никакого примѣненія; для рѣшенія этого вопроса нужны самое точное и глубокое знаніе всѣхъ отраслей еврейской литературы; полное, по источникамъ, приобретенное, знакомство съ исторіею развитія еврейской религіи, какъ разное точное знаніе всѣхъ эпохъ еврейской исторіи. Кроме этого нужны еще опытность въ разработкѣ и критическомъ разборѣ историческихъ источниковъ. Словомъ, кроме полнѣйшаго знакомства съ религиозною жизнью еврея, нужно еще быть историкомъ, чтобы имѣть право высказать рѣшительное слово объ этомъ обвиненіи.

Къ сожалѣнію, донынѣ многіе непрізнанные высказывали свое поспѣшное мнѣніе объ этомъ вопросѣ, и поэтому говорили о доказанныхъ будто бы фактахъ, а нѣкоторые думали находить даже *въ религіи* евреевъ доказательства справедливости сказаннаго обвиненія. Напротивъ того, люди, которые соотвѣтствуютъ сказаннымъ требованіямъ для рѣшенія этого вопроса, люди, спеціально изучившіе этотъ вопросъ по источникамъ, рѣшительно выражаются *противъ* этого обвиненія и самымъ положительнымъ образомъ утверждаютъ, что *нѣтъ ни одного достовернаго* факта, который могъ бы служить подтвержденіемъ ему. *Вагензейль* дѣлаетъ даже на сообщаемые хронистами такъ называемые факты, слѣдующее интересное замѣчаніе: «Промысловъ Божиимъ, говоритъ онъ, всѣ эти повѣствованія такъ рассказаны, что нужно только читать ихъ *безъ предубѣжденій и съ здравымъ смысломъ*, чтобы *тотчасъ* усмотрѣть, какъ несправедливо поступали съ бѣдными евреями, и какъ обвиненія эти происходили отъ ихъ *враговъ*, изъ жажды мщенія или изъ желанія овладѣть ихъ имуществомъ.» Пишущій эти строки полагаеть, что соединяеть въ себѣ всѣ означенныя выше требованія необходимыя для рѣшенія этого вопроса, и уже многіе годы занимается разрѣшеніемъ его, и изслѣдовалъ для этого почти всѣ надлежащіе источники; и онъ тоже подтверждаетъ, что *нѣтъ ни одного* факта, который могъ бы оправдать это обвиненіе. Напротивъ, посредствомъ этого же многолѣтняго изслѣдованія, онъ пришелъ къ полному убѣжденію, что всѣ эти обвиненія всегда были только слѣдствіемъ какой либо интриги, которая сплеталась изъ различныхъ, болѣею частью своекорыстныхъ цѣлей. Происхожденіе же этого обвиненія, а равно повторенія его до нашихъ дней очень легко объясняются.

Въ то время, когда раснять былъ Иисусъ Христосъ, вся Палестина была возмущена всякаго рода политическими смутами, и этотъ важный для всего христіанства фактъ почти безъ всякихъ слѣдовъ прошелъ мимо евреевъ; ибо ни еврей, ни римляне въ то время не имѣли никакого понятія о томъ, что ученіе распятаго Христа въ свое время просвѣтитъ весь міръ и завладѣетъ всею вселенною. Христіане среднихъ вѣковъ, (какъ и многіе нашего времени) не могли себѣ представить, чтобы столь важное міровое событіе могло безслѣдно пройти относительно евреевъ, не оставивъ ничего ни въ жизни, ни въ духѣ еврейскаго народа; они, напротивъ, воображали, что евреи, распявшіе Спасителя, передали свою ненависть противъ новаго ученія и противъ основателя этого ученія и потомкамъ своимъ, и что эти послѣдніе непременно стараются выказывать ненависть свою какими бы то ни было ненавистными поступками. Во время крестовыхъ походовъ фанатическіе крестоносцы напали на весьма естественную, относительно понятій того вѣка, мысль: сперва уничтожить невѣрующихъ въ собственной родинѣ, а потомъ предпринять уже борьбу съ невѣрующими отдаленныхъ странъ. На этомъ основаніи крестоносцы убивали и разграбляли беззащитныхъ евреевъ, безъ различія пола и возраста, во всѣхъ городахъ, лежащихъ на ихъ пути, такъ что борцы и защитники религіи любви омывали путь свой потоками невинно пролитой крови. Недоставало только искры, чтобы мгновенно заставить вспыхнуть взволнованное суевѣріе. Слѣдовало только какому нибудь сумасшедшему или низкому человѣку обличить евреевъ въ нечестіи употребленія христіанской крови, или же въ ежегодномъ распинаніи христіанскихъ младенцевъ, для осмѣянія Иисуса Христа, — и суевѣріе и хищность народа должны были воспламениться со всею жестокостію. Кстати ли, говорилъ тогда народъ, отправляться на отдаленный востокъ сражаться съ храбрыми мамелюками; не разумнѣе ли напасть на безбожныхъ евреевъ: вѣдь еврей не только что не вѣрующіе, но и распинатели Христа.

Дѣтубійство въ прежніе вѣка случалось очень часто ²⁴⁰, — почему убитыхъ дѣтей находили очень много; а нашедши трупъ младенца гдѣ нибудь въ лѣсу или въ колодецѣ, всякій бездѣльникъ могъ воспользоваться случаемъ указать на евреевъ. Народъ, разумѣется, нисколько не думая дожидаться правосудія, или юридическаго изслѣдованія дѣла, — безъ пощады нападалъ на евреевъ,

²⁴⁰ Gilbert Gaulmin, президентъ парижскаго парламента въ концѣ XVII

убивалъ ихъ и грабилъ. Баснажъ замѣчаетъ ²⁴¹ о подобныхъ возстаніяхъ народа при такихъ происшествіяхъ вотъ что: «эти народныя возмущенія заставляютъ сомнѣваться въ достовѣрности фактовъ, по поводу которыхъ они происходятъ: они являются часто по однимъ сомнительнымъ слухамъ и производятъ рѣшеніе прежде, чѣмъ можно было сдѣлать изслѣдованіе.» (*Ces émotions populaires font douter de la vérité du fait, qui les cause: elles se forment souvent sur des faux bruits et s'exécutent avant que l'information soit faite*).

Такія мнимо убитыя евреями дѣти, такіе «*prétendus martyrs*» какъ называетъ ихъ кардиналъ Флѣри, приносили большую пользу и для мірянъ и для того духовенства, которое унижало только это имя; ибо очевидно, что неминуемый грабежъ богатыхъ евреевъ наполнялъ карманы грабителей, которые, въ свою очередь, за часть легко нажитыхъ денегъ покупили себѣ отпущеніе грѣховъ — не за умерщвленіе невинныхъ людей — (вѣдь то были евреи — а еврея убить не великій грѣхъ) ²⁴², но за то, что часто въ пылу грабежа и убійства прекрасныя дочери умерщвленныхъ обращали на себя вниманіе сладострастныхъ грабителей.

Мнимо убитыя евреями дѣти обыкновенно творили чудеса; чудотворныя мощи ихъ, — святость которыхъ папы никогда, однакожъ, не признавали, — со всѣхъ сторонъ, какъ сказано выше, привлекали къ себѣ богомольцевъ; а приходили эти богомольцы, какъ тоже сказано выше, не съ пустыми руками. Ради такихъ благочестивыхъ приношеній могли ли богобоязненные средне-вѣковые духовники остановиться предъ тѣмъ, чтобы изжарить нѣсколько сотенъ евреевъ? Вѣдь это были все-таки лишь проклятые евреи, замучившіе Спасителя! **Д. ХВОЛЬСОНЪ.**

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

вѣка говоритъ объ обычѣ дѣтоубійства въ Картагенѣ, и между прочимъ замѣчаетъ: «*Quot in patria nostra nimis frequens, non possumus non dolere. Adeo, urbem eximiam Populorum coloniam esse dicas, ubi humanis librorum victimis litabant. Certe apud nos hodie insontes sum, qui quaeque hoc facinoris admiserunt.*»

Нюрнбергскій пасторъ Фридрихъ Лохнеръ жалуется въ началѣ своего сочиненія, заглавленнаго: «*Das seltene Alter*» на то, что невинно пролитая кровь дѣтей наноситъ безславіе церкви и *что матери убиваютъ своихъ дѣтей.* «*Um blos der Schande und dem Vorurtheil zu entgehen, ihre Kinder erwürgen, erdrosseln ersäufen, in das heimliche Gemach (Apartment) werfen oder sogar, wie D-r Ditrich einen schrecklichen Augenschein auführt den Säuen vorwerfen; die es bis an die Finger gefressen haben.*»

²⁴¹ Hist. стр. 376.

²⁴² Въ XVII вѣкѣ еще многіе сомнѣвались въ томъ, можно ли или нѣтъ безнаказанно убить еврея. — См. Schudt, jüdische Merkwürdigkeiten II. стр. 233 § 19 и стр. 238 и сл. § 30.

КИТАЙСКІЕ ПИРАТЫ.

Если въ Серединной имперіи существуетъ какое нибудь добросовѣстное учрежденіе, такъ это—пиратство. Несчастный Китай есть царство упадка и безпорядочности; его розы поблекли, его поэты—литературные воры, философы—скучные старые болтуны, которыхъ никто не уважаетъ, а Братъ Солнца и Мѣсяца находится въ очень холодныхъ отношеніяхъ къ своимъ великодушнымъ родственникамъ. Но пиратство живетъ, процвѣтая роскошью, о которой едва ли грезилось капитану Кидду и которое составляетъ благородный контрастъ съ жалкимъ мелочнымъ разбоемъ, господствовавшимъ сто лѣтъ тому назадъ у испанскаго материка. Китайскіе пираты имѣютъ свои флоты и эскадры, своихъ, ими самими назначаемыхъ, адмираловъ и коммодоровъ, по точному образцу императорской морской части. Если бы не безпокойное присутствіе англійскихъ крейсеровъ, то пираты скоро очистили бы моря отъ своихъ соперниковъ — кораблей мандаринскихъ.

Въ то время, когда нишущій эти строки впервые познакомился съ китайскими морями и обычаями, въ Китаѣ существовалъ одинъ отчаянный пиратъ, который, будучи краснѣйшимъ изъ всѣхъ когда-либо обливавшихся кровью разбойниковъ, носилъ однако длинную косу, — шелковистую превосходно заплетенную косу, — которая съ достоинствомъ могла бы украсить го-

лову какойнибудь пансионской дѣвицы. Имя этого человека было — Чинъ-Апо; и если труба славы не прогремѣла о немъ по всей Европѣ, то Пекинская газета сдѣлала его очень известнымъ въ Китаѣ. Десять—пять—пятнадцать тысячъ долларовъ изъ императорской казны было обѣщано за эту красиво заплетенную косу и за эту голову, которой она служила украшеніемъ. И однакоже Чинъ-Апо спокойно прогуливался по улицамъ Кантона, Нанкина, Шанхая и всякаго другого города, какъ будто бы онъ былъ невидимъ, потому что ни губернатору, ни полицейскимъ ни разу не случилось его видѣть, хотя менѣе крупныя преступники были ежедневно распинаемы или распиливаемы этимъ самымъ блзроукиимъ китайскимъ правосудіемъ, которое шадило Чинъ-Апо. Я никогда не могъ узнать настоящихъ причинъ этой безнаказанности, но мнѣ кажется, что оно было плодомъ благоразумнаго смѣшенія подкупа и застрастки. Въ самомъ дѣлѣ, первоклассный разбойникъ внушаетъ, очень естественно, каменносердому мандарину какую-то симпатію смѣшанную съ почтеніемъ. И такъ Чинъ-Апо благоденствовалъ, и грабилъ, и взималъ подати, и командовалъ флотиліей изъ пятидесяти или шестидесяти лорчей и вооруженныхъ джонокъ; но въ злополучную минуту онъ попался въ умерщвленіи двухъ англійскихъ офицеровъ въ Гонгъ - Коингъ и британскій левъ наложилъ на него свою лапу. Будучи схваченъ, пиратъ выказалъ то удивительное равнодушіе къ жизни, которое составляетъ одну изъ самыхъ неразгаданныхъ чертъ китайскаго характера. И это не потому, чтобы китаецъ не былъ одаренъ неоцѣненной способностію всѣми мѣрами избѣгать опасности (хотя я искренно убѣжденъ въ мудрости пословицы — «китаецъ боится больше шума чѣмъ боли»), но когда онъ пойманъ, то умираетъ весело, какъ будто жизнь ничего не стоитъ. Такъ было и съ Апо. Его приговорили къ пожизненной ссылкѣ и отправили, скваннаго, въ Калькутту; его единственная просьба, во все время, состояла только въ томъ, чтобы его убили какимънибудь приличнымъ образомъ, не портя его косы; безчестіе, соединенное съ ношеніемъ оковъ, заставило его попытаться умерить себя голодомъ на фрегатѣ. Одинъ изъ матросовъ, съ своей непрошеной филантропіей, вздумалъ было кормить его супомъ, посредствомъ бамбуковой трубочки; но Чинъ - Апо успѣлъ достать ржавый гвоздь, отворилъ себѣ жилу и умеръ подобно философу.

Самая обыкновенная величина для пиратскаго судна — около

трехсотъ пятидесяти тоннъ, но оно рѣдко или никогда не крейсируетъ одно, и когда вы видите корсара, несущагося противъ насъ на парусахъ и веслахъ, то можете быть увѣрены, что недалеко находится и другой, который, — какъ соколъ на разстояніи своего птичьяго зрѣнія, — слѣдитъ за движеніями своего товарища. Джонка такого объема, вооруженная нѣсколькими тяжелыми пушками и наполненная людьми — не совсѣмъ ничтожный противникъ для вооруженнаго европейскаго купческаго судна, въ особенности, когда можно положить навѣрное, что Дроміо изъ Кантона скоро придетъ на помощь къ Дроміо изъ Макао. Что же касается до китайскихъ торговцевъ, то они никогда не рѣшаются вступать въ битву. Если китайскій купецъ благоразуменъ, то онъ платитъ подать какому нибудь пиратскому сановнику, который застраховываетъ его корабль и грузъ. Если онъ упрямъ или гордъ, то нанимаетъ американскаго или англійскаго шкипера, съ половиннымъ числомъ англійскихъ матросовъ, и запасается порохомъ; или даже, — если онъ вполне смысленный человекъ, — покупаетъ англійскій пароходъ, который, по крайней мѣрѣ, можетъ положиться на быстроту своего бѣга и ускользнуть отъ цѣлой армады пиратовъ. Впрочемъ это не всегда удается, потому что между прибрежными островками и мысами, особенно къ сѣверу, кораблямъ приходится иногда проходить по предательскимъ проливамъ, гдѣ разбойники съ косами на затылкахъ кишатъ какъ осы и жалятъ такъ же ядовито.

Для личной участи захваченныхъ пиратами плѣнниковъ большую разницу составляетъ то, гдѣ взять корабль: на *сѣверъ* или на *югъ* отъ извѣстной географической линіи, раздѣляющей китайскій приморскій берегъ, такъ сказать, пополамъ. Если мы попались въ плѣнъ на югъ этой линіи, то можемъ быть увѣрены, что наши побѣдители пощадятъ нашу жизнь и оставятъ намъ кое-какое платье, въ особенности если оно старо и изорвано. Безъ сомнѣнія намъ придется перенести нѣкоторыя незначительныя жестокости, мы потерпимъ болѣе или менѣе сильныя побои и голодъ, пока ближайшій консулъ или командиръ какого нибудь англійскаго военнаго корабля не заплатитъ за насъ выкупныхъ денегъ. Очень вѣроятно, что насъ станутъ возить въ бамбуковыхъ кѣткахъ, что въ насъ будутъ кидать грязью и камнями деревенскіе ребятишки, которые никогда еще не видали европейцевъ и не чувствуютъ особеннаго уваженія къ этому племени. Въ случаѣ замедленія выкупа возможно, что наши властители

сдѣлаются нетерпѣливыми и станутъ отмѣчать дни ожиданія, отрубая каждое утро по одному суставу отъ нашихъ пальцовъ, — дѣло не совсѣмъ не слыханное въ тѣхъ мѣстахъ; — но, во крайней мѣрѣ, мы, вѣроятно, возвратимся, наконецъ, домой, къ нашимъ неутѣшнымъ друзьямъ и можемъ играть роль героевъ въ остальное время своей жизни, въ силу перенесенныхъ нами испытаній, не говоря уже объ удовольствіи представить публикѣ красивый иллюстрированный томъ *in octavo*. Въ сѣверной части китайскаго поморья дѣла ведутся совершенно другимъ образомъ. Тамшніе пираты научились вѣрить въ справедливость кровожадной старинной пословицы морскихъ разбойниковъ — «мертвые ничего не рассказываютъ», и они ужасно скоро поканчиваютъ съ невольничествомъ своихъ плѣнниковъ. Здѣсь остается одно — сопротивляться до послѣдняго издыханія, такъ какъ путешественникъ можетъ быть увѣренъ, что никакая смиренная покорность не смягчитъ жестокости приговора.

Планъ нападенія въ канавахъ между островками, или между ними и материкомъ, очень простъ и старомоденъ. Сѣти растянуты поперегъ воднаго пути, и пауки ожидаютъ мухъ въ какойнибудь удобной засадѣ, вблизи своей паутины, т. е. въ какойнибудь маленькой бухтѣ, гдѣ пальмы не превышаютъ ихъ низкихъ мачтъ, или подъ мрачною скалою, которая прикрываетъ своею тѣнью ихъ темныя суда и паруса изъ соломы или хлопчатой бумаги. Кунеческій корабль пробирается вдоль берега, съ своими высоко поднятыми брамсеями и лисеями, волнуемини тихимъ вѣтеркомъ. Капитанъ слишкомъ торопится дойти до уютной якорной стоянки въ портѣ, служащемъ цѣлью его путешествія, гдѣ ему не будутъ болѣе надобны логарисмы, и астрономическія наблюденія, гдѣ корабль наволнитса свѣжею провизіей, гдѣ пріемщикъ товаровъ пригласитъ его къ обѣду и похвалитъ его съ скорымъ прибытіемъ, самъ же онъ сдѣлается въ время настоящимъ героемъ въ кругу блѣдныхъ дамъ и желчныхъ купцовъ — аристократовъ. Онъ вошелъ въ тѣснину между островами, чтобы сберечь лишній день и посмотрѣть каковъ будетъ результатъ. Онъ спитъ въ своей каютѣ, наполненной тараканами; на палубѣ нѣтъ никого кромѣ рулеваго въ красной шерстяной рубахѣ и худощаваго старика подшкипера съ клѣтчатыми рукавами и въ панамской шляпѣ, который кусаетъ ногти и свисткомъ возвѣщаетъ направленіе вѣтра. Ему не нравится выборъ пути; онъ всегда былъ противъ этого соблазнительнаго плана — про-

браться по стекловидному проливу между островами, и его видѣніе въ глазахъ большинства было бы сильнѣе мнѣнія шкипера, который не начальствовалъ бы надъ кораблемъ, если бы не былъ племянникомъ хозяина, или зятемъ его, или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ. Я надѣюсь, что корабль со всѣмъ своимъ грузомъ надлежащимъ образомъ застрахованъ; что касается до жизни людей, находящихся на его борту, то для нея нѣтъ спасенья... Неосмотрите: длинноносые злодѣи на этихъ притаившихся джонкахъ распускаютъ паруса и кладутъ свои длинныя весла на голубую воду. Въ это самое время подшкиперъ внимательно смотритъ на струю, гдѣ пробочные поплавки обозначаютъ верхнюю линію сітвей, находящихся подъ водою, какъ разъ впереди. Его опытный взглядъ видитъ ихъ слишкомъ ясно и онъ въ одну минуту громкимъ голосомъ вызываетъ сонный экипажъ на палубу. Капитанъ тоже является совершенно разстроенный. «Руль на бортъ! ускори ходъ!» Все напрасно; эти приказанья только сбиваютъ матросовъ съ толку, потому что кораблю нѣгдѣ повернуться, а выдающиеся утесы мѣшаютъ вѣтру дѣйствовать на его паруса.—Чу! загремѣлъ первый пушечный выстрѣлъ пиратовъ. Остается одно средство—идти впередъ, прорваться черезъ веревки, сѣти и шесты, чѣмъ бы это ни кончилось—жизнью или смертью; поднять праздныя паруса, выставить одну каронаду, которая лежала забытая между людьми и канатами, взять мушкеты. И вотъ обреченное на гибель судно идетъ впередъ. Кракы! Оно движится между цѣпкими сѣтями, — прорвало нѣкоторыя изъ нихъ, но другія слишкомъ крѣпки и оно наконецъ запуталось. Съ крикомъ торжества, стрѣляя изъ своей мѣдной пушки, размахивая мечами и ударяя по водѣ множествомъ длинныхъ веселъ, пираты, подобныя демонамъ, устремляются на корабль изъ бухтъ и заливовъ. Жалкая заржавѣвшая пушка англійскаго судна наведена, выстрѣлъ сдѣланъ, — можетъ быть не совсѣмъ удачно, — пушку даже можетъ разорвать, потому что она была заброшена и засорена раковинами; во всякомъ случаѣ ея огонь не въ состояніи отразить восемь или десять вооруженныхъ джонокъ, наполненныхъ людьми. Еще минута—и они у борта, бросаютъ на палубу корабля горшки съ горючими веществами и идутъ на abordажъ среди дыма. Происходитъ послѣдняя, отчаянная, рукопашная схватка, но многочисленность преодолеваетъ, палуба превращается въ бойню, изрубленные и обезглавленные тѣла плывутъ внизъ по теченію, корабль разграбленъ и потопленъ, или

преданъ огню и за тѣмъ конецъ всему...исключая томительныхъ думъ, которымъ предаются жоны и миды, съ нетерпѣніемъ ожидающія возвращенія погибшаго судна. Конечно, не рѣдко случается, что до хозяина или до застрахователя не доходитъ даже прямыхъ свѣдѣній о происшествіи, и что когда въ гибели судна не осталось никакого сомнѣнія, то её обыкновенно приписываютъ подводнымъ скаламъ, или тифонамъ, и злодѣйство пирата сваливаютъ на кораблекрушеніе. Иногда, въ послѣдствіи, участь, постигшая судно, открывается изъ признанія какого нибудь разбойника въ Гонгъ-конгской тюрьмѣ, или какая нибудь вещь, принадлежавшая кому нибудь изъ жертвъ и проданная въ Кантонѣ, бываетъ признана, и тогда старая исторія выплываетъ наружу, во всей своей преступной цѣлости.

Разумѣется, существуетъ и болѣе свѣтлая сторона картины, Пароходъ, обыкновенно, можетъ прорваться сквозь рядъ сѣтей; парусный корабль, въ случаѣ благопріятнаго вѣтра, тоже въ состояніи это сдѣлать; а судно съ большимъ экипажемъ, съ незасеренными коронадами и исправными фальконетами можетъ пробиться чрезъ цѣлый флотъ джонокъ, не потерпѣвъ значительнаго поврежденія, если только оно избѣгнетъ абордажа. Иногда случается, что пираты натыкаются въ образѣ англійскаго крейсера на добычу, которая имъ не подъ силу, и шершень разрываетъ паутину, разставленную для глупыхъ мухъ. Во всѣхъ лѣтописяхъ боевыхъ схватокъ невозможно представить зрѣлища болѣе красиваго: вотъ—паровой тендеръ, въ узкомъ каналѣ, окруженный кольцомъ огня и дыма; вооруженныя джонки, тѣснящіяся и жужжащія вокругъ него подобно москитосамъ; батареи которыя, будучи скрыты въ прибрежномъ кустарникѣ и вверху на выдающихся утесахъ, гремятъ и извергають пламя, между тѣмъ какъ выстрѣлы изъ фитильныхъ ружей раздаются изъ каждой западни, гдѣ только можетъ быть скрыта засада. Все напрасно. Дисциплина, превосходство породы и цивилизаціи слишкомъ не подъ силу дикой лютой и жадности. Все дѣло это можетъ быть представлено въ точности слѣдующимъ образомъ: происходитъ упорная битва, огонь крейсера отличается превосходнымъ порядкомъ, джонки горятъ и тонуть, батареи на берегу дрипуждены замолчать, густой крикъ англичанъ возвышается громче и яснѣе надъ воемъ дикихъ; затѣмъ лодки поспѣшно, но правильно, спускаются въ воду и наполняются людьми, весла быстро движутся, раздается громкое ура, когда шлюпки и ка-

гора бросается на джонки, и дѣло всегда оканчивается побѣдой, враги сожжены, утоплены и перебиты.

Но не легко убѣдить китайца, что въ морскомъ разбоѣ есть что нибудь предосудительное. Даже тѣ самые купцы, золотое руно которыхъ было разграблено на морѣ, кажется, не видятъ ничего безиравственнаго въ ремеслѣ пирата, хотя признають его результаты для себя невыгодными и убыточными. Нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, сами нѣсколько причастны къ подобнымъ дѣламъ. Не то чтобы эти жирныя, старыя существа, которыя продають намъ металлоцвѣтный чай и сырцовый шолкъ, были склонны къ опаснымъ похождениямъ, но иногда они содержатъ пиратскую джонку — точь-въ-точь какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ англійскіе набожные торговцы, посредствомъ каперскихъ судовъ, промышляли морскимъ грабительствомъ. Они вовсе не считаютъ морскаго разбоя грѣхомъ, если не потерпѣли отъ него недавно какого нибудь значительнаго уропа, такъ же какъ у насъ многіе достойные люди не считаютъ контрабанду дѣломъ предосудительнымъ. Равнымъ образомъ китайскій матросъ ни мало не стыдится признаться, что онъ вчера былъ пиратомъ и можетъ сдѣлаться таковымъ же завтра, такъ же какъ древній морякъ Суссекскаго поморья охотно соглашался, что онъ не былъ въ теченіе всей жизни слишкомъ совѣстливымъ исполнителемъ законовъ о собственности. Но когда пиратъ дѣйствительно попадаетъ въ руки правосудія — и онъ долженъ быть очень неловокъ, несчастенъ или бѣденъ, чтобы подвергнуться подобной участи — то его такъ же мало щадятъ, какъ мало онъ самъ щадитъ своихъ плѣнниковъ. Однакоже, вообще эти негодяи предпочитаютъ короткую и крутую расправу судьи-мандарина медленному судопроизводству и продолжительному заключенію, которыми они подвергаются, если ихъ судятъ въ главномъ англійскомъ судѣ ея величества, въ Гонгъ-Конгѣ. Продолжительное заключеніе составляетъ одну изъ самыхъ сильныхъ антипатій китайца; онъ ненавидитъ проволочки и предпочитаетъ быстрый ударъ меча, который въ китайскомъ городѣ непременно разлучитъ его душу съ тѣломъ. Я не могу удержаться отъ мысли что Драконъ, вѣроятно, былъ переселенецъ изъ «Страны Прощанія», — съ такою полнотою его суровый духъ отпечатлѣлся на кодексѣ законовъ Серединой Имперіи. Кромѣ наказанія бамбуковыми палками, толчковъ и нѣкоторыхъ незначительныхъ пытокъ, тамъ назначается смерть за оцѣнъ

небольшіе проступки. Тамъ такъ много ртовъ, требующихъ пищи, что человѣческая жизнь не имѣетъ ни малѣйшей цѣнности на рынкѣ, и голова каждаго (если только она не украшена мандаринскимъ шарикомъ или павлиньимъ перомъ) очень слабо держится на его плечахъ. Жители небесной имперіи не могутъ допустить, чтобы ихъ преступники долго содержались въ тюрьмѣ. Они должны умереть, или оставаться въ живыхъ и вѣстись на счетъ отеческаго правительства. Отечественное правительство недолго колеблется въ выборѣ, — и палачъ не получаетъ жалованья даромъ. Но обыкновенно приговоръ ограничивается простымъ обезглавленіемъ, а длинный списокъ мучоній, изобрѣтенныхъ вѣками, приберегается для тѣпинговъ, для сватотатцевъ или для тѣхъ преступниковъ, которыхъ преступленіе состоитъ въ оскорбленіи властей.

Между пиратами бываютъ люди знатные, какъ каждый туземный чайный торговецъ вамъ расскажетъ, — и это — если не самыя злѣйшіе, то, можетъ быть, самыя неисправимые негодяи изъ всѣхъ ихъ. Если сынъ какого нибудь стараго мандарина распутничаетъ больше, чѣмъ позволяетъ ему высокопочтенный папа, и впадаетъ въ немилость, то онъ нерѣдко дѣлается пиратомъ, — и съ этихъ поръ становится въ глазахъ другихъ не болѣе, какъ предприимчивымъ малымъ, обладающимъ нѣскольکو подвижнымъ темпераментомъ. Онъ мало боится закона, потому что мандарины щадятъ своихъ друзей и родственниковъ; и если онъ попадетъ въ тюрьму, то навѣрно ускользнетъ изъ нея черезъ заднюю дверь, между тѣмъ какъ менѣе знатные воры переносятъ величайшія строгости. Можетъ быть онъ поправитъ свое состояніе, подкупитъ цензоровъ, выдержитъ блистательный экзаменъ и умретъ въ санѣ губернатора. — Для ученаго и хитраго китайца все возможно, а нашъ молодой корсаръ никогда не забываетъ того, чему онъ учился; онъ цитируетъ стихи шкиперамъ, которыхъ грабитъ, и перерѣзывая кому нибудь горло, никогда не преминетъ сказать своей жертвѣ какое либо изрѣченіе Конфуція. Эти ученые плуты открыто появляются въ Гонгъ-Конгѣ, гордо расхаживаютъ по улицамъ Викторіи, и пользуются глубокимъ уваженіемъ европейскихъ резидентовъ, потому что они принадлежатъ къ племени мандариновъ и знаютъ все, касающееся скупѣйшихъ церемоній, которыя когда либо были изобрѣтаемы самыми напыщенными длиннокосыми надобдателями ихъ родины, и сверхъ всего этого, могутъ говорить *по-маолииски*.

Говорить *потаолійски* — предметъ величайшаго честолюбія для многихъ честныхъ англійскихъ изгнанниковъ, которые на далекомъ востокѣ перечекаиваютъ свою печень въ доллары. Это очень прекрасный языкъ и они выражаютъ на немъ очень милыя чувствованія, густо приправленные нравственными афоризмами. Это старое, жующее опиумъ чудовище, въ вышитой мантии и снѣжихъ шелковыхъ невыразимыхъ, говоритъ возвышенными сентенціями, которыя могли бы сдѣлать честь Платону; но не смотря на все это онъ непременно испортитъ качество и поддѣлаетъ вѣсь чайныхъ цибиковъ, которые продастъ вамъ, если только вы не перехитрите его. Этотъ молодой поэтъ, который такъ краснорѣчиво говоритъ о достоинствѣ добродѣтели, имѣетъ самую дурную репутацію, а почтенный мужъ съ желтыми пуговками, плачущій надъ притчами Хинъ-Тсянга—едва ли не самый ученый изъ обманщиковъ, какихъ когда либо Китай имѣлъ честь произвести на свѣтъ.

Китайскія моря никогда не будутъ окончательно очищены отъ пиратовъ, пока европейскія крейсёры не займутся этимъ дѣломъ какъ слѣдуетъ, подобно тому, какъ они поступили относительно своихъ прежнихъ страшилищъ — варварійскихъ морскихъ разбойниковъ и тѣхъ достойныхъ собратьевъ ихъ, которые имѣли обыкновеніе плавать по морямъ Западной Индіи. Здѣсь пригодно только одно средство — именно разбивать джонки и выгонять ихъ изъ заливовъ и отмелей, гдѣ онѣ любятъ укрываться, пока еще не доказано, что пиратство невыгодное ремесло; потому что тогда только положенъ будетъ конецъ безпокойствамъ, которыя, вѣроятно, ведутъ свое начало отъ временъ самой отдаленной древности. Стоитъ разъ убѣдить хитраго и положительнаго негодяя Серединной Имперіи, что пиратство не приноситъ болѣе прибыли—и это ремесло исчезнетъ. Въ натурѣ китайца нѣтъ ни малѣйшей, примѣся романтизма, и онъ никогда не пойдетъ на войну изъ-за идеи, никогда не рискнетъ своею головою ради какого нибудь побуженія не столь существеннаго какъ чувство жадности. Онъ всегда остается неизмѣннымъ въ своемъ полномъ уваженіи къ тому правилу политической экономіи, которое заставляетъ обращать заботливое вниманіе на прибыль отъ торговли. Пиратство есть торговля; обязанность европейцевъ—уничтожить ея рынокъ. Нѣтъ ничего легче какъ превратить китайца—хотя бы даже это былъ пиратъ—въ безупреч-

наго моряка. Убѣдите его одинъ разъ, что честность дѣйствительно есть самая лучшая система дѣйствій — и вы найдете въ немъ способнаго ученика. Пираты исчезнутъ подобно мамонтамъ.

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЪ АНГЛИИ.

Соч. Генриха Томаса Бёкля. Томъ I.

(Статья первая.)

Передъ нами пока небольшая часть огромнаго труда, въ которомъ авторъ предположилъ себѣ написать исторію своего отечества «такъ полно и обстоятельно, какъ только позволить ему современное состояніе историческаго матеріала.» Задача не малая въ исторіи столь богато обработанной, какъ исторія Англии. И, дѣйствительно, авторъ приступаетъ къ ней не совсѣмъ обыкновеннымъ образомъ. Достаточно замѣтить, что во введеніи къ своему труду (часть этого введенія и составляетъ вышедшій до сихъ поръ обѣмистый первый томъ) авторъ, кромѣ общихъ, философскихъ, такъ сказать, разсужденій о методѣ исторической науки, предполагаетъ изложить исторіи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ государствъ, на сколько онѣ представляютъ особенно яркое развитіе какого нибудь начала и могутъ въ этомъ отношеніи служить къ уразумѣнію того же начала въ исторіи Англии, гдѣ оно выразилось не съ такою характерностью. Такъ вторая половина вышедшаго перваго тома заключаетъ въ себѣ очеркъ движенія французской цивилизаціи съ половины 16-го вѣка до революціи; все это съ единственною цѣлью освѣтить, при помощи исторіи по другой націи, нѣкоторыя стороны своей собственной. Франція, мнѣнію автора, представляетъ поразительнѣйшій и самый наглядный примѣръ вреднаго вліянія постоянной во всемъ опеки прави-

тельство надъ народомъ: и вотъ онъ избираетъ исторію этого народа, для подробнаго и обстоятельнаго изученія дѣятельности этого принципа, общаго и другимъ націямъ, но нигдѣ не выразившагося такъ характеристично и не приведшаго къ такимъ сильнымъ общественнымъ потрясеніямъ. Съ тою же самою цѣлью авторъ обѣщаетъ (въ томъ же введеніи) очерки исторіи Испаніи, страны по преимуществу отличавшейся религиозной нетерпимостью; Германіи, гдѣ огромное накопленіе и неравномѣрное распредѣленіе знаній въ массахъ составляетъ, по его мнѣнію, характеристическую особенность; сѣверо-американскихъ штатовъ, представляющихъ совершенную противоположность Германіи въ этомъ отношеніи, и т. д.

Легко понять, какая страшная эрудиція, какое огромное терпѣніе, какая ясность и сила мысли необходимы автору, чтобы съ успѣхомъ окончить столь обширное ученое предпріятіе, не потерявшись въ подробностяхъ и не упустивъ изъ виду своей главной, широкой задачи—открытія общихъ началъ, движущихъ вообще цивилизаціей, и общихъ, вѣчныхъ законовъ, управляющихъ исторіею народовъ. Ибо не забудемъ, что такова именно высшая задача автора, для которой исторія своего народа служитъ ему только предлогомъ. Первоначальною мыслью его, какъ онъ самъ сознается, было—написать исторію цивилизаціи вообще; но такой трудъ, при недостаточной обработкѣ историческихъ матеріаловъ, показался ему превышающимъ силы и средства одного человѣка; оставалось, стало быть, ограничиться исторіею одного, какого либо, народа, не опуская въ тоже время, по возможности, изъ виду своей главной задачи. Какой же народъ въ своей исторіи представляетъ наиболѣе благодарный матеріалъ для такой задачи?

Важнѣйшее преимущество, говоритъ Бёкль, при изслѣдованіи прошедшихъ историческихъ фактовъ, состоитъ въ возможности ясно видѣть законы, изъ которыхъ они вытекаютъ; отсюда необходимо слѣдуетъ, что исторія народа представляетъ для насъ тѣмъ болѣе цѣнности, чѣмъ менѣе самостоятельное движеніе ея нарушается чуждымъ вмѣшательствомъ. Всякое постороннее или иноземное вліяніе на народъ есть уже вмѣшательство въ его развитіе и потому усложняетъ непремѣнно обстоятельства и условія, подлежащія нашему изслѣдованію. Но упрощать явленія есть во всѣхъ отрасляхъ знанія самое важное и необходимое условіе. Химики и вообще естествоиспытатели знаютъ это очень хорошо

и часто однимъ искуснымъ опытомъ успѣваютъ открыть истину, до которой не могли дойти безчисленными наблюденіями. Причина та, что въ искусственныхъ опытахъ мы освобождаемъ явление отъ всѣхъ случайныхъ усложненій и предоставляемъ его собственному естественному теченію, при чемъ самъ собою открывается простой, управляющій имъ, законъ.

Такова же истинная и дѣйствительная мѣрка научнаго достоинства исторіи какого либо народа. Это достоинство опредѣляется не блескомъ его геройскихъ подвиговъ, но именно тою степенью, въ какой дѣятельность его была самостоятельна. Поэтому, если бы мы могли найти такой изъ просвѣщенныхъ народовъ, который бы выработалъ свою цивилизацію одинокю и исключительно своими средствами, который бы успѣлъ избѣжать всякаго иностраннаго вліянія, и который не терпѣлъ бы отъ личности своихъ правителей ни побужденій, ни препятствій въ своемъ развитіи,—исторія такого народа представляла бы намъ чрезвычайную важность, будучи живымъ образцомъ нормальнаго развитія изнутри наружу; она показала бы намъ законы прогресса, дѣйствующими въ самомъ простомъ, неосложненномъ видѣ; она, наконецъ, послужила бы намъ готовымъ опытомъ, представляющимъ всѣ достоинства того искусственнаго опыта, которому такъ много обязаны естественныя науки.

Но такіе поиски были бы совершенно напрасными и историкъ—философу остается избрать для своей цѣли, по крайней мѣрѣ, такой народъ, въ которомъ эти условія соединены въ наибольшей степени. «Англійская нація, говоритъ Бѣкль, какъ согласятся конечно со мной и всѣ мыслящіе иностранцы, представляетъ требуемыя условія въ наибольшей степени. По крайней мѣрѣ въ послѣднія три столѣтія ни въ одномъ народѣ дѣйствіе этихъ благопріятныхъ историческихъ условій не представляется столь продолжительнымъ и благотворнымъ въ результатахъ, какъ у насъ. Я не говорю о множествѣ сдѣланныхъ нами открытій, о блескѣ нашей литературы, о славѣ нашего оружія. Все это—преимущества, которыми мы и такъ склонны черезчуръ гордиться и въ которыхъ иностранцы, можетъ быть, не уступятъ намъ. Я хочу только сказать, что въ Англии между всѣми европейскими государствами самое долгое время правительство было дѣятельно наименѣе, а самъ народъ наиболѣе, что здѣсь свобода народная выработалась на самыхъ широкихъ основаніяхъ; что здѣсь каждый болѣе чѣмъ гдѣ либо имѣетъ пра-

во говорить что думаетъ и дѣлать что хочетъ; что каждый можетъ здѣсь слѣдовать своимъ естественнымъ склонностямъ и распространять свои мнѣнія; что религіозное преслѣдованіе здѣсь едва извѣстно, и что движеніе и прогрессъ человѣческаго духа являются здѣсь наиболѣе ясными и освобожденными отъ тѣхъ препятствій, которыя противуполагались имъ въ другихъ мѣстахъ; что впаденіе въ расколъ влечетъ за собой здѣсь наименѣе опасности, и что отступленія отъ господствующей вѣры здѣсь наиболѣе часты; что враждебныя вѣроисповѣданія процвѣтаютъ здѣсь одно подлѣ другаго, возникая и исчезая, безъ всякаго препятствія, единственно сообразно народнымъ потребностямъ; что всѣ интересы и всѣ классы общества, духовные и свѣтскіе, здѣсь наиболѣе предоставлены самимъ себѣ; что системы вмѣшательства и покровительства здѣсь прежде всего подверглись нападенію и здѣсь только побѣждены окончателно; что, однимъ словомъ, тѣ опасныя крайности, которыя производятся повсюду системой вмѣшательства, у насъ не имѣютъ мѣста, и самовластіе, равно какъ и возмущенія, почти одинаково чужды Англіи; что уступки народнымъ требованіямъ здѣсь давно уже приняты за основанія политики и такимъ образомъ прогрессъ народный здѣсь всего менѣе можетъ быть задерживаемъ привилегированными классами, вліяніемъ отдѣльныхъ сектъ, или насиліемъ власти.

Таковы, по мнѣнію Бѣкля, черты истиннаго историческаго прогресса, которыхъ преимущественное развитіе въ Англіи дѣлаетъ эту страну наиболѣе достоѣпую философско-историческаго изученія, наиболѣе поучительною для мысли. Но какъ ни справедливъ этотъ взглядъ на историческое движеніе, онъ не составляетъ еще особой заслуги историка. Таковъ, болѣе или менѣе, взглядъ всѣхъ просвѣщенныхъ и либеральныхъ людей нашего времени. Истинная самостоятельность и вмѣстѣ плодотворность историческаго взгляда Бѣкля, огромная разница его отъ всѣхъ патріотическихъ историковъ англійскаго народа проявляются съ полною силою тамъ, гдѣ онъ возвышается до философскихъ созерцаній, гдѣ онъ изыскиваетъ истинныя начала вообще историческаго прогресса, не считая ихъ привилегированными свойствами своего народа, гдѣ, слѣдовательно, онъ завоевываетъ эти начала у исторіи и дѣлаетъ ихъ общимъ, сознательнымъ достояніемъ всѣхъ народовъ. Съ этими-то философскими воззрѣніями Бѣкля и намѣрены мы познакомить читателей

въ настоящей статьѣ. Они то именно и составили славу сочиненія Бэкла, не смотря на то, что оно только еще начато имъ, они же вызвали противъ себя и вражду всѣхъ людей, не любящихъ встрѣчаться лицомъ къ лицу съ смѣлою и послѣдовательною мыслию. Мы постараемся сначала представить главные выводы Бэкла въ той самой послѣдовательности, въ какой они изложены въ его книгѣ, и съ тою подробностью, какая допускается предѣлами журнальной статьи. За тѣмъ, можетъ быть, мы предложимъ нѣкоторыя свои замѣчанія или, правильнѣе, толкованія на систему Бэкла.

Прежде всего авторъ обращаетъ вниманіе на обиліе и разнообразіе историческаго матеріала, представляющагося въ настоящее время для обработки историкамъ. Нельзя не сознаться, говоритъ онъ, что въ этомъ отношеніи сдѣлано весьма много. Лѣтописи политическихъ событій и войнъ во всѣхъ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ и въ большей части внѣевропейскихъ тщательно собраны и приведены въ порядокъ, даже подвергнуты до нѣкоторой степени критической оцѣнкѣ. Сильное вниманіе устремлено было на исторію законодательства и религіи, и, хотя меньшее, но однако довольно значительное стараніе приложено было къ раскрытію успѣховъ науки, литературы, изящныхъ искусствъ, полезныхъ изобрѣтеній и, наконецъ, измѣненія нравовъ и постепеннаго увеличенія удобствъ жизни у различныхъ народовъ. Для обогащенія нашихъ знаній о древнемъ мірѣ, изслѣдованы древности различныхъ родовъ; древніе города открыты, монеты добыты изъ земли и объяснены, надписи скопированы и во многихъ случаяхъ истолкованы, древніи азбуки вновь открыты, іероглифы объяснены, и, наконецъ, тамъ и сямъ языки, давно уже забытые, изслѣдованы и возстановлены. Открыты законы измѣненій языка и съ успѣхомъ приложены филологами къ объясненію темнѣйшихъ временъ раннихъ переселеній народовъ. Политическая экономія возведена на ступень науки и, при ея помощи, пролито много свѣта на причины неравнаго распредѣленія имущества, этого важнѣйшаго источника внутреннихъ беспорядковъ въ государствахъ. Статистика была разработана съ такимъ стараніемъ, что доставила намъ точнѣйшія данныя не только о матеріальныхъ интересахъ, но и о нравственныхъ свойствахъ людей, такъ напр, она положительными цифрами опредѣлила итоги извѣстнаго рода преступленій, отношенія ихъ однихъ къ

другимъ и, наконецъ, вліяніе, оказываемое въ этомъ случаѣ возрастомъ, поломъ, воспитаніемъ и другими обстоятельствами. Физическая географія также не осталась назади въ этомъ великомъ движеніи: климатическія явленія изслѣдованы съ точностью, горы измѣрены, направленія рѣкъ опредѣлены, и теченіе ихъ прослѣжено до самыхъ истоковъ, всевозможныя естественныя явленія тщательно изслѣдованы и скрытыя причины ихъ обнаружены, въ тоже самое время всѣ жизненныя средства изслѣдованы химически, ихъ составныя части исчислены и взвѣшены, наконецъ, въ большей части случаевъ дѣйствія ихъ на человѣческій организмъ опредѣлены весьма обстоятельно. Какъ будто для того, наконецъ, чтобы не оставить безъ вниманія ничего, касающагося человѣка, установлены точныя наблюденія и въ другихъ отрасляхъ знанія; и теперь, при ихъ помощи, мы имѣемъ въ образованнѣйшихъ государствахъ Европы самыя точныя свѣдѣнія о смертности, количествѣ браковъ, рожденій, характерѣ занятій различныхъ классовъ общества, о колебаніяхъ какъ заработной платы, такъ и цѣнъ на предметы, необходимыя для существованія, или содѣйствующіе большому благосостоянію. Эти и подобные факты уже собраны, приведены въ систему и годны для научнаго употребленія. Данныя этого рода, составляющія, такъ сказать, анатомію націй, отличаются точностью до послѣднихъ мелочей; но къ нимъ нужно присоединить и другія, имѣющія не столько характеръ мельчайшей точности наблюденій, сколько расширеніе объѣма нашего умственнаго кругозора. Не только изображены дѣла и характеристическія черты великихъ націй, но и безчисленное количество разнообразныхъ племенъ во всѣхъ извѣстныхъ частяхъ свѣта посѣщены и описаны путешественниками, и, такимъ образомъ, мы получили возможность сравнивать между собой состоянія чело- вѣческихъ обществъ на различнѣйшихъ ступеняхъ развитія и при многообразнѣйшихъ условіяхъ. Если ко всему этому прибавимъ, что потребность знанія всего, касающагося человѣка, очевидно ненасытима, что средства къ удовлетворенію этой потребности усиливаются непрерывно, и что значительная часть уже сдѣланныхъ наблюденій еще не сообщена читающему міру;—если, повторяю, мы совокупимъ вмѣстѣ все сказанное, то получимъ лишь слабое представленіе о неизмѣримой цѣнности этой массы фактовъ, которою мы обладаемъ и съ помощью которой должно быть изслѣдуемо развитіе чело- вѣчества.

Но если историческіе матеріалы представляютъ въ наше время

такое богатство и разнообразіе, то совсѣмъ другую картину увидимъ мы, когда обратимъ вниманіе на то, какъ пользуются историка этимъ богатствомъ и разнообразіемъ матеріаловъ. Въ отдѣльных частяхъ своихъ исторія разработана съ большимъ талантомъ, но почти никто еще не покушался обнять ее какъ одно великое цѣлое, показать связь ея различныхъ частей между собою. И это происходитъ именно въ то время, когда въ другихъ отрасляхъ знанія потребность обобщенія чувствуется чрезвычайно живо и уже успѣла принести драгоцѣнные плоды.—Такой узкій взглядъ на исторію находится, между прочимъ, въ ближайшей связи съ плохою подготовкою большей части историковъ къ своему дѣлу. Мы видимъ историческихъ писателей, изъ которыхъ одинъ почти незнакомъ съ политической экономіею, другой не имѣетъ никакого понятія о юридическихъ наукахъ; одинъ не обращаетъ никакого вниманія на статистику, другой вовсе не знаетъ естественныхъ наукъ. Такимъ образомъ взаимная помощь, какую могли бы оказать различныя отрасли знанія, будучи приложены въ своей совокупности къ историческому изслѣдованію, не успѣла обнаружить до сихъ поръ своего благотворнаго дѣйствія и ни въ комъ не замѣчается стремленія къ такой полной и тщательной обработкѣ готоваго историческаго матеріала.

Впрочемъ, начиная съ 16-го вѣка, и, въ особенности въ послѣднія сто лѣтъ, между историками появляются болѣе широкіе взгляды на свою науку и стремленіе принять въ область исторіи такіе предметы, которые прежде вовсе не считались ея достояніемъ. Такое расширеніе историческаго взгляда есть, безъ сомнѣнія, значительный шагъ впередъ; но нельзя не сознаться, что въ большей части случаевъ эти стремленія остаются одними стремленіями, и что до сихъ поръ сдѣлано еще весьма мало для точнаго изслѣдованія тѣхъ началъ, которыя управляютъ духомъ и судьбами народовъ.

Такъ какъ, говоритъ Бѣкль, при всѣмъ огромномъ количествѣ собранныхъ матеріаловъ, наши историческія знанія находятся въ такомъ несовершенномъ видѣ, то было бы, кажется, желательно предпринять въ этомъ отношеніи нѣчто, задуманное по болѣе широкому плану, нежели дѣлалось до сихъ поръ и приложить серьезное стараніе къ тому, чтобы эту великую область знанія поднять на одинаковую высоту съ другими, возстановивъ такимъ образомъ равновѣсіе и гармонію вообще въ наукѣ.

Въ такомъ именно смыслѣ задуманъ мною планъ подлежащаго труда. Само собою разумѣется, что исполненіе далеко отстанетъ отъ намѣренія; но во всякомъ случаѣ я надѣюсь сдѣлать для исторіи человѣка тоже самое, или, по крайней мѣрѣ, нѣчто подобное тому, что сдѣлано естествоиспытателями для знанія о природѣ. Тамъ явленія, повидимому самыя неправильныя и уродливыя, объяснены удовлетворительно и приведены въ согласіе съ неизмѣнными и общими законами. Такое торжество мысли удалось въ естествознаніи потому, что люди даровитые и въ особенности терпѣливые и настойчивые внимательно изучали явленія природы, съ цѣлію открыть законы, ими управляющіе; нѣтъ никакого сомнѣнія, что приложивъ тотъ же методъ къ явленіямъ человѣческаго міра, мы и здѣсь достигнемъ подобныхъ же результатовъ. Противуположное ученіе, голословно отвергающее возможность возведенія историческихъ явленій къ такимъ же общимъ, яснымъ началамъ, какія открыты уже въ царствѣ внѣшней природы, рѣшительно опровергается фактами. Всякій, кто имѣетъ нѣкоторое понятіе о движеніи мысли въ послѣдніе два столѣтія, знаетъ, что, каждое новое поколѣніе открываетъ строгую правильность и естественность, наконецъ видитъ возможность предусмотрѣнія такихъ явленій, которыя предыдущему поколѣнію казались не подчиненными никакимъ естественнымъ законамъ и тѣмъ менѣе предвидимыми. Въ томъ именно и состоитъ явное направленіе новѣйшей цивилизаціи, что постепенно усиливается наша вѣра въ общую стройность и порядокъ явленій и въ подчиненіе ихъ общимъ, непреложнымъ законамъ. Отсюда необходимо слѣдуетъ, что если какіе либо факты или роды фактовъ еще не объяснены и не подведены подъ общіе законы, мы не имѣемъ никакого права считать это вообще невозможнымъ; напротивъ, руководствуясь несомнѣннымъ опытомъ, мы необходимо должны допустить, что необъяснимое теперь объяснится непременно въ близкомъ или отдаленномъ будущемъ. Въ лучшихъ изъ естествоиспытателей это составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ вѣрованій, и если такое же вѣрованіе не утвердилось еще между всѣми историками, то это нужно приписать двумъ обстоятельствамъ. Во первыхъ, вообще надобно сознаться, что лучшіе изъ историковъ уступаютъ въ геніи великимъ естествоиспытателямъ, и историческая наука не можетъ представить ничего равнаго, по значенію, какимъ нибудь Кеплерамъ, Ньютонамъ и многимъ

другимъ. Во вторыхъ, самый матеріалъ исторической науки представляетъ гораздо болѣе сложности, запутанности, а слѣд. и трудностей, при систематической обработкѣ, нежели матеріалъ естествознанія.

Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, что изученіе жизни человѣчества находится еще въ состояніи младенчества, если сравнить его съ тѣми успѣхами, которые уже достигнуты въ области естествознанія. Разница въ успѣхахъ этихъ двухъ отраслей знанія, дѣйствительно, такъ велика, что, какъ замѣчено было выше, въ изученіи природы напр. подчиненіе всѣхъ явленій законамъ и возможность предсказывать ихъ принимается по большей части какъ нѣчто несомнѣнное, между тѣмъ какъ въ исторіи то и другое положительно отвергается многими. Отсюда проистекають тѣ трудности, которыя встрѣчаетъ всякій, желающій возвысить историческую науку до одинаковаго уровня съ другими отраслями знанія: на первыхъ же порахъ онъ сталкивается съ господствующимъ убѣжденіемъ, будто человѣческими дѣйствіями управляетъ нѣчто таинственное и сверхъестественное, что дѣлаетъ ихъ недоступными нашему изслѣдованію и навсегда скрываетъ отъ насъ ихъ будущее теченіе. Выше уже были приведены нѣкоторыя общія возраженія противъ неосновательности такого мнѣнія. Легко бы было дополнить ихъ и другими. Но едва ли не будетъ лучше, говорить Бёкль, изслѣдовать глубже происхожденіе этого мнѣнія и причину тѣхъ препятствій, которыя встрѣчаетъ въ большей части умовъ здравое историческое ученіе. Этимъ путемъ мы прямо встрѣтимся съ весьма важнымъ вопросомъ, который и составляетъ сущность всего дѣла. Вопросъ этотъ, котораго разсмотрѣніе приведетъ насъ къ весьма интереснымъ выводамъ, есть слѣдующій: дѣйствія людей, а слѣдовательно, и человѣческихъ обществъ подчинены ли опредѣленнымъ, строгимъ законамъ, или онѣ суть проявленія случая или сверхъестественнаго вліянія?

Два послѣднихъ мнѣнія дѣйствительно существуютъ, образовавшись первоначально на различныхъ ступеняхъ развитія человѣчества. Въ дикомъ состояніи обществъ, живущихъ исключительно охотою и рыболовствомъ, весьма естественно приписывать случаю неравномѣрное появленіе въ различные годы звѣрей и рыбы, составляющихъ единственное средство пропитанія; но при переходѣ къ осѣдлому и земледѣльческому состоянію,—когда человѣкъ начинаетъ уже удовлетворять своимъ потребностямъ плодами рукъ

своихъ,—онъ невольно замѣчаетъ нѣкоторую постоянную связь между явленіями, на первый разъ хотя бы между количествомъ посѣва и жатвы; онъ уже можетъ до извѣстной степени рассчитывать на будущее, и, вмѣсто совершенной случайности, какая представлялась ему доселѣ господствующею въ природѣ, въ первый разъ предъ дремлющимъ еще духомъ его начинается мерцать неясная мысль о томъ, что въ позднѣйшія времена называется законами природы. Каждый дальнѣйшій шагъ въ великомъ историческомъ движеніи все болѣе и болѣе уясняетъ это представленіе и ослабляетъ темную вѣру въ случай. Мало по малу, при развитіи склонности къ отвлеченному мышленію, образуется въ передовыхъ людяхъ убѣжденіе, что всякое явленіе находится въ неразрывной связи съ предыдущимъ и что, такимъ образомъ, вся вселенная представляетъ необходимо связанную цѣпь, гдѣ каждому предоставлена своя роль, которой, однако, онъ не въ силахъ сознать или опредѣлить.

Изъ этихъ двухъ естественныхъ возрѣній образовались впоследствии, подъ вліяніемъ метафизики и теологіи, два противоположныя ученія: *о свободной волѣ* въ человѣкѣ, соотвѣтствующее ученію о случай въ явленіяхъ внѣшней природы, и ученіе *о предопредѣленіи*, соотвѣтствующее убѣжденію о неизбѣжной связи явленій въ мірѣ физическомъ. Образовались они, по мнѣнію Бэка, слѣдующимъ образомъ. Метафизикъ, исходя изъ готоваго уже ученія о случай, вноситъ это начало произвола и безответственности въ изученіе человѣческаго духа и на этомъ новомъ полѣ оно является въ видѣ *свободной воли*. Этимъ выраженіемъ кажутся устраненными всѣ трудности дѣла, такъ какъ совершенная свобода, будучи причиною всякаго дѣйствія, сама ни отъ чего не зависитъ, но, подобно случаю, должна считаться за верховный фактъ, не требующій уже никакихъ дальнѣйшихъ объясненій. Во второмъ ученіи берется готовая мысль о *необходимой связи* вещей и отливается въ теологической формѣ. Такъ какъ духъ уже полонъ представленіями о порядкѣ и неизбѣжной связи естественныхъ явленій то онъ, естественно, приписываетъ такую же непоколебимую и неизбѣжную стройность промыслу Всемогущаго. Такимъ образомъ къ величественному представленію единого Бога прибавляется вѣрованіе, что всѣ вещи предопредѣлены имъ извѣка. Эти два ученія и понинѣ еще раздѣляетъ большинство людей, склоняющихся къ тому или другому.

Въ настоящее время главныя основанія обоихъ ученій таковы:

сторонники предопредѣленія хотятъ заставить насъ вѣрить, будто Творецъ, при всей своей благодати, искони однако положилъ различіе между избранными и отверженными, будто миліоны еще не рожденныхъ людей осуждены имъ отъ вѣка. Сторонники ученія, извѣстнаго подъ именемъ ученія о свободной волѣ, утверждаютъ, что воля человѣка, будучи верховнымъ началомъ всѣхъ его дѣйствій, не находится въ прямой зависимости ни отъ чего другаго. Ученіе ихъ основывается на положеніи, что самосознаніе (consciousness) человѣка есть высшее и непогрѣшимое начало. Каждый человѣкъ, говоритъ это ученіе, чувствуетъ и знаетъ, что онъ есть существо свободное; и потому никакіе самые остроумнѣйшіе и, повидимому, основательнѣйшіе доводы не могутъ отнять у насъ этого убѣжденія въ своей свободѣ.

Оба эти ученія,—изъ которыхъ одно, какъ мы видѣли, основано на теологической гипотезѣ, а другое на метафизической, — по мнѣнію Бэкли не только не принесли никакой пользы человѣчеству, но положительно исказили источники знанія и кромѣ того вызвали религіозныя секты, которыхъ взаимная ненависть долгое время возмущала общественный порядокъ и слишкомъ часто подавала поводъ къ враждѣ даже внутри самыхъ семействъ. Въ настоящее время между замѣчательнѣйшими мыслителями Европы все болѣе и болѣе укрѣпляется, убѣжденіе, что оба эти ученія суть заблужденія или что, по крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ никакихъ удовлетворительныхъ доказательствъ ихъ справедливости. Мы не можемъ, къ сожалѣнію, слѣдить за нашимъ историкомъ въ его довольно подробномъ теоретическомъ опроверженіи основаній того и другаго ученія и принуждены ограничиться передачею его окончательныхъ выводовъ объ этомъ важномъ вопросѣ.

Такимъ образомъ, заключаетъ Бэкли, мы принуждены отвергнуть какъ метафизическую догму о свободной волѣ, такъ и теологическую—о предопредѣленности событій, и невольно приходимъ къ тому выводу, что дѣйствія людей опредѣляются единственно ихъ прошедшимъ и потому необходимо несутъ на себѣ печать подчиненія общимъ законамъ т. е. при совершенно одинаковыхъ обстоятельствахъ событія неизбѣжно повторяются. И такъ какъ все прошедшее состоитъ изъ внутреннихъ или вѣншихъ фактовъ, то ясно, что все разнообразіе событій, или, другими словами, всѣ тѣ мнѣнія, которыми наполнена исторія, всѣ катастрофы, которымъ подвергся чело-

вѣческой родъ, его прогрессъ и упадокъ, его счастливыя и несчастныя эпохи — суть неизбѣжные результаты двойкой дѣятельности: вліянія вѣшнихъ явленій на нашъ внутренній міръ и наоборотъ вліянія нашего внутреннего міра на вѣшнія явленія.

Такимъ образомъ правильно понятое историческое движеніе представляетъ намъ въ своихъ существенныхъ чертахъ борьбу двухъ началъ. Съ одной стороны мы имѣемъ человѣческой духъ, повинующійся законамъ своего собственнаго существа и, если не мѣшаютъ вѣшнія вліянія, развивающійся ообразно своимъ стремленіямъ. Съ другой стороны мы имѣемъ то, что называютъ природой, которая также повинуется своимъ собственнымъ законамъ, но въ тоже время находится въ непрерывныхъ соприкосновеніяхъ съ человѣческимъ духомъ, возбуждаетъ его страсти, приводитъ въ движеніе его разумъ и такимъ образомъ сообщаетъ его дѣйствіямъ такое направленіе, котораго они никогда не приняли бы безъ этой вѣшной, возмущающей силы. Такимъ образомъ во вліяніи человѣка на природу и, наоборотъ, во вліяніи природы на человѣка видимъ мы то постоянное взаимодействіе, изъ котораго необходимо вытекаютъ всѣ, подлежащія историческому изученію, явленія.

Наша ближайшая, непосредственная задача именно въ томъ и состоитъ, чтобы найти надлежащій и вѣрный методъ для открытія законовъ этого двойкаго движенія; а это прямо поведетъ насъ къ предварительному вопросу, которое изъ двухъ явленій есть сильнѣйшее, т. е. управляютъ ли болѣе явленія природы мыслями и желаніями человѣческими, или, наоборотъ, эти послѣднія имѣютъ болѣе силы надъ естественными явленіями?

Къ разрѣшенію этого важнаго вопроса и переходитъ теперь Бёкль; но прежде еще онъ останавливается въ послѣдній разъ, съ нѣкоторою подробностью, на томъ положеніи, которое составляетъ основное начало его историческаго взгляда и которое мы будемъ встрѣчать не разъ при дальнѣйшемъ изложеніи его ученія. Это положеніе, какъ мы уже видѣли недавно, состоитъ въ томъ, что дѣйствія человѣка и человѣческихъ обществъ подчинены столь же строгимъ и непреложнымъ законамъ, какъ и явленія вѣшной природы и что только стремленіе къ раскрытію этихъ общихъ законовъ и можетъ поднять исторію до уровня другихъ, опередившихъ ее наукъ. Мы уже видѣли, что теоретическими разсужденіями Бёкль приведенъ былъ къ необходимости отвергнуть ученія, какъ свободной воли такъ

и предопредѣленія—двѣ гипотезы, которыя были подставляемы до сихъ поръ пытливому уму, ищущему въ жизни и явленіяхъ человѣческихъ обществъ той же ясности началъ и той же строгой зависимости фактовъ, какія уже открыты до извѣстной степени въ явленіяхъ природы. Теперь Бѣкль подходитъ къ этому вопросу съ другой стороны, ищетъ фактическихъ доказательствъ въ подтвержденіе своего ученія. Новѣйшія изслѣдованія статистики даютъ ему для этого весьма счастливый поводъ. Казалось бы въ самомъ дѣлѣ, что различныя преступленія, совершаемыя людьми и условливаемыя чрезвычайно разнообразными и сложными обстоятельствами, должны были менѣе всего обнаруживать какую нибудь правильность въ цифрахъ и зависть по преимуществу отъ того неопредѣленного и неподчиняющагося никакимъ законамъ начала, которое извѣстно подъ именемъ произвола. И что же? Строго и добросовѣстно собранныя статистическія данныя приводятъ къ несомнѣнному убѣжденію, что * въ отношеніи преступленій тѣ же самыя числа повторяются съ очевиднымъ постоянствомъ; и что это съ одинакою точностью прилагается даже къ такимъ преступленіямъ, которыя, казалось бы, не могли никакъ подчиниться опредѣленнымъ цифрамъ, т. н., убійства, происходящія вслѣдствіе ссоръ, повидимому, совершенно случайныхъ. И однако мы знаемъ по опыту, что каждый годъ не только повторяется почти съ строгою точностью тоже количество убійствъ, но что даже инструменты, которыми совершены эти убійства, находятся ежегодно въ одинаковомъ между собой отношеніи. Позднѣйшія изслѣдованія статистиковъ только подтвердили эти выводы Кетле. Этого мало. Самоубійство есть преступленіе, которое, по видимому, всего болѣе зависитъ отъ личнаго произвола челоѣка и можетъ быть вызвано самыми разнообразнѣйшими, не подходящими ни подъ какіе общіе законы, обстоятельствами. Кромѣ того самое опредѣленіе количества этого рода преступленій гораздо труднѣе, нежели въ другихъ родахъ преступленій. Между утопленниками напр. очень легко принять за самоубійцъ такихъ, чьихъ смерть послѣдовала случайно и наоборотъ. При всѣхъ однако особенностяхъ этого рѣдкаго вида преступленія, мы съ удивленіемъ убѣждаемся, что всѣ свидѣтельства, которыми мы обладаемъ, влекутъ насъ неотразимо къ неизбѣжному заключенію, что количество самоубійствъ зависитъ единственно отъ со-

* Quetelet sur l'homme, Paris 1835 vol. I, p. 7 et II, p. 164, 247.

стоянія общества. Въ различныхъ странахъ, о которыхъ мы имѣемъ точныя свѣдѣнія, находимъ мы изъ года въ годъ одинаковое количество лицъ, самопроизвольно прекращающихъ свою жизнь. И если принять въ соображеніе уже указанную выше невозможность совершенно точныхъ данныхъ объ этого рода преступленіяхъ, то, окажется, что мы можемъ, рискуя ошибаться весьма мало, предсказывать количество самоубійствъ для каждаго послѣдующаго періода времени; конечно только въ томъ предположеніи, что состояніе общества не претерпитъ въ этотъ періодъ, никакихъ важныхъ измѣненій. Въ Лондонѣ напр., гдѣ политическія возбужденія, торговые кризисы и лишенія вслѣдствіе вздорожанія содержанія колеблются непрерывно и, слѣдовательно, влекутъ за собой частыя перемѣны въ главнѣйшихъ побужденіяхъ къ самоубійству, цифра этого рода преступленій отличается все таки весьма замѣтною правильностью. Ежегодно умираетъ отъ самоубійства въ этомъ городѣ около 240 человекъ. Все колебаніе въ этомъ отношеніи простирается между цифрами 266—наибольшею и 213—наименьшею. Въ 1846 году, во время чрезвычайно сильнаго возбужденія по поводу желѣзныхъ дорогъ совершилось въ Лондонѣ 266 самоубійствъ; въ 1847 началось нѣкоторое уменьшеніе этого рода преступленій и цифра достигла 256; въ 1848 она была 247; 1849—213 и 1850—229.

Такую же правильность и зависимость отъ общихъ причинъ показываетъ статистика и въ другихъ общественныхъ явленіяхъ. Число, напримѣръ, ежегодно заключаемыхъ браковъ опредѣляется вовсе не расположеніемъ и желаніемъ или вообще произволомъ отдѣльныхъ лицъ, но находится въ непосредственныхъ и строгихъ отношеніяхъ съ цѣною на хлѣбъ и степенью заработной платы. Наконецъ общіе законы, управляющіе общественными явленіями и подчиняющіе себѣ произволъ человѣка, выказываются ясно даже и въ такихъ случаяхъ, гдѣ мы не имѣемъ никакой возможности объяснить сколько нибудь эти законы. Парижское и Лондонское почтовыя управленія обнародовали въ послѣднее время отчеты о количествѣ писемъ, на которыхъ не было написано адресовъ. Оказывается, что каждый годъ число ненаписанныхъ адресовъ почти одинаково, такъ что на будущее время мы можемъ почти безошибочно предсказывать количество людей, которымъ отказывается служить память въ такомъ неважномъ и повидимому часто случайномъ дѣлѣ.

Кто спокойнымъ окомъ,—такъ заключаетъ Бекль свои раз-

сужденіи, — взираетъ на эту правильность явленій, кто твердо убѣжденъ въ великой истинѣ, что дѣйствія человѣческія постоянно и неизбѣжно находятся въ зависимости отъ предшествовавшихъ причинъ, и, какъ бы ни казались они произвольны, составляютъ лишь часть въ великой системѣ того общаго порядка, который, при настоящемъ состояніи нашихъ знаній, представляется намъ лишь въ блѣдномъ очеркѣ, — кто, повторяю, ясно видитъ все это и такимъ образомъ владѣетъ ключемъ къ исторіи и основными принципами этой науки, тому всѣ вышеприведенные факты не только не покажутся странными но, напротивъ, представляются чѣмъ-то давно ожидаемымъ, такимъ, однимъ словомъ, что давно уже слѣдовало знать. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что разъ начатыя изслѣдованія на этомъ пути пойдутъ впередъ быстрыми и твердыми шагами и я вполне увѣренъ, что, до истеченія столѣтія, рядъ доводовъ въ пользу новаго начала представитъ стройное и замкнутое цѣлое. Тогда такъ же трудно будетъ найти историка, который бы отвергалъ постоянную правильность въ явленіяхъ духовнаго міра, какъ теперь трудно найти философа, который бы не признавалъ строго-законнаго теченія въ явленіяхъ виѣшней природы.»

Но мы отвлеклись нѣсколько этими, отчасти вводными, разсужденіями отъ того важнаго вопроса, который былъ поставленъ выше и котораго разрѣшеніе стоитъ теперь на очереди въ системѣ Бѣкля. Выше мы видѣли, что непредубѣжденное мышленіе открываетъ во всей исторической жизни народовъ лишь два дѣйствительныя и при томъ другъ на друга дѣйствующія начала: духовный міръ человѣка и виѣшнюю природу. Которой же изъ этихъ двухъ силъ принадлежитъ перевѣсъ въ историческомъ движеніи человѣчества, или, другими словами: имѣютъ ли божіе вліянія явленія природы на мысли и желанія человѣческія или наоборотъ эти послѣднія на явленія природы? Вотъ вопросъ, который представляется самъ собою, и который изслѣдуется въ книгѣ Бѣкля весьма подробно и обстоятельно. Мы, разумѣется, можемъ дать лишь нѣкоторое понятіе о методѣ его въ этомъ случаѣ и представить окончательные выводы.

Прежде всего Бѣкль разсматриваетъ, какія именно явленія природы могутъ быть названы сильнѣйшими и оказывающими наибольшее вліяніе на развитіе человѣческихъ обществъ. Всѣ такія явленія приводятся имъ къ слѣдующимъ четыремъ родамъ: климатъ, пища, почва, и наконецъ характеръ природы вообще.

Подъ послѣднимъ Бёккь разуметь всѣ тѣ естественныя явленія, которыя, будучи воспринимаемы помощью глаза или другихъ органовъ чувствъ, оказываютъ явѣстное вліяніе на сочетаніе мыслей и такимъ образомъ производятъ въ различныхъ странахъ различный строй идей. Мы бы назвали это эстетическимъ вліяніемъ природы. Участіе этого элемента въ характерѣ различныхъ цивилизацій древнихъ, вѣбвроейскихъ народовъ всего замѣтнѣе. Дѣйствуя преимущественно на фантазію, столь сильную и живую въ ранней порѣ человѣчества, онъ наложилъ яркую печать на народный характеръ и религіозныя ученія древнихъ. Остальныя три элемента, если и не оказывали столь яркаго и нагляднаго вліянія, то имѣли также весьма важное участіе въ общественномъ устройствѣ различныхъ народовъ, и подъ ихъ — то вліяніемъ образовались многіа изъ тѣхъ важныхъ особенностей народовъ, которыя часто приписываются, безъ достаточныхъ основаній, племеннымъ различіямъ. Подробное изслѣдованіе вліянія этихъ четырехъ родовъ естественныхъ дѣятелей на цивилизацію Индіа, Египта, центральной Америки, Бразиліа, Мексики и Перу, представляетъ въ книгѣ Бёккя весьма много интереснаго и новаго. Не имѣя возможности познакомить читателя сколько нибудь обстоятельно съ этою довольно обширною главою изъ его книги, мы желали бы, однако, дать имъ хоть небольшой обрачикъ его объясненій связи, вѣбвщихъ условій съ характеромъ цивилизацій каждой страны. Выбираемъ не лучший, но за то краткій и представляющій достаточную цѣлость отрывокъ, гдѣ авторъ сравниваетъ богатство природы Бразиліа съ ея скудною цивилизаціою.

«Бразиліа, почти равняющаяся по величинѣ цѣлой Европѣ, обладаетъ растительностью богатства невѣроятнаго. Значительная часть этой обширной страны покрыта густо разросшимися лѣсами, которыхъ благородныя деревья цвѣтутъ въ своей величавой красотѣ, восхищая глазъ тысячами красокъ и производя плоды съ неистощимымъ богатствомъ. Между вѣтвями ихъ перхаютъ птицы съ изыячно покрашенными перьями, вьюція свои гнѣзда въ ихъ тѣнистой и высокой зелени. Снизу коренья и стволы ихъ одутаны кустарникомъ, вьющимся и тумолодкими растеніями, которыя всѣ покрыты родами животныхъ существъ. Мириады насѣкомыхъ всѣхъ родовъ, пресмыкающіяся поразительнаго и рѣдкаго вида, змѣи и ящерицы, блестяція своей странной красотой, — все это находитъ себѣ пищу въ этомъ могущемъ

ственномъ царствѣ растительности, въ этомъ неисчерпаемомъ магазинѣ природы. И чтобы, наконецъ, ничего не доставало этой чудесной странѣ, лѣса ея окружены лугами съ могучею растительностію, которая доставляетъ пищу безчисленнымъ стадамъ дикихъ животныхъ, насущимися въ этой роскошной зелени, между тѣмъ какъ сосѣднія степи кишатъ другою живнью, служа привольнымъ жильемъ для самыхъ дикихъ хищныхъ звѣрей, которые пожираютъ другъ друга и которыхъ истребленіе было бы тщетною попыткою человѣка.

«Такъ велико богатство прынудщей отсюда жизни, которымъ Бразилія превосходитъ всѣ остальные части свѣта. Но за этою великолѣпною обстановкою человѣку уже не осталось вовсе мѣста. Подавленный величіемъ окружающей его природы, онъ играетъ среди ея самую ничтожную роль. Естественныя силы, противодействующія ему, такъ могущественны, что онъ рѣшительно не въ силахъ съ ними бороться, или высвободиться изъ подъ ихъ гнетущаго вліянія. Туземцы, какъ и всякій народъ въ ранній періодъ своего развитія, лишены всякаго духа предпримчивости; незнакомые съ тѣми искусственными средствами, которыми устраняются естественныя препятствія, они никогда даже и не пытались бороться съ затрудненіями, которыя природа противопоставляетъ ихъ общественному развитію. Естественныя силы такъ дѣятельны въ этой странѣ и могущество ихъ такъ велико, что уже въ теченіе трехъ сотъ лѣтъ всѣ средства европейской цивилизаціи напрасно борются съ ними.

«Развитіе земледѣлія задерживается непроницаемыми лѣсами, а жатва уничтожается безчисленными наѣдами. Горы слишкомъ высоки, чтобы переходить черезъ нихъ, рѣки слишкомъ широки, чтобы можно было перекинуть чрезъ нихъ мосты; все направлено къ тому, чтобы задерживать человѣческій духъ въ его развитіи и подавлять его стремящіеся впередъ инстинкты. Такъ могущество природы обезсилило здѣсь духъ человѣческій. Нигдѣ нельзя встрѣтить столь тяжелаго противорѣчія между величіемъ внѣшней природы и ничтожествомъ духовнаго міра. Запуганный неравной борьбой, духъ человѣческій не только не въ силахъ здѣсь идти впередъ, но, безъ сомнѣнія, безъ внѣшнихъ пособій, онъ принужденъ бы былъ отступать назадъ. Ибо и теперь, не смотря на множество улучшеній, безпрерывно вводимыхъ изъ Европы, не видно почти никакихъ слѣдовъ прогресса между туземными жителями. Не смотря на множество

колонистовъ, воздѣлано не болѣе $\frac{1}{50}$ цѣлой страны ; нравы туземцевъ столь же грубы, какъ были они съ самаго начала и замѣчательно въ высшей степени, что Бразилія, страна съ могущественнѣйшими природными средствами, гдѣ плоды и животныя находятся въ страшномъ изобиліи, гдѣ почва орошается прекраснѣйшими рѣками и берега устьяны превосходными природными гаванями,—что эта огромная страна, въ 12 разъ превышающая величиною Францію, имѣетъ только 6 милліоновъ жителей.»

Окончательный выводъ, который дѣлаетъ Бекль изъ изслѣдованія судебъ древнихъ внѣевропейскихъ государствъ въ связи съ ихъ природными условіями состоитъ въ томъ, что въ этихъ странахъ естественныя силы, за немногими исключеніями, положительно преобладали надъ духомъ. Важнѣйшими и вреднѣйшими слѣдствіями этого преобладанія были : во первыхъ, неравное распредѣленіе богатствъ, во вторыхъ отсутствіе равновѣсія въ мышленіи,—это послѣднее, вслѣдствіе постоянного направленія вниманія на такіе предметы, которые возбуждаютъ по преимуществу фантазію. На сколько простираются наши свѣдѣнія о прошедшемъ, говоритъ онъ, мы должны принять, что во всѣхъ внѣевропейскихъ государствахъ эти препятствія къ цивилизаціи оказались непобѣдимыми ; по крайней мѣрѣ ни одинъ изъ тѣхъ народовъ не успѣлъ преодолѣть ихъ. Совсѣмъ другое встрѣчаемъ мы переходя къ исторіи европейскіхъ государствъ. Здѣсь, въ климатѣ болѣе умѣренномъ, на почвѣ менѣе роскошной, въ виду явленій природы не столь страшныхъ и величественныхъ и потому менѣе возбуждающихъ фантазію, человѣку легче было воздержаться отъ суевѣрій, которыя навѣвала природа фантазіи древнихъ ; точно также легче было ему достигнуть, если не до правильнаго распредѣленія богатствъ, то, по крайней мѣрѣ, до состоянія болѣе къ тому близкаго, нежели это было возможно въ древнихъ странахъ внѣевропейскихъ. Здѣсь первая и главная причина той огромной разницы, которая отличаетъ европейскую цивилизацію отъ другихъ. Между тѣмъ какъ главнѣйшій характеръ всемірнаго историческаго движенія состоялъ тамъ, за немногими исключеніями, въ преобладаніи природы надъ человекомъ, въ Европѣ его основной характеръ состоитъ въ подчиненіи природы человѣку. Слѣды этой побѣдоносной борьбы человѣка окружаютъ насъ повсюду въ европейской исторіи. Вторженію моря положены преграды, и цѣлыя провинціи, какъ напр.

Голландія, отняты у его владычества; горы прорыты и превращены въ ровныя дороги; поля, самыя неплодороднѣйшія, при успѣхахъ химіи превращены въ производительныя; наконецъ, электричество сдѣлано послушною человѣку силою, передающею съ страшною быстротою мысли и желанія его. Побѣждены даже и такія вредныя силы, отъ которыхъ всего менѣе можно было ожидать уступки человѣческому вліянію. Самыя страшныя болѣзни, какъ чума и средневѣковая проказа, исчезли совершенно изъ образованныхъ странъ Европы. Хищныя звѣри и птицы истреблены и не угрожаютъ уже жилищамъ образованныхъ людей. Страшные голода, прежде періодически появлявшіеся въ Европѣ, сдѣланы почти невозможными при настоящемъ развитіи торговыхъ сношеній и при посредствѣ химіи, указавшей различныя суррогаты хлѣба.

Такъ разрѣшился исторически вопросъ, поставленный выше Бѣклемъ, о томъ, нужно ли признать первенство въ историческомъ движеніи за силами природы или за силами духа человѣческаго. Въ народахъ внѣевропейскихъ, въ древнихъ цивилизаціяхъ, духъ человѣческой еще скованъ былъ могущественнымъ вліяніемъ природы; но какъ только всемірное историческое движеніе перенеслось на европейскую почву, гдѣ природа не полагала столь сильныхъ преградъ самодѣятельности человѣка, гдѣ явленія ея, не будучи столь грозны и могущественны, не въ силахъ были покорить себѣ совершенно фантазію и дать ей безспорное первенство надъ другими силами духа, — торжество духа надъ силами природы сдѣлалось несомнѣннымъ и составило самую характеристическую черту новой цивилизаціи. Нѣтъ никакой возможности предполагать даже, чтобы отнынѣ этотъ порядокъ вещей когда либо измѣнился. И это по двумъ причинамъ. Во первыхъ, нѣтъ никакихъ основаній ожидать, чтобы европейская природа измѣнила какимъ либо образомъ свой характеръ и достигла того могущества, при которомъ она становится опасною для самостоятельной дѣятельности духа; во вторыхъ, всѣ данныя убѣждаютъ насъ несомнѣнно, что средства человѣка въ борьбѣ съ противодѣйствіями природы становятся все сильнѣе, многочисленнѣе и успѣшнѣе: каждое новое приращеніе нашихъ знаній даетъ намъ новое средство или къ окончательному торжеству надъ этими противодѣйствіями, или, по крайней мѣрѣ, возможность ясно предвидѣть ихъ послѣдствія и

такимъ образомъ уклоняться отъ зла тамъ, гдѣ мы не можемъ побѣдить его совершенно.

Всѣ эти соображенія ведутъ неотразимо къ одному выводу, который и составляетъ собственно философскій отвѣтъ на поставленный выше вопросъ и вмѣстѣ весьма важный пунктъ въ общей системѣ Бѣкля. Если, какъ оказывается, истиннымъ мѣриломъ цивилизаціи служить торжество духа надъ вѣйшею природою, то ясно, что вообще въ прогрессѣ человѣчества законы духа необходимо признать важнѣйшими дѣтелями, нежели законы природы. Таковъ многознаменательный законъ, впервые, какъ кажется, основательно выведенный Бѣклемъ, ибо хотя нѣкоторые мыслители и признавали его, но едва ли кѣмъ ишбудъ прежде былъ онъ доказанъ тѣмъ строгимъ методомъ, какого заслуживаетъ.

Бѣкль, своими изслѣдованіями исторіи вѣевропейскихъ государствъ и сравненіемъ ея съ исторіею Европы, привелъ вопросъ къ математической простотѣ и ясности. Въ математикѣ признается за несомнѣнную истину, что если изъ двухъ силъ одна остается въ неизмѣнномъ состояніи, другая же непрерывно возрастаетъ, то, какъ бы безконечно ни была велика первая, она, рано или поздно, должна уступить перевѣсъ второй силѣ. Въ европейской исторіи этотъ перевѣсъ непрерывно возрастающихъ силъ духа надъ постоянными силами природы уже совершился, и отнынѣ не остается никакого сомнѣнія, что этотъ перевѣсъ достигнетъ, рано или поздно, той степени, какая необходима для покоренія могущественныхъ препятствій, представляемыхъ природою такихъ странъ, гдѣ человѣкъ на болѣе ранней ступени историческаго развитія оказался безсильнымъ. Таковъ выводъ, самъ собою вытекающій изъ изслѣдованій Бѣкля и, безъ сомнѣнія, составляющій твердое убѣжденіе всѣхъ друзей науки и успѣховъ человѣческаго духа.

Самъ Бѣкль, впрочемъ, воздерживается даже и отъ такого, весьма позволительнаго, вывода и ограничивается только тѣмъ несомнѣннымъ положеніемъ, что въ европейской исторіи изслѣдованіе законовъ историческаго движенія приводится преимущественно къ изслѣдованію законовъ духа человѣческаго, и что законы природы должны быть изучаемы здѣсь лишь въ той мѣрѣ, въ какой она оказываетъ свое противодѣйствіе усиліямъ человѣческой воли, противодѣйствіе, впрочемъ, сильно уменьшившееся въ теченіе послѣднихъ столѣтій. Важность и глубина значенія

этого закона, конечно, понятны всякому. Мы полагаемъ также, что читатель достаточно ознакомился съ тѣми строгими доказательствами, на которыхъ утверждаетъ его Бёкль.

И такъ, если несомнѣнно, что въ европейской исторіи законы духа составляютъ самый важный предметъ изслѣдованія, то весьма естественно рождается новый вопросъ: какимъ методомъ мы вѣрнѣе всего можемъ достигнуть этой цѣли?

«Метафизики, говоритъ Бёкль, не затрудняются отвѣтомъ на этотъ вопросъ и полагаютъ, что ихъ труды представляютъ удовлетворительное разрѣшеніе всѣхъ трудностей.» Но внимательный разборъ ихъ приемовъ и малое количество положительныхъ, бесспорныхъ результатовъ, ими достигнутыхъ, убѣждаютъ, по мнѣнію Бёкла, въ недостаточности ихъ метода. За исключеніемъ нѣкоторыхъ законовъ объ ассоціаціи идей,—такъ заключаетъ онъ свой разборъ метафизическаго метода,—и новыхъ теорій зрѣнія и осязанія, въ цѣлой области метафизики не найдется ни одного принципа значительной важности, который былъ бы въ то же самое время и бесспорно вѣрнымъ. При такихъ обстоятельствахъ приходитъ на мысль, что долженъ быть какой нибудь важный недостатокъ въ томъ способѣ, какимъ производились вообще метафизическія изслѣдованія. Я, съ своей стороны, думаю, что простымъ наблюденіемъ нашей собственной души или даже и помощью тѣхъ грубыхъ опытовъ, какія мы можемъ дѣлать въ этомъ отношеніи, психологія не можетъ взойти на степень строгой науки; я почти не сомнѣваюсь, что метафизика можетъ быть съ успѣхомъ обрабатываема только при помощи исторіи, которая открываетъ намъ болѣе широкіе виды на человѣческую природу, показывая общія законы, управляющіе развитіемъ человѣческаго рода.

Въ настоящемъ же своемъ видѣ, продолжаетъ онъ, метафизическій методъ не доросъ до той задачи, которая отъ него требуется исторіей, именно до возможности открытія законовъ, которыми управляется дѣятельность человѣческаго духа. И потому мы принуждены прибѣгнуть къ единственному методу, который намъ остается и по которому явленія духа изслѣдуются не въ томъ видѣ, какъ они проявляются въ единичномъ духѣ наблюдателя, но какъ они выражаются въ дѣйствіяхъ человѣчества вообще. Этотъ методъ есть точное собраніе и искусное группированіе статистическихъ данныхъ. Выше было говорено о блестящихъ результатахъ ими добытыхъ; въ настоящемъ случаѣ Бёкль приводитъ еще одинъ

примѣръ, наглядно показывающій преимущество этого метода надъ другими въ вопросахъ чрезвычайной важности для историка. Такъ напр. вопросъ о постоянствѣ отношеній между количествомъ рожденій обоихъ половъ имѣетъ весьма большое значеніе. Если бы это отношеніе значительно измѣнилось въ какой либо странѣ, хотя въ теченіе одного поколѣнія, то такое измѣненіе неминуемо подѣйствовало бы самымъ вреднымъ образомъ на все общество и, безъ сомнѣнія, увеличило бы количество преступленій. Извѣстно, напр., что крестовые походы, нарушивъ постоянное отношеніе между количествомъ мужчинъ и женщинъ въ Европѣ, усилили безнравственность. — Обыкновенно принималось, что рожденія мальчиковъ и дѣвочекъ приблизительно равны по количеству; но до недавняго времени, никто не могъ сказать опредѣленно, равны ли онѣ совершенно, и если не равны, то на какой сторонѣ перевѣсъ. Физиологія и метафизика, по видимому, на законныхъ основаніяхъ, считали себя въ состояніи отыскать и съ точностью опредѣлить причины, управляющія рожденіемъ того или другаго пола и такимъ образомъ, каждая изъ своихъ началъ, разрѣшить этотъ вопросъ. Но ни та ни другая не оказались въ этомъ случаѣ состоятельными. А между тѣмъ, говоритъ Бѣкъ, при помощи весьма простаго метода, мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи строгій законъ, котораго найти не могли соединенныя усилія цѣлаго ряда знаменитыхъ ученыхъ. Простымъ исчисленіемъ дѣйствительнаго количества рожденій обоихъ половъ въ различныхъ государствахъ и въ разные годы, мы достигли возможности устранить всѣ случайности и открыть существованіе закона, который, будучи выраженъ въ круглыхъ цифрахъ, состоитъ въ слѣдующемъ: на каждые двадцать дѣвочекъ родится двадцать одинъ мальчикъ. Сила этого закона такова, что, не смотря на постоянныя колебанія, которымъ, естественно, должно подвергаться дѣйствіе его, мы не можемъ указать ни одной страны, въ которой, хотя бы на одинъ годъ, число родившихся мальчиковъ не превышало числа родившихся дѣвочекъ.

Этотъ же методъ, по мнѣнію Бѣкля, долженъ быть приложенъ и къ изученію законовъ духа, если мы и здѣсь хотимъ добиться столь же строгихъ и положительныхъ результатовъ. Вопросъ состоитъ только въ томъ, какимъ образомъ приложеніемъ этого метода мы можемъ достигнуть легчайшаго раскрытія законовъ прогресса духа? Но еще прежде, чѣмъ приступать къ разрѣше-

ниъ этого вопроса, слѣдуетъ опредѣлить съ точностью, въ чемъ именно состоитъ этотъ прогрессъ? Обыкновенное, ходячее мнѣніе состоитъ въ томъ, что историческій прогрессъ есть двойственный, т. е. нравственный и умственный. Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что такое раздѣленіе совершенно справедливо и удовлетворительно, пока исторія принимается только за повѣствованіе о событіяхъ, сопровождаемыхъ нравоучительными и нѣкоторыми другими разсужденіями. Нельзя, конечно, назвать преуспѣвающимъ такой народъ, который, становясь просвѣщеннѣе, въ тоже время портился бы въ нравахъ, или такой, въ которомъ усиленіе добродѣтелей сопровождалось бы усиленіемъ невѣжества.

Но настоящая историческая наука не можетъ ограничиться этимъ объясненіемъ. Она должна опредѣлить съ точностью, въ какой именно мѣрѣ каждое изъ этихъ началъ служитъ дѣятельною силою въ историческомъ прогрессѣ, для того, чтобы слабѣйшее начало подчинить законамъ сильнѣйшаго. Если окажется, что движеніе цивилизаціи и благоденствія человѣчества зависитъ болѣе отъ нравственнаго чувства, нежели отъ положительнаго знанія, то, безъ сомнѣнія, прогрессъ общества мы должны будемъ мѣрять этимъ нравственнымъ чувствомъ; если же, наоборотъ, будетъ доказано, что то и другое зависитъ преимущественно отъ знанія, то необходимо будетъ степень и результаты этого знанія принимать за дѣйствительную мѣру прогресса. Такое строгое изслѣдованіе силы и значенія каждаго изъ этихъ двухъ началъ необходимо, между прочимъ, и потому, что безъ него выраженіе: нравственный и умственный прогрессъ можетъ породить весьма важныя недоразумѣнія. Такъ, при обычномъ употребленіи его, весьма легко рождается мысль, что нравственные и умственные силы человѣка съ движеніемъ цивилизаціи утончаются и укрѣпляются въ самой своей природѣ. Но такое предположеніе, если бы даже оно и было справедливо, не было, однако, никогда доказано.

Способность мозга, говоритъ Бѣкль, можетъ, вслѣдствіе еще неизвѣстныхъ намъ естественныхъ причинъ, усиливаться мало-помалу и въ большіе сроки времени, а вслѣдствіе того могутъ утончаться и самыя способности души, дѣйствующей при его посредствѣ; можно предполагать также, что умственное развитіе родителей не остается безслѣднымъ для ихъ дѣтей, отражаясь уже на самихъ прирожденныхъ способностяхъ ихъ души: но все это

Остается на степени гипотезъ. Наше незнаніе законовъ природы еще такъ велико и всѣ условія, при которыхъ характеръ, темпераментъ и другія личныя свойства дѣлаются наследственными, покрыты для насъ еще столь глубокимъ мракомъ, что мы должны считать вышеупомянутыя гипотезы за весьма сомнительныя. При настоящемъ состояніи нашихъ знаній, мы не можемъ никакъ принять за несомнѣнную истину, будто въ нравственныхъ и умственныхъ свойствахъ людей происходитъ постоянное улучшение; точно также не имѣемъ мы никакой возможности утверждать, что бы эти свойства были по природѣ своей лучше у ребенка, рожденнаго въ самой цивилизованной странѣ Европы, нежели у ребенка, рожденнаго въ самой варварской странѣ.

И такъ, что касается до нравственнаго и умственнаго прогресса, то оказывается, что онъ состоитъ въ непрерывномъ теченіи исторической его жизни, но въ измѣненіи и улучшеніи тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ душевныя способности новорожденнаго начинаютъ и продолжаютъ свою дѣятельность. Эти обстоятельства суть: представленія, знанія, образъ жизни окружающихъ насъ,—однимъ словомъ, вся духовная атмосфера, которая окружаетъ человѣка со дня его вступленія въ свѣтъ. Такимъ образомъ единственно твердымъ и несомнѣннымъ остается лишь то, что человѣчество въ цѣломъ, относительно своей нравственной и умственной дѣятельности, руководствуется исключительно господствующими въ данную эпоху нравственными и умственными идеями. Само собою разумѣется, что всегда бывають люди выше и ниже своей эпохи. Но это по большей части исключенія.

Далѣе, самое поверхностное знакомство съ исторіей убѣждаетъ насъ, что то, что мы называемъ духомъ времени, постоянно измѣняется и никогда не бываетъ совершенно одинаково въ двухъ странахъ, повидимому самыхъ сходныхъ между собою, или, даже, въ двухъ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ одной и той же страны. Самыя популярныя мнѣнія въ извѣстной странѣ измѣняются въ различныхъ отношеніяхъ съ каждымъ годомъ, и то, что въ извѣстную эпоху кажется неразуміемъ или ересью, принимается въ другую эпоху какъ ясная истина, которая, въ свою очередь, смѣняется новою. Такое сильное неостоянство въ образѣ мыслей и дѣйствій цѣлыхъ обществъ несомнѣнно доказываетъ намъ, что сами условія, имъ управляющія, должны быть очень измѣнчивы; но ясно, что эти условія,

новы бы они ни были, суть источники нравственнаго и умственнаго образа дѣйствій массъ.

Въ этомъ-то, говоритъ Бекль, имѣемъ мы твердое основаніе для разрѣшенія поставленнаго выше вопроса. Зная, что главная причина человѣческаго образа мыслей и дѣйствій очень измѣнчива по своей природѣ, намъ остается только прилагать этотъ пробный камень ко всякому порядку данныхъ, которыя считаются за эту причину и, если мы найдемъ, что эти данныя не очень измѣнчивы по своей природѣ, то мы по необходимости должны заключить, что онѣ не суть та причина, которой мы ищемъ.

Если мы приложимъ эту мѣрку къ нравственнымъ побужденіямъ или внушеніямъ такъ называемаго нравственнаго чувства, то мы тотчасъ замѣтимъ, какъ незначительно вліяніе, которое оно оказывало на движеніе цивилизаціи. Ибо, безъ сомнѣнія, нѣтъ ничего на свѣтѣ, что бы подвергалось столь малому измѣненію, какъ тѣ великія правила, изъ которыхъ состоятъ нравственные кодексы. Дѣлать добро другимъ, любить ближнихъ какъ самихъ себя, прощать врагамъ, обуздывать наши страсти, почитать родителей, уважать высшихъ,—таковы, по большой части, главныя основы ученія о нравственности; но всѣ эти правила извѣстны уже въ продолженіи нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, и въ теченіе этого времени къ нимъ, очевидно, не прибавилось ни одной іоты.

Если, напротивъ, отъ этого неподвижнаго состоянія нравственныхъ истинъ мы обратимся къ непрерывно возрастающему запасу знаній, то разница окажется поразительною. Между тѣмъ какъ въ первомъ отношеніи самый образованный европеецъ нашего времени не знаетъ ни одной истины, которая не была бы извѣстна древнимъ, въ последнемъ мы откроемъ такое движеніе и успѣхи, которые и не чаялись древнимъ. Выводъ изъ этого и примѣненіе къ поставленному выше вопросу очень понятенъ. Если цивилизація, говоритъ Бекль, есть продуктъ нравственныхъ и умственныхъ факторовъ, то ясно, что движеніе ея не можетъ быть управляемо неподвижнымъ факторомъ. Остается, слѣдовательно, умственный факторъ; и что онъ именно и есть собственно дѣятельный—это можетъ быть доказываемо двумя различными способами: во первыхъ тѣмъ, что факторъ нравственный не оказался такимъ, а, затѣмъ остается только другой, именно умственный; во вторыхъ тѣмъ, что этотъ послѣд-

нѣй самъ по себѣ оказывается чрезвычайно дѣлательнымъ и могущественнымъ, такъ—что его одного совершенно достаточно для объясненія необыкновенныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ Европою въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій.

Признавая умственные начала преимущественно движущимъ факторомъ цивилизаціи, Бѣкъ, безъ сомнѣнія, правъ; но едва ли онъ правъ, не приписывая почти никакого значенія нравственнымъ началамъ на томъ основаніи, что они неподвижны. Нравственные основы общества не остаются безъ вліянія и на самый умственный прогрессъ его; помогая или задерживая его, смотря по своему содержанію. Умственное движеніе, возможное въ христіанскихъ обществахъ не возожна въ обществахъ магометанскихъ или другихъ съ низшими нравственными принципами.

Но кромѣ того, что умственное начало гораздо способнѣе къ движенію и развитію, оно, по мнѣнію Бѣкля, производитъ также болѣе долговѣчные и болѣе благодѣтельные результаты.

Самыя ревностныя усилія челоуѣколюбія, самая широкая и безкорыстная любовь къ ближнему—ограничиваются въ своемъ благодѣтельномъ вліяніи весьма короткимъ срокомъ времени и приносятъ пользу, сравнительно, весьма ограниченному числу людей; если же они стремятся упрочить и увѣковѣчить свое вліяніе основаніемъ большихъ благодѣтельныхъ учреждений, то, по большей части, злоупотребленія и другія обстоятельства скоро уничтожаютъ такія учрежденія, или уклоняютъ ихъ отъ первоначальной цѣли. Напротивъ умственные приобрѣтенія, передаваясь изъ рода въ родъ, достигаютъ отдаленнѣйшаго потомства и съ каждымъ годомъ дѣлаются достояніемъ все большаго и большаго числа людей, вѣчно сохраняя свою благодѣтельную силу. Наконецъ, нравственно добрыя намѣренія не всегда оказываютъ то благодѣтельное вліяніе, котораго бы отъ нихъ можно было ожидать. Исторія не представляетъ ни одного примѣра, чтобы непросвѣщенный челоуѣкъ съ добрыми намѣреніями и въ тоже время довольно могущественный для того, чтобы насильственно приводить ихъ въ исполненіе, не сдѣлалъ гораздо болѣе зла, чѣмъ добра. И зло, имъ причиняемое, именно тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе онъ проникнуть безкорыстіемъ, энтузіазмомъ и силою воли. Самымъ лучшимъ подтвержденіемъ этого служитъ исторія религіозныхъ гоненій. «Наказать даже одного челоуѣка за его религіозныя убѣжденія, говорить Бѣкъ, есть,

безъ сомнѣнія, одно изъ самыхъ черныхъ преступленій; но преслѣдовать и наказывать цѣлыя общины людей, гнать цѣлыя секты, стараться искоренить мнѣнія, неизбѣжно вытекающія изъ самаго состоянія общества и свидѣтельствующія о жизненности духа, — такія дѣйствія суть не только въ высшей степени вредныя, но и еще въ большой степени безумныя, и однако несомнѣнно, что наибольшая часть тѣхъ, которые руководили религіозными преслѣдованіями, были люди съ самыми чистыми намѣреніями и необыкновенной, безукоризненной нравственности.

Само собою разумѣется, послѣ всего сказаннаго, что постепеннымъ освобожденіемъ человѣчества отъ всѣхъ бѣдствій, порожденныхъ религіозными гоненіями, распространеніемъ духа вѣротерпимости и признаніемъ свободы совѣсти (на сколько все это уже совершилось въ образованныхъ государствахъ) мы обязаны не совершенствованію нравственнаго чувства въ человѣкѣ. Это великое дѣло совершено исключительно при помощи умственнаго начала въ цивилизаціи и притомъ именно при содѣйствіи той передовой ея силы, которой дѣятельность и значеніе въ исторіи еще не довольно оцѣнены. Эта сила есть скептицизмъ. «Ему говоритъ Бѣкъ, обязана Европа тѣмъ духомъ изслѣдованія, который въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій коснулся мало по малу всѣхъ вопросовъ; который преобразовалъ всѣ отрасли какъ пракческаго, такъ и теоретическаго знанія; который ослабилъ значеніе привилегированныхъ классовъ и такимъ образомъ положилъ твердыя пачала свободѣ. Однимъ словомъ, скептицизмъ уничтожилъ три главнѣйшія заблужденія стараго времени, заблужденія, которыя дѣлали пародъ въ политикѣ *слишкомъ доверчивымъ*, въ наукѣ *слишкомъ лежовѣрнымъ*, и, наконецъ, въ религіи *слишкомъ нетерпимымъ*.»

Послѣ религіозныхъ гоненій самое величайшее зло, отъ котораго страдало человѣчество, суть безъ сомнѣнія войны. Всякому, конечно, извѣстно, что зло это съ теченіемъ времени постепенно уменьшается. Но когда мы спросимъ себя о причинахъ этого ослабленія войнъ, то опять принуждены будемъ сознаться, что нравственные принципы не принимали въ этомъ никакого участія. Никто, конечно, не станетъ доказывать, чтобы въ новѣйшія времена были указаны какія либо новыя безнравственныя стороны войнъ. Все, что извѣстно намъ въ этомъ

отношеніи, было точно такъ же хорошо извѣстно и нѣсколько столѣтій тому назадъ. Если же нравственное ученіе не приобрѣло никакихъ новыхъ аргументовъ въ этомъ отношеніи, то ясно, что оно не могло оказать и болѣе сильнаго вліянія на человечество. Напротивъ, все убѣждаетъ насъ несомнѣнно, что распространеніе знаній имѣло самое рѣшительное вліяніе на ослабленіе воинскаго духа. Въ странахъ совершенно варварскихъ умственныхъ приобретеній не существуетъ вовсе; духу остается тамъ только чисто внѣшняя дѣятельность, и личная храбрость опредѣляетъ тамъ единственно достоинство человѣка. Отъ этого жалкаго состоянія до высоты истинной цивилизаціи идетъ цѣлая лѣстница переходныхъ положеній. Съ каждой ступенью владычество грубой, матеріальной силы ослабляется и сила мысли беретъ перевѣсъ. Торговля, мануфактуры, законы, дипломатія, литература, науки, философія, о которыхъ прежде не было и понятія, начинаютъ притягивать къ себѣ лучшія силы общества и образуютъ наконецъ могущественный классъ людей, для которыхъ война служитъ только препятствіемъ въ ихъ полезныхъ занятіяхъ и которыхъ интересы становятся въ разрѣзъ съ интересами воинственнаго класса общества. «На низкой ступени общественнаго развитія, говоритъ Бѣкль, даровитѣйшіе люди въ государствѣ стремятся въ армію и гордятся своимъ воинскимъ званіемъ. Но при развитіи общества, открываются новые пути дѣятельности и новые рода занятій, существенно умственныхъ и представляющіе талантливымъ людямъ болѣе средствъ къ раскрытію своихъ способностей. Въ слѣдствіе того въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ, какъ напр. въ Англии, отецъ семейства, имѣющій сына съ отличными способностями, назначаетъ его непременно къ гражданской дѣятельности, гдѣ талантъ и прилежаніе награждаются лучше. Явленіе это вообще въ исторіи становится особенно яснымъ, когда мы сравнимъ между собою времена, отдаленныя большими промежутками. Въ древности полководцы были не только люди съ значительнымъ образованіемъ, но и люди столько же искусные въ политикѣ, какъ въ военномъ дѣлѣ, однимъ словомъ, передовые во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ въ Греціи трое лучшихъ государственныхъ людей Солонъ,Themistocle и Эпаминондъ были въ тоже время и замѣчательнѣйшіе полководцы. Сократъ, мудрѣйшій изъ древнихъ, былъ солдатомъ, Платонъ и, наконецъ, Антистенъ, знаменитый основатель школы циниковъ—тоже. Ар-

хитъ, давній новое направленіе Пиеагорейской философіи, и Мелиссъ, развившій философію Элеатовъ, были оба извѣстные военачальники и столько же славны въ литературѣ, какъ и въ военномъ дѣлѣ. Периклъ, Алкивиадъ, Демосеенъ и Эскинъ, значенітѣйшіе изъ ораторовъ, были въ тоже время и воинами. Поэты: Архилохъ, Тиртей и Алкей; величайшіе трагики: Эсхилъ и Софоклъ, наконецъ знаменитые историки Фукидидъ, Ксенофонтъ и Полибій—были воинами, однимъ словомъ лучшіе люди Греціи во всѣхъ родахъ принадлежали тамъ къ военному званію и успѣвали соединять свою безсмертную литературную дѣятельность съ суровыми обязанностями война. Напротивъ, въ новомъ свѣтѣ воинское званіе, хотя оно заключаетъ въ себѣ цѣлыя млііоны и покрываетъ всю Европу, съ 16 вѣка не произвело десятка писателей, сколько нибудь близкихъ къ исчисленнымъ выше древнимъ. Декартъ, воинъ и вмѣстѣ глубокой философъ, составляетъ едва ли не исключительное явленіе».

«Кромѣ этихъ общихъ причинъ ослабленія воинскаго духа были еще, по мнѣнію Бѣкка три особыя причины, уменьшившія въ новѣйшее время количество войнъ. Эти три причины сѣтъ: изобрѣтеніе пороха, новыя открытія въ политической экономіи и устройство сообщеній посредствомъ пара. Мы не имѣемъ возможности объяснять подробно, какъ это дѣлаетъ Бѣккъ въ своей книгѣ, значеніе каждой изъ этихъ причинъ; но не можемъ не согласиться съ нимъ, что всѣ онѣ сѣтъ продукты *умственной* элемента въ цивилизаціи. Такимъ образомъ оказывается несомнѣннымъ, что два изъ старѣйшихъ, сильнѣйшихъ и наиболѣе укоренившихся золь въ европейской цивилизаціи, во первыхъ, уменьшаются постепенно, во вторыхъ, это уменьшеніе произведено не нравственными чувствами или ученіями, но единственно дѣятельностью человѣческаго разума и тѣми открытіями и изобрѣтеніями, которыя успѣлъ сдѣлать человекъ постепенно и въ теченіе долгаго періода времени.

Если въ этихъ двухъ важныхъ проявленіяхъ прогресса умственной силы оказались преобладающими надъ нравственными, то естественно, что того же должно ожидать и въ явленіяхъ болѣе мелкихъ. обстоятельно доказать это можно только самимъ историческимъ изложеніемъ, что и обѣщаетъ Бѣккъ сдѣлать въ послѣдующихъ томахъ своей книги, но уже и на основаніи приведенныхъ имъ доселѣ данныхъ онъ, кажется, имѣетъ полное право къ слѣдующему выводу. «Широкой и непредубѣжденный

взглядъ на историческія явленія открываетъ намъ, что въ каждомъ цивилизованномъ государствѣ прогрессъ вообще зависитъ единственно отъ трехъ условій: во первыхъ отъ объема знаній его лучшихъ передовыхъ людей, во вторыхъ отъ направленія, принятаго знаніемъ, т. е. отъ рода тѣхъ предметовъ, на которые по преимуществу устремлено оно, наконецъ, въ третьихъ, и всего болѣе, отъ степени распространенія этого знанія и отъ свободы, съ которою проникаетъ оно во всѣ классы общества».

Таковы, по мнѣнію Бэка, три главнѣйшія рычага цивилизации, которымъ должны уступать всѣ другія силы, живущія и борющіяся въ человѣческихъ обществахъ. Великіе люди съ своимъ благодѣтельнымъ или вреднымъ вліяніемъ, добрыя и злыя наклонности людей, ужасы войнъ и другихъ общественныхъ бѣдствій, — все это суть временныя историческія явленія, мало по малу сглаживаемыя вѣчнымъ теченіемъ жизни, или уравновѣшиваемыя взаимной борьбою. Все это суть приливы и отливы исторіи, непрерывный потокъ, которому подвержены мы по законамъ природы.

«Но надъ этимъ вѣчно волнующимся и уносящимся въ бездну потокомъ живетъ и движется другой, высшій міръ; и между тѣмъ, какъ волны прилива и отлива уходятъ безслѣдно въ свое вѣчное колебаніе, въ исторіи народовъ остается нѣчто непреходящее и неумирающее. Дѣла злыхъ людей порождаютъ лишь временный вредъ, дѣла добрыхъ также не оставляютъ прочнаго слѣда и, наконецъ, все добро и зло, ими сдѣланное, поглощается жизнью новыхъ поколѣній и исчезаетъ въ непрерывномъ ходѣ вѣковъ. Но *открытія великихъ людей не покидаютъ насъ никогда, они безсмертны*; они-то суть тѣ великія истины, которыя переживаютъ паденія царствъ, вражду и войны религиозныхъ партій. Всякое ученіе имѣетъ свой предѣлъ существованія, возникаетъ и исчезаетъ по непремѣннымъ законамъ; для одного вѣка годны одни мнѣнія, для другихъ—иные. Всѣ эти преходящія явленія, будучи летучими произведеніями фантазій, проносятся надъ человѣчествомъ какъ сновидѣнія, неуловимыя даже въ своихъ очертаніяхъ. Лишь открытія генія остаются; имъ однимъ обязаны мы всѣмъ, что имѣемъ, они годны для всѣхъ временъ; не будучи никогда юными и никогда не старѣясь, они въ самихъ себѣ носятъ вѣчныя начала своей жизни; они несутся впередъ вѣчнымъ, безсмертнымъ потокомъ, возбуждая непрерывно новую умственную дѣятельность, порождая позднѣйшія открытія, и такимъ образомъ простираютъ свое вліяніе на отдаленнѣйшее потомство. Этого мало, съ теченіемъ вѣковъ вліяніе ихъ становится даже сильнѣе, нежели было вначалѣ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

**ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ
И ИСКУССТВА. СОЧИНЕНІЕ О. БУСЛАВА. С. ПЕТЕРБУРГЪ.
1861.**

Подъ выписаннымъ заглавіемъ вышли въ свѣтъ два огромные и роскошно изданные тома, содержащіе въ себѣ тридцать четыре статьи г. Буслаева, которая почтенный профессоръ въ свое время помѣщалъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ и теперь позаботился собрать вмѣстѣ къ общему удовольствію образованныхъ чатателей.

Нѣкоторыя главы, содержащіяся въ новоизданныхъ томахъ, предлагаются читателямъ въ первый разъ; большая же часть ихъ, какъ сказано, уже была напечатана и теперь является съ нѣкоторыми поправками и измѣненіями, которыхъ нужду указалъ сочинителю опытъ. Не смотря на монографическій способъ изложенія, которымъ каждой главѣ сообщается самостоятельность, и не смотря на многочисленность предметовъ, которымъ почтенный ученый посвятилъ свои изслѣдованія, немудрено однако усмотрѣть между ними тѣсную и ощутительную связь, которая зависитъ какъ отъ вѣрности сочинителя основнымъ началамъ, разъ принятымъ и твердо усвоеннымъ, такъ и отъ родства между самими предметами изслѣдованія. Первый томъ содержитъ изслѣдованія о народной поэзіи: сначала идутъ главы, выходящія предметомъ поэзію въ связи съ языкомъ, народнымъ бытомъ и мифологіею; за тѣмъ слѣдуютъ статьи, посвященныя изученію славянской поэзіи сравнительно съ поэзію прочихъ родственныхъ народовъ, далѣе изслѣдованіе о народной поэзіи

русской. Во второмъ томѣ разсматриваются народныя элементы древне-русской литературы и искусства. Но языкъ, народный бытъ; народная поэзія съ ея составными частями, пословицами, примѣтами и заклинаньями; міеологія, начатки искусства: это все стихіи самобытной народной жизни, вѣрно изображающія отличительныя первоначальныя свойства народа, его внутренней образъ, изъ глубокой древности получившій опредѣленныя очертанія; короче: эта сама народность. И такъ вотъ тотъ собирательный предметъ, который по составнымъ частямъ своимъ изслѣдовать въ отдѣльныхъ главахъ разсматриваемой нами книги: русская народность въ ея многообразныхъ проявленіяхъ.

Если мы и встрѣчаемъ въ книгѣ г. Буслаева не только отдѣльныя замѣчанія о поэзіи, языкѣ и міеологіи другихъ народовъ, но даже и цѣлыя главы, въ коихъ разсматриваются сказанія или поэтическія произведенія народовъ скандинавскихъ или соплеменныхъ намъ Славянъ: то причиною тому сравнительный методъ изслѣдованія, усвоенный почтеннымъ авторомъ отъ знаменитаго германскаго ученаго Я. Грима и во многихъ случаяхъ столь удачно примѣненный имъ къ изслѣдованію родной старины. Собственный же предметъ изслѣдованій г. Буслаева, къ которому, какъ къ средоточію, сводитъ онъ всѣ разнообразныя свои изысканія, есть именно русская народность.

Извѣстно, что вопросъ о русской народности раздѣлялъ нашихъ писателей на два совершенно разномысленныя станъ. Раздѣленіе это и доныпѣ не уничтожено и будетъ въ извѣстной мѣрѣ существовать еще долго, пока новыя открытія науки и основанныя на нихъ безпристрастныя изслѣдованія ученыхъ, чуждыхъ предразсудкамъ и увлеченіямъ, не уяснятъ дѣла вполне. Но въ ожиданіи этого будущаго примиренія литературныхъ несогласій въ столь живомъ и для всѣхъ насъ существенно важномъ предметѣ, почтимъ искреннею хвалою и признательнымъ воспоминаніемъ тѣхъ недавно похищенныхъ раннею смертію благороднѣйшихъ дѣятелей нашей литературы, которымъ вопросъ о русской народности такъ много обязанъ и которые въ самую трудную пору отстаивали свои убѣжденія, противныя литературному большинству, съ мужествомъ и постоянствомъ, достойнымъ всякаго уваженія.

Многія мнѣнія ихъ, при первомъ появленіи своемъ въ литературѣ встрѣченныя грубыми насмѣшками, теперь сдѣлались прочнымъ достояніемъ науки, а инныя даже основою важнѣйшихъ об-

щественныхъ понятій нашего времени. Такова вообще судьба всякаго самобытнаго ученія, которое возникаетъ сперва въ свободномъ, творческомъ мышленіи людей одаренныхъ и за тѣмъ уже, разъясненное и истолкованное долговременными преніями, въ цѣлости или въ частяхъ своихъ усваивается даже прежними противниками его, вливается въ общую сокровищницу человѣческихъ знаній и наконецъ передается въ оборотъ дѣйствительной жизни.

Мы вспоминаемъ, какъ видитъ читатель, о прошлыхъ несправедливостяхъ литературнаго большинства безъ всякаго злостнаго намѣренія; потому что этого рода распри дѣло слишкомъ обыкновенное и естественное, даже и не въ такой молодой литературѣ, какова русская. Цѣль наша состоитъ только въ томъ, чтобы принести искреннюю дань уваженія небольшому, но дружно и честно дѣйствовавшему, литературному обществу, котораго главные представители такъ недавно и такъ безвременно отошли въ вѣчность. Здѣсь не мѣсто говорить подробно о дѣятельности Славянофиловъ; она безъ сомнѣнія найдетъ своего правдиваго историка, который, не покрывая ихъ увлеченій и ошибокъ, исчислитъ многоразличныя заслуги ихъ родному слову и мысли; мы же, исполнивъ по отношенію къ нимъ свою обязанность, обратимся къ предмету, о которомъ предположили рассуждать.

Упомянутыя нами пренія о русской народности, при какихъ бы условіяхъ онѣ ни производились и какими бы увлеченіями и ошибками ни сопровождались, имѣли однако тѣ неоспоримо благотворныя послѣдствія, что возбудили всеобщее вниманіе и участіе къ дѣлу и подали поводъ къ многообразнымъ открытіямъ, разъяснившимъ многія до того времени пелены для насъ стороны внутренней жизни нашего народа, и такимъ образомъ весьма много способствовали успѣхамъ нашего народнаго самопознанія, обѣщая въ будущемъ еще большіе плоды. Народныя пѣсни, пословицы, примѣты, заклинанія, загадки, сказки, духовныя стихи, сказанія и легенды, областныя реченія, древнія повѣсти и рассказы, почерпнутыя изъ устъ народа, изъ старинныхъ сборниковъ и другихъ рукописей, до послѣдняго времени извѣстныхъ только по имени, хронографовъ, палей и тому подобныхъ: все это стало въ послѣднее время издаваться въ такомъ изобиліи, что изслѣдующая наука, по скудости ея представителей, едва успѣваетъ внимательно осмотрѣть множество вновь представляющихся ей суду явленій. Изданіе духовныхъ стиховъ

и пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго, легендъ г. Костомарова, народныхъ пѣсенъ г. Якушкина, духовныхъ стиховъ г. Варенцова, сказокъ г. Аванасьева; многочисленныя памятники народнаго слова, изданныя и постоянно вновь издаваемые въ Извѣстіяхъ втораго отдѣленія Академіи Наукъ, Читеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ, Лѣтописяхъ Русской литературы и древности, Православномъ Собесѣдникѣ, Москвитянинѣ, Русской Бесѣдѣ, Отечественныхъ Запискахъ, Современникѣ и т. д. Какой обильный запасъ для изслѣдованія! Сколько новыхъ вопросовъ представляется вниманію и труду ученыхъ въ этомъ обширномъ складѣ народной мысли и народнаго творчества и сколько новыхъ рѣшеній для прежнихъ вопросовъ! Какъ много надобно примаго художественнаго чувства и въ тоже время любви къ народу, чтобы настоящимъ образомъ уразумѣть красоту его чистосердечной поэзіи; и какая необходима свобода отъ всякаго пристрастія, чтобы не остаться подъ обаяніемъ роднаго слова и не придти, подъ вліяніемъ этого очарованія, къ произвольнымъ и противнымъ истинѣ заключеніямъ! Мало того; даже при самомъ чистомъ и правильномъ вкусѣ, при полномъ сочувствіи къ народу, при самомъ рѣшительномъ желаніи остаться въ предѣлахъ правдъ, для изслѣдователя возможны въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, важныя ошибки, пропуски и уклоненія отъ примаго пути, если онъ приступитъ къ дѣлу безъ надлежащаго разумнаго метода.

О методѣ, коему слѣдовалъ въ своихъ изысканіяхъ г. Буслаевъ, у насъ уже замѣчено, что онъ заимствованъ имъ у Я. Гримма, знаменитѣйшаго изслѣдователя народной нѣмецкой старины, проложившаго въ наукѣ о древностяхъ совершенно новые пути, коихъ отнынѣ никто не можетъ миновать, не желая оставаться назади. Послѣднія слова наши должны увѣрить г. Буслаева, что мы нисколько не желаемъ поставить ему въ вину того, что онъ слѣдуетъ по пути, не имъ самимъ открытому. Напротивъ мы вѣнчаемъ ему въ особенную заслугу, что онъ такъ старательно и такъ основательно изучилъ творенія своего великаго учителя и, вѣрно слѣдуя его руководителству, примѣнилъ къ изученію нашей народной поэзіи и вообще нашихъ древностей его плодотворный методъ. Если, говоря выше о направленіи и заслугахъ Славянофиловъ, мы выразили наше уваженіе къ независимости ихъ мышленія и своеобразію ихъ ученыхъ приемовъ; то конечно не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы поощрять

презрѣніе къ иноземнымъ авторитетамъ, котораго и они, какъ люди высоко просвѣщенные, были чужды, и не для того, чтобы заступаться за своеправіе и произволь, которые и въ наукѣ такъ же вредны, какъ гнусны и отвратительны въ жизни общественной.

По ложному уваженію къ своему народному достоинству обойти вниманіемъ то, что сдѣлано уже въ иномъ народѣ, при полной возможности усвоить себѣ совершенное другими, значило бы обречь себя на трудъ совершенно излишній и оказать дикое, завистливое и безумное презрѣніе къ общимъ, всему роду человеческому принадлежащимъ, успѣхамъ науки. И если добросовѣстному ученому непозволительно пропускать безъ вниманія мнѣнія обыкновенныхъ тружениковъ; то что сказать о томъ, кто не обратилъ бы вниманія на Винкельмана, занимаясь древнимъ искусствомъ, или на Ньютона, изучая законы тяготѣнія?

Лишь безумецъ зажигаетъ

Тамъ свѣчу, гдѣ Фебъ пылаетъ.

Чувствуемъ, что мы говоримъ вещи слишкомъ извѣстныя и безспорныя; но мы почли необходимымъ оговориться передъ г. Буслаевымъ; изъ опасенія недоумѣній. Повторяемъ: не въ укоръ, а въ истинную заслугу передъ отечественной наукой поставляемъ мы точное послѣдованіе его методу Я. Гримма.

Мы не можемъ сказать, чтобы этотъ методъ предостерегъ г. Буслаева отъ всякаго рода ошибокъ (отъ ошибокъ не свободенъ конечно и самъ Гриммъ); и странно было бы требовать отъ кого бы то ни было безусловной вѣрности во всѣхъ мнѣніяхъ. Но весьма важно то, что общія начала избраннаго г. Буслаевымъ метода, при посредствѣ его статей, сдѣлались достояніемъ нашей литературы и со временемъ приведутъ безъ сомнѣнія изслѣдователей нашей старины къ обильнымъ и твердымъ заключеніямъ. Уже и теперь добрыя послѣдствія этого усвоенія очевидны: и одно изъ самыхъ лучшихъ есть конечно появленіе книги г. Буслаева. Если мы, отдавая полную справедливость нашему ученому, полагаемъ однако, что критика можетъ-быть не согласится со многими изъ его выводовъ и соображеній и представитъ ему свои указанія, которымъ онъ принужденъ будетъ уступить: то съ другой стороны мы утверждаемъ съ полною увѣренностію, что весьма многое изъ его изслѣдованій выдержитъ искушеніе самаго строгаго, самаго разборчиваго суда и перейдетъ въ общее убѣжденіе образованнаго общества.

Какъ нѣкогда сравнительный способъ языковѣдѣнія, изобрѣтенный въ той же многоученой Германіи знаменитымъ Бопфомъ, будучи примѣненъ къ изученію нашего отечественнаго языка и родственныхъ намъ нарѣчій, измѣнилъ вовсе основаніе нашей грамматики и уяснилъ намъ въ собственномъ нашемъ языкѣ множество явленій, безъ сравненія съ иными языками необъяснимыхъ: такъ и въ изученіи народной нашей поэзіи примѣненіе сравнительнаго способа, утвержденного на твердыхъ основаніяхъ Гриммомъ, общаетъ того же рода благотворныя послѣдствія.

И если мы, поставивъ нашу поэтическую мнѳологическую и художественную старину лицомъ къ лицу съ древностями другихъ народовъ индо-европейской семьи, приуждены будемъ признать общимъ достояніемъ многія прекрасныя черты древняго творчества, которыя доселѣ почитали нашею исключительною принадлежностію, нашею *собиною*: то съ другой стороны это общеніе наше въ высокихъ духовныхъ дорованіяхъ съ лучшею частію человѣческаго рода должно, по нашему мнѣнію, убѣждать и исправить людей съ испорченнымъ вкусомъ, столь къ несчастію многочисленныхъ и столь упорно отвергающихъ дѣвственныхъ, никогда не старѣющихъ и недоступныхъ искусственному творчеству красоты русской эпической поэзіи. Еще не такъ давно не только въ обществѣ, но и въ самой средѣ литературы, раздавались голоса, довольно явственно напоминавшіе незабвеннаго Василя Кирилловича, который, какъ извѣстно, просилъ извиненія у своихъ просвѣщенныхъ слушателей въ томъ, что онъ осмѣлился предложить имъ въ примѣръ тоническаго стихосложенія подлую народную пѣсню:

Отставала лебедь бѣлая

Прочь отъ стада лебединого.

И если для этихъ людей, туго понимающихъ тайны поэзіи, казались неубѣдительны, а иногда и смѣшны, опередившія общество мнѣнія объ этомъ предметѣ Славянофиловъ; то теперь имъ не куда дѣться. Приходится класть оружіе и сдаваться: съ Хомяковымъ и Аксаковымъ можно было и пошумѣть, и попытать свое дешевое остроуміе; а съ Гриммомъ—то что сдѣлаешь? Лучше покориться.

Конечно благовиднѣе было бы сдѣлать это безъ понужденій иноземнаго авторитета; но и то хорошо, что вліяніемъ знаменитаго имени положенъ копецъ упрямому и несправедливому порицанію прекраснѣйшаго достоянія народнаго слова. Нѣтъ

ничего страннаго или предосудительнаго въ измѣненіи понятій, разумѣется, если оно совершается чистосердечно; на то опытъ, чтобы улучшать человѣческія мнѣнія, всегда сопряжены съ погрѣшностями. Но, призываемся, мы не можемъ воздержаться иногда отъ легкой улыбки, наблюдая, какъ иной журналъ, отъ котораго нѣкогда такъ много доставалось русской народной поэзіи и ея заступникамъ, безъ малѣйшей оговорки о прошлыхъ своихъ грѣхахъ, важно, хотя и не очень умно, разсуждаетъ въ настоящее время о высокомъ достоинствѣ русской пѣсни. Эта незастѣчивая увертливость напоминаетъ намъ находчивость другаго рода, выраженную русскою поговоркой:

Я не я, и лошадь не моя.

Изъявивъ полное уваженіе къ заслугамъ и дарованіямъ г. Буслаева и имѣя въ виду въ теченіи настоящаго разсужденія не одинъ разъ остановить вниманіе читателей на прекрасныхъ подробностяхъ его изслѣдованій, мы просимъ его вникнуть въ наши замѣчанія о недостаткахъ, которые на нашъ взглядъ встрѣчаются въ его сочиненіяхъ, въ полной увѣренности, что онъ приметъ ихъ съ безристрастіемъ, всегда отличающимъ истиннаго ученаго, и оцѣнить наше намѣреніе оказать посильную услугу тому же дѣлу, которому онъ самъ посвящаетъ свое время и свой трудъ. При этомъ почитаемъ нужнымъ замѣтить, что мы не имѣемъ въ виду останавливаться на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ «Историческихъ Очерковъ русской народной поэзіи и искусства,» которыя подають поводъ къ замѣчаніямъ: писать разборъ въ такихъ размѣрахъ значило бы написать такіе же два полные тома. Это не соответствуетъ ни нашимъ собственнымъ намѣреніямъ, ни условіямъ того неспеціального изданія, для котораго назначается наша статья. Само собою разумѣется, что мы съ особеннымъ вниманіемъ остановимся на болѣе значительныхъ главахъ «Очерковъ,» въ которыхъ выражены важнѣйшія общія положенія автора или же представляются наиболѣе любопытныя частности; нѣкоторыя же статьи, небольшія по объему и содержащія въ себѣ второстепенной важности замѣтки, мы позволимъ себѣ пройти молчаніемъ.

Начнемъ съ того, что у г. Буслаева на ряду съ замѣчательными по остроумію словопроизводствами и совершенно вѣрными сближеніями словъ, по виду не имѣющихъ между собою ничего общаго, на дѣлѣ же находящихся въ ближайшемъ родствѣ,—на ряду съ такими, говоримъ, совершенно справедливыми

и тонкими выводами, встрѣчаются иногда сближенія произвольныя сдѣланныя а ргіогі или, какъ говорятъ въ семинаріяхъ, отъ разума, безъ вниманія къ дѣйствительному происхожденію словъ. На основаніи же этихъ неправильныхъ филологическихъ выводовъ и соображеній предлагаются читателю историческія или мнѣологическія и бытовыя данныя, которыя отъ прикосновенія здравой критики исчезаютъ.

Такъ: остановимся на истолкованіи, какое даетъ г. Буслаевъ слову *притча*. Въ первой статьѣ своего перваго тома, * онъ говоритъ:

«Пѣснь содержанія повѣствовательнаго именуется былинною, то есть, рассказомъ о томъ, что было. Согласно съ этимъ, слово *притча* означаетъ не только повѣствованіе о событіи, но и самое событіе, необыкновенный случай, катастрофу.»

Въ другой статьѣ, «Русскій бытъ и пословицы», ** читаемъ въ пополненіе къ сказанному:

«Притча, какъ отдѣльный членъ народнаго эпоса, означала «событіе, случай, приключеніе; а какъ роковое изреченіе о сбывшемся и о впредь имѣющемъ совершаться, принималось «въ смыслѣ рока, судьбы. Такое совпаденіе понятій о словѣ и «судьбѣ, кромѣ *притчи*, выразилось весьма ясно еще въ формѣ «*рокъ отъ реку.*»

«Несторъ употребляетъ слово *притча* въ его древнѣйшемъ, «эпическомъ смыслѣ, какъ изреченіе о роковомъ событіи, о «судьбѣ: «есть притча въ Руси и до сего дне: погыбоша, аки Обрѣ».

Притча, по древнему правописанію, *притъча* (др. русск. притъка, притка), имѣетъ два значенія: а) уподобленія, иносказанія или, какъ читаемъ въ Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ, съкровеннаго глагола *** (*παρομοία, παρβολή*); б) нечаяннаго, въ особенности несчастнаго случая. Не знаемъ, на какомъ основаніи г. Буслаевъ распространяетъ первое значеніе этого слова до рассказа вообще о какомъ-либо необыкновенномъ событіи; тогда какъ только извѣстнаго рода рассказъ, именно иносказательный, въ которомъ идутъ безпрерывныя примѣненія и сравненія, т. е., собственно притчи, обозначается этимъ сло-

* Стр. 18. Эпич. Поэз.

** Т. I. стр. 123.

*** Стр. 197. Сравни: «Уразумѣетъ же притчу и темное слово (*παρβολή καὶ σκοτεινόν λόγον*).» Притч. Сол. гл. I. ст. 6.

вомъ, синекдохически, отъ части къ цѣлому. Собственно же *при-тчи-а* есть приравненіе или уподобленіе, отъ одного корня съ словомъ *точень*, встрѣчающимся въ древнихъ русскихъ памятникахъ и въ современномъ текстѣ Св. Писанія : значить равенъ или подобень. Такъ, въ Поученіи дѣтямъ своимъ Владиміръ Мономахъ * заповѣдуетъ : «съ точными (т. е. съ равными) любовь имѣти.» Въ книгѣ Исуса сына Сирахова ** читаемъ : «Не оставляй друга стараго, новый бо нѣсть точень» («ἐπίσος—равень») ему.»

Точно также составлено греческое реченіе *παροιμία* (*παρά=* при; *μοίος=* подобень, точень). Для насъ замѣчательнъ составъ и другаго греческаго слова съ тѣмъ же значеніемъ: *παράβολή* отъ *παρά—βάλλω=* при—кинуть, (въ смыслѣ сравнить), при-разить, при-ткнуть. Отъ того же глагола приткнуть (приразить, прикинуть) производится весьма естественно и другое значеніе слова: *притча* — прираженіе, при-ткновеніе (позволяемъ себѣ, для объясненія, предположить такое слово, по образцу: преткновеніе *προςκοπή*), столкновеніе съ чѣмъ-либо (*συμβάν, σύμπτωμα*), встрѣча, стычка, случай, бѣда, несчастіе.

Такимъ образомъ мы видимъ, что то и другое значеніе слова *притча* произошло, каждое само по себѣ, независимо одно отъ другаго, прямо отъ общаго корня; переносъ же, сдѣланный г. Буслаевымъ, является совершенно ненужнымъ, кромѣ того, что онъ произволенъ и невѣренъ. Г. Буслаевъ опирается въ своемъ выводѣ на извѣстное выраженіе Несторовой лѣтописи о гибели великановъ Обровъ: «есть же притъча въ Руси и до сего дне : погибоша, аки Обръ;» говоря, что лѣтописецъ

* П. С. Лѣт. Лавр. Спис. стр. 101.

** Гл. IX. 12.

*** Припомнимъ Ц. славянское сряць (отъ сряца и бѣса полуденнаго Псал. XC. 6.) — несчастный и при томъ нечаянный случай, *σβιπτωρία*, отъ глагола *σβιπτιν* (нечаянно встрѣтять=наткнуться на что-нибудь). У Сербовъ отъ тогоже корня *срети* съ противоположнымъ значеніемъ *добраго* случая, счастья. Въ связи съ этимъ и вѣра въ стрѣчу, какъ въ несчастный случай, порицаемая въ древности благочестивыми проповѣдниками Русской земли.

Кстати приведемъ здѣсь изъ древняго славянскаго перевода слова Іоанна Злотоуста на Великую Пятницу одно мѣсто, показывающее, что глаголѣ *наткнуться* или *уткнуться* былъ употребляемъ и въ древности въ значеніи *встрѣчаться*. «Въже ся утѣк-нѣшася, кланѣшася (человѣкъ) ему» — съ чѣмъ ни встрѣчался, тому поклонялся (человѣкъ). Gl. Clotz. стр. 582.

нашъ употребляетъ здѣсь слово *притча* въ его древнѣйшемъ эническомъ смыслѣ, какъ изреченіе о роковомъ событіи, о судьбѣ.

Ничего не бывало; Несторъ приводитъ поговорку, * поговорку, которая принадлежитъ къ разряду притчъ или притчей именно потому, что въ ней заключается уподобленіе, приравненіе (притча). Просимъ г. Буслаева обратить вниманіе на сравнительный характеръ этой поговорки: погибель Обровъ, отъ которыхъ не осталось ни племени, ни паслѣдка, сдѣлалась образцемъ для всякой другой ужасной и поражающей вниманіе гибели; потому и говорили во времена Нестора притчею, сравненіемъ: они погибли, какъ Обры.

Такимъ образомъ всѣ приведенныя г. Буслаевымъ объясненія притчи, какъ роковаго изреченія о случившемся и о впредь имѣющемъ совершаться, основанныя на логическихъ соображеніяхъ, помимо фактическаго корнесловнаго основанія, оказываются несостоятельными. Еще дальше отъ истины приписываемое имъ слову *притча* значеніе судьбы, рока: почтенный ученый не приводитъ и, какъ мы твердо увѣрены, не могъ бы привести, если бы и желалъ, ни одного мѣста изъ древнихъ русскихъ или славянскихъ памятниковъ, въ которомъ притча означала бы судьбу. Это значеніе судьбы придаетъ онъ притчѣ, развивая далѣе свою ошибку, нами обнаруженную: по связи между словомъ и притчею, такъ какъ притча есть изреченіе, онъ думаетъ найти между ними такое же соотношеніе, какое существуетъ между реченіями: слово и рокъ. Рокъ, отъ глагола рску, какъ и латинское *fatum* отъ глагола *faci*, дѣйствительно означаетъ судьбу, неизмѣнное опредѣленіе: ибо это изреченіе и слово божества, за коимъ, слѣдуетъ непремѣнное исполненіе, по силѣ всемогущества, съ понятіемъ о божествѣ у всѣхъ народовъ сопрягаемаго.

«Глаголь(рокъ=*рѣкъ*) Божій не возвратится къ Нему тощъ.»

Или: «Отрещися себе (Богъ) не можетъ.»

Притча же есть уподобленіе, иносказательное изреченіе, прикровенное слово, загадка, вся состоящая обыкновенно изъ уподобленій, съкровенъ глаголь, по Іоанну Экзарху Болгар-

* Въ лѣтописи Переяславской, какъ указываетъ самъ г. Буслаевъ, читаемъ въ этомъ мѣстѣ: «есть же поговорка въ Руси и до сего дни: погубоша, рече, яко Обри, бѣвъ останка.»

скому; * но никогда не переходит въ значеніе судьбы, или роковаго изреченія, или изреченія о роковомъ событіи. Правда, что и о роковомъ событіи можно выразиться *притчею*, какъ и выразился Несторъ о гибели Обровъ; но отнюдь не въ бѣльшей мѣрѣ, какъ и обо всемъ другомъ: кромѣ другихъ доказательствъ, въ томъ достаточно можетъ убѣдить всякаго тридцать одна глава Притчей Соломоновыхъ, между коими г. Буслаевъ не найдетъ въ опору своего мнѣнія ни одного притча.

И такъ между притчею и судьбою, рокомъ, не существуетъ никакого особеннаго древнѣйшаго соотношенія, которымъ думаетъ г. Буслаевъ объяснить эпическое происхожденіе пословицы. Сущность ошибки почтеннаго филолога состоитъ въ заключеніи отъ частнаго къ общему; его силлонизмъ построенъ такъ: Несторъ выразился о роковомъ событіи притчею; следовательно притча есть вообще роковое изреченіе о судьбѣ, а потому и самая судьба. *Non valet consequential!*

Въ той же самой статьѣ разбирая древнѣйшіе свадебные обряды нашего народа въ связи съ эпическою поэзіею, г. Буслаевъ останавливается съ особымъ вниманіемъ на одномъ строго възыскательномъ, благочестивомъ описаніи этихъ обрядовъ, извлеченномъ изъ рукописнаго сборника второй половины XVII столѣтія, гдѣ между прочимъ упоминается о подстилкѣ колосьевъ или сноповъ для ложа новобрачныхъ.

«Егда убо у нихъ бракъ совершается и готовлена храница бѣваетъ жениху съ невѣстою, идѣже ложу быти, и постилаютъ подъ нихъ класы, рекше снопове съ зернами....»

Разсуждая о такомъ обычаѣ, сохранившемся въ народѣ отъ временъ языческихъ, г. Буслаевъ говоритъ:

«Подстилка сноповъ имѣетъ прямое отношеніе къ вѣну. Какъ вѣно имѣетъ значеніе вѣнка и вѣтви, такъ и снопъ, въ древности, употреблялось въ смыслѣ вѣтви. Драгоценный фактъ для исторіи языка предлагаетъ сербскій списокъ Библии XVI вѣка, принадлежащій профессору Григоровичу: вмѣсто вѣтви, въ одномъ мѣстѣ находимъ въ немъ рядомъ два слова: сно-

* Стр. 197. Гаданіе *σποτεινός λόγος* (съ кровень глаголь) есть синонимъ притчи, что видно изъ многихъ мѣстъ Ветхаго Завета. «Отверзу въ притчахъ уста моя, провѣщаю гаданія исперва.» I.XVII Ис. 2.

** Т. I. стр. 123.

*** Стр. 46—48.

«*novia* и *вѣнѣ*, что прямо указываетъ на первоначальное тождество словъ: *вѣтвь*, *снопъ* и *вѣно*. А именно въ Книгѣ Судей (гл. IX. ст. 48): «и усѣче *сноповіа* и воздвиже и положи на рамо свое»; въ исправленномъ текстѣ: «и усѣче *вѣтвь* отъ древа»; а въ слѣдующемъ 49-мъ стихѣ, по сербскому списку: «и усѣкоше всѣи людіе *вѣче*»; въ исправленномъ: «*вѣтвіа*».

Приведемъ указанные г. Буслаевымъ 48 и 49-стихи IX главы книги Судей Израилевыхъ по греческому подлиннику и по чтенію Острожской Библии изданія 1581 года.

Греческій текстъ Московскаго изданія 1821 года:

48) Καὶ ἔκοψε (Ἀβιμελεχ) φορτίον ξύλων, καὶ ἔλαβεν αὐτὸ καὶ ἐπέθηκεν εἰς τοὺς ὤμους αὐτοῦ.

49) Καὶ ἔκοψαν καὶ γὰρ πάντες αὐτοὶ ἕκαστος φορτίον.

Острожская Библия 1581 года:

48) И усѣче. (Авимелехъ) снопъ *вѣтвіа* отъ древа и воздвиже и положи на раму свою.

49) И усѣкоша всѣ людіе *вѣтвіа*.

Если бы г. Буслаеву извѣстно было чтеніе Острожской Библии, то оно удержало бы его отъ такой несостоятельной догадки, которая посулила ему подтвержденіе его миеологическихъ соображеній, основанныхъ на мнимомъ единствѣ или тождествѣ реченій: *снопъ*, *вѣно* и *вѣтвь*. Да и греческій текстъ, въ который онъ по несчастію не догадался взглянуть, быть можетъ удержалъ бы его отъ ошибки.

φορτίον (отъ *φέρω* - *ω* — ношу) буквально значить ноша, охапка, беремя (отъ беру); * оно одинаково годится и для обозначенія охапки дровъ или, какъ въ настоящемъ случаѣ, рубленыхъ *вѣтвей*, и для охапки сжатого хлѣба, т. е. снопа. Переводчикъ или исправитель славянскаго текста, которому слѣдовалъ, писатель сербскаго списка Библии, принадлежащаго г. Григоровичу, могъ изъ двухъ реченій, *снопъ* и *беремя*, одинаково переводимыхъ по гречески *φορτίον*, выбрать по недосмотру то, которое къ настоящему случаю менѣе подходило: т. е. вмѣсто «беремя (положимъ) *вѣтвіа*» перевести «*снопъ вѣтвіа*». Нѣкоторое подобіе этому могутъ представлять галлицизмы, весьма въ нашемъ обществѣ обыкновенныя: «сломать стаканъ» вмѣсто «разбить стаканъ», говорятъ у насъ, потому что изъ двухъ значеній французскаго глагола *casser*, ломать и разбивать, выбираютъ не соответствующее данному случаю.

* Славянскій корень *бер* совершенно то же, что греческій *φέρω*.

Можетъ быть и то, что слово *снопы*, въ настоящее время исключительно относимое къ свѣтому хлѣбу, въ древнемъ языкѣ обозначало вообще беремѣя и относилось какъ къ хлѣбѣ, такъ и къ дровамъ или нарубленнымъ вѣтвямъ. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ «снопы» не означаетъ вѣтви, какъ думаетъ г. Буслевъ, точно такъ же, какъ пукъ не обозначаетъ прута, букетъ цвѣтка и т. п.

Третьяго же, какъ видится, ничего быть не можетъ, для объясненія слова *снопы* въ рассматриваемомъ нами мѣстѣ.

Замѣтимъ кстати: беремѣя дровъ (φορτίον ξύλων) называется иначе *вязанка* дровъ; и снопы *вѣжутъ*.

Недоразумѣніе, въ которое введенъ г. Буслевъ формой *вѣне*, встрѣчающеюся въ этомъ же мѣстѣ сербскаго списка Библии и, по мнѣнію почтеннаго профессора, однозначашею съ словомъ *снопы*, еще страннѣе, чѣмъ предлагаемое имъ объясненіе *снопа*. Мы желали бы спросить у г. Буслева: если онъ производитъ новооткрытую имъ форму *вѣне* отъ *вѣны* или *вѣно*; то какая же это будетъ форма? По смыслу рѣчи здѣсь долженъ стоять винительный множественнаго: по какой же грамматикѣ отъ именительнаго *вѣны* и *вѣно* будетъ винительный множественнаго *вѣне*?

А между тѣмъ дѣло объясняется очень просто опискою переписчика: вмѣсто невозможной, противорѣчащей законамъ грамматическимъ; формы *вѣне*, надобно читать: *вѣне*, слово известное науцѣ, совершенно вѣрное законамъ славянскаго языка, и съ тѣмъ именно значеніемъ, какое въ настоящемъ случаѣ требуется, и даже въ той собирательной формѣ, которая сохранена и въ Острожскомъ, и въ пинѣшнемъ текстѣ (вѣтвіа).

Отъ древне-славянскаго слова *вѣя* — вѣтвь, κλάδος, * которое, кромѣ другихъ древнихъ списковъ, читается и въ Антиоховыхъ Пандектахъ, и сверхъ того доселѣ живетъ въ западныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ ** происходитъ собирательное: *вѣне* (нынѣшнее: вѣтвіа), весьма обычное въ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ рукописяхъ, между прочимъ и въ знаменитой Супрасльской, откуда оно и занесено г. Миклошичемъ въ его древне-славянскій словарь. *** Образованіе собирательной формы *вѣне* отъ *вѣя* совершенно правильно и обыкновенно: здѣсь точно такъ

* См. Словарь Восток.

** Въ словарѣ древнихъ славянскихъ реченій, приложенномъ къ Копитарову изданію Клоцкѣвой Глаголиты, читаемъ: вѣя — ramus, κλάδος hodieque usitatum a Carniolis.

*** См. Lexic. ling. Sloven. veter. dialect.

же измѣнилось окончаніе: *я* на *іе* (собирательный суффиксъ), какъ въ формахъ: палоч-*іе* отъ палк-*а*, брат-*іе* отъ брат-*ъ*, батож-*іе* отъ батог-*ъ*, окончанія: *а* и *ъ*.

Описка въ столь сходныхъ буквяхъ, каковы *и* и *и*, весьма понятная безъ всякихъ объясненій, дѣлается еще естественнѣе, если мы припомнимъ, что древнѣйшее начертаніе буквы: *и* было именно: *п*, въ чемъ можно убѣдиться всякому, раскрывши Остромірово Евангеліе въ любомъ мѣстѣ. Писецъ сербской Библии, если онъ писалъ съ какой-либо рукописи древнѣйшей, гдѣ *и* изображалось еще, какъ *п*, очень легко могъ скопировать по недосмотру древнее начертаніе.

Какъ просто, кажется, дѣло; а между тѣмъ, такой серьезный ученый, какъ г. Буслаевъ, погнавшись за соблазнявшимъ его выводомъ, попадалъ изъ одной ошибки въ другую. Вотъ какъ опасно, оставляя твердое основаніе фактовъ, выводить заключенія *a priori*. Ужъ если въ психологій, предметъ которой исполненъ неудобопостижимыхъ тайнъ, новѣйшіе представители ея стремятся установить точный и опытный методъ, коему слѣдуютъ науки естественныя; то тѣмъ менѣе позволительно, по нашему мнѣнію, оставлять сію надежную основу въ изслѣдованіи такихъ предметовъ, какъ языкъ, и на филологическихъ догадкахъ, изъ логики выведенныхъ, строить миѳологическія и бытоописательныя системы. Всѣ эги по видимому вѣроподобныя и остроумныя сближенія конечно имѣютъ свою привлекательность: ловко сообразить или открыть что-либо новое всегда бываетъ очень пріятно; но что же за радость въ этихъ мнимыхъ открытіяхъ и основанныхъ на нихъ выводахъ, еси первая встрѣча съ невѣжливымъ фактомъ (правда груба) открываетъ ихъ тщету?

Мы помнимъ, что лѣтъ десять тому назадъ, одинъ изъ нашихъ миѳологовъ, весьма впрочемъ трудолюбивый, но недалекій въ филологій, разсуждая о значеніи огня въ славянской миѳологій, остановилъ свое вниманіе на словѣ *изба* и придалъ ей самыя неожиданныя значенія, по незнанію самыхъ простыхъ законовъ славянской фонетики и словообразованія. На основаніи древней уменьшительной формы: *истопка* (иначе: *истобка*), поминутно встрѣчающейся въ лѣтописи Нестора, онъ заключилъ, что слово *изба* происходитъ отъ предлога *изъ* и корня *топ* — (топить), и отсюда вывелъ множество замысловатыхъ положеній, въ томъ числѣ и то, что *избою* называется только то деревенское строеніе, которое имѣетъ печь, и т. д. Между тѣмъ, кромѣ этихъ

уменьшительныхъ: истопка и истобка, которыя однѣ были извѣстны мнѣологу, ученымъ извѣстно и первообразное *истѣба*. Въ Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ, на примѣръ, читаемъ:

«Въ прѣпаданіе съѣщи *истѣбоу*, и всуду ю утврди, да видиши, какоу ти тмоу сотворить въ сѣбѣ.» *

Въ полдень срубѣ себѣ шатеръ (шалашъ), и всюду его утврди и т. д.

Если *истѣба* ** означаетъ иногда, какъ въ настоящемъ случаѣ, шатеръ; то ясно, что понятіе о избѣ не имѣетъ необходимой связи съ огнемъ и что изба не есть непременно та часть жилья, которая отапливается.

Отъ слова *истѣба* происходитъ уменьшительное *истобка*; точно такъ, какъ отъ *шѣла*—*шѣлка*, отъ *шѣра*—*шѣрка*; отъ *скоба* (по древнему: *скѣба*) *скобка*, отъ *изба*—*изобка* и т. д.

По извѣстному фонетическому закону, согласныя мягкія (по Латини *mediae*): б, г, д, з, встрѣчаясь съ твердыми (*tenues*), ц, к, т, с, переходятъ въ соответствующія твердыя, и на оборотъ: законъ, извѣстный подъ именемъ ассимиляціи, ***, общій нашему языку съ греческимъ. Такъ: *ждѣ* перешло въ *здѣ*, *изключить* стало *исключить* и т. д. Точно такъ и *истобка* перешло въ *истопка*; слѣдовательно буква *н* въ этомъ словѣ есть измѣненное *б* отъ встрѣчи съ твердою *к*. А потому *истопка* съ корнемъ *топ*—(топить) и съ огнемъ не имѣетъ другихъ отношеній кромѣ того, что избу дѣйствительно и безспорно топятъ, если въ ней есть печь.

Для объясненія того, какъ *истѣба* обратилось въ *изба*, мы представимъ читателю другой и весьма, по нашему мнѣнію, любопытный примѣръ перехода: *ст* въ *з*. Извѣстное выраженіе: «зги Божіей не видать», въ Бѣжецкомъ уѣздѣ Тверской губерніи (а можетъ быть и въ другихъ какихъ мѣстахъ, не знаемъ), произносится такъ: «стеги Божіей не видать». *Стега*, по смягче-

* Стр. 161. Шестод. Іоан. Экз.

** По списку XI в.

** Въ собственномъ смыслѣ законъ ассимиляціи состоитъ въ томъ, что, при сложеніи двухъ словъ въ одно, изъ конѣкъ первое оканчивается согласною, а другое начинается, конечная согласная перваго слова переходитъ въ начальную согласную втораго. На пр. *inter-lego*—*intel-ligo*, *ad-similatio*—*as-similatio* и т. д. Но иными принято называть ассимиляціею и тотъ законъ, по коему *mediae* и *tenues* при встрѣчѣ переходятъ однѣ въ другія. Просимъ извиненія за такія нелитературныя подробности.

ни конечной гласной, *стеяз* (дорога, путь), по древнему прописанию *стыа*; эта послѣдняя форма перешла въ *зыа*, какъ *истыба* перешло въ *изба*.

Иные производятъ слово *изба* отъ простѣйшей сербской формы *соба* (тоже, что *изба*) чрезъ приставку къ началу слова звука *и*, на подобіе того, какъ видимъ русскую форму *и-гра* при польской *гга*, областную, *и-кра* (льдина) при областной же *кра*. Такъ отъ сербской формы *соба*—*и-соби*, *исъба*, по ассимиляции: *изба*. Древняя форма *истыба* объяснялась бы вставкою *т*, какую видимъ въ словахъ: *страмъ*, *страженіе* и т. п., а еще лучше въ словѣ *стынь*, отъ славянскаго *сьнь*.

Извиняясь въ долгомъ отступленіи, которое мы позволили себѣ болѣе ради любопытныхъ филологическихъ соображеній, нежели по желанію уколоть неискующаго миеолога, возвращаемся опять на краткій срокъ къ слову *въя*.

Весьма, по нашему мнѣнію, согласно съ значеніемъ и формою слова *въя* предположить, что отъ него происходитъ прекрасное областное слово *увья*—мѣсто, осѣняемое вѣтвями дерева, на которое въ теченіе дня не падаютъ лучи солнца.

Не можемъ пройти безъ вниманія замѣчательное слово, встрѣчающееся въ Новомъ Завѣтѣ, съ значеніемъ вѣтви, но происхожденія загадочнаго:

Пріяша ваіа отъ финикъ. *

Эти ваіа, такъ сильно напоминающія наши: *вѣя* (ибо *аі=ѣ*) и *вѣие*, есть впрочемъ славянскими буквами написанное иностранное и при томъ не греческое даже слово:

Kai êlavov βατα των φοινίκων.

Ревнители обширнаго участія славянской стихіи въ языкахъ и народахъ міра, вѣроятно, не захотятъ уступить этого слова никакому другому языку, кромѣ славянскаго. Мы же, воздерживаясь отъ предположеній, которыя легко могутъ оказаться ложными, ограничимся простымъ указаніемъ на это слово и на сходство съ нашими: *вѣя* и *вѣие*, прибавивъ, что нѣмецкіе лексикографы почитаютъ его коптскимъ. Единственное число *βατίον*.

Замѣтимъ наконецъ, что г. Буслаевъ, сравнивъ слово *въя* съ чешскимъ *wazape* и съ польскимъ *wiazapie*, что значитъ именинный подарокъ, не обратилъ вниманія на древне-славянс-

* Еванг. отъ Іоан. гл. XII. ст. 12. Оттуда и названіе Вербой Недѣлю ваіѣ.

кое *увасло*—вѣнецъ, объясняемъе слѣдующими словами стихирѣ изъ службы на день Св. Апостоловъ Петра и Павла:

Кѣини похвальными вѣпцы, кѣини похвальными пѣснями увязеъ Петра и Павла?

Не можемъ признать убѣдительнымъ положеніе г. Буслаева, будто бы слово *миръ* (миръ и мѣръ—одно и тоже слово) первоначально означало собраніе людей, общество, а потомъ уже перешло къ значенію вселенной. * Доказательства этого мнѣнія состоятъ въ слѣдующемъ:

1. «Средоточіемъ всего міра для эпической старины былъ самъ человѣкъ съ его семьей и роднымъ домомъ. Потому, согласно съ свойствомъ, самородной поэзіи—всегда на первомъ планѣ выводитъ человѣка, и языкъ образовалъ названія для вселенной: по Сакритски мадьямалока (собственно земля, изъ мадьяма-medius и лока-mundus), по Готски midjun-gards (собственно media domus), откуда снандинавское midgardr. Слова эти означаютъ первоначально: *жилище посреди*, свидѣтельствуя о томъ, что человѣкъ искони почиталъ себя средоточіемъ всего міра; а потомъ уже онѣ переходятъ къ значенію земли и вселенной вообще. Такъ и нашъ *миръ* первоначально значить собраніе людей, общество, а потомъ ужъ отъ человѣка (да развѣ миръ значить человѣкъ?) переходитъ къ значенію вселенной.»**

2. «Первоначальное значеніе слова *миръ* было не просто согласіе въ общемъ, отвлеченномъ смыслѣ, но именно (?) согласіе извѣстныхъ лицъ, поставленныхъ между собою въ извѣстное отношеніе, то есть, въ смыслѣ юридическомъ. На первомъ планѣ могли стоять два конкретныя примѣненія: 1) въ жизни семейной, *миръ* означало бракъ, какъ это и до позднѣйшихъ временъ сохранилось въ Польскомъ *малженски миръ*—брачный союзъ (Слов. Липде); и 2) въ отношеніи къ чуждымъ народамъ, въ смыслѣ согласія и примиренія со врагами, какъ употребляется уже въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ нашихъ. Поэтому общественное и юридическое сближеніе нѣсколькихъ семей, живущихъ вмѣстѣ, получило названіе *мира*; отсюда *миромъ* называется цѣлая деревня, цѣлое населеніе; въ этомъ случаѣ миръ, отъ семейнаго согласія переходитъ къ опредѣленному юридическому значенію собранія извѣстныхъ лицъ на *мирской сходкѣ* для рѣшенія дѣлъ общественныхъ.»***

* Стр. 66.

** Тамъ же.

*** Стр. 106.

3. «Съ припятіемъ Христіанства наступила новая эпоха въ значеніи слова *миръ*. Христіанство, при первомъ прикосновеніи «своемъ къ ограниченной, языческой національности, стремится «извлечь ее изъ тѣснаго домашняго круга возрѣпій и ввести «въ область общечеловѣческихъ идей. Этотъ переходъ всего «очевиднѣе совершился на значеніи слова *миръ*. Переводчикамъ «Священнаго Писанія на славянскій языкъ пужно было выра- «зить всеобъемлющій смыслъ греческаго слова *κόσμος* (вселен- «ная, *mundus*). Слово *миръ*, запечатлѣнное извѣстнымъ юриди- «ческимъ смысломъ, казалось переводчикамъ слишкомъ ограни- «ченнымъ и тѣснымъ сравнительно съ необъятнымъ значеніемъ «Греческаго *κόσμος*. Надобно было слово *миръ* какъ нибудь «разширить, распространить; и они, согласно съ свойствами «языка, произвели эту любопытную операцію, прибавивъ къ «этому реченію мѣстоименіе *весь* (всь), которое въ древности «означало и всякій. Потому-то во всѣхъ древнѣйшихъ письмен- «ныхъ памятникахъ нашихъ греческое *κόσμος* переводится не «просто *миръ*, но *всьмиръ*, то есть, *весь миръ* или *всякій миръ*, *всь миры*.»*

Въ этомъ длинномъ истолкованіи различныхъ значеній слова *миръ* изслѣдователю, привыкшему къ точности и ищущему въ доказательствахъ не общихъ разсужденій, а основъ фактическихъ, съ перваго раза покажется подозрительнымъ такое обиліе довольно мудреныхъ соображеній а ргіогі, при рѣшительной скудости положительныхъ филологическихъ данныхъ. Посовѣтуемся съ словарями древнѣйшаго славянскаго языка: найдемъ ли въ нихъ какую-нибудь опору для выводовъ г. Буслаева, или они нагрубятъ ему также, какъ и при вышеизложенномъ разъясненіи слова: *влье*?

Во всѣхъ древнѣйшихъ словаряхъ Церковно славянскаго и древне-русскаго языка мы встрѣчаемъ слово *миръ* съ слѣдующими значеніями: 1) по ищѣшнему правописанію, *миръ*, *κόσμος*; 2) *миръ*—тишина, мирное состояніе духа, согласіе, *εἰρήνη*; 3) *Перемиріе*, мирные переговоры, *рах*. Но ни въ одномъ словарѣ древняго языка нѣтъ слова *миръ* съ тѣснымъ значеніемъ юридическаго союза или собранія людей, которое г. Буслаевъ почитаетъ первоначальнымъ. Какъ же это могло бы случиться, если бы правда была на сторонѣ почтеннаго ученаго, что всѣ вторичныя, переносныя значенія слова сохранены и записаны, а перваго, кореннаго значенія нѣтъ и слѣдовъ?

* Тамъ же.

Мы попросили бы г. Буслаева указать намъ хоть одинъ примѣръ этого будто бы первообразнаго значенія слова *миръ* изъ Остромирова Евангелія , Изборника Святославова , Іоанна Экзарха , Несторовой лѣтописи , Русской Правды и т. д. : этотъ одинъ примѣръ еще не доказалъ бы его мнѣнія, но во всякомъ случаѣ былъ бы для насъ важнѣе тысячи страницъ общихъ мѣстъ.

По г. Буслаеву выходитъ слѣдовательно такъ: слово *миръ* первоначально значило сходку, частное общество людей, потомъ въ этомъ значеніи вовсе не употреблялось * въ теченіи многихъ вѣковъ нашей письменности , а потомъ опять возвратило себѣ первый свой смыслъ.

Мудрено повѣрить этому безъ положительныхъ доказательствъ; не можетъ быть , чтобы гдѣ-нибудь въ древнихъ памятникахъ не проскользнуло это первоначальное значеніе , если бы оно дѣйствительно было первоначальнымъ. Случаевъ къ тому было безчисленное множество ; ибо въ древнихъ памятникахъ безпрестанно упоминается о народныхъ собраніяхъ или вѣчахъ , которыя и суть не что иное, какъ сходки, миры.

«Во всѣхъ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ нашихъ , говоритъ въ подтвержденіе своей мысли г. Буслаевъ , греческое *κόσμος* переводится не просто *миръ*, но *весьмиръ*, т. е., *весь миръ* или *всакій миръ*, *всь миры* (?)»

По этимъ словамъ другой подумаетъ , что греческое *κόσμος* вовсе не переводится въ нашихъ древнѣйшихъ памятникахъ простымъ реченіемъ *миръ*, а исключительно сложнымъ *всьмиръ*. А между тѣмъ въ Остромировомъ Евангеліи слово *всьмиръ* въ этомъ значеніи встрѣчается рѣже, чѣмъ простое *миръ*; въ другихъ же древнихъ памятникахъ оно встрѣчается еще рѣже.**

Еслибы до принятія Христіанства слово *миръ* значило юридическое общество, собраніе людей , и только Христіанство уже

* Пословицы, въ конхъ говорится о мирѣ, какъ сходкѣ, не могутъ служить для г. Буслаева доказательствомъ: ихъ древность не чѣмъ доказать; онѣ могутъ быть вчерашнія.

** Пользуемся случаемъ, чтобы исправить недосмотръ , допущенный Востоковымъ въ словарь Остромирова Евангелія. На стр. 52. б. этой рукописи читается: «На судъ азъ въ *сь миръ* придохъ.» Знаменитый филологъ предположилъ здѣсь ошибочное написаніе, будто-бы вмѣсто въ *всь миръ*; между тѣмъ какъ это мѣсто въ греческомъ текстѣ читается: *εἰς τὸν κόσμον τοῦτον*; въ нынѣшнемъ славянскомъ: въ *міръ сей*; по древнему: въ *миръ съ*, что у Нестора явилось въ латной формѣ: въ *мирось*, какъ наши: *домотъ отъ домъ тѣ, денетъ отъ дель тѣ*.

возвело бы это реченіе до смысла греческаго *κόσμος*, прибавивъ къ нему мѣстоименіе *весь*; то одно слово *миръ* безъ этого мѣстоименія никакъ уже не могло бы означать вселенной, а оставалось бы въ своемъ первомъ тѣсномъ значеніи. Иначе зачѣмъ бы прибавлять къ нему слово *весь*?

Для объясненія древняго употребленія этой сложной формы, *весь миръ* считаемъ не лишнимъ замѣтить, что въ текстѣ Священнаго Писанія весьма часто встрѣчается выраженіе: *εἰς ὅλον τὸν κόσμον*, *εἰς τὸν κόσμον ἅπαντα*, которыя по г. Буслаеву пришлосъ бы перевести: въ весь всьмиръ, въ всьмиръ весь. * А какъ бы тогда перевелъ г. Буслаевъ слово *παγκόσμιος*—всемирный?

Но если бы мы и уступили г. Буслаеву и согласились съ нимъ слово *κόσμος* переводить исключительно сложнымъ *всьмиръ*; ему не будетъ отъ того никакой пользы: *весь миръ* все таки не будетъ значить *всь миры*, какъ ему хочется. А ему нужно непременно, чтобы *κόσμος* значило именно *всь миры*, то есть, совокупность всѣхъ частныхъ юридическихъ союзовъ, всѣхъ сходокъ. Напрасно г. Буслаевъ прибѣгаетъ къ посредству мѣстоименія *всякій*, замѣняя имъ *весь*: если *весь* и означало *всякій*, то все таки выраженіе *всякій миръ*, какъ и *весь миръ*, тоже не значить *всь миры*.

При томъ же *миръ* въ своемъ тѣсномъ значеніи никогда не означаетъ деревни, какъ говоритъ г. Буслаевъ; не деревня, а только населеніе деревни, сошедшее вмѣстѣ съ особою опредѣленною цѣлью, преимущественно на общее совѣщаніе, называется миромъ. И такъ если, послѣдовавши г. Буслаеву, мы стали бы расширять и распространять понятіе *мира* отъ тѣснаго значенія мирской сходки до крайнихъ предѣловъ (что и сдѣлалъ, будто бы, по мнѣнію г. Буслаева, языкъ): то въ концѣ нашихъ снѣвкохъ, т. е. перенесеній отъ частей къ цѣлому, все таки получили бы развѣ человѣческій родъ, и только, а не міръ, не все созданіе, не всеобъемлющій космосъ.

* Какъ догадку, за которую не беремъ на себя полной отвѣтственности, предлагаемъ читателямъ такое мнѣніе, что частое сосѣдство въ Новомъ Заветѣ слова *миръ* (*κόσμος*) съ реченіемъ *весь* (*ὅλος, ἅπας*) «Шедше въ міръ весь»; «Ихъ же не бѣ достоинъ весь міръ». и т. д. могло подать поводъ въ древности сливать оба реченія въ одно сложное слово, тѣмъ болѣе, что съ понятіемъ о мірѣ существенно соединено понятіе о цѣломъ, о всемъ: все сотворенное и есть міръ. Мѣстоимѣніе *весь* было бы приличнымъ эпитетомъ слова *міръ*.

Не стоило, намъ кажется, такъ усильно трудиться изъ - за того, чтобы оправдывать такое натянутое словопроизводство, лишая при томъ языкъ лишн. одного изъ самыхъ прекрасныхъ словообразованій.

Если бы мы затруднялись опредѣлить происхожденіе нашего слова *миръ*, не выходя изъ предѣловъ собственнаго языка; то греческое *κόσμος*, которымъ наше слово переводится, могло бы открыть намъ глаза.

κόσμος въ первомъ своемъ смыслѣ означаетъ порядокъ вообще, а въ частности порядокъ общественный и государственныи. На пр. *Κόσμος ἐπέεῶς ἔσονται*. Въ порядкѣ рядомъ сидѣли.

— *Μεταστήσει τὸν κόσμον καὶ εἰς δημοκρατίαν τρέψει*. Измѣнить порядокъ (государственныи) и обратить въ демократію.

За тѣмъ *κόσμος* означаетъ украшеніе, красу, уборъ, древне-славянское: утварь, тварь (отъ глагола творить), нарядъ (порядокъ).

Πάντα περὶ χρὸ θήκατο κόσμον. Всякій кругомъ тѣла обложила нарядъ (Гера, когда пла обольщать Зевса).

Наконецъ *κόσμος* означаетъ совокупность творенія (сравни: тварь), *миръ*.

Въ различныхъ значеніяхъ нашего слова *миръ* мы видимъ совершеннѣйшее соотвѣтствіе его греческому *κόσμος*, какъ будто оба народа, славянскій и греческій, создавали эти слова по совѣщанію. Въ соотвѣтствіе слова *миръ* первому значенію *κόσμος* порядокъ мы приведемъ выраженія, самыя у насъ обыкновенныя:

«Говорятъ, что тамъ все *мирно* и *порядокъ* (общественныи) ничѣмъ не былъ нарушенъ.»

Не ясно ли здѣсь соотношеніе понятій о порядкѣ и *мирѣ*?

Прибавимъ къ этому, что слово *миръ* находится въ ближайшемъ родствѣ съ словомъ *мѣра*. Не говоря уже о другихъ безчисленныхъ примѣрахъ перехода звука *м* въ *мь*; на пр. *тихъ*-тъ, *у-тиш*-ить, *у-тѣш*-ить; *ви*-ть, *ви*-я, *ви*-нѣ (-окъ); въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей Ц. славянской и русской письменности читаемъ: смѣреннѣи *вѣсто смиреннѣи*; у Остромира: яко кроткъ *есмь* и смѣренъ *сердцьемъ*; * въ нынѣшнемъ: смиренъ *сердцемъ*. Сюда же можемъ отнести и современныя выраженія, на примѣръ: *умѣрить* гнѣвъ, какъ бы *умирить*, *усмирить*.

Мѣра же, соразмѣрность частей въ цѣломъ *συμμετρία*, иначе ихъ согласіе (*миръ*), не тоже ли, что *порядокъ*?

* Л. 244. б.

Самъ г. Буслевъ говорить, что, *по мнѣнію народа*, выраженному въ языкѣ, «мѣра всякому дѣлу полагается основаніемъ правильной и законной жизни (иначе: порядка).» *

Съ другой стороны мѣра, какъ согласіе частей, гармонія или взаимный миръ ихъ, есть основная стихія красоты, всякой красоты, внутренней и ви́шней.

«Правильность нашей внутренней жизни, сказано намъ въ другомъ мѣстѣ, зависитъ именно отъ истинной мѣры, до которой мы «позволяемъ доходить нашимъ душевнымъ движеніямъ: при такомъ только художественномъ устроеніи души въ нее вселяется истинная красота.»

На помощь этому мнѣнію призовемъ изреченія, обратившіяся въ пословицы, изреченія, принадлежащія разнымъ народамъ, временамъ, воззрѣніямъ на міръ:

Все прекрасно въ мѣру. Говорили древніе язычники Греки, лучшіе судьи въ дѣлѣ художественной красоты.

«Всяку вещь мѣра украшаетъ: кромѣ бо мѣры и нещумая добра быти, на вредъ прелагаются.» Говоритъ Исаакъ Сиринъ, величайшій изъ аскетическихъ писателей, относя эти слова къ внутреннему устроенію души. Но ихъ приложить можно къ чему угодно: къ искусству, общественной и государственной жизни и. т. д. Воздѣ мѣра является необходимымъ условіемъ красоты, правды, порядка.

Въ народныя русскія пословицы вошли первія слова выше приведеннаго изреченія Исаака Сирина: Всякое дѣло мѣра краситъ. **

Особенно замѣчательно сочетаніе идей порядка и красоты въ нашемъ словѣ *нарядъ*, которое, кромѣ вы́шшняго своего значенія, т. е. убора, украшенія, имѣло въ древности значеніе порядка, что очевидно изъ знаменитаго мѣста лѣтописи Нестора:

«Земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ.»

Нѣкоторые изъ современныхъ историческихъ писателей, между прочимъ, если не ошибаемся, и г. Соловьевъ, употребляютъ это слово въ его древнемъ смыслѣ.

Отъ выраженія понятій отвлеченныхъ, мѣры, порядка и красоты, столь тѣсно между собою связанныхъ, славянскій языкъ

* Стр. 109.

** Вѣроятно, въ народѣ перешла изъ книгъ, что чувствуется и въ оборотѣ.

перенесъ слово миръ какъ и греческій свое *κόσμος*, къ изображенію всего творенія, вселенной, въ устройствѣ которой призналъ такимъ образомъ олицетвореніе совершеннѣйшаго порядка и высочайшей красоты, художественнѣйшей соразмѣрности и долгаго согласія, иначе взаимнаго мира, составныхъ частей.

Такой поразительный, вдохновенный пріемъ языка обращаетъ нашу мысль къ нѣкоторымъ изреченіямъ Священнаго Писанія о твореніи міра и свидѣтельствуеть о изумительной, можно сказать, вѣщей, прозорливой силѣ творчества, проявляемой въ человѣческомъ языкѣ.

Писаніе говоритъ, что Создатель устроилъ все въ мирѣ вѣсомъ, числомъ и *мѣрою*.

И: «видѣ Богъ вся, елика сотвори, и се вся *добра* * зѣло.»

Въ этомъ смыслѣ, можно сказать, обидна ошибка г. Буслаева. Излѣдователь, просмотрѣвшій такое достоинство роднаго слова, хотя бы и неумышленно, виновать по крайней мѣрѣ въ небреженіи о чести своего языка, слѣдовательно и своей народности. Славянофилы ему не простили бы этого и были бы конечно правы.

Г. Буслаевъ, какъ намъ кажется, далъ въ настоящемъ случаѣ слишкомъ обширный размѣръ положенію, въ большей части случаевъ впрочемъ совершенно справедливому, что въ языкѣ слова переходятъ обыкновенно отъ конкретнаго значенія къ отвлеченному. Мы можемъ представить ему не одинъ примѣръ противнаго; но лучше и убѣдительнѣе настоящаго конечно дѣтъ.

Отъ того же отвлеченнаго понятія о мирѣ, какъ согласіи вообще, естественно перейти языку къ понятію о мирѣ, какъ общественномъ собраніи, сходкѣ.

Выше было показано, что миръ есть сходка съ особою извѣстною цѣлю, преимущественно совѣщательною; древнее названіе мира есть вѣче. Цѣль же всякаго вѣча или совѣщанія есть согласіе или соглашеніе разныхъ мнѣній, иначе: примиреніе (миръ) мнѣній. Со-вѣщаніе и со-глашеніе (согласіе) синонимы, какъ и корни ихъ: вѣщать и гласить. Народное выраженіе: «дай вамъ Богъ совѣтъ да любовь» — можно, не нарушая смысла, измѣнить такъ: «дай вамъ Богъ миръ и любовь.» *Совѣтно* въ народномъ языкѣ значить *мирно*: «живутъ совѣтно» значить: живутъ во взаимной мирѣ, не ссорятся.

Впрочемъ еще вѣроятнѣе, что миръ, какъ собраніе народа,

* Быт. гл. 1. ст. 31.

сельская сходка, произошло не прямо отъ отвлеченнаго значенія этого слова (согласіе, гармонія), а посредствомъ перенесенія отъ цѣлаго къ части, точно такъ же, какъ слово земля отъ обозначенія земнаго шара переносится къ наименованію сверха цѣлыхъ странъ (земель), а потомъ и всякаго отдѣльнаго участка: Русская, Нѣмецкая земля; моя земля. На то указываютъ нѣкоторые выраженія народной поэзіи и пословицы:

У насъ миръ—народъ отъ Адамія.

Значеніе брака или брачнаго союза, которое принимаетъ слово *миръ* въ Польскомъ выраженіи: *малженски миръ* ничто не препятствуетъ объяснить переходомъ слова *миръ* отъ общаго и отвлеченнаго понятія о союзѣ или согласіи къ частному союзу брачному. Въ народномъ нашемъ языкѣ, рядомъ съ приведеннымъ выше *совѣтно*, есть другое реченіе *союзно*, съ тѣмъ же самымъ значеніемъ: мирно, дружно. Въ приговорахъ и прибауткахъ, коими тѣнятся народъ на масляницѣ, многимъ случалось конечно слышать слова:

Живали мы съ ней союзно,

Наѣдалися кажинъ день грузно.

Народъ нашъ называетъ бракъ закономъ, употребляя тотъ же синекдохическій приѣмъ (родъ виѣсто вида), какъ и польскій языкъ въ выраженіи: *малженски миръ*.

Не можемъ рѣшить, принадлежитъ ли звукъ *р* въ словахъ *миръ* и *мира* къ корню, или окончанію; въ послѣднемъ случаѣ быть можетъ правильно было бы снести корень этихъ реченій: *ми-* и *мь-* съ греч. *μέ-*—*τρον* лат. *mē* - *trum*. Что—*τρον* и—*trum* суть окончанія, въ томъ сомнѣніи нѣтъ; въ Санскритѣ имъ соотвѣтствуетъ окончаніе: *тра*. Суффиксъ-*ръ* встрѣчается во многихъ реченіяхъ нашего языка: *пи-ръ* отъ *пи-ти*; *жи-ръ* отъ *жи-ти*; *да-ръ* отъ *да-ти*. *

Въ объясненіи слова *молить*, на нашъ взглядъ, замѣчаются у г. Буслева также значительные недосмотры, на которые почитаемъ обязанностию обратить его вниманіе. Выпишемъ разсужденіе его объ этомъ словѣ:

* Если въ словѣ *миръ* - *ръ* есть суффиксъ, то нельзя ли отъ темы *ми-* (предположительное infinitivum: *ми-ти*) предположить причастіе спрягаемое *ми-ль*, при посредствѣ понятія любви, соединяющаго оба реченія: *ми-ръ* и *ми-ль*? Не придаемъ серьезнаго значенія этой догадкѣ и не отвѣчаемъ за ея вѣрность; но изъ филологическихъ гипотезъ считаемъ ее не самую неправдоподобною.

«*Молить* употребляется въ значеніи: колоть, рѣзать—въ областномъ нарѣчіи Вятскомъ; потомъ ѣсть, и именно что либо особенное, даже благословленное. *Молить* въ значеніи приносить жертву, давать обѣтъ, употребляется въ древнѣйшихъ рукописяхъ Ветхаго Завета: такъ слово *молба* въ рукописи XVI в., В. И. Григоровича, употреблено тамъ, гдѣ въ исправленномъ текстѣ читаемъ «обѣтъ;» а именно: Ки. Числ. «въ все дни *молбы* его;» VI, 4. «Яко *молба* Богу немоу на немъ, «на главѣ его;» VI. 7. «Глава бо *молбы* его;» VI. 9. Безъ сомнѣнія, читатель ясно видитъ, что о словѣ «молить» мы говоримъ въ его доисторическомъ значеніи, не имѣющемъ ничего общаго съ тѣмъ высокимъ понятіемъ, до котораго вознесено это слово утверженіемъ христіанства между Славянами. Мы говоримъ о томъ моленіи, противъ котораго такъ громогласно вопіеть слово Христолюбца, который, по рукописи XIV в. въ Троицкой Лаврѣ, подъ названіемъ «Златая чепь,» именно говорить о невѣрующихъ, что они «не ошибуться * (не отстаютъ) проклятаго моленія», т. е., жертвоприношенія идоламъ. Потому-то къ глаголу *молить* и приставляется возвратное мѣстоименіе *ся*, которое теперь ничего здѣсь не значить, но первоначально имѣло смыслъ, т. е., приносить *себя* въ жертву, а не умолять или просить *себя*. Отсюда же явствуетъ, почему *молиться* употребляется съ дательнымъ падежемъ.» **

Почтенный профессоръ какъ будто предполагаетъ, что въ нашихъ областныхъ значеніяхъ слова *молить* — колоть, рѣзать, ѣсть,—заключается первый его смыслъ, что отъ этихъ-то грубыхъ значеній оно перенло къ настоящему своему возвышенному смыслу, а не на оборотъ: не то, чтобы къ настоящему значенію этого глагола, по связи совокупно совершаемыхъ дѣй-

* Сравни глаголъ *ошибиться* въ этомъ значеніи съ древнимъ словомъ *охабитися*, въ томъ же смыслѣ употребленномъ у Нестора; «ты, княже, чужая земли нищши и блудши, а своя ся охабивъ.» Лавр. Спис. II. С, Л. т. I. стр. 28. Если предположить въ словѣ *охабитися* перемѣну *о* на *а* вслѣдствіе ударенія, какъ въ глаголѣ останавливаться отъ остановить, похаживать отъ ходить, умалывать отъ молить и. т. д.; то получится корень *хоб-*(*хѣб-*), тождественный съ смягченнымъ *шиб-*(*шиб-*), подобно тому, какъ тождественны корни: *хѣд-* и *шиб-*; *жѣд-* и *жѣб-*; *жѣн-* и *жѣн-* и. т. д. Отсюда можно заключить и о тождественности реченій; *хоб-* отъ и *о-шиб-*ъ, который въ древнемъ языкѣ обозначаютъ хвостъ. Въ древнихъ сказкахъ про зѣва говорятся: хоботомъ ушибъ.

** Т. I. стр. 82.

ствій (принося жертву, вмѣстѣ и молятся, и закалаютъ, и вкушаютъ), присоединились и другія ея значенія, сохранившіяся въ областномъ нашемъ языкѣ. Потому то въ замѣнѣ слова *облѣтъ* словомъ *молба* онъ видитъ какое-то униженіе смысла послѣдняго реченія до значенія *обѣта* и жертвы.

Слово *облѣтъ* дѣйствительно замѣняется во многихъ древнихъ спискахъ Ветхаго Завѣта реченіемъ *молба*; но это нисколько не роняетъ высокаго значенія глагола *молить* и производныхъ отъ него реченій: потому что моленіе въ его истинномъ, священномъ смыслѣ, вездѣ и всегда, не у азычниковъ только, приносившихъ кровавыя жертвы, но и у народа Израильскаго, и у Христіанъ, по сущности своей природы, всегда соединялось и нынѣ соединяется съ *обѣтами* и жертвою, *закланіемъ* и *вкусненіемъ*.

О Аннѣ, матери пророка Самуила, молившейся о разрѣшеніи ея безплодства, читаемъ въ первой главѣ первой Книги Царствъ: «И та умилена душею, и помолися (прос - ἤξατο) Господу, и плачущи проплака. И *обѣща* *облѣтъ* (ἤξατο εὐχήν) Господу, глаголющи: Адонаи, Господи, Елон, Саваоѣъ, аще призрѣя пририши на смиреніе рабы Твоея, и помянеши мя, и дася *ребѣ* Твоей сѣмя мужское, то дамъ е предъ Тобою въ даръ до дне смерти его.»

Развѣ это не *молба* и *обѣтъ* въ одно и тоже время? И развѣ не довольно было бы, кромѣ другихъ филологическихъ объясненій, одного такого примѣра, чтобы заключить о естественности замѣны слова *облѣтъ* реченіемъ *молба*?

Для обозначенія связи между молитвою и жертвою въ Христіанскомъ мірѣ, мы можемъ сдѣлать указанія г. Буслаеву изъ Православнаго Служебника. Принося святые дары (жертву), іерей возглашаетъ:

«Еще приносимъ Тебѣ словесную сію и безкровную службу, просимъ, и молимъ (въ древнихъ: *молимъса*) и милѣ ся дѣемъ.»

«Царь царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ *заклатися* и дается въ *снѣдь* вѣрнымъ.»

И такъ невозможно согласиться съ г. Буслаевымъ, что слово *молба* въ приведенномъ мѣстѣ изъ списка г. Григоровича, замѣняющее нынѣшнее реченіе *облѣтъ*, употреблено, какъ онъ говоритъ, въ его доисторическомъ значеніи, не имѣющемъ ничего общаго съ тѣмъ высокимъ понятіемъ, до котораго вознесено это слово утверженіемъ Христіанства между Славянами.

Христіанствомъ вознесено не слово, а самое понятіе о молитвѣ, обѣтахъ и жертвахъ, и самыя дѣйствія: вмѣсто идоловъ, стали молиться истинному Богу; вмѣсто тельцевъ и другихъ жертвенныхъ животныхъ, закалается и дается въ снѣдь вѣрнымъ Агнецъ Божій. Слово же *молить* не испытало при этомъ никакой метафоры: оно означаетъ понятіе о дѣйствіи тогоже порядка, какъ и прежде. Совершенно несправедливо, чтобы оно сперва значило колоть и ѣсть, а потомъ молить въ Христіанскомъ значеніи.

Намъ кажется, что и въ этомъ случаѣ, какъ и въ указанномъ выше, * простая справка съ греческимъ текстомъ Ветхаго Заѣта и греческимъ словаремъ могла бы избавить г. Буслаева отъ уклоненія въ сторону. Во всѣхъ трехъ мѣстахъ, приведенныхъ имъ изъ списка г. Григоровича, въ соотвѣтствіе слову *молба* въ греческомъ текстѣ читаемъ *εὐχῆ* (глаголь: *εὐχόμεαι*). *Εὐχῆ* въ лучшихъ словаряхъ толкуется: молитва, желаніе, обѣтъ, первоначально всегда соединявшійся съ мольбою; ** что же удивительнаго послѣ сего, что *εὐχῆ* въ однихъ спискахъ Св. Писанія переведено у насъ *молба*, а въ другихъ — *обѣтъ*? Въ греческомъ текстѣ выше приведенной молитвы Анны рядомъ стоять выраженія: *ἤθεατο εὐχῆν* — помолися и *προσ-ῆθεατο* — обща обѣтъ.

Происхожденіе слова *молить*, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не объяснено никѣмъ вполне удовлетворительно; посему почитаемъ себя въ правѣ предложить свое о томъ мнѣніе, которое, какъ читатель увидитъ, имѣетъ много правдоподобія.

Выше приведены нами изъ Служебника (онѣ весьма не рѣдко встрѣчаются и въ другихъ богослужебныхъ книгахъ) два одиназначущія реченія: молимся и мили ся дѣемъ. Если отъ созвучія, должно думать, не случайнаго, корней *мил-* и *мол-*, употребленныхъ для выраженія тождественныхъ понятій, позволительно заключать о ихъ родствѣ: то будетъ ли дерзко признать реченіе *молить* за винословный глаголь (*verbum factitivum*), произведенный отъ корня *мил-* чрезъ обычную въ такихъ случаяхъ перемѣну въ корнѣ *и* на *о*? Такимъ образомъ получается слово *молити* въ значеніемъ: *дѣлать милымъ*, откуда *молити-ся* съ значеніемъ: *дѣлать милымъ себя* (милъ ся дѣю).

Но какъ тогда разяснить выраженіе: молить Бога? Что будетъ означать: дѣлать милымъ Бога? Разясненіе есть, и совершенно,

* См. объясненіе слова: снопъ.

** Греко-Нѣм. Лекс. Папе.

кажется, удовлетворительное. Дивимся, какъ никто изъ изслѣдователей славянскаго языка не замѣтилъ до сихъ поръ двойственнаго значенія слова *милъ*: страдательнаго, въ какомъ оно употребляется въ большей части случаевъ. (быть кому милымъ, иначе: жалкимъ), и дѣйствительнаго, рѣдко встрѣчающагося, но несомнѣнно существующаго (быть къ кому милостивымъ).

Въ притчѣ о блудномъ сынѣ читаемъ:

«Еще же ему далече сущу, узрѣ его отецъ его, и милъ ему бысть, и текъ пападе на выю его, и облобыза его.» *

Въ греческомъ текстѣ слова: милъ ему бысть — (милъ ему сдѣлался)—выражены однимъ словомъ: ἐπλαγχνίσθη, котораго подлежащее не блудный сынъ, какъ это легко можетъ показаться, а отецъ его; ибо ἐπλαγχνίσθη не имѣетъ никакого другаго значенія, кромѣ: помиловалъ (о немъ), пожалѣлъ, сдѣлался ему милостивъ. Возьмемъ любое мѣсто изъ Св. Писанія, въ которомъ этотъ глаголъ встрѣчается, и нигдѣ не встрѣтимъ его съ инымъ значеніемъ. На. пр. σπλαγχνίζομαι ἐπὶ τὸν ὄχλον — милосердую о народѣ. ** Καὶ ἐπλαγχνίσθη ἐπ' αὐτούς: И милосердова о нихъ.» *** и. т. д.

Просимъ нашего славнаго языковѣда, Востокова, обратить на наши слова свисходительное вниманіе: ибо у него въ словарѣ выраженіе изъ притчи о блудномъ сынѣ истолковано, какъ намъ кажется, несообразно съ значеніемъ слова ἐπλαγχνίσθη, **** которое никогда не можетъ значить—сдѣлался ему жалокъ—но сдѣлался ему милостивъ, помиловалъ: хотя по тексту Славянскому, при двойственномъ значеніи слова *милъ*, легко принять его здѣсь и въ смыслѣ страдательномъ: сдѣлался ему жалокъ.

На помощь намъ приходитъ и Сербскій языкъ, гдѣ при словѣ Богъ весьма часто, почти постоянно, но крайней мѣрѣ въ въ народной поэзіи, стоитъ прилагательное *милы*.

Милы Боже! Чуда великаго!

Самое существительное *милость*, отъ *милъ*, выражаетъ свойство лица милующаго, а не милуемаго; а отсюда милостивый.

Производство винословнаго глагола *молить* отъ корня *милъ* можетъ найти себѣ подтвержденіе въ точно такомъ же обра-

* Лук. Гл. XV. стр. 20.

** Марк. Гл. VIII. ст. 2.

*** Матѣ. XIV. 14.

**** σπλαγχνίζομαι въ словоряхъ толкуется: misericordia movere, miseret me, misereor; Происходитъ отъ σπλάγχνον—внутренности, утроба, сердца; εὐσπλαγχνός — благоутробный.

зованіи винословнаго *холить* (нѣжить) отъ *хилъ* (нѣжный, слабый). *

Впрочемъ это образованіе винословнаго глагола переменною и на о самое обыкновенное и постоянное явленіе въ русскомъ языкѣ. Формы: *по-и-ти* отъ *пи-ти*; *ино-и-ти* отъ *и-ти*; *ю-и-ти* отъ *жи-ти*, образовались, какъ и *мол-и-ти* и *хол-и-ти*, простою переменною кореннаго и на о; а звукъ и передъ окончаніемъ—*ти* во всѣхъ выписанныхъ винословныхъ глаголахъ есть вставной. Обыкновенное мнѣніе, что глаголы: *пой-ти* гноити и т. д. происходятъ отъ своихъ первообразныхъ *пи-ти*, *гни-ти* и т. д. чрезъ вставку о передъ и, не имѣетъ никакого основанія.

Областныя же значенія глагола *молить*—*колоть*, *рѣзать* и потому ѣсть—весьма удобно объясняются изъ перваго и основнаго его значенія. Моля, умиловляя Бога, всегда приносили жертвы, всегда закалали и всегда вкушали отъ жертвъ, какъ было уже показано выше: чего же естественнѣе этой метони мии, къ которой прибѣгъ русский языкъ, перенеся именованіе главнаго дѣйствія и на постоянно прикосновенныя съ онымъ?

Такимъ образомъ отыскался смыслъ, коего не находилъ г. Буслаевъ, смыслъ мѣстоименія *ся* въ словѣ *молиться* въ настоящемъ его употребленіи; хотя и не тотъ, который предложенъ г. Буслаевымъ: будіо *молиться* значило *приносить себя въ жертву*.

Понятель и дательный подежъ при корнѣ *млз*, въ томъ и другомъ его значеніи: *быть кому жалкимъ* и *быть кому милостивымъ*.

Замѣтимъ, что отъ глагола *молить* въ смыслѣ ѣсть, кушать, пробовать (я еще нынѣче ягодокъ-то не молила, не пробовала), есть областное *молины* (свадебныя гостинцы, лакомства), сколько помнится, не вошедшее во второе изданіе Опыта Областнаго Словаря, хотя и указано было въ Москвитянинѣ за 1852 годъ, при разборѣ перваго изданія.

Совершенно справедливо спосить г. Буслаевъ слово *говорить* съ словомъ *править*. * Что между понятіями, выражаемыми въ

* Какъ для корня слова *миръ* мы предполагали выше утратившуюся тему *ми-*, откуда могло бы происходить причастіе спрягаемое *ми-ль*: такъ и для слова *хиръ* можно предположить родственное, отъ того же корня *хл-* происшедшее существительное, *хл-ръ*, являющееся въ глаголѣ *хирѣть*, какъ *жи-ръ* въ глаголѣ *жирѣть*.

этих реченіяхъ, есть близкая связь, это очевидно изъ значенія ихъ въ языкахъ польскомъ и чешскомъ: польское *prawić* и чешское *praviti* значить говорить, рассказывать. Противъ факта сказать нечего; но его должно уразумѣть. Указавши на одинаковое значеніе этихъ двухъ реченій, остается еще объяснить тотъ постепенный переходъ отъ понятія къ понятію, или то сцѣпленіе понятій, по которому эти реченія, столь чужды одно другому по корню, явились съ одинаковымъ значеніемъ въ разныхъ родственныхъ языкахъ.

Не скроемъ того, что объясненіе, предлагаемое г. Буславымъ, нисколько насъ не удовлетворило. Для посредства между понятіями править и говорить, упомянувъ предварительно о древнемъ значеніи глагола *дѣлати* или *дѣти* (говорить), которое встрѣчается не рѣдко и въ нашихъ лѣтописяхъ, является постоянно и въ нынѣшнемъ чешскомъ языкѣ, сохранилось и въ нашемъ сокращенномъ реченіи *де* (доскать) — въ смыслѣ *говорить*, ** г. Буславъ присовокупляетъ:

«Такъ какъ съ понятіемъ дѣла постоянно соединяется мысль о его качествѣ, то есть, дѣло правое, или неправое, то весьма естественно *правда* могла получить смыслъ дѣла, и *править* дѣлать потому въ старинномъ языкѣ часто встрѣчаемъ, вмѣсто дѣлать, править. Въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи 60: «сего не правьте», то есть, не дѣлайте; какъ и теперь говорятъ: челобитье править, поклонъ править. Глаголъ править, заключающій въ себѣ понятіе о правильномъ и законномъ дѣйствіи, переходитъ весьма естественно въ значеніе говорить: по польски, по чешски: *prawić*, *praviti* значить говорить рассказывать». ***

Во первыхъ, если съ понятіемъ дѣла, хоть и не постоянно соединяется, какъ говоритъ г. Буславъ, но все таки безспорно можетъ соединяться мысль о его качествѣ (въ противномъ случаѣ реченіе *дѣло* было бы объявлено *hogs la loi*: оно одно было бы лишено неотъемлемаго права всякато существительнаго имѣть при себѣ прилагательное); то ни сколько не болѣе, ни менѣе, какъ по скольну съ понятіемъ о всякомъ предметѣ можетъ соединяться мысль о томъ или другомъ его качествѣ. Но почему г. Буславъ думаетъ, что съ понятіемъ о дѣлѣ должно чаще соединяться мысль именно о его правотѣ или неправотѣ, чѣмъ мысль о какомъ либо другомъ

* Т 1. стр. 2.

** Бога еси почестилъ, аже *дѣши*: ты мой еси отецъ. См. тамъ же.

*** Тамъ же.

его качествѣ, на примѣръ, хоть о трудности? Слово *трудъ* скорѣе годится въ синонимы *дѣлу*, чѣмъ слово *правда*; однако ни въ одномъ изъ славянскихъ нарѣчій не встрѣчаемъ глагола *трудиться* съ значеніемъ *говорить*.

Во вторыхъ, если, по мнѣнію г. Буслаева, съ понятіемъ дѣла постоянно соединяется мысль о томъ, правое ли оно, или неправое: то слово *кривда* такъ же естественно могло получить смыслъ *дѣла*, какъ и слово *правда*: ибо дѣлъ кривыхъ не менѣе бываетъ, чѣмъ правыхъ, У насъ давно уже народная поэзія замѣтила недостатокъ правды въ людяхъ:

Что не два звѣря скоодилися,
И не бѣлъ заяць, и не сѣръ заяць:
Сходилася правда съ кривдою,
Правда кривду переспорила
И ушла жить по поднебесью,
А кривда пошла по всей землѣ.

Почему же языкъ, для выраженія понятія *дѣлать*, отдалъ предпочтеніе слову *править* въ первомъ случаѣ передъ словомъ *трудиться*, во второмъ передъ словомъ *кривить*? Если удовлетвориться объясненіемъ г. Буслаева, то выходитъ что и тѣ два реченія, языкомъ не употребленныя, не менѣе однако имѣютъ права служить къ выраженію понятія *дѣлать*, чѣмъ употребляемое языкомъ *править*. Какъ бы чувствуя, что подобное возраженіе можетъ быть ему сдѣлано, г. Буслаевъ черезъ нѣсколько строкъ говорить, что глаголь *править* заключаетъ въ себѣ понятіе о правильномъ и законномъ дѣйствіи. Это уже не то, что сказано было нѣсколько строкъ назадъ: иное значитъ *дѣлать* вообще, безъ различій и опредѣленій, и иное *дѣлать* правильно и законно. Большая часть глаголовъ выражаютъ какое-либо дѣйствіе, но не всѣ они употребляются для выраженія дѣйствія вообще.

Въ третьихъ, г. Буслаевъ говоритъ, что *правда* весьма естественно *могла* получить смыслъ дѣла.

На это никакого опредѣлительнаго рѣшенія съ своей стороны дать не можемъ: можетъ быть и могла; одно вѣрно, что *правда* никогда не употребляется въ значеніи дѣла. Это опять легковѣкое а *posse ad esse*, которое мы имѣли уже случай встрѣтить у г. Буслаева, при объясненіи слова притча.

Въ четвертыхъ, замѣтимъ, что въ выраженіяхъ: челобитье *править*, поклонъ *править*, г. Буслаевъ, по нашему мнѣнію, напрасно признаетъ за глаголомъ *править* значеніе *дѣлать*, «Дѣ-

лать челобитье» или «дѣлать поклонъ» — выраженія невозможныя; тогда какъ «сказать поклонъ», «сказать челобитье» не только возможныя, но и весьма обыкновенныя выраженія, какъ въ разговорномъ языкѣ, такъ и въ народной поэзіи:

Челобитьице скажите молодой жонѣ,
Влагословеньице моимъ малымъ дѣтушкамъ —

поется въ извѣстной русской пѣснѣ «Степь Саратовская», иначе: «Степь Моздовская». Принявъ это въ соображеніе, г. Буслаевъ не имѣлъ бы нужды проводить глаголь *править* чрезъ посредствующее значеніе *дѣлать*, чтобы привести его къ значенію *говорить*. Реченія польское и чешское нашли бы въ русскомъ языкѣ прямое себѣ соответствіе.

Но и тогда, какъ и теперь, оставалась бы необъясненною связь понятій *править* и *говорить*. Г. Буслаевъ говоритъ, что глаголь *править*, заключающій въ себѣ понятіе о правильномъ и законномъ дѣвствіи, переходитъ весьма естественно въ значеніе *говорить*. Что переходитъ, это очевидно: чешское *prawiť* и польское *prawić*, какъ и русское *поклонъ править*, достаточно о томъ свидѣлствуютъ. Что переходитъ весьма естественно, въ этомъ мы также имѣемъ мало сомнѣнія; потому что всѣ древнія перенесенія словъ отъ одного значенія къ другому бываютъ совершенно просты и чужды натянутой искусственности, столь неприятно поражающей насъ въ современномъ языкѣ, на которомъ пороки идей и чувствъ эпохи оставили такіе замѣтные слѣды.

Но сказать, что слово отъ одного значенія перешло къ другому весьма естественно, не объяснивъ какъ, значить не сказать ничего —

Ничего или очень мало.

Намъ показалось очень странно также, что г. Буслаевъ, оставивъ безъ объясненія то, что въ объясненіи имѣетъ нужду, въ другихъ случаяхъ, которые сами по себѣ ясны и просты, употребляетъ необыкновенно сложные приемы и далекія соображенія, чтобы объяснить дѣло. На примѣръ: нѣтъ, дѣйствительно нѣтъ ничего проще того обстоятельства, что народныя собранія, на которыя народъ сходится говорить или совѣщаться о своихъ общихъ дѣлахъ, назывались въ древнемъ Русскомъ языкѣ *вѣча*; ибо слово *вѣче* происходитъ отъ корня *вѣт*, откуда древнее *вѣтъ* — совѣтъ, глаголь *вѣщать* — говорить; сложное *совѣщаться*. На этомъ основаніи и въ древней Греціи народное соб-

равіе, а потомъ и площадь (*A. forum*), на которой народъ соби-
рался для совѣщаній (*вѣча*), наконецъ и самая рѣчь обозначилась
словомъ *ἀγορά*, откуда глаголъ *ἀγοράομαι* публично говорю. Посе-
му и совѣщательныя собранія называются по Латини *collegium*
отъ *con* и *lego* читаю, греческое *λέγω* — говорю. Посмо-
тримъ же, какими трудными путями доходилъ до такого про-
стаго и яснаго заключенія г. Буслаевъ:

«Законъ и правда, какъ идеи семейнаго и общественнаго по-
рядка, вытекающія изъ общихъ началъ духовной жизни эпохи
нервоыбитной, входятъ въ тотъ же общій разрядъ понятій, ко-
торый составляетъ основу народности. Законъ и правда уста-
навливаются обычаемъ; обычай держится преданіемъ, то есть, со-
общеніемъ правды отъ одного поколѣнія къ другому. Слово,
рѣчь — этотъ главный проводникъ понятій и сужденій между
лицами, составляющими общество, есть та нравственная среда,
въ которой вырабатывалась идея правды и устанавливался юри-
дическій обычай. Потому самое собраніе лицъ для рѣшенія
вопросовъ по двамъ закона и правды называется *вѣче*». *

Скажите, пожалуйста.

Объясняя древнія русскія или, лучше, общія славянскія реченія:
рота—клятва, присяга; *реть* или *рета*—споръ; *ротитися*—клясть-
ся: ** г. Буслаевъ прибѣгаетъ къ сравненію корня означенныхъ
словъ *rot*—съ санскритскимъ *art*. Противъ правильности фи-
лологическихъ приемовъ, употребленныхъ въ этомъ сравненіи
г. Буслаевымъ, мы сказать ничего не имѣемъ, и совершенно
готовы признать родство корней славянскаго и санскритскаго;
ибо перемѣщеніе (*metathesis*) въ плавныхъ слогахъ явленіе весь-
ма обыкновенное, взаимный переходъ звуковъ *a* и *o*, *o* и *e*,
также; значенія словъ, произведенныхъ отъ этихъ корней въ
славянскомъ языкѣ и Санскритѣ, подобны. Но не можемъ сог-
ласиться съ г. Буслаевымъ, чтобы первоначальное значеніе кор-
ня *ret*—или *rot*—было: итти, двигаться: для этого нѣтъ до-
казательствъ. Санскритскій корень *art*—точно имѣетъ, судя
по Боппу, первое значеніе итти, *ige*, потомъ уже *aemulagi*, *ser-
tate* и т. д. Но въ славянскомъ языкѣ производныя отъ корня
ret—или *rot*—реченія выражаютъ прежде всего понятіе о
спорѣ, соревнованіи, ссорѣ,—и потомъ уже принимаютъ смыслъ
движенія, но движенія не вообще, а въ непрерывной связи съ

* Т. I. стр. 3

** Т. I. стр. 4.

представленіемъ о спорѣ или соревнованіи. Выраженіе «вытечка конская», упоминаемое у Памвы Берынды и у Лаврентія Зизанія, поставлено уже въ послѣдующее, а не первое значеніе словъ: реть и рота, и обозначаетъ не просто конскій бѣгъ, а бѣгъ въ запуски, въ перегонку, за споръ. Переводъ нарѣчія *ретмо* дѣепричастіемъ *убѣгаючися* не оставляетъ въ томъ никакого сомнѣнія: ибо взаимный залогъ этого дѣепричастія и предлогъ *у* прямо указываютъ на понятіе о соревнованіи въ бѣгѣ. *Убѣгаться* значитъ убѣгать другъ отъ друга, или другъ передъ другомъ. Конь ретивый, есть конь способный къ спору на бѣгу, потому уже и вообще быстрый или лихой. Такимъ образомъ нѣтъ ни одного примѣра ни въ древнемъ, ни въ нынѣшнемъ языкѣ, по которому можно было бы заключить, что слова рота, реть, ретно и т. д. отъ первоначальнаго значенія хода, бѣга или движенія вообще перешли въ значенію спора, соревнованія, клятвы, брани и т. д. Всѣ примѣры говорятъ о переходѣ обратномъ.

Ни въ древнихъ словаряхъ, какъ на примѣръ у Миклошича, ни въ нынѣшнихъ церковно-славянскихъ книгахъ, не найдемъ словъ: ротитися, реть и т. д. въ иномъ смыслѣ, какъ клясться, ссора и т. д. Ясно, что въ немногихъ приведенныхъ г. Буслаевымъ примѣрахъ понятіе о бѣгѣ и движеніи соединилось съ этими реченіями случайнымъ, хотя и весьма понятнымъ, образомъ: къ числу всякихъ споровъ и соревнованій принадлежить и конское ристалище. Это самая обыкновенная въ языкахъ спеціализація. *

Замѣтивъ, что въ областномъ русскомъ языкѣ нѣкоторыя качественныя нарѣчія принимаютъ значеніе количественное (на примѣръ: дивно, благо=много), г. Буслаевъ приходитъ къ мысли, что и наоборотъ (?) понятіе о числѣ переходитъ къ сравненію и уравненію качествъ; на примѣръ: *вчисль* (отъ слова *чис-*

* Замѣтимъ, что слово *реть* есть и въ современномъ текстѣ Новаго Завѣта; во второмъ Посланіи къ Коринѳянамъ (гл. XII. 20) читаемъ: да не како рвенія, зависти, ярости, рети и т. д. Г. Буслаевъ нерѣдко приводитъ слова изъ памятниковъ древнихъ и не столь общезвѣстныхъ, минуя ближайшіе. Такъ, кромѣ слова *реть*, котораго онъ не замѣтилъ въ нынѣшнемъ текстѣ Св. Писанія, онъ приводитъ слово *варъ* въ смыслѣ жара изъ путешествія Аѳанасія Тверитина, не упоминая о Евангелии отъ Матѳея, гдѣ читаемъ: понесшимъ тяготу дне и варъ. (Гл. XX. 12).

«ло) значить точь въ точь ; *точно такъ* (?) какъ *разъ* отъ удара переходить къ счету, потомъ *къ образу*.» *

Слово *наоборотъ* употреблено г. Буслаевымъ , по нашему мнѣнію, вовсе не въ ту силу. Если бы онъ приводилъ примѣры тому, какъ реченія, выражающія количественное понятіе, переносятся къ обозначенію качества, тогда употребленное имъ слово *наоборотъ* было бы у мѣста: такіе примѣры были бы дѣйствительно нѣчто обратное указаннымъ выше качественнымъ нарѣчіямъ, переносимымъ къ количественному значенію. Но онъ приводитъ такое слово (*вчисль*), которое, какъ онъ самъ говоритъ, служитъ не для выраженія самаго качества, а только для сравненія или уравниенія качествъ: это совсѣмъ уже другое дѣло. Во всѣхъ грамматикахъ различаются нарѣчія качественныя отъ нарѣчій, выражающихъ мѣру качества. Указавъ на логическую погрѣшность, допущенную г. Буслаевымъ, поспѣшимъ однако согласиться съ нимъ въ томъ, что переходы реченій отъ качественного значенія къ количественному, какъ и отъ выраженія времени къ обозначенію пространства, и обратно, весьма обыкновенны въ языкахъ. Но, къ сожалѣнію, это нисколько не относится къ настоящему случаю. Слово *число*, отъ котораго произведено областное *вчисль*, происходитъ отъ того же корня *чит* — (*чит* — и *чет* —), откуда и читать, считать, сочетать, четъ, чета. *Читать* значитъ совокуплять, сочетавать, подбирать одну букву къ другой; *считать* значитъ подбирать или сочетавать въ одно арифметическія единицы всѣхъ порядковъ; слѣдовательно первоначальное значеніе этихъ словъ приводится къ понятію о сочетаніи, совокупленіи во едино, ** подборѣ. «Такую чету подобрать трудно,» говорятъ обыкновенно. Чета, четъ значитъ пара; «онъ тебѣ не чета», иначе: «онъ тебѣ не пара», значитъ: «онъ не въ тебя, онъ тебѣ не ровень (не ровня), не похожъ на тебя.»

Взявъ все это въ соображеніе, мы увидимъ, что для объясненія смысла областного реченія *вчисль* (на подборѣ) нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ посредству слова *число* въ его обыкновенномъ значеніи и упоминать о взаимномъ переходѣ реченій съ значеніемъ качества и количества ; а довольно будетъ вспомнить о первомъ значеніи корня *чит*,—отъ котораго произошли *чета* и *четъ*, выражающія парность, равенство, подобіе.

* Т. I. стр. 160.

** Санскритскія *чи*—собирать и *чита*—куча, приводимыя г. Буслаевымъ, это доказываютъ.

Нѣтъ никакихъ основаній согласиться и съ тѣмъ мнѣніемъ г. Буслаева, что слово *разъ* отъ удара перешло сперва къ обозначенію счета, а потомъ уже къ значенію *образа*. Сомнѣнія нѣтъ, что первое значеніе этого слова есть ударъ (разить—бить, дать раза—дать ударъ и т. д.); вѣрно и то, что отъ этого перваго значенія слово *разъ* перешло къ указаннымъ дальнѣйшимъ; но г. Буслаевъ не доказываетъ и, мы увѣрены, никакъ не докажетъ, что къ обозначенію *образа* слово *разъ* (въ смыслѣ ударъ) перешло не прямо, а посредствомъ другаго своего значенія, счетнаго.

Какъ выше сравненіе славянскаго реченія *миръ* съ греческимъ *κόσμος* показало несостоятельность словопримущества, предложеннаго г. Буслаевымъ; такъ и въ настоящемъ случаѣ сличеніе слова *разъ* съ греческимъ *τύπος* окажетъ истиннѣ туже услугу.

τύπος отъ *τύπτω* — бью, первоначально значить ударъ, *разъ* въ его первоначальномъ смыслѣ; затѣмъ видимый слѣдъ удара, отпечатлѣніе, въ частномъ смыслѣ, чекапъ; наконецъ вообще видъ, форма, *образъ*, а также и *образецъ* (модель).

Читатель согласится, мы надѣемся, что при такой ясной параллели въ приѣмахъ двухъ языковъ для образованія однозначущихъ реченій: *τύπος* и *разъ* (*образъ*) не предстоить никакой надобности прибѣгать къ посредству счетнаго смысла слова *разъ*, чтобы объяснить переходъ его отъ удара къ образу. *τύπος* не значить *разъ* (*fois*), однако перешло же указаннымъ, весьма естественнымъ путемъ къ значенію *образа*; за чѣмъ же подвергать наше слово *разъ* опасностямъ такого дальняго пути?

Намъ кажется, не малымъ подтвержденіемъ нашему мнѣнію послужить древнее значеніе и объясненіе производства слова *тѣло*.

Извѣстно, что первоначальное значеніе этого слова есть образъ, въ особенности ваятельный кумиръ. Такъ: въ Охридскомъ Апостолѣ г. Григоровича словомъ *тѣлеса* переведено греческое *εἰδωμάτων* (предметы азыческаго чествованія, чтителища, идола); даже и въ нынѣшнихъ богослужебныхъ книгахъ встрѣчаемъ *тѣло* съ этимъ древнимъ значеніемъ. На примѣръ:

Тѣлу златому премудрыя дѣти не послужиша. *

Въ другомъ мѣстѣ:

Образу златому на поли Деири служиму.

* 7-й ирмосъ изъ Канона ко Святому причащенію.

Тоже видимъ въ заглавіи Комидіи Симеона Полоцкаго о Навуходоносорѣ и златомъ *тльль*, что въ учебникѣ словесности, изданномъ отъ Департамента М. Н. Пр., переведено о златомъ *тльльць* (sic). Не рѣдко встрѣчается увеличительное или уничижительное *тльлице*—болванъ, истукапъ. Но встрѣчается и въ смыслѣ изображенія живописнаго, въ соотвѣтствіе греческому *εἶκόν*. *

Не сомнѣваемся, что слово *тль-ло* происходитъ отъ древняго глагола *тя-ти* или *те-ти*: бить; сравни: кры-ти, кры-ло; мы-ти, мыло; ры-ти, ры-ло и т. д. Такъ и въ этомъ словѣ, какъ въ *τύπος* и образъ, понятіе о ударѣ сочеталось съ понятіемъ о образѣ, безъ всякаго посредства.

И такъ *рлзз* въ значеніи счета самъ по себѣ, а въ значеніи образа самъ по себѣ: и то, и другое значеніе вторично, но каждое произошло своимъ особымъ способомъ, безъ посредства другаго.

Совершенно справедливо замѣчаетъ г. Буслаевъ, что слово *хитрый* въ древности имѣло смыслъ умнаго, а не коварнаго, какъ теперь. Но позволимъ себѣ усомниться въ томъ, чтобы такое сцѣпленіе понятій о умномъ и зломъ, какое выразилось въ древнемъ и новомъ значеніи слова *хитрый*, имѣло какое-нибудь отношеніе къ сказкѣ о трехъ братьяхъ, изъ коихъ меньшей дуракъ. Во первыхъ сказка не представляетъ двухъ старшихъ братьевъ дурака, ни особенно умными, ни особенно хитрыми и коварными, а просто обыкновенными, посредственными людьми, слѣдовательно и не подтверждаетъ собою связи понятій о умномъ и зломъ. Во вторыхъ сказка эта слишкомъ давно живетъ въ народѣ, а сочетаніе съ словомъ хитрый значенія коварный, по всѣмъ вѣроятіямъ, позднѣйшее и принадлежитъ къ такой эпохѣ народной жизни, когда нравы упали и умъ, данный для добра, устремился преимущественно на зло.

Если бы въ древнія времена, къ которымъ мы нешибочно, надѣемся, относимъ сказку о трехъ братьяхъ, съ реченіемъ *хитрый* было непремѣнно связано представленіе о зломъ; то производное отъ него существительное никакъ не могло бы сдѣлаться однимъ изъ Христіанскихъ именованій Бога. Между тѣмъ, въ древнемъ языкѣ, вмѣсто словъ Творецъ и Художникъ—*Δημιουργός*, при словѣ Богъ встрѣчаемъ Хытрець (всѣя твари) (Іоан. Экз.

* Опис. Слав. рук. Моск. сун. биб. Т. I, стр. 157.

Болг.); Παντευχημων — Всехитрецъ встрѣчается и въ нынѣшнемъ текстѣ богослужебныхъ книгъ:

Всехитрецу Слово плоть взамодавшая. ¹

Замѣчательны въ этомъ отношеніи нѣкоторые выраженія славянскаго текста Ветхаго Завета:

Всякъ хитрый творить съ разумомъ, безумный же простреть свою злобу. ²

Здѣсь, какъ читатель видитъ, сочетаніе понятій обратное: хитраго и умнаго съ добрымъ, а безумнаго со злымъ. Замѣтимъ тутъ же кстати, что въ народѣ дьяволь, эта олицетворенная злоба и коварство, называется шутомъ и дуракомъ, и въ то же время недобрымъ, ³ но не называется умнымъ.

Въ такомъ смыслѣ, отрѣшенномъ отъ понятія о злобѣ, видимъ, даже и въ нынѣшнемъ текстѣ Св. Писанія, слово коварство:

Да дастъ незлобивымъ коварство. ⁴

Симъ бо коварствомъ (нынѣ: симъ бо образомъ τρόπος) многое поживеши время. ⁵

Коварства и образа — τρόπον καὶ τόπον. ⁶ Τρόπος — способъ, откуда способный, искусный, потомъ уже хитрый, коварный. Постоянный эпитетъ Одиссея у Гомера πολύτροπος. versutus.

Другой синонимъ слова *хитрый* есть прилагательное *худой*: кто премудръ и художъ въ васъ? ⁷ Откуда: художникъ, древнее хитрецъ; художество, древнее хитрость, въ смыслѣ искусства: врачъ хитростію. Теперь реченія эти изъ нѣкогда однозначачихъ раздѣлены смысломъ: хитрость означаетъ въ настоящее время только пронырство и злобу, а художество выражаетъ творческую способность. Только въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаемъ нынѣ слово хитрый въ смыслѣ умный, художественный, на примѣръ: вещь хитрая, прехитрая работа; а художество въ значеніи коварства и лукавства: за нимъ не замѣтно никакого художества. Мы обыкновенно улыбаемся, слыша это послѣднее выраженіе, считая его ошибкою безграмотнаго народа; а оно есть не что иное, какъ слѣдъ прежняго, теперь уже утраченнаго, значенія слова *художество*.

¹ Ирмосъ изъ канона Пятидесятницы.

² Притч. Сол. гл. VIII. 17.

³ Бусл. Т. I. стр. 56.

⁴ Притч. Сол. гл. I. 4.

⁵ Опис. Сл. рук. Моск. Сун. Биб. Т. I. стр. 71.

⁶ Тамже стр. 148.

⁷ Посл. Іаков. гл. III. 13.

Въ древнемъ языкѣ встрѣчается иногда слово *худомъ* въ значеніи богобоязненный. Въ извѣстной рѣчи Апостола Павла къ Аѳинянамъ въ Ареопагѣ, гдѣ въ нынѣшнемъ славянскомъ текстѣ читаемъ: по всему зрю вы, аки *блаочестивыя*; ⁸ въ древнихъ спискахъ находимъ: *худомъспѣша* ⁹ вы зря. Сравнительная степень стоитъ и въ подлинникѣ: *δειοδαχιμωστερος*. Въ томъ же значеніи видимъ это слово и въ Охридскомъ Апостолѣ г. Григоровича.

Едва вѣроятною показалась намъ ошибка г. Буслаева въ объясненіи областного слова *долыня*, которымъ называютъ длиннаго и нескладнаго человѣка.

«Первоначальный эпитетъ существительнаго *долонь*, говоритъ г. Буслаевъ, (откуда чрезъ перестановку *ладонь*) сохранился въ провинціальномъ словѣ *долыня*, то есть, высокій, длинный, въ частномъ примѣненіи къ нескладному человѣку». ¹⁰

Долыня есть не что иное, какъ наше нынѣшнее дѣл-ина, а въ народномъ языкѣ дол-ина. Окончаніе *-ыня* тоже, что *ина*; Въ стихѣ о Голубиной книгѣ читаемъ:

Долыны книга сорока сажень,
Поперешности двадцати сажень.

Первое окончаніе употреблялось чаще въ древнемъ языкѣ, послѣднее преимуществуетъ въ новомъ, хотя и древнему, и новому языку свойственны оба эти окончанія. Между этими окончаніями есть такого рода соотвѣтствіе: если конечный слогъ имѣетъ твердую гласную: *а*, то предпослѣдній слогъ бываетъ мягкій: *и* (-ина); если же конечный слогъ смягчается въ *я*, тогда предыдущій дѣлается твердымъ: *ы* (-ыня). Это же явленіе можемъ усмотрѣть при сравненіи южно-русскихъ формъ съ велико-русскими: ул-ица, по малорусскому выговору, вул-ица; от-ецъ (съ мягкимъ: *е*) у Нестора отецъ (съ твердымъ *е* по способу малороссійскаго произношенія) и т. д.

Мы никогда не кончили бы, если бы вздумали считать древнія реченія съ окончаніемъ *-ыня*: бла-гыня, друг-ыня, сосѣд-ыня ¹¹ и т. д. Такихъ словъ и въ теперешнемъ языкѣ не мало: милостыня, простыня, теплынь и т. д.; иныя изъ нихъ имѣютъ и то, и другое окончаніе: милостыня и милостина. Тѣ изъ нихъ,

⁸ Дѣян. гл. XVII. 22.

⁹ Опис. Слав. рукоп. Моск. синод. биб. Т. I. стр. 153.

¹⁰ Т. I. стр. 161—162.

¹¹ Въ самыхъ древнихъ памятникахъ встрѣчается и господствуетъ окончаніе *-ыни* (греч. *ι'νη*).

которые произошли отъ качественныхъ прилагательныхъ, обозначаютъ свойства предметовъ и не рѣдко употребляются при существительныхъ вмѣсто прилагательныхъ, отъ коихъ происходятъ. *Простыня* говорится о человѣкѣ простомъ, нехитромъ, какъ и однозначашее *простота* въ известной поговоркѣ: «Акимъ простота, рукавицы за поясомъ, а опъ другихъ ищетъ.»

Безъ сомнѣнія имя знаменитаго древняго богатыря, Добрыня, находится къ прилагательному добръ въ такомъ же точно отношеніи, какъ *простыня* къ слову простъ. Сравнимъ съ этимъ употребляемое въ сношеніяхъ съ духовными лицами выраженіе: молимъ твою святыню (вмѣсто тебя святаго).

Вотъ и объясненіе областному *долыня*: долина, и больше ничего; древнее окончаніе -ыня удержалось въ словѣ съ частнымъ значеніемъ длиннаго, нескладнаго человѣка; а слово долина или дѣлина выражаетъ собою общее качество всѣхъ долгихъ или длинныхъ предметовъ.

Къ чему же тутъ долонь или ладопь? Какая связь между понятіями ладони и нескладнаго длиннаго человѣка? Отъ чего же г. Буслаевъ думаетъ, что *долыня* есть первоначальный эпитетъ существительнаго долонь? Непопятно!

Затрудняемся признать въ областномъ реченіи *сльмоочи* то словообразованіе, которое предлагаетъ для него г. Буслаевъ.

«*Сльмоочи*, вмѣсто слѣпецъ, говоритъ онъ, употребляется въ «народномъ говорѣ, подобно тому, какъ народная поэзія прилагаетъ эпитетъ, состоящій изъ прилагательнаго и существительнаго, на примѣръ: туръ—золотые рога; чоботы—зелень софьянъ.» *

Объясненіе, какъ намъ кажется, противорѣчащее духу и приемамъ нашего народнаго языка. Приведенныя г. Буслаевымъ выраженія: туръ—золотые рога, чоботы—зелень софьянъ и множество имъ подобныхъ, преобладающія въ народномъ языкѣ надъ эпитетами, сложенными изъ прилагательнаго и существительнаго, ** принуждаютъ искать для замѣчательной формы *сльмоочи* другаго объясненія.

* Т. I. стр. 162.

** Известно, что составленные Гнѣдичемъ сложные эпитеты для перевода Гомерическихъ, эпитетовъ всѣмъ кажутся тяжелыми и языку нашему несродными; что критика указывала для замѣны ихъ именно на русскіе раздѣльные эпитеты: золотые рога вмѣсто златорогій и т. д.

Мы позволимъ себѣ такую догадку, что удвоеніе звука *о* въ этомъ словѣ сдѣлано по ошибкѣ доставившаго это реченіе въ Опытъ Областнаго Словаря. Ошибка могла произойти отъ того, что удареніе, стоящее на слогѣ *о*, можетъ сообщать ему въ мѣстномъ выговорѣ замѣтную долготу. Если бы наша догадка подтвердилась, то мы получили бы ясную и весьма сообразную съ законами языка форму: *слѣпочи*, по древнему слѣпчи, по нашему слѣпецъ. Для сравненія предлагаемъ рядъ древнихъ существительныхъ, образованныхъ точно такимъ образомъ: зодчїи (зодчїи), кпигочи, самъчи, самчїи, самочи (начальникъ дома, ὁ ἐπι τῆς οἰκίας), блъхчи, или блгчи (плотникъ), крѣчагъчи (скудельникъ), свѣтчїи (дружка, свать), крайчїи и. т. д.

Вотъ въ какую многочисленную семью вводитъ наша догадка областное реченіе *слѣпочи*, по нашему: слѣпочи или слѣпчи; въ то время какъ толкованіе г. Буслаева поставляетъ его въ совершенное одиночество. Во всемъ русскомъ языкѣ, на всемъ пространствѣ его историческихъ и областныхъ измѣненій, слово *слѣпочи* не найдетъ себѣ пары, по областному, дружки.*

И такъ, гдѣ г. Буслаевъ думалъ найти присутствіе цѣлаго слова *очи*, вѣрнѣе искать окончанія—*чи* съ связующей гласною *о*. Окончаніе *очи* иначе *очь* (ь=и,) есть тоже, что *ецъ*, что видимъ изъ сравненія общеупотребительнаго *свѣт-очь* съ областнымъ совершенно тогоже значенія *свѣт-ецъ*. Близость, а пожалуй и тождество, этихъ образовательныхъ окончаній доказывается и одинаковостію ихъ назначенія, и законами звуковъ. Здѣсь видимъ ту же самую мѣну гласныхъ твердыхъ и мягкихъ, которую мы видѣли при разсмотрѣніи окончаній—*ыля* и-*ина*. Въ окончаніи—*ецъ* послѣдній звукъ *з* твердый, предпослѣдній слогъ *е*-мягкій; по смягченіи *з* въ *ь*, въ предпослѣднемъ слогѣ мягкое *е* измѣнилось въ *о*, а звукъ *ц* по обычаю смягчился въ *ч*. (сравни: отецъ, прилагательное отечъ и т. д.).

Упомянувъ объ областномъ глаголѣ *разщупывать*, въ значеніи

* Г. Буслаевъ, послѣдуя указанію Областнаго Словаря, думаетъ, что слово *дружокъ* (иначе: *дружка*) употребляется въ значеніи пары, но только о вѣникахъ и о ведрахъ. Въ извѣстныхъ намъ областныхъ говорахъ: «они дружки» значтъ: они парные, и говорятся о предметахъ какихъ угодно, безъ разбора. Здѣсь кстатї замѣтить, что г. Буслаевъ итаетъ къ Опыту Областнаго Словаря довѣріе, нѣсколько излишнее. Критиковать доставленные въ этотъ словарь реченія конечно не безопасно; однако есть случаи, гдѣ критика должна вступить въ свои права.

различать, разобрать, разсудить, г. Буслаевъ не обратилъ вниманія на то, что въ нашемъ языкѣ къ значенію: разсудить, разобрать и т. д. переносятся многіе глаголы, выражающіе дѣйствіе не одного осязанія, но всѣхъ пяти высшихъ чувствъ.

Разсмотрѣть или разглядѣть, разчухать (отъ чути-слышать), раскусить (вкусъ), разнюхать, точно также, какъ *разщунать*, значать: разобрать, разсудить, различить.

Выше было замѣчено, что областнымъ словаремъ должно пользоваться пока съ большею осторожностію и благоразумною критикою. Впрочемъ въ иныхъ случаяхъ, при всей осторожности, можно попасть въ ошибку, если слово помѣщенное въ словарь безъ объясненія въ смыслѣ его того отѣнка, который придаетъ ему въ областномъ говорѣ. Въ такую ошибку ввело г. Буслаева слово *волымазз*, показанное въ словарь псковскимъ; оно весьма впрочемъ употребительно и въ другихъ мѣстахъ Россіи.

«Живучесть эпического склада въ языкѣ, говоритъ г. Буслаевъ, видна и въ словѣ *волымазз* (человѣкъ съ большими глазами), въ которомъ удерживается воззрѣніе гомерическаго эпитета: *волоокій* (волоокая Гера). Сближеніе *быка* или *вола* съ глазомъ лежитъ въ преданіяхъ языковъ индоевропейскихъ. Наглядное уподобленіе большихъ глазъ воловьимъ *могло* поддерживаться въ поэтическихъ преданіяхъ мифическою связью *быка со свѣтомъ*; а такъ какъ свѣтъ переносится въ языкѣ къ глазу, то понятна связь и быка съ глазомъ; какъ бы то ни было, Санскритъ предлагаетъ рѣзкое доказательство этому мнѣнію въ словѣ *ю*, имѣющемъ значеніе не только быка, но и свѣта луча солнечнаго, а также глаза. И такъ въ согласіи нашего областного, псковскаго слова *волымазз* съ гомерическимъ эпитетомъ надобно видѣть не заимствованіе, или вліяніе, а первобытное родство эпическихъ воззрѣній, опредѣлившее одинаковый взглядъ на природу». *

Мы что-то не можемъ выразумѣть, для чего бы, при образованіи гомерическаго эпитета *βοῶπις* и областного русскаго слова *волымазз*, понадобилось сближеніе *быка* или *вола* съ глазомъ? Зачѣмъ, при уподобленіи большихъ глазъ воловьимъ, было бы нужно искать поддержки въ мифической связи быка со свѣтомъ? Къ чему намъ знать въ настоящемъ случаѣ, что *ю* въ

* Т. I стр. 162.

Санскритъ значить волю и глазъ? Если *воля* и *глазъ* синонимы, то *волыглазъ* и *βοῶπις* на этомъ основаніи можно перевести *лазоглазый* или *окоглазый*: такого ли вывода домогался г. Буслевъ посредствомъ своихъ сравнительныхъ соображеній? И если такого, то на что онъ ему?

Реченія *волыглазъ* и *βοῶπις* образовались вовсе не отъ сближенія глаза съ быкомъ, въ которомъ и не было для ихъ образованія никакой нужды, а отъ сближенія или сравненія, совершенно естественнаго, большихъ глазъ человѣческихъ съ глазами вола, всегда большими по свойству воловьей природы. Волыглазъ и *βοῶπις* человѣкъ съ глазами, какъ у вола, а потому, просто съ большими глазами.

Но большіе глаза, составляя высокую красоту человѣческаго лица, если они хорошо устроены, могутъ составлять и безобразіе его въ случаѣ противномъ. Сообразно съ этимъ, видимъ въ языкѣ греческомъ слово *βοῶπις*, какъ постоянный эпитетъ богини съ великолѣпными большими глазами; а въ областномъ русскомъ языкѣ находимъ реченіе *волыглазъ* для ироническаго обозначенія человѣка съ огромными, выпученными глазами. Слово *волыглазъ* употребляется въ народѣ всегда для брани и совершенно соответствуетъ прилагательнымъ: лупоглазый, пучеглазый. Г. Буслевъ не можетъ конечно отвѣчать за то, что ему былъ неизвѣстенъ ироническій или ругательный смыслъ слова *волыглазъ*; нельзя знать всѣхъ областныхъ словъ со всѣми оттѣнками ихъ значеній; впрочемъ сказанное нами о словѣ волыглазъ указано было въ Москвитянинѣ за 1852 годъ, при разборѣ перваго изданія Опыта Областнаго Словаря.

Это различіе въ смыслѣ словъ *βοῶπις* и *волыглазъ* весьма естественно объясняется тѣмъ, что Русскіе съ представленіемъ вола или быка соединяютъ представленіе не о величественной, царственной красотѣ, какъ Греки, а только о тучности и нескладности. Всѣмъ извѣстно прекрасное, художественное сравненіе величественнаго царя Агамемнона съ воломъ, сдѣланное конечно безъ малѣйшаго ироническаго намѣренія:

Νότε βοῦς ἀγέληφι μὲν ἕσυχος ἔπλετο πάντων
Ταῦρος*

По духу нашего языка, такое сравненіе у насъ было бы совершенно невозможно. Говоря про величественнаго царя, который превосходилъ всѣхъ сподвижниковъ своихъ именно почтеннымъ ви-

* Какъ быкъ бываетъ въ стадѣ весьма отличный отъ всѣхъ,

Воля Иліад. Рапс. II. ст. 480, 481.

домъ и царственной сановитостію *,| мы не рѣшились бы употребить подобное сравненіе.

Итакъ должно разстаться съ мнѣніемъ г. Буслаева, что въ областномъ словѣ *воылазъ* удерживается воззрѣніе гомерическаго эпитета волоокій: воззрѣніе наше и древне-греческое, какъ видимъ, крайне противоположны одно другому. Совершенно даромъ потревожено, какъ мы показали уже, санскритское реченіе *so*, слѣдовательно и все, по поводу этого слова сказанное г. Буслаевымъ о первобытномъ родствѣ эпическихъ воззрѣній, опредѣлившихъ одинаковый взглядъ на природу, ни мало не относится къ настоящему случаю.

Въ Москвитянинѣ же ** было объяснено истинное значеніе древняго русскаго слова *обельный*, столь известнаго въ древнихъ юридическихъ памятникахъ нашихъ и такъ долго затруднявшаго ученыхъ отыскиваніемъ его родоначалія. Еще не знавъ томскихъ областныхъ реченій: обельной — круглый, обельно — кругомъ, сотрудникъ Москвитянина произвелъ отъ древняго реченія *объ-ло* кругъ, по подобію оттуда же происходящаго существительнаго *обель-ство*—круглота (Юан. Экз. Болг.), пригательное *обель-ный* — круглый. *Обельный* холопъ такимъ образомъ получалъ значеніе *круглаго* холопа, въ томъ же смыслѣ, какъ дитя, не имѣющее ни отца, ни матери, называется круглымъ или круглою сиротою (сравни также: круглый дуракъ). Греческое прилагательное *ἀμφιθάλης* отъ *ἀμφί* кругомъ, *объ*, и *θάλλω* цвѣту) кругомъ цвѣтущій, обозначающее дитя, у котораго живы отецъ и мать, своимъ предлогомъ *ἀμφί* *объ*, кругомъ (сравни: *ἀμφω* оба)—указало въ греческомъ языкѣ на тотъ самый приемъ, который употребленъ былъ русскимъ для образованія словъ, *обельный*, *** круглый. При этомъ, помнится, взяты были во вниманіе и синонимы: *оби-ходъ* и *кругъ* церковный.

Г. Буслаевъ могъ не замѣтить въ Москвитянинѣ этого соображенія, но мы почли нужнымъ честь перваго объясненія слова *обельный* возратить по принадлежности.

* См. Иліад. Рапс. Ш. ст. 168—170.

Ἦτοι μὲν κεφαλῇ καὶ μέλῳνες ἄλλοι ἕασιν.

Καλὸν δ' οὕτω ἐγὼν οὕτω ἴδον ἐφθαλμοῖσιν,

οὐδ' οὕτω γερᾶρον· βασιλῆϊ γὰρ ἀνδρὶ ἔικεν.

** 1852 г.

*** Обельный отъ *объло*, а *объло* отъ *объ* (*объ*).

Въ томъ же журналѣ и тѣмъ же лицомъ предложено было весьма, по нашему мнѣнію, любопытное объясненіе слова *шмель*, которое г. Буслаевымъ не взято во вниманіе, при объясненіи областного слова бучень (*шмель*), вѣроятно, по той же причинѣ, по которой онъ не воспользовался объясненіями словъ *воылазъ* и *обельный*. Предложенное въ видѣ отрывочной замѣтки, оно легко могло ускользнуть отъ вниманія и другихъ ученыхъ; по-сему, пользуясь случаемъ, позволяемъ себѣ предложить его нашимъ читателямъ ради его неожиданности.

Изъ Областного Словаря мы знаемъ, что мѣстное названіе *шмеля* есть *бучень*; но врядъ ли кто догадается, что это не синонимы, а одно и то же слову, по увѣренію Москвитянина, только съ разными окончаніями: одно на-ль, другое на-нь.

Отъ слова *бучать*—издавать звукъ, *strepo ut aris*, производится древнее слово *бъчъла* (пчела), которое, *per metathesin*, является у Карніолійцевъ въ формѣ *чъбъла* *. По другому правописанію слово *бъчела* *per metathesin* было бы *чъбела*. Если сравнить ицѣпское слово *мчела* (пчела) съ древле-славянскимъ *чмель* ** (*fuscus, aris*): то, по указанію выше приведенныхъ примѣровъ, весьма естественно признать, что слово *чмель* произошло отъ *мчела* также *per metathesin*. *Чмель* же къ нынѣшнему *шмель* относится, какъ *что* къ *што*. ***

Увлеченные любопытными образчиками перемѣщеній, только что упомянутыхъ, предложимъ читателямъ—впрочемъ совершенно на волю, безъ всякой съ своей стороны отвѣтственности—такую догадку, не происходитъ ли слово *чъб-анъ* (иначе: *чванъ*), *ჭვანის, sextarius*, сосудъ, вмѣщающій около 50 фунтовъ, *per metathesin* отъ *бъч-анъ*, *боч-анъ* (того же корня, что *боч-ка*)? Другая областная форма его: *жбанъ* (*ч* въ *ж*) имѣло бы себѣ дружку въ малорусскомъ словѣ *бжолы* (древнее: *бъчелы*).

Чрезвычайно любопытную особенность архангельскаго нарѣчія замѣтилъ г. Буслаевъ **** въ употребленіи глагола *жить* и производныхъ отъ него, въ значеніи *не спать, бодрствовать*. «*Вся*

* Glag. clutz. стр. 68.

** Тамъ же стр. 86.

*** Почитая такое объясненіе совершенно сообразнымъ съ строгими законами языковѣдѣнія, не умолчимъ однако что слову *бучать* (*буч-бъч*) въ настоящемъ случаѣ является опасный соперникъ въ глаголъ того же значенія: *шумѣть* (*шум-шъм*). Безспорно, что отъ *шумѣть* до *шмель* или *шмѣль* дорога ближе, чѣмъ отъ *бучать*.

**** Т. I. стр. 16.

деревня была еще жива» значить: еще не спала. «Мы зажили утромъ рано» — рано утромъ проснулись. На этомъ основаніи г. Буслаевъ заключаетъ, что нашимъ предкамъ сонъ представлялся подобіемъ смерти.

«Хотя они не оставили намъ, говоритъ онъ, мѣта о родствѣ сна со смертію, подобно греческому, однако языкъ русскій и доселѣ свидѣтельствуетъ, что съ понятіемъ о снѣ соединялось нѣкогда понятіе о смерти» *.

Эго безспорно. Замѣтимъ только, что, кромѣ любопытнѣйшихъ архангельскихъ реченій, указанныхъ г. Буслаевымъ, есть въ общемъ русскомъ и особенно въ церковно-славянскомъ языкѣ довольно много реченій, также выражающихъ связь сна со смертію: усненіе, усыпальница (мѣсто для погребенія какого-либо семейства или рода) и т. д.

Въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ читаемъ: «Сего ради въ васъ многи немощни и недужливи и *спятъ* (умирають) довольни» **.

Мы слегка замѣтили уже выше, что ближайшее знакомство съ текстомъ Священнаго Писанія оказало бы г. Буслаеву большую пользу, предупредивъ его отъ многихъ обмолвокъ и недомолвокъ. Такъ:

Выраженіе Лаврентьевской лѣтописи: «звергль еси ножъ въ ны», г. Буслаевъ не сталъ бы причислять къ постоянно повторяющимся эпическимъ выраженіямъ быта воинскаго ***, — если бы обратилъ вниманіе на 34-й стихъ X главы Евангелія отъ Маттея: «не придохъ воврещи миръ, но мечъ» (*μάχρα*—ножь) ****, —выраженіе, обратившееся въ постоянное, какъ въ древнихъ русскихъ памятникахъ, такъ и въ греческихъ произведеніяхъ Св. Отцевъ, и въ средневѣковыхъ латинскихъ.

Разбирая повѣрье о полудницахъ, г. Буслаевъ съ пользою для себя могъ бы указать на псаломское выраженіе:

Отъ сряца и бѣса полуденнаго *****.

Текстъ изъ Пророковъ, весьма часто повторяемый въ произведеніяхъ духовно-правственнаго содержанія: *въ чемъ ты застану, въ томъ ты и сужду*, — вложенный въ уста олицетворенной

* Тамъ же.

** Гл. XI. ст. 30.

*** Т. I. стр. 88.

**** См. Ев. отъ Іоан. гл. XVIII. 10, 11.

***** Пс. XC. 6.

смерти въ сказаніи о Аникѣ Воинѣ *, г. Буслаевъ не назвалъ бы юридической пословицей и не нашелъ бы причины измѣнить въ немъ славянскую форму *сужду*, на русскую *сужу*.

Эту мнимую юридическую пословицу г. Буслаевъ могъ бы впрочемъ замѣтить и въ древне-русскихъ памятникахъ, гдѣ она весьма обыкновенна. Для примѣра укажемъ на трогательное письмо царя Алексѣя Михайловича къ князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, въ которомъ онъ извѣщаетъ его о смерти юнаго сына и, утѣшая его тѣмъ, что Богъ взялъ сына его въ добромъ покаяніи, прибавляетъ: «Или Его (Бога) свя(ѣ)тovo слово ложно: «въ чемъ застану, въ томъ и сужу?»

Замѣтивъ, что у Сербовъ эпитетъ *шестокрилыи* употребляется въ Христіанскомъ значеніи: «свети шестокрили Арандіеле», г. Буслаевъ не оставилъ бы безъ вниманія выраженій и нашихъ богослужебныхъ книгъ, заимствованныхъ изъ всѣмъ извѣстнаго видѣнія Пророка Іезикиіа: «Многоочити херувими и *шестокрилати* серафими, окрестъ стояще и облетающе» ** и т. д. И выраженіе Слова о Полку Игоревѣ: «все три Мстиславичи, не худа гнѣзда *шестокрильци*» объяснилось бы ему именно изъ Христіанскаго вліянія, а не до-христіанскихъ словъ: крилатецъ, крилятица. Мстиславичи названы не просто крилатцы, а именно *шесто-крильци* (представленіе Христіанское).

Не можемъ вполнѣ согласиться съ г. Буслаевымъ, хотя и не отвергаемъ безусловно, чтобы сербскія пословицы: «ко ни је видио цркве, и петьи се кланя» и «ко алтаря не види, и петьи се кланя» — могли имѣть какое либо отношеніе къ языческому огнепоклонству Славянъ. Намъ скорѣе думается, что это простая иронія надъ человѣкомъ, еще ни выдавшимъ церкви и алтаря, подобная той, какую видимъ въ русской поговоркѣ: «на печкѣ сидѣлъ, кирпичамъ молился.» Хотя и эту послѣднюю г. Буслаевъ приурочиваетъ къ огнепоклонству; но тутъ уже мы позволяемъ себѣ рѣшительное противорѣчіе мнѣнію почтеннаго профессора.

Припомнимъ прекрасную комическую пѣсенку изъ «Русалки» Пушкина:

* Т. I. стр. 637. Смерть говоритъ Аникѣ: Какъ Господь повелитъ, въ мгновеніе ока возьму; и въ чемъ ты застану, въ томъ ты и суж(д)у. По сему случаю г. Буслаевъ замѣчаетъ: «Какъ глубоко понята идея смерти въ этой юридической пословицѣ (?) о судѣ, вложенной въ уста ея!»

** Послѣд. водоосвящ.

Сватушка, сватушка,
 Безтолковый сватушка:
 По невѣсту ѣхали,
 Въ огородъ заѣхали;
 Пива бочку пролили,
 Всю капусту полили;
 Тыну поклонилися,
 Верей молилися:
 Верей ль верейюшка,
 Покажи дороженьку—
 По невѣсту ѣхати.

Кто бы рѣшился, на основаніи стиховъ этой пѣсни:

Тыну поклонилися,
 Верей молилися,—

предположить что либо о языческомъ поклоненіи Русскихъ и Славянъ вообще тыну и верей? Прибавимъ къ тому, что эта мольба верей встрѣчается и въ другихъ пѣсняхъ, на примѣръ, о пьяной бабѣ, которая

Темнымъ лѣсомъ шла —
 Не боялася,
 Чистымъ полемъ шла —
 Не шаталася;
 Ко двору пришла,
 Попатилася,
 За верейюшку
 Ухватилася:
 Верей ль моя,
 Ты верейюшка!
 Поддержи меня,
 Бабу пьяную.

Не смотря на неоднократность примѣра обращенія съ мольбою къ верей въ нашихъ пѣсняхъ, никто конечно не подумаетъ по однимъ этимъ примѣрамъ, что верей имѣла въ древности какое нибудь мифическое значеніе и что наши предки поклонялись и молились ей, какъ предмету религіознаго благоговѣнія и чествованія. Такъ и въ поговоркѣ: «на печи сидѣлъ, кирпичамъ молился» напрасно будетъ отыскивать какіе-то намеки на огнепоклонство. Что наши предки въ язычествѣ молились огню, это не подлежитъ никакому сомнѣнію; тому есть очевидныя свидѣтельства, но только не эти и не такія. Дуракъ, ни къ чему не способный, ничего не дѣлающій и потому вѣчно проживающій на печи, въ ней и въ кирпичахъ, ее составляющихъ, нахо-

дѣть для себя все: и отраду, и пріютъ *, а по комической гиперболѣ, и святню. Онъ молится печкѣ и кирпичамъ, чтобы они его берегли и покомили, какъ поѣзжане съ безтолковымъ сватомъ молились верей, чтобы она показала имъ дорогу по невесту ѣхати.

По поводу слова *печь* замѣтимъ кстати, что, если принять мнѣніе г. Буслаева, какъ намъ кажется, совершенно вѣрное, о тождествѣ *печи* и жилища вообще, и прибавить къ тому неоспоримое тождество жилища и древне-славянскаго *хльвина* ** (отъ *хльв*): то неопасно будетъ снести съ нашимъ *хльвина* или *хльв* греческое реченіе *κλβ—ανος* (печь).

Другой общезвѣстный синонимъ жилища, дымъ, подалъ г. Буслаеву поводъ къ объясненію областного выраженія «дымная шапка», въ смыслѣ старшой, въ поговоркахъ: Помни, малой, дымную шапку! Не забывай дымную шапку!

«Если дымъ, говоритъ г. Буслаевъ, былъ символомъ очага и семейнаго кружка; то само собою слѣдуетъ, что кто долѣе живетъ на свѣтѣ, того одѣваніе болѣе закоптится отъ дыму. Поэтому (?) вмѣсто *старшой* употребляется выраженіе: *дымная шапка*» ***.

Сомнительно, чтобы это было *потому*. Если принять эту причину, то почему же мы не встрѣчаемъ, вмѣсто выраженія: «дымная шапка», другихъ: «дымный кафтанъ или армякъ», или «дымная рубаха» и т. п., а именно шапка? Въ словѣ *шапка*, намъ кажется, и вся сила: шапка есть верхъ (*chapeau — caput, глава*); «дымная шапка» иначе «шапка дыму» есть верхъ или глава дыму, то есть, дому.

Сравнимъ съ этимъ выраженіемъ областное реченіе *кичка*. Въ настоящее время это есть именованіе женской головной одежды, какъ шапка есть названіе мужской; древнее же реченіе *кыка*, первообразное нашего *кичка*, кромѣ значенія головнаго убора, имѣло и другое значеніе: верхъ, высшая степень, *ἀψή* ****. Оттуда глаголъ *кычитися* (кичиться, киченіе, кичли-

* Печка общій пріютъ всѣхъ бездѣльныхъ и немощныхъ, неспособныхъ къ дѣлу людей. Въ пѣснѣ поется:

Стару бабу взять,

На печи въ углу держать.

** См. Миклош. Lex. ling. Slov. veter. dial. и Опис. Слав. рукоп. Московск. Синод. библ. Т. I стр. 18.

*** Т. I. стр. 102.

**** Словарь Восток. стр. 192.

вый и т. д.), значить: выситься, превозноситься, почитать себя посверхъ другихъ.

Г. Буслаевъ, по довѣрію къ Областному Словарию, полагаетъ, что, по стариннымъ понятіямъ, говорить значить вспоминать о старинѣ: потому что въ Рязанской губерніи *старовать* значить разсуждать, разговаривать. Предоставляя читателю удовлетвориться этимъ выводомъ, или его отвергнуть, укажемъ на послѣдующее за тѣмъ разсужденіе почтеннаго ученаго:

«Между тѣмъ, настоящее время—предметъ лирики и драмы—душа наполняетъ ожиданіемъ, стремленіемъ впередъ: потому *юды* (собственно время вообще) родственно съ глаголами *юдить*, *жыдать* (гдъ-по смягченіи жд-) и *часъ* (тоже время вообще) съ глаголомъ *чаять*.»*

Ежели мы такъ поняли, Г. Буслаевъ говоритъ, что *юды* и *часъ*, означающіе время вообще, родственны съ глаголами *юдить* и *чаять*, потому что *настоящее* время, какъ предметъ лирики и драмы, душа наполняетъ ожиданіемъ, стремленіемъ впередъ.

Это объясненіе имѣло бы смыслъ, правильный или неправильный, все равно, но во всякомъ случаѣ имѣло бы смыслъ, если бы *юды* и *часъ* выражали именно настоящее время, которое, какъ предметъ лирики и драмы, душа наполняетъ ожиданіемъ; но такъ какъ *юды* и *часъ*, по замѣчанію самаго же г. Буслаева, означаютъ время вообще, и прошедшее, и настоящее, и будущее, то мы остаемся, касательно соображенія г. Буслаева, въ крайнемъ недоумѣніи и согласны счесть его за недосмотръ.

Не знаемъ причины тому, что, при объясненіи слова *деюшь*, г. Буслаевъ производитъ его отъ одного стариннаго латынскаго причастія: *deggots*, отъ Литовскаго глагола *degi-gery* (оттуда существительное *degguts*-деготь), и сравниваетъ его, совершенно впрочемъ правильно, съ санскритскимъ *das-geryt*; между тѣмъ какъ не упоминаетъ вовсе о славянскомъ корнѣ *des*, представляющемъ видоизмѣненіе корня *жес-* или *жы-*.

Реченія: *раж-ди-ати*, *раж-деж-еніе*, *раж-дез-у*, содержатъ въ себѣ именно этотъ корень *des*, отъ коего, съ помощію столь

*Т. 1 стр. 60. Глаголь *ча-я-ть* имѣетъ сокращенную или, правильнѣе, окончательную форму *ча-ть* (откуда *ча-съ*), употребляемую и нынѣ въ народѣ, наравнѣ съ повелительнымъ *чай*. Точно такъ же: *дѣ-ти* и *дѣ-я-ти*; *сѣ-ти* и *сѣ-я-ти*; *ка-ти* и *ка-я-ти*; *ба-ти* и *ба-я-ти*; *да-ти* и *да-я-ти*; *ла-(ну)-ти* и *ла-я-ти* и, т. д.

обыкновеннаго въ нашемъ языкѣ образовательнаго окончанія—*оть* (лом-оть, лап-оть и. т. д.), еще лучше произвести слово *дег-оть*, чѣмъ отъ латышскихъ формъ, съ которыми однако *де-ють* состоитъ въ ближайшемъ родствѣ.

«Какъ слово *бездна*, говоритъ г. Буслаевъ, происходитъ не прямо отъ существительнаго *дно*, а отъ прилагательнаго *безд-мый*: такъ и *искра*, отъ корня *кр* (откуда кремень) съ предлогомъ *из*, первоначально предлагаютъ (?) форму *искръ*, откуда уже *искра*. Кремень, по Чениски *шкржемен*, а также и *скржемен*, «указываютъ уже на форму *скра*, искра.» *

Весьма вѣроятно, что слову *бездна* и было соответствующее прилагательное *бездный*, откуда древняя форма *бездная*; подобно тому, какъ при словѣ *дѣва* есть несомнѣнно прилагательная форма *дѣвая*, сохранившаяся даже въ современныхъ богослужебныхъ книгахъ: како Дѣвая восходитъ отъ земли на небо. ** Но не можемъ понять, какъ такое же отношеніе можетъ быть между формами *искра* и *искръ*? Развѣ *искръ*, по мнѣнію г. Буслаева, прилагательное? Но если и прилагательное, то какимъ способомъ отъ *искръ* произойдетъ *искра*? Отъ *безд-мый*—*бездная*, это очень понятно; а отъ *искръ* не можетъ быть женскаго рода *искра*.

Но главное, въ значеніи этихъ словъ (*искра* и *искръ*) нѣтъ ничего сходнаго. *Искръ* есть извѣстное по древнимъ памятникамъ нарѣчіе и значить *близь*; на примѣръ:

Повелъ ю привязати искръ колесъ. ***

Емуже присѣдѣше искръ своя жена. ****

Оттуда: *искръній* буквально значить *ближній*. Что же тутъ общаго съ словомъ *искра*, кромѣ звуковъ?

Областной глаголь *озевать*—сгласить не имѣеть, для своего объясненія, никакой нужды въ посредствѣ областного выраженія: солнце *зѣваетъ*. ***** *Зѣ-вать*, древнее *зѣ-яти*, ***** само по себѣ значить *глядѣть* или, еще лучше, *глазѣть*; слѣдовательно *о-зѣвать* значить *о-глазить*; отсюда происходитъ *изѣ-вицы*, *зѣ-ники*. Солнце

* Т. 1. стр. 84.

** Изъ службы на Успеніе Богоматери.

*** Слов. Вост. стр. 159.

**** Памят. Росс. Слов. XII в. стр. 118.

***** Т. 1. стр. 159.

***** Слов. Восток.

зѣваетъ, какъ молнія зіаетъ (по древнему: зѣяетъ), какъ зѣицы зѣяютъ (моргаютъ, открываются и закрываются).

Объясняя происхожденіе областного реченія *рас-тока*, что значитъ разлука, разставанье, г. Буслаевъ говоритъ, что въ этомъ словообразованіи присвоенъ отвлеченный смыслъ слову *точить* (гнать, винословная форма отъ глагола *течь*, идти). *

Не противорѣча мнѣнію г. Буслаева, позволимъ себѣ замѣтить, что есть винословный же глаголь *точить* (лить, проливать, *faire couler*) отъ того же *течь*, въ другомъ прямомъ его значеніи:

Ушибъ, убилъ лебедь бѣлую,
Онъ кровь *точилъ* въ сине море.

Производный отсюда глаголь *рас-точить*, въ значеніи разлить, рассыпать (лить и сыпать во многихъ языкахъ выражаются однимъ и тѣмъ словомъ), разсѣять, разогнать, — также можетъ обратить на себя вниманіе, при объясненіи слова *растока*.

Можно производить его и отъ корня *тжк-*(нуть), однокореннаго съ простонароднымъ *тор-нуть* (славянская форма *торг-нуть*; сравни: *двинуть* и *двигнуть* и. т. д.): онъ меня *ткнулъ* и онъ меня *торнулъ*—выраженія одинаковыя; следовательно *рас-тжк-нуть* (оттуда *рас-тока*) значитъ *рас-торг-нуть*. Слово *сутки* (отъ предлога *съ* и корня *тжк-*) имѣетъ значеніе противоположное—сочетанія, совокупленія (дня и ночи), встрѣчи (соткнуться—встрѣтиться).

Въ второй половинѣ слова *рас-тока* можно видѣть первообразное нашего уменьшительнаго *точка*, которое происходитъ отъ глагола *тжк-нуть*, какъ *растѣн* отъ *расти*.

«Земледѣльческое слово *пахать*, говоритъ г. Буслаевъ, присмѣняется къ рѣзанью, на примѣръ, «пахать хлѣбъ,» «пахать мясо;» и наоборотъ, общее понятіе о дѣлѣ и домохозяйствѣ, «выражаемое глаголомъ *стряпать*, стѣсняется до частнаго понятія объ уходѣ за скотиною.» **

Нельзя ли предположить, что и глаголь *пахать*, какъ и *стряпать*, имѣлъ прежде обширнѣйшее значеніе, а въ послѣдствіи остался при нынѣшнемъ своемъ, частнѣйшемъ значеніи? Влаживать новую, еще нетронутую землю, по народному выраженію, будетъ: *взрѣзать* *новъ*.

* Т. I. стр. 179.

** Т. I. стр. 183.

По поводу упоминаемаго г. Буслаевымъ * областного значенія слова *болота* (крупный лѣсъ), намъ пришли на мысль слова Несторовой лѣтописи:

«Въ се же лѣто ведро бяше, яко изгараше земля, и мнози «борове възгарахуся сами и *болота*.» **

Конечно възгараются и болота отъ засухи, какъ и земля изгараше; но быть можетъ и то, что значеніе, удержанное областнымъ языкомъ нашимъ за словомъ *болото*, есть древнее, Несторовское.

Въ соотвѣтствіе съ значеніемъ слова *нищета* *** — слѣпота, въ которомъ общее понятіе нищій низошло до частнаго значенія слѣпаго, укажемъ на Ц. славянскіи: *блѣднѣй* и *блѣдникъ* — увѣчный, въ особенноти безрукій, тапсис.

Слова *рѣчь* и *рѣка* г. Буслаева совершенно справедливо производить отъ одного корня; связь представленій о рѣчи и рѣкѣ ясна изъ того, что мы говоримъ: теченіе рѣчи и теченіе рѣки. Греческій глаголъ *ρέω* значить вмѣстѣ и говорю, и теку. Но намъ показалось необходимымъ исправить правописаніе этого корня, употребленное г. Буслаевымъ: *ри* — или *рѣ* — ****.

Форма этого корня *рѣ* — есть уже производная и усиленная, а первоначальный корень есть *рѣ* — разрѣшающіяся и въ *ре* — (ре-ку), и въ *ри* — (на-ри-цаю). Форма же *рѣ* — является уже въ прошедшемъ времени глаго *речи*, по опущенію слога *ко* —, стоящаго между чистымъ корнемъ *ре* — и окончаніемъ прошедшаго времени: *ре-ко-хъ* = *рѣхъ*. Это сокращеніе, сопряженное съ усиленіемъ корня, въ древности бывало и съ другими глаголами. Такъ въ толковой Пластири XII вѣка, списанной по мнѣнію многихъ ученыхъ съ древнѣйшей глаголитской рукописи, встрѣчаемъ весьма часто слѣдующія формы: *вѣ-шиа* вм. *ве-до-ша*; *нѣ-шиа* вм. *не-со-ша*, *тѣ-шиа* вм. *те-ко-ша* и. т. п.

Звѣрь *индрикъ*, играющій роль въ нашихъ духовныхъ стихахъ, есть не что иное, какъ единорогъ ***** по древнему инорогъ: инорогъ, инрокъ (з въ твердомъ окончаніи слышится какъ *к*); по вставкѣ между *и* и *р* звука *д* — индрокъ (нравъ-ндравъ); по южно-

* Т. I. стр. 171.

** П. С. Лѣт. Т. I. стр. 92.

*** Т. I. стр. 54.

**** Т. I. стр. 113.

***** Т. I стр. 463. А звѣрь звѣрямъ мать единорохъ (въ другихъ вариантахъ: индрикъ).

русскомъ измѣненіи *о* въ *и* (конь-кинь, попь-пипь) придрикъ.

Эпическое выраженіе: «у меня лежатъ тамъ (въ Новгородѣ) свѣтъ *добры дни*, батюшко Диви Мурза сынъ Улановичъ *»,— которому соответствуетъ сохранившееся доннынѣ въ народѣ слово *злы дни*, находятъ себѣ совершенное подобіе въ одномъ греческомъ выраженіи изъ Ветхаго Завѣта.

Защищаясь отъ одного подозрѣнія Первосвященника, мать Пророка Самуила, Анна отвѣчаетъ: «Ни, Господи! Жена *въ день жестокъ* азъ есмь.» *Γυνή η σκληρά ημέρα ἐγώ εἰμι* — (Жена день жестокъ азъ есмь). ** Весьма вѣроятно, что въ греческомъ текстѣ удержано словосочетаніе еврейское.

Въ производствѣ имени *Адам* (*α*) отъ начальныхъ именъ четырехъ мнимыхъ звѣздъ, предложенномъ въ Бесѣдѣ Трехъ Святителей, *** названіе четвертой звѣзды *Северія* съ предположеннымъ мыслете (*ме*) составить испорченное греческое слово *μεσημβρία*—полдень или югъ.

Оканчивая наши разсужденія о филологической сторонѣ Историческихъ Очерковъ Русской народиой словесности и искусства, мы чувствуемъ необходимость напомнить читателю, что въ настоящей статьѣ мы имѣли дѣло только съ тѣми выводами г. Буслаева, которые намъ представились ошибочными и требующими исправленія, не касаясь тѣхъ его соображеній, которыя совершенно удовлетворяютъ строгимъ требованіямъ филологической критики и изъ которыхъ иныя навѣрное войдутъ въ науку о русскомъ языкѣ. Мы поступили такъ конечно не для того, чтобы обличеніемъ однихъ погрѣшностей столь достойнаго труда посягнуть на его добрую славу; во избѣжаніе такого толкованія нашихъ замѣреній, считаемъ нужнымъ объяснить, что мы, вмѣстѣ со всѣми образованными людьми въ Россіи, признаемъ г. Буслаева однимъ изъ полезнѣйшихъ дѣятелей въ нашей молодой наукѣ и хотя далеко расходимся съ нимъ во многихъ существенно важныхъ общихъ вопросахъ и частныхъ мнѣніяхъ, но никогда не позволимъ пристрастію возобладать надъ собою до отрицанія ясныхъ и неоспоримыхъ достоинствъ разномыслящаго лица.

Безпристрастному ученому, искренно любящему успѣхъ сво-

* Т. I. стран. 545.

** I Цар. гл. I. ст. 15.

*** Т. I. ст. 498.

его дѣла, указаніе на ея ошибки, сдѣланное безъ задней мысли, должно казаться помощью въ собственныхъ его трудахъ.

Изъ всѣхъ рецензій на Опытъ Исторической Грамматики Русскаго Языка тогоже почтеннаго ученаго менѣе другихъ льстила, но конечно болѣе всѣхъ другихъ полезная и дѣльная была рецензія К. С. Аксакова. Надѣемся, что и для самаго г. Буслаева она была болѣе другихъ пріятною; ибо она подаетъ ему возможность исправить многое въ его важномъ трудѣ, при повтореніи его изданій. Не смѣемъ приравнивать нашихъ скромныхъ замѣтокъ къ такому важному филологическому разсужденію, какъ разборъ многоученаго К. С. Аксакова; но можемъ увѣрить г. Буслаева, что при разборѣ его сочиненій, мы руководились тѣмъ же совершеннымъ безпристрастіемъ и дѣйствительнымъ желаніемъ послужить по силамъ своимъ общему дѣлу, не стѣсняясь лицами.

Не мудрено, что неправильныхъ объясненій въ книгѣ г. Буслаева нашлось не мало; кромѣ нѣкоторыхъ указанныхъ нами негрѣшностей противъ логики, за которыя г. Буслаевъ отвѣтствуетъ одною своею особою, большую часть его ошибокъ должно приписать молодости самой науки. Давно ли было то время, когда наши ученые, всю жизнь проведеніе за чтеніемъ лѣтовисей, не умѣли прочесть *хърв-азъ* подъ титуломъ, или слово *борове* (боры, рощи) переводили *боровы*? Еще не давно, чуть ли не въ прошломъ году, одинъ специалистъ, подающій большія надежды, со тщаніемъ розыскивалъ въ областномъ словарѣ—и конечно не нашелъ—слова *тоерича*, не смекнувши, что это простое *монерича*. Много труда предстоитъ еще нашимъ ученымъ въ изслѣдованіи всѣхъ сторонъ жизни русскаго народа; мы такъ еще мало ее знаемъ, что въ изслѣдованіяхъ, раскрывающихъ ея смыслъ, долго еще будутъ встрѣчаться ошибки, недосмотры и одностороннія заключенія. Поэтому нужна большая терпимость при встрѣчѣ съ разномысліемъ; необходимо внимательно всматриваться въ противорѣчащія нашимъ выводамъ замѣчанія; должно съ уваженіемъ относиться къ трудамъ ученыхъ, пролагавшихъ намъ дорогу, и, исправляя ихъ ошибки, не придираться къ нимъ (ибо забвеніе надъ всѣми хвалится, какъ говорили наши благоразсудительные предки); только такимъ способомъ можно надѣяться достигнуть уваженія и къ своимъ трудамъ.

При такомъ еще весьма слабомъ знакомствѣ съ своимъ язы-

комъ, поэзію и старинною своего народа, имъ очень богаты чужими опытами и трудами. Западныя ученые, съ неизменною тщательностію изслѣдовавшіе старину, поэзію и языки своихъ странъ, пришли къ весьма замѣчательнымъ и для насъ весьма соблазнительнымъ выводамъ; соблазнительнымъ въ томъ смыслѣ, что мы часто изъ кожи дѣземъ, чтобы приурочить ихъ къ явленіямъ нашей собственной народности, и въ пылу этихъ неумѣренныхъ стремленій теряемъ изъ виду дѣйствительную основу всякаго правильнаго и прочнаго вывода, факты. Мы не споримъ, что съ фактами имѣть дѣло очень часто бываетъ неприятно; потому что только приладишься иной разъ къ какому нибудь затѣйливому соображенію, а тутъ фактъ, какъ изъ-за угла, незванный, непрошенный. Пропуская безъ вниманія, какъ не стоящія вниманія, многочисленныя страницы многихъ русскихъ журналовъ, наполненныя смѣшными миеологическими построеніями; припомнимъ, въ какое странное и ежеминутное противурѣчіе фактамъ поподала теорія родоваго быта, которой слѣдовали и даже теперь не оставляютъ еще нѣкоторыя наши ученые. Есть примѣры ошибокъ, и ихъ не мало, просто уморительныя, и большая часть ихъ произошла именно отъ покорности ученію, заимствованному отъ нѣмецкаго профессора, и неумѣреннаго желанія дать этому ученію возможно обширное приложеніе въ области нашей жизни.

Такого рода заблужденія еще возможны въ изслѣдованіяхъ о нашей народной поэзіи и миеологіи, ибо эти области нашей внутренней жизни гораздо менѣе разработаны наукой; здѣсь еще болѣе потребна воздержность отъ поспѣшныхъ примѣненій чужихъ результатовъ. Конечно, при строгомъ способѣ изысканія, число нашихъ выводовъ нѣсколько оскудѣетъ, объемъ статей умалится; но за то мы будемъ спокойно владѣть тѣмъ, что добудемъ, не опасаясь ежеминутно разоренія нашихъ построекъ.

Иди, а самъ въ землю гляди:

Ничего не найдешь, да ноги не ушибешь.

ЛИХОЙ ЧЛОВѢКЪ.

(РАЗКАЗЪ МАРКО ВОВЧКА. РУС. ВѢСТ. ЯНВАРЬ. 1861.)

Въ дарованіи Марко Вовчка, безъ сомнѣнія, есть какая нибудь особенность, можетъ быть важная, а можетъ быть и не очень значительная, когда объ этомъ дарованіи не то-что говорятъ очень много, а пишутъ такія пространныя критическія статьи. Даромъ, — вѣроятно, этого дѣлать не стали бы. Если нашу современную критическую литературу невозможно упрекнуть въ чемъ нибудь, то это—въ излишнемъ прославленіи какихъ бы то ни было дарованій. Этой послѣдней слабости она за собой не знаетъ. Если исключить изъ общаго правила тѣ оскорбленія, которымъ, по неосторожности или увлеченію, у насъ продолжаютъ подвергать память великаго Пушкина, то о нашей теперешней критикѣ можно сказать также, что она не подвержена и слишкомъ ошибочнымъ сужденіямъ, по крайней мѣрѣ въ лучшихъ своихъ представителяхъ. Она произноситъ свои сужденія не съ вѣтру, не на обумъ, а стараясь руководиться прочными основаніями: вся разница между представителями различныхъ ея оттѣнковъ состоитъ въ томъ, что одни изъ нихъ берутъ свои основанія у Гегеля, а другіе у Стюарта Милля. Разница, конечно, очень большая; но дѣло въ томъ, что если рассуждаютъ о чемъ-нибудь двѣ стороны—одинаково до-

вѣряющія уму и одинаково признающія въ немъ способность доходить до правильныхъ заключеній—то, во первыхъ, ни та ни другая сторона не будетъ говорить ничего особенно дикаго, или для противной стороны совершенно непонятнаго, а во вторыхъ,—въ концѣ всего имъ предстоитъ возможность столкнуться: — понимать спорныя вещи приблизительно одинаковымъ образомъ. По дорогѣ къ одной и той же цѣли онѣ могутъ перебрасываться насмѣшками, сарказмами, и не совсѣмъ-то ласковыми названіями «чувствительныхъ барышень» и «мальчишекъ.» Все это очень можетъ быть и даже бывало на самомъ дѣлѣ. Но несмущайтесь рѣзкостію выраженій: это совершенно побочное обстоятельство. Мальчишки и чувствительныя барышни.—Можно подумать, будто спорящіе люди, давая такія названія другъ другу, хотѣли выразить, что между ними лежитъ бездонная пропасть, что дескать «ни отъ васъ къ намъ, ни отъ насъ къ вамъ нѣтъ никакого прохода.» А между тѣмъ эти самыя эпитеты уже заключали въ себѣ обильныя задатки къ сближенію. Одна уже противоположность половъ, существующая между чувствительными барышнями и ихъ антагонистами, служила достаточной порукой, что они не могутъ другъ другу казаться противными продолжительное время. Того же самого заставляла ожидать и та нѣжность сердца, которая юнымъ душамъ свойственна по ихъ возрасту, а чувствительнымъ по ихъ природѣ. Слова примиренія мы еще не слышали; можетъ быть, ни его и не услышимъ; тѣмъ не менѣе споряція стороны до него договорились. Мужская половина спорящихъ заключаетъ статьи свои такимъ образомъ: «И такъ побольше, и побольше любви къ человечеству» и проч. Чего другого могутъ желать чувствительныя барышни? А если онѣ и желаютъ еще чего нибудь, то развѣ доказано, что они это дѣлаютъ изъ ненависти къ человечеству? Разногласіе состоитъ не въ этомъ, и не противъ любви возставали чувствительныя барышни, а противъ того, что ихъ осмѣивали за самыя естественныя для всѣхъ прочихъ людей увлеченія, какъ скоро нельзя было арифметически высчитать, сколько подобныя увлеченія со стороны барышень могутъ принести пользы прочему человечеству. Прочее человечество никогда, наврядъ ли, хлопотало о томъ—позволяетъ или не позволяетъ ему что-нибудь дѣлать; оно само себѣ разрѣшало—посѣщать музеи, слушать концерты, смотреть Пьотри, читать Гёте и Пушкина. А между тѣмъ чувствительныя барышни за то же са-

ное безпоощадно осуждались (нынче это назвали бы *безобразными поступкомъ*), и осуждались тѣмъ строже, чѣмъ болѣе прочее человѣчество увлекалось изчисленными вещами. Какъ будто все зло этихъ вещей,—если допустить даже, что это зло,—происходило отъ чувствительныхъ барышень, а не отъ самого прочаго человѣчества. Очевидно, осужденіе тутъ происходило отъ худо понятаго отношенія чувствительныхъ барышень къ прочему человѣчеству. Барышнямъ доставалось за все, между прочимъ даже за то, если за другими, болѣе или менѣе безвредными для прочаго человѣчества, занятіями, онѣ завтра же не успѣвали передѣлать своего мышленія по образцу, изданному только вчера гдѣ нибудь за границей. Такъ, напримѣръ, барышнямъ доводилось высказать,—вовсе не изъ желанія блистать своимъ философскимъ образованіемъ, а такъ, къ случаю,—что заключаеь слѣдуетъ отъ общаго къ частному, положимъ хоть такимъ образомъ: «Всѣ люди смертны; принцъ Альбертъ человѣкъ; стало быть принцъ Альбертъ умретъ.» Ихъ и за такое просвѣщенное сужденіе упрекали въ обскурантизмъ. Какой необдуманый наборъ словъ! возражали имъ. Да развѣ мы убѣдились въ истинности общаго предложенія, что всѣ люди смертны, не изъ частныхъ случаевъ, не изъ того, что всѣ предки принца Альберта и всѣ предки всѣхъ англичанъ и предки всѣхъ остальныхъ людей, — каждый по отдельности, — померли? «Если бы мы имѣли довольно обширную память и способность содержать въ порядкѣ громадную массу подробностей, мы могли бы разсуждать, не прибѣгая ни къ одному общему предложенію.» *— Очень хорошо; но мы не имѣемъ такой обширной памяти и такой энергической способности; мы никакъ не въ состояніи пересчитать всѣхъ умершихъ людей, чтобы заключить по этому способу о смертности принца Альберта. Слѣдственно общія предложенія должны навсегда остаться необходимыми орудіями нашего мышленія. А что они имѣютъ собирательное значеніе и составлены изъ подробностей—для кого же это новость, если не для тѣхъ самыхъ людей, которые считаютъ это за открытіе? Принцъ Альбертъ, конечно, умретъ. Это доказывается тѣмъ, что всѣ вообще жившіе до него люди умирали. Почему же изъ двухъ сторонъ, утверждающихъ о принцѣ Альбертѣ тоже самое, одна обскурантна, а другая нѣтъ? Да еще справедливо ли и то, что мы отказались бы отъ общихъ предложеній, если

* John Stuart Mill. System of Logic, two vol. London 1840.

бы имѣли ничего незабывающую память. Вѣдь тогда для доказательства смертности принца Альберта потребовалось бы составить ревизскую сказку всѣхъ умершихъ на землѣ душъ—отъ сотворенія міра; а для этого, въ свою очередь, потребовалось бы, можетъ быть, болѣе, чѣмъ десятилѣтнее производство бумажныхъ фабрикъ цѣлаго свѣта. Можетъ быть, мы всѣми нашими успѣхами и знаніями одолжены именно тому обстоятельству, что наши способности ограничены счастливымъ образомъ. Если бы память наша ничего не забывала, а глаза проникали землю и небо, а умъ обнималъ все вдругъ, и во всякое время,—то, при такомъ совершенствѣ нашихъ способностей, мы имѣли бы въ нихъ одинъ существенный недостатокъ, а именно—неспособность знать что нибудь отдѣльно, и, слѣдственно, невозможность употреблять свои познанія практически, такъ что наше всезнаніе равнялось бы величайшему обскурантизму. Обскурантизмъ, какъ видно, находится на обоихъ противоположныхъ концахъ.

Но мы сказали, что пора ожесточеннаго разномыслія находится при своемъ концѣ. Мы сказали это изъ уваженія къ здравому смыслу разномыслящихъ. Ожесточеніе было именно слѣдствіемъ недоумѣнія; спорящія стороны не хорошо понимали другъ друга. Это видно уже изъ одного того, что одна изъ спорящихъ сторонъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, говорила о любви къ своимъ ближнимъ, въ особенности къ тѣмъ изъ нихъ, которые наиболѣе терпятъ, о необходимости сочувствовать имъ всѣми силами души, а потому и литературными способностями, и содѣйствовать ихъ преуспѣванію всѣми возможными средствами, слѣдственно и литературными произведеніями. А другая, какъ будто, имѣла неосторожность неподдаваться такому увлеченію, и, повидимому, производила споръ, по крайней мѣрѣ первое время, именно на этой безвыгодной для себя позиціи. Чтожь это, какъ не простое недоразумѣніе? Какъ будто у кого нибудь было такое непомятительное сердце, что любовь къ ближнимъ не находила въ немъ слѣдующаго ей пріюта? И какъ будто эта любовь такая деспотка и исполнена такой ненависти, что отъ нея можетъ придти конецъ кому нибудь, а не общее удовольствіе и не всестороннее признаніе всего, что только угодно любить и всѣмъ вообще и каждому порознь?—Теперь дѣло это разъяснилось; а разъяснившись, оно показало на одной сторонѣ—замѣчательную житейскую опытность, которая сразу поняла, какой умственный

продуктъ можетъ принести въ данное время наибольшіе проценты (разумѣется не матеріальные); а на другой сторонѣ — самую несообразительность, которая не вдругъ догадалась, что ее сбиваютъ *на пустой* и что, за исключеніемъ того мотива, который называется любовью къ ближнему, человѣческія дѣйствія могутъ быть управляемы еще тысячью побужденій и при этомъ не находиться въ разладѣ ни съ общимъ благополучіемъ людей, ни съ частнымъ процвѣтаніемъ каждаго изъ нихъ. Для ближняго можно сражаться, умирать, раззоряться, предпринимать далекія путешествія. Но умирать позволительно и естественною смертію, просто изъ вѣжливости, чтобы дать возможность пожить другимъ; путешествовать можно и для поправленія здоровья, и съ тою цѣлію, съ какою путешествовалъ Гумбольдтъ. * И еще не извѣстно, при какихъ условіяхъ мы можемъ быть болѣе угодны нашимъ ближнимъ, и, слѣдственно, болѣе доказывать имъ любовь свою: тогда ли, когда мы будемъ совершать дѣйствія, о которыхъ знаемъ завѣрное, что они имъ правятся, или тогда, когда мы будемъ поступать такъ, какъ бы имъ должно было правиться, по одному только нашему разсчету. Возьмемъ примѣръ. — Наши ближніе, какъ это извѣстно всѣмъ намъ, въ очепь недавнее время любили смотрѣть игру Ристори и даже сознавали себя признательными къ этой артисткѣ за то, что она пріѣхала показать себя въ нашей столицѣ. При этомъ ближніе наши почти нисколько не принимали въ разсчетъ, что Ристори, можетъ быть, пріѣзжала вовсе не для нихъ, а скорѣе для своего собственнаго прославленія и денегъ. Они думали, что деньги и славу Ристори съ меньшимъ для себя безпокойствомъ могла бы наживать въ Лондонѣ, Парижѣ, Ньюйоркѣ и проч., и относили ея посѣщеніе къ себѣ и считали его за сдѣланное имъ одолженіе, за которое и платили деньгами, букетами, стихами и другими подарками. Теперь предположимъ, что отыскался бы такой филантропъ, который съ своей точки зрѣнія находилъ бы, что такія вещи, какъ Пія Толомео и въ особенности Медея, даже и въ игрѣ Ристори, все таки имѣютъ въ сто разъ менѣе смысла, чѣмъ любой изъ сотни нашихъ отличительныхъ рассказовъ, и что для нашихъ ближнихъ было бы гораздо назидательнѣе и для всего ихъ общества — полезнѣе, если бы они свое время посвятили литературному чтенію изъ такихъ

* См. статью г. Страхова: «Естественныя науки, какъ предметъ общаго образованія.» От. Записки, февраль 1861 г.

разказовъ, а деньги обратили на уплату за это удовольствіе, устрепное, положимъ, въ пользу бѣдныхъ, или для поддержанія воскресныхъ школъ; и предположимъ еще, что такой филантропъ имѣлъ бы довольно авторитета, чтобы время и деньги своихъ ближнихъ обратить именно къ употребленію, согласному съ его образомъ мыслей. Много ли нашлось бы между нашими ближними такихъ, которые бы поступокъ филантропа истолковали въ духѣ любви или служенія общественному дѣлу?—Но извѣстно, что ближніе наши обладаютъ не одинаковою разсудительностію, что они стоятъ на разныхъ степеняхъ образованія и нравственнаго развитія, и что долгъ патріотизма требуетъ отъ тѣхъ, которые понимаютъ больше, воспитывать тѣхъ, которые понимаютъ меньше. Вслѣдствіе этого кто-нибудь можетъ подумать, что поступокъ филантропа не хорошиъ только потому, что онъ соединенъ съ ненавистнымъ припужденіемъ; но что еслибы онъ былъ выраженъ въ формѣ руководящаго совѣта, еслибы, вмѣсто насилія, онъ былъ проникнутъ убѣдительностію и краснорѣчіемъ, то нашимъ ближнимъ было бы трудно оправдать передъ своею совѣстію свое равнодушіе къ меньшей братіи, нуждающейся въ хлѣбѣ или просвѣщеніи.

Оправдываться въ подобныхъ вещахъ дѣйствительно трудно и даже совершенно нѣтъ никакой возможности. Тѣмъ не менѣе ближніе могли-бы возразить филантропу: — добрый человекъ! мы, конечно, обязаны помогать меньшей братіи, мы даже знаемъ, что мы должны воспитывать себя въ этомъ духѣ и получать для этого сильные вызовы и потрясающія впечатлѣнія. Но мы затѣмъ-то именно и идемъ къ Ристори. Мы слышали, что она живо сочувствуетъ всему высокому и благородному; мы читали стихи, въ которыхъ она прославляется за спасеніе жизни одному испанскому солдату, и намъ извѣстна ея письмо, въ которомъ она этотъ милосердый поступокъ считаетъ лучшимъ украшеніемъ своей жизни. Этого одного уже достаточно, чтобы видъ ея вызывалъ на болѣе самоотверженныя чувства, чѣмъ видъ обличительнаго разскащика. А между тѣмъ, мы думаемъ, что игра ея еще болѣе способна возвышать до тѣхъ чувствъ, при которыхъ возможно совершеніе такихъ поступковъ, какъ спасеніе жизни ближнему. Наше пожертвованіе на литературное чтеніе можетъ остаться случайнымъ, все равно—какъ бы мы сдѣлали его по подпискѣ, а наше вдохновеніе, если оно посѣтитъ насъ, можетъ образовать цѣлое

поколѣніе, — тѣмъ болѣе, что это дѣйствительно случилось. Или, короче: сдѣлайте такое чтеніе, чтобы въ тѣ два часа, которые оно будетъ продолжаться, намъ такъ же свободно жилось, такъ же хорошо думалось и такъ же возвышенно чувствовалось, какъ бываетъ у Ристори, и вамъ не будетъ стоить никакого труда привлечь насъ еще болѣе многочисленными толпами, чѣмъ привлекаетъ Ристори, потому что мы ее все таки, какъ иностранку, понимаемъ менѣе, чѣмъ могли бы понимать васъ. А безъ этого — о чемъ же вы хлопочете?

О чемъ вы «добрый человѣкъ», хлопочете въ самомъ дѣлѣ? Вы сдѣлали себѣ какую-то особую профессію изъ презрѣннѣйшихъ ремеселъ и прославленія знаменитаго «печнаго горника»; вы останавливаетесь на этихъ предметахъ сои атоге, при всякомъ удобномъ случаѣ, — и вамъ не трудно находить такіе случаи, потому что ваше неблагоприятное занятіе состоитъ въ преслѣдованіи великана, интеллектуальная власть котораго чрезвычайно обширна и заставляетъ наткаться на себя повсюду. Вы воображаете, что отыскали ахиллесову пятую у великана, противъ котораго трудно показать храбрость уже по одному тому обстоятельству, что ранить его возможно только въ пятую. Еслибы вы и дѣйствительно ее отыскали, слѣдовало бы вспомнить:

«Въ брешь надшій — шевредимъ». —

Но вы ее не отыскали. Изъ всего, что написано о великомъ человѣкѣ и что кромѣ того объ немъ извѣстно, пока еще нельзя указать ни на что такое, чего при жизни онъ не захотѣлъ бы имѣть въ своей эпитафій. Въ этомъ отношеніи общее мнѣніе остается непоколебленнымъ даже по выходѣ безцеремонныхъ «Литературныхъ Воспоминаній» — г. Панаева. Это слѣдуетъ имѣть въ виду, или сдѣлать такъ, чтобы дѣло было ясно для всѣхъ: сказать прямо, что Пушкинъ повиненъ — въ преступленіи ненависти къ народу, и вотъ на это доказательства. Но вы до сихъ поръ продолжаете придирайтесь только къ словамъ. Вашъ покой смущаютъ именно слова:

«Молчи бессмысленный народъ!»

Ужасныя слова! — Поэтъ стоитъ на башнѣ и говоритъ стихи. Вдали море и Аполлонъ Бельведерскій; внизу базарная площадь съ горшками; толпы мужиковъ, между которыми виднѣются члены магистрата. Поэтъ обращаетъ вниманіе присутствующихъ на Аполлона; онъ занимается горшками:

«Молчи, бессмысленный народъ,
 Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
 Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкій,
 Ты червь земли, не сынъ небесъ,
 Тебѣ бы пользы все, — на всѣхъ
 Кушнръ ты цѣнишь Вельведерскій,
 Ты пользы, пользы въ немъ не зришь;
 Но мраморъ сей вѣдь богъ! Такъ что же!
 Печной горшокъ тебѣ дороже:
 Ты пищу въ немъ себѣ варишь».

Бѣляпскій! твоего Пушкина объясняютъ почти такимъ образомъ.

Прудонъ, беспощадный Прудонъ, когда въ одномъ мѣстѣ дошолъ до своего Расина, приторнаго Расина, сказалъ, что если есть на свѣтѣ истинный поэтъ и настоящіе стихи, что это—Расинъ и его попарно рифмованныя строчки.

Но Прудонъ намъ не примѣръ; для этихъ ветхихъ людей есть заколдованныя урочища, изъ которыхъ имъ не выйти; есть стѣны, черезъ которыя имъ не перелѣзть: для Прудона это урочище—Франція; эта стѣна—патриотизмъ.

Но положимъ, что наружный смыслъ приведенныхъ нами стиховъ склоняется на сторону «добраго человѣка», т. е. что поэтъ обрушивается именно на мужиковъ, и именно за то, что они черви земли, а не сыны небесъ. Что же выигрываетъ отъ этого «добрый человѣкъ?» Не думаетъ ли онъ, что народъ на самомъ дѣлѣ склоненъ считать свою заботу о печномъ горшкѣ — самую благою частью, приниженіе своей личности только до этой заботы—своимъ нормальнымъ положеніемъ, а безнадежность такого положенія—своею судьбою, словомъ, что народъ этотъ на самомъ дѣлѣ безмысленъ, а люди, называющіе его за это умнымъ—мудрецы? Ничего не бывало. Народъ будто въ самомъ дѣлѣ послушался голоса, говорящаго съ башни, и тоже рванулъ въ высоту.. Безъ всякихъ иносказаній: этому народу еще на дняхъ отдали въ пользованіе нѣсколько милліоновъ десятинъ земли — на всякія потребности, между прочимъ и на печные горшки, — откѣри-ли съ тѣмъ, чтобы онъ ихъ выкупилъ. За краткостію времени изъ этихъ милліоновъ десятинъ ни одинъ человѣкъ изъ этого народа не успѣлъ еще выкупить ни одного вершка, ни на одинъ печной горшокъ. Народъ этотъ, какъ извѣстно, не изобилуетъ и средствами, и, можетъ быть, много еще пройдетъ времени до тѣхъ поръ когда онъ свои печные горшки будетъ дѣлать наконецъ изъ своей собственной глины. А между тѣмъ, вѣсто того, чтобы во

нѣрѣ силъ и возможностей, при трудѣ и экономіи, выкупать эту желанную глину, онъ—поденщикъ нужды и заботъ, по собственному своему вдохновенію, задумалъ покупать болѣе драгоценные матеріалы, можетъ быть гранитъ и мраморъ, бронзу и золото.

А на ряду съ этимъ, почти въ одно и тоже время, нашлись другіе люди, которые, — также помимо тысячи постороннихъ соображеній, — задумали вызвать Россію на сооруженіе памятника и тому, кто въ итогъ своей великой и богатой дѣятельности такъ пророчески — справедливо могъ сказать о себѣ:

И долго буду я народу тѣмъ любезенъ,
 Что чувства добрыя я лирой пробуждаю,
 Что прелестью стиховъ я былъ полезенъ
 И милость къ падшимъ призывалъ!

Все это мы высказали мимоходомъ, а главная наша мысль все таки та, что теперь, когда изъ любви къ народу нельзя дѣлать легкой монополіи, когда народныя симпатіи выражаются такъ широко и сами за себя говорятъ, что они способны обнимать гораздо болѣе, чѣмъ могутъ воображать какіе бы то ни было народные доброжелатели, хотѣвшіе бы, по видимому, — вѣроятно, отъ избытка доброжелательства, — усадить всѣ ихъ въ одномъ печномъ горшкѣ; когда празднословная фраза *искусство для искусства* ужъ лѣтъ тридцать какъ перестала, даже у насъ, что нибудь значить, и употребляется только для украшенія слога и за недостаткомъ болѣе оригинальныхъ остротъ; когда все это разъяснилось въ достаточной степени, а кое-что изъ этого даже до тошноты; — то для какихъ-нибудь существенныхъ разногласій не остается болѣе мѣста. Наша литературная критика близка къ тому, болѣе спокойному, состоянію, въ какомъ она находится въ странахъ, гдѣ въ свое время много и долго говорилось въ самыхъ противоположныхъ направленіяхъ; гдѣ, вслѣдствіе этого, выработались принципы, принимаемые уже всѣми образованными людьми; и гдѣ почти совершенно невозможно, чтобы объ одномъ и томъ произведеніи, какъ напримеръ у насъ объ открывающемся романѣ г. Потанина, одни думали, что это начало новаго литературнаго періода — *потанинскою*, а другіе, что это, судя по началу, должно быть цѣлое море скуки, просто сама смерть, или чтобы, въ противоположность этому, всѣ сообща казались ничего недумающими о такой

вещи, какъ вышедшій болѣе чѣмъ на половину романъ г. Достоевскаго (рекомендуемъ его нашимъ читателямъ въ высшей степени).

Читатель, безъ сомнѣнія, съ давнихъ поръ пересталъ находить смыслъ въ нашихъ литературныхъ спорахъ. Читателю хорошо: его литературныя понятія совершенно здравы, не причастны никакимъ предразсудкамъ, не отуманены мудрено придуманными теоріями. Онъ, наравнѣ съ литературными истолкователями, принимаетъ, что назначеніе литературы — это объяснять жизнь, а въ даровитѣйшихъ ея представителяхъ и возвышаться до пророчества о ней. Но выгода его состоитъ въ томъ, что, въ противоположность иному литературному судѣ, онъ не предъявляетъ писателямъ произвольнаго требованія — выработать такую-то или такую, т. е. вновь придуманную, тенденцію въ жизни, а на такія то ея стороны не обращать никакого вниманія; онъ не дѣлаетъ этого потому, что признаетъ за писателями полноправное стремленіе понимать и объяснять эту жизнь по-своему, въ размѣрѣ своего ума и таланта. То же самое должно сказать относительно и остальной природы: читатель не требуетъ отъ автора, чтобы онъ останавливалъ его вниманіе исключительно на предметахъ или животныхъ, могущихъ способствовать человѣческому благосостоянію, каковы домашній скотъ и тимофѣева трава, а о другихъ, не созданныхъ для такой непосредственной цѣли, каковы, напр. соловьи и ландыши, отложилъ бы всякое попеченіе. Въ возрѣвіи читателя, крѣмъ того, всегда найдется довольно широты, чтобы притимать человѣческую жизнь — во всемъ ея историческомъ многообразіи, а природу — во всей ея разбросанности и несистематичности, — въ противоположность тому нѣмцу профессору, котораго такъ озабочиваетъ отрывочность вселенной и жизни, и который, поэтому, старается пополнить кажущіеся ему пробѣлы всего міроздавія. Вслѣдствіе такой свободы отъ системы и предразсудковъ, читатель имѣетъ завидную способность понимать въ одно и то же время и историческую драму, и разказъ г. Щедрина, и повѣсть г. Тургенева, и прежніе ямбы г. Некрасова, и стихи г. Полонскаго и г. Майкова; а литературный судья этой способности, большею частію, не имѣетъ: если онъ склоненъ къ г. Некрасову, то ужь непремѣнно не жалуетъ г. Майкова. Это законъ. Точно такъ же въ своей непосредственности читатель относится и къ отрицательнымъ явле-

нимъ литературы. Онъ, навѣрное, ни разу не обходится безъ того, чтобы при встрѣчѣ съ именемъ г. Крестовскаго не улыбнуться заочно этому милому поэту: «а, — дескать, и вы тутъ — какъ ваши *золотострунные цвѣтницы*?» а между тѣмъ люди литературы, печатающіе прелестныя мелодіи этого пѣвца, можетъ быть, воображаютъ допечатать его до дарованія. Много, однако, есть данныхъ, — т. е. стиховъ, написанныхъ г. Крестовскимъ, — дающихъ предполагать, что этого никогда не будетъ; а если случится, то не прежде, какъ развѣ когда на фабрикѣ Говарда какая нибудь стопа бумаги сама собою родитъ поэму.

Кромѣ всего исчисленнаго, читатель, наперекоръ присяжнымъ цѣнителямъ, всегда оставался безупреченъ и въ томъ отношеніи, что благонамѣренности писателя онъ никогда не принималъ за доживаніе. Вѣроятно потому, что съ одной стороны не почиталъ себя въ правѣ быть раздавателемъ награды за благія помышленія и райскія чувства, и что съ другой стороны — такъ высоко цѣнилъ добрыя намѣренія, что всегда желалъ ихъ видѣть проявленными во всеоружіи истины, т. е. въ прочности замысла и красотѣ исполненія. Онъ читалъ хвалебный гимнъ нѣкому г. Славутинскому, за его доброжелательныя чувства къ простому народу, и остался къ нему равнодушенъ, принявши во вниманіе безсиліе этихъ чувствъ. Онъ читалъ г. Селиванова, писавшаго въ одномъ родѣ съ г. Щедринымъ, и нашолъ между ними дистанцію огромнаго размѣра. Духъ скептицизма не покидаетъ читателя и въ отношеніи къ писателю «Разказовъ изъ народнаго быта», новое сочиненіе котораго поставлено у насъ въ заглавіи; онъ не покидаетъ его, не смотря на то, что Марко Вовчокъ выдавался ему за самаго серьезнаго изъ всѣхъ нашихъ писателей, объяснявшихъ намъ натуру простаго человѣка. Мы полагаемъ, что такая огнеупорность читательскаго мнѣнія внушаетъ нѣкоторое довѣріе къ его основательности.

Съ «Разказами» Марко Вовчка случилась странная вещь. Они выходили въ свое, недавнее, время какъ самая живая современность, какъ откровеніе послѣдняго дня; но съ тѣхъ поръ произошло великое событіе, — и они сдѣлались маленькими анекдотами изъ русской исторіи: дѣйствіе въ нихъ происходитъ до великаго дня 5-го марта, дѣйствующія въ нихъ лица — господа и крѣпостные. Мы указываемъ однако на это обстоятельство не

во вредъ разкажемъ Марко Вовчка : напротивъ, по нашему мнѣнію, это обстоятельство придаетъ имъ особое значеніе. Чудовище побѣждено и опрокинуто: въ это чудовище былъ брошенъ камешекъ и пѣжною рукою Марко Вовчка. Если бы мы вѣрили сколько нибудь въ простоту читателя, или смѣли надѣяться, что слова наши могутъ заключать въ себѣ силу поощренія, то вмѣсто *пльзной руки* мы сказали бы десница, а камешекъ обратили бы въ осколокъ горы.

Но такъ какъ мы и собственное-то наше сужденіе не сочиняемъ и не выдумываемъ, а основываемъ его, по возможности, на мнѣніи читателей и въ особенности на ихъ чуткихъ инстинктахъ, то и обходимся безъ преувеличеній. Еще не было примѣра, чтобы преувеличенія такого рода достигали какой нибудь цѣли, или приносили кому нибудь существенную пользу, хотя вредны они бывали довольно часто. Кромѣ того, отношеніе писателя ко всей массѣ читающихъ людей слишкомъ непосредственно, чтобы на него могло имѣть вліяніе какое бы ни было посредничество. Можно, напримѣръ, постановить для собственнаго удовольствія приговоръ, — и такой приговоръ, какъ это, можетъ быть, многимъ памятно, былъ дѣйствительно высказанъ: «кто не способенъ мѣть и замирать надъ стихами г. Фета, тотъ признается просто одушевленнымъ бревномъ,» и, однако, приговоръ этотъ никого не смутилъ, такъ что никто изъ толковитыхъ людей и не подумалъ усомниться, чтобы пять или шесть стихотвореній г. Фета, дѣйствительно достойныхъ замѣчанія, не принадлежали скорѣе его счастью, чѣмъ его поэтическому дарованію.

Это маленькое отступленіе нисколько не относится къ произведеніямъ Марко Вовчка, потому что Марко Вовчокъ ни чѣмъ не одолженъ своему счастью, а очень многимъ—дарованію; въ его произведеніяхъ, кромѣ случайнаго и преходящаго ихъ значенія, есть частичка петлѣнія, потому что они имѣютъ дѣло съ духовною натурою человѣка. Вся задача состоитъ въ томъ, чтобы понять, что именно Марко Вовчокъ желаетъ передать о той средѣ родственныхъ намъ существъ, которую избралъ предметомъ для своей наблюдательности, и насколько убедительно онъ доказываетъ то, что говоритъ объ этой средѣ. Среда эта,—какъ извѣстно,—простые люди, которыхъ, для пониманія общей художественной задачи Марко Вовчка, — по крайней мѣрѣ той задачи, которую онъ продолжаетъ преслѣдовать,—нѣтъ ника-

кой необходимости раздѣлять на свободныхъ и несвободныхъ. Всякій, кто захочетъ повѣрить общее впечатлѣніе, производимое «Разказами изъ народнаго быта», непременно согласится, что подраздѣленіе это можетъ быть позабыто, что оно ничего не представляетъ существеннаго, и что съ прекращеніемъ безчисленнаго множества положеній, переставшихъ имѣть мѣсто съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, литературное призваніе Марко Вовчка можетъ оставаться неизмѣннымъ, и литературный матеріалъ его столь же неистощимымъ, до тѣхъ поръ пока въ человѣческихъ обществахъ будутъ существовать громадныя массы людей, называемыхъ, въ отличіе отъ остальнаго меньшинства, «народомъ», и пока съ понятіемъ о народѣ будутъ соединяться, въ настоящее время еще нераздѣлимая съ нимъ, понятія непросвѣщенія и бѣдности.

Мысль, лежащая въ основаніи «Разказовъ изъ народнаго быта», до того гола, до того не прикрыта одеждою художественной тѣлесности, что если бы между читателями Марко Вовчка нашолся человѣкъ, которому мысль эта никогда прежде не приходила въ голову, то, по прочтеніи «Разказовъ», она бы открылась ему сама собою: «а вѣдь если все это правда, то выходитъ, что эти простые люди — такіе же люди, какъ и всѣ мы,» — истина, но видимому, доступная для самаго не хитраго ума, а между тѣмъ люди не перестаютъ изъ-за нея апострофировать другъ друга пушками и разрывать самые торжественные между-народные союзы. Истина эта сколько сама по себѣ проста, возвышенна и достойна самаго настоятельнаго водворенія между людьми, столько же въ произведеніяхъ Марко Вовчка монотонна, неувлекательна, лишена желасмой эпергій и даже самаго могущественнаго и вмѣстѣ самаго внутренняго изъ своихъ качествъ — своей непреложности. Великая истина кажется обыденной правдой, и это самое большое: порою она просто представляется выдумкой. Марко Вовчокъ, безъ сомнѣнія, ничего не хотѣлъ выдумывать; онъ, по всей вѣроятности, ничего такъ не добивался, какъ быть правдивымъ. Это разумѣется само собою. Но тутъ совершенно не идетъ въ расчетъ — чего онъ могъ желать и добиваться; помимо его воли могло выйти, и дѣйствительно вышло, совершенно иначе, чѣмъ онъ рассчитывалъ. Потому что условія, при которыхъ въ художественной дѣятельности именно все такъ и выполняется какъ бы желалось, зависятъ не отъ одной только доброй воли. Критики-

публицисты могут изощрять всю силу своей пронаивности, чтобы находить у нашего автора такой серьезный взгляд на народъ, какой у него только у перваго встрѣчается, и глубину психическаго анализа, и въ особенности тонкость и богатство наблюдательности, — мы убѣждены въ одномъ: они никогда не будутъ въ состояніи доказать, знаетъ ли Марко Вовчокъ, напримеръ, такую вещь: носить наши деревенскія дѣвушки корсеты или нѣтъ? По видимому, обстоятельство совершенно маловажное, отъ котораго бы никакъ не должна зависѣть степень силы и вѣрности общей мысли «Разказовъ изъ народнаго быта.» А между тѣмъ эти знакомыя намъ дѣвицы, хотя и достойныя сами по себѣ всего нашего вниманія, — могутъ ли онѣ возбуждать въ насъ столько добраго расположенія къ себѣ, столько братственно-человѣческихъ чувствъ, или неотвязчивыхъ мыслей, сколько онѣ способны вызывать ихъ въ своей печальной непосредственности, какъ это доказывается «Молодою жницей» Кольцова и столь заслуженно популярнымъ стихотвореніемъ «Что ты жадно глядишь на дорогу,» когда онѣ, носящія неподъемныя коты, ходящія въ полушубкахъ, представляются намъ, у автора «Разказовъ,» благовоспитанными барышнями, или когда онѣ, молотящія солому, боронящія землю, ѣдящія по мужскому верховъ — притворяюся, будто ничего такого не дѣлаютъ, а что, напротивъ, въ томъ только и время проводятъ, что съ утра до вечера мечтаютъ о своихъ любезныхъ и разговариваютъ про любовь? Есть много соблазнительнаго въ той мысли, будто наши сельскія соотечественницы во всемъ похожи на прекрасныхъ сицилианокъ, будто онѣ воспитываютъ въ себѣ тѣ же благородныя инстинкты, способны къ тѣмъ же увлеченіямъ; но тѣмъ не менѣе, даже съ утилитарной, т. е. съ идиллической, точки зрѣнія, все это — не что иное, какъ невинное упражненіе въ построеніи испанскихъ замковъ. Всего прискорбиѣе то, что эти испанскіе замки стараются выдавать за удобообитаемыя жилища, за общественныя пріюты, въ которые могутъ приходять всѣ труждающіеся и обремененные, гдѣ будто бы и упокоютъ ихъ доброхотные датели, и что люди, держащіеся болѣе здравыхъ понятій касательно значенія художественной литературы, предаются благодарными строителями замковъ столько же ожесточенному, сколько, съ другой стороны, наивному глумленію. Одинъ изъ нашихъ почтенныхъ литературныхъ дѣятелей, о которомъ вся наша литература заподлинно знаетъ, что онъ не-

посредственно ей самой сдѣлалъ большое *матеріальное добро*, а черезъ нее, конечно, отчасти и всей странѣ, въ которой она существуетъ, стало быть человекъ, доказавшій, что онъ способенъ на дѣйствительное добро что во всякомъ случаѣ, онъ не самый бесполезный сынъ своего отечества.—такой человекъ, еще не въ очень давнее время, по поводу этихъ самыхъ «Разказовъ изъ народнаго быта,» осмѣлился выразить сомнѣніе, что едва ли испанскіе замки способны оказать хоть одному смертному дѣйствительную защиту отъ дождя или снѣга. Чего только не былъ вынужденъ выслушать за свое добросовѣстное мнѣніе почтенный человекъ и полезный литераторъ въ одномъ лицѣ? Слово—измѣнникъ, было не самое худшее изъ всѣхъ названій, которыя ему были приданы по этому случаю. Онъ получалъ полнѣйшее право сказать о себѣ, подобно Полю Курье: «Они называютъ меня якобинцемъ, революціонеромъ, воромъ, предателемъ, отравителемъ, фальшивымъ монетчикомъ, прокаженнымъ, бѣшеннымъ, лгуномъ, клеветникомъ, пасквлянтомъ, страшилищемъ, бунтовщикомъ, гримасникомъ, плутомъ. Тутъ все, если мнѣ неизмѣняетъ память. Я вижу—что они хотятъ сказать. Мысль у нихъ та, что я держусь одного мнѣнія, они другого; а это ихъ обыкновенная манера выражать свое несгласіе.» Но испанскіе замки отъ этого не сдѣлались ни прочтѣе, ни общеполезнѣе.

Марко Вовчокъ,—за немногими, впрочемъ, прекрасными исключениями, почти постоянно старается доказывать больше, чѣмъ сколько ему нужно или можно доказать, не вредя своей главной мысли и неопровергая самого себя. Не трудно понять, что это отъ того главнымъ образомъ и происходитъ, что у Марко Вовчка есть главная мысль, которая можетъ быть выражена голымъ предложеніемъ, и что мысль эта вѣрна только наполовину. Наши мужики и парни, конечно, люди; объ этомъ нечего много распространяться, хотя, впрочемъ, полагать, что это общепринимаемая истина—было бы ошибочно; распространяться слѣдуетъ о томъ, какіе это именно люди, потому что мы этого не знаемъ; не знаемъ до такой степени, что наше невѣдѣніе въ этомъ случаѣ можно считать доказаннымъ и скрѣпленнымъ фактами, не терпящими возраженія. Въстало всѣхъ безчисленныхъ цитатъ, которыя мы могли бы привести въ подтвержденіе нашей мысли, мы приведемъ одну, такъ какъ ея одной достаточно, чтобы не пуждаться въ дальнѣйшихъ справкахъ: это—кажущееся для всѣхъ насъ невѣроятнымъ поведеніе нашего народа за послѣдніе два или

три года, и въ особенности съ 5 марта, когда онъ такъ спокойно, безъ всякихъ съ своей стороны усилій, продолжая только вести себя свойственнымъ его натурѣ образомъ, опровергъ цѣлыя десятки существовавшихъ на его счетъ обидныхъ заблужденій. Но тѣмъ не менѣе мы знаемъ, что наши мужики и парни не должны быть выдаваемы за людей коммльфотныхъ, съ англійскимъ проборомъ на головѣ, что они не имѣютъ космополитическихъ воззрѣній на міръ, что между Федей, братомъ Маши (см. рассказъ: *Мама*), и студентомъ петербургскаго университета изъ хорошаго дома непременно должна быть разница и, что наконецъ *Лихой Человѣкъ* никакъ не долженъ составлять умѣренной середины между Гамлетомъ, другомъ Офеліи, и Маи-фредомъ, убійцей своей Астарты: потому что *Лихой Человѣкъ* выдается даже за такого. Необычайное развитіе психической стороны жизни, — нечего и говорить, въ русскомъ мужикѣ странное до безконечности, — неудовимая тонкость и деликатность страстей и въ тоже время первобытная сила инстинктовъ дѣлаютъ изъ *Лихого Человѣка* именно одно изъ тѣхъ байроническихъ лицъ, которымъ пѣвецъ Корсара и Лары не давалъ даже отечества, а просто объяснялъ, что дѣйствіе происходитъ между землей и небомъ. *Лихой Человѣкъ* положительно лучше всего написаннаго Марко Вовчкомъ. А между тѣмъ — что же изъ этого вышло? — Марко Вовчокъ рисуетъ такія блаженныя картины, которыя не только не составляютъ собою упомянутаго нами выше камешка, но которыя чужестранному, удаленному отъ нашего малонизвѣстнаго отечества, человѣку, способны сообщить такое убѣжденіе, что онъ ни кому на свѣтѣ не повѣритъ, потому что страна наша только теперь освобождается отъ такого великаго зла, какъ крѣпостное право. Марко Вовчокъ находится; очевидно, на ложной дорогѣ: онъ думаетъ, что сочиненный народъ, какъ бы хорошо и съ какими бы возвышенными намѣреніями онъ ни былъ сочиненъ, можетъ что нибудь сказать за себя. Онъ полагаетъ, что для насъ важнѣе всего не самое знаніе народа, не математически — вѣрное, не фактически-строгое, или иначе сказать, не художественное воспроизведеніе его, а только образованіе на счетъ его извѣстнаго рода мыслей и расположеній. Мы не можемъ не выразить сожалѣнія, что громкія поощренія, раздающіяся съ извѣстной стороны, могутъ пожалуй и впередъ на нѣкоторое время удерживать прекрасное дарованіе Марко Вовчка въ ложномъ направленіи, тѣмъ болѣе, что для слѣдованія по-

этому направленію достаточно однихъ добрыхъ намѣреній: не нужно ни труда, ни изученія, ни того скучнаго, кропотливаго наблюденія, которое, бывъ возведено на степень мастерства, намъ обыкновенно кажется простымъ достояніемъ орлинаго взгляда. Рано или поздно Марко Вовчокъ непременно откажется отъ своего способа воспроизводить народную жизнь; это должно быть, если дарованіе его, какъ мы не сомнѣваемся, истинное: но мы того и ждемъ, что появится разказъ, въ которомъ въ одну изъ нашихъ степныхъ губерній, безъ означенія села и уѣзда, будетъ перенесена столь извѣстная исторія, случившаяся между отраслями двухъ благородныхъ домовъ—Монтекки и Капулетти.

«Петръ былъ изъ себя хорошъ; молодъ былъ, статенъ. Смуглый, чернокудрый—онъ суровъ былъ. А глаза черные, какіе строгіе! Какія уста несмѣпливыя!»

Обращаемъ особенное вниманіе на этотъ портретъ Лихого Человека. Пусть читатель вникнетъ въ эти двѣ строчки; прочтеть ихъ съ чувствомъ, съ толкомъ; пусть взглянется потомъ въ образъ, который они вызываютъ, потому что они вызываютъ образъ; и пусть онъ тогда скажетъ—кого скорѣе напоминаетъ этотъ образъ: русскаго парня изъ крѣпостныхъ, или барона, живущаго въ собственномъ замкѣ, на скалѣ.

«Онъ росъ одиноко, сиротою. Со всѣми въ мирѣ, а ни съ кѣмъ въ дружбѣ. Жилъ себѣ особнякомъ. Весело ли ему, грустно ли, самъ онъ про то знаетъ. Никому онъ ничего худого не сдѣлалъ, а его побавались. Дѣти драку бросали, какъ только его завидятъ; дѣвухки притихали, старые говаривали молодымъ: «не трогайте его», самые смѣлые изъ молодыхъ слушали его молча, когда онъ въ рѣчь вступалъ, а вступалъ онъ въ рѣчь рѣдко. Были суды и пересуды за его нелюдимство, да втихомолку. Тетка его говорила, что давно бы она отречься отъ Петра рада, что онъ за племянникъ, глазъ не кажетъ по году, совѣта не спроситъ никогда, да боялась она его, потому не отрекалась, а только горевала и жаловалась. Я его боюсь, хоть я ему и тетка, говаривала она: это такой человекъ, что и жизни рѣшится, и самъ въ землю закопаетъ.»

Вдругъ стали замѣчать, что Петръ мимо старостина двора повадился ходить, что Петръ у старосты въ гостяхъ бываетъ.

Староста былъ бородасть и приземистъ, нравомъ не строптивъ, вдовъ; глаза у него небольшіе и носъ небольшой, и ротъ небольшой, да ничего особеннаго, только что именемъ его рѣдкимъ звали—Капитонъ. А у старосты была дочка Параша. Свѣженькая, веселая, то-то была дѣвушка!

...Идетъ бывало одинъ молодецъ по дорожкѣ, идетъ другой, каждый на окошечко косится, а Параша у окошечка цѣлый день.... И много она беззаботныхъ головъ отуманила; не одно веселое сердце смутила. Параша про то знала и тѣмъ тѣпилась. Люди со стороны тоже видѣли и знали всѣ эти сердечныя напасти, что Параша общаа сокруха; а когда сталъ Петръ ходить къ старостѣ, всѣ такъ озада-

чились, словно на яблонѣ орѣхи выросли... Петрова тетка ходила изъ дома въ домъ, и всѣхъ спрашивала, вѣрують ли въ Бога «Вѣруемъ,» отвѣчали ей всѣ. «А коли вы въ Бога вѣруете, отговаривайте вы дѣвужку, чтобы не выходила она замужъ за Петра.»

...Но время шло, а Петръ все не сватался... Притихла Параша, призадумалась, гѣтъ перестала. Сядетъ, подпершись рукою, пригорюнится да глядитъ въ чистое поле.

Разъ приходитъ къ нимъ Петръ ввечеру, и говоритъ между прочими рѣчами, что ему дорога.

Парашѣ стало холодно.

— А куда Богъ несетъ? спрашиваетъ староста.

— Да съ барынею, отвѣтилъ Петръ. — Беретъ меня съ собою въ городъ, ключникомъ тамъ буду.

— Катись на всю зиму, надо полагать? сказалъ староста.

— Надо полагать на всю, отвѣтилъ Петръ.

А Параша думала: «на всю зиму!» и глядѣла на Петра изъ уголка. Ей показалось, что онъ печаленъ и блѣденъ: радостно стало ей, да не вѣрилось; она подошла къ столу, поправила огонь, чтобъ поярче свѣтилъ: да, онъ печаленъ былъ и блѣденъ. Она опять отошла въ уголокъ, и все на него глядѣла.

«А какой человекъ! думала она. Иной подумаетъ, что у него только голова болитъ.»

...Вечеръ прошелъ. Петръ сталъ прощаться съ старостою. Параша выскользнула впередъ изъ избы, и въ сѣняхъ шепнула Петру: «Придите еще проститься.» Онъ вдругъ остановился, но ничего не отвѣтилъ ей.

«Разсѣлышала ли Петръ мои слова? мучилась Параша. Еслибы разслушала, отвѣтилъ бы: ему ли съ мыслями собираться? Догадается ли придти самъ? Любитъ ли? Забудетъ ли въ разлукѣ?»

...Былъ поздній вечеръ (другого дня). Староста сидѣлъ за столомъ, писалъ по столу мѣломъ крестики и палочки.

Параша спросила, что онъ высчитываетъ. — староста качнулъ головой: «не мѣшай!»

Она замолчала и тоска ее сильнѣй взяла.

Счеты такъ вышли у старосты; онъ вздохнулъ и спряталъ мѣлокъ.

— Когда наша барыня ѣдетъ, не слышали? спросила его Параша.

Не стало ей больше терпѣнья.

— Да скоро, отвѣтилъ староста. Онъ и головы не поднялъ, отвѣчая.

— Ты думаешь—начала Параша.

— Мнѣ-то что думать?

— Лучше бы ей всякій другой отвѣтъ, да не этотъ, и безучастный и неопредѣленный!

«А онъ? Такъ онъ не придетъ ужъ къ намъ? Зачѣмъ же я мучуся? На что?»

Сердце ея ныло отъ обиды и взяла ее такая тоска по немъ.

...Она вышла на улицу.

Эта длинная коммиліяція составлена до послѣдней буквы изъ собственныхъ словъ Марко Вовчка. Мы не опустили ни одного выраженія, которое бы отнимало у разказа его колоритъ—истинности, простонародности, или языка. Не были ли мы въ правѣ сказать, что Марко Вовчокъ выдаетъ за русское—свое собственное

простолюду, придавая ему космополитическій характеръ. Два три слова, какъ—староста, барыня, зима мало помогаютъ дѣлу. А между тѣмъ, какая смѣлая и твердая рука у Марко Вовчка на его собственной почвѣ! на-какія достойныя вниманія вещи была бы способна эта рука, если бы фантазія, ея управляющая, придавала дѣйствительности всю цѣну, какой она заслуживаетъ, какъ единственный матеріалъ для всякаго живого и долговѣчнаго творчества. Слѣдующую сцену, составляющую какъ разъ продолженіе предыдущаго, мы выпишемъ сполна и опять все таки съ тою цѣлюю, чтобы показать, какъ она хороша и какъ она въ то же время фальшива: какъ она хороша, если на мѣстѣ Параша вообразить Елену г. Тургенева съ такимъ Инсаровымъ, который бы въ сто разъ былъ болѣе человекомъ, чѣмъ настоящій Инсаровъ, и какъ она фальшива, если не воображать что Параша не какая нибудь иная, а крѣпостная, и даже не дворовая, а барщинская дѣвушка, а ея любезный деревенскій паренъ.

«Небо свѣтилось въ яркихъ звѣздахъ; ночь прозрачна и холодна. Уже въ окопечкахъ потухали огоньки; все кругомъ темнѣло и потухало. Параша ходила взадъ и впередъ по улицѣ около своего двора. Вдругъ въ тиши ей послышались чьи-то шаги, почудился чей-то голосъ: она остановилась. Нѣтъ, все безмолвно. Она опять стала ходить.

И опять ей шаги слышатся, явственно видитъ она кого-то высокаго и статнаго въ темной дали. Она испугалась столько же, сколько обрадовалась. Она пошла на встрѣчу. Это шелъ Петръ.

Сошлись близко они и остановились другъ противъ друга. Онъ видно былъ обрадованъ встрѣчей—она оробѣла.

— Куда шла? спросилъ онъ ее неровнымъ голосомъ.

— Проститься хочу, отвѣтила ему Параша.

Онъ вдругъ взялъ ее на руки и поднялъ какъ малаго ребенка и крѣпко ее прижалъ къ своей груди.

Не далеко въ сторонѣ лежала гряда камней, онъ ее донесъ туда и посадилъ, и сѣлъ подлѣ нея.

— Ахъ, скажи мнѣ слово ласковое, просить его Параша,—обними покрѣпче!

— Милая моя и вѣчная моя!

— Сколько я перемучилась! Ужь сколько сокрушалась! жаловалась Параша.

Онъ ласкалъ ее и нѣжно и страстно.

— А ты что думалъ? Что у тебя на сердцѣ лежало? допытывалась Параша.

Я любилъ тебя, сказалъ онъ.

Она хотѣла еще что-то спросить и не спросила. Приклонилась къ нему и думала, удивляючись: «за что мнѣ такъ хочется благодарить его? За слово простое... за одно слово...» Ей было сладко и безмятежно подлѣ него.

— Я точно по пустымъ полямъ носилась съ вихремъ холоднымъ,

говорила она ему, а вотъ теперь къ тебѣ пристала, мнѣ хорошо теперь!

И шли хорошіе часы.

— Что же ты молчаливъ, желанный мой? Мнѣ хочется послушать твоихъ рѣчей — поговори! Все расскажи мнѣ, вѣдь ты еще никогда не говорилъ со мной. Я все ждала: когда-то! ты теперь поговори со мной!

Онъ склонилъ къ ней на колѣни голову.

Она усмѣхнулась и подумала: любить! любить!

— Скажи жь мнѣ, какъ ты меня любишь, крѣпко ли? И какъ ты печалился по мнѣ? А отчего давно не признался мнѣ? Отчего?

— Не знаю, отвѣтилъ онъ.

— А я бывало жду—жду!

Хлопнула гдѣ-то дверь. Они прислупивались.

— Это видно отецъ ищетъ меня, сказала Параша. Ахъ, не хочется отъ тебя идти! Ахъ, не хочется!

— Не ходи отъ меня, сталъ онъ просить и не пускалъ.

Она засмѣялась.

— Отецъ ищетъ, повторила ему.

— Что жь отецъ? Не ходи отъ меня. Она веселѣе прежняго засмѣялась и крѣпко его обняла.

— Вотъ какой ты привязчивый бываешь! Ну, прощай. Завтра я выйду къ рѣкѣ, рано-рано выйду.

Мы пожелаемъ на этомъ свиданіи вмѣсто Параша видѣть Елецу г. Тургенева, о которой мы всегда жалели, что ей на долю достался такой — отчасти свинцовый другъ; но мы беремъ назадъ свои слова. Это превосходное и поэтичное мѣсто, къ сожалѣнію, могло бы ничего не терять только въ томъ случаѣ, если бы оно первоначально было написано по испански, а потомъ ужъ намъ досталось въ благовонномъ переводѣ Марко Вовчка. «Милая моя и вѣчная моя!» И потомъ: «я точно по пустымъ полямъ носилась съ вихремъ холоднымъ, а вотъ теперь къ тебѣ пристала; ахъ, мнѣ хорошо теперь!» Зачѣмъ же это въ самомъ дѣлѣ Марко Вовчокъ мистифируетъ насъ, будто эти рѣчи говорятъ крѣпостные, терпящіе люди? Да это люди, которымъ въ продолженіе ихъ молодой и привольной жизни доводилось по крайней мѣрѣ по десяти разъ обезумѣть отъ наслажденія свободою. И кто же это можетъ утверждать о нашемъ народѣ, будто это народъ темный и отчасти апатичный? Болѣе прозрачныхъ и живущихъ страстями личностей не въ состояніи представить сама пылающая страна Хереса де ла Фронтерра. Марко Вовчокъ слишкомъ доверчиво отдается своему поэтическому чувству, слишкомъ идеализируетъ всѣмъ намъ знакомую дѣйствительность, чтобы не напоминать того юнаго состоянія литературы, въ какомъ она была въ свое время у всѣхъ народовъ, когда серьезные люди, да и вообще никакіе люди, не исключая самихъ

писателей, не видѣли въ ней ничего особенно серьезнаго, а такъ считали ее пріятнымъ препровожденіемъ времени, не говоря уже о томъ, что и не думали признавать ее за главнѣйшую силу движенія. Это не аркадскіе пастухи, но это и не люди труда, пожинающіе наши поля, убирающіе наши покосы, исправляющіе барскія подводы и всѣ другія еще болѣе прозаическія обязанности своего быта.—Въ отсутствіе Петра, на первыхъ порахъ, Параша предавалась такому препровожденію времени, большею частію съ своей подругой Таней, которая находится въ еще болѣе печальной разлукѣ съ своимъ любезнымъ:

«Параша плакалась на свою судьбу, вспоминала и жалѣла свое веселое, безпечное прошлое время, то время, когда столько людей занимали ея мысли, тѣшили ее и забавляли. Тѣ люди стояли передъ ней тогда цѣлою вереницей, не мѣшая другъ дружкѣ, печальные, бойкіе, отуманенные, любящіе — всѣ равно ее забавляли, а теперь не то! Теперь у ней въ мысляхъ *одинъ*, по немъ сердце болитъ и сколько ужъ горя въ короткое время принесла ей любовь, а ее тянетъ какою-то силой къ нему одному... Какъ ни закрывай она глаза, какъ ни пой пѣсни, одинъ онъ передъ нею, одинъ онъ на умѣ.

Иногда Параша думала: «очень ли онъ меня любитъ? Вѣдь не рѣчь бытъ, вѣдь не увѣрялъ, какъ другіе... Но ей точно голосъ какой-то шепталъ: «онъ любитъ»; никто лучше и вѣрнѣе его не можетъ любить.»

Тогда Параша начинала еще глубже вздыхать и крѣпче задумываться. Она больше подружилась съ Танею. Часто онѣ вмѣстѣ ходили въ какое нибудь глухое мѣстечко, чаще всего въ облетѣвшій березовый лѣсокъ, садились рядомъ на горкѣ, надъ быстрою рѣчкой, и пѣли:

«Какова любовь на свѣтѣ горяча.

Горюча любовь слезами полита.»

Допѣвши пѣсню свою, печально переглядывались, и вздыхали, и задумывались, глядя на свѣтлую воду, на пустые, еще зеленые берега.

У Парашы выступали слезы на глазахъ.

— Ахъ, жизнь, жизнь! говорила она съ укоромъ.

Иногда онѣ пересказывали другъ другу про свою зазнобу, и какъ началась, и какъ шла.

И пересказывали онѣ это другъ-другу очень по-долго, и очень часто, на цѣлыхъ длинныхъ-длинныхъ страницахъ, и рѣчи ихъ при этомъ всегда были такъ нѣжны, пѣвучи и задумчивы, что въ воображеніи читателя невольно начинаютъ подыматься тихая Брента, больные соловьи и лимонныя рощи.

Но извѣстно—что такое дѣвичьи слезы: роса; взойдетъ солнце—росу высушить. Это подтвердилось и на Парашѣ. Позабыла она своего милаго и даже увлеклась снова, увлеклась крестовымъ братомъ Тани, Михайлою, котораго «любо было послушать иному грустному и судьбой придавленному человѣку. Онъ былъ точно всякому меньшей братъ, вотъ какъ бываютъ меньшіе братья—кудрявые, рѣзвые и милые, себялюбцы и бабовни.»

Быстро опять понеслись дни для Парашы. Правда, не ждала она этого, точно въ воду печаянно окунулась, но окуналась. «Что было, того не воротить», говорила она сама себѣ. Порой ей приходили на умъ и такія мысли: «Какъ теперь Петръ одинъ живетъ? Такой ли суровый онъ, какъ прежде? Плакалъ ли онъ въ разлукѣ такъ, какъ въ тотъ вечеръ? Когда онъ пріѣдетъ? Какое будетъ съ нимъ свиданье? Что тогда съ Михайлою?» Свиданье съ нимъ было не хорошее; ему дали все понять, безъ всякой утайки. Угрюмъ и печаленъ сдѣлался Петръ. Ходилъ тихо и опустя голову. Вскорѣ однако дѣвушка догадалась, что вся любовь Михайлы съ его веселымъ смѣхомъ не стоитъ одного печальнаго взгляда Петра, одной легкой улыбки его устъ не смѣшливыхъ. Михайло въ самомъ дѣлѣ былъ не такой человекъ, чтобы крѣпко привязывать къ себѣ, или привязываться къ чему: частію изъ боязни повстрѣчаться съ Петромъ, частію по своей легковѣрной натурѣ, онъ съ приходомъ Петра, на первыхъ порахъ, малодушно скрылся. Предоставилъ Парашѣ одной встрѣтить бѣду. Поняла она все это, оцѣнила и печаль Петрову, сама долго не находила мѣста отъ печали и досады на себя—и, встрѣтивъ однажды Петра, заговорила съ нимъ.—Само собою разумѣется,—что въ подлинникѣ все это рассказано очень хорошо и плавно. Петръ слушалъ Парашу ни грустно, ни весело, два раза помянулъ ей про другого и про то, что она его бросила, спросилъ: пойдетъ ли за него.

«Пойду. Хочешь, сегодня отцу скажемся? Свадьбу можно скоро сыграть... Будемъ съ тобой не разлучно, до старости, до смерти нашей... А умрешь ты я безъ тебя жить не стану, и ты безъ меня не живи».

Онъ глядѣлъ на нее и слушалъ. Параша вдругъ прояснилась, вдругъ оживилась; сердце у ней билось вольно, легко.

— Радъ ли ты? спрашивала она Петра, и когда онъ говорилъ, что радъ, ей казалось, что его радость безвѣрна, а когда онъ молча глядѣлъ на нее и слушалъ ея рѣчи, ей чудилось, что мучится онъ чѣмъ-то. Она не могла, не умѣла хорошенько разобрать, что съ нимъ, но одно знала, что онъ любитъ ее навѣкъ.

Вышла Параша за Петра и съ начала все было хорошо; но не надолго. Странное началó случаться съ Петромъ: стало на него находить нѣчто въ родѣ той непобѣдимой тоски, которой былъ подверженъ извѣстный царь еврейскій, находившій утѣшеніе въ музыкѣ, и сталъ онъ отъ такой тоски бѣгать изъ дома. Парашѣ все казалось непонятнымъ въ этой тоскѣ. «Нли ты думаешь», говорила она ему въ одинъ изъ его припадковъ, что мнѣ надобенъ кто иной кромѣ тебя? Какъ мнѣ божиться тебѣ,

что одинъ ты у меня на всемъ свѣтѣ? Вѣришь ли ты мнѣ?» И онъ отвѣчалъ ей: «вѣрю.» «Отчего жь ты тоскуешь? По чемъ? продолжала она допытывать; иль у тебя есть какія дѣла заботныя? или неудача?» Дѣла? переспросилъ онъ, какая неудача?— И сказалъ онъ это такъ, словно о лѣтошнемъ снѣгѣ. Пропадалъ онъ обыкновенно по-долго, по мѣсяцу, и больше. Возвращался всегда такой свѣтлый, счастливый; носилъ Парашу на рукахъ, какъ дитя, которое онъ потерялъ и нашелъ. Гдѣ былъ? спрашивала Параша.— Тоска, тоска пашла! Бродилъ! было его отвѣтомъ. Всѣми было признано, что на Петра находить. Тоска стала находить на Петра все чаще и все тяжелѣе.

Разъ Параша упала въ ноги Петру и не пускала его, молила, и рыдала, и удерживала. Онъ вырывался отъ нея; то отталкивалъ ее отъ себя, то прощался съ нею страстно.

— Охъ, останься, останься, не бросай меня! За что ты меня бросаешь. Мнѣ безъ тебя и горько и страшно!

— Мнѣ самому страшно съ тобой! вскрикнулъ Петръ. Я уйди хочю отъ тебя, пусти меня! Но она не пускала его.

— Убей меня прежде! я не пущу тебя.

— На меня находить не хорошее, сказалъ Петръ. Лицо у него со-всѣмъ побѣлѣло, губы дрожали и слезы лились ручьемъ.

— Пусти меня! Онъ не глядѣлъ на Парашу, а глядѣлъ внизъ, не поднимая глазъ.

— Тебѣ со мной лучше будетъ, желанный мой, ласкала его Параша и уговаривала. Лягъ, не заснешь ли, успокойся.

Онъ легъ, но не заснулъ и не успокоился. Онъ поминутно рвался встать, а когда Параша его не пускала, онъ прижимался къ ней, будто въ ужасѣ или бросался въ подушку внизъ лицомъ.

— Пусти меня, сказалъ онъ еще разъ Парашѣ, пусти!

— Нѣтъ, нѣтъ, милый! ужь время позднее, ночь на дворѣ. Помнишь ли, сказала Параша, немного погода, помнишь ли, бывало какъ мы съ тобой вечерами видались? Помнишь, какъ прощались?

— Не говори! перебилъ ее Петръ быстро.

— Ну, я расскажу тебѣ, какъ я по тебѣ тосковала, какъ ходила къ твоему двору.

— Я забыть не могу! проговорилъ Петръ.

— Или ты припомнилъ что нехорошее? Ахъ, я люблю тебя вѣрно и крѣпко теперь! Не хорошее прошло...

— Что прошло, то было! проговорилъ Петръ.

— Куда жь ты? куда? вскрикнула Параша, обхвативши его обѣими руками.

— Пусти жь меня! Не хорошо мнѣ!

— Нѣтъ, нѣтъ, не пущу я тебя! Ну пожайди меня, ненаглядный мой! Обними и поцѣлуй покрѣпче! Онъ ее крѣпко обнялъ и крѣпко цѣловалъ.

На другой день рано утромъ, еще очень рано. Петръ вошелъ къ старостѣ.

— А что Богъ далъ? спросилъ староста, глядя на него.

— Я жену убилъ, сказалъ Петръ.

Все это прекрасно, и все это въ испанскомъ родѣ. Можно думать, что Манфредъ убилъ свою Астарту не по другой какой причинѣ, какъ вслѣдствіе именно тоски неукротимой. Она любила его, и онъ любилъ ее—и убилъ ее. Но Манфредъ ужъ черезъ-чуръ былъ погнутъ въ одну сторону. Къ этому способствовало столько же его всезнаніе, извѣдавшее всю жизнь и отвѣдавшее самой смерти, сколько и его графскій уединенный замокъ на скалѣ, гдѣ ему ужасно трудно было расположить свои двадцать четыре часа въ сутки, чтобы не обезумѣть отъ тоски и скуки. Если бы онъ былъ членомъ англійскаго парламента, онъ навѣрное былъ бы болѣе обходительнымъ милордомъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Если бы онъ былъ русски ли крестьяниномъ, то съ величайшею достовѣрностію можно утверждать, что это былъ бы одинъ изъ самыхъ примѣрныхъ людей своего прихода. Мы не принадлежимъ къ тѣмъ людямъ, которые въ чужія произведенія вносятъ свои собственные планы. Мы не говоримъ—отчего у Марко Вовчка нѣтъ того-то, или опущено вотъ что: мы говоримъ, что у него невѣрно то, что есть. И мы крѣпко убѣждены, что Марко Вовчокъ на ложной дорогѣ, и еще крѣпче увѣрены, что эту дорогу онъ оставитъ, потому что дарованье его имѣетъ всѣ признаки здоровья и силы.

ИСТОРИЯ АНГЛІИ, ТОМЪ V*.

(Сочиненіе Маколея; изданіе сестры историка.)

Всякій человѣкъ съ умомъ и чувствомъ, конечно, пожелаетъ, чтобы надъ этою могилою въ великомъ аббатствѣ, о которой такъ пламенно мечталъ и которую такъ благородно приобрѣлъ знаменитый англійскій историкъ, теперь воцарился миръ. Но этому трудно исполниться. Писатель успокоился. Одобренія читающей публики, равно какъ и замѣчанія критиковъ не могутъ уже ни радовать ни изощрять этотъ могучій умъ. Сильное и страстное сердце, которое еще ярче разгоралось и, казалось, пламенѣло на огнѣ споровъ, покончило со всею своей любовью и ненавистью. Но писанное слово остается: слово, усиленное талантомъ и презрѣніемъ; слово, сказанное безъ всякаго колебанія и ограниченія; слово, которое нападало на характеры, наиболѣе уважаемые, на мнѣнія, наиболѣе любимыя, на учрежденія, наиболѣе почтенныя. Относительно этого слова мы не можемъ надѣяться на миръ. Война доказательствъ, сарказма и порицанія, которая и безъ того свирѣпствуетъ, запылаетъ—мы боимся, еще съ большею силой. Это не то, что было въ раннюю эпоху жизни лорда Маколея: не та война, гдѣ схватки имѣли характеръ—личный и побѣды—

* Предлагаемая рецензія заимствуется изъ *Athenaeum*'а — главнымъ образомъ изъ уваженія къ находящимся въ ней выдержкамъ и характеристикамъ, изъ новаго тома «Исторіи Англій», еще неизвѣстнаго русской публикѣ.

легкій. Маколей могъ защищаться противъ Джона Уильсона Крокера; ему нечего было слишкомъ сильно страшиться гнѣва Роберта Монтгомери. Но никто не можетъ оскорбить безнаказанно цѣлую націю. Личный гнѣвъ очень скоро истощается. Какойнибудь пасквиль, какаянибудь обида или литературная побѣда можетъ обезоружить месть, или смягчить злобу. Но страсть партіи, подобной приверженцамъ епископальной церкви, или общества, подобнаго обществу квакеровъ, или національности, подобной національности шотландской, не знаютъ истощенія и усталости. Рядъ новыхъ бойцовъ заступаетъ мѣсто сходящаго со сцены гладиатора: за Крокеромъ слѣдуетъ епископъ Эксетерскій, за Фостеромъ — Джэнней и Педжетъ, за Непиромъ — Робертъ Чамберсъ.

Мы не можемъ надѣяться потушить эту борьбу, вида, какъ много настоящій томъ заключаетъ въ себѣ матеріаловъ для возбужденія и воспламененія ея. Квакеры, которые предъ этимъ были скандализированы живописными карикатурами Пенна и Фокса, по меньшей мѣрѣ, отвергнутъ рассказанную здѣсь исторію о честномъ квакерѣ, находящемся будто бы въ слишкомъ близкихъ связяхъ съ Спенсеромъ Коудеромъ. Шотландцы будутъ взволнованы — а нѣкоторые изъ нихъ даже приведены въ бѣшенство — превосходнымъ изображеніемъ Даріонскаго бѣдствія. Поклонники Джона, герцога Мальборо, будутъ оскорблены постояннымъ неуваженіемъ, которое оказывается здѣсь этому великому генералу. Но сами мы въ настоящее время не станемъ принимать участія въ этихъ неизбежныхъ спорахъ. Мы предоставляемъ мистеру Боудену защищать фамилію Стютовъ, а м-ру Чамберсу, или всякому другому доброму шотландцу, поддерживать опровергаемую расудительность и честность его соотечественниковъ, которые вмѣстѣ съ Вильямомъ Патерсономъ отправились искать новаго Тира, или новой Венеціи, на Даріонскомъ перешейкѣ. О Мальборо было приложено уже достаточно стараній. О Монтрозѣ, Дармѣтѣ, Вильямѣ Пеннѣ тоже довольно было говорено; но по тѣхъ поръ пока не будутъ кончены многіе изъ продолжающихся еще споровъ, нельзя произнести никакого окончательнаго приговора о достоинствѣ Маколеевой «Исторіи Англіи». Сужденія публики о книгахъ подвержены многимъ пересмотрамъ. Около ста лѣтъ тому назадъ газеты возвѣстили о подавленіи книги Катерины Маколей, подъ заглавіемъ — «Исторія Англіи отъ вступленія на престолъ Іакова I до возвышенія ган-

воверскаго дома». Ожиданія были велики, потому что Катерина Маколей была яростная партизанка, и успѣхъ былъ огромный, потому что ея книга была умна, задорна, бранчива и клеветлива. Ее читали всѣ: виги и республиканцы — съ тѣмъ, чтобы удивляться ей, торы — чтобы ругать ее и выставять въ дурномъ свѣтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, это былъ блистательный партизанскій памфлетъ въ пяти томахъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ имя историка служило гостомъ на пирахъ виговъ, и ужасомъ торы и якобитовъ мужскаго и женскаго пола. Книга принесла сочинительницѣ нѣсколько тысячъ фунтовъ, такъ что сравнительно съ полученною прибылью, литературные доходы Гольдсмита или Сэведжа были менѣе чѣмъ ничтожны. Многочисленность изданій этой книги возбуждала зависть въ Гольдсмитѣ, и даже мужественный разсудокъ Джонсона былъ возмущенъ ея успѣхомъ. Книга была не въ примѣръ другимъ. Между тѣмъ какъ Катерина Маколей привлекала вниманіе читающей публики своими преувеличенными изображеніями личности Карла, Страффорда и Кромвеля, — оказывая намъ (мы позволяемъ себѣ сказать это) полезную услугу своимъ случайнымъ проникновеніемъ въ глубину характеровъ и мотивовъ, и даже своею рѣзкостью и порицаніемъ, такъ какъ все это побуждало къ ближайшему изслѣдованію причинъ исторической басни, — Эдмундъ Гиббонъ приготавливалъ свою «Исторію упадка и паденія Римской Имперіи». Черезъ пять лѣтъ послѣ того какъ Катерина Маколей издала свой пятый томъ, Гиббонъ издалъ свой первый. Успѣхъ Гиббона былъ великъ, но далеко уступалъ въ популярности успѣху книги Катерины Маколей. Даже и тѣмъ интересомъ, который возбудилъ этотъ первый томъ, онъ въ значительной степени обвѣшалъ полемическому характеру своихъ главъ — пятнадцатою и шестнадцатою. И однакоже никто не читаетъ теперь Катерину Маколей, но всѣ читаютъ Гиббона.

Отличительнымъ свойствомъ генія лорда Маколей было—смотреть на прошлое болѣе взглядомъ политика, чѣмъ философа. Онъ мало обращалъ вниманія на прошедшее, какъ на прошедшее, на фактъ, какъ на фактъ; онъ заботился только объ урокахъ, которые можно извлечь изъ исторіи,—о ближайшемъ примѣненіи истины къ полезнымъ цѣлямъ. При всей его кажущейся горячности, семнадцатое столѣтіе было для него привлекательно и важно только въ той мѣрѣ, насколько оно помогало ему понимать девятнадцатое. «Исторія» въ его глазахъ была мраморною музою,

которая «поучаетъ примѣромъ», изрекаетъ мудрыя правила, указываетъ на древніе образцы, выводитъ мораль изъ того или другаго дѣйствія, и подъ великою энергіею выраженія скрываетъ степе́нный и холодный темпераментъ. Отсюда въ каждомъ изъ трехъ отдѣльныхъ изданій его «Исторіи» видны явные намеки на споры, поднятые текущими событіями. Его рассказъ о революціи заключается лекціею англійскимъ чартистамъ и парижскимъ социалистамъ 1848 г. Третій и четвертый томы его изобилуютъ намеками на событія, происходившія въ то время, когда онъ писалъ ихъ. Онъ никогда не упускаетъ удобнаго случая въ этомъ отношеніи и въ его новомъ томѣ этотъ недостатокъ встрѣчается чаще и выдается замѣтнѣе, чѣмъ въ прежнихъ. Книга начинается тщательно обработаннымъ разсужденіемъ о наилучшей защитѣ народовъ (*по поводу* воображаемаго вторженія французовъ), въ которомъ говорится о превосходствѣ солдатъ по ремеслу предъ временнымъ ополченіемъ со всею энергіею, которою отличаются памятные слова лорда Лансдоуна. Маколей не могъ удержаться отъ этихъ сравненій и утилитарныхъ выводовъ. Относительно того, что каждая правдивая исторія сама по себѣ заключаетъ мораль, онъ, повидимому, имѣлъ значительныя сомнѣнія. Онъ не полагался, какъ полагается поэтъ или драматургъ, на истину и на пылкую и проникательную чуткость человѣческой природы. Если онъ видѣлъ поученіе въ какомъ нибудь камнѣ, то разбивалъ его, чтобы добыть оттуда это поученіе. Если онъ замѣчалъ урокъ въ какомъ нибудь разсказѣ, то онъ приостанавливалъ разсказъ, чтобы указать на мораль. Симпатія къ жизни, какъ просто къ жизни, доходящая до такой полноты у женщинъ, дѣтей, поэтовъ и драматистовъ, была ему совершенно чужда. Для него жизнь составляли книги. Если онъ изучалъ свои субъекты, то для того, чтобы лучше понять свои книги. Мужчины и женщины были для него — организаціи, порядки, видовыя проявленія системы, вещи, одаренныя качествами, способностями, наклонностями, талантами, страстями. Тамъ, гдѣ онъ чувствовалъ глубокую симпатію — онъ чувствовалъ ее умомъ, а не гуманными инстинктами своей природы. Если онъ безгранично благоговѣлъ предъ Вильгельмомъ, или питалъ невыразимое презрѣніе къ Мальборо, то эти чувства были возбуждены въ немъ политикомъ, а не человѣкомъ.

Такъ какъ вопросъ о защитѣ Великобританіи еще до сихъ поръ въ ходу и, вѣроятно, будетъ продолжаться до тѣхъ поръ,

пока пушки Довера и Кале не перестанутъ грозно смотрѣть другъ на друга черезъ Каналь, и пока будетъ существовать разница между принципами саксонца и галла,—то нашимъ читателямъ будетъ любопытно узнать, что лордъ Маколей совѣтуетъ своимъ соотечественникамъ. Случай, которымъ онъ пользуется, чтобы изложить свой взглядъ на этотъ предметъ, возникъ по поводу вопроса, представившагося по заключеніи мира 1697 г., о томъ—что дѣлать съ храброю арміею, которою командовалъ Вильгельмъ, и которая такъ сильно способствовала къ водворенію мира. Англія до тѣхъ поръ еще никогда не рѣшалась содержать постоянного войска. Вся нація въ то время была приучена, въ большей или меньшей степени, владѣть оружіемъ; каждый джентльменъ носилъ шпагу и умѣлъ стрѣлять изъ пистолета. Стрѣльба и фехтованье были любимыми забавами всѣхъ классовъ населенія. Въ теченіе шести сотъ лѣтъ ни одно непріятельское нашествіе не сопровождалось успѣхомъ,—и ополченія, не смотря на внезапность ихъ набора и на несовершенную ихъ дисциплину, въ открытомъ полѣ всегда разбивали и разгоняли французовъ. Вслѣдствіе этого, увѣренность народа въ своихъ силахъ и безопасности дошла до высшей степени. Такъ какъ англичане не могли представить себѣ, чтобы постоянная армія служила къ чему нибудь другому, кромѣ поддержанія силы деспотическаго правительства, то цѣлая нація была того мнѣнія, что слѣдуетъ распустить англійскіе полки и отправить домой голландскую гвардію. Въ палатѣ общинъ и въ многочисленныхъ памфлетахъ вопросъ разсматривался въ главныхъ его принципахъ. Лордъ Маколей излагаетъ этотъ предметъ слѣдующимъ образомъ:

«Никакой здравомыслящій человѣкъ въ наши дни и въ дни нашихъ отцовъ не былъ серьезно убѣжденъ въ томъ, что нашъ островъ можетъ быть безопасенъ безъ войска. И еслибы даже онъ былъ совершенно обезпеченъ противъ нападенія, то все-таки армія была бы намъ необходима. Страны, колонизированныя или завоеванныя нами послѣ появленія на англійскомъ престолѣ ганповерской династіи, заключаютъ въ себѣ населеніе въ двадцать разъ многочисленнѣе того, которымъ управлялъ домъ Стюартовъ. Теперь за тропикомъ Рака въ мирное время находится больше англійскихъ солдатъ, нежели сколько ихъ было подъ командою Кромвеля во время войны. Всѣхъ войскъ Карла II не было бы достаточно для снабженія гарнизонами постовъ, которые мы те-

перь занимаемъ въ одномъ Средиземномъ морѣ. Полки, окра-
 няющіе отдаленныя владѣнія короны, не могутъ быть надлежа-
 щимъ образомъ пополняемы и смѣняемы, если въ предѣлахъ
 государства не будутъ содержимы постоянныя военныя силы, да-
 леко превосходящія своею многочисленностію тѣ, которыя Іаковъ
 собралъ въ своемъ лагерѣ при Гоуисло, чтобы держать въ страхѣ
 свою столицу. Старинная народная антипатія къ постояннымъ
 военнымъ учрежденіямъ, — антипатія, которая никогда не была
 ни благоразумна, ни полезна, но которая продолжалась еще нѣко-
 торое время послѣ того, какъ она одѣлалась безразсудною и
 вредною, — мало-по-малу уступила неотразимой силѣ обстоя-
 тельствъ. Мы сдѣлали открытіе, что армію можно устроить такъ,
 что она будетъ въ высшей степени сильна для защиты отъ не-
 пріятеля и вмѣстѣ съ тѣмъ покорна гражданской власти. Мы
 давно уже перестали бояться опасности для закона и свободы
 со стороны своеволія войскъ и честолюбія военачальниковъ.
 Алармистъ, который бы сталъ говорить теперь языкомъ, бы-
 шимъ въ ходу пять поколѣній тому назадъ, который бы потре-
 бовалъ совершеннаго упраздненія сухопутныхъ силъ государства
 и сталъ бы съ важностію утверждать, что войны Инкермана
 или Дели низвергнуть королеву, распустятъ парламентъ и раз-
 грабятъ Бантъ, — былъ бы признанъ за сумасшедшаго.»

Но въ семнадцатомъ вѣкѣ это было далеко не такъ. Отъ домаш-
 ней арміи народъ не видѣлъ ничего кромѣ зла: — своеволія шаекъ
 Горинга, или безпутства гоуислоскихъ полковъ Іакова. По словамъ
 Маколея, — «Одинъ классъ политиковъ не уставалъ повторять, что
 апостолшеская церковь, вѣрное дворянство, старинная аристокра-
 тія и священная особа короля были гнуснымъ образомъ оскорб-
 ляемы Джойсами и Прайдами; другой классъ рассказывалъ о звѣр-
 скихъ жестокостяхъ, учиненныхъ агницами шотландской церкви,
 а также вельзевулами и люциферами Донди; и оба эти класса
 едва ли согласные между собою въ чемъ нибудь другомъ, схо-
 дились въ общемъ отвращеніи своемъ къ красно-одеждымъ.»

Тренчардъ и Сомерсъ приняли противныя стороны въ ярост-
 ной бумажной войнѣ, предшествовавшей преніямъ въ парламен-
 тѣ. Лордъ Маколей старается доказать, что желаніе Вильгельма
 удержать свою великую армію было, не смотря на отсутствіе
 прежнихъ промѣровъ, желаніемъ благоразумнымъ и патріотиче-
 скимъ. Онъ приводитъ сперва аргументъ Тринчарда, но съ

присорбѣнъ и сжатостью, на которыя Тринчардъ не имѣлъ никакихъ притязаній.

«Вторженіе непріятелей было пугаломъ, которымъ дворъ хотѣлъ настрашать націю. Но мы не были дѣтьми, которыхъ могутъ напугать рассказы няньки. Мы не наслаждались миромъ; и, даже въ случаѣ войны, непріятель, пытающійся вторгнуться въ наши предѣлы, вѣроятно, былъ бы остановленъ нашимъ флотомъ; если же бы ему удалось достигнуть нашихъ береговъ, то безъ сомнѣнія, былъ бы отраженъ нашею милиціей. Правда, некоторые люди выражали мысль, что милиція не можетъ сдѣлать ничего важнаго. Но эта малодушная доктрина опровергается всею древнею и всею новою исторіей. Что такое была лакедемонская фаланга въ самое цвѣтущее время Спарты? Что такое былъ римскій легионъ въ лучшіе дни Рима? Что такое были арміи, одержавшія побѣды при Кресси, Пуатье, Ажинкуръ, Галидонъ или Флодденъ? Что такое былъ могущественный строй, которому Елизавета дѣлала смотръ въ Тильбери? Въ четырнадцатомъ, пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіяхъ англичане, не жившіе военнымъ ремесломъ, вели войну съ успѣхомъ и славой. Неужели же англичане семнадцатаго столѣтія такъ вырождались, что отъ нихъ нельзя уже ожидать мужества въ защитѣ ихъ собственныхъ домашнихъ очаговъ и приходскихъ храмовъ?»

На все это и на многое еще въ томъ же родѣ лордъ Маколей возражаетъ:

«Для каждаго умнаго и безпристрастнаго человѣка должно быть очевиднымъ, что эти декламаторы противорѣчили себѣ самимъ. Если армія, состоящая изъ регулярныхъ войскъ, дѣйствительно была гораздо надежнѣе арміи, составленной изъ земледѣльцевъ, взятыхъ отъ плуга, и горожанъ, взятыхъ отъ прилавка, то какимъ образомъ страна, не имѣя никакихъ другихъ защитниковъ, кромѣ этихъ крестьянъ и горожанъ, могла быть безопасною въ то время, когда великій государь, нашъ ближайшій сосѣдъ, который нѣсколько мѣсяцевъ вредъ тѣмъ былъ нашимъ врагомъ, и который могъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять сдѣлаться таковымъ, содержалъ не менѣе ста пятидесяти тысячъ человѣкъ регулярнаго войска? Если съ другой стороны духъ англичанъ былъ таковъ, что они могли безъ большаго или безъ всякаго обученія военной службѣ могли бы встрѣтить и разбить грознѣйшіе рады континентальныхъ ветерановъ, то не безумно ли было опасаться, что такой народъ будетъ обращенъ въ

рабство нѣсколькими полками, своихъ соотечественниковъ? Но наши предки до такой степени были ослѣплены предрасудкомъ, что эта несообразность прошла незамѣченною. Они были безвѣчны тамъ, гдѣ имъ слѣдовало быть осторожными, и болтливы тамъ, гдѣ очень могли бы положиться на свои силы. Имъ нѣсколько не казалось страннымъ, когда одинъ и тотъ же человекъ утверждалъ, что содержаніе двадцати тысячъ регулярныхъ солдатъ свободу и собственность миліоновъ англичанъ представитъ во власть короны, и что однакоже эти миліоны англичанъ, сражаясь за свободу и собственность, безъ труда уничтожили бы вторгнувшуюся армію непріятелей, состоящую изъ 50 или 60 тысячъ побѣдителей Штейнкірка и Ландена. Всякаго, кто отвергалъ первое предложеніе, называли орудіемъ двора. Всякаго, кто отвергалъ послѣднее, обвиняли въ оскорбленіи и оклеветаніи націи.

Нельзя не замѣтить, что эти аргументы направлены противъ Брайта и современной намъ партіи мира. Мы не думаемъ, чтобы софизмъ, къ которому они ведутъ, требовалъ какогонибудь особаго опроверженія. Вполнѣ достоверно, что преторіанская гвардія, которая была рѣшительно бесполезна для защиты отъ внѣшнихъ враговъ, могла быть страшнымъ орудіемъ домашнего угнетенія. Гоунслокіе полки Іакова вовсе не были страшны непріятелю, но они были необыкновенно страшны для ихъ собственныхъ согражданъ. Въ случаѣ чужеземнаго вторженія народъ сталъ бы дѣйствовать единодушно, имѣя поддержку и опору въ законѣ и въ правительствѣ. Но въ сопротивленіи самовластію короля онъ имѣлъ бы противъ себя и законъ, по крайней мѣрѣ по виду, и былъ бы принужденъ бороться съ крѣпкою организаціею правительства, прежде чѣмъ самъ занесся бы оружіемъ и обучился военному искусству. Положенія здѣсь до того различны, что нельзя не удивляться, какимъ образомъ политикъ могъ заключать отъ одного къ другому. Возьмемъ для примѣра нашихъ волонтеровъ. Съ помощью правительства и при утвержденіи со стороны закона, у насъ организована великолѣпная армія, которая въ пять или въ шесть недѣль военного похода могла бы сдѣлаться способною противостоятъ какимъ бы то ни было войскамъ въ мѣрѣ; но одного слова со стороны правительства и одного мановенія жезловъ какихънибудь двѣнадцати констаблей было бы достаточно, чтобы помѣшать этой великолѣпной арміи сформироваться.

Мыслия Коммерса изложены у Маколея слѣдующимъ образомъ:— «Зло отъ существованія регулярныхъ войскъ и зло отъ неимѣнія ихъ Коммерсъ изложилъ и сравнилъ въ небольшомъ трактатѣ, который былъ нѣкогда очень извѣстенъ подъ именемъ «уравновѣшивающаго письма» (Balancing Letter) и который даже недовольные признавали сочиненіемъ ловкимъ и благовиднымъ. Ему хорошо было извѣстно, что имена и названія производятъ могучее вліяніе на умы публики; что самый совершенный трибуналъ, какой только въ состояніи устроить законодатель, былъ бы непопуляренъ, если бы онъ получилъ названіе Звѣздной Палаты; что самый благоразумный налогъ, какой лишь можетъ придумать финансовый администраторъ, возбудитъ ропотъ, если онъ будетъ названъ корабельною податью; и что слова «постоянная армія» звучали тогда въ ушахъ англичанъ такъ же непріятно, какъ слова «корабельная подать», или «Звѣздная Палата». Поэтому онъ объявилъ, что мысль о постоянномъ войскѣ его ужасаетъ. Онъ со- вѣтуетъ имѣть не постоянную, а временную армію, численность которой была бы ежегодно опредѣляема парламентомъ; армію, для которой парламентъ ежегодно составлялъ бы военный кодексъ; армію, которая бы переставала существовать, какъ скоро лорды или общины найдутъ, что въ услугахъ ея нѣтъ надобности. Опасность отъ такой арміи люди разсудительные, безъ сомнѣнія, не могутъ считать серьезною. Съ другой стороны, опасность, которой подверглось бы государство, еслибы всѣ войска были распущены, такова, что можетъ обезпокоить самый твердый характеръ. Предположимъ, что вдругъ возгорается война съ самою сильною державою христіанскаго міра, а у насъ нѣтъ ни одного батальона регулярной пѣхоты, ни одного эскадрона регулярной кавалеріи: какія бѣдствія грозили бы намъ? Напрасно было бы возражать, что высадка не можетъ быть сдѣлана такъ, чтобы о ней не было заранѣе хорошо извѣстно, и что мы имѣли бы время собрать и обучить большое войско. Неограниченный государь, котораго приказанія, отданныя въ глубокой тайнѣ, были бы немедленно исполнены въ одно и тоже время на Рейнѣ и Шельдѣ, въ Бискайскомъ заливѣ и въ Средиземномъ морѣ, можетъ быть готовъ нанести ударъ гораздо прежде, чѣмъ мы приготовимся къ отраженію его. Мы были бы объаты ужасомъ, еслибы узнали, что корабли изъ отдаленныхъ странъ и войска изъ отдаленныхъ гарнизоновъ собрались на одномъ пунктѣ въ виду нашего берега. Полагаться на флотъ, зна-

чело бы полагаться на вѣтры и волны. Вѣтеръ благопріятнѣйшій для враговъ можетъ помѣшать нашимъ военнымъ кораблямъ выйти въ море. Такъ дѣйствительно и случилось лишь за девять лѣтъ предъ этимъ. Протестантскій вѣтеръ, подъ дуновеніемъ котораго датская армія бѣжала на всѣхъ парусахъ не кашалу, загналъ флотъ короля Іакова обратно въ Темзу. Итакъ высадку непріятеля должно признать возможною. А еслибы онъ высадился, то что бы онъ нашолъ? Открытую, богатую страну; продовольствіе повсюду, — и ни одной рѣки, которую бы нельзя было перейти въ бродъ, никакихъ естественныхъ твердынь, подобныхъ тѣмъ, которыя защищаютъ плодородныя равнины Італіи; никакихъ искусственныхъ укрѣпленій, подобныхъ тѣмъ, которыя на всякомъ шагу замедляютъ движеніе завоевателя въ Нидерландахъ. Итакъ вся надежда должна быть возложена на стойкость милиціи; но было бы вредною лестью утверждать, что на полѣ сраженія милиція не уступитъ ветеранамъ, которыхъ вся жизнь была приготовленіемъ ко дню битвы. Примѣры великихъ подвиговъ, совершенныхъ солдатами, взятыми съ гумна и изъ-за прилавка, которые приводить было въ модѣ, годились только для темы какого нибудь школьника. Сомерсъ, который изучалъ древнюю литературу по-человѣчески, — что было рѣдкостью въ то время, — говоритъ, что эти примѣры опровергаютъ ученіе, въ доказательство котораго ихъ приводятъ. Онъ не тратитъ много напрасныхъ словъ на разглагольствованія о лакедемонянахъ, говоря чрезвычайно кратко, справедливо и удачно, что лакедемонская республика, въ сущности, была постоянною арміею, которая угрожала всей остальной Греціи. Въ самомъ дѣлѣ, спартанецъ не имѣлъ никакого другаго призванія, кромѣ войны. Въ искусствахъ, наукахъ и литературѣ онъ былъ невѣжда. Земледѣліе, ткачество и мелкіе барыши торговли онъ презрительно предоставилъ людямъ низшей касты. Все его существованіе отъ дѣтскихъ лѣтъ до старости было продолжительнымъ обученіемъ военному искусству. Между тѣмъ аеніане, мориньяне, аргивцы и еванцы обращали главное вниманіе на свои масляные и виноградные сады, кладовыя или мастерскія и брали въ руки щитъ и коньё только на короткое время и въ длинныя промежутки. Поэтому различіе между лакедемонскою и всякою другою фалангою долго было такъ же велико, какъ различіе между французскимъ полкомъ регулярнаго войска и полкомъ лондонской городской милиціи. Вѣрнѣе

этого Лакедемонъ продолжалъ господствовать въ Греціи до тѣхъ поръ, пока другія государства не завели у себя регулярныхъ войскъ. Тогда преобладаніе его кончилось. Онъ былъ великъ, когда представлялъ собою постоянное войско среди милицій. Онъ малъ, когда ему предстояло состязаться съ другими постоянными арміями. Урокъ, который можно дѣйствительно вывести изъ возвышенія и упадка Лакедемона, тотъ, что случайный солдатъ никакъ не можетъ сравниться съ солдатомъ по ремеслу.

Намъ кажется, что еслибы лордъ Маколей еще былъ живъ и увидѣлъ, что результатомъ нашихъ запутанныхъ споровъ 1857 и 1858 г., возбужденныхъ страхомъ непріятельскаго вторженія, было возвращеніе къ гражданской милиціи нашихъ предковъ, то онъ сильно измѣнилъ бы свои взгляды на этотъ предметъ. Такъ какъ въ тѣ годы мыслью политиковъ вигской партіи было увеличеніе регулярнаго войска, то историкъ и приравнивалъ свои историческія лекціи къ ихъ нуждамъ; такъ точно онъ счелъ бы обязанностію поступить такимъ образомъ въ палатѣ общинъ. Такъ онъ подтверждаетъ авторитетомъ своего имени толкованіе исторіи Спарты, которое сдѣлалъ Сомерсъ, въ партизанскомъ памфлетѣ, для подтвержденія своего довода.

«Первымъ великимъ униженіемъ, постигшимъ лакедемонянъ, было дѣло при Сфактеріи. Замѣчательно, что при этомъ случаѣ они были побѣждены людьми, для которыхъ война составляла ремесло. Войско, которое Клеонъ привелъ съ собою изъ Аѳинъ къ пилосской бухтѣ и которому главнымъ образомъ слѣдуетъ приписать исходъ сраженія, все состояло изъ наемниковъ, — изъ скиѣскихъ стрѣлковъ и легкой фракійской пѣхоты. Побѣда, одержанная лакедемонцами надъ большою союзною арміею при Тегей, возстановила военную славу, которой повредила сфактерійская неудача. Но и при Тегей ясно обнаружилось, что лакедемоняне, хотя они далеко превосходили случайныхъ солдатъ, не были равны солдатамъ по ремеслу. На всѣхъ пунктахъ, кромѣ одного, союзники были разбиты, но въ одномъ лакедемоняне поддались; и это былъ именно тотъ пунктъ, гдѣ они стояли противъ отряда изъ тысячи аргивцевъ, — людей отборныхъ, которыхъ республика въ теченіе многихъ лѣтъ обучала военному искусству на общественный счетъ, и которые въ дѣйствительности были постояннымъ войскомъ. Послѣ тегейской битвы много лѣтъ прошло, прежде чѣмъ лакедемоняне потеряли какое нибудь новое пораженіе. Наконецъ ихъ постигло бѣдствіе, изу-

ившее всѣхъ ихъ сосѣдей. Цѣлый отрядъ арміи Агезилая былъ отрѣзанъ и уничтоженъ почти до послѣдняго человѣка; и этотъ подвигъ, который казался грекамъ почти сверхъестественнымъ, былъ совершенъ Ификратомъ, во главѣ отряда изъ легкой пѣхоты наемниковъ. Но рѣшительное паденіе Спарты началось со дня пораженія при Левктрахъ. За нѣсколько времени предъ этимъ днемъ еиванцы рѣшились послѣдовать примѣру, который много лѣтъ тому назадъ подали имъ аргивцы. Было тщательно выбрано нѣсколько сотенъ сильныхъ молодыхъ людей, для образованія изъ нихъ постоянной арміи, раздѣленной на два отряда—городской и священный. Дѣломъ ихъ была война. Они жили въ цитадели, содержались на общественный счетъ и посредствомъ прилежнаго обученія сдѣлались первыми воинами Греціи. Они постоянно одерживали побѣды, пока наконецъ не столкнулись при Хероней съ удивительно дисциплинированной фалангой Филиппа; но даже и здѣсь они не были разбиты, а перебиты въ своихъ рядахъ, сражаясь до конца. Вотъ это-то войско, подъ начальствомъ искусныхъ вождей, и нанесло рѣшительный ударъ лакедемонскому могуществу».

Послѣ этой склонности къ политической морали, — которая проникаетъ новый томъ Маколея, какъ и всѣ прежніе, давая сочиненію его, при поверхностномъ взглядѣ, мимолетный и почти только мѣстный интересъ,—наиболѣе замѣтною чертою слѣдуетъ считать, можетъ быть—галлереею портретовъ. Въ портретахъ лордъ Маколей вообще считается сильнымъ и поразительнымъ и здѣсь мнѣніе публики справедливо. Но даже и въ этомъ качествѣ, столь очаровательномъ въ талантѣ историка, мы можемъ видѣть, что лордъ Маколей слѣдуетъ своей господствующей наклонности. Его личности—не люди, а качества и обстоятельства. Когда Карлейль изображаетъ Мирабо, Кромвеля или Фридриха, то вамъ кажется, какъ будто бы онъ жилъ вмѣстѣ съ своимъ оригиналомъ, потому что онъ передаетъ вамъ взглядъ его очей, тонъ его голоса, тѣнь его чела, движеніе ноздрей его. Лордъ Маколей рассказываетъ вамъ одинъ или два анекдота и описываетъ нѣсколько фактовъ и обстановку изображаемой личности. Эти изображенія всегда сдѣланы у него съ необыкновеннымъ словеснымъ искусствомъ, хотя вездѣ у него одна манера. Возьмите, напр., этотъ очень ловко набросанный портретъ лорда Спенсера:

«Ранняя зрѣлость умственныхъ и нравственныхъ способностей молодого человѣка возбуждала надежды, которымъ не суждено

было осуществиться. Его свѣденія въ древней литературѣ и его искусство въ подражаніи стилю образцовъ римскаго краснорѣчія были одобряемы ветеранами учености. Степенность его поведенія и кажущаяся регулярность его жизни приводили въ восторгъ суровыхъ моралистовъ. Правда, онъ имѣлъ одну разорительную склонность,—но эта склонность была самаго почтеннаго рода. Онъ любилъ книги и хотѣлъ составить самую великолѣпную изъ всѣхъ частныхъ библіотекъ въ Англии. Между тѣмъ какъ другіе наследники благородныхъ фамилій разсматривали модели штейнкирокъ и темляковъ и держали пари на пѣтушьихъ бояхъ, — его занимали майнцскія изданія—книги Цицерона объ обязанностяхъ и неоцѣненный *Виргилій Заротта*. Очень естественно, что великія надежды были подаваемы добродѣтелю и умомъ юноши, въ которомъ даже роскошь и расточительность имѣли важный и ученый видъ, и что даже проникательные люди были не въ состояніи замѣтить пороковъ, скрытыхъ подъ личиною ранней степенности. *Спенсеръ* былъ вигъ, къ несчастію для вигской партіи, которая до наступленія безславнаго и никѣмъ неоплаканнаго конца его жизни была не разъ поставляема на краю гибели его бѣшеннымъ характеромъ и его коварною политикой. Его виггизмъ рѣзко отличался отъ виггизма его отца. Это не было вялое, созерцательное предпочтеніе одной теоріи правительства другой, но сильная и господствующая страсть. Къ несчастію, при всей пылкости своей, это былъ виггизмъ извращенный и испорченный, виггизмъ до того узкій и олигархическій, что онъ мало чѣмъ былъ, или вовсе ничѣмъ не былъ, лучше торизма. Воображеніе молодого лорда было очаровано тѣми надутыми чувствами свободы, которыми изобилуютъ римскіе поэты и ораторы; и онъ, подобно этимъ поэтамъ и ораторамъ, разумѣлъ подъ свободу нѣчто совершенно отличное отъ той единственной свободы, которая важна для счастья человечества. Подобно имъ, онъ видѣлъ опасность для свободы только со стороны королевской власти. Республика, угнетаемая и ограбляемая людьми, подобными *Опимію* и *Верресу*, по его мнѣнію, была свободна, потому что она не имѣла государя. Членъ верховнаго венеціанскаго совѣта, который проводилъ всю свою жизнь подъ опекою и въ страхѣ, который не могъ путешествовать, куда хотѣлъ, или посѣщать, кого желалъ, или располагать своею собственностью, по своему усмотрѣнію; который на каждомъ шагу былъ окруженъ шпионами, который на глазахъ

улицѣ видѣлъ бронзовую пасть, пронзенную противъ него безъименная обващениа, и котораго инквизиторы республики могли во всякую минуту, по всякому поводу, или вовсе безъ повода съ его стороны, арестовать, предать пыткамъ, бросить въ Большой Каналъ,—былъ свободенъ, потому что онъ не имѣлъ надъ собою короля. Ограничить, въ пользу небольшого привилегированнаго класса, преимущества, которыми обладаетъ и долженъ обладать государь для пользы цѣлой націи, — вотъ цѣль, къ которой стремилось сердце Спенсера».

Этотъ характеръ очерченъ блистательно, но мы не думаемъ, чтобы онъ былъ очень взрѣнъ или справедливъ.

Мы говорили, что разсказъ Маколея о Спенсертъ Коупертъ, вѣроятно, не понравился одной религіозной общинѣ. Описанная въ немъ исторія исполнена глубокаго интереса, и въ свое время произвела сильное впечатлѣніе.

«Въ Гертфордѣ жила богатая квакерская фамилія—Стоутовъ. Одна молодая, хорошенькая дѣвушка изъ этой фамиліи впадала въ родъ меланхоліи, довольно обыкновенный въ женщинахъ съ сильною чувствительностію и живымъ воображеніемъ, которыя подвержены стѣсненіямъ строгихъ религіозныхъ обществъ. Ея одежда, взгляды, жесты обнаруживали расстройство ея ума. Иногда она намекала на свое отвращеніе къ сектѣ, къ которой принадлежала. Она жаловалась, что одинъ лодочникъ изъ того же братства говорилъ не въ ея пользу на митингѣ. Она грозилась отправиться за море, броситься изъ окна, утопиться. Двумъ или тремъ изъ своихъ подругъ она призналась, что она влюблена; и однажды сказала прямо, что она никогда не можетъ выйти замужъ за человѣка, котораго любитъ. Дѣло въ томъ, что предметомъ ея любви былъ женатый человѣкъ—Спенсертъ Коупертъ. Наконецъ она написала къ нему письмо въ такихъ выраженіяхъ, которыхъ никогда бы не употребила, еслибы ея умъ не былъ расстроенъ. Коупертъ, какъ человѣкъ честный, нимало не воспользовался несчастнымъ состояніемъ ея умственныхъ способностей, и всѣми мѣрами старался избѣгать ея. Его благоразуміе огорчало ее до такой степени, что однажды съ нею сдѣлались припадки. Однакоже случилось такъ, что ему было необходимо свидѣться съ нею, когда онъ прибылъ въ Гертфордъ, во время весеннихъ ассизовъ 1699 г. Ему было поручено передать ей деньги, должныя ей по закладной. Онъ отправился къ ней для этой цѣли поздно вечеромъ, и отдалъ ей кошелекъ съ золотомъ. Она про-

сила его посѣтить ея семейство; но онъ извинился и ушелъ. На слѣдующее утро её нашли мертвую между сваями медьничной плотины въ рѣкѣ, называемой Priory River».

Судъ коронеровъ * призналъ, что миссъ Стоутъ совершила самоубійство въ припадкѣ временнаго сумасшествия; но семейство ея не было удовлетворено этимъ приговоромъ. По словамъ лорда Маклея, «оно не хотѣло допустить, что она сама лишила себя жизни, и старалось обвинить кого нибудь другаго въ умерщвлении ея». По крайней мѣрѣ подозрѣнія пали на послѣдняго изъ говорившихъ съ нею мужчинъ, котораго подозрѣвали въ любовныхъ съ нею связяхъ и который, будучи ея любовникомъ, разумѣется, не могъ не быть негодяемъ. Они собрали кое-какія улики, подобныя слѣдующей:

«Случилось, что въ эту несчастную ночь былъ подслушанъ разговоръ двухъ стряпчихъ и одного маклера, прибывшихъ изъ города къ гертфордскимъ ассизамъ. Сидя за своимъ винномъ, они толковали о прелестяхъ и кокетствѣ хорошенькой квакерской дѣвушки съ тою легкостью, съ которою иногда говорятъ объ этихъ предметахъ даже за круглыми и обѣденными столами нашего, болѣе образованнаго, поколѣнія. Нѣсколько вольныхъ двусмысленныхъ словъ было сказано ими о томъ, какъ она кокетничала съ однимъ любовникомъ и какъ другой любовникъ накажетъ ее за кокетство. Безъ всякихъ другихъ, болѣе резонныхъ, основаній, родственники ея вообразили, что Спенсеръ Коуперъ, съ помощію этихъ трехъ служителей закона, задушилъ ее и бросилъ трупъ ея въ воду. Не было рѣшительно никакого доказательства преступленія. Не было никакого доказательства, что кто-либо изъ обвиненныхъ имѣлъ какой нибудь поводъ къ совершенію подобнаго преступленія; не было никакого доказательства, что Спенсеръ Коуперъ имѣлъ какія нибудь связи съ лицами, которыхъ называли его сообщниками. Одного изъ этихъ людей онъ даже никогда не видалъ. Но нѣтъ такой нелѣпой сказки, которою нельзя было бы обмануть умы, ослѣпленные религіознымъ или политическимъ фанатизмомъ. Квакеры и тори соединились вмѣстѣ, чтобы поднять страшную тревогу. Первые въ тѣ времена не имѣли нисколько совѣстливости относительно уголовныхъ наказаній. Они, въ

* Coroner—чиновникъ, главная обязанность котораго состоитъ въ разслѣдованіи, какимъ образомъ произошла смерть лица, если при ней было или предполагалось насиліе.

самомъ дѣлѣ,—по горькому, но слишкомъ вѣрному выраженію Спенсера Коупера,—готовы были скорѣе отправить четырехъ невиныхъ людей на висѣлицу, нежели позволить другимъ думать, что дѣвушка, просвѣщенная свѣтомъ ихъ ученія, совершила самоубійство. Торжественно отпраздновали, въ надеждѣ оттагать отъ виговъ два стула. Все королевство было раздѣлено между Стоутами и Коуперами. Во время лѣтнихъ ассизовъ Гертфордъ былъ наполненъ озабоченными лицами, прибывшими изъ Лондона и изъ другихъ, болѣе отдаленныхъ частей Англій. Обвиненіе въ судѣ было ведено съ злобою и недобросовѣстностью, которая кажется намъ почти невѣроятными, и, къ несчастію, на скамьѣ засѣдалъ судья самый тупой и невѣжественный изъ всѣхъ двѣнадцати. Коуперъ защищалъ себя и тѣхъ, кого называли его сообщниками, съ удивительнымъ искусствомъ и самообладаніемъ. Его братъ, еще болѣе опечаленный нежели онъ самъ, сидѣлъ близъ него во все время продолжительной пытки этого дня. Обвиненіе противъ заключенныхъ основывалось главнымъ образомъ на простонародномъ заблужденіи, что если человѣческое тѣло найдено,—какъ трупъ этой несчастной дѣвушки,—плавающимъ въ водѣ, то, значитъ, оно брошено было въ воду еще за жива. Для доказательства справедливости этого мнѣнія призваны были медки, о которыхъ ничего не извѣстно кромѣ того, что они были дѣтельными противниками виговъ на гертфордскихъ выборахъ. Для подтвержденія свидѣтельства этихъ джентльменовъ, на скамью свидѣтелей было посажено двое или трое матросовъ. Съ противной стороны появился рядъ ученыхъ, которыхъ имена до сихъ поръ памятны. Въ числѣ ихъ находился Уильямъ Коуперъ,—не родственникъ обвиненнаго, но славнѣйшій изъ англійскихъ анатомистовъ того времени. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ основателемъ ученой династіи, знаменитой въ исторіи науки, потому что онъ былъ учителемъ Уильяма Чизельдена, а Уильямъ Чизельденъ былъ учителемъ Джона Гэнтера. Съ этой же стороны явился Самуэль Гартъ, который между врачами столицы не имѣлъ соперниковъ, исключая Радклифа и Ганса Слоана, основателя великолѣпнаго музеума, составляющаго гордость нашей страны. Эти ученые выразили справедливое презрѣніе къ попыткѣ обвинителей сдѣлать предразсудки главнымъ доказательствомъ для отнятія жизни у обвиненныхъ. Главный судья спросилъ Гарта, что онъ можетъ сказать въ отвѣтъ на свидѣтельство моряковъ. Милордъ,—возразилъ Гартъ,—я гово-

рю, что они ошиблись. Я найду пропасть моряковъ, которые поклянутся, что отъ свиста подымается вѣтеръ, и что это они сами испытали.—Судъ присяжныхъ призналъ арестантовъ невинными, и лица, присутствовавшія при производствѣ суда, возвратясь въ Лондонъ, говорили, что этотъ приговоръ былъ всѣми принятъ съ рукоплесканіями, и что даже Стоуты, по видимому, убѣдились въ своей ошибкѣ. Однакоже извѣстно, что недоброжелательство побѣжденной партіи возродилось со всею своею силой. На жизнь четырехъ людей, только что освобожденныхъ, вновь сдѣлано было нападеніе посредствомъ самаго нелѣпаго и отвратительнаго способа, допускавшагося нашими старинными законами, — аппелляціи объ убійствѣ. Это нападеніе также не удалось. Всѣ ябедническія ловки наконецъ истожились; для секты и для партіи, обманутыхъ въ своихъ ожиданіяхъ, не осталось ничего болѣе, какъ только клеветать на тѣхъ, которыхъ умертвить онѣ нашли невозможнымъ. Написано было нѣсколько пасквилей, гдѣ Спенсера Коупера предавали проклятію публики. Но публика отдала ему справедливость. Онъ достигъ высокаго поста въ своей профессіи: онъ, наконецъ, при общемъ одобреніи, занялъ мѣсто на судейской скамьѣ, и тамъ ознаменовалъ себя челоуѣколюбіемъ, которое онъ никогда не забывалъ оказывать несчастнымъ, стоявшимъ, какъ нѣкогда стоялъ онъ самъ, у рѣшотки трибунала. Многимъ изъ людей, которые рѣдко заглядываютъ въ родословныя, безъ сомнѣнія, интересно будетъ узнать, что онъ былъ дѣдомъ превосходнаго челоуѣка и превосходнаго поэта Уилльяма Коупера, сочиненія котораго были долгое время въ особенности любимы и уважаемы членами религіозной общины, которая, подъ вліяніемъ сильнаго заблужденія, старалась убить его невиннаго дѣда.»

Въ примѣчаніи къ этому мѣсту лордъ Маколей выражаетъ свое удивленіе, что ни одинъ изъ многочисленныхъ біографовъ его, ни даже самъ Коуперъ не упоминаетъ объ этой исторіи съ своимъ дѣдомъ,—фактъ, относительно котораго мы вовсе не раздѣляемъ удивленія его свѣтлости. Отъ самаго Коупера нельзя было ожидать, чтобы онъ рассказывалъ, какъ его дѣдъ былъ обвиненъ въ смертоубійствѣ. Соути, Чальмерсъ и К-о, вѣроятно никогда не слышали объ этой романтической и неприятой исторіи.

Не менѣе романтична исторія лорда Кланкарти и его молодой жены.

«Въ дѣлѣ одного важнаго преступника были обстоятельства, ко-

торыя возбудили всеобщій интересъ и могли бы доставить хорошій сюжетъ для повѣствователя, или драматурга. Около четырнадцати лѣтъ предъ тѣмъ Сѣндерлендъ, бывшій тогда государственнымъ секретаремъ Карла II, выдалъ дочь свою, Леди Елисавету Спенсеръ, за мужъ за Доно Макарти (Donough Macarthy) графа Кланкарти, владѣльца огромнаго помѣстья въ Мэнстерѣ. И женихъ и невѣста были еще совсѣмъ дѣти, — первый имѣлъ только пятнадцать, а вторая — только одиннадцать лѣтъ отъ роду. Послѣ брачнаго обряда они были разлучены; и много лѣтъ, исполненныхъ странныхъ превратностей судьбы, прошло прежде, чѣмъ они опять встрѣтились другъ съ другомъ. Мальчикъ въ скорости посѣтилъ свои помѣстья въ Ирландіи. Онъ былъ воспитанъ въ правилахъ англиканской церкви; но его мнѣнія и привычки были безнравственны. Онъ очутился въ кругу родственниковъ, которые были ревностными римскими католиками. На тропѣ былъ римско-католическій государь. Сдѣлаться римскимъ католикомъ было лучшею рекомендаціею для снисканія себѣ милостей въ Уайтголь и Дублинѣ Кэстлѣ. Кланкарти тотчасъ перемѣнилъ свою религію и изъ распутнаго протестанта сдѣлался распутнымъ папистомъ. Послѣ революціи онъ раздѣлялъ судьбу Іакова: засѣдалъ въ цельтическомъ парламентахъ, собиравшемся въ «Королевскомъ Подворьѣ;» командовалъ полкомъ въ цельтической арміи, былъ принужденъ сдаться Мальборо при Коркѣ, посланъ въ Англію и заключенъ въ Товеѣ. Помѣстья Кланкарти, приносившія, какъ полагали, не менѣе десяти тысячъ фунт. въ годъ, были конфискованы. Изъ нихъ производилась ежегодная пенсія брату графа, и другая пенсія женѣ его, но большая часть имѣнія была пожалована королею лорду Вудстоку, старшему сыну Портленда. Нѣкоторое время жизнь арестанта находилась въ опасности. Народный голосъ обвинялъ его въ преступленіяхъ, для которыхъ нельзя было найти оправданія въ крайнихъ безпорядкахъ междоусобной войны. Говорили, что ему угрожаетъ искъ объ убійствѣ, со стороны вдовы одного протестантскаго пастора, умерщвленнаго во время гражданскихъ смутъ. Пробывши три года въ заключеніи, Кланкарти бѣжалъ на континентъ, былъ милостиво принятъ въ Сенъ-Жерменѣ, и получилъ начальство надъ корпусомъ ирландскихъ эмигрантовъ. Когда Русвикскій трактатъ положилъ конецъ надеждѣ, что изгнанная династія будетъ восстановлена чужезнымъ оружіемъ, Кланкарти вознмѣлъ мысль, что онъ еще можетъ помириться съ англійскимъ правительствомъ.

вомъ. Но онъ жестоко ошибся. Вліянія фамиліи его жены было, безъ сомнѣнія, болѣе чѣмъ достаточно, для исходатайствованія прощенія ему. Но на это вліяніе онъ не могъ рассчитывать. Себя-любивый, низкій, скупой, тестъ его ни мало не желалъ содержать высокорожденнаго нищаго, и его потомство, на своемъ ждивненіи. Господствующею страстью его шурина былъ суровый и злой духъ партіи. Онъ не могъ выносить мысли, что находился въ такомъ близкомъ свойствѣ съ врагомъ революціи и «билля о правахъ,» — и съ удовольствіемъ желалъ бы расторженія этихъ узъ, хотя бы рукою палача. Однакоже существовало одно лицо, у котораго разорившійся, бездомный, изгнанный, молодой лордъ могъ надѣяться найти ласковый пріемъ. Передѣтый, онъ, украдкою, перебрался чрезъ Каналь, явился у воротъ Сѣндерланда и попросилъ свиданія съ леди Кланкарти. Онъ говорилъ, что имѣетъ къ ней порученіе отъ ея матери, которая лежитъ больная въ Виндзорѣ. Посредствомъ этой выдумки онъ получилъ доступъ, открылся жемъ, которая, вѣроятно, постоянно думала о немъ въ теченіе многихъ лѣтъ, и оказала ему теперь самые нѣжные знаки любви, освященной законами Божескими и человѣческими. Тайна скоро была узнана и выдана служанкой. Спенсеру въ ту же ночь сдѣлалось извѣстнымъ, что его сестра принимала мужа въ своихъ комнатахъ. Фанатическій молодой вигъ, пылая злобою, которую онъ принималъ за добродѣтель, и нетерпѣливо желая состязаться съ коринейяниномъ, убившимъ своего брата, и римляниномъ, произнесшимъ смертный приговоръ надъ своимъ сыномъ, поспѣшилъ въ канцелярію Вернона; донесъ тамъ, что очень близко скрывается ирландскій бунтовщикъ, который однажды уже бѣжалъ изъ заключенія, и досталъ бумагу объ арестѣ, съ командою стражи. Кланкарти былъ найденъ въ объятіяхъ жены и уведенъ въ Товеръ. Она послѣдовала за нимъ и умоляла о позволеніи раздѣлить его заключеніе. Эти событія произвели большое волненіе въ лондонскомъ обществѣ. Сѣндерлендъ вездѣ объявлялъ, что онъ отъ души одобряетъ поступокъ своего сына, но публика составила свое собственное мнѣніе о правдивости Сѣндерленда, и очень мало обращала вниманія на его разглагольствованія объ этомъ или о какомъ либо другомъ предметѣ. Вообще, почтенные леди обѣихъ партій, каково бы ни было мнѣніе ихъ о Кланкарти, чувствовали глубокое состраданіе къ его матери, умиравшей отъ горя, и къ его несчастной молодой жемъ,

которая жалобно умоляла, чтобы ее допустили въ тюрьму ея мужа. Девонширъ и Бедфордъ соединились съ Ормондомъ, чтобы просить о помилованіи. Призвана была на помощь еще болѣе могущественная посредница. Король уважалъ леди Россель, какъ достойнаго друга, нація вообще почитала ее, какъ святую, какъ вдову мученика, — и когда она удостоивала просить для кого нибудь милостей, то едва ли было возможно, чтобы она получила отказъ. Она, естественно, чувствовала сильную симпатію къ несчастной четѣ, разлученной стѣнами этого мрачнаго стариннаго замка, въ которомъ и сама она мѣнялась послѣдними грустными ласками съ тѣмъ, чей образъ никогда не выходилъ изъ ея мыслей. Она взяла съ собою леди Кланкарти во дворецъ, получила доступъ къ Вильгельму и подала ему прошеніе. Кланкарти былъ прощенъ съ условіемъ, что онъ оставитъ королевство и никогда не возвратится туда. Ему пожалована была пенсія, — небольшая въ сравненіи съ огромнымъ имѣніемъ, которое было у него конфисковано, но совершенно достаточная для того, чтобы онъ могъ жить на континентѣ, прилично джентльмену. Въ сопровожденіи своей Елисаветы; онъ удалился въ Алтону.»

Разсказы, подобные приведеннымъ обращикамъ, дѣлаютъ этотъ томъ отрывковъ чрезвычайно занимательнымъ чтеніемъ.

О даріенскомъ проэктѣ и, въ связи съ нимъ, о шотландскомъ характерѣ благородный историкъ оставилъ намъ слѣдующій величавый параграфъ:

«Что шотландцы народъ чрезвычайно умный, осторожный, рѣшительный и умѣющій владѣть собою, — это очевидно даже для самаго поверхностнаго наблюдателя. Что они — народъ въ особенности подверженный опаснымъ припадкамъ страсти и обольщеніямъ воображенія, — это не въ такой степени признано, но тѣмъ не менѣе вѣрно. Все государство, казалось, сошло съ ума. Патерсонъ приобрѣлъ вліяніе, похожее болѣе на вліяніе основателя новой религіи, какого нибудь Магомета или Юсефа Смита, — нежели на вліяніе коммерческаго прожектёра. Слѣдная вѣра въ религію и фанатическая ревность къ ней слишкомъ обыкновенны для того, чтобы удивлять насъ. Но подобная вѣра и ревность кажутся страннымъ образомъ неумѣстными въ операціяхъ денежнаго рынка. Правда, мы судимъ послѣ событія. Но и прежде событія, для составленія о немъ здраваго сужденія, было достаточно матеріаловъ въ рукахъ тѣхъ, кто хотѣлъ ими восполь-

зоваться. Кажется невѣроятнымъ, что здравосмыслящіе люди, которые имѣли только смутное и поверхностное понятіе о планѣ Патерсона, могли рискнуть всѣмъ для успѣха этого плана. Еще болѣе невѣроятнымъ кажется то, что люди, которымъ были открыты подробности проэкта, не заглянули въ какую нибудь изъ обыкновенныхъ книгъ по исторіи или географіи, гдѣ бы можно было найти свѣдѣнія о Даріенскомъ перешейкѣ, и не задали себѣ простаго вопроса — вѣроятно ли, что Испанія потернеть шотландскую колонію въ сердцѣ своихъ владѣній за Атлантическимъ океаномъ. Было извѣстно, что она присвоивала себѣ верховное господство надъ перешейкомъ на благовидныхъ—мало того, на твердыхъ основаніяхъ. Испанецъ первый открылъ Даріенскій берегъ. Испанецъ построилъ городъ и учредилъ управленіе на этомъ берегу. Испанецъ съ большими трудами и опасностями перебрался чрезъ гористый перешеекъ, увидѣлъ у ногъ своихъ необъятный Тихій океанъ, никогда еще до тѣхъ поръ не открывавшійся глазамъ европейца, съ мечемъ въ рукѣ, сошелъ по поясъ въ волны, и тамъ торжественно принялъ власть надъ моремъ и берегомъ, во имя кастильской короны. Правда, что область, которую Патерсонъ описывалъ какъ рай, первые кастильскіе поселенцы нашли бѣдствія и смерти. Воздухъ, зараженный ядовитыми испареніями густого лѣса и стоячей воды, принудилъ ихъ удалиться къ сосѣдней панамской гавани, и краснокожимъ индѣйцамъ презрительно было дозволено жить, какъ они хотятъ, на ихъ смертоносной почвѣ. Но все таки эту почву Испанія считала и могла считать своею собственностью. Во многихъ странахъ были болотистыя, гористыя или лѣсистыя мѣстности, въ которыхъ поддерживать порядокъ правительства считали не стоящимъ труда и издержекъ, и въ которыхъ грубыя племена пользовались нѣкотораго рода независимостью, вслѣдствіе послабленія. Для членовъ шотландской компаніи, ведущей торговлю съ Африкою и Индіями, не было надобности ходить слишкомъ далеко за примѣромъ. Въ нѣкоторыхъ горныхъ округахъ на разстояніи не болѣе ста миль отъ Эдинбурга, жили кланы, которые на власть короля, парламента, тайнаго совѣта и верховнаго гражданскаго суда къ Шотландіи обращали такъ же мало вниманія, какъ даріенскіе туземцы на власть испанскихъ намістниковъ и судовъ. Однакоже, если бы испанскій король завладѣлъ Анциномъ и Лочеберомъ, то это, конечно, было бы сочтено оскорбительнымъ нарушеніемъ общественнаго закона съ

его стороны. Равнымъ образомъ со стороны шотланцевъ, развѣ менѣ оскорбительнымъ нарушеніемъ общественнаго закона было бы—завладѣть провинціею въ самомъ центрѣ владѣній испанскаго короля подъ предлогомъ, что эта провинція находится въ томъ же состояніи, въ которомъ Аннинъ и Лочеберъ находились въ теченіе цѣлыхъ столѣтій?»

Нечестность шотландцевъ развивается еще далѣе:

«Такъ грубо несправедливо было предпріятіе Патерсона, и однакожь, еще въ большей мѣрѣ чѣмъ несправедливо, оно было противно политикѣ. При всемъ оцѣненіи, въ которое впаля Испанія, оставался еще одинъ пунктъ, относительно котораго она была въ высшей степени чувствительна. Малѣйшаго вторженія какой нибудь европейской державы даже въ мѣста близкія къ границамъ ея американскихъ владѣній было достаточно для того, чтобы возмутить ея покой и укрѣпить ея парализированные нервы. Вообразить, что она терпѣливо допуститъ авантюристамъ (одного изъ самыхъ незначительныхъ государствъ Стараго Свѣта образовать поселеніе среди ея имперіи, на разстояніи одного дня морскаго пути отъ Портобелло съ одной стороны и отъ Картагены съ другой — было смѣшною негѣпостью. Это было совершенно столько же невѣроятно, какъ и то, что Испанія позволила бы имъ овладѣть Эскуриаломъ. Какія средства имѣла компанія вести такую войну, и какія шансы къ достиженію такого успѣха? Обыкновенный доходъ Шотландіи въ мирное время простирался отъ шестидесяти до семидесяти тысячъ въ годъ. Чрезвычайныя субсидіи, выдаваемыя коронѣ въ продолженіе войны съ Франціею, доходили можетъ быть, еще до такой же суммы. Правда, Испанія была уже не такова, какъ въ дни побѣдъ при Павіи или Лепанто. Но даже при упадкѣ своемъ она обладала въ Европѣ ресурсами, превосходившими въ тридцать разъ ресурсы Шотландіи; а въ Америкѣ, гдѣ должна была произойти борьба, непропорціональность была еще значительнѣе. Безспорно, испанскіе флоты и арсеналы находились въ жалкомъ положеніи, но они существовали. Гальоны, которые плавали каждый годъ отъ Севильи въ сосѣдство Даріенской земли, и оттуда обратно въ Севилью, были въ сносномъ состояніи и сами по себѣ составляли значительную армаду. Шотландія не имѣла ни одного линейнаго корабля, ни одного дока, гдѣ бы его построить. Флотъ, который былъ бы превосходнѣе испанскаго, предстояло не только снарядить и наполнить людьми,

но и создать просто. За пять тысячъ миль по океану надлежало послать войско, достаточное для защиты перешейка противъ всѣхъ силъ намѣстничествъ Мехико и Перу. До какой степени могла быть отяготительна подобная экспедиція? Въ предшествующую генерацию Кромвель отнялъ у Испаніи одинъ островъ въ Западной Индіи: но чтобы сдѣлать это, Оливеръ,—человѣкъ который въ совершенствѣ понималъ военную администрацію, который не истратилъ ничего даромъ, и которому превосходно служили,—былъ принужденъ издержать въ одинъ годъ, только на однѣ морскія силы, сумму, въ двадцать разъ превышавшую обыкновенный доходъ Шотландіи; а съ тѣхъ поръ война постоянно дѣлалась все болѣе и болѣе убыточной.

Было ясно, Шотландія не можетъ одна нести издержекъ борьбы съ непріателемъ, котораго Патерсонъ намѣревался вызвать. И на какую помощь извиѣ она могла съ вѣроятностью рассчитывать? Безспорно, обширное колоніальное могущество и узкая колоніальная политика Испаніи возбуждали неудовольствіе не въ одной изъ великихъ морскихъ державъ. Но не было ни одной великой морской державы, которая бы не сочла гораздо лучшимъ, чтобы перешеекъ между Атлантическимъ и Тихимъ океанами находился въ рукахъ испанцевъ, нежели въ рукахъ Даріенской компаніи. Людовикъ могъ питать только чувство опасенія относительно того, что клонилось къ возвеличенію государства, управляемаго Вильгельмомъ. Для Голландіи остъ-индская торговля была зрачкомъ въ глазу. Главныя выгоды отъ открытій Гамы достались ей, и должно было ожидать, что она скорѣе сдѣлаетъ все, что можно сдѣлать хитростью, и въ случаѣ нужды, силой, нежели допустить какого нибудь соперника быть для нея тѣмъ, чѣмъ она сама была для Венеціи. Оставалась Англія; и Патерсонъ былъ довольно пылокъ для того, чтобы льстить себя надѣждою убѣдить ее оказать компаніи свою могущественную помощь. Онъ и лордъ Бельгевнъ отправились въ Лондонъ, открыли контору въ Клементсъ-Ленѣ, составили Правленіе директоровъ, въ помощь центральному правленію въ Единбургѣ, и пригласили капиталистовъ королевской биржи къ подпискѣ для составленія капитала, который назначался не для коренныхъ жителей Шотландіи. Нѣсколько богатыхъ людей попались на эту приманку; но шумъ въ Сити былъ громокъ и грозенъ, а изъ Сити чувство негодованія скоро распространи-

лось, и по всей странѣ. Правда, въ этомъ чувствѣ была большая примѣсь недоброжелательства. Умы однихъ находились подъ влияніемъ антипатіи національной, другихъ религіозной; но невозможно отрицать, что гнѣвъ, возбужденный планами Патерсона на югѣ острова, былъ, въ главномъ, справедливъ и основателенъ. Хотя не всѣ знали, въ какомъ именно мѣстѣ предполагалось устроить его колонію, но не могло быть большого сомнѣнія въ томъ, что онъ намѣревался занять какую нибудь часть Америки, и что подобное занятіе встрѣтитъ сопротивленіе. Должна была возгорѣться морская война, вести которую Шотландія не имѣла никакихъ средствъ. Состояніе ея финансовъ было таково, что рѣшительно не давало ей возможности снарядить даже одну небольшую эскадру. Не прошло бы трехъ мѣсяцевъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, какъ у ней не осталось бы ни денегъ, ни кредита. Эти вещи были очевидны для каждаго политика кофейныхъ домовъ, и невозможно было думать, что ихъ незамѣтятъ люди столь умные и свѣдущіе, какъ нѣкоторые изъ членовъ Тайнаго Совѣта и парламента въ Эдинбургѣ. Поведеніе этихъ прожектѣровъ можетъ быть объяснено только однимъ способомъ. Они думали одурачить жителей южной части острова и сдѣлать ихъ своимъ орудіемъ. Два британскія королевства были такъ тѣсно связаны и физически и политически, что едва ли для одной изъ нихъ было возможно сохранить миръ съ державой, съ которою другая находилась бы въ войнѣ. Если бы шотландцы вовлекли короля Вильгельма въ распрю, то Англія, ради своего собственнаго достоинства, связаннаго съ достоинствомъ Вильгельма, была бы должна поддержать его. Ей предстояло быть вовлеченною въ кровавую и раззорительную борьбу по дѣлу, въ которомъ она не имѣла никакого интереса; мало того—въ борьбу, въ которой побѣдить было бы для нея болѣе бѣдственнымъ, нежели потерпѣть пораженіе. Ей предстояло пожертвовать своимъ богатствомъ и жизнью своихъ моряковъ для того, чтобы нѣсколько хитрыхъ чужеземцевъ могли наслаждаться монополіей, отъ которой главнымъ образомъ потерпѣла бы сама Англія. Ей предстояло завоевать и потомъ защищать провинціи для этой шотландской корпораціи, и въ награду за то ей грозило раззореніе собственныхъ купцовъ конкуренціею дешевой продажи, потеря покупателей, отвлеченныхъ въ другую сторону, и истощеніе казны. Тогда наступилъ бы конецъ спорамъ между двумя остъ-индскими компаніями—старою и новою, потому что обѣ онѣ раззорились бы одинаково. Два великіе источника до-

ходовъ изсякли бы въ одно время. Какой былъ бы таможенный доходъ, или акцизный сборъ, если бы огромные склады сахара, рома, табаку, кофе, шоколата, чаю, пряностей, шолка, муслина, свободныхъ отъ всякой пошлины, появились около пристаней Форта и Клайда и вдоль границы отъ устья Эска до устья Твида? Какая армія и какой флотъ были бы достаточны для охраненія интересовъ правительства и честныхъ торговцевъ, когда вся Шотландія превратилась бы въ одно большое контрабандное заведеніе? Планъ Патерсона состоялъ просто на просто въ томъ, чтобы сперва заставить Англію потратить миліоны въ защиту торговли его компаніи, а потомъ, посредствомъ этой самой торговли, отнять у англичанъ вдвое столько миліоновъ, сколько было потрачено».

Мы говорили о склонности лорда Маколея къ морали и поученіямъ не столько въ видѣ упрека, сколько въ видѣ характеристики. Поученія у него всегда краснорѣчивы, а мораль очень часто проникательна и внушительна. Мы имѣемъ превосходный образецъ во всемъ изображеніи Чарльза Монтэю—графа Галифакса. Въ ту минуту, когда этотъ любимецъ счастія готовъ пасть предъ своими непріятелями, намъ говорятъ:

«Огромное богатство, пріобрѣтенное вдругъ, не часто употребляется съ умѣренностію, достоинствомъ и хорошимъ вкусомъ. Поэтому, можетъ быть, существовало нѣкоторое основаніе для дикихъ исторій, которыми злонамѣренные памфлетисты услаждали досугъ недовольныхъ сквайровъ. Въ этихъ исторіяхъ Монтэю игралъ видную роль. Тамъ говорилось, что онъ избралъ средство быть въ одно и тоже время богатымъ, какъ Крезъ, и расточительнымъ, какъ Маркъ Антоній. Его конскій заводъ и его погребъ были выше всякой цѣны. Даже его лакеи поворачивали свой носъ къ кларету. Онъ и его союзники были описываемы какъ люди, издерживающіе огромныя суммы, отнятыя ими у публики, на пиршественные столы изъ четырехъ блюдъ, подобныхъ тѣмъ, которыя ѣлъ Лукуллъ въ залѣ Аполлона. Ужинъ для двѣнадцати виговъ, обогащенныхъ выгодными спекуляціями, подарками, подкупами, и удачными денежными оборотами, стоилъ восемьдесятъ фунтовъ. Послѣ каждого блюда все прекрасное бѣлье на столѣ мѣнялось. Увидавъ эти пирамиды отборной дичи, можно было подумать, что угощеніе приготовлено, по крайней мѣрѣ, для пятидесяти эпикурейцевъ. Въ Лондонѣ можно было найти только шесть птичьихъ гнѣздъ съ

скихъ острововъ: и всѣ эти шесть гнѣздъ, купленные за огромную цѣну, дымилась въ супѣ на столѣ. Эти басни были одинаково лишены и вѣроятности и доказательствъ. Но какую бы басню, оскорбительную для Монтэгу, ни выдумалъ Гробъ-Стритъ (т. е. писаки низшаго сорта), она всегда находила вѣру болѣе чѣмъ въ половинѣ усадебъ и викаріатствъ Англій.»

Конечно, эту непоимѣнную злобу Гробъ-Стрита противъ великаго богача слѣдовало объяснить; мораль такого антагонизма между жалкими писаками и гениальнымъ человѣкомъ надлежало выставить въ самомъ сильномъ свѣтѣ, и это сдѣлано Макколеемъ къ большой невыгодѣ и ужасу Гробъ-Стрита:

«Можетъ показаться страннымъ, что человѣка, который страстно любилъ литературу и щедро награждалъ литературныя заслуги, бранили и въ стихахъ и въ прозѣ едва ли не больше, чѣмъ всякаго другаго политическаго дѣятеля нашей исторіи. Но въ сущности этому нечего удивляться. Могущественный, щедрый и разборчивый покровитель генія можетъ съ большою вѣроятностью рассчитывать на почетную память о немъ послѣ его смерти, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на то, что во время его жизни его будутъ преслѣдовать грубыми пасквилами. Въ каждомъ вѣкѣ на одного хорошаго писателя приходится двадцать плохихъ; и каждый плохой писатель считаетъ себя хорошимъ. Правитель, который обнаруживаетъ одинаковое пренебреженіе ко всѣмъ литераторамъ, не уязвляетъ самолюбія ни одного изъ нихъ. Но правитель, который оказываетъ благосклонность къ немногимъ литераторамъ, заслуживающимъ ее, причиняетъ многимъ страданія обманутой надежды, оскорбленной гордости и смертельной зависти. Противъ несчастнаго патрона направляется вся ярость толпы писателей, подстрекаемыхъ жаломъ нужды и тщеславія. Правда, благодарность и хвала тѣхъ, которымъ онъ сдѣлалъ добро, будутъ памятны еще и тогда, когда ругательства тѣхъ къ которымъ онъ выказывалъ пренебреженіе, будутъ забыты. Но во время его жизни брань надѣляетъ столько же шума и найдеть столько же вѣры, какъ и панегирикъ. Горацій и Виргилій сдѣлали безсмертнымъ имя Мецената, и оно обыкновенно употребляется для обозначенія образованнаго государственнаго человѣка, который живетъ въ тѣсной дружбѣ съ величайшими поэтами и мыслителями своего времени, и осыпаетъ ихъ благодѣяніями съ самою деликатною щедростью. Но можно съ основательностью подозрѣвать, что если бы до насъ дошли стихи Альпина и Фаи-

нѣ, Бавія и Мевія, то мы бы увидѣли въ нихъ Мецената, представленнаго скупѣйшимъ и безвкуснѣйшимъ изъ людей, и даже человекомъ, который систематически презиралъ и преслѣдовалъ всякое умственное превосходство. Что касается до Монтегю, то извѣстно, что такимъ именно изображали его современные писатели. Въ очеркахъ, письмахъ, діалогахъ, балладахъ—они говорили міру, что онъ ни для кого не сдѣлаетъ ничего, не получивъ за это платы деньгами или какими нибудь низкими услугами; что онъ не только никогда не награждалъ достоинства, но и не навидѣлъ его вездѣ, гдѣ только встрѣчалъ его; что онъ прибѣгалъ къ самымъ подлымъ уловкамъ, чтобы лишить его бодрости, что тѣ, которымъ онъ оказывалъ покровительство и которыхъ обогащалъ, не были люди способные и достойные, а негодяи, отличавшіеся только своимъ наущничествомъ и низкимъ развратомъ. И это говорилось о человекѣ, который составилъ счастье Джозефа Аддисона и Исаака Ньютона.»

Конечно, во всемъ этомъ есть преувеличеніе. Многіе изъ тѣхъ, которые нападали на Монтегю, были равны ему по способностямъ и учености, и нѣтъ никакого основанія говорить, что будто бы онъ составилъ счастье Джозефа Аддисона и Исаака Ньютона. Безспорно, онъ былъ подверженъ нападкамъ злыхъ и неумолимыхъ враговъ. Но въ глазахъ лорда Маколея нѣкоторые люди не могутъ сдѣлать ничего ошибочнаго, другіе—ничего справедливаго. Сомерсъ—весь состоитъ изъ свѣта; Черчилль весь состоитъ изъ тѣни. Мы такими же видимъ ихъ здѣсь, какими ихъ находимъ въ партизанскихъ памфлетахъ своего времени; потому что Маколей былъ политикомъ, прежде чѣмъ сдѣлался историкомъ, и онъ ратуетъ за свою сторону, какъ самый запальчивый писатель въ современныхъ газетахъ. Грубость, жестокость и чувственность короля Вильгельма остались безъ упрёка. Когда Людовикъ замышляетъ предложить Вильгельму пенсію съ условіемъ, чтобы онъ вступилъ къ новыи трактатъ о Доверѣ и распустилъ безпокойный и скупой парламентъ, лордъ Маколей называетъ это «незначительнымъ обстоятельствомъ.» Онъ не расточаетъ своихъ поразительныхъ сарказмовъ противъ такого нравственнаго паденія, которое сдѣлало возможнымъ подозревать, что Вильгельмъ способенъ на подобный актъ политической измѣны и личной продажности. Предположите, что французскій король вздумалъ бы подкупить Мальборо!

Настоящій томъ, представляющій такъ много интересныхъ

мѣсть и предметовъ, заключается тщательно обработаннымъ очеркомъ смерти Вильгельма, очеркомъ, — мы полагаемъ, — вполне совершеннымъ, или почти совершеннымъ — относительно чисто литературнаго искусства. Вотъ этотъ очеркъ:

«Между тѣмъ вѣсти о состояніи здоровья короля дѣлались все болѣе и болѣе тревожными. Его медики, какъ англійскіе такъ и голландскіе, истощили наконецъ весь запасъ своихъ знаній. Онъ письменно совѣтовался со всѣми знаменитѣйшими врачами Европы, и опасаясь, что они могутъ дать благопріятные отвѣты изъ уваженія къ его званію, писалъ имъ свои письма къ нимъ подъ вымышленными именами. Къ Фагону онъ писалъ къ качеству приходскаго священника. Фагонъ нѣсколько рѣзко отвѣчалъ, что подобныя симптомы могутъ имѣть одинъ только смыслъ, и что единственный совѣтъ, который онъ можетъ дать въ этомъ случаѣ, состоитъ въ томъ, чтобы больной приготовился къ смерти. Получивъ этотъ прямой отвѣтъ, Вильгельмъ опять совѣтовался съ Фагономъ, уже подъ собственнымъ своимъ именемъ, и получилъ медицинскія предписанія, служившія къ нѣкоторой отсрочкѣ неизбѣжной минуты. Но дни великаго короля были сочтены. Головные боли и припадки дрожи возвращались къ нему почти ежедневно. Онъ все еще ѣздилъ верхомъ и даже охотился, но уже не имѣлъ той твердой посадки и того совершеннаго умѣнья управлять лошадью, какими онъ славился прежде. И все таки его главная забота была о будущемъ. Сыновнее уваженіе и нѣжность Альбермарля были для него почти необходимостью. Но что было дѣломъ особенной важности, это — сообщить Гейнзіусу полныя свѣденія какъ о всемъ планѣ будущей кампаніи, такъ и о сдѣланныхъ приготовленіяхъ. Альбермарлю были вполне извѣстны намѣренія короля относительно этихъ предметовъ. Поэтому онъ былъ посланъ въ Гагу. Гейнзіусъ въ это время страдалъ болѣзнию, которая, впрочемъ, была бездѣлицею сравнительно съ недугами Вильгельма. Но въ натурѣ короля ни мало небыло того эгоизма, который составляетъ слишкомъ обыкновенный недостатокъ больныхъ. 12 февраля онъ послалъ Гейнзіусу письмо, въ которомъ даже не сдѣлалъ намѣка на свои страданія и болѣзни. «Меня безконечно беспокоитъ, писалъ онъ, что вы еще не совсѣмъ поправились въ своемъ здоровьи. Да благоволитъ Богъ даровать вамъ скорое выздоровленіе. Остаюсь вашимъ неизмѣннымъ другомъ, Вильгельмъ.» Это были послѣднія строки продолжительной переписки. 12 февраля Вильгельмъ ѣхалъ на

любимой лошади своей, Соррель, через парк Гамптонъ-Корта. Онъ пустилъ ее въ галопъ какъ разъ около мѣста, гдѣ работала кротъ, выбрасывая землю изъ норы. Лошадь споткнулась на образовавшуюся отъ этаго кочку и упала на колѣни. Король былъ сброшенъ и переломилъ себѣ ключицу. Кость ему вправили, и онъ воротился въ Кенсингтонъ въ каретѣ. Тряска неровныхъ дорогъ того времени возстановила переломъ. Для молодого и сильнаго человѣка подобный случай былъ бы бездѣлицей. Но тѣло Вильгельма не было въ состояніи переносить даже самаго легкаго сотрясенія. Онъ почувствовалъ, что его время было при своемъ концѣ, и скорбѣлъ, тою скорбью, которую чувствуютъ только благородныя души, при мысли, что онѣ должны оставить свое дѣло оконченнымъ только вполонину. Была возможность, чтобы онъ прожилъ столько времени, пока одинъ изъ его плановъ будетъ приведенъ въ исполненіе. Онъ давно уже убѣдился, что отношенія между Англіею и Шотландіею во всякомъ случаѣ ненадежны, а часто даже неприязненны, и что можно было подозрѣвать, что при оцѣнкѣ британскаго могущества средства меньшей страны пришлось бы вычестъ изъ средствъ бѣльшей. Недавнія событія доказали, что два королевства не могутъ сохранить другъ къ другу отношеній, въ которыхъ они находились въ теченіе предшествовавшаго столѣтія, даже на одинъ лишній годъ и что между ними должно быть или абсолютное единство, или смертельная вражда. Вражда ихъ принесла бы страшныя бѣдствія не только имъ самимъ, но и всему цивилизованному міру. Ихъ союзъ былъ бы наилучшимъ обезпеченіемъ для благоденствія обоихъ, для внутренняго спокойствія острова, для справедливаго равновѣсія могущества между европейскими государствами и для свободы всѣхъ протестантскихъ странъ. 28 февраля общины съ непокрытыми головами слушали чтеніе послѣдняго сообщенія за собственноручною подписью короля. Несчастный случай, говорилъ онъ, заставилъ его письменно сообщить имъ то, что онъ очень бы желалъ провзнести съ трона. Еще въ первый годъ своего правленія онъ выражалъ желаніе видѣть соединеніе между Англіею и Шотландіею. Онъ былъ убѣжденъ, что ничто болѣе этого союза не можетъ способствовать къ безопасности и благополучію обѣихъ; что онъ почелъ бы особеннымъ счастіемъ, если бы теперь, предъ концомъ его царствованія, были придуманы какія нибудь уснѣшныя средства для слиянія двухъ королевствъ въ одно, и что онъ самымъ настоятельнымъ образомъ предлагаетъ

этотъ вопросъ на обсужденіе палаты. Было рѣшено войти въ разсмотрѣніе королевскаго предложенія въ субботу 7 марта. Но 1 марта на одномъ колѣнѣ короля показалаcя матерія очень угрожающаго свойства; 4-го съ нимъ сдѣлалась горячка; 5-го силы его очень ослабѣли, а 6-го жизнь его едва была поддерживаема крѣпительными средствами. Билль отреченія и билль финансовый ожидали его согласія. Онъ чувствовалъ, что не будетъ въ состояніи дать это согласіе лично. Поэтому онъ повелѣлъ изготавить бумагу для своей подписи. Рука его была уже слишкомъ слаба для того, чтобы онъ могъ изобразить буквы своего имени, и потому велѣно было приготовить печать. Къ 7 марта она была готова. Согласно обычаю, явились клерки парламента и лордъ хранитель, для присутствованія при подписи бумаги. Но они были задержаны нѣсколько часовъ въ пріемной комнатѣ, пока король находился въ одномъ изъ пароксизмовъ своей болѣзни. Между тѣмъ палаты засѣдали. Это была суббота 7 марта, день, въ который общины рѣшили войти въ разсмотрѣніе вопроса о соединеніи съ Шотландіей. Но объ этомъ предметѣ не было упомянуто. Было извѣстно, что королю осталось жить только нѣсколько часовъ, и члены съ безпокойствомъ спрашивали другъ друга — существуетъ ли вѣроятность, чтобы билль отреченія и финансовый прошли прежде, чѣмъ онъ скончается. Долго продавъ увѣдомленія, общины отложили сужденіе объ этихъ предметахъ до шести часовъ по полудни. Въ это время Вильгельмъ достаточно оправился, чтобы приложить печать къ пергаменту, которымъ онъ уполномочивалъ своихъ повѣренныхъ дѣйствовать отъ его имени. Вечеромъ, когда палаты собрались, въ дверь постучался экзекуторъ. Общины были потребованы въ отдѣленіе лордовъ; документъ былъ прочитанъ, отреченія и финансовый билль получили законную силу, и объ палаты отложили засѣданіе до девяти часовъ утра слѣдующаго дня, т. е. воскресенья. Но мало оставалось надежды, что Вильгельмъ проживетъ эту ночь. Было въ высшей степени важно, чтобы, — въ возможно скорѣйшее время послѣ его кончины, — наслѣдникъ, указанный биллемъ о правахъ и актомъ престолонаслѣдія, принялъ присягу сословій королевства и публично былъ объявленъ въ Совѣтъ; и самый строгій фарисей «Общества Преобразованія Обычаевъ» едва ли бы сталъ отвергать законность спасенія государства даже въ субботу. Между тѣмъ жизнь короля быстро угасала. Альбермарль прѣбылъ въ Кенсингтонѣ изъ Гаги, крайне измученный скорыи

путешествіемъ. Государь ласково приказалъ ему отдохнуть нѣсколько часовъ, а потомъ потребовалъ его для представленія отчёта. Этотъ отчётъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворителенъ. Генеральные штаты были въ самомъ благопріятномъ расположеніи духа; войска, припасы и магазины — въ наилучшемъ порядкѣ. Все было готово для ранней кампаніи. Вильгельмъ принялъ это извѣстіе съ спокойствіемъ чловѣка, котораго дѣло было окончено. Онъ ни мало не обольщался обманчивыми надеждами насчетъ своей опасности. «Я быстро приближаюсь къ концу», сказалъ онъ. Его смерть была достойна его жизни. Его умъ не помрачился ни на одно мгновеніе. Его твердость была достойна удивленія тѣмъ болѣе, что онъ не хотѣлъ умереть. Очень не задолго предъ смертію онъ сказалъ одному изъ тѣхъ, которыхъ наиболѣе любилъ: «вы знаете, что я никогда не боялся смерти; бывали времена, когда я могъ бы желать ея, но теперь, когда предо мною открывается эта новая великая будущность, я желалъ бы побыть еще здѣсь нѣсколько подольше.» Однако же никакая слабость, никакая жалоба не помрачили благороднаго конца этаго благороднаго поприща. Король кротко и ласково благодарилъ своихъ врачей: «я знаю что вы сдѣлали все, что могли сдѣлать для меня искусство и наука: но моя болѣзнь превосходитъ ваши знанія—и я покоряюсь.» Изъ словъ, которыя по временамъ вырывались изъ его устъ, можно было заключить, что его мысли часто обращались къ молитвѣ. Бэрнетъ и Тенисонъ много часовъ оставались въ комнатѣ больного. Онъ высказывалъ имъ свою твердую вѣру въ христіанскую религію и съ благоговѣніемъ принялъ изъ ихъ рукъ причастіе. Переднія комнаты всю ночь были наполнены лордами и членами тайнаго совѣта. Онъ велѣлъ позвать нѣкоторыхъ изъ нихъ и протислся съ ними въ немногихъ ласковыхъ и спокойныхъ словахъ. Въ числѣ англичанъ, допущенныхъ къ его кровати, находились Девоширъ и Ормондъ. Но въ толпѣ были люди, которые чувствовали, чего не могъ чувствовать ни одинъ англичанинъ: друзья его юности, которые оставались ему вѣрными, и которымъ онъ тоже оставался вѣрнымъ среди всѣхъ превратностей судьбы; которые служили ему съ неизмѣнною преданностью въ то время, когда его государственные секретари, казначейство и адмиралтейство измѣняли ему; которые ни на полѣ битвы, ни въ атмосферѣ зараженной ужасною и смертоносною болѣзнію, для спасенія его жизни, не колеблясь подвергали опасности свою собственную, и

которых вѣрность онъ, во вредъ своей популярности, награждалъ съ великодушною щедростью. Онъ напрягъ свой слабый голосъ, чтобы поблагодарить Оверкерка за усердную и вѣрную тридцатилѣтнюю службу. Альбермарлю онъ отдалъ ключи отъ своего кабинета и отъ своихъ секретныхъ ящичковъ. Вы знаете, сказалъ онъ, что съ ними сдѣлать. Въ это время онъ едва могъ дышать. Можетъ ли это продлиться? спросилъ онъ у докторовъ. Ему отвѣчали, что конецъ близокъ. Онъ принялъ крѣпительнаго и позвалъ Бентинка. Это были послѣднія явственныя слова. Бентинкъ тотчасъ же подошелъ къ постели, наклонился и приложилъ ухо къ губамъ умирающаго короля. Онѣ шевелились, но ничего не было слышно. Король взялъ руку своего самаго давнишняго друга и нѣжно прижалъ ее къ своему сердцу. Въ эту минуту, безъ сомнѣнія, было забыто все, что бросало иногда легкую мимолетную тѣнь на ихъ продолжительную и чистую дружбу. Теперь былъ восьмой часъ утра. Онъ закрылъ глаза и сталъ задыхаться. Епископы преклонили колѣни и прочли отходную. Прежде чѣмъ она кончилась, Вильгельмъ уже не существовалъ. Когда его смертные останки были выставлены, у него на груди нашли кусочекъ черной шолковой ленты. Дежурные лорды велѣли ее снять. Въ лентѣ было завернуто золотое кольцо и локонъ волосъ Мэри.»

Не многое остается сказать объ этихъ блистательныхъ отрывкахъ изъ неоконченнаго сочиненія. Леди Тривлайанъ * сдѣлала очень умно, предоставивъ имъ говорить самими за себя. Форма, въ которой они являются, имѣетъ ту особенность, что текстъ совершенно отдѣленъ отъ примѣчаній и ссылокъ, какъ будто бы онѣ имѣютъ совсѣмъ особое и независимое существованіе. Такимъ образомъ слова его не подкрѣплены ничѣмъ похожимъ на источники. Планъ лорда Маколея состоялъ въ томъ, чтобы написать повѣствованіе, не имѣя передъ собою постоянныхъ авторитетовъ, а потомъ, когда исторія будетъ кончена, включить въ нее по мѣстамъ необходимыя ссылки. Это объясняетъ намъ нѣкоторыя странности его текста. Къ этой «Исторіи Англіи» приложень указатель, и вообще она имѣетъ такой совершенный видъ, какого только ей теперь возможно достигнуть.

* Фамилія издательницы.

ПОЛИТИКА.

1. Данія и нѣмецкія герцогства.

Считая излишнимъ рассказывать ходъ историческихъ событій, вслѣдствіе которыхъ герцогства Лауэнбургское, Гольштинское и Шлезвигское, составлявшія некогда вассальныя владѣнія нѣмецкой имперіи, были присоединены въ разное время къ датской коронѣ—мы замѣтимъ только, что въ силу такого присоединенія, король датскій сдѣлался, по упомянутымъ герцогствамъ, членомъ германскаго союза. По этой причинѣ германскій франкфуртскій сеймъ считаетъ себя въ правѣ предлагать датскому королю, какъ одному изъ членовъ союза, такія мѣры, по принадлежамъ ему герцогствамъ, которыя должны поддержать такъ нѣмецкую народность. Собственно же ни Шлезвигъ, ни Гольштинія, ни Лауэнбургъ никогда не входили въ территоріальный составъ датской монархіи; но они представляютъ собою только соединеніе областей подъ управленіемъ одного и того же лица. Правы же и законы герцогствъ были всегда до такой степени независимы и различны отъ правъ и законовъ датскаго королевства, какъ будто бы въ Даніи царствовалъ одинъ владѣтельный домъ, а въ герцогствахъ другой.

Не смотря на такія отношенія герцогствъ къ королевству, правительство послѣдняго постоянно старалось съ своей стороны ослабить въ герцогствахъ нѣмецкій элементъ, придать имъ характеръ датскихъ провинцій и, по возможности, подвести ихъ подъ однообразный уровень съ прочими областями, подвластными датской коронѣ. Германскія правительства смотрѣли на такое стремленіе Даніи какъ на желаніе истребить въ герцогствахъ нѣмецкую народность. Множество нотъ посылалось, время отъ

времени, копенгагенскому кабинету отъ имени союзнаго сейма для поддержанія требованій, которыя были изъявляемы чинами герцогствъ. Нѣмецкія газеты, преимущественно же либеральныя, постоянно и весьма горячо ратовали въ пользу вмѣшательства Германскаго союза въ дѣла герцогствъ.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію причинъ, порождающихъ обоюдныя несогласія между датскимъ правительствомъ и подчиненными ему герцогствами.

Въ 1848 году, во время революціонныхъ порывовъ, охватившихъ большую часть Европы, король датскій ввелъ во всѣхъ своихъ владѣніяхъ весьма либеральную конституцію. Гольштинія однако, увлеченная тогдашнимъ нѣмецкимъ національнымъ движеніемъ, считая себя нѣмецкою областью, отвергла эту конституцію и потребовала политическаго отдѣленія отъ Даніи не только для себя, но и для той части герцогства шлезвигскаго, въ которой находится нѣмецкое населеніе. Требуя такого отдѣленія, Гольштинія въ то время хотѣла присоединиться къ Германіи. Королевское правительство не согласилось на это и тогда гольштинцы прибѣгнули къ оружію. Отряды ихъ вторглись въ Шлезвигъ, королевская армія разбила однако инсургентовъ, но скорѣй должна была возвратиться во-свои, вслѣдствіе вооруженнаго вмѣшательства Германіи въ гольштинскія дѣла. Возникшая, такимъ образомъ, борьба между Даніей и Германіей продолжалась почти два года, т. е. до лѣта 1850 года.

Въ это время, Австрія и Пруссія не только-что отступились отъ политическихъ интересовъ Гольштиніи, но и приняли еще на себя, вслѣдствіе заключеннаго договора обязанность привести герцогства подъ власть датскаго короля, и чтобы на будущее время положить конецъ новымъ попыткамъ въ Гольштиніи и Шлезвигъ, австрійско-прусская армія заняла герцогства и поддерживала тамъ порядокъ, оставаясь въ герцогствахъ до 1851 года. Въ это время, по обоюдному согласію между тремя державами, постановлено было, что Гольштинія не въ правѣ требовать соединенія съ Шлезвигомъ и что германскій союзъ не долженъ вмѣшиваться въ дѣла шлезвигскаго герцогства, но что подобное право предоставляется ему только по герцогству гольштинскому, въ которомъ находится одно только нѣмецкое племя.

Съ 1851 года и по 1854 годъ, датскій король приводилъ въ дѣйствіе данную имъ прежде конституцію, вслѣдствіе которой въ датской монархіи возникъ общій парламентъ и особыя избирательныя собранія для каждой области. Гольштинское провинціальное собраніе не удовлетворилось этимъ порядкомъ и потребовало, чтобы въ общій парламентъ назначалось отъ гольштинскаго герцогства столько представителей, сколько назначается ихъ отъ всего королевства. Такое требованіе гольштинскихъ чинъ противъ рѣшило всей избирательной системъ, установленной дат-

ской конституціей: такъ какъ каждая область датской монархіи должна была имѣть въ общемъ парламентъ число представителей, сообразное съ общимъ числомъ народонаселенія, а между тѣмъ собственно въ королевствѣ считается 1,499,850 жителей, тогда какъ число ихъ собственно въ гольштинскомъ герцогствѣ простирается только до 523,528.

Германскій союзный сеймъ поддержалъ, однако, съ своей стороны, требованіе гольштинцевъ, а когда король отвергъ это требованіе, то сеймъ потребовалъ новой конституціи для герцогства гольштинскаго и лауэнбургскаго. Датское правительство на этотъ разъ, вслѣдствіе угрозъ, сдѣланныхъ сеймомъ, уступило и пригласило представителей герцогства гольштинскаго высказать желаніе народонаселенія. Тогда собраніе гольштинскихъ представителей потребовало, вмѣсто общаго національнаго парламента, четырехъ особыхъ собраній, которыя соответствовали бы четыремъ подраздѣленіямъ датской монархіи на одно королевство и три герцогства. Вмѣстѣ съ этимъ оно потребовало для каждаго изъ отдѣльныхъ собраній безусловнаго «veto» во всѣхъ дѣлахъ, имѣющихъ общій интересъ.

Такой родъ соглашенія герцогства гольштинскаго съ датской короной, предоставлявшій Даніи возможность имѣть прямое вліяніе на Гольштинію не понравился Франкфуртскому сейму, и онъ предложилъ королю исполнить прежнее требованіе гольштинцевъ, т. е., допустить въ общій парламентъ такое число гольштинскихъ представителей, которое бы равнялось съ числомъ датскихъ представителей. Предложеніе это, какъ и слѣдовало ожидать, не было принято королевскимъ правительствомъ.

Надобно замѣтить, что главнымъ двигателемъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ была Пруссія, побуждавшая вмѣстѣ съ тѣмъ Гольштинію требовать присоединенія къ ней Шлезвига. При этомъ Пруссія рассчитывала на то, что если Гольштинія добьется того, чего она требуетъ, подчиняясь прусскому вліянію, то прусскіе депутаты, пріобрѣтая недвижимыя имущества въ Шлезвигѣ, будутъ избираемы въ генеральное собраніе, общее для всей монархіи и что такимъ образомъ, вслѣдствіе своего большинства, депутаты эти упрочатъ вліяніе Пруссіи даже на общія дѣла королевства датскаго.

Датское правительство стало смотрѣть съ этой точки на вѣдѣтельство Пруссіи въ дѣла нѣмецкихъ герцогствъ и, отстаивая домогательства послѣднихъ, подрываемыя Пруссіей, оно теперь находитъ, что своимъ противоудѣствиемъ требованію гольштинцевъ, оно отстаиваетъ не только права датской короны на соединенныя герцогства, но и свою внутреннюю независимость. Понятно, что, при такомъ положеніи дѣлъ, для датскаго правительства выгоднѣе даже отказаться вовсе отъ власти надъ герцогствами, нежели предоставить имъ ту систему избирательства,

которой въ сущности домогается не столько сама Гольштинія сколько Пруссія, и которая, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ сильно тяготѣть надъ общимъ ходомъ дѣлъ всей датской монархіи.

Если на датско-гольштинскій вопросъ, и въ теоріи и въ практикѣ, смотрѣть съ той же точки, съ которой смотритъ на него датское правительство, то послѣднее является повидимому совершенно-правой стороной, которая, какъ кажется, должна вызывать къ системѣ своихъ дѣйствій всеобщую симпатію. Посмотримъ однако на это дѣло и съ другой точки.

Въ сущности дѣло нѣмецкихъ герцогствъ не должно быть орудіемъ взаимныхъ политическихъ расчетовъ между Пруссіей и Даніей. На это дѣло нужно смотрѣть, какъ на одно изъ частныхъ проявленій общаго вопроса европейскихъ національностей, а между тѣмъ, какъ повидимому копенгагенскій кабинетъ, ни уступивъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о сохраненіи въ Гольштиніи, свойственной ей нѣмецкой національности, все-таки, датское правительство, изъ-подъ руки, ведетъ дѣло такъ, чтобы, по возможности, ослабить и заглушить въ Гольштиніи нѣмецкую народность и, какъ мы замѣтили прежде, изъ федерально-присоединеннаго герцогства образовать провинцію датскаго королевства. Мы не будемъ оцѣнять достоинство и важность нѣмецкой національности, скажемъ только, что датское правительство дѣйствуетъ не искренно. Въ этомъ случаѣ политика королевскаго правительства дошла даже до того, что, въ концѣ 1858 года, было закрыто шлезвиг-лауэнбургское общество, учрежденное для изслѣдованія отечественной исторіи и мѣстныхъ древностей. Гольштинцы видятъ эту неискренность и эту двойственность копенгагенскаго кабинета, а потому и не довольствуются тѣми наружными уступками, которыя въ сущности не обѣщаютъ ничего для развитія ихъ національности.

При томъ справедливость требуетъ сказать еще и то, что всѣ уступки начала дѣлать Данія нѣмецкому народонаселенію герцогствъ только послѣ энергическихъ представленій Франкфуртскаго сейма, что, конечно, должно ослабить въ глазахъ гольштинцевъ важность подобныхъ уступокъ, какъ будто только вынужденныхъ, а не добровольно сдѣланныхъ.

Такой общій характеръ и такой внутренней смыслъ имѣетъ, въ настоящее время, самъ по себѣ гольштинскій вопросъ. Посмотримъ теперь какъ обсуживаютъ его европейскіе кабинеты.

Изъ дипломатической переписки лорда Джона Росселя оказывается, что англійское правительство признаетъ короля датскаго обязаннымъ сдѣлать тѣ уступки по герцогству гольштинскому, которыя ему предлагаются Франкфуртскимъ сеймомъ, а также не присоединять Шлезвигъ къ королевству, но дать ему особую конституцію и уважать права и равенство національностей. Въ то же время, однако, англійское министерство находитъ, что та-

ки обязательства, принятыя на себя королемъ датскимъ, не даютъ Германіи права вмешиваться во всё подробности собственно шлезвигскихъ дѣлъ. Къ этому надобно добавить, что только очень недавно лордъ Эльборо возбудилъ въ нижней палатѣ гольштинско-датскій вопросъ, еще довольно-мало знакомый англійской публикѣ, не смотря на ея постоянныя и усердныя занятія дѣлами европейской политики. Общимъ выводомъ изъ сужденій англійской прессы, возбужденныхъ лордомъ Эльборо, должно считать ту мысль, что пока англичане останутся торговой и морской націей, собственный ихъ интересъ будетъ требовать, чтобы не уменьшилась матеріальная сила и нравственная независимость державы, охраняющей Зундъ. Противное, однако, этому, по замѣчанію англійскихъ газетъ, неизбежно послѣдуетъ, если 17 германскихъ государствъ, въ видахъ поддержки въ герцогствахъ нѣмецкой національности, вздумаютъ двинуть на Данію свое войско. Последнія же пренія въ англійскомъ парламентѣ о гольштинскомъ вопросѣ, показали, что британцы до смѣшнаго опасаются владычества Германіи на морѣ, и не шутя побаиваются, чтобы Киль, отнятый какъ нибудь нѣмцами у датчанъ, не сдѣлался бы нѣмецкимъ Гибралтаромъ, или нѣмецкимъ Шербургомъ! Впрочемъ, въ Англійи вообще думаютъ, что гольштинско-датскій вопросъ можно рѣшить миролюбивымъ образомъ.

Что же касается участія французской политики въ гольштинско-датскомъ вопросѣ, въ основаніи котораго лежитъ прежде всего принципъ національностей, болѣе или менѣе искренне принятый императоромъ Наполеономъ, то, въ сущности, политика Франціи должна бы выразить сочувствіе къ требованіямъ герцогствъ въ ущербъ Даніи. Но очевидныхъ фактовъ, подтверждающихъ эту догадку, еще до сихъ поръ нѣтъ. По видимому же, императоръ въ гольштинско-датскомъ вопросѣ скорѣе всего держится другаго, также провозглашеннаго имъ принципа, — а именно принципа невмѣшательства. Газета «Patrie» отвергнула уже однажды всё толки, ходившіе о томъ, будто бы французское правительство совѣтовало датскому королю, противиться требованіямъ франкфуртскаго сейма. Къ этому полуофициальная парижская газета присвокупила, что со стороны тюльрійскаго кабинета все его участіе въ разпрѣ Даніи съ Гольштиніей и съ Германіей ограничилось только тѣмъ, что Франція совѣтовала копенгагенскому кабинету дѣйствовать въ настоящемъ случаѣ умирно и уступчиво.

Относительно же политики Австріи и Пруссіи въ гольштинско-датскомъ вопросѣ, въ прибавокъ къ тому, что уже нами было сказано на этотъ счетъ прежде, нужно замѣтить еще слѣдующее.

Оба кабинета и берлинскій и вѣнскій, за-частую обнаруживающіе въ своей политикѣ не только несходномысліе, но порою

даже и враждебныя начала, совершенно однако согласились между собою во датскому дѣлу. Доказательствомъ этому могутъ служить тождественныя мнѣнія обоихъ кабинетовъ объ этомъ предметѣ, объясненныя представителями обѣихъ державъ комитету союзнаго сейма. Мнѣнія эти согласны также съ мнѣніемъ другихъ германскихъ кабинетовъ; такъ что въ этомъ случаѣ во всей Германіи встрѣчается политическое единодушіе, направленное противъ Даніи. Такое положеніе гольштинско-датскаго вопроса существовало въ началѣ нынѣшняго года; послѣдовавшіе же затѣмъ дипломатическіе отзывы кабинетовъ вѣнскаго и берлинскаго во гольштинско-датскому дѣлу подтвердили, что австрійско-прусское согласіе въ настоящемъ случаѣ нарушено не было: и Пруссія и Австрія не переставали настаивать на своихъ требованіяхъ относительно Гольштиніи, угрожая Даніи, въ случаѣ упорства, военнымъ вмѣшательствомъ со стороны Германскаго союза.

Что же касается участія Россіи въ разрѣшеніи гольштинско-датскаго вопроса, то, какъ сообщаютъ нѣкоторыя нѣмецкія газеты, въ числѣ правительствъ, совѣтовавшихъ Даніи, сдѣлать уступки по вопросу о герцогствахъ, и Россія настаивала на сообщеніи гольштинскимъ чинамъ общаго бюджета королевства на 1861 годъ.

Къ большому или меньшему участію великихъ европейскихъ державъ въ разрѣшеніи распріи между королевскимъ датскимъ правительствомъ и между чинами герцогствъ подвластныхъ датской коронѣ присовокупилось участіе со стороны Швеціи, совѣтовавшей датскому правительству сдѣлать нѣкоторыя уступки. Поводомъ къ такому вмѣшательству стокгольмскаго кабинета въ дѣло, прямо его не касающееся, служитъ скандинавская національность какъ Даніи, такъ и Швеціи. Известно, что предѣломъ нѣмецкой народности въ королевствѣ датскомъ, еще съ первой половины XVI вѣка, назначена рѣка Ейдеръ. За Ейдеромъ находится Шлезвигъ и хотя тамъ живутъ тоже нѣмцы въ смѣшеніи съ датчанами, но послѣдніе однако считаются въ Шлезвигѣ, преобладающею, народностію, а между тѣмъ Германскій сеймъ объявляетъ притязанія и вмѣшательство и въ дѣла Шлезвига и слѣдовательно тѣмъ самымъ затрогиваетъ самостоятельность скандинавской народности. При существованіи же принципа народности, и Швеція и Норвегія, единоплеменные съ Даніей, не могутъ допустить, чтобы послѣдняя испытала притѣсненіе отъ иноплеменнаго вліянія или нашествія.

По словамъ газеты «Times» не только Швеція подастъ помощь Даніи, но и Франція и Англія сдѣлаютъ тоже. Эти двѣ державы благоговѣющія, по замѣчанію упомянутой газеты, передъ принципомъ невмѣшательства «позаботятся о томъ, чтобы Данія не была занята нѣмецкими войсками и не подвергалась угнетенію.»

Ко всѣмъ этимъ разностороннимъ вмѣшательствамъ въ распрію

герцогствъ съ Даніей присоединилось еще письменное внимательство великаго герцога Ольденбургскаго, адресовавшаго отъ себя письмо датскому королю, по поводу его дѣль съ нѣмцами.

Въ письмѣ этомъ великій герцогъ, ссылаясь на то, что онъ членъ королевскаго-датскаго дома, по одной изъ его отраслей, считаетъ своею обязанностію, открыто и прямодушно, высказать свои мнѣнія, какъ слѣдуетъ это дѣлать между союзными германскими государями и потомками одного и того же рода. Главная мысль велико-герцогскаго письма заключается въ томъ, что только возвращеніе къ стариннымъ, актами засвидѣтельствованнымъ правамъ герцогствъ, можетъ произвести удовлетворительное разрѣшеніе спорнаго вопроса. Въ подкрѣпленіе же особыхъ правъ герцогствъ, онъ ссылается на договоръ, заключенный 400 лѣтъ тому назадъ общимъ родоначальникомъ обоихъ государей, датскимъ королемъ Христіаномъ I и объявляетъ, что честь всего ольденбургскаго дома требуетъ, чтобъ этотъ основной договоръ между обѣими сторонами не былъ нарушенъ.

«Если, говорить въ концѣ своего письма великій герцогъ, — нѣкоторыя крайнія политическія партіи въ датскомъ королевствѣ вздумаютъ возбудить волненіе и противодѣйствовать намѣреніямъ вашего величества, и если такая попытка, противъ всякаго ожиданія, будетъ имѣть минутный успѣхъ, то не только Германія, но и вся Европа будетъ поддерживать права вашего величества. Герцогства будутъ тогда уже не театромъ политической борьбы, но средствомъ къ братскому соединенію Даніи съ Германіей.»

Въ отвѣтъ на это письмо, отзывающееся заступничествомъ, король изъявилъ свое сожалѣніе о томъ, что великій герцогъ высказываетъ тѣ же мнѣнія, которыхъ держится и революціонная партія въ герцогствахъ,

Къ этому Христіанъ VIII прибавляетъ, что онъ никогда не будетъ вынужденъ обращаться къ помощи иностранныхъ державъ для того, чтобы принуждать своихъ подданныхъ исполнять ихъ обязанности и что онъ надѣется возстановить въ своихъ владѣніяхъ доброе согласіе посредствомъ той благоразумной снисходительности, которую онъ недавно еще разъ высказалъ относительно герцогствъ.

Что же касается собственно Даніи, то тамъ, еще съ начала нынѣшняго года, стали дѣятельно готовиться къ войнѣ и всѣ датскія газеты постоянно внушали правительству, чтобы оно, не уступая нѣмцамъ, поддержало свои права на герцогства силою оружія. Въ столицѣ Даніи и теперь идетъ безпрестанный говоръ о штуцерахъ, наръзныхъ пушкахъ, кавалерійскихъ ремонтахъ и о другихъ подобнаго рода предметахъ, необходимыхъ для войны.

Но въ виду всѣхъ этихъ воинственныхъ приготовленій невольно рождается вопросъ: уместна ли для датчанъ подобная ре-

тивость? Ихъ воинственный жаръ долженъ бы, какъ кажется, уничтожиться предъ хладнокровно — сдѣланнымъ финансовымъ расчетомъ. Данія не можетъ начать войны съ Германіей, не истощивъ своей и безъ того неслишкомъ значительной казны. Одна безпристрастная датская газета «Fühndrelanquet», не смотря на весь ея скандинавскій патриотизмъ, замѣтила, что денежныхъ средствъ Даніи для войны съ Германіей хватитъ не болѣе какъ на одно только лѣто.

Какъ бы то впрочемъ ни было, но настоящая распря между герцогствами и королевскимъ правительствомъ можетъ быть прекращена окончательно, по всей вѣроятности, только двумя способами: или Гольштинія должна быть отчислена отъ Германскаго союза, или она должна выйти изъ состава датской монархіи. Въ обоихъ случаяхъ прекратятся въ королевствѣ не только всѣ внутреннія безпокойства, но и уничтожатся всѣ притязанія со стороны Германіи къ датскому правительству.

Положеніе гольштинско-датскаго вопроса по послѣднимъ свѣдѣніямъ было слѣдующее:

Гольштинскій сеймъ, собравшійся въ Итцегоэ, постоянно отличался бурными засѣданіями. Теперь уже третье лицо вступаетъ въ должность королевскаго комиссара при гольштинскомъ сеймѣ, такъ какъ двое прежнихъ комиссаровъ подали въ отставку, видя невозможность согласить инструкціи, данныя имъ правительствомъ съ требованіями, предъявляемыми сеймомъ.

Данія, какъ надобно заключать, по послѣднимъ телеграфическимъ депешамъ, не полагается ни на какія успокоительныя увѣщанія, дѣлаемая копенгагенскому кабинету представителями разныхъ державъ, и продолжаетъ вооружаться.

Предстоящая на сѣверѣ война, если только она загорится, будетъ важна не по средствамъ, которыя должны будутъ употребить воюющія стороны, чтобы одолѣть одна другую, такъ какъ Данія не обладаетъ значительными военными силами, но начавшаяся война будетъ важна потому, что она можетъ, по своему ходу и принципу, произвести общее столкновеніе въ Европѣ. «Times», не безъ основанія, считаетъ датскій вопросъ ключемъ всѣхъ нынѣшнихъ затрудненій и, приглашая Пруссію зрѣло обдумать послѣдствія ея завоевательныхъ предпріятій, замѣчаетъ, что ужасная тридцатилѣтняя война, опустошившая и разорившая большую часть западной Европы, началась мелочнымъ споромъ за ничтожный Юлихъ.

Въ настоящее время между Пруссіей и Англіей происходитъ дѣятельный размѣнъ денегъ по гольштинскому дѣлу. Англія продолжаетъ склонять датское правительство ко всѣмъ уступкамъ, совмѣстнымъ съ его достоинствомъ и независимостью, а между тѣмъ 15 (3 апрѣля) два датскихъ баталіона уже отправлены въ Шлезвигъ.

II. Положеніе Турціи

Къ затруднительному положенію турецкой имперіи, какъ во внутреннемъ, такъ и во внѣшнемъ отношеніяхъ, прибавилось теперь еще занятіе Сиріи французами. Занятіе этой турецкой области французской дивизіей, укрощая возникшее тамъ истребленіе христіанъ, дѣлаетъ въ тоже время турецкую имперію предметомъ сильной распри между французской и англійской политикой, а такой ходъ дѣлане можетъ не породить во всей Европѣ новыхъ безпокойствъ и потрясеній.

Въ началѣ нынѣшняго года, въ одной изъ областей подвластныхъ турецкому султану, а именно въ Македоніи, начались сильныя безпорядки, которые, какъ замѣчали нѣкоторыя газеты, какъ-будто повиновались какому-то тайному постороннему вліянію, порождающему безпорядки въ румилійскихъ провинціяхъ. Порта нарядила особое слѣдствіе для открытія виновниковъ безпорядка, произведеннаго въ Македоніи, но документы, представлявшіе результатъ этого слѣдствія, и отправленные съ курьеромъ для доставленія подлежащимъ властямъ, были отняты у него на дорогѣ неизвѣстными людьми и такимъ образомъ утратились обнаруженные слѣды.

Между тѣмъ турецкое правительство увидѣло, что весьма важная опасность угрожаетъ ему не только въ самыхъ предѣлахъ имперіи, но и со стороны Дуная. Вслѣдствіе этого, въ началѣ нынѣшняго года, было усилено въ Черномъ морѣ число турецкихъ крейсеровъ, для предупрежденія отправки оружія въ Придунайскія княжества черезъ устья Дуная.

Но если турецкому правительству, посредствомъ усиленнаго крейсера около устьевъ Дуная, удалось отвратить до нѣкоторой степени опасность, угрожающую господству турокъ на Балканскомъ полуостровѣ, то не такъ легко было Портѣ придумать противодѣйствующія мѣры воинственнымъ порывамъ Черногоріи—гдѣ уговъ нѣсколькихъ головъ скота производитъ очень часто кровопролитныя стычки съ турками; и гдѣ, еще въ половинѣ февраля, князь Николай Петровичъ приказалъ всеѣмъ жителямъ, способнымъ носить оружіе, обзавестись новыми башмаками и каждому имѣть четыре дюжины патроновъ для того, чтобъ быть готовыми къ выступленію въ походъ по первой повѣсткѣ.

Почти одновременно съ этимъ распоряженіемъ черногорскаго князя, послужившимъ угрозою для Турціи, возникли безпорядки въ сѣверо-западной части турецкой имперіи, въ Рагузѣ. Здѣсь около Сутторина христіане инсургенты усилились до того, что водосшедшій къ Сутторину на помощь съ турецкимъ отрядомъ Мегмедъ-Паша не рѣшился остановить инсургентовъ, а дѣло кон-

чило съ тѣмъ, что они разрушили турецкій караульный домъ, бывшій довольно важнымъ пунктомъ въ стратегическомъ отноше- нии. Такое бездѣйствіе турецкаго отряда противъ инсургентовъ должно было показать затруднительное положеніе Порты пода- влять, въ иныхъ случаяхъ, возстаніе силою своего собственнаго оружія

Положеніе Герцеговины, еще въ началѣ нынѣшняго года, те- же не было утѣшительно для турецкаго правительства. Тамъ судьбою и слѣдователемъ, по жалобамъ христіанъ на мусульманъ, былъ назначенъ муширъ Измаиль-Паша. Всѣ же дѣйствія, при разбирательствѣ этихъ жалобъ, какъ со стороны мушира, такъ и со стороны мѣстныхъ властей, были направлены единственно къ оправданію попустуковъ мусульманъ противъ христіанскаго населенія Герцеговины. Такой способъ расправы еще болѣе уси- лилъ броженіе умовъ и возбудилъ непримиримую ненависть боль- шей части герцеговинскаго населенія къ турецкому правитель- ству.

Наконецъ, въ добавокъ ко всему этому, турецкому владычеству угрожаетъ опасность со стороны Греціи. Въ послѣднее время, среди греческаго населенія стала проявляться мысль объ образованіи самостоятельной греческой народности, на подобіе итальянской. Для осуществленія этой мысли, на долю нынѣшняго греческаго королевства должно пасть значеніе, подобное тому, какое имѣлъ некогда Пьемонтъ для Італіи. Національная восторженность грековъ заставила Порту позаботиться объ отвращеніи опасно- сти съ этой стороны. Въ слѣдствіе этого, въ Фессаліи начальникъ турецкой пограничной стражи (дервень-ага), подъ предлогомъ, будто бы ему нужно преслѣдовать шайку разбойниковъ, собралъ въ Лариссѣ значительный отрядъ иррегулярныхъ войскъ и за- нялъ горныя проходы, ведущіе изъ Греціи. Кромѣ того, въ Фессаліи полученъ приказъ изъ Константинополя о производствѣ экстремнаго набора и, вмѣстѣ съ тѣмъ всѣмъ, вообще туркамъ, проживающимъ въ этой провинціи, населенной греками, прика- зано имѣть на готовѣ оружіе и достаточный запасъ боевыхъ зарядовъ для того, чтобы отразить нападеніе урумъ — гле- ровъ (неверныхъ грековъ.) Въ этой же провинціи турки дѣ- тельно занимаются постройкой укрѣпленій и проводятъ дорогу, которая могла бы облегчить перевозку орудій и боевыхъ снаря- довъ со стороны турецкихъ владѣній по направленію къ Гре- ции. Работы на этой дорогѣ производятся греками, которые от- бываютъ ее въ видѣ натуральной повинности. Кромѣ того, при- были въ Фессалію турецкіе поставщики и закупили хлѣбъ въ такомъ количествѣ, что ихъ торговая операція, въ пользу ту- рецкихъ войскъ, угрожаетъ цѣлой странѣ жестокимъ голодомъ.

Но кромѣ религіозныхъ и политическихъ причинъ, вызываю- щихъ вражду къ Портѣ среди подвластныхъ ей народностей, и

настоящее безденежье султана производитъ въ иныхъ мѣстахъ, ропотъ и волненіе. Албанцы, храбрые солдаты Порты, если только она выдастъ имъ исправно хорошее жалованье, при нынѣшнемъ истощеніи денежныхъ ея средствъ, находятъ болѣе удобнымъ обратить свою отвагу противъ турокъ. Вслѣдствіе этого, албанцы, поддерживаемые черногорцами, стали грабить и жечь турецкія селенія. Оттоманское правительство безсильно укротить подобныя грабежи своими разрезѣнными силами, а начавшееся въ Босніи волненіе даже среди магометанскаго населенія поставляютъ безсильную Порту еще въ большее затрудненіе.

Волненія въ Босніи между магометанами порождены общимъ ркруктскимъ наборомъ и опасеніемъ мусульманъ, что ихъ семейства и имущества, которыя они оставляютъ безъ защиты по выступленіи въ походъ, подвергнутся нападеніямъ со стороны раевъ.

Сербія, въ свою очередь, поднимаетъ также голосъ, если еще не оружіе противъ султанскаго правительства. Въ концѣ марта мѣсяца, появился манифестъ сербскаго князя Михаила. Въ этомъ обширномъ манифестѣ написано въ отвѣтъ на клеветы официального «Константинопольскаго Журнала» противъ сербскаго правительства, высказывается все вѣроломство Порты и все ея уклоненія какъ отъ исполненія особыхъ обѣщаній, данныхъ ею Сербіи, такъ и отъ соблюденія хати — гаюмановъ, которыми она, будто бы, обезпечивала самостоятельность Сербіи. Вся коварная политика совѣтниковъ султана и личное безсиліе его самаго, въ настоящую пору, открывается весьма ясно изъ манифеста князя Михаила, такъ какъ этотъ манифестъ поставляетъ на видъ всѣ дѣйствія турецкаго правительства, которыя клонятся къ тому, чтобы произвести разладъ между сербскимъ народомъ и его верховнымъ правителемъ изъ фамилии Обреновичей.

Между тѣмъ, среди всѣхъ этихъ событій, неутѣшительныхъ для Порты, возстаніе въ Герцеговинѣ дѣлало все большіе и большіе успѣхи. Инсургенты всюду одерживали верхъ надъ турецкими войсками, въ особенности же ознаменовалъ себя храбрости и удачными подвигами одинъ изъ предводителей инсургентовъ по фамиліи Вукаловичъ.

Овладевъ Сутторинной, небольшой турецкой крѣпостью, лежащей недалеко отъ Каттарскаго залива, инсургенты открыли доступъ въ турецкія владѣнія вспомогательнымъ войскамъ, которыхъ они поджидали со стороны Италіи. Успѣвъ же занять горный проходъ на западной границѣ Черногоріи, они открыли для себя сообщеніе съ Сербіей. Измаилъ-Паша, начальникъ турецкой арміи въ Герцеговинѣ, принужденъ былъ уклониться отъ дальнѣйшихъ встрѣчъ съ своими противниками и сосредоточилъ свои силы въ плохо-укрѣпленномъ городѣ Трѣбинѣ, находящемся въ восточной части Герцеговины и имѣющемъ, для турокъ

ту выгоду, что онъ не только населенъ, но и окруженъ со всѣхъ сторонъ преимущественно мусульманами.

Въ настоящее время, бѣдствія въ политическомъ быту Турціи увеличиваются еще болѣе вслѣдствіе того, что христіанскіе подданные султана цѣлыми толпами переходятъ изъ Босніи въ Герцоговину, а оттуда отправляются на житье въ Сербію.

Вообще имперія султановъ представляетъ теперь картину общаго разрушенія. Надобно замѣтить, что политическія событія, вопреки всѣмъ дипломатическимъ соображеніямъ и историческимъ примѣрамъ, бывають слишкомъ причудливы въ своихъ результатахъ. Очень часто исходъ ихъ представляетъ такой фактъ, котораго никакъ не могли предвидѣть самыя зоркіе и глубокомысленные политики. При такомъ свойствѣ политическихъ событій, мы отказываемся теряться въ напрасныхъ догадкахъ о томъ, какъ завершатся всѣ тѣ волненія, которыя поднялись и усиливаются постоянно въ Турціи, но приведемъ только такія указанія, которыя опредѣляютъ какъ политическій характеръ всѣхъ этихъ событій, такъ и взглядъ европейскихъ кабинетовъ на разлагающуюся Турцію.

Турція, какъ мы замѣтили прежде, при настоящемъ ея положеніи, служитъ предметомъ распри между сенъ-джемскимъ и тюльрійскимъ кабинетами. Главная причина этому—занятіе французами Сиріи, которое очень легко можетъ усилить преобладаніе французской политики не только въ Константинополѣ, но и вообще на всемъ Востокѣ. Впрочемъ, къ чести французовъ надобно сказать, что они, поступають съ Сиріи весьма благоразумно, не смотря на всѣ нападки англійскихъ газетъ, разглашающихъ, что вліяніе французовъ въ занятой ими странѣ выражается, прежде всего, введеніемъ французской кофейни.

Въ настоящемъ случаѣ однако къ французамъ нельзя прийтти подобной насмѣшки, потому что они, занявъ Сирію, при всей своей воинственности, стали дѣйствовать на тамошнихъ жителей не оружіемъ, но двумя нравственными способами: благотворительностію и образованіемъ. Первымъ дѣломъ французскаго начальства въ Сиріи было учрежденіе пріюта для христіанскихъ дѣтей, родители которыхъ были умерщвлены мусульманскими фанатиками. Между тѣмъ турецкія власти вмѣсто того, чтобы дѣйствовать въ Сиріи въ примирительномъ духѣ, раздувають свою несправедливость и пристрастіемъ къ магометанамъ еще тлѣющіяся искры вражды между разновѣрнымъ населеніемъ Сиріи. Такое противодѣйствіе турокъ французской системѣ порождаетъ очень часто между тамошними жителями взрывы негодованія, доходящіе порою до кровопролитныхъ схватокъ, не смотря даже на присутствіе въ Сиріи французскихъ войскъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ окрестностяхъ Дамаска произошли ужасные беспорядки, среди которыхъ была разрушена до основаній

ферма, принадлежащая Абд-эль-Кадеру. По получении этого известія, генераль Бофоръ хотѣлъ было идти на Дамаскъ, но Фуадъ-Паша воспротивился этому и убѣдилъ французскаго главнокомандующаго отложить походъ. Поблажки, дѣлаемыя Фуадъ-Пашею магометанскому населенію, и вообще медленность и нежеланіе турецкаго правительства исполнять въ Сиріи требованія европейскихъ комиссаровъ объясняются тѣмъ, что Порта видитъ, до какой степени занятіе Сиріи французами возбуждаетъ неприязнь Англии къ Франціи и что, слѣдовательно, султанское правительство можетъ найти въ Англии для себя поддержку противъ Франціи, если бы послѣдняя вздумала хозяйничать въ Сиріи слишкомъ долго и слишкомъ энергически.

Въ настоящее время, въ отраду Порты, разнесся слухъ, будто бы Англія, для противодѣйствія французскому занятію въ Сиріи и вообще для противодѣйствія французскому вліянію на востокъ намѣревается захватить какую-нибудь мѣстность между Сиріею и Египтомъ и что съ тою цѣлью англійское правительство отдало приказаніе сдѣлать на островѣ Мальтѣ большіе запасы провіанта и довести мальтійскій гарнизонъ до 8000, такъ какъ въ скоромъ времени гарнизонъ этотъ долженъ обратиться въ экспедиціонный корпусъ.

Неудовольствіе англійской политики на занятіе Сиріи французами высказалось между прочимъ съ особенною рѣзкостью и въ газетѣ «Morning-Post» — органѣ Пальмерстона. Въ этой газетѣ появилась недавно статья по сирійскому вопросу, въ которой развивается та мысль, что французское занятіе, хотя и способствуетъ предупрежденію новой рѣзни, но вмѣстѣ съ этимъ поддерживаетъ въ странѣ враждебныя чувства и замедляетъ ее замирненія, вслѣдствіе несправедливаго преобладанія, обезпечиваемаго французами за христіанскимъ населеніемъ въ ущербъ друзьямъ и туркамъ. Вслѣдствіе этого, англійская газета считаетъ болѣе удобнымъ предоставить Портѣ чтобы, она сама, безъ французскаго вмѣшательства, поддержала порядокъ въ Сиріи, что, какъ замѣчаетъ также газета, будетъ ближе къ цѣли европейской политики — поддержать цѣлость Оттоманской имперіи и уменьшить слишкомъ значительное расширеніе французскаго вліянія на Востокъ.

Съ своей стороны турецкое правительство, вѣроятно для лучшей возможности управиться съ волненіями, обнаружившимися въ европейской Турціи, — предложило продлить пребываніе французской арміи въ Сиріи, съ тѣмъ только, чтобы французы вышли оттуда не позже какъ черезъ сорокъ дней послѣ срока, опредѣленнаго для настоящаго занятія парижскимъ трактатомъ. При этомъ Порта, съ своей стороны, обязалась отвѣчать за поддержаніе порядка въ Сиріи. Предложеніе это было принято на

рижской конференціей по сирийскимъ дѣламъ и такимъ образомъ, французы останутся въ Сиріи до начала іюня по новому стилю.

Коммерческо-политическіе расчеты британской политики заставляютъ англійское министерство поддерживать существованіе одряхлѣвшей имперіи османлисовъ. По всей вѣроятности и государственные люди Англійи и политическіе органы этой страны весьма-плохо вѣрятъ въ возможное существованіе Турціи безъ вѣшнихъ подпорокъ, тѣмъ не менѣе однако и парламентскіе ораторы, какъ напримѣръ Финджеральдъ, Фергюсонъ и Лейярдъ, а также большая часть англійскихъ газетъ утверждаютъ, что блистательная Порта можетъ существовать какъ нельзя лучше сама по себѣ и сѣтуютъ на тѣ притѣсненія, которыми Европа, въ лицѣ французовъ, подвергаетъ несчастныхъ друзей.

Въ основаніи нынѣшней англійской политики лежитъ постоянная хвала Турціи, во что бы то ни стало. Этотъ далеко-неискренній принципъ англійской политики основанъ на томъ убѣжденіи, что цѣлость и неприкосновенность Оттоманской Порты, или правильнѣе сказать, поддержаніе въ ней англійскаго вліянія, составляютъ для современной Англійи одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ.

Чтобы понять истинную причину такого образа дѣйствій англійской политики, нужно замѣтить, что Англійа въ своемъ вліяніи на Порту охраняетъ свои торговые интересы. Дѣло это объяснится очень просто, если только сообразить, что прорытіе Суэзскаго Перешейка, задержанное интригами Англійи и вполне зависящее отъ произвола Порты, грозитъ испровергнуть господство Англійи на южно-азіатскихъ моряхъ, такъ какъ исполненіе этого громаднаго предпріятія откроетъ для всей европейской торговли кратчайшій путь въ Индію, которая между тѣмъ, вслѣдствіе послѣдняго американскаго кризиса, пріобрѣтаетъ для Англійи такую огромную важность.

Кромѣ того, настоящее положеніе Турціи должно, по справедливымъ соображеніямъ англійскихъ политиковъ, отзываться невыгодно на торговыхъ интересахъ Англійи и въ Адриатическомъ морѣ, такъ какъ Италія, находящаяся подъ вліяніемъ Франціи, имѣетъ, по мнѣнію англійскихъ газетъ, прямую связь съ возмущающимися подданными турецкой имперіи, живущими по берегамъ Адриатическаго моря. Поддержкою же Порты, покорной въ свою очередь вліянію Англійи, послѣдняя думаетъ укрѣпить преобладаніе французовъ и въ Адриатикѣ. Впрочемъ, британскій коммерческій міръ, встревоженный преобладаніемъ французовъ въ Турціи могъ утѣшиться тѣмъ, что при заключеніи послѣдняго торговаго трактата съ Турціей, Порта обѣимъ націямъ, и французской и англійской, предоставила совершенно равныя права,

Каждымъ образомъ о заступничествѣ Англіи за Турцію, надобно прибавить еще и то, что Порты имѣетъ теперь своей защитницей не одну Англію. Австрія, въ виду образующагося противъ нея итальянско-венгерско-славянскаго союза, признаетъ необходимо дѣйствовать за одно съ Турціей для подавленія возстающихъ національностей. Съ этою цѣлью австрійское правительство, въ началѣ марта, дѣлательно принялось укрѣплять и исправлять свои форты и блокгаузы, на границахъ верхней Албаніи, Черногоріи, Герцоговины и Босніи и отправило въ нихъ сильныя гарнизоны и весьма значительныя запасы боевыхъ снарядовъ.

Въ настоящее время, для поддержанія спокойствія Турціи со стороны Италіи, въ Адриатическомъ морѣ крейсируетъ англійская эскадра, дѣйствуя за одно съ эскадрами австрійской и турецкой, усиленной недавно нѣсколькими новыми судами съ шестьюстами челоуѣкъ десантнаго войска. Едва ли впрочемъ эта эскадра успеетъ сберечь цѣлость Турціи, если только волненія, насташнія во владѣніяхъ султана, будутъ усиливаться, какъ они усиливались до настоящей поры.

Правда, что у турецкаго правительства нашелся бы способъ отдѣлаться отъ внутреннихъ недруговъ оттоманскаго господства. Портѣ не стоило бы большаго труда возбудить фанатизмъ магометанъ и повторить на Балканскомъ полуостровѣ сирійскую рѣзню, но порта не рѣшится на это. Урокъ, данный ей вмѣшательствомъ европейскихъ державъ, заставляетъ ее не только не разжигать ярости фанатиковъ, но даже напротивъ сдерживать этого рода ярость изъ боязни навлечь на себя самую строгую расправу со стороны христіанскихъ державъ.

Настоящее положеніе Турціи не обрисовалось бы во всей полнотѣ, если бы мы ко всему сказанному нами не прибавили еще нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ, обусловливавшихъ паденіе Миресса, успѣвшаго, не смотря на жалкое состояніе турецкихъ финансовъ, устроить для Порты необходимый и выгодный заемъ.

Надобно сказать, что въ то самое время, когда Англія такъ дѣлательно хлопотала о томъ, чтобы отстоять передъ европейскими кабинетами возможность самостоятельнаго существованія Турціи и требовала, вслѣдствіе этого, удаленія французовъ изъ Сиріи, устроенный французскимъ банкиромъ, турецкій заемъ свидетельствовалъ въ свою очередь передъ Европой, что и финансовое положеніе Турціи вовсе не такъ ужасно, какъ это представляють ея недруги. Короче, Турція съ большою увѣренностію опиралась на Миресса, когда вдругъ, въ одинъ прекрасный день, политическій тактъ императора французовъ лишилъ Турцію этой важной опоры. Обвиненный въ разныхъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, Мирессъ, какъ извѣстно, былъ арестованъ по распоря-

женію Наполеона, который этимъ косвеннымъ, и повидимому, частнымъ ударомъ разстроивалъ все планы какъ Турція, такъ и ея покровительницы Англіи.

До какой степени удалось императору Наполеону вополнѣ достигъ своей цѣли арестомъ Миреса рѣшить трудно. Известно только одно, что вскорѣ послѣ паденія Миреса и Турція и Англія согласились на оставленіе въ Сиріи французской арміи до 5-го іюня (24-го мая), на что за нѣсколько времени передъ этимъ онѣ не были однако согласны.

III. Что дѣлается въ Испаніи?

Вопросъ этотъ конечно рѣдко приходитъ кому либо на мысль, а между тѣмъ можно ли исключать совершенно изъ общаго обзора политической жизни въ Европѣ Испанію, которая имѣетъ до пятнадцати съ половиною милліоновъ жителей собственно въ своихъ европейскихъ предѣлахъ, и кромѣ того почти до четырехъ-съ половиною милліоновъ жителей въ своихъ владѣніяхъ американскихъ, африканскихъ, азіатскихъ и австраійскихъ. Правда, что видная отчужденность Испаніи отъ внѣшательства въ общую европейскую политику не представляетъ особенной важности во внѣшнихъ дѣйствіяхъ и стремленіяхъ мадридскаго кабинета, но развѣ внутренній политическій бытъ двадцати-милліоновъ душъ не заслуживаетъ того, чтобы, время-отъ-времени, взглянули на него современные публицисты, слѣдящіе съ такою внимательностью за ходомъ дѣлъ даже въ небольшихъ нѣмецкихъ государствахъ. Испанія тѣмъ болѣе имѣетъ право на общее вниманіе, что она представляетъ собою страну развивающуюся на конституціонныхъ началахъ и при томъ, за исключеніемъ колоній, составленную изъ жителей, принадлежащихъ исключительно къ одной народности и къ одной религіи. Въ добавокъ ко всему этому, и одно изъ послѣднихъ внѣшнихъ предпріятій Испаніи, а именно война съ Марокко, придало этой странѣ нѣкоторую важность и въ дѣлахъ внѣшней политики. Кромѣ того, участіе испанскаго правительства въ событіяхъ совершившихся недавно въ Пеанолѣ и нынѣ совершающихся въ Римѣ, обратило на себя, до нѣкоторой степени, вниманіе первенствующихъ европейскихъ кабинетовъ.

Что касается внѣшнихъ политическихъ дѣлъ Испаніи, то въ началѣ нынѣшняго года, между испанскимъ и мароккскимъ правительствомъ продолжались еще затрудненія по вопросу объ уплатѣ марокканцами вознагражденія за военные издержки испанцевъ. Затрудненія эти доходили, въ половинѣ января мѣсяца до того, что испанское правительство намѣревалось снова занять

Тетуанъ. Впрочемъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ испанцевъ на сѣверныхъ берегахъ Африки препятствовала разсчетливая политика Англій, опасавшейся всегда и вездѣ потерять свои торговья выгоды, вслѣдствіе усиленія какой-нибудь европейской державы, на морѣ и утвержденія чужаго господства или только вліянія на какомъ нибудь коммерческомъ пунктѣ. Мы уже имѣли случай замѣтить, что опасенія британской націи въ этомъ отношеніи доходятъ въ настоящее время до того, что она боится встрѣтить себѣ соперницу даже въ Германіи и что ей въ небольшомъ гольштинскомъ городѣ, могущемъ подчиниться вліянію Германіи, грозитъ уже нѣмецкій Гибралтаръ или нѣмецкій Шербургъ. Не должны ли быть еще сильнѣе подобныя опасенія Англій, если дѣло касается Испаніи, господствовавшей нѣкогда на моряхъ и еще доннынѣ имѣющей колоніи во всѣхъ частяхъ свѣта?

Нельзя опредѣлительно сказать, нежеланіе ли испанскаго правительства, вооружить противъ себя Англію, или другія обстоятельства заставили Испанію отказаться отъ вторичнаго занятія Тетуана. Не занявши Тетуана, Испанія, по особымъ соображеніямъ, сдѣлала въ тоже время въ своихъ требованіяхъ нѣкоторыя уступки мароккскому правительству, какъ сбавкою условленнаго прежде вознагражденія Испаніи за военныя издержки, такъ и согласіемъ продлить сроки платежа, назначенныя трактатомъ. Чтò же касается собственно отношеній Испаніи къ Англій, то между этими державами возникъ замѣтный дипломатическій разладъ съ самаго начала мароккской войны, и по всей вѣроятности, разладъ этотъ при тогдашнемъ воинственномъ настроеніи испанцевъ, легко могъ обратиться въ вооруженное столкновеніе, если бы только оно не было предупреждено появленіемъ французскаго флота въ виду Танжера.

Но кромѣ разлада Испаніи съ Англіей по поводу мароккской войны, между двумя этими державами возникло еще особое несогласіе и по поводу вопроса о торговлѣ неграми. Лордъ Дж. Россель въ своей нотѣ, проникнутой недоброжелательствомъ къ Испаніи, выразилъ испанскому правительству сожалѣніе Сен-Джемскаго кабинета о томъ, что Испанія уклоняется отъ правилъ, установленныхъ европейскими державами для прекращенія торговли неграми. По поводу этой ноты, генераль О'Доннель положительно доказалъ кортесамъ всю несправедливость нападокъ Англій на Испанію въ этомъ отношеніи, сдѣланныхъ въ англійскомъ парламентѣ лордомъ Пальмерстономъ и добавилъ, что если бы мадридскому кабинету была прислана нота въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ, какія позволилъ себѣ употреблять лордъ Пальмерстонъ на счетъ Испаніи, то нота такого рода была бы отослана обратно англійскому правительству.

Надобно впрочемъ замѣтить, что не только вліяніе Англій на дѣла Испаніи съ Марокко и оскорбленіе испанцевъ лордомъ Пальмерстономъ, но и другія еще обстоятельства, прямо относящіяся

ко внутреннему быту Испаніи, вооружаютъ жителей этой страны противъ Англіи. Испанцы доньшѣ не могутъ забыть, какъ ихъ добрые союзники англичане, помогая имъ освободиться отъ нашествія французовъ, въ 1808 году, въ то же время поступили сами какъ враги Испаніи, истребляя всё встрѣчавшіяся имъ на пути фабрики, и какъ они, сдѣлавъ изъ Гибралтара коммерскій портъ, наводняютъ всю страну контрабандой, придушая этимъ способомъ всякое промышленное и фабричное развитіе Испаніи. Такой гнетъ восторонняго вліянія не въ дипломатическомъ отношеніи, а въ практической жизни, очень хорошо чувствуется всѣмъ испанскимъ народомъ вообще, и потому понятно возбужденіе въ Испаніи умовъ противъ Англіи до того, что тамъ серьезно поговариваютъ теперь объ отнятіи у англичанъ Гибралтара. Если бы какимъ нибудь случайнымъ, или вѣрнѣе сказать чудеснымъ, способомъ удалось Испаніи достигнуть этого, то она, имѣя у себя ключъ въ Средиземное море, могла бы опять занять въ средѣ европейскіхъ державъ не послѣднее мѣсто.

Что же касается отношенія Испаніи къ общей европейской политикѣ, то объ этомъ можно сказать весьма немногое. Дѣйствительное ея участіе въ итальянскихъ событіяхъ послѣдняго времени выразилось только въ томъ, что она въ дипломатическихъ ноткахъ выражала свое сочувствіе къ прежнему порядку дѣлъ въ Италіи. Испанское правительство поступило такимъ образомъ, вслѣдствіе двухъ побужденій: по набожности—оно благоприятно папской власти, по династическому чувству—оно не безъ симпатіи къ правленію бурбоновъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Впрочемъ, въ первомъ случаѣ участіе Испаніи ограничилось присылкою св. отцу небольшой суммы отъ имени Изабеллы, а во второмъ, безотлучнымъ пребываніемъ въ осажденной Газтѣ г. Бермудеца, посланника королевы, побуждавшаго Франциска II къ стойкости, и предложеніемъ удалившемуся изъ Газты королевскому семейству испанскаго парохода, отъ котораго впрочемъ отказался Францискъ II.

Но если внѣшняя политическая жизнь Испаніи, кромѣ недавней мароккской войны, проявляется весьма слабо, то внутренняя жизнь этой страны получаетъ теперь новое движеніе. Последняя война была важна для Испаніи не въ матеріальномъ, но въ нравственномъ отношеніи; она какъ будто пробудила дремавшія силы народа и возбудила въ немъ бодрость и дѣятельность.

Промышленное движеніе въ Испаніи стало развиваться съ недавняго времени съ замѣтной быстротою, особенно въ Каталоніи, такъ что если оно не ослабѣетъ, то для Испаніи, во всей вѣроятности, скоро наступитъ такая пора, когда ей уже не будетъ надобности получать многое изъ чужихъ краевъ, и когда она напротивъ будетъ сама въ состояніи отправлять за границу нѣкоторыя изъ своихъ произведеній.

Добавить къ этому, что теперь въ Испаніи уже готово нѣ-

сколько линий желѣзныхъ дорогъ и что, кромѣ того, и проектируются и строятся еще другія; повсюду также учреждаются новыя линіи пароходовъ, а въ Кадиксъ закуплено частною компаніей восемь паровыхъ судовъ, для постоянного сообщенія съ Италіей. Весьма значительную степень благотѣльнаго вліянія на такое развитіе еще недавно дремавшей Испаніи имѣло обращеніе на поддержаніе промышленности тѣхъ огромныхъ суммъ, которыя издерживались прежде на содержаніе монастырей.

Говоря о внутреннемъ бытѣ современной Испаніи, нельзя не замѣтить, что къ чести настоящаго вѣка, въ этой странѣ инквизицій и ауто-да-фе, начинаеть появляться теперь духъ вѣротерпимости, не смотря на то, что король Донъ-Францискъ энергически, сколько можетъ, противится свободѣ вѣроисповѣданія и что королева Изабелла весьма нерасположена къ врагамъ папы, считая ихъ гонителями истинной, вселенской церкви.

Впрочемъ набожность и приверженность королевы къ католицизму не помѣшали ей правительству убѣдиться въ выгоду, которую принесетъ странѣ продажа церковныхъ имуществъ.

По приблизительному иечисленію, эта благоразумная финансовая операція дала казнѣ сумму въ 2,500,000,000 реаловъ. Хотя, послѣ этой продажи, духовенство и получило изъ этой суммы на свое содержаніе особый фондъ, но во всякомъ случаѣ въ подобной мѣрѣ нельзя не видѣть раціональнаго и прогрессивнаго стремленія Испаніи, питавшей прежде, на счетъ государства, десятки тысячъ монаховъ.

Прекращенію внутреннихъ раздоровъ между двумя политическо-династическими партіями, вредившими Испаніи, значительно содѣйствовала смерть одного изъ претендентовъ графа Монтеоліа. Кромѣ того, настоящая беременность королевы полагаетъ предѣлъ дальнѣйшимъ расчетамъ карлистовъ. Помѣщая официальное извѣстіе о беременности королевы, всѣ испанскіе журналы высказываютъ большую радость и вотъ что, между прочимъ, пишетъ, по поводу этого, газета «España»:—«Въ ту пору, когда другія, носящія августѣйшее фамильное имя нашей королевы, въ иныхъ частяхъ Европы, претерпѣваютъ отъ честолюбцевъ жестокія напасти, — Небу угодно было благословить отрасль бурбонской династіи, царствующую въ Испаніи. Это, замѣчаетъ газета, должно быть утѣшеніемъ для нашей августѣйшей государыни и надеждой испанцевъ.» Конечно, журнальныя фразы не служатъ еще общимъ отголоскомъ чувствъ, но все таки и онѣ имѣютъ нѣкоторую важность въ странѣ, гдѣ существуетъ свобода книгопечатанія.

Представивъ въ общемъ очеркѣ современное положеніе Испаніи, мы считаемъ уместнымъ дополнить этотъ очеркъ нѣкоторыми особыми свѣдѣніями, которыя покажутъ, что хотя люди стоящіе во главѣ современнаго испанскаго правительства и не всѣ поспѣваютъ за передовымъ движеніемъ Европы, но что за

то стремленіе самой испанской націи улучшаетъ ея внутренній бытъ.

Начнемъ съ того, что въ кортесахъ происходили весьма любопытныя пренія о дѣлахъ Италіи, охарактеризовавшія взглядъ государственныхъ людей современной Испаніи на эти дѣла. Въ этомъ случаѣ особенно отличились своими воззрѣніями на италіанское движеніе предсѣдатель собранія кортесовъ г. Мартинецъ де-ла-Роза. По словамъ его, единство Италіи осуществиться не можетъ. Пьмонть изъ одного только честолюбія совершилъ рядъ преступленій, оскорбивъ, поправъ и уничтоживъ всѣ основы международнаго права для того, чтобъ овладѣть папскою областью и королевствомъ Обѣихъ Сициліи. Съ этою цѣлю, по словамъ г. Мартинца де-ла-Роза, Пьмонть употребилъ въ дѣло и золото, и возвращеніе, и богоотступничество, и изгнѣну.

Длинную рѣчь свою въ защиту стараго порядка дѣлъ въ Италіи предсѣдатель кортесовъ заключилъ слѣдующими словами: «власть папъ была всегда выше власти самыхъ могущественныхъ монарховъ. Римскіе владыки, полоненные нѣкогда Карломъ V и Наполеономъ I, съ торжествомъ возвращались въ Римъ, чтобы возсѣсть на своемъ престолѣ въ то время, когда враги ихъ удалялись для того, чтобъ умереть одному въ монастырѣ св. Юста, а другому на островѣ св. Елены.»

Слова г. Мартинца де-ла-Роза были выраженіемъ мысли мадридскаго кабинета, который въ своихъ дипломатическихъ штахъ, какъ это обнаружили дальнѣйшія пренія кортесовъ, стремился постоянно къ тому, чтобы поддержать въ Италіи порядокъ дѣлъ, установленный трактатами 1815 года и который, при всѣхъ своихъ порывахъ, не могъ матеріально поддержать своей политики единственно по неимѣнію необходимыхъ для этого средствъ. Впрочемъ, политика настоящаго мадридскаго кабинета въ отношеніи къ Италіи, встрѣтила сильное неодобреніе въ возраженіяхъ, сдѣланныхъ г. Мартинцу де-ла-Розѣ, гг. Гонзалесомъ Браво, Кальво Ассенсио и Фигуерола. Если же наконецъ, послѣ долгихъ преній, министерскій образъ дѣйствій въ италіанскихъ событіяхъ и былъ одобренъ большинствомъ 176 голосовъ противъ 44, то это объясняется только тѣмъ, что въ кортесахъ находится много лицъ, состоящихъ въ государственной службѣ и слѣдовательно находящихся въ прямой зависимости отъ правительства. Безъ всякаго же сомнѣнія можно сказать, что политика маршала О'Доннеля въ отношеніи къ Италіи находится въ совершенномъ разладѣ съ чувствами и образомъ мыслей большинства испанской націи.

Политику настоящаго министерства по дѣламъ италіанскимъ взялся также не словесно, но письменно защищать г. Коельо. бывшій до этого посланникомъ въ Туринѣ. Чтобы показать какъковы должны быть его защитительные аргументы въ пользу обороняемаго имъ дѣла, довольно сказать, что онъ доказываетъ

право короля Франциска II на общую защиту со стороны всей Европы, уже потому одному, что мать его считается святою въ Неаполѣ между тамошнимъ народомъ.

Всѣ эти примѣры достаточно показываютъ, что если въ настоящее время въ испанскомъ народѣ и является замѣтное прогрессивное движеніе, то онъ этимъ обязанъ скорѣе всего своей собственной инициативѣ, а никакъ не инициативѣ своихъ вожатыхъ.

Духовенство, которое обыкновенно считается всюду какъ бы путеводителемъ народовъ на пути образованія, очень плохо удовлетворяетъ этому высокому назначенію въ современной Испаніи, примѣромъ тому можетъ служить то обстоятельство, что одинъ священникъ не далъ умиравшему доцу Пзидро-Маріа Нива причастія до тѣхъ поръ, пока изъ комнаты больного не вынесли портрета Гарибальди!

IV. Замѣтки о Германіи.

Современная Германія, не смотря на одинаковость языка и одинаковость племеннаго происхожденія ея жителей, а также и на ея стремленіе къ національному единству, не только что раздѣлена; вслѣдствіе династическихъ основаній, на 17 самостоятельныхъ государствъ, но еще дѣлится по наклоностямъ своихъ правительствъ, а отчасти и жителей на двѣ главныя партіи: австрійскую и прусскую. Раздѣленіе этого рода, проглядывающее, съ большей или меньшей ясностью, при обсужденіи каждаго важнаго вопроса среди союзнаго сейма, служило до сихъ поръ едва ли не самой главной причиной разрозненности нѣмцевъ, въ ихъ политическомъ быту. Не смотря однако на это, въ Германіи встрѣчались иногда такіе общіе политическіе вопросы, при которыхъ чувство нѣмецкой національности и нѣмецкаго патриотизма брали верхъ надъ противоположными стремленіями обѣихъ партій и тогда Германія представляла примѣръ общаго единодушія въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ и дѣйствіяхъ. Такое случайное проявленіе политическаго единодушія нѣмцевъ многіе смѣшиваютъ очень часто съ постоянными стремленіями Германіи къ національному единству.

Касаясь послѣдняго, мы не можемъ не привести нѣсколько словъ г. Карловица, бывшаго прежде саксонскимъ министромъ, а потомъ сдѣлавшагося прусскимъ подданнымъ. Слова эти сказаны были имъ весьма недавно въ засѣданіи прусскихъ палатъ и были тамъ приняты съ одобреніемъ. Они отчетливо опредѣляютъ затронутый нами вопросъ.

«Стремленіе Германіи къ единству, сказалъ г. Карловицъ, не можетъ быть подведено подъ принципъ національностей. Первое основано на реальной, а второе на идеальной потребности и слу-

жить до сихъ поръ для прикрытія только династическихъ интересовъ, между тѣмъ какъ единство Германіи было цѣлью тысячелѣтней борьбы. Общія дѣла всей Германіи могутъ быть взяты на себя только чисто-германскимъ государствомъ, финансы котораго находятся въ порядкѣ и военныя силы котораго имѣютъ хорошую организацію. Но къ чему служить Пруссіи гордая ея армія, если этой арміи не сочувствуетъ германскій народъ. Пруссія доказала Германіи свою заботливость, раздавъ всѣмъ германскимъ правительствамъ нарѣзныя пушки, но объ отплатѣ за эту услугу еще ничего не слышно. Между тѣмъ Австрія ничего не сдѣлала для Германіи, съ тѣхъ поръ какъ уступила Франціи германскую область—Лотарингію.»

Такой взглядъ на отношенія къ Германіи двухъ главныхъ нѣмецкихъ, соперничающихъ между собою государствъ, имѣютъ всѣ приверженцы прусской партіи. Они считаютъ Пруссію единственною нѣмецкой державой, достойною стоять во главѣ всего союза, какъ по ея матеріальнымъ средствамъ, такъ и по историческимъ безупречнымъ о ней воспоминаніямъ со стороны германскаго народа.

Въ свою очередь, высшнее прусское правительство, въ лицѣ министра иностранныхъ дѣлъ г. Шлейница объявило, что оно въ интересахъ могущества, безопасности и независимости Германіи, всегда считало, и считаетъ до сихъ поръ, необходимымъ условіемъ твердую связь всѣхъ германскихъ государствъ, что оно съ своей стороны будетъ стремиться къ этому мирнымъ, законнымъ путемъ, но приступить къ инициативѣ этого дѣла только тогда, когда будетъ имѣть надежду на успѣхъ. Такое оповѣщеніе, сдѣланное г. Шлейницемъ, оканчивается замѣчаніемъ, что въ настоящее время прусское правительство признаетъ своей обязанностію возбуждать духъ національнаго единства, и что въ этомъ смыслѣ оно вступило уже съ Австріей въ переговоры по вопросу о военномъ устройствѣ союза.

Дальнѣйшій разборъ дѣла о національномъ единствѣ Германіи, происходившій въ прусскихъ палатахъ, показалъ, что предразсудки насчетъ высокомерія и корыстолюбія Пруссіи, существующіе въ Германіи, не благоприятствуютъ осуществленію патристическихъ предположеній этой державы.

Что же касается Австріи, то въ ней не могли еще выразиться понятія о національномъ единствѣ Германіи въ парламентской формѣ, какъ они высказались въ Пруссіи. При томъ Австрія, не говоря уже о томъ нерасположеніи, которое существуетъ въ большей части Германіи къ нелиберальному австрійскому правительству,—труднѣе стать во главѣ германскаго единства, чѣмъ Пруссіи, уже потому одному, что разноплеменность Австріи, особенно при высшихъ политическихъ стремленіяхъ ея жителей, дѣлаютъ австрійскую имперію далеко не германской державой. Къ этому прибавляется еще и не безъосновательное опасеніе,

что Австрія, для поддержки своей территориальной цѣлости, будетъ, въ дѣлахъ европейской политики, жертвовать очень часто многія чисто-германскими интересами.

Впрочемъ надобно замѣтить, что на югѣ Германіи, т. е. преимущественно въ ея католической части, находится гораздо больше приверженцевъ австрійскаго, нежели прусскаго главенства въ германскомъ національномъ единствѣ.

Но если Пруссія и Австрія представляютъ въ стремленіяхъ Германіи къ національному единству, двѣ крайности, то и взаимныя ихъ отношенія въ свою очередь представляютъ много особенностей, на которыя нельзя не обратить вниманія, стараясь ознакомиться съ настоящимъ положеніемъ Германіи въ политическомъ отношеніи.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что перевѣсъ матеріальной силы находится вполне на сторонѣ Пруссіи, сравнительно съ Австріей, и что перевѣсъ этотъ поддерживается еще и нравственнымъ влияніемъ Пруссіи на большинство Германіи, преимущественно въ сѣверной ея части. Уже одни эти обстоятельства заставляютъ австрійское правительство, при каждомъ возникающемъ столкновеніи между имъ и правительствомъ прусскимъ, тщательно обходить многіе щекотливыя вопросы и дѣлать Пруссіи значительныя уступки. Тревожное же состояніе Австріи въ настоящую пору заставило ее, въ добавокъ къ этому, просто-на-просто искать сближенія съ Пруссіей.

Въ этомъ случаѣ точками соединенія служилъ, между прочимъ вопросъ по голштинскому дѣлу. Къ этому нужно прибавить еще почти равномерное опасеніе на счетъ воинственныхъ замысловъ Франціи: для Пруссіи со стороны Рейна, для Австріи со стороны Венеціанской области. Извѣстно, что опасности и несчастія служатъ самыми лучшими средствами сближенія и потому, въ настоящее время, вѣнскій кабинетъ, какъ мы сказали, усердно сближается съ берлинскимъ, который въ свою очередь не отстраняется отъ подобнаго сближенія, чего однако не было прежде.

Пруссія, сходясь съ Австріей по вопросу Голштиніи, съ своей стороны сходитъ съ Австріей отчасти и по вопросу о венеціанской области. Прусское правительство считаетъ нужнымъ удержать за Австріей оставшіяся за нею владѣнія въ Италіи, конечно не изъ уваженія къ собственнымъ выгодамъ Австріи, но потому только, что въ утратѣ этой области Австріей, берлинскій кабинетъ, полный германскаго патріотизма, видитъ весьма ощутительный ущербъ для всей Германіи въ стратегическомъ отношеніи. Впрочемъ вопросъ о томъ, будетъ-ли поддерживать Пруссія Австрію, если итальянцы, безъ французской помощи, стануть отнимать Венецію, — еще до сихъ поръ остается не разрѣшеннымъ, по крайней мѣрѣ въ сферѣ европейской журналистики.

Нельзя однако не замѣтить, что приведенное здѣсь понятіе

берлинскаго кабинета о важности венеціанской области, представляющей знаменитый четверугольникъ крѣпостей, опровергается нѣкоторыми, даже нѣмецкими газетами. Четверугольникъ итальянскихъ крѣпостей, по мнѣнію этихъ газетъ, можетъ имѣть важность собственно для всей Германіи, а не для одной только Австріи, единственно въ такомъ лишь случаѣ, если предположить, что главнымъ центромъ соединенной Германіи будетъ Вѣна. Такія соображенія основываются на томъ, что итальянскія крѣпости, остающіяся нынѣ за австрійцами, открываютъ съ запада дорогу непріятельской арміи исключительно только на Вѣну, но не собственно въ Германію, а потому если политическій бытъ Германіи останется въ настоящемъ положеніи или если, въ случаѣ соединенія этой страны, въ одну общую имперію, столица послѣдней будетъ назначена въ другомъ какомъ нибудь германскомъ городѣ, то итальянскій четверугольникъ, собственно для Германіи, не будетъ представлять такой важности, чтобы нѣмцамъ слѣдовало вступать изъ-за него въ отчаянную и рѣшительную борьбу съ Италіей, а быть можетъ и съ Франціей.

Сама Германія, какъ кажется, очень хорошо сознаетъ это, если не оказываетъ особенной заботливости объ удержаніи за Австріей ея итальянскихъ владѣній, хотя, въ тоже время, она дѣятельно старается укрѣпить свои при-рейнскую и сѣверную границы.

Въ настоящее время предложены союзной военной комиссіи слѣдующія работы не на прусской землѣ, для укрѣпленія германскаго берега, а именно. построить одно укрѣпленіе на сѣверо-западномъ берегу острова Пооля въ Висмарской бухтѣ, а другое еще болѣе значительное, съ пушками огромнаго калибра, близъ Куксгафене, а также возстановить старыя Эндемскія укрѣпленія. Кромѣ того, Пруссія, съ своей стороны, предлагаетъ постройку новаго форта для прикрытія Везера.

При томъ и въ самой прусской политикѣ, относительно итальянскихъ дѣлъ, видно далеко исполное согласіе съ Австріей, это надобно заключить изъ отказа берлинскаго кабинета — прервать въ настоящее время дипломатическія сношенія съ Викторомъ-Эмануиломъ; къ чему однако такъ настойчиво старалась склонить его Австрія, напоирая при этомъ на опасность, угрожающую будто бы всей Германіи, вслѣдствіе отпаденія венеціанской области отъ нѣмецкаго господства.

Дѣлая эти замѣтки, опредѣляющія взаимныя отношенія двухъ первенствующихъ германскихъ державъ, нельзя не сказать, что послѣднимъ поводомъ къ продолжительному разномыслію между кабинетами вѣнскимъ и берлинскимъ было кургессенское дѣло. Дѣло это имѣетъ для Германіи особенную важность, такъ какъ оно послужило какъ будто пробнымъ камнемъ для опредѣленія степени развитія или степени застоя либеральныхъ идей со стороны разныхъ нѣмецкихъ правительствъ, а потому мы находимъ

нужнымъ представить вкратцѣ нашимъ читателямъ сущность этого дѣла.

Съ 1852 года, между правительствомъ курфирштва Гессенскаго и тамошними жителями ведется, съ постояннымъ упорствомъ, борьба по поводу обѣщанной курфирстомъ конституціи 1831 года. Эта конституція, хотя и не придаетъ кургессенскимъ палатамъ инициативы законодательства, но даетъ однако имъ право принимать и отвергать проекты закона, вносимые въ палату министерствомъ, и предоставляетъ палатамъ объявлять свое согласіе или свое несогласіе касательно системы налоговъ. Между тѣмъ курфирствъ не только—что медлилъ возстановленіемъ конституцій 1831 года, но и вдругъ еще, въ 1850 году, по внушенію своего министра Гессенпфлуга, сталъ дѣйствовать въ странѣ вопреки даже основнымъ началамъ конституціи по финансовой части. Въ курфирствѣ обнаружился ропотъ, правительство ухватилось за это и, въ сентябрѣ того же года, объявило Союзному Сейму, что въ Гессенъ-Кассельѣ господствуетъ возстаніе. Вслѣдствіе этого туда двинулся австрійско-баварскій экзекуціонный корпусъ. Пруссія однако протестовала противъ этого и, принявъ въ курфирствѣ сторону либераловъ, послала туда свои войска для противодѣйствія экзекуціонистамъ. Но Ольмюцкія конференціи убѣдили однако Пруссію отстать отъ этого способа дѣйствій и тогда Союзный Сеймъ поручилъ двумъ комиссарамъ, одному прусскому и одному австрійскому, рассмотреть Гессенъ-Кассельскую конституцію 1831 года. Комиссары нашли что конституція эта не согласна съ духомъ монархическаго принципа, принятаго вообще въ всей Германіи. По этому, въ мартѣ 1852 года курфирштву дана была новая конституція; но палаты отказались принять ее и вслѣдствіе такого положенія дѣлъ между правительствомъ и населеніемъ возникли несогласія, продолжающіяся донинѣ.

Во все это время Пруссія поддерживала въ курфирствѣ либеральную партію, требуя, послѣ неудачной попытки ввести новую конституцію, —возврата къ конституціи 1831 года, съ весьма малыми изъ нея исключеніями. Австрія между тѣмъ съ своей стороны постоянно протестовала противъ такого образа дѣйствій берлинскаго кабинета, и когда наконецъ, для разрѣшенія этого спорнаго дѣла, приступили на союзномъ сеймѣ къ подачѣ голо-совъ, то оказалось, что на сторонѣ прусскихъ тенденцій были только саксонскія герцогства, Ольденбургъ, Вальдскъ и вольныя города, требовавшія какъ и Пруссія, возстановленія въ курфирствѣ конституціи 1831 года. Неудовольствіе нѣмецкихъ представителей при союзномъ сеймѣ дошло въ этомъ случаѣ на Пруссію до того, что большинство ихъ потребовало прямо выхода Пруссіи изъ германскаго союза,

Только въ мартѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года по кургессенскому дѣлу произошолъ въ политикѣ германскаго союза переломъ, скло-

низійся въ пользу Пруссіи, но всей вѣроятности онъ произо- шлъ вслѣдствіе шаткаго положенія ся противницы — Австріи. Въ это время, въ Баваріи, комиссія второй палаты рѣшительно объявила себя въ пользу конституціи 1831 года, поддерживаемой Пруссіей, а за тѣмъ и сама палата, обсуживая этотъ во- просъ въ теченіе трехъ дней сряду, приступила къ предложен- ному мнѣнію, большинствомъ 132 голосовъ противъ 8, и обратилась къ королю съ просьбой склонить гессенское правительство къ требуемымъ отъ него уступкамъ.

Примѣру Баваріи послѣдовалъ Брауншвейгъ, гдѣ одинъ изъ депутатовъ второй палаты внесъ предложеніе въ пользу преж- ней конституціи Гессенскаго курфирштва. Предложеніе это было принято брауншвейгской палатой съ большинъ одобре- ніемъ.

Наполеонъ вліяніе Пруссіи на рѣшенія кургессенскаго вопроса въ ея духѣ, а не въ духѣ Австріи, должно считать омончательно взвѣсивъ верхъ, послѣ того, какъ, въ половинѣ марта, предста- витель Австріи при берлинскомъ дворѣ г. Кюбекъ, получивъ отъ своего правительства новыя инструкціи, внушающія ему пере- мѣнить прежнюю политику вѣнскаго кабинета во многихъ гер- манскихъ вопросахъ, а преимущественно гессенскомъ, бывшемъ главною причиною разногласія между Австріей и Пруссіей. За- мѣтимъ истати, что г. Кюбеку поручено также представить бер- линскому кабинету предложеніе Австріи о союзной реформѣ, въ случаѣ если другія германскія государства изъявятъ желаніе сдѣ- лать тоже самое.

Вообще съ начала нынѣшняго года стало обнаруживаться во многихъ германскихъ государствахъ либеральное движеніе. До настоящаго времени, не смотря на давнишнюю ненависть, суще- ствующую въ Германіи къ папскимъ конкордатамъ, они одинако исправно соблюдались многими, не только католическими, но и протестантскими правительствами. Первое возстаніе противъ пап- скаго престола, утвержденныхъ въ Германіи конкордатами послѣдняго времени, обнаружилось теперъ въ Стутгартѣ, гдѣ вир- тембергская палата, послѣ четырехдневныхъ преній, отвергла, большинствомъ голосовъ, конкордатъ, заключенный королевскимъ правительствомъ съ папскимъ дворомъ.

Кромѣ того, въ одномъ изъ городовъ королевства виртемберг- скаго, Эсслингенѣ, соотавилось 3-го февраля (22-го января) со- браніе изъ 700 человекъ. Оно единогласно положило, что гер- манскій народъ имѣетъ право на введеніе государственной кон- ституціи, утвержденной 28 марта 1849 года, національнымъ со- браніемъ, происходившимъ тогда во Франкфуртѣ. Принявъ эту исходную точку для устройства внутренняго быта Германіи, эс- слингенское собраніе, въ энергическихъ рѣчахъ, требовало соз- ванія германскаго парламента и составило отъ своего имени восторженное возваніе къ австрійскимъ нѣмцамъ, объявивъ имъ,

что Германія не исключитъ ихъ изъ среды своихъ; если только они сами изъ нея не выйдутъ. Это воззваніе произвело въ Австріи весьма сильное впечатлѣніе.

Въ свою очередь вюртембергское правительство 23-го (11-го марта) представило палатѣ депутатовъ проектъ закона о безусловной свободѣ промышленности.

Кромѣ того, оно, по собственному побужденію, безъ инициативы со стороны народныхъ представителей, приняло нѣкоторыя либеральныя мѣры для облегченія журналистики. Такъ на-примѣръ, оно, въ началѣ марта, отмѣнило, хотя впрочемъ и на время, удерживавшее за министерствомъ право закрывать типографіи полицейскимъ, а не судебнымъ порядкомъ; оно сняло съ издателей ответственность за періодическія изданія, незанимающіяся политическими и социальными, вопросами и наконецъ, что весьма важно, понизило количество обезпеченія, требуемаго съ редакторовъ за право издавать газеты.

Въ Баваріи либеральное движеніе, кромѣ поддержки кургессенской конституціи 1831 года, выразилось постановленіемъ палаты депутатовъ касательно евреевъ. Послѣ жаркихъ преній, палата 20-го (8-го марта), приняла почти единогласно предложеніе доктора Паура объ отмѣнѣ постановленныхъ въ 1813 году ограниченій касательно правъ евреевъ на свободное пребываніе и на занятія промыслами въ баварскихъ владѣніяхъ по суюстороню Рейна. Министръ внутреннихъ дѣлъ объявилъ, что если это предложеніе будетъ также принято и въ верхней палатѣ, какъ оно было принято въ нижней, то правительство безъ всякаго сомнѣнія утвердитъ это предложеніе.

Къ свѣдѣніямъ, опредѣляющимъ современное положеніе германскихъ государствъ во внутреннемъ ихъ быту, нужно прибавить еще и то, что, въ началѣ нынѣшняго апрѣля, нѣкоторые депутаты снова представили кобургъ-готскому сейму свои предложенія, касательно распущенія германскаго союзнаго сейма и замѣны его центральнымъ правительствомъ и германскимъ парламентомъ. Предложенія эти касаются также подчиненія обоеихъ герцогствъ Пруссіи въ военномъ отношеніи,

Всѣ эти частныя случаи въ небольшихъ государствахъ Германіи и явный перевѣсъ прусскаго вліянія надъ австрійскимъ способствуютъ перевороту идей, совершающійся нынѣ въ Германіи. Безъ всякаго сомнѣнія, разстройство и обезвѣженіе Австрійскаго содѣйствовали такому перевороту.

Что же касается внѣшнихъ отношеній Германскаго союза, то они, по видимому, не слишкомъ успокоительны. Кромѣ работъ, предпринятыхъ по укрѣпленію сѣверо-западныхъ береговъ Германіи, какъ объ этомъ было замѣчено прежде, союзный сеймъ ассигновалъ очень недавно, въ видѣ временной мѣры, миліонъ флориновъ, на вооруженіе союзныхъ крѣпостей нѣмецкими пуш-

камн. Изъ этой суммы приходится: на Майнцъ 300,000 флоринъ, на Ульмъ 240,000, на Раштадтъ 200,000, на Люксембургъ 150,000 и на Ландау 110,000. Военная комиссія союза приняла тотчасъ же самыя дѣятельныя мѣры къ безотлагательному изготовленію и къ скорѣйшей доставкѣ этихъ орудій. Съ своей же стороны военная комиссія союза предложила сейму образовать, для защиты германскихъ береговъ, флотилію изъ 50 канонирскихъ лодокъ. Изъ общаго числа этихъ лодокъ комиссія назначаетъ для Нѣмецкаго моря 40 и для Балтійскаго 10.

Мысль о возможности войны въ предѣлахъ Германскаго союза выразилась между прочимъ и въ слѣдующемъ свидѣніи, сообщенномъ газетою, «Hamburger Nachrichten». По словамъ этой газеты, неподтверждаемымъ впрочемъ другими извѣстіями, баварское правительство сдѣлало въ Парижѣ категорическій запросъ о томъ, будетъ ли противиться Франція, если баварскія войска займутъ Тироль и Зальцбургъ, въ случаѣ важныхъ волненій въ Австріи.

Такой запросъ одной изъ главныхъ германскихъ державъ, (если только онъ исполнѣн—вѣрно переданъ гамбургской газетою), служитъ достаточнымъ доказательствомъ того, какъ еще мало развитъ въ Германіи духъ независимости тамошнихъ правительствъ и какъ сильно господствуютъ тамъ своскоистыя разсчеты кабинетовъ, не смотря на то, что, повидимому, всѣ нѣмецкія государства соединены въ одно политическое тѣло. Корыстный же разсчетъ мюнхенскаго кабинета въ настоящемъ случаѣ надобно заключить изъ того, что Зальцбургъ и Тироль, на которыя объявляетъ Баварія свои притязанія, принадлежатъ не только къ такимъ землямъ, которыя всего болѣе преданы Австріи, но и къ такимъ, которыя входятъ въ составъ германскаго союза, и слѣдовательно занятіе ихъ, въ какомъ бы то ни было случаѣ, исключительно войсками одной изъ германскихъ державъ, не можетъ быть произведено иначе, какъ только съ общаго согласія всѣхъ союзныхъ правительствъ, а никакъ не съ разрѣшенія тюльрийскаго кабинета или по усмотрѣнію одного баварскаго правительства. Такой исключительный, не германскій образъ дѣйствій мюнхенскаго кабинета можно объяснить только тѣмъ, что баварское правительство разсчитываетъ возвратить себѣ, въ случаѣ неудачъ Австріи, земли, уступленныя послѣдней въ 1814 году.

Конечно, трудно предвидѣть исходъ Германіи изъ настоящаго затруднительнаго и неопредѣленнаго положенія. Можно однако думать, что настроеніе умовъ, вышнія обстоятельства, и значительный разладъ между федеральными нѣмецкими государствами, предвѣщаютъ не только войну съ вышними непріятелями, но и внутреннія потрясенія и что, повсей вѣроятности, стремленіе нѣмцевъ къ національному единству составляетъ только пріятныя грезы теоретиковъ—патріотовъ.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ.

Петербургъ, насладившись до безконечности, въ продолженіе зимняго сезона, катаньемъ на горахъ; замирая отъ восторга въ итальянской оперѣ, съ дипломатическою важностью и весьма внимательно наслушавшись съ прекраснымъ акцентомъ французскаго языка въ Михайловскомъ театрѣ, и наконецъ, усладивъ болѣе пародное чувство въ прелестномъ Александринскомъ театрѣ, гдѣ такъ мило смѣшить Марковецкій и съ такой душой играетъ Бурдянгъ, Петербургъ обыкновенно великимъ постомъ слушаетъ лекціи, разныя чтенія и концерты, каковыя и въ нынѣшнемъ году нисколько не отличались отъ прошлогоднихъ и третьягоднихъ т. е. всего этого было очень много, а публики какихъ ѣздило, довольно мало. По музыкальной части послѣ Рубинштейна имѣлъ самый огромный сборъ абиссинскій маэстро, Лазаревъ. Въ дѣйствіяхъ этого страннаго композитора насъ всегда занимали не столько его афишки, ни даже его бѣлый жилетъ, требующій штрифокъ, ни наконецъ его полное и довольное лицо. Нѣтъ! намъ всегда хотѣлось узнать тотъ психологическій процессъ, съ которымъ онъ творить. — Знаетъ ли онъ хоть сколько пибудь музыку? спрашивали мы многихъ.

— Нисколько, отвѣчали намъ.

— Какимъ же образомъ онъ пишетъ?

— Онъ умѣетъ только писать ноты, т. е. знаетъ ихъ вѣрнѣйшій видъ и для этого обыкновенно беретъ нотной бумаги, беретъ потомъ большое гусиное перо и начинаеть съ него брызгать чернилами на бумагу. Образовавшіяся отъ этого точки соединяетъ въ связки, разбиваетъ ихъ потомъ на такты. Если точекъ кажется ему мало, такъ прибавляетъ ихъ нѣсколько отъ руки; пишетъ надъ всемъ этимъ: *dolce*, *crescendo*, *diminuendo*, и конецъ дѣлу! Все это вѣтербургская публика однако ѣздитъ слушать, съ цѣлю конечно потѣшиться надъ маэстро, а между тѣмъ тотъ собираетъ съ нея деньги, очень ловко отвертываясь, когда его настойчиво начинаютъ спрашивать, почему онъ только 30 цѣлковыхъ предъявилъ для добраго дѣла, и такимъ образомъ въ этомъ случаѣ Богъ еще знаетъ, кто кого дурачить. У насъ видно пока еще только и житье однимъ подобнымъ личностямъ: толщьте и отвержитесь!..

Въ числѣ иностранныхъ концертныхъ птичекъ въ нынѣшнемъ году прилеталъ маленький Чечоть—удивительный скрипачъ. На всѣхъ дѣтскихъ концертахъ нами овладѣваетъ два рода чувствъ: первое, изъ нихъ недовѣріе; еще покойный Сенковскій говорилъ: «Что это, господи Боже мой, для всякаго-то искусства надобно, чтобы человѣкъ былъ взрослый, чтобы и мозгъ имѣлъ достаточно развитый, и страсти уже ощущалъ, и жизнь, наконецъ, вѣдалъ, одна музыка ничего этого не требуетъ.... десятилѣтніе гени въ ней, какъ грибы, растутъ и всегда еще попарно: братья Венявскіе... сестры Погожевы. Другое чувство, нами овладѣвающее,—это жалость: сколько отнято у ребенка чистыхъ, свѣтлыхъ радостей для того, чтобы онъ сталъ такъ чисто выдѣлывать своими рученками. Въ печальныхъ звукахъ, имъ издаваемыхъ, намъ такъ и слышались его жалобы на тѣ муки, которыя перенесъ онъ прежде, чѣмъ явился на этихъ подмосткахъ.

Самое большое и самое сильное впечатлѣніе на публику, конечно, производили концерты театральной дерекціи—150 человѣкъ музыкантовъ играли заразъ. Русскій человѣкъ любитъ этого рода сильныя раздраженія: не даромъ онъ слылъ таковой величины пушку, изъ которой стрѣлять даже нельзя, и отлать такой колоколь, которой никакая бы, пожалуй, колокольная цѣвь держала.

Литературныя чтенія, съ различными благотворительными цѣ-

лини, совершались тоже въ приличной пропорціи. Изъ нѣсколькихъ человѣкъ литераторовъ сдѣлали рѣшительно какихъ то чернорабочихъ: работай на всѣхъ и на вся! и что замѣчательно—они чувствуютъ, кажется, отъ этого удовольствіе, хоть и скрываемое, но все таки удовольствіе—что значить самолюбышко-то человѣческое: рычагъ не менѣе, пожалуй, сильный, какъ и деньги!

Лекціямъ тоже нѣсть числа; изъ нихъ, между прочимъ, въ залѣ 2-й гимназіи графъ Сюзоръ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, излагалъ свое ученіе о французской литературѣ. Слушательницъ и весьма искреннихъ много было: блаженъ, кто вѣруетъ. Впрочемъ, надобно сказать, что его сіятельство замѣтно начинаеть здоровѣе смотрѣть на свою литературу. Нашъ холодноватый и сыроватый воздухъ очень хорошъ въ этомъ случаѣ для французскихъ организмовъ — онъ ихъ, если можно такъ выразиться, нѣсколько отрезвляетъ и освѣжаетъ: знаки восклицательные они перестаютъ уже считать за чувства и напыщенныя фразы за идеи. Изъ другихъ лекцій въ залѣ пассажа Ламанскій читалъ о Ломоносовѣ, при чемъ очень удачно укорялъ старыхъ почитателей преобразователя русскаго слова въ сентиментальныхъ къ нему отношеніяхъ... Бѣдный сыпъ рыбака, томимый жаждой знанія... бѣжалъ съ роднаго непривѣтливаго берега... восклицали они обыкновенно, прижимая руку къ груди... Вѣроятно въ отсутствіи подобнаго сердца старѣйшій изъ нихъ Михайло Петровичъ Погодинъ и укоряеть современное поколѣніе. А мы смѣемъ завѣрить почтеннаго историка, что это вовсе и не чувство, и что тутъ и намека нѣтъ на сердце, а есть только насильственное вытягиваніе изъ себя жалостливыхъ мыслей. У честныхъ людей любовь выражается въ уваженіи къ человѣку, въ глубокомъ пониманіи его хорошихъ и дурныхъ сторонъ, а не въ лести и не въ сентиментальничаньи предъ нимъ. Изъ словъ Ламанскаго выступаетъ еще два другихъ замѣчательныхъ факта: во первыхъ, что къ Россіи по волѣ мощной десницы монарха заведена была академія, когда не было еще ни одного училища и заселилась она, въ великой скорби и печали Ломоосова, нѣмпами и съ тѣхъ поръ оными обитаема съ передачею даже нѣсть отъ отца къ сыну; это бы еще ничего: можетъ быть и дѣйствительно, кровь можетъ передавать академическія способности, а то бывало и такъ, что отъ тестя къ зятю...

Но все эти впрочемъ проявленія общественной жизни, менѣе образили на себя общаго вниманія публики, чѣмъ сдѣлала это ни-

большая статейка Сѣверной Пчелы, въ которой описывалось, что одинъ охотникъ въ горахъ близъ Юнатана замѣтилъ цѣлую стаю птицъ огромнаго размѣра, которыя съ шумомъ, довольно пріятнымъ и похожимъ на пѣніе, перелетали съ одной скалы на другую; онъ прицѣлился—было въ нихъ изъ ружья, но внезапная боль въ рукѣ, какъ бы отъ обжога, заставила его бросить ружье. Можно представить себѣ его удивленіе, когда стая того, что онъ принималъ за птицъ, начала спускаться къ нему ближе и онъ замѣтилъ, что то были.... крылатыя существа съ человѣческими лицами. Къ сожалѣнію, охотникъ не могъ хорошенько рассмотреть ихъ, ибо, испугавшись, бросился бѣжать; стая этихъ страшныхъ существъ понеслась за нимъ, долго надъ нимъ носилась на довольно большой высотѣ и оставила лишь тогда, когда охотникъ добрался до города.

Вскорѣ послѣ того Маріанна К**, дочь здѣшняго садовника, лѣтъ десяти, гуляла по лугу; собирая цвѣты въ корзинку, она зашла довольно далеко отъ дома; вдругъ надъ нею что-то зашумѣло, она подняла голову — говоримъ по ея рассказамъ, ибо при ней никого взрослыхъ не было — надъ нею неслась стая большихъ птицъ, какъ она ихъ называла. То были просто, такъ называемые, зефироты.

Спустясь ближе къ дѣвочкѣ, зефироты подняли на воздухъ и ее, и корзинку. Впрочемъ они несли несчастную очень бережно и дружно поддерживали на лету. Долетѣвъ до высокой неприступной скалы, зефироты остановились на самой ея вершинѣ, гдѣ, какъ Маріанна рассмотрѣла въ послѣдствіи, было множество низенькихъ избушекъ, въ родѣ павѣсовъ надъ какими-то гнѣздами, искусно сдѣланными изъ моха, коры и листьевъ. Здѣсь, въ одно изъ такихъ гнѣздъ, зефироты посадили испуганную дѣвочку и разными ласками старались ободрять ее. Ея корзинка обратила особенное вниманіе этихъ получеловѣковъ; они нюхали цвѣтки одинъ за другимъ, иные бросали, другіе принимали съ знаками большой радости. Перебравъ всю корзинку, они устѣлись, если можно такъ выразиться, вокругъ Маріанны и затянули какую-то непонятную, по пріятную пѣсню, показывая Маріаннѣ отобранные ими цвѣтки. Испуганная дѣвочка никакъ не могла понять, что это все значить.

Между тѣмъ наступила ночь; зефироты уложили ее въ одно изъ гнѣздъ большой величины; двое помѣстившись вмѣстѣ съ нею, и прикрыли ее своими крыльями. Усталая дѣвочка скоро засну-

де; она рассказывала, что, не смотря на холодъ, всегда господствующій на такой высотѣ, ей было очень тепло подъ ея странницею покрываломъ. Съ восходомъ солнца, зephyроты опять обступили Марианну и опять что-то заплѣли, показывая ей цвѣты. Уто ижд говорила дѣвочка, они, по-видимому, не понимали, хотя очень прислушивались къ ея словамъ, выражая удивленіе. Наконецъ, они снова подняли ее на руки, понесли и опустили на тотъ лугъ, гдѣ схватили ее вчера. На землѣ они дали ей въ руки ея корзинку, снова заплѣли, показывая ей цвѣты, и быстро взвились на воздухъ. Избавившись отъ своихъ похитителей, Марианна бросила корзинку и, разумѣется, пустилась бѣжать домой. Но на сей разъ ей это не удалось: похитители остановили ее на бѣгу, снова подняли на воздухъ и на болѣе далекомъ разстояніи опустились уже посреди луговой степи. Одинъ изъ зephyротовъ, напѣвая, указалъ Марианнѣ на цвѣтокъ, по близости находившійся, сорвалъ его, далъ ей въ руки, потомъ положилъ его въ корзинку, и мгновенно взвился на воздухъ. Марианна поняла наконецъ, что отъ нея требуютъ того же, и прилежно принялась рвать цвѣты и класть ихъ въ корзинку. Зephyротамъ того, какъ видно, только и хотѣлось. Они носились надъ нею, и когда корзинка была полна, спустились, опорожнили ее и снова поднялись на воздухъ. Между тѣмъ бѣдная Марианна, не поужинавъ вчера, не смотря на страхъ, который навели на нее крылатые люди, почувствовала сильный голодъ, и, нашедши случайно дикіе бобы, принялась ихъ ѣсть съ большимъ аппетитомъ. Это простое дѣйствіе привело, по-видимому, зephyротовъ въ большое удивленіе; они безпрестанно спускались на землю, смотрѣли на завтракавшую Марианну и снова улетали, напѣвая свою непонятную пѣсню. Вдругъ нѣсколькó изъ нихъ отдѣлился отъ стаи, полетѣли куда-то въ сторону и возвратились съ огромнымъ запасомъ банановъ и другихъ плодовъ. Марианна, разумѣется, бросилась на эту пищу съ жадностью, которая привела зephyротовъ еще въ большее удивленіе. Они смотрѣли ей въ ротъ и, казалось, не могли понять, какъ могла исчезать пища. Подирѣпивъ силы, дѣвочка опять было рѣшилась бѣжать, чтобы какънибудь добраться до дому. Зephyроты снова ее не допустили, но, видя ея сопротивленіе, накиннули ей на шею длинную веревку изъ лианъ; одинъ изъ зephyротовъ взялъ конецъ этой веревки и, придерживая ее, неся надъ Марианной, указывая ей, между

тѣмъ, на корзинку, точно какъ охотникъ, который прѣучаетъ собаку носить поноску или отыскивать трюфели. Выбившись изъ силъ, дѣвочка, съ отчаянія, бросилась на землю и горько зарыдала, полагая, что наступилъ ей послѣдній часъ. Плачь ея, кажется, подѣйствовалъ на зефиротовъ: они мгновенно спустились къ ней, развязали веревку, подняли дѣвочку на воздухъ, принесли на лугъ, лежавшій близъ ея дома, и оставили на свободѣ. Ни жива, ни мертва, прибѣжала домой Маріанна и долго отъ страха не могла рассказать, что съ ней случилось.

Все непонятное въ ея рассказѣ объяснилось въ послѣдствіи. Игнацій, братъ Маріанны, прекрасный и смѣлый молодой человекъ, рѣшился, во что бы то ни стало, войти въ сношеніе съ похитителями. Наложивъ въ корзинку все нужное, чтобы хорошо пообѣдать, и запасшись заряженнымъ ривольверомъ, онъ пошелъ по направленію къ той скалѣ, о мѣстѣ которой онъ могъ догадаться по рассказамъ Маріанны.

Игнацій не замедлилъ встрѣтить незваныхъ гостей; они стаей взвились надъ нимъ, и то опускались, то поднимались, старааясь, кажется, угадать намѣреніе смѣльчака. Подумавъ нѣсколько, Игнацій приловчился было такъ, чтобы иди схватить рукою, или подстрѣлить кого либо изъ крылатой стаи. Но ни то, ни другое ему не удалось: едва онъ вынулъ ривольверъ, какъ почувствовалъ въ разныхъ частяхъ тѣла нѣчто въ родѣ обжоги, за которую слѣдовало онѣмѣніе суставовъ; въ то же мгновеніе быстро спустились къ нему нѣсколько зефиротовъ и безъ дальнихъ околичностей, отняли у него ривольверъ, корзинку, палку, и, что еще хуже, подняли его, какъ ребенка, на руки и понесли на самую возвышенную плоскость скалы; вмѣсто тихаго и пріятнаго пѣнія, о которомъ рассказывала Маріанна, въ стаѣ раздавались грозные звуки, которые, какъ говорилъ Игнацій, напомнили ему бури, разыгрываемыя сильнымъ оркестромъ.

Слутившись на скалу, зефироты быстро обвязали бѣднаго Игнація длиннымъ побѣгомъ баучини * такъ, что онъ не могъ пошевеливаться.

Пропускаемъ нѣкоторыя подробности; дѣло въ томъ, что Игнацій пробылъ въ сообществѣ этихъ странныхъ существъ

* Изъ породы лианъ, которой побѣги опутываютъ большія деревья и такъ крѣпки, что тигры цѣпляются за нихъ, влѣзая на дерево.

болѣе полугода; въ продолженіе этого времени онъ умѣлъ научиться немного ихъ языку. Вотъ нѣкоторыя подробности, записанныя со словъ Игнація:—

«Эти господа — такіе же люди какъ мы, или лучше,—если прямо говорить,—полулюди. Не смотря на то, они имѣютъ многія надъ нами преимущества: не говоря уже о крыльяхъ, которыя позволяютъ имъ летать, куда угодно, словно птица, есть у нихъ преимущество гораздо важнѣе; такъ напр., они не нуждаются ни въ какой пищѣ, какъ мы, а питаются просто запахомъ цвѣтовъ и плодовъ; какъ это ни странно кажется съ перваго взгляда, но дѣйствительно такъ; я въ томъ убѣдился, проживя съ ними болѣе шести мѣсяцевъ; въ особенности они любятъ нюхать орхидеи и другіе сильно пахучіе цвѣты и съ величайшимъ стараніемъ всюду ихъ отыскиваютъ, что не всегда удается; по чрезвычайной раздражительности обонянія, они не могутъ долго оставаться близко земли; особенно имъ отвратительны жилища человѣка, а тѣмъ болѣе города. Они не постигаютъ, какъ люди могутъ жить въ такой атмосферѣ. Вотъ почему этимъ полулюдямъ нужны настоящіе люди для собиранія ихъ пищи, то есть, нѣкоторыхъ породъ пахучихъ растеній; эти господа по просту считаютъ совершенно дозволеннымъ употреблять насъ на это дѣло, почти такъ, какъ мы употребляемъ собакъ на охотѣ; признаюсь, это намѣреніе мнѣ показалось сначала очень обиднымъ, но, на повѣрку выходитъ, что, волею или неволею, а мы сдѣлаемся ихъ ищейками. Огнестрѣльное оружіе они знаютъ, сколько я могъ понять; кто-то изъ нихъ былъ уже подстрѣленъ изъ карабина: съ тѣхъ поръ эти полулюди сдѣлались очень осторожными въ обращеніи съ нами; но впрочемъ они огнестрѣльнаго оружія не боятся: у нихъ есть свое, естественное, гораздо страшнѣе нашего; вотъ въ чемъ оно состоитъ: глаза ихъ одарены непонятною способностью испускать нѣчто въ родѣ электрическаго пламени; одинъ изъ этихъ полулюдей, когда мы поближе познакомились, по просьбѣ моей сдѣлалъ слѣдующій опытъ: на разстояніи болѣе тысячи шаговъ онъ однимъ взглядомъ испепелилъ вѣтвь банановаго дерева; этотъ выстрѣлъ глазъ, какъ можно назвать его, въ животныхъ производитъ онѣмѣніе, какъ я самъ испыталъ это на себѣ. Противъ такого страшнаго оружія наши карабины—ничто, ибо эти полулюди очень зорки и, подобно орламъ, могутъ смотрѣть на солнце въ полномъ его сіяніи.

«Говорить словами они не могутъ, но сообщаются другъ съ другомъ посредствомъ какого-то пѣнія. Нашъ говоръ имъ кажется очень грубымъ, и они его сравниваютъ съ крикомъ животныхъ. Мнѣ удалось, однакоже, перенять у нихъ нѣсколько напѣвовъ, такъ что хотя съ трудомъ, но наконецъ я могъ съ ними кое-какъ объясняться. Себя они называютъ рядомъ звуковъ, которыхъ нельзя выразить словами: когда я сказалъ имъ, что мы ихъ прозвали зефиротами, они этому слову очень смѣлились, но выговорить сами никакъ не могли; тому вѣроятно препятствуетъ внутреннее устройство ихъ горла.

«Есть между ними мужчины и женщины; ихъ легко различить по бородѣ и по устройству груди; не могу скрыть, что они довольно часто между собою цѣлуются, но слѣдствіе этихъ поцѣлуевъ совсѣмъ другое, нежели у насъ: женщины дѣлаются беременными.

«При мнѣ было нѣсколько женщинъ въ различныхъ периодахъ беременности; и это явленіе такъ любопытно, что я не повѣрилъ бы ему, если бы не видалъ его собственными глазами.

«Самка, или, если угодно, женщина, носить ребенка въ точномъ смыслѣ *подъ сердцемъ*, т. е. въ груди. Въ минуту разрѣшенія, ея грудь раскрывается и въ отверстіи появляется дѣтенышъ: въ этомъ зрѣлищѣ нѣтъ ничего непріятнаго для глазъ, напротивъ, преграціозная картина; самка нисколько не стыдится этой минуты; въ это время, отъ нея-не отходятъ или, лучше сказать, не отлетаютъ родные: самки и самцы, всѣ ухаживаютъ за родильницею. Черезъ нѣсколько дней дѣтенышъ выходитъ изъ груди, мать укладываетъ его въ родъ гнѣзда изъ цвѣточныхъ листьевъ и, пока онъ не оперится, носить его на рукахъ. Дѣтенышъ не сосетъ, но только припадаетъ къ матерней груди.

«Я было свелъ между тамошними барышнями нѣчто въ родѣ интрижки, но она очень несчастливо для меня кончилась.

«Я, какъ видно, понравился одной очень хорошенькой зефироткѣ; да и я съ своей стороны, если бы она не была полуне видывалъ такого прелестнаго бюста; лицо совершенно правильное, глаза черные, нѣсколько продолговатые и водернутые влагою, которая придавала имъ невыразимую томность; малень-

кій ротикъ, на щекахъ ямочки; темнорусые волосы, кудрями разсыпанные по бѣлымъ обнаженнымъ плечамъ; вокругъ носилась всегда особаго рода обворожительная атмосфера, похожая на тонкій свѣжій запахъ цвѣтника при восходѣ солнца; одного не доставало моей красавицѣ — зубовъ, которыхъ вообще нѣтъ у этой породы, но это нисколько не портитъ ихъ вообще прекрасной фizioноміи; щеки ихъ имѣютъ гораздо болѣе полноты и упругости, нежели наши, и потому не требуютъ поддержки челюстей.

«Моя красавица, которой имя можно только прогнѣть, такъ полюбила меня, что мы почти ни на минуту съ нею не расставались; развѣ когда я сходилъ въ долину за цвѣтами, за что моя красавица была всегда мнѣ очень благодарна. Какъ скоро я заходилъ въ чащу такъ, что ей не было меня видно, красавица тревожилась и кликала меня по своему; я такъ привыкъ къ ея кличкѣ, что узнавалъ ее посреди десятка разныхъ звуковъ. Мнѣ нечего рассказывать, что я не долго оставался связаннѣмъ; какъ скоро зефироты замѣтили, что я не имѣю никакого злаго противъ нихъ намѣренія, они развязали меня и лишь издали за мною присматривали, а потомъ и совсѣмъ вѣрили меня моей барышнѣ.

«Признаюсь, мнѣ было довольно грустно питаться одними плодами, особенно когда моя провизія вышла, но дѣлать было нечего; хотя я могъ нѣсколько разъ убѣждать, но не могу скрыть, мнѣ тяжело было разстаться съ моей красавицей, такъ я къ ней привязался; въ угоду ей я даже прятался отъ нея, когда мнѣ хотѣлось поѣсть, ибо замѣтилъ, что на это дѣйствіе она всегда смотрѣла съ отвращеніемъ.

«Спалъ я отдѣльно въ особомъ гнѣздѣ; иначе не могу назвать своей постели, которую устроили мнѣ зефироты, разоривъ пары три своихъ гнѣздъ.

«Красавица такъ меня полюбила, что однажды хотѣла положить меня съ собою спать, и уже, по ихъ обычаю, покрыла меня своими пушистыми крыльями; но родные, увидѣвъ это, стали ее бранить, а мнѣ гнѣвно указали на мое гнѣздо. Впрочемъ, я не понималъ, чего они могли бояться, зефиротка, правда, позволяла мнѣ цѣловать свои хорошенькія ручки, сама ласкала меня, но, правду сказать, ласкала меня, какъ мы ласкаемъ собаку.

«Не смотря на это ужасное положение, я не могъ вернуться изъ этого очарованія, въ которое приводила меня зефиротка.

«Онажды, когда мы сидѣли другъ подле друга на солнцѣ (любимое мѣсто зефиротовъ), она гладила меня по головѣ, трепала по щекамъ, была такъ мила, такъ игрива, что мнѣ захотѣлось поцѣловать ее въ губки, на что прежде, по непонятному чувству, никогда не могъ я рѣшиться. И что же, моя красавица вскрикнула и съ ужасомъ отскочила отъ меня; на крикъ ея прилетѣла цѣлая стая зефиротовъ: они были очень разсержены и въ звукахъ ихъ голоса, сколько я могъ понять, было что-то очень грозное. Увы! это была послѣдняя минута моего свиданія съ красавицей. Зефироты подняли меня на воздухъ и спустили въ долину по близости города, выражая мнѣ съ угрозами, чтобы я никакъ не смѣлъ возвращаться. Красавицѣ, не смотря на мою дерзость, какъ кажется, также не легко было со мною разстаться; до сихъ поръ я вижу ея слезы, и мнѣ все слышится ея грустный голосокъ на прощаньи.»

Какъ вамъ все это покажется, читатель? Совершая каждодневныя прогулки наши, мы послѣднее время постоянно заходили въ простонародныя трактиры и харчевни и положительно можемъ сказать, что болѣе скромнаго, апатичнаго, и ничѣмъ по-видимому, не волнующагося общества, рѣдко тамъ можно было встрѣтить, но вотъ наконецъ, въ позапрошлое воскресенье, входимъ—видимъ тутъ толпу, которая была уже выпивши. Одинъ мужикъ, съ окладистой бородой, что такое читалъ; на глазахъ у него были видны слезы. На лицахъ прочихъ выражался ужасъ и удивленіе.

— Что вы такое, ребята, читаете? спросилъ я.

— Чудныя люди съ крыльями, батюшка, родились на землѣ, переставленіе свѣта скоро шествуетъ! отвѣчалъ мнѣ чтець, обращая на меня свои слезливые глаза и показывая мнѣ номеръ съ-верной пчелы, въ которомъ была помѣщена статья Зефироты.

— Разумѣется, подхватилъ я, а вы еще тутъ пьянствуете. Тамъ всѣхъ проберутъ.

— Проберутъ, батюшка, проберутъ. По теперешнимъ великимъ днямъ надо-бы въ церковь Божію ходить, грѣхи свои Господу Богу, коли Онъ приметъ, возложить на него... отвѣчалъ чтець, и утеръ слезы. Прочіе только многозначительно потесались,

Народъ наибъ ужасно не любить и боится какихъ либо серьезныхъ переменъ, которыя предстоятъ землѣ.

— Не пугайтесь! сказалъ я, вѣдь это 1-е апрѣля писано.

— 1-е апрѣля? спросилъ меня чтець.

— Да—извѣстно, такой ужь день, надувають другъ друга— вотъ и ослепи васъ...

Чтець замѣтно и сильно сконфузился...

— Сбаламутилъ только, чортъ, лѣпшій, право, подхватили прочіе ребята съ укоромъ.

— Нѣтъ, погоди, постой, зарпортовалъ онъ, засуча рукава, какъ же теперь, когда тутъ писано о томъ.

— Мало что писано; ты тоже смотри, что и наверху то обозначено. Умень ты видно, братъ, да не очень! замѣтилъ я ему.

— Видно, что не очень, подхватили прочіе и расхохотались. Чтець окончательно растерялся.

— Эка братецъ, ты мой, николи прежде со мной того не бывало... говорилъ онъ, пожимая плечами.

— Ужь я думаю, не бывало, подхватилъ я, и ушолъ. Сквозь окно я слышалъ еще, что товарищи продолжали его пробирать.

Весна между тѣмъ окончательно наступила! послѣ того, какъ на Невѣ провалилось нѣсколько человѣкъ, ужь Богъ знаетъ почему предпочитавшихъ лучше идти по тонкому льду, чѣмъ по крѣпкому Николаевскому мосту, послѣ того какъ извошники, очень понятно почему, безпрестанно ломають пролеткамъ колеса, а сидкамъ бока — все это наконецъ начинаетъ приходить въ порядокъ: на Адмиралтейскомъ бульварѣ уже поютъ жаворонки, — говорятъ, впрочемъ, что это ручные и нанятые по рублю серебромъ за день, для приданія городу болѣе праздничнаго вида. Весна, пора любви! сказалъ нѣкогда Пушкинъ; можетъ быть для молодыхъ чиновниковъ, не совсѣмъ еще зараженныхъ честолюбіемъ, и имѣющихъ довольно непоношенное тѣло, это и правда, но что касается до болѣе солиднаго чиновничества—то весна рѣшительно для нихъ время физическихъ и душевныхъ страданій. По крайней мѣрѣ отъ сотрудника нашего Салатушки мы получили такого рода письмо.

«М. Г.

Извиняюсь, что на этотъ разъ не могу ничего съ симъ курьеромъ, къ вамъ прислать. Вы сами очень хорошо понимаете, какое теперь

для меня время. Весь великой постъ, я, какъ и большая часть насъ, чиновниковъ, занимающихъ видныя мѣста, употребили на то, чтобы подвести машины для получения главнѣйшей и почти единственной цѣли нашей жизни — теперь все подстроено... я представленъ!... и въ тоже время до того разстроень, что едва имѣю силы написать къ вамъ эти короткія строки.

МАРКИЗЪ ДЕ-ВИЛЬЕРЪ.

РОМАНЪ

въ пяти частяхъ,

Жоржа Занда.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

Приложеніе къ журналу «Библіотека для Чтенія» № 4 1861 г.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Камиллѣ Гейдебертъ.

(Въ Д.... Влуа.)

1

Не безпокойся обо мнѣ, моя милая сестра; я уже въ Парижѣ, куда прѣѣхала безъ малѣйшихъ приключеній и безъ всякой усталости. После нѣсколькихъ часовъ сна, я выпила чашку кофе, одѣлась и сейчасъ же взяла фiakръ и поѣхала къ г-жѣ д'Арглядъ, чтобы она представила меня г-жѣ де Вильмеръ. Сегодня вечеромъ я напишу тебѣ о результатѣ этого торжественнаго свиданія, а теперь пока завезу бросить на почту эту коротенькую записочку, чтобы успокоить тебя на счетъ моего путешествія и здоровья. Ободришься же вмѣстѣ со мною, милая моя Камилла, все пойдетъ хорошо; Богъ не оставляетъ тѣхъ, которые надѣются на него и всѣми силами стараются исполнить святую волю Бго. Самое тяжелое въ моемъ рѣшеніи было,—это твои слезы и слезы дорогихъ малютокъ; при мысли объ нихъ, я съ трудомъ могу удержаться, чтобы не плакать; но это было необходимо! Не могла же я оставаться сложа руки, когда тебѣ предстоитъ воспитаніе четверыхъ дѣтей. Я бодра, здорова, у меня нѣтъ другихъ привязанностей въ свѣтѣ, кромѣ любви моей къ тебѣ и этимъ бѣднымъ ангелочкамъ, и потому мой долгъ былъ уѣхать и искать средствъ къ нашей жизни. И я успѣю въ этомъ, будь увѣрена. Поддержи меня только, но не жалѣй и не разнѣживай меня, вотъ все, о чемъ я прошу тебя. И затѣмъ крѣпко цѣлую тебя, моя дорогая, равно и дорогихъ нашихъ дѣточекъ. Не заставляй ихъ плакать, говоря обо мнѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ постарайся, чтобы и они не позабыли меня,—это было бы для меня очень грустно.

Каролина Сенъ Женексъ.

3 января 1845*г.

Второе письмо—къ той-же.

Побѣда, огромная побѣда, моя добрая Камилла. Сейчасъ только возвратилась я отъ нашей маркизы, у которой, какъ сама ты это сей-

часъ увидишь, имѣла успѣхъ неожиданный. Такъ какъ сегодняшний вечеръ мнѣ, вѣроятно, остается послѣдній свободный, то я и хочу воспользоваться имъ, чтобы рассказать тебѣ наше свиданіе. Я буду воображать себѣ, что говорю съ тобою, сидя въ уголку у твоего камина, качая одною рукою Карла, а другою забавляя Лили. Милые мои, что-то они теперь дѣлаютъ. Имъ и въ голову не приходится, что я теперь сижу совершенно одна въ грустной трактирной комнаткѣ.... Боясь обезпокоить г-жу д'Арглядъ, я остановилась въ небольшой гостинницѣ; но мнѣ будетъ очень хорошо у маркизы и я очень довольна, что проведу этотъ вечеръ въ уединеніи: это позволитъ мнѣ собраться съ моими мыслями, и подумать объ васъ, безъ всякихъ другихъ развлеченій. Къ тому же я очень хорошо сдѣлала, что не рассчитывала на предлагаемый мнѣ пріютъ, потому что г-жи д'Арглядъ нѣтъ въ Парижѣ и я должна была сама представить себя г-жѣ Вильмеръ.

Ты просила описать тебѣ ея портретъ. Вотъ онъ: ей шестьдесятъ лѣтъ, но она дряхла и очень рѣдко встаетъ съ своего кресла; это самое, вмѣстѣ съ страдальческою ея фигурою, старятъ ее еще лѣтъ на пятнадцать. Она, должно быть, никогда не отличалась ни красотою, ни стройностью; но фizioномія ея очень выразительна и характерна. Она очень смугла, глаза ея великолѣпны, и хотя выраженіе ихъ немного сурово, но за то въ нихъ видна искренность. Правой нозь ея слишкомъ наклоненъ ко рту, который очень не хорошъ, и слишкомъ великъ. Обыкновенно ротъ этотъ имѣетъ какое-то презрительное выраженіе; все лицо ея, однако же, свѣтлѣетъ и очеловѣчивается, когда она улыбается, а это случается довольно часто. Первое мое впечатлѣніе согласовалось и съ дальнѣйшими моими наблюденіями. Я думаю, что женщина эта очень добра, но не по увлеченію, а по разсудку. Однимъ словомъ она очень схожа съ портретомъ, который сдѣлала намъ г-жа д'Арглядъ. Маркиза была одна, когда меня ввели въ ея комнату. Она довольно благосклонно посадила меня возлѣ себя, и вотъ тебѣ вкратцѣ весь нашъ разговоръ съ нею.

— Мнѣ рекомендовала васъ г-жа д'Арглядъ, которую я безконечно уважаю. Я знаю, что вы принадлежите къ превосходному семейству, обладаете талантами, что характеръ вашъ достоинъ всякаго уваженія и жизнь ни чѣмъ не запятнана. Поэтому самому я очень желаю, чтобы мы могли столковаться и сойтись между собой. Для этого нужны двѣ вещи: во первыхъ, чтобы предложенія мои могли удовлетворить васъ, во вторыхъ, чтобы взглядъ вашъ на вещи не былъ бы слишкомъ противоположенъ, потому что иначе это было бы источникомъ частыхъ противорѣчій, итакъ приступимъ же къ первому вопросу. Я предлагаю вамъ сто двадцать франковъ въ годъ.

— Мнѣ уже говорили объ этомъ, и я согласна.

— Мнѣ же говорили, что, можетъ быть, вы найдете эту сумму недостаточною.

— Это правда, что она мала для тѣхъ расходовъ, которыя необходимы въ моемъ положеніи; но маркиза должна быть судьей своего собственнаго положенія, а такъ какъ она видитъ меня здѣсь....

— Нѣтъ будете говорить откровенно: скажите мнѣ: вѣдь вы находите, что эта плата недостаточна для васъ?

— Я не могу именно этого сказать. Очень вѣроятно, что это даже болѣе того, чего будутъ стоить мои услуги, отвѣчала я ей.

— Нѣтъ, я не то хочу сказать и вы сами говорите это только изъ скромности. Но я вижу, что вы опасаетесь достаточно ли вамъ будетъ этой суммы для вашего содержанія. На этотъ счетъ, прошу васъ быть спокойной. Я все беру на себя; единственные расходы, которые васъ ожидаютъ у меня, это издержки для вашего туалета, котораго я вовсе не требую. А вы любите наряжаться?

— О да, маркиза, очень люблю; но я съумѣю отъ этого отказаться, такъ какъ въ этомъ случаѣ вы ничего отъ меня не требуете.

Откровенность моего отвѣта, казалось, удивила маркизу. Можетъ быть я бы и не должна была говорить такъ прямо, какъ я привыкла это дѣлать. Она немного помолчала и потомъ улыбаясь продолжала.

— А скажите мнѣ пожалуйста— почему вы любите наряды? Вы такъ молоды, такъ хороши собой и въ тоже время такъ бѣдны, что не имѣете никакой надобности и никакого права украшать себя.

— Я такъ мало имѣю на это права, отвѣчала я, что одѣваюсь всегда такъ же просто, какъ вы меня теперь видите.

— Это очень хорошо, но вѣдь вы страдаете, что не можете одѣваться изящнѣе?

— Нѣтъ, маркиза, я ни мало не страдаю: если ужъ такъ надобно, такъ и будетъ. Я очень хорошо вижу, что сказала необдуманно, признавшись вамъ, что люблю наряды, и это дало вамъ жалкое понятіе о моемъ умѣ. Прошу васъ видѣть въ этомъ только слѣдствіе моей откровенности. Вы желали знать мои склонности и я отвѣчала вамъ, такъ какъ будто бы имѣла честь быть давно знакомой вамъ; можетъ быть это было очень неловко съ моей стороны, а потому и прошу васъ извинить меня въ томъ.

— Это значить, возразила она, что еслибъ вы были знакомы со мной, то я бы знала, что вы безъ ропота и неудовольствія готовы снести всѣ лишенія, которыя могутъ встрѣтиться въ вашемъ положеніи.

— Да, маркиза, это именно такъ.

— Въ такомъ случаѣ ваша неловкость,—если только можно такъ назвать вашъ поступокъ,—ваша неловкость далека отъ того, чтобы могла не понравиться мнѣ. Я болѣе всего люблю искренность; я, можетъ быть, люблю ее даже болѣе чѣмъ самый умъ, и потому прошу васъ быть теперь совершенно откровенной со мной. Скажите мнѣ что заставило васъ рѣшиться принять такую скудную плату, чтобы сдѣлаться компаньонкой болѣзненной и, можетъ быть, очень несносной старухи.

— Во первыхъ, маркиза, мнѣ говорил, что вы очень умны и добры, и въ слѣдствіе этого я никакъ не рассчитывала, что могла бы соскучиться въ вашемъ обществѣ; а во вторыхъ, еслибъ даже меня ожидали и большія непріятности, то и тогда я, по моимъ обстоя-

ельствамъ, должна была бы согласиться на это. Отецъ нашъ не оставилъ намъ никакого состоянія, но крайней мѣрѣ сестра моя была довольно хорошо пристроена и я очень спокойно жила вмѣстѣ съ нею; но мужъ ея, который своимъ достаткомъ обязанъ былъ только своей службѣ, не такъ давно умеръ послѣ долгой и жестокой болѣзни, которая истощила весь хозяйственный запасъ. И потому очень естественно, что теперь я должна поддержать сестру и четверыхъ дѣтей ея.

— Поддержатъ семью сто-двадцатью франками! вскричала маркиза. Нѣтъ, это невозможно. О, Боже мой! Г-жа д'Аргландъ не говорила мнѣ объ этомъ: она, безъ сомнѣнія, боялась недовѣрія, которое внушаетъ несчастіе; но въ этомъ случаѣ она очень ошиблась во мнѣ; ваша преданность трогаетъ меня, и если еще, сверхъ того, мы сойдемся съ вами, то я хочу доказать вамъ то уваженіе, которое я чувствую къ вамъ. Довѣрьтесь мнѣ, я постараюсь устроить все къ лучшему.

— О, маркиза!—вскричала я, буду ли я имѣть счастье вамъ понравиться или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ позвольте мнѣ теперь поблагодарить васъ за великодушный порывъ вашего сердца! И я успѣшно поцѣловала ея руку, что, казалось, ей не понравилось.

— Ну а если вы, продолжала она, какъ бы начавъ колебаться въ добромъ движеніи своего сердца, если вы кокетка и легкомысленны?

— Я ни то, ни другое.

— Надѣюсь, что нѣтъ! Однако же вы очень хороши собой. Мнѣ объ этомъ тоже не говорили, и по мѣрѣ того, какъ я на васъ смотрю, я нахожу даже, что вы замѣчательно хороши собою. Не скрою отъ васъ, что это немного беспокоитъ меня.

— Почему же это, маркиза?

— Почему? Да, вы правы. Дурныя считаютъ себя красивыми, и къ желанію нравиться онѣ присоединяютъ еще и смѣшную сторону. Можетъ быть даже и лучше, что вы способны нравиться... лишь бы только не злоупотреблять этимъ. Посмотримъ будете ли вы настолько доброй дѣвушкой и на столько твердой жевщиной, чтобы рассказать мнѣ немного вашу прошлую жизнь. Не было ли у васъ какого нибудь романа? Да, не такъ ли? иначе и быть не могло! Вамъ двадцать два или двадцать три года?...

— Мнѣ двадцать четыре года, и единственный романъ, который былъ въ моей жизни, я расскажу вамъ въ двухъ словахъ. Въ семнадцать лѣтъ за меня сватался одинъ молодой человекъ, который мнѣ нравился, но который, узнавъ, что отецъ мой оставилъ послѣ себя болѣе долговъ чѣмъ денегъ, тотчасъ отсталъ отъ этого сватовства. Я перенесла много горя, но потомъ все это забыла и дала клятву не выходить никогда замужъ.

— О! это говорила въ васъ досада, а не забвеніе.

— Нѣтъ, маркиза, это было слѣдствіемъ разсудительности. Не имѣя ничего, но чувствуя въ тоже время, что я была нѣчто, я не хотѣла связывать себя какимъ нибудь глупымъ бракомъ; что же ка-

сается чувства досады, то я была далеко от него, потому что простила тому, кто покинул меня; особенно простила я его въ то время, когда увидела въ бѣдности сестру и четверыхъ ея дѣтей, когда нешла всю скорбь отца, умиравшаго въ нищету и нещадившаго ничего, чтобы оставить своимъ сиротамъ.

— И вы видѣлись потомъ съ этимъ измѣнникомъ?

— Нѣтъ, никогда. Онъ женатъ и я болѣе не думаю объ немъ.

— И съ тѣхъ поръ никто другой не занималъ вашихъ мыслей?

— Нѣтъ, маркиза, никто.

— Но какъ же вы достигли этого?

— Я и сама не знаю. Мнѣ кажется, что я не имѣла времени думать о себѣ. Для бѣдныхъ людей, не желающихъ снизойти до нищеты, всегда найдется пропасть занятій, чтобы наполнить всѣ дни.

— Но, обладая такою красотою, невозможно, чтобы вы были независимы отъ преслѣдованій.

— Нѣтъ, маркиза, меня никто не преслѣдовалъ. Я не вѣрю въ преслѣдованія, которыя остаются вовсе безъ ободренія.

— Я одинакаго съ вами мнѣнія и мнѣ очень нравятся ваши отвѣты. Слѣдовательно, въ будущемъ вы ничего не боитесь за себя?

— Я рѣшительно ничего не боюсь.

— И это сердечное одиночество не сдѣлаетъ васъ ни печальною, ни скучною?

— Ни въ какомъ случаѣ я не предвижу, чтобы это могло случиться со мною. Я весела отъ природы и сохранила свою силу посреди самыхъ жестокихъ испытаній. Я по природѣ своей не мечтательна и не романична; и если когда нибудь намѣнюсь, то это крайне удивитъ меня. Вотъ все, что я могу вамъ сказать о себѣ, маркиза. Угодно вамъ взять меня такую, какою я сейчасъ объяснила вамъ себя?

— Да, и я беру васъ за то, что вы есть, за чудесную дѣвушку, полную откровенности и силы воли. Теперь остается узнать въ самомъ ли дѣлѣ вы обладаете тѣми маленькими талантами, которые необходимы для меня.

— Что же для этого нужно?

— Въ первыхъ умѣть говорить, и на этотъ счетъ я уже удовлетворена. Потомъ надобно читать и немного играть на фортепьянахъ.

— Испытайте меня сейчасъ же...

— Да, да, проговорила она, давая мнѣ въ руки книгу, читайте! Я умираю отъ желанія, чтобы вы уже окончательно очаровали меня.

Едва я прочла одну страницу, какъ она остановила меня, сказавъ, что я читаю превосходно. Оставалась очередь за музыкой. Въ комнатѣ стояло фортепьяно. Она спросила умѣю ли я разбирать *à livre ouvert*. Ты знаешь, что въ этомъ я доволно сильна, а потому и тутъ ей угодил. Въ заключеніе всего она сказала мнѣ, что, зная мой почеркъ и мой слогъ по письмамъ, которые показывала ей г-жа д'Арглядъ, она надѣется, что я буду превосходнымъ секретаремъ, и за тѣмъ она простилась со мною, протянувъ мнѣ руку и наговоривъ мнѣ тысячу любезностей. Я выпросила у нея завтраш-

цій день, для свиданія съ нѣкоторыми знакомыми, которые у насъ есть въ Парижѣ, и она распорядилась такъ, чтобы къ субботѣ все было готово для моего приѣма...

Сейчасъ я была прервана на моемъ письмѣ къ тебѣ. О! какъ приятно была я удивлена, милая моя Камилла, получить записочку отъ г-жи де Вильмеръ, записочку въ три строчки, которую и передаю тебѣ: «Позвольте мнѣ, милое дитя мое, въ счетъ будущаго, вручить вамъ небольшую сумму для малютокъ сестры вашей, и простенькое платьице для васъ. Такъ какъ вы любите наряды, то надобно же снизойти къ слабостямъ людей, которыхъ мы любимъ! Положено и рѣшено, что вы будете получать сто-пятьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ и что гардеробъ вашъ будетъ на моей отвѣтственности.

Не правда ли, какъ это великодушно и родственно. Теперь я вижу, что я всѣмъ сердцемъ буду любить эту женщину и что я не довольно хорошо судила объ ней по первому взгляду. Въ ней болѣе доброй воли, чѣмъ я думала. Прилагаю при этомъ письмѣ и билетъ въ пять-сотъ франковъ. Скорѣй же! наполните сарай дровами, надѣлайте шерстяныхъ юбочекъ для Лили, которая въ нихъ очень нуждается, и пусть время отъ времени вашъ скудный столъ пополнится хорошимъ цыпленкомъ. Для тебя—немного вина, твой желудокъ такъ разстроенъ, и такъ немного надо, чтобы снова его поправить! Надобно тоже велѣть поправить въ комнатѣ каминъ, который страшно дымитъ; это просто невыносимо, это можетъ вредно подѣйствовать на глаза дѣтей; глазки моей крестницы такъ хороши!

Мнѣ стыдно принять платье, которое мнѣ назначено; это великолѣпная шелковая матерія gris de perle. О! какъ я глупа была, сказавъ, что люблю быть хорошо одѣтой. Платьице въ сорокъ франковъ совершенно бы удовлетворило моему самолюбію, и вотъ теперь я должна надѣть на себя платье въ двѣсти франковъ, между тѣмъ какъ бѣдная сестра моя починаваетъ свою вѣтошь! Я не знаю, куда мнѣ спрятаться! Но не подумай пожалуста, чтобы я чувствовала себя униженной, получая этотъ подарокъ. Сердце говоритъ мнѣ, что я добросовѣстно расплачусь за все это.—Видишь, Камилла, какъ все удается мнѣ, когда я возмусь за что! Во первыхъ, тотчасъ же попадаю я на неподобную женщину, во вторыхъ получаю болѣе той платы, на которую согласилась сама и въ третьихъ, меня принимаютъ и обращаются со мной такъ, какъ будто бы я была ребенокъ, котораго хотятъ усыновить. Уѣзжая изъ дома, я взяла послѣднія наши деньги, чтобы заплатить за проѣздъ, рискуя въ тоже время возвратиться назадъ въ случаѣ, если бы не умѣла понравиться этой дамѣ!... Ужъ видно самъ Богъ принялъ во мнѣ участіе. Сегодня утромъ я такъ усердно ему молилась! Я такъ просила его надѣлать меня силою краснорѣчія и убѣдительности... Но теперь я пойду лечь, потому что изнемогаю отъ усталости. Люблю тебя, милая моя, ты и сама это знаешь, болѣе всего на свѣтѣ и гораздо болѣе самой себя. Не жалѣй же меня: я сегодня счастливѣйшая изъ женщинъ, и однакоже я не подѣл тебя, я не вижу, какъ спятъ наши малютки! Вотъ видишь ты, что въ эгонемѣ нѣтъ истиннаго счастья, потому что хотя я и одна, хотя

и разлучена отъ всего того, что люблю, но вмѣстѣ съ тѣмъ со слезами сердце мое бьется отъ радости, и прежде чѣмъ лечь въ постель, я на колѣняхъ буду благодарить Бога.

Королина.

Между тѣмъ, какъ m-lle Сентъ-Женексъ писала своей сестрѣ, маркиза де Вильмеръ разговаривала съ младшимъ своимъ сыномъ въ своемъ небольшомъ салонѣ. Домъ ея, находившійся въ Сентъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ, былъ великъ и приносилъ хорошій доходъ; не смотря на то маркиза, вѣкогда богатая, но въ настоящее время находившаяся въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ, причину которыхъ мы вскорѣ узнаемъ, маркиза теперь занимала второй этажъ своего дома, для того, чтобы извлечь большую выгоду изъ перваго.

— Скажите же мнѣ, милая матушка, говорилъ маркизъ своей матери, довольны ли вы вашей новой компаньонкой? Люди говорили мнѣ, что она прѣехала.

— Милый мой, отвѣчала ему маркиза, все что я только могу тебѣ сказать объ ней, это-то, что она очаровала меня.

— Правѣ? скажите же мнѣ, пожалуйста.

— Право, я не знаю должна ли я это дѣлать. Я боюсь заранѣе вскружить тебѣ голову.

— Не бойтесь ничего,—отвѣчалъ печально маркизъ, не смотря на стараніе матери вызвать его улыбку;—еслибъ даже я и воспламенился такъ быстро, то я очень хорошо знаю на сколько я обязанъ поддерживать достоинство вашего дома и спокойствіе вашей жизни.

— Да, да, другъ мой! Я тоже очень хорошо знаю, что могу быть спокойной въ вопросѣ чести, когда я имѣю дѣло съ тобою; и потому я могу тебѣ сказать, что эта маленькая д'Арглядъ нашла мнѣ настоящій перлъ, брилліантъ, и что для начала этотъ фениксъ заставилъ меня надѣлать пропасть глупостей!

Тутъ маркиза передала разговоръ свой съ Каролиной и такимъ образомъ нарисовала портретъ ея.

— Она не велика и не мала ростомъ, но чудесно сложена, ноги крошечныя, руки какъ у дитяти, бѣлокурые пепельнаго цвѣта волосы ея удивительно густы, бѣлизна лилии и свѣжесть розы, черты лица прелестны, зубы, какъ перлы, маленькій, но очень твердый носикъ, чудесные большіе глаза, зеленоватые какъ морская волна; они смотрятъ на васъ прямо, рѣшительно, безъ малѣйшей мечтательности, безъ малѣйшей ложной робости; въ ней ничего нѣтъ провинціального; манеры безподобны, потому что въ ней совершенно нѣтъ никакихъ манеръ; пропасть вкуса и изящества въ небогатомъ ея нарядѣ; наконецъ все то, чего я такъ боялась и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего того, чего я боялась, то есть — красота, которая внушила мнѣ недовѣріе, и никакого жеманства, ни какихъ претензій, которыя бы оправдали это недовѣріе. Кромѣ того, голосъ и произношеніе, дѣлающие ея чтеніе настоящей музыкой, основательный музыкальный талантъ и сверхъ всего этого всѣ видимые признаки ума, разсудительности, скромности и доброты; такъ что я, тронутая и взволнован-

ная преданностью ей къ бѣдной семьѣ, для которой она, какъ я очень хорошо вижу, жертвуетъ собой, забыла всѣ мои экономическіе планы.

— Развѣ она заставила васъ торговаться съ собой? спросилъ маркизъ.

— Напротивъ, она довольствовалась тѣмъ, что я рѣшалась сначала назначить ей.

— Все это очень хорошо и я родуюсь за васъ, матушка, что наконецъ вы будете находиться въ достойномъ васъ обществѣ. Вы слишкомъ долго терпѣли подлѣ себя эту старую дѣву, жадную и сонливую, которая только выводила васъ изъ себя.

— Да, возразила маркиза, тоже самое говорили мнѣ и братъ твой. Ни ты, ни онъ, милые мои, не хотите разсчитывать, и я очень боюсь, что ужъ слишкомъ поспѣшила, доставивъ себѣ подобное удовольствіе.

— Это удовольствіе было необходимо для васъ, проговорилъ съ живостью маркизъ, и вы тѣмъ менѣе должны упрекать себя въ этомъ, потому что поступили тутъ не столько для личнаго удовольствія, сколько для добраго дѣла.

— Да, признаюсь, но, можетъ быть, я была неправа, отвѣчала маркиза съ озабоченнымъ видомъ: дѣлать добро не всегда имѣешь право!

— О, матушка! вскричалъ молодой человѣкъ, въ голосѣ котораго слышалось негодованіе и скорбь, — если вы дошли уже до того, что должны отказывать себѣ въ удовольствіи подать милостыню, то зло, которое я сдѣлалъ, значитъ очень велико!

— Зло! ты? Какое зло? — возразила удивленная и встревоженная мать; ты никогда не сдѣлалъ зла, милый сынъ мой.

— Простите меня, проговорилъ все еще встревоженный маркизъ. Я былъ не правъ въ тотъ день, когда, изъ уваженія къ вамъ, обѣщавшись заплатить долги брата.

— Замолчи! вскричала маркиза, блѣднѣя. Не будемъ говорить объ этомъ, мы не поймемъ другъ друга, и она протянула свои руки маркизу, какъ бы для того, чтобы смягчить цевольную горечь этого отвѣта. Маркизъ поцѣловалъ руки матери и вскорѣ послѣ того удалился.

На другой день Каролина де Сентъ-Женекъ вышла изъ гостиницы, чтобы самой отдать на почту письмо свое съ деньгами, отправляемое ею сестрѣ, а также для того, чтобы повидаться съ тѣми изъ знакомыхъ, съ которыми она, живя въ провинціи, сохранила нѣкоторыя сношенія. Это были старые друзья семейства, изъ которыхъ она не всѣхъ застала дома; но которымъ оставила свою карточку, не оставивъ однако своего адреса, такъ какъ она уже не могла имѣть собственнаго своего дома. Ей показалось нѣсколько грустнымъ чувствовать себя какъ бы потерянной въ чужомъ домѣ, но она недолго предавалась размышленіямъ о своей судьбѣ. Она разъ навсегда дала себѣ слово не предаваться никакому рода меланхолии, сверхъ того еще она обладала характеромъ рѣшительнымъ, и никакое испытаніе, какъ бы тяжело оно ни было, не могло заставить

ее враждебно смотрѣть на жизнь. Въ организаціи ея была удивительная живость, горячая дѣятельность, тѣмъ болѣе замѣчательная, что она соединялась съ громаднымъ спокойствіемъ ума и удивительнымъ отсутствіемъ личныхъ заботъ. Этотъ характеръ довольно исключительный разовьется и объяснится въ продолженіи нашего разсказа, на сколько это будетъ намъ возможно, но необходимо, чтобы читатель помнилъ то, что извѣстно уже цѣлому свѣту, а именно, что никто не можетъ себя объяснить вполнѣ и представить въ ясномъ свѣтѣ характеръ другого лица. Каждый человѣкъ знаетъ въ глубинѣ своего существа тайну смыла или бесмыслія, которую онъ тѣмъ менѣе можетъ обнаружить, что и самъ не понимаетъ ея. Анализъ долженъ считаться уже удовлетворительнымъ, онъ приближается къ истинѣ.

II.

Каролина была дочь британскаго дворянина, поселившагося въ Влуа, и дѣвнцы де Гражакъ, родомъ изъ Велей. Каролина едва знала свою мать. Г-жа де Сенъ Женексъ умерла на третій годъ послѣ своего замужства, давъ жизнь Камиллѣ и взявъ съ Жюстины Линьонъ обѣщаніе провести нѣсколько лѣтъ подлѣ ея дѣтей.

Жюстина Ланьонъ, по мужѣ Пейракъ, была здоровая и честная крестьянка, изъ Велей. Она выкормила Каролину, послѣ чего снова отправилась въ свою семью, затѣмъ только, чтобы вскорѣ опять возвратиться и удѣлить молоко своего втораго ребенка, для второй дочери своей *дорогой госпожи*. Благодаря ей, Каролина и Камилла, въ продолженіе осьми лѣтъ, были окружены заботами и нѣжностью второй своей матери; но Жюстина не могла забыть своего мужа и своихъ собственныхъ дѣтей. Она должна была напоследокъ возвратиться на свою родину, а г-нъ де Сенъ - Женексъ отвезъ дочерей своихъ въ Парижъ, гдѣ онѣ и были воспитаны въ одномъ изъ модныхъ въ то время монастырей.

Не будучи достаточно богатъ, чтобы жить въ Парижѣ, онъ, на случай пріѣзда, нанялъ себѣ квартирку, гдѣ останавливался, пріѣзжая въ Парижъ два раза въ годъ, на праздникъ Пасхи и на вакаціи. Это время было тоже вакаціею и для него самаго. Въ продолженіе цѣлаго года онъ экономничалъ, чтобы ни въ чемъ не отказывать своимъ дочерямъ для ихъ невинныхъ удовольствій: тутъ начинались у нихъ безконечныя прогулки, концерты, посѣщенія музеевъ, осматриваніе королевскихъ замковъ, лакомые обѣды. Добрякъ боготворилъ своихъ дочерей, которые были прекрасны какъ ангелы и такъ же добры какъ и прекрасны. Единственнымъ удовольствіемъ его было, когда онѣ, разряженныя и свѣжѣ своихъ платяицъ только что вышедшихъ изъ магазина, прогуливались съ нимъ по этому блистающему Парижу, гдѣ у него было очень немного знакомыхъ, но гдѣ взгляды каждаго проходящаго казались ему драгоценнѣе, нежели Богъ знаетъ какой торжественный приемъ въ своей провинціи. Сдѣлать парижанками, настоящими парижанками эти два предестыныя

существа—было его мечтою. Онъ былъ готовъ положить на это все свое состояніе, что и сдѣлалъ на самомъ дѣлѣ. Молодые дѣвушки очень различно воспользовались своимъ личнымъ образованіемъ. Камилла, младшая и еще болѣе красивая чѣмъ сестра, восторгалась всемъ тѣмъ, чѣмъ восторгался отецъ ея, на котораго она походила и лицомъ и характеромъ. Она страстно полюбила роскошь, и никогда не предвидѣла, что жизнь ея могла сдѣлаться несчастною. Кроткая, любящая, но съ посредственными способностями, она успѣла только образоваться въ отношеніи обращенія, туалета и манеръ. Возвращаясь въ монастырь съ окончаніемъ вакацій, она проводила первые три мѣсяца въ томительныхъ сожалѣніяхъ; вторые три — работая немного для удовольствія своей сестры, которая бранила ее; и, наконецъ, все остальное время мечтала о возвращеніи отца и объ удовольствіяхъ. Каролина болѣе походила на мать, которая была женщина энергическая и серьезная. Она съ большою дѣятельностью умѣла воспользоваться и нарядами, и прогулками, и спектаклями, но наслаждалась она этимъ совсѣмъ иначе. Въ ней втысячу разъ было болѣе пониманія чѣмъ у Камиллы,—не творческаго пониманія въ отношеніи искусствъ, но глубоко-чувствительнаго къ истинному проявленію искусства. Она была рождена виртуозкой, т. е. была способна выразить съ блескомъ и тонкостью мысль другихъ. Она читала стихи и разбирала ноты съ удивительнымъ пониманіемъ. Она говорила немного, но всегда очень хорошо и очень ясно. Всему, что ей представляла какая нибудь книга, роль, музыка или литература, она придавала, какъ бы новый блескъ.

Между тѣмъ воспитаніе Каролины, начавшееся съ десяти лѣтъ, въ 17 было уже кончено. Вотъ что случилось. Г-нъ де Сенъ-Жевоксъ, имѣя только двѣнадцать тысячъ франковъ годоваго дохода, и мечтая для дочерей своихъ устроить будущее, достойное ихъ прелестей, вошелъ не весьма благоразумно и осмотрительно въ кое какія спекуляціи, которыя должныствовали учетверить его состояніе, но вмѣстѣ того совершенно его поглотили.

Однажды, весь блѣдный и какъ бы громомъ пораженный, пріѣхалъ онъ въ Парижъ за дочерьми и увезъ ихъ въ свой маленькій замокъ, не объяснивъ имъ ничего и жалуясь только на небольшую лихорадку. Онъ томился такимъ образомъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ и умеръ съ горя, признавшись въ своемъ раззореніи двумъ будущимъ зятьямъ своимъ, потому что съ появленіемъ молодыхъ дѣвушекъ въ Влуа ихъ окружило множество искателей, и двое изъ нихъ получили уже согласіе. Женихъ Камиллы, служащій челоуѣкъ, былъ честный малый, искренно влюбленный въ нее, который, не смотря ни на что, и женился на ней. Женихъ же Каролины былъ помѣщикъ. Онъ взглянулъ на это съ болѣе разсудительной стороны, согласился на волю родителей, и удалился.

Къ счастью Каролины, она не чувствовала страстной любви. Любящая, она открыла душу начинающейся довѣрчивости и симпатіи; но таинственная печаль и усиливающаяся болѣзнь отца живо заняли ее, такъ что она не позволяла себѣ много мечтать о собственномъ сво-

емъ счастья. Любовь честной молодой дѣвушки подобно цвѣтку раскрывается отъ лучей надежды; но всѣ личныя надежды померкли для Каролины, когда она почувствовала, что жизнь отца быстро угасала. Въ женяхъ своемъ она видѣла только друга, который бралъ на себя бремя раздѣлить съ нею горе. Она чувствовала къ нему благодарность и уваженіе, но горестъ положила преграду для упоенія восторга. Страсть не имѣла времени развиться, и потому она скорѣе была уязвлена, чѣмъ разбита его пренебреженіемъ. Она такъ любила своего отца, такъ глубоко сожалѣла о немъ, что потеря собственнаго своего будущаго показалась ей уже второстепеннымъ горемъ. Она не показала никакой досады, но живо чувствовала нанесенное ей оскорбленіе; и хотя забвеніе было единственнымъ ея мщеніемъ, но въ тоже время и сохраняла относительно мужчинъ какое-то неясное чувство злобы, которое предохранило ее отъ вѣры въ любовь и въ ласкательства, обращенныя къ ея красотѣ до самой той поры, какъ мы встрѣтили ее совершенно уже излечившуюся, бодрую и искренно считающую себя въ безопасности отъ всякаго рода оболъщевія.

Нѣтъ никакой надобности рассказывать, какимъ образомъ протекали годы, которые мы прошли молчаніемъ. Всѣмъ извѣстно, что нельзя потерять состояніе, большое или маленькое, въ одинъ день. Первоначально назначаютъ сроки кредиторамъ, надѣются спасти кое-какіе остатки, проходятъ черезъ цѣлый рядъ сомнѣній, удивленія и разбившихся надеждъ, до самаго того дня, когда, видя всѣ усилія тщетными, рѣшаются помириться съ своимъ положеніемъ — худо ли, хорошо ли оно было. Камилла была очень огорчена этимъ несчастіемъ, которому она до послѣдняго дня старалась не вѣрить; но, сдѣлавъ очень хорошую партію, она на самомъ дѣлѣ не испытывала ни малѣйшаго недостатка. Каролина, болѣе дальневидная, повидимому была менѣе чувствительна къ совершенной нищетѣ, которая доставалась на ея долю. Но зять ея, не хотѣвшій и слышать о разлукѣ, великодушно предложилъ ей раздѣлить съ нимъ ихъ достатокъ; тѣмъ не менѣе молодая дѣвушка очень хорошо поняла, что жизнь ея уже погибла и отъ этого гордость ея еще болѣе увеличилась. Чувствуя, что сестра ея недостаточно дѣятельна и домовита, сверхъ того видя, что съ каждымъ годомъ ей предстояли труды и заботы матери семейства, Каролина сдѣлалась ихъ домоправительницей, нянькой дѣтей, однимъ словомъ — главной служанкой молодой четы; и этому строгому исполненію преданническаго долга она сумѣла придать столько граціи, столько здраваго смысла, столько дружелюбія, что все было счастливо вокругъ нея, и услуги ея были гораздо важнѣе тѣхъ, которыя она принимала сама. Затѣмъ послѣдовала болѣзнь зятя, смерть его, открылись кое-какіе старые долги, которые онъ скрывалъ, надѣясь, не подрывая себя, уплатить ихъ мало по малу изъ своего жалованья.

Нѣкоторое время Каролина колебалась, какъ уже и сказано было это выше, между страхомъ оставить сестру одну и желаніемъ спасти ее своими трудами. Правда, былъ одинъ человекъ, богатый,

но уже не молодой и не совсемъ привлекательный, который имѣлъ на нее виды, какъ на образцовую хозяйку и предлагалъ ей жениться на ней. Каролина смутно чувствовала, а мало по малу и ясно увидѣла желаніе Камиллы, чтобы она пожертвовала собой. Тутъ ужъ она рѣшилась принести себя въ жертву, но только другимъ образомъ. Отдать свою свободу, свою независимость, время, жизнь свою, — этого только она и желала; но требовать умерщвленія своей души, своей личности для того, чтобы доставить немного болѣе удобствъ своей семьѣ, это было уже слишкомъ. Она простила матери эгоизмъ сестры, и, не показывая вида, что разгадала ее, рѣшилась на предпріятіе, которое, какъ мы видѣли, она и привела въ исполненіе. Оставивъ Камиллу въ маленькомъ деревенскомъ домикѣ, нанятомъ въ окрестностяхъ Блуа, она отправилась въ Парижъ, гдѣ, какъ намъ уже извѣстно, была такъ хорошо принята г-жей де Вильмеръ, исторію которой мы тоже должны разсказать. Каждая семья имѣетъ свою рану, всякое состояніе свою проруху, черезъ которую проливается сердечная кровь и безопасность существованія. Благородная Камилля де Вильмеръ имѣла своего червя-точителя въ безумствахъ старшаго сына и самой маркизы. Первымъ мужемъ маркизы былъ герцогъ д'Алерія, высокоомѣрный испанецъ, съ ужаснымъ характеромъ, который сдѣлалъ ее несчастной, какъ только возможно, но которой послѣ пяти лѣтъ бурь, оставилъ ей довольно большое состояніе и сына, милаго, прелестнаго и умненькаго мальчика, предназначеннаго сдѣлаться глубокимъ скептикомъ, страшнымъ расточителемъ и жалкимъ вольнодумцемъ.

Выйдя въ другой разъ замужъ за маркиза де Вильмера и сдѣлавшись вторично матерью и вдовою, маркиза нашла во второмъ сынѣ своемъ Урбанѣ друга преданнаго, великодушнаго, столь же строгаго въ нравственномъ отношеніи, на сколько былъ развратенъ братъ его; достаточно богатаго, по наслѣдству отъ отца своего, чтобы не слишкомъ огорчаться раззореніемъ матери, потому что въ то время, когда мы знакомимся съ этими тремя лицами, маркиза уже почти ничего не имѣла, благодаря жизни, которую велъ молодой герцогъ.

Въ это время герцогу было уже тридцать шесть лѣтъ, а маркизу тридцать три года. Мы видимъ, что герцогиня д'Алерія не потеряла много времени, чтобы сдѣлаться маркизой де Вильмеръ. Никто не осуждалъ ее за это. Она страстно любила своего втораго мужа. Достаточно восторженная отъ природы, она года два была какъ помѣшанная, когда смерть преждевременно похитила ея втораго мужа. Она никого не хотѣла видѣть, и даже дѣти сдѣлались для нея какъ бы чужими. Видя это, родственники покойныхъ мужей рѣшились назначить опеку и позаботиться о воспитаніи ея сыновей; но при этой мысли маркиза пришла въ себя. Природа сдѣлала огромное усиленіе, чувство матери проснулось, и страстный кризисъ, заставившій ее со слезами обнять обоихъ сыновей своихъ, возвратилъ ей разсудокъ и волю. Она осталась болѣзненною, немощною, преждевременною старухою, немного странною, но крайне энергичною въ своихъ поступкахъ, высокою въ своихъ привязанностяхъ и чрезвычайно благо-

родною въ сношеніяхъ своихъ со свѣтомъ. Съ этихъ самыхъ поръ она была замѣчена за свой умъ, который такъ долго былъ какъ бы усыпленъ въ горѣ и въ любви и который, наконецъ, явился во всей своей силѣ.

Все предшествующее достаточно опредѣляетъ ея положеніе. Теперь мы оставимъ Каролинѣ де Сенъ Женексъ оцѣнить по своему усмотрѣнію маркизу и обоихъ сыновей ея.

Письмо къ г-жѣ Камиллѣ Гейдебертъ.

Парижъ, 15 марта 1845 года.

Да, дорогая моя Камилла, помѣщеніе мое чудесно, о чемъ я уже и писала тебѣ въ прежнихъ моихъ письмахъ. У меня прехорошенькая комната, добрый каминъ, прекрасный экипажъ, прислуга и сытный столъ. Отъ меня зависитъ считать себя и богатой и маркизой, потому что, не оставляя почти мою старушку, я, по необходимости, раздѣляю весь комфортъ ея жизни. Ты упрекаешь меня, что я пишу тебѣ слишкомъ коротенькія письма. Но это потому, что до сихъ поръ у меня было очень мало свободныхъ минутъ. Наконецъ, маркиза, которая, какъ я думаю, хотѣла испытать меня немного, кажется, поняла, что я ей искренно предана, и теперь она уже позволяетъ мнѣ въ двѣнадцать часовъ вечера уходить къ себѣ въ комнату. И потому я могу теперь болтать съ тобою, не ложась въ четыре часа утра, потому что маркиза принимаетъ до двухъ, и потомъ цѣлый часъ еще бесѣдуетъ со мною, разговаривая о тѣхъ лицахъ, которыхъ мы только что видѣли, и это, признаюсь тебѣ, начинало меня очень утомлять, въ чемъ я и призналась ей самой. Она думала, что я, также какъ и она, встаю поздно, но узнавъ, что въ шесть часовъ я просыпаюсь и не могу болѣе заснуть, она великодушно снисзема къ моей провинціальной привычкѣ. Такимъ образомъ утромъ или вечеромъ я буду принадлежать тебѣ, моя милая.

Да, я люблю, очень люблю эту старушку. Она имѣетъ для меня какую-то особенную прелесть, а власть, которую она взяла надъ моимъ умомъ, происходитъ особенно отъ искренности и ясности ея собственнаго. Безъ сомнѣнія, у нея есть предрасудки и множество идей, которыя не мои и никогда не будутъ моими; но она не вноситъ въ нихъ никакихъ лицемерныхъ увертокъ, и антипатіи, выраженные ею, не имѣютъ ничего страшнаго, потому что даже въ ея предубѣжденіяхъ чувствуется полнѣйшее прямоушіе.

Сверхъ того, въ продолженіи этихъ трехъ недѣль, какъ я вижу большой свѣтъ, маркиза хотя и не дѣлаетъ особенныхъ пировъ, но тѣмъ не менѣе каждый вечеръ она принимаетъ множество посѣтителей, и въ этомъ-то великосвѣтскомъ обществѣ я замѣчаю какое-то всеобщее уничтоженіе, о которомъ изъ глубины моей провинціи я не могла составить такой полной идеи. Увѣряю тебя, что съ самыми лучшими манерами и съ видомъ даже нѣкотораго превосходства все вообще они отличаются какою-то ничтожностью. Никто ни о чемъ не имѣетъ своихъ мнѣній, все жалуется на все и никто ничему не умѣетъ пособить. Всѣхъ злословятъ и, не смотря на то, хо-

роши со всѣми. Негодования уже нѣтъ болѣе, а есть только одно злословіе. Безпрестанно предполагають какія-то громады катастрофы, и въ тоже время живутъ такъ, какъ будто пользуются совершенною безопасностью. Однимъ словомъ, всѣ пусты и глухи, какъ неизвѣстность, какъ безсиліе, и, посреди этихъ смущенныхъ умовъ, посреди этихъ истасканныхъ убѣжденій, я люблю видѣть эту старую маркизу, столь откровенную въ своихъ антипатіяхъ и такъ благородно недоступную мировымъ сдѣлкамъ. Мнѣ кажется, что передо мною личность прошлаго столѣтія, что-то подобное герцогу Сенъ-Симону, только женскаго рода, хранящее, какъ религію, уваженіе къ своему сану и не понимающее ничего въ денежномъ могуществѣ, противъ котораго вокругъ нея протестуютъ или слабо, или лицемѣрно.

Маркиза, напротивъ, безъ сожалѣнія и страха видитъ, какъ все ея состояніе день за днемъ падаетъ въ бездну. Я уже говорила тебѣ объ этомъ. Я ужь говорила тебѣ, что герцогъ д'Алерія, сынъ ея отъ перваго брака, разоряетъ ее, между тѣмъ, какъ маркизъ, сынъ втораго ея мужа, окружаетъ ее всевозможными заботами и вниманіемъ и доставляетъ ей всевозможный комфортъ.

Теперь нужно познакомить тебя съ этими господами, о которыхъ я упомянула только въ нѣсколькихъ словахъ. Я видѣла маркиза въ первый же день моего водворенія въ ихъ домѣ. Каждое утро отъ двѣнадцати до часу и каждый вечеръ отъ одиннадцати до полночи онъ приводитъ съ матерью. Кромѣ того, онъ еще очень часто обѣдаетъ съ нею, и поэтому я имѣла достаточное время сдѣлать надъ нимъ свои наблюденія, и, какъ мнѣ кажется, очень хорошо ужь знаю его. Это молодой еще человѣкъ, который, должно быть не имѣлъ своей молодости. Онъ слабago здоровья и умъ его, чрезвычайно образованный и чрезвычайно возвышенный, борется противъ какого-то тайнаго горя или противъ природной наклонности къ грусти. Невозможно имѣть наружности, которая бы съ перваго раза казалась такъ малозначительна и которая, по мѣрѣ того, какъ въ нее вглядываешься, дѣлается все болѣе и болѣе симпатичною. Роста онъ небольшого и не маленькаго, лицо его некрасиво и не дурно. Нарядъ егo не имѣетъ въ себѣ ничего небрежнаго и ничего изысканнаго. Онъ, кажется, имѣетъ инстинктивное отвращеніе отъ всего того, что можетъ обратить вниманіе на его личность. Однако тотчасъ же можно замѣтить, что это человѣкъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ людей. Немногія слова, съ которыми онъ обращается къ намъ, имѣютъ глубокой или тонкій смыслъ, а глаза его, когда они терпятъ выраженіе замѣшательства, — слѣдствіе какой-то робости, — такъ прекрасны, такъ добры, исполнены такого ума, что, мнѣ кажется, я никогда не встрѣчала ничего подобнаго.

Поведеніе его въ отношеніи матери превосходно и обрисовываетъ его вполне. Я видѣла, какъ она тратила цѣлые миліоны, все свое собственное состояніе, для того, чтобы уплатить безумные расходы своего старшаго сына, и онъ даже ни разу не мигнулъ, ни разу не сдѣлалъ ей замѣчанія, ни разу не выразилъ своего неудовольствія,

или сожалѣнія. Чѣмъ болѣе она была слаба въ отношеніи этого неблагодарнаго и отвратительнаго сына, тѣмъ болѣе маркизъ былъ къ ней нѣженъ, преданъ и почитателенъ. Ты видишь, что невозможно не уважать этого человѣка, и что касается до меня, то я чувствую къ нему что-то въ родѣ благоговѣнія.

Первое время, когда по утрамъ онъ входилъ къ матери, я изъ осторожности удалялась, тѣмъ болѣе, что съ своей стороны этотъ превосходный человѣкъ, чрезвычайно скромный, казалось, робѣлъ въ моемъ присутствіи. Это, конечно, было большою частью для меня; но по прошествіи трехъ или четырехъ дней онъ попривыкъ ко мнѣ, такъ что очень кротко спросилъ меня, почему я убѣгаю его. Я не сочла себя этимъ уполномоченной мѣшать бесѣдѣ сына съ матерью, но сама маркиза просила меня не уходить, и даже настояла на томъ, объяснивъ послѣ, съ своей обычной откровенностью, причину подобнаго желанія, — и причину довольно странную, какъ ты это увидишь.

— Сынъ мой меланхолическаго нрава, говорила она мнѣ, это не мой характеръ. Я или очень печальна или очень оживлена, но никогда не мечтательна: мечтательность другихъ даже нѣсколько сердитъ меня. Что касается до Урбана, то задумчивость его тревожитъ и огорчаетъ меня. Я никогда не могла помириться съ ней. Когда мы, бываемъ съ нимъ наединѣ, мнѣ нужно дѣлать непрестанныя усплія, чтобы онъ не впадалъ въ свое созерцательное состояніе. Когда мы окружены пятнадцатю или двадцатю человѣками гостей вечеромъ, онъ предается своей меланхоліи на свободѣ и часто сидитъ гдѣ нибудь въ углу. Для того, чтобы я могла на самомъ дѣлѣ наслаждаться его умомъ, что составляетъ мое величайшее счастье и единственное удовольствіе, ничто такъ неблагопріятно для этого, какъ присутствіе третьяго лица, особенно если это третье лицо—особа достойная; тогда маркизъ даетъ себѣ трудъ быть милымъ, сначала изъ вѣжливости, а потомъ мало по малу и изъ кокетства, хотя самъ онъ этого и не подозреваетъ. Наконецъ это человѣкъ, котораго нужно спасать отъ его размышленій, но онъ такъ добръ ко мнѣ, что я не имѣю ни права, ни воли открыто начинать съ нимъ эту борьбу, тогда какъ присутствіе особы, которая даже ничего не говоритъ, а только слушаетъ, заставляетъ его немножко высказываться по той причинѣ, что если онъ, съ одной стороны, боится показаться педантомъ, говоря слишкомъ много, то съ другой—боится еще болѣе казаться афектированнымъ, когда забываетъ все для своихъ размышленій. И потому, моя милая, вы намъ обоимъ окажете большую услугу, если не будете оставлять насъ вдвоемъ.

— Однакожъ, маркиза, отвѣчала я ей, если вамъ нужно будетъ говорить о какихъ нибудь витивныхъ вещахъ, какимъ образомъ могу я догадаться объ этомъ?

Тутъ она обѣщала мнѣ, что если когда нибудь это случится, то она предупредитъ меня объ этомъ, спросивъ не отпали ли часы?

III.

Продолженіе письма къ г-жѣ Гейдевертъ.

Снова принимаюсь за письмо мое, которое вчера должна была оставить, потому что страшно хотѣла стать, а такъ какъ теперь всего еще девять часовъ, а я увижу маркизу только въ двѣнадцать, то у меня будетъ довольно времени пополнить тѣ подробности, которыя объясняютъ тебѣ мое положеніе.

Первыя двѣ недѣли были для меня очень тяжелы, признаюсь тебѣ въ томъ. Ты знаешь, какъ мнѣ необходимо движеніе и какъ дѣятельна была моя жизнь въ продолженіе послѣднихъ шести лѣтъ; но здѣсь, увя! совсѣмъ не то: здѣсь не требуется приводить въ порядокъ домъ, и разъ сто сбѣгать вверхъ и внизъ по лѣстницѣ, здѣсь нѣтъ дѣтей, съ которыми бы надо сходить погулять и потомъ занимать ихъ какою нибудь игрою, даже нѣтъ собаки, съ которою бы можно было побѣгать, подъ предлогомъ позабавить ее. Маркиза терпѣть не можетъ звѣрей; и только раза два въ недѣлю выѣзжаетъ она изъ дому, чтобы въ каретѣ прокатиться по аллеѣ въ Вилсейскихъ поляхъ. Это она называетъ движеніемъ. Такъ какъ она не можетъ входить по лѣстницѣ, и ее вносятъ на рукахъ, чего она очень боится, потому что разъ ее уже уронили, то, по этому самому, она и не посѣщаетъ никого изъ своихъ знакомыхъ, и принимаетъ у себя. Вся дѣятельность, вся сила ея жизни — въ ея головѣ и въ ея разговорѣ: она говоритъ замѣчательно хорошо, и сама это знаетъ; но въ тоже время, она нисколько этимъ не тщеславится, и дѣлаетъ это не столько для того чтобы заставить слушать себя какъ для того, чтобы излить потокъ мыслей и чувствъ, которыя ее волнуютъ.

Это, какъ ты видишь, натура энергическая, удивительно пылкая въ своихъ мнѣніяхъ насчетъ даже тѣхъ вещей, къ которымъ я совершенно равнодушна. Она никогда, должно быть, не была счастлива, потому что слишкомъ далеко ищетъ счастье, и жить подлѣ нея неотлучно страшно утомительно, не смотря на всю прелесть, которой она обладаетъ. Руки ея всегда остаются праздными: и однако же зрѣніе у нея хорошо и пальцы еще проворны, потому что она довольно хорошо играетъ на фортепьянахъ; но она пренебрегаетъ всѣмъ, что отклоняетъ ее отъ разговора, и до сихъ поръ еще не требовала отъ меня ни чтенія, ни музыки. Она говоритъ, что бережетъ мои таланты въ запасъ для деревни, гдѣ она бываетъ окружена менѣе многочисленнымъ и куда мы поѣдемъ черезъ два мѣсяца. Я жажду ѣхать скорѣе въ эту деревню, потому что здѣсь физическая жизнь слишкомъ уничтожена. Сверхъ того эта добрая маркиза привыкла жить въ сенегальской температурѣ, и пропитана духами, и вся комната ея наполнена цвѣтами самыми пахучими; все это очень пріятно для глазъ, но отсутствіе воздуха дѣлаетъ это невыносимымъ для дыханія.

Къ довершенію всего надобно оставаться такъ же праздною, какъ и она. Первое время я попробовала вышивать подлѣ нея, но скоро

убѣдилась; что это дѣйствуетъ ей на нервы. Она спрашивала меня, не нанялась ли поведено, и не слишкомъ ли снѣжная и нужная у меня работа, и разъ десять заставляла меня вставать безъ всякой надобности, а только для того, чтобы оторвать меня отъ моей работы, которая безпокоила ее; такимъ образомъ я принуждена была оставить мою работу, а то бы она пожалуй занемогла. Этиши я очень ей угодилъ, и чтобы отнять у меня право сдѣлать новую попытку, она очень искренно объяснила мнѣ свой образъ мыслей. Она думаетъ, что женщины, которыя занимаютъ свои руки и зрѣніе шпьемъ или выпиваньемъ, гораздо болѣе занимаютъ этимъ свой умъ, къ чемъ не хотятъ сознаться самимъ себѣ. Это, по ея мнѣнію, средство одурить себя, чтобы спастись отъ скуки существованія. Она понимаетъ, что это возможно только для несчастныхъ или заключенныхъ. И потомъ она позолотила мнѣ эту пилюлю, прибавивъ, что это даетъ мнѣ видъ горничной, а она желаетъ чтобы для тѣхъ, которые ее посѣщаютъ, я казалась бы ея другомъ; и потому она вызываетъ меня на разговоры, и очень часто обращается ко мнѣ съ вопросами, принуждая меня *выказывать мой умъ*, чего я очень остерегаюсь, потому что рѣшительно теряюсь, когда на меня глядятъ и когда меня слушаютъ. Однако я дѣлаю все, что могу для движенія и крайне сожалѣю, что старый другъ мой, если ужъ она другъ мнѣ, не соглашается принять отъ меня ни малѣйшей услуги; она зоветъ свою горничную для того, чтобы та подняла ей платокъ, если только я первая не бропущу за нимъ. Въ такомъ случаѣ она еще выговариваетъ мнѣ за чрезмѣрную мою услужливость. При этомъ ты, вѣроятно, спросишь для чего же она взяла меня къ себѣ; я сейчасъ тебѣ отвѣчу: ранѣе четырехъ часовъ маркиза не принимаетъ, а до тѣхъ поръ, т. е. тотчасъ-же послѣ ухода маркиза, она слушаетъ чтеніе журналовъ и занимается своей перепиской; въ такомъ случаѣ я читаю и пишу за нее. Почему она не сама читаетъ и пьетъ, тогда какъ она еще очень бы могла дѣлать то и другое, это уже мнѣ не извѣстно.

Каждый почти день, входя утромъ къ ней, нахожу ее совершенно не тою, какой оставила ее наканунѣ въ салонѣ. Всякую ночь, она старѣетъ по крайней мѣрѣ лѣтъ на десять. Утренній туалетъ ея продолжается очень долго, въ продолженіе котораго она ни слова не говоритъ съ своими горничными, потому что презираетъ простонародный языкъ. Она до того скучаетъ присутствіемъ этихъ блѣдыхъ дѣвушекъ (а ночью, можетъ быть, страдаетъ еще и безсонницей, во время которой, вѣроятно, скучаетъ страшнѣйшимъ образомъ), что, когда я подхожу къ ней, она чуть жива и страшно блѣдна; но минутъ черезъ десять какъ будто бы ничего не бывало: она оживляется, ободрелется, и къ приходу маркиза опять уже молодѣетъ лѣтъ на десять.

Но, кажется, я еще ничего не говорила тебѣ о герцогѣ. Перейдемъ же къ нему.

Не болѣе какъ дня три тому назадъ я, наконецъ, увидала его. Признаюсь тебѣ, что я не слишкомъ нетерпѣливо ожидала этого свиданія.

данія. Я не могу противиться чувству отвращенія къ этому человеку, раззорившему свою мать и, какъ говорятъ, исполненному всевозможныхъ пороковъ. Итакъ, мое удивленіе, было велико, и если я все еще чувствую отвращеніе къ его характеру, тѣмъ не менѣе принуждена сознаться, что личность его не антипатична мнѣ, какъ я представляла это себѣ. Въ страхѣ моемъ я воображала его съ когтями и рогами. Однако же, вотъ какимъ образомъ я встрѣтилась съ этимъ злымъ духомъ. Надобно тебѣ сказать, что отношенія его къ матери удивительно неровны. Бываютъ недѣли, даже мѣсяцы, въ продолженіе которыхъ онъ почти каждый день прѣзжаетъ къ ней; потомъ пропадаетъ, и цѣлые мѣсяцы или недѣли объ немъ ничего не слышно; когда же снова появится, то ни съ той, ни съ другой стороны не бываетъ никакихъ объясненій, какъ будто бы они только вчера разстались. Я еще ничего не знаю, какъ все это дѣйствуетъ на маркизу. Иногда она упоминала о своемъ старшемъ сынѣ, но такъ же спокойно и ласково, какъ будто бы дѣло шло о маркизѣ, и, какъ ты можешь себѣ представить, я не позволила себѣ ни малѣйшаго вопроса о такомъ щекотливомъ предметѣ. И только одинъ разъ при мнѣ, не дѣлая никакихъ замѣчаній, она рассказала то, что я сейчасъ передала тебѣ о неровности его посвѣщеній.

И потому сегодня или завтра я ожидала, что увижу его ушапгаго къ намъ съ облаковъ. Послѣ обѣда маркиза обыкновенно возвращается въ свою комнату, гдѣ горничныя снова немного бѣлятъ и румянятъ ее; въ этомъ проходитъ четверть часа не болѣе, а я въ это время теряюсь, я дѣлаю осмотръ лампамъ и жардильеркамъ салона. Однажды, предавшись этому важному занатію и пользуясь случаемъ сдѣлать немного движенія, я поспѣшно переходила то туда то сюда, нагѣная какую-то изъ нашихъ пѣсенокъ, какъ вдругъ очутилась противъ двухъ большихъ голубыхъ глазъ, удивительно прозрачныхъ. Я, взвизывая, поклонилась ему; онъ поднялся и тоже въ свою очередь повинился и я, на которой лежала обязанность хозяйки привѣтствовать гостя, не находя ничего, что бы сказать незнакомому лицу, которое, казалось, спрашивало меня кто я такая, сочла за лучшее не говорить ничего.

Господинъ поднялся съ своего мѣста, прислонился спиною къ камину, и сѣдѣлъ за мною глазами болѣе съ благосклоннымъ, чѣмъ съ удивленнымъ видомъ. Это былъ мужчина высокаго роста, немного полный, съ большимъ лицомъ, и, что всего удивительнѣе, прекрасной наружности. Невозможно имѣть болѣе кроткій, болѣе чамвѣчный и даже болѣе чистосердечный взглядъ; звукъ его голоса тихъ и нѣженъ, произношеніе удивительно изящно, также какъ и манеры. Можно сказать даже, что въ малѣйшихъ движеніяхъ этого гремучаго змѣя есть что-то такое мягкое, а улыбка его—совершенно улыбка дитяти.

Привлеченная его добрымъ взглядомъ, я снова вернулась къ камину, готовая отвѣчать ему самымъ любезнымъ образомъ, если только ему вздумается заговорить со мной. А ему, кажется, очень этого

хотѣлось, и онъ это сдѣлавъ, спросивъ меня своимъ пріятнымъ голосомъ и обращаясь ко мнѣ очень вѣжливо:

— M-elle Эстеръ больна?

— M-elle Эстери уже два мѣсяца нѣтъ здѣсь, отвѣчала я ему. Я ея и не знала и теперь замѣнила ее здѣсь.

— О, нѣтъ!

— Отъ чего-жь нѣтъ?

— Скажите лучше, что вы наслѣдовали ей! Весна не можетъ замѣнить зимы: она заставляетъ позабывать о ней.

— Но и зима можетъ имѣть свою хорошую сторону.

— О! Вы не знали Эстери. Она была язвительна, какъ декабрьскій вѣтеръ, и когда она подходила къ вамъ, то вы уже чувствовали, что васъ охватывали ревматизмы.

Тутъ онъ началъ рисовать портреты бѣдной Эстери такъ весело, такъ комично, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ добродушно, что я не могла удержаться и громко засмѣялась.

— Ну, слава Богу! прибавилъ онъ, вы смѣетесь! Накоонецъ и здѣсь будетъ слышанъ смѣхъ! А часто ли вы смѣетесь?

— Да, часто, когда представится для этого удобный случай.

— Для Эстери не существовало удобнаго случая. Впрочемъ, она была права; еслибъ она смѣялась, то всѣ бы видѣли ея зубы! О, Воже мой! не прячьте же вы своихъ. Я ихъ очень хоропо замѣтилъ, и однако ничего вамъ не говорю о нихъ. По моему нѣтъ ничего глупѣе комплиментовъ. Не покажется ли вамъ дерзкимъ, если я васъ спрошу, какъ васъ зовутъ?.. Но нѣтъ, не говорите мнѣ. Я угадалъ имя Эстери: я окрестилъ ее Ребекой; видите, что я отгадалъ изъ какой она была расы. А теперь мнѣ очень хочется угадать ваше имя.

— Посмотримъ, ну угадывайте.

— Ваше имя должно быть совсѣмъ французское: Луиза, Вланка, Шарлота.

— Именно угадали, меня зовутъ Каролина.

— Вотъ видите!.. И вы пріѣхали сюда изъ провинцій?

— Нѣтъ, изъ деревни.

— Право! Почему же у васъ не красныя руки?... А скажите мнѣ, вы довольны, что живете теперь въ Парижѣ?

— Нѣтъ, нисколько!

— Я готовъ держать пари, что васъ принудили къ тому родные?

— Нѣтъ, меня никто не принуждалъ.

— Но вы я думаю скучаете здѣсь? Признайтесь, вѣдь вамъ скучно здѣсь?

— Нѣтъ, не скучно. Я никогда не скучаю.

— Вотъ ужъ вы и не откровенны стали.

— Клянусь вамъ.

— Ну такъ значитъ вы очень разсудительны.

— О да, этимъ я могу похвастаться!

— Положительно, можетъ быть?

— Нѣтъ.

— Такъ романтически?

— И того нѣтъ.

— Такъ что же?

— Ничего.

— Какъ же ничего?

— Также. Во мнѣ нѣтъ ничего такого, чтобы стоило малѣйшаго вниманія. Я умѣю читать, писать и считать. Немного играю на фортепьянахъ. Чрезвычайно послушна, добросовѣстно исполняю мою обязанность,—и вотъ всѣ качества, которыя здѣсь необходимы для меня.

— Ну такъ значитъ вы не знаете себя! Хотите ли я вамъ скажу, что вы такое? Во первыхъ, вы очень умны, а во вторыхъ, у васъ превосходная душа.

— Вы думаете?

— Я увѣренъ въ томъ. Я очень скоро узнаю, и сужу довольно вѣрно. А вы? Можете ли вы съ перваго взгляда составить себѣ понятие о человѣкѣ?

— О да, немного.

— Ну такъ скажите, что думаете вы обо мнѣ, напримѣръ?

— Очень натурально, я думаю объ васъ тоже самое, что вы думаете обо мнѣ.

— Что же это изъ благодарности, или изъ вѣжливости?

— Нѣтъ, во мнѣ говорить это какой-то инстинктъ.

— Благодарю васъ. Право, вы мнѣ доставили этимъ большое удовольствіе; не потому, что вы признаете во мнѣ умъ, нѣтъ! у кого-жъ его нѣтъ! но доброта! Скажите вы вѣдь не считаете меня дурнымъ человѣкомъ, не правда ли? Тогда... Послушайте, дайте мнѣ пожать вашу ручку?

— За чѣмъ это?

— Я сейчасъ вамъ это скажу. Неужели вы мнѣ откажете въ этомъ? Развѣ можетъ быть, что нибудь честище въ свѣтѣ того чувства, которое заставляетъ меня просить васъ объ этомъ?

Въ лицѣ и въ голосѣ этого человѣка было столько неподдѣльнаго, столько трогательнаго, что я, не смотря на странность его просьбы и на большую еще странность моего согласія, доверчиво положила мою руку въ его. Онъ слегка пожалъ ее и тотчасъ же выпустилъ, но на глазахъ его навернулись слёзы, и онъ сказалъ мнѣ нѣсколько задыхающимся голосомъ:

— Благодарю! Перегите хорошенько мою бѣдную матушку!

Что же касается до меня, то, понявъ наконецъ, что это былъ герцогъ д'Алерія и что я дотронулась до руки этого бездушнаго вельнодумца, этаго неблагодарнаго сына и бѣзсердечнаго брата, однимъ словомъ — этаго необузданнаго и бѣзсовѣстнаго человѣка, я почувствовала, что не могла держаться на ногахъ, и, опершись на столъ, вѣроятно страшно поблѣднѣла, потому что онъ замѣтилъ это, и сдѣлавъ движеніе чтобы поддержать меня, воскликнулъ:

— Что это! вамъ дурно?

Но тотчасъ остановился, увидѣвъ ужасъ и отвращеніе, которое

привзвель на меня, а можетъ быть и потому только, что въ это время въ комнату входила мать его. Она замѣтила мое смущенье и посмотрѣла на герцога, какъ бы спрашивая у него причину этого; но онъ, вмѣсто отвѣта, только поцѣловалъ ея руку и съ самымъ нѣжнымъ почтительнымъ видомъ спрашивалъ о ея здоровьѣ. Я тотъ часъ же вышла, чтобы оправиться, а также и для того, чтобы оставить ихъ однихъ.

Возвратясь въ салонъ, я нашла уже тамъ нѣсколькихъ посѣтителей и заговорила съ г-жею Д..., которая очень ласкова ко мнѣ и, кажется, очень хорошая женщина. Однакожь она терпѣть не можетъ герцога и все дурное, что я знаю о немъ, было мнѣ передано ею.

— Ну что! сказала она, какъ бы угадывая то, что происходило во мнѣ, и смотря на герцога, который разговаривалъ возлѣ матери.

— Вотъ вы и увидели наконецъ нашего *баловня*? Ну что вы объ немъ скажете.

— Онъ очень любезенъ и хорошъ собой, и это самое служить ему еще большимъ осужденіемъ въ моихъ глазахъ.

— Да, не правда-ли? Безспорно, что это чудная организациа и невѣроятно, чтобы до сихъ поръ онъ былъ такъ хорошъ и такъ уменъ послѣ той жизни, которую онъ велъ; но смотрите, не вздумайте ему довѣряться! Это самое испорченное существо, какое только существуетъ, и онъ совершенно способенъ представиться вамъ самымъ апостоломъ, чтобы только компрометировать васъ.

— Меня? О! вотъ ужъ этого не можетъ быть. Скромное мое положеніе предохранитъ меня отъ его вниманія.

— Нисколько. Вотъ вы увидите! Я ужъ не говорю, что ваши достоинства ставятъ васъ выше вашего положенія, хотя это очевидно для всѣхъ; для него же достаточно знать, что вы честная дѣвушка, чтобы возбудить въ немъ желаніе увлечь васъ.

— Не старайтесь, такъ пугать меня, я не останусь и часу, если только мнѣ будетъ угрожать какое нибудь оскорбленіе.

— Нѣтъ, нѣтъ, не этого надо бояться. Онъ человѣкъ хорошаго общества, когда онъ находится посреди его, и никогда вы не будете имѣть случая защищаться противъ какой нибудь неприличной выходки съ его стороны. Напротивъ того, если вы не будете держать себя осторожно, то онъ увѣритъ васъ, что онъ кающійся ангелъ, а можетъ быть даже непризнанный святой, и вы... попадетесь въ его ловушку. Г-жа Д... проговорила послѣднія слова такимъ тономъ сожалѣнія, что затронула мое самолюбіе. Я хотѣла отвѣтить ей; но вспомнила то, что слышала отъ другой старушки: а именно, что дочь г-жи Д... была сильно компрометирована герцогомъ. Бѣдная женщина должна страшно страдать, когда видитъ его, и я понимаю, почему, снисходительная ко всѣмъ, она съ такой горечью говорить о немъ; но я не могу объяснить себѣ почему, — не смотря на отвращеніе, которое она испытываетъ, когда видитъ его, и даже тогда когда произносятъ его имя, — со мной, всякій разъ какъ только представляется возможность отвести меня въ сторону, она такъ на-

стоятельно говорить мнѣ о немъ. Право, можно подумать, что она считаетъ меня обреченной попасться въ сѣти этого Ловеласа, и что она мститъ ему, оснарявая у него мою бѣдную душу.

Поразудивъ немного, я даже разсмѣялась этому страху, и не желая ни сердить ее, ни будить въ ней чувства скорби, съ той минуты старательно избѣгала заговаривать съ ней объ ея врагѣ. Сверхъ того, герцогъ во весь вечеръ болѣе не обращался ко мнѣ, и съ самаго этого вечера не появлялся болѣе. Если я, подвергаясь *оляксестимъ*, то еще не замѣчаю этого; но въ этомъ случаѣ ты можешь быть также спокойна, какъ и я сама, потому что нисколько не боюсь людей, которыхъ не уважаю...

Остальная часть письма Каролины касалась другихъ особъ и другихъ обстоятельствъ, которыя болѣе или менѣе поразили ее. Такъ какъ эти подробности не относятся прямо къ нашему разсказу, то мы пропускаемъ ихъ, въ ожиданіи того пока разсказъ не наведетъ васъ на нихъ.

IV.

Около того же самаго времени Каролина получила письмо, которое живо тронуло ее. Письмо это было наполнено ужасными ошибками орфографіи, что дѣлало его странно затруднительнымъ для чтенія. Вотъ оно: «милая моя Каролина,—позвольте кормилицѣ звать васъ всегда этимъ именемъ.—я узнала отъ вашей старшей сестрицы, которая утѣшила меня своимъ письмомъ, что вы оставили ея домъ, чтобы помѣститься компаньонкой въ Парижѣ. Не могу объяснить вамъ то тяжелое чувство, которое испытываю, когда думаю о томъ, что такая особа какъ вы, которая на глазахъ моихъ родилась въ счастья, теперь принуждена подчиняться другимъ; и когда я думаю, что это происходитъ изъ вашего добраго сердца, для того, чтобы помочь Камиллѣ и ея дѣтямъ, то глаза мои наполняются слезами. Милая моя барышня, я одно только могу вамъ сказать, а именно, что, благодаря щедрости вашихъ родителей, я теперь не въ бѣдственномъ состояніи. Мужъ мой имѣетъ хорошее ремесло и небольшую торговлю, что и дало намъ возможность купить домъ и много земли. Сынъ мой въ военной службѣ, а ваша молочная сестра очень счастливо выдана замужъ. И потому если когда нибудь вы встрѣтите нужду въ нѣсколькихъ сотняхъ франковъ, то мы будемъ очень счастливы предложить ихъ вамъ на все время, которое вамъ будетъ нужно и безъ всякихъ процентовъ. Согласившись на это, вы бы оказали честь и удовольствіе людямъ, которые васъ всегда любили, потому что, хотя мужъ мой васъ знаетъ только черезъ меня, но онъ васъ очень уважаетъ и часто говоритъ мнѣ: ей бы слѣдовало прѣлхать къ намъ, и оставаться у насъ сколько ей будетъ угодно; а такъ какъ она крѣпка и можетъ много ходить, то мы бы показали ей наши горы. Еслибъ она захотѣла, то могла бы сдѣлаться школьной учительницей въ нашей деревнѣ, что конечно не принесло бы ей большаго дохода; но ей бы не нужно было дѣлать никакихъ расхождений, и это, можетъ быть видно бы на томе, что и жить въ

Парижѣ, гдѣ жизнь такъ дорога. Я передаю это вамъ такъ просто, какъ говорилъ самъ Пейракъ; и если бы сердце могло подсказать вамъ, то мы бы приготовили для васъ маленькую чистенькую комнату и показали бы вамъ нашъ дикій край. Это васъ не испугаетъ, потому что, когда вы были еще маленькой, то всюду лазили, такъ что вашъ бѣдный батюшка, все васъ звалъ своимъ маленькимъ козленочкомъ.

Обдумайте хорошенько, дорогая сердцу моему Каролина, и если вамъ не хорошо тамъ, гдѣ вы теперь, то не забывайте, что въ уголку нежвѣстной для васъ страны есть люди, которые считаютъ васъ за прекраснѣйшее сердце въ мірѣ, и которые молятся за васъ и утромъ и вечеромъ, и просятъ Бога, чтобы вы посѣтили ихъ.»

«Жюстина Ланьонъ жена Пейракъ.»

Каролина тотъ часъ же отвѣчала.

«Добрая моя Жюстина, милый другъ мой, я плакала, когда читала письмо твое. Слезы эти были слезами радости. Я счастлива, что дружба твоя ко мнѣ остается неизмѣною съ того самаго дня, какъ мы съ такой разстались, — а этому уже четырнадцать лѣтъ! День этотъ остался у меня въ памяти, какъ самый горестный день моей жизни. Я не знала другой матери, кромѣ тебя, и потерять тебя, значило, потерять мать. Добрая кормилица! Ты такъ меня любила, что даже изъ за меня позабыла о своемъ честномъ мужѣ и дорогихъ дѣтяхъ! Но они вызывали тебя, ты принадлежала имъ и во всѣхъ твоихъ письмахъ я видѣла, что они доставляли тебѣ счастье. Они за меня заплатили тебѣ мой долгъ, потому что я многимъ тебѣ обязана: я очень часто думала, что если во мнѣ есть что нибудь хорошее, то это потому, что я была любима тою, которую глаза мои привыкли видѣть съ самаго младенчества, потому что она разсудительно и кротко обращалась со мною. И теперь ты предлагаешь мнѣ свою помощь, мой добрый другъ! Это достойно тебя, а со стороны твоего мужа, который не знаетъ меня, это просто великодушно. Отъ души благодарю васъ, добрые друзья мои, но мнѣ ничего не нужно. Я здѣсь ни въ чемъ не нуждаюсь, и чувствую себя хорошо, насколько это только возможно вдали отъ моей семьи. Но все равно. Я не теряю надежды повидаться съ вами. Все, что ты написала мнѣ о небольшой чистенькой комнатѣ, и о чудномъ дикомъ краѣ, внушаетъ мнѣ безумное желаніе познакомиться съ твоей деревней и твоимъ заведеніемъ. Не знаю, когда мнѣ выпадутъ недѣльки двѣ свободныя, но будь увѣрена, что если когда нибудь это случится, то я посвящу ихъ дорогой моей кормилицѣ, которую отъ всего сердца обнимаю.»

Между тѣмъ какъ Каролина предавалась своему сердечному изліанію, герцогъ д'Алерія, въ великолѣпнымъ турецкомъ утреннемъ костюмѣ, разговаривалъ съ своимъ братомъ, маркизомъ, котораго онъ принималъ въ своихъ роскошныхъ покояхъ въ улицѣ la Paix. Говорили о дѣлахъ, и по этому случаю между братьями завязался довольно оживленный споръ.

— Нѣтъ, другъ мой, — говорилъ герцогъ твердымъ голосомъ, — на

этотъ разъ у меня достанетъ энергій; я отказываюсь отъ всякой помощи, вы не будете платить моихъ долговъ!

— Я заплачу ихъ, отвѣчалъ маркизь такимъ же рѣшительнымъ тономъ. Это необходимо, и обязанъ это сдѣлать. Не скрою, что я колебался прежде, пока не узналъ ихъ цифры, но ваша гордость не должна страдать отъ того, въ чемъ я сознаюсь теперь. Я боялся, чтобы не обѣщать болѣе, чѣмъ въ состояннн былъ исполнить; но теперь я знаю, что у меня еще останется достаточно для того, чтобы поддерживать благосостояннн матушки. Узнавъ это, я рѣшился спасти честь семейства, и вы не можете противиться этому.

— Нѣтъ, я не согласенъ на это; вы не обязаны приносить мнѣ эту жертву: мы носимъ не одно съ вами имя.

— Мы сыновья одной матери, а я не хочу, чтобы она умерла со стыда и горя, видя васъ несостоятельнымъ должникомъ.

— Я самъ не менѣе матушки не желаю подвергнуться подобному стыду. Я женюсь.

— На деньгахъ? Но вы очень хорошо знаете, что въ глазахъ нашей матери, въ моихъ глазахъ и вашихъ собственныхъ, это было бы еще хуже.

— Если такъ, то я буду искать мѣста.

— А это и еще того хуже!

— Нѣтъ, для меня хуже всего — разорить васъ.

— Я не буду разоренъ.

— Но неужели же, наконецъ, я не могу знать цифру моихъ долговъ?

— Совершенно бесполезно. Мнѣ достаточно только вашего слова, что у васъ нѣтъ долговъ, неизвѣстныхъ нотаріусу, которому поручено сдѣлать ликвидацію. Я прошу васъ только взглянуть на нѣкоторыя изъ этихъ бумагъ, чтобы повѣрить ихъ точность. Вы ихъ признали — и этого достаточно; остальное до васъ не касается.

Герцогъ съ гнѣвомъ смялъ бумаги, заходилъ большими шагами по комнатѣ. Потомъ зажегъ сигару, которую и не начиналъ курить, бросился въ кресла и страшно поблѣднѣлъ. Маркизь понялъ насколько тутъ страдало его самолюбнн, а, можетъ быть, и совѣсть.

— Успокойтесь, сказалъ онъ, обращаясь къ нему. Я чувствую всю вашу скорбь; увѣренъ, что она искренна и надѣюсь на будущее. Забудьте услугу, которую я дѣлаю для матушки еще болѣе, чѣмъ для васъ; но не забудьте, что все остальное принадлежитъ съ этихъ поръ ей одной. Подумайте, что для нашего счастья, она можетъ еще долго прожить, и что не надобно заставлять ее страдать. Прощайте, черезъ часъ я увижу васъ, чтобы уже окончательно все устроить.

— Да, да, оставьте меня одного, отвѣчалъ герцогъ: вы видите, что въ эту минуту я не въ состояннн отвѣчать вамъ.

Едва маркизь вышелъ, какъ герцогъ позвонилъ, не велѣлъ никого принимать, и снова, съ отчаяннымъ, волненннмъ началъ ходить по комнатѣ. Въ этотъ часъ онъ испытывалъ неминуемый и послѣдннн кризисъ своего поведеннн: до сихъ поръ, онъ пожиралъ свое собствен-

ное состояніе съ тою беззаботностію, которая происходила въ немъ отъ сознанія, что онъ вредитъ только самому себѣ. Онъ, такъ сказать, злоупотребилъ своимъ правомъ. Потомъ, шлоловину сознавая то что дѣлаетъ, онъ началъ пользоваться капиталомъ своей матери и кончилъ тѣмъ, что совершенно поглотилъ его и мало по малу свѣкся съ тою унижительною мыслью, что предоставлялъ брату обязанность поддерживать мать собственными его средствами. Скажемъ все, что досихъ поръ могло служить извнненіемъ герцогу. Онъ былъ страшно избалованъ. Въ сердцѣ матери было замѣтное предпочтеніе въ отношеніи его. Сама природа была пристрастна къ нему. Онъ былъ выше ростомъ, краснѣе, сильнѣе, и повидимому дѣятельнѣе брата, болѣе говорливый, болѣе ласковый, онъ съ самаго дѣтства казался всѣмъ и лучше, и милѣе. Долгое время болѣзненный и мрачный, маркизъ не обнаруживалъ никакой другой страсти, кромѣ страсти къ наукамъ и то, чтобы показалось огромнымъ преимуществомъ касательно плебей, было найдено страннымъ въ отношеніи аристократа. Наклонности этой болѣе противились, чѣмъ поощряли, и по этому самому она обратилась въ страсть, — страсть поглощающую и замкнутую, которая развила въ душѣ молодого человѣка сильную внутреннюю чувствительность и энтузіазмъ тѣмъ болѣе горячій, что онъ былъ сокрытъ въ самомъ себѣ.

Маркизъ былъ несравненно любяще своего брата, но слылъ за человѣка холоднаго, между тѣмъ какъ герцогъ, разговорчивый и общительный, не любя исключительно никого, долго считался за человѣка, обладающаго горячимъ сердцемъ. Эту пылкость характера, которая такъ долго служила для всѣхъ обманомъ, герцогъ наследовалъ отъ отца, и въ юности живость его манеръ очень безпокоила маркизу. Мы уже сказали, что послѣ смерти втораго своего мужа, маркиза была въ какомъ-то безумномъ состояніи, и что почти около года она боялась видѣть своихъ дѣтей. Когда эта нравственная болѣзнь уступила мѣсто естественному чувству, первымъ движеніемъ было сжать въ своихъ объятіяхъ сына своего возлюбленнаго супруга. Мальчикъ, удивленный и какъ бы испуганный горячими ласками, о которыхъ прежде и понятія не имѣлъ, заплакалъ, самъ не зная почему. Герцогъ же старѣе его тремя годами и болѣе пособный развлечся, ничего не замѣтилъ. Онъ отвѣчалъ поцѣлуями на поцѣлуи своей матери, и бѣдная женщина вообразила себѣ, что тотъ-то именно и наследовалъ ея сердце, тогда какъ маркизъ по я мнѣнію, походилъ на своего дѣдушку съ отцовской стороны, втораго ученаго, немного помѣшаннаго. И такъ въ душѣ она отдала предпочтеніе герцогу, и хотя заботилась и воспитывала ихъ одинаково, потому что въ сущности была женщина справедливая, о ласкала болѣе старшаго, думая, что онъ одинъ могъ оцѣнить ласки.

Маркизъ чувствовалъ это предпочтеніе, и страдалъ отъ него: но никогда не позволялъ онъ себѣ ни малѣйшей жалобы; можетъ быть, уже прежде зная своего брата, онъ не хотѣлъ вступать съ нимъ борбу

на такомъ суетномъ поприщѣ. Со временемъ, маркиза узнала, что ошиблась, и что судить о чувствахъ нужно было по дѣйствіямъ, а не по словамъ; но привычка баловать своего первенца была уже сдѣлана, а вскорѣ къ этой привычкѣ присоединилось нѣжное состраданіе къ заблужденіямъ, которыя, казалось, должны были привести баловня къ гибели. Въ то время, когда мы его описываемъ, въ душѣ его образовалось какое-то пустое пространство, вмѣсто совѣсти, но между тѣмъ совѣсть его была скорѣе отсутствующею, чѣмъ умершею. Были еще позвраты борьбы, болѣе рѣдкіе, болѣе краткіе, нежели въ молодости, но, можетъ быть, болѣе энергическіе, и борьба, которая на этотъ разъ происходила въ немъ, была такъ сильна, что онъ нѣсколько разъ накладывалъ свою руку на одно изъ роскошныхъ своихъ оружій, какъ будто бы его преслѣдовала мысль о самоубійствѣ, но воспоминаніе о матери заставляло его отталкивать отъ себя оружіе. Онъ запиралъ его и хватался обѣими руками за голову, какъ бы боясь сойти съ ума. Герцогъ всегда считалъ деньги за ничто и мать его, свою теорію благороднаго безкорыстія, помогла ему спуститься оттуда и дааѣе.

Однакожь онъ понялъ, что разоривъ свою мать, онъ переступилъ свое право; но ему всегда казалось, что все принадлежащее его матери, принадлежитъ и ему, между тѣмъ какъ въ отношеніи брата, самолюбіе подсказывало ему понятіе о *моемъ* и *моемъ*. Узнавъ, что беспорядочная жизнь его могла принести будущности маркиза огромный вредъ, и не видя никакихъ другихъ средствъ для исправленія своихъ ошибокъ, кромѣ тѣхъ, которыя запрещались ему строгостью нѣкоторыхъ принциповъ его матери, и собственнаго своего воспитанія, герцогъ чувствовалъ себя смертельно униженнымъ.

— Ну что? вскричалъ онъ, увидя входившаго маркиза, дѣло кажется кончено? Я по выраженію вашего лица вижу, что вы уже подписали!

— Да, отвѣчалъ Урбанъ; все улажено, и вамъ остается двѣнадцать тысячъ ливровъ годового дохода, которые я не велѣлъ включать въ ликвидацию.

— Мнѣ остается 12 тысячъ ливровъ?.. возразилъ Гастонъ, смотря ему прямо въ лицо. Нѣтъ! вы меня обманываете, у меня ничего не должно оставаться. Это вы, расплатившись за меня, назначаете еще мнѣ пенсію.

— Ну да, это я, отвѣчалъ маркизъ, потому что когданибудь мы должны же узнать, что не имѣете болѣе права продавать капиталъ.

Герцогъ, повидимому, ни на что еще не рѣшился; онъ сильно сжалъ свои руки и замолчалъ. Маркизъ съ усміемъ побѣдивъ въ себѣ свою обычную осторожность, сѣлъ подлѣ брата и, взявъ его сжатые руки, которыя тотъ не рѣшался протянуть къ нему, проговорилъ:

— Другъ мой, вы слишкомъ горды въ отношеніи меня. Развѣ вы не сдѣлали бы того же для меня, что я дѣлаю теперь для васъ?

Герцогъ почувствовалъ, что гордость его разбилась. Онъ заплакалъ.

— Нѣтъ! воскликнулъ онъ, крѣпко сжимая руки брата. Я никогда

бы не съумѣлъ, я никогда бы не могъ этого сдѣлать, такъ какъ мнѣ назначено только вредить всѣмъ, и никогда не имѣть счастья счастья когонибудь.

— По крайней мѣрѣ вы сознаетесь, что это пріятно, возразилъ Урбанъ. И потому пропущу васъ смотрѣть на меня, какъ на обязаннаго вами и возвращать мнѣ дружбу вашу, которая кажется совершенно исчезла между нами.

— Урбанъ! воскликнулъ герцогъ, ты говоришь о моей дружбѣ... Въ эту минуту я бы долженъ увѣрять тебя въ моей благодарности; но я не дѣлаю этого, потому что никогда не паду такъ низко, чтобы прикрывать себя лицемеріемъ. Знаешь ли, братъ, что до сихъ поръ я очень мало любилъ тебя?

— Да, я знаю, и объясняю это различіемъ нашихъ склонностей и нашихъ организаций: но неужели же настоящая минута не возбуждаетъ въ насъ большей любви?

— О, эта минута ужасна для меня! Это — минута твоего торжества и моего униженія. Скажи мнѣ, что, не будь матери, ты бы оставилъ меня погибнуть! Да, ты долженъ мнѣ это сказать, и я въ состояніи еще буду простить тебѣ то, что ты дѣлаешь для меня. Ты колеблешься; но какъ же ты требуешь, чтобы я сталъ любить тебя больше прежняго.

— Я знаю, отвѣчалъ печально маркизъ, что я не создамъ для того, чтобы быть любимымъ.

Слова эти окончательно побѣдили Герцога. Онъ бросился въ объятья брата.

— Прости меня! вскричалъ онъ, прости. Ты лучше меня, я уважаю тебя, удивляюсь тебѣ, я благоговѣю передъ тобой и знаю, и чувствую, что ты мой лучший другъ. Боже мой! Что бы такое возможно мнѣ было сдѣлать для тебя? Не любишь ли ты какую-нибудь женщину? не нужно ли убить ее мужа? Не хочешь ли, чтобы я съѣздилъ въ Китай за какой-нибудь драгоценной рукописью, въ какую-нибудь пагоду, рискуя попасть въ деревянный ошейникъ и испытать разныя другія наслажденія?

— Ты только и думаешь о расплатѣ, Гастовъ! Еслибъ ты хотя немного любилъ меня, то мы уже сто разъ бы поквитались съ тобой.

— Я люблю тебя! Люблю всею душою, отвѣчалъ герцогъ, крѣпко обнимая его, и видишь, я плачу какъ ребенокъ. Но и ты въ свою очередь не презирай меня, и хоть немного удѣли мнѣ своего уваженія. Я исправлюсь, я еще молодъ, чортъ возьми! Тридцать шесть лѣтъ еще не Богъ знаетъ какіе года, не все погибло! Развѣ только не много поистратилось. Но я остепенюсь... тѣмъ болѣе, что это теперь необходимо для меня! Я запасусь новымъ здоровьемъ, новой молодостью. Я поѣду вмѣстѣ съ матушкой, съ тобою въ деревню; я буду рассказывать вамъ разныя исторіи, я буду смѣяться. Но помоги же мнѣ строить всѣ эти планы, поддержи меня, полюби меня, утѣшь, потому что, наконецъ, я самъ не знаю, что со мною; но я чувствую, что я очень несчастенъ!

— Одѣвайся, сказалъ ему на это маркизь, и поѣдемъ завтракать со мной. Мы поболтаемъ и попробуемъ строить воздушные замки. Мнѣ, можетъ быть, удастся доказать тебѣ, что въ нѣкоторыхъ положеніяхъ люди начинаютъ именно богатѣть въ тотъ день, когда дѣлаются бѣдными.

V.

Маркизь увезъ брата въ Вулонскій лѣсъ, который въ то время и былъ еще роскошнымъ англійскимъ садомъ, но прелестной рощей, полной тѣни и мечтательности. Были первые дни апрѣля; время было великолѣпно; дуга покрывались фіалками, тысячи рѣзвыхъ синичекъ чирикали вокругъ молодыхъ побѣговъ, между тѣмъ какъ желтѣнкіе мотыльки, предвѣстники первыхъ красныхъ дней, своей формой, цвѣтомъ, и нерѣшительнымъ полетомъ казались молоденькими листочками, колеблемыми вѣтеркомъ. Самъ маркизь почти никогда не обѣдалъ въ гастрономическомъ значеніи этого слова. Ему обыкновенно подавалось нѣсколько совершенно простыхъ блюдъ, которыя онъ наскоро глоталъ, не отрывая главъ отъ книги, лежащей подлѣ него. Эта привычка умѣренности очень кстати согласовалась съ закономъ строжайшей экономіи, которая необходима была для того, чтобы столъ его матери былъ сервированъ съ нѣкоторой изысканностью и потому, для своего собственнаго, онъ не позволялъ себѣ ни малѣйшаго излишества.

Желая скрыть это отъ брата, онъ увелъ его въ одинъ изъ павильоновъ и заказалъ тамъ довольно комфортабельный завтракъ, утѣшая себя тѣмъ, что пополнить этотъ расхоль, отказывая себѣ въ покупкѣ нѣкоторыхъ книгъ.

Герцогъ, все еще блѣдный и нервически раздраженный, мало по малу овравился отъ весенняго воздуха, который свободно входилъ въ растворенное окно. Хорошій завтракъ возстановилъ равновѣсіе въ его силахъ, потому что это была натура сильная, неспособная къ лишеніямъ, и мать его, имѣвшая нѣкоторую претензію принадлежать къ прежде царствующей фамиліи, съ нѣкоторою гордостью говорила, что герцогъ наследовалъ прекрасный аппетитъ Вурбоновъ.

Черезъ часъ времени герцогъ сдѣлался удивительно какъ милъ въ отношеніи своего брата, т. е. въ первый разъ въ жизни, онъ былъ также любезенъ и откровененъ съ нимъ, какимъ онъ былъ со всѣми. Эти два человека, можетъ быть, иногда и угадывали другъ друга, но никогда не понимали вполне, и серьезно другъ о другѣ не думали: маркизь—изъ осторожности, а герцогъ—изъ равнодушія. Но въ эту минуту герцогъ искренно почувствовалъ необходимость узнать человека, который спасъ его честь и упрочивалъ его будущность.

Онъ разговорился съ нимъ съ тою откровенностью и участіемъ, котораго никогда не существовало между нами.

— Объясни мнѣ, пожалуйста, твое счастье, потому что ты тоже счастливъ, спрашивалъ онъ брата, по крайней мѣрѣ я никогда не слышалъ, чтобы ты жаловался на что нибудь.

Отвѣтъ маркиза страшно удивилъ его.

— Я не могу объяснить тебѣ этого ничѣмъ, какъ моею преданностью къ матушкѣ и моею любовью къ наукамъ, потому что счастья я никогда не имѣлъ, и не буду имѣть никогда. Можетъ быть, теперь я бы и не то долженъ былъ говорить тебѣ, чтобы привязать тебя къ жизни тихой и уединенной; но я счелъ бы за преступленіе быть неоткровеннымъ съ тобой и, кромѣ того, я не хочу представлять тебѣ изъ себя олицетворенной добродѣтели, хоть ты и обвиняешь меня въ этомъ недостаткѣ.

— Точно, я былъ неправъ. теперь я это вижу! Но какимъ образомъ и почему ты несчастливъ, мой бѣдный Урбанъ? Можешь ли ты мнѣ это сказать?

— Могу. Я любилъ.

— Ты? ты любилъ? Но когда же это?

— О, ужь это было давно, и я долго любилъ.

— А теперь,—ты болѣе не любишь?

— Та, которую я любилъ, уже не существуетъ болѣе.

— Она была замужняя женщина?

— Да, и мужъ ея еще живъ. Ты позволяешь мнѣ не называть ея имени.

— Это было было бы совершенно бесполезно, но... ты вѣдь утѣшишься, неправда ли?

— Я рѣшительно этого не знаю. До сихъ поръ я еще не успѣлъ въ этомъ.

— Давно ли она умерла?

— Три года.

— И она очень тебя любила?

— Нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?

— Она любила меня на столько, на сколько можетъ любить женщина, которая не должна и не хочетъ разорвать союзъ свой съ мужемъ.

— Но это не резонъ! напротивъ того препятствія раздражаютъ страсть.

— Но также и сдерживаютъ ее! Она устала обманывать, а въ слѣдствіе этого и страдать. Она не разрывала связи со мною единственно изъ боязни привести меня въ отчаяніе, а у меня недоставало мужества на то, и она умерла съ горя... по моей винѣ!

— Ты тутъ что-то такое выдумываешь, чтобы терзать себя?...

— Я тутъ ничего не выдумываю и горю моему ничѣмъ пособить, точно такъ же какъ и проступку моему нѣтъ извиненій. Ты это сейчасъ увидишь. Въ одинъ изъ тѣхъ припадковъ страсти, когда, вопреки людямъ и самому Богу, мы желаемъ овладѣть своимъ любимымъ предметомъ, она сбѣлалась матерью, и подарила мнѣ сына, котораго я похитилъ, скрылъ и который существуетъ и теперь; но, не желая возбудить подозрѣній, она на другой же день послѣ родовъ снова явилась въ свѣтъ. Не смотря на пожирившую ее лихорадку, она ходила, разговаривала, и, какъ всегда, была прекрасна и рѣзвела; но черезъ двадцать четыре часа послѣ того ея уже не

было въ живыхъ! Никто никогда не зналъ этого. Не считали женщиной самой строгой нравственности...

— Я знаю кто это! Это м-ме Ж...

— Да! Но тебѣ одному только известна эта тайна?

— О, будь покоенъ! А матушка не знаетъ этого?...

— Она даже и не подозрѣваетъ ничего.

Герцогъ замолчалъ на мигъ, потомъ продолжалъ со вздохомъ.

— Бѣдный братъ! и этотъ ребенокъ, который существуетъ и котораго ты вѣроятно любишь...

— О! конечно.

— Я и его тоже раззорилъ!

— Что жъ такое? Липъ бы было чѣмъ выучить его трудиться и сдѣлать изъ него человѣка, — вотъ все, что я для него желаю. Миѣ никогда нельзя будетъ открыто признать его моимъ сыномъ и только по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, я хочу взять его къ себѣ. Онъ очень слабого здоровья; и я отдалъ его однимъ крестьянамъ, чтобы они воспитали его въ деревнѣ. Ему необходимо запастись физическими силами, которыхъ у него весьма мало. Кроме того, одно неосторожное слово доктора, сказанное имъ при кончинѣ матери, заставило г-на Ж... подозрѣвать истину, и потому я не долженъ имѣть при себѣ ребенка, лѣта котораго совпадали бы съ этимъ роковымъ происшествіемъ. Видишь Гастонъ, что я не могу быть счастливымъ!

— И въ слѣдствіе этой самой страсти ты до сихъ поръ и не женился?

— Я никогда и не женюсь; я поклялся въ томъ.

— Ну а теперь надо бы объ этомъ подумать.

— Не ты ли хочешь проповѣдывать миѣ о бракѣ?

— Да я, а почему же нѣтъ? Я нисколько не презираю брака, какъ ты это думаешь. Я высказывалъ мою антипатію къ нему только для того, чтобы избавить себя отъ труда искать жены въ тотъ возрастъ, когда могъ еще выбирать! Но съ тѣхъ поръ, какъ я раззорился, это сдѣлалось еще болѣе невозможно. Я буду самаго дурнаго миѣнія о той дѣвушкѣ или вдовѣ, которая, имѣя хотя малѣйшее состояніе или имя, захочетъ выйти за меня замужъ. Меня ничто не разувѣритъ въ томъ, что она бы не имѣла какой нибудь глубоко-темной причины, рѣшившись взять себѣ въ мужа такого негодяя, какъ я. Что же касается до тебя, Урбанъ, то твое положеніе совершенно другое. Я причиною тому, что ты теперь не такъ богатъ и, можетъ быть, даже бѣденъ! Но это ничего не отнимаетъ отъ твоихъ личныхъ достоинствъ; напротивъ того, они должны еще болѣе выиграть въ глазахъ всякаго, кто только узнаетъ причину твоей бѣдности. И потому нѣтъ ничего естественнѣе, что молодая, прекрасная, благородная и богатая дѣвушка полюбитъ и прѣвѣнется къ тебѣ. Я даже думаю, что тебѣ стоитъ только захотѣть и показаться въ свѣтъ.

— Я умѣю выказывать себя только съ невыгодной стороны. Свѣтъ парализуетъ меня, а моя известность, какъ ученаго человѣка, болѣе вредитъ миѣ. Свѣтъ не понимаетъ, какимъ образомъ человѣкъ, рожденный для свѣта, можетъ ему предпочитать что либо. И по-

томъ еще скажу тебѣ, мнѣ невозможно и желать любви: у меня такъ тяжело и мрачно на сердцѣ.

— Зачѣмъ же такъ долго оплакивать женщину, которая не умѣла быть счастлива твоей любовью?

— Но я любилъ ее. Можетъ быть, даже, что въ ней я любилъ свою собственную любовь. Я не изъ тѣхъ живучихъ натуръ, которыя раздвѣтаютъ съ каждою весной. Все во мнѣ страшнымъ образомъ оставляетъ свои слѣды.

— Ты слишкомъ много читаешь, слишкомъ много размышляешь!

— Можетъ быть! Поѣдемъ въ деревню, братъ, ты мнѣ обѣщаль это, ты поможешь мнѣ, ты сбѣлаешь мнѣ большое добро... Поѣдешь? Да? мнѣ необходимо имѣть друга, а у меня нѣтъ его. Нѣмая страсть поглотила всю жизнь мою. Твоя любовь заставитъ помолодѣть меня.

Герцогъ былъ живо тронутъ чистосердечною и кроткою откровенностью брата. Онъ ожидалъ встрѣтить наставленія, совѣты, утѣшенія, которые бы ему приходилось выслушивать, какъ человѣку слабому въ присутствіи сильнаго; но вышло совершенно наоборотъ. Урбанъ обращался къ нему, прося у него и силы и сожалѣнія.

Въ продолженіи всего этого времени маркиза была очень встревожена. Она боялась сопротивленія со стороны Урбана, когда онъ узнаетъ цифру братнивыхъ долговъ. Какъ ни высоко она его ставила, но все таки не предвидѣла до чего могло дойти его безкорыстіе. Не получивъ его обычнаго утреняго визита, она не на шутку начала уже тревожиться, когда къ самому обѣду увидѣла ихъ входящими вмѣстѣ. Лица ихъ сіяли какимъ-то трогательнымъ спокойствіемъ, по которому она угадала все происшедшее; но какъ въ заглѣ еще были нѣкоторые посѣтители, въ присутствіи которыхъ она не могла распросить ихъ, то ею снова овладѣлъ страхъ, и она увѣрила себя, что ошибалась, и что ни тотъ, ни другой не знали еще настоящаго положенія.

Но за столомъ она замѣтила, что они говорили другъ другу ты. Тутъ ужъ она все поняла, и, не желая выказать своего волненія въ присутствіи постороннихъ, притворилась веселою, чтобы скрыть свою радость, между тѣмъ, какъ крупныя слезы умиленія текли по улыбающимся уявдшимъ щекамъ ея. Каролина замѣтила эти слезы въ одно время съ маркизомъ и безпокойный взоръ ея прямо обратился къ нему, какъ бы спрашивая его—радость или горе скрывала маркиза. Маркизъ, чтобы успокоить ее, отвѣчалъ ей тоже взглядомъ, и герцогъ, замѣтившій этотъ быстрый и нѣмой разговоръ, улыбнулся добродушно—лукавой улыбкой. Но ни Каролина ни маркизъ не обратили вниманіе на эту улыбку. За десертомъ, когда лакенъ выплыл, разговоръ сбѣлся интимно. Каролина застѣнчиво обратилась къ маркизъ, спрашивая ее, не отстали ли часы?

— Вѣтъ еще, нѣтъ, мое милое дитя! отвѣчала добродушно старуха.

Каролина поняла, что ей слѣдовало остаться, пока не встанутъ икъ изъ-за стола.

— И такъ, друзья мои, начала маркиза, обращаясь къ своимъ иновьямъ, вы завтракали *tête à tête* въ Булоньскомъ лѣсу?

— Какъ Орестъ и Пилладъ, отвѣчалъ герцогъ, и вы не можете себя вообразить, любезная матушка, какъ это было хорошо! И потому я сдѣлалъ безшолобное открытіе: я узналъ, что у меня удивительно превосходный братъ! О! это названіе кажется вамъ слишкомъ пустымъ, когда оно относится къ Урбану; но я употребляю это слово не въ легкомъ его значеніи! Прелесть ума бываетъ иногда и прелестью сердца, а братъ мой обладаетъ тѣмъ и другимъ.

Маркиза снова улыбнулась, но вскорѣ задумалась, какъ будто какое облако пронеслось надъ ея душою.

— Гастону не должно бы быть легко согласиться на жертву брата, думала она; но онъ слишкомъ спокоенъ, кажется, принимаетъ это. Неужели-же онъ такъ ужъ низко упалъ!

Урбанъ замѣтилъ облако, набѣжавшее на лицо матери, и попытался расставить его.

— Что касается до меня, началъ онъ съ добродушной веселостью, обращаясь къ маркизѣ, то я не буду говорить, что братъ мой превосходитъ меня въ любезности; это уже достаточно доказано; но скажу только, что и я тоже сдѣлалъ открытіе, а именно, я узналъ, что онъ обладаетъ глубоко серьезнымъ умомъ и безконечнымъ уваженіемъ ко всему истинному. Да, прибавилъ онъ, истиннѣе отвѣчая на глубоко удивленный взглядъ Каролины, въ немъ есть неподдѣльная сердечная чистота, которой никто не подозреваетъ, и которую я еще недостаточно хорошо оцѣнилъ.

— Милые мои, проговорила маркиза, вы доставляете мнѣ большое удовольствіе, говоря такимъ образомъ другъ о другѣ; вы затронули мое самолюбіе за самую чувствительную его струну, и я совершенно готова вѣрить тому, что вы оба правы.

— Если вы такъ обо мнѣ думаете, то это только потому, что вы лучшая изъ матерей, — возразилъ герцогъ, — во въ этомъ случаѣ вы ослѣплены: я рѣшительно никуда не гожусь, и печальная улыбка м-де Сень-Жовоксъ достаточно говоритъ, что вы ошибаетесь такъ же, какъ и братъ.

— Кто это? Я улыбаюсь! — вскричала изумленная Каролина; — я печальна? говорите вы: но я готова поклясться, что все это время я смотрѣла на этого графиня и размышляла о достоинствѣ божескаго стекла.

— Не надѣйтесь увѣрить насъ, что ваши мысли постоянно заняты хозяйственными заботами, позразилъ герцогъ. Я увѣренъ, что они несутся несравненно выше области всевозможныхъ графинь, и что вы умѣете судить и о людяхъ и о вещахъ.

— Я не позволяю себѣ ни о комъ судить.

— Тѣмъ хуже для тѣхъ, которые не удостоились вашего суда. Они бы только выиграли, узнавъ его, какъ бы ни былъ онъ строгъ. Напримѣръ я: я очень люблю, когда обо мнѣ судятъ женщины; я лучше желаю слышать изъ ихъ ротика откровенный приговоръ, нежели встрѣтить молчаніе, происходящее отъ презрѣнія или недовѣрія. Я смотрю на женщинъ какъ на единственные существа, способныя на самомъ дѣлѣ оцѣнить наши недостатки или наши достоинства.

— Но, маркиза, проговорила Каролина, обращаясь къ г-жѣ де Вильверъ, съ забавно отчаяннымъ видомъ, скажите же герцогу, что я рѣшительно не имѣю чести его знать, и что я здѣсь совсѣмъ не для того, чтобы продолжать въ моей головѣ портреты La Bruyère!

— Милое дитя мое, отвѣчала маркиза, вы здѣсь для того, чтобы занять мѣсто моей пріемной дочери, которой все позволено, потому что знаютъ ее за удивительно благоразумную и скромную дѣвушку. Не стѣсняйтесь же отвѣчать моему сыну, и не тревожьтесь его дружескими придирками. Ему такъ же, какъ и мнѣ, очень хорошо известно кто вы такіа, и онъ никогда не позволитъ себѣ уклониться отъ должнаго къ вамъ уваженія.

— На этотъ разъ, матушка, я принимаю вашъ комплиментъ, отвѣчалъ герцогъ съ полною откровенностью. Я чувствую глубокое уваженіе къ каждой женщинѣ чистой, великодушной и преданной, а въ сѣбѣствіе этаго и къ m-Ne де Сентъ-Женексъ въ особенности.

При этомъ Каролина не покраснѣла и не поблагодарила его, какъ какая нибудь жеманная гувернантка. Она прямо взглянула герцогу въ глаза и, увидя, что онъ не насмѣхается надъ ней, ласково отвѣчала ему.

— Почему же, герцогъ, имѣя такое великодушное обо мнѣ мнѣніе, вы предполагаете, что я могу возволить себѣ дурно думать объ васъ?

— А! у меня есть свои причины на это, отвѣчалъ герцогъ. Я ихъ скажу вамъ тогда, какъ вы узнаете меня покороче.

— Но почему же не теперь? проговорила маркиза, это было бы гораздо лучше.

— Извольте! возразилъ герцогъ. Это цѣлый анекдотъ. Слушайте же. Третьяго дня я сидѣлъ одинъ въ вашемъ салонѣ, дожидаясь вашего прихода туда, любезная матушка. Я мечталъ тамъ въ уголку и наслаждался, сидя на одной изъ вашихъ мягкихъ козетокъ.... Утромъ я объѣзжалъ бѣшеную лошадь и потому усталъ какъ быкъ. Я сидѣлъ и думалъ объ участи мягкой шелковой мебели вообще, точь въ точь какъ m-Ne де Сентъ-Женексъ размышляла объ участи богемскихъ графиневъ. Разсуждая такимъ образомъ, я говорилъ: какъ бы удивились эти диваны и кресла, еслибъ они вдругъ очутились въ конюшнѣ или въ хлѣву! и какъ эти красивыя дамы въ атласныхъ платьяхъ, которыя скоро наполнятъ эту залу, какъ бы онѣ смутились, если-бы вмѣсто этихъ покойныхъ стульевъ наши здѣсь одну подстилку?

— Но твои мечты не имѣли никакого здраваго смысла, проговорила смѣясь маркиза.

— Правда, возразилъ герцогъ, это были мысли человѣка выпившаго.

— Что это такое ты говоришь, Гастонъ?

— Ничего неприличнаго, любезная матушка! Я хочу сказать, что, возвратившись домой, я чувствовалъ смертельный голодъ и жажду. Я былъ весь разбитъ и какъ бы опянѣлъ отъ воздуха; но вы знаете, что вода вредна мнѣ. Не могъ же я не утолить мучившей меня жажды, а утоливъ ее, я совсѣмъ опянѣлъ, вотъ и все! Вамъ

известно тоже и то, что я пьянью всего на какое нибудь четверть часа, и что въ это время я умѣю держать себя тихо. Вотъ почему вмѣсто того, чтобы прійти къ вашему десерту и поцѣловать вашу ручку, я проскользнулъ въ залу, желая тамъ немного принаести въ порядокъ свои мысли.

— Ну, оставь же теперь свои запутанныя мысли, и говори скорѣе о чемъ началъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, проговорилъ герцогъ. Начиная снова свой рассказъ, онъ немного услаженно глоталъ свои слювы, такъ что Каролинѣ показалось, что онъ находился именно въ томъ состояніи ума, о которомъ только что говорилъ. Однако онъ очень скоро побѣдилъ маленькій беспорядокъ своихъ мыслей и очень ловко продолжалъ свой рассказъ.

— Итакъ я былъ въ мечтательномъ расположеніи духа, но не чувствовалъ ни малѣйшаго одуренія отъ вина; напротивъ того, у меня были даже очень поэтическія видѣнія. Изъ соломенной подстилки, разосланной мнѣ въ воображеніи на паркетъ, возставали передо мной тысячи причудливыхъ фигуръ. Тутъ все были женщины, одни разряженныя, какъ бы для стариннаго придворнаго бала, другія для фламандскаго Kermesse; одни путались въ своихъ фишкахъ и кружевахъ, съ трудомъ переступая по свѣжей соломѣ, которая царапала ихъ хорошенькія ножки; другія же, въ коротенькихъ юбкахъ, въ толстыхъ сабо, смѣло ступали по ней и отъ души смѣялись надъ гримасами первыхъ. Эта сторона картины была, какъ говорится о картинахъ Рубенса, праздыкомъ плоти. Широкія руки, румяныя щеки, могучія плечи, носы весьма замѣтные на цѣлующихъ лицахъ, у всѣхъ восхитительные глаза и мягко атласные члены, — какъ у вашихъ кресель, которыя вѣроятно и были предметомъ этого магическаго превращенія; иначе я не могу объяснить себѣ начало моихъ видѣній.

Всѣ эти роскошныя маріонетки отъ души веселились и до того прыгали и скакали, что даже стеклышки на канделябрахъ звенѣли. Нѣкоторыя изъ нихъ падали и, катаясь по соломѣ, поднимались потомъ съ головою покрытою пустыми колосьями, запутавшимися въ золотистыхъ волосахъ ихъ.

Напротивъ того, великолѣпныя дамы старались начать какой-то скромный танецъ, который, однако, никакъ имъ не давался. Пучки соломы цѣплялись за фальбалы ихъ платья, румяны исчезали отъ духоты атмосферы, пудра скатывалась съ плечъ и обнаруживала худобу ихъ контуровъ; смертельная тоска видѣлась въ выразительныхъ ихъ глазахъ. Онѣ, очевидно, страшились, чтобы явившееся солнце не озарило ихъ поддѣльныхъ прелестей и съ яростью видѣли, что дѣйствительность жизни готова восторжествовать надъ ними.

— Но скажи мнѣ, пожалуйста, Гастонъ, къ чему ты все это ведешь, возразила маркиза, и что все это значитъ? Ужь не имѣешь ли ты намѣренія сочинять панегирики женщинамъ съ мужскими хватками?

— Я рѣшительно не имѣю никакого шамбрениа, а только рассказываю, отвѣчалъ герцогъ. Тутъ ничего нѣтъ вымышленнаго; я находилса подѣ властью видѣній и не знаю къ какаго рода размышлениямъ они бы привели меня,—какъ вдругъ, возлѣ себя я слышала голосъ женщины, которая пѣла...

Тутъ Гастонъ очень пріятно пропѣлъ простонародную пѣсню, голосъ которой онъ вѣрно удержалъ въ памяти. При этомъ Каролина разсмѣялась, узнавъ въ ней ту самую пѣсню, которую она пѣла, входя въ салонъ и не замѣчая еще присутствія герцога.

— Тутъ я очулся и видѣнія мои совершенно исчезли, продолжалъ герцогъ, мягкія кресла съ деревянными ножками перестали быть дѣвухами въ сабо; высокіе канделябры съ пузатыми фарфоровыми пьедесталами уже не казались мнѣ худыми дамами въ фижмахъ. Я точно былъ одинъ въ освѣщенной залѣ, и чувствовалъ себя въ полномъ сознаніи; однакожъ не переставалъ слышать голосъ, который напѣвалъ эту деревенскую пѣсенку съ такимъ вѣрнымъ простонароднымъ напѣвомъ, такъ мило, такимъ свѣжимъ звонкимъ голосомъ, о которомъ мой навѣрное не далъ вамъ ни малѣйшаго понятія.

— Вотъ тебѣ на! вскричалъ я про себя, крестьянка! крестьянка въ салонѣ моей матери! И я притаился, ожидая повленія крестьянки, которую и не замедлилъ увидѣть. Она два раза торопливо прошла передо мною, не видя меня и почти касаясь меня складками своего шелковаго *gris de perle* платья.

— А! проговорила маркиза, такъ это, значитъ; была Каролина?

— Это была какая-то незнакомка, возразилъ герцогъ, какая-то чудная крестьянка, потому что одѣта она была очень скромно, какъ прилично женщинѣ лучшаго тона. Бѣлокурые волосы, чуднымъ ореоломъ украшали ея головку, плечи и руки ея были закрыты, но я не могъ не замѣтить бѣлосвѣжной шейки, маленькоіи ручки, а также и ножки, потому что на ней не было деревянныхъ сабо. Каролина, соскучившись слушать описаніе своей особы изъ устъ такого отъявленнаго Ловеласа, взглянула на маркиза, какъ бы протестуя противъ этого;—но она очень была удивлена, замѣтивъ что лицо его выражало какое-то безпокойство и что слегка сдвинувъ брови, онъ старательно избѣгалъ ея взора.

Между тѣмъ герцогъ, отъ котораго ничего не могло укрыться, продолжалъ далѣе.

— Это прелестное видѣніе тѣмъ болѣе поразило меня, что въ моихъ глазахъ соединяло въ себѣ типъ моихъ исчезнувшихъ призраковъ, т. е., что оно сохраняло достоинство того и другого: благородство линий и свѣжесть тоновъ, нѣжность чертъ и блескъ здоровья. Это была королева и пастушка въ одно и тоже время.

— Вотъ портретъ, который рѣшительно не прикрашенъ лестью, проговорила маркиза, и, сдѣланный въ присутствіи самаго лица, кажется, лишонъ еще нѣкоторой легкости въ кисти. Но скажи мнѣ, мой милый, можетъ быть ты все еще немного того... въ возбужденномъ состояніи?

— Вы приказали мнѣ говорить, возразилъ герцогъ. Если я говорю лишнее... то велите мнѣ замолчать.

— Нѣтъ! воскликнула съ живостью Каролина, видѣвшая какую-то подозрительную сухость на лицѣ маркиза и не желавшая оставлять въ неясности свое первое свиданіе съ герцогомъ. Я жду, чтобы герцогъ заставилъ нарисованный имъ портретъ немножко поговорить.

— О, у меня чудесная память, и я ничего не выдумую, возразилъ герцогъ. Увлеченный какою-то мгновенной непоколебимой симпатіей, я началъ разговоръ съ этой деревенской дѣвушкой. Въ голость, взгляды ея ясные и откровенные отвѣты, ея добродушный видъ, видъ неподдѣльной невинности, невинности сердечной, до того овладѣли мной, что я черезъ пять же минутъ высказалъ ей мое почтеніе и уваженіе, какъ будто бы зналъ ее во всю свою жизнь, и въ свою очередь гордился ея уваженіемъ, какъ будто бы она была моя родная сестра. Что скажете вы теперь м-ле де-Сенъ-Женексъ, справедливо ли я говорю на этотъ разъ?

— Я ничего не знаю о вашихъ интимныхъ чувствахъ, герцогъ, отвѣчала Каролина, но я нашла васъ такимъ пріятнымъ, что мнѣ и въ голову не пришло, чтобы вы могли быть въ то время выпивши, и я была очень благодарна вамъ за вашу благосклонный пріѣтъ. Теперь я вижу, что надобно отказаться отъ него, и что во всемъ этомъ было больше ироніи, чѣмъ истины.

— А отъ чего вы это видите, позвольте васъ спросить?

— Изъ преувеличенныхъ похвалъ, которыми, кажется, стараются возбудить мое самолюбіе; но я буду защищаться, герцогъ, и съ вашей стороны, можетъ быть, было бы гораздо великодушнѣе не начинать атаки противъ такой безвредной и ничтожной личности, какъ я.

— Вотъ тебѣ разъ! проговорилъ герцогъ, обращаясь къ брату, который, казалось, размышлялъ совершенно о другомъ, но который въ тоже время какъ бы невольно все слышалъ; м-ле де Сенъ-Женексъ подозрѣваетъ меня и считаетъ мое уваженіе за оскорбленіе! Что же это значитъ, маркизъ! ужь не насказалъ ли ты ей чего нибудь дурнаго обо мнѣ?

— У меня нѣтъ этой привычки, отвѣчалъ маркизъ съ кротостью.

— Ну такъ я знаю же, кто уронилъ меня во мнѣніи м-ле де-Сенъ-Женексъ, возразилъ герцогъ. Это дѣло старушки съ сѣдыми волосами, съ голубоватымъ отливомъ грифельной доски, у которой руки такъ худы, что каждое утро надо искасть въ сору ея кольца. Она прошлый вечеръ съ четверть часа говорила обо мнѣ м-ле де-Сенъ-Женексъ, и когда я послѣ того искалъ того добраго взгляда, отъ котораго помолодѣло мое сердце, то уже не нашолъ его больше, равно какъ не нахожу его и теперь. Видишь, маркизъ, что тутъ нѣтъ никакихъ средствъ. Но скажи, пожалуйста, почему ты молчишь теперь. Почему ты не хочешь замолвить словечка въ мою пользу? ты вѣдь сейчасъ хвалилъ меня, а м-ле де-Сенъ-Женексъ, кажется, довѣряетъ тебѣ!

— Вы когда нибудь въ другой разъ окончите вашъ споръ, — преро-

ворила маркиза, а теперь мнѣ надобно еще одѣться и поговорить съ вами, пока нѣтъ никого кто бы могъ помѣшать намъ. Можетъ быть часы отстаютъ на нѣсколько минутъ...

— Мнѣ кажется даже, что они очень отстаютъ, проговорила Каролина вставая. И предоставивъ маркизу и герцогу довести мать до ея комнаты, сама торопливо прошла въ салонъ. Она ожидала уже найти тамъ много гостей, потому что обѣдъ длился долѣе обыкновеннаго, но въ залѣ еще никого не было, и вмѣсто того, что бы весело обѣжать ее, Каролина, задумавшись, сѣла у каминна.

VI.

Каролина вопреки самой себѣ начинала находить что-то оскорбительное въ своемъ положеніи. Она старалась не думать о занимаемой ею должности, очень схожей съ должностью горничной, которую она такъ героически приняла на себя. Никто менѣе ея не способенъ былъ на это уничтоженіе собственной воли. Она чувствовала себя оскорбленною настойчивыгъ или притворнымъ вниманіемъ, которое оказывалъ ей герцогъ д'Алерія, и въ тоже время видѣла себя принужденною скрывать свое нетерпѣніе и презрѣніе.

— Въ бѣдномъ жилищѣ моей сестры я бы не была принуждена слышать комплименты этого господина, говорила она сама себѣ. Я бы однимъ словомъ заставила его замолчать. Онъ бы счелъ меня за жеманницу, но мнѣ бы было все равно. Его бы прогнали и все было бы кончено. Здѣсь же я должна быть весела и прилична, какъ свѣтская женщина, должна принимать все съ легкой стороны, и не находить ничего оскорбительнаго въ любезностяхъ погибшаго чловѣка. Мнѣ необходимо принять топъ тѣхъ женщинъ, о которыхъ подумать страшно; если я буду слишкомъ груба,—что обыкновенно бываетъ со мною, вслѣдствіи моей откровенности,—герцогъ разсердится, и чтобы отомстить мнѣ, а можетъ быть даже для того, чтобы меня прогнать изъ дома, онъ наклевететъ на меня. Прогнать? Чтожъ, въ моемъ положеніи, очень можетъ случиться, что посредствомъ какихъ нибудь козней меня уволятъ, ни болѣе ни менѣе, какъ какую нибудь служанку. Вотъ опасности и оскорбленія, которыми я подвергаюсь. Напрасно я пріѣхала сюда. Г-жа д'Аргляль ничего не сказала мнѣ о герцогѣ, и я сочла возможнымъ то, что рѣшительно невозможно. Каролина была рѣшительнаго характера. Едва ей пришла мысль оставить этотъ домъ, какъ она тотчасъ же принялась отыскивать средства, которыми бы могла обезпечить существованіе сестры. Она получила отъ маркизы впередъ часть своего жалованья, и ей пужно было найти денегъ, для уплаты этого долга, въ случаѣ если обращеніе герцога не позволитъ ей захитъ ту небольшую сумму, которую она выслала Камиллѣ. Тутъ она вспомнила о предложеніи кормилицы, письмо которой съ утра еще лежало у нея въ карманѣ. Она еще разъ перечла это чистосердечное и родственное письмо и, не могла удержаться, чтобы не заплакать. Въ это время вошелъ маркизь и засталъ ее въ слезахъ. Она сложила письмо и

Безъ малѣйшей аффектаціи положила его въ карманъ, не стараясь веселымъ видомъ скрывать своего волненія. Тѣмъ не менѣе, она замѣтила какой-то оттѣнокъ вронін на лицѣ де Вильмера, обыкновенно — столь добродушномъ. Она взглянула на него, какъ бы спрашивая — надѣ кѣмъ онъ хочетъ посмѣяться; это смутило его немного, такъ что онъ не наполю что сказать, и кончилъ тѣмъ, что просто на-просто спросилъ ее:

— Вы плакали?

— Да, отвѣчала она, но никакъ не отъ огорченія.

— Вы получили пріятную вѣсть.

— Нѣтъ, я получила доказательство дружбы.

— Вы должны ихъ часто получать!

— Да, но есть доказательства болѣе или менѣе искреннія.

— Вы сегодня какъ будто бы сомнѣваетесь. Вы не всегда такъ недоувѣрчивы?

— Нѣтъ, не всегда; я, напротивъ того, очень довѣрчива отъ природы. А вы, маркизъ, какъ?

Урбанъ всегда бывалъ немного встревоженъ, когда къ нему обращался прямо.

— Я... отвѣчалъ онъ, послѣ мнутаго колебанія, я не знаю. Мнѣ очень трудно сказать, что я такое... особенно въ настоящую минуту!

— Да, маркизъ, мнѣ кажется, что вы тѣмъ-то озабочены, возражала Каролина, не трудитесь же отвѣчать мнѣ.

— Извините меня! Я хочу, я бы желалъ говорить, съ вами; но это очень щекотли вий предметъ, и я не знаю, какъ взяться за него.

— Въ самомъ дѣлѣ? Это меня пугаетъ немного... Однако мнѣ кажется, для меня бы было полезно узнать, что именно вы думаете въ эту минуту.

— Да!... вапа правда. Итакъ скорѣе же, потому что съ минуты на минуту могутъ наѣхать гости. Надѣюсь, что мнѣ не нужно говорить вамъ много для того, чтобы вы поняли меня. Я люблю брата; особенно съ сегодняшняго дня я полюбилъ его съ нѣжностью. Я увѣренъ въ его искренности; но у него удивительно живое воображеніе... вы замѣтили это. Наконецъ... если онъ слишкомъ настойчиво будетъ разувѣрять васъ въ предубѣжденіи противъ него котораго вы, можетъ быть, и не имѣете, и котораго, онъ во всякомъ случаѣ; заслуживаетъ только до нѣкоторой степени, то я совѣтую вамъ прямо обратиться къ матушкѣ, и только къ ней одной. Не считайте меня страннымъ или нескромнымъ за то, что я осмѣливаюсь давать вамъ странныя или нескромныя за то, что я осмѣливаюсь давать вамъ странныя: я чувствую такую потребность видѣть матушку счастливою, а теперь я ясно вижу, какъ вы много способствуете къ ея счастью: общество умной и достойной особы необходимо для нея и я почти увѣренъ, что ей рѣшительно невозможно будетъ замѣнить васъ другою, такъ что если-бъ я могъ рассчитывать, что вы счастливы и довольны подлѣ нея, то желалъ бы увѣрить себя, что вы никогда не оставите ее. Вотъ единственная причина, почему я теперь такъ озабоченъ.

— Благодарю васъ, маркизъ, за это объясненіе, отвѣчала Каролина. Признаюсь, понимая благородство вашей души и почти на вѣрное ожидала, что вы не замедлите меня удостоить имъ.

— Но благородству души моей?... но все объясненіе мое въ томъ только и состоитъ, что братъ мой очень веселаго и любезнаго нрава, и что если вамъ тяжело будетъ переносить эту веселость, то матушка, которая умѣетъ сдерживать его и имѣетъ, въ этомъ отношеніи власть, которой я не имѣю надъ нимъ, матушка съумѣетъ во первыхъ разувѣрить васъ, а во вторыхъ удержать въ должныхъ границахъ излишнюю его живость въ разговорѣ съ вами.

— Да, да, отвѣчала Каролина, мы понимаемъ другъ друга, но только не сходимся съ вами во мнѣніи насчетъ средствъ къ отвращенію... любезной живости герцога. Вы думаете, что маркиза въ состояніи будетъ меня избавить отъ нее, а я думаю, что между обожаемымъ сыномъ и нѣжной матерью никто неимѣетъ права произносить ни одного слова жалобы. Есть судьи, передъ которыми никогда не будешь правою. Я именно и размышляла объ этомъ положеніи и съ горемъ предвижу что можетъ настать минута, когда я буду нужна...

— Васъ остав... оставить матушку? проговорилъ маркизъ съ мгновеннымъ оживленіемъ, которое тотчасъ же удержалъ.—Этого именно я и боялся! Если ужъ вамъ пришла эта мысль, то она очень огорчаетъ меня; но надѣюсь, что она еще не рѣшена... Смотрите, не будьте несправедливы въ этомъ случаѣ. Сегодня братъ мой былъ очень взволнованъ. Одно особенное обстоятельство, семейное дѣло... немного экзальтировало его, и потому онъ былъ такъ счастливъ, добръ и откровененъ за обѣдомъ. Когда вы узнаете его лучше ...

Въ это время послышался звонокъ. Маркизъ вздрогнулъ.

— Ради самаго неба, ради моей матушки, прибавилъ онъ торопливо, не спѣшите приводить въ исполненіе вашего намѣренія, которое такъ огорчитъ и опечалитъ ее. Еслибъ я осмѣлился, еслибъ я имѣлъ право, то умолялъ бы васъ не рѣшаться ни на что, не посовѣтовавшись со мною....

— Уваженіе, на которое вы имѣете право по вашему характеру, отвѣчала Каролина, даетъ вамъ право совѣтовать мнѣ, и потому я, не колеблясь, обещаю вамъ исполнить то, о чемъ вамъ угодно просить меня.

Маркизъ не успѣлъ поблагодарить ее, потому что въ эту минуту въ залу входили гости; но взглядъ его былъ удивительно краснорѣчивъ, и въ немъ Каролина снова прочла ту же довѣрчивость и доброе расположеніе къ себѣ, которыя, казалось, совершенно исчезли при началѣ ихъ разговора. Глаза маркиза имѣли ту сверхъестественную предѣсть, которая дается только душѣ пылкой, соединенной въ тоже время съ величайшей чистотой мыслей.

Каролина чувствовала истинное благоговѣніе къ этому человѣку. Быстро перебирая въ своемъ умѣ всѣ его слова и принимая гостей съ тою граціею и предназначенною ей скромностью, отънюдь ко-

торой был так скоро и ловко усвоенъ ею, она въ то же время задавала себѣ вопросъ, почему, разговаривая съ нею, маркизь какъ-то неявно выражался касательно двухъ, трехъ вещей. Съ самаго начала онъ, казалось, хотѣлъ сдѣлать ей выговоръ за довѣріе къ льстивымъ словамъ герцога, потомъ дружески предостеречь ее въ случаѣ, если эти нападки продолжатся, и наконецъ, когда она сама высказала ему, какъ неприятны они были для нея, то самъ же онъ поспѣшилъ успокоить ее. Она никогда не видала его нерѣшительнымъ, и если въ разговорѣ онъ былъ часто робокъ, то въ своихъ убѣжденіяхъ, каковы бы они не были, былъ всегда рѣшителенъ. Вѣроятно, думала она, онъ считаетъ меня неосторожной и въ то же время знаетъ, что братъ готовъ воспользоваться моею неосторожностью, а съ другой стороны, можетъ быть, я необходима его матери болѣе, чѣмъ могла себѣ это представить. Во всякомъ случаѣ тутъ есть что-то такое, чого я не знаю и что онъ, какъ я и надѣюсь, объяснитъ мнѣ потомъ. Что бы то ни было, но я свободна. Пятьсотъ франковъ не удержатъ меня ни одного дня, ни одного часа въ унижительномъ положеніи. Я еще не отправила моего отвѣта Жюстинѣ.

Изъ этого видно, на сколько прямой и честный характеръ м-ле де Сень-Женексъ былъ далекъ отъ того, чтобы отыскивать въ неясныхъ отвѣтахъ маркиза какое нибудь неумѣстное чувство или инстинктъ ревности; и еслибъ спросить въ ту минуту самаго маркиза, то онъ конечно бы съ тою же увѣренностію отвѣчалъ: «Въ этомъ случаѣ я руководствуюсь только чувствомъ ибжнаго уваженія и сыновней заботливости.» Въ настоящую минуту маркизь съ тягостнымъ и неприятнымъ чувствомъ выслушивалъ герцога, который сѣлъ подлѣ него за фортепяно, уединенное и любимое мѣсто маркиза, и съ большимъ жаромъ, хотя и тихо, говорилъ ему:

— Ну что? ты сейчасъ видѣлъ ее одну: говорилъ ли ты ей обо мнѣ?

— Но скажи пожалуйста, отвѣчалъ маркизь, что тебѣ за странныя мысли пришли въ голову?...

— Тутъ нѣтъ ничего страннаго, возразилъ герцогъ, какъ бы продолжая начатое имъ признаніе. Я пораженъ, взволнованъ, плѣненъ, я влюбленъ однимъ словомъ! Да, влюбленъ въ нее, честное слово! и это совсѣмъ не шутка! Ужь не хочешь ли ты дѣлать мнѣ выговоры, когда я въ первый разъ въ жизни еще дѣлаю тебя своимъ повѣреннымъ? Развѣ это не было рѣшено сегодня утромъ? Развѣ мы не поклялись говорить другъ другу все и быть лучшими друзьями въ мірѣ? Я тебя очень серьезно спрашивалъ, не чувствовалъ ли ты чего нибудь въ отношеніи м-ле де Сень-Женексъ? Ты очень серьезно отвѣчалъ мнѣ, что нѣтъ. И потому не удивляйся же, если я, не шутя, буду просить тебя способствовать мнѣ въ этомъ случаѣ.

— Другъ мой, отвѣчалъ маркизь, я именно сдѣлалъ противное тому, о чемъ ты просишь меня. Я сказалъ ей, чтобы она, ничего не принимала серьезно.

— Ахъ ты наивникъ! вскричалъ герцогъ, съ веселою искрен-

ностью такъ вотъ какъ ты стараешься услужить своимъ друзьямъ! Извольте теперь довѣряться Пилладу! Съ перваго же раза, онъ отступается отъ васъ. Онъ разбиваетъ всѣ ваши надежды и всѣ ваши мечты! Но что же ты хочешь, чтобы со мной было, если ты такимъ образомъ оставляешь меня?

— Я рѣшительно неспособенъ къ подобнаго рода услугамъ, ты это очень хорошо видишь.

— Это такъ; при первомъ же затрудненіи ты оказываешься. Хорошо. Въ такомъ случаѣ, я буду настойчивѣе тебя! Я изгналъ изъ моего сердца все кромѣ тебя, и потому никто другой не услышитъ отъ меня признаній въ моей новой страсти.

— По крайней мѣрѣ, что касается только этой страсти, то дай мнѣ въ томъ свое честное слово.

— А! такъ ты значить очень боишься, чтобы я не скомпрометировалъ ее.

— Это бы крайне огорчило меня.

— Вотъ тебѣ разъ! А почему же это?

— Потому что она горда, чувствительна, можетъ быть, и потому что она оставитъ матушку, которая, развѣ ты не замѣтилъ, души въ ней не слышитъ.

— Да, я это вижу, и это-то самое и вскружило мнѣ голову. Должно быть, что она въ самомъ дѣлѣ дѣвушка большаго ума и прекрасной души! У матушки столько такта! Браня меня сегодня вечера за мош, какъ она называла, нападки, она говорила: «ты очень неправильно велъ себя въ отношеніи Каролины,—это дѣвушка, о которой тебѣ и думать не слѣдуетъ. Чортъ возьми! Мечтать всегда можно, это никому вреда не дѣлаетъ! Но посмотрите, пожалуйста, какая она хорошенькая! Какъ она оживлена посреди всѣхъ этихъ наштукатуренныхъ женщинъ. Право, она слишкомъ хороша для компаньонки. Матушка никогда не къ состояніи будетъ удержать ее при себѣ. Она зажжетъ цѣлый пожаръ, и если останется благоразумной, то заставить пожалуй, жениться на ней.

— Слѣдовательно, возразилъ маркизъ, ты не можешь и думать о ней.

— Это почему? воскликнулъ маркизъ. Что я такое теперь? Вѣдникъ, который ничего не имѣетъ. А она развѣ не изъ хорошей семьи? Развѣ репутація ея не чиста? Я бы очень желалъ знать, что можетъ сказать противъ этого матушка! Она, которая уже зоветъ ее своею дочерью и хочетъ чтобы уважали ее, какъ будто бы она была нашей сестрой?

— Вы слишкомъ далеко заносите вашъ энтузіазмъ или шутку, проговорилъ маркизъ, опеложенный тѣмъ, что слышалъ.

— Хорошо, подумалъ герцогъ, ужъ онъ мнѣ говорить вы;—и онъ очень серьезно продолжалъ увѣрять, что способенъ жениться на m^{lle} де Сень-Женексъ, если ужъ нѣтъ другихъ средствъ обладать ею.

— Я бы лучше желалъ похитить ее, прибавилъ онъ: — это болѣе

сходно съ моиѣ привычками; но у меня нѣтъ средствъ для этого, и даже моя прачка теперь не доверится мнѣ. И сверхъ того, нѣтъ пора ужъ покончить съ моиѣ прошедшимъ. Я уже говорилъ тебѣ объ этомъ, а что сказано, то и сдѣлано. Съ сегодняшняго дня начнется полное измѣненіе во всемъ. Ты увидишь новаго человѣка, человѣка, котораго я еще и самъ не знаю, и который меня очень удивитъ конечно, но я уже чувствую, что человѣкъ этотъ способенъ на все, даже вѣровать, любить и жениться. И затѣмъ, милый братъ: прощай, вотъ тебѣ мое послѣднее слово, если ты не передашь мои слова м-ше де Сентъ-Женексъ, это значить, что ты ничѣмъ не хочешь пособить моему исправленію.

И герцогъ удалился, оставивъ своего брата въ крайнемъ изумленіи. Онъ не зналъ, вѣрить ли ему въ искренность его минутной страсти, или негодовать за обманъ, въ которомъ хотѣли сдѣлать его самага участникомъ.

— Не можетъ быть говорить онъ себѣ, возвращаясь въ свою комнату; все это—дѣло его веселаго, взбалмошнаго и легкаго нрава.... а можетъ быть еще и дѣйствіе вина! Однако сегодня утромъ, въ роуцѣ, онъ разспрашивалъ меня о Каролинѣ съ удивительной настойчивостью въ ту самую минуту, когда я рассказывалъ ему мое прошедшее, которое онъ слушалъ съ неподдѣльнымъ волненіемъ, со слезами на глазахъ. Что это за странный человѣкъ! Не прошло еще и 12-ти часовъ, какъ онъ хотѣлъ убить себя, ненавидѣлъ и меня и себя. Потомъ, казалось, я тронулъ его сердце, и онъ рыдалъ въ моиѣ объятіяхъ. Весь остальной день онъ былъ искрененъ, доверчивъ, добръ и очаровательно изжженъ, а вечеромъ я не понимаю, что такое съ нимъ сдѣлалось! Ужъ не пострадалъ ли его разумъ отъ этой необузданной жизни, которую онъ велъ до сихъ поръ, или, можетъ быть, не насмѣхался ли онъ надо мной все сегодняшнее утро? Не былъ ли я обманутъ моею потребностью любить?

Герцогъ, между тѣмъ, радостно потиралъ себѣ руки.

— Побѣда! побѣда! говорилъ онъ самъ себѣ. — Теперь я нашолъ средство противъ его отчаянія. Бѣдный братъ! Какъ же хорошо я вскружилъ ему голову, какъ сильно возбудилъ въ немъ чувство ревности. Онъ рѣшительно влюбленъ! и потому излечится отъ своей болѣзни и будетъ жить! Страсть нужно лечить страстью! Матушкѣ никогда бы не пришло въ голову подобная мысль. Если въ домѣ ея и произойдетъ какой нибудь скандалъ, то она проститъ мнѣ его, когда узнаетъ, что братъ могъ бы умереть въ слѣдствіе своей добродѣтели. Зная по себѣ человѣческую слабость, герцогъ вѣрилъ и въ слабость женщинъ, не допуская никакихъ исключеній. По его мнѣнію, со стороны Каролинны не должно быть никакой борьбы, и онъ уже считалъ ее совершенно готовою полюбить маркиза. Ему даже и въ голову не приходило, что для побѣды надъ нею необходима была надежда на бракъ.

— Она добрая дѣвушка,—говорилъ онъ самъ съ собою,—не честолюбивая и рѣшительно безкорыстная. Я разгадалъ ее съ перваго

же взгляда и матушка подтверждаетъ, что я не ошибся. Она уступитъ изъ потребности любить, а также и по увлеченію, потому что брать мой обладаетъ огромными достоинствами, которыя могутъ только быть поняты женщиною умною. Если она нѣкоторое время и будетъ ему противиться, то это тѣмъ лучше, потому что онъ еще болѣе привяжется къ ней. Матушка ничего тутъ не увидитъ, а если и увидитъ, то это взволнуетъ, а также и займетъ ее. Она будетъ добра, будетъ проповѣдывать добродѣтель, но нѣжность заставитъ ее уступить. Эти маленькія домашнія волненія спасутъ ее отъ скуки, которая и составляетъ величайшій ея бичъ.

И герцогъ съ совершенной искренностью предавался подобнаго рода предположеніямъ, для которыхъ основаніемъ служила безнравственность. Подобнаго рода размышленія заставляли даже умиляться его самаго, съ тѣмъ ребяческимъ простодушіемъ, которое характеризуетъ иногда развратъ, равно какъ и истощеніе. Онъ улыбался самъ себѣ, смотря на прекрасную дѣвушку, которую въ воображеніи своемъ считалъ уже принесенною въ жертву своимъ планамъ и еслибъ въ ту минуту кто нибудь отнесся къ нему съ вопросомъ, то онъ конечно со смѣхомъ бы отвѣчалъ ему, что для начала чувствительной и невинной жизни, которую онъ рѣшился вести, онъ занимается теперь устройствомъ одного романа, на подобіе романовъ Флоріана.

Весь вечеръ герцогъ оставался въ салонѣ, и уловивъ минуту, когда Каролина была одна, онъ отвелъ ее въ сторону.

— Сегодня вечеромъ, матушка бранила меня, сказалъ онъ ей, должно быть я глупо велъ себя въ отношеніи васъ. По крайней мѣрѣ, я ни мало не подозрѣвалъ того, потому что единственнымъ моимъ желаніемъ было только доказать вамъ мое уваженіе. Но какъ бы то ни было, матушка взяла съ меня честное слово, чтобы я не смѣлъ и думать за вами ухаживать, и я ни мало не колеблясь обѣщался ей въ томъ. Можетъ ли это теперь успокоить васъ?

— Тѣмъ болѣе. что я даже и не думала беспокоиться объ этомъ.

— Ну и слава Богу! Если ужъ матушка привудила меня къ подобной дерзости, сказать женщинѣ то, что ей не говорятъ никогда, хотя и думаютъ о томъ, то сдѣлаемтесь теперь друзьями, и для начала нашей дружбы будемте откровенны. Обѣщайтесь мнѣ, что вы никогда больше не будете дурно говорить обо мнѣ моему брату.

— Не будете больше? .. Когда же это я дурно говорила ему объ васъ?

— А развѣ вы не жаловались на мою дерзость.... здѣсь вотъ, сегодня вечеромъ!

— Я сказала ему только, что боюсь вашихъ шутокъ, и что если онъ будетъ продолжаться, то я уйду отсюда, вотъ и все.

— Хорошо, подумалъ герцогъ, они даже въ лучшихъ отношеніяхъ, чѣмъ я предполагалъ... Если вы изъ за меня вздумаете оставить матушку, возразилъ онъ, то скорѣй я долженъ удалиться отъ нее.

— Развѣ есть возможность, чтобы сынъ уступилъ свое мѣсто посторонней?

— Опокожь я именно и рѣшился на это, если только я не нравлюсь вамъ и пугаю васъ; но нѣтъ, вы останетесь. Приказывайте мнѣ все, что вамъ угодно—и я все исполню. Можетъ быть вы хотите, чтобы я не замѣчалъ васъ, никогда бы не говорилъ съ вами, и даже не кланялся съ вами.

— Я ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не требую никакихъ аффектацій. Вы слишкомъ умны и можете понять, что я рѣшительно не умѣю такъ говорить, чтобы выдерживать ваши нападки.

— Вы слишкомъ скромны. Однакожь если вамъ не угодно видѣть чувства восхищенія и вмѣстѣ съ тѣмъ уваженія, которое вы внушаете; если вниманіе, которое вы возбуждаете къ себѣ беспокоитъ и огорчаетъ васъ, то прошу васъ не беспокоиться на этотъ счетъ: впередъ я не подамъ вамъ повода жаловаться на меня. Клянусь вамъ всѣмъ, что только есть для человѣка святаго, клянусь вамъ именемъ моей матери.

Поправивъ такимъ образомъ свою ошибку и успокоивъ Каролину, отъѣздъ которой разстроилъ бы все его планы, герцогъ съ жаркимъ энтузіазмомъ началъ ей говорить объ Урбанѣ. Онъ былъ такъ искрененъ, говоря о братѣ, что м-ше де Сепъ-Женексъ отказалась отъ своихъ предубѣжденій. Умъ ея снова успокоился, и она поспѣшила увѣдомить Камиллу, что все шло хорошо, что герцогъ оказался гораздо лучше своей репутаціи, и что во всякомъ случаѣ, онъ честию своей обѣщался оставить ее въ покоѣ.

Во весь остальной мѣсяцъ послѣ описаннаго нами дня Каролина очень мало видѣла маркиза де-Вильмера. Онъ сначала принужденъ былъ заниматься дѣлами по случаю ликвидаціи брата, а потомъ совсемъ уѣхалъ изъ Парижа. Сказавъ своей матери, что отправился осматривать какой-то историческій замокъ, планъ котораго былъ необходимъ для его труда, онъ въ тоже время отправился по совершенно противоположному пути, и только одному герцогу довѣрялъ, что вѣдетъ повидать своего сына.

И герцогъ, съ своей стороны, былъ очень занятъ перемѣною своего денежнаго положенія. Онъ продалъ своихъ лошадей, мебель, отпустилъ своихъ слугъ и, по просьбѣ матери, поселился на время, изъ экономическихъ расчетовъ, на антресоляхъ ея отеля, который тоже долженъ былъ продаваться, но только съ тѣмъ уговоромъ, что маркизъ, въ продолженіи десятилѣтъ, останется главнымъ жильцомъ, и что ничего не будетъ намѣнено въ комнатахъ его матери. Что же касается Урбана, то онъ поднялся въ третій этажъ, и размѣстилъ свои книги въ квартирѣ богѣе чѣмъ скромной, увѣряя, что еще никогда онъ не былъ такъ хорошо помѣщенъ, и что отъ него былъ чудный видъ на елисейскія поля. Во время его отсутствія, начались сборы для отъѣзда въ деревню и Каролина писала своей сестрѣ: — «Я считаю дни, которыя остаются мнѣ до переезда въ эту блаженную деревню, гдѣ, наконецъ, я могу пагуляться вдоволь и дышать свѣжимъ воздухомъ. Я уже достаточно посмотрѣлась на цвѣты, которые вынуты на каминѣхъ; я жажду видѣть тѣ, которыя цвѣтутъ на лугахъ».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VII.

Письмо маркиза де Вильмеръ къ герцогу д'Алерия.

Полиньякъ, 1-е мая Сенью.

(Haute Loire).

Этотъ адресъ есть тайна, которую я довѣряю тебѣ, и я счастливъ, что могу довѣрить его тебѣ. Еслибы, по какимъ нибудь непредвидимымъ обстоятельствамъ, мнѣ случилось умереть вдалекѣ отъ тебя, то ты будешь знать, что прежде всего нужно прислать сюда и наблюдать за ребенкомъ, въ случаѣ, еслибъ люди, которымъ я поручилъ его, вздумали пренебречь имъ. Люди эти не знаютъ меня; имъ неизвѣстно ни мое имя, ни мое отчество, они не подозрѣваютъ даже, что ребенокъ этотъ мой. Всѣ эти предосторожности необходимы, какъ я это уже и говорилъ тебѣ. Г-нъ де Ж... сохранилъ нѣкоторые подозрѣнія, въ слѣдствіе которыхъ, онъ, пожалуй, можетъ усумниться и въ законности своей дочери. Страхъ этотъ мучилъ несчастную мать, которой я обещалъ клятвенно скрыть существованіе Дидье до тѣхъ поръ, пока участь Лоры не будетъ устроена. Я не разъ замѣчалъ безпокойное любовиство, съ которымъ слѣдили за жении поступками и потому я долженъ дѣйствовать тутъ какъ можно осторожнѣе.

И вотъ почему я помѣстилъ сына такъ далеко отъ себя, въ провинціи, гдѣ, не имѣя ни какихъ сношеній, я всего менѣе рискую напастъ на какую нибудь случайную встрѣчу. Люди, съ которыми я имѣю дѣло, мнѣ кажется, въ высшей степени люди честные, добрые и скромные, ужъ по одному тому, что не спрашиваютъ меня и не стараются наблюдать за мной. Кормилица ребенка приходится племянницей Жозефа, нашего добраго стараго лакса, котораго мы лишились прошлаго года. Онъ-то и указалъ мнѣ на нее; но она не знаетъ, кто я такой. Я извѣстенъ ей подъ именемъ Берья.

Мои хозяева, отъ которыхъ я пишу къ тебѣ, фермеры и старожилы мѣстечка, гдѣ на платформѣ скалы возвышается одна изъ самыхъ грубыхъ средневѣковыхъ крѣпостей, колыбель всей семьи, послѣдніе представители которой играли такую несчастную роль въ недавнихъ превратностяхъ нашей монархіи. Предки ихъ въ этой самой провинціи играли не менѣе важную и столь же жалкую роль въ эпоху, когда феодализмъ терзалъ и мучилъ бѣдныхъ королей. Все это не лишено интереса для историческаго труда, которымъ я занимаюсь, собирая здѣсь повѣрья и изучая наружность замка и мѣстности; слѣдовательно я не совсѣмъ лгалъ, когда говорилъ латушкѣ, что буду путешествовать для моего образованія и въ самомъ дѣлѣ есть много чему поучиться въ самой внутренности этой прекрасной Франціи, осматривать и постигать которую рѣшительно не въ модѣ. Въ слѣдствіи чего она въ недосягаемыхъ уголкахъ сво-

Ихъ скрываетъ цѣлыя святилища поэзіи и цѣлыя рудники для науки. Страна эта не имѣетъ совершенно ни дорогъ, ни проводниковъ и никакихъ средствъ къ облегченію путешественниковъ. Вся открытія пріобрѣтаются здѣсь цѣною опасности и усталости. Не будь у меня подробной карты, — съ которой я принужденъ справляться на каждомъ шагу, хоть и нахожусь здѣсь въ третій разъ въ эти два года существованія Дидье, — я рѣшительно не могъ бы направлять свой путь иначе, какъ à vol d'oiseau; вещь рѣшительно невозможная въ мѣстности, гдѣ земля прорѣзана глубокими оврагами, перекрещена во всѣхъ направленіяхъ высокими стѣнами лавы и безчисленными потоками. Но мнѣ нѣтъ никакой необходимости заходить далеко, чтобы оцѣнить странный и поразительный характеръ этой страны. Ты не можешь себѣ представить, другъ мой, всей живописной прелести этого бассейна Пью; и я не знаю мѣстности, характеръ которой было бы труднѣе описать. Это не Швейцарія, потому что не имѣетъ того ужасающаго вида; и не Италия также; потому что это прекраснѣе Италіи; это центральная Франція со всѣми ея угаснувшими вулканами, покрытыми роскошной растительностью; однако же это совсѣмъ не то, что Овернь и Лимузенъ, которые извѣстны тебѣ. Здѣсь нѣтъ богатыхъ, обширныхъ и тихихъ равнинъ, жатвъ, лѣсковъ и рощицъ, пріютившихся вдали подъ цѣлымъ горизонтомъ горъ, соединенныхъ вмѣстѣ; нѣтъ плодородныхъ нагорныхъ равнинъ, оканчивающихся природными рвами. Здѣсь только и видишь, что вершники горъ, да овраги; такъ что во власть земледѣльца остается одна тѣсная глубина и крутой склонъ горъ. И земледѣіе завладѣваетъ всѣмъ этимъ. Оно проникаетъ всюду, разбрасывая свои свѣжіе ковры зелени, хлѣба и овощей, жаждущихъ плодороднаго пепла вулкановъ.

Величественный горизонтъ открывается сначала Северными; въ туманной дали виднѣется Мезенкъ, съ своими длинными скатами и крутыми обрывами, за которыми поднимается Gerbiez—de Jones, вулканической конусъ, напоминающій собою Сорактъ. Другія горы различныхъ формъ: однѣ—подражающія геометрическимъ формамъ Вогезовъ, другія—поднимающіяся прямыми стѣнами, сильно зарубленные, сливаются съ горизонтомъ ломаною линіею. Внизу этого великолѣпнаго пояса всѣ подробности картины обрисовываются иногда съ удивительною ясностью. Второй, третій, а мѣстами и четвертый кругъ горъ, одинаково разнообразныхъ формъ, постепенно понижаются, и какъ бы уступами спускаются къ центральному уровню трехъ рѣкъ, которыя прорѣзываютъ такъ называемую равнину; но мѣстность эта можетъ назваться равниною только относительно. Нѣтъ ни одной точки земли, которая бы не была приподнята, свернута или взрыта геологическими переверотами. Громадные бугры, явившіеся изъ нѣдръ этой долины и обнаженные дѣйствіемъ воды, нынче представляютъ собою тѣ чудовищныя курганы, которые встрѣчаются уже и въ Оверни, но только въ другихъ формахъ и въ менѣе обширныхъ размѣрахъ чѣмъ здѣсь. Это темно-красныя массы, которыя кажутся, какъ бы еще раскаленными, и которыя при закатѣ солнца

принимаютъ видъ полуугасшаго угля. На ихъ обшарныхъ платформахъ, поднимающихся остроконечно и иногда образующихъ на своихъ бокахъ какъ-бы башни и бастионы, жители строятъ храмы, потому крѣпости, церкви и наконецъ селенія и города. Цѣю отчасти построены на основаніи одного изъ этихъ кургановъ, на утесѣ Кортель, одной изъ самыхъ сжатыхъ и монументальныхъ массъ, какія только существуютъ, и верхушка которой, нѣкогда посвященная гальскимъ богамъ, потомъ богамъ Рима, хранитъ еще остатки средневѣковой цитадели и прелестной базиликой возвышается надъ романскими куполами.

Сама базилика есть грандіозная возвышенность среди грандіознѣйшей природы. Она рисуется мрачная и могучая на туманномъ фонѣ доли. И я люблю эти ужасающіе виды. Здѣсь я чувствую себя спокойнѣе. Я могу себѣ отдать отчетъ во всемъ. Уединеніе полезно мнѣ. Оно завладѣваетъ мною и успокоиваетъ меня. Мнѣ хорошо здѣсь, и еслибъ мнѣ вздумалось уединиться куда нибудь, то я бы охотно поселился здѣсь. Это въ одно время грубая и смѣющаяся страна, въ которой суровость, однако, преобладаетъ.

Климатъ почти суровый: зимой страшный холодъ, а лѣтомъ сильный жаръ. Виноградъ дурно зрѣетъ, и даетъ изъ себя очень острое вино, которое, какъ во всѣхъ странахъ, гдѣ вино дурно, жители употребляютъ чрезъ мѣру. Верхушки Севеннъ часто бываютъ покрыты холодными парами, и когда вѣтеръ гонитъ ихъ, то они холоднымъ дождемъ опускаются въ бассейны. Въ настоящій сезонъ здѣсь происходятъ вѣчные капризы, соединеніе фантастическихъ облаковъ, внезапное затмѣніе солнца, и потомъ ясность такой холодной прозрачности, что обращаетъ ваши мысли къ той мечтѣ о первой зарѣ нашего міра, когда былъ созданъ свѣтъ т. е. когда земная атмосфера, освобожденная отъ своихъ волноцій, пропустила первые лучи солнца на молодую, ослѣпленную планету. Существовалъ ли тогда человѣкъ? Неизвѣстно!.. Но онъ уже существовалъ въ то время, когда эти ужасныя лавы, окружающія меня, вторгнулись и разрушили земной грунтъ. У подошвы сосѣдней горы подъ базальтомъ были найдены человѣческіе скелеты въ видѣ ископаемаго — это были остатки старика и ребенка. Слѣдовательно, человѣкъ присутствовалъ и видѣлъ эти великія драмы природы.

Многочисленныя пещеры, которыя носятъ на себѣ отпечатокъ грубой ручной работы, доказываютъ собою существованіе дикой расы, поселившейся тутъ съ самаго начала человѣчества. И если возвышенныя мѣста, пощаженные водою при ея всеобщемъ движеніи должно считать колыбелью рода человѣческаго, то очень можно предполагать, что эта страна была именно этимъ мѣстомъ. Но это, впрочемъ, переходитъ уже за предѣлы моихъ изысканій. Я желаю только отыскать въ настоящихъ обителяхъ слѣды угольныхъ переворотовъ, а нахожу здѣсь очень характеристическую расу, которая физически совершенно гармонируетъ съ почвою, на которой живетъ: худая, мрачная, грубая и какъ бы угловатая въ своихъ формахъ и въ своихъ дистинктахъ. Но, главное, я вижу въ ней живой

отпечатокъ феодальнаго порядка, духъ слѣпаго повиновенія въ безпрестанномъ противодѣйствіи съ духомъ дикаго возмущенія, борьбы между суевѣріемъ, которое допускаетъ всѣ заблужденія и буйными страстями, которыя подстрекаются суевѣріемъ. Нигдѣ его священника не сдѣлалось болѣе абсолютнымъ и нигдѣ тоже революціонныя противодѣйствія ему не были и, конечно, не будутъ болѣе грубыми. Остатокъ языческаго идолопоклонства, бессмысленная вѣра въ небольшія мѣстныя чудеса, монастырскіе ворожи, ненависть, мщеніе на первомъ планѣ,—вотъ вамъ велевскій мужикъ, не такой, какой онъ есть теперь,—последнія сорокъ лѣтъ много исправилъ его,—но какіе мѣстная исторія и памятники показываютъ его на каждомъ шагу, въ каждой чертѣ. Небольшая цѣпь горъ покровительствовала самымъ дерзкимъ разбоємъ феодалама и самому жадному владычеству духовенства. Вождество древняго Египта, привезенное какъ говорятъ св. Людовикомъ изъ Палестины, было истиннымъ идоломъ, который потомъ разбила уже революція, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ обожанія. Въ соборной сокровищницѣ сохранились свѣчи будто бы несомыя ангелами, сходившими съ неба. Свѣчи эти показываются набожнымъ богомольцамъ. И вотъ въ этомъ вся ихъ религія. Въ кабакѣ же другое дѣло. Всякій приноситъ съ собою свой ножъ и пилку, которые и кладутъ подъ столомъ между колѣней и потомъ говорятъ, пьютъ, спорятъ, выходятъ изъ себя и рѣжутся. Вотъ ихъ инстинкты, но благодаря Бога, они съ каждымъ днемъ ослабѣваютъ. Однако же въ настоящемъ 1845 году они еще не совершенно уничтожены, и въ удовольствіяхъ ихъ есть что-то свирѣпое. Женщины исключены при этомъ, священники запрещаютъ имъ танцевать и даже прогуливаться съ дамскимъ поломъ, и потому мужчины въ своихъ сношеніяхъ не имѣютъ никакой узды, никакого уваженія и деликатности. Они вообще отклоняются отъ прямой власти священника и оставляютъ ему женщинъ; но сохраняютъ страсть къ религіознымъ войнамъ; спорятъ на попойкахъ объ догматахъ и при этомъ рѣжутся.

Что же касается до ихъ привычекъ, то грубость нравовъ происходитъ просто отъ грубости идей. Человѣкъ дурно понимающій духъ религіи, такъ же дурно понимаетъ и жизнь и искажаетъ самъ себя. Страна эта, не смотря на безплодность большей части ея поверхности, имѣетъ огромныя ресурсы, удивительно плодородныя почвы, и роскошныя пажити; но мужикъ ни чѣмъ этимъ не пользуется и, по видимому, не имѣетъ въ этомъ никакой нужды. Жилище его неопратно и грязно до невѣроятности. Рѣшотчатый потолокъ служитъ вмѣстѣ стилищемъ всѣмъ яствамъ и въ тоже время всему домашнему тряпью. При входѣ въ избу, вы задыхаетесь отъ вонючаго запаха протухлаго свиного сала, смѣшаннаго съ запахомъ всевозможныхъ гадкихъ вещей, которыя висятъ тутъ подобно люстрамъ: свѣчи и ожерелье изъ сосисекъ, грязное бѣлье, старая обувь вмѣстѣ съ хлѣбомъ и говядиной. По самой постройкѣ своей многіе дома похожи болѣе на крѣпость или походную палатку, чѣмъ на обыкновенное жилище.

Домъ строится на высококъ основаніи и сходится подъ раздавленную крышу, на которую надо лезть по лѣстницамъ. Въ одномъ изъ этихъ жилищъ, куда я случайно зашелъ, я увидѣлъ образъ и подлѣ него самыя неблагопрістойныя картины. Правда, что это была гостиница, мѣсто, куда не входятъ ни одна честная женщина. Я остановился, чтобы послушать разговоръ нившихъ тутъ мужиковъ; онъ былъ очень схожъ съ изображеніями висящими на стѣнѣ. Это была смѣсь самыхъ священныхъ клятвъ и самыхъ грубыхъ сквернословій.

Я говорю это о жителяхъ горъ; что же касается до тѣхъ, которые приближаются къ центру бассейна и къ городамъ, то они уже гораздо цивилизованнѣе. Впрочемъ, какъ у тѣхъ, такъ и другихъ, рядомъ съ упомянутыми мною пороками, я въ тоже время подозреваю и вижу большія достоинства. Они честны и горды. Въ пріемѣ ихъ нѣтъ ничего рабскаго, а гостепрѣимство ихъ удивительно искренно. Нѣтъ сомнѣнія, что строгость и красота ихъ земли и неба отражаются и на душахъ ихъ. Женщины на видъ смѣлы и добросердечны. Онѣ какъ мнѣ кажутся, добраго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и буйнаго характера. Имъ недостаетъ не столько красоты, сколько прелести. Головной уборъ ихъ состоитъ изъ маленькой, черной поярковой шляпы, украшенной стеклярусомъ и перьями; она очень идетъ молодымъ, а старымъ приладеъ видъ какой-то почтенной строгости; но все это слишкомъ не женственно; широкія квадратныя плечи не гармонируютъ съ худощавымъ тѣломъ, а совершенное отсутствіе опрятности въ нарядѣ дѣлаетъ его непріятнымъ для глазъ.

Однакожь здѣшнія женщины очень трудолюбивы. Искусство плести кружева передается отъ матери къ дочерямъ; лишь только ребенокъ начинаетъ лепетать, какъ ему на колѣни кладутъ огромную подушку съ булавами, а въ руки даютъ намотанныя коклюшки. Лѣтъ въ 15 или 16 дѣвушка уже умѣетъ дѣлать чудныя работы, въ противномъ случаѣ ее сѣгутъ за идиотку и недостойную хлѣба, который она ѣсть. Но такъ какъ всѣ крестьянки Гелей и большой части Оверли занимаются этой работой, то надъ ними тяготѣетъ, кромѣ тираніи духовенства еще другая — тиранія торговца, который здѣсь выигрываетъ не сто на сто барыша,—что, по его мнѣнію необходимой законъ всякой торговли, — а на сто пять сотъ барыша. Правда, что и купцы иногда бываютъ наказаны тѣмъ же, чѣмъ сами грѣшатъ, и, возбуждая слишкомъ большое совѣстничество, парализуютъ себя подобно тому, какъ крестьянки парализуютъ свой трудъ занимаясь всѣ одной и тойже работой. Это есть законъ и наказаніе торговли. Но я достаточно наговорилъ тебѣ, чтобы сдержать мое слово и дать общее понятіе о здѣшней странѣ, милый братъ. Ты требовалъ отъ меня длиннаго письма, предвидя, что въ часы удлиненія и безсонницы я буду слишкомъ много думать о самомъ себѣ, о моей печальной жизни, о моемъ грустномъ прошедшемъ подлѣ этого ребенка, который тутъ спитъ, между тѣмъ какъ я пишу къ тебѣ! Правда, что присутствіе его растревляетъ во мнѣ не одну рану. Однакожь я нахожу тутъ также безконечное умиленіе, которое не лишено нѣкотораго сладкаго чувства. Но неужели я закончу свое письмо, не

сказать тебѣ ничего о немъ? — Ты видишь, я не рѣшаюсь начать. Я боюсь, что это размѣнитъ тебя, — ты имѣешь претензію на отвращеніе къ дѣтямъ. Хотя я и не испытывалъ этого отвращенія, но иѣкогда и самъ боялся соприкасаться съ этими существами, которыхъ хрупкое чистосердочіе пугало мой разумъ. Но теперь я совершенно измѣнился и еслибъ даже ты вздумалъ смѣяться надо мной, я все-таки долженъ вполне открыть мою душу.

Итакъ, признаться тебѣ, я обожаю это дитя, и чувствую, что рано или поздно оно будетъ цѣлью моей жизни. Не одиѣ обязанности призываютъ меня къ нему; я чувствую, что этого требуетъ моя любовь, если только нѣкоторое время остаюсь не видя его. Ему очень хорошо здѣсь, онъ ни въ чемъ не терпитъ недостатка, и любимъ всѣми. Приемные родители его славные люди и я вижу, что не одинъ интересъ, но и сердце заставляетъ ихъ съ такимъ стараніемъ ухаживать за нимъ. Они занимаютъ уцѣлѣвшую и хорошо исправленную половину замка. Дитя растетъ посреди его развалинъ на верху широкаго утеса, подъ яснымъ небомъ, вдыхая чистый воздухъ, на рукахъ чистоплотныхъ и заботливыхъ людей. Сама хозяйка жила въ Парижѣ; по этому она очень хорошо понимаетъ какимъ образомъ нужно воспитывать нѣжнаго, и въ тоже время столь же здороваго ребенка, какъ и ея собственныя. Итакъ я совершенно спокойно могу ожидать того возраста, когда необходимо будетъ позаботиться не объ тѣлѣ, а объ другомъ. И однакожь не смотря на все это, я тревожусь, когда оставляю его, и бываю спокоенъ только тогда, когда вижу его при себѣ. Что дѣлать? Я такъ люблю его! Я чувствую, что онъ принадлежитъ мнѣ, равно, какъ и я тоже принадлежу ему. Я чувствую, что онъ мое я; да, я гораздо болѣе чѣмъ бѣдная мать его; по мѣрѣ того какъ развиваются его черты и его инстинкты, я напрасно ищу въ немъ чего нибудь, что бы напоминало мнѣ ее. Вопреки самому обыкновенному закону, въ слѣдствіе котораго сыновья, обыкновенно болѣе, дочерей походятъ на свою мать, мальчикъ этотъ весь въ отца. Нынѣшній годъ онъ замѣтилъ мое присутствіе; сначала онъ боялся меня, но теперь улыбается и заговариваетъ со мной. Улыбка и лепетъ его заставляютъ меня содрогаться и когда онъ ищетъ мою руку, чтобы идти гулять, то я не знаю какое чувство благодарности къ нему вылекаетъ изъ глазъ моихъ слезы, которыя я съ трудомъ въ состояніи скрывать...

Но довольно, я не хочу, чтобы и меня ты счелъ за ребенка, я высказалъ это тебѣ для того, чтобы ты не удивлялся болѣе, когда я отказываюсь выслушивать твои планы на счетъ меня. Да, другъ мой, не говори мнѣ болѣе ни о любви, ни о бракѣ. Въ душѣ моей нѣтъ достаточнаго счастья, чтобы передать его другому существу, которое бы вновь встрѣтилось на пути моей жизни. Жизнь этой едва достанетъ для моихъ обязанностей, я это очень хорошо вижу по нѣжности моей къ Дидье, къ матушкѣ и тебѣ. Съ тою жаждою къ наукамъ, которая такъ часто овладѣваетъ мною, въ состояніи ли я буду наполнить досуги молодой женщины, жаждущей счастья и вселости?

Р. S. Вѣроятно, матушка и м-лле де Сентъ-Женексъ уже уѣхали въ Севаль, и ты, конечно, тоже съ ними. Если матушка будетъ безвѣстна обо мнѣ, то скажи ей, что ты получалъ мое письмо и что я все еще въ Нормандіи.

VIII.

Въ тотъ же самый день когда маркизъ писалъ брату, Каролина писала сестрѣ, по своему описывая ей страну, въ которой находилась.

Севаль (Крѣзь)

1-го мая 45 года.

Наконецъ-то мы въ деревнѣ! и признаюсь тебѣ, милая Камила, что это рѣшительно рай земной. Замокъ старъ и невеликъ, но очень хорошо и комфортабельно устроенъ и довольно живописенъ. Паркъ великъ, не слишкомъ хорошо содержимъ и, благодаря Бога, не похожъ на англійскій, но зато богатъ чудными старинными деревьями, покрытыми плющомъ. Страна удивительно пріятная. Мы находимся теперь въ Оверни, не далеко отъ прежнихъ границъ Ла-Маршъ, въ разстояніи одного льё отъ небольшого городка, который, называется Шамбонъ, и черезъ который намъ нужно было проѣзжать, чтобы добраться до нашего замка. Мѣстоположеніе этого городка очень хорошо. Въ него въѣзжаешь по отлогой горѣ или скорѣе черезъ разсѣлину довольно глубокаго оврага, потому что, собственно говоря, здѣсь нѣтъ горы. Проѣхавъ обширныя равнины, покрытыя небольшими деревьями и высокими кустарниками, мы спустились въ длинное излучистое ущелье, которое мѣстами расширяется такъ, что образуетъ изъ себя небольшую долину. Въ глубинѣ этого ущелья протекаютъ рѣки, совсѣмъ хрустальныя, и которыя болѣе похожи на водопады, чѣмъ на рѣки. Для меня, привыкшей къ нашимъ обширнымъ равнинамъ и большимъ ровнымъ рѣкамъ, все представлявшееся взорамъ казалось горами и пропастями; но маркиза, которая видѣла и Альпы и Пиренеи смѣется надо мной, увѣряя, что все это такъ же мало, какъ поверхность стола. Я знаю, что маркиза не страстная любительница природы, и потому ей не удастся помѣшать мнѣ восхищаться тѣмъ, что я вижу.

Это страна травы и листьевъ, непрерывная бесѣдка зелени. Рѣка, спускающаяся въ оврагъ, называется Вуззой, и потомъ въ Шамбонѣ, соединяясь съ Тардой, принимаетъ названіе Шаръ, которая при первой же долинѣ переименовывается въ рѣку Шеръ, известной уже всему свѣту. Тутъ идетъ дорога гладкая, песочная, подобно садовой аллеѣ, обсаженная по краямъ великолѣпными буками, сквозь которые видѣются природныя луковыя поляны, представляющіяся въ настоящую минуту сплошными коврами цвѣтовъ. Что за прелестныя это луга, милая Камила! Какъ мало они походятъ на наши искусственныя лужайки, гдѣ мы видимъ все одни и тѣже растенія, посаженныя въ нарочно приготовленные для нихъ правильные цвѣтники.

Проѣхавъ долину, мы должны были подняться на крутой и уте-

священный вѣздъ. Время было сырое, туманное, однимъ словомъ, прелестное. Я попросила выпустить меня изъ экипажа и съ пяти, шести сотъ футовъ вышины, увидѣла весь этотъ прелестный зеленый оврагъ. Внизу по берегу рѣки видѣлись гдѣ-то деревья в мельницы наполнившія всепространство своимъ мѣрнымъ шумомъ. Косе-му этому примѣшивались доносившіеся откуда-то звуки волынки, ко-торая безконечно наигрывала довольно простой и пріятный мотивъ. Крестьянинъ, шедшій впереди меня, принялся подиѣвать ей, какъ бы подсобляя монотрелю выпутаться изъ этой монотонной музыки.

Поднявшись на самый верхъ косогора, покрытаго большими, твердыми утесами,—маркиза говоритъ, что они малы, какъ песчинки, но я никогда не видала такого чудеснаго песка,— мы вѣхали въ узкую и дѣсную дорожку, которая шла ящикою, и послѣ нѣсколькихъ минутъ ѣзды очутились у самаго замка; онъ стоитъ совершенно въ тѣни и на первый взглядъ не представляетъ ничего живописнаго, но за то съ другой стороны его фасада открывается прелестный видъ на все ущелье, которое мы только что оставили за собою. Отсюда виденъ и глубокой скатъ, съ его утесами и кустарникомъ, и рѣка, съ растущими около нея деревьями, съ лугами и съ мельницами, и извѣстный бѣгъ ея въ постепенно суживающихся берегахъ. Въ самомъ паркѣ бѣжитъ прелестный ручеекъ, который дождемъ спускается вдоль утеса. Садъ богатъ цвѣтами. Птичная поля всякаго рода птицами, которыя отданы въ мое распоряженіе. У меня прехорошенькая уединенная комнатка, изъ которой видъ прелестный; самая большая комната въ замкѣ—это библіотека. Салонъ маркизы, по своему расположенію и мебелировкѣ, напоминаетъ парижскій салонъ; но здѣшній просторнѣе и выше и въ немъ можно дышать свободно. Однимъ словомъ,—мнѣ здѣсь очень хорошо; я совершенно довольна и чувствую, что снова оживаю. Встаю я вмѣстѣ съ солнышкомъ и все утро до выхода маркизы, которая, благодаря Бога, просыпается здѣсь не ранѣе какъ и въ Парижѣ, будетъ принадлежать мнѣ. Какъ же я буду гулять, какія длинныя письма буду писать тебѣ, думая, о тебѣ на свободѣ! О, еслибы со мной былъ здѣсь хоть одинъ изъ нашихъ малютокъ Лили или Шарло, какъ бы я гуляла съ нимъ, какъ бы знакомила его со всѣми деревенскими принадлежностями! И какъ ни ласкаю я всѣхъ хорошенькихъ дѣтей, которые попадаютъ мнѣ, но сранивая ихъ съ твоими, я чувствую, что никто кромѣ ихъ не займетъ мѣсто въ моемъ сердцѣ...

Между тѣмъ, какъ я радуюсь, что нахожусь посреди полей, мнѣ въ тоже время пришло на мысль, что теперь я еще дальше отъ востѣмъ была прежде! И когда-то я увижусь съ вами? Но увы! надо исполнять свою обязанность и довольствоваться своимъ положеніемъ подлѣ маркизы. Полюбить ее совѣмъ не такъ трудно. Съ каждымъ днемъ она все добрѣе и добрѣе ко мнѣ, и обращается со мной рѣшительно какъ родная мать; балуетъ меня такъ, что заставляетъ даже позабывать о настоящемъ моемъ положеніи. Мы думали ужъ найти здѣсь маркиза, который обѣщалъ матери встрѣтить ее здѣсь

Вѣроятно онъ незамедлитъ своимъ прїѣздомъ. Что же касается до герцога, то онъ кажется прїѣдетъ сюда на будущей недѣлѣ. Будемъ надѣяться, что онъ останется такъ же хорошъ въ отношеніи меня и въ деревнѣ, какимъ былъ и въ Парижѣ.

Въ другомъ письмѣ своемъ Каролина передавала сестрѣ мнѣніе маркизы насчетъ деревенской жизни.

— Милое дитя мое, говорила она мнѣ недавно, для того, чтобы любить деревню, надо или глупо любить землю или безразсудно любить природу. Между скотствомъ и безумствомъ нѣтъ срединны. А вамъ извѣстно, что если у меня и есть нѣкоторыя искры восторженности въ умѣ, то онѣ относятся скорѣе къ вещамъ общественнымъ, нежели къ тѣмъ, которыя управляются естественными законами, всегда одними и тѣми же. Законы эти сотворены самимъ Богомъ, слѣовательно они хороши и прекрасны. Человѣкъ ничего не можетъ измѣнить въ нихъ. Кто контроль, наблюденіе, восхищеніе и даже описательное краснорѣчіе ничего не могутъ прибавить къ нимъ. Когда вы восхищаетесь цвѣтущей яблоней, я не нахожу, что вы бы были неправы въ этомъ случаѣ; напротивъ того, я нахожу, что вы даже слишкомъ правы, и что расточать похвалы яблонѣ, которая васъ не слышитъ, которая не для того цвѣтетъ, чтобы вамъ нравиться, и которая, еслибъ вы ей и ничего не сказали, будетъ точно также цвѣсти,—я нахожу, что для этого рѣшительно не стоитъ терять словъ. Подумайте хорошенько: говорить: «ахъ, какъ хороша весна!»—вѣдь это все тоже, какъ еслибъ вы сказали: «весна есть весна.» Ну да, такъ и должно быть, лѣтомъ тепло, потому что Богъ создалъ солнце. Рѣка прозрачна, потому что вода ея протечная, а вода потому протечная, что русло рѣки наклонно. Все это прекрасно потому, что во всемъ царствуетъ великая гармонія; а если бы не было этой гармоніи, то ничего бы и не существовало.

Изъ этого ты можешь видѣть, что въ маркизѣ нѣтъ ничего артистическаго, и что къ ея услугамъ всегда готовы разсужденія, чтобы отвергать то, чего она не чувствуетъ.

Разговаривая такимъ образомъ со мною, она сѣла на садовую скамейку, чтобы отдохнуть отъ сдѣланнаго ею *моціона*, т. е.: отъ сотни шаговъ по аллеѣ, усыпанной пескомъ.

Въ это время къ садовой калиткѣ подошелъ мужикъ съ рыбой, которую онъ подаль кухаркѣ. Та начала торговаться съ нимъ. Мужикъ этотъ былъ тотъ самый, который, напѣвая пѣсенку, шолъ, передо мною въ день нашего прїѣзда.

— О чемъ вы думаете? спросила меня маркиза, видя, что я наблюдаю за нимъ.

— О чемъ я думаю? Я смотрю на этого мужика, отвѣчала я. Это ужъ не яблоня и не рѣка, въ этомъ есть какая-то особенная физіонмія, которая поражаетъ меня.

— Какая же это, скажите пожалуйста?

— Воже мой! Еслибъ я не боялась произнести новое слово, къ ко-

терять вы чувствуете такое отвращеніе, то я сказала бы, что человекъ этотъ съ характеромъ.

— Почему вы это думаете! потому ли, что онъ такъ упрямо придерживается назначенной имъ цѣны за рыбу? И тутъ она начала говорить мнѣ объ мужикахъ того края.

— Они не дурные люди, говорила она, и не столько плутоваты, сколько лукавы. Они жадны на деньги, потому что терять во всемъ недостатокъ, но на приобретаемыя деньги ничего не доставляютъ себѣ. Они копятъ деньги для покупки и когда наконецъ это возжеленное время наступаетъ, то они до того предаются восторгу приобретения, что покупаютъ даже болѣе, нежели слѣдуетъ, а потому стараются во что бы ни стало занять, въ слѣдствіи чего и разоряются потомъ. Тѣ изъ нихъ, которые лучше понимаютъ свои интересы, дѣлаются растовщиками и спекулируютъ насчетъ этой страсти къ приобретению, вполне увѣренные, что земля достанется имъ по дешевой цѣнѣ, когда кредиторы ихъ обанкрутятся. По этому самому нѣкоторые крестьяне возвышаются до буржуазіи, между тѣмъ какъ большая часть изъ нихъ падаетъ еще ниже прежняго. Это печальная сторона законовъ естественныхъ, потому что люди эти управляются инстинктомъ почти столь же неизбѣжнымъ и слѣпымъ, какъ и тотъ, который заставляетъ цвѣсти яблони, и потому крестьянина нисколько не интересуетъ меня. Я готова помогать хромымъ, убогимъ, вдовамъ, дѣтямъ; но здоровые не стоятъ моего вниманія. Она упрямо и упорно своихъ муловъ.

— Скажите пожалуйста, маркиза, что же наконецъ здѣсь есть интереснаго?

— Ничего! пріѣзжаешь сюда потому только, что здѣсь хорошъ воздухъ, и можно немного поправить свое здоровье и свой кошелекъ. А потомъ ужъ такъ принято; всѣ оставляютъ Парижъ; вельза же намъ не ѣхать, когда всѣ другіе ѣдутъ.

— Я поняла, что маркиза страшно скучаетъ и потому старалась разсѣять ее своими распросами.

— Нѣтъ ли у васъ здѣсь хоть какого нибудь забавнаго сосѣда, котораго бы можно было потормозить?

— Увы! моя милая, нѣтъ!.. Теперь уже нѣтъ болѣе ни забавнаго ни смѣшнаго, а есть только одни пороки да бѣдствія. Ваше движеніе цивилизаціи, ваши желѣзныя дороги уничтожатъ совершенно всю фizioномію провинціи. Скоро совсѣмъ не будетъ провинціаловъ, и Богъ знаетъ куда надо будетъ отправляться, чтобы отыскать хоть одного изъ нихъ. Свѣтскій человекъ всюду будетъ находить салоны, которые не глупѣе парижскихъ салоновъ. То, что я въ молодости моей видала въ деревнѣ, теперь не встрѣтишь болѣе нигдѣ.

— Разскажите же мнѣ маркиза, что такое вы тогда видали.

— О, тогда бывали рѣзкіе типы буржуа, которые первоначально года два приготовлялись прежде чѣмъ рѣшиться одинъ разъ въ жизнь свою посѣтить Парижъ на мѣсяцъ. Передъ этимъ они даже дѣлали свои завѣщанія! Я не шучу, ma chère; я могу вамъ назвать человекъ двадцать изъ нихъ, которые еще существуютъ. Но коротче

всего я узнала въ то время деревенскихъ дворянъ. Это были пре- добрые люди, которые, въ слѣдствіи разгрома революціи, принужде- ны были обойтись безъ образованія и подобно средневѣковымъ сень- орамъ хвалились тѣмъ, что едва умѣли написать свое имя. Они по- ходили скорѣе на крестьянъ, но отнюдь не на буржуа; носили оде- жду грубую, иногда надѣвали сабо, вмѣстѣ съ пудрой; но у нихъ не было валою походы и лицезѣрнаго вида крестьянина. Напротивъ того, они были высококѣрны, хвастливы, недовольны имперіей и съ утра до вечера сердились, что очень забавляло меня и сестру мою. Мы были еще дѣтьми и не слишкомъ заботились о политическихъ дѣлахъ, и я помню, какъ мы задыхались отъ смѣху, слушая, какъ эти бѣдные дворянчики грозились на Вонапарта и клялись, что иногда ихъ еще не совѣмъ заржавѣли! Тогда съ сосѣдями выдались рѣже чѣмъ нынче; но за то долѣе бывали съ ними вмѣстѣ. Они пріѣз- жали гостить дней на восемь и волей-неволей вы принуждены были сходится съ людьми скучными, которые однако при случаѣ были вамъ преданы. По дурному состоянію дорогъ, они пріѣзжали къ вамъ за восемь, за десять льѣ, верхами на своихъ деревенскихъ лошад- кахъ, съ *своею дамою* позади себя, а иногда еще и съ ребенкомъ, котораго сажали напередъ. Бывали также и деревенскіе щеголи, ко- торые одѣвались по модѣ 1810 годовъ. Господа эти тоже пріѣзжали верхами, въ бѣлыхъ чулкахъ, и бальныхъ башмакахъ; сверхъ этого надѣвались ковровые панталоны, которые застегивались сверху до низу и которые снимались въ ковюшнѣ, прежде нежели входили въ салонъ. И я нахожу, что это было гораздо приличнѣе того, что дѣ- лаютъ нынче, когда пріѣзжаютъ съ утренними визитами въ бот- фортахъ, въ штанахъ изъ замши и съ лошадинымъ запахомъ, ко- торого женщины уже не чувствуютъ, потому что господа эти своими сигарами отбили у нихъ обоняніе. Конечно нынѣшній деревенскій дворянинъ гораздо образованнѣе тѣхъ, о которыхъ я говорила вамъ; ему извѣстны нѣкоторыя вещи, о которыхъ всѣ могутъ говорить; онъ читаетъ журналы, онъ или самъ воспитывался или нѣсколько разъ посѣщалъ большіе города; онъ стерса въ общемъ волненіи, ко- торая всѣ раковины округляетъ на одинъ маверъ. У него уже нѣтъ тѣхъ чистосердечныхъ выходовъ, которыя казались такими забав- ными; онъ уже болѣе не спрашиваетъ можно ли вечеромъ ходить по парижскимъ улицамъ, не находясь въ опасности отъ разбойни- ковъ, и не совѣмъ ли обнаженны гуляютъ въ елисейскихъ по- ляхъ женщины? Подавая вамъ вашу перчатку онъ ея не поцѣлууетъ но за то и не поднимаетъ ея вамъ. Онъ презираетъ не только из- вѣстнаго рода женщинъ, онъ презираетъ ихъ всѣхъ. Что же ка- сается до мещениковъ, то онъ ихъ рѣшительно не боится. У него нѣтъ ни копѣйки, и въ Парижъ онъ ѣздитъ за тѣмъ только, чтобы поиграть на биржѣ или занять у жидовъ!

Изъ этаго образца нашихъ разговоровъ, ты видишь, милая Ка- миша, что маркиза на все новое смотритъ съ черной точки зрѣ- нія, а также можешь поэтому самому составить себѣ мысль, о той разговорной жизни, которую, какъ ты пишешь, ты не можешь по-

нать. У нея ва все готова сатира, которая иногда бывает веселая, добродушная, а иногда печальная и горькая. Она слишком много говорила въ своей жизни, чтобы быть счастливой. Безпрестанно думать вдвоемъ, втроемъ или въ числѣ тридцати человекъ, никогда не углубляясь, съ самаго себя,—это, какъ я думаю, есть величайшее злоупотребленіе. Хотя маркиза своимъ умомъ и добротой придаетъ возможное очарованіе столь пустому употребленію времени, но я съ нетерпѣніемъ жду пріѣзда маркиза, чтобы и онъ принялъ нѣкоторое участіе въ этихъ витійственныхъ разглагольствованіяхъ.

И точно маркизъ пріѣхалъ въ концѣ недѣли, но озабоченный, скучный; и Каролина нашла, что онъ былъ очень холоденъ къ ней. Онъ тотчасъ же погрузился въ свои любимыя занятія и являлся только къ самому обѣду. Подобное обращеніе было тѣмъ чувствительнѣе для Каролины, что маркизъ казался старался еще болѣе прежняго быть разговорчивымъ съ матерью: такъ что Каролина, не считая свое присутствіе необходимымъ для поддержанія этого разговора и замѣчая, что она болѣе парализировала маркиза чѣмъ была ему полезна, старалась какъ можно меньше находиться въ его присутствіи и вечеромъ даже позволила себѣ какъ можно ранѣе уходить въ свою комнату.

IX.

Когда въ концѣ слѣдующей недѣли, пріѣхалъ въ свою очередь и герцогъ, то его очень удивило подобное положеніе дѣлъ.

— Что же это такое? спрашивалъ онъ самаго себя, видя, что даже самое расположеніе къ дружбѣ между маркизомъ и Каролиной какъ бы изчезло. Неужели братъ сдѣлалъ бесполезную попытку? Не разыгрываетъ ли эта дѣвица роль неприступной? Нѣтъ! Не честолюбива ли она? И то нѣтъ! Вѣроятно маркизъ не сумѣлъ объясниться. Онъ вѣрно приберегъ весь свой умъ для своихъ книгъ, когда нужно было употребить его на пользу рождающейся страсти.

Однако герцогъ не торопился проникнуть истину. Онъ былъ въ странной нерѣшимости. Ему удалось, наконецъ, узнать состояніе дѣлъ маркиза, у котораго осталось только тридцать тысячъ франковъ годоваго дохода, изъ коихъ двѣнадцать тысячъ были назначены брату въ видѣ пенсіи; почти всѣ остальные деньги шли на содержаніе и расходы матери, такъ что самъ маркизъ, живя въ собственныхъ своихъ владѣніяхъ, тратилъ на себя столько жѣ, сколько бы сдѣлалъ это самый скромный гость замка. Герцога до безконечности печалило подобное положеніе дѣлъ, котораго онъ самъ былъ единственною причиною. Онъ сталъ придумывать всѣ возможные средства, чтобы какимъ нибудь образомъ составить счастье брата. То убѣждалъ онъ себя, что любовь была необходима для такой уединенной жизни, то придумывалъ для него честолюбивыя планы, надѣясь пересилить его отвращеніе и снова внушить ему мысль о блестящей партіи.

Последнее предположеніе было также и мечтою маркизы. Она все-

гда ласкала ее и теперь болѣе, чѣмъ когда либо, предалась ей, надѣясь, что ея материнскій энтузіазмъ къ великодушному сыну, будетъ также раздѣленъ какой нибудь богатой и достойной дѣвухой. Она повѣрила герцогу, что вела переговоры съ своей пріятельницей герцогиней де Дюньеръ на счетъ женитьбы маркиза съ дѣвицею Ксантрай, очень богатою и хорошенькою сиротою, которая скучала монастырской жизнью... Въ слѣдствіе подобныхъ свѣдѣній дѣло казалось возможнымъ, но необходимо было склонить къ этому самаго Урбана, который не поддавался, говоря, что онъ никогда не женится, если самъ случай къ тому не представится.

— Другъ мой, говорила она герцогу на другой же день послѣ его пріѣзда, постарайся пересилить въ немъ эту дикость, а я ужъ рѣшительно не знаю, что тутъ и дѣлать! Герцогъ заговорилъ объ этомъ съ братомъ и напелъ его нерѣшительнымъ, безпечнымъ. Онъ не говорилъ: нѣтъ, но рѣшительно отказывался отъ всякаго рода стараній, говоря, что надо подождать случая, который бы далъ ему возможность встрѣтиться съ этой особой, что если она ему понравится, то онъ постарается потомъ узнать не противенъ ли онъ ей.

Маркизу выводили изъ терпѣнія эти отстрочки, и она продолжала свою переписку, сдѣлавъ герцога своимъ секретаремъ въ этомъ дѣлѣ, которое не желала сообщать Каролинѣ.

Герцогъ, видя ясно, что въ продолженіи цѣлыхъ шести мѣсяцевъ, дѣло это не подвигается ни на шагъ впередъ, возвратился къ прежней своей мысли, развлечь пока маркиза романомъ въ деревнѣ. Героиня была подъ рукою, и героиня прелестная. Можетъ быть, она немного страдала по случаю явнаго охлажденія маркиза и герцогъ приложилъ все свое стараніе, чтобы узнать причину этого охлажденія; но это рѣшительно не удалось ему: маркизъ былъ непроницаемъ. Вопросы брата, казалось, даже удивляли его.

Дѣло въ томъ, что никогда мысль ухаживать за m-ле де-Сенъ-Женексъ не входила ему въ голову. На первыхъ порахъ онъ сильно было поддавался очарованію Каролины и поддавался безъ всякой задней мысли; потомъ братъ, желая возбудить его ревность, заставлялъ его открыть въ себѣ слишкомъ сильную склонность въ этой безыменной симпатіи. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней онъ ужасно страдалъ. Задавая себѣ вопросъ, свободенъ ли онъ, онъ увидѣлъ себя поставленнымъ между матерью, которая желала для него богатой партіи и сыномъ, для котораго обязанъ былъ сохранить остатки своего состоянія. Сверхъ того онъ предвидѣлъ непреодолимое сопротивленіе со стороны самой m-ле де-Сенъ-Женексъ. Онъ уже на столько зналъ ея характеръ, что былъ увѣренъ въ томъ, что она никогда не согласится стать между нимъ и его матерью. Не желая бесполезно ухаживать за Каролиной и вовсе ужъ, конечно, не думая завлечь и обмануть ея довѣрчивости, маркизъ рѣшился пересилить себя и, казалось, чуднымъ образомъ успѣлъ въ томъ. Онъ на столько хорошо разыгрывалъ роль свою, что герцогъ былъ обманутъ имъ; такое мужество и тонкость чувствъ можетъ быть даже

превышали понятія, которыя герцогъ составлялъ себѣ о подобнаго рода обязанностяхъ.

— Я обманывалъ себя, думалъ онъ, брать мой весь поглосить историческими науками. Съ ними надо говорить только объ его книгахъ. Послѣ этого онъ обратился съ вопросомъ къ самому себѣ, спрашивая чѣмъ займётъ онъ свое воображеніе въ продолженіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ праздной жизни. Охотиться, читать романы, разговаривать съ матерью, сочинять кое-какіе романсы, — всего этого было недостаточно для такого богатаго воображеніемъ ума, и очень естественно, что онъ началъ думать о Каролинѣ, какъ объ единственномъ существѣ, которое бы могла набросить немного поэзіи и красокъ на его жизнь. Онъ рѣшился провести всѣ шесть мѣсяцевъ въ Севалѣ и это было благороднымъ рѣшеніемъ со стороны чловека, который любилъ деревню только со всѣми ея прихотами и роскошью. Онъ хотѣлъ, проводя каждый годъ шесть мѣсяцевъ въ деревнѣ своего брата, жить какъ только возможно скромнѣе, и каждый годъ отказываться отъ шести тысячъ франковъ выдаваемой ему пенсіи. Въ случаѣ же, если братъ отвергнетъ эту жертву съ его стороны, герцогъ намѣревался употребить эту сумму на поправки и улучшенія братнииа замка; но необходимо было, чтобы любовь увѣчала всѣ эти добродѣтели. Далѣе того у герцога не доставало самоотверженія.

— Какъ же быть, рассуждалъ онъ самъ съ собой, вѣдь я далъ честное слово ей, а также и матушкѣ не заниматься ею болѣе? Остается одно средство, можетъ быть болѣе простодушное, чѣмъ всѣ обыкновенно употребляемыя средства; а именно, надо быть какъ можно внимательнѣе къ ней, но въ тоже время показывать видъ полнѣйшаго безкорыстія; обращаться съ ней почтительно и искренно дружески, такъ чтобы внушить ей совершенную довѣренность къ себѣ. А такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ мнѣ не запрещается быть остроумнымъ, милымъ, любезнымъ и преданнымъ, какимъ бы я былъ, еслибъ объявлялъ свои притязанія, то очень можетъ статься, что ко всему этому она не останется нечувствительной и сама мало по малу разрѣшитъ меня отъ моей клятвы... Увидимъ. Это будетъ совершенно новый и плѣнительный способъ побѣдить сердце, которое раздражаешь какъ бы и не замѣчая того, и способствовать къ обезоруженію добродѣтели, не показывая и виду, что вызываешь ее къ этому. Я видѣлъ эти уловки съ кокетливыми и жеманными женщинами, но мнѣ любопытно видѣть, какимъ образомъ m-Ne де-Сент-Женексъ, въ которой нѣтъ ни кокетства, ни жеманства, какинъ образомъ она будетъ поступать тутъ. Занимаясь подобнаго рода самолюбивыми пустяками, герцогъ не скучалъ болѣе; онъ никогда не любилъ грубаго разврата и развратъ его всегда сохранялъ какой то отпечатокъ изящества. Онъ до того тратилъ и злоупотреблялъ своей жизнью, что самъ уже былъ на столько истраченъ, что безъ особенныхъ усилій могъ воздерживать себя. Онъ признавался, что не прочь былъ снова возвратить себѣ здоровье и молодость, а иногда даже воображалъ себѣ, что можетъ быть къ нему возвратится и

сердечная его молодость, слѣды которой онъ счужилъ еще сохранить въ своихъ манерахъ и разговорахъ.

Онъ такъ искусно маневрировалъ, что м-м де-Сенъ-Женексъ вполне повѣрила его притворной честности. Видя, что герцогъ не ищетъ случая остаться съ ней наединѣ, она болѣе не убѣгала его, между тѣмъ какъ, не теряя ее изъ виду, онъ изобрѣталъ самымъ естественнымъ и, какъ будто самымъ неумышленнымъ образомъ, случаи встрѣчаться съ нею во время ея прогулокъ. Онъ въ тоже время пользовался этими встрѣчами, дѣлая видъ, что не желаетъ продлить ихъ и что изъ предосторожности, хотя и съ отбѣнкомъ котораго сожалѣнія, самъ удаляется отъ нея.

Онъ употреблялъ все это искусство, не подавая Каролинѣ ни малѣйшаго подозрѣнія. Собственное ея чистосердечіе не позволяло ей предполагать подобнаго рода плановъ. По прошествіи какой нибудь недѣли, она была такъ же свободна въ его присутствіи, какъ будто бы никогда не чувствовала недоверія и вотъ что, по этому случаю, писала она г-жѣ Гейдебертъ:

«Герцогъ очень измѣнился къ лучшему со времени семейнаго происшествія, которое заставило его образумиться, или же онъ никогда не заслуживалъ обвиненій, которыя ввозила на него г-жа Д. Очень можетъ быть, что послѣднее предположеніе справедливѣе, потому что я не могу повѣрить, чтобы человѣкъ такого изящнаго образованія когда-либо захотѣлъ погубить женщину единственно изъ удовольствія похвастаться жертвой. Г-жа Д. предполагала, что онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ со всѣми покоренными имъ сердцами, изъ своевольтва и тщеславія. Я не понимаю хорошенько, что такое значить своевольтво въ жизни людей знатныхъ; я жила въ кругу разсудительныхъ людей и видѣла своевольтво только въ несчастномъ классѣ рабочихъ людей, которые теряютъ въ немъ свой разсудокъ и бьютъ своихъ жонъ въ припадкѣ чрезмѣрнаго немощства. Если порокъ этихъ знатныхъ господъ состоитъ въ томъ, чтобы компрометировать свѣтскихъ женщинъ, то необходимо, чтобы было достаточное количество свѣтскихъ дамъ, способныхъ допустить компрометировать себя: герцогу д'Алерія приписываютъ огромное количество жертвъ. Я не вижу, чтобы онъ занимался женщинами и никогда не слыхала, чтобы про которую нибудь въ особенности онъ говорилъ дурно. Напротивъ того, онъ хвалитъ добродѣтель и говоритъ, что вѣрить въ нее. Кажется, онъ никогда не имѣлъ повода упрекать себя въ вѣроломствѣ, потому что ставитъ замѣтное различіе между тѣми, которыя соглашаются на свою погибель и тѣми, которыя не соглашаются на это. Я не знаю, обманывалъ онъ или нѣтъ, но, по видимому, онъ умѣлъ любить искренно и чистосердечно. Ни мать его, ни братъ, кажется, не сомнѣваются въ томъ, а я стараюсь увѣрить себя, что это натура чистосердечная, непостоянная, и надежда остановить ее подлѣ себя можетъ придти въ голову только очень доверчивой или тщеславной женщинѣ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ былъ расточителемъ до чрезмѣрности, что онъ былъ игрокъ, что забывалъ свои семейныя

обязанности и былъ упоенъ роскошью и ребячествами, недостатками челоуѣка серьезнаго; всему этому я вѣрю и смотрю на это какъ на слабость разсудка и на тщеславіе; но всѣ эти недостатки и несчастія происходятъ отъ воспитанія и отъ жизни слишкомъ изабалованной въ началѣ. Нужда не научила этихъ людей быть трудолюбивыми и бережливими. Развѣ бѣдный отецъ нашъ тоже не разорился, а кто же осмѣлится обвинить его въ этомъ? Что же касается до тщеславія, то какъ ни стараюсь открыть его въ герцогѣ, я не вижу ни малѣйшаго слѣда. Онъ здѣсь такъ же простъ, какъ добрый деревенскій дворянинъ; костюмъ его самый дешевый, а добродушное и простое обращеніе его привлекаетъ къ нему всѣ сердца. Никогда не слыхала я отъ него намековъ на прошлые его успѣхи и никогда не старается онъ похвастать своими преимуществами, которыми, однако, одаренъ вполне, потому что владѣтъ удивительно пріятнымъ умомъ, до сихъ поръ еще очень хорошъ собой, поетъ восхитительно и даже немного сочиняетъ. Разговоръ его очень милъ, хотя и не имѣетъ въ себѣ ничего глубокаго, потому что чтеніе его состояло изъ книгъ легкихъ и пустыхъ; въ чемъ онъ и самъ теперь чистосердечно сознается.

«Что же касается до маркиза, то онъ не перестаетъ быть все тѣмъ же чистымъ зеркаломъ, примѣромъ всевозможныхъ добродѣтелей и олицетворенною скромностью. Онъ очень занятъ теперь, работая надъ огромнымъ историческимъ трудомъ, о которомъ братъ говоритъ чудеса,—и это ни сколько не удивляетъ меня. Природа была бы очень не логична, еслибъ отказала ему въ способности выражать цѣлый міръ глубокихъ идей и истинныхъ чувствъ, которыми она одарила его душу. Трудъ этотъ погрузилъ его въ какое-то религіозное самоуглубленіе, которое сдѣлало его скрытнѣе въ отношеніи меня; но за то онъ сталъ и гораздо откровеннѣе съ матерью и братомъ, чѣмъ былъ прежде. Я радуюсь за нихъ. Въ Парижѣ онъ оказывалъ мнѣ большое участіе, особенно въ тотъ день, когда братъ его позволилъ себѣ не совѣмъ скромно нападать на меня; но изъ того, что онъ не оказываетъ мнѣ болѣе этого особеннаго вниманія, я не хочу заключить, что оно уже не существуетъ болѣе, что оно не возобновится опять, когда снова представится къ этому случай. Но подобнаго рода случай не представится болѣе, потому что герцогъ такъ хорошо оптрафованъ.

Изъ этого видно, что если Каролина внутренно и огорчалась переменной обращенія маркиза, то это было совершенно безъ ея вѣдома и безъ желанія видѣть въ этомъ какое-то неясное оскорбленіе. Сюда вовсе не входило женское самолюбіе. Она чувствовала, что не сдѣлала ничего такого, что могло бы лишитъ ее уваженія маркиза; а такъ какъ она ничего не ожидала и ничего не желала болѣе, то и приписывала все это его серьезнымъ занятіямъ.

Какъ ни старалась она противиться этимъ мыслямъ, она въ то же время чувствовала, что ею овладѣваетъ страшная скука. Она не писала объ этомъ ни слова сестрѣ своей, мадья кроткую и боязливую Камиллу, которую привыкла любить любовною матерю; но за те

на нее находили часы глубокаго изнуженія, когда ужасъ одиночества сжималъ ее сердце. Какъ ни смѣло боролась она съ этими припадками меланхоліи, она не могли укрыться отъ внимательныхъ глазъ герцога д'Алеріа. Онъ сдѣлался къ ней еще предупредительнѣе и внимательнѣе, и когда видѣлъ ее благодарности, то спѣшилъ очень деликатно напомнить ей, что любовь тутъ совершенно не участвовала. Но вся эта игра пропадала даромъ. Каролина была слишкомъ проста, чтобы подобная ловкость могла увлечь ее. Когда герцогъ окружалъ ее нѣжной и милой внимательностью, она вѣрила въ его дружбу, когда же онъ старался уколоть ее своими замѣчаніями, она тѣмъ болѣе радовалась, что тутъ, кромѣ дружбы, ничего не было. Герцогъ каждый день ожидалъ увидѣть раждающуюся досаду или нетерпѣніе, но замѣчалъ только легкую грусть, причину которой очень наивно приписывалъ себѣ, что и радовало его, хотя и не удовлетворяло вполне. «Я думалъ, что она гораздо живѣе, говорилъ онъ самъ себѣ, въ грусти ея есть нѣсколько бездѣйствія и гораздо болѣе нѣжности чѣмъ горячности.»

Мало по малу нѣжность эта совершенно очаровала его. Онъ никогда не видалъ ничего подобнаго въ этой предполагаемой покорности. «Она добра, рассуждалъ онъ самъ съ собой, добра какъ ангель. Эта женщина, которая способна сдѣлать васъ счастливымъ, была бы такъ благодарна вамъ и такъ не требовательна! Право, она, кажется, не умѣетъ заставлять страдать другихъ, и все оставляетъ себѣ.»

Подстерегая такимъ образомъ свою добычу, герцогъ почувствовалъ, что самъ былъ обворованъ ею. Онъ начиналъ уже, наконецъ, терять терпѣніе и увѣрялъ себя, что необходимо было поспѣшить развязкой, — и вдругъ это показалось ему чрезвычайно трудно. Добродѣтель Каролины все еще не позволяла ему нарушить честное слово, а дѣйствуя въ этомъ случаѣ опрометчиво, онъ рисковалъ потерять все. Разъ какъ-то войдя въ комнату своей матери, онъ сказалъ, обращаясь къ ней:

— А я сейчасъ удивительно забавлялся, объѣзжая одного изъ нашихъ деревенскихъ жеребятъ. Это что-то чрезвычайно похоже на кабана и съ такой же мелкой рысью. Впрочемъ эта лошадка не безъ огня, хорошо бѣжитъ и очень кроткая. Еслибы m-ле де-Севъ-Женексъ любила верховую ѣзду, то могла бы ѣздить на немъ.

— Я очень люблю верховую ѣзду, и отецъ мой, который былъ знатокъ въ этомъ дѣлѣ хвалилъ меня...

— О! въ такомъ случаѣ я увѣренъ, что вы славная наѣздница?

— Не знаю, но я достаточно смѣла, и такъ же какъ всѣ женщины легка на руку.

— Какъ всѣ женщины, которыя хорошо ѣздить потому что женщины вообще очень нервны и хотять управлять мужчинами одинаковымъ образомъ, какъ и лошадыми; но это не въ нашемъ характерѣ.

— Что касается до мужчинъ, то я не знаю этого. Я никогда и щкъмъ не пробовала управлять.

— О! когда нибудь вы попробуете это.

— Не думаю, чтобы это могло случиться.

— О нѣтъ, этого не будетъ, вмѣшалась маркиза. Она не хочетъ выходить замужъ, и въ положеніи ея это очень благоразумное рѣшеніе.

— О! конечно,—возразилъ герцогъ; бракъ безъ состоянія долженъ быть сущимъ адомъ!

При этомъ онъ посмотрѣлъ на Каролину, чтобы видѣть, какое дѣйствіе произведетъ на нее подобное объявленіе. Она оставалась совершенно спокойною.

Желая еще болѣе узнать ея мысли, не слишкомъ компрометируя себя, герцогъ прибавилъ:

— Да, это долженъ быть сущій адъ, если только не вмѣшается тутъ сильная страсть, которая дастъ силу переносить все.

Каролина оставалась по прежнему спокойной, какъ будто бы вопросъ этотъ и не касался ея.

— Ахъ, мой мильи, проговорила маркиза, что ты за глупости тутъ намъ рязсказываешь? Бываютъ дни, когда ты говоришь, какъ совершенное дитя.

— Но вы вѣдь очень хорошо знаете, что я еще совѣмъ дитя, отвѣчалъ герцогъ, и надѣюсь, что долго еще буду такимъ.

— Счастья нѣтъ въ нищетѣ, продолжала маркиза, которая чувствовала потребность говорить. Нищета убиваетъ все, даже самую любовь.

— Это тоже ваше мѣнѣе m-lle Каролина? возразилъ герцогъ.

Я совершенно не знаю жизни, виѣ извѣстныхъ границъ; и въ этомъ случаѣ скорѣе повѣрю вашей матушкѣ, чѣмъ вамъ. Я знакома съ нищетою, и если страдала отъ нея, то это только видя, какъ она тяготѣла надъ тѣми, кого я любила. И потому не надо запутывать и разширять свою жизнь, когда она уже и безъ того такъ трудна. Это бы значило навлекать на себя отчаяніе.

— Но Боже мой! все условно, проговорилъ герцогъ. То, что для однихъ кажется нищетою, другимъ кажется роскошью. Развѣ бы вы не считали себя богатой, получая двѣнадцать тысячь годоваго дохода?

— О! конечно, отвѣчала Каролина, позабывъ, а можетъ быть даже и совѣмъ незная, что это была именно цифра пенсія, получаемой герцогомъ.

— Итакъ! возразилъ герцогъ, желая однимъ словомъ подать надежду, чтобы другимъ словомъ имѣть возможность отнять ее, — что бы вы сдѣлали, еслибъ кто нибудь предложилъ вамъ подобное существованіе, съ придачею истинной любви?

— Я бы не могла принять, — отвѣчала Каролина; я должна кормить и воспитать четверыхъ дѣтей; никакой мужъ не въ состояніи принять на себя такого прошедшаго.

— Она прелестна! вскричалъ маркизъ, она говоритъ о своемъ прошедшемъ, какъ какая нибудь вдова.

— Ахъ, да! я еще и не говорила о вдовѣ, о моей бѣдной сестрѣ!

Со мною, да съ старой няней, которая привязана къ намъ и съ которой мы будемъ дѣлить послѣдній кусокъ нашъ, насъ всѣхъ семеро.

— Ну да! Въ сущности вы правы, проговорилъ герцогъ, съ этой зудесной храбростью и смѣлостью ума, вы одиѣ сѣумѣете лучше выпутаться изъ жизни. Я думаю, что вы да я единственные истинные философы, какію только есть. Я считаю бѣдность за ничто, когда отвѣчаешь только за собственное довольство, и долженъ сознаться, что никогда еще я не былъ такъ счастливъ, какъ теперь.

— Тѣмъ лучше, мой милый, проговорила маркиза съ незамѣтнымъ отбѣнкомъ упрека, которой герцогъ тотчасъ же почувствовалъ, потому что поспѣшно прибавилъ:

— Я буду вполне счастливъ въ тотъ день, когда братъ мой женится на извѣстной намъ особѣ, и этотъ бракъ непременно устроится, не правда ли, любезная матушка?

Каролина сдѣлала движеніе, чтобы взглянуть на часы.

— Нѣтъ, нѣтъ! они вѣрны, подхватила маркиза, теперь отъ васъ нѣтъ секретовъ, душа моя, и вы должны узнать, что я получила извѣстіе касательно очень важнаго плана, относительно моего сына. И если въ этомъ дѣлѣ я обошла васъ, то это совершенно не отъ недобврія, а изъ другихъ причинъ. Возьмите и прочтите намъ это письмо, о которомъ сынъ мой еще не знаетъ.

Каролинѣ очень не хотѣлось заглядывать въ семейныя тайны, а въ особенности, когда онѣ касались маркиза а потому она колебалась.

— Маркиза нѣтъ здѣсь, проговорила она; я не знаю, одобрить ли онѣ съ своей стороны то довѣріе, которымъ вы удостоиваете меня...

— О! да, конечно, отвѣчала маркиза. Еслибъ я сомнѣвалась, то не прислала бы васъ прочесть письмо. Ну, начинайте же, душа моя! Отговариваться болѣе было невозможно, и Каролина начала читать. «Да, другъ мой, необходимо нужно устроить это, и безъ сомнѣнія это удастся намъ. Справедливо, что состояніе m-lle K*** состоитъ по крайней мѣрѣ изъ четырехъ милліоновъ, но это извѣстно ей и она ни мало не гордится этимъ; напротивъ того, послѣ новой попытки съ моей стороны, она, не позже, какъ сегодня же утромъ, сказала мнѣ: «Вы справедливо говорите, chère marraine, я имѣю право и возможность обогатить человека, истинно достойнаго. Все, что вы рассказывали мнѣ о сынѣ вашего друга, даетъ мнѣ высокое понятіе о немъ. Дайте только кончиться моему трауру въ монастырѣ и нынѣшней осенью я согласна увидѣться съ нимъ въ вашемъ домѣ.» Понятно, что во всемъ этомъ я не назвала никого по имени, но исторія вашихъ сыновей и ваша собственная достаточно извѣстна, чтобы миланъ моя Діана могла угадать, о комъ я говорю. Я не могла удержаться, чтобы не выетавить ей прекрасный поступокъ маркиза.

Братъ его герцогъ самъ объявилъ объ немъ повсюду съ чувствомъ такой признательности, что это дѣлаетъ ему честь. Итакъ не заживайте же слишкомъ долго въ вашемъ Севалѣ. Ненадо, чтобы Діана до свиданья своего съ маркизомъ, видѣла свѣтъ. Вступая въ него,

даже самых чистых души теряют эту первоначальную свѣжесть вѣрованій и великодушія, которыми я такъ восхищалась въ моей милой крестницѣ и стараюсь всѣми силами поддерживать въ ней. Вы будете продолжать мой трудъ, когда она сдѣлается вашей дочерью, достойный другъ мой. Самое горячее мое желаніе,—это видѣть, чтобы дорогой сынъ вашъ снова занялъ должное ему мѣсто въ свѣтѣ. Онъ поступилъ такъ прекрасно, такъ великодушно, лишивъ его себя, и самый прекрасный поступокъ, какой только можетъ сдѣлать дѣвушка знатнаго рода,—это возвратитъ ему его мѣсто. Эта обязанность для насъ, дочерей храбрыхъ, подавать высокій примѣръ душевной гордости этимъ господамъ выскочкамъ, а такъ какъ я одна изъ этихъ дочерей, то и желаю непремѣннаго успѣха, и для этого прилагаю всю мою душу, мою вѣру, мою преданность къ вамъ. Герцогиня де-Дюньеръ, урожденная де Фонтаркъ».

Взглянувъ на Каролину по окончаніи чтенія, во время котораго голосъ ея не измѣнился, Герцогъ не подмѣтилъ бы въ ней ни малѣйшаго усилія, ни малѣйшаго личнаго чувства, которое бы не гармонировало съ радостью, наполнявшею его сердце, но онъ и не думалъ наблюдать за ней. Въ присутствіи столь важнаго семейнаго факта, бѣдная Каролина была въ его жизни не болѣе какъ случайная и совершенно второстепенная мысль, и онъ бы поставилъ себя упрекомъ вспомнить о ея существованіи, когда видѣлъ для будущности своего брата дѣйствіе Провидѣнія, заглаживающее зло, котораго онъ былъ причиною.

— Да!—воскликнулъ онъ, радостно цѣлуя руки матери,—вы снова будете счастливы и я не буду болѣе краснѣть. Братъ мой будетъ главою семейства! Всему свѣту сдѣлаются извѣстны его блестящіе достоинства, потому что безъ состоянія, въ глазахъ большей части изъ нихъ, недостаточно одного таланта и добродѣтели. Слѣдовательно онъ, мой милый, мой дорогой братъ, будетъ имѣть все.

— Вы показывали это письмо Урбану, матушка?

— Да, мой другъ, конечно.

— И онъ доволенъ? Дѣла на такой хорошей дорогѣ, дѣвушка предупреждена въ пользу его, согласна заранѣе и желаетъ только видѣть его....

— Да, мой другъ, онъ обѣщалъ представиться ей.

— Побѣда! вскричалъ герцогъ. Будемъ же веселиться, будемъ ласкаться. Мнѣ бы хотѣлось подпрыгнуть до потолка, мнѣ бы хотѣлось обнять.... все равно кого. Не позволите ли вы мнѣ, сѣте маман, идти обнять брата?

— Почему же нѣтъ, но только не очень поздравляй его. Ты знаешь, что всякая новизна пугаетъ его,

— О! будьте покойны, я его знаю.

И герцогъ еще очень легкій, не смотря на небольшую полноту, вышелъ, подпрыгивая какъ молоденькій школьникъ.

Онъ нашелъ маркиза, погруженнаго въ свои занятія.

— Я тебѣ мѣшаю? Ну, тѣмъ хуже! вскричалъ онъ. Позволь мнѣ объять себя. Сейчасъ матушка читала мнѣ письмо герцогини де Дюньеръ.

— Но, другъ мой, бракъ этотъ еще не рѣшонъ, отвѣчалъ маркизъ, принимая братскій поцѣлуй.

— Онъ рѣшонъ, если только ты захочешь, а ты не можешь не захотѣть его.

— Но, другъ мой, я, пожалуй, могу сколько угодно хотѣть; но чтобы поддержать блестящую репутацію, сдѣланную мнѣ этою старой герцогиней, и которая, какъ мнѣ кажется, болѣе относится къ тебѣ, чѣмъ ко мнѣ,—для этого необходимо быть очаровательнымъ.

— Герцогиня очень хорошо сдѣлала, но она еще мало рассказала о тебѣ. Я бы очень желалъ теперь повидать ее, чтобы она все узнала. И онъ еще изволить сомнѣваться въ томъ, что онъ милъ! Скажите, пожалуйста, какъ онъ хорошо себя знаетъ!

— Я слишкомъ хорошо себя знаю, чтобы обманывать себя, возразилъ маркизъ.

— Но, чортъ возьми! Ужь не считаешь ли ты себя за медвѣдя? Сьумѣю же вѣдь ты обольстить г-жу Ж***, самую скромную женщину въ свѣтѣ.

— О! Умоляю тебя, не говори мнѣ о ней; ты напоминаешь мнѣ все, что я выстрадалъ прежде нежели я приобрѣлъ ея довѣренность и все то, что я выстрадалъ потомъ, чтобы это довѣріе не было у меня отнято каждую минуту.... Вотъ видишь.... прибавилъ маркизъ, я умѣю сказать женщинѣ одно слово: *люблю*, и если она не пойметъ, что вся душа моя въ этомъ словѣ, то я никогда не въ состояніи буду прибавить къ нему другое.

— Ну, ты и полюбишь Діану де Ксентрайль, и она пойметъ твое священное слово!

— А если я не люблю ея?

— Но, другъ мой, вѣдь она прелестна! Я видѣлъ ее еще ребенкомъ, это былъ настоящій херувимъ.

— Всѣ говорятъ, что она прелестна; но если она не понравится мнѣ? Не говори мнѣ, пожалуйста, что нѣтъ никакой необходимости обожать свою жену, что достаточно уважать ее и не чувствовать къ ней отвращенія. Я не хочу разсуждать объ этомъ, это совершенно лишнее. Поставимъ только одинъ вопросъ: чѣмъ я могу ей понравиться? Если я не люблю, то не сьумѣю заставить полюбить и себя,—а въ такомъ случаѣ я и не женюсь.

— Право, можно сказать, что ты именно и расчитываешь на это! воскликнулъ герцогъ, съ выраженіемъ неподдѣльнаго горя. О! бѣдная матушка, какъ она была счастлива этой надеждой! А я, который надѣялся, что наконецъ судьба сжаляется надо мной! Должно быть, какое нибудь проклятіе лежитъ на насъ троихъ, Урбанъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ растроганный маркизъ; не будемъ отчаяваться.

Я стараюсь измѣнить мой дикій характеръ. Честью тебѣ клянусь, что я всѣми силами стараюсь это сдѣлать. Я хочу покончить съ этимъ безпокойнымъ существованіемъ! Оставьте мнѣ лѣто, чтобы я могъ восторжествовать надъ моими воспоминаніями, моими сомнѣніями и опасеніями. Право, я желаю сдѣлать васъ счастливыми, и можетъ быть, Богъ придетъ мнѣ на помощь.

— Благодарю тебя, братъ, ты—лучшій изъ людей! отвѣчалъ герцогъ, еще разъ обвиняя его. Итакъ какъ эта сцена сильно растрогала маркиза, то онъ и пошелъ съ нимъ прогуляться, чтобы разсѣять его отъ занятій и поддержать его хорошее расположеніе. Тутъ онъ повторилъ тоже самое, что сдѣлалъ Урбанъ въ тотъ день, когда они въ первый разъ сошлись съ нимъ. Онъ притворился слабымъ, страдающимъ сердечной болью, чтобы возбудить въ братѣ силу воли. Онъ живо выразилъ свои угрызенія и потребность, которую онъ чувствовалъ въ нравственной поддержкѣ.—Двое такихъ несчастливцевъ какъ мы врядъ-ли въ состояніи оказать другъ другу помощь, говорилъ онъ; твоя меланхолія неизбежно отразилась и на мнѣ; она тяготитъ меня. День, въ который я увижу тебя счастливымъ, возвратитъ мнѣ мою настоящую энергію и я приступлю къ одному предпріятію, въ отношеніи котораго я ужасно былъ глупъ и нерѣшителенъ послѣднѣе время.

— Еще какая нибудь женская исторія? проговорилъ маркизъ, сдерживая смутное и мгновенное безпокойство.

— Ужъ конечно ничто другое... Эта маленькая де Сенъ Женексъ, которая начинаетъ занимать меня, можетъ быть, болѣе нежели это слѣдовало!

— Этакъ-то именно и не слѣдуетъ, возразилъ съ живостью маркизъ. Развѣ ты не поклялся въ томъ матушкѣ?.... Она мнѣ говорила это... Развѣ ты обманывалъ матушку?

— Нѣтъ, нисколько; но я бы очень желалъ, чтобы меня принудили къ тому...

— Принудили! Я не понимаю тебя.

— Боже мой! Вотъ въ какомъ я теперь положеніи! Тутъ герцогъ разсказалъ брату, какъ сначала онъ солгалъ ему, сказавъ, что влюбленъ въ Каролину, съ похвальнымъ намѣреніемъ заставить влюбиться въ нее самого маркиза, какъ потомъ, видя, что это не удалось ему, онъ составилъ планъ влюбить ее въ себя, но не любить самому, и какъ, наконецъ, онъ влюбился въ нее самъ, не увѣренный, чтобы ему отвѣтили тѣмъ же. Однакожъ онъ прибавилъ, что рассчитываетъ на побѣду, лишь бы только у него достало мужества высказаться ей; и все это онъ передалъ въ такихъ тонкихъ или такихъ двусмысленныхъ выраженіяхъ, что маркизъ не могъ сдѣлать ему нравочены не выказавшись самъ съ смѣшной стороны. Потомъ, когда, опомнившись немного, онъ началъ говорить ему о спокойствіи ихъ матери, о чести дома, не осмѣливаясь въ своемъ смущеніи упомянуть что либо насчетъ уваженія должнаго Каролинѣ,—герцогъ, испугавшись вдругъ, чтобы онъ не поставилъ себѣ обязанностью предостеречь ее, поклялся, что онъ ничего не предприметъ, чтобы обольстить ее, но

что если она сама смѣло бросится въ его объятія, отдавшись ему безъ всякихъ условій и расчетовъ, то онъ способенъ жениться на ней.

— Ты видишь самъ, говорилъ онъ ему въ заключеніе, что все это очень серьезно. Я еще разъ хотѣлъ поставить ловушку, въ чемъ и сознаюсь самъ, но не рассчитывалъ воспользоваться ею, и это было только шуткой безъ всякихъ послѣдствій. Но теперь я самъ запутался въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ, и это заставляетъ меня ужасно страдать. Я не прошу тебя помогать мнѣ, но, во имя нашей дружбы, запрещаю тебѣ возстановлять кого бы то ни было противъ меня, потому что если ты испугаешь m-lle де Сень-Женексъ, то, можетъ быть, доведешь меня до отчаянія, и я не ручаюсь ни за что; или же если тебѣ удастся заставить меня отказаться отъ нея, то она, доведенная до отчаянія, можетъ быть, надѣлаетъ какихъ нибудь глупостей, которыя погубятъ ее въ глазахъ матушки. И такъ какъ дѣла теперь въ такомъ положеніи, что могутъ развязаться только чѣмъ нибудь непредвидѣннымъ, то ты и не вмѣшивайся, и будь увѣренъ, что я буду вести себя такъ, чтобы успокоить твою деликатность, не возмущая ни матушки, ни гостепріимства, которое ты даешь мнѣ.

XI.

Во время этого тяжелого для маркиза разговора, Каролина вела съ маркизой тоже не совсѣмъ пріятную бесѣду. Старуха, предавшись своему плану, невольно высказала передъ своей молодой повѣрчивой всю глубину своего фамильнаго честолюбія. Но Каролина, по преимуществу, любила и восхищалась въ маркизѣ тѣмъ рыцарскомъ безкорыстіемъ и тою покорностію, которую являла она къ потерѣ состоянія и къ разразившемуся надъ ней удару. Теперь же ей пришлось отказаться отъ этого и признать во всей этой великодушной философій ловко надѣтый костюмъ. Однакоже маркиза вовсе не была лицемерна и вовсе не считала себя не логичной, говоря, что лучше желаетъ умереть, нежели видѣть, чтобы который нибудь изъ ея сыновей, для своего обогащенія, сдѣлалъ какую нибудь низость, но что умереть съ голоду было бы очень жестоко; настоящее же ея положеніе есть жизнь лишеній, а жизнь маркиза просто мученье и что наконецъ нельзя быть счастливымъ, когда съ знатностію рода и съ гордостью незапятнанной совѣсти, не имѣешь, по крайней мѣрѣ, двухъ сотъ тысячъ ливровъ годового дохода.

Каролина нашла возможнымъ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній, которые маркиза съ силою отвергнула.

— Развѣ не нужно, чтобы сыновья знатнѣйшихъ фамилій первенствовали надъ всѣми прочими классами общества? Это законъ, который и вы должны бы знать, — вы, которыя тоже происходите изъ хорошаго рода. Вы бы должны понимать, что знатные люди имѣютъ потребности, и, можетъ быть, даже обязательныя, которыя заставляютъ ихъ быть крайне щедрыми, и что чѣмъ выше поставлены люди, тѣмъ болѣе поставляется имъ въ необходимость имѣть состояніе параннѣ съ ихъ природнымъ званіемъ. Не скрою отъ васъ, что я ужасно страдаю, когда вижу, какъ маркизъ самъ рассчитывается съ

своими фермерами, заботится о нѣкоторомъ неизбѣжномъ готовствѣ и даже снисходитъ до разныхъ подробностей по моей кухнѣ. Всѣ тѣ, которымъ извѣстна наша бѣдность, найдутъ, что маркизъ поступаетъ похвально, заботясь такимъ образомъ, чтобы я не терпѣла ни въ чемъ недостатка; но для тѣхъ, которые, не зная положевія нашихъ дѣлъ, мы, конечно, кажемся скупцами и спускаемся до уровня всей этой молкой буржуазіи!

— Если ужъ вы на столько страдаете отъ той жизни, на которую я смотрю какъ на жизнь совершенно достаточную и почтенную... проговорила молодая дѣвушка, то дай Богъ, чтобы бракъ этотъ устроился. Иначе, въ случаѣ какихъ либо препятствій, вамъ необходимо будетъ сдѣлать запасъ новой бодрости и терпѣнія.

— Почему жъ вы думаете, что тутъ могутъ быть препятствія? спросила маркиза ужъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— О! я нисколько не думаю, отвѣчала Каролина; зачѣмъ стану я сомнѣваться, если только м-лле де Ксентрайль такое совершенство, какъ говорятъ.

— О, да, сущее совершенство. Вы можете видѣть это уже изъ того, на какомъ человѣкѣ она остановила свой выборъ.

— И сверхъ того, — продолжала маркиза, — Ксентрайль! Понимаете ли вы, душа моя, какое очарованіе въ этомъ имени? И, мнѣ кажется, что если особа, происходящая изъ этого рода, великодушна, то она не можетъ обладать этимъ качествомъ только вполонину? Но, какъ мнѣ кажется, вы не достаточно убѣждены въ томъ превосходствѣ, которое переходитъ намъ отъ нашей расы. Я это замѣчала въ васъ иногда. Можетъ быть это отъ того, что вы слишкомъ ужъ много философствовали на этотъ счетъ! Остерегайтесь, моя милая, этихъ новѣйшихъ предразсудковъ и притязаній этихъ господъ выскочекъ! Что они не говорятъ, что ни дѣлай, — а ничтожный человѣкъ никогда не будетъ имѣть истинно благороднаго сердца; первоначальное воспитаніе и привычка къ мелкой бережливости, всегда задушитъ его порывы. Вы никогда не увидите, чтобы онъ пожертвовалъ своимъ состояніемъ, своей жизнью, во имя идеи, для своей религіи, для своего короля, для своего имени... Онъ можетъ дѣйствовать блистательно изъ любви къ славѣ; но все это будетъ изъ личныхъ интересовъ, въ этомъ, пожалуйста, не сомнѣвайтесь.

Каролина чувствовала себя оскорбленною восторгомъ, который маркиза выказала въ отношеніи аристократическаго сословія.

— Чтоже это такое! говорила она самой себѣ, моя бѣдственная жизнь, жизнь преданности, бодрости, мое добровольное отреченіе отъ всѣхъ радостей жизни, ничего не значать передъ героизмомъ дѣвицы Ксентрайль, которая допускаетъ мысль довольствоваться двумястами тысячами ливровъ дохода, чтобы выйти замужъ за превосходнаго человѣка! И только потому что она Ксентрайль, ей рѣшимость такъ возвышенна, и потому только, что я — Сенъ-Женексъ, мое пожертвованіе есть дѣло обыкновенное и обязательное.

Каролина отстранила отъ себя эти мысли оскорбленной, спра-

ведливой гордости; но они; проскользнувъ, оставили легкой слѣдъ на выразительномъ лицѣ ея. Герцогъ завладѣлъ этимъ признакомъ, приписывая себѣ причину тайной грусти. Его заблужденіе еще болѣе усилилось, когда онъ увидѣлъ, что, вопреки всѣмъ своимъ усилиямъ, чтобы поддержать свое обычно веселое расположеніе, m-lle de Сенъ-Женексъ, все болѣе и болѣе задумывалась. Настоящая тому причина была та, что Каролина, по обыкновенію своему, обратилась съ вопросомъ къ маркизу, и онъ, обыкновенно такой вѣжливый, заставилъ ее повторить. Она сначала подумала, что онъ и самъ былъ занятъ чѣмъ нибудь мысленно; но два или три раза встрѣтивъ его холодный, высокомерный и почти презрительный взглядъ, она оледенѣла отъ удивленія и ужаса, и, замолчавъ, принуждена была все сложить на мигрень.

Что касается брата, то герцогъ смутно заподозрилъ истинную причину его задумчивости; подозрѣніе это разсѣялось, когда онъ увидѣлъ его снова веселымъ. Онъ не угадывалъ того унынія, съ которымъ боролась эта смущенная душа, и, считая себя вправѣ безнаказанно заниматься Каролиной, онъ обратился къ ней.

— Вы страдаете, сказалъ онъ ей; я вижу, что вы очень страдаете. Малан; будьте осторожны, съ нѣкотораго времени m-lle де-Сенъ-Женексъ часто бываетъ блѣдна.

— Въ самомъ дѣлѣ? отвѣчала маркиза, смотря съ участіемъ. Не больны ли вы, моя милочка? Пожалуйста, не скрывайте отъ меня.

— Я совсѣмъ здорова, отвѣчала Каролина. Только сегодня у меня болитъ голова отъ солнца; но это ровно ничего не значить.

— Нѣтъ! совсѣмъ не ничего, возразила маркиза, внимательно смотря на нее, и герцогъ правъ: вы очень измѣнились. Вамъ надобно сейчасъ же идти прогуляться на чистомъ воздухѣ, или, можетъ быть, вы хотите уйти къ себѣ; здѣсь слишкомъ жарко. Сегодня вечеромъ я ожидаю цѣлую ватагу сосѣдей, и потому вы не нужны мнѣ и я даю вамъ свободу.

— Знаете ли что вамъ помогло бы теперь? подхватилъ герцогъ, обращаясь къ блѣдной дѣвушкѣ, совершенно разстроенной вниманіемъ, котораго она была предметомъ; вамъ бы надобно прокатиться верхомъ. Это маленькое дикое четвероногое, о которомъ я говорилъ вамъ, прекроткое животное и славно бѣжить. Не хотите ли вы попробовать?

— Одна? спросила маркиза, и на невыѣзженной лошади?

— Я увѣренъ, что это понравится m-lle Каролинѣ. проговорилъ герцогъ. Она смѣла и не боится ничего,—я это знаю. Сверхъ того, я буду наблюдать и отвѣчаю за нее.

Онъ говорилъ такъ настойчиво, что маркиза спросила Каролину, не доставитъ ли ей въ самомъ дѣлѣ удовольствія прогулка верхомъ.

— Да, отвѣчала она, увлеченная потребностью сбросить съ себя тяжесть, которая давила ее. Я еще настолько дитя, что это можетъ занять меня; но лучше когда вибуть въ другой разъ. Я бы не хотѣ-

ла сдѣлать себя зрѣлищемъ для гостей, которыхъ вы ожидаете, тѣмъ болѣе, что дебютъ мой вѣроятно будетъ очень неловокъ.

— Если такъ, то вы можете отправиться въ паркъ, проговорила маркиза: въ немъ достаточно тѣни, чтобы скрыть вашу первую пробу, но я бы желала, чтобы ктонибудь провожалъ васъ на лошади: хоть бы старикъ Андре напримѣръ. Онъ хоропій наѣздникъ, и у него предобрая лошадь, на которую вы можете, даже, промѣнять и вашу, если она слишкомъ бѣшена.

— Да, да, именно! подтверждалъ герцогъ. Андре поѣдетъ на старой Бланкѣ, это чудесно. Я буду наблюдать за ними и все пойдетъ прекрасно.

— Но женское сѣдло? присовокупилъ въ свою очередь маркизъ, повидимому совершенно равнодушный ко всѣмъ этимъ сборамъ.

— Сѣдло есть, я видѣлъ въ сѣдельномъ чуланѣ, отвѣчалъ съ живостью герцогъ, я сейчасъ же бѣгу распорядиться всѣмъ этимъ.

— А амазонка? спросила маркиза.

— Нужно только длинную юбку и больше ничего. проговорила Каролина, которой вдругъ пришло желаніе презрѣть неприязненнымъ видомъ маркиза и избавиться отъ его присутствія. Маркиза одобрила всѣ эти приготовленія и, опираясь на руку Урбана, пошла навстрѣчу подѣжавшимъ гостямъ.

Когда молодая дѣвушка спустилась съ крутой лѣсенки башни, которая примыкала къ ея комнатамъ, то нашла лошадь уже совершенно осѣдланную. Самъ герцогъ держалъ ее передъ маленькой калиткой, которая выходила на площадку. Андре былъ тоже тутъ, верхомъ на старой лошадилицѣ, страшно худой и въ жалкой збрушкѣ, потому что конюшня была въ полнѣйшемъ растройствѣ: позволялось имѣть только необходимое, но и того былъ не совсѣмъ полный комплектъ. Маркизъ, стѣсненный гораздо болѣе, нежели признавался въ томъ, относилъ все это къ своей непредусмотрительности, и герцогъ, угадывая истинную причину, объявилъ, что, собственно для себя, онъ лучше любилъ охотиться пѣшкомъ, чтобы посбавить съ себя полноту.

Снарядить Жаке, (такъ звали молоденькаго жеребенка, возведеннаго передъ тѣмъ только въ достоинство верховой лошади), было не совсѣмъ маловажнымъ дѣломъ; и Андре, изумленный подобнаго рода фантазіей, не скоро бы отыскалъ женское сѣдло, и не легко бы ему было привести его въ должный порядокъ. Герцогъ въ какіе вѣдущъ четверть часа съ удивительною скоростью и ловкостью сдѣлалъ все самъ; онъ былъ весь въ поту, и Каролина немного сконфузилась, увидя, что онъ держалъ свою руку такъ, чтобы она могла стать на нее ногою, и такимъ образомъ помогъ ей сѣсть въ сѣдло, поправилъ мундштукъ, и подтянулъ ремни, какъ настоящій жокей, смѣясь надъ безпорядкомъ всѣхъ этихъ вещей, и предусматривая все съ братскою заботливостью.

Когда Каролина, ласково поблагодаривъ его, пустила свою лошадь рысью, умоляя не беспокоиться болѣе о ней, герцогъ отослалъ Андре,

проворно вскоцилъ на старую Бланку, и, стиснувъ ей бока шпорами, поспѣдовалъ за молодой дѣвушкой въ тѣнистыя аллеи парка.

— Какъ, это вы, герцогъ? воскликнула она, остановившись, чтобы вздохнуть: вы взяли на себя трудъ провожать меня! Нѣтъ, это невозможно, я не потерплю этого, вернитесь назадъ!

— Это почему? Развѣ вы боитесь остаться со мною вдвоемъ? Развѣ мы не встрѣчались съ вами въ этихъ аллеяхъ и прежде, и развѣ я когданибудь наскучала своимъ краснорѣчіемъ?

— О, нѣтъ, конечно! проговорила Каролина съ полной довѣрчивостью. Вы очень хорошо знаете, что у меня нѣтъ этихъ мыслей; но эта лошадь должна быть для васъ настоящимъ мученіемъ.

— А вы довольны вашей?

— Совершенно.

— Въ такомъ случаѣ, все къ лучшему. Меня очень забавляетъ выѣздка Бланки. Посмотрите, развѣ я не такъ же ловко на ней сижу, какъ на какомънибудь кровномъ скакунѣ? Къ чорту же всѣ предрасудки...

— Но если она будетъ спотыкаться?

— Нѣтъ, ничего. А если и сломитъ мнѣ шею, то я буду очень счастливъ, потому что пострадаю, служа вамъ.

Любовность эта была сказана герцогомъ тономъ шутки, который не могъ испугать Каролину. Они поскакали въ галопъ и съ большой смѣлостью объѣхали паркъ кругомъ. Жакъ былъ восхитителенъ и не имѣлъ никакихъ капризовъ; сверхъ того м-лле де Сенъ-Женексъ очень хорошо умѣла ѣздить верхомъ, и герцогъ замѣтилъ, что она была такъ же граціозна, какъ ловка и смѣла. Распустивъ рубецъ, она смастерила себѣ длинную юбку, накинула на плечи казачку изъ бѣлаго канфаса, а маленькая соломенная шляпа, на бѣлокурыхъ волосахъ ея, распустившихся отъ ѣзды, чрезвычайно шла къ ней. Оживленная ѣздой и удовольствіемъ, она была удивительно хороша, такъ что герцогъ, наблюдая ея изящный станъ и блестящую улыбку ея прелестныхъ губокъ, чувствовалъ, что у него начинается ужъ кружится голова.

«Чортъ бы побралъ мое честное слово, которое я такъ довѣрчиво позволилъ вырвать у себя! говорилъ онъ самъ себѣ. Кто бы увѣрилъ меня, что мнѣ такъ трудно будетъ сдержать его?»

Но необходимо было, чтобы Каролина увлеклась первая, и герцогъ, чтобы дать вздохнуть лошадямъ, шагомъ заставилъ объѣхать второй разъ вокругъ парка; но она такъ свободно и вообще съ такимъ добродушіемъ говорила, что нельзя было допустить и мысли о какихънибудь восторженныхъ страданіяхъ.

— А! такъ это такъ-то? подумалъ онъ, когда они снова пустились въ галопъ. Ты воображаешь, что я намѣренъ вытянуть себѣ суставы на этой апокалиптической твари для того только, чтобы разговаривать, какъ бы подъ надзоромъ маменьки? Благодарю покорно! Я сейчасъ же намѣренъ разстроить твою спокойную благодарность бѣгствомъ, которое заставитъ тебя призадуматься.

— *Ma chère amie*, обратился онъ къ Каролинѣ, — онъ иногда позволялъ себѣ тономъ милого добродушія называть ее этимъ именемъ: вы теперь увѣрены въ Жакс, — неправда ли?

— О да, совершенно увѣрена.

— У него нѣтъ никакихъ капризовъ? Онъ не выходитъ у васъ изъ послушанія?

— О, нисколько.

— И такъ, если вы позволите, то я васъ оставлю, и пришло на мое мѣсто Андре.

— Ну да, пожалуйста! — отвѣчала съ живостью Каролина, — и даже не присылайте ко мнѣ никого. Я еще разъ объѣду кругомъ и отведу лошадь къ Андре. Я очень рада буду проѣхать одна, а то я страдаю, видя, какъ васъ немилосердно трасетъ эта лошадь.

— О! это совсѣмъ не отъ того, отвѣчалъ герцогъ, рѣшившись усилить ударъ: я еще не въ такихъ лѣтахъ, чтобы бояться тряской лошади; но я сейчасъ вспомнилъ, что м-ше д'Арглядъ должна пріѣхать сегодня вечеромъ.

— Не сегодня! а завтра.

— Это еще не вѣрно, присовокупилъ герцогъ съ намѣреніемъ.

— А! Можетъ быть вы лучше знаете, чѣмъ я.

— Можетъ быть, М-ше д'Арглядъ... но, нѣтъ...

— А! право? отвѣчала, смѣясь, Каролина. Я и не знала этого. Такъ ступайте же скорѣй. Прощайте, милльонъ разъ благодарю васъ за вашу снисходительность ко мнѣ. И она готова уже была ускакать, но герцогъ удержалъ ее.

— По крайней мѣрѣ то, что я дѣлаю очень невѣжливо! проговорилъ онъ.

— Не только не невѣжливо, напротивъ, очень любезно.

— Значитъ, мое общество надоѣло вамъ?

— Я совсѣмъ не то хотѣла сказать. Я говорю, что ваша невѣжливость доказываетъ ваше довѣріе ко мнѣ, за что я и благодарна вамъ.

— А какъ вамъ нравится м-ше д'Арглядъ? Не правда ли она хорошенькая?

— Очень хорошенькая.

— А которой ей годъ?

— Она моихъ лѣтъ. Мы вмѣстѣ были въ монастырѣ.

— Я знаю. И вы были большіе друзья?

— Нѣтъ, не слишкомъ; но послѣ того она оказывала мнѣ большое участіе въ моихъ несчастіяхъ.

— Это вѣдь она васъ выписала сюда. Но почему вы ненавидѣли другъ друга въ монастырѣ?..

— Между нами не было никакой ненависти, а мы просто не были дружны.

— А теперь?

— Теперь она добра ко мнѣ, и поэтому я люблю ее.

— Значитъ, вы любите тѣхъ, которые добры къ вамъ?

— Развѣ это не естественное дѣло?

— Значитъ вы и меня немного любите, потому что, какъ мнѣ кажется, я тоже хорошъ къ вамъ?

— Конечно, вы превосходны, и я васъ очень люблю.

— Какъ, она это говоритъ... «Я очень люблю мою няню, но люблю еще больше кататься на конькѣ!» Но скажите пожалуйста, вы не думаете повредить мнѣ во мнѣнии m-lle д'Арглядъ?

— Повредить вамъ? Эти слова изъ вашего словаря, ихъ нѣтъ въ моемъ.

— Да, это правда, простите меня. Это потому что... вотъ видите ли, она очень подозрительна и пожалуй будетъ спрашивать васъ. Вы, вѣроятно, не забудете ей сказать, что я никогда за вами не ухаживалъ.

— О! Что до этого касается, то будьте увѣрены на счетъ истины, отвѣчала Каролина, удаляясь въ галопъ и звонко засмѣявшись.

— Ну вотъ! говорилъ онъ самъ себѣ, я еще и солгалъ, а все напрасно. Славную же мнѣ школу задали!... Она не любитъ никого.... или можетъ быть у ней есть гдѣ нибудь въ запасѣ возлюбленный, въ ожиданіи дня, когда скопится тысяча экю на обзаведеніе хозяйства. Вѣдная дѣвушка!... Еслибъ у меня была эта сумма, то я бы сейчасъ ей далъ!... Все равно, я былъ смѣшонъ. Она, можетъ быть, это замѣтила. Можетъ быть, даже, она смѣется надо мной съ другомъ своего сердца въ своихъ письмахъ къ нему, а она много пишетъ. И герцогъ удалился, стараясь подтупивать надъ собой, но уколотый за живое и почти грустный.

Выѣзжая изъ чащи, онъ увидѣлъ человѣка, который съ осторожностью проскользнулъ туда. На дворѣ уже стемнѣло, и онъ не могъ ничего разглядѣть, кромѣ быстрого движенія незнакомца пробирававшегося въ чащу деревьевъ.

— Та-та-та! подумалъ онъ про себя, можетъ быть, это и есть возлюбленный, который прокрадывается на тайное свиданье. Право! я долженъ же наконецъ успокоиться и узнать что это такое!... И онъ сошелъ съ лошади, сильно хлеснувъ Вланку, которая не заставила себя просить и отправилась прямо въ конюшню. Герцогъ скрылся между деревьями, направляясь въ ту сторону, куда поѣхала Каролина. Найти незнакомца между чащею деревъ была совершенно невозможная вещь, и сверхъ того значило напугать его. Но слѣдовать потихоньку вдоль аллеи и видѣть, какъ они встрѣтятся съ Каролиной, было гораздо вѣрнѣе.

Каролина и не думала о немъ болѣе. Удалившись на достаточное разстояніе, чтобы не слышать несовѣмъ приличныя тайны, которыя герцогъ повѣрялъ ей, и которыя удивляли ее со стороны такого благовоспитаннаго человѣка, она пустила свою лошадь шагомъ, не слыхкомъ довѣряясь сучкамъ, которые могла встрѣтить въ темнотѣ, и чувствуя болѣе расположеніе къ мечтанью, нежели къ прогулкѣ. Страшное безпокойство тяготило ея умъ. Обращеніе маркиза въ отношеніи ея было необъяснимо и почти оскорбительно. Она искала причину тому въ самыхъ тайныхъ изгибахъ своего сердца, и не на-

ходя ничего предосудительнаго, она упрекала себя за то, что такъ много думала объ этомъ.

Размышляя такимъ образомъ о своемъ положеніи и намѣреваясь поговорить о немъ съ г-жей д'Арглядъ, которая, можетъ быть, поможетъ ей найти другое мѣсто, она почувствовала вдругъ, что лошадь ея внезапно была остановлена и поднявъ глаза увидѣла подлѣ себя мужчину, котораго движеніе испугало ее.

— Это вы, Андре? спросила она, чувствуя, что лошадь ея, кажется, уступала знакомой рукѣ, Но не получая отвѣта и не въ состояніи будучи различить наружности незнакомца: — Вы это, герцогъ? прибавила она съ безпокойствомъ. Зачѣмъ вы меня останавливаете? Но отвѣта не было. Незнакомецъ исчезъ и лошадь была свободна. Каролина почувствовала хотя и смутный страхъ, но тѣмъ не менѣе смѣлый; не смѣя оглянуться назадъ, она погнала Жаке, и, никого не видя возвратилась въ галопъ.

Герцогъ былъ въ десяти шагахъ отъ того мѣста, когда произошла эта странная встрѣча. Онъ ничего не видалъ, но слышалъ испуганный голосъ молодой дѣвушки, въ ту минуту, когда лошадь ея вдругъ остановилась. Онъ торопливо подошелъ и, схвативъ незнакомца за воротъ, спросилъ:—кто вы такой?

Незнакомецъ съ силою оборотился, чтобы скрыться отъ его преслѣдованій; но герцогъ былъ силенъ, какъ геркулесъ: онъ волею или неволею вывелъ его изъ чащи на середину аллея. Тутъ удивленіе его было неописанно, когда въ незнакомцѣ онъ узналъ своего брата.

— Боже мой, Урбанъ! воскликнулъ онъ, не ушибъ ли я тебя? Кажется, что нѣтъ... но почему ты не отвѣчалъ мнѣ?

— Не знаю, отвѣчалъ маркизъ взволнованнымъ голосомъ. Я не узнавалъ твоего голоса!... Развѣ ты говорилъ со мной? За кого же ты принималъ меня?

— Э, Богъ мой, я тебя счелъ просто за просто за вора. Развѣ ты сейчасъ не испугалъ м-ле де Сенъ-Женексъ?

— Быть можетъ, я испугалъ ее лошадью; но это было сдѣлано совершенно неумышленно. Гдѣ она?

— Чортъ, возьми, она спаслась бѣгствомъ... слышишь-ли какъ она скачетъ къ дому?

— Чего-жъ она такъ испугалась меня? возразилъ маркизъ, съ какою-то странной горечью; я не хотѣлъ оскорбить ее... и не въ силахъ будучи долѣе притворяться, прибавилъ: я только хотѣлъ поговорить съ ней!...

— О комъ? обо мнѣ?

— Да, можетъ быть. Мнѣ бы хотѣлось узнать, любить ли она тебя.

— Почему же ты не заговорилъ съ ней?

— И самъ не знаю; я не могъ ей ни слова выговорить

— Не боленъ ли ты?

— Да, мнѣ сегодня нездоровится, очень нездоровится.

— Вернемся же поскорѣй домой, проговорилъ герцогъ. Я чувствую, что ты въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, а теперь роса-

— Нужды нѣтъ, произнесъ маркизъ, садясь на пенекъ на краю аллеи. Я бы хотѣлъ умереть.

— Урбанъ! воскликнулъ герцогъ, пораженный наконецъ яркимъ свѣтомъ, ты любишь m-lle де Сенъ-Женексъ...

— Мнѣ ее любить? но развѣ она не.... не должна быть твоей любовницей?

— Никогда, если только ты любишь ее. Для меня это было только прихотью, дѣломъ праздности, самолюбія; но что она не имѣла ко мнѣ ни малѣйшей склонности, и не поняла даже моихъ тонкостей, то это также вѣрно, какъ и то, что я сынъ моего отца. Она также чиста, также свободна и также горда, какъ въ первый день своего пріѣзда къ намъ.

— Но зачѣмъ же ты оставилъ ее одну въ этомъ лѣсу, когда самъ завлекъ ее сюда?

— А! ты подозрѣваешь меня, послѣ клятвы, которую я далъ тебѣ! Любовь дѣлаетъ тебя совершенно безумнымъ?

— Ты насмѣялся надъ своимъ честнымъ словомъ въ отношеніи этой молодой дѣвушки. Для тебя въ дѣлахъ волокитства, клятвы ничего не значутъ,—я это знаю... Скажи мнѣ, развѣ это честно составить себѣ такого рода нелѣпую тактику,—можетъ быть очень ученую,—гдѣ мнѣ знать всѣ эти уловки! — чтобы привлечь ее въ свои объятія очарованіемъ, досадою, дѣйствуя на всѣ слабья и дурныя стороны женской природы? Развѣ уважаешь ты хоть чтонибудь? Развѣ добродѣтель въ твоихъ глазахъ не есть слабость, отъ которой нужно излечить глупенькую безпомощную и неопытную бѣдняжку? Бездна, въ которую ты хотѣлъ, чтобъ она сама бросилась, развѣ не есть по твоему, состояніе рациональное, счастливое, или роковое для дѣвушки безъ приданнаго и безъ предковъ? Скажи же, не насмѣялся ли же ты надо мною еще сегодня утромъ, желая увѣрить меня что ты женишься на ней? И вотъ теперь ты говоришь мнѣ: ты одинъ любишь ее! для меня это было только прихотью, дѣломъ праздности, самолюбія... Но оно ужасно—это самолюбіе развратника; оно роняетъ въ грязь все, что только приближается къ нему! Взглядъ вашъ мараетъ женщину, а для меня уже слишкомъ довольно и того, что Каролина оскорблена въ твоихъ мысляхъ. Нѣтъ, я не люблю ее больше.

Говоря такимъ образомъ съ братомъ въ первый разъ въ жизни, маркизъ, по окончаніи своей рѣчи, всталъ и быстро удалился отъ него съ выраженіемъ какой-то мрачной ненависти. Герцогъ, видѣвъ себя, гоже всталъ, съ намѣреніемъ требовать у него удовлетворенія. Онъ даже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ вслѣдъ за нимъ, но тотчасъ же остановился и, вернувшись, бросился на то мѣсто, которое только что оставилъ братъ его. Имъ овладѣла страшная борьба; раздраженный, разсерженный, онъ съ отчаянія ломалъ свои руки и крупныя слезы ярости и скорби текли по щекамъ его. Андре, отъ имени его патера, пришолъ за нимъ. Гости уже отправились, но пріѣхала мадамъ Арглядъ. Всѣ удивлялись, что его не было. Маркиза, зная, что онъ охалъ верхомъ на Бланкѣ, боялась, не пало ли подъ нимъ это несчастное животное.

Онъ машинально послѣдовалъ за человѣкомъ и входя домой спросилъ его.

— Гдѣ маркизъ?

— У себя въ комнатѣ, ваше сіятельство. Я видѣлъ, какъ онъ вошелъ туда.

— А м-ше де Сенъ-Женексъ?

— Она тоже пошла къ себѣ. Но маркиза послала доложить мнѣ о приѣздѣ г-жи д'Арглядъ, и она, безъ сомнѣнія, сойдетъ.

— Хорошо. Поди скажи маркизу, что я желаю съ нимъ переговорить. Черезъ десять минутъ я буду у него.

XII.

Г-жа д'Арглядъ была женою одного очень важнаго должностнаго лица въ провинціи. Она была представлена маркизѣ де Вильмеръ, когда та проводила лѣто въ одномъ изъ своихъ южныхъ и довольно значительныхъ имѣній, которое было потомъ продано для уплаты долговъ старшаго сына ея. Г-жа д'Арглядъ имѣла тотъ особенный отбѣнокъ мелкаго честолюбія и ничтожества, которыми часто отличаются нѣкоторыя жоны маленькихъ и большихъ чиновниковъ. Возвыситься, чтобы блистать, и блистать, чтобы возвыситься, — было единственною мыслію единственною способностію, единственнымъ принципомъ этой маленькой женщины. Богатая, но безъ ролословной, она принесла свое приданое раззорившемуся дворянину, которое и послужило средствомъ для пріобрѣтенія финансоваго мѣста и водворенія блеска въ его домѣ. Полная, дѣятельная, хорошенъкая, холодная и ловкая, она смотрѣла на нѣкоторую дозу кокетства, какъ на обязанность въ ея положеніи, и внутренно хвасталась высокимъ искусствомъ, которое состояло въ томъ, чтобы обѣщать глазами, но не обѣщать никогда ни перомъ, ни словами, возбуждать слабыя желанія, но никогда никакихъ привязанностей.

Для того, чтобы при случаѣ имѣть всегда опору въ полезныхъ друзьяхъ, она брала ихъ себѣ повсюду, видѣла и принимала всѣхъ—безъ особеннаго выбора, по добротѣ или хорошо разыгранному легкомыслію; наконецъ, ловко пробиралась въ самые строгіе дома и умѣла скоро дѣлаться тамъ необходимою.

Точно такимъ же образомъ г-жа д'Арглядъ вкралась почти въ короткость маркизы де Вильмеръ, вопреки предубѣжденіямъ благородной дамы, противъ ея происхожденія, ея положенія и должности, занимаемой ея мужемъ; но Леонія д'Арглядъ выказывала полнѣйшее отсутствіе политическихъ мнѣній. Кромѣ того она была весела, вѣтренна, а иногда глупа, когда громко смѣялась надъ собою, въ тоже время внутренно смѣясь надъ глупостію прочихъ и, успѣвая прослыть за самаго чистосердечнаго, самаго безкорыстнаго въ свѣтѣ ребенка, между тѣмъ какъ всѣ ея дѣйствія были разсчитаны и вредосмотрѣны.

Ребенокъ этотъ имѣлъ уже двадцать восемь лѣтъ, но на видъ ей нельзя было дать болѣе двадцати двухъ или трехъ, хотя она была

нѣсколько утомлена балами; она умѣла сохранить столько живости и развязности, что полнота ея почти не замѣчалась. Смѣясь, она выставляла свои маленькіе, ослѣпительные зубки, очень мило говорила и, казалось, была въ упоеніи отъ разныхъ трюпокъ и удовольствій. Никто не пыталъ въ отношеніи ея недоувѣрія, и очень можетъ быть, что ея нечего было бояться, судя по тому, что главнымъ ея интересомъ было представляться доброю и безвредною; но всѣ тѣ, которые не желали особенно сблизаться съ нею, всѣ они должны были очень остерегаться ея.

Маркиза, не смотря на свою клятву никогда и ни о чемъ не просить министровъ, вынѣшняго короля для г-жи д'Арглядъ отступила отъ своего правила и ходатайствовала за ея мужа; и, благодаря ей и герцогу д'Алерія, г. д'Арглядъ получилъ мѣсто въ Парижѣ, въ слѣдствіе чего жена его и писала маркизѣ: «*Chère madame*, я обязана вамъ болѣе нежели жизнью, вы—мой ангелъ путеводитель. Я оставлю югъ и отправлюсь въ Парижъ, гдѣ пробуду только нѣсколько минутъ, потому что прежде, нежели я поселюсь тамъ, прежде нежели вкушу всѣ радости и удовольствія, однимъ словомъ прежде всего, я хочу быть у васъ въ Севаль, чтобы въ продолженіи двадцати четырехъ часовъ на колѣняхъ благодарить и благословлять васъ. Я буду у васъ 10 іюня. Скажите герцогу, что я назначаю пріѣздъ свой къ 9 или 11 числу, а пока благодарю его за его расположеніе къ моему мужу, который будетъ писать ему самъ.

Эта мнимая неизвѣстность касательно дня прібытія своего въ Севаль, была со стороны г-жи д'Арглядъ шутивымъ напоминаніемъ того, что будтобы, она никогда не помнитъ ни дня, ни часа, въ который что нибудь предназначааетъ для себя, о чемъ герцогъ часто и шутилъ съ ней. Какъ не хитеръ онъ былъ въ отношеніи женщинъ, но г-жа д'Арглядъ провела его совершенно; онъ считалъ ее вѣтренной и обыкновенно говаривалъ ей: — Ну-да! вы пріѣдете къ ма-тушкѣ сегодня въ понедѣльникъ, во вторникъ или въ воскресенье, седьмое шестое или пятое число. ноября, сентября или декабря мѣсяца, въ вашемъ голубомъ, сѣромъ или розовомъ платьѣ, и вы сдѣлаете намъ честь, отобѣдать, отзавтракать или отъужинать съ нами, или съ другими.

Герцогъ не былъ влюбленъ въ нее. Она забавляла его, и его обращеніе съ ней, исполненное болтовни и шутивности, скрывало несомнѣнно скромное волокитство, которое г-жа д'Арглядъ дѣлала видъ, что не замѣчаетъ, и отъ котораго очень хорошо умѣла защитить себя. Войдя въ гостинную, герцогъ имѣлъ еще озабоченный видъ и пере-мѣна его лица поразила маркизу.

— Воже мой! воскликнула она, вѣрно что нибудь случилось!

— Рѣшительно ничего, *chère maman*. Успокойтесь, все очень хорошо прошло; только я озябъ немного и больше ничего.

И въ самомъ дѣлѣ герцогъ чувствовалъ ознобъ, хотя на лбу его и выступалъ крупными каплями потъ. Онъ подошелъ къ огню, который вечеромъ во всякое время года горѣлъ въ салонѣ маркизы, но

через нѣсколько минутъ привычка побѣждать себя, живость разговора и смѣхъ Леоніи успѣли разсѣять его.

М-ле де Сень-Женексъ сошла обнять свою прежнюю монастырскую подругу.

— Воже мой! но и вы тоже блѣдны, сказала маркиза, обращаясь къ Каролинѣ.

— Вы вѣрно скрываете что нибудь отъ меня! Я увѣрена, что эти противныя лошади что нибудь надѣлали!

— Нѣтъ, маркиза, ничего не надѣлали, отвѣчала Каролина, клянусь вамъ, и чтобы успокоить васъ, я вамъ все сейчасъ расскажу: я очень испугалась.

— Право? Но чего же вы испугались? спросилъ герцогъ: безъ всякаго сомнѣнія не вашей же лошади?

— Можетъ быть васъ, герцогъ? скажите не вы ли, чтобы посмѣяться надо мной, остановили мою лошадь въ то время, какъ я ѣхала шагомъ одна, по зеленой аллеѣ.

— Ну да, я, отвѣчалъ герцогъ, я хотѣлъ посмотрѣть, въ самомъ ли дѣлѣ вы такъ же храбры, какъ кажется.

— О тутъ я показала себя совершенной трусихой! Я обратилась въ бѣгство, точно курица.

— Но вы не закричали, и не потерялись, а это что нибудь да значитъ!

Тутъ г-жѣ д'Арглядъ была рассказана прогулка верхомъ. Она, по обыкновенію своему, казалось, очень мало слушала, что ей говорили; но не потеряла ничего, задавая себѣ вопросъ, соблазнилъ ли герцогъ Каролину, или только еще хочетъ соблазнить, и будетъ ли ей когда нибудь это полезно. Герцогъ оставилъ женское общество и пошелъ къ брату.

Каролина въ сущности очень мало знала свою покровительницу; она не видала ее съ тѣхъ самыхъ поръ, когда ребенкомъ, сидя на скамейкахъ маленькаго класса, она присутствовала на выпускѣ, изъ монастыря м-ле Леоніи Леконтъ, которая, въ восторгѣ, что выходитъ замужъ за дворянина, кажется, никого не жалѣла, но уже ловкая и разчетливая, нѣжно простилась со всѣми. Въ то время Каролина и Кампла де Сень-Женексъ, дочери дворянина и достаточного человѣка могли когда нибудь и пригодиться. А потому, узнавъ о смерти ихъ отца, она написала имъ, и въ письмѣ своемъ выразила очень нѣжное состраданіе. Отвѣчая ей, Каролина не скрывала, что, кромѣ сиротства, ихъ постигло еще совершенное раззореніе... Г-жа д'Арглядъ не оставила подругу свою въ несчастіи. Другія монастырскія подруги, съ которыми она видалась, сказали ей, что объ Сень-Женексъ воспитательны, и что, конечно, съ своими талантами и красотой Каролина, не смотря на бѣдность, сдѣлаетъ хорошую партію. Таково мнѣніе неопытныхъ молодыхъ женщинъ. Леонія очень хорошо рассудила, что они ошибались; но сама она могла попробовать выдать Каролину замужъ, и черезъ это войти въ довѣренность и въ выгодные переговоры съ различными фамиліями.

Съ той поры, она только и помышляла о томъ, какъ бы составить себѣ побольше связей, распространить повсюду свои сношенія, и подъ видомъ довѣрія тайны, сама приобрѣтала довѣренность другихъ. Она хотѣла привлечь Каролину къ себѣ, въ свою провинцію, очень любезно и деликатно предлагая ей кровъ и семью. Каролина, тронутая такимъ добродушіемъ, отвѣчала ей, что не оставитъ сестру и не желаетъ выходить замужъ, но что если когда нибудь ей случится быть въ очень трудномъ положеніи, то она обратится тогда къ великодушію Леоніи, для пріисканія себѣ какой нибудь незначительной должности.

Видя, что Королина не ищетъ и не желаетъ никакой другой жизни, кромѣ жизни на свои собственные труды, Леонія перестала заниматься его до тѣхъ поръ, пока не услышала, что она ищетъ мѣста наставницы, въ серьезной семьѣ, или должности чтицы у какой нибудь неглупой старушки. Леонія любила протезировать, она всегда имѣла для кого нибудь и что нибудь просить: это былъ случай показаться и понравиться. Находясь въ то время въ Парижѣ, она сей-часъ, принялась хлопотать и напала на маркизу де Вильмеръ, которая только что разсталась съ своею чтицей. Ей хотѣлось только имѣть не молодую, по той причинѣ, что герцогъ слишкомъ уже любилъ молодыхъ. Г-жа д'Арглядъ выставила неудобства лѣтъ, которыя сдѣлали Эсфирь брюзгливой. Она въ то же время намного убавила молодость и красоту Каролины. По словамъ ея, это была дѣвушка лѣтъ тридцати, когда-то недурная собой, но испытавшая много страданій, отъ которыхъ вѣроятно и поблекла. Потому она написала Каролинѣ, описывая ей маркизу, приглашая ее какъ можно скорѣе явиться и предлагая ей раздѣлить съ нею квартиру, которую она заняла въ Парижѣ на время своего пріѣзда. Намъ извѣстно, что Каролина уже не застала ее въ Парижѣ, сама представилась маркизѣ, которая была удивлена красотой молодой дѣвушки и очарована ея откровенностью, такъ что своимъ вліяніемъ и очарованіемъ она сдѣлала гораздо болѣе, нежели ожидала того Леонія.

Увидя толстенную, разряженную и ловкую Леонію, сохранившую въ то же время всѣ ужимки маленькой дѣвочки, Каролина была удивлена и первоначально спросила себя, не было ли это все притворствомъ съ ея стороны, но вскорѣ очень добродушно принуждена была раздѣлять общее заблужденіе. Г-жа д'Арглядъ была удивительно мила съ ней, тѣмъ болѣе, что она уже распросила о ней маркизу и узнала, что Каролина пользовалась вполне милостями старой дамы. Маркиза объявила ее совершенствомъ во всѣхъ отношеніяхъ, живой, благоразумной, откровенной, кроткой, съ отличнымъ умомъ и самымъ благороднымъ характеромъ. Она горячо благодарила г-жу д'Арглядъ, что она доставила ей эту *восточную жемчужину*, такъ что г-жа д'Арглядъ сказала себѣ: «тѣмъ лучше! я вижу, что Каролина можетъ быть мнѣ полезной; да она уже и полезна мнѣ теперь. Какъ хорошо не презирать и не пренебрегать никѣмъ!» И она осыпала ее ласками и лестью, которыя казались также простодушны, какъ искренность пансіонерки. Гер-

цогъ, раскинувшись помириться съ братомъ, пародъ гѣмъ какъ идти къ нему, минутъ пять ходилъ по площадкѣ. Къ нему возвращались припадки гнѣва и онъ боялся что не въ состояніи будетъ овладѣть собою, когда маркизъ снова начнетъ свои выговоры. Наконецъ онъ рѣшился, взоспелъ на лѣстницу, и прошелъ длинную ладейскую. Кровь его такъ сильно стучала въ его вискахъ, что заглушала для него звуки его собственныхъ шаговъ.

Маринзъ былъ одинъ. Онъ сидѣлъ въ глубинѣ библіотеки, дашней комнаты, въ готическомъ стилѣ, съ высокими сводами, которую слабо освѣщала его маленькая лампа. Онъ не читалъ, но услышавъ шаги герцога, положилъ передъ собой книгу.

Прежде чѣмъ заговорить съ нимъ, герцогъ остановился и посмотрѣлъ на него. Матовая блѣдность маркиза и впавшіе отъ скорби глаза, глубоко тронули его. Онъ готовъ уже былъ протянуть ему руку, когда тотъ всталъ съ своего мѣста и обратился къ нему.

— Братъ, началъ онъ, я очень оскорбилъ васъ сейчасъ. Безъ сомнѣнія я былъ несправедливъ, но во всякомъ случаѣ я не лилъ права дѣлать вамъ выговоры, я, который въ жизни свою любилъ только одну женщину, да и ту погубилъ и сдѣлался причиною ея смерти. Поэтому самому я признаю всю несправедливость, и жестокость моихъ словъ и искренно прошу у васъ въ томъ прощенія.

— Благодарю тебя отъ всей души моею, возразилъ герцогъ, сжимая его руки, ты оказалъ мнѣ величайшую услугу, потому что я ужъ рѣшился познаться передъ тобой. Но чертъ меня возьми, если только я знаю въ чемъ. Но можетъ быть, говорилъ я самъ себѣ, во время нашей борьбы подъ этими деревьями, я возбуждалъ его нервы. Можетъ быть я унилъ тебя, у меня такая тяжелая рука... Отчего ты не отиѣчалъ мнѣ?... А потомъ... и потомъ... я заставилъ тебя очень страдать, совершенно не зная того, и можетъ быть даже уже давно; но я не могъ этого угадать... Однакожъ, я бы долженъ былъ догадаться о томъ, и въ этомъ я тоже искренно прошу твоего прощенія, мой бѣдный братъ!.. О! зачѣмъ ты не доверился мнѣ послѣ всего того, въ чемъ мы полагались другъ другу?

— Довериться тебѣ! возразилъ маркизъ; о! неужели ты не видишь, что это моя величайшая потребность, самое сильное желаніе и что гнѣвъ мой былъ только слѣдствіемъ горя?... Я оплакивалъ эту довѣренность, которую я потерялъ, и оплакивалъ ее кровавыми слезами! Возврати же мнѣ ее, я немогу болѣе обойтись безъ нея.

— Но, что же нужно сдѣлать? говори!... Я готовъ на испытанія огнемъ и мечемъ! И только отъ одного испытанія водою, прошу тебя забыть меня, еслибъ мнѣ пришлось пить ее!...

— Вотъ видишь ли, ты все смѣешься!...

— Я смѣюсь, я смѣюсь.... потому что, когда я бываю доволенъ, то я всегда смѣюсь, и если ты все меня еще любишь, то остальное рѣшительно ничего не значитъ. И потомъ, что же тутъ такого особенно важнаго?... Ты любишь эту милую дѣвушку? И ты совершенно правъ. Тебѣ хочется, чтобы я не говорилъ съ ней болѣе, чтобы я никогда не встрѣчался съ ней, не гадать на нее? Конечно

клянусь тебѣ, и если тебѣ еще недостаточно этого, то завтра же, сейчас же уѣду, и если ты хочешь, то на той же самой Плянкѣ хуже этого я и не знаю, что еще могу сдѣлать!

— Нѣтъ, нѣтъ, не уѣзжай, не оставляй меня!... Развѣ ты не видишь, что я умираю?

— О Боже мой! Что это ты говоришь такое? — воскликнул герцогъ, приподнимая абажуръ лампы и смотря въ лицо брату; потомъ схватилъ его руки и найдя пульсъ едва слышимъ, онъ приложилъ свои руки къ груди брата и почувствовалъ безпорядочное и неправильное бѣненіе сердца.

Припадки эти сильно угрожали жизни маркиза въ первой его молодости. Но потомъ они прошли, оставивъ по себѣ нѣжную комплекцію. Теперь прежняя болѣзнь снова возвратилась и даже въ довольно сильной степени.

— Ни слова матушкѣ! — проговорилъ маркизъ, вставая и идя отворить окно. Я еще не завтра долженъ умереть; я чувствую, что у меня еще есть силы. Куда же ты идешь?

— Чортъ возьми! Я сейчас же сажусь на лошадь и скачу за докторомъ....

— Куда? За кѣмъ? Здѣсь нѣтъ никого, кто бы достаточно зналъ мою организацію и не рисковалъ убить меня, еслибъ вздумалъ лечить по своимъ догадкамъ. Если я сдѣлаюсь очень слабъ, то сохрани тебя Боже, довѣрить меня этимъ деревенскимъ вскулапамъ, и не забудь, что кровопусканье унесетъ меня подобно вѣтру, который осенью уноситъ листокъ. Меня достаточно лечили десять лѣтъ тому назадъ, такъ что ужь я знаю, что мнѣ нужно и самъ умѣю лечить себя. Не сомнѣвайся въ томъ, прибавилъ онъ, показывая герцогу разныя порошки въ одномъ изъ ящичковъ своего бюро. Вотъ успокоивающія и возбуждающія средства, время употребленія которыхъ мнѣ извѣстно; я очень хорошо знаю мою болѣзнь и средства лечить ее. Будь увѣренъ, что если только я могу выздороветь, то выздоровлю, и для этого сдѣлаю все, что долженъ сдѣлать человекъ, который знаетъ всю обширность своихъ обязанностей. Успокойся же. Я долженъ былъ сказать тебѣ то, что грозитъ мнѣ, для того, чтобы ты простилъ мнѣ мою лихорадочную тревогу. Сохрани же все это втайнѣ; не слѣдуетъ тревожить понапрасно бѣдную нашу матушку. Если настанетъ минута приготовить ее.... то я почувствую и скажу тебѣ. А до тѣхъ поръ, умоляю тебя, будь спокоенъ!

— Будь спокоенъ! Не мнѣ, а тебѣ надо спокойствія, возразилъ герцогъ, а ты-то вотъ именно борешься со страстью! Страсть пробудила это бѣдное сердце для физическихъ и нравственныхъ ощущеній. Ему нужно любви, счастья, упоенія чувствъ! Ну чтожь! Если такъ, то ничего еще не потеряно.... Скажи, ты хочешь, чтобы дѣвушка эта полюбила тебя? Она и будетъ тебя любить. Что я говорю? Она любитъ тебя, она всегда тебя любила.... съ перваго же дня. Теперь я все припоминаю, все ясно вижу. Это ты....

— Довольно, довольно! проговорилъ маркизъ, снова падая въ свое кресло; я не могу слушать тебя... меня душитъ.

Но послѣ минутнаго молчанія, въ продолженіи котораго герцогъ съ безпокойствомъ наблюдалъ за нимъ, ему какъ будто бы сдѣлалось лучше, и онъ съ улыбкой, которая придава подвижному лицу его всю прелесть молодости, сказалъ, обращаясь къ брату:

— Однакожь ты говорилъ правду! Очень можетъ быть, что это и въ самомъ дѣлѣ любовь, а не что другое! Ты успокоилъ меня иллюзіей и я, какъ ребенокъ, поддался ей. Дотронься теперь до моего сердца: оно освѣжилось. Мечта прошла по немъ, подобно легкому вѣтерку.

— Если ты чувствуешь себя лучше, сказалъ герцогъ, увѣрившись, что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ спокойнѣе, то ты бы долженъ воспользоваться тѣмъ и постараться заснуть. Ты страшно мало спишь. Поутру, когда я выхожу на охоту, я часто вижу, что у тебя еще горитъ лампа.

— А между тѣмъ, я уже очень давно не работаю по ночамъ.

— Въ такомъ случаѣ, если это бессонница, то ты не будешь болѣе проводить ночи одинъ, въ этомъ я тебѣ ручаюсь. Ну поди же теперь и лягъ хорошенько въ свою постель.

— Это невозможно.

— Ахъ! да, тебя душитъ. Ну такъ садись и подремли въ креслѣ. Я останусь вондѣ тебя. Я буду говорить тебѣ о ней, до тѣхъ поръ, пока ты уже не будешь слышать меня.

Герцогъ отвелъ брата въ его комнату, усадилъ его въ большое кресло, ухаживалъ за нимъ, какъ мать засвоимъ ребенкомъ, и взявъ его руки въ свои, сѣлъ подлѣ него. Въ этомъ снова проявилась вся доброта его природы и Урбанъ, чтобы поблагодарить его, сказалъ:

— Я былъ отвратителенъ сегодня вечеромъ! Скажи же мнѣ, что ты прощаешь меня.

— Я сдѣлаю еще лучше: я скажу, что люблю тебя, да и не одинъ я. Она также въ настоящее время думаетъ о тебѣ.

— Воже мой! ты лжешь, ты усыпляешь меня небесной вѣснью, но ты лжешь. Она никого не любитъ, и не полюбитъ меня никогда!

— Хочешь ли я пойду за ней и скажу, что ты серьезно занемогъ. Держу пари, что черезъ пять минутъ она будетъ здѣсь.

— Очень можетъ быть, отвѣчалъ маркизъ съ томной кротостью. Она исполнена любви и преданности; но для меня же хуже будетъ вѣнчать ей сожалѣніе... и больше ничего!

— Ва! ты тутъ ничего не понимаешь! Сожалѣніе есть уже начало любви. Надо же, что бы все начиналось чѣмъ нибудь, что еще и не середина и не конецъ. Еслибъ ты позволилъ мнѣ руководить собою, то черезъ недѣлю же...

— О! вотъ этимъ-то ты дѣлаешь мнѣ болѣе нежели вредъ. Еслибъ заставить ея полюбить себя было такъ легко, какъ ты думаешь, то я бы пересталъ такъ горячо желать этой любви.

— Ну! и твоя ллюзія бы разсѣялась. Ты бы снова сдѣлался спокоенъ; а это уже что нибудь да значить.

— Это было бы моею смертію, возразилъ маркизь, оживляясь и сильнымъ голосомъ. О! какъ я несчастливъ, что ты болѣе не можешь понять меня! Но тутъ есть бѣдана, которая раздѣляетъ насъ. Будь остороженъ, мой бѣдный другъ! Неосторожность, легкомысліе, ошибка въ твоей преданности, въ состояніи убить меня такъ же скоро, какъ еслибъ ты взялъ пистолеть и расмозжилъ мнѣ голову.

Герцогъ былъ въ большомъ затрудненіи. Онъ находилъ положеніе совершенно простымъ... Два существа болѣе или менѣе влекомые другъ къ другу, и разлученные единственно чувствомъ какой-то совѣстливости, которая въ его глазахъ не имѣла большого значенія. Но его мнѣнію маркизь самъ запутывалъ это дѣло какой-то странной щекотливостью.

Герцогъ былъ погруженъ въ подобнаго рода размышленія, потому что маркизь начиналъ уже засыпать, взявъ обѣщаніе съ брата оставить его и отдохнуть самому, когда увидитъ его спящимъ. Гастонъ сердился, что не могъ найти средства услужить ему настоящимъ образомъ. Ему бы хотѣлось предупредить объ этомъ Каролину, обратиться къ ея великодушію, сказать ей, чтобы она съ кротостью постаралась дѣйствовать на бѣднаго больного, скрывая отъ него будущее каково бы оно не было, и лаская его смутными надеждами и поэтическими грѣзами. Но это значило поставить бѣдную дѣвушку на опасную крутизну, и сама она была уже не настолькоъ ребенокъ, чтобы не понять, что она рисковала тутъ своей репутаціей, и вѣроятно, своимъ собственнымъ спокойствіемъ.

Судьба, которая очень дѣятельна въ подобнаго рода драмахъ, сдѣлала то, чего не смѣлъ сдѣлать герцогъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XIII.

Не смотря на обѣщаніе, которае герцогъ далъ своему брату не говорить объ этомъ никому, онъ не могъ, однакожь, взять на себя отвѣтственность абсолютнаго молчанія. Онъ вѣрилъ доктору, кто бы онъ не былъ, не смотря на то, что утверждалъ, что не вѣритъ въ медицину, и рѣшился пойти въ Шамбонъ, чтобъ посовѣтоваться тамъ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, показавшимся ему не безъ знанія и не безъ благоразумія, когда онъ, однажды, спрашивалъ его совѣта какой-то легкой болѣзни. Онъ сообщилъ ему, подъ секретомъ, положеніе маркиза, пригласилъ его прійти на слѣдующее утро въ замокъ Севаля, а тамъ онъ надѣялся устроить такъ, что медикъ увидитъ больного, хотя бы только фізіономію и походку его, не давая прочемъ, никакихъ совѣтовъ; этотъ совѣтъ постараются предложить господину Вильмеру, и, быть можетъ, онъ послѣдуетъ ему. Наконецъ, герцогъ, не могши оставаться въ бездѣйствіи среди покоя и тишины ночной чувствовалъ потребность дѣйствовать, чтобы сбросить

съ себя тяготившее его безпокойство. Онъ сообразилъ, что въ полчаса онъ будетъ въ Шамбонѣ, а въ часъ онъ успѣетъ разбудить доктора, поговорить съ нимъ и возвратиться назадъ. Онъ могъ, онъ долженъ былъ возвратиться прежде, чѣмъ у его брата, котораго онъ оставилъ спокойнымъ и заснувшимъ, пройдетъ первый сонъ.

Герцогъ оставилъ его безъ шума, вышелъ черезъ садъ, чтобы не быть услышаннымъ кѣмънибудь, и быстрыми шагами спустился къ рѣкѣ до мельничной перекладны и тропинки, которая вела въ городъ по прямой линіи. Взявъ лошадь и слѣдуя своей дорогой, онъ надѣлалъ нѣсколько шума, выигравъ при томъ очень мало времени. Маркизь не такъ глубоко спалъ, чтобы не слышать, какъ онъ оставилъ его комнату; но не зная его замысловъ и не желая препятствовать ему пойти отдохнуть, онъ притворился ничего не замѣчающимъ.

Было уже нѣсколько за полночь. Г-жа д'Арглядъ пошла за Каролиною въ ея комнату, чтобы поболтать еще немного, простившись съ маркизою.

— Что, милая моя, сказала она Каролинѣ, въ самомъ ли дѣлѣ вы такъ довольны этимъ домомъ, какъ вы говорите? Будьте откровенны со мною, если чтонибудь вамъ здѣсь непріятно. О, Боже мой, всегда и вездѣ есть чтонибудь неловкое!... Воспользуйтесь тѣмъ, что я здѣсь, и довѣрьтесь мнѣ. Я имѣю нѣкоторое вліяніе на маркизу, нисколько не стараясь объ этомъ,—это вѣрно; но она любитъ вѣтренницу; при томъ, съ моею счастливою натурою, я никогда ни въ чемъ не нуждаюсь собственно для себя, и имѣю поэтому право служить своимъ друзьямъ, не стѣняясь.

— Вы очень обязательны, отвѣтила Каролина; но здѣсь всё ко мнѣ добро, и еслибъ я когданибудь имѣла какоенибудь горе, я сказала бы это откровенно.

— Въ добрый часъ, благодарю, подхватила Леонія, принимая это обѣщаніе на свой счетъ. Хорошо же! А герцогъ? что, онъ васъ никогда не затрогивалъ,—этотъ милый герцогъ?

— Очень мало, и это прошло.

— Хорошо, вы доставили мнѣ удовольствіе, этимъ отвѣтомъ. Знаете ли, что и пославши вамъ приглашеніе переѣхать сюда, я потому сама себя упрекала въ томъ? Я вамъ не говорила еще объ этомъ великомъ побѣдѣлѣ.

— Это правда, вы, кажется, боялись говорить мнѣ о немъ.

— Воялась? — нѣтъ; я просто совершенно забыла объ этомъ. Я такъ вѣтренна! Потомъ только я сказала себѣ: Боже мой, лишь бы мадмуазель де Сенъ Женексъ не скучала отъ его уловокъ, потому что онъ имѣетъ ихъ, и со всѣми!

— Со мною онъ, слава Богу, не имѣлъ ихъ.

— Итакъ все хорошо, подхватила Леонія, не вѣрившая ни одному слову изъ всего сказаннаго. Она замаялась и потомъ вдругъ сказала: — Ахъ, Боже мой, какъ мнѣ спать захотѣлось! Вотъ, что значитъ путешествовать! До завтра, милая Каролина, Вы рано встанете?

— Да; а вы?

— Я?—уввы, слишкомъ поздно; но лишь только я открою глаза..

числовъ въ десять, одиннадцать, не такъ ли?... Я васъ застаю у себя, не правда ли?

Она ушла, рѣшившись встать рано, обойти всѣхъ, какъ бы безъ намеренія, и узнать всю подноготную семейства. Каролина послѣдовала за нею въ ея отдѣленіе, а потомъ возвратилась въ свою комнату, которая была довольно отдалена отъ комнатъ маркиза, но которой окна были противъ оконъ его отдѣленія и довольно близко.

Предъ отходомъ къ сну, она привела въ порядокъ свои тетради, потому что она много занималась и старалась поучиться. Прошло часъ, и она закрыла свою ставню, прежде чѣмъ стала раздѣваться. Въ эту минуту она услышала легкій стукъ въ окно съ улицы и смотря по тому направленію, откуда послышался ей ударъ, она увидѣла что стекло освѣщеннаго окна маркиза разбилось въ дребезги. Удивленная этимъ приключеніемъ и послѣдовавшимъ за нимъ молчаніемъ, она стала прислушиваться. Никого не было ни видно, ни слышно. Мало-по-малу до нея стали доходить глухіе звуки, — сначала слабыя стеванія, потомъ сдвѣленный крикъ и храпѣнье. «Маркиза убиваютъ!» — было первою мыслію ея, потому что таинственные звуки, казалось, выходили изъ его отдѣленія. Что дѣлать? — кричать, искать, увѣдомить герцога, жившаго еще дальше?... Все это было бы слишкомъ долго, при томъ въ такихъ случаяхъ нерѣшительность неумѣстна. Каролина соразмѣрила разстояніе: нужно было перебѣжать шаговъ двадцать по травѣ. Если злодѣи проникли къ г. де-Вильмеру, то они могли пробраться только черезъ лѣстницу башенки Грифа которая была противъ башни Лисицы. Эти двѣ башенки получили свои названія отъ грубыхъ изображеній, изваянныхъ надъ ихъ дверями. Лѣстница башни Лисицы касалась съ этой стороны отдѣленія Каролины. Никто, кромѣ ея, не могъ поспѣшить такъ скоро, и одно появленіе ея могло, быть можетъ, заставить убійцъ освободить свою жертву: Въ башнѣ же Грифа висѣла веревка отъ небольшого колокола. Она обдумала все это на бѣгу и прервала свои размышленія только тогда, когда добѣжала до двери, которую она нашла не запертою. Герцогъ вышелъ отсюда же, рассчитывая днемъ возвратиться черезъ эти же двери, не скрипя, и рѣшительно не думая объ убійцахъ, которыя въ этой мѣстности не извѣстны.

Между тѣмъ Каролина, еще болѣе подкрѣпленная въ своемъ предположеніи, разомъ взбѣжала по каменной спиральной лѣстницѣ. Здѣсь ничего, однакожь, она не слышала; она пошла по корридору и остановилась въ нерѣшимости предъ входомъ въ комнаты маркиза. Наконецъ она рѣшилась постучать; — не отвѣчаютъ. Значитъ — не было никакихъ убійцъ; но въ такомъ случаѣ, что значили слышанные ею звуки? — Какое нибудь приключеніе, и навѣрно важное, требовавшее быстрой помощи. Она толкнула дверь, которая не была даже заперта на крючекъ, и нашла де-Вильмера лежащимъ на полу, позлѣ окна, которое онъ не могъ даже отворить и изъ котораго онъ выбилъ стекло, чтобы свободнѣе вздохнуть, чувствуя себя какъ бы пораженнымъ внезапнымъ ударомъ. Маркиза не обомлѣлъ;

онъ смертельно испугался, но чувствовалъ, что дыханіе и жизнь возвращаются къ нему. Лежа лицомъ къ окну, онъ не видѣлъ Каролины, но слышалъ какъ она вошла и думалъ, что это былъ герцогъ.

— Не бойся, проговорилъ онъ ей слабымъ голосомъ, это происходитъ. Помоги мнѣ встать, я не имѣю еще силъ для этого.

Каролина бросилась и подняла его съ напряженною силою. Только, когда онъ уже сидѣлъ, онъ узналъ ее, или, по крайней мѣрѣ, думалъ, что узналъ ее, потому что лицо его покрылось синими пятнами, а члены его окоченѣли и слѣзались неспособными коснуться рукъ и одежды Каролины.

— Боже мой!... Не сонъ ли это, сказалъ онъ, глядя на нее съ какимъ-то помѣшательствомъ. Вы! вы ли это?

— Да, это я, отвѣтила она; я услышала, какъ вы вздыхаете.... Но, что такое случилось? Боже мой! что дѣлать? Позвать вашего брата, не такъ ли? Но я боюсь еще оставить васъ. Какъ вы себя чувствуете?

— Мой братъ! началъ маркизъ, приходя въ себя и начиная приходить въ память; а! это онъ привелъ васъ сюда! Гдѣ онъ?

— Его нѣтъ здѣсь, онъ ни о чемъ не знаетъ.

— Вы не видѣли его?

— Нѣтъ. Я прикажу позвать его.

— О! не оставяйте меня.

— Хорошо; нѣтъ, нѣтъ; но помочь вамъ!...

— Ничего, ничего не нужно. Я знаю это. Это ничего. Не бойтесь, вотъ я спокоенъ. Да.... вы здѣсь! и вы ничего не знали?...

— Ничего рѣшительно. Съ нѣкотораго времени я замѣтила въ васъ перемѣну.... Я догадывалась, что вы больны, но я не смѣла больше думать объ этомъ....

— А только что.... я звалъ?... Что? что я сказалъ?

— Ничего! Вы разбили это стекло, быть можетъ, падая! Не ранило ли оно васъ?

И Каролина, поднося свѣчу, стала осматривать и оцупывать руки маркиза. Правая рука его была довольно сильно прорѣзана; она обмыла кровь, и, вынувъ ловко осколки стекла, перевязала рану. Урбанъ давалъ ей дѣлать все это, глядя на нее съ тѣмъ чувствомъ вѣжнаго удивленія, съ какимъ смотритъ человѣкъ, поднятый на полѣ сраженія и очутившійся на пріятельскихъ рукахъ. Онъ слабо повторилъ: — Мой братъ вамъ ничего не говорилъ, — правда ли это?

Она ничего не понимала въ этомъ вопросѣ, который она приняла за *idée-fixe* больного воображенія; и, чтобы устранить отъ него эту идею, она, перевязывая рану, стала рассказывать ему, какъ она подумала, что онъ попалъ въ руки разбойниковъ. — Это, конечно, нелѣпо, сказала она, стараясь разсѣять его: но что прикажете, дѣлать, — этотъ страхъ овладѣлъ мною, и я побѣжала какъ на пожаръ, даже никого не увидоливъ.

— А еслибъ это было на самомъ дѣлѣ, вы рѣшились бы броситься въ опасность?

— Клянусь, я и не думала о себѣ; я думала только объ васъ и объ

вашей матери. Ну, да! Я бы помогла вамъ защищаться, — не знаю какъ, не знаю чѣмъ, — но я нашла бы что нибудь, я произвела бы, все таки, диверсію.... Но вотъ вы думаете, что это ничего; впрочемъ, чтожь это такое? Вы не хотите сказать мнѣ этого? Нужно, однакожь, чтобы ваши друзья сьумѣли помочь вамъ. Вашъ братъ...

— Да, да; герцогъ знаетъ все, маменька ничего!

— Понимаю, вы не хотите.... я ей ничего не скажу; но вы мнѣ позвольте позаботиться вмѣстѣ съ герцогомъ обо всемъ нужномъ для вашего облегченія. Я не буду докучлива. Я умѣю обходиться съ тѣми, которые страдаютъ. Я была сидѣлкою у моего бѣднаго отца и у мужа моей сестры.... Увидимъ.... Не находите ли вы неумѣстнымъ, что я пришла сюда, не зная ни о чемъ и не подумавъ.... Вы встали бы сами, немного послѣ, я знаю это; — но горько страдать одному. Вы улыбаетесь? Прекрасно, маркизъ; мнѣ кажется, вамъ немного лучше. О, какъ я хотѣла бы этаго!

— Я на небѣ! — отвѣтилъ маркизъ — и, не зная который часъ, онъ продолжалъ: — Останьтесь немного; еще не поздно. Мой братъ сидѣлъ у меня вечеромъ; онъ скоро возвратится.

Каролина не позволила себѣ возражать; она не думала даже о томъ, что можетъ вообразить герцогъ, нашедши ее здѣсь; что сказала бы прислуга, еслибъ увидѣла ее возвращающуюся отсюда. Видя друга въ опасности, она и въ мысляхъ не имѣла, чтобы ей могло коснуться оскорбительное подозрѣніе. Она осталась....

Маркизъ хотѣлъ было заговорить съ нею, но не имѣлъ силы. — Не говорите, сказала она ему. Старайтесь заснуть, я клянусь вамъ не сходить съ мѣста.

— Какъ! Вы хотите, чтобы я спалъ? Но я немогу... Когда засыпаю, я задыхаюсь.

— Однакожь вы утомлены, ваши глаза смыкаются противъ вашей воли. Нужно повиноваться природѣ. Если съ вами случится новый припадокъ, я помогу вамъ переносить его, — я буду здѣсь.

Довѣрчивость и доброта Каролины имѣли на больного магическое дѣйствіе. Онъ заснулъ и спокойно проспалъ до утра. Каролина подѣлала къ столу; теперь она узнала физическую болѣзнь маркиза и какъ должно смотрѣть за нимъ; потому что на этомъ столѣ она нашла наставленіе съ простыми и національнымъ леченіемъ, подписанное однимъ изъ лучшихъ медиковъ Франціи. Маркизъ, чтобы увѣрить брата насчетъ его самолеченія, показалъ ему этотъ рецептъ, облеченный высокпмъ авторитетомъ, и рецептъ этотъ былъ теперь, предъ Каролиною, которая изучала его съ большимъ вниманіемъ. Она видѣла, что маркизъ, съ тѣхъ поръ какъ она знаетъ его, велъ жизнь, совершенно противоположную той, которая была предписана ему: онъ не дѣлалъ движеній, плохо ѣлъ и мало спалъ. Она боялась, какъ бы этотъ возвратъ болѣзни не былъ смертеленъ; но если этого не случится, то она рѣшилась впередъ быть насторожѣ и заботиться его здоровьемъ, — если только онъ будетъ имѣть тотъ же холодный и мрачный видъ, который сегодня она приписала физической слабости.

Герцогъ возвратился до восхода солнца. Онъ не нашолъ доктора дома и долженъ былъ бы отправиться отыскивать его въ Эво. Но прежде, чѣмъ отправиться туда, ему хотѣлось увидѣть брата. Заря провела на горизонтѣ только первую линію свою, когда онъ безъ шума добрался до комнаты маркиза. Этотъ послѣдній спалъ такъ крѣпко, что онъ не слыхалъ его входа и что Каролина могла пойти ему навстрѣчу предупредить его, чтобы онъ не дѣлалъ никакихъ восклицаній, видя ее здѣсь. Удивленіе его было въ самомъ дѣлѣ велико, когда онъ увидѣлъ, что она подходитъ къ нему, приложивъ палець къ губамъ. Онъ не понималъ ничего изъ случившагося. Онъ думалъ, что маркизъ скрылъ отъ него истину, что она знала его любовь, его горе и пришла утѣшать его.

— Ахъ, другъ мой! сказала онъ ей; будьте покойны; онъ мнѣ все открылъ. Вы пришли; вы добры, вы спасете его! И онъ съ чувствомъ поднесъ руку Каролины къ своимъ губамъ.

— Но, воскликнула она, не много удивленная, если бы знали, что ему такъ нехорошо, зачѣмъ же вы оставили его эту ночь? А если вы рассчитывали на мой попеченіе, зачѣмъ вы меня не предупредили?

— Чтожъ такое случилось? воскликнулъ герцогъ, увидавъ, что они не понимаютъ другъ друга. — Она въ немногихъ словахъ передала ему случившееся, и какъ бы погруженный въ размышленія о томъ, что онъ теперь узналъ, герцогъ провелъ ее черезъ дворъ до лѣстницы башенки Лисвды. Мадмуазель д'Арглядъ, стоявшая уже позади своего окна, видѣла, какъ они проходили, разговаривая между собою тихо и съ какою-то таинственною интимностью. Они остановились предъ дверью и продолжали между собою разговаривать. Герцогъ разсказалъ Каролинѣ о своей попыткѣ привезти доктора для своего брата. Она отсовѣтовала ему приводить эту мысль въ исполненіе; она полагала, что прочитанное ею наставленіе достаточно и что было бы очень неблагоразумно предпринять новый способъ леченія, когда предписанный уже даетъ вѣрные результаты. Герцогъ горячо обѣщала ей послѣдовать ея совѣту, слѣдовательно, быть довѣрчивымъ. Мадмуазель д'Арглядъ видѣла, какъ они пожали другъ другу руки и что князь, возвращаясь, взойшелъ по лѣстницѣ башни Грѣса.

— Прекрасно! я довольно видѣла, — подумала Леонія. — мнѣ остается только побѣгать по росѣ, чего я, впрочемъ, не люблю; я могу слѣшкомъ поздно встать. Засыпая, она еще продолжала. — Какова эта Каролина! Я видѣла очень хорошо, что она лгала! Какъ будто это возможно, чтобы герцогъ далъ ей сохранить свою невинность! Но вотъ она поцалась мнѣ, я знаю милые секреты! И если я когданибудь буду имѣть надобность въ ней, она будетъ плясать по моей дудкѣ.

Каролина поспѣшно легла спать, чтобы скорѣе заснуть, скорѣе быть готовою къ услугамъ своего больного.

Въ восемь часовъ она была уже на ногахъ и стояла у своего окна; Герцогъ также былъ у окна своего брата. Онъ знаками показалъ ей, что онъ черезъ внутреннія комнаты пойдетъ въ библіотеку, чтобы увидѣть ее тамъ. Съ своей стороны, она тотчасъ же отправилась

туда и узнала здѣсь отъ Гаэтана, что маркизу очень хорошо. Онъ только что пробудился и первое—что онъ проговорилъ, было:—Боже мой! какое чудо! Вотъ мой первый сонъ послѣ семидневнаго страданія! И я ничего не чувствую болѣе, я дышу, мнѣ кажется, что я выздоровѣлъ. Всемъ этимъ я ей обязанъ!—А это правда, мой милый другъ, —прибавилъ герцогъ,—это вы спасли его и вы сохраните его намъ, если захотите сжалиться надъ нами!

Герцогъ рѣшился было ничего не говорить; онъ поклялся въ этомъ брату; но, считая себя очень осторожнымъ, онъ все-таки высказалъ истину, противъ своей воли. Эта истина какъ молнія пробѣжала въ головѣ Каролины.—Что вы говорите однакожь герцогъ! воскликнула она. Кто я такая? и кто я такая здѣсь, чтобы имѣть такое вліяніе?

Герцогъ испугался встревоженнаго взгляда Каролины.—Чтожь вы хотите? возразилъ онъ, принимая вновь улыбающійся и спокойный видъ. Что вы вбиваете себѣ въ голову? Развѣ вы не видите, что я обожаю своего брата, что я страшусь мысли потерять его и что, вспоминая о помощи, которую вы оказали ему въ эту ночь, я говорю съ вами, какъ съ своею сестрою? Развѣ не видите, что я въ затрудненіи, я теряюсь! Урбанъ убиваетъ себя работою. Я не имѣю достаточно вліянія на него, а онъ не хочетъ, чтобы я сказалъ матери о возвратѣ его старой болѣзни. И въ самомъ дѣлѣ, сказать ей это—значитъ подвергнуть ее самой опасности; какъ она ни слаба, она все-таки захочетъ быть постоянною возлѣ него, сидѣть у него по ночамъ... Послѣ двухъ ночей, она сама не перенесетъ этого. Только мы, одни мы, должны спасать моего брата, не подавая даже вида и не вмѣшивая сюда лакеевъ и горничныхъ. Эти люди вѣчно болтаютъ. Посмотримъ, съ сердцемъ ли и умомъ вы женщина, какъ я убѣдился въ томъ? Хотите ли, можете ли, рѣшаетесь ли вы помочь мнѣ пещись о немъ серьезно; сидѣть у него попеременно со мною въ теченіе многихъ вечеровъ, многихъ ночей, если понадобится, чтобы ни на одинъ часъ не оставить его наединѣ, чтобы онъ и на одинъ часъ не могъ вновь взлѣсть за свои проклятыя старыя книги? Я убѣжденъ, что ему главнѣе всего нужно душевное спокойствіе, побольше сна, достаточное движеніе и аппетитъ. Для этого нужна власть деспотическая—такого человѣка, который не боится бы прекословить ему, человѣка съ преданнымъ сердцемъ... человѣка, необидливаго, не гордаго, безъ неумѣстной недовѣрчивости, который переносилъ бы его причуды, если онъ ихъ имѣетъ, его порывы восторженной признательности, если таковыя вырвутся у него,—словомъ, для этого нуженъ другъ серьезный, и при томъ женщина, которая имѣла бы довольно нѣжности и ума, чтобы заставить его принять, даже полюбить эту власть. Каролина, вы одинъ можете сдѣлаться этимъ человѣкомъ! Братъ мой чувствуетъ высокое уваженіе, почтеніе и даже, полагаю, искреннюю дружбу къ вамъ. Попробуйте управлять имъ недѣлю, двѣ, быть можетъ, и мѣсяцъ; потому что, если онъ сегодня будетъ въ состояніи встать, онъ вечеромъ будетъ уже рыться въ своихъ книгахъ; если онъ еще просплетъ эту ночь, онъ на слѣдую-

щую уже не ляжетъ. Вы видите, какой трудъ мы должны взять на себя. Я рѣшился на это, я преданъ этому, но одинъ я ничего не съумѣю сдѣлать. Онъ будетъ скучать со мною, онъ будетъ тяготиться, если не будетъ видѣть никого, кромѣ меня, и его нетерпѣніе уничтожитъ дѣйствіе моей заботливости о немъ. Съ вами... женщиною—сидѣлкою добровольною, великодушною, твердою и кроткою, терпѣливою и строгою, какою могутъ быть одинъ только женщины,—вамъ, говорю я, онъ охотно подчинится, а послѣ, когда болѣзнь минетъ, онъ будетъ благословлять васъ за это владычество надъ нимъ.

Это лукавое изображеніе дѣла окончателно прогнало шаткія и поспѣшныя подозрѣнія Каролины. — Да, да, сказала она, я буду этой сидѣлкой. Разсчитывайте на меня; благодарю васъ за это довѣріе. Я привыкла къ должности сидѣлки; это мнѣ ничего не значить и не утомляетъ меня. Братъ вашъ въ моихъ глазахъ, какъ и въ вашихъ, такъ достоинъ уваженія и такъ высоко стоитъ надъ всѣмъ, что мы дѣлаемъ,—что служить ему есть счастье, честь. Подумаемъ о томъ, какъ намъ раздѣлить этотъ похвальный трудъ, не возбуждая его подозрѣнія касательно его положенія. Прежде всего вы должны на ночь помѣститься въ его комнатѣ.

— Онъ не потерпитъ этого.

— Хорошо! Отсюда должно быть слышно когда онъ дышетъ. Вотъ большая софа, на которой можно хорошо спать, закутавшись въ плащъ; мы будемъ проводить здѣсь ночь попеременно, до новаго распоряженія.

— Прекрасно!

— Заставляйте его вставать рано, чтобы онъ привыкнулъ спать ночью и приводите его завтракать съ нами.

— Если вы заставите его общать это.

— Попробую. Необходимо, чтобы онъ ѣлъ болѣе одного раза въ сутки. Мы заставимъ его гулять, или, по крайней мѣрѣ, сидѣть съ нами на свѣжемъ воздухѣ до полудня. Въ это время онъ и вы идете съ визитомъ къ маркизѣ. Я работаю съ нею до пяти часовъ, а потомъ я одѣваюсь...

— На это вамъ не нужно часа. Вы придете къ нему въ бібліотеку. Я буду тамъ.

— Хорошо. Мы будемъ обѣдать вмѣстѣ; мы удержимъ его въ гостиной до шести часовъ. Тогда вы пойдете съ нимъ.

— Все это прекрасно, но когда бываютъ у маменьки визиты, она оставляетъ насъ однихъ и вы можете приходиться въ это время поболтать съ нами часъ-другой.

— Нѣтъ, не болтать, отвѣтила Каролина, но я приду почитать ему что нибудь, потому что вы понимаете, что ему трудно будетъ провести все это время, не интересуясь ни чѣмъ; но я буду читать такъ, чтобы усыпить его, чтобы расположить его ко сну. Итакъ это рѣшено. Только сегодня насъ будетъ стѣснять мадамъазель д'Аргьяа.

— Сегодня я позабочусь обо всемъ самъ, а завтра она уѣзжаетъ. Итакъ братъ мой спасенъ, а вы — ангелъ!

Маркизь, предувѣдомленный братомъ обо всѣхъ этихъ расворяженіяхъ, подчинился съ признательностью. Онъ былъ очень слабъ, и, — какъ выздоравливающій послѣ рѣзкаго кризиса, — не то чтобы истощенъ, но нравственно убитъ почти какъ вслѣдствіе продолжительной болѣзни. Онъ не могъ долге противостоятъ своей любви, терпѣніе его миновало, и не чувствуя, въ своей физической слабости, опасности и бури своей страсти, онъ предался блаженству быть предметомъ нѣжной заботливости. Герцогъ не позволялъ ему заглядывать въ будущее. Въ твоёмъ положеніи ты не можешь самъ рѣшиться на что нибудь, говорилъ онъ ему. Ты не владѣешь собою; безъ здоровья нѣтъ и нравственного ясновидѣнія. Дай намъ вылечить тебя, и ты увидишь, что выздоровѣвъ ты найдешь довольно энергіи, чтобы противостоятъ какъ твоей склонности, такъ и упрекамъ, которые она дѣлаетъ тебѣ. До тѣхъ же поръ я, право, не знаю, что можеть упрекать твою совѣсть, такъ какъ мадмуазель де-Сенъ-Женексъ ничего не подозрѣваетъ; да при томъ она дѣлаетъ только то, что сдѣлала бы сестра на ея мѣстѣ.

Это mezzo termine успокоило всѣ его волнія. Онъ всталъ, чтобы пойти на минуту къ своей матери, которую онъ увѣрилъ, что черты его лица измѣнились вслѣдствіе незначительнаго расстройства его здоровья. Онъ попросилъ дозволенія не показываться болѣе этотъ день и оставаться эти сутки, т. е. до отъѣзда m-me д'Арглядъ, въ совершенномъ покоѣ.

Въ теченіе этого дня между Королиною и герцогомъ существовалъ видъ полнѣйшаго согласія и постоянное перемигиванье, которое имѣло предметомъ только положеніе маркиза, но которое окончательно ввело въ заблужденіе Леонію. Она уѣхала совершенно увѣренная въ своемъ открытіи, но не сказавъ, однакожь, маркизѣ ничего такого, что могло бы измѣнить ея мнимой тайнѣ.

По истеченіи недѣли г. де Вильмеръ былъ здоровъ. Всѣ симптомы аневризма прошли, и, подчиненный благоразумному присмотру, онъ получилъ даже въ нѣкоторой степени видъ здоровья и внутренняго спокойствія, которое такъ долго было ему чуждо. Никто въ теченіе десяти лѣтъ не занимался имъ съ такимъ постоянствомъ, преданностью, нераздражительною и невѣдомою прелестью, которыми сужѣла окружить его m-me де-Сенъ-Женексъ; можно даже сказать, что никогда еще онъ не встрѣчалъ такую заботливость, разумную и вмѣстѣ съ тѣмъ кроткую; потому что мать его, не говоря уже о недостаткѣ у нея физической силы и дѣятельности, показала себя слишкомъ ревностною и безпокойною, ухаживая за нимъ однажды, когда жизнь его была въ опасности. Она и на этотъ разъ подозрѣвала у него новый возвратъ болѣзни, видя его слишкомъ часто возлѣ себя, и, слѣдовательно, менѣе прилежнымъ къ своей работѣ; но когда подозрѣніе это появилось, кризисъ уже прошолъ: условленное согласіе между герцогомъ и Королиною, полнѣйшее невѣдѣніе прислуги обо всемъ происходившемъ, малочис-

ленной и поэтому всегда занятой, спокойствіе маркиза, — все это содѣйствовало ея успокоенію, а по истеченіи двухъ недѣль она замѣтила даже, что сынъ ея получилъ бодрый и здоровый видъ, что конечно не могло не порадовать ее.

Съ особенною заботливостію старались они скрывать положеніе маркиза отъ ма-мэ д'Арглядъ. Герцогъ не отвергалъ предположеннаго для него брака. Онъ считалъ Леонію болтливую, легкомысленною и не хотѣлъ, чтобы въ свѣтѣ знали, что здоровье его брата можетъ возбуждать серьезныя опасенія въ его семействѣ. Герцогъ предувѣдомилъ, конечно, Каролину объ этомъ. Онъ игралъ съ нею, въ интересъ своего брата, какъ онъ это понималъ, двойственную роль, чтобы мало по малу предрасполагать ее къ безграничной преданности, и въ этихъ видахъ онъ находилъ выгоднымъ почаще напоминать ей, что будущность семейства держится на этомъ знаменитомъ бракѣ. Каролина не забывала этого и, довѣряя честности этихъ братьевъ, въ сознаніи своего долга и въ безкорыстїи собственнаго сердца, она смѣло шла къ пропасти, гдѣ навсегда могла бы погибнуть ея судьба. Такимъ образомъ князь, добрый по природѣ и съ лучшими намѣреніями для своего брата, хладнокровно трудился надъ гибелью дѣвушки, по своимъ личнымъ качествамъ достойной самаго полного счастья и уваженія.

Къ счастью для дѣвицы де-Сенъ-Женексъ, совѣсть маркиза, если она была услышана, то не созвѣмъ уснула. Страсть его допускала, впрочемъ, столько энтузіазма и истинной любви, что, казалось, поглощалась этими чувствами, или, по крайней мѣрѣ, сильно сдерживалась волею. Онъ требовалъ, чтобы герцогъ постоянно былъ съ ними, и въ своемъ чистосердечіи онъ чуть не освободилъ Каролину отъ ея надзора, давъ ей слово не братьяся за работу безъ ея дозволенія. Однажды онъ даже далъ ей это обѣщаніе, чтобы она перестала сидѣть по ночамъ въ библиотекѣ; не одинъ разъ онъ находилъ ее здѣсь, кроткою, веселою, и рѣзвою хранительницею книгъ и тетрадей, запечатанныхъ, какъ она говаривала, до новаго распоряженія; но герцогъ уничтожалъ дѣйствіе этого *неблагоуразумія* своего брата, тихонько увѣряя Каролину, что не нужно довѣрять этимъ обѣщаніямъ, хотя даннымъ съ полною искренностію, но исполненіе которыхъ не во власти маркиза. Вы не знаете, говаривалъ онъ ей, въ какой степени онъ разсѣянъ; когда какая нибудь мысль приходитъ ему въ голову, она завладѣваетъ имъ и заставляетъ его забывать всѣ обѣщанія въ мірѣ. Двадцать разъ я заставлялъ его роющимся въ этихъ подкажъ, лишь только я на минуту отворачивался отъ него; и когда я ему крикну: ну, ну, прекрасно, разбойникъ! онъ какъ бы пробуждался и смотрѣлъ на меня съ видомъ глубокаго изумленія.

Каролина не ослабляла своего надзора. Библиотека была гораздо ближе къ комнатѣ маркиза, чѣмъ къ ея отдѣленію, но, однакожъ, довольно близка къ центру дома, чтобы прислугѣ не бросалась въ глаза усидчивость *итальянщицы* въ этой комнатѣ, посвященной исключительно для занятій. Ее часто видали здѣсь то одну, то съ герцогомъ, то съ маркизомъ; еще чаще съ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ — не смотря на то,

что герцогъ находилъ всегда тысячи предлоговъ, чтобы оставлять ее наединѣ съ братомъ; но въ эти минуты открытыя двери, книга въ рукахъ Каролины, которая въ самомъ дѣлѣ читала со вниманіемъ, наконецъ естественность ея положенія, естественность, которая имѣеть больше силы, чѣмъ всѣ самыя топкия хитрости, — все это уничтожало всякій поводъ, всякое побужденіе къ злымъ пересудамъ.

Въ этомъ положеніи Каролина чувствовала себя очень счастливою, и въ послѣдствіи она припоминала это время, какъ лучшую эпоху въ ея жизни. Она страдала отъ холодности Урбана, и она нашла его теперь благосклоннымъ и довѣрчивымъ, болѣе чѣмъ она ожидала этого. Съ тѣхъ поръ какъ всѣ опасенія касательно его здоровья миновали, между ними завязалась взаимность, которая для Каролины была безъ малѣйшаго облачка. Маркизу сильно понравилось ея чтеніе и вскорѣ онъ даже дозволилъ ей помогать ему въ его работахъ. Она дѣлала для него розысканія, записывала замѣтки, которыя она составляла въ томъ духѣ, въ какомъ онъ желалъ, и которой она удивительно отгадывала. Наконецъ она сдѣлала для него работу такъ пріятною и такъ умѣла облегчать ему сухую и скучную сторону ея, что онъ могъ писать безъ утомленія и страданій.

Маркизъ нуждался въ секретарѣ гораздо больше, чѣмъ его мать; но онъ никогда не могъ терпѣть это посредничество между ними и предметомъ его изслѣдованій. Вскорѣ онъ увидѣлъ, однакожь, что Каролина не только не запутывалась въ идеяхъ, повидному чуждыхъ ей, но что она еще ему самому не давала запутываться. Она имѣла удивительную ясность сужденій, соединенную съ рѣдкою у женщинъ способностью связывать свои мысли. Она могла надолго углубляться въ мыслихъ безъ труда и безъ утомленія. Маркизъ нашолъ то, что навсегда должно было имѣть на него вліяніе. Онъ встрѣтилъ умъ высокій, — не творческій, но въ высшей степени пылкій, именно такой, который нуженъ былъ для него, чтобы дать равновѣсіе и движеніе его собственнымъ умственнымъ способностямъ.

Г. де-Вильмеръ былъ человекъ съ весьма сильнымъ умомъ, но который еще не достигъ а только ожидалъ своего развитія. Отсюда — его страданія и медленность его работъ. Онъ мыслилъ и писалъ быстро; но его совѣстливость, какъ философа и моралиста созидали въ воображеніи его, какъ историка-энтузіаста, постоянно возрастающія препятствія. Онъ постоянно былъ жертвою мелочныхъ упрековъ совѣсти, подобно нѣкоторымъ искреннимъ, но болѣзненнымъ боготомамъ, которые вѣчно воображаютъ себѣ, что они высказали своимъ духовникамъ не всю правду. Онъ хотѣлъ повѣдать человѣчеству истину социальную, но не соображалъ, что эта наука истиннаго и реальнаго, все таки обуславливается временемъ, въ которомъ мы живемъ. Этого то онъ не принималъ въ соображеніе. Онъ хотѣлъ раскрыть смыслъ событій, поглощенныхъ въ пучинахъ давно-минувшаго, и, поражаясь частой противорѣчивостью даже тѣхъ немногихъ намековъ, которые ему удавалось уловлять послѣ недомовѣрныхъ

услій, онъ безпокоился, не довѣрялъ собственной проницательности, ни собственной добросовѣстности, приостанавливался своимъ рѣшеніемъ и дальнѣйшею работою, и по цѣлымъ недѣлямъ, по цѣлымъ мѣсяцамъ, дѣлался жертвою мучительной неизвѣстности и ужасныхъ сомнѣній.

Каролина, не зная содержанія его труда, доведеннаго имъ еще только до половины и тщательно скрываемаго имъ съ какою то болѣзненною робостью, легко отгадала причину грусти, болтая съ нимъ и слыша его разсужденія, когда она читала ему. Она высказала ему нѣсколько соображеній въ высшей степени простыхъ, но прямыхъ и казавшихся неопровержимыми.

Она очень мало затруднялась, встрѣтивъ какое нибудь пятно въ великой эпохѣ, или ничтожные проблески разума въ эпоху заблужденія. Она полагала, что на прошедшее нужно смотрѣть, какъ на картину, на растояніи, соответствующемъ зрѣнію каждого лица, чтобъ обнять ensemble, и что нужно умѣть жертвовать, какъ того желали артисты, создавшіе эти картины, маловажными подробностями, уничтожающими иногда на самомъ дѣлѣ гармонію и даже логику дѣйствительности. Она замѣтила, что въ переходѣ замѣчаются иногда невѣроятныя дѣйствія тѣни и свѣта, и что обыкновенные люди часто спрашиваютъ — «какимъ образомъ артистъ передать это?», на что артистъ отвѣчаетъ — «не передавая этаго.»

Каролина соглашалась, что историкъ болѣе связанъ вѣрностью дѣйствительности, чѣмъ артистъ; но она не допускала, чтобы можно было дѣйствовать по различнымъ принципамъ на томъ и на другомъ поприщѣ. Прошедшее и даже настоящее какъ отдѣльнаго такъ и коллективнаго лица, имѣли, по ея мнѣнію, значеніе и смыслъ только въ ихъ совокупности и проявленіяхъ. Маленькія приключенія, колебанія, даже уклоненія входятъ въ область неизбѣжнаго, т. е., закона вещей конечныхъ. Чтобы понять душу, народъ, эпоху, — нужно видѣть ихъ въ свѣтѣ событій, какъ поле въ свѣтѣ солнечномъ.

Она высказывала эти мнѣнія съ осторожностью, въ видѣ вопросовъ, безъ умысла, и какъ бы въ готовности всегда взять ихъ назадъ, если они не понравятся; но маркизь былъ пораженъ ими, потому что видѣлъ въ нихъ увѣренность, какую-то внутреннюю вѣру, и понималъ, что если она согласилась бы замолчать, то она, тѣмъ не менѣе, оставалась бы убѣжденною въ своихъ мнѣніяхъ. Онъ, однакожь, дѣлалъ нѣкоторыя возраженія и предлагалъ ей множество фактовъ, задерживавшихъ и приводившихъ въ недоразумѣніе его самага. Она разрѣшила ихъ въ немногихъ словахъ, съ легкостью дѣвственною ума и чистаго сердца, и онъ, обращаясь къ герцогу, восклицалъ:—Она открываетъ истину, потому что она носитъ ее въ самой себѣ,—а это первое условіе, чтобъ видѣть ясно. Разстроенная совѣсть и покривившійся умъ никогда не поймутъ исторіи!

— Это потому, говаривала она, что въ изученіи исторіи никогда не слѣдуетъ придавать слишкомъ большую важность мемуарамъ, по-

тому что почти всё они суть созданія предубѣжденій и страсти даннаго момента. Нынѣ въ модѣ отыскивать все это съ большими усиліями и накоплять множество мелкихъ и малозвѣстныхъ, фактовъ, которые рѣшительно не заслуживаютъ этого.

— Да, отвѣчалъ маркизъ, вы правы; если историкъ, вмѣсто того, чтобы оставаться вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ и разработкѣ великихъ событій, увлекается мелочами, тогда истина теряетъ все то, чѣмъ завладѣваетъ дѣйствительность.

Если мы приводимъ эти разговоры, лежащія, быть можетъ, внѣ области романа, то это потому, что они необходимы для показанія серьезности и спокойствія отношеній, установившихся между ученымъ маркизомъ и скромною компаньонкой; не смотря на всё стараніе герцога предать ихъ въ добычу увлеченій юности и любви. Маркизъ сознавалъ, что онъ принадлежитъ Каролинѣ не только по энтузіазму, фантазіи и необходимости идеализировать прелесть и красоту, но и по сознанию, размышленію и увѣренности, что онъ нашель этотъ идеалъ. Съ этой минуты Каролина была спасена; она внушала уваженіе тѣмъ серьезнымъ достоинствомъ, которое проникло все ея существо, и маркизъ не боялся болѣе принадлежностей эгоизма.

Герцогъ сначала очень удивлялся такому результату ихъ сближенія. Братъ его выздоровѣлъ, былъ счастливъ, и, казалось, онъ побѣждалъ свою любовь одною только силою этой же любви; герцогъ былъ не глупъ, и онъ понималъ это. Онъ самъ почувствовалъ серьезное уваженіе къ Каролинѣ. Онъ сталъ находить интересъ въ ея чтеніи и мало-по-малу онъ не только не засыпалъ уже на первыхъ страницахъ, но самъ даже пожелалъ читать и высказывать свои впечатлѣнія. Онъ не имѣлъ никакихъ убѣжденій, но онъ, *en artiste*, давалъ разшевелить и увлекать себя убѣжденіями другихъ. Онъ въ свою жизнь читалъ очень мало серьезнаго, но удивительно удерживалъ въ памяти числа и собственные имена. Память его была какъ бы рѣдко сплетенная сѣтка, къ которой примыкали болѣе тонкія нити познаній его брата. Другими словами, онъ былъ чуждъ логическаго и глубокаго смысла историческихъ событій. Онъ не имѣлъ недостатка въ предубѣжденіяхъ; но внѣшность оказывала на него вліяніе, заставлявшее его молчать; и онъ чувствовалъ одинаковый энтузіазмъ предъ страницей изъ Босюэта, или Руссо, которыхъ она имъ иногда читывала.

Онъ съ удовольствіемъ принималъ участіе въ занятіяхъ маркиза и *m-me de Сентъ-Женексъ*. Истинно хорошее было въ немъ то, что съ той минуты, какъ онъ узналъ чувство своего брата относительно Каролины, она перестала быть для него женщиной. Между тѣмъ онъ самъ былъ взволнованъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, и истина застала его въ минуту досады и страсти. На слѣдующій день онъ отказался отъ всякой дурной мысли, и, довольный тѣмъ, что маркизъ, послѣ страшнаго ревности, вновь возвратилъ ему свое полное довѣріе, онъ въ первый разъ въ жизни позналъ честную и истинную дружбу къ женщинѣ.

Въ июлѣ мѣсяцѣ Каролина писала своей сестрѣ:

«Будь спокойна, вотъ уже давно я не ухаживаю за больными, потому что онъ никогда еще не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ теперь; но я сохранила привычку вставать съ разсвѣтомъ и каждое утро я посвящаю нѣсколько часовъ занятіямъ, которыя онъ дозволилъ мнѣ раздѣлять съ нимъ. Что касается его, то онъ пользуется прекраснымъ сномъ, потому что онъ уходитъ спать въ десять часовъ и тогда я могу дѣлать то же самое. Я часто имѣю даже драгоценныя минуты досуга. Сосѣдство Эвоскихъ водъ и дорога въ Ваши привлекаетъ къ намъ народъ въ то самое время, когда маркиза, по привычкѣ, забирается въ Парижъ; и твердя, что это безнокомтъ и утомляетъ ее, она все таки бываетъ въ восхищеніи отъ этого.

Огромная корреспонденція ея страдаетъ отъ этого, но она и безъ того уменьшилась со времени предположеннаго брака маркиза. Этотъ прозектъ такъ занимаетъ г-жу де Вильмеръ, что она не можетъ удержать себя отъ того, чтобы сообщить это, или, по крайней мѣрѣ, намекать на это своимъ старымъ друзьямъ. Послѣ она начинаетъ разсуждать, сознаетъ, что неблагоразумно говорить объ этомъ такъ много, что не слѣдуетъ разсчитывать на скромность столькихъ лицъ.—и мы бросаемъ въ каминъ письма, которыя она диктуетъ мнѣ. Это бываетъ причиною того, что она часто говоритъ мнѣ: —Кончено! не будемъ писать. Я люблю лучше молчать, чѣмъ говорить только о томъ, что интересуетъ меня.

«Когда она имѣетъ гостей, она даетъ мнѣ знакъ, что я могу отправиться къ маркизу, потому что она теперь знаетъ уже, что я составляю для него замѣтки. Когда болѣзнь его прошла, я не считала нужнымъ скрывать это болѣе, и она очень признательна мнѣ за то, что я избавляю ея сына отъ утомительной части его занятій. Она весьма любопытна и желала бы узнать, что это за сочиненіе, которое такъ тщательно скрываютъ; ему не нужно впрочемъ опасаться, чтобы я измѣнила этому секрету, потому что я ни слова не понимаю здѣсь. Я знаю только, что мы остановились теперь на исторіи Франціи, а именно на эпохѣ Риппелъ; едвали должна я сказать, что я предчувствую рѣшительное несогласіе въ мнѣніяхъ между матерью и сыномъ касательно множества важныхъ предметовъ? «Не сожалѣй обо мнѣ, если я возложила на себя двойную работу и взяла себя, какъ ты говоришь, двухъ господъ. Работа у маркизы обязательна, и здѣсь бываетъ не безъ жеманства; работа у сына сладка, и я ощущаю здѣсь то серьезное почтеніе, о которомъ я тебѣ часто говорила. «Я радуюсь при мысли, что я содѣйствовала его выздоровленію и съ умѣла ухаживать за нимъ, не выводя его изъ терпѣнія, и убедить его жить, какъ всѣ люди, чтобы быть здоровымъ. Я затрогивала даже его слабую сторону, говоря ему, что способности его могутъ ослабѣть отъ страданій и что я не вѣрю въ ясновидѣніе лихорадки. Ты не можешь вообразить себя, какъ онъ былъ добръ ко мнѣ, какъ онъ позволялъ твоей сестричкѣ читать ему нотации, и даже бранить его; какъ онъ благодарилъ меня за участіе и подчинялся всѣмъ моимъ предписаніямъ! Эта подчиненность доходила наконецъ до того, что онъ за столомъ сѣра-

нивалъ меня глазами, что ему ѣсть. А когда мы прогуливаемся, онъ не имѣетъ воли, какъ дитя, и совершаетъ ту прогулку, которую я и герцога заставляю его дѣлать. Это прекрасная душа, увѣрю тебя, и съ каждымъ днемъ я открываю въ немъ новыя достоинства. Я считала его своенравнымъ и весьма упорнымъ. Бѣдный маркизъ! Это болѣзнь такъ настроивала его. Напротивъ, онъ характера безпримѣрно кроткаго и добраго, и обворожительность его обращенія можно сравнить только съ прелестью здѣшнихъ водъ, текущихъ въ нашей долинѣ,—всегда чистыхъ, обильныхъ, увлекаемыхъ сильнымъ ровнымъ теченіемъ, и никогда не бывающихъ вволнованными и капризными. Еслибъ я стала продолжать сравненія, я сказала бы, что его умъ имѣетъ цвѣтущіе берега и зеленые оазисы, гдѣ можно остановиться и усладительно мечтать, потому что онъ въ высшей степени поэтъ и я постоянно удивлялась, почему онъ подчинилъ полеты своей фантазіи строгости исторической науки.

«Онъ увѣряетъ, впрочемъ, что это я только сдѣлала въ немъ это открытіе и что теперь только онъ и самъ начинаетъ замѣчать это. Недавно мы съ оврага, идущаго въ поперекъ ложбины Шара любовались прекрасною картиною, которую представлялъ лугъ, усѣянный барашками и козлятами. Въ глубинѣ этого обрывистаго оврага выдается небольшое скалистое возвышеніе, откуда нѣсколько зубцовъ поднимаются надъ равниною, но такъ, что они, сравнительно съ уровнемъ ея, образуютъ гору и что эти маленькія восхитительныя скалы сѣролиловаго цвѣта образуютъ довольно значительный хребетъ, закрывающій собою лежащую позади его низменность. Такимъ образомъ отсюда не видна остальная часть долины, и сидя здѣсь можно вообразать себя въ какомъ нибудь уголкѣ Швейцаріи. По крайней мѣрѣ это говоритъ мнѣ маркизъ, чтобы утѣшать меня за обидные отзывы его матери о моемъ восхищеніи здѣшнею природою.— Не тревожьтесь этимъ, говоритъ онъ мнѣ, и не думайте, что нужно видѣть много великихъ вещей для того, чтобы замѣчать и чувствовать великое. Величественное находится вездѣ для тѣхъ, которые носятъ его въ самомъ себѣ; и это не есть одно лишь созданіе фантазіи, а откровеніе того, что на самомъ дѣлѣ существуетъ въ природѣ, въ болѣе или менѣе ясной формѣ. Для грубыхъ чувствъ нужны и грубыя проявленія силы и объема вещей. Это-то и есть причина, почему многіе, которые отправляются въ Шотландію отыскивать написанныя Вальтеръ-Скоттомъ картины, не находятъ ихъ, и увѣряютъ что поэтъ изукрасилъ свою страну. Между тѣмъ эти картины существуютъ тамъ, и еслибъ вы поѣхали туда, вы нашли бы ихъ.

«Я созналась ему, что дѣйствительная неизмѣримость обольщаетъ меня и что я часто вижу во снѣ непроходимыя горы и ужасныя пропасти; что предъ какою нибудь гравюрою, изображающею быстрые водопады Швеціи или пловучія ледяныя глыбы Ледовитаго моря, я предаюсь безконечнымъ мечтамъ о независимости, и что нѣтъ разсказа о дальнихъ путешествіяхъ, бѣдствія и опасности которыхъ могъ

ли бы уничтожить во мнѣ сожалѣніе о томъ, почему я не участвовала въ этихъ путешествіяхъ.

«И однакожъ,—возразилъ онъ мнѣ,—вы, кажется, очень довольны и вполне счастливы и эту восхитительною маленькою мѣстностью, лежащею предъ нами. Неужели вы чувствуете большую потребность въ сильныхъ ощущеніяхъ и неожиданностяхъ, чѣмъ въ умленіи и спокойствіи? Посмотрите какъ оно хорошо, это спокойствіе! Какъ прекрасенъ этотъ свѣтлый часъ, эти ползущія тѣни, эта туманная синева, ласкающая, кажется, окраины скалы, эта неподвижность листьевъ, которые, кажется, въ безмолвіи пьютъ залотистые лучи заходящаго солнца;—вся эта торжественность, сосредоточенная и свѣтлая, есть истинное выраженіе прекраснаго и благаго въ природѣ! Всего этого я не зналъ прежде! Только весьма недавно я былъ пораженъ этимъ. Я жилъ въ несуществующемъ, въ мертвомъ, или въ мечтаніяхъ. Я бредилъ историческими картинами, этою фантазмагоріею прошедшаго. Я часто видалъ на горизонтѣ флотъ Клеопатры, въ тиши ночной мнѣ часто слышались воинскія крики; но это было въ области фантазій, а дѣйствительность была для меня безмолвна! Съ тѣхъ поръ, какъ я увидалъ васъ, безмолвно глядящую на горизонтъ, съ видомъ невыразимаго удовольствія, я невольно задумался надъ вашимъ секретомъ умѣть блаженствовать, и, правду сказать, вашъ себялюбивый паціентъ завидовалъ вашей радости. Онъ сталъ наблюдать какъ вы. Онъ тѣшился тогда, чувствуя, что любить то, что вы любите.

«Ты догадываешься, моя милая сестрица, что, говоря такъ, маркизъ безстыдно дгалъ; потому что изъ всѣхъ его примѣчаній и изъ его образа выраженій ясно видно, что онъ имѣетъ истинный, артистическій энтузіазмъ къ природѣ, какъ и ко всему прекрасному; но, въ своей признательности, онъ уже такъ сильно добръ, что чистосердечно жетъ и воображаетъ, что онъ мнѣ обязанъ чѣмъ-то новымъ въ своей умственной жизни.»

XV.

Однажды,—это было утромъ,—маркизъ писалъ у большаго стола въ библіотекѣ, а Каролина разсматривала карты на другомъ концѣ стола; маркизъ положилъ перо и съ волненіемъ сказалъ ей:

— Mlle de Сенъ-Женексъ, я помню, вы нѣсколько разъ выразили желаніе знать что это за работа, и я не могъ все рѣшиться сказать вамъ это; но теперь,—да, теперь,—я чувствую, что буду счастливъ, если подвергну ее вашему суду. Это сочиненіе есть скорѣе ваше произведеніе, чѣмъ мое, потому что я не вѣрилъ и вы научили меня уважать тѣ стремленія, которыя диктовали мнѣ его. Съ тѣхъ поръ, какъ вы укрѣпили во мнѣ мои убѣжденія, вы сдѣлались причиною того, что я теперь въ одинъ мѣсяцъ болѣе успѣлъ въ своемъ трудѣ, чѣмъ прежде въ десять лѣтъ. Такимъ образомъ вы также причиною того, что я навѣрно окончу трудъ, который я безъ того, быть можетъ, только вѣию начиналъ бы, до моей послѣдней минуты. Минута эта была, впрочемъ, близка. Я чув-

ствовавъ ея быстрое приближеніе, и томился въ отчаяніи, видя, что ничто не подвигается впередъ — кромѣ моей послѣдней минуты! Вы повелѣли мнѣ жить—и я сталъ жить; быть спокойнымъ — и я сталъ спокоенъ, вѣрить въ Бога и самого себя—и я сталъ вѣрить. Теперь же, когда я вѣрю въ свою мысль, мнѣ нужно, чтобы вы дали мнѣ вѣру и въ мои способности; потому что, хотя я не слишкомъ забочусь о формѣ, но тѣмъ неменѣе считаю ее необходимою, чтобы дать истинѣ болѣе вѣса и увлекательности. Возьмите, другъ мой, читайте.

— Да! отвѣтила съ живостью Каролина; вы видите, что я не колеблюсь, что я не отказываюсь: это не было бы съ моей стороны ни благодарно, ни скромно. Я не стѣсняюсь. Я такъ увѣрена въ вашихъ способностяхъ, что не считаю нужнымъ скромничать; и я такъ увѣрена въ гармоніи нашихъ мнѣній, что льщу себя даже надеждою, что пойму даже то, что при другихъ обстоятельствахъ было бы выше моихъ силъ.

Но въ ту минуту, когда она взялась читать рукопись, она остановилась въ нерѣшимости предъ этимъ особеннымъ довѣріемъ и спросила, не будетъ ли и герцогъ участвовать въ этомъ удовольствіи.

— Нѣтъ! возразилъ маркизь; братъ мой не придетъ сегодня. Я выбралъ день, когда онъ бываетъ на охотѣ, Я не хочу, чтобы онъ зналъ мой трудъ прежде, чѣмъ онъ будетъ оконченъ; онъ не пойметъ его. Ему помѣшаютъ его врожденные предразсудки. Онъ думаетъ, однакожь, что имѣетъ нѣкоторыя *передовыя* идеи, какъ онъ ихъ называетъ, и знаетъ, что я иду дальше его; но онъ даже и не подозреваетъ какъ далеко я оставилъ тотъ путь, на который поставило меня воспитаніе. Мое возстаніе противъ этого прошедшаго ужаснетъ его, а это можетъ беспокоить меня, до окончанія моего труда. Но вы сами... вы кажется становитесь безпокойною.

— Что касается меня, то я не имѣю еще твердыхъ убѣжденій, отвѣтила Каролина, но очень вѣроятно, что я буду раздѣлять ваши мнѣнія, когда узнаю ихъ. И такъ садитесь, я хочу читать вслухъ для васъ, какъ и для себя. Я хочу, чтобы вы слышали самихъ себя. Я думаю, что это должно быть хорошеій способъ перечитывать самого себя.

Каролина прочла въ это утро полтома; она читала еще днемъ и на слѣдующій день. Въ три дня она заставила маркиза прослушать итогъ его многолѣтнихъ трудовъ. Она читала его руку хотя съ небольшимъ трудомъ, но такъ хорошо, какъ печатное, и такъ какъ она читала съ точностью, смысломъ и удивительною простотою, воодушевляя другихъ и чувствуя сама себя растроганою, когда, при изображеніи историческихъ эпопей, фактъ возвышался до лиризма, то авторъ въ одну минуту увидалъ себя озареннымъ полнымъ свѣтомъ убѣдительности, сложившимся изъ отдѣльныхъ лучей одиночныхъ размышленій.

Книга эта была въ самомъ дѣлѣ прекрасна, оригинальна и замѣчательна истиннымъ величіемъ. Подъ простымъ и мистическимъ заглавіемъ: «*Исторія Титуловъ*» она подняла множество смѣлыхъ вопросовъ, которые были совершенно не согласны съ понятіями его

его сословія Сынъ знаменитой и привилегированной фамиліи, воспитанный въ родовой гордости и презрѣніи къ народу, маркизь предсталъ предъ современною цивилизаціей съ актомъ обвиненія патріархата, съ челобитною и съ доказательствомъ его узурпаціи, и провозносилъ свой приговоръ во имя здраваго смысла, справедливости, и совѣсти. Онъ по одиначкѣ перебралъ всѣ эти попытки въ теченіе восемнадцати вѣковъ согласить равенство, съ условіями свѣтской и духовной іерархіи. Допуская во всѣхъ классахъ іерархію политическую и административную, т. е. должности, личную храбрость, и общественную дѣятельность, словомъ, услуги, онъ преслѣдовалъ привилегію рожденія до современныхъ понятій, до ея послѣднихъ результатовъ, развивая исторію грабительствъ и узурпацію дворянства со времени-феодалнаго основанія его во Франціи до настоящаго дня. Это значило обработать исторію Франціи въ извѣстномъ взглядѣ на вещи подъ вліяніемъ сознанной, независимой, незамѣнной и оскорбленной идеи и исходя изъ чувства религіозности, на которую французское дворянство не могло нападать, не уничтожая само себя.

Мы ничего не скажемъ больше о содержаніи этой книги, разборъ которой лежитъ внѣ нашего предмета. Какъ бы ни думали объ убѣжденіяхъ ея автора, нельзя было, однакожь, не признать въ немъ блистательный талантъ, соединенный съ знаніемъ и могучею прямою необыкновеннаго ума. Стилъ его былъ особенно превосходенъ и поражалъ роскошью и богатствомъ, которыхъ нельзя было предполагать у маркиза, судя по отрывочности обыкновеннаго разговора его; но даже въ своей книгѣ онъ допустилъ очень мало разглагодъствованій. Изложивъ на немногихъ страницахъ основы и причины своего изслѣдованія, онъ прямо приступилъ къ фактамъ и разбѣстилъ ихъ въ историческія группы съ поразительною ясностью. Его рассказы, полные жизни, имѣли занимательность романа или драмы, даже тогда, когда, раскрывая темные фамильные архивы, онъ изображалъ ужасы временъ феодальныхъ и страданія и умаленія народа. Будучи энтузіастомъ и не скрывая этого, онъ глубоко чувствовалъ всѣ злодѣянія противъ непорочности и любви; во многихъ мѣстахъ душа его, пламеня всѣмъ истиннымъ, справедливымъ и прекраснымъ, возставала съ порывомъ увлекательнаго краснорѣчія. Не одиъ разъ Каролина заливалась слезами и должна была положить книгу, чтобы прійти въ себя.

Каролина не дѣлала никакихъ возраженій. Не наше дѣло рѣшать, должна ли была она дѣлать ихъ, или она дѣйствительно не имѣла что возражать; довольно сказать, что она ихъ не дѣлала—такъ она была увлечена удивленіемъ къ таланту и уваженіемъ къ самому человѣку. Маркизь де-Вильмеръ сдѣлался въ ея глазахъ личностью, столь возвышенною надъ всѣмъ, что она по сіе время встрѣчала, что она рѣшилась бы посвятить себя ему безъ всякихъ опасеній и на всю свою жизнь.

Если мы и говоримъ *безъ всякихъ опасеній*, то тѣмъ не менѣе существовала опасность, которая, еслибъ она пришла ей на мысль, заставила бы ее не такъ рисковать собою. Но она не приходила ей въ голову.

Мысль, что такой человекъ можетъ потребовать, чтобы она пожертвовала для него своею честью, ни на минуту не омрачала ея свѣтлаго энтузіазма. Мы не рѣшились бы, однакожь, утверждать, что энтузіазмъ этотъ безъ ея вѣдома, не включилъ бы въ себя и любовь, какъ неизбѣжный элементъ его полноты. Но любовь не была здѣсь исходною точкою. Маркизъ не могъ по сіе время раскрыть всѣ оболочки своего ума и своей личности. Онъ чувствовалъ себя связаннымъ, разстроеннымъ и больнымъ. Каролина не вдругъ замѣтила перемену, происшедшую въ немъ какъ-то незамѣтнымъ образомъ, когда онъ становился краснорѣчивымъ, молодымъ и красивымъ, пріобрѣтая съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, здоровье, довѣріе къ самому себѣ, увѣренность къ своей силѣ и ту прелесть, которую даетъ счастье благороднымъ фязіономіямъ, долго бывшимъ покрытыми смутными опасеніями.

Когда она замѣтила всѣ эти обольстительныя перемены, она, сама того не зная, подверглась всему вліянію ихъ; но тутъ подошла осень. Собирались уже возвратиться въ Парижъ; и г-жа де-Вильмеръ, подъ вліяніемъ своей *idée-fixe*, ежедневно повторяла своей юной собесѣдницѣ:—черезъ недѣлю, черезъ двѣ, будетъ знаменитое свиданіе моего сына съ дѣвпцею де-Ксантайль.

Каролина ощущала тогда ужаснѣйшія терзанія въ самой глубинѣ души своей, ужась, страхъ и каковъ-то могучее внутреннее проявленіе привязанности, которой она сама еще не сознавала. Она такъ свыклась съ шаткою и еще далекою мыслью о предстоящемъ бракѣ, что ни разу не подумала, что можетъ пострадать въ-за нее. Эта мысль становилась, однакожь, теперь неизбежною, какъ старость, какъ смерть; но люди на дѣлѣ сознаютъ старость и смерть только въ ту минуту, когда онѣ постигнуть насъ, а Каролина чувствовала, что мысль о близкой и неизбежной разлукѣ убьетъ ее.

Она кончила, однакожь, тѣмъ, что стала вѣрить вмѣстѣ съ маркизою въ неизбежность этаго. Никогда она не осмѣлилась спросить объ этомъ маркиза; герцогъ запретилъ ей, впрочемъ, это во имя дружбы, которую она питаетъ къ ихъ семейству. По его мнѣнію маркизъ не рѣшился бы, еслибъ его стали тревожить, а князь зналъ, что малѣйшее безпокойство Каролины разстроитъ всѣ мысли брата.

Герцогъ, смотрѣвшій сначала съ искреннимъ уваженіемъ на чистоту ихъ отношеній, сталъ потомъ безпокоиться этимъ.—Это, говаривалъ онъ самому себѣ, становится такою твердою привязанностью, что нельзя предвидѣть послѣдствій ея. Гораздо лучше было бы для брата моего, еслибъ эта страсть была удовлетворена. Теперь она не мѣшаетъ его будущности; но можно ли полагать, что добродѣтель уничтожаетъ любовь? Нѣтъ, нѣтъ! въ подобныхъ случаяхъ добродѣтель—это любовь съ удвоенными силами!

Герцогъ не обманывался. Маркиза рѣшительно не заботила перспектива брака, котораго онъ отнынѣ твердо рѣшился не заключать. Онъ сожалѣлъ только о томъ, что пребываніе въ Парижѣ проведетъ временную перемену въ его отношеніяхъ къ дѣвпцѣ де Сенъ-Женексъ, въ ихъ свободной братней привязанности, въ ихъ

общихъ занятіяхъ, въ той непрерывной взаимной увѣренности, которой они не найдутъ въ другомъ мѣстѣ. Онъ говаривалъ ей объ этомъ съ большою грустью. Она чувствовала ту же грусть, и приписывала ее своей любви къ деревнѣ и потерѣ такого благороднаго и пріятнаго образа жизни.

Между тѣмъ, пріѣхавъ въ Парижъ, она нашла здѣсь пріятную неожиданность. Она нашла здѣсь свою сестру, которая ожидала ее съ дѣтьми, и она узнала, что Камилла переселится ближе къ ней. Она думала жить въ Этампѣ, въ небольшомъ домикѣ, на-половину городскомъ, на-половину сельскомъ, пріятномъ, прохладномъ, съ свѣжимъ воздухомъ и съ большимъ садомъ. Она будетъ только на разстояніи одного часа отъ Парижа по желѣзной дорогѣ. Она помѣстила Лили пансіонеркою въ парижскомъ монастырѣ, гдѣ было вакантное мѣсто. Каролина могла видѣть ее каждую недѣлю. Наконецъ ей обѣщали также вакансію, въ одномъ изъ лицеевъ, и для Шарля, когда онъ достигнетъ только требуемаго возраста.

— Ты просто переполняешь меня радостью и удовольствіемъ, воскликнула Каролина, душа сестру въ своихъ объятіяхъ. Но кто совершилъ всѣ эти чудеса?

— Ты! отвѣтила Камилла, ты одна, и только ты!

— Но нѣтъ же! я надѣялась только получить эти вакансіи, т. е. получить ихъ черезъ Леонію, которая такъ обязательна; но я не разсчитывала на такой быстрый успѣхъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! возразила г-жа Гейдельбергъ; это происходитъ не отъ Леонію, а отсюда!

— Не можетъ быть! Я никогда ни слова не говорила объ этомъ маркизѣ. Зная, что она не въ ладахъ съ властями, я не смѣла.

— Нѣкто рѣшился хлопотать даже у министровъ, и этотъ нѣкто... онъ не хочетъ быть названнымъ, онъ дѣйствовалъ втайнѣ отъ тебя, и, однакожъ, я извѣстна ему, потому что рѣшительно невозможно мнѣ имѣть отъ тебя какой нибудь секретъ: этотъ нѣкто... это маркизъ де-Вильмеръ.

— Ахъ!... ты писала ему и просила его объ этомъ...

— Никогда! Напротивъ, онъ писалъ ко мнѣ, освѣдомляясь о моемъ положеніи и моихъ правахъ, съ такою добротою, съ такимъ приличіемъ, съ такою вѣжливостію... Ахъ! да, Каролина, ты вполне была права, когда цѣнила этотъ характеръ... Но постой, я привнесу его письма: я хочу, чтобы ты прочла ихъ.

Каролина читая эти письма увидѣла, что съ тѣхъ поръ, какъ она стала заботиться о г. де-Вильмерѣ, и онъ занялся ею семействомъ съ живою и постоянною заботливостію. Онъ предупредилъ ее тайныя желанія и озаботился воспитаніемъ дѣтей. Онъ письменю совершилъ быстрое и вѣрное ходатайство, не вызываясь даже на эти услуги, и ограничиваясь только тѣмъ, что попросилъ у Камиллы нужныхъ свѣдѣній о службѣ ея мужа. Онъ объявлялъ объ успѣхѣ своего ходатайства, отстраняя всякую благодарность и говоря, что онъ далеко еще не разквитался за то, чѣмъ онъ былъ обязанъ Каролинѣ. Камилла получила это радостное извѣстіе, когда Каролина

дѣлала свой вояжъ въ маркизою по почтѣ, маленькими станціями, потому что старуха чувствовала ужасъ ко всѣмъ возможнымъ diligensамъ и желѣзнымъ дорогамъ.

Что касается квартиры въ Этампѣ, то это была тоже его мысль. Онъ имѣлъ тамъ, сказалъ онъ, маленькое, независимое хозяйство, доставшееся ему отъ одного стараго родственника, и онъ просилъ г-жу Гейдельбертъ заняться имъ. Она приняла это предложеніе, обѣщала озаботиться нужными поправками; но она нашла домикъ въ весьма хорошемъ состояніи, обмѣблированнымъ и даже снабженнымъ дровами, виномъ и зеленью болѣе, чѣмъ на годъ. Когда она спросила человѣка, которому маркизъ поручилъ всѣ эти мелочи, о цѣнѣ квартиры, ей отвѣтили, что маркизъ приказалъ нобрать денегъ, что это мелочь, и что маркизъ никогда и не думалъ отдавать чужимъ въ наймы домикъ своего стараго родственника.

Если Каролина была живо тронута добротою ея друга и счастлива при видѣ улучшеннаго положенія ея семейства, то она тѣмъ не менѣе чувствовала скорбь. Она видѣла въ этомъ прощанье съ тѣмъ, жизнь котораго навсегда расходитя съ ея существованіемъ, и какъ бы расчетъ маркиза за свою признательность къ ней. Она заглушила эту грусть, употребляла время на прогулку съ сестрою и дѣтьми, на покупку нужнаго платья для пансіонерки и наконецъ на помѣщеніе послѣдней въ монастырь. Маркиза хотѣла видѣть г-жу Гейдельбертъ и прекрасную Елизавету, которая, вступая въ монастырь, оставила свое уменьшительное имя Лили. Она была въ восхищеніи отъ сестры Каролины и не отпустила Лили безъ хорошенькаго подарка; она выразила желаніе, оставить Каролинѣ два дня для прощанія съ семействомъ и провожанья его на желѣзную дорогу. Она сама поѣхала въ монастырь, чтобы отрекомендовать тамъ Елизавету Гейдельбертъ, какъ свою *protégée*.

Камилла видѣла у маркизы герцога и маркиза; она осмѣлилась представить своему благодѣтелю только Лили, такъ какъ другія дѣти были еще очень малы; но маркизъ хотѣлъ видѣть ихъ всѣхъ; онъ поѣхалъ съ визитомъ къ г-жѣ Гейдельбертъ въ гостиницу, въ которой она остановилась, и напелъ тамъ Каролину среди дѣтей, которыя обожали ее. Каролина замѣтила, что онъ стоялъ не мечтательный, но какъ бы погруженный въ созерцаніе заботъ и ласкъ, которыми она окружала дѣтей. Онъ съ нѣжнымъ вниманіемъ осматривалъ каждое дитя и разговаривалъ съ ними, какъ человѣкъ, въ которомъ уже очень развито родительское чувство. Каролина, не зная, что онъ на самомъ дѣлѣ былъ уже отцомъ, вздыхая подумала, что онъ размышляетъ о будущихъ семейныхъ радостяхъ.

На слѣдующій день, когда она увидѣла свою сестру, входящую въ вагонъ, долженствовавшій увезти ее въ Этампъ, она почувствовала себя страшно одинокою, и въ первый разъ роковой бракъ маркиза предсталъ ей, какъ неизбежное бѣдствіе въ ея собственной жизни. Она быстро вышла изъ вокзала, чтобы скрыть свои слезы; но на дворѣ она встрѣтилась лицомъ къ лицу съ маркизомъ. — Прекрасно! сказалъ онъ предлагая ей руку, вы плачете? Я ожидалъ этого

и хотѣлъ быть здѣсь, гдѣ для публики нѣтъ недостатка въ предпологахъ, чтобы поддержать васъ въ этой столь естественной горести вапей и напомнить вамъ, что вы остаетесь съ искренними друзьями.

— Какъ! вы пришли сюда для меня? спросила Каролина, вытирая слезы. Ахъ, я стыжусь этой минутной слабости. Я считаю это благодарностью къ вамъ, осыпавшему мое семейство благодарностями, сблизившему его со мною; я должна была бы радостно благословлять ваше имя, вмѣсто того, чтобы чувствовать мелочную горестъ этой разлуки, которая не можетъ быть продолжительною. Сестрѣ моей возможно будетъ часто навѣщать свою дочь, которую я еще чаще увижу. Нѣтъ, нѣтъ, я не печальна; напротивъ, я очень счастлива, и это по милости вашей!

— Зачѣмъ же вы продолжаете плакать? сказалъ онъ, подводя ее къ каретѣ, которую онъ приготовилъ для нея; это все нервы, не правда ли? но это беспокоитъ меня. Вернемся въ вокзалъ, какъ бы лица кого нибудь. Я не хочу оставить васъ въ слезахъ. Я въ первый разъ вижу васъ плачущею, и это сильно огорчаетъ меня. Подождите, мы въ двухъ шагахъ отъ Ботаническаго сада, а въ восемь часовъ утра мы не можемъ опасаться встрѣтить здѣсь кого нибудь изъ нашихъ знакомыхъ. Впрочемъ, въ этомъ мѣсто и въ этой вуали, трудно узнать васъ. Погода очень хороша, хотите ли посмотреть *швейцарскую долину*? Мы постараемся считать себя еще въ деревнѣ и, оставляя васъ, я буду увѣренъ... по крайней мѣрѣ я надѣюсь, что вы не будете разстроены.

Въ словахъ маркиза было столько дружескаго участія, что Каролина и не думала отвергать его предложеніе. Кто знаетъ, подумала она, быть можетъ онъ хотѣтъ сказать мнѣ здѣсь свое братское «прощай» въ ту минуту, когда вступаетъ въ новую жизнь? Въ самомъ дѣлѣ, это намъ дозволительно, мы, быть можетъ, обязаны сдѣлать это. Онъ никогда еще не говорилъ мнѣ о своемъ бракѣ; было бы странно, если бъ онъ ничего не говорилъ объ этомъ, и если бы я не была бы приготовлена и расположена выслушать его.

XVI.

Маркизъ сдѣлалъ извозчику знакъ слѣдовать за нимъ, и пѣшкомъ пошелъ съ Каролиною, тихо увлекая ее отъ ея сестры и дѣтей; но ни въ продолженіе этого длиннаго пути, ни въ тѣнистыхъ аллеяхъ швейцарской долины онъ не говорилъ ей о самомъ себѣ. Только въ самую минуту возвращенія, остановившись подъ высящимъ вѣтвями стараго кедра, онъ небрежно и улыбаясь сказалъ ей: — Знаете-ли, что сегодня долженъ быть мой оффиціальныи визитъ у дѣвицы де-Ксентрайль?

Маркизу показалось, что опиравшаяся на него рука Каролины содрогнулась; но она чистосердечно и твердо отвѣтила ему:— Нѣтъ, я не знала, что это должно быть сегодня.

— Если я говорю вамъ объ этомъ, продолжалъ онъ, то это потому, что знаю, что маманька и братъ говорили вамъ уже объ этомъ

воспитательномъ планѣ; съ своей стороны я вамъ никогда не говорила о немъ: не стоило!

— Слѣдовательно, вы думали, я не буду интересоваться вашимъ счастьемъ?

— Мое счастье! развѣ оно можетъ быть въ рукахъ незнакомой мнѣ личности? А вы, другъ мой, вы можете такъ говорить, вы, которая хорошо знаете меня?

— Въ такомъ случаѣ... я скажу счастье вашей матери, такъ какъ оно зависитъ отъ этого брака.

— Это другое дѣло, живо подхватилъ г. де-Вильмеръ. Хотите ли присѣсть на этой скамейкѣ и такъ какъ мы здѣсь въ уединеніи, позвольте ли мнѣ поговорить съ вами о моемъ положеніи?

Они сѣли.— Вамъ не холодно, сказалъ маркизъ, окутывая ее пыльнымъ воротникомъ отъ манти.

— Нѣтъ! а вамъ?

— Мнѣ?... благодаря вамъ, я имѣю теперь крѣпкое здоровье, и вотъ почему хлопочутъ такъ сдѣлать меня отцомъ семейства. Это счастье, въ которомъ я не такъ нуждаюсь, какъ они полагаютъ. Въ свѣтѣ бываютъ дѣти, которыхъ любятъ... хотя бы такъ, какъ вы любите дѣтей вашей сестры! Но оставимъ это; предположимъ, что я мечтаю о многочисленномъ потомствѣ. Вы знаете, что я мало дорожу именитостью породы, вы знаете мои мысли о дворянствѣ; не таковы, однакожъ понятія моихъ близкихъ, и къ несчастію для нихъ, я не могу измѣнить ихъ, это не зависитъ отъ меня.

— Я знаю все это,—сказала Каролина,—но ваша душа слишкомъ совершенна, чтобы вы не желали узнать самыя пламенные, самыя священныя чувствованія жизни.

— Думайте объ этомъ что хотите, возразилъ маркизъ: но согласитесь, однакожъ, что выборъ матери для моихъ дѣтей есть важнѣйшее дѣло моей жизни. Прекрасно! неужели вы думаете, что это важное дѣло, этотъ священный выборъ можетъ сдѣлать кто нибудь другой, вмѣсто меня? Неужели вы допускаете, что даже моя превосходная матушка можетъ, проснувшись въ одно прекрасное утро, сказать: «есть гдѣ то дѣвица съ блестящимъ именемъ, съ значительнымъ состояніемъ, и она должна сдѣлаться женою моего сына, потому что мои друзья и я сама находимъ это выгоднымъ и приличнымъ. Сынъ мой не знаетъ ея—нужды мало! Она, быть можетъ, ему не понравится; онъ, быть можетъ, ей также не понравится — тоже ничего! Это доставитъ удовольствіе моему старшему сыну, моей пріятельницѣ княгинѣ, всѣмъ посѣтителямъ моего салона. Я не узнаю въ немъ своего сына, если онъ не пожертвуетъ этой мысли своимъ чувствомъ отвращенія! А если дѣвица де-Ксентрайль станетъ находить его несовершеннымъ, она будетъ недостойна имени, которое она носитъ!...» Вы видите, мой другъ, какъ все это безсмысленно, и я очень удивляюсь, если вы, хотя на минуту, могли серьезно подумать объ этомъ.

Каролина напрасно боролась съ невыразимою радостью, которую доставило ей это объясненіе маркиза; но она скоро пріодумала все,

что ей говорил герцогъ и что внушалъ ей долгъ, — и сказала: — И вы очень удивляете меня. Не дали ли вы обѣщанія вашей матери и вашему брату увидѣть дѣвицу де-Ксептрайлъ въ назначенное время?

— И я увижу ее въ этотъ вечеръ; встрѣча эта такъ устроена, что, какъ будто, она произойдетъ случайно; и она не требуетъ отъ меня никакого принужденія.

— Это — хитрости, которыхъ я не предполагала въ характерѣ маркиза де-Вильмера. Вы дали слово сдѣлать все возможное, чтобъ узнать достоинства этой молодой дѣвицы, и съ своей стороны дать ей возможность узнать и ваши.

— А! я ничего больше не желаю, какъ только дѣлать все возможное для этого! подхватилъ маркизъ съ кроткимъ смѣхомъ, отъ котораго онъ такъ похорошѣлъ, что Каролина была ослѣплена взглядомъ, который онъ остановилъ на ней.

— Слѣдовательно, вы смѣялись надъ вашею маленькою? сказала она, вооружаясь всевозможнымъ спокойствіемъ. Вотъ на это-то я не сочла бы васъ способнымъ!

— Нѣтъ, нѣтъ! возразилъ маркизъ, принимая вновь свой серьезный видъ; я и не способенъ на это. Когда они вырвали у меня это обѣщаніе, я не смѣялся — клянусь вамъ въ томъ! Я былъ тогда глубоко несчастенъ и сильно боленъ; я чувствовалъ, что умираю, и думалъ, что душа моя уже мертва. Я уступилъ нѣжнымъ и жестокимъ востояніямъ въ надеждѣ, что мнѣ дадутъ спокойно умереть; но я вновь возвратился къ жизни; я заключилъ съ нею новый договоръ, и чувствую себя теперь еще полнымъ молодости и будущности. Любовь бродитъ во мнѣ, какъ сокъ въ этомъ деревѣ; да, любовь, т. е., вѣра, сила, сознаніе своего безсмертнаго бытія, въ которомъ я обязанъ отдавать отчетъ Богу, а не людскимъ предразсудкамъ! Я хочу быть счастливымъ, я жить хочу, — и я хочу сдѣлаться сунругомъ только съ условіемъ — любить всѣми силами своей души!..

— Не говорите мнѣ, продолжалъ онъ, не давая Каролинѣ возражать, что я имѣю обязанности, находящіяся въ противорѣчій съ этимъ. Я человекъ не слабый, и не шаткій; я не довольствуюсь избитыми фразами, и не намѣренъ сдѣлаться рабомъ и жертвою честолюбивыхъ химеръ. Моя мать ищетъ роскоши. Она обманываетъ самое себя. Ея истинное счастье, ея слава состоитъ въ томъ, что она ушла отъ роскоши; чтобъ спасти своего старшаго сына. Съ тѣхъ поръ, какъ я устроилъ ее жизнь цѣною всего, что мнѣ остается, она сдѣлалась богаче, чѣмъ она была лѣтъ за десять, когда она съ ужасомъ переносила сомнительное положеніе, которое, какъ она полагала, должно было сдѣлаться еще хуже. Скажите теперь, не сдѣлалъ-ли я для нея все, что я могъ сдѣлать! Я имѣю свои горячія обѣщанія — плодъ научныхъ занятій и размышленій всей моей жизни. Я ихъ заглушалъ. Я страшно страдалъ отъ горестей, которыхъ она никогда не знала. Я былъ терзаемъ собственнымъ сердцемъ, и избавлялъ ее даже отъ непріятности видѣть мои страданія. Я страдалъ даже отъ нея самой и никогда не жаловался. Развѣ не выдалъ я съ самого дѣтства, что она постоянно оказывала предпочтеніе моему брату, не

зналъ развѣ я, что она даже считала себя обязанною этимъ предпочтеніемъ тому изъ своихъ сыновей, который имѣлъ больше титуловъ? Я переносилъ горечь этой обиды, и въ тотъ день, когда братъ позволилъ мнѣ, наконецъ, любить его, я полюбилъ его страстно; но до тѣхъ поръ—сколько я переносилъ тайныхъ оскорбленій и горькихъ шутокъ, со стороны его, и со стороны матери, соединившейся съ нимъ противъ серьезности моего ума и моей натуры! Я не сердился на нихъ, — я понималъ ихъ заблужденія, ихъ предрассудки, — но, сами того не зная, они причиняли мнѣ много горя!..

Среди столькихъ непріятностей, одно только могло прельщать такого отшельника, каковымъ былъ я тогда: это — слава ученаго. Я чувствовалъ въ себѣ какой-то пламень, какой-то порывъ къ прекрасному, который могъ сгруппировать около меня множество симпатій. Я видѣлъ, что эта слава оскорбитъ мою мать въ ея понятіяхъ,— я рѣшился хранить самый строгій анонимъ, не давая даже повода подозрѣвать кому принадлежитъ мое сочиненіе. Вамъ одной, вамъ одной въ свѣтѣ я довѣрилъ свою тайну, которая никогда не должна быть открыта;—я не хочу даже сказать— пока маменька будетъ жива, потому что меня ужасають тѣ затаенныя мысли, тѣ отцеубійственныя предположенія, которыя, какъ будто, призываютъ смерть на тѣхъ, которыхъ мы должны цѣнить больше самихъ себя. Я сказалъ поэтому *никогда*, дабы никогда даже и не думать о такомъ положеніи вещей, при которомъ удовлетвореніе личныхъ стремленій могло бы уменьшить во мнѣ скорбь о потерѣ матери.

— Прекрасно! во всемъ этомъ я столько же одобряю васъ, сколько уважаю, сказала Каролина; но я полагаю, что касательно вашего брака все можетъ и должно устроиться согласно желаніямъ нашего семейства и вашимъ собственнымъ. Если говорить, что дѣвица де-Ксентрайль вполне достойна васъ, то за тѣмъ же въ ту минуту, когда вы должны только увѣриться въ томъ, вы впередъ утверждаете, что это невозможно и невѣроятно? Вотъ гдѣ я рѣшительно не понимаю васъ, и гдѣ и сомнѣваюсь, чтобы вы имѣли какія либо серьезныя и уважительныя причины.

Каролина говорила съ такою рѣшительностію, которая быстро измѣнила намѣреніе маркиза. Онъ былъ уже готовъ открыться ей, отбросивъ всякія опасенія; онъ чувствовалъ себя увлеченнымъ къ тому мерцавшей ему надеждою; но она лишила его рѣшимости, и онъ сдѣлался печальнымъ и какъ бы убитымъ.

— Ну, видите-ль, продолжала она, вы не находите, что отвѣчать мнѣ!

— Вы правы; я не имѣлъ права сказать вамъ, что буду равнодушенъ къ дѣвицѣ де-Ксентрайль; но вы не можете судить о тѣхъ тайныхъ причинахъ, которыя увѣряютъ меня въ этомъ. Не будемъ же больше говорить о ней. Мнѣ хотѣлось убѣдить васъ въ независимости моихъ мыслей и прямою моею совѣсти въ этомъ отношеніи. Я не хочу, чтобы въ васъ могла зародиться слѣдующаго рода мысль: маркизь де-Вильмеръ долженъ жениться изъ-за денегъ, изъ-за ува-

женія, или кредита. О, мой другъ, не вѣрьте этому никогда! Такое паденіе въ вашемъ житіи будетъ для меня наказаніемъ, котораго я никакъ не заслужилъ, ни какимъ проступкомъ ни противъ васъ, ни противъ моихъ родныхъ. Напротивъ, я желаю, чтобы вы не упрекали меня, если я увижу себя въ необходимости открыто сопротивляться желаніямъ моей матери въ дѣлѣ устройства моей будущности. Я считалъ долгомъ высказать вамъ все, что защищаетъ меня отъ обвиненія въ мнимыхъ причудахъ. Хотите ли напередъ простить меня, если рано или поздно я долженъ буду объявить моей матери и брату, что я могу имъ отдать мои права, мою жизнь, мои послѣднія средства, даже свое счастье, но не свою нравственную свободу и свою внутреннюю вѣру, — только не это. О! другъ мой, только не это, никогда! это мое и единственное благо, которое сохраняю для себя, потому что оно происходитъ отъ Бога, и люди не имѣютъ надъ этимъ никакой власти!

Говоря такимъ образомъ, маркизъ положилъ руку на сердце и сильно прижималъ ее. Лицо его, энергическое и прекрасное, выражало восторженную вѣру. Каролина, пораженная, испугалась того, что узнала, и въ то же время она опасалась, не обманывается ли она; но, что нужды въ томъ, что происходило въ ней помимо ея вѣдома? Ей нужно было казаться, что она даже и не подозрѣваетъ, что маркизъ можетъ мечтать о ней. Она обладала твердостью и непоколебимою гордостью. Она отвѣтила ему, что не ему слѣдуетъ сказать рѣшительное слово о будущемъ, и что, съ ея стороны, она такъ любила своего отца, что пожертвовала бы и сердцемъ, еслибы она могла эту жертвою продлить его жизнь. Будьте осторожны, прибавила она съ жаромъ; на что бы вы не рѣшились теперь или послѣ, подумайте всегда о томъ, что когда нашихъ дорогихъ родителей нѣтъ уже на свѣтѣ, тогда все, что могло бы сдѣлать жизнь ихъ счастливою и долгою, возстаетъ предъ нами съ раздрающимъ краснорѣчіемъ. Малѣйшая оплошность является тогда въ ужасающихъ размѣрахъ, и нѣтъ счастья и спокойствія для того, кого тяготитъ воспоминаніе о серьезной печали, причиненной матери, которой нѣтъ уже въ живыхъ, — даже и тогда, если онъ свободно располагаетъ своими правами.

Маркизъ молча и судорожно сжалъ руку Каролины; она причинила ему много страданія, она понала какъ говорится, не въ бровь, а прямо въ глазъ.

Она встала, и онъ вновь предложилъ ей свою руку чтобы проводить ее до кареты.

— Будьте спокойны, сказалъ онъ ей, прерывая молчаніе при разставаніи съ нею. Я никогда намѣренно не уязвлю сердца моей матери. Молитесь, чтобы я имѣлъ въ извѣстный день довольно краснорѣчія, для убѣжденія ея. Если же я не успѣю въ томъ... впрочемъ, какое дѣло вамъ до этого? Тѣмъ хуже для меня!

Онъ сказалъ кучеру адресъ и исчезъ.

Каролина не могла долѣ сомнѣваться въ той страсти, которую она внушила. Чтобы не отвѣчать на нее, она имѣла только одно средство къ защитѣ: или казаться, что не видитъ ея, или показать, что она никогда не допуститъ, чтобы маркизъ осмѣлился вторично говорить ей объ этомъ, хотя бы косвенно. Она дала себѣ слово обезкуражить его такъ, чтобы онъ не возвращался болѣе къ этому предмету, и никогда не оставаться съ нимъ наединѣ такъ долго, чтобы онъ могъ потерять естественную свою робость подѣ влияніемъ возрастающаго чувства.

Когда она установила такимъ образомъ планъ будущаго поведенія своего, она надѣялась оставаться покойною; но она должна была уступить природѣ, и чувствовала, что сердце ея разрывается отъ вздоховъ. Она предалась этой печали, говоря, что такъ какъ это неизбѣжно, то лучше переносить минутную слабость, чѣмъ долго бороться съ нею. Она хорошо знала, что въ открытой борьбѣ личный инстинктъ возстаеъ обыкновенно противъ нашей воли, и заставляетъ насъ искать какого либо исхода, какого-либо примиренія со строгостью долга или судьбы. Она запретила себѣ мечтать и размышлять даже объ этомъ,—лучше было забыться и плакать.

Она опять увидѣла маркиза, только около полуночи, когда обыкновенные посѣтители дома уже уходили; онъ пришолъ съ герцогомъ; оба они были въ вечернемъ платьѣ. Они пришли отъ герцогини де-Дюньеръ.

Каролина хотѣла уйти. Маркиза удержала ее, говоря:

— О, останьтесь, вы ляжете сегодня немного позже; стоить, право: мы сейчасъ узнаемъ, что тамъ было.

Объясненіе не заставило себя долго ждать. Герцогъ казался нерѣшительнымъ и смущеннымъ, но маркизъ имѣлъ открытое и спокойное выраженіе лица.

— Маменька, сказалъ онъ, я видѣлъ дѣвицу де-Ксентрайль. Она прекрасна, любезна, прелестна; не знаю какихъ чувствъ она не могла бы внушить тому, который имѣлъ бы счастье понравиться ей, но я не былъ этимъ счастливецемъ. Она даже не взглянула на меня вторично: такъ она съ перваго раза успѣла составить обо мнѣ свое мнѣніе.

Увидѣвъ, что маркиза, пораженная, молчала, онъ сталъ цѣловать ея руки, продолжая:

— Но это нисколько не должно огорчать васъ; напротивъ, я полонъ мечтаній, плановъ и надеждъ. Вѣсть въ виду бракъ... О, я это тотчасъ увидѣлъ, — другой бракъ, который доставитъ вамъ безконечную радость! Каролина ощущала жизнь и смерть при каждомъ услышанномъ ею словѣ; но она чувствовала устремленнаый на нее взглядъ герцога, и подумала, что, быть можетъ, маркизъ поглядываетъ на нее при каждомъ словѣ своемъ. Она не робѣла. Видно было, что она плакала; но отъѣздъ сестры могъ быть тому единственною причиною. Она сказала это, а маркизъ былъ свидѣтелемъ слезъ.

— Посмотримъ, сынъ мой, сказала маркиза; не мучь меня, и если ты говоришь серьезно...

— Нѣтъ, нѣтъ, подхватилъ герцогъ, граціозно жеманясь, это не серьезно.

— Но напротивъ! воскликнулъ Урбанъ, который былъ необыкновенно веселъ; это представляется самымъ вѣроятнымъ и самымъ счастливымъ дѣломъ.

— Это, однакожь, очень странно... очень обидно! вскричалъ герцогъ.

— Пойдите, однакожь! кончайте наконецъ ваши загадки, вскричала маркиза.

— Ну, хорошо, рассказывай же, сказалъ герцогъ брату, улыбаясь.

— Очень приятно, я больше ничего не желаю, отвѣчалъ маркизъ; это настоящая повѣсть, нужно рассказать ее по порядку. Представьте себѣ, маменька, что мы приѣзжаемъ къ герцогинѣ, очаровательные, какъ вы видите... нѣтъ, еще болѣе очаровательные, потому что мы имѣли то выраженіе самоувѣренности, которое такъ къ лицу брату и въ которомъ я впервые упражнялся, но которое, какъ сейчасъ увидите, мнѣ рѣшительно не удалось.

— Такимъ образомъ, подхватилъ герцогъ, ты казался удивительно разсѣяннымъ, и для дебюта ты сталъ разсматривать портретъ Анны Австрійской, поставленный недавно въ салонъ герцогини, — вмѣсто того, чтобы посмотреть на дѣвицу Де-Ксентрайль.

— Ахъ, воскликнула маркиза, вздыхая, значитъ этотъ портретъ былъ прекрасенъ?

— Превосходенъ, отвѣчалъ Урбанъ. Вы скажете мнѣ, что это было неумѣстно; но вы увидите, какъ это потомъ случилось! М-лле Діана сидѣла въ углу камина съ м-лле де-Дюньеръ и еще двумя, тремя дѣвицами высокаго происхожденія, болѣе или менѣе англійскаго. Пока мой разсѣянный взглядъ останавливался на кругленькомъ личикѣ покойной королевы, братъ мой, полагая, что я слѣдую за нимъ, прямо, въ качествѣ старшаго, идетъ впередъ, раскланивается сперва съ герцогинею, потомъ съ дочкою и вообще со всею этою молодою группою, тотчасъ же узнавъ стоимъ орлинымъ взглядомъ Діану, которой очъ не видалъ съ пятилѣтняго возраста ея. Осмотрѣвши съ своею прелестною улыбкою этотъ привилегированный уголокъ и обозрѣвъ остальные группы съ тѣмъ изяществомъ манеры, скромнымъ и вмѣстѣ величавымъ, которое свойственно только ему одному, — онъ вернулся ко мнѣ, и сказалъ мнѣ сердито, хотя тихо: «Пойдемъ же! что ты тутъ дѣлаешь». Я бросаюсь, клянюсь, стараюсь взглянуть на мою невѣсту; но она стоитъ въ полномъ смыслѣ спиною ко мнѣ. Худое предзнаменованіе! Я отступаю къ камню, чтобы показаться во всемъ блескѣ, герцогиня заговариваетъ со мною въ милостивомъ намѣреніи дать мнѣ блеснуть. Боже мой! Я былъ готовъ говорить, какъ книга, — напрасный трудъ: м-лле де-Ксентрайль рѣшительно не смотрѣла на меня, и слышала меня еще меньше; она шепталась съ своими молоденькими подругами. Наконецъ она обра-

щается и бросаетъ мнѣ взглядъ — разсѣянный и холодный. Меня, представляють ея молодой сосѣдкѣ, дѣвицѣ де-Дюньерь, молодой горбункѣ, какъ мнѣ показалось, весьма умной, которая довольно замѣтно толкнула ее локтемъ, — но все напрасно. И вотъ я вынужденъ возвратиться на трибуну, т. е. къ камину, не вызвавъ ни малѣйшаго румянца. Я, однакожъ, не терялся, и, начавъ разговоръ съ герцогомъ, произнесъ нѣсколько весьма дѣльныхъ мыслей о засѣданіи палаты, какъ вдругъ я услышалъ пріятную музыку взрывовъ худо скрытаго смѣха, раздававшуюся со стороны дѣвицъ. Вѣроятно меня нашли глупымъ. Я, однакожъ, не смѣшался; я продолжаю, и, — показавъ плавность моего краснорѣчія, — коснулся исторической картины, къ величайшему удовольствію герцога де-Дюньера, который всѣми силами старался заставить цѣнить свое пріобрѣтеніе. Между тѣмъ, какъ онъ водилъ меня, чтобы показывать мнѣ рѣдкость этой работы, братъ мой занимаетъ мое мѣсто, и, возвратясь, я нахожу его помѣстившимся между креслами герцогини и ея дочери, въ двухъ шагахъ отъ m-lle Дианы, вполне присоединившимся въ группѣ и болтовнѣ этихъ дѣвицъ.

— Правда ли это, сынъ мой? говоритъ маркиза герцогу, съ чувствомъ безпокойства.

— Совершенная правда, отвѣчалъ герцогъ чистосердечно. Я занялъ мѣсто, надѣясь, что Урбанъ постарается устѣться около меня: ничуть не бывало! Злодѣй оставляетъ меня одного предъ огнемъ, и ей-ей, я ретировался, сколько могъ. Что происходило въ это время, онъ вамъ все раскажетъ.

— Увы! я знаю уже остальное, сказала маркиза въ отчаяніи; онъ думалъ о чемънибудь другомъ!

— Извините, маменька, — отвѣтилъ маркизъ; я не имѣлъ для этого ни намѣренія, ни досуга, потому что герцогиня, оставивъ Гаэтана въ добычу этихъ молодыхъ дѣвушекъ, увела меня всторону и, приужденно смѣясь, сказала мнѣ эти достопамятныя слова, которыя я буквально передаю вамъ: — Любезный маркизъ! здѣсь случилось сегодня что-то похожее на сцену изъ какойнибудь комедіи. Вообразите себѣ, что эта молодая особа... которую излишне было бы называть; принимаетъ васъ за брата вашего, и, слѣдовательно, упорно принимаетъ брата вашего за васъ. Нужно сказать ей, что она ошибается; она воображаетъ, что мы мистифируемъ ее, что она не дастся въ обманъ, и... должна ли я сказать вамъ?

— Конечно, герцогиня; вы слишкомъ любите мою маменьку, чтобы позволить мнѣ ошибаться!

— Да, да! это такъ; я не должна вводить васъ въ заблужденіе, и была бы въ отчаяніи отъ этого, и вы тутъ же должны узнать положеніе дѣла. Герцога находятъ милымъ, а васъ...

— А меня отвратительнымъ? Вудьте же до конца добры!

— Васъ... васъ не находятъ, васъ не видятъ, на васъ не смотрятъ, слышать только герцога! Еслибъ я не знала какъ высоко вы цѣните брата, я не сказала бы вамъ этого...

Я такъ пламенно увѣрялъ герцогиню, я показалъ ей столько радо-

сти при мысли, что братъ мой можетъ быть предпочтенъ мнѣ, что она продолжала:

— Прекрасно! Боже мой! вотъ мы словно въ романѣ! Думаете-ли вы однакожь, что не будутъ кричать если узнаютъ, что только герцогъ понравился?

— Кто же? вы, герцогиня?

— Я, быть можетъ, но она непремѣнно! Пойдите посмотримъ, что тамъ дѣлается, мы не можемъ разстаться не разъяснивъ ошибки.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣтилъ я герцогинѣ; вы должны прежде выслушать меня. Я долженъ защищать здѣсь дѣло, которое мнѣ во сто разъ дороже моего собственного. Вы произнесли здѣсь слово, которое безпокоитъ, печалитъ меня и которое вы должны взять назадъ. Вы кажется готовы высказаться противъ моего брата въ случаѣ, если бы ваша любезная дочь простила ему то, что онъ — не я. Такъ какъ я увѣренъ, что она безъ труда проститъ ему это, если уже не простила, то я хотѣлъ бы знать, что вы можете имѣть противъ него. Братъ мой, по своимъ знаменитымъ предкамъ, принадлежитъ къ крови, гораздо чистѣйшей, чѣмъ я; онъ имѣетъ всѣ качества истиннаго дворянина и всѣ прелести любезнаго человѣка; что же касается меня, то я даже не свѣтскій человѣкъ, и, если сказать правду, я не прочь иногда и отъ либерализма...

Герцогиня сдѣлала движеніе ужаса; но она начала смѣяться, полагая, что я шучу...

— Видя, что вы шутите, сынъ мой! — сказала маркиза съ упрекомъ.

— Хороша или дурна была эта шутка, продолжалъ маркизъ, но она не произвела худаго впечатлѣнія. Герцогиня дала мнѣ выставить достоинства моего брата, согласилась со мною, что человѣкъ знатный имѣетъ право раззоряться, что жизнь, полная удовольствій, всегда идетъ въ большомъ свѣтѣ, если только умѣютъ остановиться во время, благородно принять бѣдность, и вдругъ показать себя выше самого себя... Наконецъ я напомнилъ ей дружбу ея къ вамъ, ея желаніе вашего союза для ея крестницы, и я имѣлъ счастье быть столь убѣдительнымъ, что она обѣщала мнѣ не употреблять своего вліянія на выборъ мадмуазель де-Ксентрайль.

— Ахъ! сынъ мой, что ты сдѣлалъ? воскликнула маркиза, дрожа. Я вполне узнаю здѣсь твое сердце, но это мечта! Дѣвица, воспитанная въ монастырѣ, должна бояться побѣдителя, какъ этотъ самохвалъ. Она никогда не посмѣетъ вѣрнуться ему!...

— Пойдите, однакожь, маменька, продолжалъ маркизъ; я не кончилъ еще моего разсказа: когда мы возвратились къ дѣвицамъ, мадмуазель Діана называла моего брата *mon sieur le duc gros comme le bras*. Она болтала и смѣялась съ нимъ, а мнѣ было позволено помогать ему блистать предъ нею. Впрочемъ, онъ не очень-то нуждался во мнѣ. Она сама заставляла его блистать, и я видѣлъ также, что ей не было непріятно въ свою очередь показать своимъ возраженіями, что она имѣетъ довольно остроумія и что веселость очень идетъ къ ней.

— Дѣло въ томъ, сказалъ герцогъ, увлеченный неодолимымъ тщеславіемъ, что она восхитительна, эта маленькая Діана, которую я помню еще, какъ она играла въ куклы! Я напомнилъ ей это, не желая обманывать ее на счетъ моихъ лѣтъ...

— При чемъ я присовокупилъ, сказалъ маркизъ что ты лжешь, и что это я видѣлъ ее съ куклою, а что ты бѣгалъ тогда еще съ обручникомъ; но m-lle Діана не дала мнѣ и подумать, что она видитъ во мнѣ, что нибудь герцогское. «Нѣтъ, нѣтъ», маркизъ,—сказала она, смѣясь;—братъ вашъ имѣетъ тридцать шесть лѣтъ, я знаю это очень хорошо!...» И это было сказано съ тономъ... и съ выраженіемъ...

— Способнымъ свести меня съ ума! я въ томъ согласенъ,—подхватилъ герцогъ, вставая и подбросивъ до самаго потолка очки своей матери, которая онъ очень ловко подхватилъ;—но вѣдь все это вздоръ! Мадемуазель Діана—наивная и очаровательная маленькая кокетка, настоящая пансіонерка, нѣсколько упоенная мыслью о предстоящемъ вступленіи въ свѣтъ; оя въ домашнемъ кругу готовится къ тому, чтобы вскружить довольно голову, въ ожиданіи пока ея собственная тоже закружится въ свою очередь. Но это еще слишкомъ рано!.. Завтра, когда она поразмыслить... И кромѣ того ей наговариваютъ столько дурнаго обо мнѣ!

— Завтра вечеромъ ты ее опять увидишь, сказалъ маркизъ, и ты съумѣешь уничтожить враждебное вліяніе, если оно есть, — въ чемъ я впрочемъ сомнѣваюсь. Не старайся быть интереснѣе, чѣмъ каковъ ты на самомъ дѣлѣ. Впрочемъ, герцогиня теперь на твоей сторонѣ; и она, прощаясь, сказала тебѣ: *До скорого свиданія! Мы каждый вечеръ дома; мы начнемъ посѣщать свѣтъ не раньше Рождества Христова*, — что по французски значитъ: «У насъ остается еще цѣлый мѣсяцъ, пока моя дочь и моя крестница увидятъ свѣтъ. Это уже вѣпе дѣло понравится прежде чѣмъ онѣ успѣютъ опьянѣть отъ баловъ и туалетовъ. Мы не будемъ принимать никакихъ молодыхъ людей, и это уже ваше дѣло быть самымъ младшимъ, т. е., наиболѣе поспѣвшимъ и наиболѣе счастливымъ.»

— Боже мой, Боже мой! мнѣ кажется, я въ бреду. Бѣдный мой герцогъ! А я и неподумала о тебѣ! Я, которая воображала, что ты увлекшій уже столько женщинъ, не можешь теперь найти еще какую нибудь довольно простую... довольно великодушную... наконецъ, довольно благоразумную; потому что ты исправился, и я полагаю, что ты сдѣлаешь герцогиню д'Алерія вполне счастливою...

— Да! маменька, увѣряю васъ! воскликнулъ герцогъ. Что меня испортило, такъ это—сомнѣніе, опытъ, кокетливыя и честолюбивыя женщины; но прекрасная дѣвушка, шестнадцати-лѣтнее дитя, которое довѣрилось бы мнѣ, при всемъ разстройствѣ моего состоянія... я самъ сдѣлаюсь ребенкомъ! Вы также будете счастливы, не такъ ли? А ты, Урбанъ, ты который такъ боялся быть принужденнымъ жениться?

— Развѣ онъ далъ обѣтъ безбрачія? спросила маркиза, смотря на маркиза съ нѣжностью.

— Нѣтъ! отвѣтилъ Урбанъ съ живостью; но вы видите, что время еще не ушло, такъ какъ мой старшій братъ одерживаетъ еще такіа блестящія побѣды! когда вы дадите мнѣ еще нѣсколько мѣсяцевъ на размышленіе...

— Въ самомъ дѣлѣ, нечего смѣшить, и такъ какъ счастье намъ еще улыбается, я довѣряюсь будущности... и тебѣ мой другъ!

Она обняла обоихъ сыновей. Она была упоена радостью и надеждою. Она обняла и Каролину, говоря ей: — И ты, дорогая и милая блондиночка, и ты радуйся тоже!

Королевна хотѣла радоваться гораздо больше, чѣмъ она хотѣла сознаться въ томъ самой себѣ. Утомленная цѣлымъ днемъ внутреннихъ волненій, она сладко заснула, размышляя, что кризисъ отсроченъ и что въ теченіе нѣкотораго времени роковой бракъ не станетъ неизбѣжнымъ препятствіемъ между нею и маркизомъ де-Вильмеромъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

XVIII.

Маркизѣ не спалось. Она задыхалась отъ нетерпѣнія дожидаться слѣдующаго дня. Бессонница печалила ее. Все представлялось ей въ черномъ цвѣтѣ и она ожидала какого нибудь обмана; но когда Каролина принесла ей ея корреспонденцію, она нашла здѣсь письмо герцогини, которое сильно обрадовало ее. «Душа моя, писала г-жа Дюньеръ, вотъ еще новая перемѣна декораціи, точно въ оперѣ. Теперь нужно особенно заняться вашимъ старшимъ сыномъ. Я говорила съ Діаною, которая только что встала. Я не чернила предъ нею герцога, но моя честь обязывала меня не скрывать отъ нея ничего. Она отвѣчала мнѣ, что я уже сказала ей все это, говоря о маркизѣ, и что я не имѣю сообщить ей ничего такого, о чемъ она не подумала; при этомъ она присовокупила, что думая объ этомъ, она пришла къ тому заключенію, что она одинаково интересуется обоими братьями, дружба которыхъ ей такъ понравилась; что, размышляя о положеніи герцога, она нашла болѣе умѣстнымъ сносить бремя признательности, чѣмъ оказать услугу, требуемую долгомъ. Она добавила еще, что такъ какъ я совѣтовала ей составить честь и счастье достойнаго человѣка, то она чувствуетъ влеченіе къ тому, который ей болѣе останется за это признательнымъ. Наконецъ неодолимая грація вашего сына довершила остальное. Притомъ, я не должна обманываться насчетъ Діаны. Она полагаетъ, что герцогскій титулъ идетъ болѣе къ ея царственной наружности; она склонна любить свѣтъ и такъ какъ съ нѣкотораго времени кто-то увѣрилъ ее, что маркизъ вовсе не любитъ его, то я видѣла ее озабоченною, не зная причины этому. Она мнѣ во всемъ созналась. Она сказала мнѣ, что маркизъ, какъ братъ, не оставляетъ ей ничего болѣе желать, но, что какъ супругъ, герцогъ обѣщаетъ ей болѣе улыбающуюся будущность. Словомъ, милая моя, она показала мнѣ столько

рѣшности, что мнѣ остается только служить вамъ всѣми силами своими въ этомъ непредвидѣнномъ случаѣ, какъ и во всякомъ другомъ.

«Завтра я приведу къ вамъ свою дочь, а какъ Діана будетъ съ нами, то вы увидите ее, не подавая никакого повода къ подозрѣнію; но вы довершите оболщенье ея—я въ томъ увѣрена.»

Между тѣмъ, какъ маркиза и герцогъ предавались счастью, Каролина нѣсколько чаще оставалась въ уединеніи, потому что мать и сынъ имѣли между собою продолжительныя бесѣды, при которыхъ она, естественно, была лишнею, и во время которыхъ она занималась музыкою или своею корреспонденціею въ салонѣ, который оставался всегда пустымъ до пяти часовъ. Здѣсь она никого не стѣсняла и была всегда готова откликнуться, еслибъ маркиза позвала ее.

Однажды вошелъ маркизъ съ книгою въ рукѣ, и, садясь съ какимъ-то особенно рѣшительнымъ и спокойнымъ видомъ къ тому столу, на которомъ она писала, попросилъ у нея позволенія работать въ этой комнатѣ, гдѣ можно было дышать свободнѣе, чѣмъ въ его маленькомъ кабинетѣ;—но, присовокупилъ онъ,—съ условіемъ, если это не заставитъ васъ убѣжать отсюда, потому что я вижу, что съ нѣкотораго времени вы избѣгаете меня; не спорьте,—подхватилъ онъ, замѣтивъ, что она хочетъ отвѣчать.—Вы имѣете на то причины, которыя я уважаю, но которыя неосновательны. Говоря вамъ о себѣ, какъ я позволилъ себѣ это въ ботаническомъ саду, я испугалъ вашу чувствительную совѣсть. Вы подумали, что я хочу сообщить вамъ какой нибудь важный замыселъ, который могъ бы нарушить спокойствіе моего семейства, и вы не захотѣли быть даже пассивною сообщницею моего поступка.

— Это такъ, отвѣчала Каролина, и вы какъ нельзя лучше отгадали то, что происходило во мнѣ.

— Оставимъ то, что я сказалъ, продолжалъ Урбанъ съ спокойною твердостью, придававшею особенный вѣсъ его словамъ, я не скажу вамъ, чтобы вы забыли это, но я прошу васъ не беспокоиться этимъ ни въ какомъ случаѣ, и не опасаться, что я приведу вашу привязанность къ моей маменькѣ въ столкновеніе съ великодушною дружбой, которой вы удостоили меня.

Каролина должна была уступить силѣ откровенности. Она не понимала того, что происходило въ душѣ маркиза, что скрывалось за его словами. Она подумала, что она обманулась, что она слишкомъ уже встревожилась слабостью, надъ которою онъ счумѣлъ восторжествовать. Она приняла обѣщаніе маркиза какъ формальное удовлетвореніе за минутное безпокойство ея мысли и съ этихъ поръ къ ней вновь возвратилась вся прелесть, вся безопасность дружбы.

Они видались каждый день и даже по цѣлымъ часамъ, почти предъ глазами маркизы, которая очень радовалась, что Каролина продолжаетъ помогать ея сыну въ его работахъ. На самомъ же дѣлѣ она помогала ему только относительно памяти: онъ собралъ всѣ нужные документы въ бытность свою въ деревнѣ, и писалъ теперь третью и послѣднюю часть своего сочиненія съ удивительною легкостью и

скоростью. Присутствіе Каролины воодушевляло его. Возлѣ нея онъ не чувствовалъ ни недоумѣнія, ни утомленія. Она сдѣлалась для него столь необходимою, что онъ признался ей, что, когда онъ остается на-единѣ, то его ничто не интересуетъ. Онъ чувствовалъ себя счастливымъ, когда она заговаривала съ нимъ среди занятій. Этотъ дорогой голосъ далеко не безпокоилъ его, но, напротивъ, поддерживалъ связность его мыслей и возвышенность его слога. Онъ просилъ ее прерывать его, играть на фортепіано, безъ малѣйшаго опасенія обзвуконть его. Напротивъ, все, напоминавшее о его присутствіи, согрѣвало его душу, потому что она была для него не особенною личностью, дѣйствующею возлѣ него, но его собственнымъ духомъ, жившимъ предъ его глазами.

Уваженіе, которое Каролина питала къ этому сочиненію, увлекало ее и къ уваженію лица. Она считала священною обязанностью не нарушать равновѣсія, нужнаго для этой прекрасной организаціи. Она не позволяла себѣ, поэтому, заниматься собою; она не хотѣла даже спросить себя, не подвергается ли она сама здѣсь опасности, и будетъ ли она имѣть въ данный моментъ довольно силы, чтобы отказаться отъ этой дружбы, сдѣлавшейся основою ея собственнаго существованія.

Бракъ герцога д'Алерія съ дѣвницею де Ксентрайль подвигался впередъ съ возрастающею быстротою. Прекрасная Діана была серьезно влюблена и ничего и слышать не хотѣла противъ Гаэтана. Герцогиня де Дюньеръ, которая сама вышла за-мужъ по любви за одного стариннаго знакомаго, исправившагося потомъ и сдѣлавшаго ее счастливою, держала сторону своей крестницы и такъ ловко защищала ея дѣло, что опекуны и друзья семейства должны были уступить волѣ наследницы.

Эта-то послѣдняя объявила своему жениху, прежде даже, чѣмъ онъ высказалъ ей свои намѣренія, что она думаетъ уплатить маркизу его долги, и маркизъ долженъ былъ принять это обещаніе, которое эта благородная и гордая дѣвица поставила условіемъ брака. Маркизу удалось добиться только того, чтобы ему ненозвращали часть материнскаго наследства, отъ которой онъ отказался, когда г-жа де Вильмеръ должна была въ первый разъ уплатить долги своего старшаго сына. По мнѣнію маркиза, мать его при жизни имѣла право располагать своимъ достояніемъ, и онъ считалъ себя вполне удовлетвореннымъ, потому что маркиза, которая теперь должна была жить въ отелѣ де Ксентрайль и въ замкахъ своей невѣстки, оставалась уже не на его попеченіи.

Во всѣхъ этихъ семейныхъ сдѣлкахъ всѣ вели себя съ самою изящною деликатностью и съ самымъ похвальнымъ великодушіемъ. Каролина сочла нужнымъ замѣтить маркизу, чтобы онъ упомянулъ въ своей книгѣ о похвальныхъ исключеніяхъ въ пользу тѣхъ семействъ, гдѣ истинное чувство благородства служитъ еще основою дѣйствительнымъ добродѣтелямъ.

Въ самомъ дѣлѣ всѣ выполнили здѣсь свой долгъ. Дѣвица де Ксентрайль не хотѣла брачнаго договора, который, охраняя ея имуще-

ство отъ расточительности ея супруга, заключалъ бы въ себѣ условія, обидныя для самолюбія этого послѣдняго ; герцогу, напротивъ, наставлялъ, чтобы рядная часть непремѣнно ограничивала его тщеславную безпечность. Итакъ въ актѣ сказано было, что это распоряженіе вписано по просьбѣ и настоянію будущаго супруга.

Но устройствѣ всѣхъ этихъ дѣлъ, маркиза чувствовала себя среди попой, широкой жизни, и хотя она объявила, что довѣряетъ слову и полагается на волю своихъ дѣтей, ей, однакожь, назначили значительный пенсіонъ этимъ же актомъ, которымъ невѣстка все такъ хорошо устроила ; маркизъ, съ своей стороны, получилъ капиталъ, который предоставилъ въ его распоряженіе большія средства. Не лишнее будетъ сказать здѣсь, что онъ получилъ обратно это имущество съ тѣмъ же равнодушіемъ, съ какимъ уступилъ его.

Пока хлопотали о приданномъ невѣсты, герцогу былъ сильно занятъ свадебною корзинкой, для которой маркизъ заставилъ брата принять отъ него доньги, какъ подарокъ къ свадьбѣ. Какъ по душѣ была герцогу эта покупка брильянтовъ, блондъ, шалей! Онъ былъ въ этомъ гораздо лучшимъ знатокомъ, чѣмъ любая дама, вполнѣ даже посвященная въ глубокую науку туалета. Ему некогда было даже ѣсть, такъ какъ онъ проводилъ все время въ болтовнѣ съ брильянтичками, фабрикантами, золотошвейками; въ разсказахъ матери, у которой также голова не была уже на своемъ мѣстѣ, о тысячахъ приключеній и даже неожиданныхъ сценъ при всѣхъ этихъ восхитительныхъ покупкахъ. Среди всей этой суматохи, въ которой Каролина и маркизъ принимали самое скромное участіе, явилась и г-жа д'Арглядъ, какъ будто противъ своей воли.

Жизнь и проэскты Леоніи были разстроены приключившимся недавно важнымъ событіемъ. Въ началѣ зимы, мужъ ея, который былъ старше ея двадцатью годами, умеръ отъ хронической болѣзни, оставивъ ей довольно разстроенныя дѣла, изъ которыхъ она вышла, однакожь, побѣдительною, благодаря одному биржевому перевороту; она, втайнѣ отъ мужа, играла на биржѣ, и ей удалось подцѣпить хорошій нумерокъ въ большой лотерей. Итакъ она сдѣлалась вдовою; она была еще молода и хороша собою и богаче чѣмъ прежде; это послѣднее не мѣшало ей, однакожь, такъ часто и такъ обильно проливать слезы, что, глядя на нее, можно было бы съ участіемъ сказать: «Бѣдная женщина! видно, она была сильно предана своему долу, но смотря на свое кажущееся легкомысліе! Ужь конечно г. д'Арглядъ не былъ однимъ изъ тѣхъ мужей, которые могутъ вскружить голову; но въ ней столько души, что она неутѣшна!» Все сожалѣли, ее старались разсвѣять; маркиза, не въ шутку растроганная, требовала, чтобы она приходила проводить у нея все до-обѣденное время. Ничто не могло быть болѣе прилично: это не значило бывать въ свѣтѣ, такъ какъ маркиза не принимала раньше пяти часовъ; это не значило даже выходить, потому что она могла отправиться къ маркизѣ въ фіакръ, просто одѣтая и какъ бы incognito. Леонія позволяла себѣ утѣшаться и разсвѣваться, наблюдая приготовленія къ предстоящей свадьбѣ, а иногда герцогу удавалось даже заставить ее не-

истово смѣяться, что, однакожь, сходило съ рукъ какъ нельзя лучше, потому что между однимъ нервнымъ припадкомъ и другимъ она, вздыхая, прятала лицо въ платокъ, и говорила:—Ахъ! какъ это жестоко заставлятъ меня смѣяться! Это мучитъ меня!

Среди этого отчаянiя Леонiя умѣла завладѣть интимною довѣренностью маркизы, такъ что она незамѣтно вытѣснила Кароливу, которая не замѣчала этого и была далека отъ того, чтобы предчувствовать ея замыслы. Но вотъ въ чемъ состоялъ главный проэктъ Леонiи.

Видя, что мужъ ея умеръ, г-жа д'Арглядъ, округляя свои счеты, думала однакожь, кого бы сдѣлать прiемникомъ его. Такъ какъ она не знала еще о рѣшонномъ уже бракѣ дѣвицы де-Ксентрайль, то остановила свой выборъ на герцогѣ д'Алерiа.

Она думала, что для него нѣтъ надежды жениться на особѣ, которая бы съ богатствомъ соединяла знатность и молодость, и говорила самой себѣ, не безъ логики и не безъ вѣроятiя, что молодая вдова порядочнаго дворянина, богатая и бездѣтная, есть прекрасная партiя для повѣсы безъ состоянiя, поставленнаго въ необходимость ходить пѣшкомъ и считаться, съ лакеемъ. Леонiя не сомнѣвалась въ успѣхѣ, и занимаясь съ большимъ знанiемъ дѣла выгоднымъ помѣщенiемъ своихъ капиталовъ, она съ большимъ спокойствiемъ говорила себѣ:—теперь кончено; я имѣю довольно денегъ, я не буду больше играть, не буду больше интриговать. Удовлетворенная съ этой стороны, я должна переимѣнить предметъ своего честолюбiя. Нужно изгладить природное пятно мѣщанства, которое меня очень стѣсняетъ, я должна имѣть титулъ,—а герцогскiй титулъ стоитъ того, чтобы подумать о немъ!

Она подумала объ этомъ во-время, но г. д'Арглядъ умеръ слишкомъ поздно. Едва прошли первые дни траура, какъ она при первомъ визитѣ у маркизы узнала, что ей уже нечего было думать объ этомъ.

Съ этихъ поръ она обратила свои замыслы на маркиза. Это было не такъ блистательно и при томъ труднѣе, но все-таки удовлетворительно относительно титула, а достиженiе этого казалось ей возможнымъ. Маркизу сильно заботило безбрачiе, которое, кажется, вновь стало плѣнять ея сына. Она открыла свое горе г-жѣ д'Арглядъ:—Онъ ужасаетъ меня, говорила маркиза,—своимъ спокойнымъ видомъ. Боюсь, что онъ имѣетъ Ноггъ знаетъ какое предубѣжденiе противъ брака,—быть можетъ, противъ женщины вообще! Онъ болѣе, чѣмъ боязливъ, — онъ дикъ; а между тѣмъ онъ очень милъ, если кто умѣетъ сдѣлать его ручнымъ. Ему нужно бы встрѣтить женщину, которая первая полюбила бы его и которая имѣла бы довольно смѣлости, чтобы заставить его полюбить ее.

Леонiя пользовалась этими бесѣдами — Ахъ! Воже мой, отвѣчала она разсѣянню, ему бы нужна была женщина болѣе высокаго происхожденiя, чѣмъ я, которая не была бы вдовою добрѣйшаго изъ людей, но моихъ лѣтъ и съ моимъ состоянiемъ и характеромъ!

— Вашъ характеръ, моя милая, слишкомъ вѣтренъ для такого скромнаго человѣка, какъ мой сынъ.

— Поэтому-то женщина съ моимъ характеромъ спасла бы его. Знаете, крайности!... Что касается меня, то еслибъ я могла полюбить когонибудь,—что, впрочемъ, теперь, увы! рѣшительно невозможно,—то я полюбила бы именно человѣка солиднаго и холоднаго. Ахъ! Боже мой, не таковымъ ли былъ характеръ моего бѣднаго друга! Его серьезность умѣряла мою живость, а моя рѣзвость разсѣивала его меланхолю. Это были его любимыя слова, и какъ часто говаривалъ онъ мнѣ это! Онъ никого не любилъ до знакомства со мною, и онъ также имѣлъ отвращеніе отъ супружества. Увидѣвъ меня въ первый разъ, онъ даже испугался было моей рѣзвости; потомъ онъ вдругъ замѣтилъ, что я была необходима для него въ жизни, потому что эта наружная вѣтренность,—которая, какъ вы хорошо знаете, не мѣшаетъ мнѣ быть чувствительною,—была для него свѣтлымъ лучемъ, бальзамомъ! Это тоже его слова... бѣдный мой другъ! Но не будемъ говорить больше о женихахъ. Это слишкомъ напоминаетъ мнѣ, что я одинока навсегда!

Леонія умѣла такъ часто возвращаться къ этому предмету и подѣ столь различными формами; такъ кстати, хотя какъ будто ненарочно; съ такою предусмотрительностью, подѣ видомъ разсѣянности,—что внушаемая ею мысль незамѣтно вкралась въ душу маркизы; когда же она убѣдилась, что маркиза не отвергнетъ ее при случаѣ, то приступила къ де Вильмеру съ тѣми же хитростями, съ тою же плѣнительною разсѣянностью, съ тѣми же уловками, съ тою же скрытною и съ тою же замаскированою вкрадчивостью;—и всѣмъ этимъ оружіемъ она дѣйствовала въ упоръ и предъ глазами Каролины, присутствіемъ которой она ни мало не стѣснялась.

Маркизь чувствовалъ какую-то антипатію къ болтовнѣ г-жи д'Арглядъ, и если она никогда не замѣтила этого, то это потому, что она никогда не интересовала его настолько, чтобы онъ думалъ о ней. Далеко не будучи неопытнымъ дикаремъ, какимъ его считали, маркизь относительно женщинъ обладалъ очень тонкимъ тактомъ; такимъ образомъ съ первыхъ же приступовъ Леоніи онъ понялъ намѣренія, отгадалъ всю тактику ея и такъ хорошо далъ ей понять это, что она почувствовала себя уязвленою до глубины души.

Съ этихъ поръ она открыла глаза и замѣтила безграничную любовь, которую дѣвица де-Сенъ-Женексъ внушила маркизу. Она сильно радовалась этому, она надѣялась мстить и выжидала только удобную минуту.

Свадьба герцога была назначена въ первыхъ числахъ января, но въ нѣкоторыхъ строгихъ салонахъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья дѣлали столько возраженій противъ легкости, съ какою герцогиня де-Дюньеръ согласилась на просьбу этого повѣсы, что она рѣшилась, для устраненія упрековъ въ поспѣшности, отсрочить счастье помолвленныхъ еще на три мѣсяца и ввести свою крестницу въ свѣтъ. Эта отсрочка нисколько не испугала герцога, но сильно тревожила марки-

зу, которой хотѣлось скорѣе открыть великосвѣтскій салонъ, украшенный прелестною невѣсткою, которая привлечетъ къ ней молодежь. Г-жа д'Арглядъ, подъ предлогомъ дѣловыхъ заботъ, сдѣлалась менѣе настойчивою, и Каролина опять стала заниматься отправленіемъ своихъ обязанностей.

Она далеко не съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ маркиза, желала жить въ отелѣ де-Ксентрайль и перемѣнить свои привычки. Маркизь не согласился занять отдѣленіе у своего брата и не объяснялъ своихъ личныхъ намѣреній. Каролина боялась этого, и между тѣмъ въ маломъ желаніи маркиза жить съ нею подъ одною крышею она видѣла то спокойное чувство, котораго она требовала отъ него; но она была въ томъ фазѣ страсти, гдѣ логика сердца очень часто оказывается несостоятельною. Она въ тиши наслаждалась послѣдними днями, и когда наступила весна, она въ первый разъ въ жизни пожалѣла о зимѣ.

Дѣвица де-Ксентрайль чувствовала къ Каролинѣ глубокое уваженіе и полную дружбу, и, напротивъ, возымѣла какое-то рѣшительное отвращеніе къ г-жѣ д'Арглядъ, которую она встрѣчала по утрамъ у своей будущей свекрови, куда она ѣздила не съ парадными визитами, а въ свободное время, вмѣстѣ съ m-me и m-lle де-Дюньеръ. Леонія показывала видъ, будто бы не замѣчаетъ надменности Діаны; она была увѣрена въ успѣхѣхъ и въ возможности отомстить ей заодно съ Каролиною.

Она не была приглашена на свадьбу: трауръ не позволялъ ей явиться туда; впрочемъ, изъ уваженія къ маркизѣ, въ отношеніи къ которой Діана вела себя какъ нельзя лучше, ей сказали нѣсколько сухихъ словъ сожалѣнія объ этомъ препятствіи. Этимъ все и кончилось. Напротивъ, Каролина была приглашена, въ качествѣ невѣстичиною подруги, и осыпана подарками со стороны будущей герцогини д'Алерія.

Наконецъ наступилъ торжественный день, и дѣвица де-Сенъ-Женексъ, въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ горя и бѣдствія одѣтая съ изящнымъ вкусомъ и даже съ нѣкоторою роскошью, благодаря подаркамъ молодой, появилась во всемъ блескѣ своей красоты и граціи. Она произвела глубокое впечатлѣніе, и всѣ, какъ одинъ, спрашивали, кто эта прелестная незнакомка. Это моя подруга, — отвѣчала Діана, — прекрасная дѣвица, ввѣренная моеи свекрови и которую я буду имѣть счастье видѣть постоянно у себя.

Маркизь танцевалъ съ Діаною и дѣвицею де-Дюньеръ, чтобы имѣть возможность танцевать съ Каролиною. Это такъ удивило ее, что она не выдержала, и тихонько сказала ему: какъ! мы вмѣстѣ присутствовали при уставленіи аллодіальной системы и при освобожденіи коммюнь, а теперь будемъ танцевать контредансъ!

— Да, отвѣтилъ онъ съ живостью, и это, право, лучше, потому что я буду чувствовать вашу руку въ моей.

Маркизь въ первый разъ открыто выказалъ теперь свое внутреннее волненіе. Каролина чувствовала, что рука его дрожить и что онъ пожираетъ ее глазами. Она испугалась, но подумала, что онъ однажды выказалъ уже себя влюбленнымъ въ нее, и умѣлъ, одна-

кожъ, востержествовать надъ этою дурною мыслию. Должна ли она была бояться минутного самозабвенія съ человѣкомъ, столь непорочнымъ и такой возвышенной нравственности? Да кромѣ того, вмѣстѣ съ желаніемъ побѣдить себя, развѣ она сама не чувствовала этого смутнаго упоенія любви? Она не могла не чувствовать, что она въ высшей степени прекрасна: это говорили ей всѣ глаза; она затмѣвала даже новобрачную съ ея сомнадцатью годами, съ ея брильянтами и съ ея восхитительною, и торжествующею улыбкою. Старыя барыни говорили герцогинѣ де Дюньеръ: « эта бѣдная сиротка слишкомъ прелестна: это не безопасно.» Даже сыновья герцогини, молодые люди высокаго тона и съ большими надеждами, поглядывали на Каролину такъ, что оправдывали опасенія этихъ опытныхъ матронъ. Герцогъ, тронутый тѣмъ, что Діана показала себя чуждою даже малѣйшей ревности, и замѣчая также съ какою умною деликатностью Каролина вела себя относительно его, оказывалъ ей особенное уваженіе. Маркиза, чтобы не испортить ей этотъ торжественный день, обходилась съ нею, болѣе чѣмъ когда либо, съ материнскою нѣжностью и старалась уничтожить всякій видъ завѣсности своей компаньонки. Словомъ *м-ле де-Сенъ-Женексъ* находилась теперь въ одномъ изъ тѣхъ моментовъ жизни, когда, на зло прихотямъ судьбы, природное могущество ума, чести и красоты, повидимому, вступаетъ вновь въ свои права и занимаетъ свое мѣсто въ мірѣ.

Но если Каролина читала свое торжество на лицахъ всѣхъ гостей, то она могла убѣждаться въ немъ только въ глазахъ маркиза. Она замѣтила здѣсь до какой степени перемѣнился онъ съ того дня, когда она впервые увидѣла его и когда онъ показался ей ребячкѣмъ, погруженнымъ въ самого себя и какъ бы желающимъ забыться. Онъ имѣлъ теперь столь же изящныя манеры, какъ и его братъ, выказывая притомъ больше дѣйствительной граціи и истиннаго достоинства; потому что герцогъ, несмотря на свое умѣнье держать себя, имѣлъ всегда немного той слишкомъ красивой и нѣсколько театральнoй осанки, которая характеризуетъ испанскую націю. Маркизь, напротивъ, былъ настоящимъ французскій типъ со всею непринужденностью его, безъ всякихъ натяжекъ, со всею благодушною любезностью, съ тою особенною прелестью, которая не навязываетъ, но овладѣваетъ. Онъ танцевалъ, или, лучше сказать, ходилъ въ кадрили съ болѣею простою чѣмъ кто либо; но непорочность его жизни придавала какое-то особенное благоуханіе юности всѣмъ его движеніямъ, всей его фигурѣ, всему его существу. Онъ казался въ этотъ вечеръ десятью годами моложе своего брата и какой-то лучъ надежды придавалъ его взгляду свѣтлость вновь наступающей, счастливой жизни.

XIX.

Въ полночь, когда новобрачные тайкомъ скрылись, маркиза знакомъ дала понять маркизу, что она утомлена и желала бы также удалиться; дай мнѣ руку, мое милое дитя, сказала она, когда онъ былъ возлѣ нея; не будемъ беспокоить Каролину, которая танцуетъ, и которую я поручила надзору г-жи де Д...

Когда маркизъ находился съ матерью въ сѣняхъ, ведущихъ въ ея отдѣленіе, помѣщенное въ нижнемъ этажѣ, съ намѣреніемъ избавить ее отъ страха ходить по лѣстницѣ,—она сказала ему: сынъ мой, тебѣ больше не нужно будетъ носить на рукахъ своихъ бѣдную мать! Ты часто дѣлалъ это, когда ты былъ тамъ; и тебѣ я довѣрялась, но я страдала, причиняя тебѣ столько труда.

— А я, сказалъ Ураанъ, я буду жалѣть объ этомъ времени.

— Какъ хорошъ и великолѣпенъ этотъ балъ! продолжала маркиза, вошедши въ свои комнаты; а эта Каролина, царица его! Я не могу надивиться красотѣ и граціозности этой дѣвушки!

— Маменька, сказалъ маркизъ, въ самомъ ли дѣлѣ вы теперь очень утомлены? и если я попрошу васъ позволить мнѣ поговорить съ вами какую нибудь четверть часа?...

— Поговоримъ, поговоримъ, сынъ мой, воскликнула маркиза; меня утомляло только то, что я не могла говорить съ тѣми, которыхъ люблю. Кромѣ того я боялась показаться смѣшною, болтая все о своемъ счастьи. Будетъ говорить о немъ, о твоёмъ братѣ о тебѣ также! Воже мой! а ты, Урбанъ, ты никогда не подарить меня такимъ днемъ въ моей жизни?

— Милая маменька!—сказалъ маркизъ, становясь предъ нею на колѣни и взявъ ее за обѣ руки,—отъ васъ зависитъ, чтобы я у меня тоже вскорѣ былъ свой день высшаго блаженства!

— Ахъ! что ты говоришь? Въ самомъ дѣлѣ? Говори же скорѣе!

— Да, я буду говорить, это минута, которой я выжидалъ. Я сберегалъ для себя и пламенными молитвами призывалъ тотъ благословенный часъ когда мой братъ, примиренный съ Богомъ, съ истинною и съ самимъ собою, прижметъ къ своему сердцу супругу, достойную быть вашею дочерью. Въ этотъ то моментъ я надѣялся сказать вамъ: матушка, съ своей стороны, я также могу представить вамъ вторую дочь, еще болѣе милую и не менѣе непорочную, чѣмъ первая. Вотъ уже годъ, уже больше года, какъ я страстно люблю совершеннѣйшее въ мірѣ существо! Она, быть можетъ, догадывается, но не знаетъ этого; я чувствую къ ней столько уваженія и почтенія, что я былъ увѣренъ въ невозможности получить ея согласіе безъ вашего. Вотъ что она строго дала мнѣ понять, когда однажды моя тайна чуть не вырвалась было у меня, вопреки меня самаго, мѣсяца четыре тому назадъ, и я вновь наложилъ на себя самое строгое молчаніе, какъ съ нею такъ и съ вами. Я не долженъ былъ оставить васъ въ неизвѣстности, которая, благодаря Бога, не существуетъ болѣе. Судьба ваша, моего брата и моя собственная отнынѣ обезпечены. Будучи достаточно богатъ, я могу не желать больше увеличенія моего состоянія, и могу жениться по склонности. Однакожъ, вамъ предстоитъ принести мнѣ небольшую жертву, въ чемъ ваше материнское сердце не откажетъ мнѣ, такъ какъ отъ этого зависитъ счастье всей моей жизни. Эта особа принадлежитъ къ почтенному семейству, въ чемъ вы сами убѣдились, удостоивъ ее своей дружбы; но она не принадлежитъ къ тѣмъ древнимъ и блистательнымъ родамъ, къ которымъ вы чувствуете особенное пристрастіе, которое я не думаю оспаривать. Я

сказалъ, что вамъ предстоитъ пожертвовать для меня кое-чѣмъ: хотите ли вы этого? любители вы меня настолько? Да, маменька, да, ваше сердце, бѣненіе котораго я чувствую, безъ сожалѣнія и съ своею безпредѣльною материнскою любовью уступитъ просьбѣ сына, который васъ обожаетъ.

— Ахъ! Боже мой! Это ты о Каролинѣ говоришь? воскликнула маркиза, дрожа. Постой, постой, сынъ мой! ударъ слишкомъ жестокъ и я его не предвидѣла!

— О! не говорите этого,—подхватилъ маркизъ, съ жаромъ:—если ударъ слишкомъ жестокъ, то я не хочу, чтобы вы приняли его. Я откажусь отъ всего, я не женюсь никогда...

— Ты не женишься!.. Прекрасно! Да это будетъ еще хуже! Постой, дай мнѣ обдумать. Это, можетъ быть, легче перенести, чѣмъ кажется. Дѣло не столько въ происхожденіи... Отецъ ея былъ кавалеръ: званіе не важное... но еслибъ это было все! Дѣло въ бѣдности, которая постигла ее... Ты, пожалуй, скажешь мнѣ, что безъ тебя я тоже впала бы въ нищету; но я умерла бы отъ этого, тогда какъ она... у ней достаетъ духа работать, чтобы жить, согласиться быть чѣмъ то въ родѣ служанки...

— Боже великій! выкликнулъ маркизъ, вы ставите ей въ вину то, что составляетъ величайшій подвигъ ея жизни?

— Нѣтъ, нѣтъ! не я,—продолжала маркиза;—напротивъ! но свѣтъ такъ...

— Такъ несправедливъ и слѣпъ!...

— И это правда, и я напрасно забочусь объ этомъ. Но постой! Такъ какъ мы говоримъ о женитьбѣ по любви, то я сдѣлаю тебѣ только одно возраженіе: Каролинѣ двадцать пять лѣтъ...

— А мнѣ теперь больше тридцати четырехъ!

— Это не то. Она очень молода, если только ея сердце такъ же непорочно, такъ же юно, какъ твое;—но она любила!

— Нѣтъ! Я знаю всю ея жизнь, я говорилъ съ ея сестрою: ей предстояло выйти замужъ, но она никогда на самомъ дѣлѣ не любила.

— Но между этимъ неудавшимся бракомъ и переѣздомъ ея къ намъ прошли годы...

— Я освѣдомлялся. Я знаю ея жизнь изо дня въ день, почти изъ часа въ часъ. Если я вамъ говорю, что дѣвица де Сень-Женексъ достойна васъ и меня, то это потому, что я знаю ее. Меня не ослѣпляла безумная страсть. Нѣтъ! но любовь серьезная,—основанная на размышленіи, на сравненіи съ другими женщинами и на увѣренности,—дала мнѣ силы молчать, выжидать и желать убѣдить васъ съ полнымъ сознаниемъ.

Маркизъ долго еще говорилъ съ матерью, и восторжествовалъ. Онъ употребилъ все краснорѣчіе страсти и всю сыновнюю нѣжность, которой онъ далъ столько блестящихъ доказательствъ. Мать смягчилась и уступила.

— Хорошо! позвольте ли позвать ее сюда отъ вашего имени? Хотите ли, чтобы я въ первый разъ, предъ вами, у вашихъ ногъ, сказалъ ей, что я люблю ее? Видите, я не рѣшаюсь еще говорить это

ей одной. Одинъ холодный взглядъ, одно недобѣрчивое слово сокрушить мое сердце. Здѣсь, въ вашемъ присутствіи, я съумѣю говорить, съумѣю убѣдить!

— Сынъ мой, сказала маркиза, ты имѣешь мое слово. Ты видишь, прибавила она, сжимая его въ своихъ слабыхъ объятіяхъ, что я даю его съ охотою и радостью, по крайней мѣрѣ, съ безконечною нѣжностью и безъ всякихъ заднихъ мыслей. Я прошу, я требую у тебя, только одного: дай себѣ еще однѣ сутки на размышленіе о твоёмъ положеніи. Оно для тебя ново, потому что ты имѣешь теперь мое согласіе, въ которомъ ты четверть часа тому далеко не былъ увѣренъ. До этихъ поръ ты считалъ себя отдѣленнымъ отъ дѣвницы де Сенъ-Женексъ препятствіями, которыя ты, быть можетъ, не надѣялся такъ легко побѣдить и которыя, можетъ быть, придавали твоей страсти искусственную энергію. Не качай, пожалуйста, головою. Что знаешь ты объ этомъ? Впрочемъ, то, что я прошу у тебя, бездѣлица. Однѣ сутки не говорить съ нею—вотъ все. Я сама должна предъ Богомъ дать себѣ отчетъ въ томъ, на что я рѣшаюсь, дабы мое лицо, мое безпокойство, мои слезы не дали бы Каролинѣ догадаться, что это мнѣ стоило кое-чего.

— О, да! вы правы, воскликнулъ маркизъ. Если она догадается, она не дастъ мнѣ говорить. И такъ, до завтра, моя добрая матушка! Одни сутки, говорите вы? Это довольно долго!... Впрочемъ... теперь часъ. Значитъ и слѣдующая ночь?...

— Ну да, такъ какъ завтра намъ предстоитъ концертъ у молодой герцогини; поэтому-то мы должны спать эту ночь. Ты хочешь еще возвратиться на балъ?

— Ахъ! позвольте мнѣ это; она еще тамъ!... и она такъ хороша въ своемъ бѣломъ платьѣ и въ своемъ жемчугѣ! Я, правда, даже не рассмотрѣлъ ее еще хорошенько. Я не смѣлъ... Теперь только я увижу ее!

— Принеси и ты мнѣ жертву въ свою очередь: не видайся и не говори съ нею да завтрашняго вечера. Поклянись мнѣ,—такъ какъ ты не хочешь еще спать,—подумать о ней, обо мнѣ, о себѣ самомъ сегодня нѣсколько часовъ, да завтра утромъ. Ты не придешь сюда до обѣда. Это нужно, поклянись мнѣ въ этомъ!

Маркизъ поклялся и сдержалъ слово; но удивленіе, ночь, печаль о томъ, что онъ не увидитъ болѣе Каролины, и что она будетъ окружена взорами и комплиментами постороннихъ, еще увеличивали его нетерпѣніе и разжигали пламень его страсти. Впрочемъ, предосторожности его матери, сами по себѣ благоразумныя, были дѣтскими относительно человѣка съ мыслию и волей.

Каролина удивилась, видя, что маркизъ не возвращается, и также удалась одна изъ первыхъ, желая убѣдить себя, что она не обманывалась, полагая, что онъ скоро совладѣетъ съ самимъ собою. Читатель видитъ теперь, что она далеко не отгадывала истину.

Г-жа д'Арглядъ имѣла своихъ шпионовъ на этомъ балѣ; между прочимъ, одного, который надѣялся жениться на ней; это былъ какой-то секретарь посольства, который на слѣдующій день донесъ

ей, о громадномъ успѣхѣ этой *demoiselle de compagnie*. Пламенное выраженіе лица маркиза не ускользнуло отъ прозорливости злобы. Начинающій дипломатъ подслушалъ даже интересный разговоръ маркиза съ матерью во время ихъ выхода.

Леонія, казалось, слушала это донесеніе съ равнодушіемъ; но сказала себѣ, что пора дѣйствовать, и въ полдень она была у маркизы, когда явилась и Каролина.

— На минуту, моя милая, пустите меня и рѣше васъ; у меня есть спѣшное дѣло, маленькая услуга бѣднымъ людямъ, которые не хотятъ быть извѣстными по имени.

Лишь только она очутилась на-единѣ съ маркизою, она стала извиняться, что пришла говорить ей о бѣдныхъ въ такой радостный день.—Напротивъ, это день для бѣдныхъ, отвѣтила великодушная женщина; говорите. Однимъ изъ величайшихъ моихъ удовольствій будетъ то, чтобы сдѣлать сегодня для бѣдныхъ больше добра, чѣмъ я могла дѣлать это прежде.

Леонія имѣла уже свой предлогъ наготовѣ. Когда она представила свою просьбу и внесла имя маркизы въ свою подписку, она притворилась, что хочетъ скоро уйти, дабы быть задержанною. Безполезно было бы излагать здѣсь ловкіе извороты, посредствомъ которыхъ коварство ея связало интересный для нея разговоръ. Эти взлосты, къ несчастію слишкомъ обыкновенныя, памятны тѣмъ, которые имѣли несчастіе чувствовать ихъ жестокое дѣйствіе, и люди забытые клеветою, весьма рѣдки.

Говорили, конечно, о счастьи Гастана и о достоинствахъ молодой герцогини.— Что мнѣ особенно нравится въ ней, сказала Леонія, такъ это то, что она не ревнуетъ ни къ кому, даже... Ахъ! виновата, я чуть не сказала имени.

Она три раза возвращалась къ этому, и всякій разъ отказывалась сказать это имя, которое начинало беспокоить маркизу. Наконецъ оно вырвалось у нея, и это было имя Каролины.

Она было спохватилась; сказала, что оно сорвалось у нея съ языка; но въ десять минутъ ударъ былъ ловко нанесенъ, и маркиза должна была вырвать у нея сознаніе, что она, собственными глазами видѣла въ Севалѣ, какъ герцогъ на разсвѣтѣ привожалъ Каролину въ ея отдѣленіе, держа ее за обѣ руки, и говоря ей съ жаромъ въ продолженіе добрыхъ трехъ минутъ, возлѣ лѣстницы башенки Лисицы.

За тѣмъ она заставила маркизу дать клятву не выдать ее, не надѣлать ей враговъ, которыхъ она, по ея словамъ, никогда не имѣла; увѣряла, что она въ отчаяніи, что настойчивыя просьбы вырвали у нея это открытіе; что она лучше сдѣлала бы, еслибъ ослушалась; что она въ душѣ любитъ Каролину, но что, такъ какъ она ручалась за ея поведеніе, то долгъ ея былъ сознаться, что она обманулась.

— Ба, ба! воскликнула маркиза совершенно спокойно; все это вовсе не такъ важно! Она могла быть очень благоразумна и все таки могла покориться этому непобѣдимому герцогу! Онъ такъ ловокъ!... Не бойтесь ничего, я ничего не знаю, а когда представится надобность, то я буду дѣйствовать такъ, что она не догадается.

Входя въ комнату, Каролина встрѣтила выходящую оттуда Леонію, которая подала ей руку съ видомъ искренняго расположенія, говоря ей, что шумъ ея вчерашняго успѣха дошелъ и до нея, и что она ее поздравляетъ съ этимъ.

Каролина нашла маркизу столь блѣдною, что испугалась, и когда она спросила о причинѣ этого, то получила весьма холодный отвѣтъ.—Это слѣдствіе утомленія отъ всѣхъ этихъ праздниковъ, сказала маркиза; это ничего. Будьте такъ добры, прочтите мнѣ мое письмо.

Между тѣмъ, какъ Каролина читала, маркиза не слушала; она думала о томъ, что она готовилась дѣлать. Она чувствовала глубокое негодованіе къ этой молодой дѣвушкѣ, вмѣстѣ съ глубокою скорбью при мысли, что ей предстоитъ нанести ударъ маркизу; но къ этимъ страданіямъ матери примѣшивалось невольное удовольствіе велико-свѣтской дамы, освободившейся отъ даннаго ею слова, которое не мало стоило ей и о которомъ она въ теченіе двѣнадцати часовъ не могла безъ ужаса вспомнить.

Когда она придумала планъ дѣйствій, она круто прервала чтеніе Каролины, сказавъ ей холоднымъ тономъ:—Довольно *madame* де Сень-Женексъ, я хочу поговорить съ вами серьезно. Одинъ изъ моихъ сыновей,—я считаю лишнимъ сказать который, — кажется, почувствовалъ къ вамъ въ послѣднее время склонность, которой вы конечно не одобряли?

Каролина сдѣлалась блѣднѣе, чѣмъ маркиза; но, сильная своею правотою, она отвѣтила не запинаясь:—Я не знаю о чемъ вы говорите *madame*. Никто изъ вашихъ сыновей никогда не изъяснился мнѣ ни какихъ чувствахъ, которыя могли бы серьезно обезпокоить меня.

Маркиза приняла этотъ отвѣтъ за безстыдную ложь. Она бросила на бѣдную дѣвушку презрительный взглядъ и нѣсколько минутъ хранила молчаніе; потомъ продолжала:—Я не говорю вамъ о герцогѣ; вамъ рѣшительно бесполезно защищаться касательно этого.

— Я не жалуясь ни на него, ни на его брата, отвѣчала Каролина.

— Очень вѣрю! сказала маркиза съ уничтожающею улыбкой; но я, я могла бы жаловаться, еслибъ вы возымѣли претензію...

Каролина прервала маркизу съ рѣзкостью, отъ которой она не могла удержаться. — Я никогда не имѣла никакихъ претензій, и никто въ мірѣ не имѣетъ права говорить со мною такъ, какъ будто я виновна въ чемъ нибудь, или даже только смѣшна!... Извините, мадамъ, прибавила она, видя, что маркиза почти испугалась ея вспыльчивости; я васъ прервала, я вамъ отвѣтила въ неприличномъ тонѣ... Извините меня! Я люблю васъ, я предана вамъ до того, что готова отдать за васъ свою кровь. Вотъ почему подозрѣніе съ вашей стороны уязвляетъ меня такъ глубоко, что я теряюсь. Но я должна воздержаться, я воздержусь!... Я вижу, что между нами есть какое-то недоразумѣніе. Благоволите объ яснитья... или допросить меня; я отвѣчу со всѣмъ возможнымъ для меня спокойствіемъ.

— Милая Каролина, сказала маркиза, смягчившись; я васъ не допрашиваю, но предупреждаю. Я не хочу ни найти васъ виновною,

ни огорчать васъ бесполезными вопросами. Вы были властны надъ своимъ сердцемъ...

— Нѣтъ, мадамъ, я не была властна.

— Прекрасно! въ добрый часъ, это вырвалось у васъ, противъ вашей воли! сказала маркиза съ ироническимъ презрѣнiемъ.

— Нѣтъ! и сто разъ нѣтъ! возразила Каролина съ твердостью. Не это я хотѣла сказать. Знаю, что тысячи обязанностей, одна другой важнѣе, запрещаютъ мнѣ располагать своимъ сердцемъ, я не отдавала его никому.

— Маркиза смотрѣла на Каролину съ удивленiемъ. — Какъ она умѣетъ лгать, подумала она. — Потомъ она сказала себѣ самой, что касательно герцога эта бѣдная дѣвушка не имѣла надобности признаваться, что склонность ея къ нему не должно ставить ей въ вину, такъ какъ Каролина не дѣлала ему препятствiй въ жизни и не заявляла никакого права, которое могло бы повредить его браку.

Эта мысль, которая не приходила еще маркизѣ въ голову, вдругъ переѣвила ея расположенiе, и такъ какъ она видѣла, что молчанiе ея терзаетъ Каролину, глаза которой наполнились горячими слезами, она почувствовала къ ней прежнюю дружбу и даже какой-то новый родъ уваженiя.

— Милочка моя, сказала она ей, подавая ей руку, простите меня! Я васъ оскорбила, я худо выразилась. Положимъ даже, что я на минуту была несправедлива. Въ душѣ я знаю васъ лучше, чѣмъ вы это полагаете, и я цѣню ваше поведенiе. Вы безкорыстны, благородны, великодушны и скромны. Если вамъ случалось... быть тронутою нѣкоторыми преслѣдованiями больше, чѣмъ слѣдовало бы для вашего счастья, то не менѣе извѣстно, что вы всегда готовы были жертвовать собою и что вы готовы сдѣлать это и впередъ,—не такъ ли?

Каролина не поняла, да и не могла понять, что въ этихъ словахъ заключается намекъ на бракъ Гаэтана. Она думала, что рѣчь идетъ о его братѣ, и такъ какъ она не знала за собою ни минутной слабости, она находила, что маркиза не имѣла правъ рыться въ печальныхъ тайнахъ ея души.—Я никогда не имѣла ничего, чѣмъ бы мнѣ слѣдовало пожертвовать, отвѣтила она съ гордостью. Или вы имѣете что приказать мнѣ, скажите, мадамъ, и не думайте, что я считаю заслугою слушаться васъ.

— Вы хотите сказать... и вы говорите, что вы никогда не раздѣляли чувствъ маркиза къ вамъ?

— Я ихъ никогда не знала.

— Вы ихъ не отдавали?

— Нѣтъ, мадамъ, и я не вѣрю имъ. Кто могъ заставить васъ думать противное? ужъ навѣрно не онъ!

— Прекрасно, извините, это онъ! Вы видите, какое довѣрiе я имѣю къ вамъ! Я говорю вамъ истину и довѣряюсь вашему великодушiю. Мой сынъ любитъ васъ и надѣется быть любимымъ и вами.

— Маркизъ сильно обманулся, отвѣчала Каролина, уязвленная признанiемъ, которое, будучи такъ высказано, было почти обидою,

— Ахъ! Вы говорите правду, я это вижу, воскликнула маркиза, обманутая гордостью Каролины и, желая подѣйствовать на нее со стороны самолюбія, она поцѣловала ее въ лобъ. Благодарю васъ, мое милое дитя, вы возвратили мнѣ жизнь! Вы чистосердечны, вы слишкомъ благородны, чтобы мучить меня моими собственными подозрѣніями, играя моимъ спокойствіемъ. Прекрасно, позвольте мнѣ сказать Урбану, что онъ ошибался, что этотъ бракъ невозможенъ, не по моей волѣ, а по вашей.

Это неосторожное слово объяснило Каролинѣ все. Она поняла благородную деликатность, побудившую маркиза поговорить съ матерью прежде, чѣмъ онъ объяснитъ свою страсть ей самой; но она не воспользовалась этимъ открытіемъ, потому что она видѣла, какъ маркиза отвергаетъ даже мысль объ ихъ бракѣ. Она приписала это честолюбію маркизы, которое она хорошо знала и которое она давно предвидѣла. Она была далека отъ того, чтобы полагать, что, уступивши послѣ долгаго сопротивленія, маркиза возьметъ назадъ свое слово.

— Маркиза, сказала она съ нѣкоторою строгостью, вы никогда не должны быть виноваты въ глазахъ вашего сына; я понимаю это, а что касается меня, то я не боюсь упрека съ его стороны за отклоненіе чести, которой онъ хотѣлъ удостоить меня. Вы, впрочемъ, скажите ему то, что найдете нужнымъ: я не буду при этомъ, чтобы васъ не обличать.

— Какъ! вы хотите оставить меня? воскликнула маркиза, испуганная результатомъ, котораго она не предвидѣла, хотя въ тайнѣ желала его. Нѣтъ, нѣтъ! это невозможно! Это значитъ потерять все... Мой сынъ любитъ васъ со страстью... дальнѣйшихъ послѣдствій ея я не боюсь, если вы поможете мнѣ бороться съ ними; но боюсь пылкости ея въ первый моментъ. Пойдите!... онъ, быть можетъ, послѣдуетъ за вами... онъ краснорѣчивъ!... онъ восторжествуетъ надъ вашимъ упорствомъ, онъ... и я вынуждена буду сказать ему то, чего бы мнѣ никогда не хотѣлось сказать!

— Вы никогда не хотѣли бы сказать ему *нѣтъ!* подхватила Каролина, все еще находясь подъ вліяніемъ недоразумѣнія и нисколько не подозрѣвая воображаемой вины своей, грозмо висѣвшей надъ ея головою;—я должна сказать ему это? Ну хорошо! я ему напишу, и письмо мое пойдетъ къ нему черезъ ваши руки.

— Но его горе... быть можетъ, его гнѣвъ... подумали ли вы объ этомъ?

— Мадамъ, дайте мнѣ уѣхать! съ живостью отвѣтила Каролина, которую мысль о горѣ маркиза затронула до самой глубины души.— Я пріѣхала сюда не за тѣмъ, чтобы такъ страдать. Меня ввели къ вамъ, не сказавъ мнѣ даже, что вы имѣете сыновей; дайте же мнѣ уѣхать отсюда столько же спокойною, сколько безупречною. Я никогда не увижу болѣе маркиза, вотъ все, что я могу обѣщать вамъ. Если онъ непремѣнно послѣдуетъ за мною...

— Не сомнѣвайтесь въ этомъ! Поже мой! говорите типе! Если кто нибудь подслушаетъ насъ... Если онъ пойдетъ за вами, что вы сдѣлаете тогда?...

— Я поставлю себя въ такое положеніе, чтобы этого не случилось. Позвольте мнѣ устроить это по моему соображенію. Черезъ часъ я приду прощаться съ вами, маркиза.

XX.

Каролина выпшла съ такою энергическою рѣшимостью, что маркиза не посмѣла прибавить ни одного слова, чтобы удержать ее. Она видѣла, что та была раздражена и уязвлена, и упрекала себя за то, что слишкомъ дала ей понять, что *она знаетъ все*, между тѣмъ какъ она не знала ничего, потому что она не видѣла истинной любви Каролины.

Она все таки увѣряла себя, что Каролина все еще любитъ герцога, что она принесла себя въ жертву его счастію и что, какъ дѣвушка настойчивая, она надѣялась на возвращеніе къ ней его любви по истеченіи медоваго мѣсяца.

«Въ такомъ случаѣ, думала маркиза, было бы опасно, еслибъ она оставалась здѣсь долѣе. Это могло бы навлечь несчастье на мою молодую чету; однакожь слишкомъ рано еще отпускать Каролину такъ внезапно: маркизъ будетъ отъ этого какъ сумасшедшій! Она успокоится, составитъ свои планы, и когда она придетъ сказать мнѣ о нихъ, я уговорю ее согласиться на мои.»

Въ теченіе часа маркиза обдумала что ей надлежитъ предпринять. Она увидитъ своего сына вечеромъ, какъ это было условлено, и скажетъ ему, что она испытывала чувства Каролины и нашла ее холодною къ нему. Она въ теченіе нѣсколькихъ дней будетъ избѣгать рѣшительныхъ объясненій, выиграетъ время, успеетъ обезкуражить самую Каролину, — но съ кротостью и благоразуміемъ. Словомъ, она уже надѣялась все уладить, когда увидѣла, что часъ прошелъ и Каролина не является. Она велѣла позвать ее, и узнала что та отправилась въ фіакръ съ маленькимъ узелкомъ, оставивъ слѣдующее письмо:

«Маркиза! я получила печальное извѣстіе, что одна изъ дочерей моей сестры сильно заболѣла. Извините меня за то, что я не попросила вашего позволенія уѣхать къ ней: у васъ были гости. Впрочемъ я знаю, какъ вы добры. Вы согласитесь отпустить меня на одни сутки; завтра, вечеромъ, я буду назадъ. Примите увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ уваженіи.

«Каролина».

— Прекрасно! Да это чудесно! подумала маркиза, послѣ минуты смущенія и недоразумѣнія. Она поняла мои мысли: она даетъ мнѣ возможность выиграть первый вечеръ, самый трудный, конечно. Обѣщая же возвратиться завтра, она не дастъ моему сыну послѣдовать за нею въ Этампъ. Завтра она, навѣрно, найдетъ другою предлогъ, чтобы не возвратиться... Впрочемъ, я не хочу знать, что она намѣрена дѣлать. Я не стаю болѣться, что маркизъ заставитъ меня признаться въ истинѣ.

Вечеръ этотъ наступилъ, однакожь, очень скоро. Опасенія ея росли

но мѣрѣ того, какъ приближался часъ, въ который они должны были обѣдать за общимъ, столомъ. Съ этой минуты она рѣшилась лгать. Она не говорила съ сыномъ, пока не сѣла за столъ, и устроилась такъ, что была постоянно окружена. Это былъ великолѣпный, оициальный обѣдъ; но будучи не въ состояннн выносить устремленный на нее грустный взглядъ сына, она, прежде, чѣмъ сѣла за столъ, сказала молодой герцогинѣ, такъ чтобъ маркизъ могъ разслышать:— дѣви паде-Сонъ-Женексъ не придетъ обѣдать. Ея племянница заболѣла здѣсь въ монастырѣ, и она попросила у меня позволенія навѣстить ее.

Тотчасъ послѣ обѣда маркизъ, измученный, пытался заговорить съ матерью. Она все избѣгала его; но видя, что онъ намѣревается уйти, она подозвала его къ себѣ и сказала ему на ухо:— Она не въ монастырѣ, а въ Этампѣ.

— Воже мой! зачѣмъ же вы только что говорили иначе?

— Я ошиблась, я худо разобрала записочку, которую она оставила мнѣ вечеромъ. Рѣчь идетъ совершенно о другомъ дитяти. Но она возвратится завтра утромъ. Полно! не о чемъ беспокоиться. Будь остороженъ, сынъ мой, твое разстроенное лицо удивляетъ всѣхъ. Злые вѣады есть: что если кто подумаетъ или скажетъ, что ты завидуешь счастію брата своего. Всѣмъ извѣстно, что прежде вы были...

— Да, маменька, въ томъ-то и дѣло! Вы скрываете отъ меня что-то! Каролина, должно быть, больна. Она здѣсь, я увѣренъ въ этомъ! Позвольте мнѣ узнать отъ васъ...

— Ты хочешь ее компрометировать! Это не расположитъ ее въ твою пользу!

— Итакъ она очень больна? Маменька, объясните же мнѣ!

— Нѣтъ! я ее не видала; она уѣхала утромъ...

— Вы сказали; что записка была писана вечеромъ?

— Я ее получила... сейчасъ, я не знаю когда: но эти допросы не очень любезны, дитя мое! Ради Бога успокойся: на насъ смотрятъ!

Бѣдная маркиза не умѣла лгать. Ужасъ и горестъ ея сына проникли въ ея душу. Она съ часъ боролась съ этимъ зрѣлищемъ. Всякій разъ, когда онъ приближался къ двери, она слѣдила за нимъ испуганными глазами, боясь, чтобъ онъ не уѣхалъ; взгляды ихъ встрѣчались, и маркизъ оставался, прикованный печальнымъ взоромъ матери. Она не могла долго выносить этого. Она была разбита и утомлена внутренними волненіями, пережитыми ею въ эти сутки, суматохою этихъ праздниковъ, которые она въ теченіе нѣсколькихъ дней старалась оживить своимъ умомъ и своею веселостію, особенно же она была измучена усиліемъ, съ какимъ старалась съ самаго начала обѣда казаться спокойною. Она волѣла увести себя въ свое отдѣленіе и безъ чувствъ упала въ объятія маркиза, который послѣдовалъ за нею.

Урбанъ оказывалъ ей самую нѣжную заботливость, тысячу разъ упрекая себя за то, что разстроилъ ее, и увѣрялъ ее, что онъ спокоенъ и что онъ не станетъ спрашивать ее до тѣхъ поръ, пока она не

оправится. Онъ просидѣлъ у нея всю ночь. На слѣдующій день, видя, что она совершенно здорова, онъ осмѣлился сдѣлать нѣсколько робкихъ вопросовъ. Она показала ему записку Каролины, и онъ терпѣливо ожидалъ слѣдующаго вечера. Вечеромъ получена новая записка изъ Этампа. Ребенку сдѣлалось лучше, но онъ еще такъ страдалъ, что г-жа Гейдельбертъ, оставила у себя Каролину еще на одной сутки.

Маркизъ обѣщалъ потерпѣть еще сутки; но на слѣдующій день онъ обманулъ мать и, подъ видомъ сопровожденія брата съ женою въ дѣсь, отправился въ Этампъ.

Здѣсь онъ узналъ, что Каролина въ самомъ дѣлѣ пріѣзжала, но что она тотчасъ возвратилась въ Парижъ. Они видно развѣхались. Маркизу показалось, что при его приходѣ, который здѣсь предвѣдѣли, одно дитя спрятали, а другихъ заставили молчать. Онъ освѣдомился о большой малюткѣ и хотѣлъ видѣть ее; Камилла отвѣчала, что дитя спитъ и что она боится будить его. Маркизъ не смѣлъ больше настаивать и возвратился въ Парижъ, сильно сомнѣваясь въ искренности Камиллы и не зная, какъ объяснить ея разстроенный видъ.

Онъ неѣхалъ къ матери, — Каролина не возвратилась; она, быть можетъ, была въ монастырѣ. Онъ отправился ожидать ее у рѣшотки, но по истеченіи часа рѣшился спросить о ней отъ имени маркизы. Ему отвѣтили, что ее не видѣли здѣсь уже пять дней. Онъ вновь возвратился въ отель де-Ксентрайль, дождался вечера; мать его была все нездорова, онъ удерживался.

Наконецъ на слѣдующій день, потерявъ терпѣніе, онъ зарыдалъ у ногъ ея, умоляя ее возвратитъ ему Каролину, которую онъ считалъ спрятанною въ монастырѣ по ея же приказанію.

Г-жа де-Вильмеръ на самомъ дѣлѣ сама ничего не знала; она начала раздѣлять безпокойство своего сына. Между тѣмъ Каролина взяла съ собою только маленькій узелокъ вещей; она должна была имѣть съ собою очень мало денегъ, потому что отсылала ихъ своему семейству; она оставила свои драгоценности, свои книги; она не могла быть далеко.

Между тѣмъ какъ маркизъ возвратился еще разъ въ монастырь съ письмомъ отъ матери, которая, убѣжденная горемъ своего сына, чистосердечно помогала ему отыскать Каролину, эта послѣдняя, окутанная, и обвязанная до самыхъ глазъ, выходила изъ дилижанса, пришедшаго изъ Бриуда, неся сама свой маленькій узелокъ и направлялась живописнымъ бульваромъ города Пюи, въ Велъ, къ конторѣ другаго дилижанса, который въ этотъ часъ отправлялся въ Исенжо.

Никто не видалъ ея и не заботился о ней. Она никого не спрашивала и казалась совершенно знакомою съ обычаями страны и съ мѣстностью.

Она была здѣсь однакожъ въ первый разъ; но будучи рѣшительна, дѣятельна и предусмотрительна, она, оставя Парижъ, купила дорожникъ съ картою главнаго мѣста и окрестностей, и дорогою хорошо изучила его. Она сѣла въ дилижансъ, сказавъ кондуктору, что выйдетъ въ Бривъ, т. е. за милою отъ Пюи. Здѣсь она сѣзла на

мосту Луары и отправилась, не спросивъ никого о дорогѣ. Она знала что ей нужно идти по берегу Луары до совпаденія ея съ рѣкою Гань, даѣе къ Красной Смалѣ, слѣдуя по теченію ручья, протекавшаго у ея подошвы и восходя до первой лежащей на немъ деревни. Нельзя было ошибиться. Ей предстояло пройти до трехъ миль пѣшкомъ по пустынѣ, а была полночь; но дорога была гладка; луна ярко сіяла красивымъ полукругомъ; тихій майскій вѣтерокъ нагналъ на горизонтъ бѣлые облака.

Куда же шла м-ле де Сенъ-Женексъ, въ полночь, по горамъ, по доламъ и въ глухой сторонѣ? Не припомните ли читатели, что тамъ, въ деревнѣ Лантриакъ, она имѣла преданныхъ друзей и самое надежное убѣжище? Добрая кормилица ея, Пейракъ, нѣкогда Юстина Ланіонъ, написала ей недѣль шесть тому еще одно письмо, и Каролина, помня хорошо, что она не говорила маркизу и никому изъ его семейства ни объ этихъ письмахъ, ни объ этихъ людяхъ, ни объ этой мѣстности,—рѣшилась отправиться сюда на мѣсяцъ или на два, увѣренная, что такимъ образомъ всѣ слѣды ея будутъ потеряны. Отсюда-то ея предосторожности, чтобы не быть узнавшею никѣмъ и чтобы не обратить на себя чьего либо вниманія своими разсирсами.

Она побывала въ Этампѣ, чтобы попрощаться съ сестрою, и рассказавъ ей все, исключая тайнаго чувства, тревожившаго ее; она скрыла всѣ слѣды и оставила ей письмо, которое имѣло быть послано маркизѣ, спустя недѣлю. Въ этомъ письмѣ она извѣщала, что уѣхала за-границу, увѣряя, что нашла мѣсто, и прося не беспокоиться о ней.

Стѣсняясь своимъ узелкомъ, она хотѣла оставить его въ первомъ попавшемся ей домѣ, какъ вдругъ она увидѣла, что за нею идетъ цѣлый обозъ повозокъ, запряженныхъ волами. Она обождала его. Цѣлое семейство воловщиковъ, молодыхъ и старыхъ, и одна женщина съ спящимъ ребенкомъ перевозили брусья при помощи маленькихъ массивныхъ колесъ, изъ которыхъ къ каждой парѣ былъ привязанъ брусъ. Всего было шесть брусевъ, изъ которыхъ каждый тащала пара воловъ при помощи погонщика, идущаго съ боку. Это былъ караванъ, занимавшій довольно значительную часть дороги.

— Провидѣніе, подумала Каролина, всегда является на помощь тѣмъ, которые надѣются на него. Вотъ и повозки, на которыхъ мнѣ возможно будетъ присѣсть, если утомлюсь.

Она обратилась къ первому воловщику. Онъ покачалъ головою: онъ понималъ только мѣстное нарѣчіе. Второй остановился, заставилъ ее повторить, пожалъ плечами и пошелъ даѣе; онъ также ничего не понималъ. Третій показалъ ей знаками, чтобы она обратилась къ женщинѣ, сидѣвшей на одномъ изъ брусевъ, опирая ноги на подвѣзанную веревку. Каролина, продолжая идти, спросила ее, не идетъ ли она со стороны Лосона. Она не хотѣла сказать имя деревни Лантриакъ, лежащей ближе по этой же дорогѣ. Женщина эта отвѣтила ей по-французски съ очень жесткимъ акцентомъ, что они идутъ въ Лосонъ и что это далеко.

— Не возложите ли мнѣ привязать мой узелокъ къ одному изъ брусьевъ?

Женщина покачала головою.

— Чтожъ это, отказъ? продолжала Каролина. — Я не прошу даромъ, я заплачу.

Тотъ же отвѣтъ: монтаньярдка поняла изъ словъ Каролины только имя Досонъ.

Каролина не понимала севенельскаго простонарѣчія. Это не вошло въ первоначальное воспитаніе, которое дала ей кормилица; но ей показался еще ея акцентъ, и ей припала въ голову счастливая мысль подражать ей, въ чемъ она такъ успѣла, что поселянка вдругъ раскрыла уши. Она понимала ломанный такимъ образомъ французскій языкъ и даже говорила хорошо.

— Садитесь тамъ сзади на слѣдующемъ брусь, сказала она, и дайте вашъ узелокъ моему мужу. Полно! за это ничего не нужно, дочь моя.

Каролина поблагодарила и сѣла. Поселянинъ сѣлалъ ей стремя, подобно тому, на какое опиралась ногами его жена, и этотъ сельскій караванъ продолжалъ свой путь. Мужъ, шедшій возлѣ Каролины, не заговаривалъ съ нею. Севенельскій житель суровъ, и если онъ любитъ, то онъ не унижается до того, чтобы показать это. Онъ довольствуется тѣмъ, чтобы послѣ разузнать отъ бабъ, которыя ужасно докучливы своими вопросами. Но брусь былъ длиненъ, и Каролина была слишкомъ отдалена отъ монтаньярдки, чтобы подвергнуться ея разспросамъ.

Такимъ образомъ она проѣхала мимо Красной Скалы, которую она сначала приняла за огромныя развалины; но она припомнила рассказы Юстины объ этой рѣдкости ея страны и узнала странное очертаніе этого несокрушимаго вулканическаго памятника, въ слабой тѣни котораго она проѣзжала теперь.

Узкая и извилистая дорога мало по малу возвышалась надъ ручьемъ и наконецъ такъ спустилась, что Каролина испугалась, увидѣвъ, что ноги ея болтаются надъ страшною пропастью. Колеса вѣрзились въ землю, размоченную дождемъ, и шли по самому краю этого страшнаго обрыва; но волны ни на волосъ не уклонялись въ сторону, погонщикъ пѣлъ и держался немного позади, если не могъ идти рядомъ съ волами, а покаяніе крестьянки по видимому показывало, что ее одолевалъ сонъ.

— Боже мой! сказала Каролина мужу этой крестьянки, не боитесь ли вы за вашу жену и дитя?

Онъ понялъ знаки, если не слова ея, и крикнулъ своей женѣ, чтобы она не уронила малютку, а самъ сталъ потягивать какую-то унылую пѣсню, походившую на церковное пѣніе.

Каролина скоро привыкла къ головокруженію; она не хотѣла сѣсть спиною къ оврагу, какъ это знаками совѣтовалъ ей поселянинъ. Мѣстность была такъ хороша и своеобразна, и въ лунномъ свѣтѣ она представлялась такою страшною, что Каролина не хотѣла и на минуту потерять изъ виду этого новаго для нея зрѣлища. Когда въ извилинахъ обрыва волны поворачивали передними колесами, такъ что

брусъ угрожалъ увлечь задвія колеса въ воздухъ, путешественница наша, немного испуганная, невольно подымалась на своемъ веревочномъ стремени. Погонщикъ заговаривалъ тогда съ своими волами спокойнымъ и кроткимъ голосомъ, и голосъ этотъ, который, казалось, размѣрялъ каждый шагъ ихъ, ободрялъ Каролину, какъ голосъ какого-то таинственнаго духа, располагавшаго ея судьбою.

— И почему мнѣ бояться?—спрашивала она сама себя; какъ могу я дорожить жизнью, отнынѣ ужасною, рядомъ дней, перспектива которыхъ ужаснѣе самой смерти? Если упаду въ эту пропасть, я расшибусь въ минуту, а если даже помучусь часъ-другой, пока умру, то что это значить въ сравненіи съ годами горести, одиночества, быть можетъ, отчаянія, которыя ожидаютъ меня впереди?

Видно, что Каролина начала сознаваться въ своей любви и сожалѣніи. Она не измѣрила еще всей силы ихъ положенія и, подумавъ объ этой инстинктивной любви къ жизни, которая заставила ее недавно содрогнуться, не смотря на ея природную неустрашимость, она хотѣла убѣдить себя, что это было какъ бы предчувствіемъ, небеснымъ обѣщаніемъ скорого выздоровленія. — Кто знаетъ! Быть можетъ, я забуду все это гораздо скорѣе, чѣмъ какъ это кажется. Развѣ я вправѣ желать умереть? вправѣ ли я даже дать волю своимъ слезамъ и губить свои силы? Развѣ моя сестра и дѣти ея могутъ обойтись безъ меня? Развѣ я желаю, чтобы она жила милостынею тѣхъ, которые заставили меня бѣжать? Но должна ли я скоро начать трудиться, а чтобы трудиться, не должна ли я забыть все, что мѣшаетъ этому?

Затѣмъ она начала беспокоиться даже насчетъ своего мужества.— Пусть это не будетъ обманомъ надежды! Она припомнила слова маркиза, фразы изъ его сочиненія, которыя обнаруживали въ немъ волю, предусмотрительность и необыкновенную твердость. Можетъ ли такой человекъ отступить отъ однажды принятаго рѣшенія, позволить сбить себя съ толку разными военными хитростями и не имѣть догадливости, свойственной истинной любви?

— Что бы я ни сдѣлала, онъ отыщетъ меня, если хочетъ отыскать! Нужды мало, что я здѣсь, въ ста пятидесяти миляхъ отъ него, и что догадаться о моемъ пребываніи здѣсь невозможно; если онъ любить всѣми силами своими, то онъ долженъ имѣть это второе зрѣніе. Слѣдовательно было бы съ моей стороны ребячествомъ бѣгать и прятаться, еслибъ въ этомъ заключалась вся моя защита. Нужно, чтобы мое сердце было вооружено противъ него, нужно, чтобы я во всякое время, во всякомъ мѣстѣ была готова сказать ему: страдайте напрасно, умрите, если это нужно,—я не люблю васъ!

Говоря такимъ образомъ, Каролина почувствовала желаніе податься немного впередъ, оставить свое стремя и броситься въ пропасть. Наконецъ утомленіе побѣдило ея внутреннія движенія. Дорога постоянно шла еще къ гору, но не такъ круто и удаляясь отъ края оврага, такъ что опасность минула. Медленность ѣзды, монотонное качаніе бруса и треніе упряжи усыпили ее. Она разсматривала проходившія предъ нею фантастически освѣщенные скалы и верхушки деревьевъ, зеленые листья которыхъ походили на прозрач-

ныя облака. Холодъ становился довольно чувствительнымъ по мѣрѣ того, какъ они возвышались надъ равниною, а этотъ холодъ приводилъ въ какое-то оцѣвѣніе. Ручей исчезалъ въ глубинѣ, но его журчанье, сильное и свѣжее, наполняло воздухъ какою-то дикою гармонію. Каролина чувствовала, какъ вѣки ея тяжѣли, и такъ какъ она полагала, что близко уже до Лантриака, и, не желая ѣхать до Лосона, она соскочила на землю и пошла пѣшкомъ, чтобы прогнать сонъ.

Она знала, что Лантриакъ лежитъ въ ущельи и что она будетъ близъ этой деревни, когда потеряетъ изъ вида рѣчку Гань. Въ самомъ дѣлѣ, спустя часъ, она замѣтила домики, рисовавшіеся надъ скалами, взяла свой узелокъ, заставила, крестьянина не безъ труда, принять отъ нея нѣсколько монетъ, избѣгая разспросовъ кресьянки, и осталась немного позади, чтобы дать имъ проѣхать деревню, стихнуть вою собакъ и успокоиться пробужденнымъ жителямъ Лантриака, которыхъ она хотѣла найти опять спящими при ея входѣ въ деревню.

Но ничто не беспокоило сна жителей Велейской деревни, ничто не пробуждало собакъ. Обозъ проѣхалъ, погонщики продолжали пѣть, колеса скакали по глыбамъ лавы, которыя, подъ предлогомъ мощенія улицъ въ этихъ негостепримныхъ деревняхъ, представляли гораздо больше неодолимыхъ препятствій, чѣмъ ведущія сюда опасныя дороги.

Каролина, замѣтивъ глубокую тишину, послѣдовавшую за шумомъ повозокъ, смѣло двинулась въ узкую и почти отвѣсно идущую улицу, которая считалась продолженіемъ дороги. Но здѣсь прекращались ея свѣденія относительно мѣстности. Юстина не описала ей мѣстоположенія своего жилища. Путешественница напала, не желая надѣлать шума и думая условиться съ семействомъ, чтобы ее не называли по имени, рѣшилась нигдѣ не стучаться, никого не будить и ожидать наступленія дня, который долженъ былъ быть уже близокъ. Она сѣла подъ навѣсомъ перваго встрѣтившагося ей дома и положила свой узелокъ возлѣ себя на деревянной скамейкѣ. Она любовалась странною и живописною картиною, образуемою крышами, которыя рѣзкими и неровными очертаніями обрисовывались на бѣлыхъ облакахъ. Луна выступила въ узкую полосу неба, которая оставалась незакрытою ближайшими навѣсами. Она ярко освѣщала бывшій тутъ маленькій фонтанъ и блестящую тонкую водяную струю, падавшую со скалы. Тихій и однообразный шумъ этой сребристой воды среди ночной тишины скоро усыпилъ путешественницу, и безъ того сильно утомленную.

— Сколько переменъ въ теченіе трехъ дней! подумала Каролина, укладывая котомку, чтобы положить на нее свою отяжелѣвшую голову. Между тѣмъ не далѣе, какъ въ минувшій вечеръ, Каролина въ тюлевымъ платьѣ, съ перлами на рукахъ и шеѣ, съ камеліями въ волосахъ, танцевала съ маркизомъ, при свѣтѣ тысячи свѣчъ, въ одномъ изъ богатѣйшихъ салоновъ Парижа! Что сказалъ бы маркизъ, еслибъ увидѣлъ эту царницу бала, закутанную въ гру-

бую шаль и сваяную у воротъ какого-то хлѣва, съ шогами лезави-ми чуть ли не въ ручьѣ и съ окончившимися отъ холода руками? Къ счастью свѣтитъ луна, и вотъ уже пробило два часа. Остается про-вести здѣсь еще часъ, а такъ какъ сонъ является, не смотря ни на что, то да будетъ благословенъ его приходъ!

XXI.

На разсвѣтѣ дѣвица де-Сенъ-Женексъ была пробуждена курами, ку-дахтавшими и рывшимися вокругъ нея. Она встала и пошла, видя какъ двери отпирались одна за другою и думая, что въ такой небольшой деревушкѣ, такъ стѣсненной въ скалѣ, ей не придется долго ходить, но встрѣчая той, которую она ищетъ. Но здѣсь представилось новое затрудненіе: знаетъ ли она свою кормилицу, которую она не видала съ десятилѣтняго возраста? Она помнила ея голосъ и произношеніе гораздо лучше, чѣмъ ея лицо. Она ходила впередъ и назадъ до послѣдняго дома на изгибѣ скалы, и здѣсь она увидѣла надъ дверью одно-го дома надпись: Пейракъ Лашонтъ. Прибитая подъ надписью вод-кова показывала, что здѣсь живетъ кузнецъ.

Юстина, по обыкновенію, встала раньше всѣхъ, между тѣмъ какъ ситцевая занавѣска около кровати охраняла еще послѣдній сонъ Пейрака. Главная комната этого домика показывала удобства зажиточнаго хозяйства, и признакъ этой зажиточности состоялъ особенно въ украшеніи потолка полатями, на которыхъ лежалъ значи-тельный запасъ зелени и другихъ сельскихъ продуктовъ; но стро-гая опрятность, рѣдкая впрочемъ въ мѣстныхъ обычаяхъ, уничто-жала все, что могло бы поразить обоняніе и глазъ.

Юстина разводила огонь и собиралась варить супъ, который мужъ ея долженъ былъ застать горячимъ при своемъ пробужденіи, какъ вдругъ она увидѣла вошедшую Каролину, съ поднятымъ кашепо-номъ и съ котомкою въ рукѣ. Она бросила на незнакомку разсѣян-ный взглядъ и спросила, что она продаетъ.

Каролина, услышавъ что Пейракъ храпѣтъ за занавѣскою кровати, приложила палецъ къ губамъ и сбросила свой капюшонъ на плечи. Юстина осталась на минуту неподвижною, сдержала радостный крикъ и съ восторгомъ раскрыла свои тучныя объятія. Она узнала свое дитя.—Идите, идите сюда! сказала она, ведя ее къ крутой лѣстницѣ, выходившей въ залу; ванна комнатка готова! Вотъ уже годъ, какъ васъ ожидаютъ каждый день!—И она крикнула своему мужу:—Встань. Пейракъ, но сейчасъ и запри дворъ. У насъ гости, и еще какія!

Маленькая комнатка, выбѣленная извѣстью и просто убранная, была, какъ и нижній этажъ, безукоризненной чистоты. Видъ отсюда былъ великолѣпный: плодовые деревья, бывшія въ цвѣту, достигали до оконъ.—Это рай! сказала Каролина своей кормилицѣ. Недостаетъ толь-ко немного тепла и ты разведешь здѣсь огонь. Я голодна и врозѣла, но счастлива, видя тебя. Я должна поговорить съ тобою прежде все-го. Я не хочу, чтобы меня знали здѣсь подъ моимъ настоящимъ ише-немъ. Мои причины на то основательны, ты ихъ узнаешь и одобришь.

Начнемъ съ того, чтобы условиться о нашихъ дѣлшшкахъ: ты жила въ Вріудѣ?

— Да, я служила тамъ до выхода за-мужъ.

— Вріудъ далекъ отсюда. Есть ли здѣсь кто изъ Вріуда?

— Никого, и сюда никогда не врѣзажаютъ чужіе. Есть только дорога для воловьихъ повозокъ.

— Я видѣла это. И такъ ты выдашь меня за когонибудь, котораго ты знала въ Вріудѣ?

— Прекрасно, за дочь моей прежней хозяйки?

— Нѣтъ, я не барышня.

— О! это не барышня, это незначительная торговка.

— Идетъ! но я должна имѣть какоенибудь званіе?

— Постойте! это не трудно. Разнощица мелкихъ товаровъ, чѣмъ была и та, о которой я вамъ говорю.

— Но нужно же будетъ продавать чтонибудь?

— Я беру это на себя. Впрочемъ, можно будетъ сказать, что вы кончили свой объѣздъ и я удержала васъ по знакомству; вѣдь вы останетесь?

— По крайней мѣрѣ на мѣсяцъ.

— Нужно оставаться непремѣнно. Найдутъ уже вамъ занятія! Но постойте! какъ васъ звать?

— Шарлетою; ты называла меня такъ, когда я была еще маленькая. Тебѣ это будетъ легко. Я буду вдова, и ты будешь говорить со мною на ты.

— По старому? Хорошо, идетъ; но какъ ты будешь одѣваться, моя Шарлота?

— Какъ теперь; ты видишь, это не пышно.

— Да, это не очень богато, и это можетъ гоняться; но эти прекрасные бѣлокурые волосы, это привлечетъ вниманіе, а городская шляпка всѣхъ удивитъ,

— Я объ этомъ уже думала и купила себѣ въ Вріудѣ мѣстный головной уборъ. Онъ тамъ, въ моемъ сакъ-вожжѣ, и я сейчасъ иду прибраться на случай чьегонибудь неожиданнаго прихода.

— Въ такомъ случаѣ я пойду скорѣе приготовить твой завтракъ. Ты будешь завтракать съ Пейракомъ?

— И съ тобою, надѣюсь. Завтра я думаю помогать тебѣ по хозяйству и на кухнѣ.

— О! ты будешь дѣлать только видъ этого! я не хочу, чтобы ты мараала твои маленькія ручки, о которыхъ я такъ заботилась. Постой, я пойду посмотрѣть всталъ ли Пейракъ и предупредить его обо всемъ, въ чемъ мы условились, а за тѣмъ ты скажешь намъ къ чему вся эта таинственность.

Разговаривая такимъ образомъ, Юстина зажгла дрова, лежавшія уже въ каминѣ. Она наполнила вазы свѣжею холодною водою, которая вытекая изъ скалы, была проведена посредствомъ глиняной трубы въ умывальный приборъ, находившійся въ этой комнатѣ, и далѣе на кухню. Это было изобрѣтеніе Пейрака, который считалъ себя человѣкомъ изобрѣтательнымъ.

Спусти полчаса, Каролина, незатѣйливая одежда которой не обличала ничего особеннаго, зачесала свои прекрасные волосы подъ маленькую шляпку, купленную ею въ Вриудѣ, не столь узкую, но гораздо красивѣе выгнутую, чѣмъ наши, сдѣланную также изъ черной шелковой матеріи и обложенную бархатомъ, какія носятъ въ Волѣ. Она хорошо сдѣлала, она была еще восхитительна, не смотря на утомленіе, которое уменьшало немного блескъ ея прекрасныхъ очей *vert de mer*, нѣкогда столь хваленыхъ маркизою.

Супъ съ рисомъ и картофелемъ былъ поданъ въ маленькой комнаткѣ, гдѣ Пейракъ въ свои свободныя минуты занимался немного столарствомъ. Дѣбрякъ изшелъ такой пріемъ непріятнымъ и хотѣлъ было подметать стружки.—Напротивъ, сказала ему жена, оставляя стружки на полу; ты ничего не понимаешь! Она подумаетъ, что это прекрасный коверъ. О! ты не знаешь ее! Это рѣдкая дѣвушка!

Каролина познакомилась съ Пейракомъ, поцѣловавшись съ нимъ. Это былъ человекъ лѣтъ шестидесяти, еще крѣпкій, худощавый, средняго роста и безобразный, какъ большая часть горныхъ жителей этой мѣстности; но лицо его, мрачное и даже суровое, несло на себѣ печать честности, которая видна была съ перваго взгляда. Его рѣдкая улыбка была необыкновенно добродушна. Въ ней просвѣчивалась цѣлая бездна любви и искренности, которыя, не выражаясь въ рѣзкихъ проявленіяхъ, были тѣмъ болѣе надежны.

Жюстина имѣла также строгія черты лица и говорила отрывисто. Это былъ мужественный и благородный характеръ. Пламенная католичка, она уважала молчаливость своего мужа, по происхожденію протестанта, который наружно обратился въ католичество, но въ душѣ оставался свободномыслящимъ, если только онъ мыслить. Каролина знала эти подробности и съ нѣжностью смотрѣла на уваженіе, которое эта пламенная католичка умѣла соединять съ любовью къ своему мужу. Нужно припомнить, что Каролина, дочь человека слабого и сестра женщины еще болѣе слабой, обязана была твердостью своего духа прежде всего матери своей, которая была севонолкою, и затѣмъ первымъ наставленіямъ въ жизни, которыя дала ей Жюстина. Она ясно сознавала это, когда сидѣла между этими старыми супругами, строгія рѣчи и мысли которыхъ не возбуждали въ ней ни робости, ни удивленія. Ей казалось, что молоко этой монтаньярдки проникло ее до самыхъ костей и что она здѣсь какъ бы вмѣстѣ съ лицами, давно знакомыми ей по своему внутреннему существу.

— Друзья мои, сказала она, когда Жюстина принесла ей сливки вѣсто десерта, между тѣмъ какъ Пейракъ запивалъ свой супъ кружкою нагрѣтаго вина, за которымъ слѣдовала чашка черного кофе,—я обѣщала рассказать вамъ свою исторію; вотъ она въ двухъ словахъ: одинъ изъ сыновей моей старой барыни вздумалъ было жениться на мнѣ.

— Ну да! этому слѣдовало быть! сказала Жюстина.

— Ты права, потому что наши характеры и наши мысли сходились. Всякій могъ предвидѣть это, а я первая.

— И мать также! сказалъ Пейракъ.

— Никто не подозрѣвалъ, и сынъ очень удивилъ и огорчилъ свою мать, когда сказалъ ей, что любитъ меня.

— А вы? спросила Юстина.

— Я? Онъ никогда не говорилъ мнѣ объ этомъ, и такъ какъ я знала, что я не довольно знатна и не довольно богата для него, то я никогда не позволяла ему думать даже объ этомъ.

— Вотъ какъ, это хорошо, сказалъ Пейракъ.

— Да, правда! прибавила Юстина.

— И такъ я увидѣла, что не могу оставаться тамъ ни одного дня долѣе, и послѣ первыхъ оскорбительныхъ словъ матеря я уѣхала, не выдавъ сына; но этотъ послѣдній послѣдовалъ бы за мною, еслибъ я оставалась у сестры. Маркиза хотѣла удержать меня еще немного, чтобы заставить меня объясниться съ ея сыномъ, чтобы сказать ему, что я не любила его...

— Это, можетъ быть, и слѣдовало, сказалъ Пейракъ.

Каролина была поражена суровою логикою поселанина. Да, подумала она, нужно было довести свою твердость до этого.

Такъ какъ она молчала, то Юстина, озаренная ясновидѣніемъ сердца, строго сказала мужу: — Ну, оставь! Вишь, какъ разогнался! Знаешь ты, что она его не любитъ, бѣдное дитя!

— А! Это другое дѣло, продолжалъ Пейракъ, опустивъ задумчиво голову съ чувствомъ нѣжной любви.

Каролина чувствовала себя разстроенною до глубины своей души прямою этою наивною дружбою, которая однимъ словомъ затрогивала ея раны, какъ говорится, за живое. То, на что она не имѣла довольно силы и довѣрчивости, чтобы сказать сестрѣ, она чувствовала потребность излить въ глубоко сочувствующія сердца этихъ людей, которые читали въ ея душѣ. — Да! друзья мои, вы правы, сказала она, взявъ ихъ за руки; я не имѣла бы, можетъ быть, довольно силы, чтобы лгать, потому что, вопреки самой себѣ... Я люблю его!...

Лишь только она выговорила эти слова, она была объята страхомъ и оглядывалась кругомъ, какъ будто Урбанъ могъ быть здѣсь и подслушать ее; за тѣмъ она облилась слезами при мысли, что онъ никогда не услышитъ ея.

— Не ушивайте, дочь моя, Богъ поможетъ вамъ! сказалъ Пейракъ, вставая.

— И мы тоже поможемъ тебѣ, присвокупила Юстина, обвиняя ее. — Мы спрячемъ тебя, будемъ тебя любить и молиться за тебя! Она увела ее въ ея комнатку, раздѣла и положила спать, наблюдая съ материнскою заботливостью, чтобы ей было довольно тепло и чтобы не жгло ее солнце. За тѣмъ она пошла рассказать сосѣдкамъ о прибытіи къ ней Шарлоты изъ Бриуда, отвѣчала на всѣ ихъ разспросы, предувѣдомила ихъ о ея бѣлизнѣ и красотѣ, чтобы онѣ не были такъ удивлены. Она не забыла еще сказать, что бриудское нарѣчіе вовсе не похоже на монтаньярдское и что Шарлота не съумѣетъ говорить съ ними. — Ахъ! бѣдная, восклицали ея знакомыя, ей будетъ очень скучно у насъ!

Спустя недѣлю, послѣ того какъ Каролина извѣстила сестру о сво-

емъ прибытіи, она сообщила ей болѣе подробныя свѣдѣнія о своемъ новомъ образѣ жизни. Не нужно забывать, что, скрывая отъ сестры свое истинное горе, она старалась успокоить ее насчетъ себя, и даже старалась заглушать самое себя, принимая на себя видъ независимости духа, которая далеко не была, однакожь, такъ совершенна и дѣйствительна:

«...Ты не можешь вообразить себѣ, писала она сестрѣ, какими работами окружаютъ меня эти Пейраки! Жюстина по прежнему женщина съ ангельскимъ сердцемъ, которую ты знаешь и которую отецъ нашъ не могъ рѣшиться отлучить отъ насъ. Не мало значитъ и то, что мужъ стоитъ ей. Онъ даже имѣетъ больше ума, хотя онъ медленнѣе въ пониманіи; но то, что онъ понялъ, остается какъ бы вырѣзаннымъ на чистомъ мраморѣ. Клянусь тебѣ, что я ни минуты не скучаю съ ними. Я могла бы быть гораздо болѣе уединенною, потому что моя комнатка не имѣетъ никакого назначенія, и я могу мечтать здѣсь, не будучи никѣмъ обезконована; но я не имѣю надобности въ этомъ: я чувствую себя хорошо съ этими достойными людьми, чувствую, что я любима.

«Они, впрочемъ, имѣютъ довольно живости ума, какъ большая часть здѣшнихъ жителей. Они интересуются посторонними предметами и можно удивляться, что въ такой горной дикой глуши встрѣчаешь поселянъ, которые имѣютъ столько свѣдѣній, лежащихъ внѣ ихъ потребностей и привычекъ. Ихъ дѣти, сосѣди, друзья кажутся мнѣ смышленными, дѣятельными и честными, а Пейракъ говорилъ мнѣ, что въ деревняхъ, лежащихъ еще далѣе, существуетъ также довольно просвѣщенія.

«За то жители хижинъ, разбросанныхъ небольшими группами по горамъ, которые суть настоящіе поселяне, пастухи или земледѣльцы, живутъ въ апатіи, о которой нельзя представить себѣ и понятія. Третьяго дня я спросила одну женщину, какъ называется рѣчка, образующая во ста шагахъ отъ ея дома великолѣпный водопадъ. — *Это вода*, — отвѣтила она мнѣ. — Но эта вода имѣетъ имя? — Пойду спрошу у мужа; я сама не знаю; мы женщины называемъ всѣ рѣчки *водою*.

«Мужъ умѣлъ сказать мнѣ имя рѣки и водопада, но когда я спросила у него имена горъ, заслонявшихъ горизонтъ, онъ отвѣтилъ мнѣ, что ничего этого не видитъ и что онъ никогда не былъ тамъ.

«— Но вы слышали, что это Севены?

«— Можетъ быть. Тамъ, по ту сторону, находится Mezens и Gebier de Jones, но я ихъ не знаю.

«Я показала ихъ ему; ихъ довольно легко узнать; Мезенъ есть высочайшая изъ этихъ вершинъ, а Жербье есть красивый конусъ, заключающій, какъ говорятъ, въ своемъ кратерѣ тростникъ и болотныя растенія. Мой простакъ даже не взглянулъ на него; это рѣшительно не занимало его. За то онъ показалъ мнѣ пещеры *древнихъ дикарей*, т. е. родъ деревни, гальской или цельтической, выдолбленной въ скалѣ съ тѣми же предосторожностями, какія принимаютъ дикіе звѣри, чтобы скрыть свои логовища; потому что можно раз-

смотреть эту скалу и даже ходить по ней, и ничего не замечать, если не знаешь тропинки, ведущей въ эти ущелья и въ эти жилища. Ахъ! моя дорогая Камилла, не нохожу ли и я теперь немного на этихъ древнихъ дикарей, которые, опасаясь набѣговъ, прятались въ этихъ пещерахъ и искали своего спокойствія въ забвеніи ихъ всѣмъ міромъ?

«Во всякомъ случаѣ жители скалы сильно заставляютъ меня полагать, что они прямые потомки этихъ бѣдныхъ цельтовъ, спрятанные и какъ бы пригвожденные на своей скалѣ. Я смотрѣла на эту женщину съ босыми ногами и съ тупымъ выраженіемъ глазъ, волдыряю насъ по этимъ пещерамъ, и невольно спросила себя, вправду ли протекали три-четыре тысячи лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ ея раса получила свое происхожденіе въ этихъ скалахъ?

«Ты видишь что я прогуливаюсь и что благоразуміе не велитъ мнѣ оставаться взаперти, какъ ты полагала. Напротивъ, не имѣя здѣсь что читать, я чувствую потребность бѣгать и моя неусидчивость удивляетъ жителей Лантриака гораздо менѣе, чѣмъ мое таинственное удивленіе. Я здѣсь не могу опасаться встрѣтить кого нибудь. Ты видѣла, что я уѣхала въ одеждѣ, которая не можетъ привлечь ни малѣйшаго вниманія: Впрочемъ, я имѣю черную шерстяную шляпку, немого побольше, чѣмъ здѣсь носятъ, и она защищаетъ мнѣ лицо отъ солнца. Въ случаѣ надобности, я могу спрятать ее подъ своимъ кашономъ, который я взяла съ собою и который вѣтряная погода не позволяетъ откладывать на прогулкѣ. Я не совсѣмъ похожа на здѣшнихъ женщинъ, но ничто въ моей физиономіи не возбуждаетъ никакого впечатлѣнія въ тѣхъ мѣстахъ, по которымъ я хожу.

«Впрочемъ я имѣю для прогулки предлогъ, который устраняетъ все: Жюстина производитъ мелочную торговлю и отдаетъ мнѣ свою коробку, съ которою я хожу, между тѣмъ какъ Пейракъ, въ качествѣ ветеринара, ходитъ осматривать животныхъ. Это даетъ мнѣ возможность посѣщать дома и наблюдать нравы и обычаи страны. Я ничего не продаю, потому что здѣшнія женщины такъ заняты своимъ производствомъ кружевъ, что онѣ не починаютъ ничего ни у своихъ мужей, ни у дѣтей, ни у самихъ себя. Здѣсь торжество лодмотьевъ, носимыхъ съ гордостью. Набожность такъ экзальтирована, что исключаетъ всякое матеріальное благосостояніе, даже всякую опрятность, какъ какое то нечестивое извѣщество. Скупость находится здѣсь свой расчетъ также и кокетство, потому что еслибы Жюстина дала мнѣ продавать драгоценности, я скоро нашла бы покупателей, гораздо болѣе охотныхъ къ этому, чѣмъ къ полотну и баннамъ.

«Всѣ онѣ готовятъ здѣсь тѣ удивительныя кружева изъ крученого шелка, черныя и бѣлыя, которыя ты видѣла, когда Жюстина ихъ дѣлала у насъ. Удивляешься, видя здѣсь въ горахъ, эти произведенія феи, выходящія изъ рукъ этихъ бѣдныхъ созданій, а ничтожныя заработки ихъ поражаютъ путешественника. Онѣ съ радостью отдали бы за двадцать су то, что въ Парижѣ продается за двадцать франковъ, если бы имъ дозволено было сноситься съ

потребителемъ; но это строго воспрещено. Подъ предлогомъ доставки шолку, нитокъ и моделей, промышленникъ завладѣваетъ ихъ трудомъ, которому онъ самъ назначаетъ цѣну. Напрасно вы предложите поселянкѣ доставлять ей матерьялы и платить ей дороже. Бѣдная женщина улыбнется, посмотритъ на деньги, покачаетъ головою и отвѣтитъ вамъ, что для того, чтобы воспользоваться щедростью человѣка, который не будетъ давать ей постоянно работу и котораго она, быть можетъ, не увидитъ болѣе, она не хочетъ рисковать потерять заказы *своего хозяина*. Кромѣ того, всѣ эти женщины набожны или притворяются таковыми. Искренно набожны изъ нихъ покланялись Святою Дѣвою и святыми не продавать ничего стороннимъ, и волею-не-волею должны уважать святость даннаго слова. Тѣ, которыя притворно набожны, — а ихъ больше чѣмъ это полагають—видятъ себя постоянно во власти и на глазахъ латоровъ монаховъ, монахинь и семинаристовъ, которыми страна эта въ полномъ смыслѣ засѣяна и наполнена, до самыхъ необитаемыхъ мѣстностей. Монастыри даютъ работу и здѣсь, какъ вездѣ, на условіяхъ, еще болѣе прибыльныхъ, чѣмъ промышленники. Можно видѣть, какъ до самой церковной паперти сидятъ въ кружокъ артели поселанокъ, качая свои катушки и нашептывая молитвы по-латыни, что не мѣшаетъ имъ жадно разсматривать проходящихъ и обмѣниваться замѣчаніями, отвѣчая въ тоже время ога рго повіс сидящей тутъ монахинѣ, сѣрой, черной или бѣлой, наблюдающей за работою и псалмопѣніемъ.

«Вообще, однакожъ, женщины эти добры и гостепріимны. Дѣти ихъ занимають меня, и когда я нахожу больное дитя, то бываю очень рада, что могу указать первую помощь, которую слѣдуетъ подать. Здѣсь существуетъ въ этомъ отношеніи величайшее невѣжество или пренебреженіе. Материнское чувство здѣсь болѣе страстно, чѣмъ вѣжко. Вамъ, кажется, хотять сказать, что дѣти созданы только на то, чтобы страдать.

«Занятія Пейрака, пользующагося здѣсь невѣдностью, вводятъ насъ въ самыя недоступныя мѣстности здѣшнихъ горъ, и я имѣю случай видѣть прелестнѣйшія мѣста въ свѣтѣ, потому что эта страна для меня какъ будто мечта.... И жизнь моя тоже страшная мечта, не такъ ли?

«Нашъ способъ путешествовать, есть одинъ изъ самыхъ незатѣпливыхъ. Пейракъ имѣетъ какую-ко повозочку, которую ему угодно называть одноколкою, въ уваженіе того, что она имѣетъ полетяную покрывку, которая имѣетъ претензію укрывать насъ. Онъ запрягаетъ въ эту возницу то маленькаго и бойкаго мула, то свою лошадку, быструю и кроткую, которая, подобно своему хозяину, имѣетъ только шкуру да кости и которая подобно ему не отступаетъ ни прядь чѣмъ. Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ старшій сынъ Юстины возвратясь изъ полка, гдѣ онъ ковалъ артиллерійскихъ лошадей, продолжаетъ свои занятія въ родительскомъ домѣ, а съ Пейракомъ, бѣгаю по горамъ, по доламъ, какава бы ни была непогода. Юстина увѣрять, что это такъ хорошо для меня, что я должна

остаться у нея навсегда, и она увѣряетъ, что она найдетъ для меня возможность зарабатывать наме пропитаніе, не унижаясь предъ знатными барынями.

«Увы! Я не чувствовала себя униженною, доколѣ считала себя люмою, и, кромѣ того, я и сама любила! Повѣришь ли ты, что я не только чувствую печаль отъ того, что меня не благословляетъ болѣе каждое утро рука этой несчастной старой маркизы, но я беспокоюсь, я боюсь за нее самоѣ, какъ будто догадываясь, что она не можетъ обойтись безъ меня. Ахъ! Дай Богъ, чтобы она забыла уже меня скоро и чтобы она замѣнила меня уже кѣмъ нибудь, менѣе пагубнымъ для ея спокойствія! Но будутъ ли, говоря по совѣсти, заботиться о ней такъ, какъ я о ней заботилась? Сдѣлаютъ ли отъзывать ея капризы, прогнать скуку ея досуга, говорить ей о ея дѣтяхъ такъ, какъ она желаетъ слышать о нихъ? Прибывъ сюда, я полными легкими вдыхала въ себя этотъ свѣжій воздухъ, любовалась этою суровою и величественною природою, котэрую я такъ желала узнать. Я думала себѣ: вотъ я наконецъ свободна! Буду ходить, куда захочу; буду говорить сколько мнѣ заблагоразсудится, не буду больше писать девять разъ въ день одно и тоже письмо девяти различнымъ лицамъ, не буду больше жить въ теплицѣ, не буду болѣе вдыхать ѣдкій запахъ цвѣтовъ, добытый химическими процессами, или полусогнившихъ растений. На чистомъ воздухѣ я буду вдыхать безыскусственный запахъ боярышника и серполета... Да! я говорила себѣ все это и не могла, однакожъ, веселиться! Мнѣ представлялась моя бѣдная маркиза печальною и одинокою, плачущею, быть можетъ, о томъ, за чѣмъ она заставила меня проливать столько слезъ!

«Но она хотѣла этого, и, видно, такъ слѣдовало! Я не имѣю права упрекать ее за минуту несправедливости и досады. Мать думала только о своемъ сынѣ, а такой сынъ заслуживаетъ, чтобы мать жертвовала ему всѣмъ. Быть можетъ она находитъ меня неблагодарною и жестокою за то, что я не послѣдовала ея намѣреніямъ, и я часто сама себя спрашиваю, не должна ли я была сообразоваться съ ними? но я отвѣчаю себѣ, что это не повело бы ни къ чему. Маркизъ де-В... не изъ тѣхъ людей, отъ которыхъ можно отдѣлаться нѣсколькими пошлыми словами холодности и равнодушія. Сверхъ того на подобное обращеніе нельзя имѣть права относительно человѣка, который, будучи далеко отъ того, чтобы объясниться вамъ, окружаетъ васъ такимъ уваженіемъ и нѣжнѣйшею любовью. Напрасно я придумываю какой азыкъ, полунѣжный и полухолодный, могла бы я употребить, чтобы сказать ему въ какой степени мнѣ одинаково свято счастье его и его матери,—я не чувствую себя способною на это. Или истинная дружба, которую я питаю къ нему, заставила бы его предполагать, что я жертвую собою долгу, или моя твердость оскорбила бы его, какъ показная добротѣтель, къ которой онъ никогда не давалъ мнѣ повода прибѣгать, какъ къ защитѣ противъ него... Нѣтъ, нѣтъ! Это было невозможно, этому не слѣдовало быть!

«Я кажется догадалась, что маркиза настроила бы меня сказать

ему, что я не свободна, что я люблю другаго. Боже мой! Пусть она выдумываетъ теперь все, что ей угодно! Пусть губить она мою жизнь, мою честь, коли ей это нужно! Я уступила ей поле; но что касается меня, то я не могла бы выдумать романъ на этотъ случай. Развѣ его можно было обмануть этимъ?

«Камилла, ты увидишь его еще, ты безъ сомнѣнія увидѣла уже его послѣ перваго визита, когда тебѣ, какъ ты признаешься, стоило не малаго труда сыграть свою роль. Ты говоришь, что тебѣ въ высшей степени жаль было его: онъ былъ какъ помѣшанный... Онъ, безъ сомнѣнія, успокоился теперь. Онъ имѣетъ столько твердости духа и онъ долженъ хорошо понимать, что я не могу увидѣть его! Однакожь, будь осторожна! Онъ очень прозорливъ. Скажи ему, что я очень холодная душа... Нѣтъ, не то! Онъ этому не повѣритъ... Говори ему о моеи гордости, которая непобѣдима! О! что касается этого, то я горда, я чувствую это! И еслибъ я не была горда, была ли бы я достойна его любви?

«Быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ хотѣли, чтобы я сдѣлалась недостойною его уваженія,—конечно не мать. О! она, нѣтъ, никогда! Она слишкомъ честна, набожна и непорочна; но герцогъ! Теперь только я понимаю многое, чего прежде не понимала и что теперь представляется мнѣ въ новомъ свѣтѣ. Герцогъ очень добръ, онъ обожаетъ своего брата; я надѣюсь, что жена его, которая настоящій ангелъ, исправитъ его жизнь и его помыслы; но въ Севалѣ, когда онъ уговаривалъ спасти его брата во что бы то ни стало... Теперь только я подумала объ этомъ... И краска бросается мнѣ въ лицо!

«Ахъ! Пусть дадутъ мнѣ укрыться, пусть дадутъ мнѣ забыть все это! Я считала себя въ теченіе цѣлаго года весьма спокойною, весьма счастливою, весьма достойною — и вотъ одинъ день, одна часть все испортили! Словомъ г-жа де-Вильмеръ отравила всѣ мои воспоминанія, которыя я хотѣла унести съ собою чистыми и которыя, я не смѣю теперь пробуждать. Да, Камилла, ты была права, говоря мнѣ когда-то, что не нужно быть слишкомъ простосердечной и что я бросаюсь въ жизненные приключенія слишкомъ по донкихотски. Это послужитъ мнѣ урокомъ, и я буду избѣгать дружбы, какъ и любви! Я спрашиваю себя, зачѣмъ я не прерву всѣ связи съ этимъ міромъ, полнымъ опасности и обмана? зачѣмъ я не приму своего бѣдствія съ большею твердостью, чѣмъ теперь? Я могла бы найти средства къ жизни въ этой странѣ, еще слишкомъ отсталой относительно цивилизаціи. Мнѣ невозможно будетъ сдѣлаться здѣсь учительницею, какъ полагала это Жюстина въ прошломъ году: духовенство завладѣло всѣмъ, и монахини не позволяютъ мнѣ обучать даже здѣсь, въ Жантріакѣ; но я могу найти уроки въ какомъ нибудь городѣ, или помѣститься въ какой нибудь торговый домъ.

«Прежде всего мнѣ нужно быть увѣренною, что меня тамъ забыли а за тѣмъ нужно подумать о нашихъ дѣтяхъ и они уже заботятъ меня заранѣе. Будь спокойна. Я не пропаду, а съумѣю восторжествовать надъ злою судьбой. Ты знаешь, что я не убожничая

себя и что я не могу потерять бодрость. Тебѣ хватитъ еще денегъ на два мѣсяца, а я здѣсь ни въ чемъ не нуждаюсь, не мучь себя, будемъ надѣяться на Бога, какъ ты можешь надѣяться на любящую тебя сестру »

Часть пятая.

XXII.

Каролина справедливо опасалась, что маркизь будетъ развѣдывать объ ней у сестры ея. Онъ уже два раза былъ въ Этампѣ, и очень хорошо понимая, что деликатность запрещала ему все, что только походило на распросы, онъ ограничивался тѣмъ, что наблюдалъ за Камиллою и объяснялъ себѣ ея молчаніе. На основаніи всего этого онъ былъ почти увѣренъ, что г-жа Гейдебертъ знала убѣжище сестры и что отсутствіе ея не причиняло ей ни малѣйшаго безпокойства. Камилла держала въ запасѣ письмо, въ которомъ Каролина говорила, что нашла себѣ мѣсто внѣ Франціи. Но она не показывала его маркизу, она видѣла столько скорби и страданія въ его измѣнившихся чертахъ, что не смѣла нанести такой сильной ударъ благодѣтелю и покровителю своихъ дѣтей. И потомъ, г-жа Гейдебертъ не раздѣляла всѣхъ сомнѣній Каролины и не понимала ея гордости въ этомъ случаѣ. По ея мнѣнію, вовсе не было большимъ преступленіемъ пренебречь неудовольствіемъ маркизы и сдѣлаться ея невѣсткой. Если, думала она, предложенія маркиза были такъ серьезны, если мать любить его настолько, что не смѣетъ явно противорѣчить ему, если наконецъ онъ полный распорядитель своего состоянія, то я не вижу, почему бы Каролинѣ не употребить всего своего вліянія надъ старухой, всей силы своего убѣжденія, всѣхъ своихъ собственныхъ достоинствъ, чтобы мало по малу склонить ее къ этому браку..... Право.. бѣдная моя Каролина, при всей своей твердости характера, при всей преданности къ намъ, слишкомъ романична. Она готова убить себя, чтобы обезпечить наше существованіе, между тѣмъ какъ съ небольшимъ терпѣніемъ и ловкостью, она бы могла быть счастлива и насъ сдѣлать счастливыми. Маркизь чувствовалъ, что г-жа Гейдебертъ дѣлала робкіе намѣки насчетъ этого обстоятельства, и что ей все было извѣстно. Онъ сдѣлался съ ней болѣе откровененъ и Камилла, ободрившись, спросила его, твердо ли онъ рѣшился жениться на Каролинѣ въ случаѣ, еслибъ старая маркиза и оставалась непреклонной. Казалось, она была готова высказать свою тайну, еслибъ только маркизь далъ ей въ этомъ случаѣ утвердительный отвѣтъ. «Еслибъ я былъ увѣренъ въ любви М-ле де Сеть-Женексъ, отвѣчалъ онъ не колеблясь, еслибъ счастье ея зависѣло отъ моей рѣшительности, то я во что бы то ни стало съумѣлъ уговорить матушку, но вы не даете мнѣ никакой надежды. Дайте мнѣ ее, и тогда вы увидите....

— Я? проговорила Камилла сконфузись. Она не рѣшилась говорить, хотя и угадывала почти тайну сестры. Но Каролина такъ защищалась всегда противъ нея, не прибѣгая для этого ко лжи, а просто не допуская спрашивать себя, что г-жа Гейдебертъ не рѣшалась скомпрометировать ее своей нескромностью.— Вотъ уже чего не знаю, такъ не знаю, возразила она. Каролина обладаетъ такую твердую душу, что иногда трудно проникнуть въ нее.

— Вслѣдствіе этой твердости душевной, проговорилъ маркизъ, она конечно никогда не согласится принять мое имя, не получивъ на то искренняго благословенія моей матери. Это я знаю лучше васъ, и потому не говорите мнѣ ничего; я долженъ тутъ дѣйствовать одинъ. Я прошу васъ только объ одномъ: позволить мнѣ заботиться о существованіи вашемъ и вашихъ дѣтей до новаго порядка, и даже.... да, я осмѣлюсь вамъ высказать это! Я страшно боюсь, чтобы М-Ле де Сентъ-Женексъ не пришлось испытать нужды и лишеній, которыя заставляютъ меня трепетать... Избавьте меня отъ этой тревоги, позвольте мнѣ оставить вамъ сумму, которую вы мнѣ возвратите, если только она не будетъ нужна. Въ случаѣ же необходимости перешлете ей отъ своего имени.

— О! Это совершенно невозможно, отвѣчала Камилла: она догадается и никогда не проститъ мнѣ, что я согласилась взять эти деньги.

— Я вижу, что вы очень ее боитесь?

— Я, боюсь ее, какъ всѣхъ тѣхъ, кого уважаешь.

— Значитъ это такъ же какъ и я! отвѣчалъ маркизъ. Я боюсь ее такъ, что даже не смѣю и искать ее, хотя и долженъ или найти ее, или умереть..

Спусти немного времени, маркизъ имѣлъ съ матерью довольно рѣзкое объясненіе. Онъ очень хорошо видѣлъ, что она страдала, тосковала и сожалѣла о Каролинѣ въ тысячу разъ болѣе, чѣмъ признавалась въ томъ, и хотя и рѣшился было выждать болѣе удобную минуту, чтобы поговорить съ ней объ этомъ, однако объясненіе случилось совершенно помимо его собственной воли и воли маркизы. Положеніе было слишкомъ натянутое и не могло продолжаться болѣе. Г-жа де Вильмеръ призналась, что, почувствовавъ внезапное предубѣжденіе противъ Каролины, и именно въ минуту, когда хотѣла сдержать свое слово — дала ей почувствовать, что это ее сильно огорчаетъ. Распрашиваемая мало по малу маркизомъ, она объявила ему, что Каролина сдѣлала, по ея мнѣнію, весьма извинительный проступокъ, но который однако дѣлаетъ совершенно невозможнымъ, чтобы она когда нибудь сдѣлалась ея дочерью. Маркизъ вспыхнулъ.

— Это безчеловѣчная ложь! воскликнулъ онъ въ себя, низкая ложь и вы могли ей повѣрить! Значитъ, это было выдуманно очень ловко и очень смѣло. Матушка, вы должны мнѣ все рассказать, потому что я рѣшительно не хочу позволить обманывать себя.

— Нѣтъ, мой милый, я ничего тебѣ болѣе не скажу, отвѣчала г-жа де Вильмеръ съ твердостью:— и каждое слово, которое ты еще

прибавить еще, я приму, какъ за недостатокъ любви и почтенія ко мнѣ. И такъ маркиза оставалась непроницаема; она дала Леонѣ честное слово не выдавать ея, и сверхъ того ни за что на свѣтѣ не хотѣла посягать раздоръ между сыновьями своими. Герцогъ такъ часто говорилъ ей въ присутствіи маркиза, что никогда онъ не искалъ и не видалъ ни одного ласковаго взгляда отъ Каролины! Этой лжи, думала маркиза, Урбанъ никогда не проститъ брату; между тѣмъ онъ сдѣлалъ герцога своимъ повѣреннымъ и тотъ принимаетъ участіе въ его горѣ и заставляетъ свою жену отыскивать Каролину во всѣхъ монастыряхъ Парижа. Онъ молчитъ, думала маркиза, онъ не отвлекаетъ жены и брата отъ этого сумасбродства, тогда какъ покрайней мѣрѣ долженъ былъ бы открыть маркизу прошедшее, чтобы исцѣлить его! Слѣдовательно теперь уже поздно рисковать подобными признаніями, и открывъ все это я только возстановлю ихъ другъ противъ друга.

Каролина писала сестрѣ:

«Тебя пугаетъ», что я теперь въ такой опасной мѣстности и ты спрашиваешь меня, что здѣсь есть такого, чтобы могло привлекать сюда. Во первыхъ, для меня здѣсь рѣшительно нѣтъ никакой опасности подъ руководствомъ добраго Пейрака. Дороги, столь ужасныя и непроходимыя для нашихъ экипажей, какъ разъ приходится для проѣзда маленькихъ здѣшнихъ телѣжекъ. Сверхъ того Пейракъ очень остороженъ. Когда онъ не можетъ довольно вѣрно угадать на глазомѣръ ширину дороги, то для того, чтобы удостовѣриться въ томъ, онъ употребляетъ особеннаго рода приемъ, который заставилъ меня очень смѣяться, когда въ первый разъ я увидала его. Онъ отдаетъ мнѣ возжи, слѣзаетъ съ телѣги, беретъ свой кнутъ, на деревянной ручкѣ котораго замѣчена настоящая ширина телѣжки, идетъ впередъ и размѣриваетъ дорогу, лежащую между утесомъ и пропастью, а иногда между пропастью съ права и пропастью съ лѣва. Если дорога шире на цѣлый сантиметръ противъ того, сколько намъ нужно, онъ съ торжествомъ возвращается и мы проворно проѣзжаемъ. Если же намъ не достааетъ этого сантиметра, то онъ заставляеть меня сойти и проводить телѣжку, держа лошадей подъ уздцы. Ко всему этому такъ скоро привыкаешь, что теперь даже я и не думаю объ этомъ. Здѣшнія лошади не пугливы и не капризны. Онѣ такъ же хорошо понимаютъ опасности, какъ и мы, и несчастные случаи здѣсь бываютъ такъ же рѣдко, какъ и въ равнинахъ. Вѣроятно въ первыхъ моихъ письмахъ я увеличила тебѣ опасность этихъ поѣздокъ. Что касается до красотъ Веле, то я никогда не въ состояніи буду тебѣ описать ихъ. Я и не воображала, чтобы во Франціи могли быть такія странныя и величественныя мѣста. Это прекраснѣе Оверна, который я проѣзжала на моемъ пути сюда. Городъ Шюа выстроенъ на чудной мѣстности. Онъ возвышается на лавѣ, которая какъ бы составляетъ часть его зданій. Массы этой лавы похожи на зданія великановъ, по бокамъ которыхъ человекъ разбросалъ аиногда и по вершинамъ своихъ домики. Соборная церковь въ прелестномъ романскомъ

вкусъ построена на утесѣ одинаковаго съ нею цвѣта, и только отдѣляется отъ него бѣлыми и голубыми мозаиками фронтона. Цѣлая гора ступеней ведетъ къ ея входу, такъ что даже голова кружится. Внутренность ея величественна, по своему изящному и религіозному стилю. Никогда еще я не понимала такъ и не чувствовала всего ужаса среднихъ вѣковъ, какъ это случилось со мною подъ этими черными и обнаженными сводами, подъ этими грозными куполами. Была ужасная гроза въ то время, когда я вошла въ церковь. Молнія адскимъ свѣтомъ прорѣзывалась въ чудныя стекла рамъ, которыя словно сыпали разноцвѣтные камни на стѣны и плиты. Громъ грохоталъ и раскаты его, казалось, выходили изъ самаго алтаря. Это былъ Иегова во всемъ своемъ гнѣвѣ, ... но это рѣшительно не испугало меня: истинный Богъ, которому мы поклоняемся не грозенъ для слабыхъ. Я молилась ему тутъ съ полнымъ довѣріемъ и чувствовала, что послѣ сдѣлалась какъ бы лучше. Что же касается этихъ чудныхъ храмовъ, грубыхъ и дикихъ временъ вѣры, то очень понятно, что они служатъ выраженіемъ великаго названія *таинства*, завѣсу котораго было запрещено приподымать...

«Ты видишь, что благодаря желанію добраго Пейрака показать мнѣ чудеса Веле, благодаря также моей непроницаемой шляпкѣ, я рискнула осмотрѣть городъ и его окрестности. Самъ городъ въ полномъ смыслѣ городъ среднихъ вѣковъ, наполненный церквами и монастырями. Соборъ съ боку прикрытъ множествомъ древнихъ построекъ, гдѣ подъ таинственными аркадами виднѣются монастыри, сады, лѣтницы и нѣмыя тѣни, которыя движутся въ своихъ рясахъ. Тутъ царствуетъ какое-то странное молчаніе и какъ бы вѣтъ на васъ прошедшимъ, отъ котораго вы чувствуете дрожь и страхъ; но не страхъ Бога, источника упованія и свободы души, а всего того, что во имя Бога старается здѣсь разрушать связи и обязанности человека къ обществу. Я помню, что у насъ въ монастырѣ монашеская жизнь казалась мнѣ пріятной. Здѣсь же она мрачна, такъ что дрожь беретъ.

«Отъ собора по крайней мѣрѣ часть спускаешься, чтобы достигнуть предмѣстья д'Эгюиль, гдѣ возвышается другой памятникъ природы и исторіи, самый странный какой гдѣ либо существуетъ. Это вулканическая голова сахару, вышиною въ триста футовъ, на которую всходишь по круглой лѣсенкѣ до маленькой прелестной византійской часовенки, выстроенной, какъ говорятъ, на самомъ мѣстѣ и изъ самыхъ развалинъ храма Діаны.

«Тутъ разсказывается легенда, которая поразила меня. Молодая лѣвущка христіанка, преслѣдуемая язычникомъ, чтобы спастись отъ него сбросилась съ самой вышины платформы, но тотчасъ же встала, не почувствовавъ ни малѣйшаго вреда. Чудо это надѣлало большаго шума. Ее признали святой. Гордость проникла въ сердце ея, она общала снова броситься, чтобы показать, что ей каждочасно покровительствуютъ ангелы; но на этотъ разъ небо оставило ее, и она разбилась подобно тщеславному идолу...

«Гордость! да, Богъ оставляетъ гордыхъ на собственный ихъ про-

наволъ. А безъ Него, что могутъ они сдѣлать... Но не говори мнѣ, что и во мнѣ есть гордость... Нѣтъ, это не то! Я никому не хочу ничего доказывать. Я прошу только, чтобы меня позабыли, и чтобы я не была причиною страданій другихъ.

«Подлѣ Шюа есть деревенька, которая составляетъ часть его великолѣпнаго пейзажа и тоже возвышается на одномъ изъ этихъ чудныхъ и уединенныхъ утесовъ, которые здѣсь на каждомъ шагѣ выдаются изъ земли. Деревенька эта называется Еспали, а на утесѣ этомъ еще находится развалины феодальнаго замка и кельтическихъ гротовъ. Въ одномъ изъ этихъ гротовъ живетъ старая чета, нищета которой раздираетъ сердца. Бѣдные эти люди живутъ въ совершенной нищерѣ, отверсгіе которой служитъ имъ и трубою и окномъ. Ночью во время зimy дверь закрывается соломой, а лѣтомъ завѣшивается юбкой старухи. Старая врать безъ матрасовъ и простынь, двѣ скамейки, маленькая желѣзная лампа, прѣлка, два или три глиняные горшка, вотъ и вся мебель. Между тѣмъ въ двухъ шагахъ отъ этого мѣста, находится обширный и роскошный домъ іезуитовъ, который называется Параді. Внизу утеса протекаетъ ручеекъ, въ пескѣ котораго попадаются множество разнообразныхъ камешковъ. Старушка продала мнѣ за двадцать су цѣлую пригоршню гранатовъ, сафировъ и гіацинтовъ, которые я берегу для Лили. Камешки эти слѣшкомъ малы, чтобы имѣть какую нибудь цѣнность, но въ утесахъ этихъ вѣроятно есть драгоценные камни. Очень можетъ быть, что отцы іезуиты откроютъ ихъ; я же не рассчитываю на подобную находку, и потому должна позаботиться о присканіи себѣ работы. Пейраку пришла мысль, о которой онъ уже нѣсколько дней какъ говоритъ мнѣ, и которая пришла ему въ голову именно на этомъ утесѣ Еспали, и вотъ какимъ образомъ.

«Прогуливаясь по этому утесу, я увидѣла ребенка, который мнѣ ужасно понравился. Онъ игралъ на колѣняхъ красивой, здоровой и неселой крестьянки По симпатіи, которую внушило мнѣ это дитя, я могу сравнить его только съ Шарло. Но онъ не похожъ на него лицомъ, и обладаетъ только тѣми вкрадчивыми и робкими ласками, посредствомъ которыхъ Шарло сдѣлаетъ изъ тебя свою рабу. Я спросила объ этомъ ребенкѣ Пейрака, замѣтивъ ему, что дитя очень ужъ опрятно содержится, и что мать его вѣроятно не плететъ кружкововъ, а единственно занимается имъ однимъ, какъ бы угадывая, что она обладаетъ сокровищемъ, Пейракъ отвѣчалъ мнѣ на это: — Вы говорите справедливо. Ребенокъ этотъ настоящее сокровище для Рокебертъ. Если вы спросите у нея чье это дитя, она вамъ отвѣтитъ, что это сынокъ ея сестры, которая живетъ въ Клермонѣ; но это несправедливо: ребенокъ этотъ былъ отданъ ей однимъ господиномъ, котораго никто не знаетъ, который платитъ ей за то, что она его кормитъ и платитъ ей еще за то, чтобы она какъ можно старательнѣе за нимъ ходила, какъ будто бы ребенокъ этотъ былъ герцогскій сынъ. Потому-то самому вы и видите, что женщина эта хорошо одѣта и не занимается работою. Она и прежде еще того жила въ довольствѣ. Мужъ ея сторожъ замка Полиньякъ, бапню и развалины

котораго вы можете видѣть отсюда вотъ на этомъ утесѣ, который еще громаднѣе и выше утеса Еспали. Она живетъ тамъ и если вы видите ее здѣсь, то это потому, что у нея очень много свободнаго времени для прогулокъ. Родная мать ребенка должно быть умерла, потому что о ней никогда ничего не слыхать. Но отецъ бываетъ здѣсь, чтобы навѣстить сына, дать денегъ и позаботиться, чтобы малютка ни въ чемъ не нуждался.

«Изъ этого ты видишь, моя милая Камилла, что тутъ цѣлый романъ,—что по преимуществу, можетъ быть, и привлекло меня къ этому ребенку. Вѣдь по твоему я такая романическая женщина. Однако тутъ вѣрно одно, что мальчикъ этотъ имѣетъ въ себѣ что-то такое, что овладѣваетъ воображеніемъ. Онъ не слишкомъ крѣпкаго сложенія, и говорятъ, что когда его привезли сюда, то въ немъ едва душа держалась; теперь же онъ такой свѣженькій; горный воздухъ очень полезенъ ему, такъ что отецъ, пріѣзжавшій за нимъ годъ тому назадъ, рѣшился оставить его еще на годъ, чтобы дать ему укрѣпиться окончательно. У малютки этого такое мечтательное, ангельское личико, а глаза съ такимъ выраженіемъ, котораго не бываетъ у дѣтей его возраста, при этомъ удивительно изящныя манеры. Видя мой восторгъ, Пейракъ почесалъ себѣ голову и глубокомысленно проговорилъ: — Скажите мнѣ, пожалуйста, если вы такъ любите маленькихъ дѣтей, то почему бы вамъ вмѣсто того, чтобы занимать должность компаньонки, что очень утомительно, почему бы вамъ не взять къ себѣ вотъ такаго бы маленькаго пансіонера, котораго вы и воспитывали бы у вашей сестры вмѣстѣ съ другими дѣтьми. Это бы дало вамъ возможность остаться въ вашей семьѣ и не нѣмбнять вашихъ привычекъ.

— Но ты забываешь, мой добрый Пейракъ, что можетъ быть мнѣ еще не скоро можно будетъ показаться къ сестрѣ.

— Въ такомъ случаѣ, сестра ваша переѣдетъ жить сюда или же вы останетесь у насъ на годъ или на два. Жена моя подсобитъ вамъ ухаживать за ребенкомъ, а вы будете только надзирать за нимъ и учить его... Знаете что! Я даже имѣю виды на этого самаго малютку, если ужъ онъ такъ вамъ нравится. Отецъ его долженъ скоро пріѣхать за нимъ. Что, если я ему поговорю объ васъ?

— Значитъ, ты знаешь его?

— Я какъ-то разъ былъ у него проводникомъ и на своей тележкѣ возилъ его осматривать горы. Онъ, какъ мнѣ показалось, славный малый, только очень молодъ чтобы взять на себя трудъ воспитать трехлѣтняго ребенка. Ему необходимо будетъ отдать его на попеченіе женщины, а оставлять у Рокебертовъ нельзя болѣе, потому что они не въ состояніи выучить ничему, что необходимо знать такому мальчику. Это бы было уже вашимъ дѣломъ и никогда отецъ не встрѣтитъ для своего ребенка такой доброй матери, какъ вы. Надѣйтесь же, надѣйтесь, (что значитъ подождите.) Я буду сторожить пріѣздъ этого господина и съ умѣю поговорить съ нимъ какъ нужно.

«Я оставляю доброму Пейраку утѣшаться этимъ планомъ, рано какъ и Жюстинѣ, сама же не рассчитываю на него, угадывая заранѣе, что

это таинственное лицо, которое сюда ожидаютъ, станетъ распрашивать обо мнѣ, а я не захочу удовлетворять его любопытству, не увѣришисъ сначала, что онъ совершенно не знаетъ тѣхъ людей отъ которыхъ я хочу скрыть мое убѣжище.

«Но тѣмъ не менѣе мысль Пейрака очень хороша сама по себѣ. Взять къ себѣ на воспитаніе ребенка мнѣ гораздо бы было пріятнѣе, чѣмъ снова поступить въ какое нибудь постороннее семейство. Мнѣ бы было гораздо лучше взять къ себѣ дѣвочку, чѣмъ мальчика, потому что дѣвочка могла бы оставаться у меня долѣе; но безъ сомнѣнія тутъ выбора не можетъ быть, потому что подобныхъ дѣтей любви, скрываемыхъ своими родителями, не легко отыскать. И потому, необходимо, чтобы я пользовалась полною довѣренностью, и чтобы меня хорошо знали. Г-жа д'Арнлядъ, которой извѣстны всѣ свѣтскія тайны, могла бы пособить мнѣ въ этомъ намѣреніи; однако я не желаю болѣе обращаться къ ней; она, пожалуй, снова принесетъ мнѣ несчастіе».

XXIII.

Нѣсколько дней спустя Каролина снова писала сестрѣ.

Полиньякъ, 18-го Мая.

Дней пять уже, какъ я поселилась въ одной изъ самыхъ величественныхъ развалинъ феодализма, у вершины одной изъ громадныхъ глыбъ черной лавы, о которыхъ я говорила тебѣ по поводу Пюи и Вспали. Ты пожалуй, подумаешь, что положеніе мое измѣнилось и что мечта моя осуществилась. Нѣтъ; хоть я и нахожусь теперь подле маленькаго Дидьо, но взяла это на себя нѣсколько произвольно по собственному только желанію, потому что отецъ или покровитель его еще не являлся. Вотъ что случилось:

«Мнѣ захотѣлось снова увидѣть ребенка, захотѣлось также разузнать кое что объ немъ и наконецъ разсмотрѣть вблизи этотъ замокъ Полиньякъ, который издали представляется чѣмъ-то въ родѣ города великановъ на какомъ то адскомъ утѣсѣ. Это самая укрѣпленная цитадель во всей странѣ, оставшаяся отъ среднихъ вѣковъ, она была гнѣздомъ той ужасной расы коршуновъ, опустошенія которыхъ заставляли трепетать и Веле, и Форецъ, и Овернь. Прежніе владѣльцы замка оставили повсюду въ этихъ провинціяхъ воспоминанія и преданія, не уступающія легендамъ о людюбдахъ и Синей-бородѣ. Эти феодальные тираны грабили проходящихъ, разоряли церкви, рѣзали монаховъ, похищали женщинъ, поджигали деревни, и такимъ образомъ эти занятія переходили отъ отца къ сыну въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Въ сочиненіи маркиза де Вильмеръ есть цѣлая глава, въ которой онъ, между прочимъ, говоритъ, что потомки фамиліи Полиньякъ, конечно совершенно невинные въ преступленіяхъ своихъ предковъ, какъ-бы искупаютъ своими несчастіями кровожадное торжество своихъ предшественниковъ. Крѣпость замка была въ свое время неодолима. Утесъ со всѣхъ сторонъ возвышается остроконечно. Деревня расположена внизу на скалѣ, которую под-

держиваетъ масса лавы. Это довольно далеко отъ Лантріака. Непроходимые овраги дѣлаютъ разстояніе значительнымъ. Не смотря на то, выѣхавъ въ пропалый вторникъ рано утромъ, мы къ полудню были уже на мѣстѣ и наша маленькая лошадка подвезла насъ къ самому въѣзду въ замокъ. Тутъ Пейракъ оставилъ меня, чтобы заняться своей лошадейю; а я пошла. Двери мнѣ отворила дѣвочка лѣтъ десяти и когда я спросила Рокебертъ, то ребенокъ со слезами отвѣчалъ мнѣ, что мать ея умираетъ. Я бросилась въ ту часть замка, которая еще уцѣлѣла и была нѣсколько поисправлена. Тутъ я нашла Рокебертъ. Она была въ сильнѣйшей горячкѣ. Маленькій Дидье игралъ въ комнатѣ съ другимъ ребенкомъ бѣдной женщины, который былъ очень веселъ и ничего не понималъ, хотя и былъ старше его, между тѣмъ какъ Дидье, улыбаясь и плача, смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ кровать. На лицѣ его было написано безпокойство и удивленіе, какое только можетъ быть у трехлѣтняго ребенка. Увидавъ меня, онъ подошелъ ко мнѣ, и вмѣсто того, чтобы кокетливо поцѣловать меня, какъ было это въ первый разъ, схватился за мое платье своими маленькими рученьками и, потянувъ меня, проговорилъ: мама! такимъ жалкимъ и пѣжвымъ голосомъ, что все мое сердце повернулось. Възъ сомнѣнія ему хотѣлось предупредить меня о непонятномъ ему положеніи его пріемной матери. Больная не могла говорить; она никого не узнавала. Нѣсколько минутъ спустя пришелъ ея мужъ и увидавъ ее въ такомъ положеніи, въ которое она впала за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ страшно встревожился. Я сказала ему, что надобно послать за докторомъ и за женщиной, которая бы могла ухаживать за больной. Онъ сейчасъ пошелъ исполнить это, а такъ какъ я еще не знала навѣрное не была ли Рокебертъ въ тѣлѣ, то и увела дѣтей изъ комнаты, предупредивъ мужа объ опасности оставлять ихъ тутъ.

Когда два часа спустя пріѣхалъ докторъ, то онъ одобрилъ мое распоряженіе, говоря, что болѣзнь еще неопредѣлилась хорошо, и что дѣтей необходимо помѣстить въ другой части строенія, что я и взялась исполнить съ помощью Пейрака, потому что мужъ совершенно потерялся: только и дѣлалъ, что зажигалъ свѣчи въ ближайшей къ деревнѣ церкви, бормоталъ молитвы на латинскомъ языкѣ, которыхъ самъ не понималъ, но которыя казались ему болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ докторскія предписанія.

Когда онъ немного поуспокоился, то было уже четыре часа, и намъ нужно было возвращаться домой, чтобы ночь не застала насъ въ дорогѣ, тѣмъ болѣе что мѣсяца въ это время не было и сбиралась довольно сильная гроза. Тогда бѣдный Рокебертъ началъ жаловаться, говоря, что онъ погибнетъ, если ктонибудь не возьмется присмотрѣть за дѣтьми, а главное за Дидье, который нуждается въ особенныхъ попеченіяхъ, потому что не такъ крѣпокъ, какъ его собственные дѣти, а главное, очень любопытенъ, и будетъ безъ присмотра бѣгать повсюду, тогда какъ развалины замка цѣлыи лабиринтъ пронастей, въ которыхъ невозможно ни на минуту спускать съ глазъ такого смѣлаго маленькаго господина. Довѣрить же комунибудь изъ постороннихъ

онъ тоже не рѣшается, потому что деньги, которыя этотъ мамонтка приносилъ ему, сдѣлали много завистниковъ, такъ что у него были враги, и Богъ знаетъ чего онъ не наговорилъ намъ!

Слушая всѣ эти жалобы, Пейракъ шепнулъ мнѣ:

— Вотъ случай, гдѣ ваше доброе сердце и мои предположенія сходятся. Оставайтесь здѣсь. Завтра я опять приѣду взглянуть какъ идутъ дѣла, и увезти васъ домой, если въ васъ не будетъ нужды.

«Признаюсь, что я сама желала этого. Мнѣ казалось, что даже присмотрѣть за этимъ ребенкомъ было моею обязанностью. На другой день Пейракъ возвратился, а такъ какъ Рокебертъ, хотя и въ опасности, но не можетъ еще встать ранѣ нѣсколькихъ дней, то я согласилась остаться еще, и просила Пейрака приѣхать за мною въ концѣ недѣли.

Мнѣ здѣсь очень хорошо; у меня огромная комната, которая, какъ мнѣ кажется, была въ старину залой для стражи, и которую потому арендаторы раздѣлили на нѣсколько отдѣленій. Ностели наши грубы, но опрятны и я сама завѣдываю нашимъ хозяйствомъ. Дѣти всѣ трое постоянно находятся при мнѣ. Дѣвочка подъ моимъ надзоромъ готовитъ намъ купанье; я также наблюдаю и за больной; сама умываю и одѣваю маленькаго Дидье. Онъ одѣтъ также, какъ и другіе дѣти, въ голубенькую блузу, но съ большой изысканностью, особенно теперь, когда я взяла его на свои руки. Право, я начинаю такъ привязываться къ нему, что даже боюсь подумать о той минутѣ, когда я должна буду разстаться съ нимъ. Тебѣ известна моя страсть къ дѣтямъ, т. е. къ нѣкоторымъ дѣтямъ, и мальчикъ этотъ принадлежитъ именно къ тому разряду. Шарло, какъ тигръ, сталъ бы меня ревновать къ нему; но это вѣроятно потому, что Дидье непременно долженъ быть сынъ какой нибудь достойнѣйшей матери или достойнѣйшаго отца; личико его матовой бѣлизны съ легкимъ розовымъ оттѣнкомъ, темные глаза его прелестны по своей формѣ и по выраженію, а густые, черные, полнаго вьющіеся волосы, мягки какъ шелкъ. Ручки его удивительно изящны, и онъ никогда ихъ не пачкаетъ. Онъ никогда не роется въ землѣ, ничего не трогаетъ; и проводитъ время въ какомъ-то созерцательномъ состояніи. Я увѣрена, что у него есть мысли, которыя выше его лѣтъ, и которыя онъ не можетъ только выразить, или скорѣе у него цѣлый рядъ прелестныхъ и божественныхъ видѣній, которыя не могутъ быть переведены на человѣчeskій языкъ. Говоритъ онъ очень бѣгло для своихъ лѣтъ и по французски и на провинціальномъ нарѣчій, которому, немного картава, придаетъ какую-то особенную нѣжность. Чтобы добиться того, чего ему хочется, онъ употребляетъ всегда самыя милыя доказательства, а хочется ему обыкновенно или гулять или лезть по развалинамъ или забиться въ какую нибудь расщелину. Тамъ онъ садится и разсматриваетъ маленькіе цвѣточки, въ особенности же насѣкомыхъ, не трогая ихъ, но слѣдя за каждымъ ихъ движеніемъ и какъ бы выикая въ чудеса жизни, между тѣмъ какъ другіе дѣти только и думаютъ какъ бы раздавить ихъ и уничтожить. Я попробовала дать ему первыя понятія о чтеніи, увѣренная (можетъ

быть вопреки мнѣнію отца), что чѣмъ ранѣе начинаютъ учить дѣтей, тѣмъ больше избавляютъ ихъ отъ труда быть внимательными, что бываетъ такъ тяжело, когда сила и дѣятельность уже разовьются въ нихъ болѣе. Я испытывала его понятливость и любознательность; онѣ удивительны, и съ нашей чудесной методой, которая такъ удалась съ твоими дѣтьми, я увѣрена, что въ мѣсяцъ выучу его читать. Кроме того ребенокъ этотъ удивительной души и исполненъ безпредѣльной любви. Взаимная привязанность наша слишкомъ скоро растетъ, и я спрашиваю себя, какимъ образомъ мы разстанемся съ нимъ.

«Хотя здѣсь мнѣ и не достаетъ присутствія Жюстинны и Пейрака, но тѣмъ не менѣе очень нравится жизнь въ этихъ грандіозныхъ развалинахъ, откуда взоръ мой обнимаетъ одно изъ прекраснѣйшихъ мѣстоположеній земнаго шара. Воздухъ здѣсь такъ чистъ, что бѣлые камни, смѣшанные съ обломками лавы, такъ же бѣлы, какъ бы только что вышли изъ каменоломни. Ваутренность же этого огромнаго замка наполнена самыми любопытными вещами.

Надо тебѣ сказать, что эти Полиньяки имѣютъ претензію вести свой родъ по прямой линіи отъ Апполона или отъ его жрецовъ, и преданіе говоритъ о существованіи здѣсь храма, посвященнаго этому богу, храма, остатки котораго должны существовать еще и теперь и въ отношеніи которыхъ всякое сомнѣніе могло-бы быть устранено; стоитъ только рѣшить вопросъ: были ли всѣ эти надписи и скульптурныя украшенія привезены для украшенія замка во вкусъ *renaissance* или онъ былъ выстроенъ изъ самыхъ остатковъ храма. Рокебертъ говоритъ мнѣ, что здѣшніе ученые уже въ продолженіи пятидесяти лѣтъ спорятъ объ этомъ, и я согласна съ тѣми, которые думаютъ, что отверстіе колодца служило проводникомъ для предсказаній оракуловъ. Оно покрыто было огромной головой, которая и изрекала предсказанія Шейей. Самъ же колодець соединялся съ другимъ маленькимъ колодцемъ. Тѣже, которые говорятъ, что это было только украшеніемъ колодца не имѣютъ для этого никакихъ ясныхъ доказательствъ. Голова эта сохранилась отъ истребленія въ нижней части башни, куда она была положена со множествомъ каменныхъ шаровъ найденныхъ въ самомъ колодцѣ. Для забавы, я сняла съ нея рисунокъ, который и посылаю тебѣ, а также и портретъ моего маловыскаго Дидье, котораго я нарисовала, когда онъ спалъ на головѣ этого бога. Тутъ нѣтъ большаго сходства, но рисунокъ этотъ можетъ дать тебѣ понятіе о той чудной и прелестной картинѣ, которая съ четверть часа была передъ моими глазами.

— Я рѣшительно ничего не читаю, и нисколько не стараюсь образовать себя, даже и не думаю о томъ. Всѣ мои занятія состоятъ въ томъ, что я починаю платье моего милаго Дидье, слѣжу за нимъ шагъ за шагомъ, мечтаю, нежного грущу, не жалуясь на судьбу, не удивляюсь болѣе тому положенію, которое должна переносить и чувствую себя совершенно здоровою, а это главное. Сейчасъ пріѣхалъ мой добрый Пейракъ и привезъ мнѣ твое письмо. Ради Бога сестра, будь тверда, а не то я приду въ отчаяніе. Ты говоришь, что онъ блѣденъ и болѣнъ,

что онъ возбуждаетъ въ тебѣ чувство сожалѣнія и ты чуть не извѣстила мнѣ. Слушай же Камилла, если ты не въ состояніи видѣть страданій этого человѣка, если ты не понимаешь, что только моею собственною твердостью я и могу поддержать его, въ такомъ случаѣ я уйду, уйду далеко и ты не будешь знать гдѣ я. И такъ да будетъ тебѣ извѣстно, что въ тотъ день, когда я увижу здѣсь на пескѣ моего острова, слѣдъ ноги чужезца, то я скроюсь туда, гдѣ...

Каролина не успѣла кончить фразы. Пейракъ, подавшій ей нисъмо г-жи Гейдебертъ, снова вошелъ и сказалъ: вотъ и *господинъ* этотъ пріѣхалъ.

— Кто? какой? воскликнула Каролина, вставая въ смущеніи, какой господинъ?

— Отецъ этого неизвѣстнаго ребенка. Зовутъ его г-нъ Вернье.

— Значитъ, ты знаешь его имя? Здѣсь никто его не зналъ, или не хотѣлъ сказать.

— Право я не слишкомъ любопытенъ; но онъ оставилъ своей чю-моданъ на скамейкѣ у дверей Рокебертъ, а я мимоходомъ взглянулъ на него и прочелъ.

— Вернье! имя это мнѣ незнакомо и, можетъ быть, я безъ всякихъ опасеній могу видѣться съ нимъ.

— Конечно съ нимъ надо видѣться и поговорить ему о малюткѣ, а теперь самое удобное для этого время.

Но тутъ вошелъ Рокебертъ и положилъ конецъ всѣмъ вѣщанъ Пейрака. Г-нъ Вернье спрашивалъ сына; но, по обыкновенію своему, онъ прошелъ въ особенно назначенную для него комнату и въ эту минуту не желалъ видѣть никого изъ постороннихъ.

— Но все равно, прибавилъ Рокебертъ, я расскажу ему, какъ вы ухаживали за моею женой и за ребенкомъ, и онъ навѣрное велитъ мнѣ передать вамъ что нибудь хорошенькое. Сверхъ того я и самъ подѣлюсь съ вами изъ моего собственнаго кошелька. Вудьте покойны на этотъ счетъ.

И, взявъ ребенка на руки, онъ вышелъ, затворивъ за собою дверь, какъ бы для того, чтобы помѣшать любопытному взгляду слѣдовать за нимъ по пути, который велъ къ незнакомцу.

— Ну, теперь поѣдемъ, проговорила Каролина, глаза которой наполнились слезами, при мысли, что вѣроятно она уже не увидитъ болѣе Дидье.

— Нѣтъ, возразилъ Пейракъ, подождете немного, надо узнать что скажетъ г-нъ Вернье, когда узнаетъ, что вы провели здѣсь цѣлые пять дней, ухаживая за его малюткой.

— Неужели же, другъ мой, ты не видишь, что Рокебертъ и не подумаетъ рассказать ему объ этомъ? Онъ не посмѣетъ признаться, что, во время болѣзни своей жены, онъ довѣрилъ ребенка посторонней женщинѣ. Кромѣ того, ты думаешь, что ему не желательно оставить у себя Дидье еще хоть на годъ, что очень возможно, и станетъ ли онъ говорить отцу, что у насъ за ребенкомъ не только что будетъ лучший уходъ, но и воспитаніе ему дадутъ такое, какое необходимо по его лѣтамъ? Нѣтъ, нѣтъ, сама Рокебертъ, не смотря

на: мои заботы о ней, скажете, что здѣсь никто меня не знаетъ, что, можетъ быть, я какая нибудь авантюристка. Пожалуй еще счтутъ, что мы интригуемъ для того, чтобы получить нѣсколько копѣекъ, которыя уже намъ и предлагали.

— Но когда мы откажемся отъ нихъ, то вѣдь увидятъ, кто мы такіе! Я вѣвѣтовъ здѣсь, и всѣ знаютъ, что Самюель Пейракъ никогда не лгалъ и никому не протягивалъ своей руки.

— Пріѣзжай этотъ ничего не знаетъ, и будетъ спрашивать только Рокебертовъ, которые здѣсь одни извѣстны ему. И потому, другъ мой, уѣдемъ отсюда скорѣе: мнѣ тяжело здѣсь оставаться долѣе.

— Это какъ вы хотите, возразилъ Пейракъ; я не раскладывалъ лошади, и мы остановимся въ Шюи, чтобы дать ей вздохнуть, — это все равно; но еслибъ вы захотѣли меня послушать, то переждали бы здѣсь часъ, два. Въ это время, можетъ быть, мы бы и встрѣтились какъ нибудь; ребенокъ, пожалуй, станетъ искать, звать васъ. Онъ вѣдь ужъ и теперь такъ васъ любитъ! И знаете ли что! я увѣренъ, что еслибъ господинъ этотъ увидалъ васъ, то сказалъ бы: «эта дѣвушка совсѣмъ не похожа на другихъ; мнѣ надо поговорить съ ней.» А когда бы онъ съ вами поговорилъ...

Разговаривая такимъ образомъ Пейракъ слѣдовалъ за Каролиной, которая, твердо рѣшившись уѣхать, собрала всѣ свои платья и уже шла къ выходу изъ замка, проходя передъ скамейкой, на которой чемоданъ незнакома все еще лежалъ возлѣ его дорожной шинели. Она прочла имя, которое было передано ей Пейракомъ, но въ то же время, какъ будто бы чему-то удивилась и съ необыкновеннымъ волненіемъ торопливо пошла впередъ.

— Что такое съ вами? спросилъ ее Пейракъ, подбирая возжи.

— Ничего! такъ! отвѣчала Каролина, когда они выѣхали за ограду. Мнѣ вообразилось, что я узнаю почеркъ, которымъ написано имя Норрисъ на чемоданѣ.

— Ой, чтой-то! да это и не написано, а какъ будто бы напечатано.

— Правда, я съ ума сошла. Но все равно, уѣдемъ скорѣе отсюда, мой добрый Пейракъ! Во время дороги Каролина была задумчива. Странное волненіе при видѣ надписи она отнесла тому, что испытала во время чтенія письма полученнаго ею отъ сестры; но тутъ еще новая мысль пришла ей въ голову. Маркизь де Вильмеръ никогда не говорилъ ей, чтобы онъ собственными глазами видѣлъ замокъ Полиньякъ, а между тѣмъ въ книгѣ своей прекрасно и очень вѣрно описалъ его, взявъ его за типъ средневѣковыхъ феодальныхъ притоновъ. Между тѣмъ она очень хорошо знала, что онъ часто путешествовалъ по провинціямъ, для того чтобы самому проникнуться впечатлѣніемъ историческихъ мѣстъ.

Она всячески старалась припомнить не говорилъ ли ей какъ нибудь маркизь, что бывалъ въ этихъ мѣстахъ. Нѣтъ! отвѣчала она сама себѣ, еслибъ онъ сказалъ мнѣ это, то меня бы тотчасъ же поразилъ названія Лантріака и Шюи, о которыхъ мнѣ напоминала Жюстина. Тутъ она снова старалась припомнить себѣ не говорила ли она его по поводу замка Полиньякъ о Лантріакѣ и Жюстинѣ, но нѣтъ,

она навѣрно помнила, что и этого не было и потому успокоилась на этотъ счетъ.

Но за то ее волновали и беспокоили другія мысли: за что именно полюбила она этого неизвѣстнаго ей ребенка? что особеннаго было въ его глазахъ и въ его улыбкѣ?

Ужъ не походилъ ли онъ на маркиза? и не было-ли тутъ какого-то смутнаго инстинкта, болѣе могущественнаго, чѣмъ всѣ внушенія Пейрака.

Ко всему этому присоединялись еще, вопреки самой Каролинѣ, тайныя мученія смутной ревности. И такъ, у него есть сынъ, дитя любви? говорила она себѣ. Значить, до встрѣчи со мною; онъ страстно любилъ другую женщину, потому что легкія отношенія не въ его характерѣ, и въ этомъ случаѣ, должна быть какая нибудь важная тайна въ его жизни! Можетъ быть мать ребенка еще жива. Почему предполагаютъ, что она умерла.

Углубляясь въ свои предположенія, она припоминала слова маркиза, сказанныя имъ въ Jardin des Plantes, когда они сидѣли подъ кедрами, припоминала и ту борьбу, которую онъ дѣлалъ ей почувствовать между своею сыновнею обязанностью и другою обязанностью, другою любовью, предметомъ которой конечно была не Каролина! Какъ знать, не ошиблась ли также и старая маркиза, если только маркизъ не называлъ матери женщину, на которой хотѣлъ жениться?

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ мыслей, Каролина напрасно старалась примириться съ своею участью. Она скорбѣла, кѣжется, боялась, чѣмъ желала быть нелюбимою.

— Что такое съ вами? спросилъ ее Пейракъ, ужившій уже угадывать по лицу всѣ ея тревоги. Она отвѣчала ему, закидавъ его вопросами о г-нѣ Бернье, котораго тотъ видѣлъ только одинъ разъ. У Пейрака былъ вѣрный и памятливыи взглядъ. Но по обыкновенію задумчивый и углубленный въ самага себя онъ удостоивалъ своимъ вниманіемъ только тѣхъ людей, которыми онъ въ особенности интересовался. И потому онъ нарисовалъ портретъ мншаго Бернье такъ не полно и такъ не ясно, что Каролина въ своихъ догадкахъ ни на шагъ не подвинулась впередъ. Она дурно спала ночь, но къ утру успокоилась и, проснувшись, объявила, что во всѣхъ ея вчерашнихъ волненіяхъ ни на волосъ не было здраваго смысла.

Пейракъ, которому нужно было куда-то съѣздить, не дождался ея вставанья. Онъ возвратился уже вечеромъ съ какимъ-то торжествующимъ видомъ.

— Дѣла наши идутъ хорошо, сказалъ онъ. Завтра г-нъ Вернье придетъ сюда, и вы можете быть совершенно спокойны; онъ англичанинъ и морякъ, и поэтому знакомъ вамъ или нѣтъ?

— О, конечно нѣтъ! отвѣчала Каролина, ты, знаешь, опять съ нимъ видѣлся?

— Нѣтъ, я его не засталъ; но я видѣлъ хозяйку, которая начинаетъ выздоравливать. Она рассказала мнѣ, что малютка вчера вечеромъ очень плакала, и даже засыпая, долго звала свою Шарлоту. Отецъ захотѣлъ узнать, что это такое. Кажется, Рокебертъ не имѣлъ

большаго желанія говорить объ васъ, но жена его... она добрая женщина и маленькая дѣвочка, которая тоже васъ очень любитъ, сказали, что вы ангелъ небесный, и господинъ отвѣчалъ, что онъ желаетъ поблагодарить васъ и вознаградить. Онъ спрашивалъ, гдѣ вы живете? онъ никогда не бывалъ у насъ; но тотчасъ же вспомнилъ обо мнѣ и сказалъ, что придетъ къ намъ, какъ только можно скоро. Онъ обещалъ это малюткѣ и даже прибавилъ, что приведетъ васъ опять къ нему.

— Во всемъ этомъ, отвѣчала Каролина, я вижу только то, что господинъ этотъ придетъ предложить мнѣ денегъ.

— Ну, и пускай! тѣмъ лучше; онъ увидитъ, что вы совсѣмъ не то, что онъ думаетъ... Поговоримъ съ нимъ... Онъ узнаетъ, что вы дѣвица образованная даже болѣе нежели предполагаютъ, а я расскажу ему вашу исторію, потому что она только дѣлаетъ вамъ честь!

— Нѣтъ, нѣтъ! возразила съ живостью Каролина. Какъ вы хотите чтобы я открыла мою тайну неизвѣстному мнѣ человѣку, послѣ столькихъ предосторожностей, употребленныхъ мною, чтобы скрыть мое имя и мое положеніе!

— Но вѣдь если ты его не знаешь? проговорила Юстина, — если вы съ нимъ сойдетесь насчетъ ребенка, то вѣдь ему надо будетъ все рассказать. Владѣя его тайною, я думаю можно повѣрить ему и нашу. Ему не будетъ никакой выгоды измѣнить ей...

— Юстина! воскликнула m-ле де-Сентъ-Женексъ, сидѣвшая у окна, выходявшаго на улицу, постой, погоди! О, Боже мой! Вотъ онъ, этотъ господинъ Вернье, должно быть онъ идетъ сюда, и это... Да, я была увѣрена въ томъ, это онъ! Это г-нъ Вильмеръ!.. О! Ради Бога, друзья мои, спрячьте меня, скажите, что я уѣхала, и не должна болѣе возвратиться! Если онъ увидитъ меня, если заговоритъ со мною!.. Развѣ вы не чувствуете, что я погибла.

XXIV.

Сдѣлавъ мужу знакъ, чтобы онъ принялъ маркиза и позадержалъ его, Юстина пошла за Каролиной, которая бросилась въ свою комнату. Шейракъ принялъ маркиза съ спокойствіемъ и достоинствомъ человѣка, который имѣетъ самое строгое понятіе о долгѣ. Теперь задача состояла не въ томъ, чтобы свести его съ мнимою Шарлотой; а напротивъ, надо было удалить его, не подавъ ему въ томъ подозрѣній, а если у него и были какія нибудь, то постараться ихъ уничтожить. Съ первыхъ же словъ онъ увидѣлъ, что г. де-Вильмеръ ничего не подозревалъ. Разсчитывая скорѣе отправиться вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, котораго хотѣлъ помѣстить поближе къ себѣ, онъ воспользовался хорошимъ утромъ, намѣреваясь прогуляться вѣшкомъ, чтобы заплатить свой сердечный долгъ въ отношеніи великодушшой незнакомки. Онъ не думалъ, чтобы разстояніе было такъ велико, и потому пришелъ немного поздно. Онъ признался также, что немного усталъ и въ самомъ дѣлѣ лицо его обличало таковое утомленіе.

Пейракъ успѣшно предложилъ ему вынѣть и замусить, гостеприимство прежде всего. Онъ позвалъ Жюстину, которая успѣла уже оправиться, и она подала де-Вильмеру обѣдъ; маркизъ, пользуясь случаемъ щедро наградить своихъ хозяевъ, охотно согласился на ихъ радушно предложеніе. Онъ съ сожалѣніемъ узмалъ, что Шарлота уже уѣхала, но впрочемъ особенно не спрашивалъ объ ней: ему хотѣлось только передать ей свой подарокъ, который Жюстина потихоньку совѣтовала принять, чтобы не подать какихъ нибудь подозрѣній; Каролина всегда найдетъ возможность возвратитъ ему назадъ.

Каролина изъ своей маленькой комнатки слышала все. Голосъ маркиза заставлялъ ее трепетать. Она не смѣла пошевелиться. Ей казалось, что де Вильмеръ узнаетъ ея шаги. Между тѣмъ тотъ спрашивалъ, нельзя ли нанять ему лошадь, чтобъ возвратиться назадъ. Ночь была темная, и дождь снова начиналъ. Пейракъ взялся проводить его и вышелъ, чтобы приготовить свою телѣжку; но передъ тѣмъ онъ тихо вошелъ къ Королинѣ.

— Какъ жаль мнѣ этого бѣднаго господина, сказалъ онъ ей шепотомъ. Онъ очень нездоровъ! Лобъ его покрытъ каплями пота, а между тѣмъ онъ все садится къ огню, какъ бы человекъ, у котораго лихорадка. Онъ и двухъ ложекъ не могъ проглотить за обѣдомъ, а когда вздыхаетъ, то у него какъ будто бы сердце разрывается, потому что онъ хватается за бокъ, хоть и съ терпѣливою улыбкою, но тотчасъ же потомъ беретъ за голову, какъ бы во время сильныхъ страданій.

— Боже мой! проговорила испуганная Каролина, — когда онъ заболѣваетъ, то всегда очень трудно. Его не надо пускать сегодня; твоя телѣжка слишкомъ непокойна для него, да и дороги тожѣ!.. а потомъ теперь холодно, дождь идетъ, а у него лихорадка! нѣтъ, нѣтъ, надо чтобы онъ здѣсь переночевалъ... Но гдѣ? Онъ скорѣе согласится лечь на улицѣ, чѣмъ въ трактирѣ, который такъ грязенъ. Остается только одно средство! Удержи его здѣсь, оставь у себя. Отдай ему мою комнату; а я сейчасъ соберу мои вещи и уйду къ твоей невѣсткѣ.

— Къ невѣсткѣ или къ кому другому въ деревнѣ, это будетъ очень близко. Если ночью ему сдѣлается немного хуже, то вы не удержитесь и придете ухаживать, за нимъ...

— Правда! но что же дѣлать?

— Вы хотите, чтобы я сказала вамъ? Вѣдь вы смѣлы и здоровы; я отвѣду васъ въ Лосону; вы и проведете ночь у моей сестры. У ней также чисто, какъ и здѣсь; а завтра я приѣду за вами, когда онъ уѣдетъ.

— Да, твоя правда, проговорила Каролина, наскоро собирая свой узелокъ, поди же, уговори его остаться, а мимоходомъ скажи своему сыну, чтобы заложилъ Миньона.

— Нѣтъ, не Миньона. Ему сегодня досталось. Мы возьмемъ нашего мула.

Распорядившись такимъ образомъ Пейракъ возвратился къ маркизу и сказалъ что дождь, вѣроятно, теперь зарядилъ на цѣлую ночь

и потомъ, переглянувшись съ Жюстиной, онъ такъ радушно сталъ упрашивать его остаться у нихъ, что маркизъ согласился.

— Ваша правда, друзья мои, сказалъ онъ имъ съ горькою улыбкою, мнѣ дѣйствительно немного нездоровиться; а я не имѣю еще права желать смерти.

— Никто не имѣетъ этого права, отвѣчалъ Пейракъ. И вы смѣю васъ увѣрить, никакъ у насъ не расхвораетесь. Жена моя будетъ ухаживать за вами. Комната вверху чистенькая и теплая и если вамъ нужно будетъ что нибудь, то вы стукните одинъ разъ, и мы сейчасъ услышимъ.

Жюстина пошла на верхъ приготовить комнату и обнять свою бѣдную Каролину, которая совершенно растерялась.

— Какъ же это! проговорила она шопотомъ, я знаю, что онъ боленъ, и такъ оставляю его. Нѣтъ, я съ ума сошла! Я никуда не пойду и останусь здѣсь.

— О, вотъ чего Пейракъ никакъ ужъ не позволитъ! отвѣчала Жюстина. Пейракъ строгъ, онъ справедливо говоритъ, что если ты разжалобишься и вы увидите, то, пожалуй, не въ состояніи будете и разстаться. А тогда... я очень хорошо знаю, что вы не сдѣлаете ничего дурнаго; но все таки что скажетъ мать... и потомъ постороніе.

Каролина не слушала ее. Въ эту минуту вошелъ Пейракъ; онъ взялъ ее за руку и свелъ внизъ. Бѣдное сердце ея было отдано во власть протестанта Сovenновъ и никакихъ средствъ не было взять его назадъ.

Онъ вывелъ ея на улицу, гдѣ ожидала ихъ телѣжка, въ которую и положилъ узелокъ молодой дѣвушки. Въ эту минуту Каролина, которая въ самомъ дѣлѣ не помнила себя, убѣжала отъ него, бросилась въ домъ черезъ заднюю дверь и увидѣла г. Вильмера, который сидѣлъ къ ней спиною. Она остановилась и не пошла далѣе: разсудокъ къ ней возвратился, кромѣ того положеніе маркиза немного успокоило ее. У него не было того утомленнаго вида, который она видѣла у него наканунѣ кризиса. Онъ сидѣлъ передъ огнемъ и читалъ толстую библію Пейрака. Маленькая желѣзная лампа, привѣшенная у камна, освѣщала его черные волосы, такіе же волнистые, какъ у сына и часть виска всегда гладкаго и спокойнаго. Безъ сомнѣнія де-Вильмеръ сильно страдалъ, но онъ хотѣлъ жить: надежда еще не была для него потеряна.

— Вотъ и я, проговорила Каролина, возвращаясь къ Пейраку. Онъ не замѣтилъ меня, но я его видѣла! Теперь я спокойнѣе, поѣдемъ; но поклонись мнѣ честию, прибавила она, подходя къ телѣжкѣ, что если ночью съ нимъ сдѣлается удруше, то ты пріѣдешь за мною, если бы даже тебѣ пришлось загнать свою лошадь! Это необходимо! Я одна знаю, что нужно сдѣлать, чтобы помочь его болѣзни... Вы же можете умирить его! И тогда это ляжетъ на вашей совѣсти!

Пейракъ далъ слово, и они уѣхали. Время было ужасное и дорога отвратительная; но Пейраку были извѣстны каждая рытвина, каждый камешекъ, къ тому же и разстояніе было не велико. Онъ похѣтилъ Каролину у своей родственницы, и въ одиннадцать часовъ былъ

уже снова дома. Маркизь чувствовалъ себя лучше; поговоривъ дружелюбно съ Жюстиной, отъ чего та пришла въ совершенный восторгъ, онъ легъ,

— Я тебѣ скажу, Пейракъ, говорила она, у него точно такое же сердце, какъ у... И я очень хорошо понимаю...

— Замолчи, пожалуйста, повторилъ Пейракъ, который зналъ, что потолокъ былъ тонокъ.

Ночь въ Лантриакъ прошла совершенно спокойно. Маркизь отдохнулъ въ постели и проснулся въ два часа. Освободившись отъ лихорадки, онъ чувствовалъ какое-то пріятное спокойствіе, котораго не испытывалъ уже очень давно и относилъ это къ какому нибудь сладостному сновидѣнію, которое уже исчезло изъ его памяти, но подъ впечатлѣніемъ котораго онъ все еще находился. Не желая будить своихъ хозяевъ, онъ лежалъ неподвижно, разсматривая стѣны своей маленькой комнатки, освѣщенной лампой. Тысячи противоположныхъ плановъ роились въ головѣ его; наконецъ онъ рѣшилъ на томъ, что онъ необходимъ былъ для сына, а видъ этого ребенка возвращалъ ему и волю бороться съ физическою болью, которая начинала грозить ему. Въ послѣдній день онъ уже окончательно остановился на выбранномъ имъ планѣ, которой состоялъ въ томъ, что онъ отвезетъ Диде къ г-жѣ Гейдебертъ, оставитъ ей письмо къ Каролинѣ и уѣдетъ изъ Франціи на нѣкоторое время, для того, чтобы м-ше де-Сенъ-Женексъ, успокоенная его отсутствіемъ, возвратилась къ сестрѣ и поселилась съ нею. А между тѣмъ, можетъ быть, маркиза узнаетъ всю истину, и какъ нибудь выскажетъ свою тайну герцогу, который далъ брату клятву употребить все стараніе выпытать ее отъ старухи. Но если бы герцогу и не удалось этого, во всякомъ случаѣ маркизь не оставитъ своего плана. Тогда его намѣреніемъ было потихоньку возвратиться въ замокъ Моверонъ, въ которомъ мать его должна была провести у своей невестки лѣто, и дать знать Каролинѣ о своемъ приѣздѣ уже тогда, когда совершенно оправдаетъ ее передъ матерью и вновь уничтожитъ всѣ препятствія.

Самымъ главнымъ и спѣшнымъ дѣломъ теперь было вызвать м-ше де-Сенъ-Женексъ изъ ея таинственнаго убѣжища. Маркизь все еще думалъ что, она находилась въ Парижѣ въ какомъ нибудь монастырѣ. Онъ видѣлъ себя въ необходимости еще на нѣсколько дней остаться въ Полньякѣ и прежде чѣмъ увезти съ собою сына, разлука съ которымъ могла вредно подѣйствовать на больную, хотѣлъ удостовѣриться въ совершенномъ выздоровленіи жены Рокеберта, и это замедленіе волновало его болѣе всего. Чтобы удовлетворить свое нетерпѣніе, онъ спросилъ себя, почему бы ему было не написать г-жѣ Гейдебертъ, а особенно Каролинѣ и не сказать ей о своемъ отъѣздѣ за границу прося ее возвратиться къ сестрѣ тотчасъ же. Это все такъ значило выиграть нѣсколько дней. Письмо это онъ отправить въ тотъ же день изъ Нион на возвратномъ пути своемъ въ Полньякъ.

Мысль написать изъ Лантриака пришла ему въ особенности при видѣ маленькаго бюро, на которомъ Каролина оставила перья, чернила

въ чашечкѣ и нѣсколько отдѣльныхъ листочковъ бумаги. Эти самыя предметы, на которыхъ глаза его машинально остановились, казались такъ и звали его исполнить пришедшее ему желаніе. Онъ тихоньку всталъ, поставилъ лампу на столъ, и началъ писать Каролинѣ. «Другъ мой, сестра моя, вы не оставите несчастнаго, который уже въ продолженіи цѣлаго года возложилъ на васъ всю свою надежду въ жизни. Пожалуйста, Каролина, не обманывайтесь насчетъ моихъ намѣреній. У меня есть до васъ просьба, въ которой вы не можете отказать мнѣ. Я уѣзжаю, но у меня есть сынъ, который лишенъ матери. Я страстно люблю его и поручаю его вамъ. Возвратитесь же! Я уѣзжаю въ Англію. Вы никогда меня не увидите, если въ васъ не достаетъ довѣрія ко мнѣ... но это невозможно! Развѣ когда нибудь я былъ недостойнъ вашего уваженія? Каролина...» Маркизъ внезапно остановился. Предметъ совершенно незначительный поразилъ его взоры: простая бумага, стальные перья, не имѣли ничего особеннаго; но на столѣ между его рукою и чернильницею лежала черная бусинка, и эта незначительная вещь содержала въ себѣ цѣлый міръ воспоминаній. Это былъ гагатъ, граненный какимъ-то особеннымъ образомъ. Онъ составлялъ часть браслета, совершенно нецѣннаго, который Каролина носила въ Севалѣ и который очень хорошо былъ знакомъ ему, потому что Каролина имѣла привычку снимать его всякій разъ, какъ садилась писать, а въ это время онъ самъ имѣлъ обыкновеніе играть имъ. Онъ разъ сто держалъ его въ своихъ рукахъ, и однажды еще она сказала ему: — не изломайте его, это единственная вещь, оставшаяся мнѣ послѣ моей матери! При этомъ онъ съ почтеніемъ посмотрѣлъ на него и съ любовью сжалъ его въ своихъ рукахъ. Оставляя свою маленькую комнату въ Лантриакѣ, Каролина въ торопяхъ разбила этотъ браслетъ; и поспѣшно, подобравъ всѣ бусы, она оставила только одну изъ нихъ.

Эта черная бусина взволновала всѣ мысли маркиза. Хотя онъ очень хорошо понималъ, что точно такіе же граненные гагаты могли быть и у кого нибудь другаго; однако онъ оставался неподвижнымъ и погруженнымъ въ совершенно новыя размышленія. Не двигаясь съ своего мѣста, онъ все вокругъ себя разсматривалъ, но ни на стѣнахъ, ни на столѣ, ни на каминѣ, рѣшительно ничего не было. Наконецъ между пепломъ каминна онъ увидѣлъ кусочки бумаги, которые еще не совершенно сгорѣли. Онъ нагнулся надъ нимъ, старательно осматривалъ его и нашелъ какой-то адресъ, на которомъ оставались только два слога: одинъ писанный рукою былъ послѣдній въ словѣ Лантриака; другой слогъ *ам* составлялъ часть почтоваго штемпеля, штемпель этотъ принадлежалъ Этанпу, а почеркъ руки принадлежалъ г-жѣ Гейлбертъ. Нѣтъ болѣе сомнѣній, Шарлота—это никто иная какъ Каролина, и можетъ быть она еще не уѣхала, можетъ быть, она была еще тутъ.

Съ этой минуты маркизъ сдѣлался внимателенъ, литеръ, спокоенъ и тонко-проницателенъ подобно дикарю. Онъ открылъ желобъ, который сообщался съ нижнимъ умывальникомъ. Жолобъ этотъ былъ

закрытъ, но въ покрывавшемъ его гитсѣ было нѣсколько щелей. Приложивъ къ нимъ ухо, онъ услышалъ спокойное и ровное дыханіе Пейрака, который еще спалъ. Ни одно слово, какъ бы тихо оно не было произнесено, не могло отъ него ускользнуть. Нѣсколько минутъ спустя онъ услышалъ, какъ встала Жюстина, очень внятно проговоривъ:

— Ну, вставай Пейракъ, бѣдная наша Каролина, можетъ, быть не такъ хорошо спала, какъ мы.

— Одна ночь не важность, проговорилъ Пейракъ; и кромѣ того, я пойду за ней только тогда, какъ онъ уйдетъ!

Жюстина начала прислушиваться:

— Не слышать его, произнесла она, но онъ говорилъ что встаетъ съ разсвѣтомъ, а ужъ скоро должно разсвѣтать. Онъ сказалъ, что уйдетъ одинъ, и что ему ничего не надо.

— Все равно, сказалъ Пейракъ, который тоже вставалъ, и голосъ котораго былъ еще слышимъ, хотя онъ и тихо говорилъ; я не хочу, чтобы онъ ушелъ пѣшкомъ; это очень далеко! Пускай твой мальчуганъ осѣдлаетъ ему лошадь, и когда я увижу, что онъ уѣхалъ, то тогда ужъ и отправлюсь самъ за Каролиной въ Лоссоню. Маркизу только этого и нужно было. Онъ нарочно зашумѣлъ, чтобы дать знать, что встаетъ и положивъ кошелекъ свой въ ящикъ бюро, сошелъ внизъ. Онъ очень спѣшилъ возвратиться въ Полиньякъ, и божась, что чувствуетъ себя совершенно здоровымъ, отказался отъ лошади. Это было бы помѣхой для наблюденій, которыя онъ намѣревался сдѣлать. Дружески пожавъ руки своихъ хозяевъ, онъ отправился въ путь; но лишь только вышелъ изъ деревни, какъ тотчасъ же свернулъ съ дороги, и распросивъ одного проходящаго, пошелъ по тропинкѣ, которая вела въ Лоссоню. Онъ думалъ придти туда ранѣе Пейрака, дожидаться его тамъ, не показываясь ему на шоссе и удостовѣриться самому въ отъѣздѣ Каролины въ Лантриакъ, а потомъ уже пачать и дѣйствовать. А до тѣхъ поръ, видя, что она избѣгала его, онъ не хотѣлъ подвергать себя снова опасности потерять ея слѣдъ. Но Пейракъ былъ очень проворенъ, Миньонъ шолъ скоро не смотря на неудобство пути, который дѣлался все труднѣй и труднѣй. Тропинка, по которой шолъ маркизъ, очень мало сокращала путь, такъ что телѣжка Пейрака перегнала его. Маркизъ увидѣлъ и узналъ его. Пейракъ съ своей стороны тоже замѣтилъ въ утреннемъ туманѣ чловѣка, иначе одѣтаго чѣмъ крестьянинъ и при появленіи его тотчасъ же спрятавшагося за каменную ограду.

Пейракъ былъ недовѣрчивъ.

— Можетъ быть, не подсмѣялся ли онъ надъ нами, думалъ онъ; или не узналъ ли чего нибудь. Ну хорошо! Если это онъ, и если онъ притворяется такимъ больнымъ, то я же отобью у него охоту гнаться пѣшкомъ за моею горной лошадейю.

Онъ понукалъ Миньона и пріѣхалъ въ Лоссоню съ первыми лучами восходящаго солнца. Каролина въ смертельной тревогѣ, послѣ жестокой бессонницы, вышла къ нему на встрѣчу.

— Все идетъ хорошо, сказалъ онъ ей. Я ошибся вчера, онъ совсемъ не боленъ, потому что спать хорошо и непремѣнно хотѣлъ уйти пѣшкомъ.

— Такъ онъ ушелъ? проговорила Каролина, садясь въ телѣжку. Онъ ничего тутъ не заподозрилъ? И я его больше уже никогда не увижу? Ну, тѣмъ лучше! — и стараясь закрыть капюшономъ лицо свое, она разрыдалась. Пейракъ слышалъ, что грудь ея разрывается.

— Ну вотъ теперь вы сдѣлаетесь больны? сказалъ онъ ей отечески строгимъ голосомъ. — Ну, послушайте! будьте же разсудительны; иначе вашъ Пейракъ не повѣритъ вамъ, когда вы будете говорить ему, что вы христіанка.

— Боже мой, лишь бы только мнѣ не плакать въ его присутствіи!.. Неужели ты не можешь простить мнѣ минутную слабость? Но что съ тобою? Зачѣмъ ты опять ѣдешь въ Лоссону?

Пейраку показалось, что онъ снова видитъ приближающагося маркиза.

— Вы меня извините, но я долженъ исполнять одну комиссію тутъ въ деревнѣ. Это очень близко.

И онъ въѣхалъ въ деревню, рассчитывая, что маркизъ издали будетъ наблюдать. Пройдя на противоположный конецъ улицы, онъ перемолвилъ нѣсколько словъ съ однимъ изъ тамошнихъ поселянъ, и снова вернулся къ Каролинѣ.

— Послушай, дочь моя, сказалъ онъ ей, ты слишкомъ огорчена и я хочу поразсѣять тебя. Вѣдь прогулка, какъ извѣстно, очень полезна въ этомъ случаѣ. Не хотите-ли сдѣлать теперь прогулочку, да еще какую.

— Если у тебя есть гдѣ нибудь дѣла, то я не хочу мѣшать тебѣ. Я поѣду куда только ты захочешь.

— Мнѣ нужно съѣздить къ подножію Мезена въ деревню Эстабль. Это прекрасная мѣстность, а вѣдь вамъ, кажется, хотѣлось видѣть высочайшую гору Севениовъ!

— Но вѣдь ты говорилъ, что это трудно выполнить ранѣе конца будущаго мѣсяца?

— Да! Время немного сумрачно и дороги, можетъ быть, поцспортились. Я не былъ тамъ съ прошлаго года; но говорятъ, что тамъ поправили, да вѣдь вы знаете, что со мною вамъ нечего бояться никакихъ опасностей.

— Да теперь меня дѣйствительно никакая ужь опасность не устрашаетъ. Поѣдемъ.

Пейракъ хлеснулъ лошадку и она, проѣхавъ Лоссону, смѣло спустилась съ каменистой горы, чтобы тотчасъ же подняться на другой еще болѣе крутой косогорть. Въѣхавъ на самую вершину, Пейракъ оглянулся назадъ, но на тропинкѣ уже никого не было видно, потому что посмотрѣлъ впередъ на дорогу, которая начинала принимать не совсемъ пріятный видъ.

— Вы сейчасъ увидите пустыню, сказалъ онъ Каролинѣ, это не огорчитъ васъ?

— Нисколько, отвѣчала она, когда находишься въ отчаянномъ положеніи, тогда ужъ ничто не въ состояніи огорчить.

И Пейракъ ѣхалъ далѣе, нѣсколько разъ предупреждая свою спутницу, что солнце кажется не намѣревалось свѣтить, что ему предстояло сдѣлать еще четыре лье и что Мезенъ можетъ быть будетъ въ туманѣ. Ко всему этому Каролина оставалась совершенно равнодушна, не угадывая, что старый другъ ея колебался и что его мучила совѣсть.

Проѣхавъ гору, покрытую соснами, они увидѣли обширную прогалину, представлявшую собою какъ бы громадную аллею, въ которой дорога издали казалась такъ широка и гладка, что по ней могли ѣхать сто телѣгъ въ рядъ; но едва напи путешественники въѣхали на нее, какъ имъ представился страшнѣйшій трудъ взбираться по этой рыхлой землѣ, изрытой въ тысячи мѣстахъ глубокими колеями; далѣе было и еще хуже того: торфъ былъ усѣянъ грудами лавы, которая въ промежуткахъ представляла огромныя рытвины, когда же попадались слѣды торной дороги, то приходилось переѣзжать черезъ чудовищныя кучи кремней, останавливаться передъ широкими перекопами и отыскивать прежнюю дорогу между двадцатью другими. Лошадь производила чудеса смѣлости, а Пейракъ чудеса ловкости и разсудительности. Въ цѣлые два часа они сдѣлали только два лье и находились въ самой срединѣ степи, на безпредѣльной нагорной равнинѣ, за пятьсотъ метровъ отъ возвышенности. Исключая неровной дороги рѣшительно нельзя было ничего различить вокругъ себя. Солнце скрылось и туманъ, подобно савану, застилалъ собою все. Невозможно передать того чувства мрачнаго отчаянія, которое овладѣло умомъ Каролины. Самъ Пейракъ потерялъ бодрость и хранилъ глубокое молчаніе. Неровная дорога, которую онъ принужденъ былъ оставить, не показывалась болѣе, и уже съ четверть часа ѣхали они по кочковатому лугу, испепренному копытами насущихся стадъ, но не представлявшему болѣе ни какого слѣда колесъ. Лошадь вся въ поту оставалась, какъ бы говоря, что тутъ она никогда не бывала. Пейракъ сошелъ и старался отыскать настоящую дорогу. Но это было совершенно невозможно. И горы, и овраги представляли одну бѣдную туманную равнину.

— Мы сбился съ дороги? спросила его равнодушно Каролина.

Въ эту минуту вѣтеръ прорѣзалъ туманъ и вдали показался фантастическій горизонтъ, окрашенный солнцемъ; но онъ въ тоже время такъ скоро скрылся, что Пейракъ не успѣлъ ничего разглядѣть. Однако послышался лай, а потомъ голоса, и показались собаки, которыхъ различить могли только въ двухъ шагахъ отъ себя. Они бѣжали впереди каравана людей и муловъ, везшихъ зелень и козы мѣха. Это были монтаньяры, ѣхавшіе въ долины мѣнять свои сыры и масла на зелень и фрукты низовыхъ селеній. Пейракъ подѣхалъ къ нимъ и началъ распрашивать. Ему отвѣчали, что онъ напрасно вздумалъ ѣхать до Эстабля въ телѣжкѣ и въ это время года, что это было невозможно и что нужно было вернуться назадъ. Пейракъ во-

шолъ въ амбіцію и спросилъ далеко ли еще было до деревни. Ему указали настоящую дорогу, сказавъ, что ѣхать нужно было по крайней мѣрѣ, еще часа полтора; послѣ этого путники шѣхали своєю дорогою. Каролина видѣла, какъ они, подобно тѣнямъ, быстро исчезли въ туманѣ. Нужно было непременно дать вздохнуть лошади, которая утомилась, взбираясь снова на крутизну, чтобы вернуться на настоящую дорогу.

— Но что меня утѣшаетъ, сказала растроганный Пейракъ, такъ это именно то, что вы ни на что не жалуетесь. Однако теперь страшно холодно и я увѣренъ, что сырость проникаетъ сквозь вашу капоть.

Каролина ничего не отвѣчала и только вздрогнула. Новая тѣнь прошла возлѣ опушки дороги, и это былъ г. де-Вильмеръ. Онъ казался не замѣчалъ телѣжки, хотя очень хорошо ее видѣлъ, но онъ хотѣлъ показать видъ, что даже и не подозреваетъ, что въ ней находятся знакомыя ему лица. Онъ шолъ съ удивительною энергією; видъ его представлялъ совершенное равнодушіе.

— Это онъ! Я видѣла его! проговорила Каролина Пейраку. Онъ идетъ туда же, куда и мы.

— Ну! и пускай его идетъ, а мы возвратимся назадъ!

— Нѣтъ, я не могу, я не хочу больше оставлять его! Онъ можетъ умереть послѣ подобной ходьбы! Онъ не дойдетъ до Эстабля; не ѣдемъ за нимъ вслѣдъ.

Въ словахъ Каролины было столько власти на этотъ разъ, что Пейракъ повиновался. Они настигли г. де Вильмера, который остановился, чтобы пропустить ихъ, но не поднялъ головы и не остановился. Онъ не хотѣлъ докучать собою, а хотѣлъ только узнать, хотѣлъ прослѣдовать ихъ во что что бы то ни стало.

Къ несчастію, силы ему измѣнили. Затруднительная ходьба, которая съ самого Лантриака шла все къ гору, въ особенности эти послѣдніе два мѣся, которые онъ прошелъ между цѣлымъ хаосомъ камней и торфяныхъ луговъ, произвели въ немъ обильную испарину, которая, онъ чувствовалъ, застывала на немъ, отъ суроваго вѣтра, вдругъ повернуваго съ востока. Дыханье у него захватило, и онъ принужденъ былъ остановиться.

Каролина повернула къ нему голову. готовая вскрикнуть... Пейракъ схватилъ ее за руку:

— Укрѣпись, дочь моя! сказалъ онъ ей глубоко религіознымъ тономъ; Богъ требуетъ отъ тебя этой жертвы!

И Каролина чувствовала себя уничтоженною.

— Но что же такое можетъ случиться съ нимъ? возразилъ онъ, подвигаясь впередъ. Вѣдь у него достаю же силы дойти сюда, достаешь также сдѣлать и еще нѣсколько верстъ. Человѣкъ не умираетъ отъ ходьбы. Въ Эстаблѣ онъ отдохнетъ; а если заболѣетъ... то я же вѣдь буду тамъ.

— Но вѣдь, онъ слѣдуетъ за мною! ты видишь, что здѣсь или въ другомъ мѣстѣ, но нужно будетъ говорить съ нимъ.

— А за чѣмъ ему слѣдовать за вами? Онъ и не подозреваетъ даже,

что вы тутъ. Сколько путешественниковъ ѣздить осматривать Мезонъ.

— Въ такую погоду?

— Солнце встало ясно и мы тоже вѣдь собрались же осматривать Мезонъ!

Маркизъ видѣлъ, что Каролина сначала колебалась, но потомъ покорилась. Это волненіе нанесло ему послѣдній ударъ. Едва увидѣлъ онъ, что они удалялись отъ него, какъ почувствовалъ себя уже не въ силахъ идти далѣе. Онъ опустился на камень, устремивъ глаза на эту черную точку, которая медленно исчезала передъ нимъ, потому что внезапно поднявшійся вѣтеръ съ силою разгонялъ туманъ, вмѣсто котораго начиналъ порошить снѣгъ съ легкой изморозью.

— Видно она не хочетъ, чтобы я узналъ ее? сказалъ онъ самъ себѣ, чувствуя, что силы оставляютъ его. Она бѣжитъ надежды, она утратила вѣру! Значить, она никогда меня не любила! И онъ легъ съ тѣмъ, чтобы умереть.

XXV.

— Скорѣе, скорѣе! говорилъ Пейракъ, проѣхавши съ полчаса и видя, что снѣгъ началъ сгущаться. Вотъ это будетъ похуже самаго тумана! Когда снѣгъ начинаетъ падать, то занесетъ насъ совсѣмъ.

Это неосторожное слово окончательно встревожило Каролину; она хотѣла выйти изъ телѣжки, рѣшившись вернуться назадъ и идти до тѣхъ поръ пока не встрѣтятъ де Вильмера.

Пейракъ удержалъ ее, но долженъ былъ уступить, и не смотря на возрастающую опасность и трудность ѣзды, все болѣе и болѣе замедляющейся, онъ повернулъ лошадь и воротился назадъ по дорогѣ, которую только что съ такимъ трудомъ проѣхалъ послѣ встрѣчи съ маркизомъ.

Напрасно они отыскивали его глазами. Въ какойнибудь часъ времени, снѣгъ совершенно покрылъ землю и всѣ ея неровности. Они рѣшительно не могли узнать проѣхали они или не проѣхали то мѣсто, которое хотѣли отыскивать. Каролина стонала, повторяя только: «Боже мой, Воже мой!» Пейракъ не старался болѣе успокоивать ее и только говорилъ, чтобы она хорошенько глядѣла. Вдругъ лошадь остановилась.

— Должно быть, здѣсь мы напли тогда настоящую дорогу, проговорилъ Пейракъ. Миньонъ узналъ ее.

— Стало быть, мы заѣхали ужъ слишкомъ далеко! отвѣчала Каролина.

— Но вѣдь мы никого не встрѣтили! возразилъ Пейракъ. Вѣроятно этотъ господинъ, увидя, что началась вьюга, возвратился въ Лоссонъ, и если мы не поѣдемъ въ Эстабля, который теперь ближе къ намъ, то предупреждаю васъ, что мы рискуемъ остаться здѣсь, если только снѣгъ не перестанетъ.

— Замолчи, Пейракъ, оставь! воскликнула Каролина, спрыгивая въ снѣгъ. Я останусь здѣсь, пока не отыщу его.

Пейракъ ничего не отвѣчалъ. Онъ тоже сополъ и началъ искать, но безъ малѣйшей надежды. Снѣгу нанесло уже съ полфута, такъ что очень возможно было, что трупъ былъ занесенъ снѣгомъ въ какой нибудь ямѣ.

Каролина шла наудачу, скользя какъ духъ. до такой степени нервы ея были возбуждены. Она уже довольно далеко отошла отъ телѣжки, когда услышала, что лошадь, опустивъ внизъ голову, сильно фыркала. Каролина подумала, что она издыхаетъ, и съ горестью смотря на нее, увидала, что она какъ-то странно обнюхивала передъ собою. Это было для нея открытіемъ: она бросилась и увидала руку въ перчаткѣ, которая открылась вслѣдствіе растаявшаго отъ дыханья лошади, снѣга. Лежавшее тѣло было препятствіемъ, по которому животное не хотѣло переступить. На крикъ Каролины прибѣжалъ Пейракъ; онъ высвободилъ маркиза изъ подъ снѣга и положилъ его на телѣжку, гдѣ m-lle де Сентъ-Женекъ, поддерживая его, старалась отогрѣть его въ своихъ объятіяхъ.

Пейракъ взялъ возжи и снова поѣхалъ по направленію къ Мезену. Онъ видѣлъ, что нельзя было терять ни минуты, но полъ, самъ не зная куда, и вскорѣ исчезъ въ овражкѣ, который нельзя было миновать. Лошадь остановилась сама собою. Пейракъ хотѣлъ повернуть, но увидѣлъ, что колеса во что то врѣзались.

Кромѣ того лошадь совершенно потеряла всю бодрость; напрасно понукалъ онъ ее, билъ, въ первый разъ въ жизни, дергалъ за уздцы до того, что даже кровь выступила у нее на губахъ; бѣдное животное смотрѣло на него почти человѣческими глазами, какъ бы говоря ему: «Я сдѣлала болѣе нежели могла, и теперь не могу ничего сдѣлать, чтобы спасти васъ.»

— Неужели намъ придется погибнуть здѣсь? проговорилъ растерявшійся Пейракъ, смотря какъ снѣгъ падалъ, крутятся вихремъ. Нагорная равнина сдѣлалась Сибирскою степью, въ глубинѣ которой, сквозь вьюгу видѣлась только синеватая вершина Мезена. Ни дерева, ни крыши, ни утеса не видно было, куда можно бы укрыться. Пейракъ зналъ, что дѣлать было нечего.

— Будемъ махать! — сказалъ онъ, что на южномъ нарѣчьи, какъ уже извѣстно, означало очень просто: подождать. Однакожь ему пришло на мысль выиграть съ четверть часа, хотя бы она была послѣднею въ его жизни. Онъ взялъ изъ телѣжки доску и началъ отгребать сугробы снѣга, который, гонимый вѣтромъ, грозилъ занести и лошадь и экипажъ. Минуть десять работалъ онъ, какъ атлетъ, не переставая отрывать снѣгъ, и думая про себя, что, можетъ быть, это было совершенно бесполезно, но что онъ будетъ защищать себя и Каролину до послѣдняго вздоха.

По истеченіи этихъ десяти минутъ, онъ поблагодарилъ Бога; снѣгъ пересталъ идти, вѣтеръ утихалъ, туманъ горада мѣтле опасный, силлся снова возвратиться. Не оставя совершенно своей работы, онъ

началъ уже медленно трудиться надъ ней, наконецъ въ глубинѣ небосклона онъ увидѣлъ какъ бы багровую полосу; это было предзнаменованіемъ хорошей погоды.

До сихъ поръ онъ не выговорилъ ни одного слова, не произнесъ ни одного проклятiя. Еслибъ Каролинѣ пришлось погибнуть тутъ, то она узнала бы о томъ только въ послѣднюю минуту. Однако, взглянувъ на нее, онъ увидѣлъ, что она была страшно блѣдна, а глаза ея такъ блуждали, что онъ даже испугался.

— Что такое! Что съ вами? сказалъ онъ ей. Теперь ужъ все прошло! Теперь ужъ ничего!

— О, да, ничего! отвѣчала она ему съ горькимъ смѣхомъ, цокая на Урбана, опрокинутого на скамейкѣ телѣжки, съ посинѣвшимъ отъ холода лицомъ, съ широко раскрытыми глазами, стеклянными, какъ у трупа.

Пейракъ снова оглянулся вокругъ себя. Ни на какую человѣческую помощь нельзя было надѣяться. Онъ вскочилъ въ телѣжку, крѣпко сжалъ Вильмера въ своихъ объятiяхъ; съ силою растравлялъ его своими желѣзными руками, стараясь сообщить ему жаръ своей старческой крови, оживленной работою и силою воли; но все было напрасно. Къ дѣйствию холода присоединился еще нервическій припадокъ.

— Однако онъ не умеръ! говорилъ Пейракъ; я чувствую, я утверить въ томъ. О! еслибъ можно было разложить огонь на вѣдь нельзя же зажечь эти камни!

— А что еслибъ мы сожгли нашу телѣжку? проговорила Каролина на удачу.

— Прекрасная мысль... да! но послѣ?

— Послѣ, послѣ Богъ пошлетъ намъ помощь. Развѣ ты не видишь, что прежде всего необходимо теперь же предохранить себя отъ смерти?

Взглянувъ на Каролину, Пейракъ увидѣлъ, что она была блѣдна, и съ какимъ-то фіолетовымъ оттенкомъ подъ глазами. Онъ думалъ, что и она тоже умираетъ, и потому не колебался болѣе. Разложивъ свою лошадь, которая, подобно казачьимъ лошадямъ, тотчасъ же повалилась въ снѣгъ, чтобы отдохнуть, онъ снялъ крышку своей телѣжки и положилъ подъ нее г-на Вильмера, все еще неподвижнаго и замерзшаго; потомъ, вытащивъ изъ ящичковъ нѣсколько клочковъ сѣна, старой бумаги и тряпокъ, служившихъ для укладки, онъ все это подложилъ подъ телѣжку и зажогъ своимъ огнивомъ; разломавъ кузнечнымъ инструментомъ доски и дощечки своей бѣдной повозки, онъ успѣлъ разложить огонь, и по мѣрѣ того, какъ онъ старался, онъ разламывалъ и подкладывалъ новые. Снѣгъ пересталъ, и маркизъ, окруженный почти со всѣхъ сторонъ обгорѣвшими угольями, начиналъ какъ-то безсмысленно смотрѣть на эту странную сцену, которую онъ принималъ за сонъ.

— Онъ спасенъ! спасенъ! слышите ли, Пейракъ? воскликнула Ка-

ролина, видя, что де Вильмеръ смился приподняться—Тысячу разъ благословляю тебя, ты спасъ его!

Маркизь услышалъ подѣ себя голосъ Каролины, но все еще, кажется, считалъ себя во снѣ. Онъ понялъ все происходившее съ нимъ только тогда, когда почувствовалъ на рукѣ своей губы Каролины. Видя, что она не убѣгаетъ его, онъ счелъ себя близкимъ къ смерти и потому, стараясь улыбнуться, проговорилъ ей: прости!

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчала она, покрывая поцѣлуями лобъ его; вы должны жить, я хочу, чтобы вы жили, потому что я люблю васъ! Легкій румянецъ покрылъ синеватое лицо его, но ни однимъ словомъ не могъ онъ выразить свою радость. Онъ все еще боялся, что видѣть все это во снѣ; теплота, сосредоточившаяся подъ крышкою повозки, которая служила ему вмѣсто кровли, видимо оживляла его. Онъ былъ уложенъ тамъ, какъ только возможно покойно на плъщахъ Каролины и Пейрака.

— Однако, вѣдь намъ нужно же будетъ выбраться отсюда, подумаешь Пейракъ, и взоръ его тревожно вопрошалъ прояснившійся горизонтъ. Холодъ былъ сильный, огонь погасалъ за немѣниемъ дровъ, а больной конечно не въ состояннн будетъ дойти до Эстабля, да и Каролина тоже. Единственнымъ средствомъ было посадить ихъ обоихъ на лошадей; но въ силахъ ли будетъ утомленное животное свезти ихъ? Но нечего дѣлать, надо попробовать, и первоначально необходимо ей дать овса. Но мѣшка съ овсомъ не отыскалось, онъ сгорѣлъ вмѣстѣ съ сундукомъ. Восклицаннн Каролины возвратило ему надежду. Она указала на легкнн паръ, подымавшнн надъ холмомъ, подъ которымъ они прнютнлись, и, подбѣжавъ туда, онъ увидѣлъ съ трудомъ подвнгавшуюся повозку, запряженную быками. Погонщикъ ихъ, чтобы согрѣться, курилъ.

— Видишь! сказала ему Каролина, когда повозка подбѣжала къ нимъ. Богъ помогъ намъ!

Г-нъ де Вильмеръ былъ такъ слабъ, что его нѣжно было отнести въ повозку, гдѣ, по счастью, нашлась солома; въ которую Пейракъ почти зарылъ его. Каролина помѣстнлась возлѣ него, Пейракъ сѣлъ верхомъ на свою лошадь, и наконецъ всѣ они, часть спуская, благополучно достигли Эстабля.

Здѣсь Пейракъ остановился у одного знакомаго ему крестьяннна, гдѣ окружнн больнаго заботами, услугами и разнаго рода разспросами, которыхъ тотъ и не слыхалъ. Пейракъ выславъ изъ избы весь лишнн народъ и началъ распорядиться самъ. Черезъ нѣсколько минутъ запылалъ огонь, и кипящее вино запѣнилось въ котлѣ. Маркизь лежалъ на мягкомъ сѣнѣ и глядѣлъ на Каролину, которая на колѣняхъ подлѣ него заботливо защищала отъ огня его платье и смотрѣла на него съ любовью матери. Во безпокою ужасное питье, приготавливаемое Пейракомъ съ разными крѣпкими приностями; но маркизь вѣрилъ въ овытность монтаньяра. Онъ знакомъ показавъ, что готовъ повиноваться ему, и Каролина съ трепетомъ приблизнла стаканъ къ губамъ его. Вскорѣ онъ въ состояннн уже былъ гово-

рить, поблагодарилъ своихъ новыхъ хозяевъ и, сжимая руки Пейрака, сказала, что желала бы остаться наединѣ съ Каролиной.

Но исполнить желаніе маркиза было не совсѣмъ легко, потому что для этого нужно было вывести на нѣкоторое время всю семью, а другой избы не было; все прочее строеніе занимало стадо, единственное богатство туземныхъ жителей. Однакожь удалось какъ-то устроить это дѣло.

Изба, которая наконецъ была отдана въ распоряженіе Пейрака и его друзей и которая, вмѣстѣ съ хлѣвами, составляла всю внутренность дома, была очень мада и едвали роскошнѣе сельтческаго грота въ Эспали, въ которомъ жили старики. Дымъ проходилъ частію въ трубу, а частію въ отверстіе, сдѣланное въ стѣнѣ. Двѣ кровати, въ формѣ ящиковъ, на ночь вмѣщали въ себя цѣлую семью, состоящую изъ шести человекъ; полъ былъ выстланъ грубымъ камнемъ, а рядомъ съ этимъ жилищемъ коровы, козы, овцы и куры совершенно свободно помѣщались въ своихъ хлѣвахъ.

Пейракъ повсюду разостлалъ чистой соломы, запасся дровами, перешарилъ ящики и, отыскавъ въ одномъ изъ нихъ хлѣбъ, принуждалъ Каролину съѣсть и отдохнуть. Маркизъ взорами умолялъ ее позаботиться о себѣ, потому что она не рѣшалась оставить его ни на шагъ и все еще держала руки его въ своихъ рукахъ. Ему бы хотѣлось заговорить съ ней, чтобы и могъ теперь сдѣлать, но онъ не смѣлъ сказать ей ни одного слова. Онъ боялся, что она оставитъ его, лишь только увидитъ, что онъ увѣренъ въ ея любви. И потому Пейракъ страшно мѣшалъ ему. Онъ рѣшительно не понималъ этого грубаго существа, которое, бодრствуя надъ Каролиной, такъ жестоко и настойчиво поступило въ отношеніи его, и теперь съ такой преданностью и съ такой безпрѣдѣльной заботливостью обратилось къ нему. Наконецъ и Пейракъ ушелъ.

Онъ не могъ забыть своей бѣдной лошади, своего вѣрнаго товарища, упрекая себя за то, что такъ грубо обошелся съ нимъ и, приѣхавъ, долженъ былъ поручить его чужимъ людямъ.

— Каролина, проговорилъ маркизъ, садясь на скамейку и все еще опираясь на руку своей подруги, — мнѣ многое надо вамъ сказать, но теперь я не въ своемъ умѣ.... право, я не въ своемъ умѣ, я боюсь, что заговорю съ вами въ бреду. Простите мнѣ, я счастливъ, счастливъ, что вижу васъ, что чувствую васъ тутъ! Но я не хочу болѣе тревожить васъ! Воже! какимъ бременемъ былъ я въ жизни вашей? Но этого уже не будетъ болѣе, это былъ только случай... безуміе, неосторожность съ моей стороны; но могъ ли я покориться, чтобы еще разъ потерять васъ? Вы не знаете, вы не узнаете никогда... нѣтъ, вы ничего не знаете, вы не поняли, чѣмъ вы были для меня, и, можетъ быть, никогда не поймете этого! Завтра, можетъ быть, вы опять оставите меня! и зачѣмъ? О, Боже мой!... Берите, читайте, прибавалъ онъ, отыскивая и подавая ей смятый листокъ начатаго въ Лантріакѣ письма; можетъ быть теперь это уже непонятно, потому что дождь, снѣгъ...

— Нѣтъ, проговорила Каролина, наклоняясь къ огню, я разбираю... даже очень. Хорошо... и я понимаю теперь!.. Я знала, угадывала и согласна на все... Это было желаніемъ моего сердца, мечтою моею жизни. А развѣ моя жизнь и сердце не принадлежатъ вамъ?

— Увы! нѣтъ, нѣтъ еще; но еслибъ вы хотѣли вѣрить мнѣ...

— Не говорите и не утомляйте себя, желая убѣдить меня, проговорила Каролина съ оживленіемъ. Я вѣрю въ васъ, но не въ свою судьбу. Но отъ васъ я согласна принять ее, какая бы она ни была; дурна ли, хороша ли, она будетъ дорога для меня. Слушайте меня, слушайте, можетъ быть, мнѣ остается одна минута, чтобы сказать вамъ это. Я не знаю, какія еще испытанія ожидаютъ насъ, но я знаю, что матушка наша неумолима, я испытала холодъ ея презрѣнія, и намъ нечего ожидать отъ Бога, если мы растерзаемъ ея сердце. И потому необходимо покориться, и покориться навсегда! Вы сами сказали: основать свое счастье на погребели матери, значитъ помѣшавъ мечту о счастьи въ самой порочнѣйшей мысли, и счастье это будетъ тысячу разъ проклято, мы будемъ проклинать его въ насъ самихъ!

— Для чего вы все это напоминаете мнѣ? проговорилъ маркизъ съ горестію;—развѣ я не знаю этого? Но вы считаете невозможнымъ согласіе моей матери, а изъ нежеланія вашего чтобы я добывался его я вижу, что только одно сожалѣніе....

— Мы ничего не видите, воскликнула Каролина, зажимая ему ротъ рукою,—вы ничего не видите, если ужь не видите, что я люблю васъ!

— О, Воже мой! проговорилъ маркизъ, опускаясь къ ногамъ ея. Повторите это еще разъ! Я боюсь, не во снѣ ли это! Вы въ первый разъ говорите мнѣ это... Повторите, повторите еще разъ и дайте мнѣ потомъ умереть!

— Да, я люблю васъ болѣе жизни, отвѣчала она, прижимая къ своему сердцу благородное чело Урбана; я люблю васъ болѣе, нежели мою гордыню, болѣе, нежели честь свою! Я долго не сознавалась въ томъ сама себѣ, я скрывала это даже отъ Бога въ своихъ молитвахъ; и я лгала и Богу и себѣ! Я поняла наконецъ и по незнати своей; но слабости, бѣжала отъ васъ! Я чувствовала себя погибшею и погибла! Но что нужды въ томъ, если дѣло касается только меня одной! Я могла бороться, пока еще надѣялась заставить забыть себя; но вы меня слишкомъ любите, я это очень хорошо вижу, и если я васъ оставлю, то вы умрете. Нѣсколько минутъ тому назадъ, я ужь считала васъ мертвымъ; я чуть не убила васъ! Я могла заставить васъ жить, васъ, лучшаго и благороднѣйшаго человека, и влѣсто того принесла васъ въ жертву своему самолюбію. Но что же я такое, если допущу васъ умереть, когда кромѣ вашего уваженія для меня ничего не существуетъ въ жизни? Нѣтъ, нѣтъ, я довольно беречься, я была слишкомъ горда и жестока и вы слишкомъ много страдали по моему винѣ! Я люблю васъ, слышите ли? Я не хочу быть вашей женою, потому что это значило бы подвергнуть васъ жесто-

тайнисть угрызеніямъ и печали; но я буду вашимъ другомъ, вашей сестрой, вашей служой, матерью вашего ребенка, вашей вѣрною и тайною подругой. Меня будутъ считать вашей любовницею, можетъ быть, даже матерью Дядь! Ну чтожь! я согласна встрѣтить презрѣніе, котораго такъ боялась, и мнѣ кажется, что, принимая отъ насъ эту чашу страданій, я совершенно обновлюся жизнью!

— О, благородное сердце! душа трижды святая! воскликнулъ маркизъ, и я принимаю тоже твою божественную жертву! Не презирай меня за то, я достоинъ ея, и постараюсь какъ можно скорѣе прекратить твои страданія. Да, да, я сдѣлаю чудеса. Я знаю, что теперь я въ состояніи это сдѣлать! Матушка уступитъ мнѣ съ радостью: я чувствую въ сердцѣ моемъ пламенную вѣру и всю силу убѣжденія! Но положимъ, что мнѣ бы и не удалось это, положимъ, что свѣтъ заклѣмилъ бы тебя своимъ проклятіемъ, тебя, мою сестру, мою дочь, мою святую и обожаемую подругу, то все это вѣще болѣе бы возвысило тебя въ глазахъ моихъ, и я еще болѣе бы гордился моимъ выборомъ! И что такое свѣтъ, что значить его мнѣніе для человѣка, который знаетъ его! Кому не извѣстно, что наравнѣ съ бѣдной истиной, которая всплываетъ на верхъ, тысячи истинъ задушены и запечатлѣны клеймомъ позора! Кто не знаетъ, что лучшія и великодушнѣйшія существа принуждены были идти по слѣдамъ Христа по тернистому пути, полному оскорбленій и обидъ. И если это нужно, то мы и пойдемъ по немъ и любовь сдѣлаетъ насъ нечувствительными къ этимъ низкимъ оскорбленіямъ! О! за это я тебѣ ручаюсь и даже могу тебѣ поклясться въ томъ, что вопреки всѣмъ угрозамъ судьбы ты будешь любима, слѣдовательно будешь и счастлива! Ты хорошо меня знаешь, жестокая! Тебѣ очень хорошо извѣстно, что вся моя жизнь, душа, все существо мое исполнено бѣдной любви! Что если иногда я и горячо доискивался истины, то это изъ любви къ ней, а не изъ пустаго тщеславія! Я не ученый, я не авторъ! Я неизвѣстный человѣкъ, который добровольно проходитъ около шуму и дыму, борясь въ сторонѣ и во мракѣ, но не по недостатку храбрости, а изъ предосторожности, чтобы въ этой стычкѣ не оскорбить какъ нибудь матери и брата. Я принялъ эту темную роль, не испытывая ни малѣйшихъ страданій самолюбія. Я чувствовалъ, что грудь моя не нуждалась въ фиміамѣ, она требовала только одной любви. Все честолюбіе подобныхъ мнѣ людей, ихъ безвѣрное тщеславіе, жажда власти, потребность роскоши, постоянное желаніе выказать себя, все это не имѣло для меня никакого значенія. Меня не могли занять подобныя игрушки! Я былъ совершенно простой человѣкъ, влюбленный въ идеалъ, настоящій еще ребенокъ, отыскивающийъ любовь, который чувствуетъ, что она поселилась въ немъ задолго до встрѣчи съ тою, которая должна была развить въ немъ эту силу. Я я молчалъ, очень хорошо зная, что сдѣлаюсь предметомъ насмѣшекъ, къ которымъ бы я остался совершенно равнодушнымъ, еслибы онѣ не оскорбляли моихъ задушевныхъ и священныхъ вѣрованій!... Разъ, только разъ въ жизни—я долженъ это разсказать вамъ, Каролина,—я любилъ...

— Нѣтъ, не рассказывайте мнѣ! воскликнула Каролина; я не хочу ничего знать.

— Напротивъ, вы должны все знать. Она была добра и кротка, и я съ уваженіемъ храню и благословляю память объ ней; но она не могла любить меня. И въ этомъ виновата была не она, а судьба. Я много и долго упрекала себя за то, что позволилъ себѣ предаться страсти непопулярной и нераздѣляемой вполне. Я помирился съ жизнью только тогда, когда увидѣлъ васъ. И теперь я чувствую, что навсегда спасенъ. Я чувствую, что существо мое снова нашло свое равновѣсіе, молодость свои надежды, а сердце свойственную ему нищу. О, вѣрьте мнѣ вы, которую небо послало мнѣ! Вы очень хорошо знаете, что оно создало насъ другъ для друга. Вы это тысячу разъ чувствовали вопреки самой себѣ; вы чувствовали, что у насъ были одиѣ и тѣ же мысли, что мы любили одни и тѣ же искусства, одни и тѣ же имена, одиѣ и тѣ же вещи. Вспомните, Каролина, вспомните Соваль, вспомните тѣ часы, которые проводили мы съ вами въ долину во время солнечнаго жара и тѣ часы восхитительной прохлады, подъ сводами библіотеки, гдѣ вы такими чудными букетами цвѣтовъ праздновали таинственный и глубокой союзъ нашихъ сердець! Чистое пожатіе рукъ, съ которымъ мы обыкновенно встрѣчались другъ друга каждое утро, развѣ не было это знаменованіемъ какъ бы существующаго уже между нами брака? Развѣ мы отдавались каждодневно другъ другу и навсегда нашими взглядами... И все это должно было пропасть и исчезнуть на вѣки? Возможно ли, чтобы вамъ хотя на одну минуту могла придти мысль, что жизнь эта можетъ кончиться, что человекъ этотъ, оставленный безъ свѣта и воздуха, въ состояніи существовать безъ васъ, что онъ согласится снова впасть въ ничтожество? Нѣтъ, нѣтъ, вы не могли этого думать! Человекъ этотъ послѣдовалъ бы за вами на край свѣта, онъ прошолъ бы и ледъ, и огонь, и воду, чтобы только соединиться съ вами!... И когда сегодня утромъ вы оставляли меня мертвымъ въ снѣгу, развѣ вы не чувствовали, что душа моя, отдѣлившись отъ тѣла, слѣдуетъ за вами сквозь вѣтеръ и бурю?

— Слушай, слушай! воскликнула Каролина, обращаясь къ вошедшему Шейраку и съ удивленіемъ смотрѣвшему на восторженнаго и какъ бы преобразившагося маркиза; — послушай, что онъ говоритъ мнѣ, и не удивляйся болѣе, если я люблю его больше самой себя! Не пугайся, не огорчайся и не оставляй насъ. Присутствіе такого святаго старика, какъ ты, не можетъ мѣшать намъ. Смотри, какъ мы счастливы; но можетъ быть, ты не поймешь насъ, ты, который кромѣ нѣкоторыхъ обязанностей, которыя я признавала еще вчера, не признаю сегодня, — не хочешь ничего понимать; но какъ бы то ни было, а ты все-таки будешь любить меня, ты благословишь меня, потому что сознаешь власть и права этого человека, который выше всѣхъ другихъ людей и которому Богъ не могъ дать другихъ словъ, кромѣ словъ истины. Да, я люблю его... Да, я люблю тебя, тебя, котораго чуть не лишила сегодня, и теперь не оставлю тебя никогда, послѣдую за тобою повсюду; твой ребенокъ будетъ моимъ ребен-

комъ, твоё отечество моимъ отечествомъ, твоя вѣра моей вѣрой! Нѣтъ другой чести въ мѣрѣ, нѣтъ другой добродѣтели передъ Богомъ, какъ любить, служить и утѣшать тебя.

Г. де Вильмеръ стоялъ, весь сіяя чистой радостью, которая ослѣпляла, но не пугала Каролину.

XXVI.

Часамъ къ четыремъ время разгулялось и Пейрактъ началъ приготовляться къ отъѣзду. Онъ нанялъ телѣгу, запряженную быками, хорошо снабженную соломой и покрывалами, съ ловкимъ вожатымъ, который взялся засвѣтло доѣхать до Лосона. Въ это самое время молодая и прекрасная герцогиня д'Алерія, одѣтая въ муаръ, и съ камнями на рукахъ, входила въ комнату своей belle-mère въ замкѣ Мовероншъ въ Лимузенѣ, оставивъ своего мужа въ одномъ изъ великолѣпныхъ салоновъ вмѣстѣ съ г-жею д'Арглядъ, съ которой онъ, казалось, дружелюбно разговаривалъ. Діана вошла съ радостнымъ и торжествующимъ видомъ, который поразилъ маркизу.

— Ну что, моя красавица? воскликнула она. Что такое случилось, ужъ не вернулся ли мой сынъ?

— Онъ скоро вернется! отвѣчала герцогиня, вѣдь вамъ обѣщано это, а вы очень хорошо знаете, что мы не имѣемъ никакихъ причинъ беспокоиться объ немъ. Братъ его знаетъ, гдѣ онъ находится, и ручается, что мы увидимъ его снова въ концѣ этой недѣли. И потому вы видите, какъ я весела, какъ я счастлива... Эта маленькая m-me д'Арглядъ восхитительна! И ей обязана я моимъ счастьемъ, chère maman!

— О!.. ты шугишь! Ты ее терпѣть не можешь. И зачѣмъ вы ее сюда привезли? Я васъ не просила объ этомъ. Никто, кромѣ тебя, не въ состояніи разсѣять моего горя!

— И я берусь за это болѣе, чѣмъ когда либо, возразила Діана съ прелестною улыбкою,—и орудіе противъ вашего несноснаго горя доставила мнѣ именно эта г-жа д'Арглядъ, которую я обожаю. Слушайте, безцѣнная мамаша, наконецъ мы узнали эту ужасную тайну! Но это не легко намъ досталось. Вотъ ужъ три дня, какъ я и герцогъ маневрируемъ вокругъ нея, стараемся плѣнить ее нашими довѣріемъ, откровенностью и всевозможными милыми нѣжностями. Наконецъ эта милая особа, которая не вдается въ обманъ и которую наши насмѣшки довели наконецъ до того, что она дала мнѣ понять что сообщникъ Каролины въ ея ужасномъ преступленіи былъ... О! вы знаете кто, она вамъ сказала! Я притворилась, будто бы не поняла; хотя сердцу моему это было и не совсѣмъ легкимъ ударомъ... Сказать правду, то даже слишкомъ сильнымъ ударомъ! Но я сейчасъ же побѣжала къ моему милому герцогу и такъ-таки прямо и спросила его: «Правда ли, говорю я, ужасный человѣкъ, что вы были

любовникомъ m-He de Сенъ - Женексъ?» Герцогъ вспрыгнулъ, какъ кошка... нѣтъ! Какъ леопардъ, которому наступилъ на ногу.—А! я былъ увѣренъ въ этомъ, проговорилъ онъ съ какимъ-то рычаніемъ; это предположеніе нашей милой Леоніи!— И такъ какъ онъ хотѣлъ убить ее; то я должна была успокоить его и сказать, что ничему не вѣрю, хотя это было и не совсѣмъ справедливо; я немного вѣрила. И такъ какъ вашъ сынъ не совсѣмъ глупъ, то и замѣтимъ это очень хорошо; онъ сталъ передо мной на колѣни и началъ клясться, о! клялся всемъ, чему я только вѣрю и что люблю, во первыхъ, Богомъ, во вторыхъ, самимъ собою, потомъ вами; онъ клялся, что это была гнусная клевета, и я въ этомъ такъ же увѣрена теперь, какъ и въ томъ, что рождена на свѣтъ только для того, чтобы любить герцога!

Въ противоположность афективному тону г-жи д'Арглядъ герцогиня говорила съ дѣтскою наивною, къ которой примѣшивалась какая-то откровенность и рѣшительность; все это дѣлало ее очаровательною. Маркиза не успѣла еще даже удивиться тому, что слышала, какъ вополъ герцогъ съ такимъ же торжествующимъ видомъ, какъ и жена.

— Уф! воскликнулъ онъ. Слава Богу! Вы теперь больше никогда не увидите эту охладу! Она велѣла подавать свою карету и сейчасъ отправится отсюда, разбѣшенная, но уже усмирённая и лишённая всего своего ада,—въ этомъ я могу вамъ поручиться. Матушка, бѣдная моя матушка! какъ вы были обмануты, и я понимаю, какъ вы должны были страдать! И вы ничего не хотѣли сказать, даже мнѣ, который бы однимъ словомъ... Но, наконецъ, я выпыталъ все у этой отвратительной женщины, которая бы принесла отчаяніе въ мой домъ, еслибъ Діана не была такимъ небеснымъ ангеломъ, противъ котораго безсиленъ весь адъ. Ну что же, маман, вы не сердитесь на меня! Это бы сдѣлало вамъ облегченіе. И такъ г-жа д'Арглядъ видѣла сама? видѣла своими собственными глазами, какъ m-He де Сенъ Женексъ, подъ руку со мною, проходила на разсвѣтъ по севальскому дугу? она видѣла, какъ ласково говорилъ я съ ней и жалъ ей руки? Но она не все видѣла, потому что, кромѣ того, я еще поцѣловалъ эти ручки, а то, что она не слыхала, то я сейчасъ самъ повторю вамъ, потому что помню все, какъ будто бы это случилось только вчера.

Я сказалъ ей: братъ мой чуть не умеръ сегодня ночью, и вы спасли его! Сжальтесь надъ нимъ, не оставьте его и помогите мнѣ скрыть отъ матушки его положеніе, и, благодаря вамъ, онъ не умретъ и останется живъ. Вотъ что я ей сказалъ, клянусь вамъ въ томъ передъ Богомъ, а вотъ что случилось тогда....

Тутъ герцогъ рассказалъ все; онъ откровенно признался въ своихъ дурныхъ намѣреніяхъ, глупомъ кокетствѣ въ отношеніи къ Каролинѣ, которая даже и не замѣтила этого. Онъ рассказалъ припадокъ

ревности къ нему маркиза, ихъ минутную ссору и послѣ того горячую мировую, признаніе одного и наставленіе другаго, открытіе, сдѣланное ихъ въ эту минуту о тревожномъ состояніи его брата, неосгорожность, которую онъ сдѣлалъ, оставивъ его, думая, что онъ успокоился, видя его уснувшимъ; разбитое окно, крики, услышанные Каролиною и заставившіе ее поспѣшить на помощь, онъ рассказалъ, какъ она привела больного въ чувство, оставалась при немъ, и какъ съ этой минуты посвятила себя на то, чтобы ухаживать за нимъ, развлекать его и помогать ему въ его занятіяхъ.

— И все это, прибавилъ герцогъ,— съ такою преданностью, чисто-сердечіемъ и личнымъ безкорыстіемъ, которымъ, признаюсь, до сихъ поръ я не видалъ примѣра. Каролина—это женщина, обладающая рѣдкими достоинствами, и сколько я не ищу особы, которой лѣта, характеръ, вкусы и скромность подходили бы болѣе къ характеру моего брата, я не могу найти. Вы знаете, желалъ ли я для него болѣе блестящей партіи? Но теперь, когда онъ избавленъ отъ нужды, благодаря вотъ этому ангелу, который возвратилъ всѣмъ намъ свободу и наше достоинство, теперь, когда я увидѣлъ настойчивую и восторженную привязанность моего брата къ особѣ, которая прежде всего необходимый другъ его, съ тѣхъ поръ, наконецъ, какъ Діана понимаетъ все это лучше самаго меня и убѣждаетъ вѣрить, что бракъ по любви есть лучший бракъ, съ этихъ поръ, любезная матушка, я могу сказать вамъ только одно: необходимо отыскать Каролину и съ радостью благословить ее, какъ лучшаго друга, который только у васъ былъ до моей жены, и лучшую дочь, какую бы вы только могли пожелать послѣ нея.

— О, дѣти мои! воскликнула маркиза, вы возвращаете мнѣ счастье! Я не жила съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ узнала эту клевету. Горе Урбана, отсутствіе этого милаго ребенка, который былъ дорогъ мнѣ... боязнь разсорить двухъ братьевъ, столь согласныхъ между собою, признавшись въ томъ, что я считала справедливымъ, и что съ радостью узнаю, было ложно. О! надо какъ можно скорѣе отправиться за маркизомъ, потомъ за Каролиной... Но куда же, Боже мой?... ты знаешь, гдѣ находится твой братъ; но онъ знаетъ ли гдѣ она?

— Нѣтъ, онъ уѣхалъ, не узнавъ ничего, отвѣчала герцогиня, но г-жа Гейдебертъ знаетъ.

— Напишите ей, *chère maman*, поскорѣе, вы скажите ей всю правду, и она тогда откроетъ вамъ все.

— Да, да, я сейчасъ напишу, проговорила маркиза; но какъ бы поскорѣе дать знать объ этомъ моему бѣдному Урбану?

— За это я берусь, отвѣчалъ герцогъ. Я поѣду самъ, если только герцогиня можетъ ѣхать со мною, потому что оставить ее на три дня, право, это еще слишкомъ рано!

— Фи! воскликнула герцогиня,—вы рассчитываете, что по проше- ствіи медоваго мѣсаца вы такъ и будете бѣгать одни безъ меня? О!

какъ вы ошибаетесь, милый человѣкъ, и какъ я хорошо съумѣю распорядиться вашей невѣрностью!

— Посмотримъ, какъ вы это сдѣлаете, проговорилъ герцогъ, съ упоеніемъ смотря на нее.

— Все болѣе и болѣе обожая васъ; увидимъ, надоѣсть ли это вамъ!

Между тѣмъ, какъ герцогъ цѣловалъ золотистые волосы жены своей, маркиза съ удивительно юношескимъ жаромъ писала Камиллѣ.

— Возьмите, дѣти, такъ ли я написала? сказала она, подавая ей письмо.

Герцогиня прочла: «Милая м-ше Гейдебертъ, привозите къ намъ Каролину и вмѣстѣ съ нею спѣшите въ мои объятія. Ее страшно оклеветали, я все знаю. Я плачу, что могла повѣрить паденію ангела. Прошу ее простить меня! Жду ее съ нетерпѣніемъ, чтобы назвать ее своей дочерью и никогда не разставаться съ нею болѣе! Мы двое ожидаемъ ее, потому что не можемъ жить безъ нея!»

— Прекрасно! безнодобно! проговорила герцогиня, запечатывая письмо, и пока маркиза писала адресъ, герцогъ позвонилъ лакею. Когда письмо было отправлено, маркиза сказала, обращаясь къ нимъ:

— Почему бы вамъ обоимъ не ѣхать за маркизомъ? Развѣ онъ такъ далеко отсюда?

— Часовъ двѣнадцать почтовой ѣзды не болѣе, отвѣчалъ герцогъ.

— И мнѣ нельзя узнать, гдѣ онъ находится?

— Я не долженъ вамъ этого говорить; но теперь я увѣренъ, что у него не будетъ болѣе тайнъ отъ васъ. Счастіе дѣлаетъ открытыми.

— Послушай, сынъ мой, возразила маркиза, ты меня очень пугаешь. Можетъ быть, братъ твой здѣсь и болѣнъ и вы отъ меня это скрываете также, какъ и въ Севалѣ. Вѣроятно болѣзнь его теперь еще серьезнѣе; если меня хотятъ увѣрить въ его отсутствіи, значить онъ не встаетъ и съ постели!

— Нѣтъ, нѣтъ, вскричала Діана, смѣясь, — его нѣтъ здѣсь и онъ совсѣмъ не болѣнъ. Онъ поѣхалъ путешествовать, и очень можетъ быть, что ему теперь и грустно и скучно, но скоро онъ будетъ счастливъ; уѣзжая, онъ тоже не терялъ надежды склонить васъ. Герцогъ поклялся, что жена его говорила правду.

— Какъ бы то ни было, милье мои, возразила встревоженная маркиза, — но я бы очень желала, чтобы вы были подлѣ него. Что вы хотите? Но всякій разъ, когда онъ бывалъ болѣнъ, я если не угадывала, то чувствовала это по какому-то особенному волненію. Я испытала это и въ Севалѣ, именно въ то время, когда онъ скрылъ отъ меня свою болѣзнь. Я вижу теперь, что вамъ разсказъ совпадаетъ съ ужасною ночью, которую я провела тогда! Точно также и сегодня утромъ; я была здѣсь одна и, совершенно уже проснувшись, лежала задумавшись, вдругъ вижу маркиза блѣднаго, закутаннаго во что-то бѣлое, въ саванъ можетъ быть, и надъ ухомъ моимъ услышала его голосъ, именно его голосъ, который проговорилъ: «*матушка!*»

— Боже мой! Какими химерами вы себя мучите! проговорилъ герцогъ.

— Я не добровольно мучу себя и допускаю инстинктивно успокаивать себя. Я хочу уже все высказать вамъ: въ настоящій часъ я знаю, что сынъ мой здоровъ; но ему угрожала сегодня какая-то опасность, онъ страдалъ... или какой нибудь случай... Запомните день и часъ!

— Ну, такъ поѣзжай же, проговорила герцогиня своему мужу. Я ни слова не вѣрю всему этому, но необходимо успокоить вашу матушку.

— И вы тоже поѣдете съ нимъ, проговорила маркиза. Я не хочу, чтобы мои мрачныя мысли, которыя, можетъ быть, просто происходятъ отъ болѣзненнаго состоянія, были причиною вашего перваго брачнаго горя.

— Но какъ же можно оставить васъ одну съ подобными мыслями.

— Онъ прекратя:ся, лишь только я увижу, что вы отправитесь за нимъ.

Маркиза настояла на своемъ; герцогиня распорядилась уложить небольшой чемоданъ, и черезъ два часа послѣ того она, вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, ѣхала по дорогѣ въ Пюи. Герцогиня известна была тайна Урбана; она не знала имени матери, но знала о существованіи ребенка. Маркизъ далъ разрѣшеніе герцогу не имѣть тайнъ отъ жены.

Въ шесть часовъ утра они пріѣхали въ Полиньякъ. Первое лицо, поразившее взоры Діаны, было лицо Дядь. Она такъ же, какъ и Каролина, почувствовала внезапную нѣжность къ этому прелестному существу, которое покоряло себѣ всѣ сердца. Между тѣмъ какъ она общилась и любовалась имъ, герцогъ освѣдомлялся о мнимомъ г-нѣ Бернѣ.

— Другъ мой, сказалъ онъ, возвращаясь къ женѣ, матушка была права; съ братомъ вѣроятно что нибудь да случилось. Онъ еще вчера поутру вышелъ, чтобы прогуляться въ горахъ, и до сихъ поръ не возвращался. Здѣшніе люди беспокоятся объ немъ.

— Но знаютъ ли они, куда онъ пошелъ?

— Да, онъ пошелъ за Пюи. Мы сейчасъ поѣдемъ туда на почтовыхъ, и тамъ я тебя оставляю. А самъ возьму лошадь и проводника, потому что для экипажа рѣшительно нѣтъ дорогъ.

— Мы возьмемъ двухъ лошадей, проговорила герцогиня. Я несколько не устала; поѣдемъ!

Часъ спустя, безстрашная Діана легче птички галопомъ взбиралась на горы, смѣясь надъ мужемъ, который безпокоился за нее. Въ девять часовъ утра они были уже въ Лантриакъ, къ величайшему удивленію жителей, и остановились у Пейрака-Ланьона, къ величайшей зависти деревенской трактирщицы. Вся семья была за столомъ. Наканунъ они возвратились немного поздно, но совершенно

благополучно. Маркизь, усталый, но не больной, остановился у сына Пейрака, жившаго въ сосѣднемъ домѣ. Каролина великолюбно уснула въ своей маленькой комнаткѣ. Теперь она помогала Юстинѣ прислуживать *домашнимъ мужчинамъ*, т. е. маркизу и двумъ Пейракамъ. Похорошѣвшая отъ счастья, она ходила взадъ и впередъ, то прислуживая, то садясь противъ г-на де Вильмера, который принималъ ея услуги и, смотря на нее съ упоеніемъ, какъ бы говорилъ ей:—теперь я это позволяю тебѣ, но за то послѣ ужъ я съужбу расплатиться съ тобою за всѣ твои заботы!

Какіе крики радости и удивленія наполнили домъ Пейрака при появленіи путешественниковъ! Оба брата долго держали другъ друга въ объятіяхъ. Діана обняла Каролину, назвавъ ее сестрою. Цѣлый часъ прошло въ разсказахъ, которые безпрестанно прерывались, такъ что никто ничего не понималъ и не знали, наяву или во снѣ все это происходило. Герцогъ умиралъ съ голода и находилъ неподобными всѣ кушанья Юстины, которая снова приготовила изобильный ужинъ и которой пособляла готовить Каролина, смѣясь и плача въ одно и тоже время. Діана была отъ всего этого безъ ума и, къ ужасу своего мужа, хотѣла было и сама принять участіе въ стряпнѣ. Наконецъ снова начались разсказы и объясненія съ той и другой стороны. Маркизь началъ съ того, что тотчасъ отправилъ нарочнаго въ Пюи, съ письмомъ къ матери, безпокойство и странное предчувствіе которой тотчасъ же были ему переданы.

При разставаніи съ Пейраками никто не плакалъ, потому что съ нихъ уже было взято обѣщаніе пріѣхать на свадьбу. На слѣдующій день всѣ уже возвратились въ Моверошъ вмѣстѣ съ Дядье, котораго маркизь посадилъ на колѣни матери. Она уже была предувѣдомлена объ этомъ письмомъ сына. Обласкавъ и расцѣловавъ ребенка, она передала его Каролинѣ. «Итакъ, дочь моя, сказала она ей, вы берете на себя трудъ спасти всѣхъ насъ счастливыми? Тысячу разъ благословляю васъ, и если вы хотите, чтобы я пожила еще, то не оставляйте меня болѣе. Я вамъ причинила горе, мой бѣдный ангель; но Богъ не допуститъ, чтобы это продолжалось долго, потому что я бы первая сошла въ могилу.

Маркизь съ женою провели остальное время лѣта въ Моверошѣ и нѣсколько осеннихъ дней въ Севалѣ. Мѣсто это было для нихъ драгоценно, и, не смотря на радость снова соединиться въ Парижѣ съ своими родными, они не безъ усилій оставили это убѣжище, освященное ихъ воспоминаніями.

Никто не удивился женитбѣ маркиза; одни одобрили ее, другіе съ презрѣніемъ предсказали, что онъ раскается въ этой эксцентричности, что онъ будетъ оставленъ всѣми благоразумными людьми и что это была уничтожительная, неудавшаяся жизнь. Всѣ эти предположенія заставляли немного страдать старую маркизу. Г-жа д'Арглядъ преслѣдовала своею ненавистью Діану, Каролину и обоихъ мужей ихъ,

но съ февральской революціей все это окончилось, и всѣ занялись совершенно иными вещами. Маркиза страшно порепугалась и сочла за лучшее удалиться въ Севаль, гдѣ и прожила довольно счастливо. Маркизь, готовый издать свою анонимную книгу, отложилъ это до болѣе спокойныхъ временъ. Ему не хотѣлось уже поражать побѣжденныхъ. Счастливый семейною любовью, онъ не стремился къ славѣ.

Теперь старой маркизы уже нѣтъ на свѣтѣ. Слабая тѣломъ и слипкомъ дѣятельная умомъ, она окончила свои дни и угасла посреди своихъ дѣтей и внучатъ, благословляя ихъ всѣхъ, но не думая, что оставляетъ ихъ; она чувствовала только слабость и до самаго конца сохранила свою лоброту и живость ума, и какъ большая часть умирающихъ, чертила планы *на будущій годъ!* Въ благосостояніи своемъ герцогъ очень растолстѣлъ; но онъ все также любезенъ, хорошъ собой и довольно еще расторопенъ. Онъ живетъ очень роскошно; но не расточительно, полагаясь во всемъ на свою жену, которая управляетъ имъ съ величайшимъ благоразуміемъ.

Мы не можемъ поручиться за то, что ему никогда не приходило на мысль обмануть ее; но она всегда очень ловко умѣла разстроить его фантази, не давая ему и замѣтить того, и такой успѣхъ ея, который продолжается еще и теперь, служитъ новымъ доказательствомъ того, что въ умѣ шестнадцатилѣтней дѣвочки бываетъ иногда достаточное количество искусства и силы, чтобы исправить жизнь отъявленнаго повѣсы. Герцогъ, удивительно добрый и достаточно слабый, находитъ болѣе, нежели думаютъ, очарованія въ томъ, чтобы безъ новыхъ угрызений засыпать на изголовьи своего благополучія, не замышляя болѣе своихъ ученыхъ вѣроломствъ противъ прекраснаго пола.

Маркизь и молодая маркиза де Вильмеръ проводятъ восемь мѣсяцевъ въ Севаль, всегда занятые, нельзя сказать, другъ другомъ, потому что они до такой степени слились въ одно существо, что даже вмѣстѣ думаютъ и отвѣчаютъ на мысль, не дожидаясь вопроса, но они занимаются воспитаніемъ своихъ дѣтей, которыя очень милы и очень умны. М-ег де Ж... умеръ... М-те де Ж... была забыта. Дядь былъ признанъ маркизомъ за одного изъ своихъ дѣтей, и Каролина совершенно забыла, что она не мать ему. Г-жа Гейлебертъ поселилась въ Севаль. Всѣ дѣти ея воспитаны попеченіями маркиза и Каролины. Сыновья герцога, болѣе избалованные и менѣе заботливые, пользуются и худшимъ здоровьемъ; но они очень милы и очень рано развиты. Герцогъ чудесный отецъ и удивляется только, что у него уже такія большія дѣти.

Пейраки были осыпаны благодареніями. Въ послѣдній годъ ихъ снова посѣтили, и на этотъ разъ при чудномъ солнечномъ восходѣ была совершена прогулка на серебристую верхушку Мезена. Они пожелали тоже посѣтить и бѣдную хижинку, гдѣ, не смотря на милости маркиза, не было сдѣлано никакихъ перемѣнъ къ лучшему; но отецъ купилъ земли, и теперь считаетъ себя богачемъ. Каролина съ

удовольствіемъ пріѣла къ бѣдному очагу, гдѣ въ первый разъ увидѣла у ногъ своихъ челоуѣка, съ которымъ бы добровольно согласилась раздѣлить хижину въ Сѣвернахъ и забвеніе цѣлаго свѣта.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

выходитъ каждый мѣсяцъ книжками до 20 листовъ, съ приложеніями къ каждой книжкѣ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

Безъ доставки
15 руб. серебромъ.

Съ пересылкою или доставкою
16 руб. 50 коп. сер.

ПОДПИСА ПРИНИМАЕТСЯ ОТЪ ЖИТЕЛЕЙ СТОЛИЦЪ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ:

Въ конторѣ журнала «Библиотека для Чтенія» при книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Гостиного Двора, въ домѣ Армянской церкви.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ журнала «Библиотека для Чтенія» при книжномъ магазинѣ С. П. Лоскутова, на Никольской улицѣ, въ домѣ Заиконоспасскаго монастыря.

Гг. многогородныя подписчики присылаютъ свои требованія и деньги, адресуя такъ: **въ С. Петербургъ, въ контору журнала «БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ.»**

Редакція отвѣчаетъ за вѣрную доставку журнала, если подписка сдѣлана въ вышесказанныхъ мѣстахъ.

Печатать позволяется. С. Петербургъ. 21 апрѣля 1861 года.

Цензоры: {
    Θ. Веселаго.
    Digitized by Google
    Θ. Разманиновъ. Р. С.

